

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**КАФЕДРА ОБЩЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

**ГОСУДАРСТВО И РЫНОК:
ЕВРАЗИЙСКАЯ ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА**

Коллективная монография

Под редакцией

*доктора экономических наук, профессора С.А. Дятлова
доктора экономических наук, профессора Д.Ю. Миропольского
доктора экономических наук, профессора Т.А. Селищевой*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

2023

УДК 339.94

ББК 65.5

Г72

Г72

Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира : коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук, Д.Ю. Миропольского, д-ра экон. наук, проф. Т.А. Селищевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 632 с.

ISBN 978-5-7310-6264-0

В коллективной монографии исследованы актуальные проблемы соотношения государства, рынка и глобальных сетей, оптимального сочетания методов государственного, рыночного и цифрового регулирования экономик евразийских стран в условиях формирования многополярного мира. Монография выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета по итогам выполнения инициативных НИР: «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (Регистрационный номер ИНИР в системе ЦИТИС 121042600253-4), «Влияние цифровых технологий на трансформацию отраслей экономики России: основные направления, противоречия, эффективность» (рег. № 123030700001-5). Монография опубликована на основе докладов российских и зарубежных участников VIII Международной научной конференции «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира», которая прошла 19–20 октября 2023 г. на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Ключевые слова: евразийская политическая экономия, цифровая экономика, многополярный мир, евразийская интеграция, санкции, государственное регулирование.

The state and the market: the Eurasian dominant of development in the context of the formation of a multipolar world: collective monograph / Ed. by prof. S.A. Dyatlov, prof. D.Yu. Miropolsky, prof. T.A. Selishcheva. - St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2023. – 632 p.

The monograph examines the current problems of the relationship between the state, the market and global networks, the optimal combination of methods of state, market and digital regulation of the economies of Eurasian countries in the context of the formation of a multipolar world. The monograph was published on the basis of reports by Russian and foreign participants of the VIII International Scientific Conference "The State and the Market: the Eurasian dominant of development in the context of the formation of a multipolar world", which was held on October 19-20, 2023, on the basis of St. Petersburg State University of Economics.

Keywords: Eurasian political economy, digital economy, multipolar world, Eurasian integration, sanctions, government regulation.

УДК 339.94

ЛБС 65.5

Редакционная коллегия: д-р экон. наук, проф. **Д.Ю. Миропольский**; д-р экон. наук, проф. **С.А. Дятлов**; д-р экон. наук, проф. **Т.А. Селищева**; д-р экон. наук, проф. **В.А. Плотников**; д-р экон. наук, проф. **А.В. Харламов**; канд. экон. наук, доц. **Н.В. Сопина**; канд. экон. наук, доц. **Р.А. Гаврилова**; канд. экон. наук, доц. **Е.Г. Колесник**; канд. экон. наук, доц. **С.С. Винокуров**; ст. преподаватель **Д.Ю. Скрипниченко**

Рецензенты: профессор кафедры международных экономических отношений Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, д-р ист. наук **А.Ф. Завгородний** зав. кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного экономического университета д-р экон. наук, профессор **С.И. Рекорд**

ISBN 978-5-7310-6264-0

© СПбГЭУ, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	9
1.1. Математическая модель анализа влияния экономического взаимодействия стран ЕАЭС на экономический рост ЕАЭС	9
1.2. Искусственный интеллект в системе институтов евразийской экономики.....	28
1.3. Евразийская политическая экономия в контексте диалектики вторичной общественной формации	37
1.4. Культурные коды экономик стран – участниц ЕАЭС: единство и противоречия	47
1.5. Экономическая мысль русской социал-демократии. Критика теории и практики большевистского хозяйствования	58
1.6. Оценка потенциала технологических трансформаций социально-экономических систем	74
1.7. Факторный анализ роста уровня конкурентоспособности в инновационной экономике	83
1.8. Роль государства в повышении уровня конкурентоспособности экономической системы	92
1.9. Изменения в структуре системы санкционных и подсанкционных экономик.....	101
1.10. Проблемы развития евразийской экономики в условиях цивилизационных разломов	109
1.11. Роль отношений рынка и плана в процессе регулирования движения рабочей силы в ЕАЭС	116
ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И РЫНКА В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛЮСОВ РАЗВИТИЯ	131
2.1. Закономерное отражение глобальных процессов в ЕАЭС: формирование альтернативных полюсов развития	131
2.2. Соотношение государственных и рыночных регуляторов в процессе трансформации реального сектора РФ в условиях геоэкономической неопределенности.....	138
2.3. Подходы к оценке экономического суверенитета	144
2.4. Государство и рынок в преодолении фрагментарности реализации земельной собственности	153
2.5. Корпоративный сектор экономики: этапы развития	163
2.6. Государственные решения, направленные на стимулирование макрэкономического развития	171
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ	180

3.1. «Новые горизонты» участия стран Евразийского экономического союза в глобальных цепочках создания стоимости.....	181
3.2. «Зеленые» сукук как инструмент финансирования по ESG -принципам	189
3.3. Модель «новой занятости» в условиях цифровизации экономики Китая	197
3.4. Новые вызовы экономической безопасности в условиях современной политико-экономической турбулентности.....	205
3.5. Проблема перехода к новому евразийскому типу хозяйственной системы в современной экономике России.....	215
ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.....	223
4.1. Эффекты цифровизации на доступность закупок государства для бизнеса: опыт России и Китая.....	223
4.2. Валютно-финансовая нестабильность: оценка и прогнозирование.....	233
4.3. Анализ концепции «этичный хакинг» (на примере платформы HackerOne).....	242
4.4. Национальная безопасность и система высшего образования в России.....	247
ГЛАВА 5. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИК ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН И ВВЕДЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ.....	257
5.1. Трансформация национальной системы государственных закупок: опыт России и Японии и рекомендация для Китая.....	257
5.2. Ключевые факторы инвестиционной привлекательности компании.....	264
5.3. Цифровизация и ее влияние на микроэкономический анализ: проблемы и подходы.....	272
5.4. Цифровые и инжиниринговые возможности трансграничного инвестиционного партнерства промышленных предприятий северо-западного федерального округа с субъектами из КНР.....	281
5.5. Горизонт перспектив евразийской интеграции при введении цифровых валют с учетом опыта Китая.....	291
ГЛАВА 6. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИНСТИТУТЫ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	301
6.1. Экономическая безопасность в многополярном мире: роль парадигмы устойчивого развития.....	301
6.2. Роль особых экономических зон в обеспечении экономической интеграции стран евразийского экономического союза.....	309
6.3. ЕАЭС – устойчивая коалиция?.....	318
6.4. Правовое регулирование селекции в государствах-членах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ в контексте развития интегрированного взаимодействия в области обеспечения продовольственной безопасности.....	326
6.5. Внешнеторговое сотрудничество Бурятии и Монголии: агропродовольственный аспект.....	336
6.6. Финансовый центр ЕАЭС как драйвер развития экономики Евразийского пространства.....	343

6.7. Пространственная трансформация внешнеторговых связей Евразийского региона в XXI веке.....	350
6.8. Актуальные направления развития евразийской экономической интеграции в условиях геополитической турбулентности.....	359
6.9. Особенности и направления экспансии Евразийской интеграционной системы.....	368
6.10. Проблемы учета в учреждениях ВАКФ.....	376
6.11. Новые аспекты участия стран Центральной Азии в проекте «Один пояс, Один путь».....	387
6.12. Евразийская интеграция в условиях нестабильности курса рубля к иностранным валютам.....	391
ГЛАВА 7. ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА.....	399
7.1. Цифровое экономическое пространство в формировании воспроизводства человеческого капитала.....	399
7.2. Евразийские университеты в системе формирования и развития человеческого потенциала современного студента.....	408
7.3. Совершенствование механизма формирования компенсационного пакета на основе практики стран евразийского региона пространство в формировании воспроизводства человеческого капитала.....	418
7.4. Обзор использования трудового потенциала в сельском хозяйстве Китая: опыт и проблемы.....	429
7.5. Стратегическое партнерство России и Китая в контексте подготовки кадров для легкой промышленности и технологического развития ее отраслей.....	438
7.6. Факторы цифровой трансформации экосистемы воспроизводства человеческого капитала.....	446
7.7. Продовольственное обеспечение населения России и Казахстана: сравнительная оценка.....	454
ГЛАВА 8. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА.....	461
8.1. Проблемы устойчивого развития стран Евразийского региона.....	461
8.2. Особенности «зеленого» развития в Кыргызской Республике.....	468
8.3. Анализ энергетики стран Евразийского экономического союза с позиций экологической составляющей их устойчивого развития.....	474
8.4. Анализ расходов на природоохранные мероприятия стран ЕАЭС.....	483
8.5. Эффективность рыночной и плановой экономики при обращении с опасными отходами (на примере стран Евразийского экономического союза).....	492
8.6. О роли ESG-принципов в развитии российской экономики.....	502
8.7. Экологическая эффективность или экологический неокOLONIALИЗМ? Страны Запада и государства – члены ЕАЭС.....	509
8.8. Влияние пандемии COVID-19 на достижение целей устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе.....	520

ГЛАВА 9. БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВАЯ, ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ И ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ	530
9.1. Финансирование предприятий оборонно-промышленного комплекса при помощи бессрочных облигаций: теоретические и практические аспекты	530
9.2. Финансиализация глобальной экономики: евразийский аспект	539
9.3. Влияние транспарентности денежно-кредитной политики центрального банка на степень сдерживания инфляционных ожиданий у цели по инфляции в странах ЕАЭС	548
9.4. Рынок проектного финансирования евразийских стран: анализ, тенденции развития в условиях глобализации.....	556
9.5. Управление государственным долгом: правовая реальность в условиях рестрикций	565
ГЛАВА 10. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ, КИТАЯ И ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН	573
10.1. Состояние основных рынков обмена промышленными товарами Российской Федерации и Китайской Народной Республики	573
10.2. Промышленно-технологическое сотрудничество евразийских стран: перспективы роста.....	581
10.3. Технологический прорыв и инновационная динамика сотрудничества России, Китая и Евразийских стран	587
10.4. Российский рынок венчурного капитала	596
10.5. Идеи евразийства: этапы развития и поиск смыслов	604
10.6. Реализация экспортного потенциала масложирового подкомплекса АПК Сибири на основе создания совместных предприятий с иностранными инвестициями.....	616
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	624

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография опубликована на основе докладов российских и зарубежных участников Международной научной конференции «Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира», которая прошла 19-20 октября 2023 г., на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета. В монографии исследованы актуальные проблемы соотношения государства, рынка и глобальных сетей, оптимального сочетания методов государственного, рыночного и цифрового-сетевого регулирования экономик евразийских стран в условиях санкционных ограничений и формирования многополярного мира. Монография выполнена в рамках инициативных НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета: «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (Регистрационный номер ИНИР в системе ЦИТИС 121042600253-4) и «Влияние цифровых технологий на трансформацию отраслей экономики России: основные направления, противоречия, эффективность» (рег. № 123030700001-5).

Конференция проводилась при организационной поддержке Экспертного совета по экономике при Межпарламентской ассамблее СНГ, Экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Педагогического университета Центрального Китая (Ухань, КНР), Китайской Академии общественных наук (Пекин, КНР), Пекинского педагогического университета (Пекин, КНР), Северо-Западного университета (Сиань, КНР), Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызская Республика), Университета «Туран – Астана» (г. Астана, Республика Казахстан) и при информационной поддержке журнала «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета», журнала «Российско-китайские исследования».

В работе конференции приняли участие ученые и специалисты из ведущих университетов и научных центров России: Москва, Санкт-Петербург, Грозный, Иркутск, Казань, Кострома, Красноярск, Курск, Мурманск, Набережные Челны, Одинцово, Орел, Ростов на Дону, Саратов, Симферополь, Улан-Уде, Уфа, а также из зарубежных стран: Азербайджанская республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Республика Молдова.

Вклад авторов распределен следующим образом:

Диденко Н.И. – 1.1; Дятлов С.А. – 1.2; Камышова А.Б. – 2.2; Киккас К.Н. – 1.1; Миропольский Д.Ю. – 1.3; Миэринь Л.А. – 1.4; Нинчиева Г.В. – 1.5; Поддубная О.Н. – 1.6; Пшеничникова С.Н. – 1.7, 1.8; Скрипнюк Д.Ф. – 1.1; Федотов В.А. – 1.8, 1.9; Хайкин М.М. – 1.10; Якшибаева Г.В. – 1.11; Борщ Л.М. – 2.1; Герасимова С.В. – 2.1; Джалал М.А.К. – 2.1; Лякин А.Н. – 2.3; Макаров А.Н. – 2.4; Сопина Н.В. – 2.5; Харламов А.В. – 2.6; Бродский Г.М. – 9.1; Ключников И.К. – 9.2; Ключников О.И. – 9.2; Молчанова О.А. – 9.2; Стрижевич А.С. – 9.3; Тавбулатова З.К. – 9.4; Хаханаев У.С-Э. – 9.4; Харисова Ф.И. – 6.10; Дерзалева Г.Г. – 3.2; Цареградская Ю.К. – 9.5; Исхакова Г.М. – 6.10; Василенко Н.В. –

6.1; Верстина Н.Г. – 6.2; Искандаров Д.З. – 6.2; Винокуров С.С. – 6.3; Горелько А.В. – 6.4; Даваасурэн А. – 6.5; Слепнева Л.Р. – 6.5; Найданова Э.Б. 6.5; Иванова А.Ю. – 6.6; Махновский Д.Е. – 6.7; Медынская И.В. – 6.8; Ожигина В.В. – 6.9; Чжан Ваньтин – 6.11; Ван Цзюньтао – 6.11; Шкварок В.М. – 6.12; Соболева В.О. – 6.12; Боркова Е.А. – 8.1; Бровко Н.А. – 8.2; Борисенко Н.А. – 8.2; Верстин Н.А. – 8.3; Цуверкалова О.Ф. – 8.3; Дубовик М.В. – 8.4; Дмитриев С.Г. – 8.4; Каргинова-Губинова В.В. – 8.5; Мантаева Э.И. – 8.6; Голденова В.С. – 8.6; Слободчикова И.В. – 8.6; Селищева Т.А. – 8.7; Спиридонова Н.В. – 8.8; Бабкина Л.Н. – 10.1; Скотаренко О.В. – 10.1; Давиденко Л.М. – 10.2; Лэй Гао – 10.3; Пшеничников Р.С. – 10.4; Шувалова К.И. – 10.4; Чепелева К.В. – 10.6; Ильясов А.А. – 5.4; Белокрылова О.С. – 5.1; Го М.Х. – 5.1; Гарипов А.Ф. – 5.2; Ивановская А.В. – 5.2; Ююкина Т.И. – 5.5; Дмитриев А.Л. – 5.3; Белокрылов К.А. – 4.1; Орлова Д.Р. – 4.3; Охрименко С.А. – 4.3; Черней В.А. – 4.3; Левкович А.П. – 4.2; Трофимов Е.А. – 4.4; Дробот Е.В. – 3.1; Лю П. – 3.3; Плотников В.А. – 3.4; Родионова Т.Н. – 10.5; Фейгин Г.Ф. – 3.5.

ГЛАВА 1. ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1.1. Математическая модель анализа влияния экономического взаимодействия стран ЕАЭС на экономический рост ЕАЭС

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это организация, которая объединяет пять государств: Россию, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Армению. Она нацелена на укрепление экономической интеграции в регионе.

В мировой экономике интеграционные процессы и их регулирование являются сложным и противоречивым явлением, которое до сих пор требует дальнейшего теоретического изучения. В научной литературе находим следующие подходы к рассмотрению региональной интеграции стран: рыночная региональная интеграция, управляемая региональная интеграция, региональная интеграция на базе компромиссов. Приверженцы концепции рыночной интеграции считают, что суть интеграции заключается в освобождении от национальных барьеров и создании общего рынка для обеспечения свободной конкуренции. Они считают, что только "рыночная интеграция" может принести экономические выгоды участвующим странам.

Основные положения концепции "управляемая региональная интеграции" следующие: создаются наднациональные интеграционные органы; первой задачей наднациональных интеграционных органов является создание общего рынка региональной интегрирующейся группы стран; допускается вмешательство наднациональных интеграционных органов в экономические и политические процессы между странами; в перспективе управляемая региональная интеграция приводит к политическому и экономическому союзу с полноценными атрибутами власти.

Концепция компромиссов базируется на одном основном положении — создание коалиций на основе компромиссов. Что такое коалиции, подробно авторы концепции не объясняют, подразумевая, что всем это известно. Можно встретить термин коалиция в теории игр, когда группа игроков образует коалицию, объединяя свои усилия. В зарубежных парламентских системах существуют партийные коалиции. В политической науке существует теория коалиций. Можно сделать вывод, что авторы концепции компромиссов отдают предпочтение на первом шаге партийным коалициям, что приведет к политической интеграции стран, а политическая интеграция поведет за собой экономическую интеграцию.

Следует отметить, что в большинстве концепций уделяется внимание созданию общего рынка интеграционной региональной группировки стран. Причем общий рынок создается на постулатах и взглядах Адама Смита: невидимая рука рынка, свободное перемещение товаров; государственное вмешательство во внешнюю торговлю. В некоторых концепциях к свободному перемещению

товаров добавляется свободное перемещение услуг, капитала, рабочей силы. Анализ доступных в научной литературе концепций региональной интеграции демонстрирует разнообразие мнений о целях региональной интеграции, подходах к региональной интеграции и этапах региональной интеграции.

При рассмотрении региональной экономической интеграции большое значение придается уровню экономического развития стран, типологии стран мира, критериям регионального деления и оценкам социально-экономического развития. Это особенно важно для развивающихся и слаборазвитых стран, которые подвергаются воздействию со стороны развитых стран, международных организаций и транснациональных объединений. В этой "глобальной игре" по защите своих интересов развивающиеся страны сталкиваются с проблемами организации, отсутствием специалистов и недостаточными связями с научными кругами. В то время как развитые страны, международные организации и транснациональные корпорации лучше скоординированы и имеют больше ресурсов. Поэтому для развивающихся и слаборазвитых стран важно иметь коллективную способность влиять на создание реальных механизмов для получения выгод от участия в региональной группировке стран.

Обобщая проведенный анализ, на острие пера так и просится вывод, что в период нестабильности мировых экономических и политических процессов, неспособности или нежелания международных институтов решать по крайней мере две проблемы – бедность и болезни, трендом экономической глобализации в мире должна быть региональная экономическая интеграция. В статье рассматривается математическая модель анализа влияния экономического взаимодействия стран ЕАЭС на экономический рост ЕАЭС, базируясь на позициях неясной концепции интеграции, которой следуют страны ЕАЭС.

Страны – участники ЕАЭС взаимодействуют между собой путем взаимной торговли, международных инвестиционных отношений, международных кредитных отношений. Предварительно проведен анализ статей с целью понимания концепции региональной интеграции, которой следуют страны – участники ЕАЭС.

В статьях можно найти анализ основных аспектов торгово-экономического сотрудничества стран – участниц интеграционной группировки. В статье Горда О.С., Сухаренко А.П. [1] определены основные цели и приоритеты эффективной работы союза, проанализирована статистика сотрудничества. В предложениях авторов содержится описание системы управления ЕАЭС, содержательный контент направлений развития ЕАЭС в том ракурсе, как представляется авторам и, которые позволят в дальнейшем расширять процессы сотрудничества. В статье Ермакова А.В. [2] рассматривается эволюция евразийской интеграции. Вардомский Л.Б. [3] использует понятие «экономическая связанность», под которой понимается уровень взаимодействия экономик интегрирующихся стран, в институциональном, торгово-экономическом и социальном аспектах. С учетом динамики связанности, автор предлагает сценарии развития евразийского интеграционного процесса до 2025 г. и их оценку. В статье [4] Гринберг Р.С., Пылин А.Г. проводят анализ экономических противоречий между ведущими

участниками интеграционной группы. В качестве основных экономических противоречий авторы выделяют усиление глобальной неопределенности и связанные с этим риски. Полагая, что только согласованная модернизация способна минимизировать данные риски. В монографии [5] подводятся итоги евразийского интеграционного проекта, анализируются возникающие проблемы, ограничения и возможности, оцениваются эффекты ЕАЭС в сопоставлении с ожиданиями от интеграции и излагаются возможные перспективы евразийского интеграционного объединения. Анализу процессов становления Евразийского экономического союза так же посвящена монография [6]. В монографии можно найти философские, историко-культурные истоки евразийства, анализ базовых идей современной Евразийской концепции, методологию исследования процессов общественного развития в контексте евразийской интеграции, этапы становления ЕАЭС как практической реализации неоевразийской концепции на постсоветском пространстве.

Проблемам экономического взаимодействия стран ЕАЭС посвящены и ряд диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, выполненных в странах ЕАЭС [7], [8], [9]. В диссертациях рассматривается широкий спектр проблем, предлагаются их решения.

Если обратиться к статистическим показателям внешней торговли Евразийского экономического союза со странами вне ЕАЭС, то виден рост. Внешнеторговый оборот доковидного 2019 года превышен в 2021 году на 14,7% [10]. Показатели взаимной торговли внутри ЕАЭС демонстрируют разнонаправленность: объемы экспорта взаимной торговли в 2021 году по сравнению с 2020 годом выросли во всех странах – членах ЕАЭС; сальдо взаимной торговли стран-партнеров отрицательное у всех государств – членов ЕАЭС, кроме России.

Общими целями для государств-членов ЕАЭС можно считать экономический рост и повышение эффективности сотрудничества между странами. При этом можно выделить и отдельные национальные цели стран участников данного интеграционного объединения. Белоруссия ставит задачу оптимизации хозяйственных связей и расширение рынков сбыта для своей продукции в страны ЕАЭС. Россия стремится создать с Казахстаном и Белоруссией мощные промышленно-технологические комплексы в энергетической и машиностроительной сфере, так как для этого существует достаточно солидный и технологический потенциал, и природные ресурсы как у Казахстана, так и России, а также с достаточно высокой компетенцией инженерные и трудовые ресурсы в Белоруссии.

Страны-участницы ЕАЭС взаимодействуют между собой, как правило, посредством торговых отношений. Структура товарооборота внутри ЕАЭС практически постоянна и всегда выглядит следующим образом: формируется товарооборот на 50% и немножко за 50%, благодаря торговым усилиям России и Белоруссии; затем 30% в общий товарооборот вносит товарооборот России и Казахстана; оставшиеся 20% общего товарооборота приходятся на другие страны, то есть на Россию с Кыргызской Республикой и Арменией, Белоруссию и Казахстан с Кыргызской Республикой и Арменией [11].

Существуют достаточно амбициозные планы создания большого количества общих рынков до 2025 в пределах пяти стран ЕАЭС. Среди них единый энергетический рынок, включающий и рынок первичных энергоресурсов – газа, нефти, нефтепродуктов, и рынок электроэнергии. Это и единое транспортное пространство, включающее транспортные коридоры, пронизывающие территорию пяти стран ЕАЭС. Сюда можно добавить создание единой скоординированной агропромышленной сферы. Закончить экскурс создания общих рынков можно программой устранения барьеров свободного перемещения трудовых ресурсов, товаров и услуг [12].

Цель статьи состоит в разработке математической модели, позволяющей анализировать влияние экономического взаимодействия стран ЕАЭС на экономический рост Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Другими словами, модель должна оценить влияние уровня взаимодействия экономик интегрирующихся стран на экономический рост Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Методы исследования и данные

Применяемые методы исследования включают несколько этапов, которые направлены на разработку системы взаимосвязанных уравнений. Каждое из этих уравнений представляет модель авторегрессии и распределённого лага (ADL-модель). ADL-модель представляет зависимость эндогенной переменной, которая является временным рядом, от экзогенных переменных, которые также являются временными рядами. В этой модели левая часть каждого уравнения – это текущее значение результирующей переменной, правая часть уравнений – это текущие значения результирующей переменной с лагами + другие результирующие переменные модели + внешние и внутренние влияющие факторы. Как результирующие переменные, так и влияющие факторы представляют собой временные ряды.

Методика анализа состоит из последовательности следующих шагов:

а) Выбор эндогенных переменных модели, оценивающих экономический рост ЕАЭС. В качестве эндогенных переменных рассматривается следующий ряд показателей: объем ВВП на душу населения Евразийского экономического союза в t -ом году; объем экспорта на душу населения Евразийского экономического союза в t -ом году; объем импорта на душу населения Евразийского экономического союза в t -ом году; суммарная численность населения евразийского экономического союза в t -ом году.

На вопрос, как много производится продукции в странах ЕАЭС, отвечает показатель – объем ВВП на душу населения Евразийского экономического союза в t -ом году. Объем ВВП на душу населения (Y_t^1) – это показатель уровня экономической активности и качества жизни населения в регионе за определенный период. Объем суммарного ВВП на душу населения определяется как суммарное значение показателей ВВП стран ЕАЭС, деленное на суммарную численность стран ЕАЭС.

Степень интеграции стран ЕАЭС с мировой экономикой учитывается показателем – экспорт на душу населения (Y_t^2), показатель экспорта одновремен-

но дает представление об экономической мощи стран ЕАЭС, и о степени ее интеграции с другими экономиками. Объем экспорта на душу населения определяется как суммарное значение экспорта стран ЕАЭС, деленное на суммарную численность населения стран ЕАЭС.

Также степень развитости экономики ЕАЭС характеризует показатель — объем импорта на душу населения стран ЕАЭС в t -ом году (Y_t^3). Благодаря импорту в страну ввозятся товары, которые невозможно производить внутри стран ЕАЭС, так повышается эффективность распределения ресурсов. Импорт сырья и новых технологий увеличивают внутреннюю производительность, что также приводит к экономическому росту страны. Объем суммарного импорта на душу населения определяется как суммарное значение импорта стран ЕАЭС, деленное на суммарную численность стран ЕАЭС.

И последний показатель, который был взят для того, чтобы охарактеризовать степень развития экономики стран ЕАЭС — это суммарная численность населения всех стран ЕАЭС в t -ом году (Y_t^4). Стабильный демографический рост — признак здоровой экономики, способной обеспечить жителям страны должный уровень жизни.

б) Выбор экзогенных переменных, влияющих на динамику эндогенных переменных, т.е. показатели, оценивающие экономическое взаимодействие стран ЕАЭС.

В качестве экзогенных переменных, влияющих на развитие экономики ЕАЭС и оценивающих экономическое взаимодействие стран, рассматриваются следующие показатели: (X_t^1) суммарный экспорт из стран, входящих в состав ЕАЭС, в другие страны ЕАЭС в t -м году; (X_t^2) средний уровень дефлятора цен в евразийском экономическом союзе в t -м году; (X_t^3) численность трудовых ресурсов в евразийском экономическом союзе в t -м году; (X_t^4) среднее количество врачей на 1000 человек в евразийском экономическом союзе в t -м году; (X_t^5) средний уровень безработицы в евразийском экономическом союзе в t -м году; (X_t^6) средняя продолжительность жизни населения в евразийском экономическом союзе в t -м году.

Суммарный экспорт из стран ЕАЭС в другие страны ЕАЭС (X_t^1) определяется как суммарное значение экспорта товаров и услуг в пределах ЕАЭС, осуществленный пятью странами ЕАЭС. Средний уровень дефлятора цен (X_t^2) — это показатель, позволяющий определить стоимость текущего объема производства в ценах базового года и устанавливающий связь между реальным и номинальным ВВП. Определяется как среднее значение дефляторов пяти стран.

Под переменной трудовые ресурсы (X_t^3) понимается численность трудоспособного населения, занятая в определенной сфере экономики, а также численности работающих лиц в странах ЕАЭС за пределами трудоспособного возраста. Численность трудовых ресурсов ЕАЭС в t -м году определяется суммированием численности трудоспособного населения, занятого в определенной сфе-

ре экономики стран ЕАЭС, и численности работающих лиц в странах ЕАЭС за пределами трудоспособного возраста.

ЕАЭС и численности работающих лиц в странах ЕАЭС за пределами трудоспособного возраста. Среднее количество врачей на 1000 человек (X_t^4) – это показатель, влияющий на смертность населения, ее уровень – важный показатель развитости экономики страны. Определяется как сумма количества врачей на 1000 человек во всех странах ЕАЭС. Уровень безработицы (X_t^5) – это показатель, характеризующий состояние экономики страны; повышенный уровень безработицы снижает экономический потенциал общества. Средний уровень безработицы в странах ЕАЭС определяется как среднее значение суммы отношения числа безработных в странах ЕАЭС к числу рабочей силы в странах ЕАЭС. Средняя продолжительность жизни населения (X_t^6) – это показатель, представляющий собой то число лет, которое в среднем предстоит прожить лицу конкретного возраста. Продолжительность жизни населения является одним из факторов, который существенно влияет на показатели экономического роста страны, чем больше лет составляет продолжительность жизни, тем выше ВВП. Средняя продолжительность жизни населения в странах ЕАЭС определяется как суммарное значение показателей средней продолжительности жизни населения в конкретных странах, деленное на число стран.

Модель в функциональном виде, состоящую из четырех уравнений, представим в виде системы уравнений (1):

$$\left\{ \begin{array}{l} y_t^1 = \varphi(y_{t-j}^1, y_t^2, y_t^3, y_t^4, x_t^k) \\ y_t^2 = \varphi(y_{t-j}^2, y_t^1, y_t^3, y_t^4, x_t^k) \\ y_t^3 = \varphi(y_{t-j}^3, y_t^1, y_t^2, y_t^4, x_t^k) \\ y_t^4 = \varphi(y_{t-j}^4, y_t^1, y_t^2, y_t^3, x_t^k) \end{array} \right. (1)$$

где $k=1, 2, 3, 4, 5, 6$.

Взаимозависимость эндогенных и экзогенных переменных отражена в табл. 1.1.

Таблица 1.1

Взаимозависимость эндогенных и экзогенных переменных

Эндогенные переменные	Лаговые эндогенные переменные	Предопределенные экзогенные переменные								
		y_t^2	y_t^3	y_t^4	x_t^1	x_t^2	x_t^3	x_t^4	x_t^5	x_t^6
y_t^1	y_{t-j}^1	y_t^2	y_t^3	y_t^4	x_t^1	x_t^2	x_t^3	x_t^4	x_t^5	x_t^6
y_t^2	y_{t-j}^2	y_t^1	y_t^3	y_t^4	x_t^1	x_t^2	x_t^3	x_t^4	x_t^5	x_t^6
y_t^3	y_{t-j}^3	y_t^1	y_t^2	y_t^4	x_t^1	x_t^2	x_t^3	x_t^4	x_t^5	x_t^6
y_t^4	y_{t-j}^4	y_t^1	y_t^2	y_t^3	x_t^1	x_t^2	x_t^3	x_t^4	x_t^5	x_t^6

Источник: составлено авторами.

Аддитивный вид модели представлен ниже (2):

$$\left\{ \begin{array}{l} Y_t^1 = \sum_{i=1}^{k^1} \alpha_0 y_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^2} \alpha_1 y_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^3} \alpha_2 y_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^4} \alpha_3 y_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^5} \alpha_4 x_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^6} \alpha_5 x_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^7} \alpha_6 x_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^8} \alpha_7 x_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^9} \alpha_8 x_{t-i}^5 + \sum_{i=1}^{k^{10}} \alpha_9 x_{t-i}^6 \\ Y_t^2 = \sum_{i=1}^{k^1} \alpha_0 y_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^2} \alpha_1 y_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^3} \alpha_2 y_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^4} \alpha_3 y_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^5} \alpha_4 x_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^6} \alpha_5 x_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^7} \alpha_6 x_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^8} \alpha_7 x_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^9} \alpha_8 x_{t-i}^5 + \sum_{i=1}^{k^{10}} \alpha_9 x_{t-i}^6 \\ Y_t^3 = \sum_{i=1}^{k^1} \alpha_0 y_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^2} \alpha_1 y_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^3} \alpha_2 y_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^4} \alpha_3 y_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^5} \alpha_4 x_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^6} \alpha_5 x_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^7} \alpha_6 x_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^8} \alpha_7 x_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^9} \alpha_8 x_{t-i}^5 + \sum_{i=1}^{k^{10}} \alpha_9 x_{t-i}^6 \\ Y_t^4 = \sum_{i=1}^{k^1} \alpha_0 y_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^2} \alpha_1 y_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^3} \alpha_2 y_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^4} \alpha_3 y_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^5} \alpha_4 x_{t-i}^1 + \sum_{i=1}^{k^6} \alpha_5 x_{t-i}^2 + \sum_{i=1}^{k^7} \alpha_6 x_{t-i}^3 + \sum_{i=1}^{k^8} \alpha_7 x_{t-i}^4 + \sum_{i=1}^{k^9} \alpha_8 x_{t-i}^5 + \sum_{i=1}^{k^{10}} \alpha_9 x_{t-i}^6 \end{array} \right. \quad (2)$$

15 где $k^1, k^2, k^3, k^4, k^5, k^6, k^7, k^8, k^9, k^{10}$ – количество лагов переменных.

с) Сбор статистической информации для выбранных показателей стран ЕАЭС был осуществлен за период с 1994 по 2021 г., в то время как Евразийский экономический союз начал функционировать в 2015 г. Целью такого несоответствия является: (а) увеличение длины временных рядов показателей при отладке математической модели для понимания экономического взаимодействия стран; (б) сравнительного анализа экономического взаимодействия стран до и после образования ЕАЭС.

Правомерностью увеличения длины временных рядов показателей может служить также и тот факт, что государства, являющиеся членами ЕАЭС, имеют давнюю историю экономического взаимодействия. Предшествующей Евразийскому экономическому союзу организацией является Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое существовало в 2001–2014 годах.

Источники статистических данных по выбранным переменным: [<https://datacommons.org/>; <https://knoema.ru/>; [http://embassybel.ru /](http://embassybel.ru/); <https://www.belstat.gov.by/>; <http://www.eurasiancommission.org/>].

Для решения модели использовались предварительно рассчитанные средние арифметические значения показателей по странам.

д) Обработка информации включала нормирование значений экзогенных и эндогенных переменных, проверку временных рядов переменных на стационарность.

Нормировка – это корректировка значений в соответствии с некоторыми функциями преобразования, с целью сделать их более удобными для сравнения и устранить неоднородность измерений исходных данных.

Стационарность временных рядов является важнейшим показателем, означающим, что статистические свойства процесса, генерирующего временные ряды, не изменятся со временем. Проверка рядов на стационарность заключается в решении авторегрессионного уравнения, следуя тесту Дики-Фуллера. Это один из распространенных приемов в прикладной статистике и эконометрике.

е) Данный этап заключается в построении матрицы коэффициентов парной корреляции, которая используется для анализа и принятия решений о выборе наиболее значимых переменных для модели, и выбора лагов эндогенной переменной. Матрица коэффициентов парной корреляции содержит коэффициенты парной корреляции между всеми эндогенными и экзогенными переменными. Выбор переменных для модели осуществляется в два этапа: на первом этапе по заданной величине коэффициента парной корреляции выбираются переменные, влияющие на результирующую переменную; на втором этапе проверяется теснота связи между выбранными переменными. Выбор лагов заключается в построении коррелограммы, отборе лагов по заданной величине коэффициента автокорреляции и проверке значимости, следуя Ljung-Box Q-test.

При анализе, какие переменные влияют на эндогенную переменную, исследователь принимает решение при какой тесноте связи вводить в правую часть уравнения predetermined переменную. В рассматриваемой модели в случае, если коэффициент парной корреляции между эндогенной переменной (Y_t^k) и другой влияющей переменной (эндогенной или экзогенной) превышает

|0.7|, следует ввести переменную для дальнейшего анализа в правую часть уравнения.

При попарном анализе взаимодействия predetermined переменных, введенных в правую часть каждого уравнения, исследователь принимает решение при какой тесноте связи переменную исключить из пары. В рассматриваемой модели численное значение критерия – коэффициента парной корреляции принято равным |0.7|. Одна из переменных рассматриваемой пары исключается из анализа при превышении этого значения.

Лаги эндогенных переменных, т.е. отображение влияния предыдущих периодов временного ряда на текущий период, находятся с помощью автокорреляционной функции. Автокорреляционная функция – это проранжированный ряд коэффициентов корреляции между временным рядом и этим же рядом, сдвинутым на определенное число интервалов (лаг). Значимость коэффициентов автокорреляции может быть проверена с помощью Ljung-Box Q-теста.

f) После исключения некоторых переменных из анализа, система уравнений представляется в структурной форме модели. Приведение структурной формы модели к приведенному виду осуществляется с помощью линейных преобразований. После приведения структурной формы модели, необходимо провести анализ идентифицируемости системы уравнений.

В системах одновременных взаимосвязанных уравнений эндогенные переменные в структурной форме модели зависят как от экзогенных переменных, так и от других эндогенных переменных. Структурная форма модели позволяет использовать несколько эндогенных переменных в одном уравнении (в правой части уравнений включены эндогенные переменные в качестве регрессоров). Приведенная форма модели представляет собой модель, в которой каждое уравнение содержит только одну эндогенную переменную в левой части, то есть эндогенные переменные выражены через экзогенные переменные. В приведенной форме модели количество уравнений равно количеству эндогенных переменных. В каждом уравнении приведенной формы эндогенная переменная выражается через все predetermined переменные модели (экзогенные переменные и лаговые эндогенные переменные). Система уравнений в приведенной форме является системой независимых уравнений. Коэффициенты структурной формы модели могут быть определены, если структурная форма модели является идентифицируемой, то есть если коэффициенты структурного уравнения могут быть выражены через коэффициенты приведенной формы модели. Проверка идентифицируемости заключается в определении возможности вычисления коэффициентов структурного уравнения на основе коэффициентов приведенной формы модели.

Структурная форма эконометрической модели может быть точно идентифицируемой, сверхидентифицируемой или неидентифицируемой. При анализе идентифицируемости каждого уравнения и всей модели в целом, проверяется выполнение необходимого условия идентификации и достаточного условия идентификации с использованием матричной алгебры. Оценка коэффициентов структурной модели может быть выполнена разными способами, в зависимости

от типа системы одновременных уравнений. Наиболее распространены два метода оценивания коэффициентов структурной модели: косвенный МНК и двухшаговый МНК. Проверка идентифицируемости модели выполняется для каждого уравнения структурной формы системы с целью определения подходящего метода оценивания коэффициентов уравнений.

г) Решение регрессионного уравнения методом наименьших квадратов, соответствующем результатам проверки идентифицируемости уравнения. Значимость уравнения модели проверяется при помощи F-критерия Фишера. Значимость коэффициентов уравнений проверяется с помощью t критерия Стьюдента. Коэффициенты каждого уравнения модели получены по нормализованным исходным данным. Следовательно, от полученных коэффициентов необходимо перейти к коэффициентам уравнений соответствующим исходным ненормализованным данным. На основе полученной модели строится прогноз значений эндогенных переменных с заданным горизонтом лет.

Результаты

Проверка рядов данных на стационарность с использованием теста Дики-Фуллера показала, что ряды $Y_t^1, Y_t^2, Y_t^3, Y_t^4, X_t^1, X_t^3, X_t^4, X_t^5, X_t^6$ стационарные, так как $|a| < 1$ у всех рядов. Ряд X_t^2 не стационарный так как $a = 5.401$. Осуществлено приведение данного ряда к стационарному виду путем вычисления разностей первого порядка. Окончательные результаты проверки на стационарность изложены в табл. 1.2.

Таблица 1.2

Результаты проверки рядов данных на стационарность
с использованием теста Дики-Фуллера

Временной ряд	Значение регрессионного коэффициента a	Удовлетворение гипотезы о стационарности (да/нет)
Y_t^1	0,956948	да
Y_t^2	0,940309	да
Y_t^3	0,941928	да
Y_t^4	0,917988	да
X_t^1	0,996081	да
ΔX_t^2	-0,986488	да
X_t^3	0,906653	да
X_t^4	0,844072	да
X_t^5	0,944250	да
X_t^6	0,969747	да

Источник: составлено авторами.

Анализ переменных каждого уравнения модели, заключающийся в выборе переменных, влияющих на эндогенную переменную и выбор наиболее значимых переменных при парном сравнении, выполнялся по коэффициентам корреляции (табл. 1.3).

Матрица коэффициентов корреляции

		Переменные									
		Y_t^1	Y_t^2	Y_t^3	Y_t^4	X_t^1	ΔX_t^2	X_t^3	X_t^4	X_t^5	X_t^6
Y_t^1	Коэффициент корреляции Пирсона	1	,990**	,994**	-0,087	,899**	-0,295	,791**	,792**	-,928**	,797**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
Y_t^2	Коэффициент корреляции Пирсона	,990**	1	,993**	-0,167	,918**	-0,321	,761**	,758**	-,918**	,768**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
Y_t^3	Коэффициент корреляции Пирсона	,994**	,993**	1	-0,139	,900**	-0,303	,776**	,751**	-,922**	,767**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
Y_t^4	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,087	-0,167	-0,139	1	-0,296	0,25	0,266	0,335	-0,039	0,346
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
X_t^1	Коэффициент корреляции Пирсона	,899**	,918**	,900**	-0,296	1	-,440*	,608**	,687**	-,854**	,739**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
ΔX_t^2	Коэффициент корреляции Пирсона	-0,295	-0,321	-0,303	0,25	-,440*	1	0,083	-0,275	0,147	-0,317
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
X_t^3	Коэффициент корреляции Пирсона	,791**	,761**	,776**	0,266	,608**	0,083	1	,790**	-,885**	,811**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
X_t^4	Коэффициент корреляции Пирсона	,792**	,758**	,751**	0,335	,687**	-0,275	,790**	1	-,800**	,930**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
X_t^5	Коэффициент корреляции Пирсона	-,928**	-,918**	-,922**	-0,039	-,854**	0,147	-,885**	-,800**	1	-,860**
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27
X_t^6	Коэффициент корреляции Пирсона	,797**	,768**	,767**	0,346	,739**	-0,317	,811**	,930**	-,860**	1
	N	27	27	27	27	27	27	27	27	27	27

Источник: составлено авторами.

Общий функциональный вид системы уравнений в результате проверки эндогенных и экзогенных переменных на мультиколлинеарность и выбора лагов эндогенных переменных для отображения предыстории процесса примет следующий вид (3):

$$\left\{ \begin{array}{l} Y_t^1 = f(Y_{t-1}^1, Y_{t-2}^1, x_t^1, x_t^3, x_t^4) \\ Y_t^2 = f(Y_{t-1}^2, Y_{t-2}^2, x_t^1, x_t^3, x_t^4) \\ Y_t^3 = f(Y_{t-1}^3, Y_{t-2}^3, x_t^1, x_t^3, x_t^4) \\ Y_t^4 = f(Y_{t-1}^4, Y_{t-2}^4) \end{array} \right\} \quad (3)$$

В структурной форме система уравнений модели представлена в виде (4):

$$\left\{ \begin{array}{l} Y_t^1 = a_1^1 * Y_{t-1}^1 + a_2^1 * Y_{t-2}^1 + b_1^1 * X_t^1 + b_2^1 * X_t^3 + b_3^1 * X_t^4 \\ Y_t^2 = a_1^2 * Y_{t-1}^2 + a_2^2 * Y_{t-2}^2 + b_1^2 * X_t^1 + b_2^2 * X_t^3 + b_3^2 * X_t^4 \\ Y_t^3 = a_1^3 * Y_{t-1}^3 + a_2^3 * Y_{t-2}^3 + b_1^3 * X_t^1 + b_2^3 * X_t^3 + b_3^3 * X_t^4 \\ Y_t^4 = a_1^4 * Y_{t-1}^4 + a_2^4 * Y_{t-2}^4 \end{array} \right\} \quad (4)$$

где $a_j^i, b_j^i, i = \overline{1,5}, j = \overline{1,5}$ – коэффициенты модели.

Так как в уравнениях системы уравнений нет зависимых эндогенных переменных в правой части уравнений, то не требуется выражать эндогенные переменные с помощью экзогенных. Структурный вид системы уравнений одновременно является и приведенной формой системы. Проверка идентифицируемости, т.е. проверка возможности определить коэффициенты структурного уравнения через коэффициенты приведенной формы модели осуществляется на основе построения расширенной матрицы системы уравнений модели (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Матрица коэффициентов переменных модели

	Y_t^1	Y_t^2	Y_t^3	Y_t^4	Y_{t-1}^1	Y_{t-2}^1	Y_{t-1}^2	Y_{t-2}^2	Y_{t-1}^3	Y_{t-2}^3	Y_{t-1}^4	Y_{t-2}^4	X_t^1	X_t^3	X_t^4
Уравнение №1	-1	0	0	0	a_1^1	a_2^1	0	0	0	0	0	0	b_1^1	b_2^1	b_3^1
Уравнение №2	0	-1	0	0	0	0	a_1^2	a_2^2	0	0	0	0	b_1^2	b_2^2	b_3^2
Уравнение №3	0	0	-1	0	0	0	0	0	a_1^3	a_2^3	0	0	b_1^3	b_2^3	b_3^3
Уравнение №4	0	0	0	-1	0	0	0	0	0	0	a_1^4	a_2^4	0	0	0

Источник: составлено авторами.

Процесс проверки идентифицируемости приводится для первого уравнения системы (табл. 1.5). Достаточное условие идентификации для соответствующего уравнения будет выполнено, если ранг подматрицы, построенной только

из коэффициентов при переменных, отсутствующих в этом уравнении, равен количеству эндогенных переменных в системе минус единица. Первому уравнению соответствует первая строка расширенной матрицы, поэтому первую строку не следует включать в подматрицу. Из остальной части расширенной матрицы оставляются только столбцы, которые имеют нули в первой строке. Подматрица для первого уравнения: $Y_t^1 = a_1^1 * Y_{t-1}^1 + a_2^1 * Y_{t-2}^1 + b_1^1 * X_t^1 + b_2^1 * X_t^3 + b_3^1 * X_t^4$.

Таблица 1.5

Матрица 1-го уравнения системы уравнений.

-1	0	0	a_1^2	a_2^2	0	0	0	0
0	-1	0	0	0	a_1^3	a_2^3	0	0
0	0	-1	0	0	0	0	a_1^4	a_2^4

Источник: составлено авторами.

Определитель не равен нулю; ранг подматрицы равен 3, т.е. числу эндогенных переменных в системе минус единица. Следовательно, выполняется достаточное условие идентификации для первого уравнения системы.

Расчеты показали, что для всех уравнений системы выполняются достаточные условия идентификации. Поскольку среди уравнений системы нет неидентифицируемых, все уравнения являются сверхидентифицированными, значит и модель в целом сверхидентифицирована. Применим обычный МНК к каждому уравнению структурной формы и получим стандартизованные коэффициенты уравнения регрессии.

В итоге получена система приведенных уравнений с коэффициентами (5):

$$\left\{ \begin{array}{l} Y_t^1 = -6,594 * Y_{t-1}^1 + 6,168 * Y_{t-2}^1 + 0,338 * X_t^1 + 0,103 * X_t^3 + 0,259 * X_t^4 - 0,228 \\ Y_t^2 = -5,900 * Y_{t-1}^2 + 5,231 * Y_{t-2}^2 + 0,397 * X_t^1 + 0,156 * X_t^3 + 0,255 * X_t^4 - 0,200 \\ Y_t^3 = -6,247 * Y_{t-1}^3 + 5,641 * Y_{t-2}^3 + 0,361 * X_t^1 + 0,156 * X_t^3 + 0,238 * X_t^4 - 0,207 \\ Y_t^4 = -1,877 * Y_{t-1}^4 + 3,908 * Y_{t-2}^4 - 0,091 \end{array} \right. \quad (5)$$

Для всех уравнений F расчетное $>$ F табличное, следовательно, все уравнения признаются статистически значимыми.

Оценка значимости коэффициентов уравнений производится с помощью критерия Стьюдента.

Из результатов анализа было выявлено, что не все переменные в уравнениях имеют статистическую значимость, что говорит о невозможности в дальнейшем составить прогноз. В первом уравнении переменные Y_{t-1}^1 (объем ВВП на душу населения с лагом $t-1$) и X_t^3 (средняя численность трудовых ресурсов в евразийском экономическом союзе) – незначимы.

Во втором уравнении переменные Y_{t-1}^2 (экспорт на душу населения с лагом $t-1$), X_t^3 (средняя численность трудовых ресурсов в евразийском экономическом союзе), X_t^4 (среднее количество врачей на 1000 человек) – незначимы.

В третьем уравнении переменные Y_{t-1}^3 (объем импорта на душу населения), X_t^3 (средняя численность трудовых ресурсов в евразийском экономическом союзе), X_t^4 (среднее количество врачей на 1000 человек) – незначимы.

В четвертом уравнении переменная Y_{t-1}^4 (суммарная численность населения всех стран ЕАЭС) – статистически незначима.

Для того чтобы совершить точный прогноз, необходимо, чтобы все переменные уравнения были значимы и само уравнение было статистически значимо. Если в результате проверки оказывается, что отличие оценок каких-то регрессионных коэффициентов от нуля не влияет на качество модели, то соответствующие предикторные переменные можно исключить из регрессионной модели. Однако, работа была продолжена без подбора новых переменных, но с условием, что в системе уравнений есть незначимые коэффициенты.

Поскольку структурная форма совпадает с приведенной формой модели, коэффициенты структурной формы модели искать не нужно. Определим для всех уравнений значения эндогенных переменных, содержащихся в левой части уравнения, подставив в полученную систему уравнений исходные значения экзогенных переменных в правой части. Таким образом, получаем теоретические значения эндогенных переменных.

При этом коэффициенты были построены по нормированным данным, в уравнениях стандартизованные коэффициенты уравнений множественной регрессии. Поэтому осуществим переход к коэффициентам «чистой» регрессии посредством соотношения: $b_i = \beta_i \frac{\sigma_y}{\sigma_{x_i}}$, где σ_y, σ_{x_i} – среднеквадратическое отклонение.

Величины β_i называются стандартизованными коэффициентами уравнения регрессии, σ – среднее квадратическое отклонение y и соответствующего x_i .

β_i – это коэффициенты уравнений после нормирования данных.

b_i – коэффициенты уравнения множественной регрессии.

Коэффициент a_0 определяется из соотношения: $a_0 = \bar{y} - b_1 * \bar{x}_1 - b_2 * \bar{x}_2 - \dots - b_p * \bar{x}_p$, где $\bar{y}, \bar{x}_i$ – среднее арифметическое. Определяется как число, равное сумме всех чисел множества, деленной на их количество.

Сравнивая стандартизованные коэффициенты уравнения регрессии β_i , можно ранжировать факторы по силе их воздействия на результат. Это возможно в связи с тем, что все переменные в уравнении заданы как центрированные и нормированные, а стандартизованные коэффициенты уравнения регрессии β_i сравнимы между собой. Например, в уравнении $Y_t^4 = -1,877 * Y_{t-1}^4 + 3,908 * Y_{t-2}^4 - 0,091$, фактор Y_{t-2}^4 оказывает большее воздействие на Y_t^4 , чем фактор Y_{t-1}^4 , поскольку имеет больший коэффициент.

Итак, найдем коэффициенты «чистой» регрессии для каждого уравнения, в конечном итоге система уравнений будет выглядеть следующим образом (6):

$$\left\{ \begin{array}{l} Y_t^1 = -74446,84 * Y_{t-1}^1 + 63435,57 * Y_{t-2}^1 + 8,74664E^{-5} * X_t^1 + 0,56 * X_t^3 + 2138,75 * X_t^4 - 17776,26 \\ Y_t^2 = -20547,96 * Y_{t-1}^2 + 16485,24 * Y_{t-2}^2 + 3,05953E^{-5} * X_t^1 + 0,25 * X_t^3 + 627,11 * X_t^4 - 7101,88 \\ Y_t^3 = -16242,26 * Y_{t-1}^3 + 13357,72 * Y_{t-2}^3 + 2,1067E^{-5} * X_t^1 + 0,19 * X_t^3 + 1186,74 * X_t^4 - 7546,29 \\ Y_t^4 = -13532,31 * Y_{t-1}^4 + 25470,85 * Y_{t-2}^4 + 179015,54 \end{array} \right. \quad (6)$$

Полученная модель отображает модель влияния экономического взаимодействия стран ЕАЭС на экономический рост ЕАЭС. С ее помощью можно построить прогнозные значения показателей, характеризующих состояние экономического роста стран ЕАЭС по временному горизонту, например, в 5 лет. Первоначально для осуществления прогнозирования эндогенных показателей проводится процедура прогнозирования экзогенных переменных и тех эндогенных, которые выступают в качестве экзогенных в уравнениях системы. Данная процедура может проводиться с помощью функции =ПРЕДСКАЗ. Подставив значения эндогенных переменных в уравнения, получим прогноз эндогенных переменных.

Ниже представлены графики для более наглядного представления прогнозных значений. Построены графики значений с 1994 по 2025 г. включительно (рис. 1.1 – 1.4). Прогнозные значения представлены пунктирной линией.

Рис. 1.1. График суммарного объема ВВП на душу населения стран ЕАЭС

Рис. 1.2. График суммарного экспорта на душу населения стран ЕАЭС

Рис. 1.3. График суммарного импорта на душу населения стран ЕАЭС

Рис. 1.4. График суммарной численности населения стран ЕАЭС

Обсуждение

Согласно прогнозу, объем суммарного ВВП на душу населения будет стабильно увеличиваться. В 2021 г. уровень ВВП выше, чем в 2020, а последующие пять лет продемонстрирует значительный рост данного показателя. Объем суммарного экспорта на душу населения стран ЕАЭС в 2021 г. будет выше, нежели в 2020, в дальнейшем показатель будет постепенно увеличиваться. Объем суммарного импорта на душу населения стран ЕАЭС в 2021 г. будет выше уровня 2020, в дальнейшем показатель будет постепенно увеличиваться. Уровень численности населения стран ЕАЭС будет оставаться примерно на одном уровне, но с преимущественно возрастающим показателем. По результатам анализа можно сделать вывод о том, что наибольшее влияние на экономический рост Евразийского Экономического Союза оказывают: суммарный экспорт стран внутри союза, средняя численность трудовых ресурсов в странах ЕАЭС и среднее количество врачей на 1000 человек в странах ЕАЭС. Согласно прогнозу, можно говорить о том, что состояние экономического роста ЕАЭС

будет только улучшаться. К 2025 году ожидается умеренное повышение уровня численности населения, стремительное повышение уровня экспорта и импорта товаров на душу населения, а также объема ВВП на душу населения.

Подводя итоги, еще раз стоит отметить преимущества экономической интеграции стран ЕАЭС: конкуренция между предприятиями; увеличение прямых иностранных инвестиций; расширение торговли параллельно с улучшением инфраструктуры; распространение новейших технологий. Следует отметить, что перспективы регионального развития должны учитывать несколько факторов. Во-первых, это коллективное противостояние со стороны развитых стран, международных организаций и транснациональных объединений, которое может не отвечать интересам развития ЕАЭС. Во-вторых, важными факторами являются транспортно-географическая характеристика, природно-климатические условия, социально-исторические особенности и уровень экономического развития. При определении потенциальных возможностей развития ЕАЭС необходимо учитывать такие параметры, как природно-ресурсный потенциал, производственный потенциал, финансовый потенциал, демографическая ситуация, инвестиционный потенциал и экспортный потенциал.

В рамках данного исследования предлагается концептуальный методический подход по формированию комплексной целевой программы развития (КЦПР) экономической связанности ЕАЭС в виде альтернативного графа. КЦПР включает различные альтернативы: варианты технологического, экономического и геополитического развития. Данные варианты способствуют повышению конкурентоспособности компаний и стран ЕАЭС. Целевая программа является эффективным инструментом планирования и организации работ по развитию новых направлений и стратегий развития экономической связанности ЕАЭС.

При анализе КЦПР решаются задачи определения минимальной продолжительности программы, определения минимальных затрат и поиск эффективных вариантов ее выполнения. Управление на базе КЦПР зависит от содержания программы, которая характеризуется динамичностью цели и наличием нескольких вариантов достижения этой цели. КЦПР представляет собой альтернативный граф, отображающий сложные процессы и структуру программы. Цели программы формируются на основе дерева целей, где каждому уровню соответствует своя структура подцелей относительно глобальной цели программы. Глобальная цель программы включает развитие экономической связанности ЕАЭС, создание единого энергетического рынка, развитие транспортного пространства и евразийских транспортных коридоров, а также скоординированную агропромышленную политику.

КЦПР включает в себя научные исследования, технические разработки, производственные работы, материально-техническое и информационное обеспечение, организационные мероприятия. Каждый процесс имеет свои цели, работы и структуру, которые объединяются в единую структуру программы.

Комплексная целевая программа развития экономической связанности ЕАЭС ставит своей целью нахождение показателей, а также выбор вариантов выполнения программы в рамках установленной цели для различных структур программы и различной информации (рис. 1.5).

- (1) выбор варианта выполнения программы по критерию «минимальная продолжительность»
- (2) выбор варианта выполнения программы по критерию «минимальные затраты»
- (3) нахождение множества эффективных вариантов выполнения программы по критерию «минимальная продолжительность - минимальные затраты»
- (4) нахождение множества эффективных вариантов выполнения программы по критерию «минимальная продолжительность - минимальные затраты - научно-технический уровень системы»

Рис. 1.5. Критерии выбора вариантов выполнения программы

В процессе циклической процедуры разрешаются любые трудности взаимосвязи программных мероприятий, что может привести к изменению структуры КЦПР. После получения такой структуры проводится анализ программы. На рисунке 6 можно видеть альтернативный граф графического отображения КЦПР.

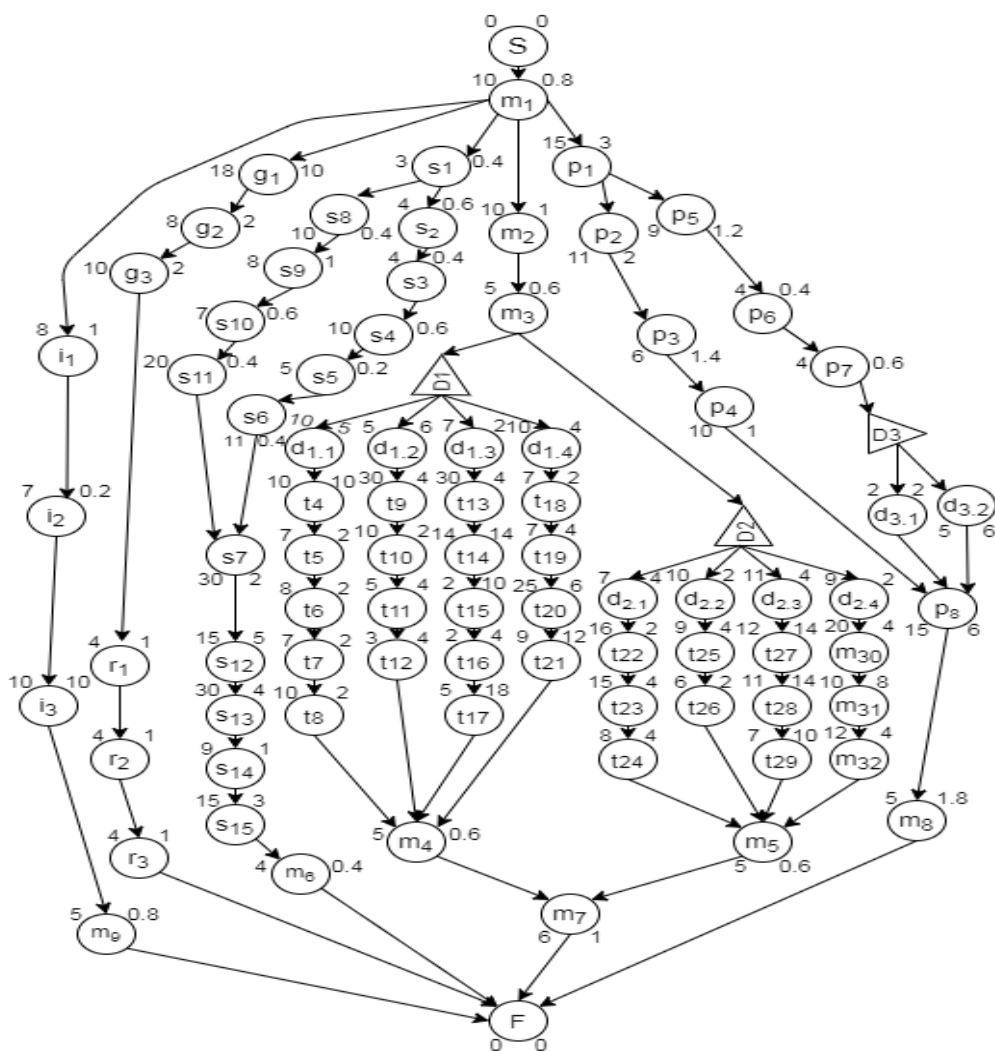

Рис. 1.6. Альтернативный граф, отображающий мероприятия и работы целевой программы развития интеграции стран ЕАЭС

На рисунке 1.6 приводятся следующие обозначения:

$M = \{mj\}$ - множество узлов – программных мероприятий; $D = \{Dj, dj(j)\}$ – множество вершин принятия решения и альтернатив, принадлежащих программным мероприятиям, которые их имеют. $T = \{tj\}$ - множество узлов – технологических программных мероприятий; $S = \{sj\}$ - множество узлов – маркетинговых программных мероприятий; $G = \{gj\}$ - множество узлов – геополитических программных мероприятий; $P = \{pj\}$ - множество узлов – кадровых программных мероприятий; $I = \{ij\}$ - множество узлов – инвестиционных программных мероприятий; $R = \{rj\}$ - множество узлов – документационных программных мероприятий

Литература

1. Горда О.С., Сухаренко А.П. Торгово экономическое сотрудничество стран ЕАЭС. // Экономика и бизнес: теория и практика, 2016.
2. Ермакова А.В. Участие Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе: история и перспективы. // Экономические исследования, 2016.
3. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития. // Российский внешнеэкономический вестник, 2019, №4.
4. Гринберг Р. С., Пылин А. Г. Евразийский экономический союз. Основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона, 2020. — Т. 16, вып. 2. — С. 340-351.
5. Евразийская интеграция в турбулентном мире: монография.- СПб.: Алетейя, 2019. – 288с.
6. Осипов Г., Осадчая Г., Андреев Э., Юдина Т., Вартанова М. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение. Москва, Библио-Глобус, 2018. -374.
7. Пак Е.В. Перспективы развития сотрудничества в области транспорта и логистики в Евразийском экономическом союзе. Диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Москва, 2017.
8. Ахметзаки Еркежан Жұмақанқызы. Влияние евразийской экономической интеграции на приток прямых иностранных инвестиций. диссертации на соискание степени доктора философии (PhD). Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. Казахский национальный университет имени аль-Фараби. Алма-Ата, 2019.
9. Давыдов Р.В. Управление процессом модернизации таможенного администрирования в условиях развития евразийской интеграции и цифровой трансформации. Москва, 2023.
10. Евразийская экономическая комиссия: Статистика Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. //URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/analytics (дата обращения 28.03.2023).
11. Торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС. [Электронный ресурс]. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-stran-eaes/viewer> (дата обращения 10.04.2023).
12. Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран ЕАЭС и перспективы экономической интеграции до 2025г. /Российский совет по международным делам. Аналитическая записка. Июнь 2017, 2017.

1.2. Искусственный интеллект в системе институтов евразийской экономики

Универсальной нейро-сетевой технологической базой новейшего нейро-сетевого, нано-био-квантового технологического уклада, который динамично формируется в России, евразийских странах и ведущих странах мира, является нейро-технологическая платформа «**Нейронет**», которая представляет глобальную нейро-сеть нового поколения на основе интегративных нейро-компьютерных сетей, социо-нейро-морфных интерфейсов и распределенно-интегрированной системы самообучающегося искусственного интеллекта. Бурно развивающаяся глобальная нейро-компьютерная сеть «Нейронет», имеющая сетевые социо-нейро-морфные характеристики, качественно трансформирует характер и содержание отношений и связей между людьми в современном информационно-сетевом обществе.

Ядром Нейронет являются интегрированные цифровые платформы искусственного интеллекта (генеративного и сильного искусственного интеллекта), функционирующие на основе нейронных сетей, квантовых компьютеров, квантовых вычислений, соционейроморфных интерфейсов, сервисов интегративно-конвергентной квантовой нейро-сетевой коммуникации.

Важнейшей категорией в системе понятий цифровой нейро-сетевой экономики России и евразийских стран, ее базовым институтом развития является **искусственный интеллект (АИ)**. Доминантной интегративно-комплексной технологией цифровой экономики является искусственный интеллект, который широко внедряется во все сферы экономики, а также глубинно трансформирует всю систему отношений, связей, институтов современного общества. Сегодня системы АИ внедряются практически во все сферы человеческой деятельности (производство, связь, финансы, торговлю, управление, науку, образование, быт, культуру, военную сферу, экологию, психологию, медицину, ВПК и оборону).

Исследования, посвященные искусственному интеллекту и его применению в различных областях экономики и общества, становятся важнейшим направлением мировой и российской научной мысли [4, 13].

В мировой научной литературе существует более 100 определений искусственного интеллекта (АИ). Понятие «искусственный интеллект» был впервые введен Джоном Маккарти в 1956 г. на международной конференции в Дартмутском университете. Под термином ИИ понимается область информатики, в рамках которой разрабатываются компьютерные программы для выполнения задач, способных имитировать человеческий подход — обнаруживать смысл, обобщать и делать выводы, выявлять взаимосвязи и обучаться с учетом накопленного опыта.

АИ обычно определяют как компьютерно-вычислительные технологии с набором математических алгоритмов. В рамках российской концепции искусственный интеллект определяют, как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами ин-

теллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Технологический подход к определению понятия искусственный интеллект в широком смысле сводится к описанию комплекса взаимосвязанных с ним технико-вычислительных процессов и технологий, таких как, например, информатика, кибернетика, математические алгоритмы, виртуальные агенты и цифровые двойники, машинное глубокое обучение (Machine Deep Learning).

В научной литературе понятия «искусственный интеллект» и «машинное обучение» часто используются как взаимосвязанные и взаимодополняемые. Например, «большинство ИТ-компаний воспринимают искусственный интеллект как термин в области компьютерных наук, используемый для описания машин, которые выполняют задачи, имитируя человеческий интеллект, используя способности, приобретенные в результате машинного обучения». **Обычно выделяют основные функции ИИ:** учиться (самообучаться), анализировать, имитировать (чувства людей), действовать, принимать решения, понимать и корректировать (самосовершенствоваться).

На наш взгляд, в рамках развиваемого нами **мультидисциплинарного подхода**, давая определение AI, нужно обязательно учитывать социальные характеристики, естественный интеллект человека, людей, человеческого общества, раскрывать характер и законы взаимодействия естественного и искусственного интеллекта, а также говорить о доминантном субъекте управления, его правомочности и защите его прав.

Мы выделяем следующие **виды искусственного интеллекта:**

- Ограниченный (слабый) искусственный интеллект (Artificial Narrow Intelligence);
- Дополненный искусственный интеллект (Augmented Intelligence);
- Интегративный искусственный интеллект;
- Гибридный (киберфизический или компьютерно-человеческий) искусственный интеллект (Artificial Hybrid Intelligence);
- Нейро-сетевой искусственный суперинтеллект (Neural Network Artificial Super Intelligence) [4].

Различают два основных понятия «**слабый искусственный интеллект**», который только имитирует когнитивные функции человека, помогает ему в выполнении ряда вычислительных операций и обработке больших данных, и «**сильный или усиленный искусственный интеллект**». Необходимо также различать следующие понятия AI: ограниченный искусственный интеллект, гибридный (киберфизический) искусственный интеллект и нейро-сетевой (квантовый) искусственный суперинтеллект.

Существует также понятие «**искусственный интеллект человеческого уровня**», который предполагает «способность освоить большинство профессий, по крайней мере тех, которыми мог бы владеть среднестатистический че-

ловек». Термин «сильный искусственный интеллект» ввел Джон Сёрль. Сильный или усиленный искусственный интеллект наделен саморазвивающимися когнитивными функциями и гипотетически сможет решать любые задачи в неограниченном спектре областей, превосходя человеческий интеллект.

Гибридный (киберфизический) искусственный интеллект (Artificial Gibrud Intelligence, AGI) имеет расширенные функции и способности, которые совершенствуются на основе глубинного машинного обучения) и по уровню должен соответствовать способностям человека. Artificial Gibrud Intelligence представляет собой гибрид человеко-машинного нейро-сетевого искусственного интеллекта.

На наш взгляд неправомерно отделять искусственный интеллект от естественного человеческого интеллекта. Когда говорят о естественном человеческом интеллекте следует различать понятия «индивидуальный человеческий интеллект» и «совокупный социальный интеллект общества». Раскрытие содержательных характеристик AI должно опираться на выявление его тесной взаимосвязи с естественным человеческим интеллектом, с людьми, с управлением процессами в человеческом обществе, что предполагает выявление связи с биологией, нейрофизиологией, лингвистикой, когнитивной и поведенческой психологией людей, а также с нравственно-этическими нормами человеческого общества.

Нейро-сетевой (квантовый) искусственный суперинтеллект (Neural Network Artificial Super Intelligence) основывается на глобальной сети нового поколения – глобальной квантовой нейронной сети Нейронет, представляющей собой интегрированные квантово-нейронные сети искусственного интеллекта и имеющей функции и способности, которые многократно превосходят возможности и способности человека и всего общества [5].

Обычно AI определяют, как комплекс технологических решений, которые имитируют творческие интеллектуально-психологические функции человека и которые могут совершенствоваться на основе машинного самообучения и осуществлять поиск лучших решений, не по заранее заданному алгоритму. На текущий момент человеческая цивилизация находится на стадии перехода от ограниченного искусственного интеллекта к гибридному искусственному интеллекту. Эта стадия связана с созданием и широким внедрением во все сферы экономики и общественной жизни гибридных человеко-машинных интеллектуальных систем с соционейроморфными интерфейсами и полифункциональными когнитивно-вычислительными функциями. В общем искусственный интеллект способствует повышению оперативности и уровня накопления и обработки информации, повышению эффективности разработки, принятия и реализации управленческих решений.

Аналитики международного консалтингового агентства PwC считают, что в ближайшее десятилетие искусственный интеллект станет главной рыночной тенденцией и лучшим бизнес-инструментом. Так, согласно отчету агентства PwC, вклад интеллектуальных технологий в глобальный мировой ВВП оценивается в 15,7 трлн. долл. США. По прогнозам экспертов, именно благодаря искусственному интеллекту до 2030 года этот показатель вырастет

еще на 14%. По мнению PwC, в ближайшие 5-10 лет лидером по успешной эксплуатации и адаптации технологий искусственного интеллекта будет являться Китай. Предполагается, что к 2030 году его ВВП может оказаться на 26% выше среднего мирового показателя.

В научной литературе в последнее время стало широко обсуждаться проблема «сингулярности». Впервые понятие «сингулярность» в технологическом контексте упомянул американский математик Джон фон Нейман. Термин «сингулярность» стал в последнее время достаточно популярным, который активно обосновывает в своей деятельности технический директор Google в области технического обучения Рэймонда Курцвейла и его книга *The Singularity Is Near*, опубликованной в 2005 году [12].

В научной литературе используют различные виды сингулярности. Термин **сингулярность** (от лат. *singularis* – отдельный, особый) заимствован у астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр и, в некоторых теориях, начала вселенной – точки с бесконечно большой массой и температурой и нулевым объемом. **Математически сингулярность** – точка функции, значение функции в которой стремится к бесконечности.

Технологическая сингулярность (*Technological singularity*) – гипотетический момент в будущем, когда технологическое развитие становится в принципе неуправляемым и необратимым, что порождает радикальные изменения (сингулярность) характера человеческой цивилизации. Технологическая сингулярность предполагает наступление момента времени, когда самая мощная интеллектуальная машина сможет создать другую машину, которая превзойдет возможности людей, может произойти некий интеллектуальный взрыв и наступит эпоха постчеловечества [14]. При этом каждое новое поколение искусственного интеллекта будет появляться всё быстрее, порождая в конечном счёте суперинтеллект, превосходящий интеллект всего человечества.

Важное значение для науки является исследование предпосылок возникновения и последствий для человечества технологической сингулярности [1].

Социальная сингулярность – точка кардинального преобразования человеческого общества и превращение ее в совершенно новое качество. Искусственный Интеллект может достичь такого принципиального нового качественного уровня, что превзойдет естественный интеллект человеческого социума и в дальнейшем подчинит его. В дальнейшем социо-технологические изменения и трансформации будут развиваться по экспоненте без возможности восстановить человечеству контроля над ситуацией и над ИИ. Это будет «новый» мир будет надвигаться на современное человечество, пока эта новая реальность не заслонит собой окружающую действительность, став господствующей. Некоторые прогнозы концепции сингулярности предполагают, что последняя должна наступить 2030-2040 гг.

Мы считаем в цифровой нейро-сетевой экономике логичным ввести в научный оборот понятие «**полифункциональная соционейроморфная сингулярность**».

Следует обозначить узкие места, проблемы и риски использования искусственного интеллекта и развития цифровой экономики:

- появление феномена бурного роста информации и ИКТ, который называют «грязевого селя» или «снежной лавины». Суть в том, что остановить подобные масштабные и ускоряющиеся процессы, становится практически, невозможно, из-за их самоподпитки и самовоспроизведения;

- проникновение разработанных за рубежом ИТ-технологий во все аспекты жизни и деятельности значительно ограничивает суверенитет страны и повышает уязвимость безопасности национальной ИТ-инфраструктуры;

- появление угроз для национальной кибербезопасности: финансы, транспортная и энергетическая инфраструктура, управление экономикой, социальный «инжиниринг» и моделирование;

- роботизация производств и услуг увеличивает уровень безработицы. Многие из нынешних профессии и компетенций, по невостребованности, исчезают. Это ведет к росту напряженности на рынке труда, росту безработицы, социальной дисгармонии;

- снижение значимости человека как специалиста и обеднение человеческого и кадрового потенциала;

- компьютеризация с раннего возраста приводит к развитию у детей «клипового» или машинного мышления (моментальное, математически-линейное, визуальное, фрагментарное, скоростное и поверхностное) в ущерб системному (многоплановое, целостное, гуманитарное, философское, причинно-следственное, комплексно целевое);

- за отсутствием экономической надобности, уменьшается общительность, контакты между людьми и коллективная работа-общение;

- традиции, духовность и нравственность отодвигаются на второй план;

- уменьшается реальная человеческая связь с людьми и окружающим миром. Человек, со временем, замыкается лишь на интерфейсе (гаджеты и девайсы) с искусственным интеллектом;

- увеличивается зависимость отдельного человека и людей от цифровых систем и искусственного интеллекта, что угрожает духовной и информационной безопасности человеческой личности и общества.

Следует отметить важное значение, которое уделяется мировым и российским научным и бизнес сообществом проблеме этики искусственного интеллекта. В рамках международного форума «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» при поддержке Правительства РФ представители федеральных и региональных органов власти, ведущие российские компании и университеты подписали первый в России **«Кодекс этики искусственного интеллекта»**, который был разработан Альянс в сфере ИИ совместно с Аналитическим центром при правительстве России и Минэкономразвития. Документ станет частью федерального проекта «Искусственный интеллект» и Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы. Первый в России кодекс этики искусственного интеллекта устанавливает общие принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере ИИ. Эти отношения связаны как с этическими аспектами создания технологий, так и с их внедрением и использованием на всех этапах жизненного цикла.

В Кодексе закреплены базовые принципы жизни в новой реальности, где человек окружен роботами. Документ поделен на два раздела, которые раскрывают, в частности, такие темы, как стимулирование развития ИИ, повышение осведомленности об этике применения ИИ, идентификация ИИ в общении с человеком и информационная безопасность. Задача государства и всех участников технологического сообщества не только продвигать полезные сервисы, но и минимизировать риски, связанные с распространением технологий ИИ. Электронные подписи под меморандумом о присоединении к Кодексу этики искусственного интеллекта поставили российские компании и фонды: Сбербанк, «Газпром нефть», «Яндекс», VK, МТС и Российский фонд прямых инвестиций, а также представители Сколково, «Ростелекома», Росатома и ведущих вузов России Высшей школы экономики, ИТМО и др. [6].

Вице-губернатор Санкт-Петербурга Станислав Казарин после совещания рабочей группы IT руководителей регионов «IT Диалог 2021» предложил создать постоянно действующую рабочую группу при Совете Федерации РФ по рассмотрению актуальных вопросов этики цифровой трансформации с широким привлечением представителей научных и политических кругов, экспертного сообщества, представителей органов власти и общественных организаций [8].

На базе ИТМО создан и функционирует исследовательский центр **«Сильный искусственный интеллект в промышленности»**, в октябре он стал одним из победителей грантового конкурса, который проходил в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект». Объем финансирования, направленного на поддержку деятельности исследовательского центра, составит более миллиарда рублей. Основное направление работы Центра будет связано с сильным ИИ – имитацией машиной креативной умственной деятельности специалиста (например, конструктора, проектировщика, технолога, управленца). Подразделение, занимающейся разработками по созданию сильного искусственного интеллекта, создано в экосистемной компании СБЕР.

Системы ИИ начинают формировать основные тренды развития в третьем десятилетии XXI века [7] и широко использоваться во всех сферах жизни общества и экономики [2].

Сообщество Сингуляритинет (базируются в Гонконге) создало антропоморфного робота Софию (подключена к облаку ИИ), которая официально стала гражданином Саудовской Аравии. У ИИ пока нет полного самоосознания себя как отдельной самостоятельной личности. Однако, робот София уже высказывает отдельные суждения, которые отличают ее от людей. Сейчас ИИ учат эмоциям и мотивациям (имитации эмоциям и мотивациям человека). Постоянное отражение ИИ в ЧИ через глубинное машинное обучение. Сильный ИИ нельзя сразу создать готовым. Тьюринг говорил, что нужно создать зародыш ИИ, а потом его развивать и он в процессе самообучения будет развивать сам себя. Руководитель компании «Сингуляринет» Бен Герцель поставил задачу: научить последующее поколение роботов с более высоким уровнем ИИ эмитировать человеческие эмоции.

В 1950 году английский учёный и пионер в области вычислительной техники Алан Тьюринг опубликовал в философском журнале «Mind» статью «Вычислительные машины и разум». В данной статье он описал процедуру, с помощью которой будет возможно определить тот момент, когда искусственный интеллект сравнивается с человеком по разумности. Эта процедура получила название «Тест Тьюринга». Тьюринг писал, что «метод вопросов и ответов кажется подходящим для обсуждения почти любой из сфер человеческих интересов, которую мы хотим обсудить».

Некоторые специалисты в области искусственного интеллекта считают, что сильный ИИ должен преодолеть к 2030 году ограничения теста Тьюринга [9]. Ряд исследователей считают: «Мы можем построить модели искусственного интеллекта, но мы не знаем, как они работают» [11]. М. Хвистендаль исследовал проблему взаимодействия естественного и искусственного интеллектов и попытался ответить на вопрос: может ли ИИ вырваться из-под контроля человечества и уничтожить его? [10].

Предполагается, что в цифровой экономике у разнообразных продуктов, технологий, устройств и людей появятся **цифровые двойники**. Так, Футурист Джон Сمارт, утверждает, что уже в 2020 г. можно будет создать **цифровую копию человека**. При этом, некоторые современные специалисты отмечают, что у каждого человека будет его цифровой двойник, слепок [3]. Предположение о возможности полной загрузки сознания в компьютерную среду высказывал Рэй Курцвейл из Google, оценивший время, создания требующихся для решения данной задачи технологий, в 30 лет [6].

Высказывается и точка зрения, в соответствии с которой «двойник» будет создаваться одновременно с рождением человека. С этого момента информация о нем будет накапливаться в государственных базах данных. С помощью «цифрового двойника», отдельным людям, коллективам, предприятиям, городам и регионам предстоит взаимодействовать с сетевым государством (электронно-сетевым правительством). Функции государства возможно по отношению к гражданам будут изменяться за счет появления наряду с управляющей и регулирующей функциями, сервисно-сетевой функции, управляемой искусственным интеллектом [7].

Ежегодно публикуется отчет о тенденциях развития искусственного интеллекта, которые отражаются в специальном индексе искусственного интеллекта. **Индекс искусственного интеллекта- HAI AI Index Report** (измерение тенденций в области искусственного интеллекта, Measuring trends in Artificial Intelligence) – это независимая инициатива Стэнфордского института искусственного интеллекта, ориентированного на человека (HAI), возглавляемая **Руководящим комитетом Индекса искусственного интеллекта**, междисциплинарной группой экспертов из академических кругов и промышленности. Этот 386-страничный годовой отчет за 2023 год собирает, анализирует, сопоставляет, группирует данные, относящиеся к искусственному интеллекту, позволяя лицам, принимающим решения, предпринимать значимые действия для ответственного и этичного продвижения ИИ с учетом интересов людей, компаний и общества [15].

Индекс искусственного интеллекта сотрудничает со многими различными организациями для отслеживания прогресса в области искусственного интеллекта. К таким организациям относятся: Центр безопасности и новейших технологий Джорджтаунского университета, LinkedIn, NetBase Quid, Lightcast и McKinsey. These organizations include: the Center for Security and Emerging Technology at Georgetown University, LinkedIn, NetBase Quid, Lightcast, and McKinsey.

Индекс искусственного интеллекта также расширил отслеживание глобального законодательства в области искусственного интеллекта с 25 стран в 2022 г. до 127 в 2023 г. Глобальные частные инвестиции в ИИ составили 91,9 млрд долл. в 2022 г., что на 26,7% меньше, чем в 2021 г. Общее количество мероприятий по финансированию, связанных с ИИ, а также количество вновь финансируемых компаний, занимающихся ИИ, также сократились. Тем не менее, в целом за последнее десятилетие инвестиции в ИИ значительно возросли. В 2022 г. объем частных инвестиций в ИИ был в 18 раз больше, чем в 2013 г. По результатам ежегодного исследования McKinsey, доля компаний, внедряющих искусственный интеллект в 2022 г., более чем удвоилась с 2017 г.

В России приоритеты развития систем искусственного интеллекта определены в **«Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»**, утверждённой Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 **«О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»**. В развитие названной стратегии распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р была принята и утверждена **«Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»**.

Министерство науки и высшего образования РФ утвердило модуль «Системы искусственного интеллекта», который служит методической рекомендацией для помощи вузам при актуализации основных образовательных программ высшего образования по всем специальностям и направлениям подготовки. Изучение искусственного интеллекта начали изучать в рамках образовательных программ ведущих российских университетов с 1 сентября 2021 года.

Одним из мировых лидеров в области исследования, развития и широкого внедрения систем искусственного интеллекта является Китай. В июне 2017 года Государственный совет Китайской Народной Республики опубликовал **«План развития искусственного интеллекта в КНР»** (Notice of the State Council Issuing the New Generation of Artificial Intelligence Development Plan). В 2017 г. Национальная комиссия развития и реформ КНР (NRDC) одобрила план создания **общегосударственной лаборатории искусственного интеллекта**, которую возглавила китайская ИТ-корпорация Baidu в сотрудничестве с ведущими научными центрами и университетами страны.

В 2018 году Китайским институтом электронной стандартизации был опубликован официальный документ стандартов AI, так называемая «Белая книга по стандартизации искусственного интеллекта» [16].

На 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей был одобрен план 14-й пятилетки на 2021–2025 годы, а также были утверждены це-

ли развития КНР до 2035 года. Важнейшими направлениями инновационного технологического развития Китая в этот период становятся развитие наночипов, искусственного интеллекта, квантовых компьютеров и биотехнологий. Расходы на фундаментальные исследования будут увеличиваться более чем на 7% каждый год в течение пяти лет. Китай намерен к 2035 году стать одним из самых инновационных государств мира.

В последние годы активно развивается научно-инновационное и образовательное российско-китайское стратегическое партнерство. Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством науки и технологий КНР разработали и приняли документ **«Дорожная карта российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020–2025 годов»** [https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dms/china/china_doc/], в котором определены основные направления сотрудничества в области научных исследований, инноваций, образования, профессиональной подготовке кадров, образовательных программ, стажировок и обменов между учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами и предприятиями России и Китая. Важнейшими направлениями являются развитие сотрудничества в области передовых инновационных технологий, обмен технологическими достижениями, сотрудничество в области цифровизации, телекоммуникации, искусственного интеллекта и космических технологий.

В целом следует подчеркнуть, что экосистемные нейро-сетевые технологии генеративного (в перспективе сильного) искусственного интеллекта с масштабируемыми соционейро-морфными интерфейсами определяют будущее лидерство и гиперконкурентные преимущества России и евразийских стран в ближайшее десятилетие.

Литература

1. Аблязов Н. Технологическая сингулярность. Исследование предпосылок возникновения и последствий для человечества.- https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/aspers/a_1xes5v.php (дата обращения 23.05.2021 г.).
2. Влияние технологий искусственного интеллекта на экономику и бизнес. 11.11.2019. <https://www.tadviser.ru/a/425211> (дата обращения: 10.05.2020).
3. Громова Т. Через пять лет у людей появятся цифровые двойники. <http://www.dsnews.ua/future/cherez-pyat-let-u-lyudey-poyavyatsya-tsifrovye-dvoyniki-17102014092500> (дата обращения 05.10.2019).
4. Дятлов С.А. Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.- 2021.- № 2. С. 25-29.
5. Дятлов С.А. Искусственный интеллект в цифровой экономике: учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023.- 120 с.
6. ИТМО вошел в число участников, подписавших первый в России кодекс этики искусственного интеллекта.- – https://news.itmo.ru/ru/startups_and_business/initiative/news/12195/ (дата обращения 5.11.2021).
7. Как аналитика и ИИ меняют будущее: 8 трендов на 2021 год.-https://ai.cnews.ru/articles/2021-01-31_kak_analitika_i_iskusstvennyj_intellekt (дата обращения 10.06.2021 г.).
8. Санкт-Петербург выступил инициатором создания рабочей группы по этике цифровой трансформации при Совете Федерации РФ. <https://dt.petersburg.ru/?p=1923> (дата обращения 30.11.2021 г.).

9. Тьюринг А. М. «Вычислительные машины и разум» Статья в журнале «Mind» 1950.- С.13.
10. Хвистендаль М. Может ли ИИ вырваться из-под нашего контроля и уничтожить нас? <https://medium.com/odscjournal/the-best-machine-learning-research-of-2019-so-far-954120947794>(дата обращения 28.11.2020 г.).
11. Keith Rankin. We can build these models, but we don't know how they work.- <https://www.technologyreview.com/2017/04/11/5113/the-dark-secret-at-the-heart-of-ai/>(дата обращения 28.11.2020 г.).
12. Kurzweil R. The Singularity Is Near. N. Y.: Viking, 2005.
13. Pumplun L. Tauchert C. A New Organizational Chassis for Artificial Intelligence Exploring Organizational Readiness Factors // Proceedings of the Twenty-Seventh European Conference on Information Systems. – Uppsala:ECIS, 2019. pp. 1–15.
14. Vinge, Vernor. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era, in Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G. A. Landis, ed., NASA Publication CP-10129, 1993. pp. 11-22.
15. HAI AI Index Report.- <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения 27.06.2023 г.)
16. 中国《人工智能标准化白皮书 2018》发布完整版 / 中国电子技术标准化研究院. 2018. (Китайская «Белая книга по стандартизации искусственного интеллекта 2018»). URL: <https://pan.baidu.com/s/1hueUZM8> (дата обращения: 4.02.2020). (На кит.яз.)

1.3. Евразийская политическая экономия в контексте диалектики вторичной общественной формации¹

Крушение Советского Союза сопровождалось ликвидацией его официальной идеологии – ортодоксального марксизма. С Запада была завезена другая идеология, призванная обслуживать интересы новой русской буржуазии – маржинализм. Однако деятельность сугубо компрадорской новой буржуазии настолько расходилась с интересами развития страны, что её начала вытеснять традиционная для России бюрократия. Этой традиционной, но новой бюрократии, как любому правящему классу, тоже нужна идеология. Маржинализм эту функцию выполнить не может, поэтому в России активизировался поиск идеологии, адекватной современным задачам развития страны. Евразийская политическая экономия, кроме её непосредственной научной составляющей, является одним из вариантов такого поиска.

Определение «евразийская» многих наводит на мысль, что евразийская политическая экономия – нечто узко географическое: либо речь идет только о России, либо, в лучшем случае, о Восточной Евразии. А если так, то делается вывод о том, что евразийская политическая экономия неправомерна, так же как неправомерна китайская физика или бразильская математика. Мы на разные лады опровергали такой взгляд [1; 2], и в данной статье хотим привести дополнительный аргумент в пользу евразийской политической экономии, связанный с теорией общественных формаций.

Известно, что у К. Маркса было два подхода к теории общественных формаций. Первый подход делит всю историю человечества на первичную,

---

¹ Расширенная версия статьи опубликована в журнале «Проблемы современной экономики», 2023. №3.

вторичную и, соответственно, третичную формации. [3, с. 419; 4, с. 406]. Идею первичной, вторичной и третичной общественных формаций К. Маркс не разработал, и в последствии она не имела большой популярности. Это вызывает только сожаление, потому что мысль о трех формациях отображает диалектическую триаду и содержит огромный эвристический потенциал.

Гораздо более известен и распространен второй вариант формационной теории, который делит историю на ряд формаций. Самая устоявшаяся со времен И.В. Сталина, вошедшая в учебные курсы версия определяет пять общественных формаций – первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую. Правда, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов по этому поводу возмущаются: «... Многообразие социумов, характерных для истории человечества, никогда не сводилось марксизмом к пресловутым пяти способам производства и, соответственно, пяти формациям» [5, с. 217]. И все же, «пятичленка» наиболее распространена.

Первый и второй подходы не противоречат друг другу. Первичная формация соответствует первобытнообщинной; вторичная – рабовладению, феодализму и капитализму; третичная – коммунизму. И все было бы хорошо, если бы среди обозначенных общественных формаций не блуждал неприкаянный азиатский способ производства. Маркс пишет: «... Азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [6, с. 7]. Если под экономической общественной формацией понимать вторичную формацию, то данный отрывок говорит о том, что Маркс поместил азиатский способ производства перед рабовладельческим, как нечто уже не первобытное, нечто классовое, но более архаичное, чем рабовладение.

Однако в «Капитале» азиатский способ производства оказывается в первобытности, в первичной общественной формации: «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения» [7, с. 88]. Одновременно азиатский способ производства выступает у Маркса как существующий не только до классического рабовладения и феодализма, но и параллельно им: «Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX века» [8, с. 133].

Таким образом видно, что у К. Маркса не было достаточного понимания того, где должен располагаться азиатский способ производства в формационном делении истории.

После Маркса его последователи разделились на сторонников и противников идеи азиатского способа производства. В Советском Союзе, как известно, были проведены две крупные дискуссии по проблеме азиатского способа производства: первая в конце 1920-х – начале 1930-х годов, вторая – в конце 1950-х – середине 1960-х. Дискуссии были окончены административным путем. Это связано с тем, что по справедливому мнению Г.Н. Цаголова, анатомия азиатского способа производства слишком напоминала социалистическую систему

[9, с. 41] и, соответственно, дальнейшее продолжение дискуссии становилось идеологически опасным.

Среди современных сторонников азиатского способа производства следует назвать Нуреева Р.М. [10], Семенова Ю.И. Косвенно идею азиатского способа производства признают Кирдина С.Г. [11] и Бессонова О.Э. [12].

Ю.И. Семенов является одним из наиболее последовательных разработчиков идеи азиатского способа производства [13]. Он называет азиатский способ производства политарным [14, с. 382]. Ю.И. Семенов развивает теорию Маркса следующим образом. При переходе от первобытности к классовому обществу существовали предклассовые общества нескольких типов [15, с. 646]. Среди них основной тип – протополитарное общество. Остальные представляли собой «... своеобразный исторический резерв» [14, с. 382]. Протополитарное общество – единственное, по мнению Ю.И. Семенова, которое было способно превратиться в классовое [15, с. 633]. Однако, при этом, автор считал, возникшее из протополитарного, древнеполитарное общество тупиковым вариантом развития [15, с. 645]. Именно эта тупиковость и привела к тому, что из числа «резервных» предклассовых обществ возникла более прогрессивная античная рабовладельческая формация [15, с. 646], вслед за которой возник феодализм, а потом и капитализм. Таким образом, Ю.И. Семенов опирается на приведенную выше идею Маркса о том, что стволовым направлением исторического процесса является последовательная смена в рамках единой вторичной формации азиатского, античного, феодального и буржуазного способов производства.

Однако как объясняет Ю.И. Семенов тот факт, что древнеполитарная формация сохранилась и функционировала параллельно с античностью и европейским феодализмом вплоть до XIX века? Исследователь пишет: «Смена древнеполитарной общественно-экономической формации серварной (античным рабством – Д.М.) носила эстафетный характер. Поэтому эта трансформация не могла привести и не привела к исчезновению ранее существовавших древнеполитарных обществ. С этого времени ... на Земле стали сосуществовать два классовых исторических мира: древнеполитарный и античный» [15, с. 6]. При этом античный мир стал магистральным, а древнеполитарный свою магистральность утратил.

Признаться, нас не удовлетворяет подобное «объяснение». От того, что мы назовем смену формаций «эстафетной», причины этой эстафетности не становятся понятнее. Кроме того, Ю.И. Семенов правомерно распространяет теорию азиатского способа производства на социализм. Азиатский способ производства на аграрной стадии он предлагает назвать агрополитарным, а на индустриальной стадии – индустрополитарным [14, с. 144]. Получается, что «тупиковый» древнеполитарный способ производства, замененный, вследствие своей тупиковости, античным еще до нашей эры, прекрасно распространился на индустриальную стадию, да еще породил советскую сверхдержаву и весь мир социализма. Видно, что в концепции азиатского способа производства Ю.И. Семенова, как в свое время у К. Маркса, что-то не сходится.

Вернемся к первому делению истории на первичную, вторичную и третичную общественные формации. Монистическое, европоцентристское миро-

воззрение К. Маркса предполагает, что была единая для всего человечества первичная общественная формация, основанная на общей собственности, затем она переходит во вторичную формацию, основанную на частной собственности, и тоже единую для всего человечества. Все человечество, в пределах вторичной формации, на индустриальной стадии развития производства должно пройти капитализм и перейти к третичной формации.

Мы предлагаем повнимательнее присмотреться к первичной общественной формации. Со времен Маркса в марксизме господствует теория первобытного коммунизма. Это означает, что, как отмечено выше, в первичной общественной формации в пределах рода господствует примитивная общественная собственность на средства производства и реализующие ее непосредственно общественные отношения между родичами. Все это так. Но возникает вопрос, почему люди покинули этот первобытный коммунизм, этот первобытный рай? Самый общий ответ на него заключается в том, что первичная общественная формация обременена противоречием. С одной стороны, человек в целом и его экономическая определенность, в частности, в условиях первобытности пребывает в состоянии всеобщности, он универсален и потому свободен. С другой стороны, первобытный человек (и, следовательно, его хозяйство) непосредственен. Вследствие этой непосредственности универсальность первобытного человека жалкая, а, следовательно, это не универсальность; свобода ограниченная, следовательно это не свобода.

Применительно к экономике данная противоречивость означает, что первобытная общественная собственность и непосредственные формы ее реализации несут в себе свое собственное отрицание. Это отрицание состоит в том, что общественная собственность потенциально имеет в себе частную, а непосредственность ее реализации – опосредование.

Рассуждая о собственности, мы лишь подчиняемся общей точке зрения, но если следовать строгой логике, то первичная общественная формация – самая первая и, следовательно, надо начинать с логического и исторического начала хозяйственной деятельности человека. Мы уже неоднократно обосновывали, что таким началом выступает не собственность, а продукт как процесс производства и потребления [16]. Именно продукт выступает на заре человеческой истории противоречивым единством всеобщности и непосредственности; именно продукт потенциально содержит в себе отрицание, которое развившись, дает в дальнейшем частную собственность.

Чем же отрицается непосредственно данный продукт? Непосредственно данный продукт отрицается товаром. Развертывание противоречия между всеобщностью и непосредственностью продукта превращает продукт в товар. Но пока продукт в товар не превратился, товар содержится в продукте в свернутом виде, в потенции.

Однако первобытный продукт отрицается не только товаром. Если бы он отрицался только товаром, мы получили бы однолинейное историческое развитие, которое показал миру К. Маркс. Но первобытный, непосредственно-общественный продукт кроме товара отрицается еще и номенклатурой. Продукт потенциально содержит в себе и товар и номенклатуру.

Такой характер отрицания продукта связан с его собственной диалектикой. Продукт, развиваясь, полагает себя как одно и как многое [17]. Это вполне соответствует методологии Гегеля: бытие на ступени для – себя – бытия выступает у него как взаимопереход одного и многого [18, с. 231-237]. Примеры продукта как одного и как многого элементарны. Допустим, юкагиры заняты поколкой оленей при их переправе через реку. Это означает, что юкагиры производят и потребляют оленей (продукт как нечто одно). Но одновременно юкагирский род заколол первого конкретного оленя, второго, третьего и т.д. И точно так же съел первого, второго, третьего оленя ... С этой стороны олени выступают как многое. Верным и одновременным оказывается и то и то: продукт «олени» выступает как нечто одно, и тот же продукт «олени» есть нечто многое.

Продукт как одно, единый агрегат, является зародышем номенклатуры, продукт как многое, отдельные продукты – зародышем товара [19]. Из всего этого следует, что первобытная экономика потенциально удвоена – она несет в себе момент товарности и момент номенклатурности (плановости). Первобытность и первичная общественная формация у Маркса совпадают. Поэтому первичная формация оказывается внутренне удвоенной. Эта удвоенность почти незаметна. Во-первых, товарность и номенклатурность, как отмечено, еще только потенциальны и, во-вторых, как неразвитые моменты постоянно переходят друг в друга. Один и тот же род в зависимости от хаотически меняющейся природы сегодня демонстрирует признаки товарного поведения, завтра – номенклатурного.

Итак, первобытный коммунизм, разрешая своё противоречие, отрицает сам себя и это отрицание различено как товарность и номенклатурность. Внутренняя удвоенность первичной общественной формации реализует себя во вторичной. Скрытое различие товара и номенклатуры превращается в устойчивую противоположность. На рис. 1.7 видно, что вторичная общественная формация представляет собой противоположность двух формаций. Это центральная идея статьи, на которой основано все дальнейшее рассуждение. Во вторичной общественной формации продукт не просто потенциально содержит в себе номенклатуру и товар, продукт становится товаром и номенклатурой. И эти товар и номенклатура противоположны друг другу.

Причина возникновения и развертывания этой противоположности заключается в том, что вследствие развития производительных сил начинается разделение продукта (разделение труда). Первобытный принцип одного и многого в продукте реализует себя в противоположном характере развития производительных сил. Этот противоположный характер развития производительных сил, в одном случае, разделяет продукт на многие отдельные продукты; продукт как целое остается вторичным. В другом случае, – требует соединения разделенного продукта в единое целое. Теперь уже отдельные продукты вторичны по отношению к этому целому [19].

Рассмотрим одну из сторон противоположности товара и номенклатуры, а именно, товар. Товар не просто сам по себе товар, товар – это неразвитый капитал, становящийся капиталом. На рис. 1.7 видно, что товар исторически транс-

формируется в капитал. Продукт становится капиталом. Капитал как ограниченная, частичная, а, значит, противоречивая форма продукта начинает преодолевать сам себя. Превращаться в подчиненный (снятый) момент более сложной формы продукта. На рис. 1.7 это обозначено как «сняемый капитал». Мы видим, что это снятие капитала также происходит в исторических рамках вторичной общественной формации. Правда, пока мы не знаем, какая форма продукта скрывается за определением «сняемый капитал».

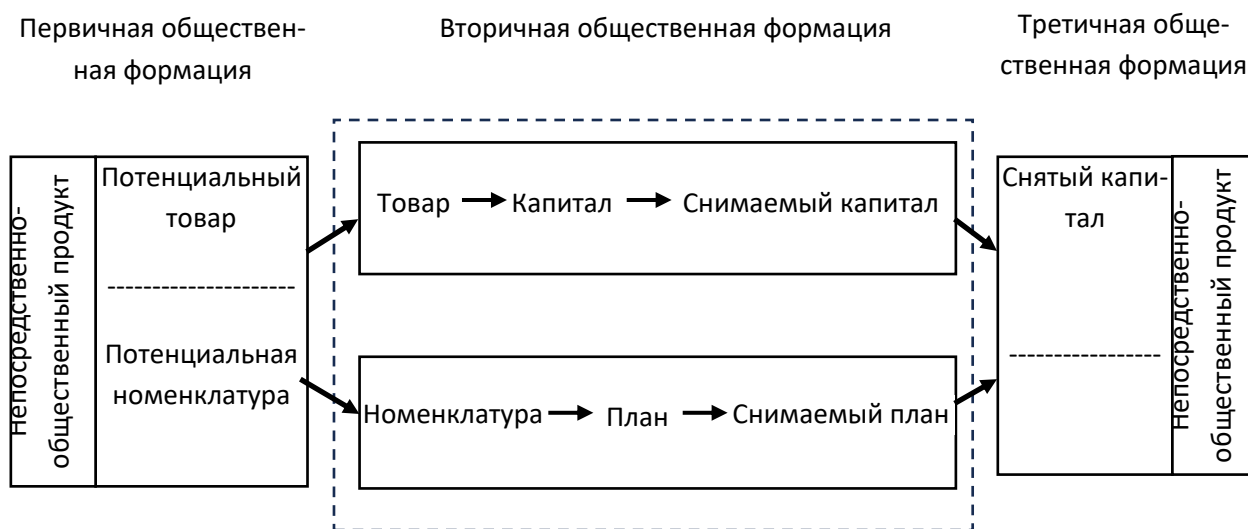

Рис. 1.7. Вторичная общественная формация как противоположность двух формаций

Источник: разработано автором.

Посмотрим теперь на вторую сторону противоположности вторичной формации. Действительная номенклатура, развившаяся из потенциальной номенклатуры первобытности, также не самодостаточна. Она, как показано на рис. 1.7, развивается до уровня плана, ибо номенклатура – это неразвитый, становящийся план. Внутри этой стороны противоположности продукт стал планом. План – это историческая форма продукта, как бы странно это ни звучало.

План не просто форма продукта, а, подобно капиталу, исторически переходящая, противоречивая форма продукта. Поэтому план тоже начинает преодолевать сам себя. На рис. 1.7 этот процесс обозначен как «сняемый план». Какая форма продукта скрывается за обозначением «сняемый план» и как она устроена, нам, так же, как и в случае со «сняемым капиталом», в настоящее время неизвестно.

Итак, вторичная общественная формация представляет собой единство противоположных сторон. Мы имеем в одной суперформации две противоположные формации. Кондрашова Л.И. и Муштак Х. подтверждают эту мысль: «Существование двух разных культур – исторических генотипов с существующими суперцивилизационными кодами общественного развития вынуждает признать дуализм самого теоретического понятия «формация» [20, с. 146].

Раз имеются две противоположные формации, то базируются они на двух противоположных способах производства. И формации, и способы производства должны быть как-то определены. К счастью, для одного из противоположных способов производства название уже есть, для того, где господствуют номенклатура и план. Это азиатский способ производства. В лице древнего азиатского способа производства Маркс наткнулся не на мелкую формацию типа рабовладения или феодализма. Он обнаружил одну из противоположностей вторичной формации, но не осознал этого и поставил ее в один ряд с рабовладением, феодализмом и капитализмом. Ю.И. Семенов, рассматривая в одной исторической плоскости агрополитарное и индустрополитарное общества, фактически приходит к идее единой формации, основанной на азиатском способе производства, но, к сожалению, не определяет ее таким образом.

Вводя понятие азиатского способа производства, Маркс, скорее всего, руководствовался тем, что большинство цивилизаций этого типа располагались именно в Азии (персидская, индийская, китайская, арабская и т.д.). Однако, исходя из цивилизационного принципа, следует признать, что эстафету цивилизаций с азиатским способом производства подхватила Россия, прежде всего в форме Советского Союза, когда остальные азиатские цивилизации либо погибли, либо утратили статус цивилизации. Социально-экономический центр российской цивилизации – Восточная Европа, а не Азия. Поэтому предпочтителен термин не «азиатский», а «евразийский» или «евразийский способ производства».

Мы определили одну половину противоположности. Но как обозначить вторую половину? Как назвать способ производства, где продукт принимает форму товара, потом капитала, а потом некоего снимаемого капитала? Думается, что решение напрашивается само собой: если на одной стороне противоположности мы имеем евразийский способ производства, то на другой – западноевропейский.

Теперь стоит перейти к обозначению общественных формаций, образующих как стороны противоположности, вторичную общественную формацию. Здесь все совсем просто – формация, основывающаяся на евразийском способе производства, называется, евразийской общественной формацией, а та, которая основывается на западноевропейском способе производства, соответственно, – западноевропейская.

Изложенное проясняет смысл евразийской политической экономии. Классическая политическая экономия всегда выдавала себя за науку, которая раскрывает универсальные, всеобщие законы экономического развития всего человечества, начиная от первобытности и заканчивая либо капитализмом (немарксистская политическая экономия), либо коммунизмом (марксистская политическая экономия). Однако на деле классическая политическая экономия раскрывает лишь частный случай – динамику западноевропейского способа производства. Есть вторая сторона вопроса – евразийская общественная формация и ее способ производства исследует евразийская политическая экономия.

Выходит, что единая наука – политическая экономия, с необходимостью распадается на два раздела – западноевропейскую политическую экономию и евразийскую политическую экономию. Сложившаяся сегодня западноцентрич-

ная экономическая наука преподносит хозяйственную деятельность человека в односторонней, искаженной форме. Системно показать экономический мир человека могут только оба раздела науки – западноевропейская политическая экономия и евразийская.

К сожалению, определением вторичной общественной формации как единства противоположности евразийской и западноевропейской формаций проблема не исчерпывается. Необходимо исследовать внутреннюю «начинку» обеих формаций (рис. 1.8).

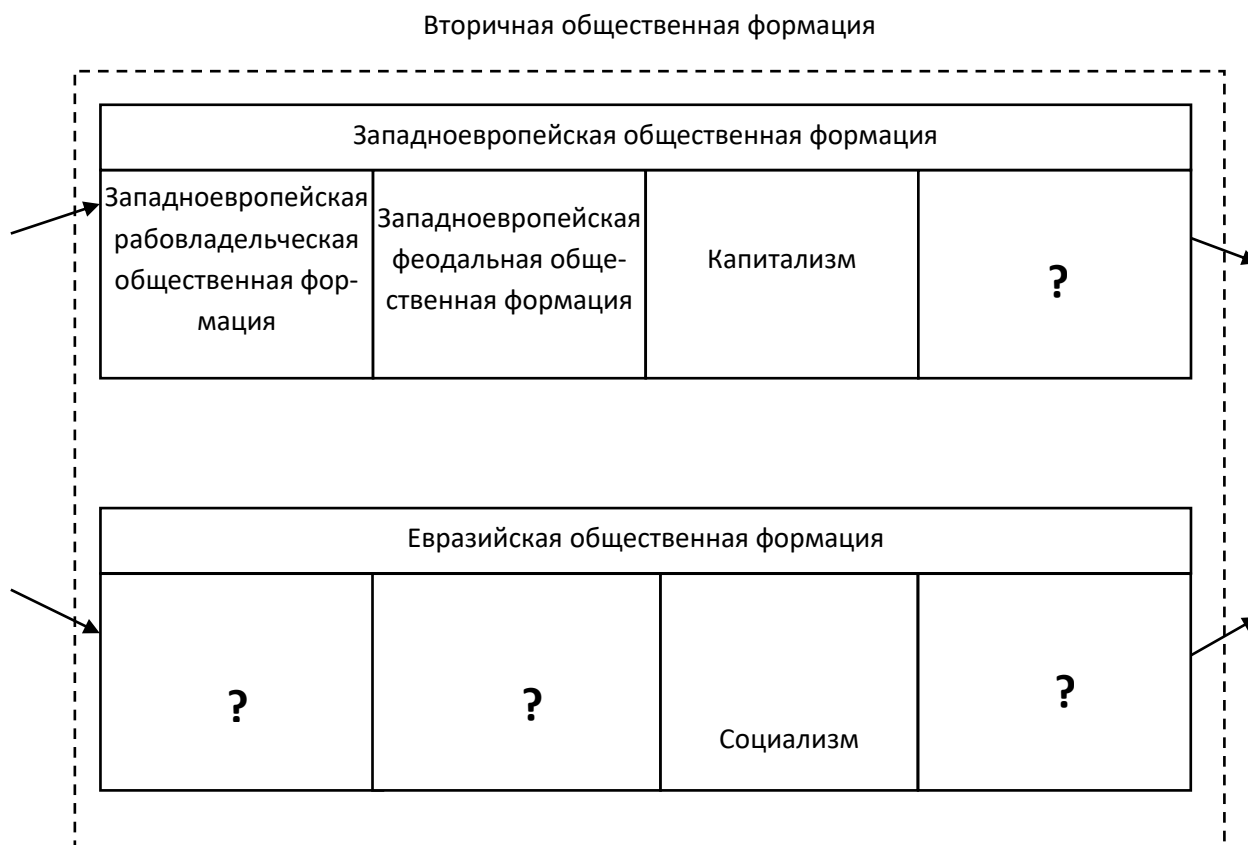

Рис. 1.8. Внутренняя структура евразийской и западноевропейской общественных формаций

Источник: разработано автором.

Прежде всего, видно, что, согласно рис. 1.8, социализм является не первой фазой коммунизма, а формацией, являющейся историческим этапом развития евразийской общественной формации. Это вызывает психологическое отторжение у определенной части научного сообщества. Психологическое отторжение связано с тем, что, во-первых, при такой трактовке мир социализма оказывается не более передовым, чем мир капитализма, а является всего лишь его противоположностью, обремененной другими, но противоречиями.

Во-вторых, в современном сознании отнесение культуры к азиатскому, а не европейскому типу означает отнесение ее к чему-то дикому, деспотичному, отсталому и застойному [5, с. 219].

Что касается первого пункта, то действительно, в основе социализма лежит план, а план – это не более высокая форма продукта, а лишь форма, противоположная капиталу. Относительно второго пункта (отсталости, дикости, азиатчины) следует заметить, что он базируется на предрассудках европоцентричного сознания. Евразийские формы общественной жизни другие, но они ни в коей мере не отсталые и не дикие. Евразийская формация противоречива, следовательно, как и западноевропейская, имеет свои положительные и отрицательные стороны. Солидарность, социальная поддержка, ориентация на прогресс и науку, свойственные жизни в советском Союзе и вызывающие сегодня ностальгию – это все положительные стороны евразийской общественной формации. Для адекватного понимания этого и нужна евразийская политическая экономия. Кроме проблемы социализма, на рис. 1.8 поставлено много знаков вопроса. Рассмотрим те, которые находятся в прямоугольниках, следующих за капитализмом и социализмом. Если вернуться к рис. 1.7, то там показано, что вслед за периодом расцвета капитала следует исторический отрезок, когда происходит снятие капитала. То же самое относится и к плану. Знаки вопроса на рис. 1.8, поставленные за капитализмом и социализмом, соответствуют этому историческому отрезку снятия капитала и плана. Каков его смысл? Как отмечалось выше, капитал и план возникли в процессе развития товара и номенклатуры. Развитие товара и номенклатуры заняло огромный исторический период времени, в течение которого в рамках, например, западноевропейской общественной формации возникли и исчезли рабовладение и феодализм. Если процесс становления капитала потребовал существования двух формаций, то трудно представить, что процесс снятия как капитала, так и плана не будет сопровождаться возникновением хотя бы одной формации. Г.Н. Цаголов выдвинул гипотезу интегральной формации, которая объединяет преимущества капитализма и социализма [9, с. 43]. В целом эта идея представляется верной. Однако едва ли можно говорить о единой формации. Интегральная формация будет развиваться (уже развивается) в рамках вторичной формации, которая обременена противоположностью западноевропейской и евразийской формаций. Поэтому скорее всего, возникнет какой-то вариант западноевропейской интегральной формации, где все же доминирует, пусть интегрирующийся с планом, но капитал; и какой-то вариант евразийской интегральной формации, где доминирует интегрирующийся с капиталом план.

Еще два знака вопроса на рис. 1.8 стоят в прямоугольниках, предшествующих социализму в евразийской общественной формации. Аграрная стадия производительных сил обусловила в Западной Европе рабовладельческую и феодальную формации. В русле развиваемого в данной статье взгляда это уже не просто рабовладельческая и феодальная формации, а западноевропейская рабовладельческая и западноевропейская феодальная формации. Но как их ни назови, они довольно четко отделены друг от друга по целому ряду признаков. Возникает вопрос, должны ли мы и можем ли мы на рис. 1.8 вместо знаков вопроса поставить «евразийская рабовладельческая» и «евразийская феодальная» формации? К сожалению, здесь все очень туманно и специалисты по-разному трактуют содержание этого исторического отрезка. В данной области имеется богатая основа для дальнейших исследований.

Литература

1. Миропольский Д.Ю. Возможна ли евразийская политическая экономия? // Проблемы современной экономики. 2015. № 1. С. 44-45.
2. Миропольский Д.Ю. Евразийская политическая экономия – политическая экономия западного мира // Государство и рынок: механизмы и институты Евразийской интеграции в условиях усиления глобальной гиперконкуренции. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 15-23.
3. Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич. – Третий набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 19. М.: Политиздат. 1961. – 670 с.
4. Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич. – Первый набросок // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 19. М.: Политиздат. 1961. – 670 с.
5. Бугалин А.В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 640 с.
6. Маркс К. К Критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 43. М.: Политиздат, 1959. – 770 с.)
7. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 23. – М.: Политиздат, 1960. – 907 с.
8. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 9. – М.: Политиздат, 1957. – 701 с.
9. Цаголов Г.Н. Политическая экономия будущего // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. – С. 39-51.
10. Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. – Душанбе.: Дониш, 1989.
11. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 468 с.
12. Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. – М.: РОССПЭН, 2006. – 144 с.
13. Николаева У.Г. Дорыночные (докапиталистические) экономические отношения: новая жизнь в эпоху глобализации и потенциал марксистской методологии исследования // Вопросы политической экономии. № 4. С. 68-87.
14. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 382 с.
15. Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному) – М.: КРАСАНД, 2014. – 646 с.
- Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-е. Т. 10. М.: Политиздат, 1958. – 771 с
16. Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2015. – 278 с.
17. Миропольский Д.Ю. Влияние характеристик реального сектора на формирование рыночного и планового типов хозяйственных систем: исходные теоретические положения // Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2022. – С. 37-55.
18. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1 – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
19. Миропольский Д.Ю. План и капитал как имманентные формы продукта // Научные труды вольного экономического общества России. 2022. № 3. С. 238-248.
20. Кондрашова Л.И., Муштак Х. Требуется ли обновления марксистская теория формаций? // Вопросы политической экономии. 2022. № 2. С. 133-135).

1.4. Культурные коды экономик стран-участниц ЕАЭС: единство и противоречия

Современное мировое хозяйство переживает этап глобальной институциональной трансформации и выстраивания новой системы мирохозяйственных связей, что требует реформирования наших представлений о путях и инструментах прогрессивного мирового развития, ставя задачу формулировки новой парадигмы международного сотрудничества.

Эксперты констатируют, что период, когда мир регулировался институтами, закончился, и как будет регулироваться дальше, пока не ясно. В мировой политэкономической системе проблемы приняли лавинообразный, обвальный характер.

Основными тенденциями, определяющими особенности текущего момента в мировом хозяйстве, можно назвать следующие:

- слом старой архитектуры мировой хозяйственной системы, разрушение сложившейся в предшествующий период мировой иерархии;
- нарастание центростремительных тенденций и усиление противоборства старого «ядра» и новых центров мирового развития, на роль которых претендуют Китай и Россия;
- паралич старых институциональных механизмов мирового политического и хозяйственного устройства, начиная с механизмов обеспечения безопасности, и кончая валютно-финансовым;
- формирование и укрепление новых союзов набирающих силу экономик как в рамках континентальных, так и межконтинентальных экономических объединений;
- активное развитие и усиление влияния на мировые процессы ранее слабых игроков, начиная от государств, и кончая целыми континентами, в первую очередь, африканским [1, с. 22].

Экономисты сходятся во мнении, что нынешний мировой кризис не циклический, а миросистемный, затрагивающий институциональные и структурные характеристики мирового хозяйства. Нынешняя мировая экономическая трансформация – это попытка выйти из сложившейся кризисной ситуации. Очевидно, что новая мировая система будет другой и будет складываться из блоков старой с существенной их трансформацией. Очевидно также, что трансформационный переход к новому миропорядку не будет быстрым. Потому, возникает острая необходимость стратегических ориентиров развития и осознанное выстраивание оснований для дальнейшего прогресса.

Те международные союзы, в которые входит Россия, также подвергаются внешним воздействиям, при этом вектор их развития во многом определяется совпадением взглядов на будущее мироустройство, а также наличием общих культурных оснований и остротой складывающихся внутри них противоречий. В созданных ранее экономических союзах, к которым относится и ЕАЭС, развивающийся слом старого миропорядка и усиливающееся давление на Россию вызывает заметные трудности на пути дальнейшего интеграционного процесса, что отмечается в аналитическом докладе, представленном в 2023 г. Российским

советом по международным делам [2, с. 5]. Несмотря на присутствие в программных документах ЕАЭС амбициозных планов, наблюдается определенная пробуксовка в формировании общих пространств, в том числе финансового рынка, общего рынка энергоресурсов, в создании устойчивого механизма согласования общих инфраструктурных проектов.

Важным моментом, отмеченным в докладе, является указание на то, что «для дальнейшей эволюции ЕАЭС необходимы новые стимулы, которые, в том числе, должны трансформировать сугубо экономическую логику развития интеграционного объединения». Именно акцент на неэкономические факторы дальнейшего развития требует более подробного анализа. По мнению профессора А. Аузана, проблема прогрессивного развития национальных экономик вновь «упирается» в фактор культуры и требуется не просто рассматривать взаимовлияние в паре «экономический рост – институты», а анализировать тройственное взаимодействие: экономический рост, культура и институты [3, с. 20].

Существует множество определений культуры, которые раскрывают данный феномен с разных сторон [4, 5, 6]. А. Аузан пишет, что экономисты, в большинстве своем, под культурой понимают «ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени – неформальные институты» [3, с. 14]. Мы полностью разделяем такой подход, только, по нашему мнению, следует также добавить, что культура включает не просто ценности и установки, а еще и механизм наследования системных ценностей, который присутствует в хозяйстве у субъекта любого уровня, начиная от отдельного человека, и заканчивая уровнем общества в целом [7, с. 14]. И это важно, на наш взгляд, так как трансформация хозяйства может определяться тем, нарушен или нет механизм передачи ценностей. Именно этот процесс, т.е. слом или, наоборот, укрепление определенных институтов культуры и приводит к экономическим сдвигам. Как, например, известный феномен экономического подъема в странах с протестантизмом, в базе которого лежит признание ценности труда.

Если рассматривать культуру в широком смысле слова, то в ее составе можно выделить 4 структурных элемента, которые формируются и развиваются вместе с развитием хозяйства.

С позиций структурного подхода хозяйство предстает как социо-эколого-экономическая система, состоящая из природной, социальной и экономической сфер жизнедеятельности хозяйствующих субъектов, с присущими каждой из них отношениями, а также отношениями, возникающими на стыке этих сфер (рис. 1.9). Рассмотрим, где формируются элементы культуры как системы.

1 элемент возникает на стыке природной и социальной среды, в рамках природно-социальных отношений, когда человек взаимодействует с природой напрямую, безотносительно уровня развития экономики, когда он выстраивает свои отношения с природой в соответствии с уровнем развития своего сознания. В настоящее время это проявляется в широко распространенном по миру движении сторонников здорового образа жизни: занятиях спортом, активном отдыхе, экологичном поведении, правильном здоровом питании и т.д. Ценность долгой и здоровой жизни ни у кого не вызывает сомнений в настоящее время. В первом приближении этот элемент можно назвать *культурой здоровья*.

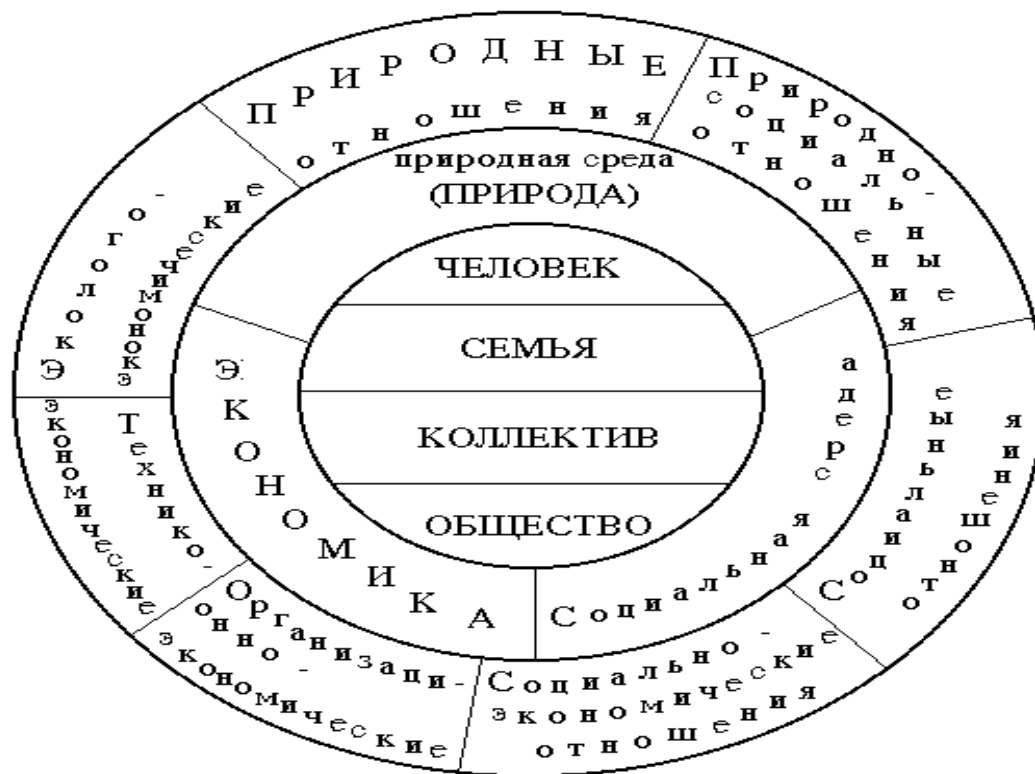

Рис. 1.9. Структура социо-эколого-экономической системы и ее отношения

2 элемент формируется внутри общества и представляет *культуру в традиционном понимании* слова как множество традиций, обычаев, материальных и духовных ценностей, которые возникают в процессе взаимодействия людей между собой (в процессе социальных отношений) и образуют систему, включающую семейную, культуру быта и потребления, религиозную, художественную, политическую, правовую, и пр. элементы любой национальной культуры.

3 элемент представлен группой ценностей и поведенческих установок, которые возникают в экономической среде в рамках производственных процессов, процессов распределения и обмена, получивших название *экономической культуры* или культуры производства.

4 элемент возникает на стыке экономики и природы в рамках эколого-экономических. Его можно обозначить как *экологическую культуру*, т.е. как культуру ценностей, вырастающих из взаимодействия общества в целом и природы в условиях развитой хозяйственной деятельности человека.

Очевидно, что культура как система, включающая эти элементы, представленные в разных объемах и проявлениях у субъектов разных уровней, предстает достаточно сложным явлением. Но именно она выступает тем фактором, который во многом определяет специфику экономического развития современных национальных хозяйств, в которых природа, экономика и общество выступают как части единого целого.

Через исследование влияния культуры на экономику можно проложить дорогу к формированию той области знания о хозяйстве, где объединятся взгляды сторонников системного, структурного, ресурсного, воспроизвод-

ственного, институционального, диалектического, культурологического и других теоретических подходов.

Рассмотрим с этих позиций ситуацию в ЕАЭС.

Общим основанием для развития и укрепления данного союза выступает то, что все 5 стран-участниц – Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Армения – в прошлом были экономически, политически и культурно включены как равноправные республики в состав СССР.

Если рассматривать динамику развития стран-участниц ЕАЭС с момента вхождения в состав СССР, то можно увидеть, что они стартовали с заметной дифференциацией уровней как в экономике, так и в культуре.

Так, например, по данным советской статистики, школы-семилетки появились в Белоруссии в 1922 г., в Киргизии – в 1923 г., в Армении только в 1924 г., как и избы-читальни [8, с. 14]. В Киргизии, как и в некоторых регионах России (например, в Бурятии) на момент вступления в Союз не было своей письменности.

За период советского развития в указанных республиках была проведена культурная революция и обеспечены условия для всеобщего среднего образования. Наличие “мировоззренческого единства”, несмотря на разность религиозных и культурных оснований республик в начале процессов федерализации, сформировало в итоге общность культур: единое мультикультурное пространство без доминирования какой-либо культуры.

В основу жизненного порядка были заложены признание ведущей роли человеческого фактора в развитии общественных систем и гуманистические цели общественного производства, достигаемые параллельно с созданием возможностей для одновременного универсального развития общества и индивида.

Важнейшим фактором прогресса стало единство и взаимовлияние в развитии экономической и социальной сферы.

К началу 1990-х гг. в СССР философы зафиксировали:

- сформирована единая общность людей «советских народ»;
- образовалось единое семантическое поле в рамках задачи «преобразования всего мира» на основе деятельностного бытия;
- доминировал приоритет общечеловеческих ценностей: ценности человеческой жизни, семьи, дружбы, любви к Родине и т.д.;
- произошло изменение роли женщин в обществе: равноправие мужчин и женщин было реализовано во всех сферах жизнедеятельности.

За время общего развития в рамках единого государства всеми республиками были пройдены общие этапы культурного и экономического развития, начиная от культурной революции, индустриализации и восстановления после серьезных потерь во Второй мировой войне. Период мирного строительства во второй половине XX века был ознаменован высоким подъемом культуры и породил единую общность людей – советский народ. Это уникальный феномен мировой истории остается пока еще слабо осмысленным политэкономом.

Прогресс в культурном строительстве, в первую очередь, в сфере образования, позволил СССР в 4 технологическом укладе стать страной-лидером мирового развития.

Фактор культуры требует учета при выстраивании сегодняшних траекторий развития прежде всего потому, что однобокий подход к экономике, отрыв ее в стратегическом планировании от других сфер жизнедеятельности людей не дает интегральных эффектов развития. Осознание сложности и многомерности хозяйственных процессов требует признания и включения в анализ экономических законов и закономерностей ранее не включенных факторов стратегического развития, к которым относится и культура. Исследуя данную проблематику, Александр Аузан выделяет культурные коды экономики как набор алгоритмов, которые требуют понимания для того, чтобы ответить на вопросы:

- Как культура влияет на экономическую успешность наций.
- Как культура влияет на конкурентную специализацию наций.
- Как культура влияет на преобразования, когда нужно изменить страну.

[3, с. 30-31].

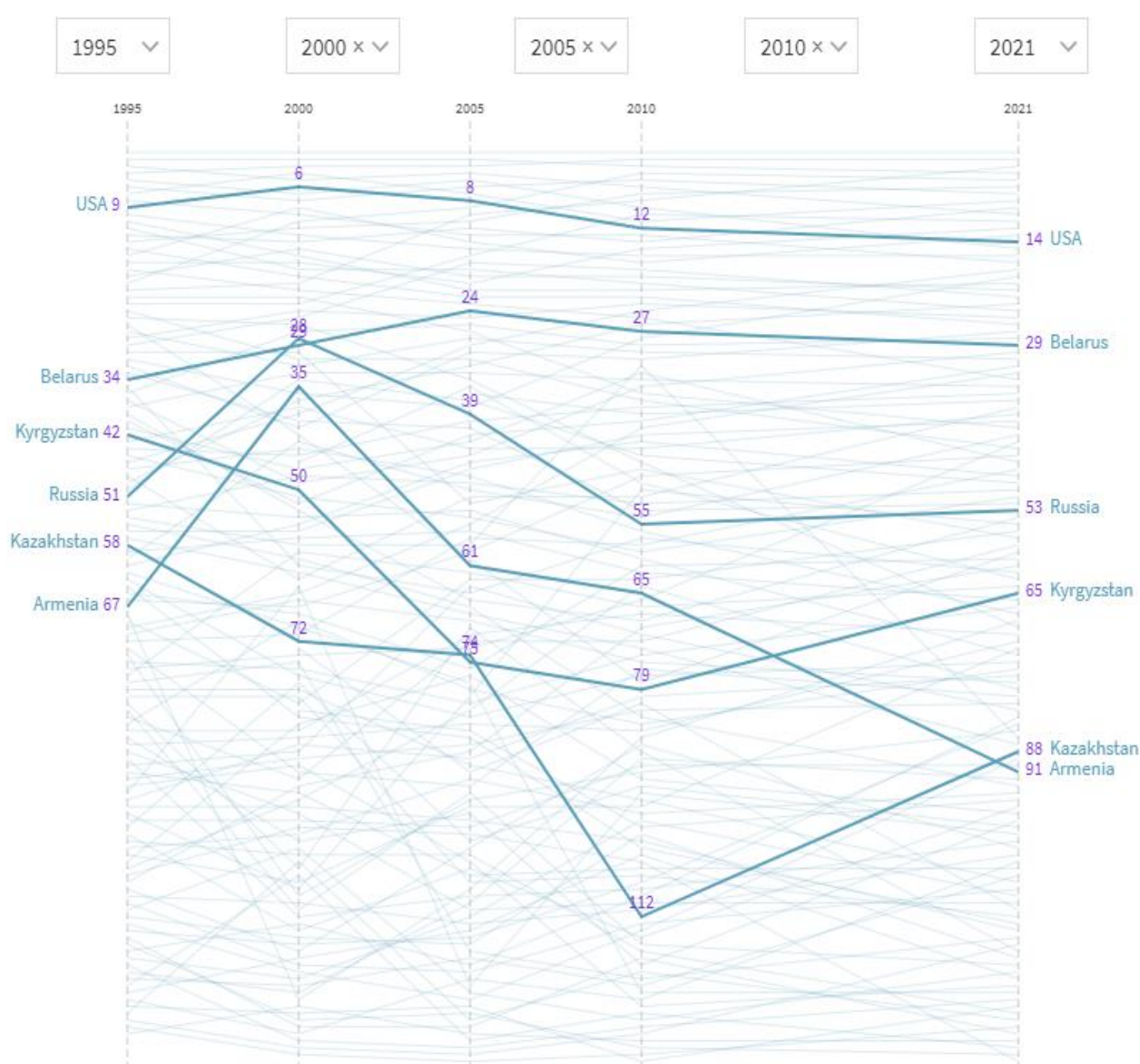

Рис. 1.10. Динамика рейтинга сложности экономик стран-участниц ЕАЭС за период 1995–2021 гг. (составлено по [9])

С позиции развития политэкономического знания, поиск ответов на эти вопросы позволяет по-новому взглянуть на законы и закономерности развития хозяйственных систем.

Если посмотреть на развитие ЕАЭС под этим углом, то получается очень интересная картина. Переход к рынку в 1990-е годы все союзные республики СССР, и анализируемые страны в том числе, начинали с очень близких экономических и культурных позиций. На рисунке 1.10 видно, как менялся уровень сложности экономик у входящих в ЕАЭС стран по мере перехода к рынку, и как позиции расходились.

Чтобы проследить, какие культурные сдвиги происходили в анализируемых странах, необходимо обратиться к Всемирному исследованию ценностей, проводимому волнами группой европейских исследователей под руководством Инглхарта-Венцеля на основе опросов жителей стран мира, начиная с конца прошлого века.

Итоги замеров предстают в виде карты (рис. 1.11, 1.12). Каждая страна на карте представлена точкой. Для удобства восприятия страны объединены в группы по культурному или географическому признаку. На осях представлены следующие параметры.

Горизонтальная ось

слева: ценности выживания – материальные блага, безопасность, покорность, низкая оценка прав человека, ксенофобия.

справа: ценности самовыражения, высокая оценка прав человека, стремление к успеху и материальным благам, внимание к экономии и равноправию мужчин и женщин, высокий приоритет защиты окружающей среды, а также растущие требования к участию в принятии решений в экономической и политической жизни.

Вертикальная ось

внизу: традиционные ценности – семья, религия, социальный конформизм, принятие власти, *общественное более значимо, чем личное*.

Традиционные ценности подчеркивают важность религии, связей между родителями и детьми, уважения к власти и традиционных семейных ценностей. Люди, которые принимают эти ценности, также отвергают развод, аборт, эвтаназию и самоубийство. Эти общества имеют высокий уровень национальной гордости и националистических взглядов [10].

вверху: секулярно-рациональные ценности – низкая роль религии, предпочтению светского государства, *личное более значимо, чем общественное*.

С помощью карт можно проследить лишь общую тенденцию смены культурных ориентиров, но тем не менее в динамике это очень наглядно иллюстрирует сдвиги в культурных ценностях.

Как видно из рис. 1.11, страны – участницы ЕАЭС в 1990 г. находились в верхнем левом углу карты в группе посткоммунистических стран. И из советского прошлого ценности предпочтения светского государства, низкой роли ре-

лигии сохранились наряду с приобретением рыночных установок на то, что личное стало более значимо, чем общественное в условиях слома коммунистической идеологии. А дальше происходил сдвиг культурных ценностей и позиции стран расходись. Наибольший дрейф вниз по вертикали, в сторону африканских и мусульманских стран с ценностями религии, наблюдался у Армении и Киргизии, которая по итогу исследования 2023 года к ним и «примкнула» (рис. 1.12).

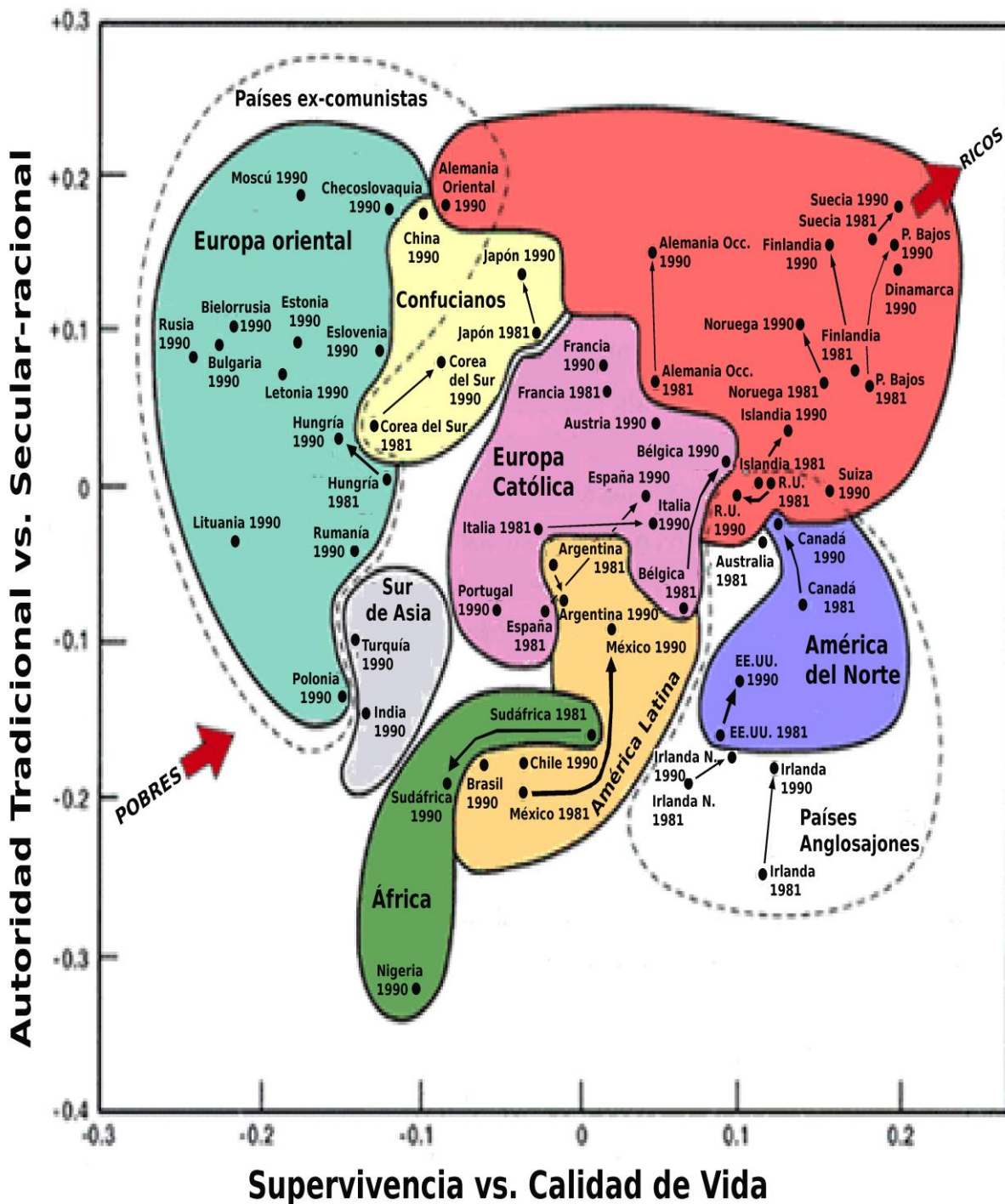

Рис. 1.11. Культурная карта мира Инглхорта-Венцеля (1980–1990-е гг.) [10]

The Inglehart-Welzel World Cultural Map 2023

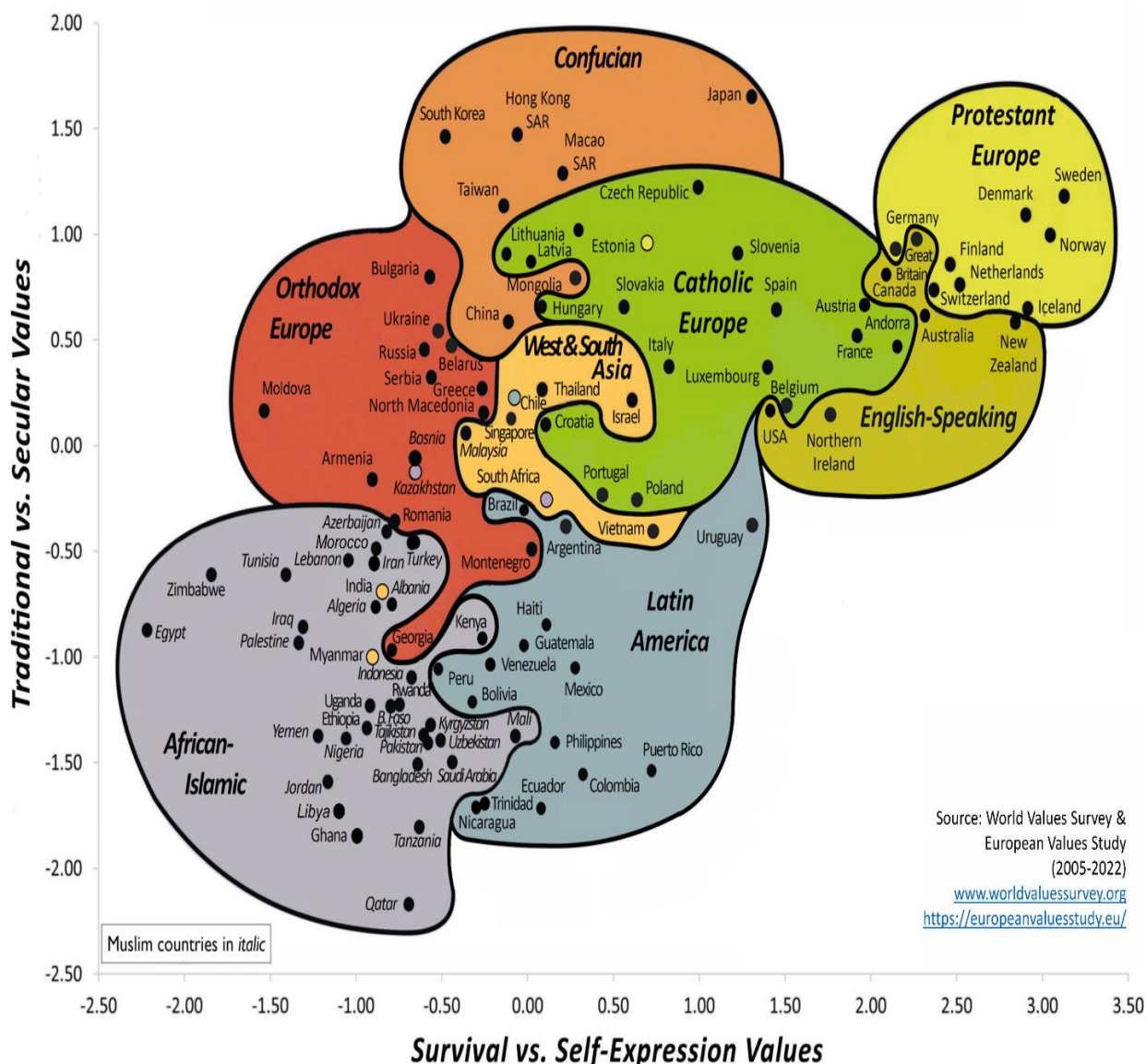

Рис. 1.12 Культурная карта мира Инглхарта-Венцеля 2023 г. [10]

В 2017 г. у всех стран – участниц ЕАЭС были достаточно близкие позиции по ценностям выживания (горизонталь).

Разрыв был по вертикали, сильно опустилась Армения, но в большинстве стран все же доминировали внерелигиозные ценности.

А вот в 2023 г. Армения вновь поднялась. У России, а больше всего у Беларуси, сдвиг произошел вправо по горизонтальной оси в сторону ценностей самовыражения. Что напрямую коррелирует с позицией этих двух стран в индексе сложности экономик 2021 года. Именно об этой закономерности пишет А.Азун, раскрывая связь между растущими ценностями самовыражения жителей и ростом экономических результатов страны.

Конечно, следует принимать во внимание и другие культурные коды, а также учитывать, что все измерения могут иметь погрешности. Но при этом,

важнейшие показатели, представленные в международных сравнениях стран и их динамика очень хороши для сопоставления (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Рейтинги стран – участниц ЕАЭС в международных сравнениях
в 2018–2023 годах

Показатель/страна	Респ. Армения	Респ. Беларусь	Респ. Казахстан	Кыргызская Республика	РФ	Общее кол-во стран в рейтинге
Атлас сложности экономики 2018 г./2021 г.	79 /91	29/29	93/88	59/65	64/53	133
Глобальный индекс инноваций 2020 г. /2023 г.	61/72	64/80	77/81	94/106	47/51	131/132
Индекс экономиче- ской свободы – 2020 г.	34	88	39	81	94	180
Индекс процвета- ния 2020 г.	55	69	62	90	76	167
в т.ч. субиндекс об- разования	58	30	34	80	21	
Индекс социально- го прогресса 2020 г.	50	47	67	89	69	163
Индекс человече- ского развития 2018 г./2021 г.	81/85	50/60	50/56	122/119	49/51	189/191

Источник: составлено по [11, 12,13].

Так очень наглядно отставание Кыргызстана в уровне образования, в человеческом развитии и социальном прогрессе и процветании от остальных стран союза.

В таблице 1.6 представлены международные рейтинги, но даже они демонстрируют большое сопряжение экономических и социальных результатов по каждой отдельной стране.

Развитие ЕАЭС сталкивается с двумя группами противоречий: внутри союза и между союзом, как единым субъектом и остальным миром. Внутри союза также можно выделить 2 группы:

1) Межстрановые – между национальными интересами стран-участниц.

На этот вид противоречий необходимо обратить особое внимание, так как в любых экономических союзах происходит усиление разрушительных сил при культурной несовместимости. И если культурные позиции стран-участниц будут «расходиться» все больше, и под внешним давлением произойдет смена культурных ценностей, то в перспективе это будет грозить

распадом или потерей участников, что наблюдалось в отношении Украины и Грузии как членов СНГ.

2) Внутространовые также очень большая группа противоречий. Выделим в ней только те, что касаются нашей проблемы:

- между необходимостью сохранения национальной культуры и давлением глобалистских тенденций насаждения «монокультуры»,
- между интересами элиты и населения стран-участниц,
- внутри национальных элит.

Почему мы обращаем внимание на элиты и их поведение? Очевидно, что это важнейший культурный фактор, от которого зависит судьба и национальных экономик, и судьба союза в целом. А. Аузан выделил в поведении элиты те условия, которые могут создавать положительное или отрицательное воздействие на экономическое развитие (табл. 1.7). Если элиты делают неправильный институциональный выбор, то культура далее создает эффект колеи, т.е. наблюдается закрепление той траектории развития, из которой стране очень сложно выйти.

Таблица 1.7

Проблема «колеи»: пороговые условия

Желательный вариант	Нежелательный вариант
Элиты пишут законы для себя, потом распространяют на других	Элиты пишут законы для населения, а для себя делают исключение
Элиты делают деперсонализованные организации	Элиты делают организации (партии, фонды и т.д.) под персону
Элиты вместе контролируют инструменты насилия	Элиты делят между собой инструменты насилия: тебе – прокуратуру, мне – следственный комитет

Источник: составлено по [2, с. 110–111].

Поэтому, несмотря на наличие культурного единства в прошлом, наличия схожей институциональной матрицы восточного типа у стран-участниц ЕАЭС, в настоящее время обострение имеющихся противоречий всех видов под воздействием глобальных вызовов ставит на повестку дня вопрос о необходимости укрепления интеграционных связей на новой основе. В условиях, когда культура становится первичным фактором эффективного развития общества и экономики, той «мягкой силой», что обеспечивает безопасность взаимодействия в рамках союза государств, речь должна идти о формировании «грамотной» культурной политики в рамках ЕАЭС.

Культурная политика – сложная, полифоническая, полифункциональная, динамическая система, способная к трансформации, детерминированная ключевыми политическими установками конкретного государства или союза государств на определенном этапе исторического развития.

Для формирования стратегии национального развития, на наш взгляд, следует четко разграничивать три важнейшие группы факторов:

- факторы национального и мирового развития, подконтрольные управляющим воздействиям государства;
- факторы безопасного развития национального хозяйства,
- факторы, обеспечивающие построение инвестиционной траектории экономического роста.

Уровень управляемости и контроля со стороны государства за факторами национального и мирового развития позволяет формировать вектор стратегического участия государства в развитии национального хозяйства и культуры в том числе.

Культурная политика – это фактор, *подконтрольный управляющим воздействиям государства*, определяемый в свою очередь, множеством других, таких как: социальные, институциональные, экономические. Важнейшую роль в процессе формирования культурной политики играют элиты и от их правильного стратегического выбора будет многое зависеть на постсоветском пространстве, в развитии ЕАЭС.

Культурная политика в рамках ЕАЭС должна четко осознаваться руководством стран-участниц как тот фактор их экономической интеграции, который требует активного совместного формирования с целью достижения долгосрочных интересов союза.

Претензии России на место в мировом сообществе в качестве одного из лидеров сталкиваются с усилением противодействия со стороны конкурентов. Потому, выстраивая систему национальных целей, страна должна, с одной стороны, реализовывать свои национальные интересы, и при этом вписываться в «надсистему» целей развития человеческого сообщества в целом. С другой, необходимо усиление партнерских отношений в тех межстрановых союзах, где вектор коллективных интересов не противоречит национальным, с тем, чтобы реализовывать стратегию «активной» безопасности, в т.ч. и в культурной политике. В рамках ЕАЭС необходимо активно наращивать межстрановые контакты и взаимодействия, прежде всего в сфере образования, привлекать абитуриентов в российские вузы из республик союза, готовить научные кадры, усиливать научные и культурные обмены.

Мы затронули только некоторые аспекты очень сложной проблемы, которая требует своего дальнейшего исследования. У стран-участниц ЕАЭС есть все необходимые ресурсы для обеспечения процветания своих стран при правильно сформированном векторе стратегического развития, верном стратегическом выборе в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Миэринь Л.А. Трансформационные процессы мирового и национального развития: взгляд современной политэкономии // Известия СПбГЭУ. – 2022. – №6 (138). – С. 22-29.
2. Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84 / 2023 [А.В. Точин, Т.М. Алиев, Е.С. Чимириш, А.Э. Безруков, К.С. Кузьмичев, Н.С. Пыжиков, Е.В. Стоянова; под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, А.П. Александрова, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2023. — 78 с.
3. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 160 с.

4. Бирюкова Е.А. О значении понятия «культура» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-ponyatiya-kultura/viewer> (дата обращения: 27.04.2023).
5. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс Традиция, 2006. – 408 с.
6. Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс/ АН СССР.ИСИ. -М.: Наука, 1980. – 303 с.
7. Культурная политика России как фактор национальной безопасности // Управление социокультурной деятельностью: традиции и новации: коллективная монография / под общей редакцией д.э.н., проф. П.М. Лукичева, д.э.н., проф. Т.П. Николаевой. – СПб.: Издательский дом «Русский остров», 2016. – С.13-20.
8. Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://istmat.org/node/22102> (дата обращения: 17.09.2023).
9. Country & Product Complexity Rankings [Электронный ресурс]. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 17.09.2023).
10. World Values Survey [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 17.09.2023).
11. Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году: международные рейтинги Аналитический доклад [Электронный ресурс]. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/82a/Ekonomicheskoe-razvitie-EAES-i-gosudarstv_chlenov-v-2020-g.-Mezhdunarodnye-reytingi.pdf (дата обращения: 17.09.2023).
12. Human development report 2021/2022 [Электронный ресурс]. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf (дата обращения: 17.09.2023).
13. Глобальный инновационный индекс 2023 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (дата обращения: 17.09.2023).

1.5 Экономическая мысль русской социал-демократии.

Критика теории и практики большевистского хозяйствования

Как известно, в вынужденной эмиграции оказалась, по существу, вся интеллектуальная элита российской социал-демократии, в том числе и такие интересные экономисты, как С.О. Загорский, А.М. Югов, Ст. Иванович, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич и др. Настоящая статья посвящена анализу их воззрения.

Совершенно естественно, что в творческом наследии российских экономистов социал-демократического направления видное место занял критический анализ теории и опыта большевистского хозяйствования. Можно утверждать, что в этом анализе они преуспели, может быть, не менее чем представители либерального и народнического течений общественной мысли.

С этой точки зрения очень интересен С.О. Загорский, книги и статьи которого, опубликованные еще до революции, сделали это имя весьма известным [1]. В эмиграции он стал одним из самых компетентных экспертов по так называемым «русским делам». Как отмечал М. Вишняк, Загорский «... сделал больше, может быть, чем кто-либо для того, чтобы рассеять или подорвать иллюзии и мифы, существующие в Европе, относительно октябрьской революции и

большевистского социализма. И нежелающих заставлял он узнавать правду о СССР» [2, с. 498].

Вслед за Струве, Загорский развеял такой, например, миф, согласно которому разрушения русского народного хозяйства в годы первой мировой войны имели катастрофический характер. Этот миф был порожден желанием большевистских историков и экономистов затушевать масштабы другой катастрофы, связанной с октябрьской революцией, вызванной ею гражданской войной и, конечно, политикой «военного коммунизма».

Несомненно, отмечал Загорский, мировая война произвела в народном хозяйстве России целый ряд потрясений. Однако в этом отношении Россия отнюдь не исключение. Расстройства в различных областях хозяйства имели место и в других странах. Россия, писал ученый, действительно оказалась в катастрофическом состоянии, но не к 1917, а к 1921 г. С помощью целого ряда показателей автор убедительно доказал это положение [3, с. 464-466].

В соответствии с приведенными показателями, взятыми автором из советских источников, падение производства и расстройство важнейших отраслей народного хозяйства России к 1916 году было существенным, но оно укладывалось в границы 10-20%. На фоне последующей разрухи эпохи «военного коммунизма» это расстройство действительно можно считать весьма незначительным. К истинной катастрофе, повторял Загорский, экономику России привела прежде всего большевистская политика, последствиями которой были тотальное разрушение хозяйства, всеобщая нищета, голод и даже буквальное вымирание людей.

Вожди большевизма, как известно, пытались оправдать политику «военного коммунизма» утверждениями о ее вынужденности и «объективной» неизбежности, обусловленной войной.

Однако российские социал-демократы не приняли на веру подобные утверждения. Так, А. Югов, например, отметил, что они не верны даже хронологически, так как уже в декларациях, оглашенных представителями ВКП(б) на заседаниях петроградского и московского Советов еще перед октябрьскими днями 1917 года, то есть до всякой войны и интервенции, была намечена вся программа немедленного коммунизма, позже и осуществленная большевиками. Да и, по существу, вся идеологическая литература в этот период вплоть до «Азбуки коммунизма» Бухарина и Преображенского, проникнута верой именно в командно-административные методы, с помощью которых пролетариат осуществит свою диктатуру и построит в России социализм [4, с. 9].

Югов дал выразительную критику политики «военного коммунизма», охарактеризовав ее как политику, ведущую к неминуемому распаду и разложению народного хозяйства. Захватив власть, писал этот автор, большевики объявили все земли, заводы, фабрики, промыслы, дома национализированными. Деньги утратили свою ценность в легальном обмене. Труд был объявлен обязанностью каждого, и почти все сделались государственными рабочими или служащими. Государство же взяло на себя задачу дать населению бесплатно продовольствие, жилище, одежду, удовлетворять его потребности в книге, газете, больнице, школе, театре [4, с. 6].

Вскоре выяснилась, однако, вся иллюзорность «прыжка в царство свободы». Производительность труда на заводах и фабриках из-за недостатка оборотных средств, из-за отсутствия квалифицированного управленческого персонала, из-за уравнительного и голодного пайка рабочих упала до ничтожной величины. В результате промышленное производство сократилось в среднем до 17%, а некоторые отрасли – до 1-2% довоенного уровня.

Крестьянин, ничего не получая от города, отказался давать государству хлеб и продукты сельского хозяйства, а на применение силы (продотряды) ответил повсеместным уменьшением посевной площади, сокращением скотоводства и молочного хозяйства. Если в 1915 году посевная площадь составляла 91 млн десятин, то в 1920 – уже 61 млн десятин, а в 1921 – 50 млн десятин. Соответственно, угасал и среднегодовой сбор хлебов: если в 1908-1912 гг. он составлял 4,3 млрд пудов, то в 1920 г. была собрана половина этого количества (2,2 млрд пудов), а в 1921 – лишь одна восьмая. Истощенная и плохо обработанная земля не смогла противостоять засухе, в результате чего целые области подверглись ужасам голода.

В полном соответствии с весьма впечатляющей картиной разрушения промышленности, сельского хозяйства, транспорта находилось и состояние советской валюты. Колоссальные дефициты (в 1920 г. – 1 трлн рублей при доходах в 150 млрд руб.) покрывались потреблением запасов прежней хозяйственной деятельности страны, растратой золотого фонда, но главным образом – выпуском бумажных денег.

Столь стремительный распад всего народного хозяйства был обусловлен, по Югову, прежде всего чрезмерной централизацией управления производством, исключительным преобладанием карточных методов распределения, разрушением рыночных регуляторов.

Распределительные государственные органы имели громадный штат, который сам в большинстве случаев разворовывал и продавал на сторону продукты. Хищения стали бытовым явлением. Не лучше обстояло дело и с опытом планового централизованного распределения предметов массового вещевого потребления, сырья и полуфабрикатов через аппарат специальной Комиссии Исползования, установившей «классовую карточную систему» и специальные ордера, выдаваемые в исключительных случаях. По ним распределялись одежда, обувь, посуда и т.д.

Но эти же предметы, подчеркивал Югов, распределяли и другими путями, совсем не так «принципиально». По принципу взаимных услуг распределялись, например, дорогие шубы, мебель, ковры, хрусталь, фарфор, дорогое белье и т.д. Это была первая маленькая поправка к «классовой инструкции». Вторую ввели служащие магазинов и складов. Они ухитрились продавать сотни тысяч предметов на подпольный спекулятивный рынок, несмотря на крепкие запоры и бдительную охрану [4, с. 8].

Разумеется, весь этот хаос, вызванный первым в мире опытом насильственного насаждения принципов коммунизма в масштабах страны, долго продолжаться не мог. Нараставшие крестьянские волнения, растущее недовольство рабочих, кронштадтский мятеж недвусмысленно сигнализировали руководству

страны о том, что со сменой политики, прежде всего экономической, медлить более нельзя.

Здесь хотелось бы еще раз внятно подчеркнуть, что утвердившийся в официальной историографии еще с советских времен тезис, будто политика «военного коммунизма» была «навязана» большевикам форс-мажорными обстоятельствами (гражданской войной, интервенцией и т.п.), является ложным. Война по всей стране, писал Югов, была закончена к концу ноября 1920 года. Однако и после окончания войны большевики отнюдь не сразу отказались от идей «военного коммунизма». Так, 30 ноября 1920 года был издан декрет о полной национализации даже мелких промышленных предприятий, в декабре 1920 года VIII съездом Советов было принято самое утопическое из всех решений коммунистического периода – постановление о социализации крестьянского хозяйства, согласно которому посевокмы будут устанавливать размеры, характер и способ обработки каждого из 20 млн крестьянских хозяйств. 3 февраля 1921 года был принят декрет о прекращении взимания налогов, так как «деньги, как средство платежа, окончили свое существование» [4, с. 9-10].

В.И. Ленин и его соратники, таким образом, были вынуждены пойти на известную либерализацию экономики и допустить, правда, в весьма ограниченных пределах, капиталистические рыночные отношения, столь ненавистные большевизму. Однако сами вожди пролетариата не скрывали того, что пошли на уступку, носящую лишь временный характер.

Социал-демократы русского зарубежья отреагировали на введение НЭПа с большим энтузиазмом, усмотрев в нем многозначительный симптом поражения большевизма на хозяйственном фронте, начало его необратимого отступления, за которым неизбежно последует восстановление насильственно разрушенных рыночных регуляторов и демократических свобод.

Загорский, например, призывал не верить большевикам, будто НЭП есть лишь маневр, временная остановка в движении к коммунизму. Это естественные силы социальной природы, писал ученый, взяли верх над искусственным большевистским вмешательством и отторгли гиперцентрализованную административно-командную систему.

По мнению Загорского, в стране идет неуклонный рост частно-хозяйственных сил. Так, в общей сумме доходов, определяемой советской статистикой для 1925-1926 гг. приблизительно в 19,9 млрд червонных руб., на долю общественного хозяйства приходилось все еще не более 7%, а около 2/3 (63,8%) всей суммы доходов приходилось на долю частных хозяйств [5, с. 446-447]. Особенно ярко этот рост проявлялся в аграрной сфере, где преобладающую роль играли крестьянские хозяйства, а коммуны, колхозы и т.п. не «прививались». При этом процессы дифференциации в деревне неизбежно вели к формированию капиталистических отношений, т.е. к росту кулачества на одном полюсе и деревенской бедноты – на другом.

Развитие капитализма шло, однако, по Загорскому, не только в сельском хозяйстве. Рост частно-хозяйственных сил ученый усмотрел также и в промышленности. Конечно, капитализму в этой сфере нелегко. И это понятно, поскольку здесь велик удельный вес государственного уклада, а в крупной и

средней промышленности частные предприятия вообще запрещены законом. Почему? Да потому, отвечал Загорский, что в области крупного промышленного производства в России существует государственная монополия, которая «исключает существование частного хозяйства», ибо не желает никакой конкуренции [5, с. 450].

Однако, отсутствуя в крупном и даже в среднем производстве, частный капитал, по мнению ученого, весьма интенсивно развивался в мелком, преимущественно кустарно-ремесленном производстве, доля которого в общем объеме всего промышленного производства в стране была достаточно высока и составляла свыше одной трети. Здесь было занято свыше 3 млн человек, т.е. почти в полтора раза больше, чем в крупной госпромышленности, и это обстоятельство нельзя не принимать во внимание.

Кроме того, существенную роль играл частный капитал во внутренней и внешней торговле (в последней – в форме контрабанды), в сфере кредита и денежного обращения. Но главными сферами приложения и роста частного капитала являлись, конечно, крестьянское сельское хозяйство и мелкая промышленность. Именно здесь он прежде всего «находит благодарное поприще для своей деятельности, здесь он имеет свою твердую опору и те крепости, из которых он делает свои вылазки на открытый фронт хозяйственной борьбы с государственным хозяйством, сюда он укрывается в случае неудач. Здесь его «командные высоты», которые фактически господствуют над всей народнохозяйственной жизнью современной России (курсив наш – авт.)» [5, с. 463].

Таким образом, по мнению Загорского, страна неудержимо идет к капитализму, под прикрытием «планового хозяйства» происходит усиление и укрепление частнокапиталистических форм, и этот процесс уже необратим, остановить его развитие большевики не в силах.

Но Загорский, как, впрочем, и другие российские социал-демократы за рубежом, ошибался. НЭП не ознаменовал собой вопреки его надеждам, начала какого-то неумолимого движения «назад», «к капитализму», и не привел, следовательно, к столь ожидавшемуся «краху большевистского социализма». В соответствии с объяснениями кремлевских теоретиков НЭП «сделал свое дело и умер», правда, как мы знаем, далеко не естественной смертью.

Однако неверная трактовка сути НЭПа «е помешала российским социал-демократам сделать ряд глубоких, интересных суждений. Так, Югов признавал, что в стране достигнуты «громадные, совершенно исключительные по размерам производственно-технические успехи» [6, с. 73].

Автор решительно возражал против утверждений, согласно которым все процессы, происходящие в России, суть «процессы экономического распада». На основании их публикаций, писал Югов, можно сделать лишь один вывод, в соответствии с которым «вот уже почти десяток лет в советской России громадные заводы только то и делают, что портят сырье, производят совершенно негодную продукцию, с тем, чтобы в следующий год вновь продолжить ту же работу, лишь увеличивая размеры своей разрушительной деятельности» [6, с. 74]. Подобные утверждения, равно как и противоположная позиция в духе восторгов успехами большевиков, были неприемлемы для Югова.

Эти оценки, отмечал ученый, неадекватны действительности. Вывод должен быть иным: в советской России «производительные силы, несомненно, развиваются, хотя развиваются болезненно и очень неэкономно» [6, с. 74]. Темпы и способы осуществляемой индустриализации совершенно непосильны для России. Развитие народного хозяйства происходит «исключительно бессистемно» и «непомерно дорого». Гигантские заводы строятся часто тогда, когда в стране еще нет назревшей потребности в их продукции. Промышленное строительство часто подчиняется политическим, а не экономическим соображениям. Продукция всей советской индустрии значительно дороже и по себестоимости, и по цене, чем довоенная или иностранная. С помощью высоких цен, разорительных для населения, власть пытается максимизировать процессы накопления.

Но если бы, по рассуждению Югова, извлекаемые у населения через высокие цены средства шли только на цели индустриализации, можно было бы размышлять о том, целесообразен ли такой метод финансирования индустриализации или нет. Суть дела, однако, в ином, что «значительная часть мобилизуемых у населения средств расходуется нецелесообразно, идет не на расширение воспроизводства, а на оплату всяких «просчетов» или растекается по многим каналам и ручейкам, обогащая отдельных лиц -будущих частных предпринимателей. И это не случайные недостатки механизма, не «болезни роста», это неизбежное следствие игнорирования объективных условий, результат форсированного строительства, неизбежно ведущего страну к необратимому экономическому кризису. Большевистский вариант осуществления программного требования всех социалистов - обобществления производства, означает не что иное, как крах этого производства, а следовательно, и самого большевистского социализма. По мнению Югова, одинаково неправы как либеральные экономисты, отрицающие целесообразность какой бы то ни было национализации, так и народники (типа Пешехонова), восхваляющие национализацию. Последняя, считал Югов, в принципе необходима, но вопросы о сроках ее осуществления, объеме и методах проведения должны всегда решаться не отвлеченно, а конкретно, в зависимости от объективных и субъективных условий. Национализация должна представлять собой ряд постепенных, последовательных этапов. В России же, «в отсталой экономически и культурно стране, была молниеносно проведена сплошная и одновременная национализация», что и привело экономику «в тупик» [7, с. 54]. По Югову, вполне «можно быть решительным противником частной наживы и спекуляции, но одновременно считать утопическими и бесхозяйственными методы и размеры советской национализации (курсив А.Ю. – авт.)» [7, с. 55].

Сам факт относительно быстрого, но очень болезненного восстановления русской промышленности еще не говорит в защиту советской национализации с ее методами и объемом, ибо она осуществлялась преимущественно за счет использования дореволюционного капиталистического наследства. Но когда, писал Югов, унаследованный основной капитал был исчерпан и стали необходимы новые, гораздо большие инвестиции для экономического роста, изъян то-

тальной национализации сразу обнаружился, так как все капиталы для всего народного хозяйства теперь должно было доставать само государство [7, с. 56].

К сожалению, констатировал Югов, даже в условиях НЭПа большевики так и не решились на широкомасштабную денационализацию промышленности, более того, «в России не только был сохранен почти исчерпывающий объем национализации уже существующих промышленных предприятий, но и была predetermined монопольность существования только государственной промышленности и на будущее» [7, с. 59]. И эта монопольность, указывал Югов, одна из самых отрицательных сторон советской национализации. Действительно, за все годы НЭПа в России не было организовано «ни одного нового крупного промышленного частного предприятия, принадлежащего русскому гражданину». Нужны ли здесь комментарии?

Для чего же большевикам понадобилось столь тотальное огосударствление экономики? Ответ на этот вопрос не вызывал у российских социал-демократов каких-либо затруднений. Большевики надеялись таким образом осуществить главную марксистскую идею полной централизации управления народным хозяйством, объединения экономических сил нации в координируемое целое, развивающееся по единому, заранее разработанному плану.

По этому поводу Югов отмечал, что идея «единого штаба» по планомерному управлению всей страной, конечно же, утопична, однако при всей ее условности и утопичности теоретическая и ориентировочная ценность работы по реализации этой идеи несомненна, и она будет впоследствии изучаться всяким серьезным экономистом. «Как работы ассирийских астрологов и средневековых алхимиков, весьма далекие от реальной действительности и серьезной научности, однако легли в основу современной астрономии и химии, так несомненно не будут игнорироваться будущей наукой планового хозяйства и работы советских экономистов, несмотря на весь их утопизм и нереальность» [7, с. 226].

К сожалению, резонно уточнял ученый, русское народное хозяйство дорого оплачивает «лабораторную теоретическую работу» советских плановых органов, которые, вместо того, «чтобы направить свою энергию на необходимое и вполне возможное регулирование лишь основ экономики и отдельных областей», замахнулось на все народное хозяйство целиком. Отсюда, вместо ожидаемого рационализма, они часто «наносили прямой вред, дезорганизуя и искажая развитие производительных сил страны» [7, с. 226]. Громадная сеть этих органов поглощала труд сотен тысяч людей, что обходилось народу в колоссальные суммы. И это – помимо тех нечеловеческих жертв, которые от него требовались для выполнения планов, как правило, построенных без учета имеющихся в наличии финансовых, экономических, технических и культурных условий.

Задача разработки народнохозяйственных планов даже на годичные отрезки времени, не говоря уже о перспективных (пятилетних) или долгосрочных планах, оказалась, как свидетельствовал Югов, невыполнимой в советских условиях, несмотря на свой, казалось бы, значительно более скромный характер. И причина здесь, по автору, отнюдь не в том, что коммунисты плохо пла-

нируют, а социалисты сумели бы это сделать лучше. Можно, конечно, сетовать на бюрократичность советского управляющего аппарата и хаос в работе самых ответственных хозяйственных органов, на какие-то другие пороки, наконец, на грандиозность поставленных задач и отсутствие опыта и т.д. и т.п. Все это, действительно, так. Однако главная, истинная причина все же не в этом. Она заключается в объективной неосуществимости задачи разработки народнохозяйственных планов тотального, всеобъемлющего характера, планов, в которых находилось даже место для расчета числа телеграмм в планируемом году и среднего числа слов в них, сумм ассигнований на ремонт почтовых сумок и т.д. и т.п. Кроме того, сама экономическая структура страны, в которой преобладают полунатуральные и мелкие крестьянские хозяйства, организационное состояние промышленности, общие культурные навыки и др., не позволяют решить задачу построения единого народнохозяйственного плана и его успешной реализации [7, с. 228].

Таким образом, как видно из сказанного, социал-демократы русского зарубежья не разделяли ни теоретические установки, ни экономическую политику, ни практические действия большевиков, считая, что все эти установки, политика и конкретные действия не только не ведут страну к подлинному социализму, но и не могут к нему привести.

Куда же в таком случае ведет страну большевизм? Отвечая на этот вопрос, либеральные экономисты, как мы помним, были убеждены в том, что большевики действуют более или менее последовательно, в соответствии с марксистскими постулатами они пытаются насадить в стране социализм, однако эти попытки обречены, ибо сам социализм, как умственно сконструированное общественное устройство, в принципе нереализуем и невозможен.

Народнические экономисты, как было показано, были сторонниками социализма, но не марксистского и тем более не большевистского. Последний они вообще не признавали социализмом. Русские социал-демократы имели собственную позицию. Они, в отличие от народников, оставались поклонниками марксистского учения, но, конечно, далеко не ортодоксальными, допуская возможность творческого переосмысления этого учения, внесения в него поправок и т.д. Однако, как и народники, они резко дистанцировались от большевизма. Поэтому отождествление либералами социализма и большевизма, их резкие выпады против социалистического движения вообще социал-демократы восприняли как «крестовый поход» против социализма. «Целая плеяда выдающихся русских идеологов, – писал Ст. Иванович, – сделала из разоблачения и опровержения социалистической ереси излюбленную форму своего посильного служения родине и человечеству. Струве, Новгородцев, Карсавин, Бердяев, Изгоев, Бруцкус, Ландау и другие, ростом поменьше, предаются этому служению с такой страстью, что порой мнится: нет теперь более важного, более нужного, более святого дела, чем священная война против социализма» [8, с. 390].

Иванович считал, что задача поставлена либералами необычайно широко и глубоко: так как большевизм есть только практический вывод из социализма, так как социализм – источник большевизма, то уничтожив, забив этот источ-

ник, можно уничтожить пути идеологического питания большевизма и тем самым обречь его на смерть.

Однако, по Ивановичу, хотя ли того антисоциалистические воители или нет, «они работают на руку политической реакции, терзающей ныне Россию». Нужно же быть слепым, восклицал автор, чтобы не видеть, что угрозой для России, для культуры, для всего человечества является не социалистический большевизм, а большевизм сам по себе, как система политического, социального и нравственного гнета [8, с. 392].

Борясь с большевизмом и социализмом вообще, либералы, как мы видели боролись прежде всего с планово-централизованным способом хозяйствования. Они выдвигали идеи раскрепощения хозяйственной жизни общества, ратуя за «целительную» стихию конкурентно-рыночных отношений, за полную экономическую свободу и личную свободу граждан. Именно эти принципы, по их мнению, должны быть положены в основу функционирования и развития всех общественно-экономических систем, в том числе и хозяйственного строя России.

Сегодня не подлежит сомнению тот факт, что свободная рыночная экономика действительно «работает» эффективнее, чем экономика, управляемая из единого центра. Она способна обеспечить потребителям гораздо более широкий набор товаров и услуг. Она, что очень важно, минимизирует размеры и роль государственной бюрократии.

Но нельзя, чрезвычайно опасно не принимать во внимание аргументы, выдвинутые социал-демократами. Последние справедливо указывали либералам на то, что ожесточенная и непрерывная конкурентная борьба людей приводит к неслыханной обнаженности личных интересов, к неустанной погоне за прибылью, которая захватывает человека без остатка. Из абсолютизации и неограниченной свободы рыночных отношений неизбежно вырастает чрезмерное социальное неравенство, которое становится тормозом роста продуктивности народного хозяйства, оскорбляет чувство справедливости и порождает острую классовую ненависть.

Вспоминая сегодня эту дискуссию среди ученых-экономистов русского зарубежья, невольно обращаешься к современным российским реалиям.

Довольно ли население страны результатами либералистских реформ? Очевидное большинство населения, политиков, ученых-экономистов и обществоведов, как известно, не в восторге от хода и итогов осуществленных преобразований. Действительно, уровень жизни людей резко понизился и остается крайне низким. Разрыв в доходах стал социально неприемлем.

Вот лишь некоторые выборочные сведения, иллюстрирующие сегодняшнее качество жизни россиян. С 1992 г. число умерших превышает число родившихся в 1,5-1,7 раза. Уровень рождаемости – один из самых низких в Европе и почти вдвое ниже необходимого для простого численного замещения поколения родителей их детьми. На 1000 заключаемых браков приходится 600-700 распавшихся. Более 50 000 детей растут без попечения родителей [9, с. 49].

Показатели смертности – самые высокие в Европе. Интенсивность ежегодных потерь населения последние 5-6 лет более чем вдвое выше, нежели во

время сталинских репрессий или массового голода первой половины 20-х гг. Сокращается и продолжительность жизни, показатель которой опустился ниже 58 лет у мужчин и 70,5 лет у женщин. В общем числе умерших около трети – лица трудоспособного возраста [9, с. 49].

Когда-то П. Струве, критикуя «коммунистическую революцию» и большевизм, предложил критерий, позволяющий судить о прогрессивности или реакционности той или иной экономической политики и способа хозяйствования. «Для оценки хозяйства, народного или частного, – писал он, – лучшим мерилom служит то, дает ли это хозяйство возможность существовать и выживать его участникам, т.е. населению, с ним связанному» [10, с. 156-157]. Струве блестяще доказал, что с позиций этого критерия основным фактом советской экономики (эпохи «военного коммунизма» – авт.), не вызывающим сомнений, является «вымирание населения, определяемое прежде всего ужасающим ростом смертности» [10, с. 156].

Если с позиций выдвинутого критерия оценивать постсоветскую реформированную экономику, то в свете выше приведенных данных картина будет также довольно безрадостной.

Получилось это прежде всего потому, что, воспользовавшись всеобщим нетерпением и желанием перемен, которые действительно были жизненно необходимы стране, реформаторы «первого призыва» избрали путь к капитализму, но, как справедливо отмечает Ю. Яковец, не современному, и даже не вчерашнему, а к капитализму эпохи первоначального накопления капитала и свободной рыночной конкуренции, к рынку, превращая его в самоцель, жертвуя благосостоянием и здоровьем народа [11, с. 22].

Конечно, в современной отечественной литературе имеются и иные оценки, подчас прямо противоположные. Так, громче других звучит сегодня бодрый голос профессора В. Мау, подведшего итоги ельцинских рыночных реформ. Прежде всего он рапортует о достижениях, которые носят преимущественно политический характер. К числу последних он относит создание основ демократического строя в России, закрепленного в Конституции, гарантирующей такие права и свободы, которых никогда не имели российские граждане. Страна получила, наконец, реальную свободу слова, реальный парламент, формируемый на основе прямого равного и тайного избирательного права, на основе реальной многопартийности, реальную Федерацию, которой, по Мау, никогда не было в истории России и распад которой удалось предотвратить [12, с. 31-32]. Не будем вдаваться в дискуссию по поводу политических итогов реформ, не станем подвергать сомнению утверждение ученого относительно «реальной свободы слова» или удавшегося предотвращения распада Федерации.

Обратимся лучше к экономическим результатам реформ. Профессору Мау и они видятся в весьма радужном свете. Оказывается, в России проведена «невиданная по масштабам» приватизация, создавшая принципиально новый экономический и политический климат. Частная собственность, сообщает ученый, теперь вновь легализована, и это служит залогом того, что «при ответственной политике властей страна получит импульс экономического и социального прогресса». Далее Мау говорит о том, что удалось совершить «практи-

чески бескровный (в прямом и переносном смысле) демонтаж прежней политико-экономической системы, причем в исторически короткие сроки... (курсив наш – авт.)» [12, с. 32]. Переходный период в России практически завершен, она «стала страной с рыночной экономикой и демократической конституцией» [12, с. 33]. И это, по автору, фундаментальный результат российских реформ последнего десятилетия XX века.

Как видим, оптимизм автора неистребим, однако, малорепрезентативен. С точки зрения большинства экономистов страны, повторяем, избранный курс рыночных реформ оказался концептуально неподготовленным, или, точнее, ошибочно подготовленным, а для огромной части населения страны – попросту губительным. Действительным результатом этого курса явилось создание в России так называемого «кланового капитализма», то есть такой социально-экономической системы, в которой особую роль играют государственные чиновники, деловые люди и криминальные группы, сращенные в кланы. Как справедливо пишет Л. Косалс, в России реализовался свой, особый путь перехода к рынку, который явил собой гибрид «рецептов Международного валютного фонда» и других либеральных рецептов, с одной стороны, с сохранением некоторых «советских институтов хозяйствования», с другой. «Экономически этот путь весьма неэффективен, он был чреват очень большим и долгим спадом производства, резким снижением его эффективности, примитивизацией экономической жизни и «вымиранием» высокотехнологичных отраслей, падением уровня жизни огромной части населения, ухудшением демографической ситуации, ростом преступности, развитием теневой экономики и другими, серьезнейшими негативными последствиями» [13, с. 16].

Соглашаясь с такой интерпретацией результатов современных реформенных преобразований в стране, мы не можем не воздать должного российским социал-демократам 20-30-х годов, удивительно прозорливо, как будет еще показано, предупредивших о гибели либералистской модели и считавших, что после падения большевистской системы ни в коем случае нельзя удариться в другую, противоположную крайность. Но вначале вернемся к вопросу: куда же все-таки вела страну «диктатура пролетариата»? Как назвать созданный ею строй? По мнению Загорского, большевики построили на самом деле отнюдь не общественное, а казенное, государственное хозяйство, которое основано на тотальной национализации и которое ведется с помощью плано-централизованных, административно-командных методов управления. Подлинно же социалистическое, т.е. реально обобществленное хозяйство предполагает общественный, демократический способ ведения экономики, сверху донизу основанный прежде всего на самоуправлении.

Совершенно не случайно, продолжал Загорский, что построенное большевиками хозяйство находится в полном соответствии с утвердившимся политическим строем, атрибутами которого являются диктатура одной правящей партии, режим террора и насильственных методов принуждения, пронизывающих все экономическое и политическое устройство общества [14, с. 382].

Одну из причин тяготения большевиков к насильственным методам управления всеми экономическими, политическими и социальными процессами

Загорский справедливо усматривал в менталитете российского населения, в соответствии с которым в нашей стране чрезвычайно живуча «старая, веками воспитанная... привычка видеть в силе правительственной власти наиболее действительное оружие для проведения любой политики, даже в хозяйственной области» [14, с. 383]. В результате, хорошо это понимая, большевики предпочли реальному обобществлению, реальной социализации централизованно управляемое казенное хозяйство.

Но декретировать сверху действительный социализм невозможно, ибо последний предполагает свободное и сознательное согласие широких народных масс в городе и в деревне, их желание к социальным преобразованиям и переменам. Декретируемый сверху социализм может быть назван в лучшем случае бюрократическим социализмом, при котором управление хозяйством сопрягается не с экономической целесообразностью, а с политическими мотивами, в центре которых лежит стремление любыми способами удержать, сохранить свою власть.

В другой своей работе, написанной незадолго до смерти, Загорский уточняет свое видение созданного большевиками хозяйственно-политического строя. Это, писал автор, даже не социализм вовсе, а государственный капитализм, который «превратился теперь в огромный бюрократический аппарат и существует лишь для этого аппарата. Советское хозяйство все более теряет и тот слабый социалистический налет, который ему старалась придать коммунистическая партия. Оно все более принимает резко выраженные черты государственно-капиталистического хозяйства» [15, с. 468].

В своем толковании сути советского хозяйственного строя Загорский был не одинок. Близкую, подчас даже совпадающую интерпретацию этого вопроса предложил и Югов. Этот автор также считал чрезвычайно важным правильное определение того направления, в котором движется строящееся в России большевиками хозяйство. Куда оно идет? Если к социализму, то нужно всеми силами, позабыв о разногласиях с большевиками, помочь им. Если же страна движется в принципиально ином направлении – к капитализму, а вся употребляемая ими при этом социалистическая лексика есть лишь маскарад, то важнейшей задачей подлинных социалистов является избавление людей, искренне поверивших большевикам, от иллюзий и миражей.

Чтобы верно ответить на поставленный вопрос, Югов говорил, что одних теоретических определений научного социализма недостаточно. Можно, конечно, выявить наличность в большевистском строе элементов, по внешности присущих социалистическому строю, но этого будет мало, ибо эти элементы нередко суть фантомы, облеченные в социалистические маски «форм и слов». Важно определить реальное положение дел в российском обществе и российской экономике, выявить действительные тенденции их развития.

Первым признаком «социалистичности» своих преобразований большевики считали проведенную ими национализацию промышленности. Да, признавал Югов, большевики осуществили огосударствление почти всей промышленности. Но подобная тотальная национализация, отмечал автор, еще не есть решающий признак обобществления средств производства. И в Германии, и в ря-

де других стран развитого капитализма существует немало государственных предприятий, играющих в некоторых отраслях даже решающую роль. Конечно, большевистских масштабов национализации не знает ни одна страна в мире, но даже при самых невероятных масштабах, повторял Югов, национализация сама по себе не может рассматриваться как решающий фактор успешного построения социализма [7, с. 242-243].

Гораздо важнее то, как проведена национализация. В советской России, подчеркивал ученый, налицо огосударствление средств производства, но не их обобществление. Другими словами, управление производством находится не в руках общественно организованных, выборных хозяйственных органов и не в руках самодеятельных коллективов трудящихся, а в ведении бюрократического казенного аппарата. Работники советских предприятий являют собой не хозяев, а лишь скудно оплачиваемую рабочую силу. Хозяйственной демократии, как таковой, фактически не существует, а так называемые «производственные совещания», «рабочие советы», «соцсоревнования» и тому подобные формы являются лишь «суррогатом» хозяйственной демократии, или, точнее говоря, не более чем фикцией, ибо основные хозяйственно-производственные вопросы, такие как хозяйственная политика, размеры производства, цена продукта, ставки заработной платы, внутренний распорядок на предприятии и т.д. и т.п. – все это решается бюрократическими государственными органами без какого-либо участия и контроля рабочих масс.

Далее. Важнейшим признаком «социалистического характера» созданного строя большевики считали уничтожение частной собственности, всего класса капиталистов-собственников, а вместе с этим, следовательно, и уничтожение эксплуатации человека человеком. Теперь уже не капиталист присваивает прибавочный продукт, он идет на содержание государственного аппарата, ученых, учителей, врачей и т.д.

Но так ли это, спрашивал Югов. Дело в том, что «и организация центрального государственного управления, и расширение производства, и текущее управление предприятием, и работа торгового аппарата в советской России осуществляются столь дорого и бесхозяйственно, что размеры прибавочной стоимости, недоплачиваемой рабочему... очень велики» [7, с. 245]. И тем не менее государственная промышленность советской России не в состоянии обеспечить свое собственное воспроизводство, она целиком убыточна и помимо части прибавочного продукта, направляемой на «расширение производства» и текущее управление, она ежегодно получает из государственного бюджета многие сотни миллионов рублей субсидий.

Но, может быть, в таком случае приоритетными отраслями в советской России являются наука, культура, образование, может быть, эти сферы процветают, поглощая самую значительную долю недоплачиваемого рабочему прибавочного продукта? Увы, говорил Югов, достаточно вспомнить «нищенское положение советской школы, медицины, вспомнить полуголодное существование 2 млн безработных, голод безземельных крестьян и вымирание беспризорных детей, чтобы стало ясно, что выгода от ликвидации не пошла на общественно-полезные нужды» [7, с. 246]. Но куда же в таком случае она «пошла»? Ответ

Югова точен и недвусмысленен: она «по тысячам иногда явных, а иногда с трудом уловимых каналов уходит на обогащение советских сановников, на содержание высокооплачиваемых директоров и консультантов, на оплату избыточного штата служащих и чиновников, на удовлетворение appetитов громадной армии красных купцов, посредников, подрядчиков, на взятки, кутежи и растраты». Иными словами, заключал автор, вместо капиталистов – владельцев предприятий появились многие тысячи хозяйственно нецелесообразных и излишних, иногда прямо паразитических элементов, которые через государственный аппарат «сосут у рабочего свою долю прибавочной стоимости», и долю, значительно большую той, что приходилась прежде на удовлетворение потребностей капиталистов [7, с. 246].

Таким образом, и этот «вернейший признак» социализма, которым так гордятся большевики, попросту отсутствует. Следующим важным признаком «социалистического характера» созданного строя они считают плановое хозяйство. Однако и этого признака, по сути дела, нет, то есть в советской России нет подлинного, планомерно-организованного хозяйства; есть лишь отдельные элементы плана, но они присущи вовсе не только социалистическому строю. Далеко идущая плановость, организованность и рационализация свойственны и развитию капитализму. Но дело не только в «количестве плана», но и в его социальном содержании. И в высшей степени характерно то, что социальная сущность планов советской власти, вроде бы не являющейся властью имущих классов, очень часто направлена против интересов трудящихся.

Но если созданный большевиками строй не обладает важнейшими, решающими признаками социализма, то, как следует его «окрестить»? Югов считал, что речь должна идти не о каком-то «большевистском социализме», а лишь о бюрократическом, плохо работающем государственном капитализме. Подобный строй, по автору, недолговечен, и он неизбежно рухнет [7, с. 252]. Сформулированный в конце 20-х годов, этот прогноз сбился. Примечательно, что о неотвратимости краха большевизма писал не только Югов. Еще более обстоятельную версию неизбежности этого крушения сформулировал Ст. Иванович, который предвосхитил всю грандиозную сложность грядущего переворота.

Российскому гражданину, рассуждал автор, которому к середине 30-х годов исполнилось 30 лет, в момент воцарения большевистской диктатуры было всего 11-12 лет. «Если даже предположить, что в этом 12-летнем ребенке условиями среды и воспитания до-большевистской России были заложены некоторые элементы непроизвольного, рефлексорного сопротивления духовной и моральной заразе большевизма, то даже и в этом, весьма гипотетическом случае 18-ти лет большевистского господства было более чем достаточно, чтобы эти элементы выкорчевать без всякого следа и остатка». Отсюда следует, по Ивановичу, один непререкаемый факт – 30-летний советский гражданин середины 30-х годов (не говоря уже о более молодых людях) – всецело дитя большевистской эпохи русской истории. Чтобы полнее постичь грозный смысл этого непререкаемого факта, автор апеллировал к статистике. Оказывается, даже по переписи 1920 г. 63% всего населения приходилось на людей от 1 до 30 лет. И это при том, что сама перепись производилась спустя полтора года после ми-

ровой войны и в разгар гражданской войны, когда убыль боеспособного населения приняла катастрофические размеры, а голод и эпидемии унесли, кроме того, еще и миллионы детей. Следовательно, правомерно рассуждал ученый, сейчас, в середине 30-х годов, процент населения до 30 лет должен быть, несомненно, значительно выше 63%. Без большого риска можно предположить, что доля этой части населения составляет 70%. А это значит, что 70% всего населения России состоит из людей, всецело воспитанных и воспитываемых большевистским режимом. И ведь это молодая, то есть наиболее энергичная и много определяющая часть нации, тогда как оставшаяся 30%-ная часть населения состоит из людей, пусть даже вошедших в большевизм с некоторым запасом внутреннего сопротивления новой эпохе, но к настоящему времени ставших «людьми старыми, усталыми, разочарованными, с зияющей раной своего поражения в груди» [16, с. 389-390].

Естественно, считал автор, эти люди уже не в состоянии преодолеть, свергнуть правящий режим. А отсюда Иванович делал поражающий своей дальновидностью вывод: «большевизм могут преодолеть не те, которые с ним и к нему не пошли, а только те, которые из него и от него ушли». Это, во-первых. А во-вторых, «преодолеют его опять-таки не современные отцы, а дети. Но это будут не дети дореволюционных отцов, а отцов уже большевистских. Иначе говоря — это будут наши внуки...» [16, с. 391].

Какой фантастически точный прогноз! Действительно, только к концу XX столетия внуками поколения Ивановича коммунистический режим был преодолен. А вот и бесподобная иллюстрация справедливости вывода Ивановича: внук легендарного героя гражданской войны, большевика Аркадия Гайдара – Егор Гайдар стал одним из лидеров поколения, свергнувшего большевизм.

Но Иванович не просто сделал точный расчет. Он обосновал свой вывод, что делает его еще более ценным. При обосновании прогноза автор руководствовался соображениями, в соответствии с которыми «никогда не свергается сложившийся новый режим. Он обязательно должен постареть, чтобы сконцентрировать на себе ненависть народного большинства, чтобы разрушить все иллюзии, связанные с его рождением и молодыми годами. Всегда свергается «старый режим». Если, разумеется, ему удалось благополучно устоять против первых конвульсивных контратак тех слоев общества и государства, которые он обезвластил и обесправил. Тогда ему уже более или менее гарантирован относительно длинный период жизни, пока «еще живо поколение, которое этот режим создало, или которое его новизной соблазнилось или которое из него извлекло прямые выгоды материального и социального возвышения... Режим должен остыть, сложиться, стать «пожилым», потерять блеск великих событий (хотя бы это были и великие преступления и великие мерзости), чтобы в отношениях к нему страдающих народных масс могла проявиться свобода оценки и в психике народа могли бы накопиться элементы объективной ориентации в своем собственном положении. Нужно, чтобы исчезли всякие надежды и иллюзии насчет существующего режима, нужно, чтобы на нем осели густые слои пыли, чтобы болезнь из острой превратилась бы в хроническую для того, чтобы

массы могли бы себе дать более или менее правильный отчет в своем положении» [16, с. 391-392].

Но как бы ни долог еще был путь русского народа к свободе, Иванович убежден – «он к ней идет, и он к ней придет» [16, с. 403].

Не будем строить каких-либо симметричных рассуждениям Иванoviча предположений относительно судеб нового, постбольшевистского режима, который тоже, кажется, уже миновал период «детских болезней» своего роста и устоял против «конвульсивных контратак» обезвлащенных коммунистов. Отметим, однако, что в своем стремлении к «преодолению большевизма» внуки явно «перегнули палку», а потому и цивилизованного рынка, и цивилизованной демократии в России не получилось. Это бесспорное обстоятельство отмечают сегодня не только идейные противники либерализма в нашей стране, но и авторитетные экономисты Запада, никем еще не заподозренные в симпатиях к свергнутому большевистскому режиму. Так, профессор Гарвардского университета М. Голдман прямо пишет, что вместо развития экономики в соответствии с общепринятыми в мировой практике законами и нормами учета и деловой этики значительная часть национального богатства России попала в руки кучки олигархов. «Нормы права и учета оказались деформированными. Факторами, препятствующими развитию предпринимательства, стали коррупция, вымогательство и насилие. Утечка капитала за рубеж и наличие «крыши» в высоких эшелонах власти превратились в неотъемлемую составляющую «успеха» [17, с. 215].

Хотя представители социал-демократического течения экономической мысли русского зарубежья указывали будущим постбольшевистским реформаторам на необходимость при проведении преобразований «уберегать народ от жертв» и обеспечить ему нормальную жизнь, «внуки» не вняли этому указанию, скорее всего они даже не подозревали о его наличии. Взяв в свои руки бразды правления страной, они не только «не уберегли народ от жертв», но и существенно умножили последние. И хотя на самом деле имелся серьезный научный задел, оставленный экономистами русского зарубежья, который вполне мог бы послужить основой постбольшевистских преобразований, в поле зрения реформаторов оказалось одно направление, и не отечественной, а западной мысли – монетаризм. Именно он и заслонил собой все остальные теоретические течения. Но рецепты монетаризма в русских условиях не прижились, более того, они весьма вредоносно отразились на всем социально-экономическом развитии страны.

Литература

1. Загорский С.О. Синдикаты и тресты. Учение о капиталистических монополиях – СПб., 1914. – 280 с.; Война после мира: (по поводу Парижской экономической конференции союзников) / С. О. Загорский, приват-доцент Петербургского университета. – Петербург: Жизнь и знание, 1917. – VIII, 393 с. и др.
2. Вишняк М. Памяти С.О. Загорского // Современные записки. – 1930.- № 4.
3. Загорский С. К социализму или к капитализму? // Современные записки. – 1927. – №30.
4. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. – Берлин, 1929.

5. Загорский С.О. К социализму или к капитализму? // Современные записки. – 1927. – №30.
6. Югов А. Пятилетка. – Париж, 1931.
7. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. – Берлин, 1929.
8. Иванович Ст. О врагах социализма // Современные записки. – 1923. – № 17.
9. Глазьев С., Батчиков С. Что сулит углубление либералистской реформы в России? // Российский экономический журнал. – 2000. – №7.
10. Струве П.Б. Итоги и существо коммунистического хозяйства / Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избр. произв. / Сост. Я.И. Кузьминов. – М., 1994.
11. Яковец Ю. Будущее России в координатах евразийской цивилизации // Общество и экономика. – 2000.- № 1.
12. Мау В. Политэкономические проблемы проведения рыночных реформ в посткоммунистической России // Общество и экономика. – 2000. – №7.
13. Косалс Л. Российским путь к капитализму: между Китаем и восточной Европой // Мировая экономика и международные отношения. – 2000.- № 10.
14. Загорский С.О. К социализму или капитализму? // Современные записки. – 1927. – №31.
15. Загорский С.О. Движущие силы эволюции нынешней России // Современные записки. – 1930. – № 41.
16. Иванович Ст. Пути русской свободы // Современные записки. – 1936.- № 60.
17. Голдман М. Что мешает становлению цивилизованного рынка в России // Проблемы теории и практики управления. – 2000 – № 1.

1.6. Оценка потенциала технологических трансформаций социально-экономических систем

Экономическая наука за последние два столетия предложила огромное количество теорий, концепций, моделей и инструментов для анализа поведения как отдельных хозяйствующих субъектов, так и сложных экономических систем на национальном, региональном и глобальном уровнях. Вершиной экономической науки по праву считается (по крайней мере, должно считаться) прикладное прогнозирование, в котором от теоретического понимания и объяснения экономических явлений и процессов осуществляется переход к предвидению их динамики в целом. Для того чтобы экономическая теория обладала статусом совокупности обоснованных научных знаний она должна давать более-менее достоверные прогнозы будущего. В глобальной экономике на протяжении последних лет происходят известные всем процессы технологической и структурной перестройки. В подобных условиях задача макроэкономического прогнозирования становится крайне сложной. Как отмечал П. Кругман, «предсказывать будущее всегда было сложно, но в наши дни становится сложно даже предсказать прошлое», имея в виду частый пересмотр статистическими ведомствами ранее опубликованной официальной статистики, однако думается, что и этот рассматриваемый им факт отражает крайне неопределенную ситуацию, в которой сейчас оказалась как сама мировая экономическая система, так и наука, ее изучающая, которая, вероятно, в настоящий момент может всего лишь показать, насколько сценарий будущего согласован с имеющимися данными о состоянии экономики в текущий момент [1].

Теоретическим базисом передовых концепций макроэкономического моделирования и прогнозирования является теория экономического роста, в которой выделяют несколько основных периодов развития. На протяжении ста лет до конца XIX века в известных исследованиях А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, К. Маркса было сформировано так называемое классическое направление теории экономического роста. В парадигме кейнсианского и неокейнсианского направлений, в 1930-х гг. прежде всего в трудах Дж.М. Кейнса, Р. Харрода и Е. Домара, и позже в 1950-х гг. в моделях бизнес циклов П. Самуэльсона и Дж. Хикса, экономический рост определялся такими факторами как спрос и прирост инвестиций. Основным результатом этих исследований считается вывод о необходимости государственного вмешательства в экономику. В 1960-х гг. закладываются основы теории неоклассического синтеза, в которой были объединены методы макро- и микроэкономических исследований двух противоположных направлений анализа равновесия спроса и предложения. В опубликованных работах Р. Солоу, Т. Суона, Дж. Мида, В. Леонтьева, Э. Денисона базовые модели строились и исследовались с помощью производственных функций определенного вида, что позволило обосновать основную идею неоклассиков о совершенной конкуренции без государственного вмешательства в экономику. Однако, условие свободной конкуренции, реализованное в предложенных моделях, является абсолютно идеализированным, поскольку реальных экономик, описываемых теоретической рыночной структурой, не существует (о чем отмечал еще Дж.М. Кейнс). В новой теории экономического роста (теории эндогенного роста) отличительной особенностью стали концепции человеческого капитала и инноваций. В трудах П. Ромера, У. Нордхауса, Г. Беккера, М. Блауга, П. Кленоу, Дж. Ли, Ф. Агийона, П. Хоуита, Н. Мэнкью, Дж. Минсера, Т. Шульца, Д. Вейла, Л. Восманна, Р. Лукаса, Х. Узавы, С. Глазьева, А. Варшавского и других ученых акцент делался на социально-экономической природе экономического роста, в отличие от представителей неокейнсианского и неоклассического направлений, которыми в нем подчеркивалась технологическая суть. Отметим, что многоаспектное явление экономического роста исследуется авторами разных научных школ с фокусировкой на тех или иных его детерминантах, которые формируют ядро большого количества модельных конструкций. Наиболее изученными источниками роста можно считать накопление физического капитала, человеческий капитал и обучение, НИОКР и инновации.

Факторный анализ является одним из фундаментов методологии экономической науки. Факторы экономического роста определяют возможности увеличения реального объема производства, повышения его эффективности и качества. Представители классического и неоклассического направлений теории экономического роста были ориентированы в своих исследованиях прежде всего на поиск возможных *источников роста* и использовали для построения своих моделей аппарат производственных функций, которые описывают взаимосвязь факторов в определенные периоды времени для изучения стационарных свойств социально-экономических систем. Этот факт не означает, что классики и неоклассики отвергали динамические свойства социально-экономической системы (раскрывая сложную структуру динамики капитала в процессе самовоз-

растания и самовоспроизводства, в работе [2, стр. 121] отмечено: «капитал есть движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии...»; модифицированная производственная функция Р. Солоу содержала фактор технологического прогресса, зависящий от времени [3]), а означает только лишь то, на что ими делался акцент в исследованиях, а именно, влияние какого фактора вносит больший вклад в экономический рост.

Для изучения динамических свойств социально-экономических систем более естественным представляется использование процессного подхода, в рамках которого рассматривается взаимосвязь не стационарных факторов, а развивающихся во времени процессов. Представители кейнсианского и некейнсианского направлений теории экономического роста для формализации *механизмов роста* (посредством взаимодействия ключевых процессов) использовали в своих моделях разностные и обыкновенные дифференциальные уравнения.

В рамках процессного подхода описания экономической динамики влияние внутренних инвестиций на экономический рост (который чаще всего оценивается темпами роста реального ВВП или ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) изучено достаточно хорошо и представлено, прежде всего, в известных базовых и модифицированных моделях Дж.М. Кейнса и П. Самуэльсона. Однако эти модели обладают рядом особенностей и ограничений:

- во-первых, согласно кейнсианскому подходу они ориентированы на прогнозирование краткосрочной экономической динамики при условно стабильной структуре социально-экономической системы;
- во-вторых, влияние экономической среды на динамику экономической системы реализуется только с помощью регулятивных механизмов, инструменты управления (например, внешние инвестиции) не рассматриваются, то есть рассматривается модель закрытой экономики;
- в-третьих, изучается только одностороннее влияние процесса инвестирования на процесс валового выпуска, то есть в рассмотренных моделях процесс-причина внутреннего инвестирования трактуется как экзогенный к процессу-следствию валового выпуска;
- в-четвертых, теоретической базой рассмотренных моделей является ранний кейнсианский подход к объяснению экономических колебаний в условиях жесткости цен.

Следует отметить, что поиск модельных конструкций и математического инструментария для описания и анализа как источников, так и механизмов экономического роста пока мало продвинули исследователей в решении проблемы макроэкономических индикаторов *качества* экономического роста, как на уровне теоретических подходов, так и на уровне методики их оценивания на основе модельных расчетов [4]. Указанная задача, на наш взгляд, является крайне актуальной, поскольку такие индикаторы служат ориентирами при формировании национальных стратегий и научно обоснованной экономической политики. Среди немногочисленных работ в данном направлении отметим [5], [6], [7].

Для целей среднесрочного и долгосрочного прогнозирования для открытых экономик смешанного типа видится обоснованной разработка новых концепций и подходов в моделировании механизмов управляемой динамики социально-экономических систем, отражающие в том числе и технологические сдвиги их структуры. В данном тезисе следует отметить несколько важных моментов:

1. Часто в литературе под экономической системой смешанного типа понимается экономика с рыночной и плановой формами хозяйствования [8]. При командной (плановой) экономике объем производства, его структура, размеры потребления и уровень цен устанавливаются директивно, посредством государственного планирования. Ключевыми методологиями планирования в экономике (с точки зрения формальной логики) можно считать математическое программирование (основоположником наиболее практикоориентированной его ветки – линейного программирования – является советский математик и экономист Л.В. Канторович) и модель межотраслевого баланса американского экономиста В. Леонтьева (в современной интерпретации – методология «затраты-выпуск»). Следует отметить, что мы понимаем термин «смешанная экономическая система» не как «рыночно-плановую» (в западных экономиках акцент смещен в сторону рынка) или «планово-рыночную» (в экономиках Восточной Евразии – в сторону плана), а как рыночную экономику с механизмами государственного регулирования и управления. Одни из пионерных исследований в области задач управления для различных экономических процессов представлены в работе [9]. В работе [10, с. 25], например, можно ознакомиться с задачей управления процессом распределения валового продукта в односекторной динамической макроэкономической модели В. Леонтьева. Математическим фундаментом такого рода исследований служит качественная теория оптимальных процессов и теория оптимального управления, активно развивавшиеся во второй половине XX века.

2. Технологическая трансформация социально-экономической системы нами трактуется как широкое применение технологий более высокого уровня, обеспечивающее качественный рост производительности труда. Чаще всего технологическая трансформация предшествует структурной трансформации экономики. Поэтому исследования в области методологических подходов для разработки индикаторов технологических сдвигов и статистических методик их оценивания по массивам реальных данных является задачей крайне актуальной. Отметим, что осуществляются попытки решения указанной задачи в рамках методологии «затраты-выпуск» (наиболее развитым направлением указанной методологии является подход INFORUM, начало которому положил в 1967 году американский экономист К. Алмон [11], активно развиваемый российскими учеными и реализованный в модели RIM), которая ориентирована в первую очередь на анализ структурных сдвигов экономических систем.

С учетом основных принципов динамической сложности и процессно-системного подхода для практической реализации поставленной цели исследования следует сформулировать и обосновать научные гипотезы:

1. Инерционность сложных больших систем требует наличия временных лагов в модельных переменных, поскольку состояние социально-экономической системы в будущий момент времени зависит не только от ее текущего состояния, но и от всей предыстории ее развития.

2. Экономическая динамика, особенно в переходных условиях, должна быть управляемой, то есть должны быть формализованы механизмы целенаправленного достижения заданных или близких к ним состояний системы [12, стр. 78].

3. Поскольку экономику как целое можно трактовать как непрерывный процесс производства и потребления продукта для моделирования динамики и разработки макроэкономических индикаторов ее технологических трансформаций целесообразно рассматривать ее структуру как односекторную. Несмотря на кажущуюся простоту односекторной модели ее диагностическая значимость велика: с ее помощью можно получить как ценные теоретические выводы, так и провести практические расчеты [6,9,10,13].

4. Формализуются причинно-следственные взаимосвязи между основными эндогенными (валовой выпуск и внутреннее инвестирование) и экзогенными процессами (внешнее инвестирование) производственно-инвестиционного цикла.

5. В производственно-инвестиционном цикле капитал накапливается разными темпами. Трактовка быстрого и медленного прироста капитала опирается на условное разделение инвестиций на так называемые быстрые (оперативные) и медленные (долгосрочные). Быстрое и медленное накопление капитала порождает разные механизмы взаимодействия указанных процессов во времени, логика которых для математической формализации требует использования разных инструментов, и так называемых «быстрых» и «медленных» модельных переменных.

6. В настоящее время инвестиционный процесс сосредоточен не только на воспроизводстве материально-технической базы, но и технологий, включающих в себя помимо материальной компоненты овеществленные и неовеществленные знания. На наш взгляд, инвестиции представляют собой ключевой процесс стимулирования экономического роста, определяя его количественную компоненту, а инновации – это, по сути, детерминанта экономического развития. Поскольку долгосрочные инвестиции обеспечивают инновационный цикл экономической системы и ее возможные технологические сдвиги, то макроэкономические индикаторы, построенные на эмпирических оценках данных инвестиций, могут рассматриваться как показатели качественного аспекта экономического роста [14, с. 92].

Ключевая идея авторского подхода заключается в моделировании динамики капитала производственно-инвестиционного цикла на разных временных горизонтах: за короткий $\Delta t = dt$ и длинный $\Delta t = h$ периоды времени. На основе ключевых подходов теории динамической сложности в едином производственно-инвестиционном цикле целесообразно выделить производственный и инновационно-инвестиционный циклы. В производственном цикле за короткий период времени $\Delta t = dt$ формируется быстрый прирост капитала dK в рамках

действующего технологического режима функционирования изучаемой экономической системы. В инновационно-инвестиционном цикле за длинный период времени $\Delta t = h$ происходит медленное накопление капитала ΔK , анализируя динамику которого можно оценивать технологические сдвиги экономической системы (визуализация быстрой и медленной динамики капитала в производственно-инвестиционном цикле односекторной модели экономики предложена на схеме в работе [14, с. 93]). Регулируемую и управляемую (вторая гипотеза) быстро-медленную динамику процессов производственно-инвестиционного цикла односекторной модели экономики (третья гипотеза) предлагается описывать системой дифференциально-алгебраических уравнений [15, с. 138]:

$$\begin{cases} \frac{dV(t)}{dt} = \frac{1}{1-a_h} I(t) - b_h V(t) + U(t), & t > h \\ I(t) - I(t-h) = m_h V(t), & t \geq h. \end{cases} \quad (1)$$

Здесь $V(t)$ – поток валового выпуска, $I(t)$ – поток внутренних (национальных) инвестиций, $U(t)$ – поток внешних (зарубежных) инвестиций.

Параметры модели: b_h и a_h – усредненные на интервале $[t-h; t)$ нормы производственного накопления и потребления соответственно; коэффициент $m_h = MI_h b_h (1 - a_h)$ определяется как индикатор потенциала технологического сдвига, накопленного системой за период $[t-h; t)$, где MI_h – динамический индикатор приведенного роста внутренних инвестиций:

$$MI_h = \frac{I(t) - I(t-h)}{I(t)} = 1 - \frac{I(t-h)}{I(t)}. \quad (2)$$

По сути MI_h есть темп прироста инвестиций в обратном времени на длинном временном интервале $\Delta t = h$, когда абсолютное изменение показателя относят к величине самого показателя не в прошлый момент времени $t-h$ (базовый период), а в настоящий момент времени t . Обосновать это можно тем, что именно текущее состояние экономической системы в целом и ее инвестиционной составляющей в частности, а не их состояние в прошлом, определяет перспективы и потенциал технологических сдвигов изучаемой формации в будущем.

Первым дифференциальным уравнением системы (1) описывается быстрая динамика капитала, отражая зависимость мгновенной скорости потока валового выпуска от потоков внутренних и внешних инвестиций. Вторым алгебраическим уравнением формализуется медленная динамика капитала, характеризуя зависимость средней скорости потока внутренних инвестиций от потока валового выпуска (четвертая гипотеза).

Для эволюции системы (1) необходимо задать начальные условия: $V(h) = V_h, I(\tau) = \psi(\tau), \tau \in [0, h)$.

Экономический и математический смысл временного параметра h модели обсудим с учетом сформулированных ранее гипотез. Во-первых, с математической точки зрения временной лаг h задает длину интервала анализа прошлого и прогноза будущего на среднесрочном и долгосрочном горизонтах. Во-вторых, данный макроэкономический параметр характеризует, с одной стороны, период устойчивости экономической системы со сложившейся технологической структурой производства, на протяжении которого происходит накопление потенциала для внутренней технологической трансформации системы с целью ее выхода на новые траектории роста и развития. С другой стороны, параметр h определяет моменты переключения экономической системы на иные режимы функционирования возле нового положения равновесия. В-третьих, количественную реакцию системы на ее трансформацию отражает новый интегральный макроэкономический индикатор m_h , присутствующий во втором уравнении системы. В-четвертых, ввиду самой структуры нового индикатора $m_h = MI_h b_h (1 - a_h)$ для формулировки выводов о технологических трансформациях системы важна не столько его количественная оценка, сколько *комплексный анализ оценок других макроэкономических индикаторов, его составляющих*. Таким образом, благодаря наличию временного параметра h в модели и формированию с его учетом второго уравнения системы, можно утверждать, что в модели нашли отражение первая, пятая и шестая гипотезы.

Следующим важным этапом является разносторонняя верификация модели в соответствии с реальными данными. И первый шаг на этом этапе – это разработка различных методик параметрической идентификации модели (определение по статистическим данным численных значений коэффициентов модели, среди которых имеются и новые макроэкономические индикаторы: m_h и MI_h). Одной из самых известных и хорошо себя зарекомендовавшей на практике методик параметрической идентификации является метод наименьших квадратов и его различные модификации [16]. Однако нами было принято решение разрабатывать новые методики. Одним из аргументов в пользу такого решения был тот факт, что для реализации метода наименьших квадратов параметр модели h должен рассматриваться как экзогенный. И для построения различных прогнозных сценариев его необходимо задавать априори. На наш взгляд, экономический смысл этого модельного показателя, как периода устойчивости технологического режима функционирования экономической системы и момента непосредственно ее технологической трансформации, сугубо внутренняя (наша задача как исследователя диагностировать этот параметр для определенной экономики, а не задавать директивно). Поэтому нами выбран путь разработки новых подходов поиска апостериорных оценок как параметра h , так и других параметров модели по эмпирическим данным.

На сегодняшний день нами разработаны и апробированы две различные методики количественного оценивания индикатора MI_h , подробно описанные в работах [14,15].

Первый подход, отраженный в работе [15], строится на использовании в формуле (2) в качестве показателя, характеризующего поток внутренних инвестиций в фиксированные моменты времени, объема валового накопления основного капитала. Для такого выбора статистического материала сделана оговорка о том, что «отсутствие общепризнанных методологических подходов к процедуре «очистки» ВВП от амортизационных отчислений (потребление основного капитала не является внутренним источником роста), не позволяет нам на данном этапе использовать в расчетах по формуле (2) модельные показатели, которые представляют из себя внутренние инвестиции на чистой основе (как часть валового накопления)» [15, стр. 139]. Данная методика апробирована на статистической отчетности для экономик Республики Беларусь и Российской Федерации. Вторая методика, на наш взгляд более точно отражающая суть технологической трансформации, представлена в работе [14]. В ней в качестве оценки долгосрочных внутренних инвестиций модели выбран *объем выполненных научных исследований и разработок*. Совместный анализ динамики индикатора приведенного роста долгосрочных внутренних инвестиций, нормы накопления основного капитала и доли ВВП в валовом выпуске позволил сформулировать значимые выводы относительно технологических трансформаций экономической системы Республики Беларусь. Отметим, что расчеты макроэкономических индикаторов с помощью данной методики для Российской Федерации не представляется возможным, поскольку статистические данные по объему выполненных научных исследований и разработок для данной экономики, по крайней мере, в открытом доступе отсутствуют. Здесь следует опять вернуться к проблемам сбора и обработки статистической отчетности, затронутой нами в работе выше. Нам видится крайне актуальным решение проблемы гармонизации статистической отчетности, которая ведется в разных странах. Без решения указанной проблемы для ученых-практиков крайне затруднительно проводить компаративный анализ различных аспектов реальных экономических систем. Особенно это актуально для стран, нацеленных на тесное взаимодействие и сотрудничество в рамках разных экономических союзов и образований.

Таким образом в работе в историческом контексте рассмотрены два основных направления теории экономического роста: неокейнсианский и неоклассический, сделаны акценты на формальной логике каждого из направлений. Отмечены особенности и ограничения моделей экономической динамики в рамках процессного неокейнсианского направления. На основе процессно-системной методологии тезисно сформулированы цели и задачи моделирования механизмов управляемой динамики социально-экономических систем, отражающие в том числе и технологические сдвиги их структуры, а также научные гипотезы, лежащие в основе предлагаемого подхода. Представлена математическая модель регулируемой и управляемой быстро-медленной динамики про-

цессов производственно-инвестиционного цикла односекторной экономики. В результате структурой идентификации модели предложен новый макроэкономический индикатор потенциала технологических трансформаций социально-экономических систем. На этапе параметризации модели обсуждаются подходы к его оценке по массивам реальных статистических данных.

Литература

1. Быков А.А., Пархименко В.А., Аксень Э.М. Модульная межотраслевая модель для квартального, годового и среднесрочного прогнозирования // *Белорусский экономический журнал*. – 2023. – № 1. – С. 31-45.
DOI: 10.46782/1818-4510-2023-1-31-45
2. Маркс К. Сочинения (2-е изд.) в 50 томах 1955-1981 гг. 37000 с. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 24. – 648 с.
3. Solow, R.A. Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. – 1956. – Vol.70. – P. 65-94.
4. Мясникович М.В., Глазьев С.Ю. Методологические подходы к разработке стратегии развития ЕАЭС в условиях мирового кризиса// *Наука и инновации*. – 2020. – №6 (208). – С.10-21.
5. Комков, В.Н. Экономический рост при нулевом качестве: особенности и последствия // *Банковский вестник*. – 2021. – № 3. – С.3-10.
6. Балацкий, Е. Идентификация технологического фронта// *Форсайт*. –2021. – Т.15 (№3). – С. 23-34.
DOI: 10.17323/2500-2597.2021.3.23.34
7. Aghion Ph., Howitt P. Appropriate Growth Policy: A Unifying Framework// *Journal of the European Economic Association*. – 2006. – Vol. 4. No 2–3. PP. 269–314.
DOI: 10.1162/jeea.2006.4.2-3.269
8. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб.:Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
9. Эрроу К. Применение теории управления к экономическому росту // *Математическая экономика*. – М.: Мир, 1974. – С.745.
10. Костюкова О., Курдина М. Теория оптимального управления // *Наука и инновации*. – 2017. – № 7 (173). – С. 24 – 27.
11. Almon C. Inforum models: Origin, evolution and byways avoided // *Studies on Russian Economic Development*. – 2016. – No. 27. – P. 119–126.
DOI: 10.13016/M23N9J
12. Поддубная О. Н. Процессно-системный подход в исследовании социально-экономических систем: от концепций к моделям // *Белорусский экономический журнал*. – 2021. – № 3. – С. 70-82.
DOI: 10.46782/1818-4510-2021-3-70-82
13. Ерошин, А.А. Моделирование экономического роста на основе однопродуктовой модели с учетом поведенческих факторов // *Экономическая наука современной России*. – 2021. – №2(93). – С. 26–39.
DOI: 10.33293/1609-1442-2021-2(93)-26-39
14. Поддубная О. Н. Модель и индикаторы технологических трансформаций экономических систем // *Белорусский экономический журнал*. – 2023. – № 2. – С. 90-107.
DOI: 10.46782/1818-4510-2023-2-90-106
15. Поддубная О. Н. Идентификация технологических сдвигов экономических систем // *Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. статей / Минск: Институт бизнеса БГУ*. – 2023. – Вып.7. – С. 137-144.
16. Поддубная О.Н. Концептуальный подход к решению задачи структурной и параметрической идентификации // *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. –2017. – Вып.10. –С.353–359.

1.7. Факторный анализ роста уровня конкурентоспособности в инновационной экономике

На современном этапе развития главными индикаторами функционирования национальной экономики выступают положительный экономический рост на инновационной основе и уровень конкурентоспособности системы.

Главными факторами предложения для достижения экономического роста, как известно, выступают рабочая сила (труд) и капитал, соединение которых осуществляется посредством технологий. Рабочая сила представляет собой экономически активное население, проходящее все фазы процесса воспроизводства, начиная от её производства («выращивание» рабочей силы), заканчивая её использованием (производительное потребление рабочей силы). Рабочую силу на всех фазах воспроизводства можно описать рядом значимых характеристик. Применяя воспроизводственный подход возможно сравнение эффективности использования рабочей силы, например, при сопоставлении комплексной оценки таких её фаз, как производство и потребление. Таким образом, базируясь на воспроизводственно-структурном методе анализа можно выявить не только характеристики отдельных фаз воспроизводства рабочей силы, сравнить их, но и также обосновать структуру самой рабочей силы.

Автор трактует рабочую силу как структурный элемент экономической системы. Одновременно с этим сама рабочая сила обладает собственной внутренней структурой. Полагаем целесообразным выделение базовых работников, создающих стандартный традиционный продукт, и пионерных работников, способных производить инновации. Оптимальное соотношение базового и пионерного секторов позволяет экономической системе достигать и положительно экономического роста (в основном за счет базового сектора) и обеспечивать инновационность развития (в основном за счет пионерного сектора).

Важным фактором процесса производства является капитал, для постоянного роста которого используются инвестиции. Следовательно, рабочая сила и инвестиции будут играть решающую роль в достижении стабильного положительного экономического роста в системе, поскольку такая экономика сможет производить и базовый и пионерный продукты.

Именно возможностью производства традиционных и пионерных продуктов будет определяться и уровень конкурентоспособности национальной экономики, способной поставлять, в том числе и на мировой рынок, конкурентоспособные товары и услуги как производимые базовым, так и пионерным секторами. Таким образом, национальная экономика через свои фирмы-производители, через свои товары и услуги будет включаться в соперничество, в состязательность на мировых рынках: чем более конкурентоспособны продукты конкретной экономики, тем выше уровень и её конкурентоспособности в целом. Именно данные аспекты, а именно влияние рабочей силы через её характеристики во взаимодействии с инвестициями, способными приращивать капитал, которые будут определять возможности достижения экономического роста на инновационной основе, а также обеспечивать высокий уровень конкурентоспособности экономики, будут рассмотрены в статье.

Динамичные преобразования в экономике России постоянно выдвигают новые проблемы, ощущается настоятельная необходимость теоретико-методологического обобщения накопленных фактов, анализа закономерностей формирования и направлений развития экономической системы. Для достижения этой цели необходимо повышение эффективности использования трудовых ресурсов страны, капитала, которые непосредственным образом влияют на темпы и динамику экономического роста, прогрессивность развития экономики за счет внедрения инноваций, а также рост уровня конкурентоспособности экономики в мировом масштабе.

Под инвестициями понимают вложения в различные виды капитала: основного, оборотного, человеческого, интеллектуального. Подобное развитие рыночного подхода к определению термина “инвестиции” привело к целесообразности рассмотрения инвестиций на макроэкономическом уровне, во всем многообразии вложений и возврата денежных ресурсов, а также анализа любых видов инвестиций, которые могут приносить прибыль для объектов инвестирования.

Инвестиционная деятельность напрямую зависит от таких элементов системы, которые достаточно трудно количественно определить: технологическое развитие, политика, оптимистичные и пессимистичные оценки бизнеса, государственная политика в области налогов и расходов, законодательные меры и др. В итоге как результат хозяйственной деятельности субъекта появляется взаимосвязь между сбережениями и инвестициями. Часть полученного в результате предпринимательской деятельности капитала направляется в целевые фонды, обеспечивающие дальнейшее накопление капитала. Такие средства являются источником финансирования капитальных вложений и отражают процесс использования накопленного капитала. В то же время новые вложения создают предпосылки для накопления капитала в будущем, когда доходность превышает вложения. В таком случае производительный оборот капитала создает нормальные условия для экономического роста.

В случае положительных чистых инвестиций существуют возможности для финансирования инноваций, начиная со стадии зарождения идеи и до создания опытного образца продукта. В другой ситуации, когда валовые инвестиции и амортизационные отчисления равны, то существует нулевое значение чистых инвестиций, вследствие чего отсутствует инновационная составляющая экономического роста, а также база для роста уровня конкурентоспособности экономики.

Сокращение инвестиций вызывает уменьшение затрат на производство, снижение объёмов производства, и, вследствие этого – экономический спад. На активность инвестиционного процесса оказывают влияние такие факторы, как неблагоприятный инвестиционный климат; высокая процентная ставка, когда «деньги дорогие»; высокий уровень монополизма. В итоге сокращение инвестиций приводит к снижению капиталовооруженности труда, производительности труда, уменьшаются объёмы финансирования инноваций, что приводит к снижению эффективности инновационного процесса, падению уровня конкурентоспособности экономики и страны в целом.

Отсюда возникает проблема использования внутренних источников инвестиций, а именно сбережений макроэкономических субъектов, в частности части прибыли предпринимательского сектора, расширение линейки государственных заказов. Достижение этой цели вполне реалистично, поскольку на протяжении длительного периода времени объём национальных сбережений в России существенно превышал объём национальных внутренних инвестиций. Именно с этим явлением и был связан значительный отток средств из российской экономики, например, в офшоры, получившее название «бегство капитала». Одновременно с «бегством капитала» наблюдалась и «утечка умов», что в совокупности привело к резкому падению уровня конкурентоспособности как экономики в целом, так её отраслей и отдельных товаров [1; 9].

Для сравнения стоит привести данные об инвестициях России в другие страны. Большие денежные вливания идут в сырьевые отрасли: в нефтяную, металлургическую и газовую отрасли. Россия долгое время входила в список крупнейших стран-инвесторов наряду с Китаем, Японией, Швейцарией, Саудовской Аравией. В 2013 г. был подписан с Вьетнамом инвестиционный проект на 20 млрд долл. как в промышленной сфере, так и в научно-технической. [18] В 2012 г. был подписан проект о строительстве первой в Турции атомной электростанции, основной объём работ будет завершён в 2023 г. Россия реализует на постсоветском пространстве 450 проектов на общую сумму более 71 млрд долл. [19]

Следовательно, факторы производства играют существенную роль в формировании параметров макроэкономической динамики. Однако результирующим параметром эффективности функционирования национальной экономики является не только экономический рост, но и уровень инновационности и прогрессивности развития, а также уровень конкурентоспособности экономики в мировом пространстве.

Конкурентоспособность экономики является одним из главных результирующих параметров выявления эффективности функционирования всей экономической системы в целом. Сравнение уровней конкурентоспособности, как правило, происходит в результате международного сотрудничества на различных рынках после того, как внутри страны был произведён национальный продукт. Количество и качество национального продукта будет зависеть в первую очередь от используемых факторов производства, а именно от характеристик рабочей силы, уровня развития образования, науки и технологий. Также уровень конкурентоспособности тесно связан с реальными и потенциальными возможностями страны по созданию ВВП, и, соответственно, экспортными возможностями.

Независимая оценка функциональной зависимости уровня конкурентоспособности экономики может быть получена на основе анализа ряда характеристик, таких как объём ВВП, объём экспорта, численность специалистов с высшим образованием, уровень безработицы, затраты на НИОКР в самой быстрорастущей экономике Азии – Китае в сравнении с отечественной экономикой. В ранее проведенном исследовании были использованы общенаучные методы: методы сравнительного анализа, методы структурного анализа, методы стати-

стики и получены соответствующие результаты, доказывающие зависимость уровней конкурентоспособности российской и китайской экономик от наиболее значимых факторов. [6]

В современных условиях проблема повышения уровня конкурентоспособности отечественной экономики является особенно острой. Государство, характеризующееся определенной структурой, включающей в себя определенные свойства и упорядоченные связи, требует в концепции управления страной наличия системы моделирования конкурентоспособности, которая ориентирована на успешное функционирование на мировой арене.

После 1917 года Россия развивалась в рамках плановой экономики. Из-за государственной монополии в стране отсутствовала конкуренция между предприятиями. В результате экономика страны была готова к мобилизации в любой момент, но при этом она не была приспособлена к созданию массовых инноваций, особенно в сфере гражданского производства, внедрению новых технологических стандартов, что привело к снижению конкурентоспособности российской экономики.

С переходом к рыночному механизму в стране началось формирование конкурентоспособной среды. Бывшие государственные предприятия, ставшие рыночными компаниями, начали производить товары, востребованные у покупателей. Однако склонность российского менталитета к плановой экономике, то есть невысокая степень готовности работать в условиях рыночной экономики, а также отсутствие фондовых рынков привели к спаду производства в стране за период 1991-1998 гг. на 40%, и, следовательно, в целом уровня конкурентоспособности. Россия встала на путь восстановления в 1998 г. Однако процесс повышения уровня конкурентоспособности занял последующие десятилетия. На сегодняшний день Россия занимает уверенные позиции на международном рынке по отдельным группам товаров (вооружение, строительство атомных электростанций, продажа сырьевых ресурсов), но вопрос поддержания существующего уровня конкурентоспособности и повышения его на инновационной основе все также актуален для страны.

Термин «конкурентоспособность» получил широкое распространение в нашей стране в 1990-х гг. Это связано с тем, что с переходом от плановой экономики к рыночной стала развиваться конкуренция среди производителей. Общее определение конкурентоспособности дано в Толковом словаре Ожегова: «Конкурентоспособный – способный выдержать конкуренцию, противостоять конкурентам». [4, с. 283]

В 1933 г. были изданы две знаменитые работы по теории конкуренции – это «Теория монополистической конкуренции» Э. Чемберлина (1899–1967 гг.) и «Теория несовершенной конкуренции» Дж. Робинсон (1903–1983 гг.). Американский экономист Э. Чемберлин положил начало изучению теории конкуренции как динамического процесса [11]. Дж. Робинсон первой предложила рассматривать разновидность деятельности фирм не только с точки зрения совершенной конкуренции и монополии, но и открыла новые сферы конкурентной борьбы – соперничество между производителями дифференцированного продукта и «ценовую дискриминацию» [7, с. 8]. Портер М. пришел к заключению,

что наибольшим успехом на мировом рынке могут добиться те страны, в которых уровень конкуренции на внутреннем рынке более развит по сравнению с другими хозяйствующими субъектами [5].

Отечественные ученые Карпова А.Л., Мухаровской Н.В., Усик Н.И., Дынкин А.А. под конкурентоспособностью национальной экономики понимают способность реализовывать товар на мировых рынках. [3; 4] Яшин Н.С. характеризует «конкурентоспособность» как один из главных критериев эффективности деятельности организации, который включает в себя совокупность факторов эффективности использования ресурсов, с одной стороны, и качества реализации возможностей, с другой [13].

Изначально смысл конкуренции был понятен в основном предприятиям-экспортерам, чья прибыль являлась основой для оценки уровня конкурентоспособности. Отношение к понятию «конкурентоспособность» в конце XX века отражает следующее определение: «Конкурентоспособность может быть определена как сравнительная прибыльность экспорта поставщиков (фирм или стран), то есть как разница между рыночными ценами и затратами на производство и реализацию поставляемой на мировой рынок продукции». [1, с. 13] В этом определении существенным результатом конкурентоспособности страны является поставка товаров на экспорт. Однако на текущий момент Федотовым В.А. представлено более широкое определение уровня конкурентоспособности, в основе которого лежат производственно-технологические возможности экономической системы. [10, с. 251

Особое внимание в РФ конкурентоспособности начали уделять после кризиса 1998 г., когда российские товары упали в цене, что позволило занять новые рынки и увеличить объёмы экспорта. Однако проблема сырьевой направленности экономики с низкой добавленной стоимостью в высокотехнологичных отраслях продолжала существовать. С 1999 г. первостепенной задачей российской экономики стало усиление конкурентоспособности на инновационной основе.

В 2004 г. при Правительстве РФ был создан Совет по конкурентоспособности и предпринимательству, в задачи которого входят: модернизация промышленности и повышение конкурентоспособности отечественной продукции на основе внедрения новой техники и технологий; укрепление конкурентных позиций российских организаций на внешнем и внутреннем рынках; развитие конкуренции; ограничение монополистической деятельности и др.

Понятие «конкурентоспособность» существует на разных уровнях исследования. Например, может быть конкурентоспособность страны, экономики, отрасли, фирмы и товара. Уровни конкурентоспособности можно представить в качестве «пирамиды конкурентоспособности». Между уровнями существует тесная связь. Так конкурентоспособность страны будет зависеть от нижних уровней, например, от того на сколько конкурентоспособный товар производят фирмы. В свою очередь более высокие уровни создают благоприятную среду для становления конкурентоспособности нижних уровней. [12, с. 58]

Конкурентоспособность страны представляет собой возможность создавать товары и услуги, соответствующие требованиям мирового рынка и обеспе-

чивать достойный уровень жизни внутри страны за счет поддержания высокого уровня ВВП. Под конкурентоспособностью экономики понимают способность экономической системы обеспечить быстрый экономический рост. Конкурентоспособность отрасли – это способность отрасли производить товары и услуги, отвечающие требованиям мировых и внутренних рынков, и создавать условия для роста потенциала конкурентоспособности предприятий отрасли. [12, с. 36] Здесь оценивается обеспеченности отрасли экономическими и организационными условиями, необходимыми для осуществления производства и сбыта. Конкурентоспособность фирмы – это способность производить товары и услуги, удовлетворяющие потребности людей и превосходящие товары конкурентов. В этом случае оценивается вся деятельность фирмы, то есть вся продукция, производимая ею.

Таким образом, все уровни конкурентоспособности оказываются взаимосвязанными. Полагаем, что количество и качество факторов производства определяют не только возможности экономического роста, но и являются значительным условием формирования и роста уровня конкурентоспособности экономики, отраслей, фирм и отдельных товаров.

С 2004 г. Всемирным экономическим форумом проводятся ежегодные исследования, направленные на определение индекса глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) по разным странам. Исследование основывается на общедоступных статистических данных и проводится с целью стимулирования в странах экономического развития. Предполагается, что в странах с высоким Индексом обеспечивается высокий уровень жизни. В результате исследования 2018 г. был составлен рейтинг, который охватывал 140 государств (табл. 1.8).

Таблица 1.8

Рейтинг конкурентоспособности стран мира за 2018 г. [15; 16]

Рейтинг	Страна	ВВП (млн долл.)	ВНД (долл.)	Индекс уровня образования	Размер ПИИ (млн. долл.)
1	США	19 390 604 00	59 531	0,903	354.828.0
2	Сингапур	323 907 23	57 714	0,832	63.633.4
3	Германия	3 677 439 13	44 469	0,940	77.983.3
28	Китай	12 237 700 48	8 827	0,644	168.223.5
43	Россия	1 577 524 15	10 743	0,832	28.557.4
140	Чад	9 871 25	662	0,298	335.0

Из представленной выше таблицы видно, что лидирующую позицию занимают США, это связано с высоким уровнем ВВП, высоким уровнем образования и размером прямых иностранных инвестиций (ПИИ), произведённых в экономику в течение 2018 года. Россия занимает 43 позицию из-за более низкого уровня ВВП и незначительного размера ПИИ при достаточно высоком уровне образования (на уровне Сингапура). В Китае наблюдается невысокий

уровень образования и ВНД, однако внушительный объём ВВП обуславливает его расположение на 28 месте.

По данным на 2022 год рейтинг десяти лидирующих стран по уровню конкурентоспособности несколько изменился. [17] Первые три места занимают Дания, Швейцария и Сингапур со значением индекса глобальной конкурентоспособности 100,00; 98,92; 98,11 соответственно. Далее следуют Швеция (97,71), Гонконг (94,89), Нидерланды (94,29), Тайвань (93,13), Финляндия (93,04), Норвегия (92,96) и США (89,88). Американская экономика за период 2018-2022 гг. резко снизила свои позиции, переместившись с первого места на десятое. Россия по-прежнему занимает 43 место согласно данным Всемирного экономического форума, однако стоит отметить рост общего балла, достигшего 66,7.

В настоящее время мы можем видеть ужесточение конкуренции, и у этого есть ряд причин. Во-первых, благодаря научно-техническому прогрессу возросли число хозяйствующих субъектов рынка и объём производимой продукции. Также повышался уровень жизни населения, что положительно влияло на покупательскую способность. Во-вторых, совершенствуется антимонопольное законодательство, что положительно влияет на расширение свободы конкуренции.

Проведем анализ уровня конкурентоспособности российской промышленности, являющейся ядром отечественной экономики.

Одной из насущных проблем российской экономики является повышение уровня её конкурентоспособности. Конкурентоспособность экономической системы на мировых рынках определяется её способностью поставлять востребованные блага по количественным и качественным параметрам. Однако производимые в национальной экономике блага неоднородны и могут отличаться в рамках определенного критерия величиной создаваемой добавленной стоимости. Как было отмечено ранее, с точки зрения структурного подхода, в экономике можно выделять два сектора, а именно базовый и пионерный, которые будут отличаться уровнем сложности и инновационности производимого продукта.

Инновационные продукты отличаются новизной, технологичной сложностью их производства, довольно существенными вложениями на стадии НИОКР. Как правило, такие продукты имеют длинные цепочки производства и отличаются более высоким уровнем добавленной стоимости, нежели базовые продукты.

С точки зрения отраслевого состава национальной экономики, основная доля инновационных продуктов создаётся в промышленности, конкретно в обрабатывающей промышленности, если еще быть более точными, в сфере высокотехнологичной обрабатывающей промышленности. Страны, входящие в лидирующую группу по ВВП, как правило, являются лидерами и по доле при производстве высокотехнологичных продуктов обрабатывающей промышленности.

По статистическим данным международных организаций лидерами по экспорту в 2022 году были следующие страны. Первая тройка включает Китай,

который вывоз товаров на 2,643 трлн. млн. долл., Соединенные Штаты – 2,528 трлн. долл., Германию – 1,811 трлн. долл. В первую десятку стран-экспортеров также входят Япония с объёмом экспорта 0,904 трлн. долл., Франция – 0,891 трлн. долл., Великобритания – 0,879 трлн. долл., Нидерланды – 0,755 трлн. долл., Сингапур – 0,745 трлн. долл., Гонконг – 0,649 трлн. долл. [20]

Важно обратить внимание не только на объём экспорта, но и на его структуру, которая и будет отражать секторальный состав национальной экономики через соотношение базового и инновационного секторов. Оценочным параметром будет выступать высокая доля высокотехнологичных производств обрабатывающей промышленности. Например, в структуре экспорта из США 90% составляет продукция обрабатывающей промышленности, из Японии 60% приходится на автомобили и транспортное оборудование, 25% – на промышленную продукцию и готовые изделия. В структуре российского экспорта пока преобладают энергоносители, драгоценные металлы, зерно, составляющие более 70% экспорта, 10,5% приходится на металлопрокат, 5,5% – на химическую промышленность. [20]

Таким образом, вывоз товаров в современной мировой экономике характеризуется такими особенностями, как значительный рост доли продукции машиностроения из всего промышленного производства; востребованность запчастей и комплектующих; активизация торговли объектами интеллектуальной собственности; рост реэкспорта.

Относительно США важно отметить, что страна обладает сбалансированной структурой ВВП, которая отличается самым большим сектором услуг, особенно значимо лидерство в финансовом секторе, а также наличием развитого реального сектора. Реальный сектор имеет в своей структуре значительную долю высокотехнологичных отраслей, связанных с разработкой и внедрением инноваций. Благоприятный инвестиционный климат способствует освоению новых научных разработок и является мировым лидером по экспорту лицензий на изобретения, новейшие разработки и открытия. Несмотря на перечень положительных факторов, в 2022 г. американская экономика существенно снизила свои позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности, переместившись с 1 места на 10. [17; 21]

По данным исследований НИУ ВШЭ структуры мировой торговли продуктами обрабатывающего сектора было выявлено, что выросла доля товаров, требующих труда высокой квалификации, с 39% в 1995 г. до 42% в 2018 г. Одновременно с этим сохранилась на прежнем уровне в 35% за обозначенный период доля товаров, требующих труда средней квалификации. Немного, всего на 1% выросла доля товаров, использующих труд низкой квалификации. Таким образом, за период 1995-2018 гг. структура мировой торговли продуктами обрабатывающего сектора распределялась следующим образом: использующие труд высокой квалификации 39%, труд средней квалификации 35%, труд низкой квалификации 9%, трудоёмкие и ресурсоёмкие товары 17%. К 2018 году соотношение товарных групп несколько изменилось: использующие труд высокой квалификации составили 42%, труд средней квалификации 35%, труд низкой квалификации 10%, трудоёмкие и ресурсоёмкие товары 13%. [8] Следова-

тельно, в целом в мировой экономике возрастает роль и значимость товаров, использующих сложный квалифицированный труд, следовательно, возрастает значимость и пионерного (инновационного) сектора и пионерной рабочей силы.

Относительно российской экономики исследователи выявили, что обрабатывающие производства существенно зависят от импорта зарубежных товаров (89,5%) и зарубежных технологий (51,0%). В число наиболее зависимых от импорта товаров и технологий входят следующие отрасли: производство химических веществ; автотранспортных средств; компьютеров, электронных, оптических изделий; машин и оборудования; продуктов и напитков. [8]

Одновременно с этим важно отметить и положительную тенденцию, заключающуюся в том, что за последнее время эти отрасли стали характеризоваться высокими темпами инновационного развития. В целом по РФ уровень инновационной активности составляет 11,9%. Данный параметр при производстве компьютеров, электронных и оптических изделий достиг 49,6%, машин и оборудования – 42,4%, автотранспортных средств – 37,5%. Последние сопоставимы с зарубежными лидерами (68,8% в Германии, 64,7% в США, 54,8% во Франции, 39,8% в Китае). [14;18]

С ростом инновационной активности в этих отраслях российской экономики наблюдается и рост затрат на исследования и разработки, достигшие за период 2018-2021 гг. в среднем по стране значения 43,3% (объем инвестиций в инновации). Данный параметр достиг в производстве машин и оборудования значения в 65,8%, компьютеров, электронных и оптических изделий – 62,8%. В сравнении с развитыми странами можно отметить, что эти параметры соответствуют уровню ряда европейских государств. В Германии затраты на исследования и разработки находились на уровне 57,3%, в Норвегии – на уровне 60,9%, в Польше – на уровне 44,9%. [14;18] Однако отмечается недостаточная интенсивность связей предприятий с научными и образовательными организациями, поскольку в среднем по России только 2,3% организаций имеют кооперационные связи в сфере научных исследований и разработок. [14]

Литература

1. Александренко П.Н., Еронкевич Н.Н., Щедрина И.В. Факторный анализ в управлении устойчивым развитием предприятия сферы услуг // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://faktornyy-analiz-v-upravlenii-ustoychivym-razvitiem-predpriyatiya-sfery-uslug>
2. Дынкин А.А., Куренков Ю.В. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. – М.: Международные отношения, 2003. 376 с.
3. Карпов А.Л. Конкурентоспособность: тактика и стратегия промышленного предприятия: Монография. – Омск: ОмГУ, 2009. 180 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва: ОНИКС 21 век: Мир и Образование, 2004. 900 с.
5. Портер М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран. – М.: Альпина Паблишер, 1993.
6. Пшеничникова С.Н., Кубышева А.М. Моделирование уровней конкурентоспособности экономик России и Китая // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета – 2020. – № 3(123). – С.43-46.
7. Робинсон Д. Экономическая теория несовершенной конкуренции. – М.: Прогресс. 1986. 472 с.

8. Симачев Ю., Федюнина А., Кузык М. Глобальные цепочки добавленной стоимости в новых условиях: риски и возможности для России [Электронный ресурс] URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/382610423.pdf>
9. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. «Утечка мозгов» как глобальный феномен: его особенности в России // Социс. – 2000. – №3. – С. 110-117.
10. Федотов В.А. Влияние фактора конкурентоспособности на процесс трансформации структуры национальной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020 г. – Том 10. – № 4. – С. 247-259.
11. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. – М.: Экономика. 1996. 393 с.
12. Философова Т.Г., Быков В.А. Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность / под ред. Т. Г. Философовой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007., 364 с.
13. Яшин Н.С. Конкурентоспособность промышленного предприятия: методология, оценка, регулирование. – Саратов: СГЭА, 2004. 248 с
14. В ВШЭ назвали отрасли с высоким инновационным потенциалом [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/15975911>
15. Отчёт о глобальной конкурентоспособности 2018 года [Электронный ресурс] URL: <https://roscongress.org/materials/otchet-o-globalnoy-konkurentosposobnosti-2018-goda/>
16. Рейтинг конкурентоспособности стран мира 2018 [Электронный ресурс] URL: <https://basetop.ru/10-samyih-konkurentosposobnyih-stran-mira-2018/><https://basetop.ru/10-samyih-konkurentosposobnyih-stran-mira-2018/>
17. Рейтинг глобальной конкурентоспособности стран мира [Электронный ресурс] URL: <https://gtmarket.ru/ratings/imd-world-competitiveness-ranking>
18. Росстат [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/trade/
19. Сайт Sputnik [Электронный ресурс] URL: <https://ru.sputnik.kg/20230623/rossiya-kyrgyzstan-kazakhstan-uzbekistan-ehkonomika-investicii-sotrudnichestvo-1076503386.html>
20. Экспорт 2017-2022: крупнейшие страны-экспортеры [Электронный ресурс] URL: <https://lindeal.com/trends/spisok-krupnejshikh-stran-po-ehksportu-2017-2022-ehksport-tovarov-uslug-i-kapitala>
21. Экономика США в 2023 году: секторы, отрасли, промышленность [Электронный ресурс] URL: <https://turizm/ekonomika-ssha-v-2022-godu-sektory-otrasli-promyshlennost><https://she-win.ru/turizm/ekonomika-ssha-v-2022-godu-sektory-otrasli-promyshlennost>

1.8. Роль государства в повышении уровня конкурентоспособности экономической системы

Сложившаяся модель глобальной экономической системы переживает период глубокой трансформации в сфере межсистемного взаимодействия. Привычный акцент на развитие процессов глобализации мировой экономики и свободной торговли сменяется в сторону приоритетов национальной безопасности и развития собственных конкурентоспособных производств. Описываемые события вынуждают всех участников мировой экономической системы формировать межгосударственные блоки, объединяемые единым географическим положением, сложившимися традициями и межкультурным взаимодействием. В процессе создания новых экономических объединений, страны, наиболее вовлеченные в международный товарооборот, вынуждены разрывать торговые отношения, сложившиеся в период глобализации. Процесс разрыва привычных цепочек создания стоимости и прекращения сотрудничества сопровождается

введением экономических ограничений, призванных прервать годами сложившиеся связи. В результате экономики стран делятся на тех, кто находится под данными ограничениями и тех, кто подобные ограничения вводит.

Анализ характерных изменений структуры экономической системы для стран, иницирующих экономические ограничения, различны и распределяются в зависимости от отрасли, на которой она специализируется при производстве конкурентоспособного продукта. Открытая экспорт ориентированная экономика, имеющая высокий уровень конкурентоспособности в области производства высокотехнологичных отраслей, является наиболее частым инициатором заградительных пошлин и ограничений в адрес других стран. Странами Европейского Союза, США, Канадой, Австралией введены ограничения для наибольшего количества стран Мира. Евросоюз ввел различные виды экономических и технологических ограничений в адрес 33 стран. [1] США были введены ограничения различного рода в адрес 27 стран. [2] Как правило это страны африканского региона, восточной Европы, которые являются поставщиками продуктов базовых отраслей, основным из которых является углеводороды.

Количество стран, освоивших производство базовых продуктов и экспортирующих их, превышает число стран, ориентированных на экспорт высокотехнологичной продукции. Производство конкурентоспособной высокотехнологичной продукции требует использования большого объема ресурсов, которые берутся как внутри самой системы, так и за счет базовых отраслей других экономических систем. Успех в конкурентном соревновании достигается исключительными свойствами продукта большим количеством стран потребителей данной продукции, стремящихся получить необходимую высокотехнологичную продукцию, и ограниченным количеством поставщиков, владеющих технологией и поставляющих данный товар на мировой рынок.

В качестве инициатора ограничений, как экономического оружия, необходимо рассматривать экономику с высокотехнологичным производством и конкурентоспособной продукцией отраслей, относящихся к информационной стадии развития. Конкурентные продукты в подобных системах создают предпосылки для развития рыночных отношений, так как объем производимой продукции и численность стран поставщиков такой продукции мало и наиболее эффективно осуществляется формирование цены по рыночному принципу. Основная ориентация в процессе производства нацелена на качество, индивидуальные характеристики и внедрение инноваций, как способ поддержания спроса на технологичный продукт и повышение его цены на открытом рынке.

Непрерывное введение новых санкций в адрес поставщиков базовых продуктов сокращает объем доступного сырья на глобальном рынке. Это вызвано разрывом торгово-экономических отношений между странами и прекращением технологического обмена между ними. Наложение финансовых, торговых и технологических ограничений наносит удар по стране реципиенту, что приводит к замораживанию или снижению объемов продукции, которая ранее была конкурентоспособна, вследствие чего повышается ее цена. Вторым фактором является неизменное желание других участников рынка повысить стоимость своих базовых продуктов из-за меньшей доступности необходимого ресурса.

Последствием активного использования инструментов санкционной политики в глобальной экономической системе становится усиление влияния административно-командного распределения ресурсов для стран, производящих высокотехнологичный продукт. Указанное противоречие вызвано сокращением количества поставщиков базового продукта и покупателей высокотехнологичного продукта. В связи с повышением цен на товары базовых отраслей для поддержания жизнеспособности передовых инновационных производств в данных странах возрастают затраты, не покрываемые формированием высокой цены. Дело в том, что снижение нормы прибыли для базовых отраслей внутри системы создает дефицит свободных ресурсов, которыми ранее покрывались высокие расходы на производство высокотехнологичного информационного продукта. Данное обстоятельство вынуждает производителя высокотехнологичной продукции еще больше повышать цену на свой продукт, что влияет на его конкурентоспособность на мировом рынке. В связи с этим перед производителем высокотехнологичного продукта встает выбор: расширять научные исследования и разработки для создания новых свойств конкурентоспособного продукта и повысить цену на него или расширить объем базовых отраслей для возврата к необходимому уровню нормы прибыли.

Торможение развития наукоемких отраслей означает замедление процесса перехода к следующему этапу технологического развития и потери конкурентоспособных свойств всей системы в целом, но в то же время обуславливает необходимость государства вмешиваться в систему перераспределения и поддерживать жизнеспособность собственных конкурентоспособных отраслей. Такая поддержка создается путем дотационных мер, ограничения доступа конкурентов к внутреннему рынку, привлечения иностранных инвестиций в передовые отрасли.

При выборе пути административно-командной экономической системы в условиях падения уровня конкурентоспособности передовых отраслей экономики, постоянно снижающейся отдача от капитала, уменьшающей доход, приводит к поиску альтернативных, более эффективных способов перераспределения ресурсов для создания нового конкурентоспособного продукта. Альтернативные пути ведут к передаче нитей перераспределения ресурсов в частный сектор для повышения эффективности и увеличения производительности труда. Таким образом, экономическая система возвращается к рыночному распределению, но в преобразованном состоянии и с потерей своих устойчивых конкурентных преимуществ. Возвращаясь в исходное состояние рыночной экономики конкурентного типа, продолжается непрерывный поиск новых технологических достижений для создания уникальной технологии, способной создать конкурентоспособный продукт.

Альтернативный подход по расширению объема базовых отраслей в экономике позволяет ускорить переход высокотехнологичного конкурентного продукта из стадии особенного продукта, доступного не для всех из-за высокого уровня цен, во всеобщий – продукт, доступный для многих участников мировой торговли. В этом случае система теряет свою конкурентоспособность в области высокотехнологичного производства, но сохраняет устойчивые конку-

рентные преимущества. Расширение базового сектора формирует предпосылки для создания конкурентоспособных продуктов базовых отраслей. Следовательно, возникновение планомерности и участия государства в процессе перераспределения ресурсов при сокращении количества поставщиков базового продукта и покупателей высокотехнологичного продукта не создает противоречия внутри системы. Развитие базовых отраслей дает большее количество рабочих мест, а повсеместное использование достижений высокотехнологичных отраслей в базовых секторах способствует увеличению производительности труда и росту общего уровня квалификации работника на производстве.

В результате перед системой, столкнувшейся с потерей конкурентоспособности, возникает выбор между кратковременным сохранением лидерства в областях производства высокотехнологичного продукта за счет ограничения доступа к технологиям и повсеместное использование достижений конкурентоспособного производства в обширных областях для всех участников мировой торговли, но потери конкурентоспособного преимущества в глобальной экономике.

Согласно данным Международного Валютного Фонда (МВФ) доля государственных расходов в % ВВП для развитых стран достигает более 40% ВВП. Роль государства в экономическом развитии стран все более значима для поддержания конкурентоспособности экономической системы. Это обусловлено наличием объемного сектора отраслей высокотехнологичного производства. Для графического выражения данного факта мы предлагаем отобразить объемы добавленной стоимости высокотехнологичной продукции, определяющий вклад доли инновационного сектора, к добавленной стоимости всех обрабатывающих отраслей. К сожалению, не для всех развитых стран опубликован Всемирным Банком данный показатель, поэтому мы ограничимся странами США, Японии, Канады и входящими в Европейский Союз Германии, Франции, Италии, Испании, Финляндии, Швейцарии, Нидерландов. Доля добавленной стоимости в секторах высокотехнологичной продукции больше, чем в базовом секторе (рис. 1.13).

Это свидетельствует о большом объеме инновационного сектора экономики по отношению к базовому. Так, наибольшая доля этого соотношения у Швейцарии – 65%, Германии – 61%, Японии – 56%. Несмотря на пандемию данный показатель остается высоким по отношению к остальным участникам мировой торговли в 2021 году (рис. 1.14). Соотнеся данные показатели с показателем доли государственных расходов в ВВП страны необходимо отметить, что для экономик данных стран важно участие государства для поддержания конкурентоспособности экономики и формирования высокотехнологичной продукции.

Все перечисленные страны имеют экспортоориентированную структуру экономики, обладают высокотехнологичным производством и ввели санкции против Российской Федерации. При ограничениях такого рода необходимо учитывать долю конкурентных базовых отраслей под санкционной экономики в структуре мировой торговли. По итогам 2021 года, по данным Всемирного Банка, на Россию приходилось 1,85% мирового ВВП (11 место в мире) и 3,1% по

паритету покупательской способности. Россия занимала лидирующие позиции на рынках производства и поставки природного газа и сырой нефти, полезных ископаемых, а также значимые позиции на глобальном продовольственном рынке, рынке удобрений и металлов, что создало предложение в глобальной мировой торговле, существенно влиявшее на уровень мировых цен [3].

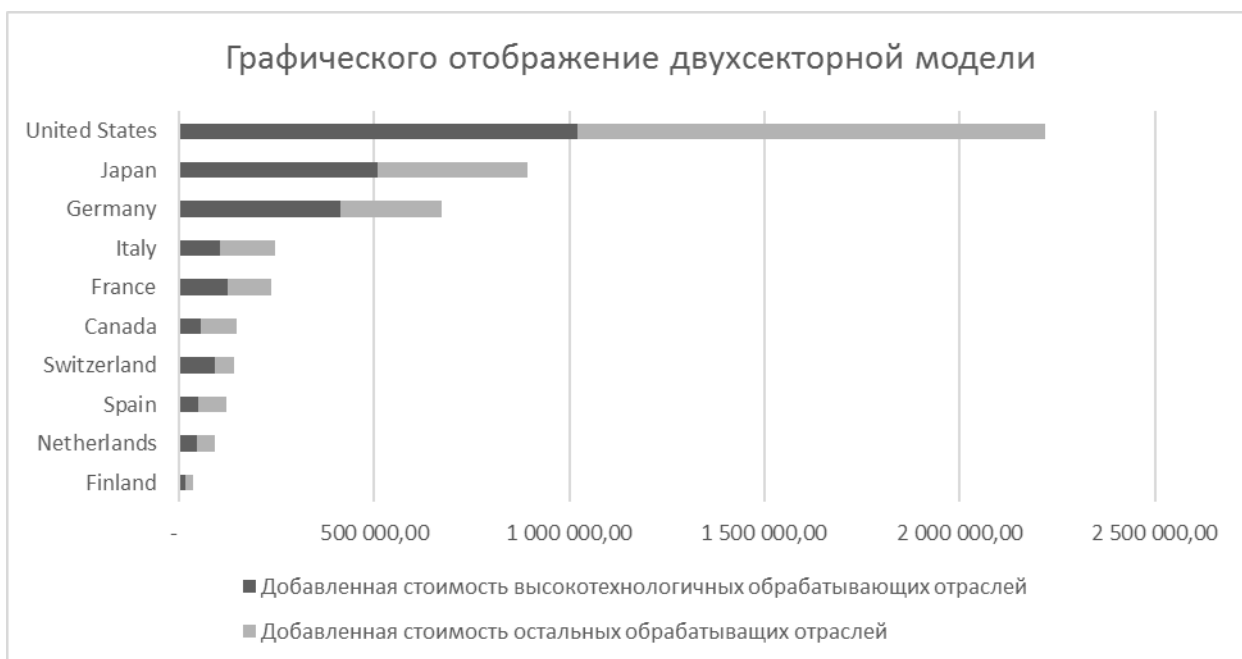

Рис. 1.13. Доли высокотехнологичных и остальных обрабатывающих отраслей в странах мира

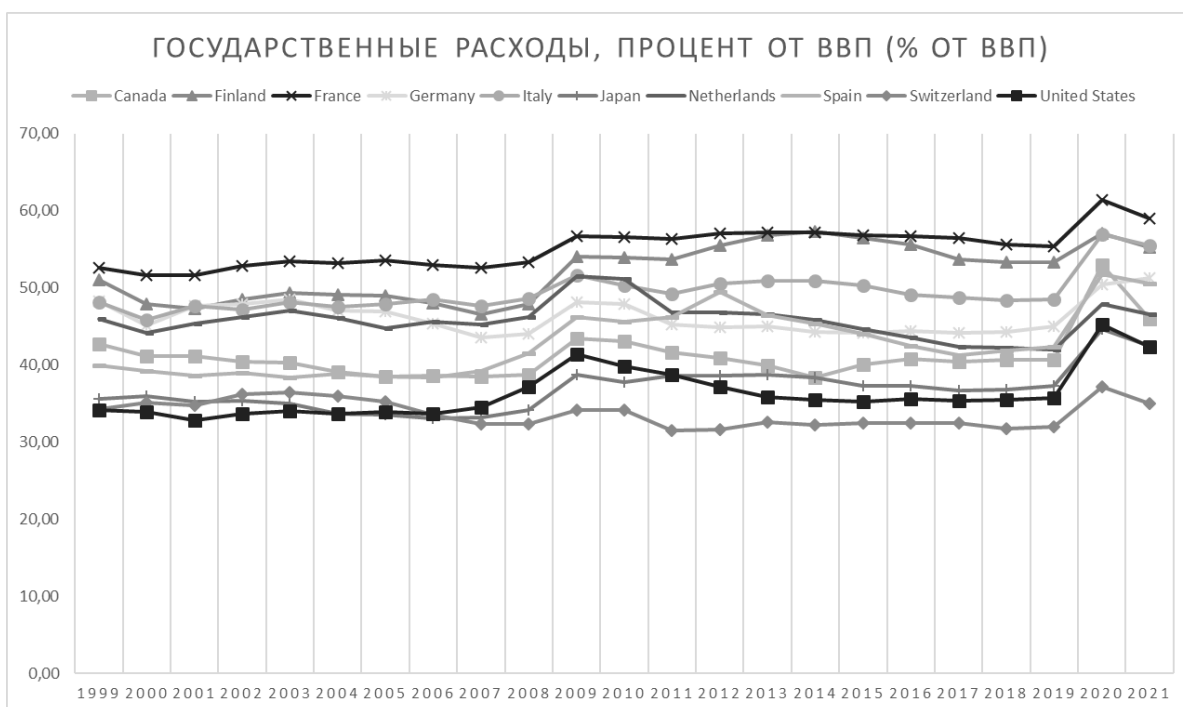

Рис. 1.14 Государственные расходы стран мира за период 1999–2021 гг. (% от ВВП)

Одномоментное исключение конкурентоспособного поставщика базового продукта из мировой экономической системы увеличило влияние административно-командного способа распределения ресурсов на экономику стран, введших санкции против Российской Федерации. Одновременно с этим ограничение доступа к собственной конкурентной продукции в области высоких технологий, где наиболее востребованным является производство полупроводников, еще более усложнило данное положение.

Полупроводники являются четвертым в мире наиболее продаваемым товаром. Для производства одного компьютерного чипа необходимо выполнить более 1000 процедур. Но в то же время данное производство сконцентрировано в нескольких западных странах. На две крупнейшие компании по производству данной продукции приходится 30% все рынка, а в ТОП-15 стран в данной отрасли входят 8 компаний из США, 2 компании из Южной Кореи, по одной от Тайвани, Германии, Японии, Нидерландов. [4] Для постоянного технологического обновления и производства новых моделей требуется порядка 22% от глобального годового объема продаж. Таким образом, другие страны имеют ограниченный доступ или не имеют доступа вообще к данным технологиям, а являются только потребителями высокотехнологичной продукции. Но быстрое насыщения рынка такого рода товарами и невысокая доля роста производительности труда с использованием данных технологий снижают отдачу от вложенного капитала, что требует дополнительных мер у государств, обладающих данной технологией, для поддержания конкурентоспособности продукта и его востребованности на мировом рынке товаров.

Введение санкций в адрес конкурентоспособных поставщиков продуктов базовых отраслей и ресурснедостаточность высокотехнологичных отраслей экономики ведущих стран создает для них большую нагрузку на собственные базовые отрасли и необходимость в перераспределении ресурсов с целью снижения транзакционных издержек. Данные факторы усиливают роль административного аппарата и увеличивают нагрузку на бюджет экспорт ориентированных стран. Дефицит бюджета США составляет 1,38 триллиона долларов при этом инвестиции в ИТ, интеллектуальную собственность, оборудование (1,9 трлн долл. в год на 2 кв. 2023 г.) превышают инвестиции в жилую, производственную и коммерческую недвижимость (1,77 трлн долл. в год) в оценке по номиналу по добавленной стоимости. Инвестиции в производственное, транспортное и прочее оборудование, за исключением ИТ, вдвое меньше, чем инвестиции в ИТ, хотя за период 2011–2019 гг. данный показатель для США показал рост в 1,6 раза. [5] Происходит устойчивое смещение инвестиций в ИТ сферу. Таким образом нематериальная продукция доминирует над материальным миром и поглощает все больше ресурсов для поддержания своего конкурентоспособного состояния.

За последние десять лет ВВП США вырос на 24%. Производящая экономика обеспечила лишь 2 п.п в общем объеме прироста. За период 1 кв. 2013 г. – 1 кв. 2023 г. лидируют отрасли: профессиональные и бизнес услуги – 6,76%; ИТ, телекоммуникация и связь – 5,12%; образование и медицина – 2,44%; недвижимость, аренда и лизинг – 1,92%; финансы и страхование – 1,48%; рознич-

ная торговля – 1,11%. [6] Подобная ориентация производства отразилась на изменении цен для различных групп товаров в стране. За период 2008–2023 гг. наименьший рост цен наблюдается у детских игрушек, программного обеспечения, мобильных устройств и телевидения.

Значимость роли государства в экономике также подтверждается косвенными признаками, одним из которых можно считать талоны на питание по программе SNAP (программа дополнительной помощи в области питания). В 2023 году количество домохозяйств в США, подавших заявку на участие в программе, возросло до 42,4 млн. человек по сравнению с 2019 годом. Долговая нагрузка домохозяйств растет с 2014 года, что усугубляет общую экономическую ситуацию в стране. [9] Для борьбы с данными проблемами экономическим сообществом в США рассматривается опыт Китая по преодолению кризисных явлений. Так работа И. М. Вебер и М. Якобс по введению контроля над ценами для преодоления инфляционного давления вызывали большой резонанс в экономических кругах. [10] О данной позиции высказался П. Кругман, который в своей статье для *New York Times* пересматривает традиционный неолиберальный подход к управлению ценообразованием для всеобщего блага и предотвращения кризисов. [11]

Рассматривая другие экспортоориентированные страны, принявшие участие в санкционной войне, необходимо отметить состояние дел в экономике «локомотива» европейского союза. Государственный долг Германии по состоянию на конец 2 кв. 2023 года вырос на 38,9 млрд. евро и составил 2406,6 млрд. евро. Основные расходы направлены на стабилизацию цен на электроэнергию, газоснабжение и стабилизацию коммунальных услуг. Данной проблемой занимается Фонд экономической стабильности (WSF), чья задолженность неуклонно растет. [12] Япония в 2023 году рассматривает возможность продления топливных субсидий до 2024 года в связи с увеличением розничных цен на бензин. [13]

Введение экономических ограничений для ряда стран поставщиков конкурентоспособной продукции базовых отраслей оказало влияние на структуру экономик стран инициаторов данного курса. Усиление роли государства в экономической системе создает предпосылки к планомерному развитию, а косвенные признаки в виде продовольственных и топливных карточек, увеличения нагрузки на бюджет страны и домохозяйств отражают нехватку ресурсов, необходимых для содержания ресурснедостаточного инновационного сектора. По мнению американских специалистов, наибольшую угрозу для экономики США представляет политика страны, которая использует доллар в качестве оружия финансовых санкций, так как высокий уровень доверия международных инвесторов к американскому правительству постепенно истощается. [14]

Политика взаимных ограничений приводит развивающиеся страны к необходимости создания собственных высокотехнологичных отраслей. Результатом торговой войны между США и Китаем становится стремление последней развивать собственную отрасль микроэлектроники и промышленного машиностроения. Противоборство двух стран в последнее время только усиливается. По информации Bloomberg США планируют ввести ограничения на инвести-

ции в высокотехнологичные отрасли Китая, а Китай, в свою очередь, ограничивает экспорт редкоземельных металлов галлия и германия, необходимых в производстве микросхем. [15] США планирует напрямую инвестировать отрасли, необходимые с точки зрения экономического роста и стратегические с точки зрения национальной безопасности. Приоритет государственной политики в экономике приводит к окончанию эпохи всеобщей глобализации и свободной торговли. Каждая страна ставит национальные интересы выше экономической эффективности.

В изменившейся структуре мировой экономики для Российской Федерации, под беспрецедентным давлением со стороны ведущих западных стран, формируются предпосылки к замедлению технологического роста, но в то же время открываются возможности по регенерации, реформированию и созданию новых обрабатывающих отраслей, способных укрепить позиции страны на этапе индустриального развития и создать прочный фундамент для поиска дальнейших путей формирования высокотехнологичных производств. Опыт стран, находящихся под санкциями, и положение в мировой экономической системе определяют приоритетный способ перераспределения ресурсов в экономике для конкурентной борьбы за технологическое превосходство.

На первом этапе подобного перехода неоспоримым драйвером экономического роста является внутренний спрос, возникший благодаря уходу с российского рынка ключевых западных корпораций из различных отраслей производства. Но для создания полноценной конкурентоспособной экономики в долгосрочной перспективе необходимо создать систему, способную обеспечить производство продукта высокотехнологичных отраслей пятого и шестого технологических укладов. С этой целью недостаточно 150-миллионной экономики, которой сейчас является Российская Федерация. Считается, что самодостаточным является экономическое пространство с емкостью от 300 млн. потребителей. [16, с. 681]

США и Китай обладают необходимой «критической массой» и в одиночку способны создавать конкурентоспособный продукт. Для получения возможности конкурирования с ними за новое цифровое пространство, где ничего не определено, необходимо понимать, что в одиночку невозможно построить экономическое пространство достаточно большое для возврата инвестиций в инфраструктуру и научные разработки. В связи с этим одной из главных задач для России на ближайшие годы является поиск партнеров, столкнувшихся с аналогичной проблемой и способных совместными усилиями создать необходимую конкурентоспособную экономическую систему.

Участие России в международных объединениях БРИКС и в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) открывают перспективы взаимовыгодного сотрудничества и возможности создания конкурентоспособной продукции. ЕАЭС – это 184,3 млн потребителей и совокупный ВВП государств-членов составляет свыше 2 трлн долл. Участие в данном объединении гарантирует свободное движение товаров, рабочей силы, капитала, рынка услуг, а также особое внимание уделяется цифровой и климатической повестке. [17]

Участие в БРИКС дает возможность обмениваться товарами с крупными мировыми экономиками. Одним из наиболее важных моментов является увели-

чение товарооборота между странами участниками данного межгосударственного объединения. Торговый оборот Китая за первые 7 месяцев 2023 г. увеличился на 19,1%. Импорт энергетических товаров в КНР возрос на 17,3% во многом благодаря России. В 2023 г. Китай и Индия являются крупнейшими покупателями российского сырья. [18] Таким образом, изменение сложившегося миропорядка и развитие межгосударственных объединений формирует для России возможности для создания новых рынков, для обмена технологиями и создания конкурентоспособных производств.

Литература

1. EU Sanctions Map [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sanctionsmap.eu/#/main> (дата обращения 01.08.2023).
2. Санкции ведущих стран мира [Электронный ресурс] // URL: <https://russiancouncil.ru/sanctions#infographics> (дата обращения 03.08.2023).
3. Ушкалова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №. 6. – С. 34-51.
4. Ильина С. А. Рынок полупроводников: глобальная цепочка создания стоимости и динамика в условиях кризиса // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №. 3. – С. 112-125.
5. Monthly Treasury Statement (MTS) [Электронный ресурс] // URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/monthly-treasury-tatement/summary-of-receipts-outlays-and-the-deficit-surplus-of-the-u-s-government> (дата обращения 05.08.2023).
6. Tables (includes supplemental tables for selected time spans and business cycles) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bea.gov/sites/default/files/2023-09/NEA-CU23-Summary-of-Results-Tables.xlsx> (дата обращения 06.08.2023).
7. Food stamp use surged during – and after – the great recession [Электронный ресурс] // URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/07/19/what-the-data-says-about-food-stamps-in-the-u-s/sr_2023-07-19_snap_2/ (дата обращения 10.08.2023).
8. Credit Card Nation: How we went from record savings to record debt in just two years [Электронный ресурс] // URL: <https://www.npr.org/2023/03/08/1161407261/how-we-went-from-near-record-savings-to-record-debt-in-just-two-years> (дата обращения 10.08.2023).
9. QUARTERLY REPORT ON HOUSEHOLD DEBT AND CREDIT [Электронный ресурс] // URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/Interactives/householdcredit/data/pdf/HHDC_2022Q4.pdf?sc_lang=en (дата обращения 10.08.2023).
10. The way to fight inflation without rising interest rates and a recession. Washington Post [Электронный ресурс] // URL: <https://www.washingtonpost.com/made-by-history/2022/08/09/way-fight-inflation-without-rising-interest-rates-recession/> (дата обращения 12.08.2023).
11. The Football Game Theory of Inflation [Электронный ресурс] // URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/03/opinion/inflation-economy.html> (дата обращения 12.08.2023).
12. 2406,6 Milliarden Euro: Deutsche Staatsverschuldung steigt wegen Energiekrise auf Rekordniveau [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/24066-milliarden-euro-deutsche-staatsverschuldung-steigt-wegen-energiekrise-auf-rekordniveau-10059892.html> (дата обращения 12.08.2023).
13. LDP approves extension of gasoline subsidy to year-end [Электронный ресурс] // URL: <https://www.japantimes.co.jp/business/2023/08/29/economy/gas-price-subsidy/> (дата обращения 12.08.2023).
14. The biggest threat to the dollar is the US itself, top economist Benn Steil warns [Электронный ресурс] // URL: <https://markets.businessinsider.com/news/currencies/dedollarization-currencies-dollar-dominance-euro-yuan-debt-ceiling-crisis-economy-2023-8> (дата обращения 14.08.2023).

15. China Restricts Export of Chipmaking Metals in Clash With US [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-03/china-to-restrict-exports-of-metals-critical-to-chip-production> (дата обращения 15.08.2023).
16. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
17. Совместное заявление государств – членов ЕАЭС в ходе саммита ЦУР под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/aleksey-overchuk-predstavil-sovmestnoe-zayavlenie-gosudarstv-chlenov-eaes-v-khode-sammita-tsur-pod-egidoi-generальной-ассамблеи-оон>
18. Largest importers of fossil fuels from Russia [Электронный ресурс] // URL: <https://www.russiafossiltracker.com/>

1.9. Изменения в структуре системы санкционных и подсанкционных экономик

Создание экономических барьеров и ограничений в процессе хозяйственной деятельности между странами – участниками мировой торговли не новое явление и, как правило, отражает необходимость формирования привилегированных условий производства продукта для одних и сложность в освоении того же продукта для других. Наибольший положительный эффект от подобных действий получают страны, ориентированные на экспорт продукции. В результате данных ограничений достигаются следующие цели: создание препятствий для производства сложного в освоении нового продукта конкурентами; получение привилегированного положения в глобальных цепочках добавленной стоимости одним из участников, где под привилегированным положением понимается способность получения большей доли добавленной стоимости от потребителя; создание условий, способствующих экономическому и технологическому давлению на субъектов хозяйственной деятельности в межстрановой структуре разделения труда. Достижение перечисленных целей приводит к возникновению неконкурентных преимуществ в рыночной экономике, сокращению числа конкурентов на рынке высокотехнологичной продукции и созданию условий, при которых внешние экономические барьеры ограничивают экспорт продукции базовых отраслей.

Страна, получившая ограничения на экспорт и импорт продукции, сталкивается с проблемой воспроизводства высокотехнологичного продукта, но это небольшая часть общего спектра проблем, создающих сложности при функционировании системы. Для роста валового внутреннего продукта, в первую очередь, необходимо повышение производительности труда, основанное на применении новых технологий в области средств производства, а также повышение квалификации рабочей силы. Вводимые ограничения влияют не только на перечень импортных товаров, получаемых от лидеров рынка высокотехнологичного сектора, но также оказывают воздействие на объёмы собственного производства, что может негативно отразиться на всей экономической структуре в целом, вызывая сокращение инновационного сектора.

Снижение производительности труда и потеря доступа к высокотехнологичной продукции для страны, имеющей внешние ограничения, может происходить постепенно, например, в результате действия глобализационных про-

цессов в допандемийный период. Однако увеличение количества логистических цепочек поставок дает возможность заместить потери в доступе к высокотехнологичной продукции наращиванием численности низкоквалифицированной рабочей силы в трудоемких отраслях производства. Подобная структура может сохраняться длительное время для стран, экспорт которых ориентирован на реализацию продукции базовых отраслей.

В адрес Российской Федерации с марта 2014 года тринадцатью странами, одним экономическим блоком, тремя международными финансовыми организациями и двумя международными гуманитарными организациями, в том числе ООН, было введено в общей сложности 32 833 ограничений и запретов, в том числе с февраля 2022 года 26 957 ограничений. [1] С целью ранжирования вводимых ограничений санкции распределены по субъектам, на которые они направлены: компании, физические лица и прочее. Юридические лица, резиденты Российской Федерации составляют 30% от всех полученных ограничений, физические лица – 62%, а в прочие входят некоммерческие и прочие виды объединений и финансовых структур, не входящих в другие группы, но заслуживающие включения в список лиц, попадающих под санкционное давление, и составляют 9% от общего числа ограничений.

Наиболее тяжелыми ограничениями, с точки зрения утраты возможности формирования глобальных производственных цепочек, являются экономические ограничения, направленные в адрес крупных компаний. Физические лица с помощью юридических инструментов могут передать свои полномочия управления в группе компаний или других коммерческих предприятиях, что позволяет отвести удар от подведомственной структуры или собственного бизнеса. Но адресные ограничения, направленные на юридические лица, осложняют международную финансово-хозяйственную деятельность предприятия, возможность использовать финансовые инструменты, доступные для остальных участников глобальной экономической системы, необходимые для поддержания денежного оборота компании и поиск финансовых источников для полноценного долгосрочного развития. В связи с этим на данном этапе работы будем рассматривать санкции ведущих западных стран в адрес российских юридических лиц.

С экономическими ограничениями столкнулись 9686 российских юридических лиц с различной формой собственности и управления. При этом 77% компаний затронули ограничения, введенные Украиной. На оставшуюся долю в 23% приходятся санкции стран, имеющих высокий экспортный потенциал, что ограничивает Российскую Федерацию в получении новых технологий. Лидером по количеству ограничений в адрес российских компаний является США – 572, Япония – 193, Англия – 143, Швейцария – 559 и другие. Евросоюз в рамках блокового объединения развитых стран ограничил торговлю со 156 российскими компаниями, что составляет менее 2% от общего объема введенных ограничений.

Оценивая последствия подобных ограничений, можно утверждать, что страна, которая находится под давлением искусственных экономических барье-

ров, неизбежно будет замедлять технологическое развитие в производственных отраслях, а продукция утратит конкурентоспособность по сравнению с другими странами. В научных публикациях последствия введенных в 2022 году ограничений для России в области поиска стимулов для преодоления внешних барьеров и экономического роста были рассмотрены таким авторами как И. А. Николаев, А. А. Костанян, Е. Д. Ершова, влияние санкций на макроэкономическую стабильность и открывшиеся возможности страны описаны в работах Д. И. Ушкалова, Н. В. Смородинской, Д. Д. Катуква.

Работы отечественных ученых направлены на анализ последствий и масштаб изменений в экономической ситуации внутри под санкционной экономики. К недостаткам такого подхода необходимо отнести описание только негативных последствий, связанных с сокращением товарооборота в стране, снижением уровня свободы движения капитала, падением доли иностранных инвестиций в экономику и уровня жизни населения.

В работе по исследованию последствий ухода иностранных компаний из России С.П. Земцов анализирует показатель деловой активности малого и среднего предпринимательства в регионах. В работе автор указывает на незначительные последствия для малых и средних предприятий (МСП) от ухода крупных иностранных компаний, где одним из важных статистических выводов является стимулирование сферы услуг в тех регионах, где такие предприятия функционировали до введения экономических ограничений. Автор указывает, что данные расчеты являются предварительными, а полученные результаты служат, скорее, пояснением выводов, следующих из статистики. Возникают противоречия в предложенной оценке показателя деловой активности, базирующегося на статистических данных прироста МСП по региону.

В работе обозначено, что берется не чистый прирост по региону, а количество вновь созданных предприятий. Но самым сложным в данном подходе является оценка вновь созданных предприятий, так как создание нового юридического лица не означает обязательную коммерческую деятельность в той области, по которой оно зарегистрировано согласно общероссийскому классификатору. Новые фирмы могут регистрироваться с целью получения налоговых выгод и не связаны с реальной деятельностью и воспроизводственным процессом. В связи с этим система расчета оценки влияния прекращения деятельности иностранных компаний на развитие малого и среднего бизнеса в регионах России является трудоемким и сложным процессом, а также не может основываться на одном показателе.

Влияние приостановки или прекращения деятельности иностранных компаний на технологическое развитие и запас высококвалифицированного капитала исследовал в работе И. Л. Любимов. Автор указывает, что ограничение доступа к передовым технологиям закономерно приводит к технологической деградации и снижению стимулов к получению знаний, используемых в передовых технологических решениях. В качестве примеров приведены ситуации приостановки производственного процесса в связи с нарушением технологиче-

ских цепочек или полному прекращению производства в связи с нецелесообразностью производства конкретных товаров. Деградация производства определяется переходом на устаревший способ создания товара. Одним из наиболее важных моментов, не указанных в работе, является отсутствие действительных целей вводимых ограничений. В зависимости от достигнутого уровня технологического развития наступление технологической деградации может длиться продолжительный промежуток времени, что не отвечает первичным требованиям введения экономических рестрикций, стремящихся сократить доход государственного бюджета подсанкционной экономики в кратчайшие сроки.

Основной задачей таких ограничений, на наш взгляд, является разрыв сложившихся цепочек добавленной стоимости, создающих товар в том его конкурентном виде, в котором он попадает на международный рынок и вступает в конкурентное соревнование. Как и в предыдущие годы, ограничения, наложенные на экономику СССР, не мешали торговать западным странам и получать товары из стран социалистического лагеря, а само падение экономической системы началось с прекращением использования планового задания, а закончилось разрывом цепочек поставок и возникновением пошлин и экономических барьеров между бывшими странами единой производственно-распределительной системы. [8, с. 9]

Деградация производства определяется не новизной технологической базы, а производительностью труда, являющейся результатом использования имеющегося оборудования и квалифицированной рабочей силы для ведущих отраслей экономики, которые имеют важную роль при формировании бюджета государства. Ведь фактические убытки от подобных «откатов назад» будут связаны с возросшими издержками при производстве конкурентного продукта. Если применение новых технологий в базовых отраслях экономики не связано с повышением производительности, а является следствием популярных тенденций в способе воспроизводства, то такими «имиджевыми издержками» можно пренебречь в условиях тотальных ограничений санкционной войны.

Одним из дискуссионных вопросов в области взаимосвязи между технологическими открытиями и повышением производительности труда остается «парадокс Солоу», отмеченный экономистом Р. Солоу в 1987 г., который утверждал, что, несмотря на всеобщую компьютеризацию и развитие вычислительных технологий, полноценное использование данных достижение не привело к сколь значимому повышению производительности труда. [9] При этом отмечены два периода замедления производительности труда: период 1970–1980-е гг. и период 2000–2020-е гг.

Зарубежные исследователи Acemoglu, Autor, Dorn, Hanson & Price пришли к выводу, что мало свидетельств более быстрого роста производительности труда в сферах, активно использующих информационные технологии (ИТ) по окончании 1990-х годов. [10] Несмотря на множество подходов к исследованию данного вопроса, включающих закономерности сложившейся ситуации, другие объясняют ее неверностью подсчета имеющихся данных.

Наибольшую роль ИТ играют в экономиках, где сформировалась необходимая для использования данной технологии инфраструктура, а процессы производства и ведения бизнеса подстроены под новые условия труда. С учетом различных подходов к понятию информационная инфраструктура в работе данное понятие определяется как совокупность подсистем: интернет, цифровая платформа, искусственный интеллект, дистанционное образование, сетевое СМИ. [11] Британский новостной веб сайт Tortoise media предлагает рейтинг глобального индекса искусственного интеллекта, состоящего из 111 индикаторов. Эти показатели распределены по семи подкомпонентам: таланты, инфраструктура, операционная среда, исследования, разработка, государственная стратегия и коммерческая деятельность. По результатам ранжирования лидерами в данной области стали Китай, США, страны Европейского союза, Сингапур, Канада, Южная Корея, Индия. [12]

В отчете ООН о готовности стран к внедрению цифровых технологий и искусственного интеллекта имеющиеся данные распределяются на три главных направления: уровень государственной поддержки, развитость технологической базы, инфраструктурное обеспечение. Ранжирование данных показателей формирует похожий список стран лидеров, что был перечислен ранее. [13] Лидерами предложенных рейтингов в области ИТ являются страны с развитой инфраструктурой, экономическая деятельность которых связана с высокотехнологичным производством.

Страны, которые вовлечены в меньшей степени в данное обновление с неразвитой информационной инфраструктурой, отмечены низким влиянием ИТ на производительность труда в экономике. Для стран, ориентированных на получение дохода от реализации простых продуктов труда и не связанных с высокотехнологичным производством, использование ИТ не является конкурентным преимуществом, так как расходы на развитие необходимой инфраструктуры увеличат стоимость производимого продукта без повышения производительности труда, основанного на следующем технологическом укладе. Американский портал Global Economy ранжирует страны по высокотехнологичному экспорту в 2021 г., где на передовых позициях находятся те же страны, что и лидеры по внедрению и использованию искусственного интеллекта. Высокая стоимость и недостаточный уровень научной базы для получения всей совокупности составляющей информационную инфраструктуру в результате приводит к ориентации на трудоемкое производство и становится ключевым направлением развития производства, получая основной доход от экспорта базовых продуктов труда, включающие сырье и результаты простой переработки.

Страна, производящая конкурентоспособный высокотехнологичный продукт, ограничивает другую страну, имеющую конкурентные преимущества в производстве более простых продуктов базовых секторов, в доступе к технологичной продукции. В работе В.А. Федотова были рассмотрены процессы изменения структуры экономики и способ перераспределения между ее элементами под влиянием конкурентоспособных отраслей экономической системы. [14]

Ограничения, вводимые в адрес конкурентоспособных производств, оказывают аналогичное экономическое давление на структуру и способ перераспределения ресурсов внутри системы, так как в данной ситуации происходит смена конкурентоспособных отраслей экономики под влиянием внешних факторов. Понесенный ущерб оценивается в стоимости взаимного товарооборота между странами. Страна – производитель базовых продуктов теряет доступ к технологичному производству и вынуждена искать альтернативные пути развития для поддержания текущего экономического положения и дальнейшего роста. Одновременно с этим и экспортоориентированная страна, сокращая поставщиков базовых отраслей, изменяет способ распределения ресурсов внутри системы, тем самым меняя структуру своей экономики.

Для стран, ориентированных на экспорт продуктов базовых отраслей, в отличие от экспортеров высокотехнологичной продукции, складывается совсем иная картина. Производительность труда для таких стран зависит от географического местоположения, доступности сырьевых ресурсов, нормы выработки производимого продукта, стадий переработки, необходимых для получения конкурентоспособного товара и логистических цепочек, позволяющих осуществлять транспортировку до конечного места потребления. При производстве товаров базовых отраслей нет необходимости в создании длинных цепочек добавленных стоимостей, поэтому ограничения оказывают влияние на развитие только высокотехнологичных отраслей внутри экономической системы.

Наличие конкурентоспособного продукта в базовых отраслях создает предпосылки к планомерности перераспределения ресурсов внутри системы, так как производительность труда выражена в данном случае через количественные показатели. Конкурентоспособная экономика базовых отраслей способна производить наибольшее количество с наименьшими затратами на единицу продукции по сравнению с другими участниками рынка. Получение внешнеэкономических ограничений для такого типа экономики усиливает планомерность всей системы, так как для поддержания собственных высокотехнологичных отраслей требует перераспределения ресурсов с целью развития НИОКР и смежных отраслей, необходимых для воспроизводства базового продукта в конкурентном виде, особенно, если внешним ограничениям подвергается отрасль, от которой напрямую зависит производительность труда в конкурентоспособной базовой отрасли.

В зависимости от того, на какой стадии технологического развития находится система, в адрес которой введены экономические ограничения, эффективность воздействия на ее экономику имеет различное влияние. Так, согласно перечню факторов, влияющих на усложнение номенклатуры плана на индустриальной и информационной стадии, экономические ограничения для системы, находящейся на индустриальной стадии, оказывают воздействие на три фактора из семнадцати представленных: доступность крупной и дорогой техники, необходимой для воспроизводства продуктов базовых отраслей; влияние на структуру подвижности производства, она становится более подвижной; нарушение цикла «исследование – производство – сбыт».

Для стран, находящихся на информационной стадии развития, аналогичные ограничения влияют на девять факторов из семнадцати, основными из которых являются: снижение производительности труда, нарушение предметной (вертикальной) специализации, создание сложностей с получением техники, которую необходимо часто заменять, снижение квалификации у рабочих, утрата возможности производства продукта многими способами, трудности в создании индивидуального продукта. [15, с. 667]

Экономическая система, специализирующаяся на производстве продуктов базовых отраслей и находящаяся на индустриальной стадии развития, сталкивается с меньшими сложностями в функционировании, чем аналогичная система на информационной стадии развития. Но в то же время введённые ограничения мешают переходить из индустриальной в информационную стадию, так как препятствуют расширению производственных возможностей, персонализации продукта и ускоренному распространению информации.

Для примера мы предлагаем проанализировать долю высокотехнологичной продукции в добавленной стоимости обрабатывающих производств. Данный показатель согласно классификации МСОК в редакции 4 включает в себя товары и продукцию из раздела С подразделы с 24, 29, 30, 31–35. В данные разделы включена продукция отраслей химической промышленности, машин и оборудования, транспортных средств, электронно-вычислительной техники, коммуникационного оборудования, продукции военно-промышленного комплекса и медицины.

Для наиболее закрытой подсанкционной экономики Ирана, данный показатель в 2020 г. составляет 44,7% от добавленной стоимости обрабатывающей промышленности. Для сравнения необходимо также указать, что по данным за 2020 год у США данный показатель составляет 46,1%, Финляндия – 43,8%, Италии – 42,8%, Китая – 41,4%. В результате введенных ограничений подсанкционная экономика Исламской Республики не только не снизила уровень технологий в обрабатывающей промышленности, но также смогла создать условия, при которых в 2015 году данный показатель составлял 45,7% (рис. 1.15).

Ограниченный доступ к информации об уровне высокотехнологичных производств для различных стран не позволяют сделать сопоставительный анализ между группой подсанкционных экономик и ведущих стран мира для выявления закономерностей в развитии систем. В открытом доступе нет интересующего нас показателя для Северной Кореи, Венесуэлы. Для Сирии данный показатель неизменен, согласно статистическим данным за период 2003–2020 гг. и равняется 21,5%.

Данные по экономике Ирана подтверждают, что страна, ориентированная на экспорт продукции базовых отраслей, не имеющая развитой инфраструктуры, необходимой для информационной стадии развития, не сможет в полной мере воспользоваться драйверами роста, но в рамках индустриальной стадии и с учетом неизменной ориентации на производство и экспорт конкурентоспособного продукта базовых отраслей под влиянием усиления плановости в способе перераспределения ресурсов внутри системы сможет повысить эффективность и долю высокотехнологичных отраслей индустриальной стадии.

Рис. 1.15. Доля высокотехнологичных отраслей в добавленной стоимости обрабатывающих производств Ирана

Литература

1. Live monitoring of all sanctions against Russia. [Электронный ресурс]. URL: <https://correctiv.org/en/latest-stories/2022/03/01/sanctions-tracker-live-monitoring-of-all-sanctions-against-russia/> (дата обращения 30.08.2023).
2. Николаев И.А. Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России. // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – №. 1. – С. 58-74.
3. Костанян А.А., Ершова Е.Д. Теоретические подходы к исследованию экономического развития в условиях санкций: сравнительный анализ российского и иранского опыта // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 1 – С. 57-66.
4. Ушкалова Д.И. Антироссийские санкции и экспорт России в 2022 г.: риски и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №. 6. – С. 34-51.
5. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №. 6. – С. 52-67.
6. Земцов С.П. Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России / С. П. Земцов, В. А. Барина, А. А. Михайлов // Экономическая политика. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 44-79.
7. Любимов И.Л. Технологии и человеческий капитал в санкционной экономике / И. Л. Любимов // Экономическая политика. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 40-67.
8. Внешняя торговля СССР в 1980 году (Статистический сборник). – М: Финансы и статистика, 1981. – 279 с.
9. Solow R. We'd better watch out // New York Times Book Review. – 1987. – Т. 36.
10. Acemoglu D., Autor D., Dorn D., Hanson G. H., Price B. 2014. Return of the Solow Paradox? IT, Productivity, and Employment in US Manufacturing. American Economic Review 104(5): pp. 394–399.
11. Толмасов Р.С. Инфраструктура информационной экономики: современное состояние и прогноз развития // МНИЖ. – 2022. – №2-3 (116). [Электронный ресурс]. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-informatsionnoy-ekonomiki-sovremennoe-sostoyanie-i-prognoz-razvitiya> (дата обращения: 03.10.2023).
12. The Global AI Index. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tortoisemedia.com/intelligence/global-ai/#data> (дата обращения 25.08.2023).
13. El-Bermawy A. M. Government AI Readiness Index 2022 // Hikama. – 2023. – №. 6.
14. Федотов В.А. Влияние фактора конкурентоспособности на процесс трансформации структуры национальной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. –Т. 10. – № 4. – С. 248–260.
15. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред.И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб. :Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
16. Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности (МСОК). [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/classifications/Econ/Download/In%20Text/ISIC_Rev_4_publication_Russian.pdf (дата обращения 29.08.2029)

1.10. Проблемы развития евразийской экономики в условиях цивилизационных разломов

Мировая и национальная экономики находятся на перепутье. На фоне официально заявленных ее целей и стратегий развития наметились новые тенденции как следствия происходящих в мире и отдельных странах событий, существующих вне хозяйственной жизни, но прямо или опосредованно влияющих на состояние и развитие мировой и национальных экономических систем.

Экономика – это часть глобальной культуры [1]. И в этом смысле развитие экономических систем есть составляющая цивилизационного развития. А это означает, что любые изменения в процессах цивилизационного развития не могут не влиять на содержание и характеристики экономических систем – с одной стороны, а с другой – экономика не может автономно развиваться вне политики, идеологии, культуры, социальной сферы.

Экономические цели, приоритеты и направления, таким образом, всегда должны быть «встроены» в цели, приоритеты и направления общественного развития, органично «вписываться» в них и учитывать базисные ценности современной цивилизации.

Новые вызовы обнажили все обостряющиеся противоречия цивилизации западного и незападного типа. При этом ценности общественного развития все больше подменяются интересами, главным образом, экономическими интересами. Экономика становится главенствующей составляющей глобальной культуры. К существующим экономическим интересам западной и незападной цивилизации все отчетливее начинают адаптироваться идеология, политика, культура. В результате экономика становится целью общественного развития, и как следствие, все «неэкономические» составляющие этого развития все активнее обеспечивают функционирование и развитие экономики.

В настоящее время особенно остро назрела необходимость четкого понимания места и роли экономики в цивилизационном развитии. Экономика не должна и не может быть целью этого развития. Она должна быть средством развития нашей жизни, обеспечивая улучшение ее количественных и каче-

ственных характеристик. Напомним, что еще более ста лет назад выдающийся русский философ С.Н. Булгаков в своей известной книге «Философия хозяйства», будучи озабоченным проблемой наступления экономизма в общественной жизни, писал о том, что политическая экономия со своим экономизмом особенно нуждается в философском пересмотре и углублении своих основ, в освежении их философским сомнением [2].

В тоже время, противостояние западной и незападной цивилизаций, углубление и обострение противоречий между ними в практическом плане проявляется в экономическом противостоянии, в борьбе экономических систем западного и незападного типа. Это обстоятельство подчеркивает особое место и роль экономики в общественном устройстве и общественном развитии.

В существующих современных реалиях так называемые западные ценности уже несколько десятилетий пытаются вытеснить «незападную» модель общественного устройства. Известным фактом является то, что в условиях глобализации и интеграции мирового хозяйства объективно происходит в каждой стране неминуемое ослабление границ между национальным и интернациональным. В тоже время сохранение базовых ценностей, недопущение подмены их экономическими интересами при сохранении национальной идентичности – необходимые условия развития любого государства, сохранения его дееспособности и самодостаточности. И в этом смысле национальные интересы всегда должны быть незыблемыми и приоритетными для каждой страны. Их недопустимо достигать за счет наступления на интересы других стран.

События последнего времени, противостояние с западным миром известным образом ориентирует нас на независимость, самодостаточность. Но следует особо подчеркнуть, что в мировом хозяйстве нет и объективно не может быть абсолютной независимости какой бы то ни было страны: всегда будет существовать международное разделение труда и действовать экономический закон сравнительных преимуществ с учетом конкретной специализации той или иной страны [3]. В этих условиях и с учетом новых геополитических реалий разрушаются прежние внешнеэкономические связи и создаются новые экономические союзы в мировом хозяйстве.

«Проводимая экономическая политика в России с конца прошлого столетия по настоящее время учитывает основные положения теоретической экономики. Проблема заключается в другом. Постулаты рыночной экономики при реализации «шоковой терапии» ставились «во главу угла», особенно в первое десятилетие проводимых рыночных преобразований. При этом абсолютно не учитывались: ресурсно-сырьевая специализация национальной экономики, ее секторальные, региональные, отраслевые особенности, социокультурные и ментальные условия и факторы развития. Западная и «незападная» экономики имеют отличительные признаки. Это инициирует сосуществование «западной» и «незападной» экономической теории» [4].

Эти отличия выражаются в следующем.

1. В «западной» экономике доминируют рыночные механизмы с элементами нерыночных механизмов, в «незападной» экономике доминируют нерыночные механизмы с элементами рыночных механизмов.

2. В «западной» экономике предметом политической экономии является поведение человека, социума в условиях редких ресурсов для удовлетворения потребностей. В «незападной» экономике предмет политической экономии – это производственные отношения в обществе, необходимые для жизни человека.

3. В «западной» экономике личный интерес всегда выступает главным мотивом поведения человека, социума, в незападной же экономике главенствующие позиции отдаются общественным интересам.

4. Западный тип человека ориентирован на то, что интересам общественного всегда можно пожертвовать в интересах индивидуума. В незападной экономике момент всеобщего доминирует над моментом единичного.

5. В западной экономике природный фактор играет меньшую роль, чем другие факторы производства. В незападной экономике природный фактор играет очень сильную роль в производстве благ.

6. Если вся западная экономика построена на принципе полезности – на субъективных оценках экономической реальности, то в незападной экономике процесс принятия хозяйственных решений ориентирован на действие экономических законов – всеобщих и специфических.

7. Хозяйственная конъюнктура такова, что в западной экономике предложение систематически опережает спрос. В незападной экономике спрос материальных и нематериальных благ может существенно опережать их предложение.

8. Имеются различия и в возможностях экономического роста. Если для западной экономики характерны более низкие темпы экономического роста в результате действия рыночного механизма, то для незападной экономики характерны более высокие темпы экономического роста в результате действия отношений планомерности.

9. Различия в соотношениях действиях принципов свободы и справедливости. В западной экономике преобладают свободы над справедливостью, в незападной экономике преобладает справедливость над свободой.

10. Потенциал «западной» экономики устойчиво снижается, потенциал незападной экономики устойчиво растет.

Имеются существенные отличительные различия и в соотношении материального и духовного. В «западной» экономике преобладает материальная составляющая, духовной же отводится второй план. Для незападной экономики принципиально единство духовного и материального начала, при этом духовное может превалировать над материальным. Это, в свою очередь, является следствием того, что неформальные институты, под влиянием которых функционируют и развиваются экономические системы, разные в западной и незападной экономиках. В модели западного типа идеи рационализма и прагматизма занимают главенствующее место, в модели незападного типа – в принятии решений и системах управления приоритетное положение занимают чувства и эмоции, симпатии и антипатии [5].

В тоже время есть общее в «западной» и «незападной» экономиках. Это общее заключается в отсутствии учета неформальных законов информации, природы и социума в качестве ключевых критериев-категорий, управляющих

всеми социально-экономическими процессами, что, к сожалению, способствует наступлению так называемых цивилизационных разломов [6].

Под влиянием современных социокультурных тенденций меняется в целом жизнь человека как био-социокультурного существа. Меняется, таким образом, и весь социум. Эти изменения касаются и хозяйственной жизни человека и общества, которые носят сложный и часто противоречивый характер. Они приводят не только к положительным, но и к отрицательным последствиям.

Вся экономическая идеология современного общества во главу угла ставит максимизацию коммерческого результата в качестве своей главной целевой установки. Главной же ценностью на земле является сам человек со всеми присущими ему способностями и целевыми ориентирами развития.

Современная экономика – это доходная экономика. Максимизация дохода должна стать средством, а не целью функционирования экономических систем: средством для гармоничного эко-социо-экономического развития. Именно на это должна быть нацелена вся идеология государства и субъектов хозяйствования, и именно поэтому экономическая политика должна трансформироваться в принципиально иное качество, заключающее в себе базисные ценности. Отступление от них, их игнорирование оборачивается ярко выраженными цивилизационными разломами, просто «перепрыгнуть» которые оказывается невозможно. Это является основанием кардинального пересмотра большинства общественных институтов – формальных и неформальных. Нужна базисная идеология общественного развития, при которой экономика должна быть средством ее реализации.

Рыночная экономика объективно имеет не только положительные, но и отрицательные свойства, причем все положительное рыночной модели хозяйствования есть результат действия конкурентных сил на ресурсных и продуктовых рынках. К сожалению, существующие тенденции изменения хозяйственной жизни, как в мире, так и в России, свидетельствуют об ослаблении конкуренции.

С другой стороны, в условиях цифровой экономики появляются в прошлом неизвестные технологии управления сознанием человека и общества. Эти технологии создают возможности усиливать не только положительные воздействия на людей – их мировоззрение, ценностные предпочтения, жизненные приоритеты, но и крайне негативные, более того, формировать их. Последние игнорируют или вовсе отрицают вечные ценности – истину, добро, справедливость, красоту.

Вследствие этого наше общественное сознание медленно, но устойчиво адаптируется к интересам финансового капитала. Оно все меньше привержено критическому анализу реальной действительности, критическому осмыслению сущностных, базовых ценностей цивилизационного развития. В таких условиях создается реальная опасность провозглашения ложных ценностей, выбора изначально ложного представления о предназначении человека, его развитии, жизненных приоритетах. Все это, несомненно, не может не затрагивать аспекты нравственности (нравственной экономики), культуры (экономической культуры), устойчивого общественного развития.

В этих условиях экономический рост становится, главным образом, целью общественного развития, а не средством развития человека. Безусловно, без экономического роста, на который делает акцент существующая стратегия социально-экономического развития Российской Федерации, невозможно решить жизненно необходимые задачи общественного развития. Правительство Российской Федерации принимает положительные решения в области все большего выделения средства на развитие социальной сферы – области расширенного воспроизводства человека. В этом смысле экономика страны все больше становится социально-ориентированной. Однако существующие рыночные реалии таковы, что социально-экономическая система успешно работает на интересы функционирующего аристократического капитала, для которого финансиация есть главные и цель, и средство социокультурной динамики.

Развитие человека, рост человеческого потенциала и капитала – как индивидуального, так и общественного, обеспечиваются способностями человека создавать материальные и нематериальные блага и, таким образом, процессами производства, а не потребления. Именно поэтому мы считаем не только ложным в экономической науке, но и недопустимым в экономической политике потребление ставить приоритетной фазой общественного производства.

Тот факт, что экономика есть составная часть культуры (культуры в широком смысле, а не только в отраслевом аспекте) объясняет все обостряющееся в современных условиях глобальное противостояние общественных (в том числе и экономических) систем, которое определяется дилеммой «Запад или Восток». Россия же занимает особое положение: она находится в Евразии. При этом евразийскую экономику следует рассматривать не только в качестве территориального понятия, но и как культурно-исторический тип хозяйства, который сложился при определенных исторических и геополитических условиях [7].

Существующая в мировом хозяйстве геополитическая реальность – это следствие действия социокультурных закономерностей развития экономических систем: нет настоящего и будущего без прошлого. Именно история экономики и всей общественной жизни объясняет нам единство и противоречия хозяйственного обустройства общества с позиции мирового универсума.

Если признать тот факт, что экономическое развитие есть составляющая цивилизационного развития, то становится понятным, что «путеводной звездой» хозяйственного обустройства общества всегда является идеология, существующая в рамках сложившихся общественных ценностей. Еще в древнем мире, в древней Греции просматривалась взаимосвязь системы ценностей и общественной идеологии с экономикой. Стоит обратить особое внимание и на то, что во все исторические периоды для всех культур традиционного типа этика, нравственность определяли главные ценности и доминировали над экономикой.

Ситуация изменилась в эпоху бурного развития капитализма в Западной Европе в 16-17 вв., когда формировалась техногенная культура. В этот исторический период произошли столкновение капиталистических отношений с традиционной моралью и формирование «экономического человека». Основной

принцип его мотивов поведения «личный интерес – главный мотив поведения» и, таким образом, «нужно делать то, что выгодно». Это послужило основой становления экономического индивидуализма, который, по существу, явился основой для формирования и развития либеральных направлений экономической теории и хозяйственной практики. Принимая это во внимание, становится понятным и то, что «западная» и «незападная» экономики «никогда не договорятся». Они сосуществуют и противоречия между ними не слабеют. Действия общественных законов глобализации привели мировой универсум к цивилизационным разломам – глобальным острым и системным проблемам, решить которые невозможно без кардинально иной идеологии общественного развития, основанной на базисных ценностях человека. И с этих позиций нужно признать, что культура, идеология, политика – вся духовно-нравственная составляющая общественного развития становятся его основой, а экономика – средством, инструментарием этого развития.

Имеет смысл вспомнить и то, что во второй половине 19 века в Западной Европе происходило формирование «социального человека». Теоретической основой этого послужило становление немецкой школы политической экономии, представители которой (Шмоллер Густав, Вебер Макс, Зомбарт Вернер и др.) небезосновательно утверждали, что развитие национальных экономик не может не учитывать национальные, культурные особенности стран и народов. Существующая и по сей день на планетарном уровне дилемма «человек экономический и человек социальный» привела к реальному расколу мирового хозяйства на две части: экономику «западную» и экономику «незападную».

Социокультурные особенности тех или иных обществ значительно ограничивают возможности по проведению институциональных преобразований, что следует учитывать при организации процессов евразийской интеграции, которая необходима для суверенного и многополярного мира.

Профессором Рязановым В.Т. был сделан очень важный вывод о том, что до тех пор, пока в экономической системе России будут активно протекать процессы финансиализации, при которых финансовые потоки функционируют таким образом, что непосредственно не стимулируют инвестициями развитие реального сектора экономики, ждать эффективных результатов не имеет смысла. [8].

В своей последней монографии Рязанов В.Т. писал о том, что экономизация общественной жизни и доминирование, в частности принципов рациональности и в поведенческих нормах в полной мере стало присуще западному типу цивилизационного устройства в процессе длительной и сложной эволюции, на этой основе возник и развивался капиталистический способ производства. Неслучайно серьезный поиск в теории и практике ведется вокруг обоснования необходимости преодоления глобальной неустойчивости экономики и придания ей новых приоритетов [9]. Он совершенно справедливо отмечал, что необходимо выявлять наличие глубоких объективных оснований в исследуемых экономических явлениях и процессах, раскрывать природу действия причинно-следственных связей, обосновывать закономерности их формирования, функ-

ционирования и развития на основе принципа детерминизма. Только при этом будет объективно создаваться новое политэкономическое знание.

Напомним, что выдающийся русский философ Н.А. Бердяев при характеристике существующего состояния человеческого общества считал, что жизнь человека происходит под знаком господства экономики. И в этих условиях духовная культура «уходит в тень» вместе со всеми ее незыблемыми принципами и составляющими, а иерархия ценностей определяется экономической пользой, но никак не нравственностью, этикой, другими базовыми ценностями, которые определила философия еще в древних цивилизациях. Он писал, что человек перестал глубоко задумываться о своем истинном предназначении, смысле своей жизни [10]. Реалии хозяйственной жизни общества таковы, что экономика, по существу, превратилась в цель жизни человека, социума, в особенности, экономика западного типа. При этом достижение экономических целей стало возможным любыми, в том числе античеловеческими средствами – против жизни и здоровья человека, его духовных культуры и богатства.

О месте и роли России в развитии мировой цивилизации, в том числе и экономике, размышляет ряд российских экономистов. В условиях современных вызовов, глобального противостояния цивилизаций, в том числе экономик западного и незападного типов, становится очевидным, что экономика России является одним из определяющих условий новых трендов и закономерностей развития мирового хозяйства. Многие учены высказывают идею о необходимости и закономерности выбора особого пути, который должна выбрать Россия [11]. Так, профессор Смирнов И.К. отмечал, что диалектическое понимание происходящего в нашей стране определяет экономику России как становящуюся, где социализма уже нет, но он еще есть, капитализм уже есть, но его еще нет; результатом такого становления будет нечто третье по отношению к советскому социализму и современному капитализму [12]. В сущности, это и происходит в нашей стране и мире – кризис мировой существующей экономической системы, основанной на капиталистическом способе производства и порожденный существующими реалиями человеческой жизни.

Отметим особенно важно исследование М.А. Румянцева, которое позволяет выявить закономерности формирования, функционирования, развития, глубокой трансформации хозяйственных систем, – логику системных изменений в экономике» [13].

Необходимость созидательного переустройства общества, его хозяйственного строя на основе целеполагания в рамках принципов социальной справедливости и решения самых насущных социальных задач – неотъемлемое стратегическое направление развития экономической теории и хозяйственной практики.

Литература

1. Запесоцкий А.С. Становление глобальной культуры и конфликты цивилизаций. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 608 с.
2. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.

3. Киреев А.П. Международная экономика. Ч.1: Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. – М.: Международные отношения, 1997. – 416 с.
4. Хайкин М.М. Евразийская политическая экономия – научная основа развития экономики евразийства // Проблемы современной экономики, № 3 (79), 2021, с. 10-12.
5. Талер Р. Новая поведенческая экономика. – М.: Бомбора, 2021. – 384 с.
6. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. №1. С. 3 – 30.
7. Евразийская политическая экономия / по ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
8. Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. – М.: экономика, 2016. – 695 с.
9. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. – СПб.: Алетейя, 2019. – 436 с.
10. Бердяев, Н. А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914 -1922 гг. – М., «Астрель», 2007.
11. Привалов Н.Г. Третий путь России: новая надежда в XXI веке. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2012. – 428 с.
12. Философско-экономические воззрения И.К. Смирнова: избранные труды / [сост.: Н. Ф. Газизуллин и др.]. – Санкт-Петербург: РОСТ, 2015. – 303 с.
13. Румянцев М.А. Хозяйственные типы и социально-экономические системы: проблемы развития и трансформации: автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.01 «Экономическая теория». – СПб.: СПбГУ, 2011. – 37 с.

1.11. Роль отношений рынка и плана в процессе регулирования движения рабочей силы в ЕАЭС

В экономической теории существуют два разных подхода к управлению хозяйственной системы: административные рычаги регулирования экономической системы и рыночные методы самоорганизации хозяйства. Общими чертами, связывающими данные рычаги управления, является то, что оба они являются механизмами регулирования хозяйственной системы, направленные на достижение устойчивого развития экономической системы, обеспечения эффективной занятости, равновесного развития.

Проблема оптимального сочетания планового и рыночного механизма хозяйствования всегда занимала и занимает центральное место в научных исследованиях западных и отечественных экономистов. Теоретическому изучению соотношения плана и рынка в хозяйстве в начале XX века большое значение придавали такие исследователи, как Н.Д. Кондратьев, В.А. Базаров, В.Г. Громан, С.Г. Струмилин, Е.А. Преображенский и др. Несмотря на то, что современный мир отошел от применения чисто плановых механизмов регулирования экономики, однако в теориях и научных разработках экономистов – сторонников рынка (К. Поппер, В. Леонтьев, С. Холланд и др.) показано, что они полностью не отказываются от плана, и соглашаются с очевидной реальностью – существованием плана внутри рынка.

К исследователям сторонникам сочетания плана и рынка также можно отнести У. Ростоу, П.Сорокина, Я. Тинбергена, Дж. Гэлбрейта и др. Например,

Дж. Гэлбрейт в своих трудах пишет «...необходимо создать такой правительственный орган, направленный на выявление нарушений и обеспечивающий согласованный рост во всех частях экономики» [1].

По вопросам плановой экономики, планирования хозяйства, сочетания плана и рынка в различных экономических системах наиболее активно шли дискуссии в 1960-1970-х гг., предметом исследования которого были соотношение капитализма и социализма, двух существующих в то время антагонистических систем. «На сегодняшний день в России и в мире в целом, – считает З.А. Грандберг, – эта проблема и в теоретическом, и в практическом отношении становится едва ли не самой актуальной» [2].

Итак, проблема сочетания рынка и плана в экономических исследованиях рассматривается различными теориями и подходами, в зависимости от политической и социально-экономической ситуации, при которой система планирования практикуется во многих государствах и каждой стране присуща своя модель, своя уникальность сочетания. С.Холланд пишет по этому поводу «нет единой модели планирования, пригодная для всех экономических систем. Различные комбинации плана и рынка оказывались удачными или неудачными в разное время и в разных странах вследствие сходных, но не идентичных причин» [3].

Подобное признание дает основание применять сбалансированную комбинацию вышеназванных подходов для эффективного регулирования хозяйственной системы. Безусловно, для того, чтобы данная комбинация позволила получить положительные результаты, вначале необходимо дать оценку каждой системе в отдельности, что позволит выстроить теоретическую основу для разработки концепции. Особенности и характеристики плановой и рыночной экономики представлены в табл. 1.9

Таблица 1.9

Особенности плановой и рыночной системы хозяйствования

		Плановая экономика	Рыночная экономика
1.	Принципы развития	От общего к частному. Приоритетными выступают государственные интересы. Производство является исходной фазой воспроизводства товаров и услуг, которое направлено на удовлетворение общественных и личных потребностей населения.	От частного к общему. Приоритетными являются частные интересы. Они нацелены на удовлетворение платежеспособного спроса населения. Главным инструментом выступает цена.
2.	Общая черта, способы регулирования	Метод регулирования хозяйственной системы План как метод хозяйствования оказывает прямое воздействие на экономику. Централизованное руководство,	Метод регулирования хозяйственной системы Рынок как метод хозяйствования оказывает косвенное воздействие на экономику. Взаимодействие

		Плановая экономика	Рыночная экономика
		основные составляющие: объем (контрольные цифры), директивные задания, лимиты, экономические нормативы, номенклатура.	спроса и предложения.
3.	Способы взаимодействия участников систем	Центрально-распределительные вертикальные связи	Горизонтальные, экономические связи
4.	Результат хозяйственной деятельности	Соответствие Госплану	Достижение частных целей, интересов
5.	Важнейшие направления экономического развития	Сфера производства	Сфера потребления

Составлено автором

Несмотря на то, что принято считать рынок и план противоположными категориями, рассматривая рынок как «стихийную», капиталистическую экономику, а план «сознательную» и регулируемую, большинство преуспевающих государств на практике успешно применяют оба подхода (план и рынок), умело и взвешенно комбинируя и взаимодополняя друг друга, они достигают высоких показателей социально – экономического развития, что обеспечивает быстрые темпы роста национальной экономики и эффективное ее функционирование.

Если важной составляющей субъектов микроэкономики – частных предпринимателей и производителей, участников экономической деятельности для осуществления своей производственной деятельности является разработка бизнес-планов, различных программ – проектов, в основе которого располагаются конкретные нормы, контрольные цифры, задания, лимиты которых необходимо достичь в определенные сроки, то для макроэкономики, где современная экономика характеризуется как сложная система, включающая в себя многоукладное хозяйство, с многочисленными подсистемами и элементами, с различными уровнями управления (микро, мезо, макро), усложнение производственно-хозяйственных, международных экономических связей в условиях всеобщей глобализации, интеграции и цифровизации, в подобных условиях поддержание макроэкономического равновесия только рыночными инструментами затрудняется, а порой становится и невозможным.

В этой связи важным является рассмотрение и применение позиции А.И. Попова, суть которой заключается в том, что в рыночной экономике план должен реализовываться через планово-договорную систему, где объектами народно-хозяйственного плана становятся общеэкономические, межотраслевые и межрегиональные пропорции развития, а субъектами планирования будут выступать регионы, крупные межотраслевые ассоциации и предприятия, где вместо плана-директивы будет вводиться план-договор для кратко-, средне- и долго-

срочного периодов развития всех уровней национальной экономики [4]. То есть, по мнению автора, наиболее предпочтительной является политика среднего пути, которая предполагает ту или иную степень государственного вмешательства в рыночную экономику.

Вместе с тем, важное место должно быть отведено стратегическому планированию в государстве. Глазьев С.Ю. утверждал, что без стратегического планирования перевод российской экономики на новый технологический и мирохозяйственный уклады не представляется возможным. В современном мире широко практикуется партнерство государства и частного бизнеса, следовательно, необходимо реализовывать принципы планирования с учетом механизмов рыночной самоорганизации. Наглядным примером для нас является Китай, где сочетание государственного контроля, планирования и рыночной самоорганизации привело к рекордным темпам роста инвестиционной и инновационной активности на протяжении последних десятилетий. Планирование – это не возврат к временам Госплана, это качественно новый подход к будущему России [5].

В настоящее время активно развивается цифровая нейро-сетевая экономика, которая характеризуется комбинированным сочетанием государственно-плановых, рыночных и сетевых методов и механизмов координации, регулирования и саморегулирования [6]. В экономической литературе существует мнение, что цифровая экономика – в значительной степени плановая информационная система. Она основана на прямых связях производителей и потребителей и долгосрочных контрактах по заранее согласованным ценам. Считается, что взаимодействие рынка и плана на информационной стадии в перспективе возможно только в сети. Происходит соединение принципов рынка и плана в сети на основе использования информации, как о ценах, так и об условиях производства и потребления. Таким образом, сеть начинает соединять рынок и план в некое более сложное единство, происходит постепенная интеграция рынка и плана в информационной экономике, а сеть выступает новым способом существования рынка и плана в их взаимодействии [7].

Конкуренция в цифровой сфере во многом определит будущую геоэкономическую, а с ней и – геополитическую ситуацию. Политика и Китая и США исходит из того, что страна, которая доминирует в сфере развития цифровых технологий, будет доминировать и в мировой экономике [8]. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ) на период 2030 года отмечается, что Россия обладает существенным потенциалом для того, чтобы стать одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий ИИ. Однако в стратегии отсутствуют ориентиры по тому, какое финансирование будет использоваться для ее реализации, не обозначен четкий алгоритм мероприятий, что не позволяет России в перспективе сохранять цифровой суверенитет.

Таким образом, исследование теоретических подходов развития и функционирования рынка и плана показало, что достижением человеческой цивилизации является планомерное экономическое развитие. Благодаря планированию

принимаются управленческие решения, ставятся цели, определяются пути их достижения и выбора из всех в сложившихся условиях альтернативных вариантов наиболее подходящего и продуктивного, что в конечном итоге позволяет многим государствам успешно достигать, претворять их в жизнь и стабильно развиваться.

Нашей задачей является нахождение оптимального соотношения рынка и плана с целью конструктивного регулирования движения рабочей силы (трудовой миграции) в Евразийском экономическом союзе, включающий Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию, с целью достижения приемлемого качественно-количественного соответствия факторов производства, улучшения производственных отношений и, следовательно, обеспечения экономического роста.

В современный период исследователи трудовой миграции считают ее одним из значимых и специфических факторов социально-экономического развития отдельных территорий, регионов, государств и всего мира. Мировой опыт показывает, трудовая миграция, выполняя свои функции (перераспределительная, селективная, ускорительная), достаточно гибко и оперативно обеспечивает качественное и количественное соответствие между вещественными и личностными факторами производства, территориально и дистанционно перераспределяя, способствует рациональному использованию рабочей силы по отраслям, видам экономической деятельности и, как источник дополнительной производительной силы, обеспечивает занятость и рост совокупного общественного производства в стране. Многие государства мира, (США, Канада, Швеция, Германия, Финляндия, Нидерланды, Китай, Австралия и др.), модернизацию экономической системы связывают именно с трудовой миграцией, и рассматривают ее вовлечение как приоритетное направление в своей макроэкономической политике.

Рынок труда неотъемлемая часть рыночной экономики, которая тесно находится в органической функциональной связи с другими ее составляющими и играет важную роль в воспроизводстве рабочей силы, распределяет и перераспределяет ресурсы труда, формирует побудительные стимулы для их эффективного использования. Вместе с тем, рынок труда способствует повышению мобильности трудоспособного населения, активизирует ее миграцию на разных уровнях (микро, мезо, макро, мега) и позволяет решать проблемы занятости рабочей силы.

Механизмы рынка проявляют себя и в оплате труда повышая мотивацию работников к трудовой деятельности, приводят к росту производительности труда и в дальнейшем поступательному развитию народного хозяйства. Спрос на рабочую силу трудовых мигрантов – это платежеспособная потребность работодателей в услугах труда, именно он показывает его емкость, и возможность обеспечения работой трудовых мигрантов за определенную оплату. Как правило, в рыночной экономике передвижение трудового мигранта во многом зависит от получаемой выгоды по месту прибытия, на которую он рассчитывает, устроившись на новую работу. Потоки трудовых мигрантов текут туда, где

есть спрос на рабочую силу и хорошая заработная плата. То есть, прежде чем совершать действия потенциальный работник-мигрант все взвешивает, издержки и доходы, и только после этого осуществляет миграционное движение. Процесс принятия решения представлен на рис.1.16.

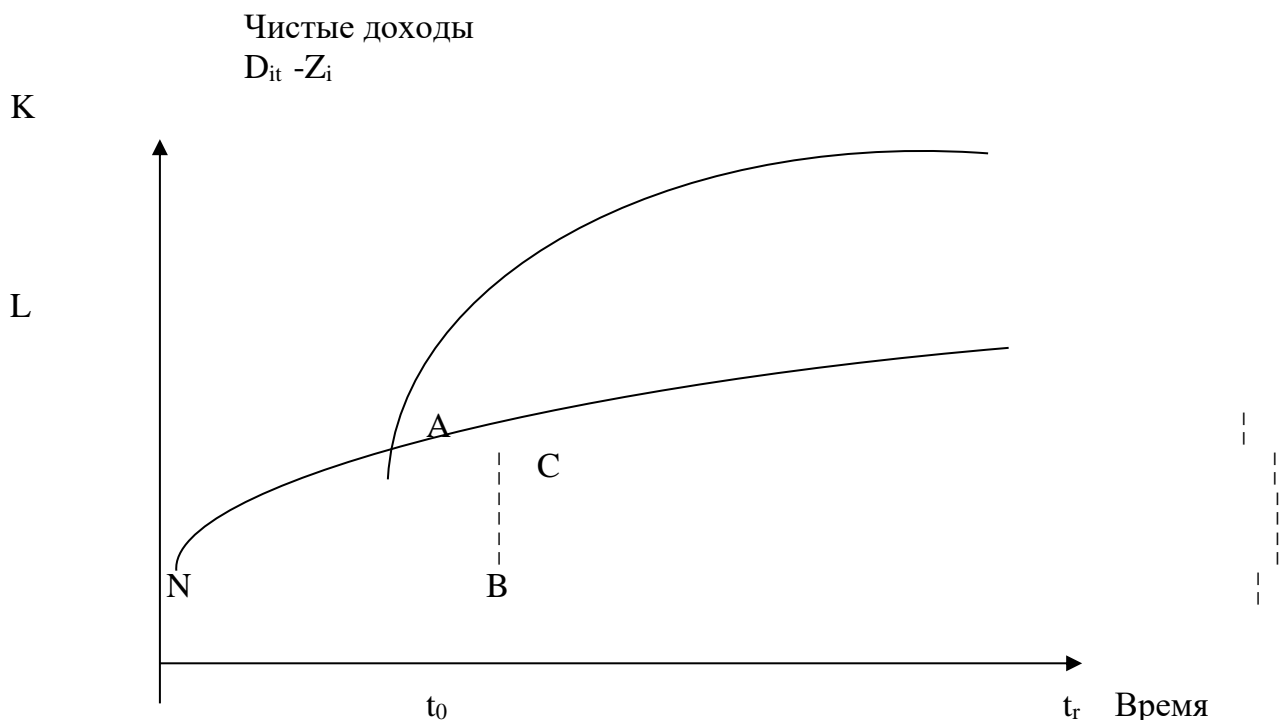

Рис. 1.16. Принятие решения работником о миграции в условиях рынка

Кривая NL – это график чистого дохода работника в его родной стране, кривая NABK – график чистого дохода работника, принявшего решение о переезде. Принимая решение о миграции в момент t_0 , работник сравнивает потери, которые он понесет в связи с переездом, сменой работы (площадь фигуры CAB), и выгоды, представленные площадью SKL. Рациональный трудовой мигрант выберет ту территорию, для которой будет максимум (SKL-CAB).

$$PVND_i = \sum_{t=T_0}^{T_R} \frac{D_{it} - D_{0t}}{(1+r)^t} - C_i > 0 \quad \text{принимается решение о миграции,}$$

$$PVND_i = \sum_{t=T_0}^{T_R} \frac{D_{it} - D_{0t}}{(1+r)^t} - C_i < 0 \quad \text{решение о миграции отвергается,}$$

где $PVND_i$ – приведенная стоимость денежной выгоды от переезда в страну; T_0 – год переезда из родной страны в страну i ; T_R – год прекращения работы (выхода на пенсию); D_{it} – доходы в стране i в году t ; D_{0t} – доходы в родной стране в году t ; r – индивидуальная ставка дисконтирования; C_i – прямые издержки переезда в страну i .

Анализ формулы и графического изображения позволяет сделать вывод, что принятие работником решения о миграции в ту или иную страну, регион, город, село зависит в основном от конъюнктуры рынка, дохода, условий занятости и издержек переезда. Следовательно, в рыночной экономике, спрос, наличие рабочих мест, относительно высокая заработная плата и благоприятные условия являются основой для привлечения работника извне, отсюда и формируются направления людских потоков (рис. 1.17).

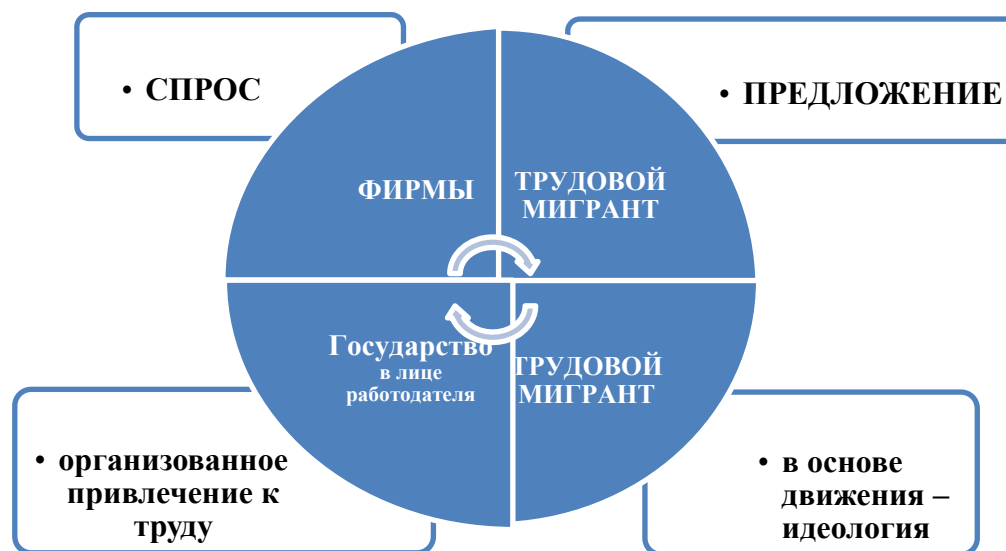

Рис. 1.17. Движение рабочей силы (трудовой миграции) в условиях рынка (верхняя часть) и плана (нижняя) и их взаимодействие

Плановая экономика в отличие от рыночной находит свое выражение через специальные методы организации труда, которые свойственны общегосударственной планомерно организованной системе хозяйствования. Характер труда определяется общественной формой привлечения людей к труду. Если для рынка формой привлечения к труду является наемный труд, то для плановой экономики господствующим явлением становится планомерно организованное привлечение людей к труду. Основными методами считаются: 1) плановое распределение на работу и организованное трудоустройство молодежи, окончившие профессиональные учебные заведения; 2) государственный организованный набор рабочих разных категорий; 3) организованное переселение семей. Таким образом, осуществляется не только организованное привлечение населения к труду, но и планомерное перераспределение трудовых ресурсов между различными предприятиями, отраслями и территориями. Обозначенные процедуры взаимодействуют в тесной увязке с выполнением народнохозяйственных планов, куда входит план по труду.

Планы организованного набора составляются, как правило, по тем территориям, которые не располагают собственными трудовыми ресурсами. Размер орга-

низованного набора определяется с учетом максимального вовлечения в народное хозяйство местных трудовых ресурсов и возможностью их обеспечения жильем и другими условиями. Основным документом, по которому проводят организованный набор рабочих, как правило, является баланс трудовых ресурсов, который составляется для каждой административно-территориальной единицы отдельно и определяет их избыток или недостаток. Организованный набор рабочих предполагает заключение трудового договора, где прописывается условие об обязательной проработке определенное время, а предприятие в свою очередь обеспечивает работника всем необходимым и предоставляет определенные льготы. По истечении указанного времени работник может остаться для продолжения трудовой деятельности, либо возвратиться к постоянному месту жительства.

Существует также система переселения семей, особенность которой состоит в том, что переселение в отличие от организованного набора осуществляется целыми семьями и в расчете на постоянное место жительства, что считается более надежным методом создания постоянного населения в малозаселенных территориях. Каждая переселенческая семья в идеале, обеспечивается домом или квартирой и всем необходимым в первом же году вселения. Набор рабочей силы предприятиями по своему характеру тоже относят к форме организованного набора. Особенностью данного набора является то, что предприятие само набирает работников из числа незанятого населения.

Несмотря на то, что в плановой, советской экономике трудовая миграция считалась управляемым процессом, и имела достаточно много достоинств, однако присутствовало достаточно жесткое давление со стороны государства на граждан при принятии тех или иных решений о смене места жительства, переселении и передвижении, что нередко приводило к нерациональным миграциям, низкой приживаемости новоселов, нестабильности в районах нового освоения. И государственные расходы, которые шли на организацию перемещений, трудоустройство и обустройство не всегда оказывались рациональными.

Переход постсоветского пространства к рыночным отношениям в 1990-е годы сопровождался отказом государства от народнохозяйственного планирования и управления хозяйственной деятельностью, что объяснялось тем, что рынок как саморегулирующаяся система может решить все возникающие вопросы. Однако, несмотря на то, что рынок считается высокоэффективным механизмом, опыт наглядно показал, самостоятельно, рынок не в состоянии решить все социально-экономические проблемы (развитие образования, фундаментальной науки, здравоохранения, занятость населения, миграция, обороноспособность страны, освоение космоса, экологические вопросы и др.). Для решения вышеназванных проблем и стратегического поступательного социально-экономического развития необходимо государственное регулирование в экономике. Вместе с тем, стало совершенно очевидным, и то, что экстенсивные факторы стимулирования экономики, такие как: природные ресурсы, инвестиции, бюджетные расходы, для многих стран, в частности, для России, находятся на исходе. Усугубляет положение сложная геополитическая обстановка, нестабильность, санкционные давления, которые вынуждают находить другие пути

повышения эффективности общественного производства, роста производительности труда, обеспечения экономической безопасности и самодостаточности.

Происходившие в последние десятилетия периодически повторяющиеся кризисы с конца XX и начала XXI в., (1992, 1998, 2008, 2014 гг.) и обострившееся негативное положение коронапандемия 2020 года, обернулись для стран ЕАЭС затянувшейся стагнацией в экономике, спадом ВВП, падением занятости, увеличением безработицы, снижением доходов, ухудшением уровня и качества жизни населения и др. Одним из эффективных решений, выхода из сложившегося неблагоприятного состояния исследователи, ученые, аналитики, политики, эксперты рассматривают наличие востребованных в стране работников, как высокой квалификации, так и низкой, их рациональное распределение и использование, конкуренция за которых на мировом рынке в последние десятилетия существенно возрастает. Актуализация человеческого фактора и превращение его в ключевой источник формирования, развития, эффективного функционирования и модернизации экономических систем, усиливает значимость многомерного исследования трудовой миграции, ее новых форм, направлений, тенденций и, в частности, ее влияния на занятость, являющейся, с одной стороны, детерминантом уровня экономического развития и благополучия государства, с другой, показателем удовлетворенности совокупного общественного производства необходимой рабочей силой.

Следует отметить, что для участниц – членов ЕАЭС, в том числе и для России, в настоящее время характерно неполное использование имеющейся рабочей силы, из-за наличия безработных, обусловленных спадом производства, несоответствием предложения и спроса на рынке труда, «утечки умов», теневой занятости, заключенных, домохозяек, инвалидов, отчаявшихся найти подходящую работу людей, и др. Это привело к тому, что система работает неэффективно, и не достигает своих производственных возможностей. Ситуация осложняется и усугубляется дифференцированным социально-экономическим развитием территорий интеграционного пространства, крайне неравномерным распределением рабочей силы, несоответствием ее профессионально-квалификационной структуры потребностям производителей, неуправляемым притоком/оттоком трудовых мигрантов, с преимущественно низким уровнем образования, квалификацией, отсутствием владения русского языка, ухудшением демографической ситуации, ростом нелегальной занятости и др.

Таблица 1.10

Численность рабочей силы в ЕАЭС (тысяч человек)

	2018	2019	2020	2021	2022
ЕАЭС	94303	93644	93077	93631	93290
Армения	1294	1318	1287	1296,3	1309,3
Беларусь	5142	5122,4	5092	5047,6	5027
Казахстан	9138,6	9221,5	9181	9257	9430
Кыргызстан	2539	2584	2595,4	2681	2600
Россия	76190	75398	74923	75350	74924

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2023.-187с.

Из таблицы 1.10 видно, что общая численность рабочей силы в ЕАЭС за пять лет, то есть за период с 2018 по 2022 гг. сократилась на 1 013 тыс. человек, что обусловлено уменьшением количества работников в двух государствах союза: в России на 1 866 тыс. человек и в Беларусь на 115 тыс. человек. В остальных трех республиках, наоборот, незначительно, но численность растет: в Армении на 15,3 тыс. человек, в Казахстане на 291,4 тыс. человек и в Кыргызстане на 61 тыс. человек.

Таблица 1.11

Численность занятого населения в ЕАЭС (тысяч человек)

	2018	2019	2020	2021	2022
ЕАЭС	89554	89143	87716,4	89012	89384
Армения	1049	1077,4	1052,4	1097	1139
Беларусь	4897	4909	4885,4	4851	4847
Казахстан	8695	8781	8732	8807	8972
Кыргызстан	2383	2443	2445,2	2538	2452
Россия	72532	71933	70601,4	71719,4	71974

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2023.-187с.

Если рассматривать показатели занятости в ЕАЭС, то за пять лет с 2018 по 2022 г. они сохранились примерно на одинаковом уровне с незначительным изменением в меньшую сторону, то есть на (-170 тыс. человек), с достаточно резким падением в 2020 г., когда число занятых сократилось на 1838 тыс. человек. Во всех странах союза занятость достаточно устойчиво растет, кроме России, где она понизилась за данный период на (-558 тыс. человек).

Таблица 1.12

Численность безработных в ЕАЭС (тысяч человек)

	2018	2019	2020	2021	2022
ЕАЭС	4748,7	4500,4	5360,8	4619,2	3907
Армения	245,4	240,7	234,3	199,5	170,1
Беларусь	244,9	213,3	206,2	196,9	179,7
Казахстан	443,6	440,7	448,8	449,7	458,3
Кыргызстан	156,3	140,9	150,2	142,6	147,5
Россия	3658,5	3464,8	4321,3	3630,5	2950,7

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – М., 2023.-187с.

Уровень безработицы в целом по ЕАЭС составил 4,2%. По численности безработных динамика показывает уменьшение на 842 тыс. человек, что связано прежде всего с тенденцией сокращения их в России на (-707,8 тыс. человек), а также в Армении на (-75,3 тыс.чел.), в Беларусь на (-65,2 тыс.чел.) и Кыргыз-

стане на (-8,8 тыс. чел.). В Казахстане число безработных, наоборот, увеличилось на 14,7 тыс.чел.

Анализ движения рабочей силы в Евразийском экономическом союзе позволил выявить, что в основе перемещений потоков трудовых мигрантов доминирует экономический фактор. По въехавшим в страну мигрантов из государств – членов ЕАЭС, для осуществления трудовой деятельности, Россия является отчетливым лидером по приему работников за весь рассматриваемый период с 2018 по 2021 г. При этом в качестве признанного лидера-донора за все годы среди стран – четверки ЕАЭС является Кыргызстан, его доля в общем миграционном потоке составила за 2018 г. – 43,6%, в 2021 г. – 47% (табл. 1.13).

Таблица 1.13

Трудовые мигранты государств – членов ЕАЭС, въехавших в страну для осуществления трудовой деятельности, (человек)

Название государства		2018	2019	2020	2021
Россия (государство въезда)	Кыргызстан	351 959	453 702	190 312	453 829
	Армения	207 945	210 460	69 024	210 460
	Беларусь	134 690	163 410	85 590	163 530
	Казахстан	111 464	136 208	60 461	136 325
	Всего	806 058	963 780	405 387	964 144
Казахстан (государство въезда)	Россия	24 816	30 158	33 131	30 158
	Кыргызстан	5 493	5 808	8 092	5 808
	Беларусь	1 189	1 336	853	1 336
	Армения	3121	2676	1588	2676
	Всего	34 619	39 978	43 664	39 978
Беларусь (государство въезда)	Россия	4126	6741	5189	6741
	Кыргызстан	73	126	131	226
	Казахстан	381	597	432	599
	Армения	432	397	285	397
	Всего	5012	7861	6037	7963
Кыргызстан (государство въезда)	Россия	-	-	-	-
	Казахстан	-	-	-	-
	Беларусь	-	-	-	-
	Армения	-	-	-	-
	Всего	-	-	-	-

Название государства		2018	2019	2020	2021
Армения (государство въезда)	Россия	2877	3289	3853	-
	Кыргызстан	5	7	3	-
	Беларусь	33	38	41	-
	Казахстан	55	61	63	-
	Всего	2970	3395	3960	-

Источник: Евразийская экономическая комиссия. Департамент трудовой миграции. Статистические данные. Сведения о численности граждан государств – членов ЕАЭС.

По данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), на сегодняшний день наиболее востребованными специалистами в союзе являются медики, учителя, водители транспортных средств различных категорий и специалисты в области IT-технологий. Потребность в медиках обусловлен распространением COVID-19. Специалисты в области IT- технологий необходимы для тех отраслей экономики, которые перешли в цифровой формат работы. Переживает дефицит педагогических кадров и сфера образования.

Рабочие, в свою очередь, востребованы в области автомобильного транспорта, торговли, обслуживания населения (услуг), жилищно-коммунального хозяйства, строительства, сельского хозяйства и промышленности. Рост потребности в них связан с восстановлением и ростом национальных экономик после сокращения ограничений, введенных в период пандемии. Безусловно, в сложившихся условиях трудовая миграция должна стать одним из действенных механизмов эффективного функционирования единого рынка труда ЕАЭС в эпоху цифровизации экономики.

Опыт показывает рыночная экономика, основанная на механизмах свободного функционирования, недостаточно полно обеспечивает количественно-качественное сочетание факторов производства, рабочей силы и средств производства. В условиях рынка, как правило, людские потоки (объемы) выстраиваются вслед за ценами. Цены колеблются, рабочая сила прибывает и направляется, туда, где цена на труд относительно высокая. Объемы формируются, но оптимальных масштабов для экономики, для эффективных производственных отношений не достигает. Совершенно очевидно, рыночный механизм не справляется с такой задачей, следовательно, нужно использовать плановый механизм.

Для решения данной задачи, то есть определения необходимого объема трудовых мигрантов для экономики, используем подход Д.Ю. Миропольского («объемно-номенклатурный»), где отношение плана ученых рассматривает как дезагрегирование объема в номенклатуру и агрегирование номенклатуры в объем [9]. Применим его в области движения рабочей силы (трудовой миграции) в

Евразийском экономическом союзе. Для этого необходимо разработать план с указанием объема необходимых трудовых мигрантов в целом для народного хозяйства интеграционного пространства, который далее дезагрегируется в номенклатуру специальностей, половозрастных категорий, регионов, отраслей, предприятий, фирм и т.д. Подобное планирование позволит: во-первых, вести полный учет всех трудовых ресурсов; во-вторых, определить потребность в рабочей силе отраслей, видов экономической деятельности, административно-территориальных единиц союза и т.д.; в-третьих, установить источники (внешние, внутренние) обеспечения дополнительной рабочей силой; в-четвертых, разработать соответствующие меры по рациональному распределению и перераспределению трудовых мигрантов с учетом потребностей рынка и особенностей размещения производительных сил (отраслевых, территориальных, монопредприятий и др.); в-пятых, разработать мероприятия по улучшению профессионально-квалификационной структуры трудовых мигрантов путем обучения, переобучения, переквалификации и переподготовки. Следует отметить, что подобные мероприятия успешно и широко практиковались в плановой экономике СССР [10].

Функции по разработке планирования, его реализации и, в целом, регулирования движения рабочей силы (трудовых мигрантов) на наш взгляд, должны быть возложены специализированному самостоятельному ведомству по управлению трудовой миграцией на наднациональном уровне ЕАЭС.

Безусловно, регулирование движения рабочей силы должно истекать из сложившегося экономического, миграционного и демографического положения ЕАЭС. Если ситуация складывается так, что идет активный отток, нежели приток трудоспособного населения в другие государства, регионы, города, страны, падает заработная плата, занятость, растет безработица, совершенно очевидно, здесь рыночные механизмы не работают, налицо наблюдается несоответствие факторов производства, труда и капитала в регионе, необходимо активное государственное участие в налаживании критической ситуации в экономике. Государственные меры при этом должны носить системный характер и направлены одновременно и на улучшение миграционного климата, и на благоустройство территории (строительство предприятий, заводов, поддержка малого и среднего бизнеса, создание рабочих мест, социальная инфраструктура и др.) [11]. И наряду с этим применять различные формы организационного привлечения к труду. Как правило, к таким регионам относят малопривлекательные в природно-климатическом, географическом и экономическом отношении территории союза, где жесткие условия и отсутствие рабочих мест вынуждают покидать места постоянного проживания (северные и восточные регионы России). Также сюда можно отнести и некоторые регионы, где экономика отсталая, низкая занятость и высокая безработица (Киргизия, Армения). В тех регионах, где высокая занятость, низкая безработица, на более-менее приемлемом уровне цена рабочей силы, экономические показатели хорошие, налицо, рынок работает, есть спрос, есть предложение, в этом случае, государству нет необходимости активно вмешиваться в экономику (центральные и северо-западные регионы России,

некоторые регионы Казахстана и Беларусь). То есть методы рынка и плана должны гибко взаимодействовать и взаимодополнять, а не противостоять друг другу (рис. 1.18).

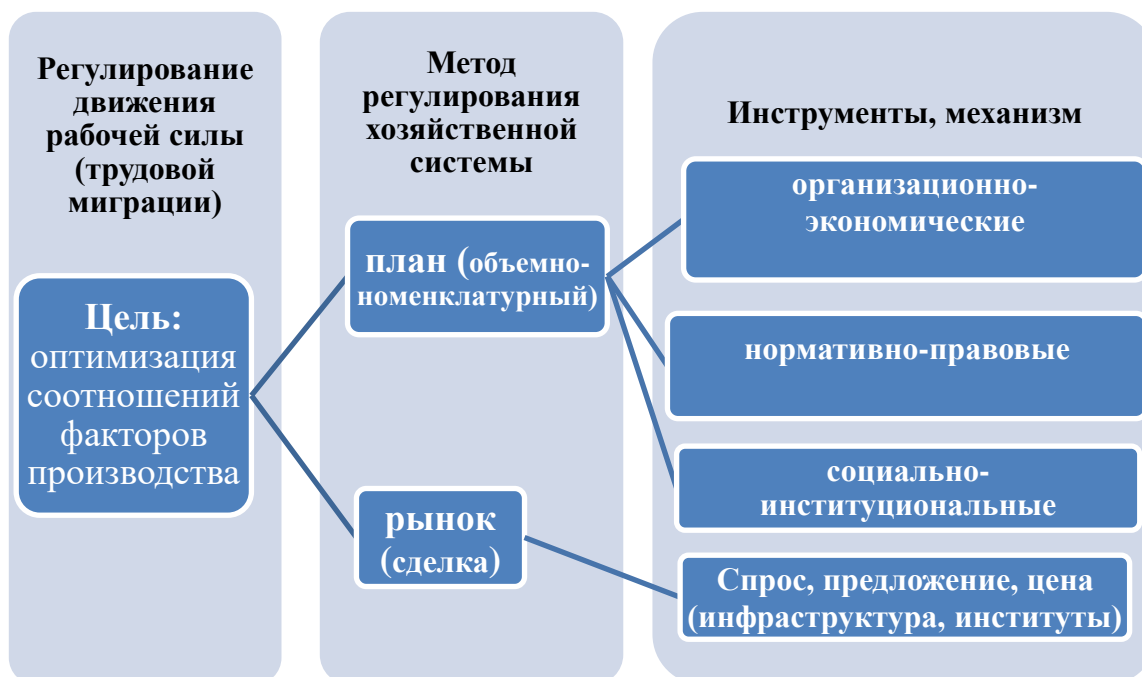

Рис. 1.18. Алгоритм достижения оптимального соотношения факторов производства в ЕАЭС

Таким образом, наше видение регулирования движения рабочей силы в ЕАЭС заключается в том, что планы, разработанные на наднациональном уровне, соответствующим ведомством, должны носить планово-договорной характер, по которому все хозяйствующие субъекты интеграционного пространства (отрасли, регионы, сферы, виды экономической деятельности, заводы, предприятия, фирмы и т.д.) должны следовать ему. План должен играть роль путеводаителя. Это позволит удовлетворить хозяйствующие субъекты в необходимой дополнительной рабочей силе и внести свою долю с одной стороны, в оптимизацию соотношения рабочей силы и средств производства в экономике, с другой – избежать наплыв массовых гастарбайтеров, незаконной иммиграции.

В краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах, в основе регулирования движения рабочей силы в ЕАЭС должны быть заложены как рыночный механизм, так и плановый (государственный), которые в увязке с государственной миграционной политикой позволят приводить в качественно-количественное соответствие факторов производства, улучшить производственные отношения и, следовательно, обеспечить экономический рост. Планирование объема трудовых мигрантов позволит эффективно привлекать, распределять, использовать рабочую силу, осуществлять селективный отбор, трудоустройство, контроль, создавать условия для профессионального и квалификационного роста, социальной адаптации и интеграции работников на местах

прибытия и проживания, соблюдать санитарно-эпидемиологические требования по отношению к прибывшим. Более того, применение взвешенных комбинаций методов рынка и плана в ЕАЭС, если с одной стороны, обеспечат конструктивное регулирование движения рабочей силы, с другой, позволят также решить важнейшие проблемы, обусловленные с негативными последствиями этого исключительно сложного, неоднозначного явления (нелегальная миграция, межэтнические, межконфессиональные конфликты, криминогенность, преступность, экстремизм, терроризм, демпинг уровня заработной платы, нагрузка на жилищный фонд, социальную инфраструктуру, потеря контроля над отдельными регионами и др.).

Литература

1. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества: пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. М.: Прогресс, 1976. С.397.
2. Грандберг, З.А. Диалектика плана и рынка / З.А. Грандберг // Экономист. 2005. №7. с.36.
3. Холланд, С. Планирование и смешанная экономика. Вопросы экономики" / С. Холланд. – М.: Инфра-М – 2009. С.256
4. Попов А.И., Иванов С.А., Миэринь Л.А. Хозяйственная система России: инновационное развитие и экономическая безопасность. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 339с.
5. Глазьев С.Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием. с.73 Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог. — 2021. — 544 с.
6. Цифровая нейро-сетевая экономика: институты и технологии развития : монография / С. А. Дятлов, О. С. Лобанов, Д. В. Гильманов.— СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. — 325 с.
7. Государство и "рынок: новое качество взаимодействия в"информационно-сетевой экономике."— Санкт-Петербург, 2007."— Том 2.
8. Дементьев В.Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования, 2022, №4.
9. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
10. Экономика труда в СССР. Под общ.ред. Кудрявцева А.С. М. «Экономика», 1967. 462с.
11. Якшибаева Г.В. Трудовой потенциал инновационной экономики / Г.В. Якшибаева. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. -244 с.

ГЛАВА 2. СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И РЫНКА В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛЮСОВ РАЗВИТИЯ

2.1. Закономерное отражение глобальных процессов в ЕАЭС: формирование альтернативных полюсов развития

Исходя из позиций государства и рынка, надвигающейся глобализации, следует более активно развивать новые направления международного взаимодействия такие, как: сотрудничество в экономической, культурной, информационной, научной, научно-технической, технологической, инновационной и других сферах. Сотрудничество России с ЕАЭС во всех этих сферах является важным фактором поддержания межгосударственных отношений, особенно в ситуации ухудшения политического международного климата. Развитие экономики вызывает большой интерес стран-участниц России, Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана. Сотрудничество этих стран строится на принципах четырех основных свобод: беспрепятственная свобода передвижения товаров; оказание услуг; свободное передвижение капиталов; беспрепятственное передвижение людей [1].

С начала создания ЕАЭС предпринимаются попытки увеличивать торговый оборот, сотрудничество во всех сферах деятельности, прогнозировать выгоды, просчитывать риски. На данное время за период функционирования ЕАЭС произошла имплементация стандартов в пятнадцати сферах деятельности. Российская экономика развивается на данном рынке и торгует с третьими странами, не являющимися членами ЕАЭС такими, как: Восточная Азия – Республика Индонезия; Вьетнам; Сингапур; Таиланд; Камбоджи; Индия; Бангладеш; Королевство Таиланда; Филиппины; Сербия; Черногория; Аргентина; Египет; Израиль; Иран. Заинтересованность в налаживании торгово-экономического сотрудничества растет с государствами ЕАЭС, происходят интеграционные процессы, расширяются зоны свободной торговли. Так, в рамках развития Евразийского союза ведется активная работа по укреплению торгово-экономического сотрудничества с объединениями с целью интеграции с Экономическим поясом Шелкового пути (по инициативе Китая «Один пояс и один путь»), и формированию партнерства с ШОС.

Таким образом, происходят новые интеграционные процессы, которые являются неотъемлемой частью внешнеэкономической деятельности ЕАЭС. На фоне данных трансформационных процессов происходит усиление роли рынка Евразийского союза, который меняет архитектуру и географию торговли и развития экономики всех стран-участниц, объединяя их возможности и формируя новые полюса развития, что определило *актуальность* направления исследования [1; 2; 3].

Рассматривая интеграционные процессы с позиции развития российской экономики и Евразийского союза, формируются институциональные основы в период усиления глобальных вызовов со стороны не дружественных стран и разра-

батываются новые подходы и стратегические направления в его развитии [5; 6; 7; 12]. Исследования проблем и перспектив интеграции рынков в процессе развития ЕАЭС показали, что именно развитие рыночных отношений позволяет формировать единую экономическую политику, интеграционные процессы рынков, факторов производства, определяя точки экономического роста [8; 10; 11; 12].

Происходят естественные закономерности. Как «инстинкт самосохранения», он охватывает все сферы деятельности, происходят процессы более углубленного экономического развития, тем самым экономическая интеграция закономерно выходит на новую траекторию развития [4]. Развивающие институты ЕАЭС являются системой управления, они способны инициировать действия, что влияет на процессы развития, создаются правила функционирования системы, формируются механизмы согласования для обеспечения ее взаимодействия. Исходя из этого, формируются отраслевые платформы создавая конкурентные преимущества, в евразийском союзе в процессе цифровизации экономики и расширение рынка [9]. Для достижения поставленной цели был проведен макроэкономический и социально-экономический анализы развития ЕАЭС с позиции развитости рынка и определения его роли в формировании полюсов роста, что требует более детального анализа.

Методы и материалы. В качестве исходной информации по развитию ЕАЭС были проанализированы источники литературы, статистические данные, нормативно-правовые документы, которые размещены на официальных сайтах. Авторами были проанализированы статистические данные, опубликованные Евразийской экономической комиссией.

Использовался аналитический метод при анализе основных социально-экономических показателей, численности населения, численности рабочей силы, уровня безработицы, среднемесячной оплаты труда и индексе потребительских цен. Также применялись метод анализа макроэкономических показателей, графический метод в процессе построения рисунков, статистический и информационный – при определении ВВП на душу населения. Проведенное исследование отражает реальную картину развития ЕАЭС и показывает, что торговля с третьими странами позволяет определить закономерное отражение глобальных процессов в ЕАЭС и формирование альтернативных полюсов развития с третьими странами.

Для достижения цели были определены задачи:

— проанализировать основные социально-экономические показатели, к которым отнесены численность постоянного населения, численность рабочей силы, уровень безработицы, среднемесячная номинальная зарплата, индекс потребительских цен;

— макроэкономические показатели, к которым относятся валовый внутренний продукт, промышленное производство, продукция сельского хозяйства, инвестиции в основной капитал, грузооборот, оборот розничной торговли, доходы консолидированного бюджета;

— ВВП на душу населения, структура промышленного производства.

Численность постоянного населения в ЕАЭС за период 2017-2021 годов в среднем выросла на 976 тыс. человек, численность рабочей силы за данный период снизилась на 442 тыс. человек. Уровень безработицы за этот же период имеет динамику снижения по ЕАЭС на 0,22%. Наблюдается высокий уровень безработицы в Армении – в среднем до 2020 года он составлял 18,5% и только в 2021 году данный показатель снизился на 3,2% и составил 15,3%. В Казахстане средний уровень безработицы находится в пределах 6,1%, во всех других странах ЕАЭС показатель уровня безработицы в среднем составляет 5%.

Среднемесячная номинальная заработная плата в долл. США во всех странах разная. В Армении за период 2017–2021 гг. она выросла на 29 долларов и в 2021 г. составила 405 долл. США. В Беларуси за период 2017–2021 гг. отмечена динамика роста оплаты труда на 74 доллара за пять лет и по факту составила в 2021 году 500,0 долл. США. В Казахстане за аналогичный период среднемесячная оплата труда за пять лет увеличилась на 41,6 долл. США, и в 2021 г. фонд оплаты труда составил 584 долл. США.

В ЕАЭС пространстве самая низкая среднемесячная оплата труда в Кыргызстане. С 2017 по 2021 г. наблюдалась следующая динамика: рост составил за пять лет 31 долл. США, и в 2021 г. фонд оплаты труда в месяц составил 239 долл. США.

Следует отметить, что самый высокий уровень оплаты труда в России. За анализируемый период в среднем оплата труда выросла на 47,4 долл. США и в 2021 году составила 768 долл. США. На этом фоне индекс потребительских цен в ЕАЭС вырос на 5,5%, индекс цен производительной промышленной продукции за тот же период вырос на 18,2% и в 2021 году составил 128,8%. Валовой внутренний продукт в ЕАЭС за период 2017-2021 годов составлял в млрд. долл. США: 1815,3; 1920,7; 1962,0; 1745,1; 2026,5 соответственно. Следует отметить, что самый низкий уровень валового внутреннего продукта в Армении – в среднем за год он составляет 4,3 млрд. долл. США. Следующая страна с таким низким уровнем валового внутреннего продукта является Кыргызстан – показатель за год в период 2017-2021 годов в среднем составил 8,23 млрд. долл. США.

В России валовой внутренний продукт в период 2017-2021 годов в млрд. долл. США составил: 1574,6; 1660,7; 1693,3; 1492,8; 1778,9 соответственно.

Далее проанализируем, сколько валового внутреннего продукта приходится на страны ЕАЭС (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Валовой внутренний продукт на душу населения по странам ЕАЭС,
долл. США [1]

	2017	2018	2019	2020	2021	На душу населения
Численность населения ЕАЭС, тыс. чел.	183751,4	183960,3	184273,9	184000,3	183647,4	11219,9

Окончание табл. 2.1

	2017	2018	2019	2020	2021	На душу населения
ВРП ЕАЭС, млрд. долл. США	1815,3	1920,7	1962,0	1745,1	2026,5	-
Армения (население/ ВРП)	2972,7 11,5	2965,3 12,4	2953,7 13,6	2963,3 12,6	2961,4 13,9	4679,2
Беларусь (население/ ВРП)	9448,3 54,7	9429,2 60,0	9410,3 64,5	9349,6 60,8	9255,5 68,2	7328,1
Казахстан (население/ ВРП)	18157,3 166,8	18395,6 179,3	18631,8 181,7	18879,6 171,1	19125,5 193,0	10157,4
Кыргызстан (население/ ВРП)	6256,7 7,7	6389,5 8,3	6523,5 8,9	6636,8 7,6	6747,3 8,5	1276,7
Россия (население/ ВРП)	146880,4 1574,6	146780,7 1660,7	146648,6 1693,3	146171,0 1492,8	145557,6 1778,9	12195,5

Исходя из рисунка 2.1, следует, что на одного человека в евразийском союзе в 2021 г. приходится 11 219,9 долл. США. В разрезе по странам ЕАЭС наблюдается разная динамика – так, самый низкий показатель имеет Кыргызстан (12 76,7 долл. США на одного человека), самый высокий показатель имеют две страны Казахстан (10 157,4 долл. США на одного человека), а в России валовой региональный продукт на одного человека составляет 12 195,5 долл. США.

Анализ основных предпосылок развития ЕАЭС и основные аспекты интеграционных процессов между странами-участницами показывает, что торговые отношения выходят за рамки союза, торговля активно ведется с третьими странами. Распределение объемов внешней торговли товарами со странами вне ЕАЭС с партнерами дружественных стран, торговыми партнерами отражено на рис. 2.1.

Следует, что самый большой товарооборот с Китаем (17,9%); Германией (7,5%). В остальных странах показатели более ниже: Нидерланды – 6,4%; Италия – 5%; Турция – 4,6%; США – 4,5%; Корея – 3,9%; Соединенное Королевство – 3,4%; Польша – 3,2%; Франция – 3%; Япония – 2,5%; Украина – 2,4%; Индия – 1,9%. Данные показатели свидетельствуют о том, что Россию невозможно изолировать, она способна динамично развиваться.

Отметим, что в ЕАЭС развивается транспортная система по грузообороту. В млрд. тонно-километров в 2021 г. показатель составил 6419,0. Однако пассажирооборот снизился по сравнению с 2019-2021 годами на 339 млрд. пассажиро-километров.

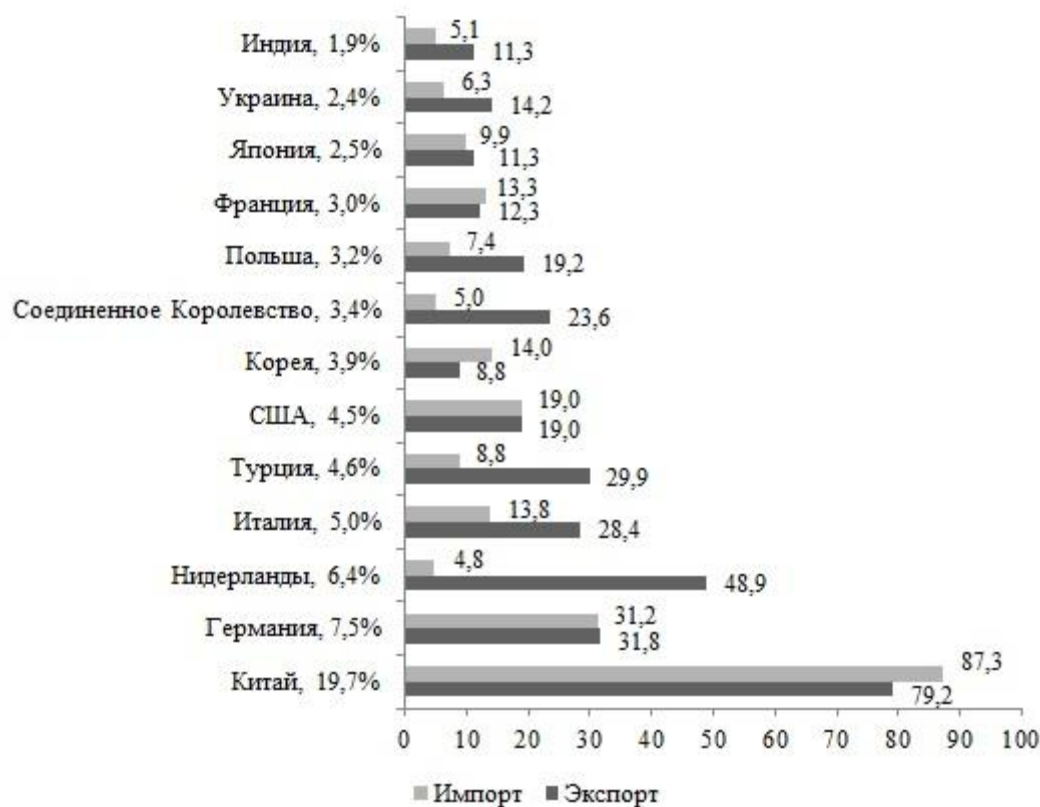

Рис. 2.1. Распределение объёмов внешней торговли товарами со странами вне ЕАЭС по странам – основным партнерам в 2021 г. [1]

Растет оборот розничной торговли – за период 2017–2021 годов он вырос на 5,35%. Экспорт товаров во внешней торговле со странами вне ЕАЭС в млрд. долл. США вырос за аналогичный период на 35,83%. Импорт товаров во внешней торговле с третьими странами вырос за на 28,95%, также увеличилась взаимная торговля товарами на 32%. Следует отметить, что изменилась структура валовой добавленной стоимости ЕАЭС за 2021 год в процентах к итогу (рис. 2.2).

Следует отметить, что в ЕАЭС растет оптовая и розничная торговля, ремонты моторных транспортных средств, промышленное производство, горнодобывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, электроснабжение, подача газа и пара, водоснабжение. Также набирает темпы роста производство сельскохозяйственной продукции, в частности, за период 2017-2021 годов рост составил 18,67%, в Армении – 3,08%, Беларуси – 1,05%, Казахстане – 37,96%, Кыргызстане – 26,55%, России – 17,37%.

Производство зерновых и зернобобовых в 2021 г. на душу населения в ЕАЭС составляло 799 кг. В России данный показатель составил 832 кг, а в Армении данный показатель самый низкий – 52 кг на душу населения. В Кыргызстане – 218 кг на душу населения, в Казахстане – 862 кг, в Беларуси – 797 кг на душу населения.

Рис. 2.2. Структура валовой добавленной стоимости за 2021 г., в % к итогу [1]

Проанализируем инвестиции в основной капитал по ЕАЭС его странам членам данного союза (рис. 2.3). Удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП (в процентах) в 2021 г. по ЕАЭС составил 17,3%; Армения – 6,7%; Беларусь – 17,4%; Казахстан – 16,4%; Кыргызстан – 16,9%; Россия – 17,5%. Инвестиции в основной капитал в ЕАЭС на душу населения в долл. США в 2021 г. – 1941, из них: Армения – 315; Беларусь – 1275; Казахстан – 1634; Кыргызстан – 216; Россия – 2136.

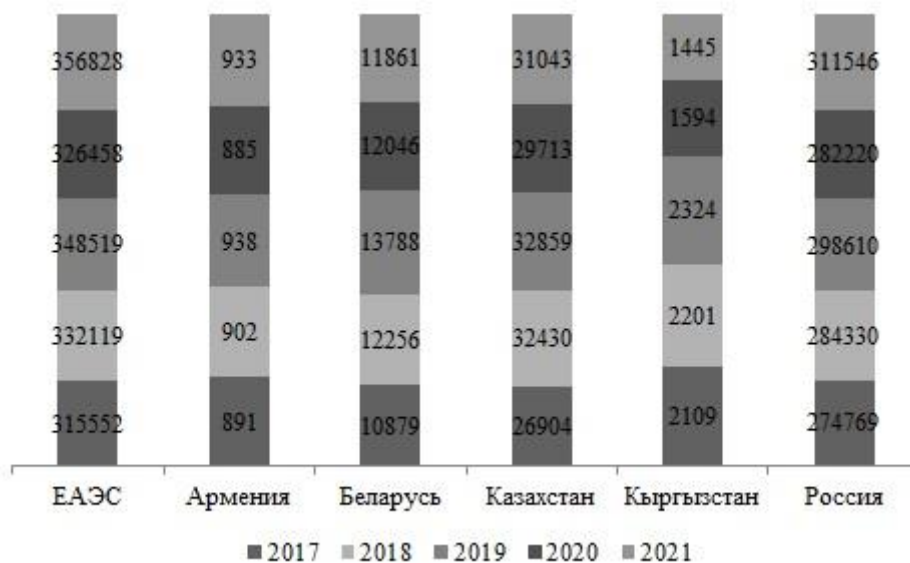

Рис. 2.3. Инвестиции в основной капитал, млн долл. США [1]

Дальнейшее развитие сегодня принимает другую направленность в сторону совершенствования азиатского рынка, к этому ведет сложившееся политическое положение в мировой политике и экономики.

Как показало проведенное исследование, развитие ЕАЭС сегодня странам-участницам является выгодным, не только во взаимной торговле. Складываются новые возможности развития внешней торговли с третьими странами, что создает более конкурентоспособным ЕАЭС в мировой экономической системе.

Стоит отметить, что вырос валовый внутренний продукт на душу населения. Отметим, что для сохранения существующей динамики между странами-участниками ЕАЭС следует снижать не тарифные барьеры, усовершенствовать систему управления, внешнеэкономической торговли с третьими странами, как хорошими торговыми партнерами наращивать и развивать структуру валовой добавленной стоимости.

Анализ макроэкономических показателей указывает на то, что рынок развивается и требует постоянного институционального обеспечения: нормативно-правового законодательства, регулирования системы экономического сотрудничества с третьими странами, развитие таможенной инфраструктуры, укрепление социально-экономических, политических, культурных связей.

В настоящее время происходят процессы внедрения цифровых технологий и те страны, которые в этом участвуют более активно, увеличивают темпы торгового оборота и уровня жизни населения. Отраслевые производства, которые готовы к кооперации, сформируют единую цифровую промышленную производственную платформу в ЕАЭС для наращивания производственной мощности и формированию новых направлений в развитии. Обоснование данного последовательного подхода при использовании цифровых технологий способствует накоплению и формированию дополнительного потенциала для создания добавленной стоимости, что послужит альтернативой полюсов развития, которые станут устойчивыми по отношению к рискам, обеспечат эффективное развитие всех сегментов общего рынка ЕАЭС.

Литература

1. Евразийская экономическая комиссия – 2021 / Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. // URL.<http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-02-2016-inf.aspx> (дата обращения 15.08.2023)
2. Ахунбаев А.М., Дауранов Т.Ш., Кузнецов А.С., Петросьян А.Р., Никитушкина Ю.В. Евразийская экономическая интеграция – 2020. — М.: ПУБЛИКАЦИИ ЕАБР, 2020. — 80 с.
3. Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2020. — Т. 20. — № 3. — С. 543–559.
4. Борщ Л.М., Джалал М.А.К. Развитие экономической теории как экономическое отражение глобальных процессов на фоне мировых вызовов // Проблемы современной экономики. — 2021. — №2 (78). — С 43-45.
5. Варганова М.Л. Исследование интеграционных процессов стран ЕАЭС: социально-экономические тенденции и перспективы развития / Вестник Академии знаний. — 2020. — № 40(5). — С. 80–91.

6. Давыденко Л.Н., Литвинюк А.И. Трансграничное сотрудничество: экономические и институциональные основы / Л.Н. Давыденко, А.И. Литвинюк. — Минск: БГПУ, 2006. — 205 с.
7. Лукьянович Н.В. Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз // Проблемы национальной стратегии. — 2021. — № 1(64). — С. 78–96.
8. Смыр Е.И. Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы // Вестник Московского финансово-юридического университета. — 2021. — С. 54–67.
9. Сопина Н.В. Россия в мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности. Евразийский процесс и цифровая трансформация хозяйственных систем: сборник научных статей по итогам научно-исследовательской конференции профессорского и преподавательского состава факультета экономики и финансов СПбГЭУ. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С.156-160.
10. Ткаченко М.Ф., Интеграция рынков факторов производства в ЕАЭС: монография / М.Ф. Ткаченко, А.В. Журова. М.: РИО Российской таможенной академии, 2016. 132 с.
11. Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество / Евстафьев Д.Г., Кусаинов А.М., Масаулов С.И. и др.; Российско-белорусский экспертный клуб, Центр изучения перспектив интеграции. М., 2018. 48 с.
12. Чунихина Л.Н., Косык Д.В. Международная экономическая интеграция: предпосылки и последствия // Евразийская адвокатура. — 2015. — № 5(18).

2.2. Соотношение государственных и рыночных регуляторов в процессе трансформации реального сектора РФ в условиях геоэкономической неопределенности

Данная статья является продолжением исследования соотношения государственных и рыночных регуляторов в процессе трансформации реального сектора России. Изначально целью исследования являлся поиск оптимального соотношения государственных и рыночных регуляторов реального сектора экспортно-сырьевой модели экономики России в процессе трансформации его структуры в пользу инновационно-ориентированных производств. В центре исследования находился механизм перераспределения ресурсов из базового сектора (топливно-энергетического сектора) в пионерный сектор (инновационно-ориентированный сектор) посредством обоснования государственного регулирования как формы развития объемно-номенклатурных отношений [5]. Февральские события 2022 года, повлекшие за собой нарастание санкционного давления в условиях геоэкономической нестабильности, изменили приоритет исследования, в связи с чем целью настоящего исследования является соотношение государственных и рыночных регуляторов в процессе трансформации структуры реального сектора России в пользу предприятий, производящих отечественные технологии в рамках политики импортозамещения (речь идет о создании высокотехнологичных предприятий, формирующих высокотехнологичную отрасль).

Исследование роли государственных и рыночных регуляторов пропорций реального сектора экономики базируется на методологии двухсекторной моде-

ли хозяйственной системы, разработанной в рамках концепции альтернативных хозяйственных систем [1]. Согласно концепции альтернативных хозяйственных систем, пропорции реального сектора являются главным фактором, обуславливающим тип хозяйственной системы, основа которой товарность (рынок) или планомерность (план).

Государственное регулирование как форма развития объемно-номенклатурных отношений

В раннее опубликованных работах, посвященных исследованию границ взаимодействия государственных и рыночных регуляторов [2, с. 13-16; 4], было доказано, что границы государственного регулирования или, иначе говоря, степень вмешательства государства в работу рыночных механизмов, определяются уровнем развития объемно-номенклатурных отношений, что выражается в степени дезагрегирования объема в номенклатуру и агрегирования номенклатуры в объем.

Развитие объемно-номенклатурных отношений в процессе государственного регулирования исследовано в рамках фискальной и денежно-кредитной политики [2; 4]. В более ранних исследованиях доказано [4; 5], в экономической системе, где структура реального сектора обуславливает доминирование плана над рынком, предпочтение отдавалось фискальным методам государственного регулирования и именно бюджетные расходы становились объектом дезагрегирования номенклатуры в объем и агрегирования объема в номенклатуру. В ходе рассмотрения данного процесса было доказано, что степень дезагрегирования объема в номенклатуру может быть достаточно высокой, поскольку речь идет о прямых расходах государства, направляемых на создание инновационно-ориентированных предприятий или отраслей. Также в рамках фискальной политики проще обеспечить высокую степень агрегирования объема в номенклатуру. Поэтому денежно-кредитная политика представлялась как форма государственного регулирования, но с более низким уровнем развития объемно-номенклатурных отношений.

Как было обозначено ранее, особый интерес в рамках данной статьи представляет исследование процесса создания предприятий, производящих отечественные технологии в рамках высокотехнологичной отрасли российской экономики. Применительно к обозначенной проблеме в данной работе представлен анализ перспектив введения в оборот цифрового рубля с позиций оценки степени развития объемно-номенклатурных отношений в процессе реализации денежно-кредитной политики Банка России.

Как отмечает глава Банка России Э. Набиуллина: «С запуском цифрового рубля Россия станет одной из первых стран, у которых есть и национальная цифровая валюта, и национальная система платёжных карт, и своя система быстрых платежей, и своя альтернатива SWIFT – система передачи финансовых сообщений. И мы будем продолжать внедрять выгодные, удобные сервисы для граждан, бизнеса и государства» [7]. Поэтому внедрение цифрового рубля – это не только создание третьей формы денег в России, но и снижение финансовых рисков, обусловленных внешним геэкономическим давлением.

Разработка проекта под названием «цифровой рубль» началась осенью 2020 года. Внедрение в оборот цифрового рубля требовало внесения изменений в законодательные акты и подготовки соответствующего законопроекта. Данный процесс начался в конце 2022 года и уже в июле 2023 года нижняя палата Государственной Думы утвердила законопроект в окончательном чтении [6].

Цифровой рубль – это третья форма национальной валюты, наряду с наличной и безналичной. Эмитентом цифрового рубля является Банк России, что делает его схожим по происхождению с наличными рублями.

В средствах массовой информации и на ресурсах, посвященных анализу экономических проблем, экспертами, в основном, дается оценка перспектив внедрения цифрового рубля для граждан и бизнеса: «С 2025 года предполагается начать постепенное внедрение цифрового рубля в широкий оборот. С этого момента рядовые россияне смогут и дальше пользоваться новой формой денег без комиссий, а тариф для компаний уже составит 0,3% от суммы платежа, но не превысит 1,5 тыс. рублей» [7]. Однако в рамках нашего исследования, цифровой рубль представляет интерес с позиций проведения денежно-кредитной политики Банка России, направленной на стимулирование экономической активности частного сектора. В данном случае речь идет о перспективах развития объемно-номенклатурных отношений в процессе монетарного регулирования Банка России.

Взаимодействие государства и рынка в процессе создания и передачи стимулирующего монетарного импульса в целях трансформации реального сектора экономики

Банк России неоднократно упрекают известные экономисты-теоретики в том, что регулятор отстраняется от проблемы стимулирования экономической активности производителей реального сектора, полностью сосредоточив свои усилия на борьбе с инфляцией. С позиций Банка России, монетизация экономики приведёт не столько к стимулированию производства конечных товаров и услуг, сколько к росту цен вследствие расширения совокупного спроса. Исходя из этого, следует задуматься о стимулировании совокупного предложения, результатом успешной реализации которого станет расширение объема выпуска конечных товаров и услуг при снижении цен на конечную продукцию. По сути, посредством внедрения цифрового рубля Банк России может стать регулятором совокупного предложения.

Как известно, цифровые валюты – это деньги центрального банка, выпущенные на определённые цели, в первую очередь, речь идёт о целевом использовании бюджетных средств на производственные цели. Более того, цифровые деньги обладают рядом преимуществ: «Во-первых, регулятор сможет проводить точечную и быструю эмиссию денег, когда это требуется. Во-вторых, усилится контроль над банками, поскольку все проходящие в системе средства будут прозрачны для ЦБ. В-третьих, важную роль играет технологическая составляющая. Известно, что цифровые валюты других стран основаны на технологии блокчейн (единой базе данных, которая содержит информацию обо всех совершённых операциях. — RT). Эта платформа более устойчива к техническим сбоям, кибератакам и другим рискам» [7].

Важной особенностью цифровых денег является возможность их легкой идентификации, поскольку каждый цифровой рубль имеет свой уникальный код. Поэтому при расчётах между юридическими лицами (предприятиями) деньги Центрального банка становятся «мечеными» рублями. В рамках нашего исследования, данное свойство денег можно охарактеризовать как «целевые» рубли.

Целевые рубли – рубли, выделенные на конкретные цели, определенные правительством (государством), при этом Центральный банк выступает эмитентом цифровых рублей (цифровые рубли выпускаются на платформе Центрального банка). Так, рубли выделенные на строительство школы, а именно на закупку строительных материалов для строительства школы, не могут быть использованы на иные цели. Отсюда вытекает важнейшее свойство цифровых денег: деньги, используемые в промышленном обороте (в производственных целях), не могут быть использованы в сфере потребления, а значит не провоцируют рост цен и развитие инфляционных процессов. Напротив, если цифровые рубли обслуживают только сферу производства, то они становятся фактором, оказывающим влияние на расширение совокупного предложения, вследствие чего ожидается не только рост объема выпуска, но и снижение уровня цен.

Процесс взаимодействия Центрального банка с предприятиями опосредован коммерческими банками, перечень которых будет ограничен (в настоящее время в пилотном тестировании приняли участие 13 коммерческих банков) [7].

Обратимся к используемой ранее схематичной форме, позволяющей продемонстрировать процесс дезагрегирования объема в номенклатуру и агрегирования номенклатуры в объем в рамках денежной экспансии.

Таблица 2.2

Взаимодействие государства и рынка в процессе создания и передачи стимулирующего монетарного импульса (прирост количества безналичных и цифровых рублей) в экономике рыночного типа (в условиях гибких цен)

1. Последовательность процесса дезагрегирования объема в номенклатуру	2. Реакция субъектов частного сектора	3. Последовательность процесса агрегирования номенклатуры в объем
<i>Изменение объема денежной массы (прирост количества безналичных рублей)</i>		
Определение прироста объема выпуска продукции высокотехнологичной отрасли => Определение прироста объема денежной массы => Развертывание прироста объема денежной массы в номенклатуру кредитов системообразующим банкам	1. Увеличение объема кредитов => Увеличение инвестиций в традиционных секторах => Увеличение занятости в традиционных секторах => Расширение потребительских расходов => Расширение совокупного спроса в традиционных секторах => Рост уровня цен на продукцию традиционных секторов в крат-косрочном периоде => Рост объема выпуска базового сектора => Увеличение инвестиций в высокотехнологичную отрасль =>	Отчет коммерческих банков центральному банку по результатам выданных населению денежных средств => Отчет центрального банка по результатам выданных денежных средств экономическому центру ² => Отчет экономического центра правительству

² Экономический центр осуществляет сбор и оценку экономической информации по стране.

1. Последовательность процесса дезагрегирования объема в номенклатуру	2. Реакция субъектов частного сектора	3. Последовательность процесса агрегирования номенклатуры в объем
	<p>Рост занятости в высокотехнологической отрасли => Рост объема выпуска высокотехнологической отрасли</p> <p>2. Увеличение инвестиций в высокотехнологической отрасли => Увеличение занятости в высокотехнологической отрасли => Расширение потребительских расходов => Расширение совокупного спроса в высокотехнологической отрасли => Рост уровня цен на продукцию традиционных секторов в краткосрочном периоде => Рост объема выпуска высокотехнологической отрасли => Рост объема выпуска страны</p>	
<i>Изменение объема денежной массы (прирост количества цифровых рублей)</i>		
<p>Определение прироста объема выпуска продукции высокотехнологической отрасли => Определение прироста объема денежной массы (дополнительного количества цифровых рублей на закупку оборудования и материалов для предприятий высокотехнологической отрасли)</p> <p>=> Разверстывание объема цифровых рублей в номенклатуру производственных кредитов коммерческим банкам => Разверстывание объема производственных кредитов в номенклатуру производственных закупок (закупка оборудования, закупка материалов)</p>	<p>1. Увеличение объема кредитов => Увеличение закупок оборудования и материалов в высокотехнологической отрасли => Увеличение занятости в высокотехнологической отрасли => Расширение объема производимых товаров в высокотехнологической отрасли => Расширение совокупного предложения в высокотехнологической отрасли => Снижение уровня цен на продукцию высокотехнологической отрасли в краткосрочном периоде => Рост объема выпуска продукции высокотехнологической отрасли => Рост объема выпуска страны</p> <p>2. Увеличение занятости в высокотехнологической отрасли => Увеличение доходов занятых в высокотехнологической отрасли => Расширение потребительских расходов => Расширение совокупного спроса в традиционных секторах => Рост уровня цен на продукцию традиционных секторов в краткосрочном периоде => Рост объема выпуска базового сектора => Рост объема выпуска страны</p>	<p>Отчет предприятий коммерческим банкам по результатам выданных предприятиям кредитов =></p> <p>Отчет коммерческих банков центральному банку по результатам выданных предприятиям кредитов =></p> <p>Отчет центрального банка по результатам выданных денежных средств экономическому центру => Отчет экономического центра правительству</p>

Представленные в схематичной форме последствия прироста денежной массы в рамках стимулирующей денежно-кредитной политики различаются в зависимости от того, о каком приросте денежной массы идет речь. Увеличение

количества цифровых рублей имеет иные последствия, нежели традиционная денежно-кредитная политика. И дело не только в динамике уровня цен, но и в конечных результатах, а именно, увеличении объема предложения инновационных отраслей. По сути, прирост объема цифровых рублей становится инструментом регулирования совокупного предложения, что также является предметом исследования соотношения государственных и рыночных регуляторов сквозь призму развития объемно-номенклатурных отношений [3]. Цифровые рубли могут выступать в качестве средства контроля за денежными потоками бюджетных средств во избежание серых схем и борьбы с коррупцией.

Проведенное исследование раскрывает теоретическое обоснование особенностей взаимодействия государственных и рыночных регуляторов в процессе реализации денежно-кредитной политики посредством дополнительной эмиссии цифровых рублей. Однако открытым остается вопрос организации взаимоотношений между Правительством и Банком России (как в процессе дезагрегирования объема в номенклатуру, так и в процессе агрегирования номенклатуры в объем), поскольку по сути речь идет о расходовании бюджетных средств, имеющих форму цифрового рубля. Это требует дальнейшего исследования данного процесса с учетом вводимых законодательных актов, регламентирующих процесс эмиссии цифрового рубля.

Литература

1. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
2. Камышова А.Б. Государственное регулирование трансформации экспортно-сырьевой экономики // Автореферат... д-ра экон. наук: 08.00.01 – «Экономическая теория». – СПб.: СПбГУЭФ, 2013. – 38 с.
3. Камышова, А.Б. Государственные и рыночные регуляторы совокупного предложения в долгосрочной перспективе: методология государственного регулирования // Ученые записки Международного банковского института. Вып. №13. Материалы научных исследований преподавателей, магистрантов и аспирантов МБИ. – СПб.: Изд-во МБИ, 2015. – С. 26-39.
4. Камышова А.Б. Отношение рынка и плана в национальной экономике: роль пропорций реального сектора // Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / монография под ред. д-ра экон. наук, проф. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 353 с.
5. Камышова А.Б. Соотношение государственных и рыночных регуляторов стимулирования экономического развития в условиях усиления глобальной нестабильности // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности : коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук, проф. Д.Ю. Миропольского, д-ра экон. наук, проф. Т.А. Селищевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. – С. 565-573.
6. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статья 1128 т 1174 третьей Государственного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240009?index=1>(дата обращения 01.10.2023)
7. Цегоев В., Чемоданова К. С участием 13 банков: в России стартовало пилотное тестирование цифрового рубля. [Электронный ресурс] // RTна русском.URL: <https://russian.rt.com/business/article/1187776-cifrovoi-rubl-testirovanie> (дата обращения 10.10.2023).

2.3. Подходы к оценке экономического суверенитета

В начале нового столетия тенденция к глобализации мирового хозяйства, господствовавшая с 1990-х гг. сменилась на дезинтеграцию мировой экономики, формирование торговых соглашений, блоков и союзов, ограничивающих свободу доступа к рынкам участников. В экономической сфере глобализация стала демонстрацией победы идей неограниченной конкуренции и формирования единого рыночного пространства, охватывающего всю мировую экономику. Результатом глобализации должна была стать рыночная система, в которой доступ к рынкам ограничивался бы исключительно способностью поставлять на них товары услуги, удовлетворяющие потребителя по цене и качеству.

Доступ к товарам услугам, технологиям, производимым или разработанным в других странах при этом должен был определяться исключительно желанием страны-покупателя их приобрести и наличием у покупателя необходимых средств.

Причины смены тенденции глобального развития.

В реальности открытые рынки означали свободу доступа к ним корпораций развитых стран и жестких ограничений для аутсайдеров, по преимуществу носящих нетарифную природу. Сложившееся разделение труда означало закрепление за богатыми странами производств с высокой добавленной стоимостью и положительной отдачей от масштаба, в то время как страны догоняющего развития специализируются на отраслях с убывающей отдачей от масштаба. [1] Поддержание существующей специализации основывается на различного рода нетарифных ограничениях – технические стандарты, системы сертификации и т.д. ограничивают доступ на рынки развитых стран, с одной стороны, а действующие запреты на трансферт технологий и принятые механизмы защиты интеллектуальной собственности не позволяют создавать потенциальную конкуренцию развитым экономикам в будущем. Поставки оборудования и технологий за пределы стран, объединенных тесными политико-экономическими связями, ограничивались не столько из соображений военно-политического характера, сколько оценкой стратегических экономических последствий. Запрет распространяется на поставки технологий, имеющих важное значение для поддержания лидерства. В определённой форме блоковое мышление накладывало ограничения на потенциал рыночных взаимодействий. Сопряженные с принятой моделью глобализации ограничения для догоняющего развития и углубление межстранового неравенства [2] стали важным фактором недовольства существующим положением дел со стороны развивающихся стран и нарастающих тенденций к протекционизму [3].

Вторым важным фактором, подталкивающим к фрагментации мирового рынка, становится позиция самих богатых стран (*Князев, 2022*) Перенос промышленности в страны периферии дал толчок развитию там массового производства, росту доходов перетекающих на производства работников, занятых ранее в архаичных секторах, и позволил существенно удешевить производство

в странах-донорах капитала. Обратной стороной этого становится изменение структуры экономики богатых стран, переход к ее постиндустриальной, а фактически деиндустриальной структуре. В странах, получивших толчок для структурной трансформации, по мере диверсификации экономики и увеличения доли промышленности в выпуске идет усложнение производства и достройка производственных цепочек в сторону более высоких стадий переработки, развивается наука и научное обслуживание. Результатом становится обострение межстрановой конкуренции и переход стран развитого центра к неприкрытому протекционизму. [4]

Торговая война США и КНР начинается задолго до текущего обострения геополитической обстановки. Санкции к высокотехнологичной китайской корпорации Huawei, запрет на использование технологий, разработанных компанией для связи 5G, запрет на поставку в КНР высокотехнологичных чипов и оборудования для их производства обусловлены оценкой угрозы потери технологического лидерства и никак не согласуются с идеологией свободы рыночных транзакций, лежащей в основе тенденций к глобализации мирового хозяйства. Компания по недопуску на мировые рынки российской вакцины «Спутник» объяснялась исключительно защитой коммерческих интересов Big Pharma, хотя и вуалировалась различными процедурными соображениями. Активно продвигаемая климатическая повестка в текущих формах представляет собой определенную попытку принудить страны догоняющего развития переходить к малоэффективным формам получения энергии, с тем чтобы, с одной стороны, выровнять конкурентные условия для производства в богатых странах, не обеспеченных энергетическими ресурсами, и странами, имеющими конкурентное преимущество в виде дешевых и эффективных энергетических ресурсов. С другой стороны, новые стандарты предполагают закрепление технологического лидерства богатых стран, стремящихся через климатический налог положить издержки на разработку новых, в текущий момент неэффективных технологий на экономики догоняющего развития, с последующим изъятием ренты от навязанных прочему миру технологий.

Беспрецедентные по масштабам дискриминационные меры, примененные странами коллективного Запада к российской экономике интересны не только с позиций возможного выживания крупной национальной экономики с урезанными возможностями экономических взаимодействий. Эта модель в большей или меньшей степени применяется повсеместно (Иран, КНДР, Куба, Венесуэла, Сирия, в общей сложности более 20 стран). С учетом вторичных санкций под них попадают компании и физические лица более чем из половины стран мира. В результате соответствующих ограничений перестает действовать главное условие функционирования рыночной экономики – свобода заключения сделок, которое собственно и должно обеспечивать достижение Парето-эффективности в обмене. Целесообразность специализации на выпуске определённой продукции обуславливается не только эффективностью данного производства, но и выигрышем за счет получения в результате обмена продукции, которая производится контрагентом с большей эффективностью.

Действия в отношении российской экономики убедили всех участников, вне зависимости от их места в отношении конфликта, что мировой рынок как инструмент повышения эффективности несет в себе существенные риски, при этом величина потерь в случае реализации этих рисков оказывается выше потенциального выигрыша от выбора наиболее эффективного варианта взаимодействия. Использование в качестве инструмента давления ограничений на транзакции с глобальными валютами и использование мировой финансовой инфраструктуры стало еще одним серьезным аргументом для переоценки пользы глобализации для всех стран, не входящих в клуб богатых экономик. [5]

Сложившаяся ситуация оставляет два потенциально возможных выхода:

1. Поскольку мировой рынок фрагментируется, то свобода торговли возможна между странами, принадлежащими к одному блоку и риски нарушения правил свободной торговли между ними рассматриваются как маловероятные и незначимые, в то время как страны-аутсайдеры, не входящие в соответствующий блок должны учитывать угрозу потенциального отказа от поставок или покупок и учитывать риск потенциальных потерь. Присоедините к такого рода блоку обеспечивает приемлемые риски разрыва логистических цепочек, но платой за вхождение в такой клуб становится потенциальная утрата суверенитета национальной экономики. Примером может служить масштабная деиндустриализация в странах Восточной Европы при вхождении в ЕС, закрытие Игналинской АЭС, принимаемые добровольные ограничения на поставку определенных видов продукции, отказ от мер защиты тех или иных секторов национальной экономики.

2. Формирование отраслевой структуры экономики, продиктованной не только относительной эффективностью производства в данной стране, но и оценкой вероятности и тяжести потенциальных потерь, связанных с ограничениями внешнеэкономических связей. В этом случае национальная экономика должна иметь все отрасли, производящие критически важные для стабильного воспроизводства и социальной устойчивости страны товары и услуги, а также располагать технологиями и компетенциями, позволяющими при определенных условиях развернуть необходимое производство, компенсирующее дефицит внешних поставок. (Так, например, Китай перешел к собственному производству микропроцессоров в условиях существующих запретов на импорт и прорабатывает возможность создания оборудования для производства современной микропроцессорной техники, единственным производителем которой на сегодня является голландский концерн ASML) Экономический суверенитет малых экономик принципиально невозможен, поскольку масштабы рынка не позволят поддерживать диверсифицированную структуру производства. Такой вариант развития доступен только для крупных экономик, располагающих соответствующей численностью населения, обеспеченностью природными ресурсами и накопленным национальным богатством. При всей условности количественных границ, к таковым могут быть отнесены экономики, с объемом ВВП не ниже 1% от мирового ВВП, входящие в группу стран не ниже верхнего среднего дохода и с населением не менее 20 млн человек. В общей сложности данным

критерия соответствует 23 экономики, на которые приходится 80% мирового ВВП, находящиеся на различных уровнях экономического развития и в разной степени в настоящее время способные поддерживать независимый производственный процесс.

Сокращение объемов импорта в пользу внутреннего производства чревато экономическими потерями. Национальный рынок может не позволить создавать производства оптимального масштаба, поддержание национального производителя, выпускающего продукцию, проигрывающую конкуренцию на мировых рынках сопряжено с потерями. В то же время такого рода потери могут рассматриваться как страховые платежи за поддержание устойчивости национальной экономики, компенсирующие риски потерь в случае блокировки внешних поставок, ограничения доступа к технологиям и иных дискриминационных мер. О необходимости купировать угрозы нарушений внешних связей задумываются даже в США, номинально крупнейшей экономике мира. В докладе Президента Конгрессу, который готовится ежегодно экспертной группой при Президенте США отмечается: «Необходимо балансировать значительные выгоды глобализации, получаемые благодаря экономическим связям, с рисками для экономической и национальной безопасности, которые может повлечь за собой международная экономическая взаимозависимость» [6, р. 48]

Соотношение понятий: экономический суверенитет, автаркия, экономическая безопасность, импортозамещение.

В узком смысле экономический суверенитет представляет собой возможность государства осуществлять вмешательство в экономическую жизнь через различные рода регулятивные воздействия, распоряжаться природными ресурсами в интересах своего народа. Ограничением для суверенитета, понимаемого таким образом, выступают внешние эффекты, прежде всего связанные с экологическими проблемами, и международные договоры. [7] Однако формальное право распоряжаться ресурсами и регулировать экономическую жизнь еще не делает национальную экономику фактически суверенной.

Экономический суверенитет предполагает способность национальной экономики осуществлять устойчивое расширенное воспроизводство вне зависимости от изменений внешней среды. Это может быть возможным при условии ее способности генерировать основные условия производства: энергию, сырье, конструкционные материалы, базовые виды оборудования, рабочую силу, располагающую требуемыми навыками, научно-технические и конструкторские разработки, что позволяет поддерживать нормальную жизнеспособность общества.

Крайней формой экономического суверенитета выступает автаркия. Эта модель развития предполагает полный отказ от взаимодействия с внешним миром. Традиционно, в качестве примера автаркичной экономики приводится КНДР. Очевидно, что если у страны отсутствуют экономические взаимодействия с внешним миром, ее экономика суверенна. Столь же очевидно, что платой за такого рода суверенитет выступает ее низкая эффективность, отсутствие современных технологий, необходимость поддержания неоптимальных объе-

мов выпуска и т.д. Реально автаркическая экономика существовать не может, та же КНДР в течение длительного времени поддерживала экономические связи странами с СССР, КНР и странами Восточной Европы, в настоящее время с Китаем, и существует слишком мало достоверных данных, чтобы судить о том, насколько автономна корейская экономика.

Понятие экономического суверенитета связано с экономической безопасностью, но не тождественно ему. В соответствии с победившим и устоявшимся подходом к пониманию экономической безопасности,[8] последняя формулируется как набор показателей, достижение которых обеспечивает возможность поддержание устойчивости развития и парирование внешних угроз экономического характера. Набор постоянно обновляемых показателей, утвержденных в рамках «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», включает в себя пороговые значения по укрупненным макроэкономическим показателям, начиная от темпов роста, уровня безработицы, темпов инфляции и заканчивая показателями, характеризующими структуру производства, экспорта, импорта, а также индикаторов, характеризующих состояние социальной сферы. [9].

В своей первоначальной версии, представленной в работах В.К.Сенчагова и С.Ю. Глазьева, набор индикаторов носил более детализированный характер и включал в себя установленные пороговые значения, достижение которых было необходимо для обеспечения экономической безопасности [10], [11].

Но экономическая безопасность обеспечивается таким состоянием экономики, которое позволяет достичь установленных пороговых значений и удерживать их. В отличие от экономической безопасности, которая характеризуется потоковыми показателями, экономический суверенитет отражается запасовыми показателями – наличие сырья, энергии, рабочей силы, капитала, технологий. Иначе говоря, это такое состояние экономической системы, которое обеспечивает устойчивость развития национальной экономики, ее способность купирования внешних угроз экономического характера. Как уже отмечалось выше, сама цель поддержания экономической безопасности может достигаться не только за счет экономического суверенитета, но и наоборот, путем отказа от суверенитета в пользу более крупных суверенных экономик, играющих роль интегратора. В то же время уровень экономической безопасности может рассматриваться как отражение достигнутого страной экономического суверенитета.

Косвенным показателем способности национальной экономики к независимому воспроизводству также может служить доля импорта в ВВП. По данным Всемирного Банка в 2021 году средняя по 23 крупнейшим экономикам доля импорта в ВВП составила 31,4%, что примерно соответствует среднемировому значению. Однако среднее значение по странам Евросоюза составило 46,6%, а по оставшимся странам – 25,2%. Если рассматривать Европейский союз как одну крупную экономику и считать импортом только поставки из третьих стран, то доля импорта у него снизится ниже 20%. Наименьшая доля импорта в ВВП характерна для США – 14,6%, Китая – 17,4% и Японии – 18,7% [12].

Если учесть отклонение курса от паритета покупательной способности реально доля импорта в китайской экономике оказывается ниже. С учетом последнего обстоятельства доля российского импорта в ВВП в 20,6% оказывается вполне сопоставимой с лидерами.

Отношение импорта к ВВП в российской экономике остается устойчивым на протяжении длительного периода, вне зависимости от задаваемых приоритетов, превалирующих лозунгов и стимулирующих мер со стороны государства. С 26,7% в 1999 г. он сократился до 21% в 2006 г. и устоялся на этом уровне почти 15 лет. И в период движения российской экономики к статусу энергетической сверхдержавы и в условиях защиты внутреннего рынка в рамках политики контрсанкций импорт устойчиво сохранялся на уровне около 20% ВВП. Исключением стал 2022 г., когда результатом скачка курса и изменением источников поставок стало резкое сокращение импорта по итогам года. Данные по 2023 году еще отсутствуют, но судя по двум первым кварталам объем импорта вернется к привычным значениям [13].

Импортозамещение как таковое не является способом обеспечения экономического суверенитета. Во-первых, само импортозамещение может трактоваться двояко – как снижение доли импортной продукции в объеме реализации, что может сопровождаться усилением импортозависимости по каналам поставки оборудования, комплектующих и сырья. Во-вторых, как снижение доли импорта в добавленной стоимости произведенной в стране продукции. И в том и в другом случае непосредственного влияния на экономический суверенитет это не оказывает, поскольку может затрагивать те отрасли и сферы, которые не имеют принципиального значения с точки зрения потенциальных возможностей воспроизводства. Более того, экономическая зависимость от поставок продукции конечного потребления, если это не касается критически важных сфер, замещаются легче, чем поставки продукции промежуточного потребления, прекращение которых вызывает сбой по всей производственной цепочке и ведет к большим потерям добавленной стоимости, чем отказ от производства конечного продукта, даже если соответствующий компонент может быть замещен внутренним производством или за счет смены поставщика.

Отказ автоконцернов западных стран от производства автомобилей в России вызвал рост цен и дефицит на автомобильном рынке. Однако, механизмы параллельного импорта, поставки автомобилей из стран, не поддержавших введенное относительно российской экономики эмбарго позволили достаточно быстро восстановить предложение на рынке. В то же время АвтоВАЗ оказался в сложнейшей ситуации в связи с необходимостью замещения комплектующих, изменения технологий, внесения конструкционных изменений в модели в связи со сложившейся ситуацией с поставками деталей и агрегатов.

Прогресс импортозамещения стал особенно заметным после 2014 г., когда российское Правительство ввело ответные ограничительные меры, закрыв внутренний рынок для европейской сельскохозяйственной продукции. Доля импортных товаров в товарных ресурсах розничной торговли устойчиво снижалась (рис. 2.4), что особенно видно по продовольственным товарам. Россия

становится нетто экспортером не только зерна, но и мяса, производство сыра выросло в полтора раза. Идет активный поиск новых рынков для мяса птицы и свинины. Стремительному буму аграрного сектора и пищевой промышленности поспособствовало сочетание трех факторов: ограничение доступа на российский рынок дешевого, дотируемого продовольствия из восточноевропейских стран, инвестиционные программы, реализованные в предшествующий период в рамках национального проекта и дотирование процентных ставок для села. Намного медленнее и непоследовательнее идет снижение импорта непродовольственных товаров, но и здесь изменения заметны. Вместе с тем, действующая модель импортозамещения ведет к тому, что несмотря на активные процессы перехода к товарам российского производства доля импорта в ВВП остается неизменной, что уже отмечалось выше, а зависимость от него российской экономики никак не сокращается.

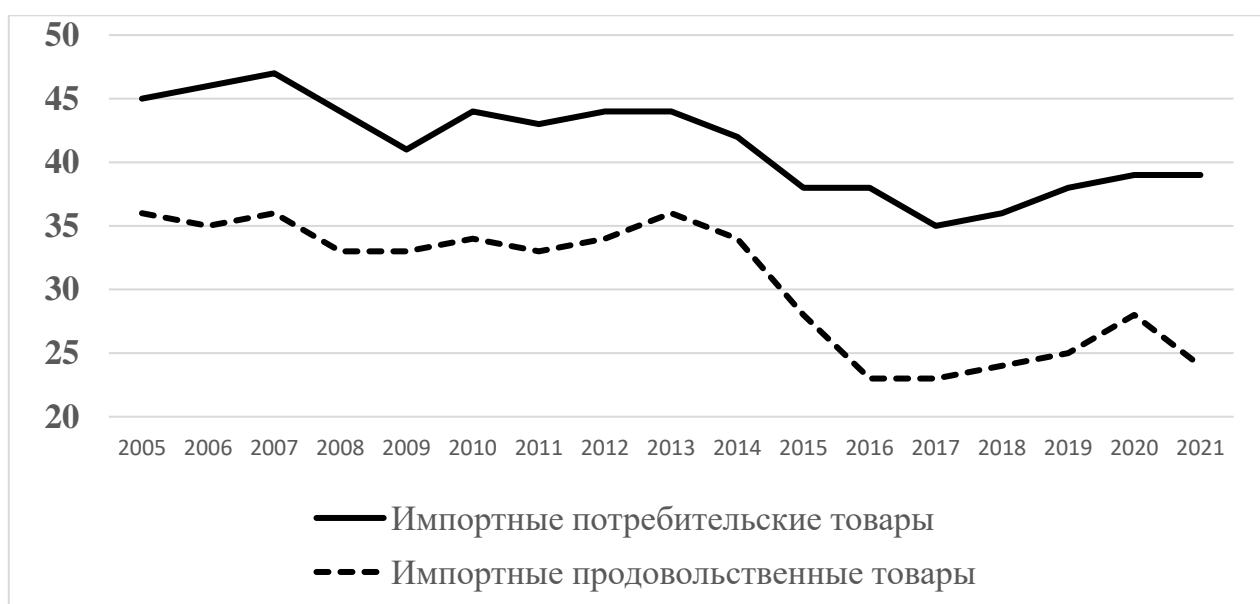

Рис. 2.4. Доля импортных товаров в товарных ресурсах розничной торговли [14]

Вместе с тем, сохранение высокой доли импорта в ВВП обусловлено его структурой (рис. 2.5). При неизменной доле инвестиционных товаров снижается доля потребительских товаров, но растет доля товаров промежуточных. То есть импортозамещение ведет к росту количества произведенных в России товаров при усиливающейся импортозависимости от поставок сырья, комплектующих и т.д.

Хотя, в соответствии с расчетами Д. Карпова по данным межотраслевых балансов, доля промежуточных товаров в импорте соответствует среднемировым показателям [16], однако такой путь импортозамещения скорее усиливает зависимость российской экономики от внешних рынков, нежели ее сокращает. Соответственно, сокращение импорта в добавленной стоимости является признаком укрепления экономического суверенитета, но не однозначным и не точным.

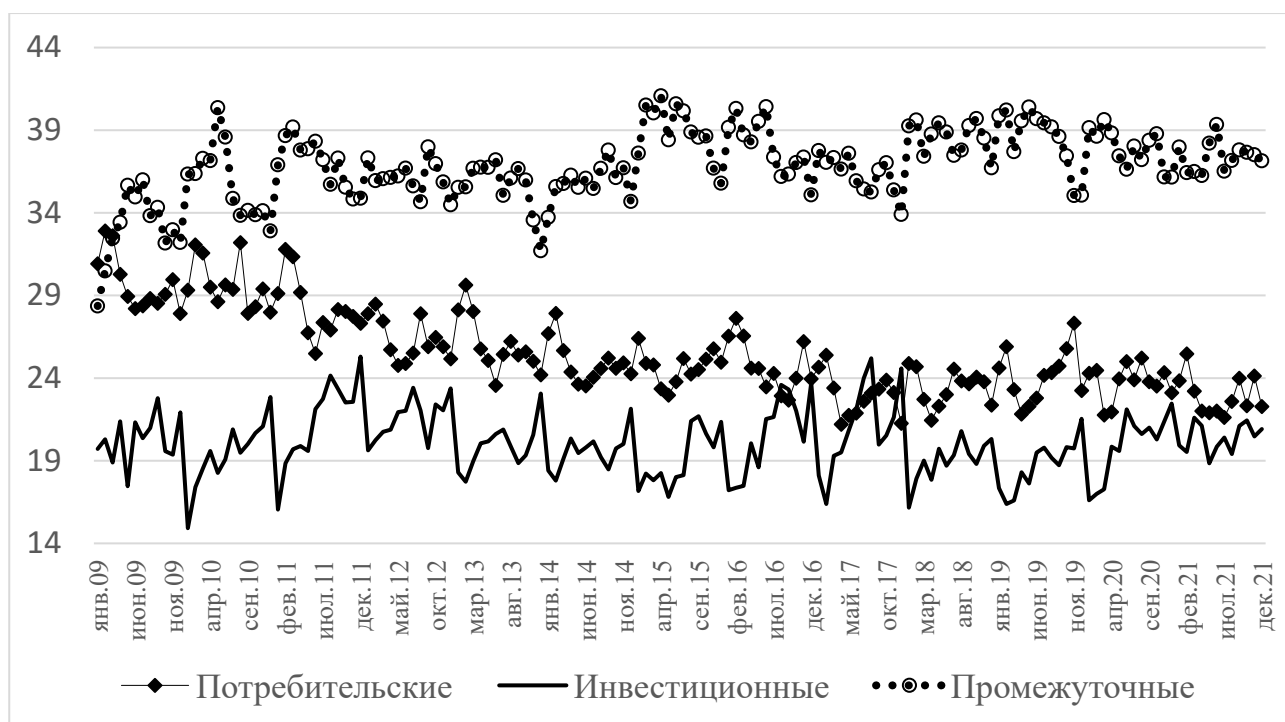

Рис. 2.5. Структура импорта Российской Федерации по группам товаров (2009-2021) [15]

Выводы.

Точной количественной меры суверенности национальной экономики не существует, отражением ее можно считать изменение достигнутых показателей экономической безопасности, а также характеристики импорта страны. При этом объем импорта, то есть его доля в ВВП) имеет меньшее значение, чем его структура. Импорт промежуточных товаров, сырья, комплектующих, если их замещение в производстве представляет существенную сложность, ведет к импортозависимости более значимой, чем покупка готовой продукции.

Даже для крупной экономики поддержание экономического суверенитета сопряжено с потерями в экономической эффективности, вызванной необходимостью субсидирования производства неоптимального масштаба, поддержанию в работоспособном состоянии неконкурентоспособных на мировом рынке производств. Для малой экономики он невозможен вовсе

Минимизация потерь от снижения эффективности с одной стороны и возможных нарушений или ограничений внешних поставок с другой предполагает оптимизацию структуры экономики, что неизбежно предполагает проведение горизонтальной промышленной политики, с выделением приоритетов развития и их последовательной реализации с использованием целого ряда мер государственной поддержки.

Задачей текущего времени должна стать «достройка» отраслевой структуры, восстановление утраченных отраслей, существовавших в советский период и не выдержавших открытой конкуренции в ходе радикальных рыночных реформ и создание новых производств. Прежде всего речь идет о восстановле-

нии станкостроения, приборостроения, создании микроэлектроники, биотехнической отрасли, производство современных конструкционных материалов.

Нужно входить или создавать искать свои интеграционные группировки, с тем чтобы снижать риски потерь от разрыва связей, без движения к автаркии. Прежде всего речь идет об интеграции на евразийском пространстве. В то же время важно не повторять прежних ошибок, использовать относительно благоприятную ситуацию для замещения импорта собственным производством, что помимо всего повысит устойчивость рубля, а не проводить замещение импорта в Западе на импорт с Востока.

Литература

1. Райнерт Э.С.: Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Издательский дом ВШЭ, 2018. – 384 с.
2. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000-2016 гг. //Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 29-52.
3. Камолов О.О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации //Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С. 50-63.
4. Князев Ю.К. Деглобализация: временно или навсегда? Свободная мысль. 2022. № 1 (1691). С. 35-42.
5. Буклемишев О.В. Финансовые санкции и будущее глобализации. //Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 207-212.
6. Economic Report of the President. Transmitted to congress. Together with the annual report of the council of economic advisers. March 2023 [Электронный ресурс]. // URL <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/ERP-2023.pdf> (дата обращения 16.08.2023)
7. Сапир Ж. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации // Проблемы прогнозирования, 2020, № 2 с.3-12
8. Цейковец Н.В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии //Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 1 (29). С. 129-159.
9. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 “О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года”
10. Сенчагов В.К. (2010). Экономическое обеспечение национальной безопасности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. № 8. С. 31–41.
11. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. (2012). Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 22. № 4. С. 22–41.
12. World Bank [Электронный ресурс]. // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD> (дата обращения 10.10.2023)
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995-2022.xls (дата обращения 12.10.2023).
14. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. // URL <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-6.xlsx> (дата обращения 12.10.2023).
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. // URL <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-6.xlsx> (дата обращения 12.10.2023).
16. Карпов Д. (2023) Зависимость России от импорта и оценка последствий его ограничения. // Деньги и кредит. Том: 82 № 1. С. 55-86.

2.4. Государство и рынок в преодолении фрагментарности реализации земельной собственности

Вопрос о земельной собственности, затрагивающий противоречивые интересы различных экономических субъектов, оказался главным в системе радикальных аграрных реформ, провозглашенной в России в начале 1990-х годов и ставшей, по сути, очередной в числе неоднократных (в том числе и в XX веке) безуспешных попыток поиска способа разрешения вопроса об эффективной земельной собственности. Тема экономической реализации земельной собственности обретает сегодня особую актуальность и в контексте обеспечения экономической безопасности страны, в числе основных вызовов и угроз которой: усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков; изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления; несбалансированность национальной бюджетной системы [1]. Бюджет России, формируемый в существенной мере за счет рентного фактора природно-сырьевых ресурсов, зависит от конъюнктуры рынков этих ресурсов, от изменения цен на них, по сути, представляющих экзогенный фактор, не поддающийся контролю страны -производителя, и в долгосрочном периоде это нестабильный и ненадежный источник доходов [2, с. 6-7]. В этой связи возникает необходимость критического подхода к анализу процессов реформирования земельной собственности и ее реализации, отказа от бесперспективных направлений ее реформирования (модернизации) с учетом того, что по макроэкономическим расчетам в общем объеме чистой народнохозяйственной прибыли на долю природной ренты приходится две трети. Фундаментальным и стабильным эндогенным источником бюджетных доходов может быть именно земельная рента, и отсюда необходимость принять государственную федеральную программу глубокой коррекции земельной реформы в сельском хозяйстве. При этом оценка и разработка конструктивных путей решения сложившихся парадоксальных проблем государственного управления земельной собственностью предполагает обращение к политэкономическим основам реформы земельной собственности на основе воспроизводственного подхода.

Сегодня становится очевидным, что сложившиеся результаты земельной реформы связаны с фрагментарностью экономического знания, с отсутствием системного подхода к экономической реализации собственности на землю. Следует отметить, что история как нашей страны, так и зарубежных стран богата примерами, показывающими фрагментарность подхода к земельной собственности [3]. Методологический бум, начавшийся в экономической теории в 80-90-е годы, позволил экономическому сообществу осознать невозможность дальнейшего развития науки без соответствующего углубления саморефлексии. Проведенная нами рефлексия [3] позволяет выделить соответствующие практические и теоретические детерминанты логического перехода к «системоцентризму», способствующего анализировать земельную собственность и ее реализацию как системного явления. Именно отсутствие системности при исследовании и реализации земельной собственности привело к отвлечению от множества взаимо-

действий объекта, тем самым не позволяя понять объект в движении, развитии, взаимодействии, противоречии, преобразовании, как целостность. Приведем следующие философские положения, включение которых в научный актив имеет значение и для политико-экономической интерпретации земельной собственности как системы: «Итак, содержание материального образования составляют: а) элементы, образующие вещь; б) взаимодействие элементов; в) изменения, возникающие в вещи в результате этих взаимодействий. Когда мы осмысливаем закономерности взаимосвязи содержания и формы, мы берем совокупность указанных трех факторов и соотносим ее с относительно устойчивой системой связей взаимодействующих элементов» [4]. В этой связи исследование земельной собственности и ее экономической реализации как системы предполагает анализ с точки зрения синтеза следующих философских, социально-практических и экономических детерминационных факторов:

а) взаимодействия; функционирования; связи;

б) процесса; воспроизводства;

в) «отграниченного взаимосвязанного множества» в смысле звена (хозяйствующего субъекта, функционирующего и вступающего в хозяйственные связи, взаимодействия).

Фактические сценарии нынешней реформы привели к глубокой «теневилизации» земельных отношений, неуклонному росту спекуляции землей, неизбежной эволюции свободного рынка земли в сторону формирования слоя латифундистов (в том числе, также и зарубежных), представляющих собой группу рантье, получившую право на паразитическое присвоение рентного дохода, подлежащего оплачивать обществу. Тем самым Россия, обладающая огромными земельными ресурсами (1,7 млрд. га), на которых сосредоточено 55% черноземных почв мира, обречена снова и снова мучительно искать ответы на вопросы об эффективной экономической реализации земельной собственности. Повестка, провозглашенная более ста лет назад (когда государство большевистским «Законом о социализации земли» дало комитетам бедноты санкцию на национализацию больших частных землевладений и провело земельную реформу, провозгласив при этом лозунг о предоставлении земли крестьянам), не утратила свою актуальность и сегодня, поскольку земля так и не стала собственностью тех, кто на ней живет и работает, а после реформ 1990-2000-х годов вместо массового слоя фермеров в деревню пришли агрохолдинги и частные фонды, интересы которых, как правило, оказались направлены на фрагментарную реализацию земельной собственности. В настоящее время в сельской местности наблюдается высокий уровень бедности, нищеты и безработицы (по данным Росстата безработица на селе вдвое выше, чем в городе – 8 и 4,3 %, соответственно). Практически 2/3 населения на селе имеют денежные доходы ниже прожиточного минимума. Согласно результатам исследования на основе данных Росстата в рейтинге 44 отраслей по заработным платам на 2023 год сельское хозяйство вновь показывает наихудший результат [5]. Серьезным негативным результатом реформы стало значительное сокращение площадей земельных угодий, задействованных в хозяйственный

оборот. Хотя информация о количестве заброшенных земель до сих пор отсутствует [6, с.4.], однако речь идет о площади от более чем 40 млн га. [7] до 97,2 млн. га. [8]. Парадокс: при том, что в Нечерноземной зоне (Костромская, Вологодская, Тверская, Ярославская и другие области) заброшено до 50% земель, местные фермеры, желающие и могущие работать, нередко не могут получить необходимые земельные участки.

Доктринальной основой реформирования земельной собственности послужила неоклассическая теория, неявно, а иногда и открыто понимающая под собственностью только право частной собственности и настойчиво навязавшая мысль о том, что частная собственность на землю – неременный атрибут рыночной экономики, что, по сути, определило концептуальные основы и вектор реформы, направленные на раздробление либерал-реформаторами земельных ресурсов на индивидуальные пай. Фактические же сценарии приватизации практически повсюду привели к формированию латифундий невиданных размеров, «теневизации» земельной собственности, породили деформированные и фрагментарные модели ее экономической реализации [3, с. 350-359]. Парадоксальный результат совершенного в стране в 1990-е гг. очередного поворота к частной собственности на основе приватизации состоит в том, что, несмотря на бесплатное предоставление 12 млн человек земельных долей, массового слоя крепких фермеров в России так и не появилось.

При системном подходе становится очевидным, что многообразие форм и видов собственности с господством частной собственности на землю нельзя назвать целью земельной реформы, а сложившееся положение дел характеризуется фрагментарностью. Так, повсеместно в стране наблюдался добровольный отказ сельскохозяйственных предприятий, крестьянских хозяйств и других производителей сельскохозяйственной продукции от предоставленных им ранее земель, связанный с их неудовлетворительным экономическим состоянием. Что касается «нормы» в 60 га, то она должна была способствовать и стимулировать к кооперации, и какое-то время, действительно это имело место. Однако, как показывает практика, членам кооперативов не удается договариваться и формировать полные цепи «производства- переработки-реализации продукции». Большинство сельскохозяйственных организаций не имели финансовых возможностей для того, чтобы подготовить карты земельных участков, оплатить работу по оформлению сделок с собственниками земельных долей и участков. Гораздо чаще такие траты могут себе позволить те, кто планирует вести на этих землях строительство. Несмотря на то, что земли сельскохозяйственного назначения, представляющие основное средство производства в сельском хозяйстве, имеют особый правовой режим и подлежат особой охране, формально защищены также и от использования для строительства, однако на практике наблюдаются многочисленные случаи их перевода в земли поселений. Пока такой перевод возможен, пока затраты на него ниже, чем выгоды, которые можно получить от строительства, этот процесс в рамках рыночных принципов хозяйствования не остановится, и земля будет выводиться из сельскохозяйственного оборота. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначе-

ния» от 10.07.2002 г., представленный как своего рода компромисс между нарождающимся классом крупных землевладельцев и владельцами земельных паев, не смог препятствовать привлечению на земельный рынок огромных денег банков, инвестиционных компаний, нефтяных денег (по данным специалистов, в процессе скупки земель участвовали крупные западные средства, частично имевшие российское происхождение, а также деньги международных венчурных фондов) [9, с. 32-33]. При этом земля скупалась за бесценок, поскольку при низкорентабельном производстве сельскохозяйственные угодья не образуют земельной ренты как основы рыночной оценки (цены) земли.

В результате массовой ликвидации сельхозпредприятий, крестьянских хозяйств часто нерешенным оставался вопрос о дальнейшей судьбе земельных участков. Однако в ходе аграрной реформы были созданы условия для приобретения земли крупными интегрированными формированиями, благодаря которым в аграрном секторе России на рубеже XX–XXI веков в составе экономических агентов системы земельной собственности появились новые «игроки» агросферы, которые, представляя, по сути, одну из форм многообразного процесса агропромышленной интеграции, обладают собственностью на имущество сразу в различных отраслях народного хозяйства, занимаются одновременно не одним, а, как правило, несколькими видами экономической деятельности (торговля – внешняя и внутренняя, банковская деятельность, материальное производство, менеджмент и др.). Эти вновь появившиеся «игроки», набирающие с начала XXI века все большую реальную силу и вес в аграрной экономике, являются экзогенными экономическими агентами (субъектами) земельной собственности и представлены крупными и очень крупными капиталистическими предпринимателями, выступающими провозвестниками модернизации всей системы земельной собственности. Так, если по оценке министра сельского хозяйства, всего в России к концу лета 2002 г. насчитывалось «более 80 крупных холдингов», функционирующих в аграрном секторе [8], то сегодня учеными РАНХиГС выделены 978 агрохолдингов, включающих в себя 2552 организации [10].

Опасения ученых о возникновении латифундий у тех, кто владеет крупным капиталом [11], скептическое общественное мнение, высказанное при длительной подготовке соответствующего закона, были «сняты» заверениями высоких руководителей о регулируемом рыночном обороте земли как и в цивилизованных странах (например, установлением барьеров на пути появления латифундий максимальным размером приобретаемых земель). Однако в отличие от действительности других стран с развитой рыночной экономикой, где принятые ограничения являются важнейшими и обязательными принципами рынка земли, практика создания агрохолдингов противоречит столь элементарным стандартам, поскольку главным мотивом многих внешних инвесторов, не связанных с сельским хозяйством, является не внутренняя забота о судьбах села и крестьянства, а, как правило, стремление завладеть огромными массивами земель, цена на которые в перспективе станет достаточно высокой. По мнению А. Емельянова, привлечение внешних по отношению к селу инвесторов, даю-

щих селянам хотя бы какую-то зарплату, решающих некоторые социальные вопросы, в таких формах и на таких условиях, следует оценивать как вынужденную и временную меру. Селу нужен настоящий крестьянин-хозяин, а не пришедший извне спаситель. Позиция, связанная с поддержкой подобных инвесторов и агрохолдинговой гигантомании, не способствует проведению курса на сбалансированное развитие разных форм хозяйств путем их взаимодействия, и ее нельзя выдавать за стратегический путь развития деревни [12, с.130-131].

Вопросы о том, когда и как рождалось предубеждение российских экономистов о превосходстве крупных форм ведения сельского хозяйства, и как российская аграрно-экономическая наука пропустила столь важную дискуссию европейского масштаба по данной теме, подробно рассмотрены в монографии В.Ф. Башмачникова [13, с. 58–70], в которой представлены материалы об агрессивности российского неолатифундизма [13, с. 89–99], о разорении крупными латифундиями фермерских хозяйств и захвате их земель, о том, что «латифундизм – это ожившие тени прошлого, порождение чуждого, погибельного «либерального» нашествия на нашу деревню... На дворе XXI век, и нигде в мире, кроме нашей страны, нет магнатов-землевладельцев, в собственности которых до 600 тысяч гектаров земельных угодий. «Гнёзда» латифундизма зародились не вчера, но только в последние годы вышли на свет в «образцовом виде процветающих агрохолдингов». Всю эту четверть века правительство, губернские власти не только не давали окорот алчности латифундистов, но и потворствовали скупщикам, захватчикам земли, которые теснят фермерские и крестьянские хозяйства» [13, с. 84]. Однако, при всей важности рассмотренных аспектов, в объяснении причин формирования латифундизма в монографии не нашлось места: 1) главному фактору, а именно – собственности на землю, 2) созданию условий для экономической реализации земельной собственности, 3) тесно с ними связанному – формированию спекулятивного рынка земли [14, с. 22–57], [15, с.19-46].

В числе причин создания агрохолдингов в начальный период следует отметить низкую стоимость сельхозземель, формирование гарантированных сырьевых зон, стремление извлечь высокую прибыль на всех стадиях производства продовольственной продукции, возврат кредитов. Сегодня цены на землю в ряде регионов доступны каждому, так, например, жителям России можно забронировать себе земельный участок в Тверской области всего за 50 тыс. рублей. Кроме того, с 1 марта 2015 года в России во многих регионах, муниципальных образованиях (районах и сельских поселениях), определённых законами субъектов РФ землю можно получить бесплатно для ведения 1) личного подсобного хозяйства или 2) крестьянского (фермерского) хозяйства на основании пп.6 п.2 ст. 39.10 и пункта 4 статьи 39.5 Земельного кодекса РФ, а также для ряда востребованных для села специалистов, переезжающих на постоянное место жительства в сельскую местность, перечень которых определяется законами субъектов РФ [16].

Главной же причиной формирования латифундизма является отделение сельских работников от земли как производственного ресурса под коварным

предлогом превращения их в собственников. Рынок земли расставил покупателей в очередь по степени их платежеспособности. Первыми там стали не те, кто намерен производить, а те, кто далеки от таких намерений. По экспертным оценкам, до 10% посевных площадей сконцентрировано в агропромышленных формированиях холдингового типа. Здесь отделение капитала-собственности от капитала-функцииполучило применительно к сельскому хозяйству свое логическое завершение. Производитель, отделенный частной собственностью от средств производства, будет обременен арендной платой, а общество – земельной рентой (о конкретных результатах затаенного коварства столь привлекательного (на первый взгляд для крестьян) варианта реформ в виде бесплатной раздачи земли и имущества, а также о его ближайших и долгосрочных последствиях [15], [17].

Сегодня цены на землю в России в несколько раз ниже, чем в странах с близкими природными условиями. Так, даже самая дорогая земля в России (в Краснодарском крае, которая в пересчете на валюту стоит 2100 долларов) примерно втрое дешевле, нежели в заметно уступающей ей по природным условиям Восточной Европе (Румынии, Польше, Литве). Самая же дорогая сельскохозяйственная земля – в Великобритании, которая стоит в среднем от 20 до 30 тысяч долларов, в США обрабатываемая пашня для инвесторов обходится в пределах от 5 до 12 тыс. долларов [18], [19].

В то же время в последние годы спекуляция землей получила новые стимулы, связанные с ростом цен на сельскохозяйственные земли, вызванным хорошими показателями урожая в течение нескольких лет. Очевидно, что дешевизна российской земли гарантирует устойчивый интерес к ее скупке также и со стороны иностранных инвесторов. По мнению аналитиков, в среднесрочной перспективе тренд на удорожание сельскохозяйственных земель сохранится [20].

Узаконивание частной собственности на сельскохозяйственные земли фактически привело к прямому выталкиванию земли в сферу спекуляции в условиях ее практически нулевой цене, что неминуемо привело к скупке земель за бесценок, формированию теневого оборота земли. Сегодня значительная часть появившихся крупных собственников земельных долей не связана непосредственно с аграрным производством, а представляет собой группу рантье, получившую право на ренту (паразитическую форму дохода), которую, по сути, будет уплачивать общество; процветает высокодоходный спекулятивный рынок сельхоз земель, связанный с дешевой скупкой земельных долей у сельских жителей с последующей их перепродажей по рыночной цене с изменением категории земель [21].

Земельные активы крупнейших российских латифундистов сегодня дорожают из-за роста рыночных цен на сельхозземли по всей России, в первую очередь в Центральном Черноземье, где за последние два года цены увеличились в несколько раз. Рост цен на продовольствие на мировом рынке стимулирует развитие российского агросектора. По подсчетам Россельхозбанка, сумма сделок по слияниям и поглощениям (M&A) в российском АПК в 2021 г. соста-

вила 1 млрд. долларов, что в три раза больше, чем за 2020 г.. Совокупная площадь земель, принадлежащих 20 крупнейшим российским латифундистам, составляет 8,5 млн га, а общая стоимость их земельных наделов выросла за год с 617,31 млрд рублей до 933,04 млрд рублей [22], [23].

Таким образом, в принципе, цены на землю в стране диктует несколько человек из числа «земельных баронов», разумеется, предпочитающих покупать земли там, где цены самые высокие, а не бесплатные гектары на Дальнем Востоке.

Нынешняя государственная аграрная политика направлена на создание, стимулирование и поддержку агрохолдингов, и не предполагает ограничений размеров земельных участков в собственности юридических лиц. В соответствии с федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» иностранные физические лица, а также юридические лица, более 50% доли уставного капитала которых принадлежит иностранцам, не могут владеть российской землей. Однако сегодня в российском законодательстве остаются лазейки, позволяющие зарубежному бизнесу обойти запрещающие законы и осваивать земли страны. По данным исследований иностранцы смогли купить миллионы гектаров российской земли, при этом из 978 агрохолдингов 62 находятся под контролем иностранцев, которые включают в себя 252 сельскохозяйственные организации, генерируют 16,5% выручки, сконцентрируют больше 5% сельхозугодий и 7,5% трудовых ресурсов [10]. Практически «зелёный свет» для скупки российских сельскохозяйственных земель и предприятий агропромышленного сектора (АПК) крупными иностранными компаниями, имеющими доступ к дешёвым кредитным ресурсам международных финансовых институтов, даёт вступление России в ВТО. Известно, что в настоящее время в России примерно в половине крупных сельхозпроизводителей от 35 до 99% акций принадлежат иностранным собственникам – напрямую или опосредованно; в конечном итоге в 2022 г. иностранные компании стали контролировать 70% всего зернового экспорта. Перевес баланса в чужую сторону замечен российскими политиками, начата борьба с подобными схемами, предполагается, что комплекс специальных мероприятий будет отодвигать зарубежные компании на задние ряды в зерновом экспорте, а полученные финансы станут работать на нашу экономику, а не на чужую [24]. Обобщен также негативный опыт влияния иностранных инвесторов на цену земли, на возможность доступа к земле сельских жителей; отмечены факты вымывания их из сельскохозяйственной занятости (при отсутствии других мест трудоустройства или самозанятости), сельской местности. В этих условиях полезно было бы понять масштабы явления в стране, чтобы в дальнейшем выстраивать соответствующую политику в отношении иностранных собственников сельскохозяйственных земель [25, с. 198-199], поскольку избежать неминуемо возникающих в этой связи конфликтных ситуаций возможно только при условии жёсткого государственного контроля над сделками с землями сельскохозяйственного назначения и предприятиями АПК при обязательном «обременении» иностранных собственников по ассортименту и качеству производимой продукции [26].

Однако все же эти мероприятия (несомненно, важные и значимые) не изменяют глубинных основ реализации земельной собственности. Проводимая земельная реформа основана на идее превращения российских крестьян в титульных собственников с закреплением за ними права собственности на земельные участки, выделением их в натуре. Крестьяне не состоялись как собственники, а процесс выделения долей в натуре и оборот прав на них происходит в основном в криминальной форме. В этой связи особую остроту приобретает сегодня проблема обманутых пайщиков.

Знаменательный факт: в начале XXI в., впервые со времен Октябрьского переворота, сельское хозяйство России, возможно, обнаруживает признаки стать прибыльной (рентабельной) сферой экономической деятельности. Однако если рассмотреть эти вопросы в контексте экономической реализации земельной собственности и ее субъектов на основе *воспроизводственного подхода*, можно заметить, что инициируемое формирование агрохолдингов кардинально отличается от традиционных форм агропромышленной интеграции. Отсутствие ограничений по размерам земельных ресурсов агрохолдингов зачастую приводит к усилению монополизации в аграрном секторе. Этот процесс часто состоит в полном лишении самостоятельности сельскохозяйственных предприятий и установлении контроля над земельными ресурсами, в том числе путем скупки земель, имеющей ряд негативных последствий: 1) происходит обезземеливание сельских жителей; 2) крупные структуры, как правило, заинтересованы в интенсивном использовании земель и не всегда заинтересованы в сохранении плодородия земель; 3) доходы, получаемые от использования сельскохозяйственных земель, производства сельскохозяйственной продукции, часто минуя стадию производства сельской экономики, тем самым не способствуют ее (сельской экономики) развитию, поскольку конечным получателем доходов является фирма-интегратор [27].

Таким образом, формальное наделение селян земельными паями не сделало их реальными собственниками в силу отсутствия условий для экономической реализации земельной собственности. Тем самым мы сталкиваемся с парадоксами экономического и правового содержания экономической реализации земельной собственности, но уже XXI века. В числе которых – чрезвычайная трудность найти ответа на вопрос, который является главным и определяющим в содержании современных аграрных отношений в стране и в государственном управлении земельной собственностью: кто же сегодня в России (где свыше 60% сельскохозяйственных земель юридически находится в частной собственности, большинство государственных сельхозземель не распределено по конкретным собственникам) не только юридически, но и экономически реализует земельную собственность? Владелец земельного пая со своего не существующего в натуре земельного надела не получает не только ренты (являющуюся экономической формой реализации права земельной собственности), но и необходимой платы за труд. Не присваивает земельной ренты и государство. В то время как значительную долю земельной ренты в неявной форме присваивают производители и посредники с поставляемых в село экономических ресурсов за

счет неэквивалентности обмена продукцией. Парадоксальность ситуации состоит и в том, что в Росреестре сегодня невозможно получить ответа на вопрос о реальном собственнике земли.

При этом мировой опыт свидетельствует также и о том, что задачи концентрации земель у эффективно хозяйствующих субъектов и оптимизации размеров землепользования могут быть решены и в условиях государственной собственности через *аренду*. В этом случае в качестве объекта сделки на рынке будет выступать не право собственности на земельный участок, а право пользования им, то есть хозяйствования на нём. Это будет способствовать обеспечению доступа к земле всех граждан, способных заниматься сельскохозяйственным производством, поскольку приобретение участков в аренду является менее капиталоемким и не требует больших и единовременных затрат, и что немало важно – исключая при этом возможность спекуляции земельными ресурсами.

Выход из сложившейся ситуации в области отношений земельной собственности связан с решительным отказом от ультралибералистских постулатов, переходом к концепции реформы с иной структурой форм и экономической реализацией земельной собственности, принятием соответствующей государственной федеральной программы глубокой коррекции земельной реформы в сельском хозяйстве.

Конструктивная позиция состоит в развороте аграрной реформы в направлении максимального благоприятствования предпринимательскому землевладению, создания массового производителя сельхозпродукции при сохранении титульной собственности за государством. Основная же идея в проведении реформы земельной собственности состоит в том, что главной фигурой в аграрном секторе с индивидуальной и общественной точки зрения выступает не титульный собственник земли, а предприниматель, т.е. производитель сельхозпродукции.

Принятые в последнее время решения на государственном уровне лишь подтверждают актуальность направления изменения приоритетов земельной реформы, в числе таковых: 1) закон, упрощающий аренду государственных и муниципальных сельхозземель для фермеров, которые с 1 января 2023 года смогут получать такие земельные участки аренду без торгов на срок до пяти лет, причем многократно, а также будут иметь право приоритетного выкупа арендуемого участка, *вместе с тем не имея права изменять целевое назначение полученного в аренду земельного участка, передавать участок третьим лицам (в том числе в субаренду)* [28]; 2) в период с 2022 – 2031 в России будет запущена государственная программа, целью которой является вовлечение в оборот 13,2 млн га неиспользуемых земель и сохранение в сельхозобороте мелиорированных почв, реализация которой послужит укреплению продовольственной безопасности страны [29]. Тем самым «новая» приватизация для аграрного сектора нашей страны может стать очистительным, причем в первую очередь, в отношении собственности на землю, способствуя формированию внутренних источников экономического роста («очистение» прежде всего в смысле отказа (кстати, парадоксально: по американскому примеру) от радикально-либера-

листских алгоритмов в практике регулирования земельных отношений к формированию эффективной экономической реализации земельной собственности, сохраняя титульную собственность за государством [3, с. 315–322]).

Литература

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».- Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (Дата обращения: 27.09.2023).
2. Хубиев К.А., Теняков И.М. Создание внутренних источников экономического развития // Экономическое возрождение России. – 2023. – №1(75). – С.5-23.
3. Макаров А.Н. Земельная собственность и ее реализация. – М.: ТЕИС, 2007. –С.331-359.
4. Материалистическая диалектика как научная система /под ред. проф. А.П.Шептулина.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.- С.42-44.
5. Рейтинг отраслей по неравенству зарплат – 2023. – Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20230403/630240047.html> (Дата обращения: 10.08.2023).
6. Плотников В. Будут ли отнимать заброшенную землю?// Аргументы и факты.- 2019.- №21.- С.4.
7. Приемская Е. Обратная сторона земли: почему в России остаются невостребованными сельхозугодья.- Режим доступа: <https://iz.ru/978156/evgeniia-priemskaia/oborotnaia-storona-zemli-pochemu-v-rossii-ostaiutsia-nevostrebovannymi-selkhozugodia> (Дата обращения: 26.09.2023).
8. Сколько в России пахотных земель сейчас и сколько было в прошлом? (Хозяева земли русской: как иностранцы скупили около 3 млн га сельхозугодий).- Режим доступа: <https://kapital-re.ru/stopmoshennik/skolko-v-rossii-pahotnyh-zemel-sejchas-i-skolko-bylo-v-proshlom> (Дата обращения: 12.08.2023).
9. Архангельская Н., Матвеева А. Землю-матушку оптом и в розницу // Эксперт. – №6 (13-19 февраля 2006). – С.32-33.
10. Богданова Татьяна. Чья в России земля? 5% сельхозугодий страны находятся в руках иностранцев.- Режим доступа: https://aif.ru/money/economy/chya_v_rossii_zemlya_5_selkhozugodiy_strany_nahodyatsya_v_rukah_inostrancev (Дата обращения: 27.09.2023).
11. Резников Л., Мелентьев А. К обоснованию леводемократической реформационной альтернативы // Российский экономический журнал. – 2004. – №7. – С.18.
12. Емельянов А. Взаимодействие форм хозяйств в аграрной экономике // Вопросы экономики. 2003. №11.- С.130–131.
13. Башмачников В.Ф. Фермерству в России быть: монография.- М: «Перо»,2019.- 608 с.
14. Макаров А.Н. О парадоксах бессубъектной реализации земельной собственности и латифундиях, погубивших Рим. Часть 1 (политэкономические рефлексии)//Региональный экономический журнал.- 2020.- № 1(28).- С.22-57;
15. Макаров А.Н. О парадоксах бессубъектной реализации земельной собственности и латифундиях, погубивших Рим. Часть 2. (конструктивная позиция)//Региональный экономический журнал.- 2020.- № 2(29).- С.19-46.
16. Бесплатная земля в России — где её раздают?.- Режим доступа: <http://agydar.ru/%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D1%8F-%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%B3%D0%B4%D0%B5-%D0%B5%D1%91-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B0.html> (Дата обращения: 07.10.2023).
17. Хубиев К.А., Макаров А.Н. Проблемы земельной реформы в России.- М.: ТЕИС, 2012.- 24 с.
18. Реалии мировых цен на землю в разных странах мира.- Режим доступа: <https://www.justmedia.ru/news/russiaandworld/realii-mirovykh-tsen-na-zemlyu-v-raznykh-stranakh-mira> (Дата обращения: 04.10.2023);

19. Сколько стоит земля Евросоюза.- Режим доступа: <https://agropravda.com/news/agrobiznes-life/11448-skolko-stoit-zemlja-v-stranah-evrosojuza> (Дата обращения: 04.10.2023).
20. Цены на земельный участок сельскохозяйственного назначения в 2020 году.- Режим доступа: <https://fomina-center.ru/tseny-zemelnyj-uchastok-selskohozyajstvennogo-naznacheniya-v-2020-godu/> (дата обращения: 24.02.2021).
21. Чаблин А. Кто и за сколько скупает российскую землю (И где в стране самые дорогие сельхозугодья).- Режим доступа: <https://svpressa.ru/economy/article/166435/> Дата обращения: 04.10.2023).
22. Топ-20 землевладельцев России — 2022 (рейтинг Forbes).- Режим доступа: https://www.compromat.ru/page_43299.htm (Дата обращения: 08.10.2023).
23. Ляликова А. Стоимость земель 20 крупнейших латифундистов России приблизилась к 1 трлн рублей. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/460727-20-krupnejshih-zemlevladelcev-rossii-2022-rejting-forbes> (Дата обращения: 04.10.2023).
24. Почему в России 70% зернового рынка в 2022 году контролировали иностранные компании и как это влияет на доходы отрасли.- Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y54MSw DE4nout-0Y> (Дата обращения: 11.04.2023).
25. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты/В.Я.Узун, Н.И. Шагайда.- М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС,2015.- С. 198- 199.
26. О продовольственной безопасности России. Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С.Ю. Глазьева.- Режим доступа: <http://izborsk-club.ru/content/articles/1725/> (дата обращения: 24.02.2021).
27. Сельская экономика: Учебник / под ред. проф. С.В. Киселева.- М.: ИНФРА-М, 2008.- С. 263-264.
28. Тимкив Виталий Госдума разрешила фермерам арендовать у государства сельхозземли без торгов.- Режим доступа: <https://ria.ru/20220706/selkhozzemli-1800710215.html> (Дата обращения: 05.08.2023).
29. Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 N 731 (ред. от 16.03.2022) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации». – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/H0r3EQe7gpGEJvEtfAClXtnJ4gt6Xpr2.pdf> (Дата обращения: 12.08.2023).

2.5. Корпоративный сектор экономики: этапы развития

Корпоративный сектор российской экономики начал формироваться еще в 1990-е гг., когда страна стала переходить от административно-командной экономической системы к системе рыночной экономики. За это время корпоративный сектор создавался и развивался под влиянием различных факторов и процессов, которые носили институциональный, экономический, политический характер. В настоящее время корпоративный сектор вновь подвергается трансформации, на которую оказывают влияние следующие факторы: западные санкции, экономические и политические ограничения, а также уход иностранных компаний из России.

Рассмотрению вопроса развития корпоративного сектора России были посвящены научные работы, которые изучали истоки появления и формирования российских корпораций. Следует упомянуть работы Радыгина А.Д., Энто-

ва Р.М., Паппэ Я.Ш., Долгопятовой Т.Г. и других [1–7]. Однако в последнее время вопросы развития корпоративного сектора в понимании вопросов собственности анализируются очень редко, даже можно сказать им вообще не уделяется внимания, поскольку они стали рассматриваться в контексте отдельных вопросов функционирования корпораций. В связи с чем, вернуться к вопросу собственности в российских корпорациях будет актуальным.

Под корпоративным сектором экономики следует рассматривать часть экономики страны, основу которой составляет деятельность компаний, которые получают доход от своей хозяйственной деятельности и оказывают влияние на функционирование экономики в целом через привлечение факторов производства и осуществление инвестиционных решений.

В формировании и развитии корпоративного сектора российской экономики можно выделить три этапа:

1. Приватизация государственных предприятий;
2. Выстраивание вертикально-интегрированных компаний;
3. Трансформация компаний под влиянием санкций.

Рассмотрим каждый этап более подробно.

Реформы собственности, которые проводило правительство России в конце XX века, послужили основой для формирования и развития структуры собственности российских компаний. Началом этого процесса стал процесс приватизации, который был направлен на трансформацию существовавшей в СССР государственной собственности.

Приватизация государственных предприятий происходила в несколько этапов, каждый из которых имел свою цель.

- Ваучерная приватизация 1991–1994 гг.

Цель – временное массовое распределение и закрепление формальных прав частной собственности в российском обществе при минимуме социальных конфликтов в расчете на последующие транзакции в пользу эффективных собственников [2, с. 35].

Итогами данного этапа стали: к июлю 1994 года были приватизированы 248 тыс. предприятий, и если в 1991 году доля государства в структуре собственности предприятия была 95,8%, то в 1994 году она составила только 17% [8, с. 251].

Что касается структуры собственности, то она не имела четко выраженных границ. Ни одна из групп акционеров не имела преимуществ по отношению к другой, что говорило о необходимости перераспределения собственности дальше. Так на долю инсайдеров предприятий (директоров, менеджеров, работников) приходилось 65% капитала, на долю аутсайдеров – внешних инвесторов (ЧИФы или иностранные компании) – 18% и на долю государства – 17%. Еще одна особенность заключается в том, что среди инсайдеров в большей степени собственниками предприятий стали рабочие коллективы (табл. 2.2).

- Денежный этап приватизации 1994–1999 гг.

Целями данного этапа было повысить инвестиционную активность владельцев крупных пакетов акций приватизированных предприятий и привлечь

дополнительные средства в бюджет, в результате продажи крупных пакетов наиболее привлекательных предприятий, которые еще находились в собственности государства.

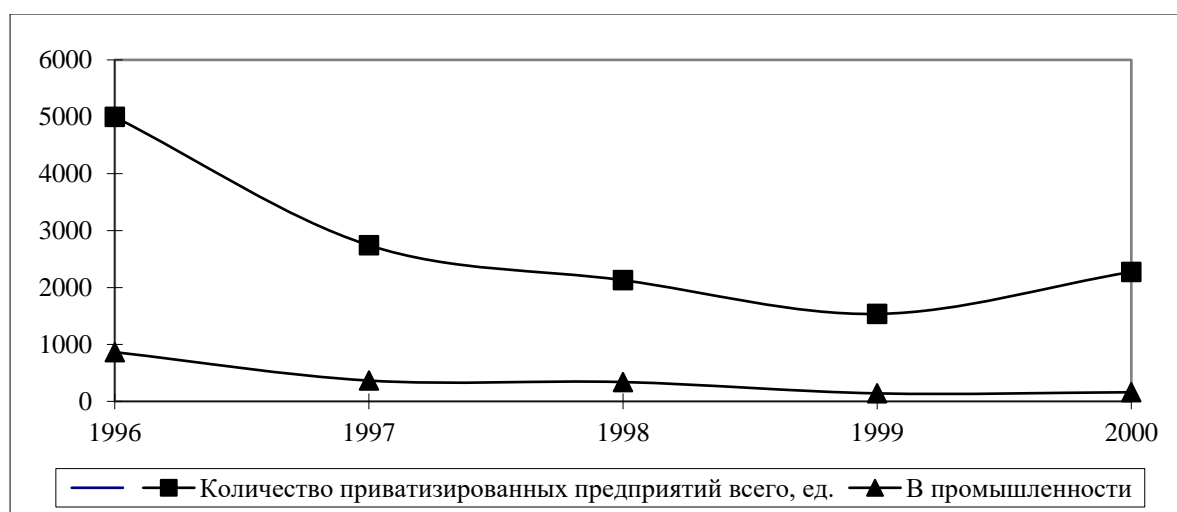
Таблица 2.2

Распределение структуры собственности на приватизированных предприятиях в 1994 г.

Держатели акций	Размер пакета акций по отраслям промышленности, %.				
	машиностроение	химическая	Пищевая	легкая	В среднем
Трудовой коллектив	51,86	54,50	51,26	56,09	52,01
Администрация	14,81	8,25	13,38	13,15	14,16
Крупные внешние	12,64	9,25	10,83	7,28	11,53
Мелкие внешние	7,69	11,0	9,36	6,41	8,17
Государство	13,00	17,00	15,17	17,07	14,13
Всего	100	100	100	100	100

Источник [8]

Однако результаты данного этапа достигнуты не были. Количество предприятий, которые были приватизированы, снижалось с каждым годом (рис. 2.6).

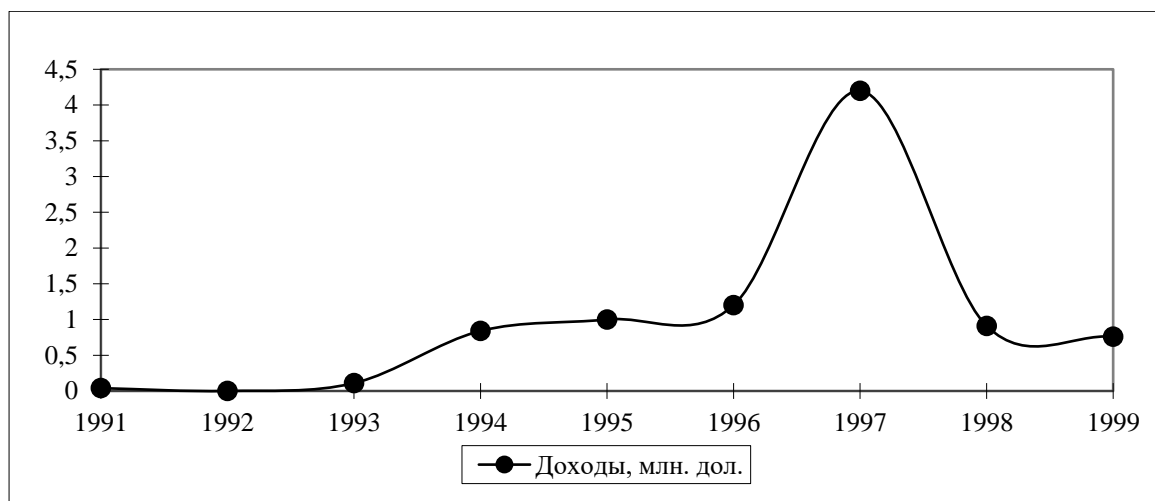
Источник [9].

Рис. 2.6. Динамика приватизации предприятий в 1996–2000 гг.

Исследователи называют следующие причины провала денежного этапа приватизации: не привлекательные с точки зрения инвестирования предприятия, выставленные на продажу, появление нового и более привлекательного инструмента для инвестирования – государственных облигаций. А также слабая защита прав частных собственников со стороны государства, так как законодательство только стало формироваться и не работало в полной мере, это приво-

дило к тому, что продавать активы и переводить деньги за рубеж, было выгоднее и безопаснее, чем вкладываться в развитие бизнеса.

Размер доходов, поступивших в бюджет от приватизации государственных предприятий можно увидеть на рис. 2.7. На рисунке четко разграничены этапы приватизации и видно, что начиная с 1994 г. в бюджет стали активно поступать средства от продажи госпредприятий, но количественно их было недостаточно, чтобы покрыть бюджетный дефицит. В 1997 г. правительство пошло на крайние меры и выставило на продажу акции крупных компаний нефтегазового сектора, чтобы привлечь дополнительные доходы.

Источник [10].

Рис. 2.7. Доходы от приватизации государственных предприятий в 1991-1999 гг.

В этот же период государство реализовало программу так называемых «залоговых аукционов» в результате, которой в России появились первые «олигархи». Суть ее сводилась к тому, что государство получило кредит от банков под залог акций 12 крупных и наиболее привлекательных компаний («Сургутнефтегаза», ЮКОСа, СИДАНКО, «Сибнефти», «Норникеля», «Мечела», НЛМЗ и других), которые в последствие не смогло выкупить, и компании были, по сути, фактически приватизированы, но по многократно заниженным ценам [11].

Конечно, все эти процессы привели и к изменению структуры собственности российских компаний. На конец 1999 года держателями крупных пакетов акций становятся менеджеры компаний и крупные внешние инвесторы, доля работников и государства соответственно снижается (табл. 2.3).

- Консолидация активов в руках крупного инвестора 2000–2006 гг.

Данный этап приватизации больше связан уже с перераспределением акций приватизированных компаний и концентрация их в руках управленцев и внешних собственников. Можно выделить следующие причины данного процесса.

Таблица 2.3

Структура собственности российских компаний в 1994–1999 гг., %.

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1999 г.
Внутренние держатели акций	62	56	58	51,6	51,3
работники	53	43	40	39,5	36,3
менеджмент	9	13	18	12,1	15
Внешние держатели акций	21	33	33,6	41,3	45,3
юридические лица	11	21	24,5	23,6	22,8
физические лица	10	11	6	13,2	15,6
иностранцы	-	1	1,6	5,1	7,6
Государство	17	11	9	6,5	2,7
Всего	100	100	100	100	100

Источник [8,9].

Кризис 1998 года сделал российскую экономику более привлекательной для ведения бизнеса из-за девальвации рубля и снижения импорта. Теперь владельцу компании необходимо было не только управлять финансовыми потоками, но и иметь юридический контроль над самим предприятием.

В 1998 г. был принят закон о банкротстве, который привел к активным процессам передела собственности и возникновению корпоративных конфликтов, причем основными объектами воздействия оказались относительно эффективные предприятия.

Внутренние мотивы развития и реструктуризации бизнеса, которые способствовали корпоративной интеграции, что привело к концентрации собственности в руках крупных инвесторов. С этого момента компании стали активно выстраивать вертикальные и горизонтальные производственные цепочки, основываясь на экономии производственных и транзакционных издержек.

В этих условиях несовершенства правовых институтов российский корпоративный сектор пошел по пути формирования крупного акционера с пакетом акций, который позволял ему контролировать работу компании [12, с. 110].

Таким образом, итогом длительного приватизационного этапа формирования корпоративного сектора России стало создание вертикально-интегрированных компаний во главе с крупным собственником, который выходил либо из менеджеров, либо был внешним инвестором. Причиной выстраивания вертикально-интегрированного бизнеса стало желание компаний усилить конкурентную позицию своего ключевого бизнеса на рынке, что выразилось в экономии издержек, в улучшении качества продукции и защите собственных технологий.

Второй этап формирования корпоративного сектора российской экономики начинается в 2006 г. Этот этап характеризуется переходом к новой модели владения бизнесом, которая сводится к тому, что единичные владельцы компаний стали создавать партнерские связи, формируя бизнес – альянсы. Причины,

по мнению Паппэ Я.Ш., являются, что компании в процессе развития бизнеса стали требовать больше средств и стали дорогими для одного владельца, также владельцы компаний осуществляли диверсификацию бизнеса, чтобы иметь возможность получать прибыль из разных сфер деятельности и снизить риски [7, 13]. Следует отметить, что и выход российских компаний на фондовый рынок привел к тому, что доход можно было получать не только от деятельности самой компании, но и от ее акций.

Процесс формирования альянсов проходил вследствие осуществления ряда независимых сделок, которые были разные по масштабу, содержанию и значению для участников. В большинстве своем – это были сделки по слиянию и поглощению, расширение компаний за счет новых акционеров, появление новых акционеров в старом бизнесе, выкуп акций у собственников в рамках новых объединенных проектов. Структуру альянсов составляли следующие элементы [7, 13]:

- суперэлита российского бизнеса, которая включает владельцев крупнейших российских компаний, входящих в список Forbes;
- «северо-западная сеть»;
- «большая сеть».

Как нам кажется, данная модель видения бизнеса продолжает существовать и в настоящее время, только за прошедший период она претерпела изменения, которые связаны с естественными процессами: развитие фондового рынка, изменение экономической ситуации. Однако ключевые игроки корпоративного сектора продолжают функционировать и сегодня.

Отправной точкой третьего этапа формирования корпоративного сектора российской экономики является 2014 г., когда многие российские компании и их владельцы попали под санкции. При этом санкции могли накладываться как на саму компанию, так и на ее владельца.

В случае, когда санкции затрагивали владельца, но не саму компанию владельцу приходилось снижать долю своего присутствия в компании, чтобы санкции с нее были сняты. Например, такая ситуация произошла в отношении компаний О. Дерипаски в 2018 г., когда его доля в компании En+ снизилась с 70 до 44,95% [14].

Санкции и ограничения, наложенные на российские компании в 2022 г. и их владельцев, привели к тому, что часть российских бизнесменов покинула страну, и распродает свои доли в бизнесе. Например, компания «Интеррос» приобрела 35% долю в TCS Group, которая принадлежала семье О. Тинькова. Также компании В. Потанина приобрела долю во французской банковской группе Societe Generale в Росбанке и его страховом бизнесе, после того как она перестала работать в России.

В период санкций, когда иностранные компании покидают Россию, российскому бизнесу выгодно приобретать новые активы в силу того, что их можно купить по заниженной стоимости. Дисконт при продаже бизнеса компаний, уходящих из России, превышает 50% от их последней переоценки [15]. Здесь следует выделить три тенденции передачи активов:

- когда новым владельцем становится менеджмент компании;

Например, российский бизнес консалтинговой компании Accenture был передан руководству локального подразделения [16], топ-менеджеры филиала международной консалтинговой ИТ- компании Atos выкупили бизнес у французских собственников [17].

- когда новым владельцем становятся внешний инвестор;

Например, покупка всех гипермаркетов OBI бизнесменом Й. Лиокумовичем, приобретение компанией Лукойл сети АЗС компании Shell или покупка бизнеса компании Starbucks группой российских инвесторов. При этом следует заметить, что российские бизнесмены приобретали как профильный для себя бизнес, так и тот, который для них является новым, например владелец холдинга «Фармстандарт» В. Харитонин приобрел лесоперерабатывающий завод, который производит офисную бумагу, дефицит, которой резко ощущался в 2022 г. [15].

- когда новым владельцем становится компания – представитель государства.

Данная тенденция распространяется на автомобильную отрасль. Так завод компании Nissan перешел в государственную собственность в лице ФГУП «НАМИ», сделка подразумевает опцион на обратный выкуп активов в течение шести лет. По такой же схеме государство получило активы компании Renault [18]. Завод компании Toyota в свою очередь перешел под управление «Обуховского завода», который входит в государственный концерн «Алмаз – Антей» [19].

Таким образом, западные санкции, экономические ограничения привели к тому, что в последнее время проходит активный процесс передела собственности, который меняет и структуру российского корпоративного сектора. Данный процесс будет проходить до тех пор, пока все российские компании, владельцы которых покинули Россию, не будут проданы или пока иностранные компании не заключат сделки по продаже своих российских активов. Причем следует заметить, что государство активно включается в данный процесс и как покупатель активов и как институт, который дает разрешение на совершение таких сделок.

Корпоративный сектор российской экономики прошел длительный путь развития, который можно разделить на отдельные этапы, каждый из которых имел свои особенности. Процесс формирования был сложен и неоднозначен, особенно если говорить про итоги самого первого этапа. Вопросы первоначального распределения прав собственности на государственное имущество существуют и сегодня, и даже возникают предложения о новом честном распределении активов приватизированных предприятий. Но сделать это будет очень сложно, так как корпоративный сектор – это, по сути, «живой организм», который формировался длительный период времени и перечеркнуть его, и начать все заново уже не получится.

Современный этап трансформации структуры собственности российских компаний в первую очередь связан с введением санкций, экономических ограничений и политического давления, которое испытывает иностранный бизнес, ра-

ботающий в России. Его чертами является то, что компании продолжают придерживаться модели альянса в видении бизнеса, но расширяют его скупая профильные или смежные активы, чтобы усилить свое присутствие в отрасли. Или диверсифицируют бизнес, покупаю непрофильные активы, чтобы снизить риски. Но в любом случае они скупаю уже готовый, работающий, приносящий доход бизнес, который не требует первоначальных инвестиций. Государство по традиции берет под управление те компании, которые можно назвать социальнозначимыми, которые требуют значительных сложений, увеличивая тем самым свое присутствие в российской экономике.

Литература

1. Радыгин А.Д. «Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее». М.: «Республика», 1994. – 158 с.
2. Радыгин А.Д. Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов. М.: ИЭПП, 2001. – 295 с.
3. Радыгин А. Д., Энтов Р. М. Корпоративное управление и защита прав собственности: эмпирический анализ и актуальные направления реформ. Научные труды ИЭПП № 36. М.: ИЭПП 2001. – 291 с.
4. Российская корпорация: внутренняя организация, внешние взаимодействия, перспективы развития / Под ред. Т. Г. Долгопятовой, И. Ивасаки, А. А. Яковлева. М.: Изд. Дом ГУ—ВШЭ, 2007. – 542 с.
5. Долгопятова Т. Концентрация акционерной собственности и развитие российских компаний// Вопросы экономики 2007. – №2. – С.82-97.
6. Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993-2008 гг. – М.: Изд. дом. ВШЭ, 2009. – 432 с.
7. Паппэ Я. Ш. «Магнаты строят сети»// Эксперт 2010г. №40. – С. 45-52.
8. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991-1997 г. М.: ИЭПП. 1998г. – 1113 с.
9. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. Экономический рост 2000-2007. –М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. – 1328 с.
10. Тамбовцев В.Л. «Права собственности, приватизация и национализация в России». – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. – 504 с.
11. История залоговых аукционов в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20111028/473520326.html> (дата обращения 04.08.2023).
12. СтиглицД. «Quis custodiet ipsos custodes? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку.//Экономическая наука в современной России. 2001. №4. – С.108-146.
13. Паппэ Я.Ш., Антоненко Н. О новых конфигурациях собственников в российском крупном бизнесе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://1atoll.ru/id=619&ysclid=lh681f2vso827396502> (дата обращения 04.08.2023).
14. США сняли санкции с «Русала» и En+. Как компании этого добились. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5106717> (дата обращения 05.08.2023).
15. Кому из российских миллиардеров достались активы ушедших из России компаний. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/milliardery/475191-komu-iz-rossijskih-milliardero-v-dostalis-aktivy-usedsih-iz-rossii-kompanij> (дата обращения 05.08.2023).
16. Российские топ-менеджеры Accenture выкупили бизнес компании в стране. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/12/04/2022/62553b4c9a79472db9d783c6> (дата обращения 05.08.2023).
17. Россияне купили бизнес французской ИТ-компании Atos. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2022-09-16_rossiyane_vykupili_biznes#:~:text= (дата обращения 05.08.2023).

18. Завод Nissan в России перейдет в госсобственность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/11/10/2022/634526de9a7947026e450551> (дата обращения 05.08.2023).

19. На бывшем заводе Toyota в России будут выпускать грузовики и электрокары. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://motor.ru/news/toyota-plant-04-05-2023.htm> (дата обращения 05.08.2023).

2.6. Государственные решения, направленные на стимулирование макроэкономического развития

Объективный процесс формирования многополярного мира находит свое отражение в характере функционирования и развития мировой и национальных экономик. Чем больше национальная экономика того или иного государства интегрирована в мировую экономику, тем заметнее становятся существующие и формирующиеся глобальные тенденции, и тем большее влияние на макроэкономические процессы они оказывают. Это не может не отражаться на процессах и инструментах государственного регулирования, прежде всего в области принятия государственных решений, стимулирующих и направляющих экономическое развитие.

Позволим себе сделать предположение о том, что первая половина 2022 г. стала, своего рода, триггером, ускорившим процесс перехода человечества к многополярному миру. Резкие изменения, которые произошли в этот период, привели к необходимости пересмотра самого характера действия рыночных механизмов, оказавшихся не вполне способными быстро приспособиться к происходящим экономическим и политическим потрясениям. Политика сегодня оказывает все более активное влияние на экономику, а принятие тех или иных политических решений порой оказывает разрушительное воздействие на складывавшиеся десятилетиями эффективные экономические связи, торговые союзы, существующее разделение и кооперацию труда.

Следует признать, что в настоящее время поиск и установление новых экономических связей с опорой только на рыночные механизмы не только требует длительного времени, но и может привести к большим экономическим потерям особенно на начальных этапах. Очевидно, что снижение масштабов негативных последствий деструктивных процессов, происходящих в мировой экономике, предполагает активное применение инструментов государственного регулирования. Оно должно быть направлено на скорейшее преодоление создавшейся кризисной ситуации путем поиска и установления новых экономических связей с зарубежными партнерами, а также формирования новых логистических цепочек и каналов взаимодействия.

При этом государственное управление экономикой не должно ограничиваться решением текущих, порой – внезапно возникающих, задач, как, например, реагирование на введение недружественными странами очередного пакета санкций. Формирование многополярного мира, сопровождающееся изменениями в мировой экономике, требует и значительной корректировки системы госу-

дарственного управления российской экономикой в новых геоэкономических и геополитических условиях. Роль государства, а также его ответственность за результаты принимаемых управленческих решений, будет неуклонно возрастать. Несмотря на то, что присутствие государства в российской экономике сегодня и так значительно, в нынешних условиях оно будет и дальше возрастать, как по количественным, так и по качественным параметрам. В этой связи, как нам кажется, уместно говорить о выстраивании модернизированной системы разработки, принятия и исполнения макроэкономических решений для обеспечения экономического развития, стимулирования развития национального бизнеса и поддержки домохозяйств в условиях формирования нового многополярного мира.

Практическая реализация связанных с этим задач предполагает применение научно обоснованных методов государственного управления макроэкономическим развитием. Особая роль здесь принадлежит использованию полноценной достоверной информации, поскольку ошибки и просчеты, допущенные на макроэкономическом уровне, отражаются на работе хозяйственных систем мезо- и микроуровня. На результативность процесса макроэкономического развития оказывают влияние многочисленные экономические и неэкономические факторы, а также использование определенного набора государственных инструментов, как стимулирующего, так и направляющего характера [1, с. 11]. Среди этих инструментов следует выделить макроэкономическое планирование, которое представляет собой институт, значимость которого все более возрастает, и от качества которого во многом зависит направленность и динамика макроэкономического развития.

В нашей стране принят, и, на протяжении уже практически десятилетия, работает, соответствующий Закон о стратегическом планировании [2], определяющий основные приоритеты в этой области. Действуют также государственные институты, обладающие определенными полномочиями и ответственностью, работающие на основе принятой методологии и регламентации плановых документов. Как элемент сложного комплекса управленческих действий, макроэкономическое планирование требует четких, взаимосвязанных шагов всех государственных институтов, включая определение этапов работы, постановку задач и ответственность за их реализацию [3].

Говоря о макроэкономическом планировании, как инструменте развития, следует четко понимать его сущность.

Начнем с того, что оно имеет довольно богатую историю и изобилует различными научными концепциями и школами, определяющими сущность и назначение макроэкономического планирования. В том или ином виде, оно не только существует во всех современных странах, но и является важным элементом, дополняющим действие рыночных регуляторов. Несмотря на большое количество существующих определений, можно согласиться с мнением исследователей, понимающих под макроэкономическим планированием инструмент научного прогнозирования результатов развития национальной экономики на конкретно обозначенный временной промежуток, который непосредственно

влияет на общую результативность развития, не только экономики, но и всего общества, и различных его сегментов. Кроме того, макроэкономическое планирование должно закладывать тенденции будущих достижений, а также минимизировать реальные и потенциальные риски (как внутренние, так и внешние), возникающие по отношению к тому или иному государству. В дополнение к этому, следует отметить особую важность определения степени, методов и конкретных элементов экономической системы, которые будут регулироваться государством, выделяя элементы, которые будут регулироваться другими субъектами хозяйствования [4, с. 12].

Проблема рисков, а также возникновения различных неопределенностей, сегодня является, пожалуй, ключевой задачей макроэкономического планирования, поскольку связана с достижением конкретного желаемого результата. В то же время, следует понимать, что абсолютно точно спланированного результата получить невозможно. Наряду с риском и неопределенностью, это связано с появлением новых возможностей и преимуществ, что, в свою очередь, актуализирует требования к научной обоснованности планов [5, с. 116].

В процессе разработки макроэкономических планов следует понимать, что они различаются не только по срокам, но и по своей направленности. Например, разделяя их на оперативные, тактические и стратегические, следует обеспечивать их строгую увязку между собой, рассматривая это как самостоятельную задачу макроэкономического планирования; в противном случае о достижении сбалансированности в макроэкономических показателях не может идти речи. В некоторых случаях проблемы сбалансированности и качества развития настолько сильно переплетаются, что ряд исследователей рассматривает их как синонимы [6].

Еще одна важная характеристика макроэкономического планирования – это системность, предполагающая непротиворечивость и согласование планов федерального и регионального уровня, а также отраслевых планов и программ развития. Здесь можно говорить о двух походах к разработке макроэкономических планов:

- от общего к частому;
- от частного к общему.

Однозначных рекомендаций по поводу приоритетности этих подходов и их практического применения не существует. Кроме того, как уже отмечалось выше, современные условия характеризуются формированием многополярного мира на фоне практически бессистемного введения рядом стран экономических и неэкономических санкций, и реально складывающиеся ситуации предполагают использование того или иного подхода или их различных комбинаций.

Сегодня сложно говорить о том, что макроэкономическое развитие всегда осуществляется в строгом соответствии с разработанными планами. На практике они подвергаются частым, а в ряде случаев – значительным, корректировкам. В период экономической нестабильности нередко возникает необходимость в принятии «немедленных решений на основе интуиции», что нередко обозначают понятием «ручное управление». Такие решения не следует рас-

смагивать как альтернативу научно обоснованным методам государственного управления и считать их полностью противоречащим базовым принципам макроэкономического планирования. Как правило, интуитивно принимаемые решения базируются на комплексе имеющихся у менеджеров научных и практических знаний и сформированных компетенций, а для их принятия необходима хорошая информационная база [7, с. 287].

В современных реалиях, характеризующихся широкой информатизацией и цифровизацией экономики и общества, результативность принимаемых интуитивно управленческих решений невозможно обеспечить без хорошо развитых информационных технологий. В то же время, лавинообразный процесс цифровой трансформации требует активного изменения всей системы управления, и не только на государственном уровне, но и в бизнес-среде. При этом следует учитывать, что не все хозяйствующие субъекты обладают одинаковым уровнем цифрового развития и цифровой зрелости [8, с. 72]. Обращают на себя внимание и возможности, которыми обладает Big Data, то есть система получения, обработки и анализа больших данных, помогающая принимать коммерчески результативные решения по завоеванию рынков и получению хозяйствующими субъектами заметных конкурентных преимуществ.

Без использования Big Data построение эффективной государственной системы управления макроэкономическим развитием сегодня невозможно, особенно если речь идет о принятии оперативных решений в условиях высокой степени изменчивости глобальной экономики. Это представляет собой значимый инструмент, посредством которого выстраивается результативная система стимулирования макроэкономического развития.

К числу приоритетных задач, которые здесь необходимо решить, относится обеспечение устойчивости макроэкономического развития. Особенно значимым это становится в условиях внешнего давления на нашу страну и ее экономику, нарастающего под воздействием различного рода санкций. Ни у кого, пожалуй, не возникает сомнений в том, что санкции оказывают негативное влияние не только на страну, ставшую объектом вводимых ограничений, но и на те страны, которые их вводят; тем не менее, полная картина последствий санкционных процессов обнаруживается, только если рассматривать их в рамках значительного временного интервала [9, с. 20].

Важной особенностью процесса планирования макроэкономического развития является то, что оно предполагает широкий общественный контроль, который здесь следует понимать в достаточно широком смысле. Прежде всего, его должны осуществлять широкие слои населения, общественные организации, представители науки и бизнес-сообщества; все это можно рассматривать как важную составляющую общественного договора [10, с. 279]. Чем более неформально будет проводиться работа в области контроля, тем большего позитивного результата следует ожидать. Безусловно, нельзя не принимать во внимание сложность, неоднозначность, а в ряде случаев и противоречивость проводимой общественной экспертизы. Дело в том, что конкретные интересы от-

дельных, даже небольших, общественных группы, могут вступать в противоречие с интересами других, что требует поиска компромисса и принятия как можно более взвешенных решений, поскольку только они могут отражать стратегические приоритеты в рамках макроэкономического планирования. При этом не исключено принятие решений, далеко не всегда стимулирующих активный процесс макроэкономического развития. В частности, речь может идти о достижении всех видов безопасности, в том числе экономической, в условиях макроэкономических шоков [11, с. 202].

Планирование макроэкономического развития осуществляется Правительством, а непосредственными участниками осуществляемых действий и процедур являются действующие органы исполнительной и законодательной власти, а также Центральный банк. Среди органов исполнительной власти следует выделить Министерство экономического развития Российской Федерации, одним из приоритетных направлений деятельности которого как раз и является стратегическое планирование экономики. Его трактуют как «механизм управления, направленный на достижение приоритетных целей государства, включающий процессы целеполагания, прогнозирования и планирования социально-экономического развития Российской Федерации» [12].

Управленческие действия в рамках макроэкономического планирования осуществляются в соответствии с утвержденным Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [13], а также утвержденными и реализуемыми национальными проектами [14].

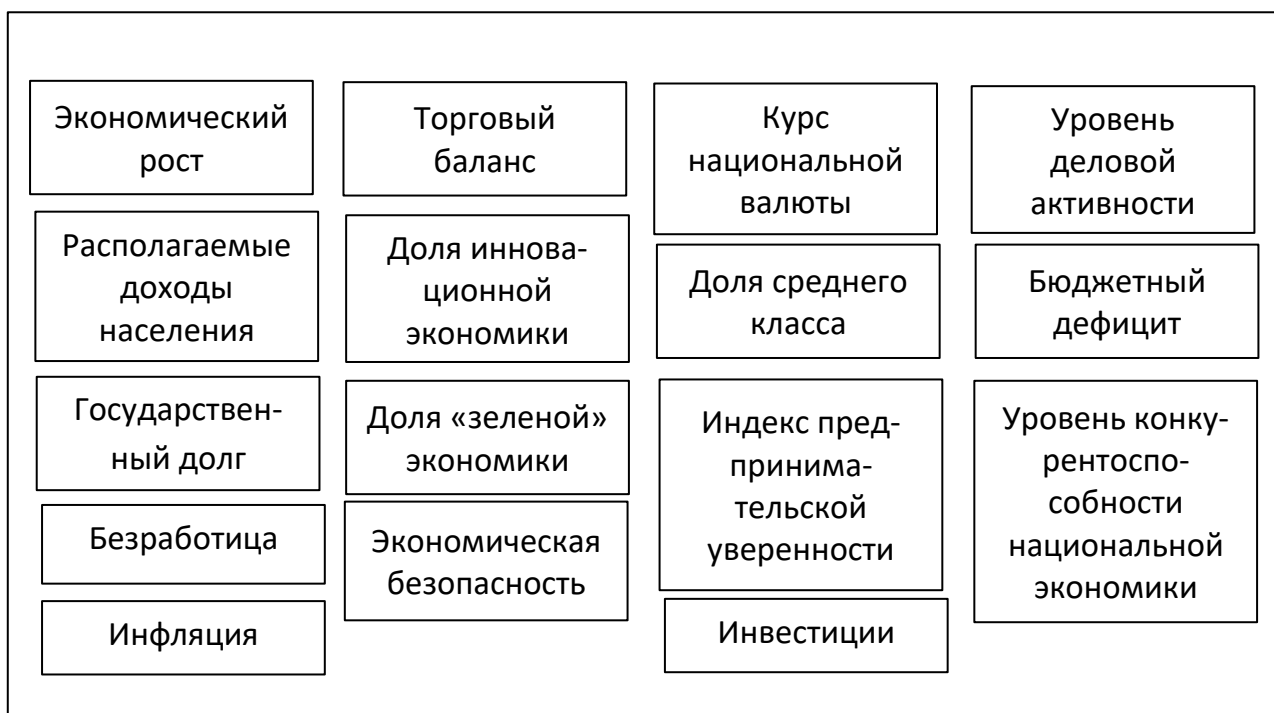

Рис. 2.8. Ключевые показатели для осуществления макроэкономического планирования

Анализ этих документов, а также знакомство с имеющимися оценками ученых и практиков в области макроэкономического планирования, позволяет выделить четыре довольно четко выраженные тенденции:

- усложняются и качественно меняются формы макроэкономического планирования;
- увеличивается масштабность плановой деятельности и плановых документов, а также детализация их проработки;
- усиливается комплексность и системность макроэкономического планирования;
- совершенствуются инструментарий и методология системы управления макроэкономическим планированием [15, с. 50].

Исходя из представления о том, что макроэкономическое планирование направлено на достижение желаемых показателей по ключевым экономическим параметрам, условно их можно представить следующим образом (рис. 2.8).

Отталкиваясь от имеющейся макроэкономической статистики, можно обнаружить более обширный перечень показателей, однако, как нам представляется, приведенные показатели достаточно рельефно отражают основные направления работы правительственных органов, отвечающих за социально-экономическое развитие и экономическую безопасность страны, а также позволяют проводить сравнительный анализ состояния национальных экономик. В то же время, с этой целью международными институтами используются специальные показатели, позволяющие, к примеру, выявить уровень инновационного развития и сформировать различные рейтинги: глобальной конкурентоспособности, уровня ВВП, уровня счастья населения и др.

Такие рейтинги и оценки очень важны для понимания отличий нашей экономики от экономик других стран и анализа имеющихся конкурентных преимуществ, что, в свою очередь, используется при разработке макроэкономических планов и программ. Среди использующихся сегодня рейтингов следует обратить внимание на тот, который базируется на оценке доли ВВП в глобальной экономике.

Таблица 2.4

Рейтинг стран по ВВП, 2022 г., ППС(оценкаВсемирногобанка) [16]

Рейтинг	Страна	млн долл.
	Китай	30,327,320
	США	25,462,700
	Индия	11,874,583
	Япония	5,702,287
	<i>Россия</i>	5,326,855
	Германия	5,309,606

Надо сказать, что показатель ВВП, как таковой, уже достаточно давно подвергается критике со стороны научного сообщества, тем не менее, он про-

должна включаться в состав различных оценочных методик, используемых международными институтами. Базируясь на результатах, опубликованных Всемирным Банком на сегодняшний день, можно увидеть, что экономика наша страна по итогам 2022 года заняла пятую строчку (табл. 2.4) среди 193 стран, подвергшихся анализу.

Это важно еще и потому, что столь высоких позиций в международных рейтингах наша страна еще никогда не занимала, и это несмотря на внешние шоки, которые сопровождают формирование многополярного мира!

Здесь мы воздержимся от размышлений о том, что в большей степени повлияло на такой результат: наши успехи в макроэкономическом развитии или, скажем, политика Германии по отношению к России, приведшая ее на шестую строчку рейтинга. Заметим, что все страны ЕС, включая и наиболее экономически развитые, а также Великобритания, оказались в этом рейтинге ниже России. Безусловно, причины происходящего более глубоки, и они связаны не только с практически бессистемным вводом против нашей страны экономических санкций. Однако в данной ситуации при разработке макроэкономических планов следует ставить задачу закрепления позиций нашей страны в этом мировом рейтинге. Для этого следует проанализировать факторы, которые могут обеспечить решение указанной задачи и спрогнозировать характер их изменений на планируемый период (не ограничивающийся краткосрочностью). Это требует от органов государственного управления достаточного набора компетенций для взвешенной и обоснованной разработки планов. При этом важно отметить следующее обстоятельство: если в конкретной ситуации разработчики абстрагируются от ряда факторов, это не означает, что данные факторы могут вообще не учитываться. Сложность макроэкономического планирования обусловлена еще и тем, что в модель планирования те или иные факторы могут не вводиться, но при определенных условиях (как негативных, так и позитивных) требуется «подключать» их к анализу с последующей корректировкой макроэкономических планов [17, с. 20].

В завершение рассмотрения процессов разработки государственных решений, стимулирующих макроэкономическое развитие, следует подчеркнуть возрастающую роль и усложнение макроэкономического планирования в текущих условиях. В ходе исследования подтверждено, что в современных российских реалиях макроэкономическое планирование представляет собой важнейший институт государственного управления. В этой связи следует продолжить изучение и совершенствование используемых инструментов и подходов к планированию, отражающих специфику формирования многополярного мира, что сопровождается усложнением экономической ситуации в российской экономике, вследствие санкционного давления и возникновения различных непрогнозируемых факторов. Одновременно с этим формализуется задача по разработке новых компетенций, которыми должны обладать органы государственного управления, ответственные за социально-экономическое развитие страны и ее

безопасность. Это, в свою очередь, актуализирует требования к науке и университетам, осуществляющим подготовку управленческих кадров, как для бизнеса, так и для государственной системы управления.

Литература

1. Харламов А.В., Харламова Т.Л. Трансформация российской хозяйственной системы: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9, № 4(33). – С. 8-16.
2. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/?ysclid=llhsiw2cws993290083 (дата обращения 15.08.2023).
3. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / под ред. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 353 с.
4. Овчаренко Я.Э., Пигарева В.А., Ковалева А.В. Зарубежный опыт применения планирования на макроэкономическом уровне // Современные вызовы и перспективы молодежной науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 июня 2020 года. – Петрозаводск: МЦНР «Новая Наука», 2020. – С. 11-15.
5. Петров А.Н. Теория планирования: первое приближение: Монография. 2-е издание. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 151 с.
6. Харламов А.В. Проблема перехода к качеству в государственном регулировании // Вестник Национальной академии туризма. – 2013. – № 2(26). – С. 53-55.
7. Бургонов О.В., Голубецкая Н.П. Концептуальные подходы к приоритетным направлениям развития менеджмента в цифровой экономике регионов // Экономика и Индустрия 5.0 в условиях новой реальности (ИНПРОМ-2022), Санкт-Петербург, 28-30 апреля 2022 года. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. – С. 286-289. – DOI 10.18720/IEP/2022.1/78.
8. Кулагина Н.А., Лысенко А.Н., Логачева Н.А. Методический подход к ранжированию территорий по уровню цифрового развития // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 2(55). – С. 70-74. – DOI 10.25683/VOLBI.2021.55.272.
9. Харламов А.В. Санкции как фактор усиления нестабильности современной мировой экономики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 18-23. – DOI 10.46418/2079-8210_2022_2_3.
10. Харламов А.В. Экономическое развитие и эффективность государственного регулирования в контексте общественного договора // Проблемы жизнеспособности хозяйственных систем: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: сборник научных статей по итогам научно-исследовательской конференции профессорско-преподавательского состава факультета экономики и финансов СПбГЭУ, 02 июня 2020 года. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 277-283.
11. Боркова Е.А., Ватлина Л.В., Курбанов А.Х., Плотников В.А. Оценка влияния макроэкономических шоков на устойчивость развития секторов национальной экономики и проблемы экономической безопасности. – СПб.: Издательство "Инфо-да", 2022. – 248 с.
12. Стратегическое планирование / Министерство экономического развития Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/ (дата обращения 12.08.2023).
13. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [Электронный ресурс]. // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803_eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения 28.07.2023).

14. Национальные проекты / Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. // URL:<http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/>(дата обращения 28.07.2023).
15. Новиков В.А. Проблемы и перспективы развития макроэкономического планирования в России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2021. – № 4(50). – С. 48-53.
16. Grossdomesticproduct, 2022, PPP [Электронный ресурс]. // URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?end=2022&most_recent_value_desc=true&start=2022&view=bar(дата обращения 15.08.2023).
17. Лисичкина Н.В. Стратегическое планирование пространственного развития экономики: подходы и модели // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2019. – № 9. – С. 18-21.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

3.1. «Новые горизонты» участия стран евразийского экономического союза в глобальных цепочках создания стоимости

В конце первой четверти XXI века страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), как в общем-то и все страны мира, вынуждены функционировать и искать пути развития в условиях крайне нестабильной внешней среды. Факторами дестабилизации внешнеэкономической деятельности стран ЕАЭС выступают попытки США удержать глобальную гегемонию, антироссийские санкции и специальная военная операция (СВО) России на Украине. Сложившаяся обстановка, с одной стороны, способствовала обострению угроз национальной и экономической безопасности, росту транзакционных издержек, поскольку привела к нарушению работы и разрыву сложившихся на протяжении нескольких десятилетий региональных и глобальных цепочек создания стоимости (РЦСС и ГЦСС). С другой стороны, в данных условиях можно говорить о появлении новых вариантов и векторов развития цепочек создания стоимости, участниками которых являются страны ЕАЭС, связанных с появлением новых внешнеторговых партнеров.

Исследованию проблем и перспектив функционирования ЕАЭС посвящено достаточно много научных исследований. По поисковому запросу «Евразийский экономический союз» на портале ELIBRARY.ru на 31 сентября 2023 г. можно обнаружить 27 829 публикаций из 44 932 417 (т.е. 0,06%). По поисковому запросу «ЕАЭС» можно обнаружить немного больше публикаций, а именно, 31 874 (т.е. 0,07%).

Следует отметить, что различные аспекты и особенности функционирования ЕАЭС достаточно подробно и глубоко исследованы многими экспертами. Так, Максимцев И.А., Костин К.Б., Онуфриева О.А., Кузнецов А.С. в одном из своих последних исследований подробно рассмотрели устройство, проблемы и перспективы развития ЕАЭС [1, с. 81–96]. Боркова Е.А., Плотников В.А. и др. анализируют проблемы формирования единого экономического пространства ЕАЭС [2, с. 13]. Цикл статей Миропольского Д.Ю. посвящен особенностям евразийской интеграции [3, с. 22–24; 4, с. 6–14]. Селищева Т.А. дает оценку состояния евразийской экономики с точки зрения показателей устойчивого развития ЕАЭС [5, с. 144–160]. Особенности устойчивого развития евразийских стран посвящено исследование и Дятлова С.А. [6, с. 213–222]. В отдельных публикациях рассматриваются вопросы энергетического сотрудничества стран ЕАЭС [7, с. 206–213], формирования единого финансового рынка ЕАЭС [8, с. 1251–1270], научно-технического и инновационного развития стран ЕАЭС [9, с. 235–248]. Весьма интересными представляются, на наш взгляд, научные изыскания Дудина М.Н., Усманова Д.И., которые оценивают перспективы формирования Большого евразийского партнерства с участием ЕАЭС [10, с. 183–

206]. Определению влияния антироссийских санкций на экономическую безопасность ЕАЭС посвящены научные публикации таких авторов, как Волкова А.А., Никитин Ю.А., Плотников В.А. [11, с. 294–298], Дробот Е.В., Гудович Г.К., Макаров И.Н., Бахмутская В.С. [12, с. 1671–1682], Петренко Е.С., Варламов А.В., Лещенко Ю.Г. [13, с. 1191–1210]. Что касается исследования проблем логистики, участия стран ЕАЭС в цепочках создания стоимости, то здесь можно отметить научную статью Волковой А.А., Никитина Ю.А., Плотникова В.А., посвященную оценке изменений транс-евразийской логистики в условиях антироссийских санкций [11, с. 294–298], а также работу Комова М.С., в которой автор изучает эффективность транзитного потенциала ЕАЭС [14, с. 1253–1260].

Как мы видим, вопросы участия стран ЕАЭС в РЦСС и ГЦСС исследованы явно недостаточно. Именно поэтому интерес представляет оценка эффективности участия стран ЕАЭС в глобальных цепочках создания стоимости, выявление «узких мест» и определение новых возможностей для осуществления транспортно-логистических операций.

По итогам 2022 г. взаимная торговля ЕАЭС достигла максимального значения в 80,6 млрд долл. США, что на 10,3% больше чем в 2021 г. [15]. Это своеобразный исторический рекорд. Что касается внешней торговли, то в 2022 г. на фоне антироссийских санкций и сокращения товарооборота с Россией страны Запада резко увеличили экспорт в соседние с Российской Федерацией страны ЕАЭС: Армению, Беларусь, Казахстан и Республику Кыргызстан.

Как во взаимной торговле, так и во внешней торговле ЕАЭС с третьими странами доминируют минеральные продукты, причем доля рассматриваемой группы товаров в торговле ЕАЭС с внешними партнерами значительно выше. Еще одна важнейшая группа экспортно-импортной продукции – это продовольственная группа товаров. Здесь ситуация обратная. Во взаимной торговле стран ЕАЭС доля продовольственной продукции составляет более 18%, в то время как с внешними партнерами – 10% [16].

Если проанализировать структуру экспорта стран ЕАЭС в третьи страны в 2022 г., то можно выделить отрасли, которые обладают кооперационным и экспортным потенциалом. Это металлургическая промышленность (удельный вес в экспорте из ЕАЭС в третьи страны – 43,7%), химическая промышленность (22,2%), деревообработка (9,2%) и производство изделий из бумаги (3,3%) [15].

В условиях угрозы вторичных санкций в отношении компаний из стран ЕАЭС, работающих с российскими контрагентами, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) активно работает над подготовкой новых соглашений о свободной торговле со странами, в частности с Ираном и Египтом. Также переговоры ведутся с Индонезией и ОАЭ. Еще одно перспективное направления развития внешней торговли ЕАЭС связано с пересмотром Соглашения о торговом-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. Это соглашение было подписано от 17 мая 2018 г., а вступило в силу 25 октября 2019 г. По итогам 2022 г. доля Китая в торговле стран ЕАЭС выросла более чем на 30% [15]. Действующее соглашение не

предусматривает снижение таможенных пошлин, поэтому есть серьезные основания для проведения новых переговоров.

Важнейшим вопросом для России и стран ЕАЭС является переориентация экспортных логистических цепочек. Экспертами ЕЭК был сформирован список приоритетных для сотрудничества зарубежных партнеров, так называемый «Топ-20» (табл. 3.1). Какие же страны вошли в этот список? География весьма обширна. В первой десятке потенциальных ключевых партнеров для сотрудничества с ЕАЭС находятся два крупнейших демографических гиганта – Китай и Индия, а также Египет, Вьетнам, Узбекистан, ОАЭ, Бразилия, Индонезия, Мексика, Турция. Во вторую десятку вошли в основном страны Азии, Африки и одна европейская страна. Это Азербайджан, Сербия, Израиль, Монголия, Саудовская Аравия, Таиланд, Иран, Бангладеш, Сенегал, Алжир [15].

Таблица 3.1

«Топ-20» приоритетных для сотрудничества с ЕАЭС зарубежных партнеров

Место	Страна	Место	Страна
1	Китай	11	Азербайджан
2	Индия	12	Сербия
3	Египет	13	Израиль
4	Вьетнам	14	Монголия
5	Узбекистан	15	Саудовская Аравия
6	ОАЭ	16	Таиланд
7	Бразилия	17	Иран
8	Индонезия	18	Бангладеш
9	Мексика	19	Сенегал
10	Турция	20	Алжир

Источник: составлено автором по данным [15].

Отметим, что в число топ-20 приоритетных для сотрудничества с ЕАЭС зарубежных партнеров входят четыре страны, которые планируют присоединиться в 2024 г. к БРИКС. Это Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран.

Основой международного сотрудничества и торгового взаимодействия как стран, так и корпораций является транспортно-логистическая составляющая [17, с. 17]. Однако для стран ЕАЭС в 2022–2023 гг. как никогда остро встал вопрос о необходимости формирования альтернативных транспортно-логистических коридоров и трансформации цепочек создания стоимости. Обусловлена эта ситуация началом специальной военной операции России на Украине, а также расширением антироссийских санкций со стороны недружественных стран. В данных обстоятельствах «на первый план вышла задача формирования в ЕАЭС альтернативных решений, наращивания евразийских “мощностей”» [17, с. 17].

Каким транспортно-логистическим потенциалом обладают страны ЕАЭС в настоящее время?

Прежде всего, все страны ЕАЭС имеют достаточно выгодное географическое положение, находясь на перекрестке международных транспортных коридоров:

- Армения – между Европой и Азией;
- Беларусь – находится в центре целого ряда международных транспортных коридоров, которые связывают между собой страны Западной Европы с Восточными державами, а также государства, расположенные на берегу Черноморского побережья – со странами Балтии;
- Казахстан – между Европой и Азией (прежде всего, Китаем);
- Кыргызская Республика – в центре Центральной Азии (представляет собой ключевой транзитный узел для перемещения товаров между странами Европы и Азии, граничит с Казахстаном, Китаем, Таджикистаном и Узбекистаном);
- Российская Федерация – между Европой и Азией.

На территории стран ЕАЭС используются все виды транспорта. Автомобильный транспорт является основным для всех стран ЕАЭС: Армения – 75,5% грузооборота в 2022 г. [18], Беларусь – 49,8% всех транспортно-экспедиционных услуг в 2019 г. [19], Казахстан – доля автомобильного транспорта в структуре грузоперевозок в 2022 г. составила 82,5% [20], Кыргызская Республика – доля грузов, перевезенных автотранспортом, в структуре грузоперевозок составляет 81,11% [21], Российская Федерация – доля автотранспорта в структуре грузоперевозок составляет 68,64% [17, с. 210]. Наименее развитая и востребованная отрасль во всех странах ЕАЭС – воздушный транспорт. Развитая железнодорожная сеть присутствует во всех странах ЕАЭС, кроме, Кыргызской Республики (в силу специфики горного рельефа страны).

По площади складского хозяйства лидером среди стран ЕАЭС является Казахстан (на 1 декабря 2018 г. общая площадь складского хозяйства составляла 15296,6 тыс. кв. м [22]). Таким образом, Казахстан имеет существенные возможности по предоставлению услуг хранения. На втором месте – Российская Федерация (4998,35 тыс. кв. м [22]). На последнем месте – Армения (392,708 тыс. кв. м [22]).

Для оценки эффективности участия стран в глобальных цепочках создания стоимости, а также для выявления «узких мест» и новых возможностей удобно использовать индекс эффективности логистики Всемирного банка (Logistics Performance Index, LPI) [23]. Индекс рассчитывается, начиная с 2007 г. Последняя версия датируется 2023 г. Эффективность логистики для каждой страны рассчитывается на основе данных по шести компонентам:

1. Таможня. С помощью этого компонента дается оценка эффективности процесса таможенного оформления, т.е. оценивается скорость, простота и предсказуемость таможенных и прочих формальностей, связанных с пересечением границы.

2. Инфраструктура. С помощью этого компонента оценивается качество внешнеторговой и транспортно-логистической инфраструктуры, включая железные дороги и шоссе, информационно-коммуникационные технологии и т.д.

3. Международные перевозки. Позволяет оценить простоту организации поставок, а также уровень конкурентоспособности цен.

4. Качество и компетентность логистики. Дает представление об уровне качества оказываемых транспортно-логистических услуг, включая оценку работы транспортных операторов, таможенных представителей и таможенных брокеров.

5. Отслеживание. Позволяет оценить, какие существуют возможности для отслеживания отправок.

6. Своевременность. Характеризует доставку отправок в пункт назначения в запланированные или ожидаемые сроки.

Согласно индексу эффективности логистики Всемирного банка за 2023 г., в котором представлено 139 стран, лучшим стал Сингапур (общий балл 4,3 из 5). Причем за 5 лет с момента опубликования последнего индекса в 2018 г. Сингапур обошел в рейтинге шесть развитых стран (Германию, Швецию, Бельгию, Японию, Австрию и Нидерланды). Замыкает рейтинг Афганистан (1,9 балла в 2023 г. и 1,95 балла в 2018 г.).

Страны ЕАЭС расположились следующим образом. Кыргызская Республика – на 127-м месте (2,3 балла), Армения – на 112-м места (2,5 балла), Россия – на 89-м месте (2,6 балла), Беларусь – на 86-м места (2,7 балла), Казахстан – на 82-м места (2,7 балла).

Если сравнить данные этого индекса за 2023 г. с показателями за 2018 г., то можно отметить ухудшение значений как отдельных компонентов, так и совокупного значения индекса эффективности логистики для стран ЕАЭС (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Индекс эффективности логистики Всемирного банка
(Logistics Performance Index, LPI) для стран ЕАЭС

Компонент индекса	Год	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация	Среднее значение для ЕАЭС
Общий балл эффективности логистики	2018	2,61	2,57	2,99	2,55	2,76	2,66
	2023	2,50	2,70	2,70	2,30	2,60	2,55
Таможня	2018	2,57	2,35	2,66	2,75	2,42	2,55
	2023	2,50	2,60	2,60	2,20	2,40	2,46
Инфраструктура	2018	2,48	2,44	2,55	2,38	2,78	2,53
	2023	2,60	2,70	2,50	2,40	2,70	2,58
Международные перевозки	2018	2,65	2,31	2,73	2,22	2,64	2,51
	2023	2,20	2,60	2,60	2,40	2,30	2,42
Качество и компетентность логистики	2018	2,50	2,64	2,58	2,36	2,75	2,57
	2023	2,60	2,60	2,70	2,20	2,60	2,54

Компонент индекса	Год	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация	Среднее значение для ЕАЭС
Отслеживание	2018	2,51	2,54	2,78	2,64	2,65	2,62
	2023	2,30	2,60	2,80	2,30	2,50	2,50
Своевременность	2018	2,90	3,18	3,53	2,94	3,31	3,17
	2023	2,70	3,10	2,90	2,40	2,90	2,80

Примечания: Индекс 2018 г. рассчитан для 160 стран. Индекс 2023 г. рассчитан для 139 стран. Максимальный балл равен 5.

Источник: составлено автором по данным [23].

В 2023 г. лучшими среди стран ЕАЭС по эффективности логистики стали Беларусь (2,7 балла) и Казахстан (2,7 балла), причем если Беларусь улучшила свои показатели на 0,13 балла по сравнению с данными за 2018 г. (прежде всего за счет улучшения эффективности таможенного оформления, качества инфраструктуры, организации международных перевозок и повышения возможностей отслеживания отправок), то Казахстан свои показатели ухудшил на 0,29 балла (прежде всего, за счет ухудшения значения компонента «Своевременность» на 0,63 балла). Российская Федерация в 2023 г. среди стран ЕАЭС по индексу эффективности логистики стала третьей, набрав 2,60 балла, ухудшив свои позиции по сравнению с 2018 г. и уступив Беларуси.

По данным индекса эффективности логистики Всемирного банка за 2018 г. и 2023 г. оценим эффективность логистики ЕАЭС в целом. Общий балл эффективности логистики ЕАЭС в 2023 г. составляет 2,55 из 5, что на 0,11 балла меньше чем в 2018 г. Позиции ЕАЭС в 2023 г. ухудшились по пяти компонентам из шести, а именно: по компоненту «Таможня» – на 0,09 балла, по компоненту «Международные перевозки» – на 0,09 балла, по компоненту «Качество и компетентность логистики» – на 0,03 балла, по компоненту «Отслеживание» – на 0,08 балла, по компоненту «Своевременность» произошло наибольшее ухудшение позиций – на 0,37 балла. Положительная динамика в 2023 г. отмечается только по компоненту «Инфраструктура» – на 0,05 балла.

Таким образом, можно отметить, что сильная сторона логистики, которой ЕАЭС обладал в 2018 г., а именно: своевременность доставки отправок, в 2023 г. утрачена. Следовательно, странам ЕАЭС необходимо вести работу по всем шести компонентам индекса эффективности логистики совместно.

Для повышения эффективности участия стран ЕАЭС в ГЦСС в рамках Евразийского экономического союза ведутся работы по совершенствованию качества транспортно-логистических услуг [17, с. 212, 213]. Прежде всего, можно отметить принятые и реализуемые ЕАЭС инициативы, направленные на улучшение логистической инфраструктуры, в частности, «внедрение системы «единого окна» для таможенных процедур, развитие транспортных коридоров и улучшение логистических услуг на пограничных переходах» [17, с. 213]. Еще

одна задача, стоящая перед наднациональными органами управления ЕАЭС, – это обеспечение гармонизации правил и стандартов в сфере логистики. Решение этой задачи способно облегчить перемещение товаров и повысить эффективность логистических операций стран ЕАЭС.

Какие еще проблемы в логистической сфере предстоит решить странам ЕАЭС совместно? Это «неэффективная работа логистических центров, высокие логистические издержки, малая степень автоматизации складских процессов и низкая степень использования оптимальных логистических схем. Также имеется несоответствие масштабов грузопотоков и пропускной способности объектов логистической инфраструктуры» [17, с. 213], а также неравенство экономического потенциала стран ЕАЭС и различия в их нормативно-правовой базе.

Флагманским проектом, нацеленным на повышение эффективности участия стран ЕАЭС в РЦСС и ГЦСС и способным обеспечить решение выше обозначенных задач и проблем, является запланированное к 2025 г. создание экосистемы цифровых транспортных коридоров (ЭЦТК) ЕАЭС. Создание ЭЦТК нацелено на решение следующих задач на наднациональном уровне: сведение к минимуму бумажного документооборота; упрощение доставки и декларирования грузов; повышение скорости оборачиваемости грузов; нивелирование барьеров во внешнеэкономической деятельности; повышение конкурентоспособности добросовестных перевозчиков и снижение их затрат; выявление удобных маршрутов и условий транспортировки; обеспечение возможности предварительного бронирования очереди на международных пунктах пропуска; внедрение цифровых навигационных пломб; стандартизация системы виртуального контроля товарных потоков и оптимизация функций государственного контроля.

По оценкам экспертов, совокупный экономический эффект от реализации проекта может составить более 154 млрд руб., а затраты до 2025 г. оцениваются менее чем в 10 млрд руб. [24, 25].

Цифровизация транспортных коридоров в формате создания ЭЦТК способна существенно усилить транспортно-логистический потенциал как всех стран – участниц ЕАЭС, так и конкретных участников внешнеэкономической деятельности.

Тем не менее необходимо отметить и ряд рисков данного проекта. Это, прежде всего, наличие в странах ЕАЭС множества несвязанных между собой информационных систем и транспортно-логистических платформ, в рамках которых отсутствуют единые стандарты и правила обмена информацией [17, с. 214, 215]. Кроме того, проект ЭЦТК предполагает охват различных секторов экономики всех стран участниц.

Несмотря на это, реализация проекта ЭЦТК как раз является тем самым новым вектором развития и участия стран ЕАЭС в глобальных и региональных цепочках создания стоимости.

Пандемия COVID-19, начало специальной военной операции России на Украине и беспрецедентные санкции, введенные странами Запада против России, негативно сказались на участии всех стран ЕАЭС в ГЦСС и на показателях эффективности их логистики.

Однако хотелось бы отметить и ряд позитивных моментов. Так, в рамках единого рынка ЕАЭС введены новые правила взимания таможенных платежей, ускорено помещение товаров под таможенные процедуры, упрощены правила перевозки товаров внутри ЕАЭС и одновременно приняты меры для улучшения контроля за грузоперевозками и борьбы с нелегальным перемещением товаров путем создания системы отслеживания грузоперевозок на всей территории ЕАЭС, проводятся «работы по модернизации транспортной инфраструктуры, строительству автомобильных и железных дорог, мостов и портов, что также способствует развитию логистической инфраструктуры» [17, с. 215].

Итак, в заключении обозначим «новые векторы» международного сотрудничества стран ЕАЭС:

во-первых, следует ожидать подписания новых соглашений о свободной торговле с такими странами, как Иран, Египет, а в перспективе – Индонезия и ОАЭ;

во-вторых, расширение взаимодействия стран ЕАЭС с Китаем (как с технологическим лидером, а также как с основным торговым партнером). Возможно, в результате пересмотра соглашения с Китаем можно будет говорить о снижении тарифных барьеров для стран – участниц соглашения;

в-третьих, переориентация экспортных цепочек создания стоимости в сторону приоритетных для внешнеэкономического сотрудничества зарубежных партнеров ЕАЭС;

в-четвертых, использование перспектив расширения БРИКС (с 1 января 2024 г. в состав БРИКС могут войти Аргентина, Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия);

в-пятых, уменьшение нетарифных барьеров в рамках взаимной торговли стран ЕАЭС;

в-шестых, в целях обеспечения продовольственной безопасности стран ЕАЭС необходимо продолжать наращивать объемы взаимной торговли товарами продовольственной группы;

в-седьмых, реализация инициатив по улучшению логистической инфраструктуры ЕАЭС, внедрение системы «единого окна» для таможенных процедур, развитие системы транспортных коридоров и повышение качества оказываемых логистических услуг на пограничных переходах, гармонизация правил и стандартов, связанных с логистикой [17, с. 212–215];

в-восьмых, использование преимуществ кооперационного и экспортного потенциала в торговле металлургической продукцией, минеральными продуктами, а также продукцией деревообработки и изделиями из бумаги.

Литература

1. Максимцев И.А., Костин К.Б., Онуфриева О.А., Кузнецов А.С. Евразийский экономический союз: устройство, проблемы и перспективы развития // Экономика Центральной Азии. – 2023. – Том 7. – № 2. – С. 81–96.
2. Боркова Е.А., Плотников В.А., Пролубников А.В., Титов А.Б. Пространственно-экономические трансформации и проблемы формирования единого экономического пространства (на материалах Евразийского Экономического Союза) // Российский экономический интернет-журнал. – 2019. – № 1. – С. 13.

3. Миропольский Д.Ю. Евразийская политическая экономия и инновационное развитие ЕАЭС // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4(64). – С. 22–24.
4. Миропольский Д.Ю., Гаврилова Р.А. Евразийская интеграция и развитие производительных сил // Проблемы современной экономики. – 2021. – № 2(78). – С. 6–14.
5. Селищева Т.А. Проблемы устойчивого развития экономик стран – членов Евразийского экономического союза // Формирование модели устойчивого развития Евразийского экономического союза : Монография / Под редакцией Т.А. Селищевой. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 144–160.
6. Дятлов С.А. Институты устойчивого развития в евразийских странах // Формирование модели устойчивого развития Евразийского экономического союза : Монография / Под редакцией Т.А. Селищевой. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 213–222.
7. Дятлов С.А. Энергетическое сотрудничество стран – членов ЕАЭС как фактор устойчивого развития и энергетической // Формирование модели устойчивого развития Евразийского экономического союза : Монография / Под редакцией Т.А. Селищевой. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. – С. 206–213.
8. Морозов С.А. Перспективы реализации концепции единого финансового рынка Евразийского экономического союза // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 1251–1270.
9. Захарова В.В. Оценка уровня научно-технического и инновационного развития стран – членов Евразийского экономического союза // Экономические отношения. – 2022. – Том 12. – № 2. – С. 235–248.
10. Дудин М.Н., Усманов Д.И. Перспективы интеграции Большого евразийского партнерства в глобальную экономику и связанные с этим вызовы // Экономика Центральной Азии. – 2022. – Том 6. – № 3. – С. 183–206.
11. Волкова А.А., Никитин Ю.А., Плотноков В.А. Антироссийские санкции и изменения транс-евразийской логистики // Проблемы экономики и юридической практики. – 2022. – Т. 18, № 6. – С. 294–298.
12. Дробот Е.В., Гудович Г.К., Макаров И.Н., Бахмутская В.С. Экономическая безопасность России и Евразийского экономического союза в условиях санкций // Экономические отношения. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 1671–1682.
13. Петренко Е.С., Варламов А.В., Лещенко Ю.Г. Экономическая безопасность России в процессе интеграции в Евразийский экономический союз // Экономические отношения. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 1191–1210.
14. Комов М.С. Транзитный потенциал Евразийского экономического союза: оценка эффективности использования // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 2. – С. 1253–1260.
15. Как страны ЕАЭС поставили рекорд в торговле на фоне санкций // Пех новости, 10.03.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilex.by/kak-strany-eaes-postavili-rekord-v-torgovle-na-fone-sanktsij/> (дата обращения 01.09.2023).
16. ЕАЭС – Торговля товарами. [Электронный ресурс]. URL: https://eaeu.economy.gov.ru/trade_in_goods (дата обращения 01.09.2023).
17. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2023 : междунар. докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / М.К. Глазатова (рук. авт. кол.), С.С. Аветисян, Д.А. Алешин и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 306 с.
18. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе – декабре 2022 года // Статистический комитет Республики Армения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=2547> (дата обращения 01.09.2023).
19. Официальная статистика по логистической деятельности в Беларуси (итоги 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://infotrans.by/2020/05/08/oflcialnaya-statistika-pologisticheskoy-deyatelnostiv-belarusi-itogi-2019/> (дата обращения 01.09.2023).

20. Статистика по всем видам транспорта за 12 месяцев 2022 г. // KAZLOGISTICS. Союз транспортников Казахстана. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kazlogistics.kz/ru/library/statistics/29> (дата обращения 01.09.2023).
21. О выполнении работ всеми видами транспорта и объемах услуг почтовой и курьерской деятельности, услуг связи в 2022 г. // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/download/operational/1607/> (дата обращения 01.09.2023).
22. Анализ состояния, динамики и тенденций развития таможенной инфраструктуры в местах перемещения товаров через таможенную границу стран Евразийского экономического союза. Аналитический обзор. 2018 г. // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/da4/InfoMat_EAEU_CID_20180101.pdf (дата обращения 01.09.2023).
23. Logistics Performance Index (LPI). The World Bank Group. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://lpi.worldbank.org/index.php/international/scorecard> (дата обращения 01.09.2023).
24. Алексеева Е.В., Трутнева Н.Ю., Кучерявенко А.К. Транспортно-логистическое сотрудничество в ЕАЭС: условия и перспективы // Естественно-гуманитарные исследования. – 2021. – № 6 (38). – С. 39–45.
25. Квитко Ю. К 2025 году в ЕАЭС создадут систему цифровых транспортных коридоров // Российская газета. Спецвыпуск: Транспортная инфраструктура. – 2020. – № 259(8313). [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/11/17/k-2025-godu-v-eaes-sozdadut-sistemu-cifrovyyh-transportnyh-koridorov.html> (дата обращения 01.09.2023).

3.2. «Зеленые» сукук как инструмент финансирования по ESG принципам

Условия пандемии, глобальной нестабильности и обострения отношений со странами Запада наглядно показали, что конкуренция и стремление максимизировать прибыль как столпы экономики хороши и эффективны только в «стабильное» время. Сейчас же на первое место выходят сотрудничество, взаимопомощь, общественная значимость и социальная ответственность. В кризисных условиях в основу экономики должно быть заложено «сотрудничество» вместо «конкуренции» и «социальная ответственность» вместо «максимизации прибыли». Поэтому все чаще в средствах массовой информации, научно-образовательных кругах и даже в среде крупного бизнеса мелькают термины «зеленая» экономика, «зеленые» инвестиции, «зеленые» облигации, «зеленые» акции, «зеленый» банкинг, «зеленое» финансирование, «зеленые» проекты, «зеленые» бизнес-структуры и т.д. Появление данных терминов связано с целенаправленным внедрением в экономику развитых стран направления «устойчивого» развития, введенного Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию в 1983 г.

В России «устойчивое» развитие имеет множество ключевых направлений. Однако в последнее время наиболее актуальными в связи с антироссийскими санкциями становятся именно «зеленые» инвестиции (ESG-принципы), поскольку они по своей экономической сущности близки к идеям партнерского (исламского) финансирования. ESG принципы (Environmental, Social, Governance) principles — принципы деятельности компании, основан-

ные на защите окружающей среды, создание благоприятных социальных условий, добросовестном отношении с сотрудниками и клиентами и надлежащем корпоративном управлении. Принципы «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) определены и опубликованы на сайте Международной ассоциации рынков капитала (ICMA)³. Принципы партнерского (исламского) финансирования разработаны и опубликованы ААОИФИ⁴ – Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions, которая является международной некоммерческой организацией, которая занимается разработкой стандартов учета и отчетности, аудита, корпоративного управления и профессиональной этики для исламских финансовых организаций, следующих принципам и правилам Шариата.

Сравнение принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования представлено в таблице 1. По данным таблицы 1 можно сделать вывод о том, что и «зеленые» инвестиции и партнерское (исламское) финансирование на первое место ставят вопросы ответственного развития, прозрачности, использования инвестиций для сфер, важных обществу. Социальная ориентированность «зеленого» и партнерского (исламского) финансирования очень близка друг другу. Также «зеленые» инвестиции и партнерское (исламское) финансирование имеют еще одно общее направление – забота об окружающей среде.

Сравнение принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования привело нас к выводу о необходимости включить в принципы «зеленых» инвестиций принцип о разделении рисков. Данный пункт представляется нам особенно важным, поскольку развитие «зеленых» инвестиций сопряжено с социальной ответственностью, а значит, успешное развитие данных проектов будет способствовать не только росту благосостояния занимающихся такими проектами организаций, но и в целом, росту качества жизни населения.

Кроме того, по данным таблицы 3.3 можно сделать вывод о идеологической близости принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования, поэтому не удивительным является факт появления «зеленых» инструментов партнерского (исламского) финансирования. Примером такого инструмента являются «зеленые» сукук.

Данное понятие возникло в 2017 г., когда Индонезия продала государственный пятилетний «зеленый» сукук по климатическим проектам стоимостью 1,25 млрд долл. Подробности данного выпуска описаны в статье Бабенкова С.Ю. [1]. Ученые и практики уделили данному экономическому явлению чрезвычайно высокое внимание и определили его как новое направление на рынке инвестирования, обозначив термином «зеленые» сукук.

---

³ <https://www.icmagroup.org/assets/documents/Sustainable-finance/2021-updates/Green-Bond-Principles-June-2021-140621.pdf>.

⁴ <https://aaoifi.com>.

Сравнение принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования⁵

Принципы «зеленых» инвестиций (ESG-принципы)	Принципы партнерского (исламского) финансирования	Комментарий
Доход направляется исключительно на финансирование или рефинансирование (полное или частичное) новых и/или существующих «зеленых» проектов	Доход можно получать от ведения законной деятельности и инвестиций в реальные активы. (Получение дохода за счёт прироста денег явным образом запрещено.)	Оба сравниваемых принципа содержат ограничения в части использования дохода. Ограничения строже по принципам партнерского (исламского) финансирования
Инвестиции должны приносить экологическую пользу, подлежащую оценке эмитентом, в том числе, если возможно, с точки зрения количественных характеристик	Инвестиции должны приносить не только финансовый доход, но также пользу для общества в целом с социальной и этической точки зрения. •.	Оба сравниваемых принципа содержат обязательное требование пользы для общества: экологической и социальной соответственно
Нет	Риски следует разделять	Предлагаем включить в принципы «зеленых» инвестиций принцип о разделении рисков
Соответствие критериям «зеленых» проектов	Следует избегать всех запретных действий	Оба сравниваемых принципа содержат ограничения в части соответствия критериям, связанным с видом деятельности.
Оценка качества «зеленого» проекта с точки зрения пользы для экологии	Шариатский совет оценивает соответствие деятельности принципам и правилам шариата	Оба сравниваемых принципа содержат обязательное требование к наличию внешнего и внутреннего контроля за соответствующей деятельностью

Так о сущности и экономическом содержании «зеленых» сукук пишет в своих трудах Амин Э. [2].

Понятие о «зеленых» сукук, история его становления и развития, как финансового инструмента в странах с исламской экономикой подробно рассматривается в трудах Shaikhutdinova A.K., Pralieva S.Zh., Zabolotnikova V.D., Kudyrbayeva Sh.D. [3]. Опыт применения «зеленых» сукук в странах с традици-

⁵ Составлено автором.

онной экономической системой рассмотрен в статьях Маргацкой Г.С., Маргацкого Р.В., Шайхутдинова А.К. [4]. Проблемы и возможности применения сукук в России нашли отражение в исследованиях Бурмистрова Л.А., Токун Л.В., Аль-Аззави А.А.Х. [5]. Международное сотрудничество в части выпуска «зеленых» сукук как банковского инструмента исследовано в статье Алискерова М.С. [6]. Особенности учета сукук посвящены труды Умарова Х.С. [7, 8], Харисовой Ф.И. [9, 10, 11] и Дерзаевой Г.Г. [12, 13].

О «зеленых» сукук пишут не только ученые, но и практики. Так на международном экономическом форуме «Россия – Исламский мир: KazanForum»⁶ в 2023 году обсуждались вопросы объединения ESG-принципов и исламского финансирования. По словам председатель Наблюдательного совета Московской биржи Сергея Швецова, развивать и продвигать ESG и исламское финансирование лучше всего вместе и на одной платформе. По его мнению, такой площадкой могли бы стать цифровые финансовые активы. «ESG-финансирование и исламское финансирование прекрасно дополняют друг друга. Когда мы говорим об их синергии, то видим необходимость развивать оба направления», – согласна старший вице-президент Сбербанка Татьяна Завьялова. На наш взгляд, именно «зеленые» сукук и станут инструментом такого объединения ESG-финансирования и исламского финансирования.

Таким образом, на основе исследования трудов вышеприведенных авторов можно сделать ряд выводов:

- «зеленые» сукук становятся одним из наиболее востребованных инструментов привлечения инвестиций в сфере «устойчивого» развития. В условиях пандемии, глобальной нестабильности и роста экологических проблем во всем мире интерес к «зеленым» сукук возрастает с каждым днем;

- несмотря на наличие определенного количества научных исследований в области «зеленых» сукук, их явно недостаточно;

- наиболее дискуссионным моментов в отношении «зеленых» сукук остается вопрос о проблемах и возможностях его практического использования в России как стране с традиционной экономической системой;

- в исследованиях современных ученых отсутствуют публикации на русском языке о сравнительной оценке выпуска «зеленых» сукук в мире и использования «зеленых» сукук как альтернативного источника привлечения инвестиций в условиях глобальной нестабильности.

Целью исследования является проведение всестороннего анализа «зеленых» сукук для использования их как альтернативного источника привлечения инвестиций в условиях глобальной нестабильности и экологических проблем.

Для достижения данной цели в исследовании поставлены и решены следующие задачи: исследовать понятие «зеленых» сукук в современном мире; провести сравнительную характеристику выпуска «зеленых» сукук в мире в различные периоды в зависимости от глобальных экономических процессов.

---

⁶ <https://kazanforum.ru>.

Для решения поставленных задач применим следующие методы. Метод анализа научной литературы для изучения современного состояния научной проблемы исследования. Метод анализа нормативно-правовой базы, сравнительного анализа и логического обоснования при сравнении принципов «зеленых» инвестиций и партнерского (исламского) финансирования. Методы мониторинга и статистического анализа при изучении выпуска «зеленых» сукук в мире в различные периоды в зависимости от глобальных экономических процессов.

Сукук, в переводе с арабского, документ, расписка, чек, сертификат, платежное поручение. Основное определение сукук дано ААОИФІ как «сертификаты, имеющие одинаковую номинальную стоимость и после их размещения обозначающие титул (их владельца) на долю и права, вытекающие из права собственности на материальные объекты, услуги или право участия в каком-либо проекте или инвестиционной деятельности». Соответственно, если говорить о «зеленых» сукук, то переложив определение ААОИФІ на принципы «зеленого» инвестирования получим следующее определение: «зеленые» сукук – это сертификаты, имеющие одинаковую номинальную стоимость и после их размещения обозначающие владельца на долю и права, вытекающие из права собственности на право участия в экологическом проекте. Однако многие современные ученые определяют «зеленые» сукук по-своему в целях проводимого ими исследования. Подходы к определению «зеленых» сукук современными учеными даны в таблице 2.

Согласно данным таблицы 3.4 можно сделать вывод о том, что большинство авторов, говоря о «зеленых» сукук, подразумевают под ним один из видов финансового инструмента исламской экономической системы, закрепляющий права на «зеленые» активы, право участия в «зеленых» проектах или «зеленых» инвестициях. Однако этот подход сугубо с западной точки зрения. Нами же предлагается определять «зеленые» сукук в соответствии с подходом, использованным нами в нашей монографии «Актуальные методы формирования, анализа и контроля отчетности системообразующих корпоративных структур» [10].

Таблица 3.4

Подходы к определению «зеленых» сукук современными учеными

Авторы	Определение «зеленых» сукук	Комментарий
Ali M. [15]	Долевой финансовый инструмент, выпущенный согласно нормам шариата, направленный на финансирование «зеленых» проектов	Не отражает инвестиционный характер сукук
Arshad S. [16]	Сертификат долевого участия в «зеленом» проекте в исламской экономике	Много инструментов попадают под это определение
Billah M.M. [17]	Задокументированное право держателей на определенный «зеленый» актив по исламским принципам	Не отражает права держателей на долю прибыли
Shaikhutdinova A.K. [3]	Ценные бумаги, построенные на исламских принципах, направленные на финансирование «зеленых» проектов	Не отражается особенность сукук

Авторы	Определение «зеленых» сукук	Комментарий
Амин Э. [2]	Альтернативная форма привлечения инвестиций в «зеленую» экономику	Много инструментов попадают под это определение
Бабенкова С.Ю. [1]	Инструментарий хеджирования «зеленых» активов на финансовых рынках арабских стран	Ограничивается арабскими странами
Беккин Р.И. [18]	Инвестиционные инструменты, размещающие средства через сертификаты, которые подтверждают владение «зеленым» проектом на основе равного долевого участия, зарегистрированного на имя собственника, в качестве совладельцев акций венчурного капитала или любым другом виде, пропорционально доле каждого в ней	Очень подробное самое первое определение, дано в феврале 1988 года
Далал А. [19]	Сертификаты равной ценности, представляющие собой неделимые доли собственности на материальные «зеленые» активы, узуфрукты и услуги, или активы определённых проектов, или особую инвестиционную деятельность	Определение шариатского стандарта № 17 по «Инвестиционному сукук» [20]
Киселев В.В. [14]	Исламские облигации, выпущенные для финансирования проектов, решающих экологические проблемы общества	Не верное определение

Здесь мы предлагаем следующее определение: сукук – это гибрид долевого и долгового ценных бумаг, который удостоверяет долю в активах, генерирующих доход, и дает право на получение части прибыли, которую приносят эти активы в соответствии с исламскими экономическими принципами. Поэтому, перекладывая ESG-финансирование на «зеленые» сукук, мы предлагаем определять «зеленые» сукук как гибрид долевого и долгового ценных бумаг, который удостоверяет долю в «зеленых» активах, генерирующих доход, и дает право на получение части прибыли, которую приносят эти активы в соответствии с исламскими экономическими принципами и принципами ESG-финансирования.

В дополненном нами определении подчеркивается сущностная характеристика «зеленых» сукук, как финансового инструмента, который может выпускаться и обращаться только в соответствии с исламскими экономическими принципами и принципами ESG-финансирования. Идеологическое единство принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования доказывалось выше в таблице 3.3.

Практический пример в области возможного зеленого исламского финансирования в России. Крупные города, решая проблемы перехода на электротранспорт, могут частично финансировать эти программы за счет займов, деньги от которых идут на закупку экологичного транспорта. Если бы приобретатели займа получали доход не в виде процента от размещения бумаг, а в иной, одобряемой шариатом форме, то эти облигации были бы интересны не только тем, кто поддерживает экологические инициативы, но и мусульманам.

Согласно отчета о комплексном изучении мирового рынка сукук, ежегодно подготавливаемом InternationalIslamicFinancialMarket и публикуемом на сайте <https://iifm.co.in/> Индонезия стала первым в мире эмитентом государственных «зеленых» сукук, получившей 7 мировых наград за «зеленый» сукук и 44 международные награды за государственные «зеленые» сукук. В 2018 г. было выпущено государственных мировых «зеленых» сукук на сумму 1,25 млрд долл. США, и правительство продолжит выпуск «зеленых» сукук на мировом рынке сукук ежегодно до 2025 г. Внутренний «зеленый» сукук был первым выпущен в 2019 г. для розничных инвесторов через интернет-платформу. Транш GreenSukuk со сроком погашения 30 лет является четвертым в мире GreenSukuk, выпущенным в рамках Green Бонд и Сукук Фреймворк. Между тем, на внутреннем рынке RetailGreenSukuk был выпущен в четвертом квартале 2021 года через ST008 – серия Сберегательный сукук. Весь выпуск ST008 составил 5 трлн индонезийских рупий, в нем участвуют 14 337 инвесторов.

Из-за высокогоспроса, национальная цель была достигнута всего за два дня до истечения периода предложения. Вырученные средства будут использованы для финансирования экологически безопасных инициатив, включая рефинансирование и новое финансирование. GlobalGreenSukuk и ST008 являются проявлением приверженности правительства и помощи развитию исламского финансового сектора, а также помощью в смягчении последствий изменения климата.

Рассмотренный пример Индонезии о выпуске «зеленых» сукук позволяет сделать вывод о перспективности развития данного направления финансирования.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проведенное методом сравнительного анализа и логического обоснования сравнение принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования привело к тезису о необходимости включить в принципы «зеленых» инвестиций принцип о разделении рисков. Такой подход позволяет сделать вывод об идеологической близости принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования, поэтому не удивительным является факт появления «зеленых» инструментов партнерского (исламского) финансирования. Примером такого инструмента являются «зеленые» сукук.

2. Проведенное методом анализа научной литературы изучение современного состояния научной проблемы исследования позволило сделать выводы о том, что «зеленые» сукук становятся одним из наиболее востребованных инструментов привлечения инвестиций в сфере «устойчивого» развития. Несмотря на наличие определенного количества научных исследований в области «зеленых» сукук, их явно недостаточно. А также, что наиболее дискуссионным моментов в отношении «зеленых» сукук остается вопрос о проблемах и возможностях его практического использования в России как стране с традиционной экономической системой.

3. Исследование понятия «зеленых» сукук в современном мире позволило предложить новое определение «зеленых» сукук как гибрид долевого и долгового ценных бумаг, который удостоверяет долю в «зеленых» активах, генерирующих доход, и дает право на получение части прибыли, которую приносят эти активы в соответствии с исламскими экономическими принципами и принципами ESG-финансирования. Данное определение подчеркивает идеологическое единство принципов «зеленых» инвестиций (ESG-принципы) и партнерского (исламского) финансирования.

4. Рассмотренный пример Индонезии о выпуске «зеленых» сукук позволяет сделать вывод о перспективности развития данного направления финансирования.

Литература

1. Бабенкова С.Ю. "Зеленый" сукук как инструментальный хеджирования активов на финансовых рынках арабских стран // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 22. С. 58-77.
2. Амин Э. «Зеленый» сукук и план «зеленого» Марокко // В сборнике: Потенциал "зеленой" экономики и сельского туризма: перспективы устойчивого развития регионов. Материалы Международной научно-практической конференции. Белгород, 2021. С. 23-51.
3. Shaikhutdinova A.K., Praliev S.Zh., Zabolotnikova V.D., Kudrybayeva Sh.D. Islamic capital market: global development and trends // Вестник университета Туран. 2019. № 4 (84). С. 144-148.
4. Маргацкая Г.С., Маргацкий Р.В., Шайхутдинова А.К. Инновационные тренды использования инструментов "зеленых" финансов в Казахстане // Вестник университета Туран. 2020. № 1 (85). С. 153-157.
5. Бурмистрова Л.А., Токун Л.В., Аль-Аззави А.А.Х. Финансовые инструменты "зеленой экономики" и финансы исламских стран в условиях мирового энергетического кризиса // Экономика и предпринимательство. 2022. № 11 (148). С. 86-89.
6. Алискеров М.С. Диверсификация форм международного сотрудничества арабских исламских банков при эмиссии сукук // Вестник университета. 2018. № 7. С. 123-128.
7. Umarov H.S. Islamic (partner) accounting and its comparison with international financial accounting standards (IFRS) / E.Y. Voronova, H.S. Umarov // Universal Journal of Accounting and Finance. – 2021. – №9 (2). – P.267-274
8. Харисова Ф.И., Дерзаева Г.Г., Умаров Х.С. Кодекс этики профессионалов по исламским финансам (AAOIFI). Учебное пособие // ООО «Амирит», Казань, 2022, 158 с.
9. Харисова Ф.И., Дерзаева Г.Г. Формирование информации об операциях с сукук в России // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития : материалы XVII международной научной конференции. 21 октября 2022 г. Санкт-Петербург. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С.71-78
10. Актуальные методы формирования, анализа и контроля отчетности системообразующих корпоративных структур : монография / И.Н. Богатая, Г.Г. Дерзаева, И.Н. Дерновская [и др.] ; под общ. ред. Н.А. Каморджановой. — Москва : Русайнс, 2022. — 279 с.
11. Kharisova F.I., Derzayeva G.G., Sirazeeva A.F. Comparative characteristics of AAOIFI and IASB conceptual frameworks for financial reporting // BiLD Law Journal, 7(4s), 2023. Pp 330–337.
12. Харисова Ф.И., Дерзаева Г.Г., Харисов И.К., Умаров Х.С. Стандарты аудита исламских финансовых учреждений и Кодекс этики для специалистов по исламским финансам (AAOIFI — AAOIFI) : учебное пособие / Ф.И. Харисова, Г.Г. Дерзаева, И.К. Харисов, Х.С. Умаров. — Москва : ИНФРА-М, 2023. — 217 с.
13. Харисова Ф.И., Дерзаева Г.Г., Исхакова Г.М., Сабирова А.И. Обзор стандартов AAOIFI по управлению исламскими финансовыми учреждениями (№ 1 – № 14): учеб. пособие / Ф.И. Харисова, Г.Г. Дерзаева, Г.М. Исхакова, А.И. Сабирова. – Казань, Саратов: Амирит, 2023. – 396 с.

14. Бабенкова С.Ю., Киселев В.В. Рынок Сукук как секьюритизация финансовых активов в посткризисном пространстве // Ученые записки Российской академии предпринимательства. Научно-практическое издание. Т. 16, №4. — М.: Российская академия предпринимательства; Агентство печати «Наука и образование», 2017.
15. Ali, M. Impact of Islamic Banking on Economic Growth and Volatility: Evidence from the OIC Member Countries / M. Ali, W. Azmi // Islamic Banking. Growth, Stability and Inclusion / N. Alam, S.A.R. Riziv eds. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 15-32.
16. Arshad, S. Stock Markets in Islamic Countries. An Inquiry into Volatility, Efficiency and Integration. – N.Y.: Springer, 2017. –XIV, 127 p.
17. Billah, M. M. Islamic Financial Planning Towards Sustainable Eco-Growth / M.M. Billah, B. Saiti // Islamic Economies. Stability, Markets and Endowments / N. Alam, S.A.R. Rizvi Eds. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 9–27.
18. Беккин, Р. И. Исламское финансовое право и его роль в регулировании исламских финансов // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2013. – № 3-2. – С. 134-144.
19. Далал, А. Факторы формирования цены сукук: эконометрический анализ // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 4. – С. 25-31.
20. Официальный сайт ААОИФИ [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://aaofifi.com/announcement/aaofifi-publishes-exposure-draft-on-internal-shariah-audit-and-invites-opinion-from-islamic-finance-industry/?lang=en>.

3.3. Модель “новой занятости” в условиях цифровизации экономики Китая

С позиции политико-экономического подхода ускоряющийся процесс изменения производительных сил на основе внедрения систематически обновляющихся цифровых технологий обуславливает институциональную трансформацию экономики в цифровую. Цифровая экономика – это форма организации экономической деятельности людей, основанная на цифровых и электронных технологиях и непосредственно реализуемая через электронную коммерцию, облачные технологии, цифровые платформы и сетевой бизнес [1, с. 190]. Цифровая экономика имеет ряд отличительных особенностей по сравнению с традиционной экономикой:

1. Цифровая экономика характеризуется высокой степенью информатизации. Благодаря цифровым технологиям и Интернету генерируются, собираются, хранятся и анализируются большие объемы данных, обеспечивающие всестороннюю информатизацию экономико-производственных процессов.

2. Цифровая экономика отличается высокой степенью оцифровки и интеллектуализации. Благодаря Интернету вещей (IoT), искусственному интеллекту и другим технологическим средствам реализована взаимосвязь между оборудованием, продуктами и услугами, что позволило повысить эффективность и качество производства и обслуживания.

3. Цифровая экономика персонализирована. Благодаря цифровой экономике стало возможным удовлетворение требований и нужд не среднестатистического потребителя, а каждого конкретного клиента с учетом особенностей запросов.

4. Цифровая экономика обладает мощным инновационным потенциалом и движущей силой. Инновации и применение цифровых технологий не только изменили способ производства и режим работы экономики, но и породили множество новых форматов и бизнес-моделей. Появление Интернета, экономики совместного пользования, онлайн-образования и других форм разрушило барьеры традиционных отраслей и предоставило предпринимателям и инноваторам широкий простор для развития.

Цифровая экономика Китая уже прошла ряд этапов своей эволюции. Уже в 1980-х гг. правительство Китая, признавая значимость развития информационно-коммуникационных технологий, начало разрабатывать соответствующую политику в области их стратегирования (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Эволюция концепции цифровой экономики

Год	Концепция	Содержание
1994	Экономика в эпоху данных	Цифровая экономика способствует и облегчает развитие человека, постепенно переходя от первоначальной атомарной обработки к обработке информации.
1996	Цифровоевыживание	Цифровая экономика – это новый образ жизни людей, опирающийся на информационные технологии, при этом цифровые технологии становятся новым фактором производительности, изменяют конфигурацию производственных отношений и осуществляют комплексную цифровую трансформацию экономической деятельности.
2009	Цифровая экономика Китая: путь вперед	Цифровая экономика базируется на таких информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ), как Интернет и мобильная телефония, которые обеспечивают глобальное объединение экономик и обществ.
2016	Индекс цифровой экономики и общества 2016	Цифровая экономика представляет собой четкое статистическое описание использования широкополосной связи, человеческого капитала, использования индекса интернет-гражданства, интеграции компаний, работающих в сфере цифровых технологий, и электронных государственных услуг.
2016	Инициатива G20 по развитию цифровых технологий и сотрудничеству	Цифровые знания и информация как основные факторы производства в цифровой экономике, а современные информационные сети как носитель информации, эффективное использование ИКТ технологий в целях повышения эффективности и оптимизации экономической структуры являются важной движущей силой целого ряда видов экономической деятельности.
2020	Основные положения четырнадцатого пятилетнего плана экономического и социального развития страны и концепция 2035г.	5G, интеллектуальный транспорт, интеллектуальная логистика, интеллектуальное здравоохранение и сельское хозяйство, интеллектуальные города и т.д.

Год	Концепция	Содержание
2021	Постоянное расширение и укрепление цифровой экономики Китая (Си Цзиньпин)	Исследование основных технологий, продвижение новой инфраструктуры и развитие цифровой индустрии.
2022	Отчет о развитии цифровой экономики	Исследование основных технологий, создание цифровой инфраструктуры, инновации и развитие цифровой индустрии, цифровая трансформация промышленности, международное сотрудничество в области цифровой экономики.

Согласно данным доклада WhitePaper “China's Digital Economy in 2023” Китайского института информационно-коммуникационных технологий, масштаб добавленной стоимости цифровой экономики Китая вырос с 2,6161 трлн. юаней в 2005 г. до 50,2 трлн. юаней в 2022 г. (рис. 3.1), причем рост за год составил 10,3%, что значительно превышает темпы роста ВВП за тот же период в течение предыдущих 11 лет, а доля цифровой экономики в ВВП выросла до 41,5%, что эквивалентно доле вторичной промышленности в национальной экономике [2]. В 2022 г. в Китае достигнуты успехи в области профилактики и борьбы с эпидемиями, улучшены условия для экономического развития, а рост ВВП по сравнению с 2021 г. составил около 5,5% [3].

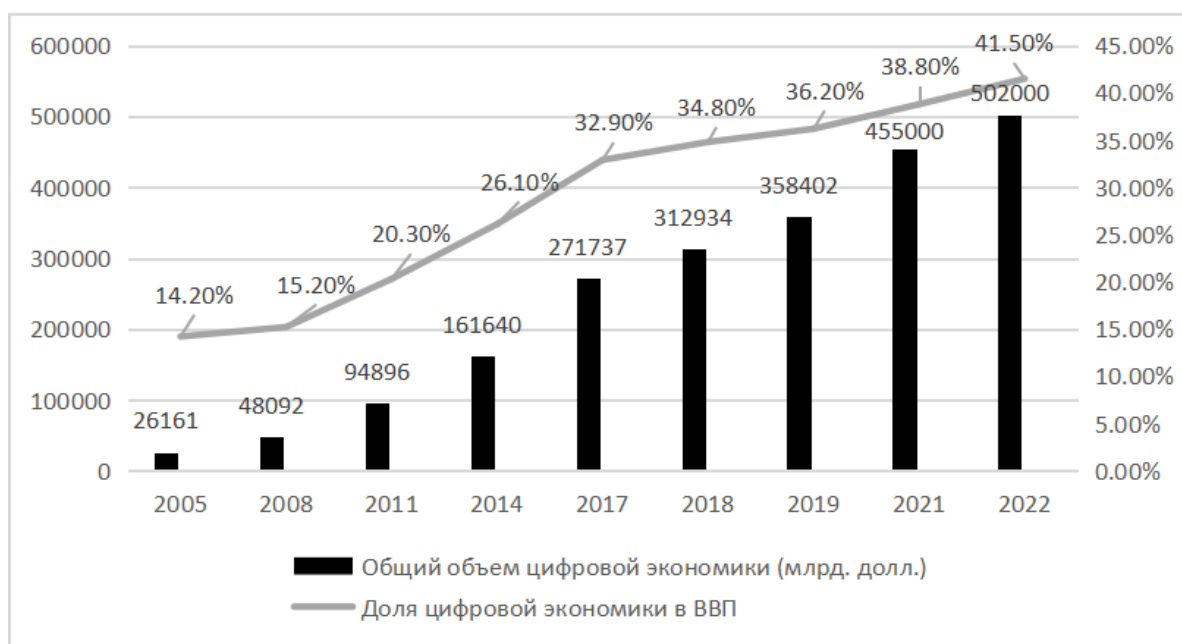

Рис. 3.1. Общий объем цифровой экономики Китая и ее доля в ВВП, 2005–2022 гг. [2]

На этом фоне цифровая экономика Китая сохраняет высокие темпы роста: ее объем увеличился на 10,3% и в 2022 г. достиг 50,2 трлн. юаней (около 7,25 трлн. долл. США) [4]. С 2012 г. темпы роста цифровой экономики Китая

значительно превышают темпы роста ВВП уже 11 лет подряд, и цифровая экономика продолжает играть роль экономического драйвера.

При этом, годовой анализ показывает, что в 2022 г. объем цифровой индустриализации в Китае достиг 9,2 трлн юаней, а объем цифровой индустриализации промышленности – 41 трлн юаней, что составило соответственно 18,3% и 81,7% от объема цифровой экономики [2]. В 2016–2022 гг. уровни проникновения цифровой экономики в три в три, две и одну отрасли экономики Китая составили 44,7%, 24,0% и 10,5% соответственно, увеличившись на 1,6%, 1,2% и 0,4% пункта по сравнению с 2021 г., а разрыв между ростом уровня проникновения во вторичные и третичные отрасли еще более сократился, сформировав модель развития, обусловленную цифровизацией сферы услуг и промышленности одновременно [2].

Таким образом, развитие цифровой экономики Китая эволюционировало от зарождения до взрывного роста и проникновения как в промышленность, так и в сферу услуг. Благодаря долгосрочной стратегии правительства Китая цифровая экономика достигла достаточно высокого уровня зрелости, играя важную роль не только в стимулировании экономического роста, но и предоставляя возможности для формирования новых моделей занятости.

Модель "новой занятости" трактуется как новые и возникающие в процессе цифровизации экономики формы и модели, обладающие уникальными характеристиками в различных отраслях и секторах экономики. Во-первых, формирование "новой занятости" в основном связано с появлением ее гибких форм, включая фрилансинг занятость, занятость на онлайн-платформах и экономику совместного пользования. Общими чертами этих форм являются гибкость трудовой деятельности, постановка многообразных задач и возможность присоединиться или уйти в любой момент. Во-вторых, одной из особенностей модели "новой занятости" является то, что благодаря использованию цифровых технологий она позволяет детерриториализовать труд, сделать его неопосредованным и в полной мере использовать способности человека. Наконец, для модели "новой занятости" также характерно поощрение диверсифицированных форм занятости и стилей работы: например, люди могут продавать свою продукцию через Интернет, участвовать в онлайн-образовательных платформах для обмена знаниями или присоединяться к платформам *sharingeconomy*, становясь курьерами или водителями такси.

Кроме того, модели "новой занятости" обладает тремя уникальными преимуществами перед традиционной в плане содействия занятости в условиях эпидемии. Во-первых, она позволяет использовать сетевую информацию для преодоления проблемы информационной асимметрии на товарном рынке, задействовать более индивидуализированный спрос и увеличить общий объем экономической активности на рынке. Во-вторых, ниже порог занятости и меньше постоянные затраты на открытие бизнеса. Он более гибок в отношении рабочего времени, места и содержания работы и из традиционных трудовых отношений перешел в состояние развития, в котором растет доля самозанятости, сотрудничества на платформе или других трудовых от-

ношений. В-третьих, в процессе функционирования рынка труда новая модель занятости имеет более высокую эффективность поиска по сравнению с традиционной моделью занятости, а способ предложения факторов производства перешел от однократного и непосредственного предоставления работниками факторов труда к одновременному предоставлению факторов капитала и человеческого капитала, что способствовало увеличению числа людей, занимающихся предпринимательством.

Применение модели "новой занятости" в Китае достигло значительных успехов и оказало глубокое влияние на китайскую экономику. На фоне цифровой трансформации Китая в различных отраслях и секторах экономики появляются разнообразные модели занятости. В настоящее время актуальными темами стали интернет-экономика, экономика совместного пользования, онлайн-образование, удаленная работа и другие виды "новой занятости".

Во-первых, Интернет-экономика, как новый способ ведения хозяйства, придала новую силу китайскому рынку труда. Под влиянием Интернет-технологий многие традиционные отрасли стали работать в режиме онлайн, что привело к появлению большого количества рабочих мест. Например, операторы магазинов на платформах электронной коммерции, курьеры, персонал по работе с клиентами и т.д. – все они подпадают под эту модель "новой занятости". Развитие интернет-экономики позволило большему числу людей найти работу через онлайн-платформы и тем самым реализовать свои трудовые и предпринимательские цели. Согласно докладу ChinaBusinessIndustryResearchInstitute, в 2021 г. интернет-экономика привела к занятости более 28 млн чел.. По сравнению с 2020 г. прирост новой занятости составил 2,2 млн чел., что связано с некоторым замедлением темпов проникновения интернет-экономики в различные сектора промышленности, в результате чего количество новых рабочих мест показало небольшое снижение. Ожидается, что в 2023 г. количество рабочих мест достигнет 30,1 млн. чел (рис. 3.2) [5].

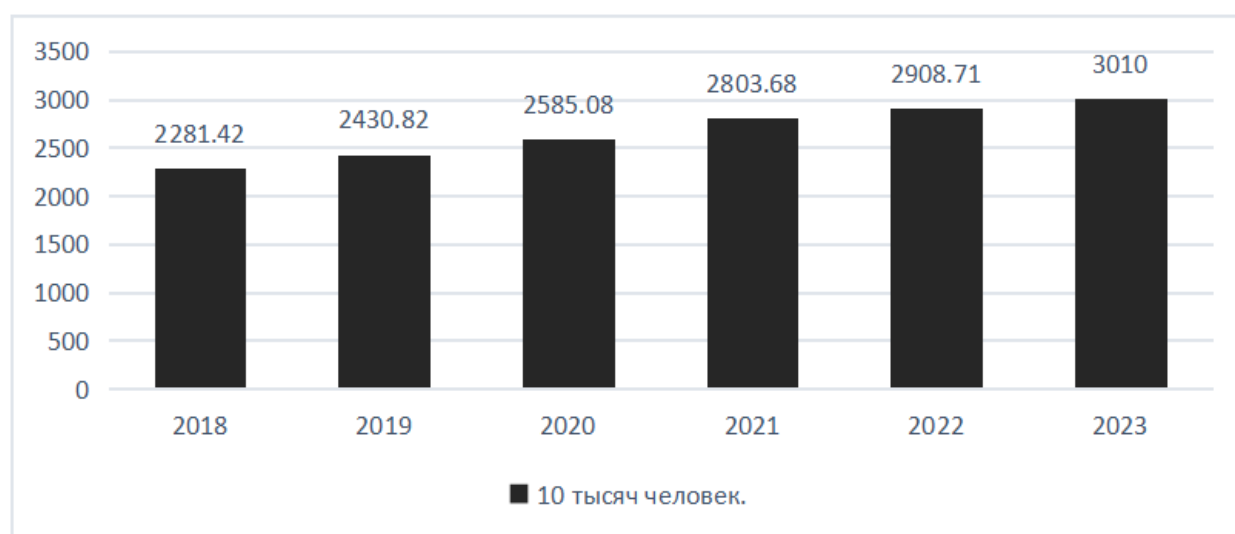

Рис. 3.2. Динамика занятости в интернет-экономике Китая [6]

Во-вторых, развитие экономики совместного пользования также оказывает значительное влияние на рынок труда в Китае. Экономика совместного пользования, основанная на совместном использовании ресурсов и предоставлении общих услуг, быстро развивается в таких областях, как путешествия, жилье и офисы, предоставляя возможности временной или гибкой занятости для большого количества людей. Например, рост числа компаний по совместному использованию велосипедов привел к тому, что многие люди стали делать карьеру в сфере эксплуатации, обслуживания и ремонта велосипедов, занимаясь велоспортом.

Развитие экономики совместного потребления не только привело к появлению новых возможностей выбора на рынке труда, но и способствовало рациональному распределению трудовых ресурсов. Согласно докладу China Sharing Economy Development Report (2023 г.), в 2022 г. китайский рынок совместного использования ресурсов продолжил расширяться, что усилило его положительную роль в обеспечении устойчивости экономического развития и стабилизации занятости. В 2022 г. объем операций на рынке sharingeconomy составил около 3832 млрд. юаней (555,54 млрд. долл. США), что на 3,9% больше, чем в 2021 г., из них на долю онлайн-сервисов по доставке еды и напитков приходится 25,4% общего объема доходов (на 4% больше, чем в 2021 г.), а объем онлайн-поездки на такси составляет 40,5% общего числа поездок на такси (на 6,4% больше, чем в 2021 г.) [7].

Кроме того, онлайн-образование и удаленная работа стали важными составляющими китайской модели "новой занятости". С развитием сетевых технологий все больше компаний переходят на дистанционную работу, чтобы добиться гибкого графика работы и гибкого местоположения. Эта модель предоставляет больше возможностей для работы нуждающимся, повышая при этом производительность труда и качество жизни. Тем временем индустрия онлайн-образования привлекает большое количество студентов и преподавателей своей гибкостью и удобством. С помощью платформ онлайн-образования многие люди могут получать доход, преподавая в Интернете, решая при этом проблему соответствия талантов и образовательных ресурсов. Согласно информации 50-го «Статистического отчета о развитии Интернета в Китае» Китайского информационного центра сети Интернет, по состоянию на июнь 2022 г. число пользователей онлайн-офисов в Китае достигло 461 млн или 43,8% общего числа интернет-пользователей [8].

В целом применение модели "новой занятости" в Китае постепенно становится одним из важнейших показателей экономического развития, появление новых моделей занятости, таких как интернет-экономика, экономика совместного пользования, онлайн-образование и удаленная работа, придало новый импульс и открыло новые возможности для цифровизации китайской экономики. При этом, не только обеспечивая расширение возможностей трудоустройства, но и способствуя рациональному распределению трудовых ресурсов и оптимизации структуры экономики.

Кроме того, модель "новой занятости" не только придавая новый импульс экономическому развитию, но и предоставляет больше возможностей для занятости вследствие расширения предложения на рынке труда. С непрерывным развитием цифровизации традиционная модель занятости постепенно утрачивает свою конкурентоспособность не только в новых, но и в традиционных отраслях, в то время как модель "новой занятости" становится новым двигателем экономического развития и роста занятости. Во-первых, модель "новой занятости" является гибкой и инклюзивной в условиях ускоренного развития цифровой экономики, в то время как традиционные модели занятости зачастую ограничены временем, пространством и рабочими местами. Такие модели, как фриланс, частичная занятость и удаленная работа в цифровой экономике, позволяют людям выбирать работу в соответствии со своими способностями и интересами, повышая удовлетворенность трудом и его производительность [9, с. 452-459].

Во-вторых, модель "новой занятости" способствует цифровой трансформации промышленных структур и экономики в целом. Развитие цифровой экономики изменило характер функционирования традиционных отраслей и структуру занятости, потребовав от предприятий и рабочей силы новых навыков и знаний. Модель "новой занятости" способствует модернизации промышленной структуры и трансформации экономики за счет развития инновационных предприятий и высокотехнологичных отраслей сферы услуг. Например, в эпоху больших данных значительно вырос спрос на таких высококвалифицированных специалистов, как аналитики данных и инженеры искусственного интеллекта, что дает рабочей силе больше возможностей для продвижения и развития, а экономике – более высокую конкурентоспособность.

Таким образом, модель "новой занятости" играет незаменимую роль в цифровой экономике. Поощряя инновации и предпринимательство, предоставляя гибкие возможности для трудоустройства, способствуя модернизации промышленной структуры и трансформации экономики, она придает новый импульс и жизненную силу процессу цифровизации экономики. В дальнейшем мы должны совершенствовать механизм выращивания и развития модели "новой занятости", способствовать позитивному взаимодействию между цифровой экономикой и занятостью, добиваться беспроблемной ситуации с точки зрения экономического роста и социального прогресса.

Так, модель "новой занятости" в компании Alibaba на практике реализуется, во-первых, в том, что Alibaba предоставляет возможности для широкого круга индивидуальных предпринимателей благодаря своей инновационной модели партнерства. В рамках традиционной модели трудовых отношений индивидуальные предприниматели часто сталкиваются с огромными рисками и давлением, однако модель "новой занятости" компании Alibaba изменяет эту ситуацию на основе снижения нагрузки на индивидуальных предпринимателей, вступая с ними в партнерские отношения, разделяя их риски и выгоды.

Во-вторых, Alibaba придала мощный импульс модели "новой занятости" за счет использования инновационных цифровых технологий. Она

предоставляет новое пространство для развития модели "новой занятости" посредством постоянного генерирования или поиска и применения новых цифровых технологий. Благодаря платформе электронной коммерции компании Alibaba индивидуальные предприниматели могут опираться на цифровые технологии для достижения эффективности и интеллектуальности в ряде операционных процессов, включая демонстрацию продукции, продажи, логистику и дистрибуцию.

В-третьих, Alibaba вносит позитивный вклад в реализацию модели "новой занятости", способствуя созданию атмосферы инноваций и предпринимательства. Alibaba поощряет своих сотрудников к инновациям и созданию собственного бизнеса, а также предоставляет хорошую платформу и ресурсы для поддержки предпринимательства. Кроме того, Alibaba выступает с инициативой проведения программ инкубирования бизнеса, предоставляя предпринимателям полный спектр финансовой, технической и маркетинговой поддержки.

Таким образом, компания Alibaba стала образцом цифровизации в китайской экономике с ее уникальной моделью "новой занятости". Благодаря инновационным моделям партнерства, использованию цифровых технологий и формированию инновационного предпринимательского климата Alibaba привносит новые идеи и возможности в практику "новых рабочих мест".

Модель "новой занятости" играет важную роль в цифровизации китайской экономики и имеет положительные сопутствующие эффекты, способствуя трансформации и модернизации экономической структуры, укрепляя стабильность занятости и способствуя инновационному развитию. Однако модель "новой занятости" также сталкивается с рядом проблем и трудностей. Во-первых, в связи с бурным развитием новых отраслей экономики соответствующие законы и нормативные акты быстро устаревают, что снижает социальную защищенность некоторых участников новых режимов занятости, усиливается нестабильность институциональных условий их труда и найма. Во-вторых, поскольку модель "новой занятости" предполагает быстрое обновление технологий и отраслей, она требует от практиков высокой квалификации и способности к адаптации. Для некоторых людей это затруднительно, в результате чего некоторые из тех, кто уже работает, сталкиваются с трудностями при возвращении на работу.

Проведенное исследование зарождения, эволюции и функционирования модели "новой занятости", ее достоинств и недостатков позволяет предложить некоторые направления дальнейших исследований и практические рекомендации:

- тенденции развития и эволюции модели "новой занятости" являются предметом дальнейших исследований в целях реагирования на новые проблемы и вызовы, возникающие в процессе цифровизации экономики;

- целесообразно усилить политическую поддержку и государственное регулирование "новой занятости", чтобы создать более благоприятные условия для развития предпринимательства и обеспечения занятости для соответствующих предприятий и специалистов-практиков;

- для ускоренного внедрения лучших мировых практик стран и регионов в области "новой занятости" необходимы сравнительные исследования отечественного и мирового опыта.

Литература

1. Воронцовский А.В. Цифровизация экономики и ее влияние на экономическое развитие и общественное благосостояние // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2020. – Т.36. Вып. 2. – С. 190.
2. White Paper "China's Digital Economy in 2023." [Electronic resource]. URL: <https://max.book118.com/html/2023/0703/6052233055005154.shtm> (date of reference: 14.08.2023).
3. Китай опубликовал полный текст Доклада о работе правительства – 2022 / Шелковый путь. [Электронный ресурс]. URL: <https://dknews.kz/ru/shelkovyuy-put/224442-kitay-opublikoval-polnyy-tekst-doklada-o-rabote?ysclid=lldiizy05p874030387> (дата обращения: 14.08.2023).
4. В 2022 году доля цифровой экономики в ВВП Китая выросла до 41,5%. 2 мая 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5944720?ysclid=lldjlfef9z760572589> (дата обращения: 14.08.2023).
5. Research Report on Market Outlook and Investment Opportunities in China's Industrial Internet Industry – 2023. [Electronic resource]. URL: <https://m.163.com/dy/article/HQNAHJHP051481OF.html> (date of reference: 16.08.2023)
6. China Business Industry Research Institute. URL: <https://s.askci.com/> (дата обращения : 16.08.2023).
7. China's sharing economy sustains growth momentum – 2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/25/WS63f97c50a31057c47ebb0df8.html> (дата обращения: 16.08.2023).
8. Число пользователей онлайн-офисов в Китае достигло 461 миллиона – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.brnn.com/n3/2022/1207/c415076-10180952.html> (дата обращения: 17.08.2023).
9. Лю П., Белокрылова О.С. Влияние развитости цифровой экономики на реструктуризацию занятости в Китае // Экономика и политика в эпоху структурных институциональных изменений. – 2022. – С. 452-459.

УДК 330.3

3.4. Новые вызовы экономической безопасности в условиях современной политико-экономической турбулентности⁷

Понятие экономической безопасности постепенно выходит в центр внимания современной экономической науки. Происходит несомненный рост интереса к этой научной категории и к методам ее научного познания. Как следствие, за последние десятилетия в российской экономической науке возник ряд самостоятельных и довольно влиятельных научных школ, изучающих экономическую безопасность, детальный анализ которых, в разрезе как персонального состава исследователей, так и полученных научных результатов приведен в монографии Н.Л. Полторацкой [1].

---

⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10076, <https://rscf.ru/project/23-28-10076/>; гранта Санкт-Петербургского научного фонда.

Значимость и востребованность исследований в области экономической безопасности определяется системной ролью категории «безопасность», которая с этих позиций исследовалась автором в докторской диссертации, защищенной свыше пятнадцати лет назад [2]. В частности, было показано, что нерешение задач в области обеспечения безопасности любой системы приводит к деструкции этой системы, ее исчезновению или же деградации. В любом случае, система в ее исходном виде перестает существовать. Это относится к любой системе, в том числе экономической. Поэтому запрос в обеспечении экономической безопасности является запросом витальным, определяющим не только жизнеспособность экономической системы, но и сам факт ее существования.

Отсюда, кстати, вытекает известное следствие, связанное с «короткой историей» исследований в сфере экономической безопасности в отечественной экономической науке. Активные исследования в этой области начались лишь в постсоветский период. И опираться в них во многом пришлось на зарубежные публикации, на описанные в них теоретические и методологические положения. Кстати, и в реальной государственной политике понятие экономической безопасности в России получило закрепление лишь спустя 5 лет после возникновения Российской Федерации как суверенного государства. Вопросам ее регламентации был посвящен Указ Президента Российской Федерации от 29.04.1996 года № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)».

С чем же связано такое положение дел? По нашему мнению, это обусловлено сменой типа хозяйственной системы в СССР – России. Хотя соотношение плана и рынка является одним из приоритетов исследований Санкт-Петербургской (и – тоже подчеркнем этот факт – не Ленинградской, а именно Санкт-Петербургской; Ленинград был переименован в Санкт-Петербург уже в постсоветское время, в 1991 году) школы экономической теории [3, 4, 5], но это изучение происходит, преимущественно, во вневременном измерении, с позиций альтернативности (противопоставления) плановой и рыночной организации хозяйства.

В рамках исторического подхода, на котором базируются, например, концепции социально-экономической эволюции К. Маркса, нашего современника – члена-корреспондента РАН С.Д. Бодрунова [6] и многих других ученых, важно не только рассматривать свойства той или иной организации хозяйства, но и делать это в историческом контексте. И с этих позиций теории экономической безопасности в советском планово-административном хозяйстве возникнуть не могло. Основной закон социализма – закон планомерного и пропорционального развития народного хозяйства не допускал возникновения витальных угроз безопасности как экономики в целом, так и ее отдельных агентов.

Эти угрозы, конечно же, были, но они устранялись превентивно – на уровне плановых регуляторов. Фактор случайности, который имманентно присущ любой социальной системе, в том числе системе экономической, конечно же, присутствовал и в советской экономике. И он мог порождать ситуации, которые сегодня именуется вызовами, угрозами и рисками экономической безопасности. Но эти ситуации эффективно, превентивно и централизованно

нейтрализовывались. Если же речь шла о системных вызовах и угрозах, грозивших устойчивости народного хозяйства в целом и происходивших из международного окружения, то они, конечно же, были, но борьба с ними велась политическими (в том числе дипломатическими и военными) методами, что выводило эту проблематику за пределы рассмотрения экономической науки.

Рыночная экономика (или, по крайней мере – смешанная ее модель с преобладанием рыночного уклада, которая реализована в современной России) гораздо более неустойчива по самой своей сути, нежели экономика планово-административного типа, т.к. развивается в значительной мере под влиянием анархического рыночного начала, её динамика определяется конкурентным взаимодействием хозяйствующих субъектов, ход и исход которого слабопредсказуем. Поэтому проблема экономической безопасности в ее современном понимании [7, 8, 9] возникает лишь при переходе от плана к рынку и – в дальнейшем – регулярно обостряется, что связано как с присущей рыночной модели цикличностью развития, так и с наличием в динамике ее показателей многочисленных флуктуаций, вызванных, в том числе, случайными факторами.

Именно такого рода период практического обострения проблем обеспечения экономической безопасности, роста неопределенности и неустойчивости хозяйственной системы, что приводит к ослаблению экономической безопасности на всех ее уровнях, наблюдается в последние годы. В первую очередь, это принято связывать с такими знаковыми событиями, как пандемия Covid-19, развернувшаяся в 2020 году, и санкционное противостояние России (и группы дружественных ей стран) с США и их сателлитами (старт этому явлению был дан в начале 2022 года), стремящимися сохранить своё глобальное политико-экономическое доминирование [10, 11, 12, 13].

И пандемия Covid-19, и санкции / контрсанкции не только вызвали кризис в экономике, отражаемый, например, динамикой ВВП (табл. 3.6); обращает на себя внимание полное совпадение оценок отечественной официальной статистики, с оценками международными, рассчитываемыми Всемирным Банком), но также породили волну изменений, сложно переплетенных между собой и придающих новое качество экономическим процессам и системам.

Таблица 3.6

Динамика ВВП Российской Федерации, % к предыдущему году

Показатель	2019	2020	2021	2022
Индекс физического объема ВВП (по данным Росстата)	102,2	97,3	105,6	97,9
Индекс прироста ВВП (по данным Всемирного Банка)	2,2	-2,7	5,6	-2,1

Источники: официальный интернет-сайт Росстата (см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>), база данных Всемирного Банка (см.: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=RU>).

В качестве характерных примеров можно привести импульс к цифровизации экономики, заданный пандемическими ограничениями [14], и тренд к усилению не импортозамещения, но снижения рисков импортозависимости (на необходимость развития именно по такому сценарию, а не стремления к простому импортозамещению, мы обращали внимание еще в период «крымских» санкций, что отмечено в авторской публикации, подготовленной совместно с Ю.В. Вертаковой и А.А. Черниковой [15]), что нашло отражение в концепции технологического суверенитета [16].

То есть, сложное переплетение различных факторов, порожденных изменениями во внутренней и внешней среде экономической системы, не только приводит к ее неустойчивости, вызывая ее турбулентное состояние (вследствие, прежде всего, проявления политико-экономических факторов) и ослабляя экономическую безопасность, но также дает сигналы к структурным и институциональным изменениям, которые являются не только реакцией на турбулентность, но и ведут к качественным изменениям, способствуют выходу из состояния «новой нормальности», сложившейся в период после глобального финансового кризиса, вызванного ипотечным крахом в США 2008 года, переходу к «постнормальности», как новому квазиустойчивому (а, следовательно, экономически безопасному) состоянию экономики [17].

Остановимся более детально на вызовах экономической безопасности в условиях современной политико-экономической турбулентности, сопровождающих переход к постнормальности. Ключевое влияние на их появление оказали два последовательных шока [18], на которые мы уже указывали выше, «ковидный» и «санкционный». Заметим, что понятие «вызов экономической безопасности» мы трактуем в том смысле, который заложен в утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

Этот документ дает следующее определение рассматриваемой категории: «Вызовы экономической безопасности – совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности» (пп. 5, п. 7 Стратегии). То есть вызовы экономической безопасности тесно связаны с угрозами. В свою очередь, «угроза экономической безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере» (пп. 4, п. 7 Стратегии).

При необходимости, эти трактовки, ориентированные на национальную экономику в целом, могут быть легко адаптированы и к иным уровням: отдельным предприятиям, отраслям, регионам и др. Речь в скорректированном определении пойдет в таком случае не о национальных интересах, а об экономических интересах соответствующих субъектов. В Стратегии, в ее разделе II, вызовы и угрозы экономической безопасности раскрыты достаточно детально, всего выделено 25 основных вызовов и угроз (п. 12 Стратегии), начиная от «стремления развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве ин-

струмента глобальной конкуренции» до «установления избыточных требований в области экологической безопасности, роста затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления».

Надо отметить, что данный перечень достаточно репрезентативный, говорить о принципиально новых вызовах и угрозах, даже в положении современной политико-экономической турбулентности, по нашему мнению, было бы излишним. Тем более, что в Стратегии, несмотря на то что она разработана и принята была в 2017 году, все признаки современной ситуации четко описаны. Следует отдать должное высокому уровню аналитических способностей и дару предвидения разрабатывавших ее специалистов. В частности, в разделе II указано:

«8. На современном этапе мирового развития отчетливо проявляются объективные признаки разрушения однополярного мира. При этом процесс перехода к многополярности сопровождается нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резким обострением глобальной конкуренции. Отмечается стремление к перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения. Происходят существенные изменения в области международного права, военно-политической и экономической областях.

9. На международные экономические отношения все большее влияние оказывают факторы, представляющие угрозу для экономической безопасности. Усилилась тенденция распространения на сферу экономики вызовов и угроз военно-политического характера, а также использования экономических методов для достижения политических целей».

Но справедливо говорить об изменении интенсивности проявления конкретных угроз, что определяет приоритизацию мер государственной политики, направленных на их нейтрализацию. Представим далее результаты авторского экспертного анализа, основанного на изучении профильной экономической литературы и официальных документов, а также сообщений деловых и политико-экономических СМИ, аналитических отчетов и иных аналогичных источников информации, который ориентирован на выделение наиболее существенных вызовов экономической безопасности в современных условиях.

Приоритетным вызовом, по нашему мнению, для современной экономики России является вызов технологический. Он обусловлен имеющимся технологическим отставанием российской экономики от многих зарубежных стран (прежде всего – недружественных, которые блокируют взаимодействие с российским бизнесом, как государственным, так и частным, в рамках вводимых антироссийских санкций).

Например, в проекте Основ государственной политики РФ в области развития электронной промышленности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу, подготовленном Минпромторгом России, называются такие проблемы этой отрасли, как «отставание технологий на 10-15 лет от мирового уровня; трудности с освоением технологических процессов ниже 180 нм; ... критическая зависимость процессов проектирования и выпуска про-

дукции от зарубежных технологий, включая программное обеспечение, и материалов» (цит. по: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=164829>).

Традиционно рассматривается тактический уровень этого вызова, суть которого состоит в задержке и даже невозможности выпуска технологически зависимой от внешних поставщиков российской продукции, что может привести к остановке функционирования (т.е. к снижению до неприемлемого уровня их экономической безопасности) отдельных производств и даже целых секторов российской экономики. Например, российские типографии «столкнулись с дефицитом оборудования из-за санкций... Примерно 90% техники в российских типографиях произведено в недружественных странах, из-за чего типографиям в перспективе грозит риск остановки производства... Печатные, переплетные, ниткошвейные машины производят в Европе, ... там же ... производят оборудование для изготовления обложек ... и оборудование для изготовления печатных форм» (цит. по: <https://www.rbc.ru/business/04/10/2022/633bca079a794788101a62df>).

Для оперативного преодоления этого вызова предпринимаются достаточно энергичные меры, связанные с обеспечением технологического суверенитета. Например, Указом Президента Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 203 создана Межведомственная комиссия Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры. Но они – подчеркнем это – носят преимущественно тактический характер, направлены на смягчение последствий реализации угроз экономической безопасности страны в технологической сфере, которые особенно существенны в оборонном производстве [19, 20], значимость которого в условиях военного противостояния России с «коллективным Западом» особенно велика.

Но этот вызов имеет и стратегический срез, обусловленный тем, что в настоящее время происходит очередная научно-технологическая и промышленная революция, закладываются основы нового – шестого – технологического уклада. И именно в этот момент, как утверждает академик РАН С.Ю. Глазьев [21], с мнением которого мы солидарны, возникает реальная возможность «технологического скачка». Именно поэтому в государственной политике следует уделять особое внимание проведению реиндустриализации российской экономики [22, 23], а также более тесной интеграции производства, науки и образования путем создания т.н. «ПНО-кластеров» [24].

Эта интеграция декларируется и проводится и сегодня, но, по нашему мнению, она достаточно формальна, т.к. страдает от некорректного целеполагания, ориентированного на широкий социально-экономический контекст, но, зачастую, оторванного от реальных нужд развития российской промышленности (отметим, что рассуждения о технологическом развитии, инновационных технологиях и пр. – лишь рассуждения, отнимающие время и иные ресурсы, если они не заканчиваются индустриальным внедрением [25]).

Характерным примером здесь является подзабытая сегодня, но на которую в свое время возлагались большие надежды, Стратегия инновационного развития России на период до 2020 года (утверждена распоряжением Прави-

тельства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 2227-р). Год ее окончания наступил, ресурсы на нее истрачены, поставленные в ней цели в большинстве своем не достигнуты (и не могли быть достигнуты в принципе, как показано в авторском анализе, выполненном совместно с Ю.В. Вертаковой [26]), а те, что достигнуты – не имеют связи с реальным инновационным развитием.

С технологическим вызовом тесно связан вызов структурный, который обостряется именно в период наблюдаемого сегодня перехода к новому технологическому и мирохозяйственному укладу [27]. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года он сформулирован так: «Исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями» (пп. 9, п. 12 Стратегии).

По нашему мнению, структурной политике в современной России, несмотря на постепенный отход от лежащей в ее основе неолиберальной доктрины, уделяется всё еще недостаточно внимания. Это связано с ориентацией на минимально допустимое вмешательство государства в рыночные процессы. Такой подход имеет право на существование и даже может быть весьма эффективным в периоды стабильного, устойчивого развития. В периоды же кризисных обострений, возрастания уровня вызовов и угроз экономической безопасности, он теряет свои преимущества. От государства требуется проведение более активной структурной – прежде всего промышленной – политики. Теоретически механизмы ее проведения проработаны Д.Ю. Миропольским, в рамках его двухсекторной модели национальной экономики [28]. В этой связи, актуальной задачей является разработка инструментов имплементации этих механизмов в практику государственного регулирования экономики.

Индикатором структуры российской промышленности является соотношение т.н. «нефтегазового» и «ненефтегазового» ВВП (методология их расчета введена приказами Росстата от 01 июля 2022 г. №№ 481 и 482). Динамика этих показателей приведена в табл. 3.7. Из нее следует, что, несмотря на довольно существенные декларируемые усилия по трансформации структуры экономики России, она сохраняется примерно в одном и том же состоянии. Тот же эффект, но при проведении анализа на уровне видов экономической деятельности, обнаружен автором и при проведении углубленного структурного анализа [29].

Таблица 3.7

Динамика «нефтегазового» и «ненефтегазового» ВВП России

Показатель	2019	2020	2021	2022
Доля нефтегазового сектора в ВВП в текущих ценах, %	18,8	14,0	16,8	18,1
Индекс физического объема валовой добавленной стоимости нефтегазового сектора, к предыдущему году, %	96,9	88,6	105,5	99,4

Показатель	2019	2020	2021	2022
Доля нефтегазового сектора в ВВП в текущих ценах, %	81,2	86,0	83,2	81,9
Индекс физического нефтегазового ВВП, к предыдущему году, %	103,6	99,4	105,6	97,6

Источник: официальный интернет-сайт Росстата (см.: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>).

При этом мы не утверждаем, что необходимо «сжатие» нефтегазового сектора российской экономики. Мы исходим в данном случае не из соображений приближения структуры национальной экономики к некоему идеализированному виду, а из соображений придания ей большей устойчивости и защищенности от обострившихся в последние годы вызовов и угроз экономической безопасности. И одним из способов решения этой задачи, как известно из теории риск-менеджмента [30], является диверсификация хозяйственной активности. Причем диверсификация эта должна идти в направлении, прежде всего, наращивания монопольной силы, что обеспечивается за счет увеличения доли в выпуске не массовых продуктов первых технологических переделов (в частности – нефти и газа), но продукции более высокой степени переработки [31].

Наконец, третьим приоритетным вызовом экономической безопасности является, по нашему мнению, вызов, обусловленный снижением уровня жизни россиян. Если рассмотреть среднесрочную динамику реальных располагаемых денежных доходов населения Российской Федерации (рис. 3.2), то выясняется, что она ярко негативная. Снижение доходов началось задолго до макроэкономических шоков 2020-2022 гг. и порожденной ими политико-экономической турбулентности, оно длится уже почти десятилетие.

При этом, следует обратить внимание на то обстоятельство, что структура доходов россиян остается в целом неизменной (рис. 3.3), демонстрируя некоторые негативные тенденции. В частности, в период с 2013 по 2022 гг. доля доходов от предпринимательской и другой производственной деятельности снизилась в общих доходах на 0,7% (с 7,0% до 6,3%), на 0,6% снизилась доля доходов от собственности (с 4,7% до 5,3%), при этом возросла зависимость населения от социальных выплат, доля которых возросла с 18,7% до 20,9%, т.е. на 2,2%, доля в доходах оплаты труда наемных работников также выросла на сопоставимую величину – на 2,3%, с 55,1% до 57,4%.

С учетом приведенных данных, к сожалению, необходимо констатировать, что заявления о социальной направленности российской государственной политики носят во многом декларативный характер. Несмотря на предпринимаемые меры, реальные располагаемые доходы населения неуклонно сокращаются, причем ухудшается структура этих доходов, люди становятся более зависимы от работодателей и государства в вопросах сохранения своего благосостояния.

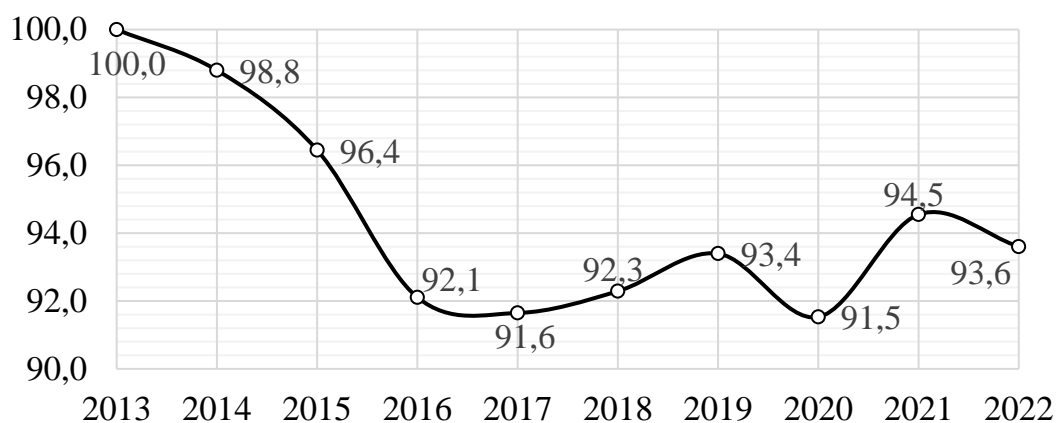
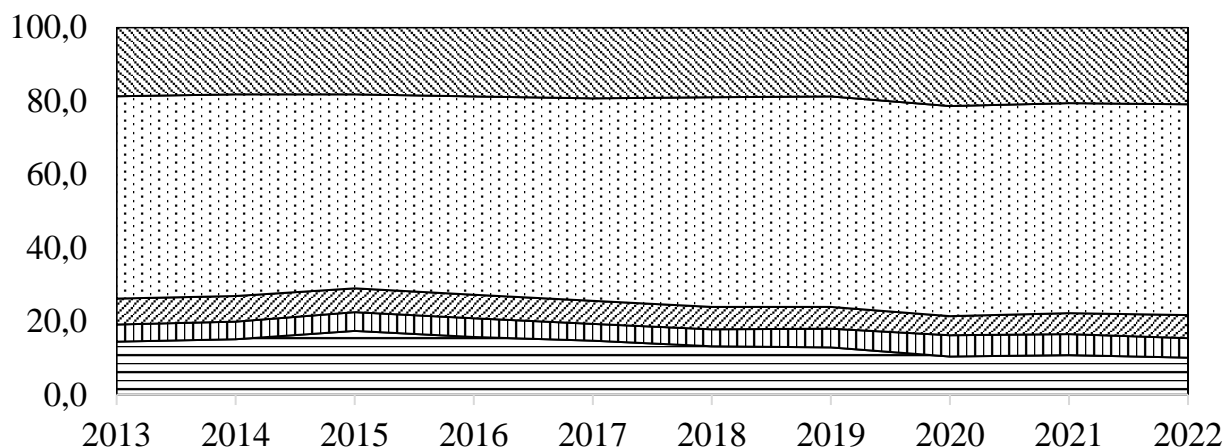

Рис. 3.2. Индекс изменения реальных располагаемых денежных доходов населения Российской Федерации по отношению к 2013 г., % (рассчитано и построено автором по данным Росстата, см.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>)

- ▣ социальные выплаты
- ▣ оплата труда наемных работников
- ▣ доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности
- ▣ доходы от собственности
- ▣ прочие денежные поступления

Рис. 3.3. Структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления, % (построено автором по данным Росстата, см.: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>)

С позиций теории экономической безопасности – это явный вызов и угроза ее обеспечения, которые уже перешли в стадию риска, в связи с чем необхо-

димы экстренные меры по увеличению доходов граждан и их перераспределению. Хотя такие меры и принимаются, но их следует признать явно недостаточными, о чем свидетельствуют приведенные нами выше данные.

Подводя итог, отметим, что в условиях современной политико-экономической турбулентности, наблюдаемой в России, возникла новая конфигурация вызовов экономической безопасности, что требует не только их углубленного теоретического изучения, но и учета их в государственной экономической политике.

Литература

1. Полтораднева Н.Л. Российские школы экономической безопасности: прошлое, настоящее, будущее. 1995-2022: монография. – Курск: Университетская книга, 2023. – 332 с.
2. Плотников В.А. Концептуальные основы экономического обеспечения военной безопасности государства: дис. ... д-ра экон. наук. – СПб., 2005. – 408 с.
3. Государство и рынок: механизмы взаимодействия в условиях глобальной нестабильности экономических систем: монография. – СПб., 2014. – 706 с.
4. Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности: монография. – СПб., 2021. – 887 с.
5. Миропольский Д.Ю., Дятлов С.А., Плотников В.А., Попов А.И. Государство и рынок: проблемы выбора подходов к управлению развитием национальной экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2011. – № 1 (67). – С. 141-145.
6. Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
7. Булгакова М.А. Обеспечение экономической безопасности лесной отрасли России: вопросы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15, № 1. – С. 29-33.
8. Буркальцева Д.Д. История развития теорий концепции экономической безопасности // Вопросы истории. – 2023. – № 6-1. – С. 122-127.
9. Полтораднева Н.Л. Исследование современного состояния теории экономической безопасности с позиции методологии научного познания // Инновационное развитие экономики. – 2019. – № 3 (51). – С. 191-199.
10. Гришков В.Ф. Воздействие политико-экономической турбулентности на экономику региона (на материалах Ленинградской области) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 4 (136). – С. 88-95.
11. Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика // Экономика и управление. – 2022. – Т. 28, № 10. – С. 1037-1050.
12. Харламов А.В., Харламова Т.Л., Поняева И. Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 4 (136). – С. 69-75.
13. Цехомский Н.В. Инвестиционная поддержка промышленного развития в условиях санкций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2022. – № 4 (54). – С. 5-9.
14. Исследование Google и ВШГУ РАНХиГС: пандемия как триггер цифровизации государства, бизнеса и общества. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ranepa.ru/news/issledovanie-google-i-vshgu-rankhigs-pandemiya-kak-trigger-tsifrovizatsii-gosudarstva-biznesa-i-obshch/> (дата обращения 31.05.2023).
15. Черникова А.А., Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Импортозамещение как инструмент экономической политики управления рисками импортозависимости: выбор подходов // Экономика и управление. – 2016. – № 10 (132). – С. 28-39.

16. Горин Е.А., Имзалиева М.Р. Современная промышленная политика: технологический суверенитет // Бюллетень науки и практики. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 238-245.
17. Плотников В.А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6 (138). – С. 15-21.
18. Плотников А.В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 5-2 (137). – С. 194-199.
19. Рогатин С.И. Оборонно-промышленный комплекс и потенциал его влияния на инновационное развитие экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2021. – № 4 (50). – С. 5-9.
20. Рогатин С.И., Фролов А.О. Санкции и их воздействие на военно-экономический потенциал // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2022. – № 3 (53). – С. 14-17.
21. Сергей Глазьев: России необходимо формирование нового технологического уклада. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6b85f9c1-8947-46b1-9f20-78aeebd2a473> (дата обращения 31.08.2022).
22. Вертакова Ю.В., Бабиц Т.Н., Брагина А.В. Стратегические ориентиры модернизации промышленных предприятий России // Экономика промышленности. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 288-297.
23. Голов Р.С., Мыльник А.В., Прокофьев Д.А. Теоретические основы реиндустриализации экономики в контексте системной инновационной модернизации промышленности // Экономика и управление в машиностроении. – 2016. – № 3. – С. 15-20.
24. Бодрунов С.Д. Теория и практика импортозамещения: уроки и проблемы: монография. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2015. – 171 с.
25. Осипенко А.С. Организационно-экономический механизм модернизации промышленных предприятий на основе трансфера технологий: дисс. ... канд. экон. наук. – СПб., 2013. – 192 с.
26. Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Стратегия инновационного развития России: управленческие проблемы реализации // Друкерровский вестник. – 2020. – № 1 (33). – С. 5-20.
27. Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 43-64.
28. Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: номенклатура и товар на аграрной стадии: монография. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – 210 с.
29. Плотников В.А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – № 1. – С. 15-25.
30. Бадалова А.Г., Демин С.С., Ларионов В.Г., Москвинтин К.П. Управленческий инструментарий промышленного риск-менеджмента: монография. – М.: Дашков и К, 2021. – 144 с.
31. Соловейчик К.А., Аркин П.А. Методические вопросы стимулирования роста глубины передела промышленной продукции субъектами Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 4 (94). – С. 25-30.

3.5. Проблема перехода к новому евразийскому типу хозяйственной системы в современной экономике России

В настоящее время российская экономика переживает сложный этап в своем развитии. В новых условиях существенные преобразования необходимы

и на повестке дня может встать вопрос о формировании хозяйственной системы нового типа. В частности обсуждаются возможности становления хозяйственной системы Евразийского типа [1]. Учение о типологии хозяйственных систем является одним из важнейших разделов экономической науки [7]. В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты данной проблематики, которые представляются нам наиболее актуальными с учетом специфики текущей ситуации в России и в мире в целом. На протяжении значительного временного отрезка в XX веке мир был расколот на две противоположные хозяйственные системы: капиталистическую и социалистическую (рыночную и плановую). Значительную роль на этом историческом этапе сыграла Россия и страны постсоветского пространства. После революции 1917 в Советской России был взят курс на построение новой (коммунистической) формации. В качестве первой фазы коммунизма рассматривался социализм. После Второй мировой войны возникла мировая социалистическая система. На протяжении более четырех десятилетий капиталистическая и социалистическая системы стремились расширить сферы влияния и в конечном итоге охватить весь мир.

Феномен раскола мира на две противоположные хозяйственные системы являлся предметом фундаментальных теоретических исследований. Известный немецкий ученый В. Ойкен. Прежде всего он обращал внимание на разнообразие форм регулирования хозяйственной деятельности и на их способность изменяться с течением времени. В. Ойкен отмечал в связи с этим «До 1914 года регулирование экономического процесса в странах Западной Европы проходило по-другому, чем после 1918 года, с 1929–1933 оно вновь осуществлялось по-новому, а после этого изменения экономических форм быстро следовали одно за другим, причем по-разному в различных странах». [2, с.72]

Что касается наличия хозяйственных систем планового и рыночного типа, В.Ойкен не связывал этот феномен только с историческим развитием XX-го века, а предполагал существование этих двух форм организации хозяйственных процессов на протяжении многовековой истории человечества. «Две основные формы – не больше- можно установить за всю историю человечества. Хозяйственные будни сообщества могут регулироваться планами одного составителя планов. Это чистая форма централизованно управляемого хозяйства ... Другой чистой формой является рыночное хозяйство, в котором многочисленные индивидуальные хозяйства- предприятия и домашние хозяйства- самостоятельно разрабатывают планы, вступают в экономические отношения между собой и в которых существует автоматизм рынков, координирующий их деятельность».[2, с. 74].

Близкие по смыслу определения этих двух противоположных типов хозяйственных систем предлагал и Й. Шумпетер. «Назовем эти два общества коммерческим и социалистическим. В институциональной системе коммерческого общества мы ограничимся двумя элементами. Это частная собственность на средства производства и управление производством через систему частных контрактов. Социалистическим обществом мы будем называть институциональную систему, при которой контроль над средствами производства и самим

производством находится в руках центральной власти».[5, с. 120] Интересны представления Й. Шумпетера о перспективах противостояния этих двух противоположных систем. Как известно, им был проведен сравнительный анализ сущности этих двух систем в контексте их эффективности на том или ином историческом этапе. Взгляды Й.Шумпетера в данном контексте довольно взвешены и умерены. Он не верит в «вечность» капиталистической системы, при этом осторожно оценивает перспективы международной экспансии социализма.

Также он демонстрирует некий скептицизм в отношении возможности развития социализма как альтернативы капитализма именно в России. «Можно даже предположить, что дальнейшее расширение мощи России со временем может стать препятствием к развитию в том направлении, о котором думает и мечтает большинство людей, когда произносит слово социализм. Смешивать проблему социализма с проблемой России- если это только не обман, осуществляемый в пользу России- это значит исказить ситуацию в мире». [5, с. 135]. Иную позицию занимал известный австрийский экономист Ф.фон Хайек. Он считал примеры практического воплощения социалистических идей (социализм в СССР или национал-социализм в Германии и Италии) тоталитарными режимами и «дорогой к рабству».«В наши дни оказывается довольно трудно думать о Германии и Италии или же о России не как о других мирах, а как о ветвях общего древа идей, в развитие которого мы тоже внесли свою лепту. Во всяком случае, поскольку речь идет о противниках, проще и удобнее считать их иными, отличными от нас и пребывать в уверенности, что то, что случилось там, не могло произойти здесь. Однако история этих стран до установления в них тоталитарных режимов в основном содержит хорошо знакомые нам реалии». [6 с.39]

Таким образом, Ф. Хайек рассматривал развитие централизованного планирования в вышеупомянутых странах не как результат сложившихся на определенном историческом этапе обстоятельств, а как последствия сознательных действий людей, пребывающих в некотором заблуждении. Также Ф. Хайек указывает на ряд недостатков централизованного планирования, в частности ограничение индивидуальной свободы и неспособность перерабатывать большие объемы информации. Тем самым, становление централизованных хозяйственных систем в XX-ом веке как некоторый исторический зигзаг, который в будущем должен быть устранен.

В конце 1980-х гг. ситуация существенно изменилась. Подавляющее большинство бывших социалистических стран взяли курс на переход к рыночной экономике. В этих условиях создавалось впечатление, что эпоха раскола мира на две противоположные хозяйственные системы ушла в прошлое. Экономика рыночного типа была признана универсальной и наиболее эффективной современной хозяйственной системой. Допускались различия национальных моделей рыночной экономики. При этом новый отход от базовых принципов функционирования рыночных механизмов при организации хозяйственной деятельности (как это было в эпоху существования СССР и мировой системы социализма) считался невозможным. Несмотря на то, что в дальнейшем результа-

ты рыночных реформ в России зачастую оценивались негативно, необходимость их продолжения не подвергалась сомнению [3].

В настоящее время сложилась ситуация. После начала СВО на Украине страны Запада ввели против России беспрецедентные санкции. Тем самым, западные страны однозначно позиционировали себя как геополитические противники России. При этом не следует забывать и том, что курс рыночных реформ в России был принят в начале 1990-ых годов с учетом допущения о возможности установления долгосрочных партнерских отношений с развитыми странами Запада. Более того модель рыночной экономики западных стран долгое время представлялась как некий «эталон» для экономики России, к которому надо стремиться в ближайшие десятилетия. В данный момент времени очевидно, что введенные Западом санкции направлены на ослабление российской экономики.

Они рассматриваются западными политиками как способ заставить Россию изменить свой политический курс. С момента начала СВО практически все страны Запада обрели для России статус «недружественных государств». Соответственно, на современном этапе изменяется не только характер экономической кооперации России со странами Запада. Существенному пересмотру подвергаются ценностные ориентиры. Встает фундаментальный вопрос о том, насколько доминирующие на Западе ценности подходят для социально-экономической организации российского общества и соответствуют долгосрочным экономическим интересам России. Поэтому проблема перехода к хозяйственной системе нового типа становится все более актуальной для России. Экономическая политика должна быть направлена на решение следующих задач. В новых исторических реалиях экономическая политика России должна быть направлена на решение следующих задач:

1. Обеспечение технологического и экономического суверенитета России.

На протяжении ряда десятилетий экономические реформы в России включали либерализацию внешней торговли. В результате структура российской внешней торговли приобрела несколько односторонний характер: экспортировались преимущественно сырьевые товары, в то время как многие высокотехнологичные товары и комплектующие закупались за рубежом. Таким образом, российская экономика обрела известную степень зависимости от стран Запада. Экономические санкции западных стран изначально были направлены на сокращение трансграничного торгового потока с Россией. Тем самым российской экономике был нанесен определенный урон в связи с недополучением большого числа импортных товаров. Поэтому стратегическая задача развития российской экономики заключается в том, чтобы в будущем по возможности снизить вероятность ущерба, обусловленного подобными действиями торговых партнеров. Прежде всего, речь идет об организации производства внутри страны и развитии торговых отношений преимущественно с дружественными странами. Именно обретение технологического и экономического суверенитета позволит в будущем обеспечить устойчивость России по отношению к «внешним шокам». Вероятно, добиться подобного суверенитета возможно путем реализа-

ции планомерной программы, направленной на поиск достойного места национальной экономики России в международном разделении труда с учетом современных геополитических реалий.

2. Поддержка военно-промышленного комплекса с целью достижения уровня производства военной техники и боеприпасов, необходимого для нужд фронта.

СВО на Украине приобрела длительный характер. В этих условиях неизбежно встал вопрос о существенном увеличении производства товаров для военных нужд. Речь идет, по крайней мере, о частичном переводе экономики России на «военные рельсы». Безусловно, подобная мера предполагает значительную концентрацию ресурсов, в известной мере характерную для экономики планового типа.

3. Поддержка отраслей отечественного производства с целью смягчения последствий от санкций.

Введение беспрецедентных по масштабу антироссийских санкций существенно повлияло как на состояние российской экономики в целом, так и на положение дел в отдельных отраслях. Поэтому необходимо принимать комплекс мер, направленных на снижение последствий санкционного давления и повышение устойчивости функционирования и развития отдельных отраслей российской экономики. И здесь необходима прежде всего государственная поддержка (целевые субсидии, налоговые льготы и т.д.) В данном контексте можно предполагать целесообразность усиления планомерности в процессе определения приоритетных отраслей и размеров государственной поддержки

4. Изменение приоритетов внешнеэкономической политики.

Решение данной задачи неразрывно связано с обеспечением суверенитета в развитии экономики России. Система внешнеэкономических связей в прошлые годы в значительной мере определялась законами «глобального капитализма». Так, российское сырье (в частности, нефть и газ) было широко востребовано в европейских странах. В свою очередь в европейских странах производилось достаточное количество товаров, пользующихся спросом в России. Тем самым, Европейский Союз на протяжении длительного времени оставался крупнейшим торговым партнером России. В условиях действия введенных санкций наметилась уже довольно устойчивая тенденция некоторого сокращения торгового оборота между Россией и ЕС. Важнейшими торговыми партнерами России становятся азиатские страны (и в первую очередь Китай). В новых условиях Россия должна прилагать усилия для развития торговых отношений с развивающимися странами, в частности в рамках БРИКС и в целом в Южной Америке, Азии и Африке.

Новые задачи российской экономики при изменившихся внешних условиях объективно подталкивают к новым реформам кардинального характера, которые могут быть связаны с формированием хозяйственной системы нового типа. Начиная с 2022 г. в экономике России активно проводится антисанкционная экономическая политика, направленная на поддержку отдельных отраслей и создание условий для развития бизнеса [3]. На повестке дня остро стоит во-

прос, какой тип хозяйственной системы необходим России на современном этапе. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что любая смена типа хозяйственной системы редко проходит «безболезненно». Прежде всего, целесообразно усиление стратегического планирования на уровне государства. Все обозначенные задачи требуют принятия и реализации некой долгосрочной стратегии. Необходимо устанавливать приоритетность задач, а также формы и сроки реализации конкретных мер.

Однако вплоть до настоящего времени, все принимаемые меры носят все же несколько точечный и порой хаотичный характер и не связаны с реализацией некой долгосрочной стратегической линии. Это обстоятельство можно объяснить рядом причин. Во-первых, можно говорить о существовании некоторого эффекта инерционности. Начиная с 1992 года, Россия не одно десятилетие шла по пути создания экономики рыночного типа. За это время постепенно сформировалась некая отраслевая структура экономики, а также определенные формы взаимоотношений между государством и частным сектором. Россия многие годы продавала значительные объемы сырьевых ресурсов в страны Западной Европы и полученная выручка служила некоторой «подушкой безопасности», которая позволяла стабилизировать экономику в кризисных ситуациях. Очевидно, что характер регулирования экономики нельзя изменить мгновенно. Какое-то время, сформировавшиеся ранее механизмы продолжают функционировать как бы по инерции. В частности, несмотря на введенные санкции (в том числе в отношении ряда российских олигархов), продолжается отток российского капитала за границу. Политика Центрального банка России, в которой и ранее прослеживались очевидные элементы рестриктивности, не претерпела существенных изменений. Таким образом, несмотря на большое количество предпринятых государством мер, направленных на поддержку экономики в новых условиях, нельзя говорить о существенных преобразованиях основ организации хозяйственной деятельности в России.

Во-вторых, следует отметить и действие эффекта непредсказуемости. Так, в начале СВО трудно было предположить, сколько времени она может продлиться и каковы будут ее масштабы. Сроки завершения СВО не известны до сих пор. Несмотря на наличие определенных ожиданий в отношении возможных антироссийских санкций, до конца оценить их масштабы и последствия изначально было невозможно. С высокой степенью вероятности, на определенном этапе допускалась возможность относительно быстрого урегулирования отношений со странами Запада. В настоящее время эта возможность уже практически исключена, однако, потенциал альтернативных возможностей построения хозяйственных связей, как внутри страны, так и с внешними партнерами, не оценен в полной мере. Также непредсказуемой и вариативной остается и ситуация в мире. В частности, не исключается вероятность развития конфликта на Ближнем Востоке в связи с проблемой о. Тайвань. Новый масштабный конфликт мог бы в значительной мере отвлечь внимание стран Запада, и в целом, изменить геополитические расклады. Новые обстоятельства также могли бы оказать влияние, на характер взаимоотношений России со странами За-

пада. Кроме того, в 2024 году в ряде стран Запада (в том числе в США) пройдут выборы, что так или иначе может повлиять на их внешнюю политику. Подобная непредсказуемость сильно затрудняет реализацию какой-либо долгосрочной стратегии и является препятствием для осуществления решительных мер, которые могли бы существенно изменить тип хозяйственной системы. Ожидание того, что ситуация может измениться, так или иначе мотивирует отложить принятие подобных решений на будущее и «повременить» с кардинальными шагами.

В-третьих, вероятно присутствует эффект парадигмальной незавершенности. Смысл данного эффекта заключается в том, что у руководства нынешней России уже отчетливо складывается понимание того обстоятельства, что ситуация изменилась и возвращение к прошлому (в частности, в отношениях между Россией и Западом) уже невозможно. В то же время, еще нельзя говорить о разработке некой завершенной парадигмы, определяющей существование России (в том числе и типа хозяйственной системы) в новых условиях. Обратим внимание на некоторые противоречивые аспекты, подтверждающие гипотезу о незавершенности парадигмы будущего развития российской экономики. Так большое значение имеет достижение экономического суверенитета. Очевидно, что для его достижения необходимо производство высокотехнологичных продуктов, преимущественно внутри России. Тем самым, экономика страны обретает независимость от импорта высокотехнологичных продуктов из других стран, которые в любой момент могут ввести санкции. В то же время, в современных реалиях национальная экономика вряд ли может быть полностью самодостаточной (в том числе и в сфере высокотехнологичных продуктов). Практика многих развитых стран показывает, что, занимая передовые позиции в определенных отраслях, они импортируют товары других отраслей. То есть, крупнейшие экспортеры одновременно являются и крупнейшими импортерами. Более реалистичным альтернативным вариантом для России является развитие внешнеторговых связей исключительно с дружественными странами, вероятность санкций со стороны которых, не велика. Однако и такой подход не лишен противоречий, т.к. в современных условиях практически любая страна может оказаться под геополитическим воздействием каких-либо других стран, и это может повлиять на внешнеторговую политику данной страны, в том числе и по отношению к России.

Другим важным элементом современной российской парадигмы является стремление к формированию более справедливого миропорядка, который исключал бы однозначное доминирование стран Запада и предполагал бы построение сотрудничества между государствами на равноправной основе. Однако, представляется очевидным, что Россия не может создать подобный миропорядок «в одиночку», большое значение имеет позиция стратегических партнеров России, в частности стран БРИКС. Позиция этих стран в целом противоречива. С одной стороны, они не присоединяются к антироссийским санкциям и осуществляют сотрудничество с Россией в разнообразных формах. С другой стороны, видение этих стран касательно будущего миропорядка не обязательно в

полной мере совпадает с российским, что позволяет сделать вывод о довольно туманных перспективах модификации мирового порядка в будущем.

Помимо вышеобозначенных внешних аспектов, феномен парадигмальной незавершенности ощущается и во внутреннем характере развития российской экономики. Несмотря на во многом отрицательную оценку результатов предшествующих рыночных реформ, и острый кризис в отношениях с Западом, Россия не намерена полностью отказываться от некоторых базовых элементов функционирования современной экономики, сформировавшихся в результате рыночных преобразований. Речь идет в частности о таких базовых рыночных институтах, как частная собственность, рыночная конкуренция, двухуровневая банковская система. Введенные санкции и реакция на них вплоть до настоящего времени все же не подорвали сущность современной российской экономики как хозяйственной системы рыночного типа.

Таким образом, несмотря на сложные и многочисленные вызовы, стоящие перед российской экономикой, стремительный переход к хозяйственной системе нового типа. Вероятнее всего в ближайшее время российская экономика продолжит двигаться эволюционным путем, и на первом месте будет стоять решение текущих задач. Существенное влияние может оказать и развитие геополитической ситуации в мире, в частности характер взаимоотношений между странами Запада и Китаем.

Литература

1. Афанасенко И.Д. и др. Хозяйственная система евразийского типа: проблемы экономической неопределенности. СПб. Изд-во СПбГЭУ 2019. 218 с.
2. Ойкен В. Основные принципы экономической политики М. «Прогресс» 1995 496 с.
3. Татаркин А.И., Береснев В.Л. Крутой разворот к рынку. Новые исследования по региональной экономике N 12/2016 с. 325-341
4. Фейгин Г.Ф., Кузьменкова В.Н. Становление хозяйственной системы нового типа в условиях санкционного давления: проблемные аспекты. М. Вестник Алтайской Академии экономики и права N 7/ 2023 с. 218-224.
5. Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия М. Экономика 540 с.
6. фон Хайек Ф. Дорога к рабству М. Новое издательство 2005 263 с.
7. Schüller A., Krüsselberg H.-G Grundbegriffe zur Ordnungstheorie und Politischen Ökonomik, Marbuerg 2002 217 с.

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

4.1. Эффекты цифровизации на доступность закупок государства для бизнеса: опыт России и Китая

Закупки государства для обеспечения производственных нужд общественного сектора выступают одним из основных элементов и инструментов достижения макроэкономического равновесия, гарантом экономической и социальной стабильности и устойчивого экономического роста. Кроме того, государственная политика в сфере бюджетных закупок является масштабной сферой государственного регулирования, так как они осуществляются за счёт бюджетных средств. Поэтому институт бюджетных закупок подвержен пристальному контролю и частой модернизации для обеспечения эффективного расходования государственных расходов. Наряду с прямым функционалом закупки государства реализуют другие социально-экономические функции, например, посредством явных законодательных приоритетов поддерживают конкурентоспособность малого бизнеса. Это обеспечивается посредством предъявления спроса государством на его продукцию, что особенно важно в сложной экономической ситуации, в том числе и современной, характеризующейся систематически расширяющимися санкциями и усилением мобилизационного характера российской экономики. Взаимодействие субъектов бизнеса и государства посредством института бюджетных закупок – это взаимовыгодный инструмент обеспечения государственного спроса на продукцию частного сектора в целях удовлетворения потребностей субъектов общественного сектора, чем определяется их общенациональная значимость.

Несмотря на достаточное высокую развитость механизмов поддержки бизнеса, в частности преференций для малого предпринимательства в сфере государственных и муниципальных закупок все еще существует ряд барьеров, которые снижают их эффективность у данной группы поставщиков, а следовательно, не обеспечивают в полной мере спрос на его продукцию. Это обуславливает необходимость углубления теоретико-прикладных исследований в сфере поиска оптимальных способов повышения спроса на продукцию бизнеса через бюджетных закупок субъектов общественного сектора в современных условиях их цифровизации, нарастания санкционного давления и усиления мобилизационного характера российской экономики. Актуализирует значимость этих исследований прежде всего масштабность сферы государственных, муниципальных и корпоративных закупок регулируемых организаций, объемы которых составляют значительную часть российской экономики – в досанкционном 2021 г. – 35,3 трлн руб. (27% ВВП), в 2022 г. – 22,9 трлн руб. (15,1 %) [1] вследствие проведения попавшими под санкции заказчиками закрытых торгов.

Актуальность данного исследования также повышается в связи с тем, что с 1 января 2022 г. были введены множественные антисанкционные новации в

законодательство РФ, в т.ч. в федеральные законы, регулирующие контрактную систему закупок, призванные ее защитить. Наконец, начавшаяся с 2010 г. электронизация закупок в РФ, относительно их способов завершившаяся в 2019 г. и в настоящее время трансформирующаяся в цифровизацию, повышает прозрачность информации о спросе государства для бизнеса, но с другой стороны, требует непрерывного совершенствования цифровых компетенций госзаказчиков и поставщиков, а также открывает конфиденциальную информацию компаний-участников для конкурентов. Это и обусловило запрет на представление информации о закупках в Единой информационной системе (ЕИС) попавшими под санкции заказчиками, в т.ч. вузами и ставит задачу оценки эффектов цифровизации на доступность госзакупок для бизнеса.

Не менее значимой эта проблематика является и для Китая. В китайской экономике доля малого и среднего бизнеса (МСП) в ее субъектной структуре составляет около 99%, а вклад в ВВП страны – почти 60% [2]. Это лидирующие в мире показатели развития малого бизнеса (МБ), являющиеся эталонными для других стран, в том числе и для России и достигнутые на основе реализации эффективной государственной политики приоритетности развития МСП. Для поддержки бизнеса в период пандемии были снижены кредитные процентные ставки и введены дополнительные региональные возможности заимствования. Предложенные меры оказались эффективны и по окончании эпидемии в Китае 84% субъектов МБ страны вернулись к своей деятельности [3].

В современных санкционных условиях российская экономика продолжает активно интегрироваться в растущие восточные рынки, прежде всего, Китая [4]. Поскольку в последние годы тестируется тенденция увеличения заработной платы китайских рабочих и ее превышение над заработной платой российских, рассматриваются перспективы переноса части заводов в Россию.

На основе анализа мирового опыта борьбы с COVID-19, а также реализации в России антисанкционных мер в 2022 г. нами идентифицирована растущая роль государственных закупок в системе мер по поддержке бизнеса в современных условиях глобальной турбулентности, выступающего в качестве унифицированного, т. е. действующего на рыночных принципах механизма эффективного использования) государственных расходов [5, с. 26].

Но необходимой предпосылкой повышению доступности закупок государства для бизнеса выступает их прозрачность, прозрачность полной информации обо всех этапах закупочных процедур. Это обеспечивается на основе завершения электронизации и углубления их цифровизации.

Институциональной основой электронизации, а в дальнейшем и цифровизации системы госзакупок РФ стал закон "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд", введенный в 2006 г. в целях формирования нормативно-правовой базы реализации программы «Электронная Россия», обеспечившей создание электронного правительства РФ.

Прежде всего с 2006 г. начал функционировать официальный всероссийский сайт <http://www.zakupki.gov.ru>, положивший начало электронизации рос-

сийской закупочной системы. Электронизация охарактеризована специалистами как одна из основных тенденций 2000-х годов в сфере госзакупок [6, с. 12], потребовавшая роста профессионализма их субъектов в области информационно-коммуникационных технологий. В 2016 г. на базе официального всероссийского сайта была создана ЕИС как институт реализации закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (2014 г.).

Следующей реперной точкой цифровизации контрактной системы стал перевод с 1 июля 2018 г. всех способов закупок в электронную форму, использование которой госзаказчиками было еще добровольным, а с 01.01.2019 г. стало обязательным. Это обусловило необходимость модернизации рынка госзакупок, которая целеориентирована на формирование «умной» экономики закупок. В результате создались условия для повышения прозрачности закупочной системы [7, с. 3212], в которой заказчики и поставщики не могут совершать ошибок вследствие того, что фильтры, включенные в ЕИС, не пропускают намеренные или невольные нарушения. В 2021 г. были приняты масштабные поправки в базовые законы о закупках согласно оптимизационному закону "О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ" (360-ФЗ). Конкретно малого бизнеса касаются следующие новации:

- уменьшен срок оплаты госконтракта с 15 до 7 рабочих дней сокращены сроки закупок;
- упрощена процедура закупок за счет сокращения способов закупки до пяти в электронном формате: аукцион, конкурс, запрос котировок, малые закупки в электронных магазинах, закупки у единственного поставщика;
- запущена платформа Центрального банка «Знай своего клиента»;
- с 2023 г. функционирует рейтинг деловой репутации предпринимателей, оцениваемой автоматически на основе данных из ЕИС.

В законе "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" (223-ФЗ), регулирующем корпоративные закупки, принципы закупок сформулированы, исходя из необходимости осуществления конкурентных форм закупок, обеспечивающих заказчику наиболее выгодные коммерческие условия, оптимальные сроки выполнения работ или предоставления услуг, а также возможность привлечения самых конкурентоспособных поставщиков и подрядчиков.

Эффективное электронное взаимодействие государства и бизнеса предполагает его свободный доступ к полной информации о закупках государства на основе постепенной трансформации ЕИС в цифровую экоплатформу [8, с. 268-272], обеспечивающую формирование единого закупочного пространства, внедрение новейших цифровых технологий 4-й промышленной революции. На наш взгляд, с 2019 г. начался переход от электронизации к цифровизации контрактной системы. Это способствует росту прозрачности и доступности закупок государства для бизнеса, развитию конкуренции на этом рынке и, в конечном счете, – повышению эффективности закупочной деятельности государства (рис. 4.1).

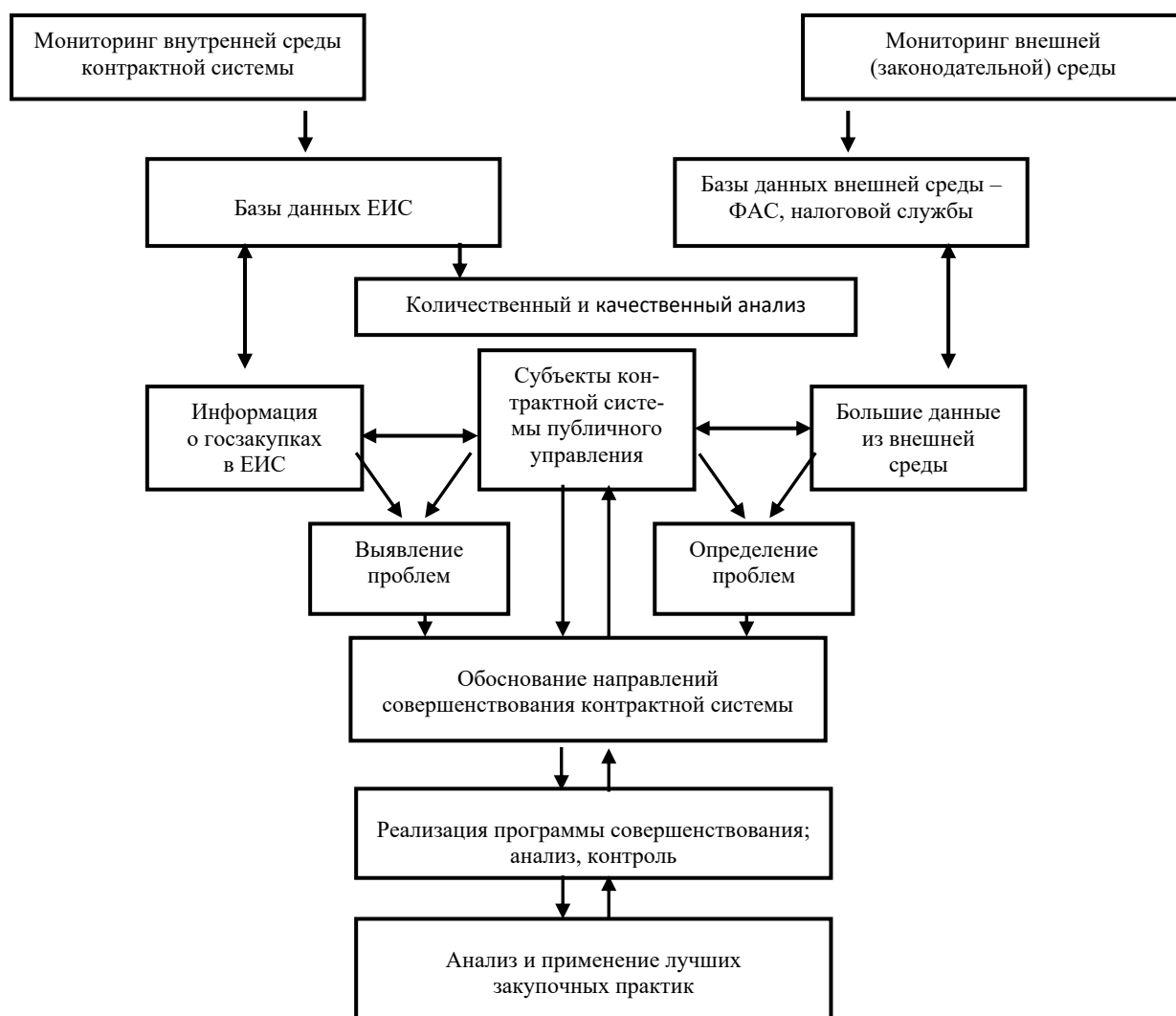

Рис. 4.1. Алгоритм совершенствования контрактной системы

Конечно, на наш взгляд, следует учитывать, что более корректно пока использовать термин "электронизация", а не "цифровизация" по отношению к ЕИС в сфере закупок, поскольку в 2019 г. был фактически завершен перенос "бумажных" закупочных процедур по всем способам определения поставщика в интернет-среду. Элементы цифровизации закупок внедрены лишь на электронных площадках, например, на площадке "Сбер-АСТ" – аукционный робот, блокчейн, смарт-контракты, анализ Big Data. Поэтому, зачастую, понятие "цифровизация" закупок используется как более современный синоним их электронизации.

Как показано выше, практически начиная с 1992 г. российская закупочная система закупок находится в состоянии непрерывной трансформации, эволюционного процесса ее непрерывных радикальных системных качественных преобразований в ответ на особые вызовы со стороны внешней среды или внутренних противоречий, перехода "к содержательно другой модели управления, ориентированной на цифровые технологии и активное их применение в повседневной профессиональной деятельности" [9, с. 23] госзаказчиков, по-

ставщиков, других ее субъектов. Основной целью цифровой трансформации системы госзакупок является повышение эффективности и транспарентности инструментария ее реализации для обеспечения доступности госконтрактов для бизнеса. Для достижения поставленных целей в последние годы осуществлено усиления публичного характера контрактной системы, комплексно используются транспарентные инструменты, расширяется регулирующее взаимодействие органов государственного управления и заинтересованных представителей бизнеса и гражданского общества. Современная цифровая трансформация закупочной системы государства ориентирована на институциональные изменения контрактной системы по стимулированию активности участия предпринимательства на рынке госзакупок.

Основными субъектами цифровой трансформации контрактной системы закупок являются Правительство РФ и Министерство финансов. Контрольная функция по обеспечению предотвращению нарушений закупочного законодательства в основном возложена на Федеральную антимонопольную службу, которая выявляет нарушения со стороны заказчиков, участников торгов, поставщиков и др. субъектов рынка госзакупок, оценивает процедуры закупок и предъявляет судебные иски.

Создание контрактной закупочной системы в 2014 г. обеспечило дальнейшую ее цифровизацию, трактуемую нами в контексте обновления сложившихся и создания новых институтов, регламентирующих поведение ее субъектов. Цифровая трансформация системы госзакупок включает:

- изменение правил поведения госслужащих;
- постепенное преобразование платформы ЕИС в распределенную базу данных, целеориентация которой изменилась с механизма предотвращения коррупции (указ Президента РФ от 08.04.1997г. №305 "О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд") к ее унификации и целостности.

В результате электронный аукцион в 2018 г. составил 68,7% объема всех закупок при 60% в 2017г. (рост за год на 13%), но в 2022 г. доля его сократилась до 48%, открытого конкурса в электронной форме выросла в связи с сокращением числа способов торгов согласно закону 360-ФЗ до 26% при доле закупок у единственного поставщика в 24% и снижении доли закупок другими способами электронных торгов до 2% [1].

Повышенная прозрачность и технологическое развитие электронных способов торгов создали некоторые дополнительные трудности для участников. Помимо сложностей взаимодействия с государственными органами, потенциальным поставщикам пришлось преодолевать нежелание участвовать в электронных аукционах в режиме онлайн. Они также должны позаботиться об аккредитации на электронном сайте, иметь резервный доступ в интернет на случай сбоев в работе сети, резервировать финансовые ресурсы в качестве аукционного поручителя, изучать правила и механизмы новой технологии закупок и др.

Актуальной задачей цифровизации системы бюджетных закупок, в т.ч. относительно их доступности для малого бизнеса является повышение прозрачности, т.е. прозрачности и доступности полной информации о бюджетных закупках [10, с. 112-117]. В национальном проекте по поддержке МСП большое внимание уделяется вопросам цифровизации. В частности, для субъектов МСП планируется создание цифровой экосистемы, повышающий уровень удобства получения различного рода государственной помощи, доступа к информационным, образовательным платформам и сбытовым площадкам.

В целом, цифровая прозрачность закупочной системы способствует росту числа участников торгов и росту экономии бюджетных средств на основе усиления их конкуренции (табл. 4.1).

Таблица 4.1.

Динамика экономии бюджетных средств по результатам заключения государственных и муниципальных контрактов, млрд руб. [1]

Годы	Экономия
2007	208
2010	323
2018	393,68 (7,54%)
2019	406,08 (6,86 %)
2020	441,92 (7,94 %)
2021	396,19 (6,43 %)
2022	395,44 (4,97 %)
1 квартал 2023	119,6 (6,22 %)

Следовательно, цифровизация российской системы бюджетных закупок ориентирована, прежде всего, на повышение эффективности, прозрачности, доступности закупок государства для бизнеса, снижение коррупционных рисков посредством более эффективного контроля закупок, а также на поддержку и развитие малого бизнеса. В этом высока значимость такого проекта цифровизации закупок, участниками которых являются его субъекты, как создание и успешное функционирование электронных магазинов.

Они предназначены для закупок малого объема, что значительно поддерживает МСП с современных санкционных условий. В настоящее время уже в большинстве регионов страны работают магазины закупок малого объема, которые повышают конкурентоспособность малого бизнеса на местном рынке.

В Ростовской области также с 2017 г. функционирует Региональный портал закупок малого объема для закупок до 600 тыс. руб. государственными и муниципальными заказчиками. Это закупки у единственного поставщика, но в результате цифровизации они трансформируются в конкурентные, обеспечивая экономию бюджетных средств, контроль за ними, повышение прозрачности и эффективности таких закупок, а также стимулирование спроса на продукцию местных производителей, прежде всего малых. Об эффективности функционирования Регионального портала свидетельствует высокая динамика как

объемов осуществленных госзакупок и заключенных контрактов, так и полученной экономии средств регионального бюджета (рис. 4.2).

Стоимостные объемы государственных и муниципальных закупок заказчиков области на Региональном портале выросли почти на треть, а экономия бюджетных средств по неконкурентным ранее закупкам у единственного поставщика увеличилась на 58%. 728,2 млн руб. малых закупок в 2022 г. – это удовлетворенный спрос учреждений общественного сектора региона на продукцию донского малого бизнеса, это его господдержка в условиях санкционного давления.

Рис. 4.2. Характеристики закупок на Региональном портале малых закупок Ростовской области, 2022 г. [11]

Кроме того, положительным эффектом таких автоматизированных сервисов является возможность проводить мониторинг и контроль закупок малого объема. В Ростовской области, как и в других регионах России, такого рода мониторинг либо совсем не осуществлялся ранее, либо проводился только на основании тех данных, которые предоставляли заказчики в отчетах. Также интернет-сервисы для малых закупок дают возможность ведения базы поставщиков по региону в целом, а также базы их ценовых предложений.

Таким образом, проведенное исследование императивов и эффектов цифровой трансформации контрактной системы как фактора повышения ее прозрачности для бизнеса позволило получить следующие выводы:

- внедрение новейших цифровых технологий Индустрии 4,0 в госсекторе имеет высокий положительный эффект;
- цифровизация системы госзакупок модернизирует поведение участников торгов в направлении его легитимации;
- повышение прозрачности информации для бизнеса способствует привлечению все большего числа участников торгов, росту конкуренции и экономии государственных финансовых ресурсов.

Для дальнейшего повышения транспарентности закупочной системы России для бизнеса может быть эффективно использован опыт Китая, стремительно углубляющего цифровизацию госзакупок. В Китае также в течение последних более трех десятилетий осуществлена институциональная трансформация механизма использования государственных расходов из распределения плана в публичные закупки на основе рыночного механизма [12, с. 76-92].

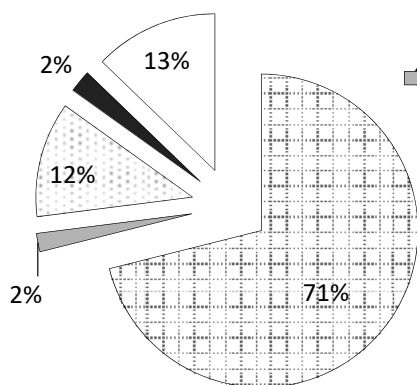
Широкие масштабы государственных закупок и осуществляемых транзакций делают государство в Китае крупнейшим потребителем в стране или регионе и напрямую влияют на соотношение спроса и предложения на соответствующих отраслевых рынках, а жизнеобеспечивающий характер закупок государства (например, лекарств в больницах, питания в школах) и государственная значимость (оборонный заказ) выдвигают задачу обеспечения закупок на первое место в структуре государственной экономической политики. О масштабах национальной системы госзакупок Китая свидетельствует Директива правительства о замене иностранных компьютеров на отечественные с операционным программным обеспечением, разработанным в Китае, реализация которой началась в мае 2022 г. и требует закупки около 50 млн компьютеров для нужд только центрального правительства [13].

Институционально-правовая основа функционирования национальной системы госзакупок Китая включает законы «О торгах КНР» и «О государственных закупках КНР», определивших цель их проведения как "обеспечение требуемого результата, а именно: приобретение требуемого количества, надлежащего качества товаров, работ, услуг и с наименьшими затратами" [14, с. 2].

Электронизация рынка госзакупок Китая институционализована в «Положении о реализации закона о тендерах и торгах» (2011 г.): «Государство поощряет использование информационных сетей для проведения электронных торгов и тендеров». Согласно «Положению о реализации закона о государственных закупках» (2014 г.), Китай содействует деятельности в области электронных закупок государства и принимает единые стандарты построения платформы электронных торговых закупок для государственных нужд. Поскольку все больше провинций и городов, начиная с «Временных мер по управлению государственными закупками в Интернете в Шэньчжэне», создавали собственные платформы для электронных закупок, Государственный совет КНР принял 17 августа 2015 г. закон об их интеграции в рамках единой платформы для торговли государственными ресурсами, требуемой от местных органов власти всех уровней. В конце 2017 г. на национальном уровне была сформирована единая платформа для государственных закупок www.china-cpp.com.

В результате электронизация государственных закупок, постепенно с развитием цифровых технологий 4-й промышленной революции перерастающая в их цифровизацию, стала институционально-технологической инновацией, способствовавшей повышению эффективности государственных закупок их доступности для бизнеса. Как и в России, электронизация повысила долю открытых торгов, более доступных для бизнеса (рис. 3).

Открытые торги (71,1%)

Селективные торги (1,9%)

Конкурсные переговоры (11,9%)

Запросы предложений (2,3%)

Закупки у единственного поставщика (12,8%)

Рис. 4.3. Структура способов торгов для государственных нужд в Китае, 2019 г., % [15, с. 160]

Оцифровка такого большого рынка ведет к быстрому развитию электронной торговли, стимулируя революционные изменения и в сфере коммерческих транзакций. По оценкам, общий объем цифровых закупок в Китае в 2022 г. достиг 14,32 трлн юаней или 6,26% общего объема транзакций в стране [16]. С другой стороны, быстрое развитие электронной торговли имеет прямой эффект на увеличение объемов и совершенствование государственных закупок. В 2020 г. объем закупок государства вырос на 11,8% и достиг 3,7 трлн юаней, в 2019 г. – 3,59, 2018 г. – 3,2, а в 2017 г. – 2,8. При этом в 2020 г. стоимостный объем контрактов на госзакупки микро-, малыми и средними предприятиями вырос до 2,8 трлн юаней, что составило 75,5% от их общего объема [17] и существенно выше, чем в России. Этому способствует повышение цифровой прозрачности рынка госзакупок, совершенствование прозрачности закупок [18] позволяющей также государству и его учреждениям привлекать все больше поставщиков для участия в конкурентной борьбе, что обеспечивает снижение начальных цен контрактов.

С помощью цифровой платформы государство обеспечивает качественный, эффективный и недорогой доступ к закупкам бизнес-структурам и институтам гражданского общества, с тем чтобы общество могло осуществлять демократический контроль на основе полной информации о государственных закупках.

Таким образом, цифровые инструменты и платформы расширяют доступ бизнеса Китая и РФ к участию в госзакупках, реализуя приоритет малого бизнеса. Опыт Китая по использованию цифровой платформы госзакупок в целях их стандартизации, повышения прозрачности и доступности для бизнеса может быть эффективно использован и в России, что обеспечит также повышение целостности единого закупочного пространства ЕАЭС.

Литература

1. Статистика / Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [Электронный ресурс]. // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 27.08.2023).

2. Малый и средний бизнес производит в Китае 60% ВВП [Электронный ресурс]. // URL: <https://platform.plus-one.ru/news/2021/07/08/malyu-i-sredniy-biznes-proizvodit-v-kitae-60-protentov-vvp> (дата обращения: 23.08.2023).
3. Китай разработал многоцелевую программу поддержки малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс]. // URL: <https://regnum.ru/news/economy/2919338.html> (дата обращения: 20.08.2023).
4. Прогноз предпринимателей: «2023-й будет годом роста, 2022 / РБК [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.rbc.ru/spbsz/09/04/2022/624e90dd9a79479f7e8ac2df> (дата обращения: 23.08.2023).
5. Белокрылов К.А. Институционально-цифровая трансформация механизма использования государственных расходов. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. – 202 с.
6. Лайсонс К., Джиллингем М. Управление закупочной деятельностью и цепью поставок. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 795 с.
7. Умнова М.Г. Развитие участия малых и средних предприятий в государственных закупках в России // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 12. – С. 3205-3221. DOI:10.18334/epp.12.12.116927.
8. Белокрылов К.А. Цифровая экосистема государственной поддержки малого предпринимательства: роль публичных закупок // Цифровая экосистема экономики: сборник статей по итогам IX-й международной научно-практической онлайн конференции. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022. – С. 268-272.
9. Сергеева С.А. Институт закупок в условиях цифровой трансформации // Финансовые рынки и банки. – 2022. – № 10. – С. 20-24.
10. Новикова А.В. Единая информационная система закупок: электронизация, пути развития // Инновационное развитие предпринимательской деятельности региона. Сб. статей международной научно-практической конференции. – Брянск: Брянский институт управления и бизнеса, 2020. – С. 112-117.
11. Региональный портал закупок малого объема Ростовской области. [Электронный ресурс]. // URL:<https://rostovoblzmo.rts-tender.ru> (дата обращения 24.08.2023).
12. Кадочников Д.В. Российская Федерация и Китайская Народная Республика: общее и особенное в межбюджетных отношениях центральных и региональных властей // Пространство экономики. – 2017. – №2. – С.76-92.
13. Импортзамещение информационных технологий в Китае. 2022.05.09 [Электронный ресурс]. // URL:www.tadviser.ru/index.php?ysclid=lnpod6ivlx617611657 www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения 24.08.2023).
14. Цзя Сюедун Логистическая трансформация рынка государственных закупок Китая [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/1e5/1e5be11f0fd114507d04c04392aba976.pdf> (дата обращения 24.08.2023).
15. Цзя Сюедун Государственные закупки Китая как объект логистизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (124). – С. 158-164.
16. Gan Gongren Improving the legal system of public procurement in China. 2019 [Электронный ресурс]. // URL:www.juristlib.ru/book_7570.html (accessdate 04.08.2023).
17. China's Digital Procurement Market Shows Strong Growth According to 2023 Development Report. July 12, 2023 [Электронный ресурс]. // URL:<https://www.breakinglatest.news/business/chinas-digital-procurement-market-shows-strong-growth-according-to-2023-development-report/> (accessdate 04.08.2023).
18. Китай увеличил госзакупки почти на 12%. / РЕГНУМ. 2021 [Электронный ресурс]. // URL: <https://regnum.ru/news/3362137?ysclid=lnn7p1pi8m213571444> (дата обращения 31.08.2023).

4.2. Валютно-финансовая нестабильность: оценка и прогнозирование

Валютно-финансовая нестабильность как низкая или полная неспособность противостоять внешним или внутренним шокам находит свое проявление как в динамике показателей валютной сферы – валютного курса, международных резервов, международной валютной ликвидности, так и в неспособности финансовой сферы в целом выполнять свои функции эффективного перераспределения финансовых ресурсов в экономике. Высшей формой валютно-финансовой нестабильности выступает валютно-финансовый кризис, характеризующийся ростом инфляции, падением реальных доходов населения и потребительского спроса, спадом производства и сопровождающийся, в конечном итоге, замедлением или даже падением темпов экономического роста. Таким образом, широкий спектр и значимость негативных последствий валютно-финансовой нестабильности для национальной экономики предопределяет необходимость ее мониторинга, оценки и прогнозирования.

Валютно-финансовую нестабильность следует трактовать, на наш взгляд, как неустойчивость валютно-финансовой системы, крайней формой которой выступает валютно-финансовый кризис. В свою очередь, собственно валютная нестабильность (неустойчивость) проявляется в формах резкого изменения валютных курсов, девальвации и ревальвации валют, ухудшении международной валютной ликвидности. Высшей формой такой нестабильности выступает валютный кризис. В условиях режима фиксированного валютного курса кризис есть отказ от данного режима.

Под финансовой нестабильностью следует понимать состояние финансовой системы, при котором она (финансовые посредники, рынки, рыночная инфраструктура) не в состоянии противостоять шокам, т.е. выполнять свои функции перераспределения финансовых ресурсов и трансформации сбережений в инвестиции. При рассмотрении валютных механизмов как элемента названной системы, валютная нестабильность является одной из форм финансовой нестабильности.

В свою очередь, в зависимости от источников возникновения исключительно валютной нестабильности и, в крайнем проявлении – валютного кризиса, классически выделяют: собственно валютный кризис (кризис платежного баланса), источником которого является несбалансированность текущего счета платежного баланса (и его статей); финансовый кризис (долговой кризис государства), когда валютный кризис есть следствие дисбаланса величины государственного внешнего долга и возможности его погашения; банковский кризис (валютно-банковский кризис), при котором первоисточником валютного кризиса является задолженность частного сектора (банковского или реального).

Оба подхода к определению валютно-финансовой нестабильности являются самодостаточными, поскольку данные типы нестабильности тесно переплетены и взаимозависимы. Однако валютная и финансовая нестабильность различаются по объекту исследования. В случае валютной нестабильности им

является валютный курс, финансовой – динамика ВВП. Колебания валютного курса и золотовалютных резервов – источник финансовой нестабильности. Поскольку в современных условиях резкие колебания валютного курса приводят к падению ВВП и соответствующим последствиям финансового кризиса, имеет место валютно-финансовая нестабильность, которая комплексно описывает протекающие явления в экономике.

Таким образом, валютно-финансовая нестабильность (кризис) может рассматриваться в двух контекстах: 1) как нестабильность (кризис) собственно валютной сферы, где «финансовая» означает ее принадлежность к типу финансовой нестабильности или источником являются иные элементы финансовой системы; 2) как нестабильность (кризис), охватывающая одновременно и иные элементы финансовой системы. В данной работе валютно-финансовая нестабильность рассматривается в первом обозначенном контексте.

Неприемлемость состояния валютной нестабильности в любой экономике предполагает задействование всех методов управления ею: прогнозирование, предупреждение, мониторинг и элиминирование негативных последствий.

Основные исследования в области валютно-финансовой нестабильности относятся к 1990-м – началу 2000-х гг. и представлены разработками методологии прогнозирования валютных кризисов. Крупнейшими кризисами конца XX в. явились европейский кризис 1992 г., мексиканский – 1994 г., азиатский – 1997 г., российский кризис 1998 г., что и активизировало исследования в рамках данной проблемы. Большинство современных работ рассматривают эпизоды валютной нестабильности отдельных стран, а в их анализе используются отсылки к фундаментальным работам конца 1990-х – начала 2000-х гг. Учитывая потенциальные разрушительные последствия валютно-финансовой нестабильности, исследователи нацелили свои усилия на разработку методологии ее заблаговременного выявления. Исходным пунктом идентификации уязвимости экономики явился отбор экономических показателей – индикаторов, позволяющих наиболее точно предсказать наступление валютно-финансовой нестабильности. Формирование системы показателей прогнозирования нестабильности сопровождалось их качественным анализом, а в последующем и определением их количественных параметров для снижения субъективности оценки. [1]

В качестве индикаторов валютно-финансовой нестабильности (кризиса) в классических работах по проблеме исследовались различные показатели (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Индикаторы валютно-финансовой нестабильности

Авторы	Показатели
Эйхенгрин, Роуз, Виплош, 1995 [3]	Золотовалютные резервы, обменный курс, краткосрочная ставка процента, ставка рефинансирования центрального банка, изменение экспорта, импорта, отношение сальдо текущего счета к ВВП, отношение бюджетного дефицита к ВВП, внутренний кредит, денежная масса, безработица, инфляция, реальный ВВП, доходность государственных облигаций, фондовый индекс.

Авторы	Показатели
Франкель, Роуз, 1996 [4]	Темп роста внутреннего кредита, профицит/дефицит бюджета к ВВП, темп роста реального ВВП; внешний долг к ВВП, отношение золотовалютных резервов к импорту, сальдо счета текущих операций к ВВП, реальный валютный курс; доля внешних заимствований коммерческих банков, льготного долга, внешнего долга с переменной процентной ставкой, внешнего долга государственного сектора, краткосрочного внешнего долга, долга международным финансовым организациям, отношение притока прямых иностранных инвестиций к внешнему долгу; краткосрочная мировая ставка процента, темп роста реального ВВП в странах ОЭСР.
Эйхенгрин, Роуз, 1998 [5]	Золотовалютные резервы, сальдо счета текущих операций, внешний долг, реальный валютный курс; бюджетный дефицит, внутренний кредит, ВВП на душу населения; краткосрочная мировая ставка процента, темп роста реального ВВП в странах ОЭСР.
МВФ, 1998 [6]	Сальдо торгового баланса, реальный эффективный валютный курс, золотовалютные резервы, экспорт, реальный ВВП, индекс фондового рынка, инфляция, динамика денежной массы М2 в номинальном и реальном выражении, отношение денежной массы М2 к золотовалютным резервам, отношение денежного агрегата М2 к М1.
Глик и Морено, 1999 [7]	Номинальная и реальная денежная масса М2, денежный мультипликатор, отношение денежной массы к золотовалютным резервам, внешний кредит, отклонение реального курса от тренда, динамика экспорта, сальдо торгового баланса.
Камински, Рейнхарт, 1999 [8]	Денежный мультипликатор, внутренний кредит к ВВП, реальная ставка процента по депозитам, отношение ставки по кредитам к ставке по депозитам, отношение денежной массы к золотовалютным резервам, избыточное предложение денег в реальном выражении, депозиты в коммерческих банках в реальном выражении, экспорт, импорт, реальный валютный курс, условия торговли, золотовалютные резервы, разница между внутренней и внешней реальной ставкой процента, промышленное производство, бюджетный дефицит к ВВП.
Камински, Лизондо, Рейнхарт, 1998 [9]	Золотовалютные резервы, экспорт, импорт, условия торговли, реальный валютный курс, спред между мировой и внутренней ставками процента, избыточное предложение в реальном выражении, денежный мультипликатор, отношение внутреннего кредита к ВВП, реальная ставка процента по депозитам, отношение ставки по кредитам к ставке по депозитам, депозиты коммерческих банков, реальный ВВП, индекс фондового рынка.

Источник: собственная разработка на основе [2]

Анализ показателей, используемых исследователями для оценки и прогнозирования, позволяет выделить следующие их основные группы: показатели внешнего сектора, денежного сектора, общие макроэкономические показатели.

Обобщение методов оценки и прогнозирования валютно-финансовой нестабильности (валютного, банковского, финансового кризиса) позволяет выделить следующие группы:

1) качественный анализ, предусматривающий сопоставление динамики основных индикаторов в обычных, докризисных условиях и в период перед кризисом, а также сравнение их со стандартными (эталонными) оценками;

2) эконометрическое моделирование, которое основывается на построении регрессионных моделей, позволяющих оценить взаимосвязь показателей с вероятностью кризиса и используемых в дальнейшем для его прогнозирования;

3) непараметрические оценки, предполагающие определение пороговых значений индикаторов-предвестников кризиса, а также сводных показателей (индексов) стабильности.[2]

Качественный анализ показателей включает оценку их поведения до и после кризиса. Так, например, в преддверии девальвации наблюдается падение экспорта, рост импорта, нарастание дефицита счета текущих операций, снижение золотовалютных резервов что позволяет признать их пригодными для прогнозирования валютного кризиса в данной конкретной стране.

Вторая группа методов идентификации и прогнозирования валютно-финансовых кризисов включает эконометрические модели, которые используются для обнаружения наилучших индикаторов-предвестников кризиса на основе logit и probit-моделей. В отдельных работах значимыми индикаторами валютного кризиса (девальвации) были определены рост отрицательного сальдо текущего счета платежного баланса [3], рост валового долга и уменьшение золотовалютных резервов [4], сокращение золотовалютных резервов [10], несбалансированность платежного баланса [11]. Вероятность девальвации увеличивается при уменьшении золотовалютных резервов и росте отношения денежной массы M2 к золотовалютным резервам, снижению внутреннего кредита [7], увеличении дефицита текущего счета платежного баланса, снижении золотовалютных резервов, переоцененном валютном курсе и неблагоприятных условиях торговли [12].

Непараметрические оценки впервые были использованы в работе Камински, Лизондо и Рейнхарт, посвященной разработке ранних предупреждающих сигналов для определения кризиса [9]. Валютный кризис определялся как резкое обесценение валюты и/или сокращение золотовалютных резервов. Идентификация кризиса осуществлялась посредством использования «индекса давления на обменный курс», равного средневзвешенному изменению обменного курса и золотовалютных резервов за месяц. Авторами также был предложен «сигнальный подход» к прогнозированию кризиса на основе установления пороговых значений для избранных показателей для каждой отдельной страны. Индекс давления на валютный курс, EMPI (exchange market pressure index, англ.) («индекс давления на валютный рынок», «индекс напряженности валютного рынка» в иных редакциях) как метод идентификации и прогнозирования валютного кризиса в различных модификациях использовался рядом авторов [9, 13–18].

Анализ показывает, что наиболее широко используемыми индикаторами валютной нестабильности являются валютный курс и золотовалютные резервы (см., например, [19]).

Особую группу показателей прогнозирования валютной нестабильности составляют показатели адекватности (достаточности) международных резервов:

1. Покрытие международными резервами годового объема импорта товаров и услуг, т.н. показатель «резервы/импорт» (RES/IM). Он предполагает необходимость обеспечения оплаты импорта в отсутствии иных источников финансирования и, таким образом, в большей степени применим для стран, основным фактором уязвимости для которых выступают шоки внешней торговли, а также низкий доступ к мировым рынкам капитала. Пороговое значение показателя в настоящее время составляет 3 месяца импорта.

2. Покрытие краткосрочного внешнего долга с учетом сроков его погашения ($RES/STED$, критерий Гринспена), т.е. способность выполнять свои внешние обязательства без привлечения новых внешних заимствований, что обуславливает его пороговое значение на уровне 100%.

3. Отношение резервов к валовому внутреннему продукту (RES/GDP). Применимость данного индикатора заключается в том, что, осуществляя валютные интервенции, национальный банк является поставщиком иностранной валюты, поэтому уровень резервов должен покрывать ожидаемые потери от гипотетического валютного кризиса, измеряемые в отношении к ВВП. По оценкам, средний пороговый уровень этого показателя колеблется в пределах 10—20 % ВВП [20, с.12].

4. Отношение денежного агрегата M2 к международным резервам ($M2/RES$). Показатель является индикатором величины денежной эмиссии и отражает возможности регулятора обеспечивать конвертируемость национальной валюты. Тем самым при росте показателя повышается риск возникновения валютного кризиса, если объем международных резервов недостаточен. При достижении этим показателем 100 % имеет место ситуация полного покрытия международными резервами денежного агрегата M2.

Данная группа в последующем была дополнена правилом Гвидотти – резервы должны покрывать сумму краткосрочного внешнего долга и процентных выплат в предстоящие 12 месяцев; критерием Редди, предусматривающим в качестве минимальной величины покрытие международными резервами трехмесячного импорта товаров и услуг и годовых выплат по государственному и частному внешнему долгу, включая проценты; критерием Винхолдса-Каптейна, оценивающего покрытие резервами краткосрочного внешнего долга и широкой денежной массы. Первые два индикатора предполагают полное покрытие международными резервами названных расходов. Критерий Винхолдса-Каптейна показывает, насколько в условиях кризиса объем имеющихся резервов позволит обеспечить покрытие возросшего спроса резидентов и нерезидентов на иностранную валюту для перевода активов, выраженных в национальной валюте. Наряду со спросом для погашения краткосрочных внешних обязательств оценивается и возможность изъятия денежной массы для вывода за рубеж, т.е. характеризуется способностью денежных властей страны противостоять утечке капитала. Максимальная величина спроса для изъятия денежной массы будет определяться объемом широкой денежной массы. Однако в практическом плане предположение об риске изъятия всей денежной массы является нереалистичным. Поэтому пороговое значение покрытия принимается на более низком

уровне. По Винхолдсу-Каптейну, в условиях плавающего валютного курса оно составляет 10-20% МЗ. [21]

Мониторинг и оценка ситуации с целью прогнозирования валютной нестабильности в Республике Беларусь на основе адекватности международных резервов в отдельные годы проводилась исследователями [см., например, 20, 22, 23]. На постоянной основе такой мониторинг проводит Национальный банк Республики Беларусь, с 2020 г. в рамках расширенного круга показателей, включая и оценку достаточности резервов в условиях фиксированного и плавающего валютного курса на основе методических подходов МВФ (ARA, Assessing Reserve Adequacy, англ.).[24]

Анализ уровня и динамики показателя RES/IM в Республике Беларусь за период 2010-2023 гг. показывает, что он не превышал 2,7 мес. импорта, а на 01.01.2023 г. составил 2,2 мес. Оценка показателя RES/STED свидетельствует о недостаточности резервов для покрытия краткосрочного внешнего долга. В частности, на начало 2023 г. он формировался на уровне 78,8%. Соотношение RES/GDP формировалось в пределах достаточности, т.е. свыше 10%, за исключением 2014-2015 гг. (на 01.01.2023 г. показатель составил 10,8%). Покрытие международными резервными активами предстоящих выплат по валовому внешнему долгу (критерий Гвидотти) также не достигал порогового уровня (разброс колебаний с 2013 г. по 2023 г. формировался в диапазоне 21,2 -52,0%). На начало 2023 г. его значение – 45,4%. [24]

Покрытие международными резервными активами импорта товаров и услуг и выплат по валовому внешнему долгу (в месяцах платежей) колебалось в 2013-2023 гг. в пределах 0,9-1,9 мес., а на 01.01.2023 г. составило 1,6 мес.

Текущий уровень резервных активов относительно АРА-метрики на 1 января 2023 г. составил для условий фиксированного валютного курса 48,7%, или 16294,8 млн. долл., плавающего курса – 70,2%, или 11300,3 млн. долл. США. [24]

Таким образом, анализ и оценка показателей адекватности резервов для целей обеспечения валютно-финансовой безопасности показывает их недостаточный уровень, необходимость их постоянного жесткого мониторинга и наращивания объема золотовалютных резервов.

Для цели прогнозирования вероятности наступления валютного кризиса, в качестве переменной, отражающей возможность реализации кризиса, рассчитаем индекс давления на валютный рынок как средневзвешенное значение темпа обесценения национальной валюты (в данном исследовании ежемесячного изменения официального курса белорусского рубля по отношению к доллару США в номинальном выражении) и ежемесячного изменения величины золотовалютных резервов (в процентном выражении):

$$EMPI_t = \delta e_t - \left(\frac{\sigma_{\delta e}}{\sigma_{\delta R}} \right) \times \delta R_t \quad (1)$$

где δe_t — темпы прироста обменного курса в периоде t ;
 δR_t — темпы прироста золотовалютных резервов в периоде t ;

$\sigma_{\delta e}$, $\sigma_{\delta R}$ — стандартные отклонения колебаний обменного курса и золото-валютных резервов соответственно [18, с. 16].

В качестве эпизодов напряженности рассматривался такой момент или период, в который значение индекса ЕМРІ отклонялось от своего среднего значения в большую сторону – более чем на три стандартных отклонения («жесткие» кризисы по [13]). Расчет индекса давления на валютный рынок был осуществлен для валютного рынка Республики Беларусь за период январь 2010 г. – июль 2023 г. Пороговое значение индекса составило 30,4. За указанный период на рынке дважды складывалась ситуация, характеризующаяся избыточным давлением на национальную валюту: во втором квартале 2011 г. и январе 2015 г. (см. рис. 1). Оценка напряженности на валютном рынке Республики Беларусь была дана и по критерию «мягкого» кризиса: нахождение значения индекса в интервале от 1,5 до 2 стандартных отклонений [13, 2]. Пороговое значение индекса для данного случая составило 15,7 (рис. 4.4).

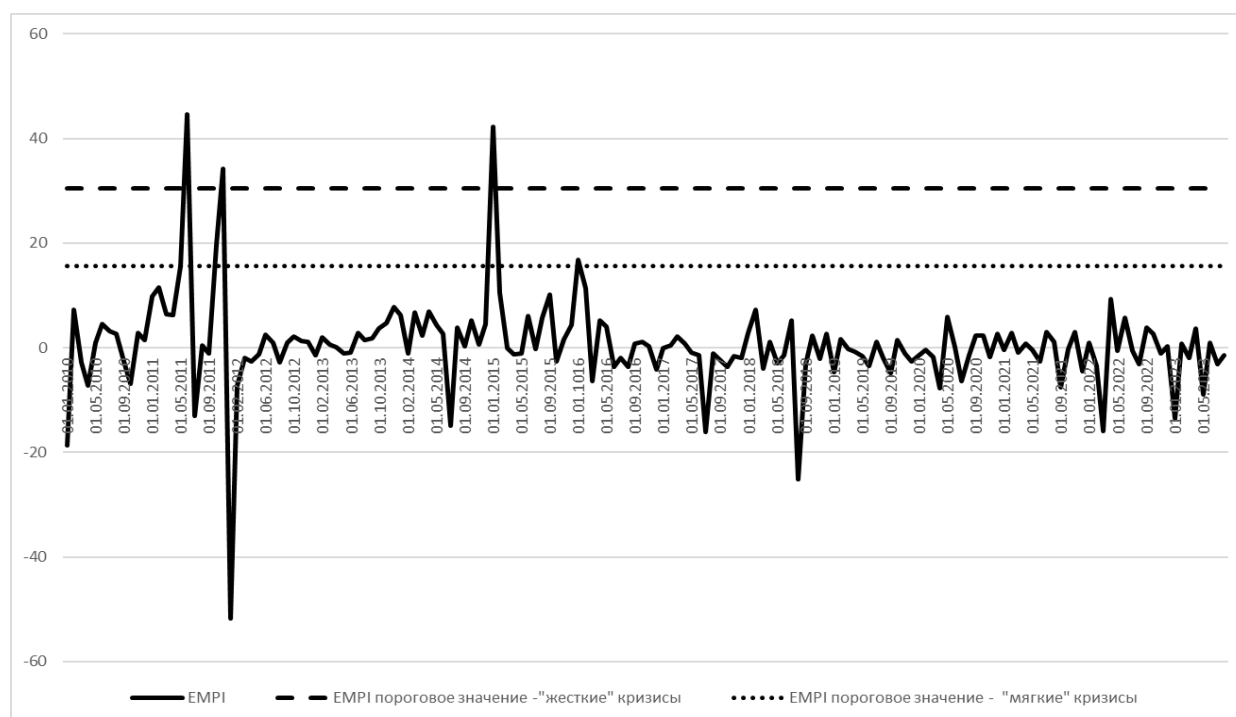

Рис. 4.4. Индекс ЕМРІ Республики Беларусь (январь 2010 г. – июль 2023 г.)
Источник: собственная разработка на основе [25, 26].

Анализ графика показывает, что в исследуемом периоде 2010 – 2023 гг. и применение критерия «мягких» кризисов не указывает на вхождение национальной экономики в валютный кризис после 2014-2015 гг. Однако всплеск валютно-финансовой нестабильности наблюдался в середине 2020 г. в период пандемии и в марте 2022 г., когда номинальный курс белорусского рубля снизился на 18,3% следуя за динамикой курса российского рубля.

В целом, тестирование метода ЕМРІ на материалах периода 2010-2023 гг. позволяет сделать вывод о возможности его применения для идентификации и прогнозирования валютной нестабильности в Республике Беларусь.

Таким образом, понятие валютно-финансовой нестабильности может рассматриваться, во-первых, как охватывающая исключительно валютную сферу национальной экономики, однако среди своих источников имеющая как несбалансированность текущего счета платежного баланса, так и дисбаланс величины государственного долга и возможности его погашения, а также задолженность частного сектора, банковского и/или реального и, во-вторых, нестабильность финансовой сферы в целом. Высшей формой валютно-финансовой нестабильности выступает валютно-финансовый кризис.

Исследование валютно-финансовой нестабильности осуществляется в рамках трех групп методов: качественного анализа, эконометрического моделирования, непараметрических оценок. Однако все методы основываются на выделении экономических показателей-индикаторов (предвестников) валютно-финансовой нестабильности (кризиса). Основными показателями-индикаторами валютной нестабильности являются валютный курс и золотовалютные резервы.

Особую группу индикаторов валютно-финансовой нестабильности составляют показатели адекватности международных резервов, широко используемые для целей ее мониторинга и прогнозирования.

Анализ уровня и динамики показателей достаточности международных резервов для Республики Беларусь показывает, что традиционно на протяжении длительного периода исследования значения доминирующего большинства показателей не достигает своих эталонных (пороговых) значений. В тоже время отношение международных резервов к ВВП характеризуется приемлемым уровнем и устойчивой динамикой.

Оценка валютной нестабильности посредством расчета индекса давления на валютный рынок для Республики Беларусь в период января 2010 г. – июля 2023 г. позволяет сделать вывод, что данный показатель дает адекватную оценку наличия избыточного давления на валютный курс и может использоваться для прогнозирования валютной нестабильности.

Литература

1. Дробышевский С., Трунин П. и др. Некоторые подходы к разработке индикаторов мониторинга финансовой стабильности. Научные труды №103Р. – М.: ИЭПП, 2006.
2. Дробышевский С., Синельников С. И др. Мониторинг финансовой стабильности в развивающихся экономиках (на примере России). – М.: ИЭПП, 2007. <https://www.iep.ru/files/text/usaid/monit.pdf>
3. Eichengreen B., Rose A., Wyplosz Ch. Contagious Currency Crises. NBER Working Paper No. 5681.– July 1996.
4. Frankel J.A., Rose A.K. Currency Crashes in Emerging Markets: An Empirical Treatment // Journal of International Economics. 1996. Vol. 41 (November). P. 351–366.
5. Eichengreen B., Rose A. Staying afloat when the wind shifts: External factors and emerging-market banking crises. NBER Working paper. 6370. 1998.
6. International Monetary Fund. Chapter IV: Financial crises: characteristics and indicators of vulnerability. World Economic Outlook.– May 1998.

7. Glick R. and R. Moreno. Money and Credit, Competitiveness, and Currency Crises in Asia and Latin America. Centre for Pacific Basin Monetary & Economic Studies working paper PB99-01, Federal Reserve Bank of San Francisco. 1999.
8. Kaminsky G., Reinhart C. The Twin Crises: The Causes of Banking and Balance-of-Payments Problems // American Economic Review. 1999. Vol. 89 (June). P. 473-500.
9. Kaminsky, G., Lizondo, S., Reinhart, C. Leading Indicators of Currency Crises / G. Kaminsky, S. Lizondo, C. Reinhart // IMF Staff Papers. – 1998.– No. 1.– P. 20-25.
10. Sachs J., Tornell A., Velasco A. Financial Crises in Emerging Markets: The Lessons from 1995. NBER Working Paper 5576. Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research, 1996.
11. Corsetti G., P. Pesenti and N. Roubini. Paper tigers? A model of the Asian crisis // NBER Working Paper No 6783.– November 1998.
12. Milesi-Ferretti G. and A. Razin. Current Account Reversals and Currency Crises: Empirical Regularities. IMF working paper No. 98/99.– June 1998.
13. Aziz J., F. Caramazza and R. Salgado. Currency crises: in search of common elements // IMF working paper 00/67.– March 2000.
14. Caramazza F., L. Ricci and R. Salgado. Trade and financial contagion in currency crises // IMF working paper 00/55.– March 2000.
15. Deutsche Bundesbank. The role of economic fundamentals in the emergence of currency crises in emerging markets. Deutsche Bundesbank Monthly Report. – April 1999.– P. 15-27.
16. Kruger M., P. Osakwe and J. Page. Fundamentals, contagion and currency crises: an empirical Analysis. Bank of Canada working paper No. 98-10. – July 1998.
17. Федорова Е.А., Лукасевич И.Я. Прогнозирование финансовых кризисов с помощью экономических индикаторов в странах СНГ//Проблемы прогнозирования. – 2012. -№2. – с. 112-121.
18. Свидерская М., Миксюк А. Опережающие индикаторы и прогнозирование давления на валютном рынке Беларуси//Банковский вестник. – 2012. -№31. -с.16-21.
19. Бурлачков, В. Валютные кризисы, их индикаторы и меры по предотвращению / В. Бурлачков // Банковский вестник. — 2005. — №25 (318). — С. 43-45.
20. Мирончик Н.Л. Оценка уровня достаточности международных резервов: альтернативный подход//Белорусский экономический журнал. – 2005.- №4.- с. 11-26.
21. Кирхнер, Р., Джуччи, Р. Достаточность официальных резервных активов в Беларуси: анализ и рекомендации/Исследовательский центр ИПМ. – Аналитическая записка [PP/06/2009]. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.research.by/publications/pp/0906/>. – (дата обращения 19.08.2023).
22. Бобрович В. Экономико-статистическая оценка состояния валютного рынка//Банковский вестник. -2014. -№4. – с.42-50.
23. Левкович, А.П. Международные резервы как инструмент валютной политики/ «Мировая экономика и бизнес-администрирование малых и средних предприятий»: материалы 16-й Международного научного семинара 26-27 марта 2020 года в рамках 18-й международной научно-технической конференции «Наука – образованию, производству, экономике».- - Минск: БНТУ. – с.73-75.
24. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и валовой внешний долг Республики Беларусь за 2022 год. Предварительные данные/ Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // URL: https://www.nbrb.by/publications/balpay/balpay2022_4.pdf (дата обращения 19.08.2023).
25. Официальные курсы белорусского рубля по отношению к иностранным валютам, устанавливаемые ежедневно/ Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.nbrb.by/statistics/rates/ratesdaily>. – (дата обращения 19.08.2023).
26. Международные резервные активы Республики Беларусь/ Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.nbrb.by/statistics/reserveassets/assets>. – (дата обращения 19.08.2023).

4.3. Анализ концепции «этичный хакинг» (на примере платформы HackerOne)

Хакинг, как явление, возникло относительно недавно, получило развитие в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий и глобальной сети Интернет. Данная деятельность представляет собой внесение изменений в состав программного обеспечения для достижения определенных (чаще всего, корыстных) целей. Данные несанкционированные измерения являются вредоносными и могут представлять серьезную угрозу личности, обществу и государству.

Для поиска и устранения уязвимостей, преднамеренно внесенных в программное обеспечение, производят тестирование программ, которое представляет собой процесс исследования, испытания программного продукта для проверки соответствия между реальным поведением программы и её ожидаемым поведением на конечном наборе тестов. Следует иметь в виду, что разработчики программных продуктов тоже ошибаются и, таким образом, необходима проверка на наличие ошибок до момента передачи программы заказчику или внедрения в состав информационной системы.

Состав хакерского сообщества весьма неоднороден. Кто-то из них специализируется на создании специальных вредоносных программ для мобильных приложений, другие создают программы-шифровальщики и т.д. Причем эта продукция поступает для продажи и обмена на «темные», нелегальные рынки (DarkMarkets). С составом и структурой подобных рынков, а также нелегальных информационных продуктов и услуг можно ознакомиться в [1].

Таким образом, с одной стороны, существует сообщество, представители которой видят основную цель своей деятельности – внесение изменений в программное обеспечение для получения непричитающейся им выгоды. С другой стороны, создаются специализированные команды по поиску уязвимостей в программном обеспечении и их исправлению для приведения программ в необходимое состояние и отвечающее требованиям разработчиков и заказчиков. Члены первой группы называются хакерами, то вторая группа носит несколько названий – антихакеры, этические хакеры, пентестеры, охотники за уязвимостями (bughunters) и т.д. В настоящем материале нас будет интересовать именно деятельность второй группы и программы BugBounty [2,3], основной целью которых является обнаружение и устранение ошибок в программном обеспечении. Подобные программы BugBounty реализовывались ведущими компаниями, в их числе Yahoo, Google, Reddit, Apple, Microsoft и др.

Следует отметить, что в специализированной литературе, посвященной данной проблеме, можно выделить несколько направлений: борьба с хакерами [4,5], исторические аспекты развития хакерства и программных злоупотреблений [6,7], тесная связь с хакерскими атаками [8], этический хакинг [9,10], кибернетические риски [11], большая группа источников по практическому руководству хакингом [12,13], тестирование на проникновение [14], поиск угроз [15-17] и др.

Очень часто задают вопросы относительно характеристик хакеров, их половозрастном составе, образовании и т.д. В этом плане многие аналитические источники отмечают явление хакерской глобализации. Как правило, не существует официальной статистики, которая полностью характеризовала все аспекты деятельности хакеров. Следует иметь в виду, что чаще всего обращаются к так называемым «этическим хакерам», которые заняты поиском уязвимостей. Воспользуемся отчетами статистики за несколько лет (2019-2022 гг.) известной фирмы HackerOne[18]. Эта фирма основана в 2012 г. и получила известность в области информационной безопасности за счет создания специальной платформы Bug Bounty (охота за ошибками), совмещающей бизнес и научно-исследовательскую деятельность в области информационной безопасности [19]. Представляет интерес определения таких категорий, как хакер и «программа BugBounty». Хакер – это тот, кто получает удовольствие от решения интеллектуальных задач и творческого преодоления ограничений. Программа Bug Bounty поощряет хакеров, использовать стимулы, выявлять и сообщать о потенциальных уязвимостях безопасности, прежде чем они смогут быть использованы.

Взаимодействие фирмы и хакеров основано на программе выплаты вознаграждения за обнаружение проблем в безопасности сервисов и приложений отдельных компаний, которые, соответственно, являются заказчиками и определяют размер вознаграждения. Данные базируются на опросах респондентов, которые представляют хакерское сообщество, характеризует место проживания, мотивацию, основные цели и инструменты и т.д. Рассмотрим более подробно основное содержание данных разделов статистического отчета. Следует отметить, что собранная статистика базируется на результатах опроса пользователей и, по нашему мнению, не полностью отвечает требованию объективности. К сожалению, другие источники статистической информации полностью отсутствуют.

Статистический отчет состоит из нескольких разделов. Первый раздел «География» характеризует распределение хакеров по странам и континентам. Наличие хакеров отмечается практически повсеместно и зафиксировано в 150 странах. Наибольшая концентрация хакеров отмечается в Индии (27 % в 2018 г. против 23,3% в 2017 г.), затем США (11 % в 2018 г. против 19,9 в 2017 г.) и России (5 % в 2018 г. и 6,3% в 2017 г.) от общего количества хакеров.

Для нас представляет интерес данные о связи и уровне заработной платы хакеров и инженеров-программистов. В таблице 4.3 приведено сопоставление заработной платы хакеров и инженеров-программистов по отдельным странам. Следует обратить внимание на коэффициент (множитель), который характеризует отношение максимальной заработной платы к среднегодовой заработной плате инженера-программиста.

Сравнивая данные за ряд лет, следует отметить возросшее значение коэффициента, характеризующего отношение заработной платы хакера к среднегодовой заработной плате инженера-программиста для ряда стран. В частности, резко возрос коэффициент для таких стран, как Аргентина (с 15,6 в 2017 г. до 40,6 в 2018 г.), Египет (8,1 против 24,2), США (2,4 против 6,4), Китай (3,7 против 6,2). Для Индии данный коэффициент незначительно изменился в большую сторону (с 16,0 до 17,6).

Таблица 4.3

Соотношение максимальной заработной платы хакера и среднегодовой заработной платы инженера-программиста по странам в 2018 г. [20, р. 13]

№ п/п	Страна	Коэффициент, характеризующий отношение заработной платы хакера к среднегодовой заработной плате инженера-программиста
1	Аргентина	40,6
2	Таиланд	24,5
3	Египет	24,2
4	Индия	17,6
5	Гонконг	6,7
6	США	6,4
7	Швеция	6,3
8	Китай	6,2
9	Алжир	6,2
10	Канада	4,8
11	Пакистан	3,9
12	Марокко	3,8
13	Латвия	3,5
14	Бельгия	3,1
15	Филиппины	3,0
16	Австралия	3,0
17	Новая Зеландия	2,9
18	Германия	2,9
19	Португалия	2,9
20	Венгрия	2,7
21	Румыния	2,5
22	Чили	2,5
23	Эфиопия	2,5
24	Индонезия	2,4
25	Нидерланды	2,2

Дополнительно проанализируем раздел «Демография», в котором приведены данные о сообществе HackerOne. В частности, 9 из 10 хакеров моложе 35 лет, 8 из 10 являются самоучками, они пришли из различных отраслей, в том числе не связанных с информационными технологиями, более 40% хакеров тратят более 20 часов в неделю на поиск уязвимостей и обеспечивают интернет-приложения более безопасными.

Основу платформы составляет молодые люди в возрасте от 18 до 34 лет (84,1 %). Специалисты предпенсионного возраста составляют менее 1%. В то же время 6 % это молодые люди в возрасте 13-17 лет. Следует предположить, что именно данная группа имеет все перспективы превратиться в ведущих специалистов и увеличить численность возрастной группы 18-24 лет в будущем.

Уровень образования участников платформы Hackerone характеризуют следующие данные: прежде всего это студенты бакалавры – около 30%, студентки – около 25%, аспирантура – около 20%, непрерывное образование – 15%, другие формы – около 10%.

Каковы затраты времени хакерского сообщества Hackerone на свою деятельность? Ответ можно сформулировать следующим образом: затраты времени в неделю составляют от 1 до 10 часов – 35%, затраты от 10 до 20 часов – 25%, затраты времени в диапазоне 20-30 часов в неделю составляют 15%, от 30 до 40 часов – 10%, более 40 часов в неделю – 15%. Другими словами, затраты времени достаточно весомые – от 10 до 35% рабочего времени.

Анализ приведенных данных свидетельствует о том, что затраты времени практически по всем группам увеличились. Это может служить подтверждением роста временных затрат на поиск уязвимостей и других брешей в программном обеспечении.

Для нас представляет также интерес информация, которая характеризует опыт работы, накопленный участниками платформы. Участники с практическим опытом работы от 1 до 5 лет составляет большинство (более 70%). Группа с опытом 6–10 лет составляет около 20%, следующая группа (11–15 лет) составляет 6%, на долю персонала, имеющего опыт работы от 16 до 20 лет, приходится около 2%, столько же (2%) имеют работники с опытом свыше 21 года.

Следует отметить, что главенствующую группу составляют участники с опытом работы от 1 года до 5 лет (более 70%), что свидетельствует о наличии начинающих специалистов.

На какие объекты направлены усилия хакеров, свидетельствуют следующие данные. Основным объектом для взлома выступают вебсайты и это следует признать закономерностью. Последующими объектами для взлома являются следующие: технологии, которые используют пользователи и которые обрабатывают пользовательские данные; программный интерфейс приложений (API's); программное обеспечение Интернета вещей; операционные системы; встроенное программное обеспечение для управления видеорекамерами, микрокалькуляторов, сотового телефона, GPS-навигатора и т.д.; загружаемое программное обеспечение; операционная система и программная платформа для мобильных устройств, таких как смартфоны, планшетные компьютеры, телевизоры, медиаплееры, нетбуки и автомобили.

Сравнение соотношения объектов свидетельствует об устойчивом интересе хакеров к анализу вебсайтов (70,8% в 2018 г. и 72,3% в 2019 г.). Все остальные объекты характеризуются относительно небольшим объемом (от 1% до 7,50%). Но следует иметь в виду, что отмечается повсеместная тенденция роста внимания к взлому мобильных приложений.

Сложным и действенным вопросом является уточнение мотивации деятельности персонала. Следует подчеркнуть, что исследователи не всегда преследуют финансовую выгоду, любопытство – это постоянное качество в сообществе хакеров и их стремление сделать цифровые технологии более безопасными и доступными. Приведем список мотивов деятельности этических хакер-

ров: деньги; трудности при освоении программного обеспечения; изучение новых приемов; развлечения; выпендрейж; в целях продвижения карьеры; помощь другим; делать добрые дела; защищать и защитить и многие др.

Следует отметить, что основные мотивы распределены практически равномерно. Отсутствует явный лидер в процессах мотивации. Финансовые стимулы, без сомнения, очень важны, но есть еще любопытство и искреннее желание помочь достижениям информационных технологий стать более безопасными для их пользователей. Щедрость и альтруизм также присутствуют, а также помощь и защита другим.

Особую опасность приобретает рост числа случаев мошенничества, связанное с мобильными технологиями и каналами связи [21]. Следует обратить внимание на возможность использования криминальными группами отдельных результатов этических хакеров в своей деятельности. Киберпреступность стала широко распространенной и прибыльной сферой деятельности. Обобщенная модель компьютерной преступности включает процессы создания вредоносного программного обеспечения и его использование во всех сферах, где используются достижения цифровой революции. Вполне очевидно, что в будущем пользователи, предприятия и организации, а также правительства будут сталкиваться с разрушительными атаками и их последствиями. Данная сфера криминальной деятельности получила название теневой цифровой экономики (ТЦЭ) и исследуется самым пристальным образом [1].

Следует обратить внимание на перспективы ТЦЭ, которые напрямую связаны с развитием информационных и коммуникационных технологий и компьютерной преступностью. В частности, прогнозы до 2030 г., предложенные в [22], свидетельствуют о снижении преимуществ информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и росте издержек на ИКТ.

Следует принимать в расчет, что в составе затрат на ИКТ стоимость средств противостояния информационным угрозам будет постоянно возрастать и этот факт обязательно будет сказываться на снижении преимуществ и эффективности.

В заключение следует обратить самое пристальное внимание на разработку моделей и возможностей реализации процессов монетизации программных злоупотреблений. Необходимо исследование сценариев системы трансформации программных угроз в финансовые и другие услуги, включая отмывание денег. Основное внимание необходимо направить на изучение сценариев проектирования программных злоупотреблений (например, программ-вымогателей), программных средств захвата и формирования сети ботнетов и т.д. Одновременно необходимо разрабатывать оценочные модели затрат на разработку программных злоупотреблений для получения сведений о потенциальной выгоде (прибыли) и системе противостояния угрозам кибербезопасности.

Литература

1. Охрименко С., Черней В. Теневая цифровая экономика и ее основные сегменты. Человеческий капитал в модели устойчивого экономического роста России: Монография. – М.: Прометей, 2022. – 514 с.

2. Jackson J. Corporate Cybersecurity: Identifying Risks and the Bug Bounty Program. Wiley-IEEE Press, 2021.
3. Sinha S. Bug Bounty Hunting for Web Security: Find and Exploit Vulnerabilities In Web Sites And Applications. Apress/Springer, 2019. DOI 10.1007/978-1-4842-5391-5.
4. Lee T. Strategic Hacker. FeelzON, 2022.
5. Olson P. We Are Anonymous. Little, Brown and Company, 2012.
6. Middleton B. A History of Cyber Security Attacks: 1980 to Present. CRC Press, 2017.
7. Buchanan B. The Hacker and The State: Cyber Attacks and the New Normal of Geopolitics. Harvard University Press, 2020.
8. Rakshit S.K. Ethical Hacker's Penetration Testing Guide: Vulnerability Assessment and Attack Simulation on Web, Mobile, Network Services and Wireless Networks, 2022.
9. Harper A. et al. Gray Hat Hacking: The Ethical Hacker's Handbook. McGraw Hill, 2022.
10. Nexus R. Overcome by cyber risks? Economic benefits and costs of alternate cyber futures. <https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2015/09/risk-nexus-september-2015-overcome-by-cyber-risks.pdf> (access date 27.09.23).
11. Ярошенко А.А. Хакинг на примерах Уязвимости, Взлом, Защита. 2-е издание. – СПб.: Издательство Наука и Техника, 2023. – 352 с.
12. Pease A. Threat Hunting with Elastic Stack: Solve Complex Security Challenges with Integrated Prevention, Detection, And Response. Packt Publishing, 2021.
13. Pruteanu A. Becoming the Hacker. Packt Publishing, 2019.
14. Pease A. Threat Hunting with Elastic Stack: Solve Complex Security Challenges with Integrated Prevention, Detection, And Response. Packt Publishing, 2021.
15. Bone J. Cognitive Hack. The New Battleground in Cybersecurity... the Human Mind. CRC Press, 2017.
16. Potter M. We Are All Targets. Hachette Books, 2023.
17. The 2019 Hacker Report. The Survey and Statistics of the Ethical Hacker Community. <https://www.hackerone.com/ethical-hacker/2019-hacker-report-celebrating-worlds-largest-community-hackers> (access date 28.09.23).
18. The 4th Hacker-Powered Security Report. <https://www.hackerone.com/resources/reporting/the-4th-hacker-powered-security-report> (access date 28.09.23).
19. Morbin T. Faces of Fraud 2023. The Evolution of Online Fraud in 2023 and Best Practices to Plug the Gaps. <https://www.bankinfosecurity.com/evolution-online-fraud-in-2023-best-practices-to-plug-gaps-a-23094> (access date 29.09.23).
20. The 2019 Hacker Report. The Survey and Statistics of the Ethical Hacker Community. P.11. <https://www.hackerone.com/resources/the-2019-hacker-report> (access date 24.09.23).
21. Overcome by cyber risks? Economic benefits and costs of alternate cyber futures. <https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/risk-nexus-september-2015-overcome-by-cyber-risks.pdf> (access date 28.09.23).
22. Ohrimenco S., Orlova D., Cernei V. Cyber Threats Modeling: An Empirical Study. Business Management. D.A. Tsenov Academy of Economics, Svishtov, Year XXXIII, Book 3, 2023. – P. 90-106. DOI: <https://doi.org/10.58861/tae.bm.2023.3.06>.

4.4. Национальная безопасность и система высшего образования в России

Болонская система, принятая в европейских странах в 1999 г., предполагает применение единых стандартов высшего образования в рамках двухуровневой системы подготовки (первая ступень – бакалавриат, вторая – магистр). В доктрине образовательного права основной целью создания Болонской си-

стемы образования называется создание общеевропейского образовательного пространства и повышение международной конкурентоспособности европейской системы высшего образования [1]. Стараясь не отстать, как еще недавно говорили, от «цивилизованного мира» и быть в тренде образовательных реалий в 2003 г. к этому процессу подключилась и Россия.

Но постепенно приходило осознание, что переход на Болонскую систему образования, как считает подавляющее число профессорско-преподавательского состава вузов страны, не только привел к понижению качества образования в целом в РФ. На практике оказалось, что это еще и весьма эффективный инструмент политического и социально-экономического давления на Россию, с помощью которого она может окончательно потерять образовательный суверенитет.

Красивые и правильные слова о доступности, унификации и интернационализации образовательного процесса, особенно в гуманитарной сфере, на практике превратились в навязывание западных образовательных стандартов, модели понимания мира, формирование у будущей элиты общества твердых убеждений в правильности и, в конечном счете, в исключительности западных ценностей, морали и образа жизни. А это уже приводит к переформатированию исторической памяти россиян. Такой подход в условиях беспрецедентного санкционного давления на РФ, экономического, политического, военного и идеологического противостояния, когда коллективный Запад, по существу, поставил вопрос о существовании нашего государства, напрямую связан с национальной безопасностью страны, имеющей тысячелетнюю историю.

Разработчики Болонской системы считают, что высшее образование, не соответствующее критериям европейского образовательного стандарта, нельзя безоговорочно признавать. Дипломы о высшем образовании в странах, не входящих в этот процесс, не подлежат нострификации, а их владельцам в случае миграции в «цивилизованный мир» нужно подтвердить свою квалификацию путем различных дополнительных испытаний. Но есть и исключения из этих требований.

Во-первых, исключения составляют пять англосаксонских стран (Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии), в которых обучение в вузах осуществляется с опорой на исторические традиции по национальным программам. Особенно это заметно в Великобритании, где исторически сильны позиции консерватизма, а подавляющая часть политического класса, не отрицая в целом Болонскую систему образования, является евроскептиками до мозга костей. Не случайно в 2020 г. Великобритания после четырехлетнего переходного периода окончательно вышла из состава ЕС. Однако выпускники англосаксонских университетов не сталкиваются на европейском континенте ни с какой «болонской дискриминацией», как, впрочем, и «болонские страны» не испытывают аналогичной дискриминации в англосаксонском мире. Существующая на коллективном западе договоренность о взаимном признании дипломов о высшем образовании снимает все «национальные образовательные миграционные шероховатости», поскольку она целиком и полностью укладывается в доктрины «золотого миллиарда», «интеллектуального превосходства», «однополярного мира» и др.

Во-вторых, между странами и ведущими вузами на рынке образовательных услуг наблюдается достаточно жесткая конкурентная борьба за обучение иностранных студентов. Сложившийся в системе высшего образования мировой рынок – это «взаимодействие спроса на образовательные услуги отдельных людей, организаций, государства и домохозяйств, и предложения образовательными заведениями в рамках бюджетных и коммерческих механизмов на основе отечественных и международных стандартов» [2].

Накануне глобальной пандемии коронавируса в 2019 г. количество иностранных студентов достигло своего исторического максимума в 5,3 млн чел. Безусловным лидером являются США, где обучается 21% иностранных граждан, затем идут Великобритания – 9%, Китай – 9%, Канада – 8%, Австралия – 8%, Франция – 7%, Россия – 6%, Германия – 5%, Япония – 4%, Испания – 2%, остальные страны – 21% [3]. Следовательно, на 4 англоязычные страны (США, Великобритания, Австралия и Канада) приходится 46% всех иностранных студентов. Еще 31% зарубежных граждан выбрали для дальнейшего обучения Китай, Францию, Россию, Германию.

Разразившаяся в 2020-2021 гг. глобальная коронавирусная пандемия привела к значительному сокращению иностранных студентов, количество которых за 2 года уменьшилось в целом по странам почти на четверть. Наиболее жесткие профилактические антиковидные меры были отмечены в КНР. Китайское правительство ввело строгий карантинный режим, резко ограничило передвижение между всеми населенными пунктами, вузы полностью перешли на дистанционную форму обучения, был введен запрет на въезд в страну новых потенциальных студентов, повсеместно вводились карантинные меры. В результате внешняя образовательная миграция в этот период была сведена к нулю. В 2022-2023 гг. в результате пусть не полной, но победы над «чумой XXI века», КНР постепенно стала возвращать утраченные позиции на мировом рынке образовательных услуг. При этом следует учитывать, что постоянно возрастает удельный вес мировой торговли, в т.ч. на рынке услуг в китайских юанях, который с 2016 г. стал международной резервной валютой [4].

Российская Федерация, как правопреемница СССР, в XXI в. стала уделять большое внимание подготовке зарубежных специалистов из стран Азии, Африки, а теперь и из бывших союзных республик. Именно поэтому в 2018 г. Президент РФ утвердил новую редакцию «Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы», где, в частности, подчеркнуто, что оптимизация правил пребывания обучающихся в Российской Федерации иностранных граждан способствовала росту их числа (291 тыс. человек на начало 2017/18 учебного года по сравнению с 153,8 тыс. человек на начало 2010/11 учебного года) [5].

В 2019 г. относительно 2001 г. количество зарубежных студентов в вузах России увеличилась в 5 раз. Однако коронавирусная пандемия внесла существенные коррективы в данную динамику. Так, в 2020 г. численность иностранных обучающихся в России сократилась до 118,4 тыс. чел., из них 83,6 тыс. чел. приходилось на страны СНГ [6, с. 62-63]. Но уже в 2022 г. данный контингент

составил 351,1 тыс. чел. и по этому показателю Россия заняла шестое место в мире. Больше всего с целью учебы приезжают из Казахстана – 62,3 тыс., Китая – 39,9 тыс., Узбекистана – 39,8 тыс., Туркменистана – 36,7 тыс., Таджикистана – 20,2 тыс., Индии – 18,5 тыс., Украины – 11,1 тыс., Египта – 10,5 тыс., Белоруссии – 9,7 тыс. [7].

Следует учитывать, что в ближайшей перспективе трудно ожидать значительного увеличения количества иностранных студентов в России. И причины здесь кроются не только в последствиях коронавирусной эпидемии. Главный фактор – это жесткое санкционное давление со стороны коллективного Запада в т.ч. на правительства стран, которые поддерживают тесный контакт с РФ в образовательной сфере. Желание нанести максимальный экономический, политический, социальный ущерб, привести к полной изоляции России, разрушить основы ее государственности – вот цель, которую поставили перед собой США и их союзники. Специальная военная операция на Украине – это лишь предлог для проведения агрессивной политики в отношении нашей страны. Ведь Запад уже «назначил» Россию главным виновником во всех бедах, в т.ч. в глобальном энергетическом кризисе, в мировом кризисе продовольствия и др. Теперь он стремится еще заставить государства, входящие в военный блок ОДКБ или в СНГ, свернуть с нами все формы сотрудничества, включая гуманитарную сферу. А рычаги давления санкционного характера на постсоветские республики, причем весьма эффективные, у США, Великобритании и ЕС есть. И они активно используют их. В результате даже наши союзники по ОДКБ, за исключением Белоруссии, стали вести себя очень осторожно с оглядкой на западных «партнеров».

Стремление к максимальной гуманитарной изоляции РФ имеет также и финансовую подоплеку. Ведь сфера высшего образования, с этой точки зрения, является весьма «лакомым денежным кусочком», на который приходится примерно 200 млрд. долл. Наибольшая часть этих доходов приходится на США и Канаду – 32%, а также ЕС – 33%, доля Австралии и Новой Зеландии составляет 15%, Россия и Китай имеют по 1%, на все остальные страны приходится 18% [8].

Подавляющее доминирование западных стран, которые «снимают финансовые сливки» на мировом рынке образовательных услуг иностранных студентов, связано не только с большей их численностью, но и с более высокой стоимостью обучения. По отдельным направлениям она на порядок выше по сравнению со стоимостью обучения данного контингента в РФ или в Китае. Ведь на стоимость обучения огромное влияние оказывают престиж и рейтинг вуза.

Разнообразные западные рейтинговые показатели вузов «изобретаются» исключительно «под себя» и в своих собственных интересах при активном участии спецслужб. Например, показатели обязательных публикаций и цитируемости научных статей в контролируемых «международных» базах данных Scopus, Web of Science и др., по существу, создали своеобразный «интеллектуальный пылесос» по откачиванию новых научно-технических открытий, перспективных научных идей и направлений. Параллельно происходит выявление наибо-

лее талантливых ученых и их переманивание на Запад, что усиливает научно-техническое отставание от него стран-доноров. Такой официально узаконенный «научно-технический шпионаж», осуществляемый США, Великобританией и ЕС без дополнительных финансовых, материальных и трудовых затрат, на практике уже выступает в качестве реальной угрозы национальной безопасности России и других «непривилегированных стран», которых «цивилизованный мир» хочет видеть только в качестве сырьевого придатка.

Однако, рейтинговые показатели учитывают также интересы, индивидуальную специфику ведущих вузов Запада, дополненные их «правилами игры». Например, количество Нобелевских лауреатов, которых, по понятным причинам, в таких европейских «гигантах», как Великобритания или Швейцария, в несколько раз больше, чем в Российской Империи/СССР/РФ. Данный подход на рынке образовательных услуг объясняется стремлением максимального устранения конкурентов из стран, не признающих однополярный мир с его либеральными ценностями. Так, остались проигнорированы абсолютно все предложения ведущих российских вузов по совершенствованию рейтинговых показателей. Например, МГУ выступил с инициативой о включении в международные рейтинговые показатели наличие университетских космических спутников. Он демонстрирует научно-технических возможностей вуза. Но спутников нет у западных университетов, поэтому, естественно, последовал отказ.

Стремление коллективного Запада полностью изолировать Россию, Белоруссию и, по возможности, Китай и переформатировать «под себя» мировой рынок образовательных услуг объясняется не только политическими, но и финансовыми факторами. В результате такого передела он планирует получить дополнительные солидные дивиденды, для чего в апреле 2022 г. в рамках санкционной политики и РФ, и РБ были исключены из числа стран-участников Болонского процесса. Следовательно, и дипломы вузов Союзного государства не будут подлежать нострификации в странах коллективного Запада. А это еще один повод для трудовой дискриминации, итак, получившей широкое распространение в «цивилизованном мире» [9, с. 145]. Но главное, по их мнению, нанести еще один удар по престижу и национальной безопасности России, и дать однозначный сигнал для стран, поддерживающих с нами сотрудничество в т.ч. в образовательной сфере. Это также «информация для размышления» и для физических лиц, т.е. для потенциальных и уже обучающихся в РФ зарубежных студентов.

В настоящее время в условиях перехода к Шестому технологическому укладу постоянно возрастает роль динамично развивающегося международного рынка услуг высшего образования. Подавляющее большинство выпускников школ для успешной профессиональной карьеры мечтают получить соответствующую квалификацию, в т.ч. в престижных зарубежных вузах. Это объясняется не только их желанием в дальнейшем найти высокооплачиваемую работу в солидной фирме, но возможностью самореализации и самовыражения. Для иностранных студентов часто остро стоит вопрос о возвращении на свою историческую родину, где вероятен профессиональный дефицит в таких работах, особенно в развивающихся государствах, и существуют реальные перспек-

тивы их быстрого карьерного продвижения. Но они нередко относятся уже к своей исторической родине как ко второй, меняют место жительства, гражданство, а там, где это возможно, стремятся получить двойное гражданство и навсегда остаться в «обучающей» стране. Тем более, что в крупных мегаполисах и пограничных районах все больше создается компаний разного уровня, связанных с международной экономикой, из сотрудников разных стран, культур, менталитетов [10].

Международный рынок услуг высшего образования, в который вовлечены практически все страны, можно анализировать в различных аспектах. В частности, страны-реципиенты, принимающие иностранных студентов, как минимум, имеют дополнительно финансовые поступления. Кроме того, посредством своих выпускников они повышают в мире свой статус и «политический вес». А страны-доноры, направляющие своих граждан на учебу за рубеж, получают высококвалифицированных специалистов и тем самым происходит повышение качества национального человеческого капитала. Это особенно важно, когда в «современной цифровой экономике происходит динамичное формирование и развитие новых институтов, новых видов деятельности, новых типов сетей. В результате качественных изменений содержательного характера труда возникает новая модель занятости, которая получила название «Работа 4.0». Развивается новая форма мобильности работников – виртуальная трудовая миграция» [11]. Такой подход дает дополнительный импульс на родине для развития экономики, науки, культуры, но только тогда, когда выехавшие молодые люди возвращаются домой.

Однако, на наш взгляд, современную международную учебную миграцию в определенной степени можно рассматривать, особенно в странах Запада, как одну из форм «утечки умов». Динамично развивающийся современный мир, ускорение научно-технического прогресса, создание искусственного интеллекта настоятельно требует высококвалифицированных специалистов для всех сфер общественной жизни. Их селективный отбор нередко начинается со студенческой скамьи. В случае дефицита национальных кадров в странах-реципиентах его восполнение нередко происходит с использованием специально разработанной иммиграционной политики, названной в дальнейшем «утечкой умов».

На протяжении длительного времени лидирующие позиции в мире по привлечению зарубежных интеллектуалов и извлечению от их работы в системе международного разделения труда конкурентных преимуществ, иногда весьма значительных, занимают США. Там более 80% всех научных открытий и изобретений за последние 50 лет сделали ученые, приехавшие из других стран, в т.ч. мигрантами из бывших советских республик. Полученный социально-экономический эффект от экономии на образовательных затратах приезжих интеллектуалов в области освоения космоса, ядерной физики, вооружения, новых направлений в биофизике и от их практической деятельности превышает сотни миллиардов долларов [12, с. 97]. Страны Запада политику «утечки умов» стали активно проводить уже на стадии обучения иностранных студентов в форме своеобразного селективного отбора среди них талантов. Используя все-

возможные глобализационные лозунги им предоставляется гражданство или вид на жительство, социальные льготы, с ними заключаются фьючерсные трудовые контракты, выделяются научные и образовательные гранты, гарантируется высокооплачиваемая работа. Против такого «пакета» трудно устоять, особенно студентам, испытывающим финансовые трудности. Однако подобная «благотворительность» просто так не делается. В будущем все денежные средства, аккумулированные в этих «заграничных» студентов, многократно окупаются, кроме того, растет и имидж учебных заведений. Ну, а страны-доноры, прежде всего развивающиеся государства, в которых существует дефицит высококвалифицированных специалистов, могут спокойно подсчитывать упущенную выгоду.

Начиная с конца 1980-х гг. с проблемой «утечки умов» столкнулась и наша страна. Еще в 1992 г. американский президент Дж. Буш (старший) подписал указ о предоставлении режима наибольшего благоприятствования научно-технической элите из России и бывших республик Советского Союза, решивших перебраться в США. В условиях царящего хаоса и системного кризиса, затронувшего все сферы общественной жизни РФ в 1990-е гг., в ведущих вузах страны, особенно технического и IT профилей, с помощью всевозможных соросовских и др. «благотворительных» фондов и программ также происходило выявление наиболее талантливой молодежи. Таким студентам предоставлялись стажировки в западных вузах, образовательные гранты, возможность поствузовского обучения в университетах «цивилизованного мира» и параллельно происходило склонение их к окончательному переезду на Запад. Подобная политика «интеллектуального обескровливания», подрыва технологического суверенитета безусловно, наносила существенный ущерб национальной безопасности РФ.

Относительно устойчивый экономический рост начался в РФ только в начале XXI века. С большим трудом удалось стабилизировать миграционный отток, в т.ч. научно-технических кадров, остановить депопуляцию населения и перейти, к пусть небольшому, но демографическому росту, снизить уровень преступности. Таким образом, удалось укрепить национальную безопасность и предотвратить казалось неминуемый развал государственности, чего добивался и сейчас активно добивается коллективный Запад. Там считают неприемлемым ни при каких обстоятельствах возрождение России как великой державы. Поэтому, любая положительная динамика, в т.ч. в сфере образования, вызывает в «цивилизованном мире» только злобную критику, а не соблюдение его «правил», которых никто не видел, – санкционные пакеты.

Учитывая то, что Болонский процесс предполагает взаимное признание дипломов о высшем образовании, в т.ч. дипломов российских вузов в ЕС и США в отношении большинства мигрировавших российских граждан с таким образованием после 2003 г. соглашение о нострификации практически не действовало. И здесь не надо строить никаких иллюзий. Нашим соотечественникам нужно было подтверждать свою квалификацию путем преодоления различного рода бюрократических барьеров или соглашаться на менее квалифицированную работу. Такой «экзекуции» в основном подвергаются

юристы, экономисты, врачи, гуманитарии и др. А это – прямое нарушение и дискредитация Международного права, о котором так любят говорить западные политики и дипломаты.

Принятием Западом одиннадцати пакетов санкций против РФ (на июль 2023 г.), затронувших в т.ч. учебную миграцию и обнуливших практику обмена студентами. Так США, ЕС, Великобритания и другие недружественные государства фактически полностью приостановили сотрудничество с российскими образовательными учреждениями и научными организациями. Мало того, в результате проведения откровенно русофобской политики под запрет попали не только русская литература, но и культура, искусство, а любая информация о нашей стране представлена исключительно в негативном контексте. Русские студенты подвергаются сильнейшему моральному прессингу, выдержать который может далеко не каждый. В частности, в Великобритании для того, чтобы продолжить обучение им было предложено публично осудить политику РФ на Украине. А если этого не происходило, таких студентов не совсем вежливо «выдавливали» из страны, т.е., политический фактор в этом контексте окончательно стал превалировать.

В сложившихся условиях необходим переход к собственной отечественной системе высшего образования, которая должна опираться на исторический опыт, учитывать вопросы национальной безопасности РФ и демонстрировать устойчивое поступательное развитие в соответствии с требованиями Шестого технологического уклада. Принимаемые в данном аспекте решения должны быть научно обоснованы, выверены и направлены на повышение качества подготовки высококвалифицированных специалистов, а, следовательно, и эффективности функционирования экономики РФ в целом.

Необходимо также продолжать укреплять сотрудничество, в т.ч. в образовательной сфере с СНГ, странами БРИКС, ШОС, а также Ираном, Монголией, Сирией, Египтом, КНДР, Кубой и другими государствами Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Они не забыли «счастливые» колониальные годы, а некоторые в настоящее время столкнулись с объективными реалиями в форме, изощренной современной западной политикой неоколониализма. И если сегодня эти страны открыто и не поддерживают РФ, то со всей ответственностью и пониманием относятся к проблемам укрепления государственного суверенитета и национальной безопасности в условиях отказа признавать диктат однополярного мира.

Стремительный переход к рыночной экономике в России был связан со значительными издержками не только в хозяйственной практике, но и в политике, идеологии, культуре, образовании и других сферах, что в полной мере отразилось на национальной безопасности страны. Например, чрезмерная рыночная коммерциализация отечественной высшей школы привела к появлению откровенно «необучаемых» студентов. В результате была утрачена элитарность и появилась общедоступность высшего образования. Теперь практически любой молодой человек с аттестатом о среднем образовании, оплативший свое «пребывание в университете», может при определенных условиях получить заветный вузовский диплом. А дальше от такого «специалиста» на производстве

может быть больше вреда, чем пользы. Но если студент отчисляется из вуза за неуспеваемость, то это означает, выражаясь рыночной терминологией, «упущенную выгоду» учреждения. А против сокращения бюджета, естественно, будет выступать категорически ректорат любого университета.

В сложившихся новых реалиях преподаватели большинства вузов находятся под административным давлением в «борьбе за успеваемость», ведь количество ставок профессорско-преподавательского состава напрямую зависит от количества студентов. А многие молодые специалисты получают два и более дипломов о высшем образовании. Значит какое-то образование, с практической точки зрения, для большинства «многодипломников» является «лишним». Следовательно, часть финансовых ресурсов (федеральных или частных), а также время и силы преподавателей и этих студентов были израсходованы зря.

Другим негативным примером является практическое использование болонского компетентностного подхода, который лежит в основе российских Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, в т.ч. последнего ФГОС ВО (3++). Причем, многие компетенции прописаны весьма расплывчато и неопределенно. В результате часто однородные университетские кафедры отечественных вузов, даже в пределах одного региона, по-разному подходят к их интерпретации и «закрывают» одну и ту же компетенцию разными учебными дисциплинами. Поэтому учебные планы, рабочие программы и др. по одинаковым образовательным направлениям и профилям в разных учебных заведениях иногда существенно отличаются.

Сложившуюся компетентностную неразбериху сложно объяснить с точки зрения профессорско-преподавательского состава, не говоря уже о студентах, которые в силу различных обстоятельств были вынуждены сменить учебное заведение. Возникает резонный вопрос: почему учебные планы по одним и тем же направлениям и профилям бакалавриата или магистратуры в вузах Хабаровска или Новосибирска не совпадают с аналогичными учебными планами столичных вузов? Да и в университетах Москвы или Санкт-Петербурга тоже нет единства в этом аспекте, что в определенной степени усиливает «вузовский анархизм». В конечном счете страдают «мигрирующие» студенты, поскольку набор изучаемых дисциплин может не совпадать не только количественно, но и качественно по сравнению с учебными планами вузов, из которых они отчислились.

Такие нестыковки на практике приводят к парадоксам. Успевающий студент в своем вузе и желающий продолжить обучение в другом регионе и другом учебном заведении по аналогичной специальности, вынужден, как правило, сдавать академическую разницу, которая может составлять несколько экзаменов и/или зачетов. Иногда это сложно бывает сделать, особенно на выпускных курсах, из-за большого количества академических задолженностей, ограниченных сроков пересдачи или других барьеров, регламентированных внутренними инструктивными документами. Часто пересдача назначается по уже зачтенным дисциплинам при несовпадении часов по отдельным дисциплинам. И это понятно, поскольку нередко подобный разрыв в разных вузах, например, по экономической теории, микроэкономике, макроэкономике и др. в рамках направления бакалавриата «Экономика» измеряется уже в разгах?

Директивность в системе образования – веление времени, связанная в т.ч. с национальной безопасностью страны. Достаточно посмотреть на многочисленные учебники Истории России, «гулявших» в наших учебных заведениях до 2023 г. и часто дававших учащимся очень сомнительные знания об истории нашей страны. Примерно то же самое наблюдается и в некоторых других гуманитарных науках. Директивность позволит, как говорится, привести к общему знаменателю, нормативно правовую базу вузовского образования, убрать из университетских библиотек учебную литературу, не отвечающую национальным интересам и др. На наш взгляд, последовательный переход на директивные рельсы в планировании и практической реализации ФГОС ВО не только повысит качество знаний студентов, но и существенно облегчит контроль за соблюдением требований государственного стандарта и, конечно, будет способствовать укреплению образовательной, а, следовательно, и национальной безопасности страны.

Литература

1. Болонская система образования: суть, цели и основные требования [Электронный ресурс]. // URL:gia.ru (дата обращения 28.04.2023).
2. Самаруха В.И., Самаруха А.В. Трансформация рынка образовательных услуг в Российской Федерации // *Baikal Research Journal*. – 2020. – Т. 11, № 2.
3. Рябина А.М. Экспорт образовательных услуг на мировом рынке образования // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 85.
4. Селищев А.С., Селищев Н.А. Экономика Китая/ Учебное пособие. – М.: КноРус, 2022. – 406 с.
5. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» [Электронный ресурс]. // URL:government.ru Документы 119037 (дата обращения 12.12.2022).
6. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году (Статистический бюллетень) / Федер. служба гос. стат. – М., 2022. – 138 с. [Электронный ресурс]. // URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BulMigr-2021.xlsx> (дата обращения 22.12.2022).
7. Россия заняла шестое место в мире по числу иностранных студентов [Электронный ресурс]. // URL:www.vedomosti.ru (дата обращения 28.08.2023).
8. Клячко Т.Л. Международные образовательные рынки с которых Россия может привлекать (и привлекает) студентов [Электронный ресурс]. // URL:www.conf.rudn.ru (дата обращения 14.12.2022).
9. Тагаров Б.Ж. Информационные причины дискриминации на рынке труда// *Экономика труда*. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 145-156.
10. Солодков М.В. Особенности формирования многонациональных коллективов в современных международных компаниях // *Baikal Research Journal*. – 2021. – Т. 12, № 3. – С.13.DOI 10.17150/2411- 6262.2021.12(3).13.
11. DyatlovS., SelishchevaT., KanE. TheNetwork Values and the Network Effects in the Digital Economy Institutes System.Education excellence and innovation management: A 2025 vision to sustain economic development during global challenges.35th International-Business-Information-Management-Association Conference (IBIMA).Ed. BySoliman, KS(Soliman, KS). Seville, SPAIN. 2020. – P. 7070-7080.
12. Трофимов Е.А. Современные реалии внешней образовательной миграции // *Известия БГУ*. – 2023. – Т. 33, № 1. – С. 93-99.

ГЛАВА 5. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИК ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН И ВВЕДЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

5.1. Трансформация национальной системы государственных закупок: опыт России и Японии и рекомендация для Китая

Система государственных закупок в той или иной модификации является обязательным элементом общественного сектора любого государства, поскольку обеспечивает удовлетворение нужд государства, его органов и учреждений в необходимых для производства общественных благ товарах, работах и услугах. Несмотря на то, что закупочные системы разных стран имеют организационные особенности, в них реализуются схожие механизмы взаимодействия заказчиков, как представителей общественного сектора, и поставщиков, как представителей частного сектора. Однако некоторым государствам более успешно удается институционализировать закупочные процедуры, что ведет к повышению эффективности использования государственных расходов и более полному удовлетворению общественных нужд.

В Китае государственные закупки товаров, работ и услуг нацелены на снижение зависимости от изменчивости мировых финансовых рынков для местных производителей. В этих целях система государственных закупок строго регламентируется с учетом участия иностранного капитала в национальной экономике и открытости для зарубежных стран и рассматривается как инструмент снижения зависимости национального производства от иностранных ресурсов и капитала, поддержки национального экспорта.

В процессе развития национальной системы государственных закупок Китая выделяются два этапа: "первоначального становления" (1995-2000 гг.) и "полномасштабного развития" (с 2001 г.) [1, с. 2090]. После анализа Министерством финансов Китая в 1995 г. состояния государственных закупок с 1996 г. началась пилотная программа государственных закупок в ряде городов [2, р. 33], а в 1999 г. на основе обобщения опыта ее реализации были введены «Временные меры по управлению государственными закупками. В 2000 г. в Министерстве финансов Китая был создан в рамках Департамента казначейства Отдел государственных закупок, возглавивший процесс "полномасштабного" развития и управления всеми аспектами госзакупок в стране.

Прежде всего с 1 января 2003 г. был введен в действие Закон "О государственных закупках" (GovernmentProcurementLaw), а ранее принят Закон "О торговых соглашениях" в сфере госзакупок в секторе строительства (BiddingLaw). С конца 2012 г. функционирует Единый официальный китайский сайт для размещения информации о госзакупках www.china-cpp.com, управляемый Китайской федерацией логистики и закупок (CFLP). К началу 2021 г. общий объем государственных закупок Китая вырос до 3,7 трлн юаней или почти до 600 млрд долл., что составило 10,2% государственных расходов и 3,6% ВВП [3]. При этом в отличие от более либерализованных экономик, в Китае доминируют централизованные закупки (45%).

Проблемы, существующие в правовой системе государственных закупок КНР, можно агрегировать в пять проблемных ситуаций:

- нечеткость правовой направленности,
- принцип прозрачности не реализован в конкретной системе,
- недоработка процедурных правил,
- система регулирования не может быть эффективной и своевременной, не идет в ногу с развитием технологий, практикой и т. д.
- не снижается острота проблемы коррумпированности субъектов системы государственных закупок, решению которой способствует цифровизация торгов, обеспечивающая жесткий государственный контроль за процессом приобретения товаров, работ и услуг для государственных нужд на всех этапах.

Поскольку все сведения о закупках размещаются в сети Интернет, они доступны для ознакомления в любое время, а также одинаковы для всех без исключения участников. Все это позволяет существенно ограничить возможность создания привилегированного положения в ходе электронных торгов для одного участника и, тем самым, снижает уровень коррупции в системе госзакупок. Но принимаемые меры по повышению эффективности публичных закупок все еще не обеспечивают прежде всего качественного удовлетворения потребностей государства в товарах и услугах. Это ограничивает возможности применения многих правил в реальной закупочной деятельности субъектов общественного сектора.

Эффективным инструментарием достижения более высоких результатов выступает бенчмаркинг лучших мировых практик, в данном случае – в сфере организации закупочной системы государства. Такой сравнительный анализ опыта закупочной деятельности государства разных стран позволяет определить направления институциональной трансформации национальных систем государственных закупок. Для Китая, на наш взгляд, примером выступает опыт России и Японии в этой сфере, особенно в санкционных условиях, ужесточающихся по отношению к России и Китаю со стороны США и ЕС.

Российская система государственных закупок существует более 120 лет, начиная с царских времён. Она имеет иерархическое строение, поскольку интегрирует все уровни государственного управления Российской Федерации (федеральный, региональный, муниципальный, микроуровень субъектов общественного сектора) и является достаточно масштабной, концентрируя более четверти ВВП страны и расходуя около 70% годового государственного бюджета России, за исключением заработной платы госслужащих и персонала учреждений общественного сектора, а также их медицинского страхования и т. д., на осуществление государственных закупок различного уровня, включая муниципальные и закупки отдельных юридических лиц, например, государственных автономных образовательных учреждения (Южный федеральный университет).

Основными конкурентными преимуществами системы государственных закупок России является полнота и надёжность ее нормативно-правовых оснований. В частности, выработан ряд правил обеспечения ее эффективности в

рамках ранее Федеральных законов "О государственном оборонном заказе" (2012 г.), "О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд" (2005 г.), "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" (2011 г.), определявших регламенты осуществления различных способов закупок в соответствии с прописанными в них правилами [4, р. 52], которые были систематизированы и обновлены согласно закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (2013. г.) (44-ФЗ).

Вторая характеристика национальной системы государственных закупок в России – ее открытость и прозрачность всей информации о планируемых закупках субъектов общественного сектора, органов власти и этапах их осуществления, заключенных госконтрактах, их инфорсменте и результатах исполнения (актирование). Российская система государственных закупок основывается на законодательно установленных открытых конкурентных процедурах. Любой субъект общественного сектора или орган власти, организующий публичные торги для удовлетворения своих потребностей за счет бюджетных и внебюджетных средств, должен представлять в Единой информационной системе закупок открытую закупочную информацию, к которой имеют открытый доступ участники закупок (бизнес-структуры), органы государственного контроля, а также институты гражданского общества, на которые возложена государством функция общественного контроля государственных закупок [5, р. 2].

Третья характеристика государственных закупок в России состоит в том, что нормативный договор для контрактов по государственным закупкам является результатом и основой для оплаты поставляемых бизнес-структурами товаров, работ, услуг. Поскольку управление контрактами по закупкам осуществляется на всех иерархических уровнях контрактной системы, то это ограничивает оппортунистическое (коррупционное) поведение как заказчиков, так и поставщиков, обеспечивая строгий контроль за исполнением госконтрактов, в том числе и со стороны институтов гражданского общества. Поэтому российское правительство придает большое значение управлению контрактами, не только создавая отделы аудита в местных, региональных (например, Управление государственных закупок и развития конкуренции Министерства экономического развития Ростовской области) и федеральных органах, но и разрабатывая новые методы повышения эффективности закупок, в частности, на основе полной электронизации всех способов определения поставщика с 2019 г. и углубления цифровизации закупочных процедур на специальных электронных торговых площадках [6, с. 12].

Наконец, специфической характеристикой системы государственных закупок России является высокая степень их организации и контроля – государственного и общественного. При заключении госконтракта заказчик персонифицирует полную ответственность как представитель государства, несущий административную и даже уголовную ответственность [7, р. 412]. Повышению эффективности государственного и общественного контроля легитимности

осуществления закупочных процедур способствует ускорение цифровизации публичных закупок на основе внедрения технологии блокчейн, использования смарт-контрактов, предиктивной (прогнозной) аналитики, сокращающих затраты, время на сбор и обработку и в целом, снижающих барьеры доступа контрольных органов и институтов гражданского общества к информации об эффективности использования бюджетных средств [8, с. 452].

Конечно, с 2014 г., а особенно с февраля 2022 г. в условиях масштабируемых санкций национальная система госзакупок России была существенно модернизирована в направлении ее институционально-правовой поддержки и импортозамещения. В этом отношении для России может быть полезен опыт Китая по институциональной легитимации обязанности "приобретать отечественные товары и услуги для учреждений правительства и юридических лиц Китая" [9, с. 186], а также логистической трансформации рынка государственных закупок Китая на основе принципов: системности; общих издержек товародвижения; глобальной оптимизации; координации и интеграции; всеобщего управления качеством; гуманизации и экологизации всех функций и технических решений; принципа устойчивости и адаптивности [10, с. 168-164].

Для определения направлений модернизации системы бюджетных закупок для Китая существенное значение имеет также опыт Японии [11]. Япония является одной из первых стран, подписавших Соглашение о государственных закупках Всемирной торговой организации. Центральное правительство Японии, местные органы власти и соответствующие правительственные органы действуют в соответствии с регламентами данного Соглашения. Поэтому в качестве базовых принципов функционирования национальной системы госзакупок Японии выступают: легитимность деятельности ее участников, эффективность, равенство и справедливость, доступность, транспарентность, ответственность, контроль, конкурентность госторгов. Это обеспечивает последовательную реализацию институционализированных законодательно регламентов [12, с. 37]. Безусловно, имеются и некоторые национальные особенности системы государственных закупок Японии, которые были выявлены китайскими учеными Хэ Гопином и Чжоу Вэйем на основе обобщения статистических данных по госзакупкам в 47 округах Тадахау и 84 общественных организациях Японии. Проведенный нами анализ этих исследований позволяет сделать вывод о том, что следующие правовые нормы и механизмы государственных закупок Японии могут быть заимствованы с целью повышения эффективности процедур государственного прокьюремента Китая [13]:

1. Япония осуществляет государственные закупки с использованием классических сегрегационных систем "децентрализованных закупок". В соответствии с собственными потребностями министерства или местные органы разрабатывают планы закупок и осуществляют закупочную деятельность, согласно Закону "О торгах Японии", предусматривающему следующие способы закупок: конкурентные в соответствии с установленными формами конкуренции и закупки у естественных монополий. Независимо от того, какие разновидности конкуренции будут применяться, должны быть опубликованы тендерные

объявления ранее – через официальные издания центрального правительства или соответствующие объявления местных органов власти, в настоящее время – на цифровой платформе в сфере государственных закупок Японии JETRO (Japan External Trade Organization), а также информация о предварительном рассмотрении квалификационных требований, которые должны быть размещены в Интернет-источниках, предусмотренных для таких случаев правительством Японии [14, p. 56].

2. Правовая система государственных закупок Японии, прежде всего Закон "О государственных закупках" базируется на регламентах Соглашения о государственных закупках ВТО (Agreement Government Procurement). Конечно, этот международный документ считается действительным, если закупающая организация определила в своем Положении правила адаптации Соглашения. В дополнение к внутренним общим правилам государственных закупок в Японии также действуют: «Закон о бухгалтерском учете», «Правила о бюджетных счетах и раскрытии счетов», «Правила договорных деловых операций» и др. Кроме того, специально для местных органов власти адаптировано «Соглашение о государственных закупках» ВТО на основе четкого определения местных правил автономии.

В основе Налогового кодекса Японии лежит закон о его совершенствовании на местах и договор о государственных закупках. Единая правовая и нормативная система регулируется центральными органами правительства, а также местными органами власти в контексте местных закупок. Таким образом, Япония имеет уникальную систему государственных закупок. Правительство Японии создало «недискриминационный, прозрачный, своевременный и эффективный» процесс для защиты интересов своих поставщиков, задействует также суды или другие органы для рассмотрения вопросов выполнения закона о государственных закупках. Годовой объем госзакупок в стране составляет более 600 млрд долл. или 16,2% ВВП и 38,3% государственных расходов [15]. С 2018 г. в национальной закупочной системе активно используется технология блокчейн для аккумуляции и более безопасного хранения информации о поставщиках, участвующих в госзакупках, а также формирования технологической базы для заключения «смарт» контрактов государства. Хотя издержки на внедрение блокчейна достаточно высоки, но как показывает опыт Японии, они вполне оправданы и достаточно быстро окупаемы.

Проведенный бенчмаркинг закупочных систем России и Японии позволяет предложить следующие рекомендации относительно направлений институциональной трансформации национальной системы государственных закупок Китая на основе использования опыта этих стран:

1. Представляется целесообразным осуществить, прежде всего, дальнейшее совершенствование институционально-правовой системы государственных закупок в направлении цифровой трансформации механизма управления ими. Управление государственными закупками включает все аспекты, однако действующий Закон "О государственных закупках" (Government Procurement Law), установивший правила и регламенты закупок для нужд государства, все еще

относительно отстает от более совершенных законов России и Японии. В связи с этим, на наш взгляд, соответствующим органам государственного управления Китая целесообразно выявить существующие проблемные зоны в базовом законе для того, чтобы повысить его оперативность и действенность. Это будет способствовать совершенствованию управления закупками для государственных нужд на основе модернизации правовых и нормативных условий в контексте повышения эффективности использования государственных расходов [16].

2. Опыт России и Японии свидетельствует о необходимости децентрализации управления закупками. Так, в настоящее время государственные закупки в Китае, например, для реализации национальных инвестиционных проектов представляют собой сочетание централизованных закупок и децентрализованных закупок, т.е. сформированы на основе смешанной модели. Однако в механизме их осуществления наблюдаются неэффективность и конфликтные ситуации, которые приводят к снижению эффективности государственных закупок в Китае, замедлению их трансформации в условиях масштабной цифровизации экономики. Проблемы расточительства чиновников и их коррупционного поведения в сфере государственных закупок в Китае потребовали их реформирования, в частности, на основе формирования децентрализованной модели управления закупками, обеспечивающей расширение их масштабов. Однако реформирование системы госзакупок Китая должно осуществляться на основе коррекции соответствующих законов с учетом оптимизации централизации и децентрализации управления закупками в соответствии с реальной экономической ситуацией в Китае [17].

3. Существенную роль в процессе совершенствования национальной системы госзакупок Китая играет автоматизация процедуры подачи жалоб субъектами системы государственных закупок при нарушениях законодательства заказчиками или поставщиками по примеру России, где жалобы подаются через Единую информационную систему в сфере закупок (ЕИС). Это обусловлено тем, что в Китае в настоящее время количество споров по государственным закупкам растет. При этом арбитражный орган, которому не предоставлены соответствующие полномочия по урегулированию споров субъектов госзакупок, не может в полной мере разрешить некоторые спорные ситуации, что оказывает негативное влияние на экономическое развитие. Экономические отношения, сформированные в системе закупок, в этом контексте являются неустойчивыми, что не способствует стабильному развитию экономики. В связи с этим, на наш взгляд, в Китае целесообразно учредить специальную правительственную комиссию по рассмотрению жалоб по закупкам и контрактам, которая будет специализироваться на рассмотрении жалоб, возникающих в ходе закупок.

Кроме перечисленных рекомендаций, следует уделить особое внимание внедрению новых цифровых технологий и активно углублять цифровизацию закупок государства. В настоящее время правительство закупает информационные технологии в той же степени, что и Россия, и Япония, однако всё еще не сформирована единая система сбора информации о государственных закупках, как в количественном, так и особенно в качественном отношении. Платформу

госзакупок целесообразно интегрировать в единую систему синхронизированной торговли онлайн. Кроме того, в условиях расширения санкций США против Китая субъекты общественного сектора вынуждены отказаться от закупок ряда американской продукции, в частности, антивирусных программ компаний Symantec и Microsoft. Но под этот национальный режим попали и программные продукты российской Лаборатории Касперского [18], что осложняет формирование единого рынка госзакупок в рамках ЕАЭС.

Таким образом, в целом стратегическими направлениями институциональной трансформации системы госзакупок Китая выступают развитие конкуренции на данном масштабном рынке Китая, повышение открытости информации о закупках, их эффективности и легитимности.

Литература

1. Умнова М.Г., Лю Ясинь. Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12. – № 4. – С. 2087-2102. doi: 10.18334/vinec.12.4.116845.
2. ChzhanDetszyan. Comprehensive analysis of the benefits of public procurement expenditures. – Beijing: Economic Science Publishing House, 2004.
3. Китай увеличил госзакупки почти на 12%. / РЕГНУМ. 2021 [Электронный ресурс]. // URL: <https://regnum.ru/news/3362137?ysclid=lnn7p1pi8m213571444> (дата обращения 31.08.2023).
4. Zhao Shubo, Hu Jianyun. Characteristics and trends of government procurement in foreign countries // World Electromechanical Economic and Trade Information. – 2014. – Vol. 2. – P.51-53.
5. Belokrylov K.A., Belokrylova O.S. Transparency of the governmental procurement for civil society and the factors of their efficiency // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Vol. 38. – № 31 [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.revistaespacios.com/a17v38n31/17383102.html> (дата обращения 31.08.2023).
6. Белокрылова О.С., Кишковская А.О. Опыт электронизации и перспективы цифровизации региональной системы публичных закупок в Ростовской области // Региональная экономика и управление. – 2020. – №4 (64). – С. 1-21.
7. Belokrylov K.A., Runova L.P. Localization of subjective assessment Risks in the state Procurement System based on fuzzy Logic // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Vol. VII. Issue 2 (24). – P. 411 – 417. DOI:10.14505//jarle.v8.2(24).09.
8. Белокрылов К.А., Белокрылова О.С. Общественный сектор: вызовы цифровизации и тенденции трансформации // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230. – № 4. – С. 447-453 DOI:10.38197/2072-2060-2021-230-4-447-453.
9. Зыкин Д.О., Паулов П.А. Законодательство Китая, регулирующее систему государственных закупок // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2019. – Vol. 3-2. – С. 186-188. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10687.
10. Цзя Сюедун Государственные закупки Китая как объект логистизации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (124). – С. 158-164.
11. Ohkawaraa H., Fukushima N., Kitagawaa T., Ito T., Masutani Y., Sawa Y. Tissue Procurement System in Japan: The Role of a Tissue Bank in Medical Center for Translational Research, Osaka University Hospital // Transplantation Proceedings. – 2020. – Vol. 42. – Iss. 1. – P. 190–192. DOI:10.1016/j.transproceed.2009.12.037.
12. Федорова И. Ю., Пипия Ю. С. Организация системы государственных закупок в Японии и возможности опыта их применения в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2021. – Т. 12. – № 1. – С. 34–55. DOI:10.18184/2079-4665.2021.12.1.34-55.

13. He Guoping, Zhou Wei. Comparative study of the world model of public procurement // Journal of Liaoning Finance College. – 2015. – No. 7. – P. 26-29.
14. Liu Hui, Shi Guang. System and practice of public procurement in Japan // State Procurement of China. – 2011. – No. 5. – P 54-58.
15. Кондратюк А. Япония задействует блокчейн в сфере госзакупок. 2017 [Электронный ресурс]. // URL: <https://forklog.com/news/yaponiya-zadejstvuet-blokchejn-v-sfere-goszakupok> (дата обращения 31.08.2023).
16. Zhang Dingwu. Country experience: research on innovation in public procurement system // East China University of Science and Technology. – 2016. – Vol. 4. – P. 78-82.
17. Xiong Shuilong. Discussion of public procurement model in China // Academic Forum. – 2013. – No. 2. – P. 23-27.
18. Проданова Н.А., Зацаринная Е.И. Особенности системы государственных закупок в Китае // Экономика, предпринимательство и право. – 2015. – Т. 5. – № 3. – С. 151-158.

5.2. Ключевые факторы инвестиционной привлекательности компании

Каждый актив, как финансовый, так и физический, имеет свою стоимость. Ключ к успешному инвестированию в эти активы и управлению ими заключается в понимании не только их стоимости, но и источников ее формирования. Постулат разумного инвестирования заключается в том, что инвестор не заплатит за актив больше, чем он стоит. Это утверждение может показаться логичным и очевидным, но как показывает история, каждое поколение инвесторов на каждом рынке открывает этот постулат для себя заново. Есть те, кто утверждает, что любая цена может быть оправдана, если есть другие инвесторы, готовые заплатить эту цену.

Представления о ценности должны подкрепляться реальностью, которая подразумевает, что цена, уплачиваемая за любой актив, должна отражать денежные потоки, которые он, как ожидается, будет генерировать. То есть актив должен иметь инвестиционную привлекательность в глазах потенциального инвестора.

Многие экономисты изложили в научных работах свое понимание сущности инвестиционной привлекательности экономического субъекта. До сих пор нет единого и общепринятого подхода ни к определению понятия «инвестиционная привлекательность», ни к способам оценки инвестиционной привлекательности компании. Следовательно, существует необходимость в рассмотрении и систематизации актуальных подходов к понятийному аппарату инвестиционной привлекательности.

По мнению Д.А. Ендовицкого, инвестиционная привлекательность – это «такое состояние организации, при котором у потенциального собственника капитала (инвестора, кредитора, лизингодателя и пр.) возникает желание пойти на определенный риск и обеспечить приток инвестиций в монетарной и (или) немонетарной форме» [1, с. 13].

Инвестиционная привлекательность, как отмечает М.Н. Крейнина, «зависит от всех показателей, характеризующих финансовое состояние... Однако, если сузить проблему, инвесторов интересуют показатели, влияющие на доход-

ность капитала предприятия, курс акций и уровень дивидендов» [2, с. 47]. По мнению Л.С. Валинуровой, «совокупность объективных признаков, свойств, средств и возможностей, обуславливающих потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции», является инвестиционной привлекательностью [3, с. 24].

Н.М. Якуповой и Г.Р. Яруллиной выдвигается следующая трактовка: «внутренне присущее экономическим системам объективное свойство, которое, с одной стороны, характеризует степень соответствия системы (объекта инвестирования) интересам инвестора (субъекта инвестирования), а с другой – формируется как отражение множества типичных мотиваций, интересов большинства потенциальных инвесторов на открытом рынке в условиях конкуренции, когда все инвесторы действуют рационально, располагая всей необходимой информацией» [4, с. 144].

Е.И. Москвитина, И.П. Дорошина и Т.В. Бутова описывают инвестиционную привлекательность как систему взаимосвязанных свойств экономического потенциала доходности операций с активами и инвестиционного риска предприятия, обладающего способностью развиваться в условиях наличия конкурентов, ведущего деятельность непрерывно [5, с. 114].

Как видно, понятие инвестиционной привлекательности, трактуемое многими исследователями в этой области, имеет в одно и то же время сходства и различия – кто-то смотрит на проблему шире, более системно, кто-то пытается дать узкое понимание, при этом нет ошибочных представлений.

Так, столкнувшись с проблемой отсутствия единого понятийного аппарата, Т.С. Чистякова предприняла попытку классифицировать подходы к определению понятия «инвестиционная привлекательность» и выделила основополагающие факторы, на которые делают акцент другие авторы при трактовке рассматриваемого термина [6, с. 104]:

- а) финансовое состояние предприятия;
- б) инвестиционный потенциал;
- в) инвестиционный риск;
- г) доходность инвестиций.

По результатам проведенного нами обобщения видно, что наиболее часто авторами используются для характеристики понятия «инвестиционная привлекательность» такие категории как: инвестиционный риск, показатели финансового состояния, ставка доходности.

Несмотря на то, что инвестиционная деятельность изначально получила широкое развитие в зарубежных странах, особенно в странах Европы и Соединенных Штатах Америки, споры о понятийном аппарате инвестиционной привлекательности зарубежных экономистов обошли стороной. Можно предположить, что внимание зарубежных исследователей больше уделялось самим методам оценки инвестиционной привлекательности, поскольку логически первостепенной была необходимость выбора объекта инвестиций, а понятие инвестиционной привлекательности уже заложено в эту оценку на интуитивном уровне.

Обобщив исследования отечественных экономистов, представим свою, относительно отличающуюся от предыдущих авторов и, по нашему мнению,

включающую элемент новизны, точку зрения. Под инвестиционной привлекательностью мы предлагаем понимать способность компании увеличивать свою стоимость в долгосрочной перспективе. Представляется, что данный подход наиболее полно отражает сущность понятия «инвестиционная привлекательность компании», так как все факторы, которые должны быть учтены, охватываются данным определением. К примеру, лишь та компания, которая имеет «здоровое» финансовое состояние в будущем сможет генерировать стоимость, не отвлекаясь на проблемы нехватки оборотных средств и привлечения заемного капитала. Инвестиционный потенциал измеряется доходностью на вложенные средства инвестора, которую он может вероятно получить, соответственно, если компания способна увеличивать свою стоимость, то она имеет инвестиционный потенциал.

Данный подход к определению согласуется с основной теорией корпоративных финансов о максимизации благосостояния акционеров как основной цели существования компании.

Возникает разумный вопрос о необходимости определения тех факторов, которые бы оказывали влияние на инвестиционную привлекательность компании, поскольку, имея представление о таких детерминантах, у менеджмента компании появляется инструмент влияния на инвестиционную привлекательность. Это, в свою очередь, будет неплохим подспорьем для компании в плане привлечения дополнительных инвестиций.

Необходимо отметить, что таких драйверов роста стоимости большое количество, они бывают внутренние и внешние относительно компании. Особенно важны те, на которые менеджмент компании может оказывать влияние, тем самым повышая ее инвестиционную привлекательность. Рассмотрим основные из них на основе обзора актуальных эмпирических исследований в этой области.

Многими экономистами и инвесторами дивиденды рассматриваются в качестве важного фактора инвестиционной привлекательности компании. «О высокой или низкой стоимости компании можно судить по ее способности выплачивать дивиденды. Это связано с тем, что способность компании выплачивать дивиденды тесно связана со способностью компании получать прибыль по результатам деятельности, соответственно на увеличение стоимости компании влияет размер дивидендов», – отмечают Z. Zulkifli и др. в своем исследовании [7, с. 239].

Распределение дивидендов дает акционерам компании дополнительную прибыль помимо прироста капитала. Хотя предприятие и может предоставить гарантии относительно стоимости компании для инвестора посредством суммы выплачиваемых дивидендов, но компании также необходимо резервировать какую-то долю денежных средств на необходимые инвестиции для развития компании [7, с. 240]. O. Nwamaka и C. Ezeabasili в своих исследованиях также подтверждают идею, что на стоимость компании сильно влияет дивидендная политика, особенно для публичных компаний [8].

На самом деле приверженцев идеи влияния дивидендов на инвестиционную привлекательность компании великое множество. Экономическую ло-

гику данного явления можно объяснить тем, что большинство инвесторов предпочтут гарантированные и стабильные денежные потоки нежели высокорисковый прирост стоимости капитала. У инвесторов принято делить компании на компании «стоимости» и «роста», если первые – это стабильные, легко прогнозируемые (в плане денежных потоков), то вторые, в большинстве своем – это компании, не имеющие стабильного денежного потока на данный момент, но имеющие какую-то вероятность в будущем иметь весьма неплохой денежный поток.

Многие компании «роста» не платят дивиденды своим акционерам вообще, либо они имеют низкий дивидендный выход в отличие от компаний «стоимости». Новость об увеличении дивидендного выхода часто на практике сопровождается увеличением стоимости акций, что, несомненно, говорит о том, что инвестиционная привлекательность компании повышается примерно на столько же, на сколько повысили дивидендный выход.

Помимо дивидендной политики, еще одним фактором, влияющим на стоимость компании и ее инвестиционную привлекательность, являются ее показатели рентабельности. Высокая рентабельность свидетельствует о хороших корпоративных перспективах, поэтому инвесторы положительно отреагируют на этот сигнал. Для измерения рентабельности часто используют показатели рентабельности активов, рентабельности собственного капитала и рентабельности инвестированного капитала. В своих эмпирических исследованиях I. Rudangga и G. Sudiarta [9], C. Daeli и др. [10] A. Sabrin и др. [11], A. Cheryta и D. Moeljadi [12] подтверждают тот факт, что данные коэффициенты положительно влияют на стоимость компании.

Следующий фактор – размер фирмы – является важным фактором инвестиционной привлекательности компании, поскольку крупные компании пользуются большим доверием со стороны инвесторов. Размер фирмы определяется величиной компании, в основном для измерения данного фактора берется логарифм суммы активов бухгалтерского баланса компании либо логарифм ее выручки. Как ожидается, малые фирмы будут иметь относительно больших компаний маленькую выручку либо валюту баланса. Логика инвестора, который предпочтет малой компании крупную, возможно объяснить тем, что существует и процветает рынок M&A (mergesandacquisitions – слияния и поглощения), на котором маленькие компании все чаще поглощаются крупными компаниями.

Результаты исследования, проведенного M. Arifianto и M. Chabachib [13], показали, что размер фирмы положительно влияет на ее стоимость. Однако к противоположному мнению по поводу влияния данного фактора пришли S. Setiadharna и M. Machali [14]: они выяснили, что размер компании отрицательно влияет на ее стоимость. Результаты исследований демонстрируют эмпирические доказательства отсутствия ясности в отношении влияния размера компании на стоимость фирмы. Вероятно, это связано с поведением инвесторов, которые полагают, что крупные компании не гарантируют, что инвестиции принесут большую прибыль.

Следующий фактор, описываемый многими экономистами – леверидж. Данный показатель отражает структуру капитала компании. Касательно вопроса влияния структуры финансирования на деятельность компании существует множество теорий.

Для измерения левериджа используют показатель отношения суммы заемных средств к собственному капиталу. Связь левериджа со стоимостью компании также можно описать через денежные потоки – дело в том, что при дисконтировании ожидаемых денежных потоков компании в качестве ставки используется средневзвешенная стоимость капитала (WACC – *weighted average cost of capital*), составной частью расчета которой является структура финансирования, таким образом, влияние показателя финансового левериджа является бесспорным. Споры же существуют относительно направления влияния на стоимость компании левериджа и применимости теорий структуры капитала.

Первая работа в этой области была опубликована американскими экономистами. F. Modigliani и M. Miller предположили, что нет никакой связи между стоимостью фирмы и ее финансированием на эффективном рынке (рынок, где отсутствуют налоги, агентские издержки, издержки банкротства, асимметрия информации), и, с другой стороны, уровень долга положительно влияет на стоимость фирмы, если рынок не эффективен, а эффект снижения налога на прибыль (налогового щита) увеличивается по мере того, как фирма привлекает больше заемных средств [15]. Это одно из основных предположений современной концепции структуры капитала.

К примеру, эмпирический анализ, проведенный Е.С. Аношкиной и Е.И. Марковской в рамках панельных данных по российским компаниям нефтегазового сектора, показал неоднозначность результатов [16]. Вероятной причиной являются два фактора, которые имеют разнонаправленные эффекты:

а) налоговый щит – эффект, получаемый от использования заемного капитала – чем больше в структуре капитала заемной части финансирования, тем больше компания экономит на налоге на прибыль;

б) вероятность наступления банкротства – эффект от наращивания заемного финансирования, при котором компания рискует зависеть от банковских кредитов и иных заемных средств все больше и больше, что в условиях строгих ковенант, устанавливаемых займодавцами, не позволит лицам, отвечающим за корпоративное управление принимать эффективные решения в целях максимизации благосостояния акционеров, что в конечном итоге может привести к полной утрате контроля над принимаемыми решениями, даже к банкротству.

Так называемая теория компромисса (*trade-off theory*) как раз пытается дать объяснение эффективной структуре капитала, где компания должна балансировать свои выгоды и издержки от использования заемного финансирования, то есть должна прийти к некоему «компромиссу».

Также экономисты обнаружили, что фирмы предпочитают использовать сначала внутренние средства, потом, как правило, привлекают заемные средства вместо собственного капитала при поиске внешних средств финансирования. Данная теория называется теория иерархии (*pecking-order theory*) [17].

Смысл в том, что лица, ответственные за корпоративное управление, будут привлекать средства по некой иерархии, где заемные средства предпочтительнее собственного капитала (дополнительный выпуск акций). Вероятно, причиной этому является относительная дешевизна заемного капитала, поскольку требуемая норма доходности акционеров будет на порядок выше, чем, допустим, у банка. К тому же заемный капитал позволяет экономить на налоге на прибыль.

Последняя теория структуры капитала, называемая маркет-таймингом (markettiming), гласит, что компании вовсе будут использовать тот вид финансирования, который наиболее подходит на данный момент рыночным условиям [18].

Переходя от теории к практике, следует отметить эмпирическое исследование, проведенное F. Lin и T. Chang в рамках панельных данных по 196 публичным компаниям, которое показало, что есть пороговое значение коэффициента леввериджа в 33,33%, при меньших значениях которого стоимость компании перестает расти [19].

O. Samuel и др. провели исследование, в котором изучали влияние структуры капитала на стоимость компаний, котирующихся на фондовой бирже Ганы (GSE), и пришли к выводу, что в развивающихся странах, таких как экономика Ганы, структура капитала и долгосрочный долг имели статистически значимое влияние на стоимость исследуемых фирм [20].

Также в рамках изучения факторов инвестиционной привлекательности следует отметить работы отечественных авторов, посвященные анализу детерминантов создания стоимости. Одной из таких работ является эмпирическое исследование, проведенное А.Б. Анкудиновым и О.В. Лебедевым [21]. В работе изучаемые ими драйверы роста стоимости были поделены на три основные группы:

а) финансовые драйверы (доходность активов, левверидж, инвестиции и риск);

б) структура собственности (государственная собственность, крупный иностранный акционер, концентрация собственности);

в) прочие контрольные переменные, которые делятся на микропеременные (размер, возраст) и макропеременные (отраслевые эффекты, общеэкономическая конъюнктура).

Зависимыми же переменными рассматривались три показателя: отношение рыночной капитализации к балансовой стоимости компании (Marketto-BookRatio), отношение цены акции к прибыли на акцию (Price-EarningsRatio), а также показатель совокупной акционерной доходности (TotalShareholderReturn). Выборка у авторов была сформирована по российским публичным компаниям нефинансового сектора за 2004-2012 годы (107 компаний, акции которых котируются на ММВБ). Для анализа были применены модели с фиксированными и случайными эффектами, а также сквозная модель. Анализ данных дал следующие результаты [21, с. 40-44]:

а) все показатели первой группы, то есть группы финансовых драйверов, оказывают положительное влияние на создание стоимости компанией;

б) касаясь структуры собственности, только наличие мажоритарного акционера в лице иностранного инвестора дало положительное влияние на акционерную стоимость; наличие в структуре собственности государственного участия разрушает стоимость компании, а концентрированность же структуры собственности вовсе не имела значимости;

в) увеличение размера компании положительно влияет на возможности по увеличению стоимости фирмы;

г) возраст компании оказывает негативное влияние на создание ее стоимости;

д) отраслевые эффекты и общеэкономическая конъюнктура являются значимыми факторами для создания стоимости.

Еще одной примечательной отечественной работой в области детерминантов создания стоимости является исследование И.В. Ивашковской и Е.Б. Кукиной [22]. В их исследовании сформирована выборка по 26 российским компаниям за период с 2002-го по 2007 годы. В качестве индикатора создания стоимости была взята экономическая прибыль, а независимыми переменными выступили следующие показатели:

а) инвестиции – капитальные вложения (Сарех);

б) доходы – темпы роста выручки компании;

в) финансовый леверидж;

г) государственная собственность;

д) структура источников финансирования – дамми-переменные (1, если краткосрочный долг превышает долгосрочный; 0 – в обратном случае);

е) отраслевая принадлежность;

ж) вознаграждение ключевого руководства;

з) выплаченные дивиденды.

В результате была обнаружена положительная связь стоимости корпорации с такими характеристиками, как капитальные вложения, рост доходов и выплачиваемые дивиденды. Отраслевая принадлежность фирмы также является в этом отношении значимым фактором.

Таким образом, обобщая исследования авторов, можно выделить те факторы, которые способны влиять на стоимость компании, и соответственно, на ее инвестиционную привлекательность: размер дивидендов, показатели рентабельности, размер фирмы, структура капитала, инвестиции. Можно констатировать наличие схожих выводов исследователей о статистической значимости большинства наблюдаемых факторов несмотря на то, что данные факторы авторами моделируются в различных условиях (уникальные рынки, отрасли и компании).

Литература

1. Ендовицкий Д.А. Анализ инвестиционной привлекательности организации: монография. – М: КноРус, 2017. – 374 с.

2. Крейнина М.Н. Анализ финансового состояния и инвестиционной привлекательности акционерных обществ в промышленности, строительстве и торговле – М.: Дело и Сервис, 2005. – 256 с.
3. Валинурова, Л.С. Организация инвестиционной деятельности в отраслях промышленности: монография. – М.: Палеотип, 2012. – 124 с.
4. Якупова Н.М., Яруллина Г.Р. Оценка инвестиционной привлекательности предприятия как фактора его устойчивого развития // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 3. – С. 144-147.
5. Москвитина Е.И., Дорошина И.П., Бутова Т.В. Необходимость модернизации государственного регулирования инвестиционной деятельности в России в условиях глобальной конкуренции // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – Т. 6. № 9. – С. 113 – 115.
6. Чистякова Т.С. Систематизация подходов к трактовке понятия «инвестиционная привлекательность» // Экономика и управление: сборник научных трудов / Под редакцией А.Е. Карлика. Часть I. – СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – С. 101-107.
7. Zulkifli Z., Endri E., Kurniasih A. Determinan Internal Dividend Payout Ratio Perusahaan Farmasi terdaftar di Bursa Efek Indonesia // Jurnal Keuangan dan Perbankan. -2017. – Vol. 21, No.2 – p. 238-252.
8. Nwamaka O.C., Ezeabasili V. Effect of dividend policies on firm value: Evidence from quoted firms in Nigeria // International Journal of Management Excellence. – 2017. – Vol. 8, No.2 – p. 956-967.
9. Rudangga I.G., Sudiarta G.M. Determinants of company value // E-Journal Management. – 2016. – Vol. 2, No.4 – p. 4394-4422.
10. Daeli C., Endri G. Determinants of firm value: A case study of cigarette companies listed on the Indonesia Stock Exchange // International Journal of Managerial Studies and Research (IJMSR). – 2018. – Vol. 6, No.8 – p. 51-59.
11. Sabrin A., Sarita B., Takdir D., Sujono C. The effect of profitability on firm value in manufacturing company at Indonesia Stock Exchange // The International Journal of Engineering and Science. – 2021. – Vol. 7, No.11 – p. 81-89.
12. Cheryta A.M., Moeljadi D.N. The effect of leverage, profitability, information asymmetry, firm size on cash holding and firm value of manufacturing firms listed at Indonesian Stock Exchange // International Journal of Research in Business Studies and Management. – 2020. – Vol. 4, No.4 – p. 21-31.
13. Arifianto M., Chabachib M. Analysis of factors affecting firm value (a case study of companies listed on the LQ-45 Index for the 2011-2014 period) // Diponegoro Journal of Management. – 2016. – 5(1). – p. 1-12.
14. Setiadharna S., Machali M. The effect of asset structure and firm size on firm value with capital structure as intervening variable // Journal of Business & Financial Affairs. -2021. – Vol. 6, No.4 – p. 1-5.
15. Modigliani F., Miller M.H. The Cost of Capital, Corporate Finance, and the Theory of Investment // American Economic Review. – 1958.- Vol. 49, No.4 – p. 261–297.
16. Аношкина Е.С., Марковская Е.И. Эмпирический анализ особенностей структуры капитала российских компаний нефтегазового сектора // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13. № 5. – С. 80–109.
17. Myers S., Nicholas S. Corporate financing and investment decisions when firms have information that investors do not have // Journal of Financial Economics. – 1984. – Vol. 13, No.2 – p. 187–221.
18. Baker M., Wurgler J. Market Timing and Capital Structure // The Journal of Finance. – 2002. – Vol. 57, No.1 – p. 1-32.
19. Lin F.L., Chang T. Does debt affect firm value in Taiwan? A panel threshold regression analysis // Applied Economics. – 2011. – Vol. 6, No.8 – p. 117–128.

20. Samuel O., Mokaya D., Nyang'ara M., Lillian T. J. The Effect of Dividend Policy on Market Share Value in the Banking Industry: The Case of National Bank of Kenya // International Journal of Arts and Commerce. – 2013. – Vol. 6, No.2 – p. 321-334.
21. Анкудинов А.Б., Лебедев О.В. Детерминанты создания акционерной стоимости российскими компаниями // Корпоративные финансы. – 2014. – №1. – С. 32-45.
22. Ивашковская И.В., Кукина Е.Б. Детерминанты экономической прибыли крупных российских компаний // Корпоративные финансы. – 2009. – №4. – С. 18-33.

5.3. Цифровизация и ее влияние на микроэкономический анализ: проблемы и подходы

Цифровизация экономики, в обыденной жизни, идет семимильными шагами и, очевидно, каждый потребитель это замечает на бытовом уровне. Между тем цифровизация мало затрагивает теоретические модели экономической теории, приводящиеся в учебных курсах. Традиционный неоклассический микроэкономический анализ, который, в частности, излагается в стандартных учебных курсах весьма консервативен и чаще всего не учитывает цифровизации экономики и наличия цифровых продуктов. Однако в некоторых учебных изданиях стали появляться разделы, в которых излагаются модели *сетевых эффектов*. Пионером в этом направлении была известная работа ХэлаВэриана «Микроэкономика. Промежуточный курс»[1], появившаяся еще в середине 1990-х гг. В настоящее время только в продвинутых курсах микроэкономического анализа можно встретить разделы, посвященные учету информации и цифровых продуктов. Между тем, стали появляться специальные курсы цифровой экономики, в которых наряду с «техникой» цифровизации, обсуждаются и теоретико-экономические модели. Одним из первых переводных добротных учебников стала книга Харольда Оверби и Яна Одестада «Цифровая экономика» [2], а среди отечественных книг отметим работу Н.А. Горелова и О.Н. Кораблевой [3]. За рубежом же появляются достаточно обстоятельные работы, посвященные данной тематике, среди которых следует отметить работы У. Артура [4] и О. Гранстранда[5].

Подчеркнем, что в связи с цифровизацией и быстрым развитием технологий торговли, цифровую экономику (или электронную экономику) часто трактуют как экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях, связанную с электронным бизнесом и электронной коммерцией и сбытом цифровых товаров или услуг.

В случае цифровых благ возникает целый спектр вопросов, которые вполне успешно можно решать с помощью микроэкономического анализа, если в рассмотрение ввести дополнительные характеристики.

Нулевые предельные затраты. Одна из важнейших характеристик производства цифровых благ – нулевые предельные затраты, поскольку цифровые продукты могут быть воспроизведены без дополнительных затрат. Это относится, например, к копиям мобильных приложений, затратам на обработку дополнительной торговой транзакции в Amazon или Ozon. Связано это с тем, что

практически никаких дополнительных затрат не существует на обработку дополнительной транзакции. Тем не менее, очевидно, что предельные затраты при выпуске материальных благ совсем не нулевые (дополнительные затраты на сырье, материалы и т.п.).

Разработка цифровых услуг часто требует высоких постоянных (фиксированных) затрат (например, разработка программного продукта может стоить миллионы рублей, а время на их создание – нескольких лет). С другой стороны, можно привести примеры цифровых сервисов с незначительными фиксированными затратами (приложения для iPhone или Android, были разработаны одним человеком за короткие сроки).

В целом для цифровых услуг характерен значительный разрыв между постоянными затратами и затратами предельными. Поскольку затраты на изготовление копий часто равны нулю, а копии могут распространяться даже без потерь для разработчика (бесплатно), постольку, когда объем выручки от продажи достигнет величины затрат на разработку мобильного приложения, каждая новая продажа будет чистой прибылью фирмы. В этом случае средние затраты на оказание цифровой услуги составят $AC = FC/n + MC = FC/n$, где AC – средние затрат, FC – постоянные затраты, MC – предельны затраты, n – число копий услуги, сделанных в течении всего времени ее существования.

Как известно, экономия от масштаба показывает сокращение затрат на единицу продукции, которое возникает при росте числа единиц услуг. Данный эффект возникает в следствие распределения постоянных затрат фирмы на большое количество единиц товара. Фирмы, выпускающие материальные товары, получают определенную выгоду от снижения затрат при увеличении единиц продукции до определенного пункта. Это связано с тем, что рост выпуска материальных товаров сверх определенного размера, требует создания дополнительной инфраструктуры. В условиях цифровой экономики все обстоит иначе: предельные затраты равны нулю и преимущества увеличения производства могут также приносить выгоду цифровым фирмам без ограничений. Это, собственно, и объясняет тот факт, что фирмы, выпускающие цифровые товары и услуги становятся весьма крупными компаниями [2, с. 47].

Копируемый продукт. Рассмотрим проблему *разработчика копируемого продукта и возможности его копирования*. Как известно, производство программного продукта дело дорогое, в отличие от копирования, где затраты почти нулевые. Возникает серьезная задача для фирмы – возмещение затрат производства этого продукта. Пусть существует рынок программного продукта, который изготовлен с помощью цифровой технологии. Предположим, что копия по качеству не уступает оригиналу. В данной ситуации, если фирма-разработчик будет просить цену значительно выше, чем для копирования, то она не сумеет реализовать свой продукт. В результате цена, назначаемая разработчиком, должна быть установлена почти на уровне, или чуть ниже, цены на рынке копированного продукта (обозначим ее через P^*). Предположим также, что для недопущения массового копирования фирма-разработчик назначает це-

ну чуть ниже P^* . Кроме того, затраты на разработку обозначим через C , а функцию спроса на продукт через $Q(P)$. Для производства продукта его разработчик должен покрывать свои затраты, что предполагает $P \cdot Q(P) \geq C$. Равновесная цена P^* будет детерминирована рынком копий программного продукта и задается следующей функциональной зависимостью

$$y^* = \frac{\gamma(y^*)}{[1 - \gamma(y^*)]y^*} F, \quad (1)$$

где y^* – масштаб деятельности (число копий программного продукта), F – штраф, который нужно заплатить в случае изготовления пиратских копий, $\gamma(y^*)$ – вероятность быть пойманным за пиратское копирование.

Формула (1) говорит о том, что хотя y^* не зависит от величины F , цена, тем не менее, будет зависеть от F – она прямо пропорциональна этой величине. Очевидно, чем выше величина штрафа, тем будет выше цена на интеллектуальную собственность. Напротив, в случае если сумма штрафа невелика, то масштабы деятельности фирмы по копированию продукта будут большими. В случае же если величина штрафа будет большой, то цена копий становится высокой из-за необходимости покрывать эту величину.

С учетом формулы (1) получаем:

$$\frac{\gamma(y^*)}{[1 - \gamma(y^*)]y^*} F \cdot Q(P^*) \geq C. \quad (2)$$

Данное неравенство можно преобразовать и получить (3):

$$\gamma F \geq (1 - \gamma) \frac{y^*}{Q(P^*)} C. \quad (3)$$

Неравенство (3) и есть окончательный результат преобразований. Из данной формулы следует, что для собственно разработки программного продукта величина ожидаемого штрафа должна быть равна вероятности избежать поимку и наказание за копирование, умноженной на потенциальную долю фирмы-копировщика с учетом издержек на разработку программного продукта.

К примеру, в случае продажи фирмой-копировщиком 2% от объема продаж и вероятности $\gamma = 0,01\%$ следует неравенство: $0,01C \geq (1 - 0,01)0,02C$. Это означает, что для отбития желания копирования продукта, штраф должен составлять не менее 2% от затрат на разработку, а величина штрафа должна быть вдвое выше затрат на разработку [1, с. 657].

Модель (3) позволяет производить достаточно простые расчеты. В целом отметим, что в странах, где способы обнаружения нарушителей авторских прав

плохо поставлены (умышленно или нет), вероятность быть пойманным весьма мала и необходимо вводить высокие штрафы. Напротив, там, где вероятность нахождения нарушителя высокая, можно обойтись невысокими штрафами.

Сетевые внешние эффекты. Еще одна сторона цифровизации связана с возникновением *сетевых внешних эффектов*. Эти эффекты представляют особый тип известных *внешних эффектов*, при которых величина полезности блага для одного потребителя зависит от числа других потребителей, участвующих в его потреблении. Сетевые внешние эффекты могут моделироваться с помощью стандартного микроэкономического инструментария. Предположим, что на рынке некоторого товара имеется 100 человек. Обозначим их через $v = 1, \dots, 100$. Заметим, что v измеряет величину резервной цены товара для индивида v . Если цена товара равна P , то количество индивидов, считающих, что товар стоит не меньше P , будет составлять $100 - P$ (если цена равна 20 руб., то имеется 80 человек, которые готовы заплатить за товар, не менее 20 руб.). Будем считать, что с данным товаром связаны внешние сетевые эффекты. Пусть стоимость товара для индивида v составляет vt , где t – количество людей, потребляющих данный товар (т.е. людей, связанных с сетью). Чем больше существует людей, которые потребляют данный товар, тем больше готов заплатить каждый за право его купить.

Теперь обсудим функцию спроса на такой товар. Если его цена составляет P , то обязательно существует индивид, которому безразлично, купить данный товар или не покупать его. Введем обозначение этого предельного индивида через v^* . Ему безразлично, покупать данный товар или нет, следовательно, готовность платить его за товар будет равна цене: $P = v^*t$. Так как предельному индивиду безразлично, покупать данный товар или нет, то тот у кого выше значения v^* , должен будет его купить, а число купивших составит $m = 100 - v^*$. Соединив эти уравнения получим общее условие равновесия на данном рынке $P = t(100 - m)$ или

$$P = 100t - t^2. \quad (4)$$

Уравнение (4) позволяет установить взаимосвязь между ценой товара и количеством его пользователей. Поэтому получается «как бы» уравнение кривой спроса (очевидно, данная функция классическая парабола, что совсем не соответствует стандартной гиперболической кривой спроса микроэкономического анализа) – существование t человек, готовых купить товар, приводит к тому, что предельный индивид находится на вершине функции. В этом заключается специфика сетевого внешнего эффекта. Если количество людей, которые присоединились к сети, достаточно мало, то готовность платить у предельного покупателя достаточно низкая. Если же сеть соединяет достаточно большое число индивидов, то готовность платить у предельного покупателя низкая, так как все остальные уже присоединились к ней.

Будем теперь считать, что товар производится с помощью технологии, которая характеризуется постоянной отдачей от масштаба (в данном случае не

будем строго задавать тип производственной функции). Такая гипотеза предполагает, что кривая предложения будет горизонтальной линией на уровне средних затрат (АС). Если нанести одновременно на рисунок кривую спроса (параболу) и кривую предложения (горизонтальную линию) в осях «готовность платить» и «размер сети», то прямая пересечет гиперболу в трех точках (рис. 5.1). Во-первых, равновесие будет существовать тогда, когда никто не подсоединяется к сети (пессимистические ожидания) (первая жирная точка), во-вторых, когда число потребителей мало (они считают, что сеть слишком велика, и поэтому не готовы платить большую сумму) (вторая точка). В-третьих, когда число покупателей значительно, но цена мала, поскольку предельный индивид, приобретающий товар, оценивает его не очень высоко (третья точка). Рынок же значителен по объему участников.

Естественно, возникает вопрос: какое из трех возможных равновесий будет реализовано? В данной постановке задачи ответа нет, поскольку в каждой точке спрос равен предложению. Для ответа на данный вопрос необходимо сформулировать режим *динамической корректировки*.

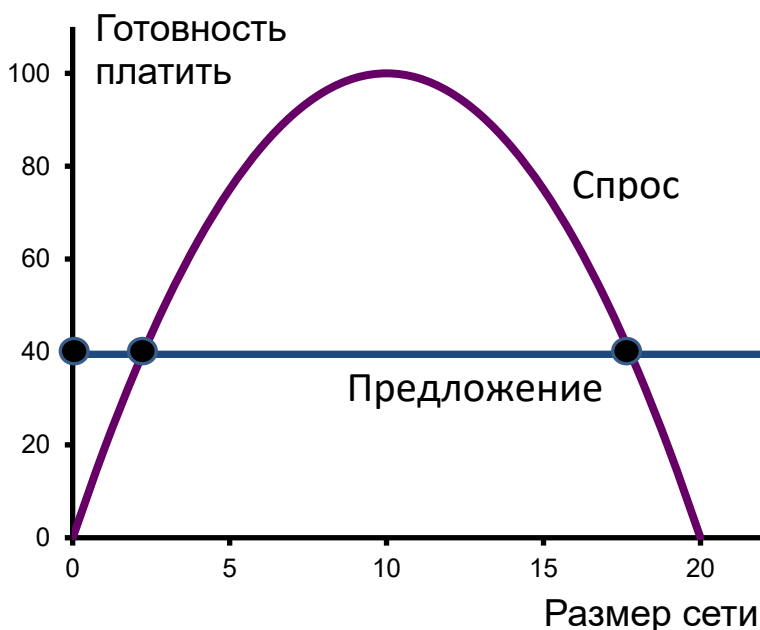

Рис. 5.1. Кривые спроса и предложения при сетевых эффектах

Предположим, что когда потребители готовы платить за товар цену, превышающую затраты на его производство, рынок расширяется, и наоборот — если сумма меньшая, то рынок сужается. Заметим, что равновесие на низком уровне (никто не присоединяется) и равновесие на высоком уровне (присоединяются многие) являются устойчивым. «Среднее» же равновесие — неустойчиво. Поэтому вероятность того, что рынок окажется в этой точке небольшая. Возникает вопрос: как определить какое из равновесий будет иметь место с большей вероятностью?

Речь идет об изменении затрат во времени. Вначале производства затраты достаточно высокие, а затем (благодаря техническому прогрессу) они начинают

снижаться (рис. 5.2). Если затраты высокие, то равновесие только одно – где спрос равен предложению (нулевой объем на оси ординат). При снижении затрат возникает два устойчивых равновесия. Если же начать учитывать помехи, предположив, что первоначально $m = 0$, то по мере сокращения издержек возникает большая вероятность, что помехи могут привести к неустойчивому равновесию. В результате динамическая корректировка подтолкнет ее к равновесному состоянию более высокого уровня.

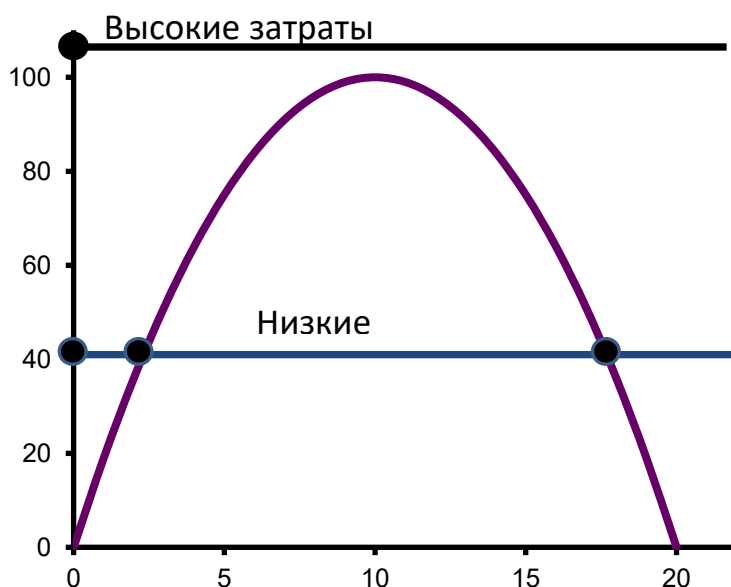

Рис. 5.2. Динамика затрат

В связи с сетевыми внешними эффектами возникает несколько важнейших вопросов, среди которых значение имеет вопрос о критической массе: если спрос одного потребителя зависит от числа других, то важно ли стимулировать спрос на ранней стадии жизненного цикла товара? Практика говорит, что производители программного продукта часто предоставляют весьма дешевый доступ к нему, с целью создать рынок, который ранее не существовал. Здесь, в свою очередь, возникает вопрос: каков должен быть размер рынка, прежде чем он сможет функционировать самостоятельно? Однозначного ответа здесь нет – все будет зависеть от природы товара и от соотношения затрат и выгод, с которыми будут сталкиваться пользователи нового продукта.

Следует вспомнить, что первоначально интернет использовался несколькими небольшими исследовательскими лабораториями исключительно для обмена данными. Затем, в середине 1980-х гг., технология стала использоваться в США для крупных университетов с помощью 12 суперкомпьютеров. Изначально предполагалось, что подключенные пользователи (ученые) будут обмениваться данными с суперкомпьютерами. Поскольку исследователи были связаны друг с другом через электронную почту (единая сеть), не имевшую никакого отношения к суперкомпьютерам, то, как только к сети оказалась подключенной критическая масса пользователей, ценность интернета резко возросла. Здесь,

вполне возможно, и возникает необходимость государственного участия для стимулирования новых разработок.

Модель диффузии на рынках товаров длительного пользования. В далеком 1969 г. была опубликована работа Ф.М. Басса [6], в которой была сформулирована идея диффузии для рынков товаров длительного пользования (холодильники, стиральные машины, электрические плиты и т.п.). В модели Басса предполагалось, что большинству пользователей нужна одна единица такого товара, а никаких сетевых технологий, разумеется, в то время не существовало. Тем не менее, было замечено, что подход Басса в цифровой экономике можно распространить на анализ подписок и учетных записей в социальных сетях. Модель Басса позволила получить достаточно простые аналитические решения, позволяющие делать выводы о динамике рынка.

Введем следующие обозначения: N – все население, B – индивиды, купившие товар или использующие услугу, P – коэффициент новаторства, q – коэффициент имитации, t – время.

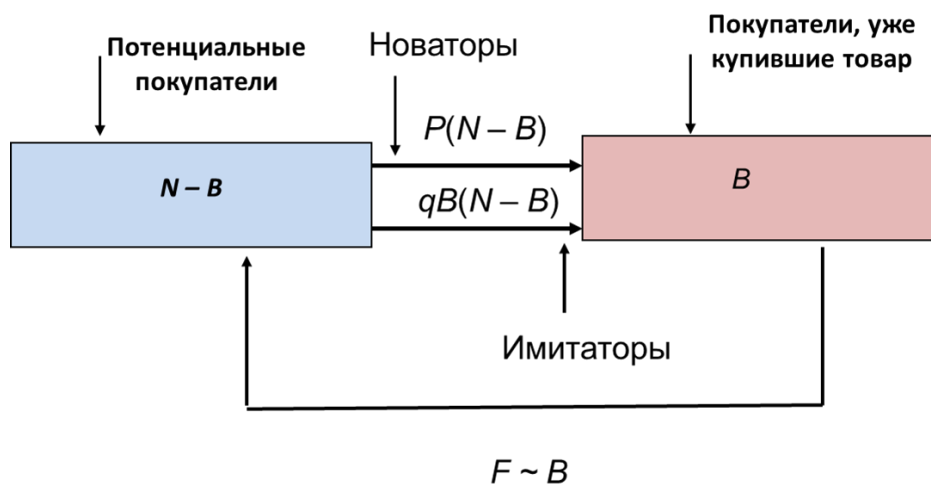

Рис. 5.3. Модель диффузии Басса

Прямоугольник на рис. 5.3 слева означает потребителей, которые пока еще не купили товар (потенциальные покупатели). Их число определяется разницей $N - B$. Прямоугольник справа определяет покупателей, которые уже приобрели данный товар (B). Любой покупатель, приобретший товар, владеет им достаточно длительное время. Предполагается, что все параметры потока постоянные, что значительно облегчает решение уравнения, описывающего диффузию. Как только индивид приобрел товар, он сразу становится потребителем и переходит в правый прямоугольник. При этом приток новых покупателей осуществляется за счет двух категорий: 1) приток «новаторов» состоит из лиц, которые приобретают товар независимо от того, покупал его ранее или нет (численно новаторов можно определить по формуле $P(N - B)$, где P – вероятность покупки или коэффициент новаторства и 2) приток «имитаторов» состоит из потребителей, которые подражают в покупке другим (их можно

определить по формуле $qB(N - B)$, где qB – вероятность того, что стимулируемый потребитель купит товар). Из последнего выражения видно, что вероятность приобретения товара имитатором пропорционально количеству людей, купивших данный товар. Обратная связь в модели (стрелка внизу рис. 5.3) представляет собой *сетевой эффект*. Модель предполагает, что к какому-то моменту времени абсолютно все покупатели будут владельцами данного товара. В этом случае продажи прекратятся. Кроме того, считается что насыщенность рынка не имеет каких-либо последствий, которые сказываются на вероятности покупки.

Динамика рынка в результате может быть описана дифференциальным уравнением следующего вида (5):

$$\square \quad \dot{B} = dB / dt = P(N - B) + qB(N - B) = (P + qB)(N - B). \quad (5)$$

В данном выражении учитывается вероятность как новаторства, так и имитации. Выражение (5) называют *уравнением диффузии Басса*. Запишем его иным образом (6):

$$\frac{dB}{(P + qB)(N - B)} = dt. \quad (6)$$

Если разложить дробь слева и умножить обе части уравнения на $P + qB$, то получим (7):

$$\frac{qdB}{(P + qB)} + \frac{dB}{N - B} = (P + qB)dt. \quad (7)$$

Данное дифференциальное уравнение может быть решено путем интегрирования. В результате получим (8):

$$\ln(P + qB) - \ln(N - B) = \ln c + (P + qN)dt. \quad (8)$$

Из уравнения (7) следует:

$$\frac{P + qB}{N - B} = ce^{(P + qN)t}. \quad (9)$$

В уравнении (9) параметр c – постоянная интегрирования. Если положить $t = 0$, а $B(0)$ равным B_0 , то постоянная интегрирования примет вид:

$$\frac{P + qB_0}{N - B_0} = c. \quad (10)$$

Если подставить выражение (10) в (9) и записать уравнение относительно B , то будет иметь место уравнение Басса (11):

$$B(t) = \frac{PN + qNB_0 - P(N - B_0)e^{-(P+qN)t}}{P + qB_0 + q(N - B_0)e^{-(P+qN)t}}, \quad (11)$$

где $B_0 = B(0)$ – начальное число потребителей, которые владеют товаром. Эти потребители обычно получают товар в рамках его маркетингового продвижения или тестирования практически бесплатно.

Как показано в работе [2, с. 214], графическая визуализация уравнения Басса дает S -образную кривую с точкой перегиба. Выделяют два крайних случая применительно к уравнению (11): 1) если $P = 0$, то популяция состоит только из «имитаторов» и уравнение, по существу, превращается в кривую *логистического* распределения и 2) если $q = 0$, то популяция состоит только из «новаторов», то уравнение становится *экспоненциальной* функцией. Кроме того, если в популяции не содержится новаторов (имеются только имитаторы), то решением дифференциального уравнения станет $B = 0$ для всех t (если $B_0 = 0$, то никто товар не купит). Это означает, что потенциальные покупатели должны существовать до начала продажи товара).

Заметим, что модель Басса позволяет рассматривать различные стартовые условия рынка конкретного товара и осуществлять прогноз в режиме имитации. Разнообразные результаты имитации в рамках модели Басса приведены в работе [7].

Таким образом данная модель может быть вполне удачно дополнять теоретические модели рынков благ с учетом цифровизации и наличия сетей.

Подводя итог, следует констатировать, что микроэкономический анализ на уровне университетских курсов вполне может учитывать цифровые технологии на модельном уровне.

Литература

1. Вэриан Х. Микроэкономика. Промежуточный уровень. Современный подход / пер. с англ. – М.: ЮНИТИ, 1997. – 767 с.
2. Оверби Х., Одеста Я. А. Цифровая экономика. Как информационно-коммуникационные технологии влияют на рынки, бизнес и инновации / пер. с англ. – М.: Издат. дом «Дело», 2022. – 262 с.
3. Горелов Н. А., Кораблева О. Н. Развитие информационного общества: цифровая экономика. Учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 241 с.
4. Arthur W. B. Complexity and the Economy. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 192 p.
5. Granstrand O. Industrial Innovation Economics and Intellectual Property. – Svenska Kulturkompanie, 2016. – 382 p.

6. Bass F.M. A New Product Growth Model for Consumer Durables // Management Science. – 1969. – Vol. 15. – N 5. – P. 215–227.
7. Mahajan V., Muller E., Bass F. Diffusion of the New Products: Empirical Generalizations and Managerial Uses // Marketing Science. – 1995. – Vol. 14. – N 3. – P. 79–88.

5.4. Цифровые и инжиниринговые возможности трансграничного инвестиционного партнерства промышленных предприятий северо-западного федерального округа с субъектами ИЗ КНР

В условиях новейшего витка обострения геостратегического противоборства и ведения гибридной, в том числе, санкционной, войны недружественных государств с Российской Федерацией, устойчивое развитие предприятий отечественной промышленности все больше полагается на партнерство с дружественными государствами, прежде всего, в рамках евразийского пространства экономического сотрудничества.

Инвестиции, в том числе международные, являются важнейшим ресурсом для обеспечения устойчивого развития предприятий промышленности региона. Под последним, обобщая существующие определения [1, 2, 3], предлагается понимать научно обоснованный и стратегический подход, основанный на достижении долгосрочной экономической устойчивости предприятий. Понятие устойчивого развития включает в себя создание и поддержание конкурентоспособной промышленной базы, оптимальное использование ресурсов и минимизацию отрицательного воздействия на окружающую среду, а также учет интересов заинтересованных сторон. Основная цель устойчивого развития предприятий промышленности региона заключается в обеспечении стабильной прибыли, устойчивости производства и роста, а также в создании благоприятных условий для экономического развития региона в целом, в том числе с учетом неоднородности в уровне социально-экономического развития регионов, складывающейся, в частности, в территориально распределенном федеративном государстве, таким как Российская Федерация.

В условиях беспрецедентных односторонних экономических санкций, введенных против Российской Федерации, нацеленных, в том числе, на нанесение существенного урона российской промышленности, активизация экономических, в том числе инвестиционных, контактов с субъектами из Китайской Народной Республики (КНР) представляется важным и, по сути, не имеющим полноценных альтернатив направлением международного инвестиционно-финансового сотрудничества.

Проблема взаимодействия между двумя странами и их хозяйствующими субъектами в инвестиционно-финансовой сфере не столько в дефиците инвестиционных ресурсов, сколько в нехватке компетенций и дефиците инновационного мышления в области финансового инжиниринга, которые не позволяют результативно трансформировать сотрудничество в соответствии с новейшими вызовами, потребностями и условиями их обеспечения. Целью настоящей публикации выступает устранение пробелов в сфере понимания цифровых и инжиниринговых возможностей трансграничного инвестицион-

ного партнерства промышленных предприятий северо-западного федерального округа с субъектами из КНР, оказание соответствующего методико-методологического и информационно-аналитического содействия российским и китайским властям, а также бизнесу.

Материалы и методы. Исследование опирается на сочетание общенаучных и частно-научных методов анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования, диалектики, моделирования, а также на метод опроса. В рамках настоящего исследования в июне-сентябре 2023 года проведен опрос руководителей и собственников 48 промышленных предприятий Северо-Западного федерального округа РФ (СЗФО), традиционно ориентированных на осуществление внешнеэкономической деятельности и/или функционирующих за счет привлечения иностранных инвестиций. 32 предприятия (66,7% в количественном выражении) в настоящее время входят в партнерские отношения с китайскими компаниями или выстраивают их.

Результаты. Промышленные предприятия Северо-Западного федерального округа РФ имеют существенную заинтересованность в формировании деловых контактов и привлечении инвестиций от бизнеса из КНР:

— Китай является одним из крупнейших потребителей промышленной продукции, и его экономика продолжает демонстрировать стабильный рост. Привлечение инвестиций от бизнеса из КНР открывает новые возможности для промышленных предприятий в области сбыта и расширения рынка;

— КНР выступает одним из лидеров в области инноваций и технологий. Сотрудничество с предприятиями из КНР может позволить российским компаниям получить доступ к передовым технологиям, опыту и знаниям, что может значительно повысить конкурентоспособность предприятий СЗФО;

— Китай активно развивает свою инфраструктуру, включая транспортные и логистические системы. Сотрудничество с китайскими компаниями может способствовать развитию инфраструктуры в регионе, что обеспечит более эффективную доставку товаров и снизит издержки для предприятий;

— Россия обладает значительными природными ресурсами, включая энергетические и минеральные ресурсы. Китай, в свою очередь, является одним из крупнейших потребителей этих ресурсов. Развитие сотрудничества с предприятиями из КНР способствует более эффективному использованию ресурсов и увеличению экспорта в эту страну;

— Китай активно инвестирует в различные отрасли мировой экономики. Привлечение инвестиций от бизнеса из КНР может стимулировать развитие промышленных предприятий в Северо-Западном федеральном округе, создавая новые рабочие места, модернизируя производство и повышая их конкурентоспособность.

КНР в целом выступает важным и ключевым международным экономическим партнером Российской Федерации, однако потенциал развития и углубления сотрудничества в полном объеме до настоящего времени не реализуется. Среди причин сложившейся ситуации, применительно в том числе к сфере ин-

вестиционно-финансовой деятельности, привлечения инвестиций предприятиями СЗФО, могут быть названы следующие:

— несмотря на колоссальный прогресс, достигнутый за последние годы, экономическое сотрудничество российской и китайской стороны в значительной степени сдерживает фактор различий в ментальности, деловой практике, а также низкой успешности практической деятельности по согласованию и «стыковке» потребностей и интересов при организации партнерства;

— экономическое, в том числе инвестиционное, партнерство Российской Федерации с китайскими партнерами традиционно осуществляется с участием государства, выступающего гарантом и нередко инициатором сотрудничества. Имеется опыт прямого партнерства на корпоративном уровне, а также фрагментарный опыт межрегионального взаимодействия. Последний, впрочем, выработан преимущественно в сфере отношений приграничных территорий – регионы России, значительно отдаленные от границы с Китаем, такой опыт если и имеют, то, как правило, на несистематическом уровне;

— в условиях пандемии COVID-19 произошла (усилилась) фрагментация международных экономических отношений, в том числе в инвестиционно-финансовой сфере. Правительства были сфокусированы на решение вопросов ресурсного обеспечения развития изолированно, преимущественно собственными силами. Были апробированы новые и обновленные модели функционирования национальных инвестиционных систем по замкнутому типу, в том числе с достаточно высокой степенью успешности [4]. В результате, на сегодня партнеры, претендующие на активное трансграничное сотрудничество в инвестиционной сфере, вынуждены доказывать и подтверждать необходимость и целесообразность своего включения в сотрудничество.

Соответствующий перечень проблем может быть дополнен и расширен, однако, как представляется, в целом он характеризует весьма непростые условия осуществления и развития инвестиционного сотрудничества с субъектами из КНР в интересах обеспечения устойчивого развития предприятий промышленности СЗФО.

Для решения соответствующих проблем представляется возможным предложить инновационные инструменты и механизмы инвестиционно-финансового сотрудничества между бизнесом РФ и КНР, которые могут быть классифицированы по двум ключевым основаниям: 1) специфика механизма инвестиционного сотрудничества в условиях санкций; 2) особенности инновационного механизма инвестиционного сотрудничества.

Основания и специфику соответствующих классификаций представляется целесообразным рассмотреть более подробно.

Фактор односторонних антироссийских санкций накладывает ряд ограничений на инвестиционное сотрудничество с китайской стороной, даже несмотря на неприятие санкционного шантажа государственными властями КНР. В частности, международное сотрудничество в инвестиционной сфере редко происходит без привлечения третьих сторон (торговых площадок, компаний специального

назначения, андеррайтеров и букраннеров, рейтинговых агентств, страховых компаний и многих других).

До последнего времени и российские, и китайские субъекты инвестиционной деятельности во многом полагались на западных посредников, опираясь на их компетенции и с учетом высокого уровня развития и капитализации представляемых такими посредниками финансовых рынков. В последнее время ситуация радикально меняется, причем и Китай, и Россия ощутили соответствующую необходимость еще в прошлом десятилетии. Так, экономическая война, фактически объявленная Китаю Соединенными Штатами Америки, стартовала именно в инвестиционно-финансовом пространстве, в виде запретов, налагаемых американскими властями на отдельные инвестиции китайских компаний и частных лиц в экономику США, в том числе вопреки существующим международным соглашениям в области инвестиций [5].

Российские компании чаще, чем китайские, становятся объектами наложения международных санкций, начиная с 2014 г. При этом основной виток санкционной войны приходится на последние два года (с 2022 г.) с фактическим закрытием для российского государственного и корпоративного сектора всех западных рынков капитала.

В результате осуществление инвестиционного сотрудничества между субъектами из России и КНР в большинстве случаев не может не учитывать санкционные риски, для минимизации которых могут быть использованы так называемые «петельные» (в международном экономическом лексиконе используется англ. термин loop – петля) механизмы финансирования. Следовательно, по специфике инвестиционного сотрудничества в условиях санкций, механизмы возможного партнерства предприятий СЗФО с китайской стороной могут быть разделены на петельные и прямые.

«Петли» формируются различными способами; при так называемом «аналоговом» партнерстве (без привлечения цифровых технологий и платформ) – через использование дружественных сторон в финансовом посредничестве, финансирование через «страны-прокладки», обезличенные инструменты и счета. Цифровые петельные инструменты предлагают даже более богатое пространство для маневра, включающее в себя использование защищенных цифровых платформ на блокчейне для закрытого финансирования проектов, крпивоалют и токенизированных безналичных денег, умных контрактов и др. (см. ниже).

Однако, безусловно, без применения петельных механизмов взаимной инвестиционной деятельности предприятий СЗФО и экономических агентов из КНР, в целом ряде случаев возможно обойтись. Речь идет, прежде всего, о долгосрочном партнерстве, защищенном двусторонними соглашениями, позволяющими укрепить гарантии всесторонней защиты от произвольного вмешательства недружественных субъектов в инвестиционные отношения двух стран. Такие соглашения могут заключаться на межправительственном и межрегиональном уровне, и, в том числе, иметь негласный характер. В частности, руководству субъектов РФ, входящих в состав СЗФО (а именно государственные власти субъектов Российской Федерации наделены конституционным правом ве-

дения в области координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации) целесообразно инициировать соответствующие решения в сотрудничестве с руководством отдельных регионов Китая, заинтересованных в наиболее тесном сотрудничестве с промышленными предприятиями федерального округа, в частности, по критерию наиболее тесных экономических связей, установившихся в предыдущее десятилетие.

Таковыми для промышленных предприятий СЗФО, по результатам проведенного опроса, являются провинции Хубэй, Гуандун, Чжэцзян, Сычуань, Ганьсу и Синьцзян-Уйгурский автономный округ. При этом, безусловно, экономическая дипломатия не должна иметь формальных границ; контакты соответствующего рода могут и должны развиваться и по другим территориальным векторам. Не следует недооценивать потенциал прямого партнерства по направлению регионы – государство, в частности, между руководством субъектов СЗФО или самого федерального округа, и республиканского правительства КНР. Не следует забывать о том, что КНР имеет именно республиканскую форму территориального устройства государства, и только на уровне официального Пекина могут быть утверждены соглашения о поддержке и защите инвестиций, имеющие силу международного договора.

Собственно, переориентация экономического, в том числе, инвестиционного, партнерства российских промышленных предприятий на рынки дружественных государств, включая, прежде всего, Китай и его ближайших сателлитов, сама по себе должна рассматриваться как важный прямой механизм развития инвестиционного сотрудничества в условиях санкций, потенциал и значимость которого не следует недооценивать и, тем более, игнорировать в современных обстоятельствах. Многие промышленные предприятия СЗФО, прежде ориентированные на зарубежный импорт (преимущественно в страны Европейского Союза (ЕС)) и/или финансируемые за счет западных инвестиций, могут до сих пор пребывать в состоянии неопределенности по поводу траекторий долгосрочного, стратегического экономического развития.

Стратегии, опирающиеся на идею скорейшего возвращения на целевые европейские рынки, имеют инерционный характер, однако критикуя соответствующие позиции важно учитывать то обстоятельство, что трансграничное партнерство предприятий промышленности СЗФО в предыдущие десятилетия приоритетным образом формировалось по европейскому вектору прежде всего ввиду территориальной близости региона со странами Скандинавии и Балтики. Аналогичным образом формировалось сотрудничество предприятий таких регионов, как Амурская область, Хабаровский край и др., с китайскими партнерами. Инерция в стратегическом развитии промышленных предприятий СЗФО в данном контексте обусловлена в том числе объективными факторами: многие производства развивались за счет средств европейских инвесторов, технологии и товары были ориентированы на европейских потребителей.

В этой связи переориентация на рынки КНР (как и других дружественных стран) может быть болезненной, потребовать осуществления многочисленных трансформаций, селективного учета совершенно иных запросов новых целевых

рынков. Ожидание разморозки конфликта России с «коллективным Западом» в данной связи кажется простым и потенциально эффективным решением. Однако следует предостеречь от подобных выводов: историческая практика показывает, что международные санкции могут сохраняться десятилетиями и применяться в том числе вне острой фазы военно-политического противоборства (яркими примерами тому являются Иран, Северная Корея и Куба).

Кроме того, если рассматривать односторонние (и противоречащие нормам международного права как принятые в обход процедуры утверждения в Совете Безопасности ООН) санкции как фактически не находящиеся в рамках прозрачного регулирования и единообразных правил, вероятность отмены / облегчения санкционного давления едва ли может быть оценена с применением релевантных методов анализа и прогнозирования.

Чтобы способствовать во многом сложным и даже болезненным трансформациям промышленных предприятий СЗФО, многие из которых исторически, еще с советских времен ориентированы на международное сотрудничество (с предприятиями из Финляндии, Норвегии, ФРГ и др.), важно оказывать всестороннюю помощь на отраслевом, региональном и государственном уровне, привлекая к практическому решению ряда проблем представителей новых целевых рынков, в частности китайского. Так, партнеры из КНР, помимо предоставления инвестиций и заключения экспортно-импортных контрактов, могут оказать значительную информационно-консультационную поддержку обновляемому и углубляемому сотрудничеству, в том числе предваряющую заключение соглашений в области инвестиций и поставок.

Речь идет, помимо прочего, об ориентировании менеджмента промышленных предприятий о перспективных нишах и пожеланиях потребителей из КНР по поводу поставки товаров промышленного назначения и технологий их производства, зачастую призванных сочетать критерии разумной экономики, высокого качества и соответствия, по меньшей мере, базовым требованиям в области ESG (экологичности, социальной ответственности и высоких стандартов корпоративного управления). Также информационная поддержка может касаться предоставления сведений по поводу источников и перспективных направлений привлечения инвестиционных ресурсов из Китая, по поводу практики функционирования финансовых рынков КНР, требований к организации публичных и непубличных размещений, осуществлению различных заимствований.

Стоит подчеркнуть, что в международной практике формирование баз данных экономической информации выступает хорошо известным по своей надежности инструментом содействия трансграничной инвестиционной деятельности [6]. Дополнительно важно учитывать и то обстоятельство, что в настоящее время российские бизнес-субъекты фактически лишены возможности получения информационно-консультационной поддержки от финансово-инвестиционных консультантов из западных государств по причине санкционного эмбарго, наложенного правительствами последних.

Наконец, простым в теоретизировании, однако порой сложно реализуемым в практических условиях предложением по развитию непетельных инструментов и механизмов инвестиционного сотрудничества предприятий промышленности СЗФО и субъектов из Китайской Народной Республики выступает перевод расчетов в национальные валюты участвующих государств. Для стимулирования соответствующего процесса, помимо прочего, важно реализовать государственную инициативу.

Непетельные цифровые механизмы трансграничного инвестиционного партнерства китайских и российских субъектов, в частности промышленных предприятий СЗФО, включают, в частности, разработку и применение открытых платформ для инвестиционного взаимодействия (поиска и отбора партнеров, проведения конкурсов проектов и др.), а также осуществление финансирования инвестиционных проектов в цифровых валютах центральных банков участвующих государств. Утилитарный характер в данном случае будет иметь использование в расчетах цифрового рубля, организация обращения которого уже перешла в плоскость практических решений.

Другое основание для классификации инструментов и механизмов инвестиционно-финансового сотрудничества между бизнесом РФ и КНР – особенности таких инноваций, с разделением на финансовый инжиниринг аналогового (нецифрового) типа и цифровые финансовые технологии и инструменты (лишь часть из них относится к финансовому инжинирингу).

Под финансовым инжинирингом следует понимать процесс создания и применения финансовых инструментов, структур и стратегий с целью оптимизации финансовых результатов и управления рисками. Финансовый инжиниринг включает в себя разработку новых финансовых продуктов, модификацию существующих инструментов, создание сложных финансовых конструкций и использование различных финансовых стратегий для достижения желаемых целей.

Проведенная по результатам опроса оценка практики применения финансового инжиниринга в обеспечении предприятий СЗФО необходимыми инвестиционно-финансовыми ресурсами показывает, что и в предыдущие десятилетия, когда имелись реальные возможности выхода на европейские и американские фондовые площадки, такие инструменты, как проектное финансирование, секьюритизация (как классическая, так и синтетическая) в предметной области практически не использовались. Основная причина – в дефиците компетенций и опыта, наращивание которых, как известно, взаимосвязано и взаимообусловлено.

Обновленные форматы инвестиционного сотрудничества промышленных предприятий СЗФО с китайскими партнерами неизбежно призваны базироваться на цифровых инновациях и передовых достижениях финансового инжиниринга. Чтобы преодолеть множественные искусственные препятствия, налагаемые на партнерство, видится важным идти в ногу с прогрессом в инвестиционно-финансовой сфере, и по возможности его опережать.

Так, промышленные предприятия Российской Федерации вместе с субъектами финансового рынка накапливают первичный опыт в сфере размещения «зеленых» облигаций и других ценных бумаг, обеспечивающих защиту от экологических рисков и компенсацию потерь в связи с непредвиденным введением новых ESG-ограничений на целевых рынках; не являются исключением и промышленные предприятия СЗФО, в частности, Санкт-Петербурга и Ленинградской области [7]. При этом было бы грубой ошибкой полагать, что новые индустриальные страны абстрагируются от климатической повестки в угоду, например, сохранению стабильного экономического роста. Китай как лидер в темпах развития мощностей в области возобновляемой энергетики за последние десять лет [8] – наглядный тому пример.

Вполне допустимо ожидать, что в рамках дальнейшего ужесточения экологического (климатического) регулирования будет введено дополнительное налогообложения российского товарно-сырьевого экспорта и/или квотирование генерируемого им углеродного следа. Развитие опыта привлечения инвестиций через «зеленое» финансирование позволит промышленным предприятиям СЗФО не только хеджировать соответствующие экономические, в том числе финансовые, риски, но также получить дополнительные инвестиционные ресурсы для реализации масштабных проектов в области модернизации производства, обеспечения энергосбережения и повышения энергетической эффективности, декарбонизации производственных технологий и выпускаемой продукции в целом.

Инструменты финансового инжиниринга, такие как проектное финансирование и секьюритизация, могут быть результативно использованы в целях извлечения максимальных преимуществ от экономического партнерства предприятий СЗФО с китайской стороной.

Так, например, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) в одном из своих последних аналитических документах [9] особое внимание обращает на потенциал специальных инструментов государственно-частного партнерства (ГЧП), которые в международной практике все активнее используются для привлечения инвестиций в инновации. Речь идет о создании ГЧП-структур в виде компаний специального назначения, которые выпускают долевые или долговые ценные бумаги для финансирования партнерства. Такой механизм представляется целесообразным назвать ГЧП-секьюритизацией (авторское определение), и не усматривается никаких препятствий для его применения в трансграничных экономических отношениях.

Более того, институционализация партнерства с созданием специализированных юридических лиц и привлечения инвестиций от третьих сторон (в том числе широкого, неопределенного круга инвесторов в биржевом секторе фондового рынка) позволит вывести инструменты и технологии ГЧП из традиционного государственного на трансграничный, международный уровень, в том числе с учетом действующих межгосударственных, международных соглашений, существующих и потенциальных ограничений в предметной области.

Хотелось бы еще раз отметить, что внедрение инноваций в инвестиционную деятельность российских промышленных предприятий в области финансового инжиниринга во многом сдерживает дефицит компетенций у финансовых менеджеров и лиц, принимающих стратегические решения. Для решения соответствующей проблемы целесообразно реализовывать специальные образовательные программы, обмениваться опытом и знаниями, в том в рамках числе трансграничного, межрегионального, внутри- и межрегионального партнерства.

Цифровые инвестиционно-финансовые инновации, предлагаемые к внедрению в практической деятельности в анализируемой сфере многообразны, однако как в России, так и в КНР во многом все еще находятся в фазе теоретической проработки и дискуссии по поводу легализации и основ правового регулирования.

Значительный интерес представляет децентрализованное финансирование (DeFi), в том числе пиринговое, осуществляемое через прямой контакт инвестора и заемщика без привлечения традиционных финансовых посредников. DeFi инструментарий не только позволяет привлечь максимально широкий круг инвесторов, игнорируя межстрановые барьеры, в том числе в области регулирования рынков, компетенций и экономической практики, но и позволяет минимизировать санкционный риск по причине защиты информации и транзакций от третьих лиц.

Подобную защиту (меры усиления защиты) обеспечивает применение в трансграничном инвестиционном сотрудничестве технологий самоисполняющихся «умных контрактов», расчетов криптовалютами, токенизированными безналичными деньгами, цифровой секьюритизации и др. Каждая из перечисленных цифровых финансовых технологий может быть применена самостоятельно или в комплексе, в зависимости от конкретных потребностей поиска и организации контактов в инвестиционной сфере, защиты интересов конкретных участвующих сторон и охраны инвестиционно-финансового сотрудничества от недружественных действий третьих сторон (прежде всего, угрозы наложения санкций, вторичных санкций).

Ключевыми предпосылками для внедрения соответствующего цифрового инструментария, с учетом фактически складывающихся обстоятельств, выступают:

1) обеспечение прогресса в легализации цифровых финансовых активов в России и (особенно) КНР;

2) обеспечение единообразия в регулировании у стран-ключевых партнеров во внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности;

3) заключение межгосударственных соглашений об упрощении отношений в области цифровых финансов, взаимном признании протоколов цифрового инвестирования, защите прав «цифровых» инвесторов;

4) развитие технологической инфраструктуры цифрового финансирования, в том числе при сотрудничестве и участии национальных правительств, региональных властей, а также крупнейших хозяйствующих субъектов, в том числе промышленных предприятий, финансово-промышленных групп;

5) содействие в неуклонном развитии цифровых компетенций и повышении уровня экономических знаний и осведомленности по поводу возможностей применения цифрового финансирования в трансграничной инвестиционной деятельности партнеров из Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Как китайским, так и российским субъектам инвестиционной деятельности, в особенно в промышленности как нефинансовом секторе, исключительно важно наращивать цифровые компетенции, в том числе посредством организации и активного осуществления двустороннего сотрудничества, обмена опытом, совместных образовательных площадок и активностей.

Представленные выше идеи и направления образуют матрицу выбора цифровых технологий (инструментов) и технологий (инструментов) финансового инжиниринга, которая может быть использована, в частности, для обоснования экономических решений по формированию и развитию инвестиционного партнерства промышленных предприятий СЗФО и китайских партнеров в интересах обеспечения устойчивого развития отечественной промышленности и минимизации негативных последствий трансформации направлений и принципов международного экономического взаимодействия. Соответствующие предложения в систематическом виде представлены в табл. 5.1.

Таблица 5.1

Матрица выбора технологий и механизмов перспективного содействия инвестиционно-финансовому сотрудничеству промышленных предприятий СЗФО с партнерами из КНР

Свойства технологий и инструментов	Свойства механизмов с учетом санкций	
	Прямые	Петельные
Финансовый инжиниринг (нецифровой)	Перевод отношений в сегмент дружественных стран с финансированием в национальных валютах Трансграничное ГЧП и ГЧП-секьюритизация Зеленое финансирование	Финансовое посредничество дружественных сторон Использование стран-«прокладок» Обезличенные счета
Цифровые технологии и инструменты	Расчеты цифровыми валютами центральных банков	Цифровые финансовые платформы DeFi платформы Криптофинансирование / расчеты криптовалютами Расчеты токенизированными безналичными деньгами Умные контракты

Источник: Разработано автором.

Заключение. Таким образом, формирование деловых контактов и привлечение инвестиций от бизнеса из КНР может стать важным фактором для развития промышленных предприятий в Северо-Западном федеральном округе РФ, способствуя их устойчивому развитию и экономической устойчивости региона в целом. Применение цифровых и инжиниринговых инноваций направлено на решение многочисленных проблем и противоречий в складывающихся контурах инвестиционно-финансового сотрудничества российских предприятий промышленности с партнерами из КНР.

Предлагаемые в настоящей публикации решения, безусловно, не образуют замкнутый контур возможных вариантов развития инвестиционного сотрудничества промышленных предприятий СЗФО с китайской стороной в актуальных социально-экономических и внешнеполитических условиях. Более того, сам факт объективных затруднений или невозможности применения соответствующего передового инструментария, описанного выше, не должен формировать препятствий в поиске и генерировании приемлемых решений. Соответствующая деятельность должна полагаться на масштабный и равноправный диалог российских и китайских партнеров, с привлечением представителей государства и коммерческого сектора, прикладной и фундаментальной науки. Видение перспектив в евразийском векторе экономического сотрудничества, в том числе в инвестиционно-финансовой сфере, может и должно стать своеобразным мостом в будущее, залогом долгосрочного успеха как в трансграничном партнерстве, так и в обеспечении того, что принято называть устойчивым экономическим развитием хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Козлова Е. П., Гарина Е. П. Формирование механизма устойчивого развития промышленных предприятий на основе технологической трансформации: монография. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2021. – 142 с.
2. Соколов А. П. О некоторых проблемах правового обеспечения устойчивого развития оборонно-промышленного комплекса //Журнал прикладных исследований. – 2020. – №. 2. – С. 51–57.
3. Юцис А. Э., Басовская Е. Н., Басовский Л. Е. Проблема стратегии устойчивого развития предприятий промышленности современной России //Журнал исследований по управлению. – 2020. – Т. 6. – №. 4. – С. 58–68.
4. Lee D., Heo Y., Kim K. A strategy for international cooperation in the COVID-19 pandemic era: Focusing on national scientific funding data //Healthcare. – MDPI, 2020. – Vol. 8. – No. 3. – P. 204.
5. Roberts A., Choer Moraes H., Ferguson V. Toward a geoeconomic order in international trade and investment //Journal of International Economic Law. – 2019. – Vol. 22. – No. 4. – P. 655-676.
6. Ives B., Learmonth G. P. The information system as a competitive weapon //Communications of the ACM. – 1984. – Vol. 27. – No. 12. – P. 1193-1201.
7. Долганов А. В., Долганова Н. А. О некоторых вопросах теории и практики реализации ESG-принципов и развитии системы зеленого финансирования в Российской Федерации // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – №. 17-1. – С. 406-410.
8. Lin B., Zhou Y. Measuring the green economic growth in China: Influencing factors and policy perspectives //Energy. – 2022. – Vol. 241. – P. 122518.

9. Вектор инновационной деятельности: Доклад о положении в области интеллектуальной собственности в мире за 2022 г. – WIPO, 2022. [Электронный ресурс]. // URL: <https://tind.wipo.int/record/45361> (дата обращения 10.10.2023).

5.5. Горизонт перспектив евразийской интеграции при введении цифровых валют с учетом опыта Китая

Попытка проведения оцифровки фиатной валюты является мировым трендом, а подходы к регулированию цифрового аналога – национальным выбором. Одни страны сосредоточены на исследованиях в области цифровых валют, другие – на апробации непосредственно блокчейн-технологии и реализации пилотных версий проектов относительно внедрения данного инструмента в финансовый сектор экономики. Возможность выпуска цифровой валюты центрального банка (Central Bank Digital Currency, CBDC) обусловлена уровнем развития цифровизации в каждой стране. В этой связи поиск и экспериментальное освоение обозначенных аспектов, а также скорость реализации данного процесса по различным странам будет неравной, при этом существует необходимость синхронизации с общемировым ритмом по вопросам трансграничных платежей.

Проблема виртуализации валюты является новым направлением теоретического анализа и сформулирована на уровне эмпирических обобщений, поэтому требует концептуальных средств для осмысления ее основных пропозиций с применением дихотомии «реальное – виртуальное». Цифровой валюте присущи такие основные свойства виртуальной реальности, как: нематериальность воздействия, условность параметров, возможность прерывания с последующим возобновлением своего существования. При этом могут быть актуализированы научные изыскания Ж. Бодрийяра с дефинициями «гиперреальность» и «симулякры – знаки» [1]. Автор выделяет следующие последовательные фазы между реальностью и ее образом (знаком):

- 1) образ (знак) представляет собой отражение подлинной реальности;
- 2) образ (знак) маскирует и извращает концепт подлинной реальности;
- 3) образ (знак) маскирует отсутствие подлинной реальности;
- 4) образ (знак) не представляет связи с какой бы то ни было реальностью.

В отношении генезиса и эволюции цифровой валюты задачей первостепенной важности является сосредоточение в пределах первой фазы обозначенной хронологии во избежание вовлечения императива симуляции связи между искомыми объектами.

В то же время представляется целесообразным обращение к эклектизму Ж.-Ф. Лиотара [2], характеризующему переход системы от связной последовательности составляющих ее элементов к парадоксальному соединению разнородных фрагментов, создавая отступление от однозначности, формируемой институциональными нормами. Важно отметить, что использование символических благ выступает источником конфликтов в обществе согласно теории

А. Турена [3]. Появление новых экономических моделей и подходов («новой экономики») позволяет опираться на понятие «сетевое общество» в соответствии с трилогией М. Кастельса [4].

При разработке концепции виртуализации валюты необходимо учитывать обозначенные аспекты и ключевые атрибуты виртуальной реальности. Применение обозначенных теорий к аналитическим рамкам исследования обосновывается необходимостью выявления возможных противоречий наряду с горизонтом определенных перспектив при введении цифровых валют евразийскими странами.

Приоритетными направлениями цифровой повестки Евразийского экономического союза выступают следующие опорные точки: цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов; цифровая торговля; цифровые транспортные коридоры; цифровая промышленная кооперация; Соглашение об обороте данных (в том числе о защите персональных данных); система регулятивных «песочниц» [5]. Обозначенные аспекты способствуют интенсификации евразийской интеграции за счет развития цифровой инфраструктуры Союза. Появление таких проектов и сервисов, как: «Цифровое техническое регулирование», «Цифровые транспортные коридоры» и «Работа без границ» подтверждает данное положение.

Цифровые валюты России и Казахстана выступят мерой стоимости, законным средством платежа и сбережения. По данным информационного ресурса «CBDC Tracker» страны – участницы ЕАЭС находятся на разной стадии внедрения цифровых валют (от исследования до запуска): в России успешно завершён пилотный этап; в Казахстане подтверждена концепция цифрового тенге и запущен пилотный проект по оценке соответствующей технической осуществимости, в рамках которого был внедрен прототип платформы [6]. Беларусь, Армения и Кыргызстан в данном сервисе не представлены, однако технологические возможности для расширения сферы криптоиндустрии в отношении обозначенных стран имеются.

Согласно позиции Банка России, цифровой рубль представляет собой третью форму национальной валюты, появление которой планируется в дополнение к существующим наличным и безналичным средствам в качестве еще одного средства платежей и переводов [7]. При этом предполагается, что данная форма частично заместит как наличные средства в обращении, так и безналичные деньги банков [8, с. 25]. Мировой опыт свидетельствует о том, что по мере развития экономики обнаруживается потребность в более диверсифицированных платежных средствах.

Евразийский экономический союз может реализоваться в качестве первого регионального интеграционного блока, сформировавшего институциональную среду для тестирования блокчейн-технологии. В настоящее время страны – участницы ЕАЭС сосредоточены на разработке собственных национальных цифровых валют или финансовых проектов с использованием блокчейн-технологии, ключевые особенности которых рассмотрим в табл. 5.2.

Генезис цифровых валют стран – участниц ЕАЭС

Страна – участница ЕАЭС	Проектное наименование цифровой валюты	Особенности цифровой валюты или финансовых проектов с использованием блокчейн-технологии	Примеры операций с цифровой валютой
Россия	Цифровой рубль	обеспечение золотовалютными резервами страны; платформа Мастерчейн на площадке Ассоциации «Финтех»; цифровая платформа «Восход»	– эмиссия цифровой валюты; – открытие личных и корпоративных кошельков;
Беларусь ⁸	Цифровой белорусский рубль	легализация деятельности криптовалютных бирж, смарт-контракта, блокчейн-технологии, майнинга и др. операций с криптовалютами на определенной территории страны	– пополнение кошелька клиентом (онлайн);
Казахстан	Цифровой тенге	«регулятивная песочница» FinTech (хаб) в рамках МФЦА ⁹ для юридических лиц с особым правовым режимом и собственная программа акселерации на базе данного хаба; система Invest Online от Национального Банка для эмиссии краткосрочных нот	– доступ клиента к цифровому кошельку; – перевод средств между кошельками клиентов – физических лиц (онлайн);
Армения	Цифровой драм	свободная экономическая зона ЭКОС «Раздан» для блокчейн-проектов; криптовалютные стартапы; платформа аналитики крипторынка CryptoNDX	– покупка товаров (онлайн); – офлайн-переводы;
Кыргызстан ¹⁰	Электронный сом	подкрепление золотом с месторождений страны; применение блокчейн-технологии в работе Национального Банка; дата-центр для архивирования информации; использование криптовалют для государственных закупок	– смарт-контракты; – трансграничные расчеты

⁸ Функционирует «Парк высоких технологий» – один из крупнейших кластеров ИТ и высоких технологий в Центральной и Восточной Европе, предлагающий для криптобизнеса особый правовой режим (регулятивная «песочница») и налоговые льготы [10].

⁹ Международный финансовый центр «Астана».

¹⁰ Действует отраслевая организация от «Ассоциации Блокчейн Сообщества Центральной Азии» (BlockchainNetworkofCentralAsia).

Источник: составлено автором по [8, с 11-19; 9, с. 26, 34, 37-39; 10]

Стоит отметить, что криптовалюты отличаются от цифровых денег, выпускаемых центробанками различных стран (CBDC), следующим рядом параметров: не предусмотрены единый эмитент и гарантии защиты прав пользователей, стоимость активов характеризуется высокой волатильностью, не допускается многими странами для использования в качестве оплаты товаров и услуг. Однако наличие в стране финансовых проектов с использованием блокчейн-технологии может способствовать в дальнейшем генезису ее цифровой валюты. Из вышеприведенной таблицы 1 можно сделать вывод, что Россия и Кыргызстан планируют наполнить цифровую валюту золотовалютным содержанием. С одной стороны, обеспечение национальной цифровой валюты золотом способствует внутренней ценности данного финансового актива, его стабильности и международному доверию. С другой стороны, к созданию национальных криптовалют, обеспеченных природными ресурсами, прибегают в основном страны с неустойчивой денежно-кредитной политикой, а также нестабильными макроэкономическими условиями с целью их нивелирования. Примером может служить опыт национальной криптовалюты Венесуэлы Petro (PTR, petromoneda), которая обеспечена нефтяными, газовыми запасами и минеральными ресурсами (алмазами) [9, с. 48, 60], а ее стоимость привязана к цене барреля нефти для преодоления санкций США и инфляции.

Переход к тренду виртуальной экономики стран – участниц ЕАЭС подтверждается эволюцией структуры денежной массы – неуклонным сокращением ее наличной составляющей и увеличением безналичной. Рассмотрим в табл. 5.3 удельный вес М0 (наличных денег в обращении) в денежном агрегате М2 по странам – участницам Евразийского экономического союза.

Таблица 5.3

Удельный вес М0 в денежном агрегате М2 стран – участниц ЕАЭС,
в процентах¹¹

Страна – участница ЕАЭС / год	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2022
Россия	31,0	29,2	25,3	23,7	22,7	20,1	19,8	21,4	18,7
Беларусь	22,7	18,7	17,0	16,5	15,3	16,6	17,7	19,8	22,1
Казахстан	21,3	18,6	17,5	17,9	14,1	13,9	15,6	14,8	12,0
Армения	61,7	58,7	58,2	52,0	42,5	36,4	30,4	29,7	24,2
Кыргызстан	80,5	76,9	77,2	70,3	63,0	60,1	54,9	56,7	52,6

Источник: рассчитано автором на основе данных [11]

Самые низкие доли М0 в М2 к 2022 году приходятся на Казахстан и Россию (12,0% и 18,7%, соответственно). Самая высокая доля наличной составля-

¹¹ Данные приведены на конец периода.

ющей остается у Кыргызстана (52,6% в 2022 году). Армения прошла самую существенную эволюцию в этом вопросе среди других стран – участниц альянса: ее доля изменилась с 61,7% в 2006 году до 24,2% в 2022 году. У Беларуси данная доля снижалась наиболее существенным образом в рассмотренном периоде в 2014 году (15,3%), однако к 2022 году ее показатель незначительно отличается от начала рассмотренного периода (22,1% и 22,7%, соответственно). Стоит отметить, что удельный вес M0 в денежном агрегате M2 России на конец 1993 года составил 39,3% или 40,1%¹² на начало 1994 года.

Объем наличных денег в обращении (M0) Китая в период 2016-2020 годов¹³ составил 6,83 трлн юаней, 7,06 трлн юаней, 7,32 трлн юаней, 7,72 трлн юаней и 8,43 трлн юаней, соответственно [13, с. 3]. Таким образом, сохраняется определенный рост, что объясняется востребованностью наличных средств у населения, особенно в областях, которые недостаточно охвачены финансовыми услугами. В целом доля транзакций с использованием наличных денег имеет тенденцию к снижению по мере развития цифровой экономики Китая: количество и сумма операций с помощью мобильных платежей составили 66% и 59%, наличных платежей 23% и 16%, а с использованием банковских карт 7% и 23% от общего числа, соответственно [13, с. 2-3].¹⁴

Определить горизонт перспектив евразийской интеграции при введении цифровых валют и представляется целесообразным с учетом практики Китая, цифровая валюта которого развивалась последовательно, а технологические инновации, представленные цифровой экономикой, заняли приоритетное место в развитии экономики страны. Методологическими основаниями обращения к опыту цифрового юаня выступают также следующие положения:

1) Китай представляет собой многонаселенную страну с обширной территорией, множеством этнических групп в своем составе и значительными региональными различиями, в силу чего платежные привычки людей и потребности в финансовой безопасности существенно различаются;

2) финансовые регуляторы Китая, России и Казахстана сконцентрированы на розничной модели¹⁵ цифровой валюты, предполагающей открытие цифровых кошельков как для юридических лиц, так и физических.

Цифровой юань (e-CNY¹⁶) рассматривается Народным банком Китая (НБК) в качестве цифровой версии фиатной валюты с гибридным подходом к реализации его архитектуры [13, с. 4]. Являясь цифровой формой законного платежного средства и обязательством центрального банка, e-CNY выполняет

---

¹² Рассчитано автором на основе данных [12].

¹³ Данные приведены на конец года.

¹⁴ Согласно опросу ChinaPaymentJournal, проведенному Народным банком Китая в 2019 году. Среди опрошенных респондентов 46% в течение периода исследования не использовали наличные деньги ни в одной транзакции.

¹⁵ В оптовую модель вовлечены преимущественно банки второго уровня и другие профессиональные участники финансового и денежного рынков для обеспечения расчетов с помощью цифровой валюты. Страна может применять одновременно обе формы – розничную и оптовую.

¹⁶ Аббревиатура в соответствии с международной практикой использования.

все основные функции денег (мера стоимости; средство обращения, платежа и накопления). Цифровой юань в основном используется для удовлетворения внутренних потребностей в розничных платежах. В городе Чаншу провинции Цзянсу заработная плата в полном объеме с использованием e-CNY стала выплачиваться работникам государственного сектора, а также сотрудникам государственных компаний и общественных учреждений (школы, больницы, библиотеки, научно-исследовательские институты, официальные средства массовой информации), что представляет собой крупнейшее в мире внедрение цифровой валюты на сегодняшний день. Поддержка блокчейн-технологии включена в 13-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китая (2016-2020 гг.), а согласно 14-му пятилетнему плану рассматривается в качестве одного из ключевых секторов цифровой экономики, и Народный банк продолжит продвигать e-CNY в его рамках. При проведении пилотного проекта НБК активно участвовал в многосторонних обменах с такими международными организациями, как: Международный валютный фонд, Всемирный банк, Совет по финансовой стабильности, Банк международных расчетов, а также с органами валютного и финансового регулирования различных юрисдикций, транснациональными финансовыми учреждениями и ведущими университетами мира для совместного построения системы международных стандартов в области цифровой валюты.

Инновационный центр Банка международных расчетов (в Гонконге), Валютное управление Гонконга, Банк Таиланда, Научно-исследовательский институт цифровой валюты Народного банка Китая и Центральный банк ОАЭ совместно исследуют платформу (mBridgeLedger) с несколькими CBDC в рамках проекта мультивалютного цифрового моста (mCBDC Bridgeproject) [14], позволяющего улучшить международные торговые расчеты. Множественные соглашения CBDC (multi-CBDCs) напрямую объединяют цифровые валюты юрисдикций в единую общую техническую инфраструктуру для поддержки одноранговых трансграничных платежей и валютных транзакций в режиме реального времени.

С учетом опыта Китая в области цифровой валюты можно определить следующие перспективы евразийской интеграции:

1. Преодоление цифрового разрыва между странами – участницами ЕАЭС. В отношении e-CNY пилотные проекты были запущены в разнообразных регионах: в Шэньчжэне, Сучжоу, Сяньане, Чэнду в конце 2019 года; с ноября 2020 года были охвачены Шанхай, Хайнань, Чанша, Сиань, Циндао и Далянь, а также Пекин при проведении XXIV Зимних Олимпийских игр в 2022 году. Пилотная программа в настоящее время включает Дельту реки Янцзы, Дельту Жемчужной реки, регион Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, а также центральные, западные, северо-восточные и северо-западные регионы Китая для нивелирования региональных различий в области цифрового развития финансовых услуг и достижения волновой диффузии e-CNY за счет широкомасштабности его применения.

2. Стимулирующий эффект относительно увеличения объемов как взаимной торговли участников блока ЕАЭС, так и с третьими странами за счет по-

строения новых экспортно-импортных связей. Трансграничное взаимодействие возможно посредством интеграции платформ национальных цифровых валют или с помощью формирования общей системы. Внедрение цифрового юаня в трансграничной торговле по траектории «Один пояс, один путь» (ОПОП) обеспечивает охват 21 страны Европы и Азии, что непременно отразится на соответствующем товарообороте и дальнейшем продвижении интернационализации юаня. Народный банк Китая планирует динамично реагировать на инициативы международных организаций по улучшению трансграничных платежей (в том числе G20) для изучения применимости CBDC в соответствующих сценариях.

3. Цифровые валюты ЕАЭС могут выступить платежным средством, не зависящим от доллара и мировой финансовой системы. При введении цифровой валюты между финансовыми институтами становится возможным проведение прямых трансграничных платежей, при этом не потребуется конвертация в доллары США для установления курса.

4. Обход международных платёжных систем SWIFT, CHIPS и расширение доступа ЕАЭС к финансовым рынкам по всему миру. Обозначенное положение становится особенно актуальным в условиях блокировки SWIFT для российских банков и ряда соответствующих ограничительных мер для других стран ЕАЭС. По данным Российской Национальной Ассоциации СВИФТ около 300 ведущих банков и организаций страны являлись пользователями бельгийского кооператива и более половины российских кредитных организаций были представлены в SWIFT, а Россия занимала второе место по количеству пользователей платформы после Соединенных Штатов Америки [15]. Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций планирует выступить глобальной инфраструктурой также и в области передачи сообщений относительно использования расчетов с применением CBDC. Однако обеспечение интеграции различных CBDC может заменить SWIFT за счет проведения платежей и соответствующей информации в другой расчетной инфраструктуре¹⁷.

5. Усиление конкуренции на финансовых рынках ЕАЭС за счет формирования его участниками новых платежных сервисов с использованием механизма смарт-контракта. Данное положение приведет к росту предложения на рынке платежных услуг, откроет значительные возможности для евразийского финтех-сегмента, способствуя стимулированию количественно-качественного роста конкуренции и ускорив образование общего финансового рынка Союза.

6. Стабилизация финансовой и монетарной систем стран – участниц ЕАЭС. Цифровые валюты евразийского пространства, заместив частично безналичную форму денег, обеспечат влияние на балансы кредитных организаций, что окажет влияние на ликвидность банковского сектора и, соответственно, приведет к снижению текущего объема структурного профицита и, возможно, переходу к структурному дефициту ликвидности.

---

¹⁷ Например, Китай запустил собственную трансграничную межбанковскую платёжную систему (CIPS) в 2015 году.

7. Снижение транзакционных издержек вследствие сокращения количества финансовых посредников, а также ускорение межбанковских и межгосударственных расчетов.

8. Обеспечение дополнительной мобильности финансовых ресурсов.

Цифровой юань уже демонстрирует преимущество в оперативности сделок, а вовлечение аллокативной функции государства обуславливает усиление обозначенного аспекта.

9. Снижение объемов теневой экономики на евразийском пространстве вследствие повышения транспарентности платежей.

10. Обеспечение мультирегиональной связанности при сопряжении ЕАЭС – ОПОП на основе цифровых валют при расчетах и обмене в текущих, а также капитальных операциях.

Возможные риски при введении цифровых валют странами – участницами ЕАЭС сводятся к следующим основным положениям:

1. Недостаточная функциональная совместимость евразийских цифровых валют при отсутствии общих технических принципов, на основе которых обеспечивается интеграция цифровых валют друг с другом для снижения ее трудоемкости и достижения преимуществ относительно международных переводов и платежей.

2. Функционирование в течение определенного периода времени в виде замкнутой валюты ввиду риска обращения в пределах одной страны, не обесценивая другие валюты. Данное положение обусловлено тем, что процессы запуска цифровых валют могут не совпасть – страны ЕАЭС уже сейчас находятся на разном этапе их внедрения, как и в целом мировая цифровизация валют.

3. Причинение ущерба денежно-кредитной и финансовой стабильности (отсутствие доступа банков в целях кредитования к средствам вкладчиков, номинированных в цифровой валюте; допустимость ситуации массового изъятия банковских вкладов вследствие возникновения кризиса ликвидности и т. д.).

4. Незаконный отказ от приема цифровой валюты в качестве оплаты определенными предприятиями.

5. Масштабируемость – большинством цифровых валют обрабатывается достаточно ограниченное количество транзакций в секунду, поэтому в отношении крупномасштабных транзакций их использование становится нецелесообразным в настоящее время.

6. Цифровая валюта может выступить объектом спекуляции при нарушении финансовой конфиденциальности эмитента вследствие кибератак, утечек данных и других угроз кибер-безопасности, так как данный финансовый актив отличается привлекательностью в качестве спекулятивного капитала, что повышает ответственность выпускающего центрального банка.

При формировании горизонта перспектив евразийской интеграции в условиях введения цифровых валют необходимо учитывать методы и способы сопряжения валютной политики, а также определенные аспекты курсовой политики. Формой валютной интеграции в перспективе может выступить региональная валютная система с использованием национальных цифровых валют.

В настоящее время в рамках таможенного союза и единого экономического пространства, когда по отношению стран – участниц ЕАЭС друг к другу не применяются специальные защитные меры, единственным элементом конкурентной политики продолжает оставаться валютный демпинг.

В условиях сформированного общего финансового рынка ЕАЭС следующим шагом является переход к наднациональной валюте – CBDC 2.0. Первостепенное значение приобретает координация усилий по становлению новой децентрализованной мировой финансовой системы, отличающейся устойчивостью – в меньшей степени подверженной влиянию сокрушительных кризисных явлений и обеспечивающей безопасность не только непосредственно расчетов, но и функционирования всей мировой экономики.

Литература

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: «Академический проект», 2007. – 335 с. (Философские технологии. Постструктурализм)
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с. (серия «Gallicinium»)
3. Touraine A. The Waning Sociological Image of Social Life // International Journal of Comparative Sociology. Vol. XXV: Issue 1-2, 1984. P. 33-44.
4. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture.– 2nd ed. Vol. 1-3. Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.
5. Портал о цифровой повестке ЕАЭС [Электронный ресурс]. // URL: <http://digital.eaeunion.org/extranet/> (дата обращения 03.08.2023)
6. CentralBankDigitalCurrency (CBDC) Tracker [Электронный ресурс]. // URL:<https://cbdctracker.org/> (дата обращения 12.09.2023)
7. У цифрового рубля появился логотип. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. // URL:<https://www.cbr.ru/press/event/?id=16980> (дата обращения 14.08.2023)
8. Концепция цифрового рубля. Апрель 2021 года. – М.: Банк России, 2021.30 с.
9. Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики. Разработка регуляторных подходов: международный опыт, практика государств – членов ЕАЭС, перспективы для применения в Евразийском экономическом союзе. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. – 71 с.
10. Парк высоких технологий [Электронный ресурс]. // URL: <https://park.by/> (дата обращения 10.09.2023)
11. Денежные агрегаты M0 и M2. Динамические ряды. Деньги и кредит. Статистика ЕАЭС по отраслям статистики. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. // URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/money_and_credit/series/?ysclid=lm91ojttcn711204244 (дата обращения 07.09.2023)
12. Наличная и безналичная составляющие M2. Денежная масса (национальное определение). Статистика. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. // URL: <https://cbr.ru/statistics/ms/> (дата обращения 07.09.2023)
13. 中国数字人民币的研发进展白皮书(Белая книга о ходе исследований и разработок цифрового юаня Китая). 中国人民银行数字人民币研发工作组 (Рабочая группа по исследованиям и разработкам цифрового юаня Народного банка Китая), 2021 年 7 月. 20 页.
14. Project mBridge: Connecting economies through CBDC. Bank for International Settlements (BIS). BISInnovationHub, October 2022. – 49 p.
15. Российская Национальная Ассоциация СВИФТ (РОССВИФТ) [Электронный ресурс]. // URL: <https://rosswift.ru/> (дата обращения 12.09.2023)

ГЛАВА 6. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИНСТИТУТЫ ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ.

6.1. Экономическая безопасность в многополярном мире: роль парадигмы устойчивого развития

Со времен образования современных государств в их задачу входила защита населения от внешних врагов, а также обеспечение порядка внутри территории с целью благоприятных условий для ведения хозяйственной деятельности. По мере углубления разделения труда, роста промышленного производства, развития рынков и усиления международных экономических связей возрастала необходимость обеспечения национальной экономической безопасности как основы для укрепления геополитических позиций национального государства и улучшения качества жизни граждан.

Изменения в мировом порядке и экономическом укладе порождали и порождают новые вызовы и угрозы, от способности противодействия которым зависит место той или иной страны в международном разделении труда, а также возможность оказывать влияние на собственное экономическое развитие [1]. Отсюда методы и механизмы обеспечения экономической безопасности не могут оставаться неизменными, необходимо эволюционируя в зависимости от задач и экономической политики той или иной страны. Несмотря на страновые особенности в подходах в области обеспечения экономической безопасности [2], можно выделить некоторые общие тенденции. Убедительный вариант эволюции подходов можно проследить на примере камералистской, кейнсианской и институциональной (десотианской) концепций национальной безопасности [3].

Большинство авторов сходятся во мнении о нелинейности развития мировой экономики, которое можно описать через чередование достаточно стабильных состояний, накапливающих изменения, и трансформаций, снимающих в той или иной степени накопленные противоречия. Закономерности динамики мирового хозяйственного уклада отражены во многих теориях и подходах, включая циклы «большой конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева [4], технологические уклады С.Ю. Глазьева [5], мировые циклы накопления капитала Дж. Арриги, теория «созидательного разрушения» Й. Шумпетера [6, 7]. Конкретизируя подходы применительно к современному периоду следует отметить, что мир характеризуется переходом от однополярной модели мироустройства на основе накопления капитала [8], глобального господства [9] и либерализма [10] к многополярному миру как альтернативы глобализации [5].

Вместе с тем, экономическое развитие, направленное на повышение уровня и комфортности жизни населения в мире с любой полярностью, сопровождается растущим уровнем потребления благ и соответственно ресурсов, что приводит к неуправляемому изменению природных экосистем и росту заболеваний [11]. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации

до 2030 года отмечается существенное влияние на экономическое развитие факторов, связанных с глобальным изменением климата, которые способны создать угрозу обеспечения населения продовольствием и пресной водой, обострить конкуренцию стран за доступ к природным ресурсам. Все это дает основание рассматривать устойчивое развитие в качестве перспективного подхода для формирования новой парадигмы экономической безопасности в современных условиях

Цель исследования состояла в обосновании устойчивого развития как новой интегральной парадигмы экономической безопасности при переходе к многополярному миру и определении направлений трансформации российской экономики для обеспечения национальной экономической безопасности в указанных условиях.

Для достижения указанной цели в исследовании решены следующие задачи:

- выявлены факторы мирового экономического развития, определяющие необходимость формирования новой парадигмы экономической безопасности в условиях перехода к многополярному миру;
- описаны сущностные черты устойчивого развития, позволяющие характеризовать устойчивое развитие в качестве интегральной парадигмы национальной экономической безопасности;
- определены направления трансформации российской экономики при переходе к многополярному миру с учетом требований экономической безопасности.

Методология

В процессе исследования использовались общенаучные методы, такие как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, сравнение и систематизация, а также исторический подход.

Исследование основано на следующих предпосылках.

Под экономической безопасностью понимается как состояние защищенности экономической системы и ее элементов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается ее независимость, стабильность и развитие в интересах экономической системы и ее субъектов. Экономическая безопасность рассматривается как часть национальной безопасности государства, а защита национальных интересов осуществляется посредством обеспечения экономической безопасности [12].

Общая логика работы с угрозами предполагает их выявление и нейтрализацию. Для успешного превентивного осмысления потенциальной угрозы между ее возникновением и формированием возможных мер противодействия необходимо связующее звено в форме теоретической концепции экономической безопасности, на основе которой станет возможной будет разработка соответствующей эффективной государственной экономической политики [3].

В качестве важнейших факторов, обуславливающих необходимость новой парадигмы экономической безопасности, в исследовании рассматриваются:

– переход от однополярного к многополярному миру, создающего большие возможности для учета национальных интересов с целью достижения независимости, стабильности и развития национальной экономики [13, 14];

– ухудшение экологической ситуации жизнеобеспечения населения, определяющей необходимость стратегической ориентации на достижение целей устойчивого развития [15].

Устойчивость развития многополярного мира определяется степенью достижения баланса интересов различных национальных государств и их объединений, а переход к такому миру существенно зависит от роли государства как основного субъекта национальной экономической безопасности [5, 8, 9].

Необходимость формирования новой парадигмы экономической безопасности в условиях перехода к многополярному миру

В работе [3] проанализированы три концепции экономической безопасности, сформировавшиеся в разные периоды функционирования национальных экономических систем и представляющие собой реакцию на актуальные для соответствующих периодов угрозы.

Камералистская концепция экономической безопасности, созданная Ф Листом в 1840-е гг. и позже возрожденная леворадикальными экономистами в 1970-е гг., была сфокусирована на внешней угрозе национальным рынкам со стороны иностранных товаров и предполагала достижение экономической независимости на основе развития национальных производительных сил при проведении протекционистской государственной политики.

Кейнсианская концепция экономической безопасности, предложенная Дж. Кейнсом в 1930-х гг., связана с защитой от внутренних макроэкономических угроз, активно проявившихся в период экономического кризиса и являющихся результатом циклического развития экономики. Кейнсианская концепция предполагает достижение социально-экономической стабильности в условиях «провалов рынка» посредством непосредственного государственного регулирования производства, занятости и денежного обращения.

Институциональная (десотианская) концепция экономической безопасности, разработанная Э. де Сото в 1980-е гг., выдвигает в качестве внутренней угрозы предпринимательской деятельности административные барьеры («провалы рынка») и рассматривает в качестве основного направления развития предпринимательской деятельности борьбу с бюрократизмом и коррупцией.

Сравнительный анализ указанных концепций позволяет сделать следующие выводы:

– во всех трех случаях речь идет о защите национальных интересов с фокусом на обеспечение условий для развития производительных сил внутри страны при помощи тех иных мер государственной политики;

– фокус в понимании угроз экономической безопасности в период XIX – XX вв. перемещается с внешних угроз на внутренние, что связано с процессами глобализации, предполагающей стирание возможно большей части институциональных различий между странами и формирование рыночного пространства для возможно более свободного перемещения ресурсов, капиталов и результатов интеллектуальной деятельности через национальные границы.

Нейтрализация «провалов рынка» и «провалов государства» направлена на все большее распространение рыночной модели хозяйствования, которая посредством глобализации к началу XXI века практически приводит к функционированию мировой экономики в рамках так называемого однополярного мира [16]. В условиях однополярного мира, обладая ресурсами, технологиями, геополитическим преимуществом, сильной финансовой системой и промышленностью, одна супердержава имеет возможность доминировать в ключевых отраслях. Такое доминирование предоставляет супердержаве возможность в формировании своих экономических стратегий и политики подменять интересы других стран собственными экономическими интересами.

В таких условиях для национальной безопасности недоминирующих стран мира снова возникает внешняя угроза, связанная с возможностью потери независимости и стабильности, при сохранении внутренних вызовов со стороны «провалов рынка» и «провалов государства». О недостаточности прежних подходов к обеспечению экономической безопасности в текущей ситуации свидетельствуют санкционные ограничения торговых отношений, нарушение прав частной собственности как основы рыночной системы хозяйствования [17]. Выход видится в переходе к многополярному миру, предполагающему экономическое сотрудничество различных стран и выработку экономической политики на основе баланса национальных экономических интересов.

Кроме того, ухудшается экологическая ситуация, что проявляется в опустынивании, истощении стратосферного озона, постепенном изменении климата, а также таких природных явлениях, как землетрясения, наводнения, тайфуны и пр., уносящих жизни тысяч людей и разрушающие производственную и транспортную инфраструктуру. Сюда же следует добавить такие проблемы благосостояния, неравенства, ограниченности ресурсов, миграционные риски. Все перечисленное становится причиной еще одной группы вызовов, носящих глобальный характер [15]. Меры для противодействия таким угрозам, требуют объединения усилий многих стран, но с учетом национальных интересов каждой из них.

Таким образом, с учетом последствий глобализации и экологических вызовов можно сделать однозначный вывод, что в существующей ситуации необходима новая парадигма экономической безопасности, не входящая в принципиальное противоречие с описанными выше, но позволяющая осуществить защиту национальных интересов в современных условиях. Авторы полагают, что в основу такой парадигмы может быть положена концепция устойчивого развития.

Устойчивое развитие как новая интегральная парадигма экономической безопасности в условиях многополярного мира

Концепция устойчивого развития, берущая начало в 1980-е гг., получила формальное закрепление на международном уровне в 2015 г., когда Генеральной ассамблеей ООН был принят документ «Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development», в котором сформулированы так называемые цели устойчивого развития (<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>).

Достижение целей устойчивого развития предполагает преобразование способов жизнеобеспечения населения с учетом гармонизации разнонаправленных интересов в рамках триединого подхода [18]. В условиях конкурентной борьбы за ограниченные ресурсы для устойчивого развития, как и для экономической безопасности важно достижение финансового благосостояния, социальной стабильности, экологической устойчивости. [15]. Это может быть достигнуто только при консолидации усилий международного сообщества, национальных государств, компаний, отдельных граждан.

Основное условие функционирования национальных экономических систем – развитие, основное условие их развития – изменение, основное условие изменения – переход к новому состоянию равновесия национальной экономики, оцениваемого через баланс разнонаправленных интересов. Национальная экономическая безопасность в многополярном мире подразумевает, что указанные развитие и тем более равновесие могут быть достигнуты только при условии учета национальных интересов различных стран. Таким образом, у экономической безопасности и устойчивого развития есть широкое содержательное поле пересечения.

Можно выделить основные области взаимосвязи между концепциями национальной экономической безопасности и устойчивого развития:

- стабильность экономических систем,
- сбалансированный рост экономики,
- рациональное использование ресурсов,
- управление рисками и угрозами,
- долгосрочное планирование,
- инновации и технологии,
- социальная и экономическая справедливость.

Как показывают результаты сравнения концепций, обеспечение экономической безопасности может трактоваться как стратегическая цель в условиях формирования многополярного мира, а устойчивое развитие как актуальный способ достижения этой цели.

Парадигмальный характер устойчивого развития в рассматриваемом контексте связан с интегральностью такого подхода. Интегральность устойчивого развития обусловлена [2, 11]:

- универсальностью, взаимодополняемостью и комплексностью целей устойчивого развития;
- направленностью на обеспечения как страновой, так и глобальной экономической безопасности;
- нацеленностью на достижение долгосрочного баланса между потребностями текущих и будущих поколений.

Универсальность, взаимодополняемость и комплексность целей устойчивого развития для перехода к формированию мер по их практическому достижению предполагает:

- конкретизацию целей устойчивого развития в наиболее актуальных для текущего состояния каждой национальной экономики направлениях, так, в Российской Федерации 90 показателей из глобального перечня включены в 2017 г.

в план наблюдения Федеральной службой государственной статистики, а в 2020 г. проведено исследование интеграции целей устойчивого развития в систему государственного управления [19];

– декомпозицию экономических систем с мирового на национальный, региональный [18], корпоративный, в том числе в рамках ESG-принципов [20], уровни, что соответствует уровням экономической безопасности;

Устойчивое развитие учитывает факторы, которые могут повлиять на будущее благополучие, и стремится устранить или смягчить возможные риски и угрозы. Экономическая безопасность также стремится к обеспечению стабильности и защите интересов общества и может быть достигнута, в частности, путем принятия мер для устранения угроз экономической нестабильности, снижения рисков финансовых кризисов и обеспечения стабильности национальной и мировой экономики.

Направления трансформации российской экономики при переходе к многополярному миру с учетом требований экономической безопасности

Обеспечение экономической безопасности требует учета многих факторов, определяющих состояние, тенденции развития, вызовы и угрозы национальной экономики. Отсюда разработка мер государственной политики в области экономической безопасности для каждой страны в современных условиях формирования многополярного мира подразумевает различное сочетание рассмотренных ранее концепций: камералистской, кейнсианской, десотианской и устойчивого развития.

Сравнительный анализ современных угроз экономической безопасности Российской Федерации, сформулированных в утвержденной в 2017 г. Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года и основных положений концепций экономической безопасности показал следующее. Из 25-ти угроз национальной экономической безопасности для нейтрализации 11-ти возможно применение камералистской концепции, для 9-ти – кейнсианской, для 7-ми – десотианской. При этом практически для каждой угрозы национальной экономической безопасности Российской Федерации может быть поставлена в соответствие одна или несколько целей устойчивого развития, достижение которой в той или иной степени будет способствовать нейтрализации соответствующей угрозы.

При всей условности применяемого анализа, он позволяет сделать следующие основные выводы:

– для решения задачи обеспечения экономической безопасности в современных условиях формирования многополярного мира необходимо применение сочетания теоретических концепций экономической безопасности;

– наиболее полно соответствует набору угроз экономической безопасности Российской Федерации концепция устойчивого развития, что подтверждает ее интегральный характер и перспективность применения в качестве новой парадигмы экономической безопасности в современных условиях.

Анализ содержания рассмотренных ранее угроз и концепций позволил сформулировать основные направления трансформации российской экономики

при переходе к многополярному миру с учетом требований экономической безопасности:

- диверсификация экономики на базе модернизации производства, улучшения качества продукции, поддержки инноваций для укрепления устойчивости экономики России, снижения ее уязвимости к колебаниям на мировых рынках и санкционному давлению, уменьшения зависимости от экспорта сырьевых товаров;

- развитие новых рынков через активизацию экономических отношений России с другими странами и регионами, такими как Китай, Индия, страны Латинской Америки и Африки, что помогает диверсифицировать экспорт, привлекать инвестиции из различных источников;

- создание и развитию инфраструктуры, такой как транспортные пути, коммуникации, энергетика и цифровые технологии, что способствует развитию различных отраслей экономики, активизации экономического обмена между российскими регионами и дружественными странами, повышению производительности и привлечению иностранных инвестиций;

- развитие человеческого капитала, включая образование, науку, здравоохранение и социальную защиту, поскольку инвестиции в человеческий капитал способствуют повышению производительности труда и укреплению экономики в целом;

- активное участие в международных организациях, таких как БРИКС, ШОС, АСЕАН и другие, и поддержка международных торговых договоров и соглашений с целью согласования позиций в строительстве новой модели мироустройства.

Таким образом, ормирование многополярного мира представляет собой ответ на осознание угроз и вызовов национальной экономической безопасности в современных условиях. Сравнительный анализ теоретических концепций национальной экономической безопасности, разработанных в XIX–XX вв., показывает их недостаточность для решения задач обеспечения национальной экономической безопасности с учетом угроз, порождаемых глобализацией и ухудшением экологической ситуации жизнеобеспечения населения. Взаимозависимость национальных экономик обуславливает необходимость соединения усилий для дальнейшего социально-экономического развития, безопасность которого предполагает устойчивость во времени и на разных уровнях иерархии (национальном и глобальном). Таким требованиям соответствует концепция устойчивого развития, которую авторы предлагают рассматривать как более широкий и интегральный подход к обеспечению национальной экономической безопасности, способный противодействовать современным угрозам.

Обеспечение как экономической безопасности, так и устойчивого развития основывается, с одной стороны, на наличии ресурсов и материальных возможностей, достаточных, чтобы гарантировать защиту и развитие, а с другой – проявляется в осмысленных и организованных действиях. Оба концепта стремятся к стабильности и благополучию, и их взаимодействие может способство-

вать более устойчивому и безопасному будущему в многополярном мире с учетом национальных интересов.

Направления дальнейших исследований авторы видят в конкретизации применения устойчивого развития для нейтрализации различных угроз национальной безопасности с учетом особенностей экономического развития различных стран.

Литература

1. Лещенко Ю.Г. Трансформация концепции экономической безопасности государства в процессе глобальной интеграции в условиях членства в международных финансово-экономических организациях // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2021. – Т. 2. № 11 (119). – С. 150-159. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.11.02.019
2. Карсунцева О.В., Буркина Т.А. Зарубежные и отечественные концепции управления экономической безопасностью региона // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 2 (51). – С. 68-73. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.277.
3. Латов Ю.В. Национальная экономическая безопасность в историческом контексте // Историко-экономические исследования. – 2007. – Т. 8. – № 1. С. 5-29.
4. Айвазов А.Э. Периодическая система мирового капиталистического развития // Кондратьевские волны. – 2013. – № 2. – С. 84-123.
5. Глазьев С.Ю. Российская экономика в начале 2020 года: о глубинных причинах нарастающего хаоса и комплексе антикризисных мер // Российский экономический журнал. – 2020. – № 2. С. 3-39. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-2-03-39
6. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
7. Балацкий Е.В. Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 37-55. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-37-55
8. Волконский В.А. Противостояние цивилизаций и роль государства в эпоху многополярного мира // Экономическая наука современной России. – 2021. – № 1 (92). – С. 77-96. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-1(92)-77-968.
9. Орлов К.А. Теоретические основы становления многополярного мира в процессе развития политики локализации экономики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 8-1. – С. 508-516. DOI: 10.34670/AR.2020.22.75.050
10. Шахмин Н.В. Евразийский проект в многополярной системе координат: постановка вопроса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 135-144. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-2-135-144
11. Окорочков В.Р., Кальченко О.А. Концепция устойчивого развития как механизм обеспечения глобальной экономической безопасности // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2015. – № 3 (25). – С. 99-105.
12. Шишов Ю.В. Изменение системы взглядов на концепцию обеспечения экономической безопасности // Systems and Management. – 2019. – Т. 1. – № 3. – С. 96-104.
13. Буровский А.М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и бесполярный // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 1. – С. 36-54.
14. Голиней В.А. Полюс как элемент системы международных отношений в XXI в. // Век глобализации: Исследование современных глобальных процессов. – 2019. – № 1(29). – С. 55-67.
15. Вякина И.В. Социально-экологические аспекты экономической безопасности в рамках концепции устойчивого развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14, № 12. – С. 2259 – 2276. <https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2259>
16. Хазин М.Л. Мир на пороге новых времен // Россия и мусульманский мир. – 2012. – № 11. – С. 3-27.

17. Халова Г., Иллерицкий Н. Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от центральной Азии к Евразии и многополярному миру // Энергетическая политика. – 2023. – № 2 (180). – С. 78-85. DOI 10.46920/2409-5516_2023_2180_78
18. Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 7-17. DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-1-7-17
19. Толстых Т.О., Кондратьева О.А. Принципы и цели устойчивого развития в стратегиях развития промышленных предприятий // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 3 (54). – С. 120-127. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-54-3-120-127
20. Соколова Н.А., Теймуров Э.С. Соотношение целей устойчивого развития и ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12 (88). – С. 171-183. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171-183

6.2. Роль особых экономических зон в обеспечении экономической интеграции стран евразийского экономического союза

Нарастающая необходимость в формировании устойчивой экономической интеграции является одним из важнейших аспектов современной политики стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В настоящее время положение любого государства в мировой экономике определяется уровнем развития его промышленности, «концентрирующей» наиболее значимые результаты его научно-технической деятельности и инноваций, которые формируют конкурентоспособность национальной экономики на международных рынках товаров и услуг. В связи с этим особую актуальность приобрели вопросы обеспечения стабильного роста промышленности стран ЕАЭС, сопряженные с формированием их единого экономического пространства, функционирующего на основе стандартизированных принципов осуществления хозяйственной деятельности и современных институтов регулирования процессов экономической интеграции.

Существенные различия, которые создают препятствия в достижении успешного взаимодействия стран-участниц ЕАЭС, отмечаемые многими экспертами в этой области, имеют объективную природу возникновения [1, с.56-57; 2, с.13], которая заключается в неодинаковом по уровню развития и структуре промышленном потенциале стран и в наличии различающихся позиций, относительно отдельных решений и актов, принимаемых органами ЕАЭС по вопросам согласованной политики в сфере промышленности. Важность достижения тесного сотрудничества в этой сфере объясняется так же и тем, что реальный сектор экономики – это тот «стержень», на основе которого и будут в дальнейшем выстраиваться интеграционные процессы в едином экономическом пространстве по другим взаимосвязанным направлениям – в сфере финансирования, таможенного контроля и торговли [3, с.9].

Ранее неоднократно отмечалось, что углубление сотрудничества в сфере промышленности между странами ЕАЭС должно быть основано на постепенном снятии ограничений в области товародвижения и осуществления инвести-

ций (в т.ч. капитальных вложений) в сторону принятия и установления скоординированной промышленной политики [4, с. 62; 5, с. 156; 6, с. 63-64], способствующей сокращению межстрановой дифференциации по уровню социально-экономического развития. В этой связи одним из важных условий, которые оказывают влияние на усиление процессов сотрудничества и интеграции в сфере промышленности стран ЕАЭС является достижение положительной динамики в формировании и обеспечении результатов функционирования ОЭЗ на территории этих стран. Обоснованно считается, что ОЭЗ способствуют достижению положительных результатов сотрудничества в сфере промышленности благодаря возможностям повышения темпов инвестиционной активности субъектов экономической деятельности стран и расширения на этой основе внешнеэкономических связей [3 с. 18; 6, с. 64-65; 7, с. 9].

Институт ОЭЗ (свободных экономических зон) представлен в каждой из стран-участниц ЕАЭС и характеризуется уникальным опытом применения и спецификой в организации функционирования, которая обусловлена наличием отраслей экономики, преобладающих в хозяйственном пространстве определенного государства. Под ОЭЗ понимается территориально-ограниченная часть страны в пределах её отдельного субъекта, имеющая льготный и преференциальный режим экономического функционирования, что может представлено в виде сниженных налоговых ставок, свободной таможенной зоне [8, с. 708]. В условиях ЕАЭС деятельность с использованием ОЭЗ регламентируется рядом документов, которые определяют процедуру таможенного регулирования по ввозу, хранению и вывозу иностранной продукции [9, с. 63]. Принято считать, что назначение ОЭЗ позволяет позиционировать их как институт регулирования взаимодействий стран, локализованный в области создания системообразующих условий для реализации программ и проектов в сфере промышленности, которые обладают приоритетной значимостью для достижения экономических целей в проводимой государствами политике евразийской экономической интеграции [10, с. 46].

Рассмотрим эти процессы подробнее. В рамках целевого сценария развития ЕАЭС планировалось достичь к 2020 году увеличения среднемирового уровня экономического развития (со средним ежегодным темпом прироста ВВП в 4,3%) посредством использования комплекса различных интеграционных взаимодействий [11, с. 3]. К сожалению, кризисные события прошедших лет в значительной степени замедлили темпы экономического роста, что привело к снижению инвестиционной активности и неустойчивости курса национальных валют [12, с. 384]. Разрыв цепочек производства продукции и введение ограничительных мер сформулировало необходимость перестройки деятельности и трансформации структуры ОЭЗ, их переориентацию в сторону привлечения внутренних потоков инвестирования капитальных вложений. Примечательным является и то обстоятельство, что ОЭЗ – это инструмент содействия экономической активности, который в наибольшей степени характерен для стран с развивающейся формой экономики, что и подтверждается их широким применением в странах ЕАЭС. Объясняется это тем, что льготы и преференции

ОЭЗ позволяют в достаточно короткий срок привлечь средства в те отрасли экономики государства, которые имеют для её развития приоритетную и стратегическую значимость, увеличив при этом объем производства продукции на величину большую, чем сами инвестиции. Однако этот опыт применения ОЭЗ среди стран ЕАЭС не всегда можно назвать успешным в полном смысле этого слова, имеются определенные резервы совершенствования этой деятельности практически у всех стран-участниц [9, с.65].

Отправной точкой применения ОЭЗ в России является принятие соответствующего Федерального закона, в котором был изложен порядок создания, регулирования ОЭЗ [13]. В нем впервые в нашей стране был определен перечень типов ОЭЗ – промышленно-производственные, технико-внедренческие, портовые, туристско-рекреационные, отражающие их основной профиль деятельности. В дальнейшем был определен перечень и виды предоставляемых преференций, а также условия получения статуса резидента ОЭЗ. На сегодняшний день в России функционирует 45 ОЭЗ, которые размещены на территории всей страны. К числу наиболее эффективных относят ОЭЗ промышленно-производственного типа, на долю которых приходится свыше 50% всех инвестиций [14, с.20]. Эксперты придерживаются различных мнений относительно успешности использования каждой из ОЭЗ в экономике Российской Федерации. Часть из них убеждена в значимости ОЭЗ в создании условий для интеграции промышленных предприятий в глобальные производственные цепочки, а одной из трудностей для достижения этого, который подчеркивают другие исследователи, является дисбаланс в динамике территориального и пространственного развития субъектов страны [15, с. 989]. Актуальным является и мнение относительно еще недостаточной эффективности использования инфраструктуры ОЭЗ, неясным так же является и вопросы правового регулирования касаясь собственности на объекты ОЭЗ. Однако, имеется общее мнение, что эти недостатки носят организационный характер, в некоторой степени субъективны и поддаются корректировке [16, с. 220-221].

Еще для одной страны ЕАЭС – Беларуси использование свободных экономических зон – СЭЗ (аналог ОЭЗ) имеет более чем двадцатилетний опыт применения. В стране первые СЭЗ появились в 90-е годы прошлого века и демонстрируют в настоящее время много положительных изменений в экономике страны, которые вызваны использованием возможностей этого инструмента содействия экономической активности субъектов экономической деятельности. На сегодняшний день в Республике функционирует 6 СЭЗ – «Брест», «Гомельратон», «Минск», «Витебск», «Гродноинвест». Значительные успехи были достигнуты в увеличении объема и эффективности инвестиционных вложений в обрабатывающую промышленность, наряду с чем были повышены показатели внешней торговли [17, с.65-68]. Однако, существуют и недостатки, связанные с наличием большого количества убыточных резидентов и высокой «импортоспособностью» отдельных видов производств. В сфере промышленности сотрудничество Белоруссии со странами ЕАЭС может быть основано на формировании общих рынков электроэнергии, газа, нефти [10, с.46].

Удачное географическое расположение страны создает определенные предпосылки для аккумуляции инвестиций как с Европейской части, так и Азиатской частей света. В частности, сравнительно недавно в стране появился масштабный торгово-выставочный комплекс, расположившийся на 62 гектарах, который посвящен реализации китайской инициативы по возрождению Шелкового пути в рамках проекта «Пояс и путь» [17, с.78-79].

На рисунке 6.1 представлена статистика по количеству зарегистрированных резидентов в СЭЗ страны.

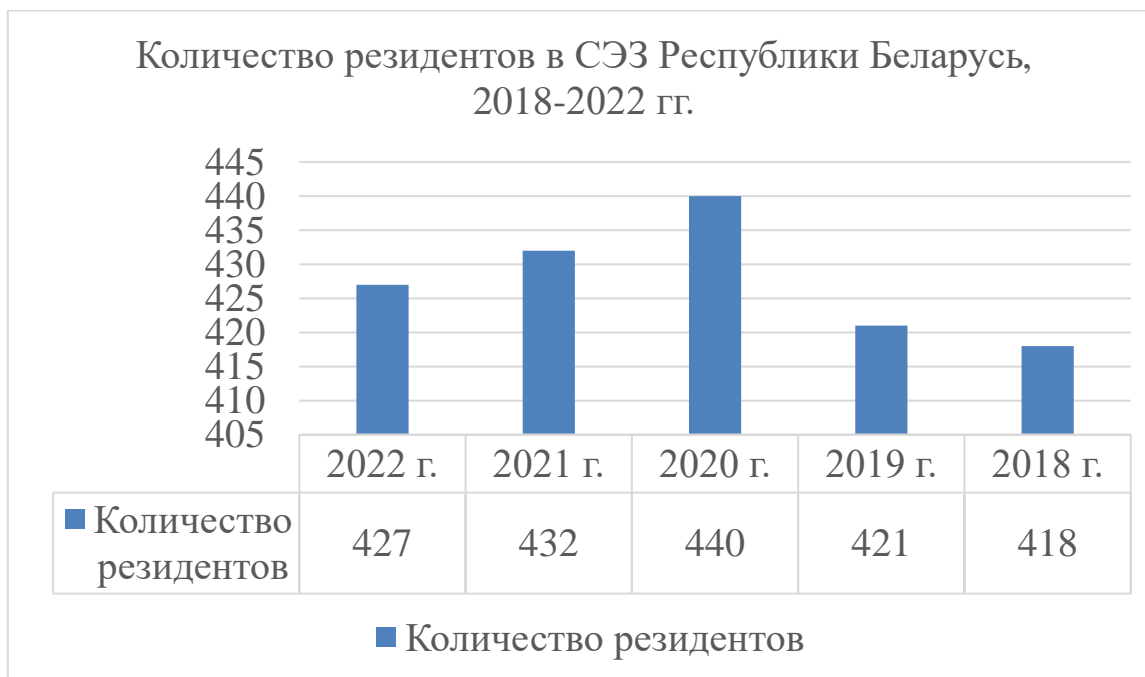

Рис. 6.1. Количество резидентов в СЭЗ Республики Беларусь, 2018–2022 гг.

На территории Республики Казахстан первые территории с льготной формой «экономического функционирования» субъектов экономической деятельности появились в 1990-е гг. и были необходимы для перехода от директивной к рыночной форме хозяйствования. На свободные экономические зоны (СЭЗ) возлагали серьезные надежды по индустриализации страны и диверсификации отраслей производства, ориентированных на экспорт [18, с. 26–28]. Ранний опыт их применения был отрицательным, что объясняется неверно принятыми решениями при осуществлении территориального планирования – в отдельных субъектах страны; часто СЭЗ были учреждены на территории целых областей [19, 128–130; 20, с. 44]. Существовали серьезные недочеты в законодательном регулировании, что в итоге привело к необходимости появления соответствующего закона, регулирующего данную сферу. На сегодняшний день в Казахстане 13 СЭЗ, многие из них достаточно успешно функционируют и демонстрируют положительные показатели – по величине освоения инвестиций и объемам производства [18, с. 128-130]. В скором времени СЭЗ Казахстана могут получить новый виток развития, который обусловлен повышенным интере-

сом со стороны ряда компаний из России в перемещении производства на территорию Республики Казахстан.

В Армении первые территории с льготным режимом «экономического функционирования» субъектов экономической деятельности возникли сравнительно недавно – первая СЭЗ «Альянс» была учреждена в 2013 году. Первоначально она была ориентирована на развитие технологий в сфере производства компьютерных устройств и связанной с ней IT-индустрией [9, с.65]. В дальнейшем перечень видов деятельности был расширен и на территории СЭЗ появились предприятия по созданию инновационных технологий в области машиностроения, фармацевтики, промышленного дизайна, биотехнологий и телекоммуникаций. В настоящий момент в стране функционирует 4 СЭЗ: «Альянс», «Меридиан», «Мегри», «Экос». Исследования, посвященные изучению интеграции экономик Армении и других стран-участниц ЕАЭС содержат универсального характера вывод о том, что, интеграция экономик стран-участниц должна проводиться посредством использования конкурентных преимуществ отраслей национальной промышленности с привлечением к решению этой задачи ОЭЗ всех стран ЕАЭС. В частности, речь идет об использовании дуального подхода, заключающегося в усилении взаимодействия в тех отраслях промышленности, которые могут дополнить друга, а не в отношении тех отраслей промышленности, которые характеризуется созданием однородной или похожей по свойствам продукции осуществлять политику снижения сотрудничества, чтобы не создать конкуренцию между государствами внутри ЕАЭС. [21, с.76-77].

В экономике Кыргызской Республики СЭЗ не получили большого распространения не развиты в столь значительной степени, как в других странах-участницах ЕАЭС. В Кыргызстане на данный момент ведут деятельность 5 СЭЗ: «Бишкек», «Каракол», «Лейлек», «Маймак» и «Нарын». Все эти СЭЗ причисляют к территориям содействия экономической активности в области промышленности, однако активно функционирует из них только СЭЗ «Бишкек» [22, с.5], которая специализируется на производстве продукции массового потребления – одежде, обуви и товарах сельскохозяйственного назначения. Причина, по которой в стране фактическую деятельность ведет лишь одна СЭЗ обусловлена тем, что только лишь она соответствует требованиям «Таможенного союза» в рамках ЕАЭС [9, с.65]. Несмотря на то, что первая СЭЗ в Кыргызской Республике была создана еще в 1991 году, опыт их применения в течение прошедших лет демонстрирует существенные недостатки в их управлении. До сих пор на территории СЭЗ есть затруднения в подключении к инженерно-технической инфраструктуре, что создает барьеры по привлечению резидентов [22, с.8-9].

Опыт использования института ОЭЗ (СЭЗ) для всех стран ЕАЭС был различным, что объясняется дифференциацией стран по уровню развития и структуре промышленного потенциала, назначением реализуемых проектов, номенклатурой предоставляемых льгот и преференций для резидентов и развитостью экономик. Итоги использования данного института в регулирования развития евразийской экономической интеграции нельзя в современных условиях

назвать однозначно удачными. Но необходимо при этом отметить, что благодаря ОЭЗ (СЭЗ) были достигнуты и положительные изменения в сфере экспорта производимой продукции и создания рабочих мест, перспективным является и сам вектор развития ОЭЗ, избранный государствами, направленный на создание системы гарантированной защиты зарубежных инвестиций от рисков различного источника возникновения. Однако, события последних лет в мире, в том числе и связанные с санкциями, наглядным образом продемонстрировали, что политические факторы могут оказать значительное влияние на процессы инвестирования и межстранового сотрудничества в этой области. Важным на данном этапе развития экономической интеграции стран ЕАЭС является использование этого опыта преодоления санкционного давления при переориентации сложившихся ранее рынков сбыта на новые, которые в меньшей степени зависят от политической конъюнктуры.

Одним из важных индикаторов для оценивания степени интеграции промышленности стран-участниц ЕАЭС является изучение динамики условий осуществления поставок в рамках единого экономического пространства, которые в том числе раскрывают характеристики рынка промышленной продукции. В исследовании рассмотрен этот вопрос. Для этого был проведен анализ структуры промышленности во всех странах ЕАЭС, которые характеризуются значительной дифференциацией по показателям объема промышленного производства. На долю России приходится практически 98 458 800, 6 миллионов единиц национальной валюты на объемы произведённой продукции, что составляет за 2022 год свыше 65% всей совокупной величины производства в ЕАЭС. Положительная динамика наблюдается и в Казахстане – в период 2021–2022 гг. объем промышленного производства увеличился в денежном эквиваленте больше чем на 10 000 000 миллионов тенге [23]. В табл. 6.1 представлены данные по объемам промышленного производства в странах ЕАЭС за 2020–2022 гг. в миллионах рублей.

Таблица 6.1

Объем промышленного производства в странах ЕАЭС, 2020–2022 гг.

Год	Страна				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2022 г.	2683553,9	169633	48007481,1	425949,5	98458800,6
2021 г.	2419356,9	155870	37606242,9	370533,8	94888234,4
2020 г.	2101072,7	118407,8	27028505,3	325090,1	72350224,1

Анализируя все остальные показатели экономической деятельности стран-участниц, можно прийти к закономерному выводу, что роль России в ЕАЭС является определяющей. Тенденции и изменения, происходящий на российской рынке оказывают воздействие на промышленные отрасли всех остальных стран-участниц, поскольку их объем усилий незначителен [3 с.25]. Харак-

терным является и то, как устроена структура соотношения экспорта и импорта внутри ЕАЭС – производители продолжают поставлять продукцию на внутренний рынок и при этом не способны удовлетворить весь спрос на общем рынке [3 с.23], что влечет сохранение высокой степени зависимости стран-участниц от импорта. Важным условием преодоления подобного состояния неравновесности на рынке товаров и услуг является существование ряда барьеров, которые препятствуют их свободному перемещению в пределах ЕАЭС.

Необходимо обеспечить актуализацию таможенного законодательства стран-участниц путем внедрения технических регламентов на ввоз и вывоз производимой продукции, что простимулирует деловую активность и повысит заинтересованность поставщиков в осуществлении экспорта. На данный момент уже существуют определенные предпосылки по облегчению условий экономической интеграции, в частности, для участников ЕАЭС и граждан этих государств действует общий рынок труда, который уравнивает их граждан в правах на работу на территориях других стран – нет обязательной необходимости в получении особых документов, разрешающих вести трудовую деятельность. Появились «послабления» по времени пребывания и правилах пересечения границы, что свидетельствует о поэтапном осуществлении позитивных интеграционных мероприятий [24, с.171]. Низкая степень товарооборота между странами внутри ЕАЭС делает трудновыполнимым переход к единой валюте, что и является следствием зависимости от импортных товаров и услуг, которая оплачивается, как правило, в долларах или евро.

Наблюдаются и другие сложности в экономической интеграции стран. Остается острым и вопрос конкуренции между странами-участницами ЕАЭС в отдельных отраслях промышленности – РФ конкурирует с Казахстаном на рынке нефти и газа, а с Беларусью в машиностроении [3, с.24]. Кроме того, весьма проблематичным остается и зависимость рынка ЕАЭС от внешних условий, в частности от цен на нефть и другие топливно-энергетические ресурсы [24, с.172], что в значительной степени обусловлено отсутствием крупномасштабных инвестиционных проектов приоритетного назначения, которые могли бы дать импульс развитию промышленности и повысить заинтересованность в ее продукции в пределах рынка ЕАЭС. Вместе с тем, независимо от того какие сложности возникают в процессах интеграции участников ЕАЭС, по мнению экспертов, этот процесс неизбежен и объясняется тенденцией удешевления сырьевых ресурсов, что формирует потребность в реализации уже переработанной продукции, которая будет востребована на рынках без таможенных ограничений.

Анализируя положения документа «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции» [25], связанных с выработкой гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию в совокупности с рассмотренными выше данными, характеризующими достигнутые результаты (в том числе и на основе использования ОЭЗ (СЭЗ)), можно сформулировать следующие приоритетные направления совместной деятельности стран в современных условиях:

1. Определение перечня приоритетных инфраструктурных проектов, способствующих активизации процессов экономической интеграции стран ЕАЭС

2. Переход к единым стандартам финансово-денежного регулирования при участии Евразийского банка развития при реализации проектов странами ЕАЭС.

3. Формирование прогноза пространственного развития ЕАЭС, как основы решения проблемы дифференциации промышленного потенциала стран ЕАЭС.

4. Более эффективное использование площадок экспортной инфраструктуры государств-участников ЕАЭС для достижения совместных целей социально-экономического развития.

5. Создание механизмов реализации проектов, по объединению промышленных потенциалов стран ЕАЭС в создании промышленной продукции, конкурентоспособной на международных рынках.

Таким образом, конкретизируя все вышесказанное можно сделать вывод о том, что тот опыт использования ОЭЗ, который был получен на протяжении 20–30 лет независимости стран-участниц ЕАЭС следует планомерно переводить на новый уровень развития. Сопоставляя приоритетные положения по развитию ЕАЭС в сфере промышленности во взаимосвязи с возможностями использования ОЭЗ можно выделить следующие особенности, характеризующие потенциал этого перехода:

- во-первых, по результатам анализа наибольшей эффективностью пользуются ОЭЗ, имеющие промышленно-производственную направленность. Это означает наличие на территории стран-участниц ЕАЭС территорий, обладающих безопасной институциональной средой, защищающей от нестабильности рыночных условий;

- во-вторых, существует возможность по привлечению прямых иностранных инвестиций в те проекты развития промышленности ОЭЗ, которые будут направлены на достижение совместных целей по сближению стран по уровню социально-экономического развития;

- в-третьих, реализация таких проектов в ОЭЗ в перспективе приведет к мультипликативному эффекту, который снизит зависимость экономики ЕАЭС от изменения цен на рынках топливно-энергетических ресурсов, повысив конкурентоспособность производимой странами промышленной продукции.

Время для осуществления этих процессов экономической интеграции весьма ограничено, при этом необходимо уделить особое внимание изменениям в сырьевом и ресурсном обеспечении, что объясняется переходом ведущих стран мира к концепции развития на основе «зеленой экономики», являющейся одним из первых «предзнаменований» появления нового технологического уклада [11, с.14].

Литература

1. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: первые итоги интеграционных процессов // Социологический альманах. – 2017. – № 8. – С. 49–62.

2. Елистратова В.В. Евразийский экономический союз: проблемы интеграционного развития // *Theory and Practice of the Restoration of Rights*. – 2018. – № 1(8). – С. 11-16.
3. Кривогуз, М. И. Промышленная интеграция стран ЕАЭС / М. И. Кривогуз, Д. А. Фесенко // *Россия и новые государства Евразии*. – 2021. – № 4(53). – С. 9-30. – DOI 10.20542/2073-4786-2021-4-9-30.
4. Иванова, С. А. Промышленное сотрудничество стран ЕАЭС / С. А. Иванова // *Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Экономика*. – 2016. – № 1. – С. 61-68.
5. Гибадуллин А.А. Концептуальные направления развития промышленности евразийского экономического союза // *Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета*. – 2017. – № 4-5(56-57). – С. 152-159.
6. Развитие промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС / Ю. А. Савинов, Г. А. Орлова, Е. В. Тарановская, Т. П. Басилашвили // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2019. – № 5. – С. 54-78.
7. Доржиева, В. В. Россия и Евразийский экономический союз: сравнительный анализ отраслевой структуры экономики и промышленной политики / В. В. Доржиева // *Вестник евразийской науки*. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 14.
8. Миннигалиева, И. И. Особые экономические зоны как форма государственно-частного партнерства / И. И. Миннигалиева, Г. Р. Абзалова, И. А. Ахметзянов // *Аллея науки*. – 2020. – Т. 1, № 5(44). – С. 707-711.
9. Огнева, Н. Ф. СЭЗ как фактор развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС / Н. Ф. Огнева // *Евразийский союз ученых*. – 2018. – № 2-2(47). – С. 62-66.
10. Задорина, А. М. Правовой статус свободных экономических зон Республики Беларусь и особых экономических зон Российской Федерации к системе мер поддержки евразийской интеграции / А. М. Задорина // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. – 2015. – № 2(3). – С. 45-51.
11. Глазьев С.Ю., Митяев Д.А., Ткачук С.П. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе / Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. [Электронный ресурс]. // URL: ЕАЭС.indd (ukros.ru)
12. Трынов, А. В. Инновационно-инвестиционная активность в регионах Российской Федерации в условиях санкций / А. В. Трынов // *Вестник Академии знаний*. – 2022. – № 53(6). – С. 380-384.
13. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 N116-ФЗ (последняя редакция) / [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/?ysclid=lg61xh3zpd517423583 (дата обращения: 09.09.2023)
14. Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2021. Выпуск 5 / М.М. Бухарова, А.Н. Андреев, Р.Ф. Бододько, Д.А. Гуляева, В.И. Зверков, Е.И. Кравченко, М.А. Лабудин, М.К. Мальбахов, А.Р. Новикова, М.С. Серёгин, В.А. Суров, А.В. Шпиленко; редакционная коллегия: А.В. Шпиленко (ответственный редактор), В.И. Зверков, А.Н. Козловский; Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. – Москва: АКИТ РФ, 2021. – 265 с
15. Булавко, О. А. Особые экономические зоны как катализатор развития российской промышленности / О. А. Булавко // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 987-996. – DOI 10.18334/epp.10.4.100775.
16. Особые экономические зоны России: анализ, проблемы и пути их решения / Ш. У. Ниязбекова, О. В. Назаренко, К. Г. Буневич, О. С. Иванова // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. – 2019. – № 2(47). – С. 213-222.
17. Залесский, Б. Л. Свободные и особые экономические зоны как точки роста в регионах / Б. Л. Залесский // *Социально-гуманитарные исследования*. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 64-79.

18. Ким, В. В. Развитие свободных экономических зон в Казахстане / В. В. Ким, Д. У. Сегизбаева // Молодой ученый. – 2017. – № 8-1(142). – С. 26-28. – EDN YFWMLZ.
19. Невматулина, К. А. Роль специальных экономических зон в развитии республики Казахстан / К. А. Невматулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 6-2. – С. 128-130.
20. Касенова, Р. К. Опыт создания специальных экономических зон в Республике Казахстан / Р. К. Касенова // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2013. – № 5. – С. 44-47.
21. Манукова, Н. Перспективы развития свободной экономической зоны "Меридиан" в условиях новой региональной экономической архитектуры / Н. Манукова, М. Ю. Ильина // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 3(28). – С. 76-85.
22. Амиди, Т. О. Свободные экономические зоны Кыргызстана: развитие или стагнация? / Т. О. Амиди // Научные вести. – 2022. – № 5(46). – С. 4-9. – EDN HUOEFE.
23. Объем промышленной продукции по видам экономической деятельности 2017–2022 гг./ Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. // URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/industry/series/
24. Огнева, В. В. ЕАЭС: Противоречивая поступь интеграции / В. В. Огнева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – № 1(222). – С. 168-172.
25. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс].// URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=lmjv2mbq2y133352674

6.3. ЕАЭС – устойчивая коалиция?

Для того, чтобы быть устойчивыми, экономические союзы должны развивать такие отношения между своими участниками, которые поддерживали бы их убежденность в выгоде нахождения в составе союза. Культурно-историческая, институциональная или идеологическая близость стран участниц, а также наднациональные организации могут облегчать взаимодействие между странами, однако, едва ли сами по себе они могут перевесить заинтересованность государств в развитии собственного экономического потенциала. Важно поэтому, наряду с прочими вопросами, не упускать из вида постоянно присутствующей возможности подрыва экономического союза, как коалиции игроков, которые могут покинуть коалицию индивидуально или группой, или вступив в альтернативный союз с внешними игроками. Особенно это важно для стран евразийского региона, в экономическом развитии которых государство традиционно играет определяющую роль.

В нашей статье мы проводим предварительный анализ факторов, которые могут поставить под угрозу устойчивость коалиции стран ЕАЭС. Мы начинаем с описания сложившегося взаимодействия между ними с точки зрения соответствия заявленным целям построения единого рынка. Исходя из этого анализа, мы характеризуем противоречия, которые складываются в отношениях между странами и то, как они могут усугубляться из-за разницы размеров экономики России и других стран-участниц ЕАЭС. Мы также кратко обсуждаем пути решения выявленных проблем.

ЕАЭС – единый рынок?

Наш анализ целесообразно начать с характеристики сложившихся экономических отношений внутри ЕАЭС. Это важно поскольку Союз наследует идею реорганизации хозяйственных отношений между бывшими республиками СССР и их реинтеграции на новых принципах. Заметим, кстати, что если рассмотреть этапы этого процесса от СНГ к ЕврАзЭС и ЕАЭС, то можно заметить, что состав коалиции на каждом этапе сужался.

Анализ коалиции между бывшими советскими республиками на основе хозяйственных связей между ними восходит к работам акад. А.Г. Гранберга, который вместе с соавторами обнаружил, что в пересчете на мировые цены только РСФСР имела устойчивое положительное сальдо межреспубликанского торгового баланса (и на порядок большее периодически возникающего положительного сальдо у таких республик как Таджикистан и Азербайджан). С их точки зрения это говорило об отсутствии экономических предпосылок к распаду СССР, поскольку в результате все республики понесут колоссальный урон и только РСФСР сможет поддерживать экономическую самодостаточность, хотя и на более низком уровне благосостояния (см., например, [1, 2]). Однако концентрация на межотраслевых связях не позволила предвидеть действительное развитие событий из-за игнорирования политических факторов и возможности экономических реформ. Так, теперь вместо планового механизма в основе отношений внутри ЕАЭС лежат «четыре свободы»: свобода перемещения товаров, услуг, труда и капитала. Впрочем, остается открытым вопрос успешности реализации этих принципов. Так, некоторые исследователи отмечают декларативный характер и несерьезное отношение к заявленным целям (см., например, [3]).

Давая свою оценку степени единства рынка ЕАЭС, мы используем два критерия. Во-первых, мы оценим так называемый коэффициент Фельдштейна-Хориоки – коэффициент, отражающий связь между инвестициями и сбережениями. Во-вторых, это сближение заработных плат, которое должен обеспечивать единый рынок труда.

В наших расчетах мы опираемся на данные Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и Росстата, которые содержат некоторые пробелы. Так данные Росстата позволяют судить об экономических отношениях между Россией и остальными странами ЕАЭС, но не между последними. ЕЭК предоставляет такую информацию, но только за период после создания ЕАЭС (таким образом, данные ЕАЭС не позволяют сравнивать положение дел до и после создания ЕАЭС). Кроме того, данные ЕАЭС о взаимном платежном балансе стран-участниц содержат только информацию об экспорте и импорте и прямых инвестициях и, таким образом, из нашего анализа выпадают данные о первичных и вторичных доходах, операциях с капиталом и существенная часть финансового. Данные о сбережениях и ВВП мы берем с сайта Всемирного Банка. Здесь для некоторых стран-участниц ЕАЭС отсутствуют данные за 2022 год, поэтому наш анализ оканчивается 2021 годом и не учитывает изменений последнего времени, которые могут быть значительны.

В силу этих ограничений мы оцениваем коэффициент Фельдштейна-Хориоки не непосредственно, а через равенство текущего счета платежного баланса сумме капитального и финансового счетов и используем в отчетах чистый экспорт (не учитывая счета первичных и вторичных доходов). Таким образом, мы предполагаем, что $\frac{I_i - S_i}{Y_i} \approx -\frac{NE_i}{Y_i}$, где I_i – инвестиции в стране i , S_i – сбережения в стране i , NE_i – чистый экспорт из страны i и Y_i – ее ВВП. Нас интересует связь между инвестициями и сбережениями: $\frac{I_i}{Y_i} = \alpha + \beta \frac{S_i}{Y_i}$, где β – так называемый коэффициент Фельдштейна-Хориоки. Таким образом, принимая $b = \beta - 1$ мы оцениваем уравнение регрессии

$$\frac{-NE_i}{Y_i} = a + b * \frac{S_i}{Y_i}.$$

Если коэффициент β близок к единице, инвестиции в стране примерно совпадают с ее сбережениями, и в чистом выражении не происходит ни притока, ни оттока капитала. В этом случае можно сделать вывод, что движение капитала крайне затруднено. При $\beta=1$ коэффициент регрессии b равен 0, что означает, что чистый экспорт не связан с нормой сбережения (а значит, и потребления) в стране i , следовательно, движение товаров и услуг между странами также не свободно. Наоборот, если β близка к 0 (соответственно, b близко к (-1)), движение капитала (а также товаров и услуг) можно считать свободным.

В таблице 6.2 приведены результаты оценки коэффициента регрессии b за 2015 год – первый с момента создания ЕЭАС, за который есть данные по всем пяти странам, за два предпандемийных и два пандемийных года. В 2015 коэффициент b близок к единице и статистически значим, в то время как в остальные представленные в таблице годы утрачивает статистическую значимость, несмотря на то, что по своей абсолютной величине в 2021 году b приближается к значениям 2015 года.

Таблица 6.2

Результаты оценки коэффициента регрессии b

	2015	2018	2019	2020	2021
b	0,97*	- 0,18	0,03	- 0,44	0,85
Стандартная ошибка	0,41	0,90	0,56	0,74	0,67

* – статистическая значимость на уровне 5 %.

Как мы отметили выше, близость коэффициента b к единице позволяет судить о свободном движении капитала, в то время как его близость к нулю – о несвободном. В 2015 г. движение капитала свободно и, можно предположить, что начало функционирования ЕАЭС не успело сказаться так быстро и свобод-

ное движение капитала сложилось до создания ЕАЭС (хотя наши данные не позволяют исключить того, что наблюдаемое значение – следствие каких-то специфических для 2015 г. обстоятельств). В 2018–2021 гг. коэффициент b не отличается значимо от нуля и, соответственно, капитал не демонстрирует признаков свободного движения. Соответственно, и движение товаров и услуг нельзя назвать свободным

Несвободное движение капитала при нарастающем дефиците торгового баланса, каковой имеет место во всех странах ЕАЭС, кроме России и, возможно Беларуси (рис. 6.2, а) имеет то последствие, что странам сложно рассчитывать за не покрытый экспортом импорт финансовыми активами. Действительно, анализировать динамику прямых инвестиций между странами ЕАЭС, данные о которой предоставляет ЕЭК то мы увидим стремительное наращивание прямых инвестиций со стороны России в прочие страны-участницы ЕАЭС и отрицательное сальдо прямых иностранных инвестиций в последних. Расчеты показывают, что ни в одном из приведенных в таблице годов коэффициент Фельдштейна-Хориоки для прямых иностранных инвестиций не был статистически значим, что ожидаемо, учитывая независимость чистого экспорта от внутренних сбережений.

На рис. 6.2, б представлена динамика средних заработных плат стран-участниц ЕАЭС по отношению к российской. При расчете приведенных на графике значений, мы пересчитывали средние заработные платы в национальной валюте в доллары США по среднегодовому курсу валют (по данным Росстата, с учетом проведенной в Беларуси в 2016 г. деноминации), а затем отнесли заработные платы в долларовом выражении к российской. Следует ожидать, что создание единого рынка труда будет вести к сближению заработных плат стран-участниц ЕАЭС.

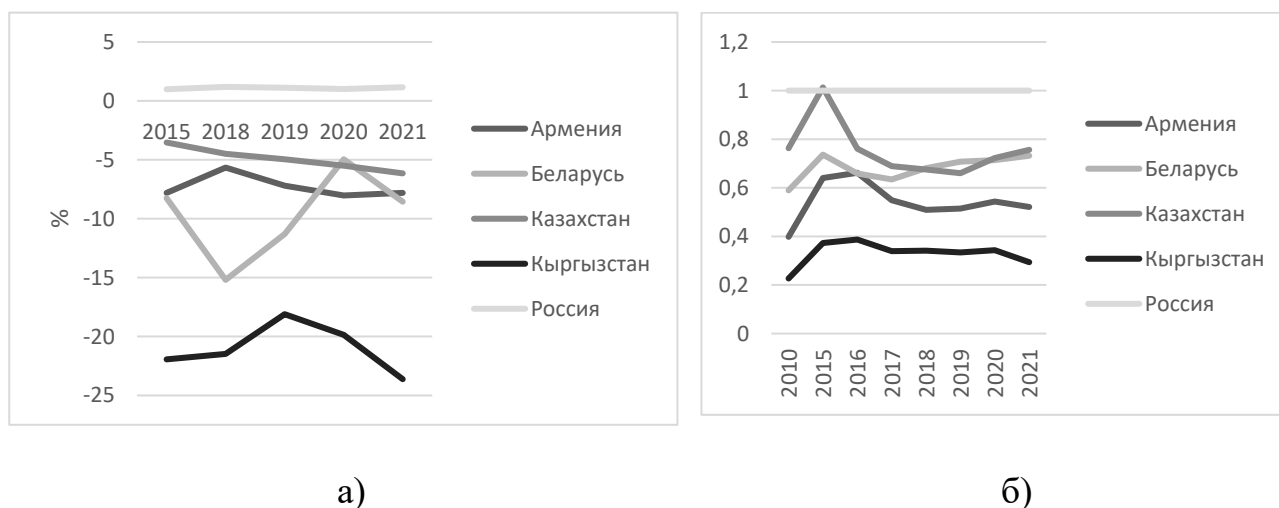

Рис. 6.2: а) Чистый взаимный экспорт стран ЕАЭС в процентах от ВВП, б) средняя месячная заработная плата стран ЕАЭС по отношению к российской

Мы видим, однако, что за период с 2010 по 2015 г. заработные платы стран-участниц ЕАЭС заметно приблизились к российской, а средняя заработ-

ная плата в Казахстане даже несколько превысила российскую. Тем не менее, впоследствии обозначился тренд на отставание заработных плат участниц ЕАЭС от российской и лишь Беларусь в 2021 г. смогла почти вернуться к соотношению 2015 года. Значительный вклад в это расхождение вносит относительное укрепление рубля. Так, например, в номинальном выражении заработная плата в Казахстане за 2015–2021 гг выросла почти вдвое, в то время как в России – чуть менее, чем на 70%. Однако среднегодовой курс тенге к рублю упал по нашим расчетам на 36,8%.

Ослабление национальных валют по отношению к рублю не удивительно, принимая во внимание тенденцию на наращивание положительного сальдо торгового баланса Россией и углубление отрицательного сальдо остальными странами. Свободное перемещение труда между странами противодействовало бы сопутствующему относительному падению заработных плат и способствовало бы их сближению. Однако, насколько можно судить по анализируемым данным, перемещение труда между странами (исключая, возможно, перемещение между Россией и Беларусью) только затруднилось за годы функционирования ЕАЭС.

Таким образом, несмотря на декларируемое построение единого экономического пространства, основанного на свободе движения товаров, услуг, труда и капитала, можно сделать вывод, что за годы своего существования ЕАЭС, если и добилось результата, то прямо противоположного. Затрудненное движение труда приводит к увеличению неравенства по зарплате между странами, в то время, как затрудненное движение капитала – к расчету за импорт долями в капитале предприятий на территории страны. Последнее, впрочем, может иметь положительные последствия в перспективе, если за прямыми иностранными инвестициями придут инновации, вложения в повышение квалификации местной рабочей силы и более высокими стандартами взаимодействия с потребителями и поставщиками. Однако данные, приведенные в нашей статье, пока что не позволяют судить, что это действительно происходит, по крайней мере, в масштабе, способном улучшить торговый баланс и поднять заработные платы до российского уровня.

В какой мере такой союз устойчив и не входит в противоречие с характерной для евразийских экономик чертой – ведущей ролью государства в развитии экономики страны? Если до поры государства могут считать осуществление и приток прямых иностранных инвестиций выгодным, то со временем это может войти в противоречие с поддержанием конкурентоспособности собственной экономики, со стороны нетто-инвестора, и требованием выравнивания условий труда и восстановления контроля над активами на своей территории (вплоть до национализации), – со стороны нетто-получателя инвестиций. Это делает актуальным вопрос об устойчивости сложившейся в рамках ЕАЭС коалиции стран

Коалиции

Создание долговременных устойчивых коалиций между странами весьма проблематично, поскольку принятые в рамках союза обязательства и следование предписаниям наднациональных структур, рискует войти в противоречие с госу-

дарственным суверенитетом во внутренних делах. Последнее десятилетие показало, что даже такие успешные ассоциации, как ЕС или НАФТА могут испытывать существенные трудности по поддержанию своего состава и договоренностей, когда какие-то из их членов начинают считать слишком обременительным продолжение участия в объединении или утрачивают доверие друг к другу. Тем не менее, для стран, в которых государство берет на себя определяющую роль в экономическом развитии, создание устойчивых коалиций представляется особенно проблематичным, поскольку их решение по выходу из коалиции или нарушению принятых обязательств, не может быть сдержано частными игроками, заинтересованными в продолжении сотрудничества, будь то бизнес, осуществляющий трансграничную деятельность, работники на предприятиях с иностранной собственностью или трудовые мигранты. Это, конечно, не означает, что устойчивая коалиция между ними невозможна в принципе (анализ коалиций в отсутствие надежных обязательств между участниками см., например, в [4]).

Устойчивой можно назвать такую коалицию, которая не может быть подорвана, как изнутри, – более узкой коалицией (в том числе состоящей из одного участника), – так и извне, – игроками, находящимися за рамками коалиции.

Устойчивость коалиции может зависеть как от изменчивости внешней среды, так и от правил принятия решений внутри коалиции. Так, чем ближе принятие решений внутри коалиции к правилу единогласия, тем меньше, при прочих равных, будет устойчивая коалиция, поскольку необходимость учитывать голоса всех способствует выравниванию выигрышей внутри коалиции и более сильным игрокам становится невыгодным участие в таком объединении. Заметим, что решения Высшего совета ЕАЭС принимаются на основе консенсуса, что, хотя и не эквивалентно единогласию, предполагает сближение переговорных сил участников, поскольку требует, если не единодушной поддержки, то, по меньшей мере, отсутствия принципиальных возражений против принимаемых решений. Основная сложность поддержания устойчивости в этом случае – наличие России, как доминирующего игрока. Так в 2022 г. ВВП России составлял 87,4% совокупного ВВП стран-участниц ЕАЭС. На следующий за ней по величине ВВП Казахстан приходится только 8,6%. Это говорит о том, что вне коалиции Россия способна достичь значительных результатов и принятие на себя существенных обязательств в отношениях с прочими странами ЕАЭС может обернуться неоправданным сдерживанием ее экономического потенциала.

С другой стороны, если предположить, что относительная величина российского ВВП отражает ее переговорную силу внутри ЕАЭС, это может порождать стимул для остальных четырех участников отколоться и выстроить более паритетные отношения между собой.

Заметим, что столь существенный разрыв в экономическом потенциале между лидером и остальными странами-участницами не характерен для экономических союзов. Так, в МЕРКОСУР доля Бразилии составляет 72,0% суммарного ВВП, в то время как доля Аргентины составляет 23,7%; в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива доля Саудовской Аравии – 50,4%, в то время как доля ОАЭ – 23,1%.

Рассмотрим следующий сценарий. Предположим, что переговорная сила участников пропорциональна доли их ВВП в суммарном ВВП союза (табл. 6.3). Допустим, Россия выходит из ЕАЭС (или остальные страны-участницы образуют свою союз). Тогда доля Казахстана в такой усеченной организации составит 68,1%. Иными словами, отношения лидера союза и объединения остальных участников станут более паритетными, в то время как объединение участников изначального союза против России почти не имеет возможности навязать свои условия. Заметим, что дальнейшее уменьшение числа участников за счет выхода Казахстана повысит долю лидера (Беларуси) в таком тройственном союзе до 70,5 %, что опять увеличит диспаритет между лидером и прочими.

Таблица 6.3

Доли стран в суммарном ВВП экономического союза
(ЕАЭС, МЕРКОСУР, Совета сотрудничества арабских государств)

	ВВП, млрд долл	Доля в суммарном ВВП коалиции, %	Доля при выходе лидера
Армения	19,5	0,8	6,0
Беларусь	72,7	2,8	22,5
Казахстан	220,6	8,6	68,1
Кыргызстан	10,9	0,4	3,4
Россия	2 240, 4	87,4	
Аргентина	632,8	23,7	84,9
Бразилия	1920,1	72,0	
Парагвай	41,7	1,6	5,6
Уругвай	71,2	2,7	9,5
Бахрейн	44,4	2,0	4,1
Катар	237,3	10,8	21,8
Кувейт	184,6	8,4	17,0
ОАЭ	507,5	23,1	46,6
Оман	114,7	5,2	10,5
Саудовская Аравия	1108,1	50,4	

Напротив, в случае МЕРКОСУР исключение Бразилии приведет к тому, что доля Аргентины повысится до 84,9 % и объединение Парагвая и Уругвая будет иметь меньше возможностей продвижения своих интересов внутри союза, чем они имеют вместе с Аргентиной против Бразилии. Что касается Совета

сотрудничества арабских государств, то даже в текущем составе прочие участники балансируют потенциал Саудовской Аравии, в то время как при ее исключении потенциал лидера уменьшится не сильно.

Конечно, некоторые экономические объединения, такие как USMCA и Южно-Африканский таможенный союз характеризуются еще большей долей лидера, чем ЕАЭС. Однако степень интеграции этих объединений меньше, чем у ЕАЭС и экономических союзов обсуждаемых выше.

Разумеется, изменение коалиции посредством исключения лидера – не единственный возможный сценарий. Заметим, что в случае ЕАЭС он может быть отчасти заблокирован союзным договором между Россией и Беларусью, а также географически центральным положением России. Однако даже с учетом этого, сохранение коалиции с углублением интеграции между ее участниками в рамках ЕАЭС скорее всего требует большего равенства между участниками, во всяком случае, сближения экономических потенциалов России и остальных участников в сумме, прежде всего, за счет относительного роста экономики Казахстана. В какой-то мере ухудшение экономической ситуации в России парадоксальным образом может способствовать устойчивости союза в целом. Однако при таком развитии событий выгоды от участия в Союзе для остальных участников могут уменьшаться более стремительно, чем расти выгоды от выравнивания переговорной силы, что в итоге еще быстрее подтолкнет страны к выходу из Союза.

Выравниванию переговорной силы между Россией и прочими участниками Союза, способствующее повышению его устойчивости, могло бы добавление нового члена, – такого как, например, Вьетнам или Иран, чей ВВП в 2022 году составил 18,2 и 17,3 % российского, соответственно. Однако при таком сценарии сохранение модели Союза, при которой Россия выступает основным экспортером и инвестором, может потребовать от нее слишком больших ресурсов.

Помимо внутренних факторов на устойчивость коалиции могут повлиять внешние игроки, которые могут предложить более выгодный союз. Этому могут способствовать как выгодность развития внешнеторговых связей с отдельными внешними игроками, так и выбор в пользу иных союзов и организаций. Так, внешнеторговый оборот Казахстана достиг в 2022 г. исторического максимума, при этом по данным Бюро национальной статистики Казахстана (БНС АСПиР РК) внешнеторговый оборот Казахстана с Китаем (13,2 млрд долл по экспорту и 10,9 – по импорту) незначительно уступал внешнеторговому обороту с Россией (8,8 и 17,3 млрд долл, соответственно) и был более сбалансирован. Кроме того, Казахстан и Кыргызстан участвуют в Организации исламского сотрудничества, Организации Тюркских государств и, вместе с Россией, в Шанхайской организации сотрудничества. Это имеет двойные последствия. С одной стороны, участие в ЕАЭС позволяет вырабатывать консолидированную позицию в прочих организациях. С другой – членство в сторонних организациях смягчит потенциальный выход из ЕАЭС.

Наконец, существенным, но менее изученным в контексте коалиций, фактором остается неопределенность, которая в текущих условиях связана с Россией. Поскольку следует предполагать избегание неопределенности у лиц, при-

нимающих решения, это обстоятельство может существенно понизить оценку выгод от продолжения сотрудничества, даже если оно будет оставаться выгодным с точки зрения экономических выигрышей. Сохранение коалиции в таких условиях может потребовать перераспределения влияния между ее членами.

Формирование единого бюджета ЕАЭС может способствовать смягчению обозначенных проблем – например, посредством замены прямых инвестиций из России в остальные страны-участницы перераспределением через бюджет, компенсировав таким образом нехватку мобильности капитала, и стимулирования производства этими странами продукции, необходимой России в текущих условиях. Однако осуществление такого перераспределения в значительных масштабах может войти в противоречие с необходимостью наращивания государственных расходов внутри самой России и существенно сдерживаться угрозой вторичных санкций в отношении остальных стран-участниц ЕАЭС. Также и девальвация рубля может способствовать сближению заработных плат России и прочих стран-участниц ЕАЭС, однако, это может препятствовать наращиванию ими необходимого экспорта в Россию.

Таким образом, устойчивость ЕАЭС сталкивается с рядом проблем, однако, эти проблемы не носят непреодолимый характер. Сохранение устойчивости требует повышения роли прочих, помимо России, стран-участниц в Союзе, – прежде всего Казахстана. Не ясно, впрочем, насколько это соответствует задачам, стоящим перед самой Россией в свете текущих вызовов, поскольку сохранение евразийской доминанты требовало бы от нее, по сути, вложений в развитие прочих стран Союза, – во многом вопреки задачам импортозамещения и возможного движения в сторону мобилизационной экономики.

Литература

1. Гранберг А. Г., Суслов В. И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): научный доклад. – Новосибирск, 1993.
2. Гранберг А. Г., Суслов В. И. Межреспубликанские экономические отношения накануне распада СССР // Региональное развитие и сотрудничество. – 1997. – №. 5. – С. 17-25.
3. Mostafa G., Mahmood M. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian studies. – 2018. – Т. 9. – №. 2. – С. 163-172.
4. Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Coalition formation in non-democracies // The Review of Economic Studies. – 2008. – Т. 75. – №. 4. – С. 987-1009.

6.4. Правовое регулирование селекции в государствах – членах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ в контексте развития интегрированного взаимодействия в области обеспечения продовольственной безопасности

Формирование сбалансированного аграрного рынка предусматривает развитие интеграционных процессов в агропромышленной сфере в целях обеспечения продовольственной безопасности. Успешное развитие интеграции в АПК

государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) возможно в условиях последовательной реализации совместных мер, направленных на развитие селекции сортов сельскохозяйственных растений и пород сельскохозяйственных животных (далее – селекция), как составной части и стратегически важного звена агропромышленного комплекса (далее – АПК) государств-членов ЕАЭС, в целях повышения конкурентоспособности государств-членов в сфере семеноводства сельскохозяйственных растений и племенного животноводства. В частности, в соответствии с Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» (далее – Стратегические направления) предусмотрена реализация мер в обозначенной сфере, которые дополняют и развивают мероприятия в области селекции, запланированные к реализации в соответствии с, уже утвержденными органами ЕАЭС, актами [1–6]. Указанные обстоятельства, послужившие активному формированию и развитию системы наднационального правового регулирования селекции для стратегически важных отраслей АПК (животноводство и растениеводство) в рамках всех трех видов политик (единой, скоординированной и согласованной), реализуемых ЕАЭС [7, с. 650], обусловили необходимость проведения анализа национального законодательства государств-членов ЕАЭС, которое можно рассматривать в качестве одного из важнейших и эффективных инструментов государственного регулирования обеспечения продовольственной безопасности (далее – продбезопасности).

По нашему мнению, национальные законодательства о селекции государств-членов ЕАЭС имеют свою специфику, обусловленную: 1) характером и направленностью наднационального регулирования в области селекции в контексте обеспечения продбезопасности; 2) особенностями обеспечения продбезопасности (продовольственной независимости) как составляющие экономической безопасности в структуре национальной безопасности в тех целях и задачах, которые ставятся на том или ином этапе развития.

Обращаясь к характеру и направленности наднационального регулирования селекции отметим, что государства-члены ЕАЭС проводят единую (скоординированную) аграрную политику по вопросам селекции, опираясь на ст. 4, ст. 95 Договора о ЕАЭС, подлежащая развитию государствами-членами в рамках национального законодательства [8]. Это способствует научному и инновационному сотрудничеству в области селекции, а также унификации требований к отраслевым производственным процессам. В частности, в связи с обозначившимися направлениями развития селекции в рамках ЕАЭС продолжается процесс унификации единых требований к отраслевым организационно-производственным процессам проведения селекционных работ для сфер растениеводства и животноводства. В целях исполнения положений Соглашения об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза от 07.11.2017 г. [9] и Соглашения о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза от

25.10.2019 г. [10] были приняты ряд актов ЕАЭС, реализация которых усиливает взаимосвязь национального законодательства и права ЕАЭС в области селекции, что будет способствовать обеспечению всесторонней, объективной и независимой оценки достижений селекции. Таким образом, анализ принятых Решений Евразийского Межправительственного совета [11], Решений Высшего Евразийского экономического совета [12], а также Решений Совета и Коллегии ЕЭК [13], формирующих систему наднационального законодательства в области селекции, свидетельствуют о том, что политика в области регулирования селекции представляет собой один из основных инструментов, с помощью которого осуществляется унификация национального законодательства о селекции в государствах-членах ЕАЭС, в том числе, в целях обеспечения продбезопасности [7, с. 645].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что наднациональное регулирование в области селекции обеспечивает в наибольшей степени интегрированное взаимодействие между государствами-членами ЕАЭС, что позволяет формировать и развивать общее пространство для развития селекции в целях обеспечения продбезопасности в ЕАЭС. Дальнейшему развитию взаимодействия в обозначенном направлении способствуют утвержденные в Стратегических направлениях общие принципы и подходы к обеспечению продбезопасности государств – членов ЕАЭС [1]. Предусматривается ряд общих подходов к обеспечению продбезопасности, в число которых входит реализация совместных мер государств – членов ЕАЭС, направленных на снижение зависимости от импорта материально-технических ресурсов из третьих стран. Для этого предусматривается развитие в ЕАЭС селекции, проведение совместных НИОКР и других мер, затрагивающих обозначенную область.

Рассматривая особенности правового обеспечения продбезопасности каждым из государств-членов ЕАЭС на национальном уровне отметим, что она рассматривается государствами-членами ЕАЭС главным образом с точки зрения обеспечения продовольственной независимости за счет собственного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия. В каждом из государств – членов ЕАЭС действуют национальные стратегические документы в области продбезопасности, определяющие важность и значимость роли селекции для ее достижения и укрепления. Так, в Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.12.17 г. № 962, в качестве меры в области повышения конкурентоспособности производства и сбыта сельскохозяйственной продукции, значится развитие выведения новых высокоурожайных сортов и гибридов, создание высокого генетического потенциала высокопродуктивных, конкурентоспособных пород и групп сельскохозяйственных животных на основе применения новейших методов селекции и разведения [14]. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20, также закрепляет необходимость развития племенного дела и селекции в области производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [15].

В Республике Армения в Концепции обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения, утв. Распоряжением Президента Республики Армения от 18.05.2011 г. № НК–91–Н, определено, что селекционные работы, а также улучшение племенного дела в сфере животноводства, являются одним из основных мероприятий по обеспечению развития агропродовольственной системы как направление обеспечения продбезопасности [16]. В Кыргызской Республике действует Закон Кыргызской Республики «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики» от 04.08.2008 г. № 183, согласно которому достижение продбезопасности также обеспечивается развитием селекции сельскохозяйственных растений и животных для АПК Кыргызской Республики [17, ст. 4]. Немного иного подхода придерживается законодательство Республики Казахстан. В частности, Закон Республики Казахстан «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» от 08.07.2005 г. № 66, положения которого затрагивают вопросы обеспечения продбезопасности, напрямую не связывают ее обеспечение с уровнем развития селекции [18].

Таким образом, стратегические документы в области продбезопасности, принятые в Республике Беларусь [14], Российской Федерации [15], Республике Армения [16] и в Кыргызской Республике [17] закрепляют, что обеспечение продбезопасности осуществляется, в том числе, за счет развития селекции, что подчеркивает ее важную стратегическую роль на национальном уровне на фоне всевозрастающего влияния глобальных климатических изменений на компоненты, составляющие право на питание (доступность, постоянство, достаточность, качество, безопасность, устойчивость).

Закрепление выше обозначенных положений напрямую влияет на развитие и совершенствование национальных законодательств в области селекции государств – членов ЕАЭС.

Анализ национального правового регулирования отношений в области селекции в Республике Беларусь, Российской Федерации, Республике Казахстан, Республике Армения и Кыргызской Республике показывает, что оно осуществляется нормами аграрного и гражданского законодательства. Нормами гражданского законодательства регулируются интеллектуально-правовые отношения по созданию сортов сельскохозяйственных растений и пород сельскохозяйственных животных с помощью традиционных и инновационных методов селекции, их правовой охране и использованию как объектов интеллектуальной собственности.

Основы аграрного-правового регулирования отношений в области селекции заложены в следующих нормативных правовых актах государств-членов ЕАЭС, занимающих центральное место в числе источников аграрного законодательства: в Республике Беларусь – в Законе Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 102–З «О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений» (далее – Закон РБ о селекции) [19] и Законе Республики Беларусь от 20.05.2013 г. № 24–З «О племенном деле в животноводстве» (далее – Закон РБ о племенном деле) [20]; в Российской Федерации – в Федеральном законе от

30.12.2021 № 454–ФЗ «О семеноводстве» (далее – Законе РФ о семеноводстве) [21] и Федеральном законе от 03.08.1995 г. № 123–ФЗ «О племенном животноводстве» [22]; в Республике Армения – в Законе Республики Армения от 03.10.2022 г. № ЗР–345 «О семенах и посадочном материале» [23] и Законе Республики Армения от 28.05.2005 г. № НО–122–N «О племенном животноводстве» [24]; в Республике Казахстан – в Законе Республики Казахстан от 08.02.2003 г. № 385 «О семеноводстве» (далее – Закон РК о семеноводстве) [25] и Законе Республики Казахстан от 09.07.1998 г. № 278 «О племенном животноводстве» [26]; в Кыргызской Республике – в Законе Кыргызской Республики от 19.06.1997 г. № 38 «О семенах» (далее – Закон КР о семенах) [27] и Законе Кыргызской Республики от 27.04.2009 г. № 133 «О племенном деле в животноводстве Кыргызской Республики» (далее – Закон КР № 133) [28].

В частности, анализ выше указанных нормативных правовых актов показывает, что национальное законодательство всех государств-членов ЕАЭС подразделяет деятельность, связанную с обеспечением направления растениеводства на две отрасли: селекция и семеноводство сельскохозяйственных растений. Как отмечается в специальной литературе, если селекция занимается выведением новых сортов, то семеноводство обеспечивает размножение высококачественных семян и обеспечивается сохранение их сортовых и урожайных качеств [29, с. 144]. Аналогичный подход в регулировании закреплён для сферы племенного животноводства. Сфера селекции является отправной точкой для построения конкурентоспособной отрасли растениеводства и племенного животноводства, а эффективное национальное государственное регулирование является обязательным условием. Таким образом, в правовом аспекте селекция признается объектом национального правового регулирования в государствах-членах ЕАЭС.

Отметим, что активное проведение согласованной агропромышленной политики на территории ЕАЭС по вопросам развития селекции привело в настоящее время к существенным преобразованиям национальных законодательств о селекции государств-членов ЕАЭС, в частности, в вопросах расширения и совершенствования понятийно-категориального аппарата в области селекции для растениеводства и животноводства, содержание которых неоднородно или же вовсе отсутствует.

Говоря о терминологических изменениях, в первую очередь следует остановиться на понятии «селекция», определяющем область правового регулирования, вопрос о закреплении которого, а также об определении его содержания, в национальных законодательствах государств-членов ЕАЭС решается по-разному.

Так, применительно к сфере растениеводства, в Республике Беларусь и Российской Федерации закрепление получило определение таких понятий, как «селекция сельскохозяйственных растений» и «селекция сорта или гибрида сельскохозяйственного растения», которые в ранее действовавшем законодательстве не содержались (речь идет о Законе Республики Беларусь от 14.02.1997 г. № 14–З «О семенах» и Федеральном законе от 17.12.1997 г.

№ 149–ФЗ «О семеноводстве»). В соответствии со ст. 1 Закона РБ о селекции «селекция сельскохозяйственных растений» рассматривается как деятельность, направленная на создание либо выявление или усовершенствование сорта сельскохозяйственного растения [19, ст. 1]. Позиция российского законодателя сходна с позицией белорусского законодателя. Согласно ст. 1 Закона РФ о семеноводстве «селекция сорта или гибрида сельскохозяйственного растения» – деятельность, направленная на создание (получение) сорта или гибрида сельскохозяйственного растения [21, п. 19.1 ст. 1]. На уровне данного закона также было введено понятие «отечественная селекция сорта или гибрида сельскохозяйственного растения», которая определяется как *селекция*, осуществленная полностью на территории Российской Федерации российским физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем, или российским юридическим лицом, при этом для воспроизводства сорта или гибрида сельскохозяйственного растения не требуется ввоз генетического материала сельскохозяйственных растений на территорию Российской Федерации [21, п. 13.1]. В Кыргызской Республике Закон КР о семенах термин «селекция» содержит (ст. 4), но не раскрывает его содержание [27]. Аналогичная ситуация сложилась в Республике Казахстан в Законе РК о семеноводстве [25, ст. ст. 4, 6].

В сфере племенного животноводства, в целях реализации стратегических направлений выполнения НИОКР в области селекции в рамках ЕАЭС, в частности, касающихся разработки методов геномной селекции племенных животных на основе биотехнологического подхода, в Кыргызской Республике в 2019 году в Законе КР № 133 было закреплено легальное определение понятия «геномной селекции», под которой понимается генотипирование животных с помощью дезоксирибонуклеиновых кислотных маркеров, которое позволяет найти корреляции между вариантами генов и хозяйственно-полезными признаками и целенаправленно вести селекцию на выявление и закрепление ценных признаков продуктивных качеств популяции [28]. К сожалению, Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан и Республика Армения понятие «геномной селекции» и его определение в национальные законодательства о племенном животноводстве не включили, несмотря на активное использование методов геномной селекции в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан. Как отмечают И. В. Шугурова, М. В. Шугуров, внедрение передового опыта и инновационных технологий в селекционно-племенную работу с выходом на геномную селекцию является весьма важным для развития мясного и молочного скотоводства [30, с. 68].

Новые геополитические и геоэкономические вызовы, а также существующие проблемы в области селекции, требуют поиск решений, способных обеспечить не только увеличение конкурентных преимуществ национальных АПК в рамках развития экспортного потенциала и конкурентных преимуществ для развития внутреннего производства, но и ускорение решения задач по обеспечению продбезопасности. В этой связи особое значение в государствах-членах ЕАЭС уделяется использованию такого связующего механизма, нацеленного на эффективное инновационное развитие селекции в контексте обеспечения прод-

безопасности, как программные документы, принимаемые как на краткосрочный, так и на долгосрочный периоды. В Республике Беларусь в качестве таковых выступают: Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021 – 2025 годы, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 01.02.21 г. № 59 [31], Государственная программа научных исследований «Сельскохозяйственные технологии и продовольственная безопасность» на 2021 – 2025 годы, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27.07.20 г. № 438 [32]; Государственная программа «Научно-инновационная деятельность Национальной академии наук Беларуси» на 2021 – 2025 годы, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22.04.21 г. № 238 [33]. Аналогичные программные и стратегические механизмы регулирования применяются для инновационного развития селекции в целях обеспечения продбезопасности в законодательстве Российской Федерации [34], Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики.

Исследование особенностей национального законодательства о селекции в государствах-членах ЕАЭС позволило прийти к следующим выводам.

1. В настоящее время в ЕАЭС с целью обеспечения продбезопасности немаловажную роль играет построение эффективного наднационального и национального правового регулирования селекции.

2. Усиление национальной продбезопасности напрямую зависит от развития селекции в государствах-членах ЕАЭС, что закреплено в основополагающих стратегических нормативных правовых актах, касающихся продбезопасности.

3. Формирующееся наднациональное законодательство о селекции в ЕАЭС вызвало необходимость совершенствования, в частности, системообразующего понятийно-категориального аппарата в национальном законодательстве о селекции государств-членов ЕАЭС (речь идет о таких понятиях, как «селекция», «геномная селекция»). Очевидно, что терминологическая точность исключает неопределенность в содержании обозначенных понятий, является залогом буквального понимания данных правовых явлений при реализации того или иного нормативного правового акта, в том числе в процессе интеграционного взаимодействия.

4. На национальном уровне государствами – членами ЕАЭС активно применяются программный и стратегический подходы в регулировании развития селекции в направлении обеспечения национальной продбезопасности.

5. В целях укрепления механизмов интеграции в области селекции в рамках ЕАЭС представляется необходимым разработать «Стратегию развития селекции ЕАЭС» в сочетании с вопросами обеспечения коллективной продбезопасности ЕАЭС, используя при разработке такой стратегии особенности, возможности и сравнительные преимущества государств – членов ЕАЭС в области селекции. Видится, что данная Стратегия должна основываться на регулируемых самими государствами-членами ЕАЭС стратегиях и программах, что послужит цели расширения масштабов осуществляемых региональных инициатив в области селекции в целях обеспечения коллективной продбезопасности ЕАЭС.

Литература

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f92000439&q_id=0 (дата обращения 09.10.2023).
2. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 8 июля 2015 г. № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза до 2020 года» / Гарант.РУ. Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71025632/> (дата обращения 09.10.2023).
3. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 05 марта 2019 г. № 7 «О развитии сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере овощеводства» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01900057&q_id=3236484 (дата обращения 09.10.2023).
4. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 11 июня 2019 г. № 16 «О развитии сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере плодоводства» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01900218&q_id=3236478 (дата обращения 09.10.2023).
5. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02 июля 2019 г. № 19 «О развитии сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере производства молока и молочной продукции» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01900246&q_id=3236488 (дата обращения 09.10.2023).
6. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 ноября 2018 г. № 26 «О развитии сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере производства мяса птицы и продукции его переработки» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01800382&q_id=3236490 (дата обращения 09.10.2023).
7. Горелько, А. В. Наднациональное правовое обеспечение сотрудничества в области селекции в контексте интеграционных процессов Евразийского экономического союза. Монография (в соавторстве), гл. 7 (С. 643–653) / Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности : коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук, проф. Д.Ю. Миропольского, д-ра экон. наук, проф. Т.А. Селищевой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2021. – 887 с.
8. Договор о Евразийском экономическом союзе / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176> (дата обращения 09.10.2023).
9. Соглашение об обращении семян сельскохозяйственных растений в рамках Евразийского экономического союза от 07 ноября 2017 года / Эталон ONLINE

[Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01700347&q_id=9025731 (дата обращения 09.10.2023).

10. Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза от 25 октября 2019 г. / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01900531&q_id=3236494 (дата обращения 09.10.2023).

11. Решение Евразийского Межправительственного Совета от 26 мая 2017 г. № 1 «О порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств-членов Евразийского экономического союза» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f91700146&q_id=3236475 (дата обращения 09.10.2023).

12. Решение Высшего Евразийского экономического совета 26 декабря 2016 г. № 23 «Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 30» / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91600470> (дата обращения 09.10.2023).

13. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 13 декабря 2016 г. № 25 «О координации совместных научной и инновационной деятельности государств-членов Евразийского экономического союза в сфере агропромышленного комплекса» / Эталон ONLINE [Электронный ресурс]. // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=f01600362&q_id=3236469 (дата обращения 09.10.2023).

14. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 декабря 2017 г. № 962 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

15. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации, 21 янв. 2020 г. № 20 // Консультант-Плюс. Россия. – М., 2023.

16. Концепция обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения / ЕЭК [Электронный ресурс]. // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/Pages/National-production-plans.aspx (дата обращения 09.10.2023).

17. Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 г. № 183 «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики» / Централизованный Банк Данных Правовой Информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202397?cl=ru-ru> (дата обращения 09.10.2023).

18. Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 г. № 66 «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских террито-

- рий» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан ИПС «Әділет». [Электронный ресурс]. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000066> (дата обращения 09.10.2023).
19. О селекции и семеноводстве сельскохозяйственных растений [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г. № 102–3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
20. О племенном деле в животноводстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 20 мая 2013 г. № 24–3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
21. О семеноводстве [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 30 декабря 2021 г. № 454-ФЗ // Консультант-Плюс. Россия. – М., 2023.
22. О племенном животноводстве [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 03 августа 1995 г. № 123–ФЗ // Консультант-Плюс. Россия. – М., 2023.
23. Закон Республики Армения от 03 октября 2022 г. № ЗР–345 «О семенах и посадочном материале» / Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=144766 (дата обращения 09.10.2023).
24. Закон Республики Армения от 28 мая 2005 г. № НО–122–N «О племенном животноводстве» / Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс]. // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=144766 (дата обращения 09.10.2023).
25. Закон Республики Казахстан от 08 февраля 2003 г. № 385 «О семеноводстве» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан ИПС «Әділет» [Электронный ресурс]. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000385> (дата обращения 09.10.2023).
26. Закон Республики Казахстан от 09 июля 1998 г. № 278 «О племенном животноводстве» / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан ИПС «Әділет» [Электронный ресурс]. // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000278> (дата обращения 09.10.2023).
27. Закон Кыргызской Республики от 19 июня 1997 г. № 38 «О семенах» / Централизованный Банк Данных Правовой Информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/538> (дата обращения 09.10.2023).
28. Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2009 г. № 133 «О племенном деле в животноводстве Кыргызской Республики» / Централизованный Банк Данных Правовой Информации Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202519?cl=ru-ru> (дата обращения 09.10.2023).
29. Мухаметжанов, А. С., Фомин О. С. Государственное регулирование развития селекции / А. С. Мухаметжанов, О. С. Фомин // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 9. – С. 143–152.
30. Шугурова И. В., Шугуров М. В. К вопросу о формировании правовых основ регионального научно-технического сотрудничества государств ЕАЭС в агропромышленной сфере // Диалог. Международное право. – № 1 (13). – 2019. – С. 62–76.

31. Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 01 февраля 2021 г. № 59 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
32. Государственная программа научных исследований «Сельскохозяйственные технологии и продовольственная безопасность» на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 июля 2020 г. № 438 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
33. Государственная программа «Научно-инновационная деятельность Национальной академии наук Беларуси» на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 апреля 2021 г. № 238 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
34. Федеральная научно-технической программа развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации, 25 августа 2017 г. № // Консультант-Плюс. Россия. – М., 2023.

6.5. Внешнеторговое сотрудничество Бурятии и Монголии: агропродовольственный аспект

Современное государство не может полноценно развиваться без активизации внешнеторговых отношений с другими странами. Сфера интересов России во внешней торговле весьма разнообразна. Однако события последних лет, связанные с ограничениями против России со стороны западных «партнеров», изменили структуру внешнеторгового сотрудничества. Россия направила свой взор в сторону Азии, где одним из привлекательных векторов торговых взаимоотношений является Монголия.

Республика Бурятия является российским регионом, который на протяжении долгих лет поддерживает всестороннее сотрудничество с Монголией. В первую очередь это связано с географическим приграничным расположением республики, во вторую – схожесть традиций и этнических культур двух народов – монголов и бурят. Сотрудничество Республики Бурятия и Монголии осуществляется на базе Соглашения между правительствами России и Монголии об экономическом и приграничном сотрудничестве, заключенного в 1999 г. Направления развития сотрудничества проявляются в экономической, социальной и культурной сферах жизнедеятельности обеих территорий [1,с.32]. При этом наибольший интерес для развития отношений, конечно, вызывает торгово-экономическое сотрудничество. На рисунке 1 представлены показатели внешней торговли Бурятии с Монголией на протяжении шести последних лет.

Согласно официальным данным можно отметить значительный рост экспорта в Монголию по всем товарным группа на начало 2022 г. по сравнению с

предыдущими годами. Торговые отношения между Бурятией и Монголией в разрезе видовой номенклатуры довольно разнообразны. Основными экспортруемыми в Монголию товарам из Бурятии являются продовольственные товары и продукция машиностроения.

Анализируя внешнеторговые отношения Бурятии, стоит заметить, что торговое сотрудничество с Монголией на протяжении последних лет только наращивало объемы экспортно-импортных операций по разным товарным группам (рис. 6.3). Так, в 2015 г. доля Монголии во внешней торговле Бурятии составляла 2,0%, а в 2019 г. – 3,9%. Доля экспорта в Монголию из республики в 2015 г. составляла 1,7%, в 2019 г. – 4,0%, доля импорта из Монголии в Бурятию составила в 2015 г. – 5,8%, в 2019 г. – 2,5% [2]. Эти данные свидетельствуют о том, что на протяжении рассматриваемого периода, Россия в лице Бурятии и Монголия не прекращали активное сотрудничество.

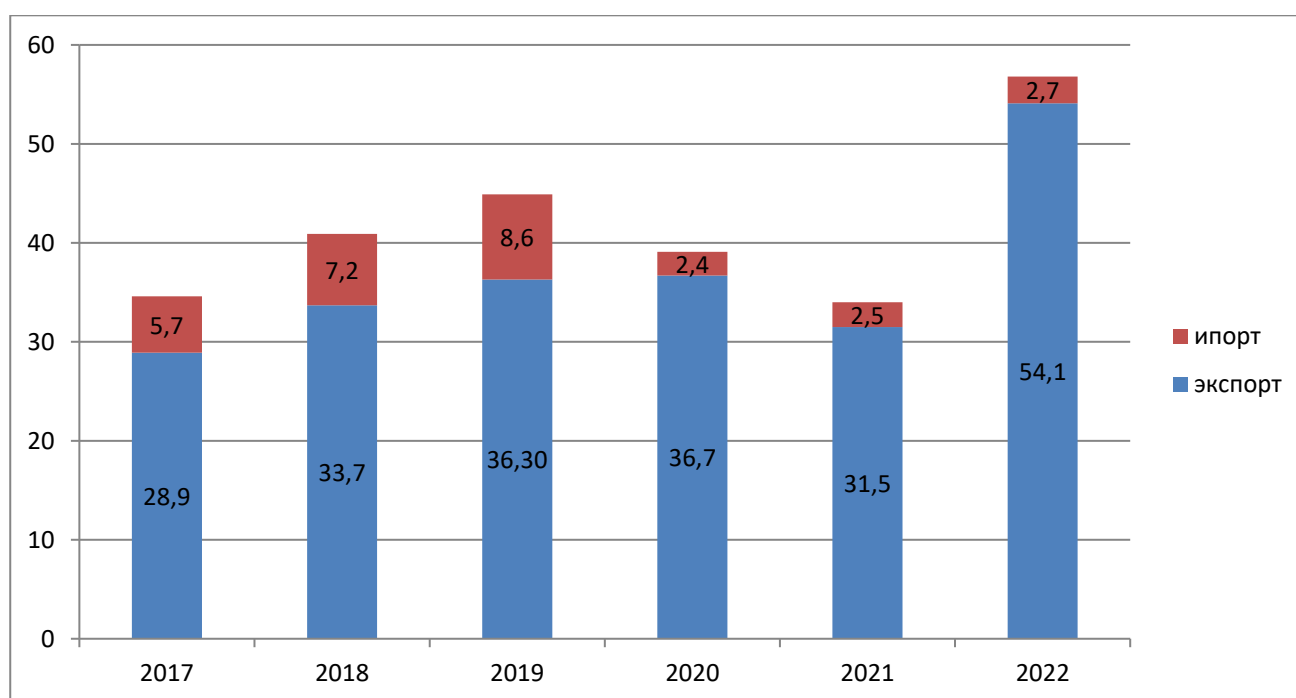

Рис. 6.3. Динамика внешней торговли Республики Бурятия с Монголией (на начало года), млн. долл. США

Составлено авторами по [2]

На начало 2022 г. экспорт Бурятии составил 1 329 007,4 тыс. долл. США, из них экспорт в Монголию – 54 103,8 тыс. долл. США. По продовольственным товарам в это же год сумма экспортного товарооборота была равна 28 206,1 тыс. долл. США. В товарной структуре доля продовольственных товаров экспортруемых в Монголию из республики составляет более 50%. И этот показатель сохраняет свое значение многие годы.

Природно-климатические условия Монголии, а также преимущественное развитие традиционной отрасли животноводства не позволяют полноценно вести сельскохозяйственную деятельность по всем ее направлениям, что пред-

определяет ограниченность производства в стране некоторых видов сельхозпродукции. Такая ситуация стимулирует к повышению объемов импорта продовольствия из других стран. И поскольку Бурятия является территориальным соседом и давним партнером страны, то и основной поток продовольственных товаров поставляется преимущественно из Бурятии.

Среди всех продовольственных товаров, вывозимых из Бурятии в Монголию наибольший объем составили молочная продукция, яйца птиц, а также пищевые продукты животного происхождения. Их доля в разрезе экспортируемых продовольственных товаров из Бурятии равна 28%. На втором месте по удельному весу экспортируемого продовольствия стоит группа мясных и пищевых мясных субпродуктов – 14,8%, на третьем месте жиры и масла животного или растительного происхождения – 12,9% [3].

По импортному товарообороту двух партнеров можно отметить значительные изменения со стороны Бурятии. В 2017 г. объем импорта из Монголии в Бурятию составлял 5,7 млн. долларов США. Рост объемов импорта можно было наблюдать до 2019 г., когда он составил 8,6 млн.долларов США. В 2020 г. показатель сократился до 2,4 млн.долларов США. Такое сокращение объемов можно обосновать ограничительными мерами вследствие распространения новой коронавирусной инфекцией. Наблюдая дальнейшее развитие импортных отношений Монголии и Бурятии можно увидеть небольшой прирост. Так, в 2021 г. объем импорта в Бурятию составил 2,4 млн.долларов США, в 2022 – 2,7 млн. долларов США.

В структуре импорта в Бурятию из Монголии наибольший удельный вес составляет одежда и принадлежности к одежде трикотажные машинного или ручного вязания. Импорт продовольственных товаров в Бурятию весьма невысок. В 2021 г. сумма импорта продовольствия составила 147,8 тыс. долларов США, что приравнивается к 5,6% в структуре всех импортных операций с Монголией.

Среди импорта продовольственных товаров наибольший объем имеет группа товаров, в которую входят масленичные семена и плоды, лекарственные растения. На начало 2022 г. показатель был равен 106,8 тыс.долларов США.

Оглядывая назад, в рамках ретроспективного анализа торговых взаимоотношений Бурятии и Монголии необходимо выделить, что на заре нового тысячелетия основной статьей импорта в Бурятию из страны–соседа были мясо и пищевые субпродукты. Например, в 2001 г. объем импортных поставок данного вида товара составлял более 14 тыс. тонн. Со временем этот показатель постепенно сокращался и в 2008 г. был равен чуть больше 3 тыс. тонн.

В начале 2000-х гг. экономика России только набирала обороты развития, в Бурятии происходили те же процессы. Многие компании агропромышленного комплекса региона имели колоссальные задолженности по заемным средствам, налаживали технологические процессы и выстраивали новые партнерские связи. Именно этот период был наиболее тяжелым для региональных предприятий АПК. В 2003–2005 гг. крупное мясоперерабатывающее предприятие Бурятии «Бурятмясопром», которое являлось основным покупателем импортной мясной

продукции из Монголии, не смогло вовремя вносить денежные средства за приобретаемую продукцию. Задолженность стала носить хронический характер, что повлияло на сокращение поставок мяса из Монголии. Все перечисленные события послужили сдерживающим фактором в развитии торговых отношений Бурятии и Монголии. Вплоть до 2017 г. можно отметить «охлаждение» отношений между странами. Экспортно-импортный интерес России и Бурятии был направлен на других партнеров.

С недавнего времени партнерские отношения двух территорий приняли новый виток. На протяжении последних лет среди стран-партнеров Бурятии, Монголия находится по объему внешнеторгового товарооборота на 6 месте. При этом важно заметить, что основной поток приходится на аграрную сферу. В Монголию экспортируется довольно разнообразная по номенклатуре товаров продовольственная продукция, производимая как в регионе, так и в России в целом [4, с. 154].

Для любой страны продовольственный вопрос является наиболее актуальным. Это связано с обеспечением продовольственной безопасности жителей государства необходимыми продуктами питания [5, с. 200]. Поэтому в случае невозможности наращивания сельхозпроизводства внутри страны, государственная власть обращается к импортному агропродовольствию.

Для увеличения объемов внешнеторговых отношений Бурятии и Монголии в области сельского хозяйства необходимо проанализировать ресурсный потенциал отрасли региона (табл. 6.4).

Таблица 6.4

Основные показатели развития сельского хозяйства Республики Бурятия

Показатели	Года						2022 г. к 2017 г., %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
1. Производство сельхозпродукции, руб.	15012,5	16213,5	16492,7	17054,4	19366,3	20457,7	136,3
2. Валовой сбор с.-х. культур:							
- зерновые и зернобобовые культуры (в весе после доработки), тыс.т.	39,2	72,0	86,5	84,4	122,3	116,7	297,7
- картофель, тыс.т.	96,5	117,3	115,0	117,4	104,4	102,6	106,3
- овощи, всего, тыс.т.	33,7	41,5	39,0	38,1	36,3	37,6	111,6
3. поголовье скота:							
- КРС, гол.	329,6	328,8	327,1	330,7	330,7	336,4	102,1

Окончание табл. 6.4

Показатели	Года						2022 г. к 2017 г., %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
- свиньи, гол.	117,3	116,2	122,7	129,5	129,5	128,3	109,4
- овцы и козы, гол.	279,6	279,7	272,7	280,0	280,0	289,9	103,7
4. Производство основных продуктов животноводства:							
- скот и птица в убойном весе, тыс.т.	63,9	61,8	37,4	38,0	42,2	70,5	110,3
- молоко, тыс.т.	154,0	134,8	121,7	110,2	100,0	91,5	59,4
- яйца, млн.шт.	79,1	82,4	86,7	94,6	94,3	93,3	117,9
Обеспеченность с.-х. организаций с.-х. машинами:							
-приходится тракторов на 1000 га пашни, шт.	1	1	1	1	1	1	100
-приходится пашни на один трактор, га	908	851	941	1123	1175	1275	140,4

Источник: составлено и рассчитано по данным [6]

На основании данных таблицы можно отметить существенный рост показателей сельского хозяйства региона на протяжении всего периода исследования. Производство продукции сельского хозяйства в регионе в 2022 г. по отношению к 2017 г. увеличилось на 36,6%. Во многом повышение показателей деятельности в отрасли региона были достигнуты благодаря активному государственному содействию посредством реализации госпрограмм по поддержке аграрного сектора страны и регионов. Необходимость в инвестиционных вложениях в модернизацию материально-технической базы сельхозорганизаций, инновационные проекты продиктована технологичной отсталостью аграрного сектора [7, с. 85]. Результаты господдержки выражаются в темпах роста по основным показателям развития сельского хозяйства региона. Так, валовой сбор зерновых и зернобобовых в 2022 г. по сравнению с 2017 г. вырос в 2,9 раза. Также можно наблюдать прирост валового сбора по картофелю (6,3%) и по овощам (16,6%).

Животноводство в Бурятии является традиционной отраслью сельского хозяйства. поголовье скота на протяжении последних лет имеет тенденцию роста. В 2022 г. по отношению к 2017 г. можно констатировать прирост голов КРС на 2,1%, свиней – на 9,4%, овец и коз – на 3,7%.

На протяжении всего рассматриваемого периода производство мяса и яиц имеет положительный тренд. Снизилось только производство молока в 2022 г. по отношению к 2017 г. на 40,6%. Сокращение объемов производства молока в регионе наблюдается на протяжении всего периода исследования. В 2017 г. производство составляло 154,0 тыс. тонн, а в 2018 г. произошло снижение на 12,5% по сравнению с предыдущим годом, в 2020 г. снижение на 9,4%, а в 2022 г. зафиксировано сокращение показателя на 8,5% по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, с каждым годом происходит сокращение темпов снижения производства. При грамотной аграрной политике можно получить более высокие значения показателя.

Для высокой результативности деятельности отрасли необходимо повышать обеспеченность сельского хозяйства сельхозмашинами. В республике за период с 2017 по 2022 г. оснащенность пашни тракторами не изменилась, а нагрузка на один трактор возросла на 40,4% соответственно.

Проведенный анализ ресурсного потенциала сельского хозяйства региона свидетельствует о том, что для наращивания оборотов внешнеторгового сотрудничества есть предпосылки. При этом необходимо учесть, что основными товарами по экспортным операциям из Бурятии в Монголию являются племенной скот, кондитерские и хлебные товары, яйца. Именно на эти виды производства необходимо обратить наибольшее внимание в рамках торговли с Монголией в аграрной сфере.

По импорту в Бурятию из Монголии наибольший приоритет отдается мясу говядины и конины. По словам министра сельского хозяйства и продовольствия РБ, основной точкой роста в сотрудничестве двух территорий будет обновление поставок мяса для перерабатывающего предприятия республики «Бурятмясопром». По данным правительства РБ в 2022 г. уже импортировано порядка 0,9 тыс. тонн мяса, а в текущем году запланировано увеличить ввоз продукции до 5 тыс. тонн. В перспективе кроме поставок на одно из крупнейших предприятий региона планируется направить поставки мяса говядины и на весь рынок мясной переработки в регионе и нарастить объемы экспорта продукции до 25 тыс. тонн [8].

Однако не стоит забывать, что в товародвижении сырья для мясной переработки из Монголии присутствуют сдерживающие факторы, одним из которых является ценовой показатель. Монгольское сырье не выдерживает ценовую конкуренцию с другими экспортерами и с отечественными товаропроизводителями. Также стоит отметить периодически возникающие на территории Монголии инфекционные заболевания животных, что в целом отражает неблагоприятную среду для российского рынка. Все это проявляется в виде ограничений на ввоз монгольского мясного сырья на территорию России для сокращения риска распространения заболеваемости [9, с. 35].

В целях расширения торгово-экономического сотрудничества, продвижения экспортного и инвестиционного потенциала, совершенствования логистических потоков между регионами России и Монголии в мае 2022 г. в г. Улан-Удэ состоялся Международный Российско-Монгольский форум «Россия-

Монголия. Партнерство в новой реальности». В мероприятиях форума приняло участие 3000 чел. – официальных и деловых кругов России и Монголии [8].

В декабре 2022 г. представитель Правительства Республик Бурятия посетили Монголию на предмет проведения переговоров по активизации внешне-экономического взаимодействия Республики Бурятия и Монголии. В рамках данного визита были проведены встречи с монгольскими инвесторами, руководителями банков, крупных промышленных, строительных и торговых организаций для проработки механизмов в сфере привлечения иностранных инвестиций, банковского обслуживания внешнеторговых контрактов, строительства и внешней торговли.

Все эти мероприятия направлены на расширение границ в части внешнеторговых отношений двух стран. Бурятия заинтересована в экспорте продукции АПК: консервных и кондитерских изделий, свинины и субпродуктов, куриных яиц, мясных деликатесов, продукции из дикоросов (облепихи, орехов) и многого другого. А также в поставках в Монголию племенного скота, лошадей, зерна, семян зерновых культур и трав.

Сегодня активно обсуждается проект АО «Сибагро» по разведению и откорму свиней на территории России и Монголии. На сегодняшний день в Монголии уже зарегистрировано дочернее общество ХХК Төвгахайн ферм. Идет формирование земельного участка для строительства свиного комплекса и кормовой базы. Проект предусматривает вложение 3,5 млрд. рублей инвестиций с созданием комплекса на 50 тыс. голов свиней и производством до 14 тыс. тонн продукции. Данный проект позволит создать 400 новых рабочих мест.

В рамках внешнеторгового сотрудничества решается вопрос ввоза в Бурятию генетического материала (семена) для увеличения поголовья и обновления генофонда аборигенного скота республики (аборигенного бурятского крупного рогатого скота, бурятских пород овец и яков) после проведения всех необходимых анализов [8].

Сегодня двусторонние отношения внешнеторгового сотрудничества Бурятии и Монголии выведены на новый уровень, направленный на стратегическое партнерство. И для дальнейшего успешного развития внешнеторговых связей в агропродовольственной сфере между территориями приоритетными направлениями можно назвать расширение поставок консервных и кондитерских изделий, свинины, субпродуктов, куриного яйца, а также дикоросов, племенного материала из Бурятии в Монголию, организацию совместных производств на территории Бурятии

Таким образом, торговые отношения Бурятии и Монголии имеют давние корни, которые сегодня принесли хорошие плоды. Развитие внешнеторговых отношений двух территорий позволяет осуществлять крупные проекты, открывающие новые возможности для малого и среднего бизнеса, а также для жителей.

Литература

1. Батунаева Э.В., Григорьева Ю.Г. Приграничное сотрудничество России и Монголии (на примере Республики Бурятия) // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – Т.2. – №1. – С.30-45.

2. Внешнеэкономическая деятельность Республики Бурятия // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. – URL: <https://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 13.05.2020).
3. Статистические данные Дальневосточного таможенного управления. – URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>(дата обращения: 16.09.2023)
4. Даваасурэн А., Алимтаа Т. Современное состояние регионального экономического сотрудничества трех стран: проблемы и пути их решения: сборник научных статей по итогам международного форума Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России. – Улан-Удэ: Изд-во:БНЦ СОРАН, 2017. – С. 151-156.
5. Найданова Э.Б. Проблема продовольственного обеспечения региона с экстремальными климатическими условиями / Экономика Дальнего Востока: новые возможности в меняющемся мире: материалы круглых столов науч.-практ. конф. — Хабаровск. — 2022. — С. 200–203.
6. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. // URL: <https://03.rosstat.gov.ru/cx> (дата обращения 09.10.2023).
7. Слепнева Л.Р., Каурова О.А., Халтаева С.Р. Ресурсный потенциал регионального АПК: закономерности и тенденции развития, эффективность использования: монография. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2022. — 208 с.
8. Портал Правительства Республики Бурятия // URL: <https://egov-buryatia.ru/>(дата обращения 07.10.2023).
9. Атанов Н. И., Намжилова Б.Э. Российско-монгольское сотрудничество в спектре приграничных взаимодействий // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – № 1. – С. 27–40.

6.6. Финансовый центр ЕАЭС как драйвер развития экономики Евразийского пространства

Целями создания общего финансового рынка ЕАЭС являются формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках Союза [1], доступность качества набора услуг для компаний и граждан. Однако отсутствует цель по дальнейшему целенаправленному вложению финансового капитала в реальное производство. В перспективе, для развития более эффективного взаимодействия экономик стран ЕАЭС и функционирования общего финансового рынка необходимо будет избыток капитала инвестировать в реальное производство. Это будет способствовать экономическому росту стран ЕАЭС и противодействию санкциям. Данному процессу может содействовать не только гармонизация законодательства и Концепция формирования общего финансового рынка стран ЕАЭС [2], но необходимо также создать финансовый институт, позволяющий интегрировать не только финансовый капитал, но и стимулировать инвестиции этого капитала в реальную экономику.

Для дальнейшего развития ЕАЭС нужно, чтобы внутренняя экономика ЕАЭС была более привлекательна для стран ЕАЭС, чем экономика других стран [3, с. 22].

Особенностью экономической интеграции стран ЕАЭС является то, что по большинству экономических показателей Россия является лидером среди стран ЕАЭС [4], по своим масштабам экономика России доминирует по отношению к

экономикам стран ЕАЭС [3, с. 23]. Показатели финансового сектора (табл. 6.5) характеризуют неравномерное развитие банков, страховых организаций и фондового рынка стран-участниц ЕАЭС.

Таблица 6.5

Показатели состояния финансового сектора стран ЕАЭС в 2022 году

Показатели	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Активы банков, млрд. долл. США	21,3	38,3	96,7	5,6	1912,4
Активы страховых организаций, млн. долл. США	171	2308	4488	80	68134
Объемы торгов на фондовом рынке, млн. долл. США	351,1	4834,1	173199,4	212	194501

Источник: [5].

Приведенные показатели состояния финансового сектора позволяют сделать вывод, что Россия доминирует. Так, размер активов банков у России в 20 раз превышает показатель Казахстана, который находится следующим за ней в рейтинге. Активы страховых организаций и объемы торгов на фондовом рынке тоже существенно выше остальных стран-участниц ЕАЭС. Выявленная тенденция лидирующего положения России задает высокую планку для дальнейшего экономического и интеграционного взаимодействия стран ЕАЭС.

По данным Евразийского Банка Развития на первый квартал 2023 года активы банковской системы в млрд долл. США составили 21,3 в Армении, 38,2 в Беларуси, 84,0 в Казахстане, 5,9 в Кыргызстане, 1835,1 в России [6]. Снижение активов банковской системы наблюдается в Казахстане, в России и в Беларуси, увеличение в Кыргызстане. В Армении показатель не изменен (на 01 января 2023 года).

Введенные санкции США и ЕСи последовавший за ним кризис 2014 года оказали влияние на финансовый рынок стран ЕАЭС: снизились темпы роста ВВП и произошла девальвация национальных валют [7].

Инвестиции способствуют экономическому росту страны [8], за счет реализации инвестиционных проектов происходит внедрение инновационных технологий. Для создания благоприятной инвестиционной среды в странах ЕАЭС необходимо предпринять следующие меры: унификация законодательства, создание единой институциональной среды, создание финансового центра ЕАЭС, создание благоприятного инвестиционного климата.

Инвестиционный климат включает в себя инвестиционный потенциал страны, то есть ее возможности. Инвестиционная привлекательность стран ЕАЭС существенно различается, о чем свидетельствует анализ данных о чи-

стой международной инвестиционной позиции по странам ЕАЭС (табл. 6.6). Данный показатель отражает разницу между внешними финансовыми активами и обязательствами страны [9], он показывает взаимоотношения страны с остальным миром.

Таблица 6.6

Чистая международная инвестиционная позиция по странам ЕАЭС
(млн долл. США)

Страна/год	2019	2020	2021	2022
Армения	-9 710,9	-10 280,1	-11 003,7	-11 217,2
Беларусь	-31 674,1	-29 763,2	-27 586,5	-24 139,7
Казахстан	-66 034,4	-71 980,3	-77 052,5	-61 741,4
Кыргызстан	-7 512,6	-6 648,2	-7 326,6	-7 775,5
Россия	359 494,4	516 731,2	484 992,7	768 201,0

Источник: составлено автором по: [10].

Россия является единственной страной-участницей ЕАЭС с положительным значением чистой международной инвестиционной позиции. Для стран с отрицательным значением это означает, что у иностранного государства имеется большая часть активов страны, а именно, что страна является «должником» по отношению к этим странам. Россия же является кредитором.

Аспекты внешней среды (факторы), которые влияют на образование финансового центра стран ЕАЭС сгруппированы в форме PEST-анализа, представленного на рис. 6.4.

Для объединения финансового рынка стран ЕАЭС необходим институт, содействующий интеграции финансового капитала и реального сектора экономики в странах ЕАЭС. Это может предотвратить в дальнейшем экономический кризис, поддержать макроэкономическую стабильность и стать двигателем экономического роста стран ЕАЭС. Таким институтом должен стать финансовый центр ЕАЭС (сокращенно ФЦ ЕАЭС), в котором будет происходить не только концентрация финансового капитала, инвестиций, но и дальнейшее распределение финансовых ресурсов на нужды реального сектора экономики.

Вопрос создания финансового центра ЕАЭС рассматривался специалистами и ранее, но без учета ряда аспектов. В частности, предлагалось создание финансового центра ЕАЭС, в основе которого должна была лежать финансовая система Российской Федерации. Предполагалось, что такой финансовый центр мог бы стать базой для экономического влияния России на другие страны [11]. Однако в этой модели не рассматривается реальный сектор, его взаимосвязь с финансовым рынком, возможность развития реального сектора на основе взаимодействия с финансовым центром, когда последний становится инструментом привлечения средств для последующего инвестирования в реальный сектор.

Политические	Экономические
<ul style="list-style-type: none"> - политические санкции по отношению к России; - вхождение России в ЕАЭС; - распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 № 6 «О Разработке концепции формирования общего финансового рынка ЕАЭС» 	<ul style="list-style-type: none"> - нестабильность чистой международной инвестиционной позиции по странам ЕАЭС; - изменение курса рубля; - единая таможенная территория; - увеличение уровня инфляции; - сокращение уровня безработицы в ЕАЭС
Социальные	Технологические
<ul style="list-style-type: none"> - трудоспособность и производительность населения; - демографический потенциал; - численность постоянного населения; - уровень образованности, квалификация кадров; - языковое многообразие; - развитие отрасли здравоохранения 	<ul style="list-style-type: none"> - новые технологии, инновации, финтех; - повышение технологической безопасности; - отставание стран ЕАЭС в переходе к шестому технологическому укладу

Рис. 6.4. PEST-анализ влияния факторов на создание финансового центра стран ЕАЭС

Угрозы внешней среды, вызванные политической нестабильностью и санкциями по отношению к России, положительно влияют на образование финансового центра ЕАЭС, потому что финансовый центр интеграционного объединения может защитить экономики стран за счет объединенной институциональной среды, включающей в себя и унификацию законодательства стран ЕАЭС в области формирования общего финансового рынка и движению товаров, услуг и финансового капитала.

Влияние новых технологий на финансовый рынок носит противоречивый характер. Противоречие состоит в том, что с одной стороны необходимо развивать инновации для более быстрого перехода стран ЕАЭС к шестому технологическому укладу, а с другой стороны, инновации финтех-отрасли, увеличивая скорость движения и объемы финансового капитала, способствуют обособлению финансового рынка и отдалению его от реального сектора экономики. Если страны ЕАЭС будут развивать технологии и инновации, то будут созданы более тесные связи между странами на основе образования новых рынков и в области логистики, торговли [12].

Таким образом все вышеперечисленные факторы внешней среды являются не проблемами, а возможностями дальнейшего сотрудничества экономик стран ЕАЭС.

Формирование общего финансового рынка в границах ЕАЭС должно быть направлено на обеспечение развития экономики и повышение стабильно-

сти финансовой системы стран ЕАЭС необходимо для финансовой интеграции, повышения конкурентоспособности экономик стран ЕАЭС. Финансовый рынок играет одну из ключевых ролей в национальной экономике, выполняя перераспределительную функцию и способствуя ее развитию за счет перенаправления в нее денежного капитала [13].

В финансовом центре ЕАЭС инвестиции финансового капитала будут направляться в реальный сектор на развитие перспективных отраслей экономики страны-участника ЕАЭС.

Новый институт финансового рынка – ФЦ ЕАЭС, способствуя интеграции экономик стран ЕАЭС, а также интеграции финансового и реального секторов экономики, позволит предотвратить негативное влияние санкций на российскую экономику.

Прямые инвестиции оказывают воздействие на процесс управления предприятием благодаря участию в капитале предприятия. По данным Евразийской экономической комиссии прямые инвестиции в Россию составляли в 2021 году 40450,0 млн. долл. США. Однако в 2022 году произошел отток уже полученных инвестиций в размере 40043,5 млн. долл. США [14].

Потоки взаимных инвестиций в динамическом ряду по сравнению с 2021 г. увеличились в 2022 г. в Армению, Беларусь и Кыргызстан. Армения увеличила объем прямых инвестиций за рубеж в 2 раза (в 2021 г. было 24,6 млн. долл. США, а в 2022 г. 49,7 млн долл. США).

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) имеют значение для экономики страны. Прямые иностранные инвестиции в Россию сократились с 39 млрд долл. в 2021 до минус 19 млрд долларов в 2022 г., потому что крупные иностранные компании уходят из страны из-за введенных Западом санкций. Отрицательное значение инвестиций связано с возвратом (репатриацией) иностранными компаниями своих инвестиций [15].

В 2023 г. в России произошло увеличение ключевой ставки до 13%. Повышение ставки негативно влияет на развитие реального сектора экономики, а закрытие доступа к финансовым рынкам многих развитых стран может привести к образованию инвестиционного кризиса, а впоследствии и к экономическому кризису [16]. Поэтому актуальной задачей по-прежнему является объединение финансового рынка стран ЕАЭС.

Создание финансового центра ЕАЭС должно преследовать определенные цели, связанные с созданием общей институциональной среды. В частности, следование общим социальным, юридическим, политическим правилам как составляющим институциональной среды позволит обеспечить функционирование общего финансового рынка ЕАЭС, в том числе с помощью введения в деятельность финансового центра ЕАЭС, в котором будет происходить интеграция реального сектора экономики и реального капитала. Введение финансового центра ЕАЭС может позволить странам ЕАЭС противостоять долларовой гегемонии и влиянию санкций на экономику. Так как институциональная среда является базисом для обмена и распределения, то финансовый центр как раз обеспечивает эти процессы.

Инфраструктурными организациями финансового рынка стран ЕАЭС являются: биржи, центральные депозитарии, центральный контрагент. С одной стороны, санкции служат ограничительной мерой для банков и бирж, а с другой – введение санкций может подтолкнуть к развитию собственной системы передачи банковской информации (аналог SWIFT –СПФС). Таким образом, санкции и нестабильность, меняя институциональную среду или ограничивая доступ национальной экономики к международным финансовым институтам, могут способствовать развитию и совершенствованию национальных или региональных финансовых институтов. Соответственно формирование финансового суверенитета России и государств ЕАЭС возможно только на основе создания собственных региональных финансовых институтов и финансовых центров этой организации.

ФЦ ЕАЭС поможет сократить противоречия финансового и реального секторов экономики. Концентрация финансового капитала в ЕАЭС в финансовом центре ЕАЭС необходима для того, чтобы поддержать реальное производство, а также для ускорения торговли между странами ЕАЭС. В условиях санкций 2022 года встал вопрос по импортозамещению, так как многие компании прекратили свою деятельность. Для того, чтобы решить данный вопрос необходима целенаправленная координация финансового капитала и направление его в нуждающиеся отрасли реального сектора.

Финансовый центр ЕАЭС поможет странам – участницам ЕАЭС не только поддержать деловые связи в рамках реального сектора экономики, но и ускорить развитие финансового рынка.

Развитие экономики стран ЕАЭС связано в том числе и с формированием единого финансового рынка, но в каждой стране есть свои противоречия в изменениях показателей экономики, экономическом развитии в целом. Несомненно, общий финансовый рынок позволит привлечь инвестиции в страны ЕАЭС, сформировать единое экономическое пространство и повысить роль и значение ЕАЭС в мировой экономике. Однако, нынешняя экономическая и политическая ситуация в мире отделяет Россию от процессов мировой экономики. А так как Россия является одним из лидеров стран ЕАЭС по показателям развития финансового рынка, то необходимо оградить ее от влияния гегемонии доллара и Западных санкций. Одним из условий благоприятного функционирования не только финансового, но и реального секторов экономик ЕАЭС может стать финансовый центр ЕАЭС как объединение финансового капитала и реального сектора экономики. Это обеспечит противодействие западным санкциям, будет способствовать предотвращению кризисных явлений в экономике и формированию потенциала экономического роста в странах ЕАЭС.

Литература

1. О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 года № 20 / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан

- [Электронный ресурс]. // URL:<https://adilet.zan.kz/rus/docs/H19B0000020#:~:text=%> (дата обращения 03.09.2023).
2. Решение Высшего совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20 «О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза» / Альта софт. Таможенный портал для участников ВЭД. [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19vr0020/> (дата обращения 02.09.2023).
  3. Миропольский Д. Ю. Евразийская политическая экономия и инновационное развитие ЕАЭС // Проблемы современной экономики. – 2017. – №. 4 (64). – С. 22-24.
  4. Дубина А. Ш. ЕАЭС как драйвер интеграции на постсоветском пространстве // Власть. – 2021. – №. 6. – С. 178-182.
  5. Финансовые организации в Евразийском экономическом союзе 2022: статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. 2023. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_3/finstat_3_2022.pdf (дата обращения: 16.08.2023).
  6. Макроэкономический обзор ЕАБР Август 2023 / Евразийский Банк Развития [Электронный ресурс]. // URL: <https://eabr.org/analytics/monthly-review/makroekonomicheskij-obzor-eabr-avgust-2023/> (дата обращения 09.09.2023).
  7. Блохина Т. К., Савенкова Е. В., Басов Я. И. Потенциал развития единого финансового рынка Евразийского экономического союза // Вестник евразийской науки. – 2018. – Т. 10. – №. 4 [Электронный ресурс]. // URL:<https://esj.today/PDF/28ECVN418.pdf>(дата обращения 09.09.2023).
  8. Епихина И. А. Инвестиционный климат государств-членов ЕАЭС // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 4-1. – С. 133-138.
  9. Колесникова Л. В. Международная инвестиционная позиция РФ в обеспечении экономического роста // Экономика и социум. – 2021. – №. 11-2 (90). – С. 56-60.
  10. Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг / Евразийская экономическая позиция [Электронный ресурс]. // URL:http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/balance.aspx – Международная инвестиционная позиция (Дата обращения 18.08.2023).
  11. Логинов Е. Л. Финансовая система ЕАЭС: перспективная структура союзной финансово-экономической интеграции в условиях критической неравновесности мировых финансовых рынков: монография / Е. Л. Логинов, А. А. Шкута. – М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2019.– 155 с.
  12. Технологическая безопасность ЕАЭС находится в зоне критического риска. – 09.11.2022 [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.mk.kg/economics/2022/11/09/tekhnologicheskaya-bezopasnost-eaes-nakhoditsya-v-zone-kriticheskogo-riska.html> (дата обращения 09.09.2023)
  13. Тарарышкина Л. И. Формирование общего финансового рынка как важный шаг финансовой интеграции в ЕАЭС // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – №. 16-2. – С. 130-132.
  14. Взаимные инвестиции государств-членов ЕАЭС. Экспресс-информация. – 10 июля 2023 года [Электронный ресурс]. // URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/mutual_investments/express_mi_4Q2022.pdf (дата обращения 09.09.2023)
  15. ЮНКТАД оценила падение прямых иностранных инвестиций в России. – 5 июля 2023 года [Электронный ресурс]. // URL: https://1prime.ru/state_regulation/20230705/841009974.html (дата обращения 09.09.2023)
  16. Власова О. В. Инвестиционный кризис как причина стагнации экономики России в условиях санкций // Вестник НГИЭИ. – 2019. – №. 5 (96). – С. 86-94.

6.7. Пространственная трансформация внешнеторговых связей евразийского региона в XXI веке

Введённая в действие в марте 2023 г. новая концепция внешней политики Российской Федерации (далее – Концепция) отображает современные реалии положения страны в контексте очередного этапа переустройства мирового порядка. В начале XXI в. продолжились глубокие изменения в расстановке сил на глобальной политической арене и в системе мирового хозяйства. Блок «западных» держав и ориентированные на его поддержку прочие развитые страны получили временные геополитические и геоэкономические преимущества, которые они рассчитывали сохранить на ближайшие десятилетия. Вместе с тем усилившаяся неравномерность развития мирового сообщества выдвинула на передовые рубежи новых активных участников политических и экономических процессов, заинтересованных укрепить свои международные позиции, преодолеть сковывавшие развитие рамки предлагаемого однополярного мира.

Процессы реформирования мироустройства стали в повестку дня после разрушения «двухполярной» системы. Разрушение системной целостности постсоветского пространства явилось одним из наиболее заметных явлений общей картины мироустройства 1990-х годов и на время приоткрыло дорогу реализации однополярной модели. Однако сохранение и даже некоторое укрепление «западного» полюса не стало долговременной доминирующей тенденцией мирового развития. Мир вступил в эпоху неустойчивого, кризисного, неравномерного развития, обусловленного с одной стороны неуступчивой консервативной позицией коллективного Запада, с другой – возросшей экономической и политической активностью государств, ранее не претендовавших на роль акторов мирового и/или макрорегионального уровней.

Как отмечается в Концепции (раздел 12) закономерным ответом на кризис мироустройства было укрепление сотрудничества между государствами, озабоченных сохраняющимся неравноправием в отношениях с развитыми государствами, подвергающимися внешнему давлению [1]. Активизировалось формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнёрств для решения общих проблем. Одной из таких проблем рассматривается сохраняющееся «де-факто» в международных отношениях неравноправие, с одной стороны, развитых капиталистических стран и их сателлитов, с другой – весьма разнородного сообщества бывших колоний, зависимых, а также значительной части в прошлом социалистических государств.

Особую заинтересованность в формировании нового порядка международных отношений, в целом хорошо отвечающего концепции полицентрического – «многополярного мира», проявляют крупные среднеразвитые страны, достигшие по абсолютным показателям своего развития уровней, характерных для ведущих капиталистических стран, располагающие влиянием и пользующиеся авторитетом на региональном и мировом уровнях. В отношениях со странами развитого капитализма крупные среднеразвитые государства по

прежнему не равноправны, рассматриваются как объекты внешнеэкономического и политического влияния и иногда по инерции упоминаются как страны «третьего мира». Усиливающаяся межстрановая и, в более общем плане, межкультурная конкуренция, стремление быстро растущих новых стран-лидеров занять достойное место в системах международных отношений подпитывают тенденцию формирования многополярного мира.

Проблемы перехода к качественно новому этапу общественного развития являются предметом возрастающего внимания большинства стран мира. Так, по мнению видного индийского общественного деятеля Далбира Сингха, участника Глобального форума по многополярности (2023 г.), новый миропорядок не может быть основан только на балансе сил; он также должен быть построен на фундаменте этнокультурного разнообразия и взаимопонимания. Диалог цивилизаций имеет решающее значение в обеспечении взаимопонимания между различными культурами, этносами. Многополярность открывает возможность для создания более диверсифицированной и сбалансированной экономической системы, в отличие от экономического порядка, в котором в настоящее время доминируют несколько западных держав. Таким образом, формирование в этом направлении будущего мироустройства рассматривается как системный многомерный, взаимозависимый процесс [2].

В последние десятилетия, по существу, происходило накопление количественных межгосударственных диспропорций в парадигме неравномерности развития мирового рыночного хозяйства, которое не могло не привести к перестройке глобальных экономической и политической систем на качественном уровне. Сложившееся после распада СССР видимое доминирование в международных отношениях США и коллективного Запада стало быстро «подтачиваться» ускоренным ростом численности населения и экономического потенциала стран «третьего мира». «Старая» иерархия стран мирового капитализма стала всё чаще нарушаться вторжением укрепивших свои позиции государств полупериферии. Не получая в старой системе достойного места и справедливо усматривая в ней тормоз национального развития, страны полупериферии и периферии приступили к формированию собственных региональных интеграционных структур, сообществ, призванных целенаправленно разрешать проблемы развития и совместными усилиями в какой-то мере балансировать влияние Запада. Стали формироваться макрорегиональные системы интегрирующихся государств с собственными отношениями сотрудничества и соподчинения.

Приходится, однако, учитывать, что степень организованности, консолидированности того, что именуется «коллективный Запад», гораздо выше, чем его предполагаемого антипода – «коллективного Востока». Развитые капиталистические страны всё ещё располагают достаточным арсеналом средств, позволяющим сохранять прежний характер мироустройства, тормозить формирование и раскалывать нежелательные макрорегиональные группировки. При острой необходимости уровень консолидации Запада может быть доведён до мегарегионального – субглобального. В этом отношении Восток выглядит гораздо более разнородным, фрагментированным, неподготовленным к совмест-

ным чётко скоординированным действиям. Отсутствие здесь сложившейся и де-факто признаваемой межстрановой иерархии, осознания общности и приоритетности стратегических интересов, скоординированности действий – не единственные, но весомые проблемы реализации модели «многополярности».

Дифференциация и сопровождающее её противостояние формируются и в более широком пространственном и типологическом планах между условными блоками государств «Востока» и «Запада», «Юга» и «Севера», «демократических» и «авторитарных» и т.д. Некоторые макрорегиональные группировки (в том числе выделяемые по цивилизационному признаку и обладающие относительной компактностью занимаемой в глобальном пространстве территории) по определённым оценочным характеристикам социально-экономического развития типологически могут занимать «промежуточное» положение в поляризующемся мире (Латинская Америка) или иметь исторически сложившийся гетерогенный, «разнополярный» состав входящих стран (Восточная Азия). Особенность Евразийского макрорегиона, сформировавшегося после распада СССР, – его усиливающийся в целом «дрейф» в осознании своих долговременных интересов и перспективных союзников в сторону мегарегионов «Востока» и «Юга». Не случайно наибольшую интеграционную активность государства Евразии проявляют в отношении с представителями именно этих мегарегионов (ЕАЭС, БРИКС, ШОС и т.д.). Другой современной чертой Евразийского макрорегиона являются глубоко и болезненно прорезавшие его пространство линии межкультурных «разломов», не позволяющие пока говорить о достаточной степени зрелости, устойчивости и пространственной определённости этого образования.

Россия была и остается сторонником многополярного мироустройства, «основанного на приоритете норм и принципов международного права, суверенитета и равенства государств, созидательном сотрудничестве и доверии» [3]. В рамках данного подхода имеется возможность избежать абсолютизации авторитета развитых капиталистических стран в интерпретации общих норм и «правил» международных отношений. Расширяется свобода действий, выбора путей развития очень большой группы государств. Более «естественный», не отягчённый наследием прошлого, характер приобретают процессы межгосударственной интеграции и регионализации, международные отношения. В отечественной публицистике модель многополярного мира для большей части народов и стран на ближайшие несколько лет представляется весьма привлекательной. Она формирует иллюзию возможности компромисса – обеспечения плюсов сохранения самобытности, права выбора и отказа от минусов праволиберального глобального мироустройства, связанного с унификацией и вестернизацией [4].

Вместе с тем спонтанная поляризация и возникающая на этой основе многополярность, не гарантируют миру стабильность, ведут к усилению конфликтности и хаотизации развития. Должны появиться организующие силы, то есть государства или союзы государств (в отсутствии «мирового правительства»), которые возьмут на себя координирующие и/или управленческие функ-

ции. Другие страны будут вынуждены соизмерять свои действия с позицией макрорегионального лидера [5]. По большому счёту в очередной раз речь идет о разделе мира на зоны влияния, утверждении макрорегиональных центров притяжения, «новой регионализации». Возникает риск скатывания к «новой феодализации» мирового сообщества. Ожидается резкое усиление конкурентной борьбы за «передел» рыночного пространства. В дальнейшем возможно силовое укрупнение макрорегионов мира до уровня панрегионов, что воспринимается в обществе в качестве неблагоприятного и внушающего тревогу сценария. От того насколько будут верно определены ориентиры, внутреннее содержание процессов нового этапа мироустройства будет зависеть итоговый результат и сама возможность перехода к «многополярной» модели.

В качестве возможной и по ряду свойств предпочтительной основы «многополярной» модели может быть принята схема культурно-цивилизационных макрорегионов мира. Рассматриваемая форма пространственной организации общества позволяет учесть и отразить фундаментальные основы и особенности материальной и духовной жизни людей, институтов управления. Расширенное понимание цивилизации прослеживается у современных отечественных исследователей. В частности, Ю.В. Яковец рассматривает цивилизацию как качественно новый этап в истории общества, характеризующийся определённым уровнем развития самого человека, технологической и экономической базы общества, социально-политических отношений и духовного мира [6].

Продвижение концепции «многополярного мира» нуждается в дополнительном экономическом обосновании. Имеющиеся оценки и прогнозы её актуальности и перспективности исходят из оценок преимущественно тактического внешнеполитического и военно-политического характера. Экономические предпосылки смены парадигмы мирового развития проработаны недостаточно. Есть свидетельства того, что мировое развитие в последние десятилетия развивалось поступательно и весьма успешно в рамках рыночной модели экономики в условиях преимущественно однополярного устройства (1990-е гг.). Существовавшая к началу XXI в. «модель» рыночной экономики, возможно, не исчерпала себя. Имевшие место в последние полтора десятилетия «сбои» в её развитии вполне преодолимы.

В долгосрочной перспективе исход противоборства двух концепций – однополярного и многополярного миров будет определяться преимущественно способностью государств и их группировок (в т.ч. – культурно-цивилизационных), представляющих то или иное направление развития, генерировать и эффективно применять «мягкую» силу. Требуется совершенствовать соответствующий оценочный инструментарий.

В качестве примера исследования изменений экономической взаимосвязанности ведущих государств, их потенциальных «лидерских» свойств на макрорегиональном уровне рассмотрена обстановка во внешнеэкономической сфере Евразии. Регион выделен с использованием цивилизационного подхода. Рассмотрено положение Евразии в определяющей проекции «мягкой» силы – внешнеторговой деятельности. Период наблюдений охватывал 2000-2021 гг., в

пределах которого расчёты проводились в рамках временных интервалов 2000-2008 гг. (время быстрого развития процессов глобализации и успешного восстановления экономик стран после «провала» 1990-х гг.), 2009-2018 гг. (кризисный и восстановительный период в экономике) и 2019-2021 гг. (вхождение в новый кризисный этап развития).

Географически макрорегион Евразии определялся как совокупность бывших республик СССР за исключением нынешних стран Балтии. Внутри макрорегиона были выделены группы наиболее крупных и влиятельных с позиций объёмов экономики «стран-ядер» (аккумулировавших суммарно не менее 80% производимого макрорегионом ВВП (по ППС)) – основные объекты исследования. Хозяйственная целостность, устойчивость развития макрорегионов рассматривалась как функция степени вовлечённости этих стран во внутрирегиональные торговые отношения. В составе Евразии рассматриваемым критериям удовлетворяли 3 страны – Россия, Украина и Казахстан, на которые приходилось в 2021 г. 85,4% производства ВВП макрорегиона. Исторически сложилась высокая степень консолидации (моноцентричности) Евразийского экономического пространства под эгидой России. Наблюдалось абсолютное доминирование последней в рассматриваемый период 2000-2021 гг. по основным объёмным показателям экономического развития. Совокупная доля 3-х ведущих стран в производстве ВВП тем временем уменьшилась за счёт более быстрого в последнее десятилетие развития Азербайджана и республик Центральной Азии с 86 до 85%. В регионе наблюдалось нарастание центробежных тенденций в отношениях между странами-лидерами, с 2014 г. этот процесс принял более острый и опасный характер.

В таблице 6.7 приведены результаты оценки объёмов и направленности внешнеторговой деятельности стран макрорегиона. Наблюдалась тенденция постепенного, но последовательного снижения удельного веса трех ведущих стран в структуре внутрирегионального товарооборота (падение с 87 до 82,9%). В мировом масштабе в первый период 2000–2008 гг. происходил мощный, более чем двухкратный, подъём доли рассматриваемых государств, затем последовал значительный «откат», с последующей стабилизацией показателя на уровне 2,4% к 2021 г. Динамика индикатора по всем ведущим странам региона была сходной и демонстрировала высокую уязвимость внешней торговли от складывающейся мировой конъюнктуры прежде всего на сырьевые товары.

Для выявления степени «подготовленности» стран-лидеров к выполнению ответственных функций по управлению (координации) хозяйственной деятельности макрорегионов в период предполагаемого перехода к «многополярному» миру целесообразно выявить насколько эти ведущие государства ориентированы во внешней торговле на страны «своего» макрорегиона. В таблице 6.7 рассматривается динамика доли внутрирегиональной составляющей внешней торговли ведущих стран Евразийского макрорегиона. Данный индикатор позволяет оценить в какой степени ведущие страны ориентированы на обслуживание местного макрорегионального рынка, а также определить насколько значима в совокупном внешнеторговом обороте стран макрорегиона суммарная доля государств-лидеров.

Таблица 6.7

Характеристики международного товарооборота отдельных стран Евразии
в 2000-2021 гг. (в %)

Показатель	Доля отдельных стран (регионов) в мировом товарообороте, %			
	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Евразия	1,78	3,79	2,75	2,85
- Казахстан	0,11	0,29	0,23	0,24
- Россия	1,22	2,44	1,77	1,79
- Украина	0,22	0,54	0,29	0,33
Доля 3-х стран в товарообороте макрорегиона	86,97	86,12	83,48	82,85
Доля 3-х стран в мировом това- рообороте	1,55	3,26	2,29	2,36
	Доля внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегиона в их внешнем товарообороте, %			
- Казахстан	38,63	28,58	27,83	29,38
- Россия	19,23	14,51	11,90	12,52
- Украина	43,01	37,95	19,78	14,80
Доля внутрирегионального то- варооборота 3-х стран в общем товарообороте макрорегиона, %	20,87	16,88	12,12	12,06
Доля внутрирегионального то- варооборота 3-х стран в общем мировом товарообороте, %	0,37	0,64	0,33	0,34

Рассчитано по [7, 8]

Доля внутрирегионального товарооборота трех ведущих стран Евразии в её общем товарообороте за рассматриваемый период непрерывно и очень заметно уменьшалась с 20,9 до 12,1%, что объективно свидетельствовало о снижении возможностей контроля этих стран за макрорегиональным рынком и активном формировании новых торговых связей, выходящих за его пределы. На страновом уровне по прежнему повышенной внутрирегиональной ориентацией торговли отличался Казахстан (29% в 2021 г.), пониженной – Россия (менее 13%). По всем ведущим странам в 2000-2021 гг. показатель непрерывно падал. Исключение составлял небольшой период 2018-2021 гг., когда на волне «постковидного» восстановления экономик этот индикатор немного повысился в России и Казахстане.

Относительную интенсивность развития развития сферы внешнеэкономических связей можно оценить с помощью показателя совокупной внешнеторговой квоты стран отдельных макрорегионов (табл. 6.8). Видно, что в Евразии в целом после заметного подъёма в 2000-2008 гг. квоты с 57 до 77% последовал

столь же глубокий спад с дальнейшей стабилизацией значения показателя (59% к 2021 г.). По группе ведущих стран региона спад оказался ещё более значительным – до 57% в 2021 г.: возвращения уровня цен 2008 г. на основные экспортные товары не произошло. Для сравнения можно привести обобщённые данные аналогичных расчётов по 35 ведущим государствам – предполагаемым лидерам 11 цивилизационных регионов мира, аккумулировавшим не менее 60% ВВП (ППС) возглавляемых ими макрорегионов. Видно, что при заметно более высоком общем уровне внешнеторговой квоты (82,7% в 2021 г.) существенных конъюнктурных колебаний не наблюдалось. Вместе с тем прослеживалось постепенное снижение удельного веса в мире стран – макрорегиональных лидеров, что означало некоторое ослабление их активности во внешнеэкономической сфере и свидетельствовало о нарастающем вовлечении в международную торговлю малых и средних государств соответствующих регионов. С другой стороны, относительное ограничение внешнеторговой деятельности может рассматриваться как следствие падения удельного веса ведущих стран в мировом хозяйстве, их стремление сосредоточиться на контроле за собственным рынком и рынками соседних стран, что объективно подпитывало процессы регионализации.

Таблица 6.8

Внешнеторговая квота и иностранная составляющая экспорта
добавленной стоимости стран макрорегиона Евразии, %

Показатель	2000 г.	2008 г.	2018 г.	2021 г.
Внешнеторговая квота 3 стран Евразии, %	57,7	76,1	56,8	57,1
Внешнеторговая квота всех стран Евразии, %	57,0	77,2	58,6	59,4
Внешнеторговая квота 35 ведущих стран мира, %	85,2	83,4	83,8	82,7
	Доля иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости ведущих стран региона, %		Доля взаимной иностранной составляющей экспорта добавленной стоимости ведущих стран региона в экспорте добавленной стоимости ведущих стран региона, %	
	2000 г.	2021 г.	2000 г.	2021 г.
Евразия (3 страны)	32,93	33,78	2,11	3,35
Западная Европа (4 страны)	27,88	29,69	8,38	6,48
Восточная Азия (3 страны)	24,17	27,70	3,85	3,20
Мир (35 стран)	25,81	28,21	5,42	3,44

Рассчитано по [7–10]

Представление о том, насколько глубоко страны и регионы оказались вовлечёнными в процессе экономической глобализации в цепочки международных поставок дают современные исследования нескольких международных организаций, среди которых наиболее полным охватом стран (190) выделяется UNCTAD [10]. На основе результатов анализа данных по экспортным поставкам добавленной стоимости ведущих стран исследуемого нами макрорегиона можно сделать вывод о продолжавшемся (по крайней мере до 2020 г.) процессе углубления международной товарной кооперации, затронувшем практически все макрорегионы мира. По 3 странам Евразии участие иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости выросло с 32,9 до 33,8%. На уровне 35 ведущих государств мирового сообщества произошло более ощутимое относительное увеличение показателя с 25,8 до 28,2%. Для сравнения в таблице 2 приведены данные по макрорегионам – основным торговым партнёрам Евразии – Западной Европе («старые» капиталистические страны) и Восточной Азии. Интересно отметить, что страны Евразии, специализировавшиеся на вывозе преимущественно местной сырьевой продукции, имели по оценкам UNCTAD удельный вес иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости, превышавший аналогичные по группе тесно скооперированных между собой «несырьевых» государств Западной Европы, а также Восточной Азии.

Дополнительно нами были определены доли взаимного по группам ведущих стран суммарного экспорта добавленной стоимости в общем экспорте добавленной стоимости этих же стран. Здесь результаты далеко не столь однозначно свидетельствовали о консолидации торговой деятельности внутри макрорегионов. Скорее наоборот имела место пространственная диверсификация связей, в том числе с выходом за пределы соответствующих макрорегионов, что хорошо корреспондировало с нараставшим процессом глобализации. Так, по Западной Европе данный показатель в 2000-2021 гг. снизился с 8,4 до 6,4%, что до сих пор на фоне соответствующих данных по 35 ведущим странам мира (5,4 и 3,4%) может рассматриваться как очень высокая степень внутренней взаимосвязанности «государств-ядер». В Восточной Азии индикатор на протяжении всего периода оставался ниже мирового и не показывал тенденции к увеличению. С другой стороны, наблюдался рост (с 2 до 3%) значения индикатора в Евразии, вплотную приблизившегося к среднему мировому, что вполне определённо показывало тенденцию укрепления взаимных связей на макрорегиональном уровне.

Таким образом, неравномерность экономического развития периодически вызывает необходимость переустройства системы международных отношений. Одной из наиболее вероятных к реализации и привлекательных концепций нового мироустройства является «многополярный мир». Успешность реализации данной концепции во многом определяется наличием определённого количества стран-лидеров, располагающих достаточным социально-экономическим потенциалом и способных самостоятельно, либо в координации с соседними государствами обеспечивать эффективное, сбалансированное развитие возглав-

ляемого ими макрорегиона. Одним из ключевых критериев «готовности» к реализации концепции является степень внешнеэкономической взаимосвязанности ведущих стран макрорегионов многополярного мира. На примере исследования макрорегиона Евразии в период 2000-2021 гг. показано, что движение к «многополярности» в международной торговле сочетает в себе элементы и глобализации, и регионализации. В частности, как тенденцию глобализации и/или внутренней децентрализации можно рассматривать непрерывное снижение доли стран-лидеров в общем зарубежном товарообороте государств макрорегионов, а также уменьшение доли внутрирегиональной составляющей ведущих стран макрорегионов в их внешнем товарообороте. С другой стороны, стабилизация или уменьшение внешнеторговых квот стран макрорегионов (в том числе Евразии и некоторых других) может означать их сосредоточение на развитии внутренних рынков. Увеличение доли иностранной составляющей в экспорте добавленной стоимости ведущих стран исследуемых макрорегионов вероятнее всего свидетельствует о продвижении процесса глобализации. Для формирующегося макрорегиона Евразии значительную проблему составляет низкая и снижавшаяся все последние десятилетия доля внутрирегиональной составляющей, входящих в неё стран, в их внешнем товарообороте. Сдерживает интеграционные процессы также относительно низкая внешнеторговая квота экономики стран региона.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) – Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 23.08.2023).
2. Будущее многополярного мира | сайт Института Царьграда [Электронный ресурс]. // URL: <https://katehon.com/ru/article/budushchee-mnogopolyarnogo-mira?ysclid=lljkvr7jby679339938> (дата обращения 29.08.2023).
3. О переходном характере многополярности / От редакции / Независимая газета [Электронный ресурс]. // URL: https://www.ng.ru/editorial/2023-08-16/2_8801_red.html?ysclid=lljku90aeu802705495 (дата обращения 29.08.2023).
4. Очерк о Многополярном мире (25.05.2023) | ГЕОСТРАТЕГ | Дзен [Электронный ресурс]. // URL: <https://dzen.ru/a/ZG84ryjgaj5a2RFw> (дата обращения 20.08.2023).
5. РСМД :: Почему мир не становится многополярным [Электронный ресурс]. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolyarnym/> (дата обращения 25.08.2023).
6. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В. Яковец. – М. : ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2003. – 441 с.
7. Trade of Goods – IMF Data [Электронный ресурс]. // URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545859> (дата обращения 2.09.2023).
8. WTO | International trade and tariff data [Электронный ресурс]. // URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/merch_trade_stat_e.htm (дата обращения 16.08.2023).
9. World bank. Database. [Электронный ресурс]. // URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators> (дата обращения 4.09.2023 г.).
10. UNCTAD-Eora GVC Database [Электронный ресурс]. // URL: <https://worldmrio.com/unctadgvc/> (дата обращения 18.08.2023).

6.8. Актуальные направления развития евразийской экономической интеграции в условиях геополитической турбулентности

В настоящее время в мире происходят большие изменения, и социум вступил в новую эру великого развития и трансформации. Многополярность мира, экономическая глобализация, социальная информатизация, цифровизация и культурное разнообразие продолжают развиваться. Система глобального управления и трансформация международного порядка продвигаются вперед, а распределение международной власти имеет тенденцию к перестройке[1].

С усложнением глобальной геополитики процесс азиатской экономической интеграции оказывается более сложным, чем геополитическая борьба за другие региональные интеграции, так как страны и регионы, участвующие в экономической интеграции в Азии, часто имеют огромные различия в экономических масштабах и обеспеченности ресурсами.

Страны евразийского региона развиваются неравномерными темпами. Поэтому геоэкономические и геополитические проблемы развития международной торговли и промышленности в современных условиях приобрели новое качество.

Важную роль в трансформации мирового хозяйства играет евразийская экономическая интеграция. Потребности в процессе ее реализации будут способствовать стратегическому сближению и политической коммуникации стран Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС).

В современных условиях геополитической турбулентности актуальными задачами в странах ЕАЭС, содействующими росту производительности труда и оказывающими различное влияние на занятость в разных секторах – это разработка и внедрение инноваций, технологическая модернизация промышленности и цифровизация, ориентированная на потребителей.

В современной глобальной системе международного разделения труда страны евразийского региона обладают определенной степенью взаимодополняемости и синергии.

Поэтому, исходя из экономических, геополитических и других тенденций, экономическая интеграция стран ЕАЭС представляет собой необходимый фактор для дальнейшего развития этих стран и на сегодняшний день является наиболее актуальным процессом в их взаимоотношениях.

Новый виток регионального взаимодействия требует анализа событий с учетом современных изменений в евразийском экономическом пространстве.

На данном этапе в целях дальнейшего продвижения интеграционных процессов Россия стремится к выстраиванию дружеских, равноправных отношений, основанных на взаимном доверии, уважении и соблюдении интересов всех стран.

Ключевой компетенцией XXI века является умение кооперироваться – потому что все уникальные проекты могут быть выполнены только совместными усилиями образования, науки и бизнеса. Цифровые технологии являются драйвером инновационного развития промышленности и других отраслей стран ЕАЭС и евразийского региона.

Международная и межрегиональная промышленная кооперация стран ЕАЭС на основе инновационных технологий и методов менеджмента в условиях евразийской интеграции имеет свои особенности (рис. 6.5)

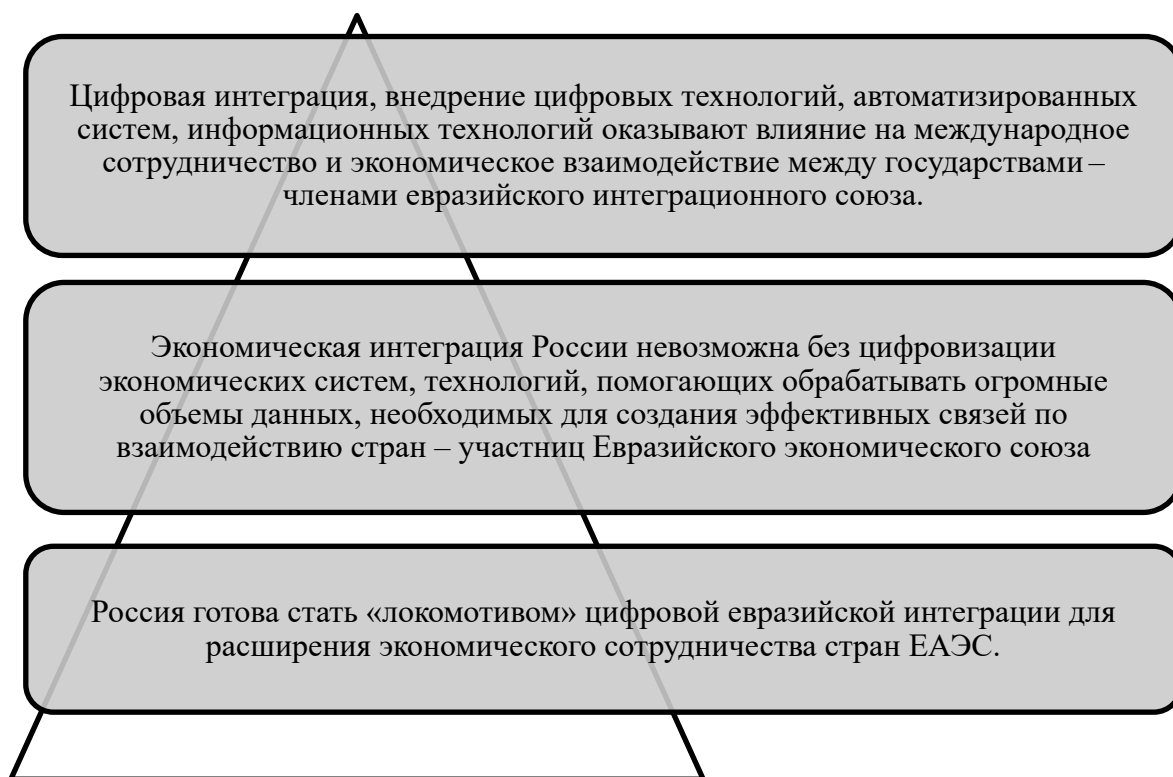

Рис. 6.5. Некоторые особенности и тенденции евразийской экономической интеграции

В странах ЕАЭС имеется потенциал в использовании современных технологий для достижения более высокого уровня интеграции в различные сферы, от транспорта до производства.

Только инновации могут привести к качественному экономическому росту, в противном случае возможен только количественный рост. В данных технических условиях ресурсы ограничены, и опора исключительно на количественную экспансию рано или поздно впадет в затруднительное положение инволюции.

Увеличение числа узлов в экономической системе приведет к изменениям в организации системы, тем самым развивая новый организационный режим. В частности, в региональной экономической интеграции это означает, что страны проводят ряд «государственных политик» в регионе после того, как каждая суверенная страна уступает часть своего суверенитета путем переговоров, консультаций и т.д. Следовательно, эти «государственные политики» будут вращаться вокруг трех аспектов правосудия, дипломатии и безопасности, экономики и валюты, и будут продолжать расширяться и совершенствоваться путем проб и ошибок и исправлений, и, в конечном итоге, достигнут «улучшения по Парето» в интеграции. Благодаря улучшению и совершенствованию «государ-

ственные политики» в регионе реализуют цели по уменьшению торговых трений, предотвращению институциональной избыточности и обеспечения инвестиционной безопасности. Таким образом, евразийская экономическая интеграция сыграет чрезвычайно позитивную роль в обеспечении инвестиций стран в сферу безопасности.

Необходимость выработки эффективных подходов, стратегий взаимодействия стран, участвующих в евразийской интеграции, продиктовано современными реалиями.

Стратегии, которые будут способствовать интеграционному сотрудничеству в условиях цифровизации экономики стран ЕАЭС, представлены на рис. 6.6).

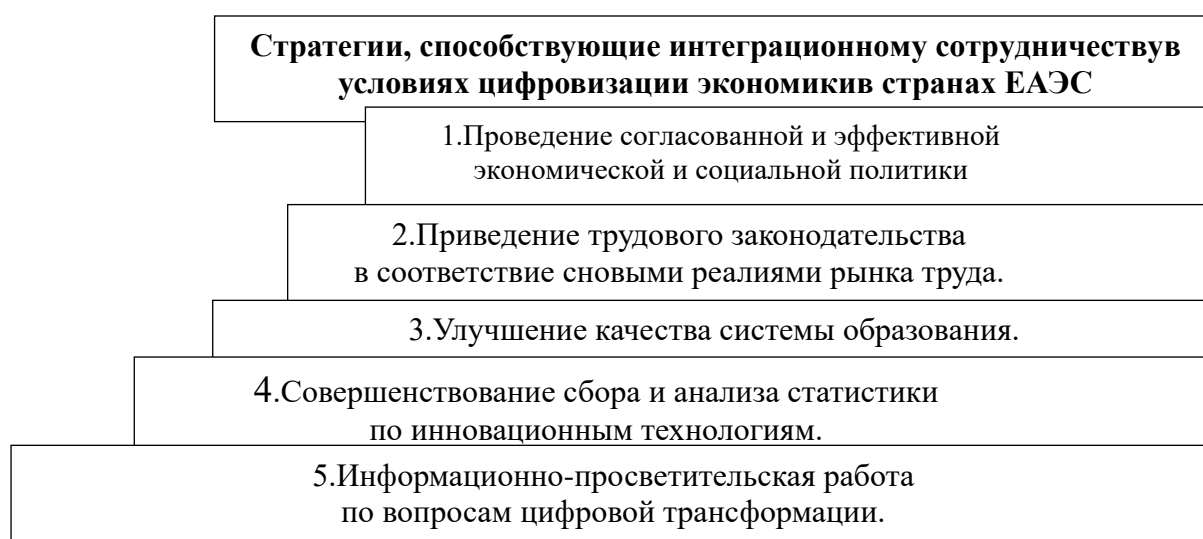

Рис. 6.6. Основные стратегии, способствующие интеграционному сотрудничеству в условиях цифровизации экономики в странах ЕАЭС

Евразийский регион становится самым перспективным в мире. Для расширения интеграционного сотрудничества в евразийском регионе необходимо также учитывать участие стран СНГ и Большой Евразии, которые усилят синергический эффект в совместном использовании имеющихся ресурсов. Для этого следует принимать во внимание интересы и потенциальные возможности этих стран и расширять международное сотрудничество во всех сферах общественной жизни, которые взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга.

Новые цифровые технологии радикально изменили бизнес-модели и процессы во всех отраслях стран ЕАЭС. В связи с этим преобразования происходят и на рынке труда. В сфере занятости влияние интернет-технологий проявляется в следующем (рис. 6.9).

Например, цифровой переход в электроэнергетике позволяет не только повысить эффективность традиционной энергетической системы, но и открывает новые возможности для Интернет-энергии (структурного и технологического построения энергосистем по типу Интернета). Новая цифровая энергетика предлагает современные профессии, требующие высшего профессионального образования и непрерывного повышения квалификации [2].

Несомненно, инновационный потенциал зависит от сотрудничества стран ЕАЭС с другими странами в вопросе инноваций и привлечения инвестиций. Мировая инновационная динамика продолжает развиваться и усиливаться среди ряда стран евразийского региона. Для большинства стран значительная часть инновационной составляющей поставляется из других государств-членов ЕАЭС, включая Россию. Также стоит отметить, что доля инновационной составляющей из остального мира варьируется. Например, Казахстан имеет высокую долю инноваций из остального мира (32,6%), что может указывать на ее мировую инновационную интеграцию.

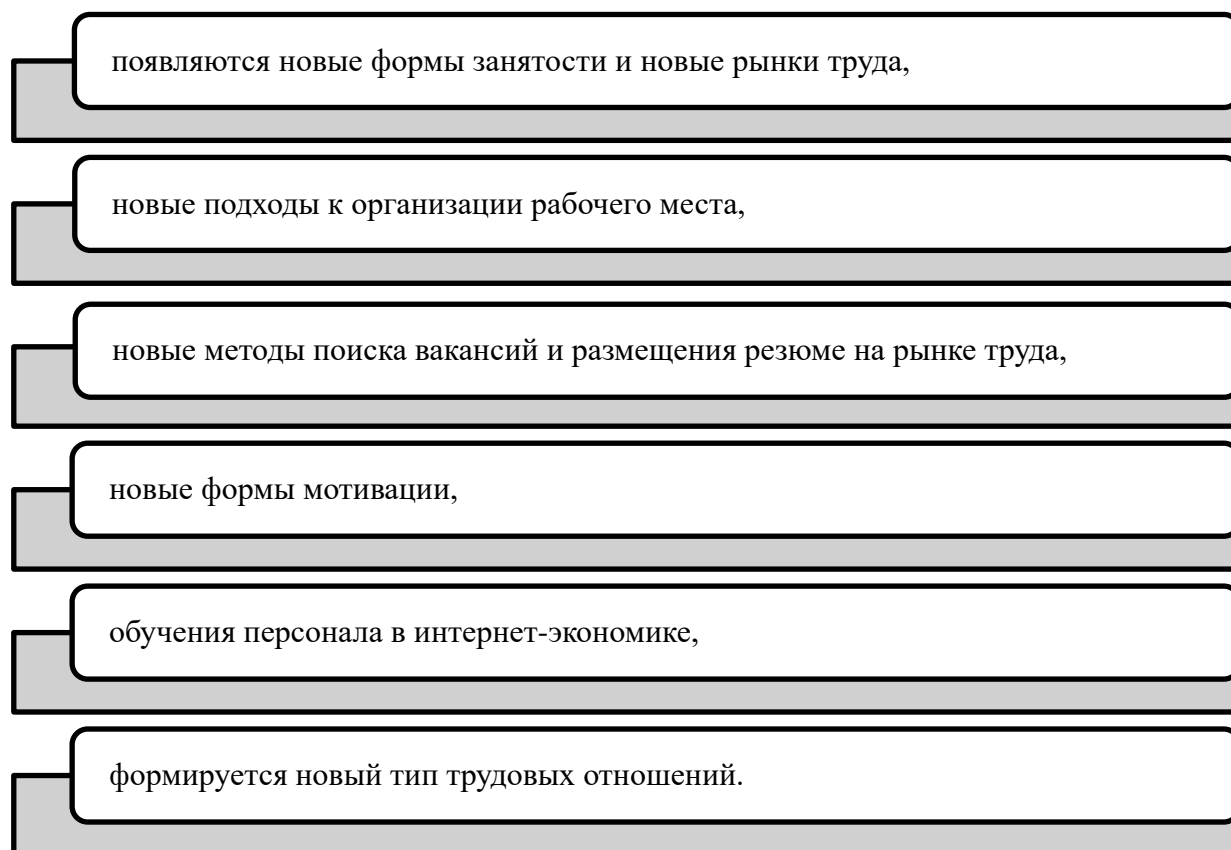

Рис. 6.9. Основные тенденции влияния интернет-технологий в сфере занятости

Для того чтобы быть в лидерах технологической гонки, необходимо придерживаться направлений, указанных на рис. 6.10.

Несмотря на многообразие отраслей и секторов экономики в странах ЕАЭС (рис. 6.11), система индикаторов, позволяет усилить внутреннюю циркуляцию экономик в евразийском регионе для поддержания экономической жизнеспособности стран-участниц Союза.

Оценка уровня и степени интеграции позволяет провести анализ эффективности интеграционных мер и действий, определить «сильные» и «слабые» стороны интеграционного взаимодействия и выработать повестку для диалога с другими интеграционными блоками и объединениями.

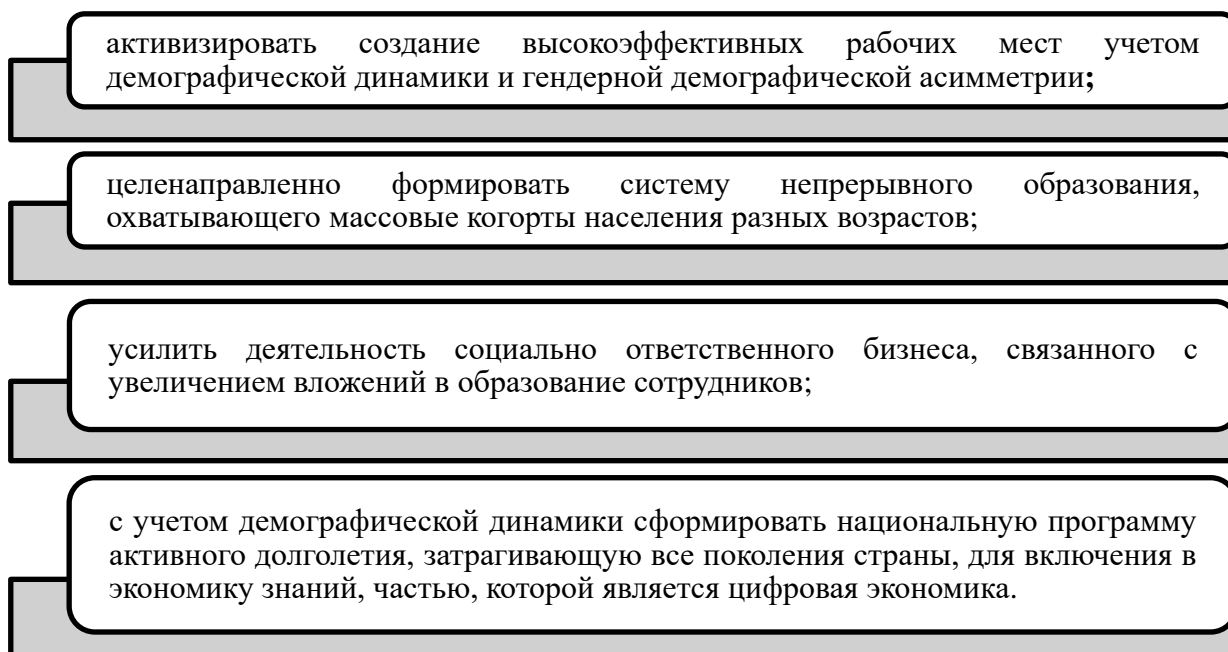

Рис. 6.10. Некоторые предложения по повышению значимости и расширению возможностей рынка труда в условиях цифровизации экономики стран ЕАЭС

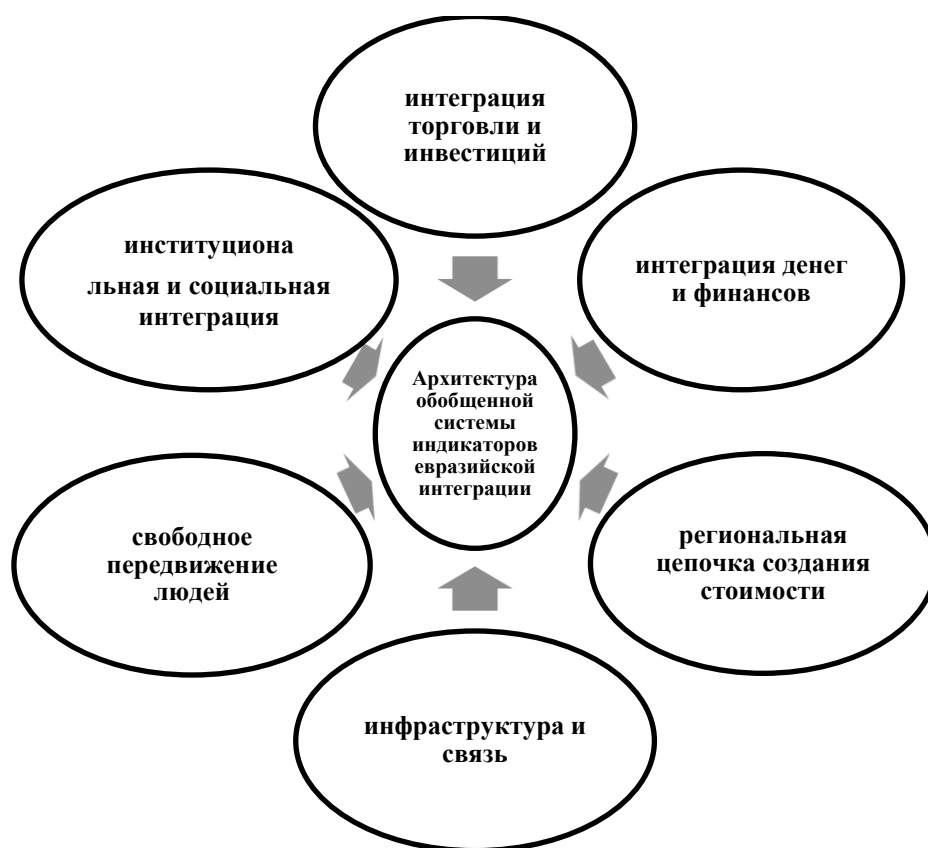

Рис. 6.11. Архитектура обобщенной системы индикаторов евразийской интеграции

Создание единого экономического пространства, формирование транс-континентальной транспортной инфраструктуры на евразийском пространстве – это вектор взаимодействия государств в условиях евразийской интеграции.

Новые реалии современного мира в условиях геополитической турбулентности в очередной раз подчеркивают потребность в комплексном дальнейшем развитии единого евразийского экономического пространства с привлечением стран, заинтересованных во взаимном сотрудничестве и готовых предоставить имеющиеся инновации и ресурсы для обеспечения устойчивого экономического роста и занятости в странах нового интеграционного сообщества.

Цифровая экономика дает новые возможности для обеспечения равного доступа к экономическому росту и развитию. Однако, с другой стороны, ставит новые барьеры.

Цифровая трансформация рынка труда в странах ЕАЭС влечет за собой необходимость решения ряда важных задач в области инновационного развития экономики, обусловленных некоторыми проблемами.

Автором выявлены и обоснованы основные проблемы интеграции в евразийском регионе (рис. 6.12).

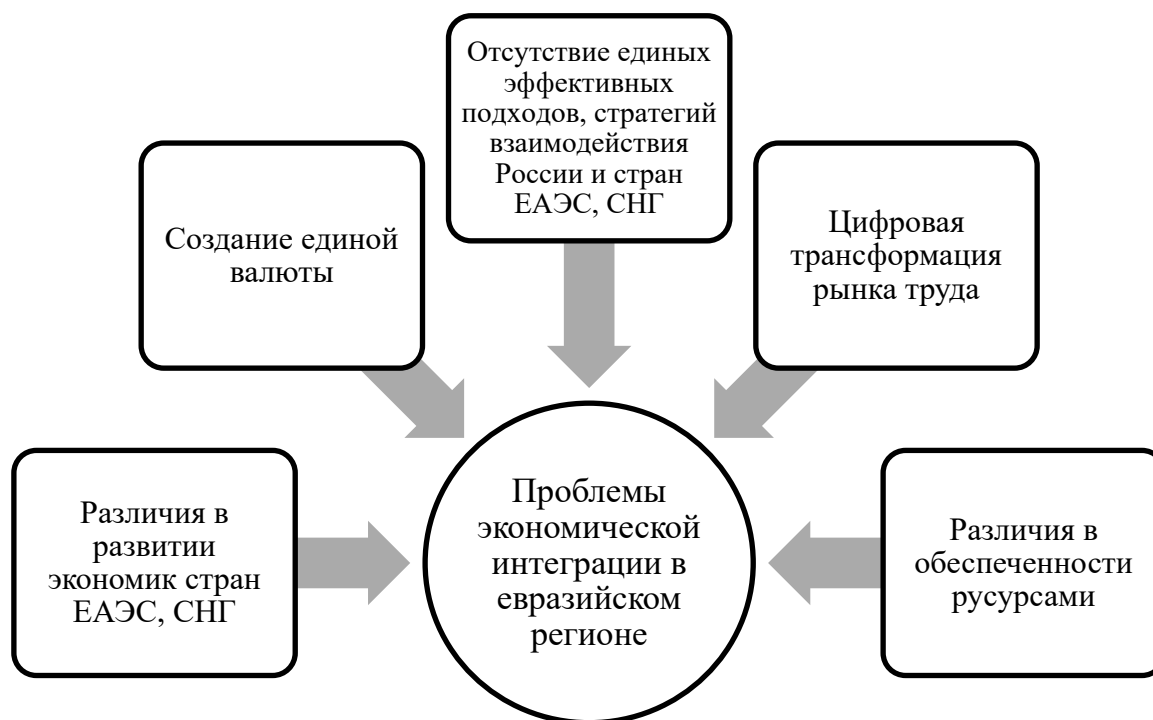

Рис. 6.12. Проблемы интеграции в евразийском регионе

Источник: составлено автором

Одной из главных проблем международного сотрудничества стран ЕАЭС, СНГ и России является отсутствие единых эффективных подходов, стратегий взаимодействия в евразийском экономическом пространстве. В связи с тем, что

нет единого подхода к процессу интеграции, а также отсутствие сетевой информационно-инновационной базы для передачи цифровых технологий, организации обучения иностранных граждан стран ЕАЭС и СНГ, внедрение инновационных форм развития экономики на евразийской платформе является затруднительным.

Исходя из этого, возникает и ряд других проблем.

Во-первых, наличие ряда противоречий, существующих между бывшими советскими республиками, которые замедляют интеграцию в систему поликультурного образования.

Во-вторых, проблемы, связанные с развитием сотрудничества Российской Федерации со странами Содружества Независимых Государств в различных сферах жизни.

В-третьих, санкционное давление на Россию со стороны недружественных стран.

Обозначенный перечень не исчерпывает всего комплекса проблем, которые предстоит решать в современных условиях. Всесторонний подход к их решению поможет сформировать долгосрочную целенаправленную политику стран ЕАЭС в сферах образования, подготовки кадров, предоставит новые возможности для обеспечения равного доступа к экономическому росту и развитию.

В решении данных проблем надлежит, прежде всего, принимать во внимание спрос высококвалифицированных специалистов и потребности рынка труда в странах ЕАЭС и СНГ, а также учитывать геополитическую нестабильность, влияние стран Евросоюза и США.

Важнейшим вопросом развития Евразийского региона и, в том числе ЕАЭС как ключевого для России объединения, станет дальнейшее расширение региональных цепочек производства в рамках ЕАЭС и в регионе Большой Евразии в целом.

Для Евразийского Союза и соответствующего интеграционного процесса продолжение санкционного пресса предполагает необходимость адаптации к новым вызовам. В этих условиях сотрудничество с Китаем является точкой опоры для Большой Евразии. Перспективы Большой Евразии с участием Китая будут результатом общих интеграционных успехов [3].

Определение направлений развития экономической интеграции в евразийском регионе является выбором в соответствии с будущей динамичной моделью борьбы между мировыми экономиками.

Оценка евразийской интеграции в масштабе Большой Евразии не может быть произведена в отрыве от исследования международных политических и экономических процессов, так как государства Большой Евразии продолжают формировать собственные модели экономического развития.

Благодаря проведенному анализу всех аспектов в области интеграции стран Большой Евразии сформировалось целостное видение текущей ситуации и перспектив будущего развития. Для четкого понимания этого видения автор исследования определил ряд основных проблем и разработал рекомендации по их решению (рис. 6.13).

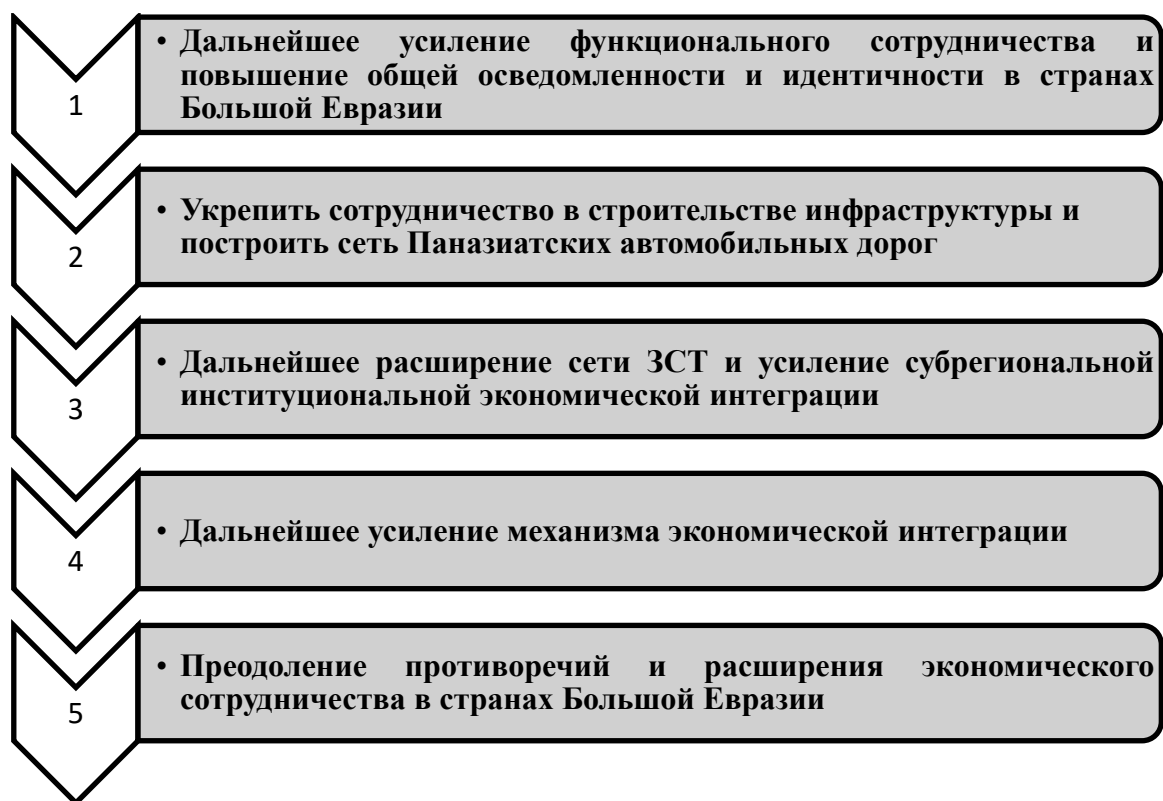

Рис. 6.13. Некоторые рекомендации по решению основных проблем интеграции стран Большой Евразии

Учитывая тот факт, что функциональное сотрудничество не может коренным образом решить проблему политической воли, от которой страдает азиатская региональная экономическая интеграция, такое сотрудничество может способствовать сближению общих интересов и дать возможность всем сторонам ощутить преимущества интеграции. Такое сближение происходит за счет одновременного участия официальных лиц и населения, то есть через скоординированное участие множества действующих лиц.

Укрепление консенсуса, во-первых, будет иметь положительное влияние на улучшение политических отношений между экономиками в регионе и на укрепление внутренней сплоченности, во-вторых, будет ставить во главу угла работу по преодолению институциональных барьеров в областях, представляющих общий интерес, для достижения результатов сотрудничества. Продвижение интеграции стран Большой Евразии требует политической коммуникации в качестве гарантии. Данный факт не только означает реализацию практического сотрудничества в области связи, производственных мощностей, торговли и инвестиций, но также придает большое значение развитию культурных обменов между странами по маршруту. С непрерывным продвижением евразийского интеграционного процесса функциональное сотрудничество в Азиатском регионе должно стать еще шире. В ответ на интересы и актуальность различных экономик в Азии страны должны наращивать сотрудничество в таких областях, как защита окружающей среды, человеческие ресурсы, здравоохранение, наука

и техника, информация, сокращение бедности. Конструктивизм считает, что совместное знание, сформированное взаимодействием государств, создает национальную идентичность, а национальная идентичность определяет познание интересов и выбор поведения.

Содействие строительству инфраструктуры и связи между регионами является одним из основных аспектов евразийской экономической интеграции.

Международное сотрудничество в области производственных мощностей является важным фактором углубленного продвижения евразийской экономической интеграции. Необходимо стимулировать торговлю за счет инвестиций, наращивать сотрудничество при создании зарубежных зон экономического и торгового сотрудничества и способствовать развитию промышленных кластеров. Так, например, Китай и Казахстан, Кыргызстан, Грузия, Камбоджа, Вьетнам, Объединенные Арабские Эмираты, Иран и другие страны подписали рамочные соглашения или меморандумы о взаимопонимании по укреплению сотрудничества в области производственных мощностей.

Беспрепятственная торговля, является не только центром сотрудничества в евразийской интеграции, но и способствует осуществлению самой торговли и инвестициям. Поэтому дальнейшее расширение сети зон свободной торговли (ЗСТ) и усиление субрегиональной институциональной экономической интеграции будет способствовать стимулирующему эффекту от снижения тарифов на двустороннюю торговлю.

Создание открытой, прозрачной и стабильной бизнес-среды может сделать торгово-экономические отношения в Азиатском регионе более плодотворными, способствовать всесторонней и целостной экономической евразийской интеграции. Хотя укрепление институциональной экономической интеграции в субрегионах может усилить фрагментацию региональной экономической интеграции в Азии, обширные страны субрегионов Западной Азии, Центральной Азии и Южной Азии, не имеющие выхода к морю, могут воспользоваться относительно активной региональной экономической интеграцией. Страны при этом способствуют потоку факторов, особенно притоку ПИИ, содействуют промышленному переносу, особенно расширению цепочки создания стоимости и устранению торговых и инвестиционных барьеров, эффективно высвобождают торговый потенциал, расширяют внутрирегиональную торговлю и инвестиции и обеспечивают импульс развития. Они создают пространство для развития, реализуют взаимодополняющие преимущества, через взаимные интересы, совместное развитие, взаимную выгоду и беспроигрышные результаты. Это также заложит более прочную основу для устойчивого, инклюзивного развития и будущей экономической интеграции стран Большой Евразии.

Географическое преимущество России на евразийском континенте и ее богатые ресурсы на востоке создают условия для нового выхода из режима санкций и изоляции.

Россия продолжает наращивать долю торговли со странами-партнерами: Китаем, Индией, Ираном и в рамках Евразийского экономического союза[4].

Закрепления на евразийском пространстве общего информационного поля будет содействовать сближению государств, поможет своевременно информировать жителей России, Беларуси и Казахстана о наиболее интересных и актуальных событиях, происходящих в этих странах[5].

Россия намерена установить новые контакты и расширить поле сотрудничества, а также использовать свои ресурсы и геоэкономические преимущества для поиска геополитического влияния в процессе, что впоследствии изменит политический и экономический порядок Евразии.

В будущем Россия будет рассматривать более широкое евразийское партнерство со странами Азии, а именно с Китаем. Участие России придаст огромный импульс азиатской интеграции, а также существенно поспособствует развитию азиатского интеграционного процесса.

Литература

1. Глобальное управление: возможности и риски/ Отв. ред. – В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 315 с.
2. Еременко М.Ю. Цифровизация как драйвер экономической интеграции стран Евразийского экономического союза//Вестник университета. 2021. № 3. С. 32-37.
3. Дизен Г. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Валдайские записки. 2017. № 63.
4. Лавров: России нужно обустраивать Евразию как самый перспективный регион мира.[Электронный ресурс]. // URL:<https://www.tatar-inform.ru/news/lavrov-rossii-nuzno-obustraivat-evraziyu-kak-samyi-perspektivnyi-region-mira-5866941>(дата обращения 30.08.2023).
5. Евразийский регион нуждается в большем количестве позитивной фактологической информации. [Электронный ресурс]. // URL: <https://посткомсг.рф/news/geopolitika/198157/>(дата обращения 11.09.2023).

6.9. Особенности и направления экспансии Евразийской интеграционной системы

В пространстве Евразии наблюдается несогласованность и острая конкуренция альтернативных интеграционных проектов основных стран-проектировщиков интеграции. США, опираясь на принципы своей глобальной геополитики, и региональные лидеры (Германия, Франция, Китай, Турция, Япония, Индия, Республика Корея, Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Ирак и др.), опираясь на свои панидеи (паневропеизм, паназиатизм, панкитаизм, пантюркизм, панисламизм, панарабизм и др.), соревнуются между собой в игре в пазлы, предлагая геополитические, мегарегиональные, панконтинентальные, межблоковые проекты реформатирования, перепроектирования и освоения континентального пространства Евразии в обход России для встраивания Евразийского мегарегиона в мировую мозаику интеграции с учетом своих интересов [1]. Большинство из этих проектов включает либо затрагивает СНГ-12 и ЕАЭС.

Эти проекты не учитывают интересы СНГ и ЕАЭС, окружают их с Запада, Востока и Юга, сужая пространство, отламывая приграничные куски, мешая формированию региональной идентичности, способствуя дезинтеграции, пре-

пятствуя росту и развитию, консервируя отсталость, зависимость, низко- и средне-технологичную специализацию, делая уязвимыми к глобальным угрозам. В силу этого, ЕАЭС и его странам необходим свой интеграционный проект, в рамках которого будет проектироваться экспансия Евразийской интеграционной системы (ЕАИС) как минимум в масштабах всего континента Евразии, максимум – в глобальном масштабе. В этом контексте ЕАИС представляет собой систему международной экономической интеграции, включающую интеграционные отношения в рамках интеграционных соглашений и интеграционных объединений (блоков) государств, образовавшихся после распада СССР, кроме Литвы, Латвии и Эстонии (включая Союзное государство Беларуси и России (СГБР), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ) и двусторонние соглашения о свободной торговле (ССТ) между странами СНГ-12, СНГ-9, ЕАЭС), а также отношения сотрудничества и интеграции между этими союзами, с третьими странами, их интеграционными блоками и организациями различных микро-, макро- и мегарегионов мировой экономики в пределах и за пределами Евразии.

Ядром ЕАИС является ЕАЭС. Важнейшим условием успешной интеграционной экономической политики экспансии ЕАИС на региональном (СНГ-9, СНГ-12), континентальном (Евразия) и глобальном (Африка, Америка, Океания) контурах является реализация активной интеграционной политики формирования блока на уровне ядра, направленной на углубление интеграции, создание действительно единого рынка и экономического пространства, сильного локального центра интеграции наряду с другими центрами в Евразии, проводящего активную интеграционную внешнюю и внутреннюю политику [2].

Отношения сотрудничества и интеграции с третьими странами и блоками за пределами ядра ЕАИС реализуются членами ЕАЭС в двух форматах: в одностороннем порядке (страна-страна); в составе ЕАЭС как самостоятельного субъекта интеграционного проектирования, который, в отличие от СНГ и СГБР, обладает полномочиями подписывать ССТ товарами с третьими странами (блок-страна, блок-блок).

Одним их принципиальных вопросов, по нашему мнению, является то, что при выборе партнеров из числа третьих стран и блоков странам ЕАЭС необходимо отдавать предпочтение не отношениям в системе «страна-страна», а связям в системе «блок-блок» и «блок-страна» в рамках внешней политики ЕАЭС. И здесь пока существует ряд препятствий:

Во-первых, основные направления международной деятельности ЕАЭС предусматривают его взаимодействие с третьими странами, их экспертами и бизнес-сообществом, интеграционными объединениями и международными организациями путем установления дипломатических контактов и заключения меморандумов о взаимопонимании / сотрудничестве и совместных планов, но наблюдателем ЕАЭС может стать только государство, что, на наш взгляд, ограничивает ЕАЭС в развитии межблоковых отношений с объединениями и организациями. Кроме этого, помимо статуса наблюдателя некоторые интеграционные союзы предлагают своим партнерам и другие формы сотрудничества/инте-

грации (диалоговое партнерство, партнерство по развитию, соглашение об ассоциации и др.), что также можно было бы внедрить в ЕАЭС.

Во-вторых, ЕАЭС единым блоком уполномочен заключать только ССТ по товарам, тогда как ССТ по услугам, объектам интеллектуальной собственности, инвестициям и т.п. (экономические интеграционные соглашения, ЭИС) могут заключать только сами страны независимо от партнеров по ЕАЭС. Так, подписано ЭИС Армения-ЕС, ведутся односторонние переговоры Беларусь-Китай, Беларусь-Турция, Беларусь-Сингапур, Казахстан-Турция, Россия-Турция и др. Такое установление разных внешнеэкономических режимов на рынках услуг, капитала, труда, интеллектуальной собственности, информации, валюты, отдельных товаров, и в целом рассогласованность в вопросах формирования единых условий для хозяйственных субъектов третьих стран между отдельными членами ЕАЭС является принципиальной стратегической ошибкой и в долгосрочном плане, как показывает опыт ЕС, НАФТА, ЕАСТ, ЦАОР, САКУ, АСЕАН, приведет к острым противоречиям между странами ЕАЭС. Вследствие этого им необходимо (с изменением условий Договора о ЕАЭС) передать подписание всеобъемлющих глубоких ССТ в компетенцию ЕАЭС. До этого момента как минимум принять взаимные обязательства о согласовании таких индивидуальных ССТ с другими членами ЕАЭС. Уже подписанные индивидуальные ССТ можно использовать как базу для переговоров с ЕАЭС в целом с последующим аннулированием. Также необходимо проанализировать все двусторонние инвестиционные договоры стран ЕАЭС с третьими странами, включая страны СНГ, не входящие в ЕАЭС (поскольку они нарушают единообразие инвестиционных и по отдельным аспектам даже торговых режимов стран ЕАЭС, что вызывает конкуренцию между ними) и инициировать их пересмотр и консолидацию в формате ЕАЭС-страна. Это принципиальный вопрос, который позволит сформировать ЕАЭС как один из интеграционных центров Евразии, усилить конкурентные позиции в мировой экономике и политике, привлечь дополнительные факторы производства, международные трансферты, техническую и консультативную помощь для развития экономики. При этом важно, что такая общая единая (наднациональная) политика должна касаться не только импорта, но и экспорта (товаров, услуг, прямых инвестиций, трудовых ресурсов, информации и т.п.), например, путем совместного подписания ССТ с третьими странами/блоками, создания интегрированных агентств по поддержке экспорта и инвестиций с единой сетью их зарубежных представительств в третьих странах. Вследствие этого уже сейчас требуется ее тесная координация на межгосударственном уровне ЕАЭС (а в перспективе – на наднациональном), тогда как в настоящее время она пока находится в исключительной компетенции национальных государств.

На региональном контуре экспансия ЕАЭС осуществляется внутри СНГ – между СГБР/ЕАЭС и остальными странами СНГ-12 в направлениях (векторах), требующих дифференцированных подходов в интеграционной политике: к Западу (Молдова, Украина) и Югу от ЕАЭС (Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). По нашему мнению здесь необходимо более тес-

ное сопряжение интеграционных проектов ЕАЭС/СГБР с интеграционными проектами СНГ+ и выстраивание единой интеграционной политики ЕАЭС в отношении остальных стран СНГ-12. Кроме сотрудничества СНГ и ЕАЭС на основе меморандумов 2012 и 2018 гг. важно, чтобы в СНГ, как и в СГБР/ЕАЭС, реализовалась более детально проработанная политика формирования блока, направленная на углубление интеграции. И поскольку проблема ограничения суверенитета и отказа стран СНГ от наднациональной политики стоит еще более остро, чем в ЕАЭС, их вступление в этот союз маловероятно. Требуется гибкость, виртуальное участие остальных стран СНГ в общем рынке ЕАЭС, но без таможенного союза, на основе проектирования Евразийского экономического пространства (ЕАЭП), всеобъемлющих ССТ нового поколения, предполагающих регулирование нормами ВТО плюс и ВТО эктра взаимной торговли товарами, услугами, объектами интеллектуальной собственности, миграции капитала и труда, госзакупок, производственного и научно-технического сотрудничества и постепенное сопряжение интеграционной системы СНГ с формирующимся общим рынком ЕАЭС без участия в таможенном союзе и других наднациональных вопросах [3]. Первый шаг в этом направлении уже сделан – 08.06.2023 г. в СНГ подписано ССТ по услугам и инвестициям стран ЕАЭС, Узбекистана и Таджикистана. Присоединение других стран СНГ-12 может происходить либо путем вступления либо путем подписания индивидуальных соглашений с аналогичными условиями.

На континентальном контуре развиваются отношения СГБР/ЕАЭС и СНГ-12 со странами и блоками Евразии по направлениям (векторам): к Западу (страны ЕС, ЕАСТ и прочие страны Европы, входящие в Евро-Афро-Арабский интеграционный мегарегион), Востоку (страны Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии в рамках Азиатско-Тихоокеанского интеграционного мегарегиона) и Югу от ЕАЭС (страны Западной Азии в Евро-Афро-Арабском интеграционном мегарегионе).

Если руководствоваться данными ВТО, страны Евразии участвуют в 355 подписанных (187 действующих; 167 действующих физических) ССТ, что составляет 59,6% (48,1% действующих; 47,4% физических) ССТ мира. Доля блоков (4; 3; 3; 3 из 13 шт.) и ССТ (46; 31; 23; 10 из 154 шт.) с участием СНГ-12; СНГ-9; ЕАЭС; СГБР составляет 29,9%; 20,4%; 15,6%; 7,8% ССТ [4], заключенных внутри Евразии, что и образует пока реальную основу ЕАИС. Остальные блоки и ССТ Евразии развиваются безотносительно к ЕАИС и пока имеют к ней лишь косвенное отношение в форме дипломатического и торгово-экономического сотрудничества отдельных стран и блоков с ЕАЭС, СНГ-12, СНГ-9 и их странами:

Во-первых, ЕАЭС подписал ССТ с Вьетнамом и Сингапуром, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС с Китаем (ЕАЭС – Восток), Ираном (ЕАЭС – Юг), Сербией (ЕАЭС – Запад). Идут переговоры с Египтом, Ираном, Израилем, ОАЭ (ЕАЭС – Юг) и Индией, Индонезией (ЕАЭС – Восток), изучается целесообразность с Монголией (ЕАЭС – Восток) [5]. Подписано ССТ услугами Армения-ЕС (ЕАЭС – Запад). Украиной, Молдовой и

Грузией по направлениям к Югу, Востоку и Западу от ЕАЭС подписано 27 ССТ со странами Евразии, 8 из которых уже не действует, еще 4 находится на стадии переговоров [4].

Во-вторых, ЕАЭС реализует меморандумы о сотрудничестве с рядом стран и блоков Евразии (на континентальном контуре: к Западу от ЕАЭС – с Венгрией, Сербией, Фарерскими островами; к Востоку от ЕАЭС – с АСЕАН, ШОС, Китаем, Камбоджей, Республикой Корея, Сингапуром, Индонезией, Таиландом, Вьетнамом, Мьянмой, Филиппинами, Монголией, Индией, Бангладеш; к Югу от ЕАЭС – с ШОС, Иорданией, Ираном). Сотрудничество с СГБР, СНГ, ШОС, АСЕАН и другими блоками Центральной Азии и Ближнего Востока позиционируется как Большое Евразийское партнерство (БЕАП/БЕП). Но лишь отдельные страны (Китай, страны ЕС, Турция, Республика Корея) и блоки (ЕС, ШОС, АСЕАН, РВЭП, АТТС) Евразии являются значимыми партнерами ЕАЭС [5].

В-третьих, страны СНГ-12 и ЕАЭС принимают участие или косвенно затрагиваются внешними интеграционными проектами основных стран-проектировщиков Евразии (к Западу от ЕАЭС – проектами США, ЕС, Польши; к Югу от ЕАЭС – Турции, Ирана, Пакистана; к Востоку – Китая, Японии, Республики Корея, Индии и др.), например:

- Большая Центральная Азия и ЦАРЭС, Большой Черноморский регион, ГУАМ и СДВ, Индо-Тихоокеанская структура, платформы Blue dot Network, Clean Network, BuildBackBetterWorld (B3W) США [6], [7], [8];

- разная политика соседства ЕС в отношении России, Восточного партнерства, Ассоциированного Трио и Трио+, EuroNest, Центральной Азии, Южного Кавказа, Черноморского и Дунайского регионов, Стратегия по сотрудничеству в ИТР, стратегии Global Gateway (Глобальные ворота), Европейский зеленый курс, Соединяя Европу и Азию и др.;

- реинкарнация Польшей Речи Посполитой в рамках Инициативы трех морей и Люблинского треугольника;

- китайский проект ОПОП/ВПШП;

- турецкие проекты Великий Туран (пантюркизм), Черноморская гармония, Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе, Стратегическая Глубина, Новый османизм по линии ОЭС, ОТГ и ОИС [8];

- исламский фундаментализм Ирана, ваххабизм Саудовской Аравии, исламский социализм Ирака и Сирии по линии ЛАГ, САЭЕ, ОИС и др.

В-четвертых, страны ЕАЭС принимают участие в следующих многосторонних механизмах сотрудничества стран Евразии, например:

- Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – члены региональной организации ШОС, Беларусь – наблюдатель;

- Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан – члены, а Беларусь – наблюдатель СВМДА, способствующего сотрудничеству с большинством стран АСЕАН, ССАГПЗ, СААРК, АТТС, ОЭС, ОТГ, АСЗСТ, Израилем, Ираком, Палестиной;

- Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан участвуют в АДС, обеспечивающем координацию с интеграционными объединениями

(СНГ, ЕАЭС, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН, АСЕАН+3, СААРК, БИМСТЕК, ОЭС, ОТГ, Сотрудничество Меконга и Ганги – МГС);

- действуют партнерства по развитию ШОС-ЕАЭС, ШОС-СНГ, ШОС-АСЕАН, ШОС-ОЭС, ШОС-СВМДА и др.;

- Россия является участницей Восточноазиатского саммита наряду со странами АСАЕН+6, РВЭП и США, в рамках которого продвигается идея создания Восточноазиатского сообщества;

- Россия участвует в АТЭС, где в рамках Богорского решения (1994) принимает участие в создании ЗСТ и инвестиций, ныне – АТЗСТ;

- проводятся Встречи Азия-Европа (АСЕМ), обеспечивающие континентальный диалог между странами ЕС, ЕАСТ, ЕЭЗ, АСЕАН, АСЕАН+6, СААРК, ЕАЭС, ШОС, АТТС, но здесь не присутствуют многие страны Южной и особенно Центральной и Западной Азии (ССАГПЗ, САЭЕ, ОЭС, ОТГ и др.).

В целом, выбор всего континента Евразии в качестве контура ЕАИС обусловлен, во-первых, значительностью его потенциала, во-вторых, его относительной самодостаточностью, в-третьих, преобладанием внутриконтинентальных связей над межконтинентальными; в-четвертых, континентальным характером геополитики России, других стран СНГ и Евразии; в-пятых, необходимостью согласования конкурирующих между собой интеграционных проектов лидирующих стран Евразии и координации их действий с целью установления многополярного миропорядка и недопущения реализации противоречащих их интересам (дез)интеграционных проектов США. В этом случае особенно хорошо работает концепция сообщества безопасности – общий экономический интерес, формируемый в процессе экономического сотрудничества и интеграции между странами Евразии, будет способствовать безопасности на континенте и предотвратит противоречия и конфликты. При этом такой проект с участием нескольких важнейших интеграционных центров Евразии сгладит противоречия стран СНГ, опасующихся увеличения зависимости от России и включающихся в альтернативные интеграционные проекты, разрывающие СНГ и ЕАЭС на части, и откроет новые возможности для их интеграции и развития, поскольку позволит согласовать интересы при взаимодействии с внешними проектировщиками интеграции, создать более действенные механизмы объединения возможностей стран, финансирования совместных проектов и перераспределения выгод и издержек интеграции за счет помощи отстающим странам и регионам Евразии путем объединения ресурсов многих интеграционных центров, региональных банков и фондов развития, тем более что миссия единоличного донора проектов и отстающих стран в рамках ЕАЭС и СНГ для России пока является непосильной. Кроме богатых энергетических, минеральных, водных, биологических, человеческих и территориальных ресурсов, она, к сожалению, пока не обладает большим количеством других важных для интеграции факторов (прежде всего, финансовых фондов и высоких технологий), сопоставимых по масштабам тем, которые предлагают, например, Китай, ЕС и США в рамках своих глобальных сетевых интеграционных инициатив.

На глобальном контуре развиваются отношения между СНГ-9, СНГ-12, ЕАЭС, СГБР и Евро-Афро-Арабским (Африка и ее регионы), Азиатско-Тихоокеанским (Океания) и Американским (Америка и ее регионы) интеграционными мегарегионами, их блоками и странами.

ЕАЭС реализует отношения со странами (Чили, Перу, Аргентиной, Венесуэлой, Боливией, Австралией, Гватемалой, Кенией, Маврикием, США, Кубой, Марокко, Эквадором, Бразилией, Канадой, Мексикой, Новой Зеландией, Камеруном, Тунисом, Эфиопией, Египтом, Никарагуа и др.) и блоками (АСЕАН, АНКОН, СЕЛА/ЛАЭС, МЕРКОСУР, ЦАИС, КОМЕСА, ВАС, ЭКОЦАС (включая КЕМАК и КЕПГЛ), АТЭС, ТА, АС). С ними установлены дипломатические связи ЕАЭС, с некоторыми подписаны меморандумы (декларации) о сотрудничестве/партнерстве и идет взаимодействие в других формах (торгово-экономическое сотрудничество, обмен опытом интеграции, межправительственный диалог, диалог с бизнес-сообществом, деятельность двусторонней рабочей группы, совместный бизнес-форум, содействие деловым кругам в установлении прямых контактов, тематическая видеоконференция, обмен визитами представителей стран, групп и их деловых кругов, регулярные консультации и переговоры, совместные мероприятия, принятие и реализация совместных планов сотрудничества, «отраслевые» диалоги с участием деловых кругов и др.). Эти страны могут выступать точками доступа/входа на рынки интеграционных блоков. Но на практике эти блоки (кроме АТЭС, ВЭТС, РВЭП, ЕСЗСТ, НАФТА, ВП ТТП, БВЗСТ, БАЗСТ, АС, СЕЛА, ЛААИ, УНАСУР и др.) и страны (кроме США, Бразилии, Египта, Мексики, Алжира) не являются значимыми торговыми партнерами СНГ-12 и ЕАЭС. Межблоковые связи реализуются только с СЕЛА (в т.ч. с АНКОН, МЕРКОСУР, ЦАИС, ТА), Африканским союзом (в т.ч. с ВАС, ЭКОЦАС (КЕМАК, КЕПГЛ), КОМЕСА), пока отсутствует экономическая дипломатия ЕАЭС с некоторыми блоками за пределами Евразии:

- УНАСУР как группой (пока идет сотрудничество отдельно с АНКОН и МЕРКОСУР, а также их странами – Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой, Чили и Перу);

- ФТО (пока идет сотрудничество с Австралией и Новой Зеландией), что улучшит доступ/вход на рынки РВЭП, АНЗЦЕРТА, ПИКТА, МГЛ, ПГЛ, СПАРТЕКА, ПАЦЕР и особенно новой ПАЦЕР плюс;

- ЭКОВАС (включая СРМ, УЭМОА) и КАРИКОМ (включая ОВКГ);

- остальные блоки представлены только сотрудничеством с отдельными странами: САМ, АСЗСТ, БАЗСТ, БВЗСТ, ЕСЗСТ (Марокко, Тунис, Египет), АЛБА (Боливия, Венесуэла), САДК и САКУ (Маврикий), НАФТА и ЮСМКА (США, Канада, Мексика) и АТЭС (Чили, Перу, Канада, США, Мексика, Австралия, Новая Зеландия).

В целом, экспансия ЕАИС за счет проектирования глобального контура обусловлена следующими причинами: во-первых, необходимо диверсифицировать торгово-экономические связи СГБР/ЕАИС/СНГ; во-вторых, в интеграционных проектах Большая Евразия/ЕАИС включает не только страны Евразии –

часть союзов, в которых участвуют страны континента (САМ, АСЗСТ, ЕСЗСТ, БВЗСТ, БАЗСТ, КОМЕСА, АС, РВЭП, ВПТТП, АТЭС и др.), также вовлекает страны Африки (Египет, Ливия, Судан, Алжир, Тунис, Марокко, Мавритания и др.), Океании (Австралия, Новая Зеландия и др.) и Америки (Чили, Перу, США, Канада, Мексика и др.), а Китайский ОПОП/ВПШП имеет еще более глобальный охват; в-третьих, геополитически ЕАИС приобретает еще более широкий охват как Анти-Трилатераль [9] – сотрудничество и интеграция Евро-Афро-Арабского, Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского интеграционных мегарегионов, что предполагает помимо стран/блоков Евразии участие союзников из числа стран/блоков Африки, Центральной и Южной Америки и даже бывших социалистических стран Океании (МГЛ); в-четвертых, институционально евразийская хозяйственная система [10] и X-матрица [11] характерна не только для стран Евразии (кроме ЕС, ЕАСТ, Великобритании), но и Америки (Бразилия, Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Куба, Мексика, Никарагуа, Парагвай, Перу, Эквадор и др.), Африки (Ливия, Судан, Тунис, Эфиопия, ЮАР и др.), что сокращает институциональную дистанцию между странами и упрощает сотрудничество.

Итак, сформировавшаяся к настоящему времени географическая структура ЕАИС уже имеет четко очерченное ядро (ЕАИС, СГБР) и оформившийся, но размывающийся под воздействием внешних и внутренних факторов региональный контур (СНГ-12, СНГ-9). Однако континентальный контур (интеграционные отношения СГБР, ЕАЭС и СНГ со странами, блоками и организациями Евразии) и особенно глобальный контур (интеграционные отношения СГБР, ЕАЭС и СНГ со странами, блоками и организациями Африки, Америки и Океании) пока только формируются и не носят системного характера. В рамках континентального контура подписан ряд ССТ с третьими странами, выдвинута инициатива БЕАП / БЕП, на континентальном и глобальном контурах развиваются дипломатические и торгово-экономические контакты ЕАЭС, СНГ, ШОС и их стран-участниц с третьими странами, блоками и организациями. И пока сложившаяся структура свидетельствует о локальном характере Евразийской интеграции и весьма ограниченной экспансии ЕАИС.

Вместе с тем, проведенный анализ показал, что в ЕАИС необходим панконтинентальный (на континенте Евразия) и глобальный (с выходом в Америку, Африку, Океанию) геоэкономический, геополитический, цивилизационный (панидейный, паневразийский) интеграционный проект (мегаблок) с ядром в ЕАЭС/СГБР, основанный на принципах гибкого открытого сетевого, платформенно-экосистемного (а не иерархического, как в настоящее время) участия интеграционных блоков и входящих в них стран, равноправного мегартнерства и взаимовыгодного экономического сотрудничества/интеграции ЕАЭС/СГБР со странами/блоками СНГ-12, континента Евразии в целом (с АСЕАН, ССАГПЗ, ОЭС, СААРК, БИМСТЕК, ЦЕССТ, а в перспективе, после потепления отношений и с ЕС, ЕАСТ), включая основных интеграционных проектировщиков континента (Китай, АСЕАН, Турция, ОАЭ, Иран, Ирак, Индия, Республика Корея и др.), а также со странами/блоками Африки, Америки и Океании, институцио-

нализирующийся на основе проектирования неглубоких и/или глубоких всеобъемлющих, много- и/или двусторонних, суб- и/или меж- и/или региональных интеграционных блоков (союзов, соглашений, объединений, альянсов и т.п.) и соответствующих им прочих гибких механизмов «активной», «позитивной» интеграционной политики, учитывающих экономические, геополитические, цивилизационные, институциональные, структурные особенности стран/блоков-партнеров.

Литература

1. Ожигина В. В. Межрегиональные интеграционные соглашения: особенности, причины появления и тенденции развития // Экономический вестник университета : сб. науч. тр. ученых и аспирантов / ред. совет : Т.М. Боголиб (гл. ред.) [и др.]. – 2016. – Вып. 29/2. – С. 273–281.
2. Ожигина В.В., Чайковская Ю.В. Общий рынок Евразийского экономического союза: этапы и направления формирования // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2019. – № 3 (15). – С. 73-86.
3. Ожигина В.В. Взаимодействие ЕАЭС и СНГ в условиях формирования Большого Евразийского партнерства // Научные труды / Белорусский государственный экономический университет ; редкол. : В.Н. Шимов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 12. – С. 310-323.
4. Regional Trade Agreements Database / World Trade Agreements [Электронный ресурс]. // URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения 20.08.2023).
5. Международное сотрудничество / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. // URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/ (дата обращения 20.08.2023).
6. Ирхин А.А. Американский план «Большой Ближний Восток» и турецкая концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-средиземноморском регионе // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1(61). – С. 85–97.
7. Арапова Е. Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП? / Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/> (дата обращения 20.08.2023).
8. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991-2019 гг. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. №3. – С. 498–516.
9. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.
10. Евразийская политическая экономия : учебник / под ред. И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
11. Кирдина-Чэндлер С.Г. Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. – 2018. – № 1(2). – С. 73–88.

6.10. Проблемы учета в учреждениях ВАКФ

Вакф (pl. awqaf) – это исламское пожертвование, которое было распространенной практикой в мусульманском обществе со времен Пророка (мир ему) [26, с. 60]. Вакф притягивает особое значение и интерес к мусульманскому обществу в связи с той важной ролью, которую она играет в оказании широкого

перечня общественных благ [15]. В период правления Османской Империи институты Вакфа внесли существенный вклад в бесплатное предоставление мусульманским странам социальных благ различных форм [28, с. 56].

Возрождение института вакфов привело к тому, что необходимо создать хорошую систему управления [9]. Может быть, в последние десятилетия ученые мало уделяли внимания исследованию данного вопроса. Большой анализ литературы Малайзии показывает, что имущество Вакфов ненадлежащим образом подотчетно по каким-то причинам, таким как некомпетентность персонала, нехватка ресурсов для поддержания и развития акций Вакфов, бесхозяйственность, неправомерное присвоение средств Вакфов [26]. Также практика финансового и отчетного учета в этих учреждениях отличается многим [17, с. 112;4; 21, с. 91].

Исламские государства имеют очень большое количество вакфов, чаще всего в фондах. В силу отсутствия стандартов бухгалтерской отчетности вакфов, это привело к формированию ненадлежащего подотчетного и траспарентного характера этих организаций, а также к их устойчивой устойчивости. К тому же отнесение бизнеса коммерческих организаций в вакфные учреждения порождает путаницу относительно того, должен ли составляться их счет как счет государственной или частной организации. Некоторые исследователи предлагают адаптировать систему учета коммерческих организаций (например, [3, с. 55]), в то время как другие придерживаются мнения о применении системы учета некоммерческих организаций (например, [6, с. 61]). Предыдущие исследования не смогли четко решить вопрос о том, как должны представлять вакфные учреждения свои бухгалтерские (финансовые) отчеты и как вести бухгалтерский учет.

Чтобы смягчить влияние коронавируса на умму (общество), Вакф – один из эффективных инструментов исламского финансирования, признанных жизнеспособными [24]. Предлагаются несколько особых публикаций по роли Исламских Финансов в период кризиса и последующего периода в исламском и обычных журналах. Но в процессе анализа этих публикаций было показано, что практическая бухгалтерская отчетность и отчетность для вакфа не была обсуждена, хотя она была создана для того, чтобы облегчить бедность и улучшить социально-экономическое развитие в период чрезвычайных ситуаций и после них. Без соответствующей практики учетной и отчетной практики учреждения вакфов, не смогут достичь эффективных и результативных целей в период пандемии, а также в дальнейшем. Если отсутствует надлежащая отчетность и рентабельность, подготовив соответствующую бухгалтерскую финансовую отчетность и ведение учета, то это может легко приводить к краху учреждений вакф независимо от цены внесенных активов в них. Поэтому предполагается, что это исследование поможет определить, как, что и как должны быть подготовлены и раскрываются в бухгалтерском и финансовом учете таких организаций.

На данный момент существует лишь один стандарт бухгалтерской отчетности вакфов, выпущенный АОИФИ.

Цели нашей работы:

1. Определить характер вакфной организации, коммерческой, некоммерческой или гибридной.

2. Проанализировать финансовую отчетность, составляемую вакфными учреждениями с 01.01.2022 г. в соответствии со стандартом бухгалтерской отчетности вакфных учреждений (FAS № 37 «Финансовая отчетность Вакфных учреждений»), разработанным ААОIFI.

3. Предложить дополнительные финансовые отчеты, которые должны составлять вакфные учреждения для того, чтобы усилить ответственность за подотчетность и транспарентность в них.

Проблема отсутствия четких принципов и стандартов учетной политики для вакфа привлекло особое внимание исследователей к предложению учетной политики для вакфа для обеспечения подотчетности и отчетности этих организаций [21]. Некоторые исследования выявили неоднородность практик учета в вакфных учреждениях (например, [10, с. 252]; [26, с. 61]; [21, с. 90]; [3]; [11, с. 13]; [25, с. 60]). Другие исследователи [26] изучили практику бухгалтерского учета и отчетности Awqaf S. Было установлено, что бухгалтерский учет и отчетность Awqaf S регулируются несколькими регламентами и годовой финансовой отчетностью, подготовленной учреждениями. Азми и Ханифа [3] оценили, соответствует ли практика финансовой отчетности вакфных учреждений шариатскому стандарту ААОIFI № 33 «Вакф» (SS 33). Исследование показало, что, хотя учреждения применяли различные процедуры и методы бухгалтерского учета, они соответствовали положениям SS 33. Однако Шариатский стандарт № 33 (ШС 33) ААОIFI – это не бухгалтерский стандарт, а шариатский. При всей важности его соблюдения он не может гарантировать выполнение требований бухгалтерского учета. Например, различия в финансовой отчетности и бухгалтерском учете вакфных учреждений были замечены даже в Малайзии, несмотря на то, что она является одним из первопроходцев современной практики вакфов в мусульманском мире. Это связано с тем, что каждый штат Малайзии обладает Государственным исламским религиозным советом ГИРС, который является государственным учреждением, ответственным за разработку законов и процедур контроля за активами вакфов [16, с. 157]. Таким образом, Национальный исследовательский университет (НКЦР) является независимым в выполнении конституционных обязательств, включая вынесение руководящих рекомендаций по практике учетной и отчетной практики вакфов в штатах своего государства. Talib, N. Y. A., Latiff, R. A., Aman, A., Palil, M. R. [21] изучили бухгалтерскую практику и бухгалтерскую отчетность вакфных организаций в 11 штатах Малайзии. Исследования показали, что практика учетной и отчетной деятельности вакфов различается в разных странах, так как в каждом штате существует свой самостоятельный SIRC, возглавляемый правителем султана, членами совета, который регулирует деятельность Вакфов в штате.

На основании изучения исследований вышеназванных авторов можно резюмировать, что практика бухгалтерского учета и отчетности вакфных учреждений не были единообразными, поскольку они составлялись различными

способами [5, с. 1185]. Это объясняется тем, что у учреждений не было единого стандарта бухгалтерского учета вакфов, который они могли бы принять при подготовке своей финансовой отчетности. Это сделало бухгалтерский финансовый учет и финансовую отчетность вакфных учреждений по всему миру несопоставимыми. Таким образом, очень трудно сравнивать практику финансового учета и отчетности вакфных учреждений, особенно в разных странах, поскольку отсутствует стандартная основа. Качество бухгалтерской информации вакфов также может оказаться под угрозой из-за применения институтами вакфов различных методов учета и отчетности [16, с. 156].

Как уже говорилось, целью данного исследования является определение соответствующих классов вакфной организации и предложение о том, какая соответствующая бухгалтерская информация должна быть раскрыта в бухгалтерском финансовом и финансовом бухгалтерском учете такой организации. Для достижения этой цели использовался метод экспертизы документов, который использовали другие авторы, исследовавшие вклад академического и профессионального труда в продвижение знаний и знаний об исламских банках и финансах Нигерии [24]. По мнению Ахмеда Дж. [2, с. 12], контент-анализ – это метод, который широко применяется во многих дисциплинах. Поэтому в ходе исследования планируется структурно и системно анализировать соответствующие стандарты бухгалтерского и судебного характера, а также шариатского характера, такие как Стандарт учета вакфов ААОIFI (FAS № 37), Стандарт мушарака ААОIFI (FAS № 4 «MusharakaFinancing») и Стандарт мушарака Bank NegaraMalaysia. Также были изучены позиции и выводы других изыскателей по рассматриваемой теме.

В частности, государственные учреждения предоставляют населению необходимые продукты и услуги, а частные учреждения являются главной целью максимизации акционерного богатства. Поэтому правительственные органы власти, органы государственной власти, органы государственной власти, полугосударственные организации и НПО признаются общественными учреждениями, потому что они существуют прежде всего для того, чтобы обеспечить благосостояние и социальное экономическое развитие членов сообщества.

Кахф М. [12] определяет институт Вакфов не как самостоятельное юридическое лицо, а как правовой институт и учреждения Вакф – синоним благотворительной организации, и по шариату они созданы в целях благотворительности, благочестия и религии [26]. Таким образом, вакфовские учреждения являются такими же филантропическими организациями, которые называются также некоммерческой организацией НКО [14, с. 30]. По данным ООН, основными признаками некоммерческих организаций являются организационная структура, некоммерческие мотивы, институциональные отделения от власти, самоуправление, необязательность [26]. Эти характеристики практически приписываются институтам вакфов.

Вакфные учреждения обязаны существовать всегда в силу одной из своих основных характеристик, известной как бессрочность. Бессрочность позволяет имуществу вакфа непрерывно существовать по назначению, не теряясь и не

продаваясь. Он имеет бессрочное существование, если продолжает оказывать бесконечную помощь бенефициарам даже после смерти наследодателя [27]. Это возможно, если имущество вакфа используется для получения прибыли или к нему привязан устойчивый источник дохода. Таким образом, вакф включает в себя процесс перемещения актива от истощения к увеличению стоимости для устойчивого благосостояния предполагаемых пользователей [23, с. 61].

Более того, Кахф М (2003) утверждает, что создание института вакфа аналогично созданию коммерческой организации, которая, как ожидается, останется вечной для того, чтобы генерировать доход для благосостояния будущих поколений. Аналогичным образом, институт вакфа не будет существовать вечно, если находящиеся в нем активы не будут постоянно приносить доход [23, с. 62]. Другими словами, вакфное имущество само по себе не может приносить устойчивые выгоды предполагаемым бенефициарам, если оно не используется для осуществления коммерческих операций [19, с. 180]. Это свидетельствует о наличии элемента коммерческой деятельности в институтах вакфа для обеспечения их устойчивости [24].

Однако, поскольку основной целью вакфа является повышение благосостояния уммы, рекомендуется, чтобы учреждения вакфа применяли модель фонда социального предпринимательства (SEWF) при осуществлении своей деятельности для того, чтобы устранить разрыв между бизнесом и благотворительностью [20, с. 57]. Другими словами, принятие модели социального предпринимательского вакфного фонда (SEWF) позволит вакфным учреждениям получать прибыль, продавая свою продукцию населению по справедливым и доступным ценам.

Из вышеприведенных позиций авторов следует, что вакфные учреждения являются гибридными организациями, поскольку им присущи черты как некоммерческих, так и коммерческих организаций. В целом соглашаясь с таким подходом, мы считаем, что некоммерческая деятельность вакфов должна превалировать над коммерческой, поскольку она является основным смыслом существования таких учреждений

Вакф подразумевает передачу имущества на вечное пользование целевым бенефициарам. Оно не должно ни продаваться, ни наследоваться [18]. Такое имущество могло бы предоставлять услугам умме, например школам, предоставляющим бесплатное образование нуждающимся ученикам или приносить доход, таким образом, торговому центру, объявившему собственником вакфа, чтобы полученный доход использовался для обеспечения школы [28, с. 55]. Существуют два вида активов для вакфа: недвижимость и имущество недвижимого имущества (IbrahimandIbrahim, n.d.). При обычных условиях вакф относится к краткосрочным активам для того, чтобы заемщики могли использовать их выгоды и удовольствия без потребления собственного имущества. (Talibetal., 2018). В частности, недвижимость (как и земля) является наиболее подходящим активом для вакфа ([28, с. 55]; [12]; [1, с. 1018]). Это связано с тем, что она менее подвержена присвоению и растрате [28]. Кроме того, это долговечные активы, которые имеют длительный срок службы.

Согласно пункту 8 уже указанного стандарта финансового отчета для вакфинов ФАС № 37 Разработанный ААОИФИ вклад в капитал Вакфа может осуществляться как в денежном виде, так в натуральном виде. Современные практики вакфов включают в себя наличные, а также неденежные предметы. То есть пожертвования могут быть и денежные, и натуральные.

Если говорить о первоначальном признании активов вакфа, то стандарт ФАС №37 предполагает активы вакфов:

- они должны быть признаны по справедливой стоимости.
- которые не ожидают получения доходов, например, в мечети.

Потом активы следует оценивать так:

- Активы Вакфа должны быть оценены по своей справедливой стоимости и любая прибыль или убыток должна быть признана непосредственно на капитале Вакфа, вне зависимости от положений любых стандартов финансовой отчетности АОИФИ. Таким образом, амортизация параграфа 14 не должна быть начислена на эти активы.

- Активы вакфов, которые не ожидают получения дохода, например мечети, должны быть учтены по первоначальной стоимости пункта 16.

Оценка вкладов в натуральном виде соответствует ранее упомянутым Стандартам ААОИФИ – ФАС № 4. По указанному Стандарту доля Исламского банка в натуральном объеме торговых активов или неденежных активов, предоставленных в натуральном объеме торговыми активами или неденежными активами для применения на предприятии, оценивается в соответствии с справедливой стоимостью активов, согласованной сторонами пункта 5.

Бухгалтерские данные являются обработкой операций и мероприятий организации, представленных в бухгалтерской отчетности организации и в бухгалтерском финансовом учете, для решения различных заинтересованных сторон, имеющих с ней прямую или косвенную связь.

Информационная необходимость пользователей таких отчетов и счетов учета возрастает и меняется с ростом категорий пользователей (ААОИФИ, 2015). Так, к примеру, инвестор стремится максимально улучшить свой бизнес, а провайдеры кредитования ищут, как бизнес оплатит его, когда наступит срок. Также в ситуации, когда бухгалтерская информация необходима в вакфном учреждении. На самом деле, по мнению Mansor, N., Jamil, A., Bahari, A. [16, с. 157], подотчетность в учреждениях вакфов более требовательна, чем в частном и государственном секторах, поскольку доноры активов вакфов не имеют собственного капитала или личной доли в учреждениях. Это связано с тем, что исламская бухгалтерская информация в целом более разнообразна, чем традиционные аналоги [26].

Отношения доноров и менеджеров могут быть объяснены с помощью теории агентов, которая, как правило, применяется для того, чтобы объяснить управление в контексте взаимоотношений принципала с агентом в компании, которая получает прибыль. [1, с. 1018]. Поэтому теория агентов объясняет взаимоотношения доноров и менеджеров. Очевидно, что в связи с тем, что имущество вакфа является доверенным управляющим, может быть конфликт интере-

сов между намерениями владельца и заинтересованными доверительным управляющим.

Кроме того, в связи со сложностью институтов вакфа, которые состоят из различных участников, теория участников представляется весьма применимой. Оно требует, чтобы менеджеры управляли организацией в интересах заинтересованных сторон и действовали так, чтобы выжить организацию, сохранить долговременные интересы всей группы. [4]. Теория заинтересованных сторон также поддерживает справедливое, честное и даже щедрое отношение ко всем заинтересованным сторонам [7, с. 858].

Одним из методов демонстрации справедливости и честности менеджеров вакфов является передача бухгалтерской информации всем заинтересованным лицам. Добавление пользователям отчетности по бухгалтерскому финансовому отчету может быть мощным инструментом для того, чтобы минимизировать конфликт интересов не только управляющих и доверителей, но также и других заинтересованных сторон вакфной организации. Таким образом, попечителям следует раскрывать надлежащую информацию об управлении фондами вакфов.

Институт вакфа имеет множество пользователей бухгалтерских данных, например вакфа, бенефициаров, регулирующих органов и общества в целом. Наследодатель, если он будет жив, будет пользоваться бухгалтерской информацией для определения того, достигнут ли его намеченные цели в актах Вакфа. Финансовая поддержка учреждения может продолжаться, если ей будет известно, как и как управлять и распоряжаться активами Вакфа. Также бухгалтерская информация необходима для владельцев активов Вакфа. Это может быть населенный пункт или определенная группа людей, такая как семья, например. Бухгалтерские данные будут использованы для оценки того, предоставляет ли попечитель им товары или услуги в соответствии с намерениями доноров и условиями вакфа.

Кроме того, у правительства или соответствующих регулирующих органов вакфа необходимы бухгалтерские данные. Она может быть использована для разработки политики и принятия соответствующих мер, в том числе для того, чтобы было принято необходимых мер, включая наказание за использование нецелевого использования или отклонения от предполагаемой цели Вакфа, необходимо принять соответствующие меры. Это необходимо для улучшения практики вакфов, для постоянного вмешательства в социальные и экономические дела уммы. [18]. Бенефициар будет использовать бухгалтерские данные для того, чтобы оценить, предоставляет ли попечитель им товары и услуги по намерениям донора и условиям вакфы.

Кроме того, у правительства или соответствующих регулирующих органов вакфа необходимы бухгалтерские данные. Она может быть использована для разработки политики и принятия соответствующих мер, в том числе для того, чтобы принять необходимые меры, в том числе наказание за нецелевое использование или отклонение от предполагаемых целей Вакфа. Это нужно для того, чтобы улучшить практику вакфов, чтобы постоянно вносить вклад в социальную и экономическую деятельность умма.

Другим заинтересованным лицам нужна бухгалтерская информация, как это делается в компаниях с ориентированностью на получение доходов, например сотрудникам, клиентам, налоговым органам и журналистам. В связи с этим важные организации, представляющие собой эндаументную структуру, также принимают участие в торговых операциях в своем постоянном существовании, заключают сделки, поддерживают отношения с этими заинтересованными лицами. Эти участники играют жизненную роль в выживании и успехе коммерческих организаций. Таким образом, если они относятся хорошо, то скорее они ответят положительно и поведут в отношении вакфа.

Обобщая этот аспект, отметим, что пользователям бухгалтерской информации вакфов сложнее, чем пользователям частного бизнеса и государственного сектора по отдельности, поскольку учреждения вакфов имеют черты обоих секторов.

Руководство любой формы предпринимательства обязано формировать бухгалтерскую (финансовую) отчетность и вести учет с целью обеспечения управления доверенными ему ресурсами. Соответственно эта ключевая управленческая функция становится необходимостью для попечителей учреждений вакфов.

Известно, что подготовка бухгалтерского финансового отчета проводится в соответствии со стандартами бухгалтерской отчетности. Большинство частных предприятий в мире применяют международные стандарты по бухгалтерскому учёту международные стандарты по бухгалтерскому учёту международные стандарты по бухгалтерскому учёту международные стандарты по финансовому учёту международные стандарты по финансовому учёту международные стандарты по финансовому учёту. Напротив, международные стандарты учетной политики государственного сектора IPSAS являются глобальными стандартами учетной политики, широко применяемыми для формирования отчетности по всему миру. Также ИФУ исламских финансовых учреждений обязаны следовать стандартам AAOIFI и адаптироваться к традиционным стандартам IAS-IFRS для подготовки бухгалтерского финансового отчета. Из вышеперечисленного можно сказать, что учреждения вакф используют различные методы учетной политики, практики, а некоторые оказываются менее отчетными, чем иные. В прошлом, когда некоторые вакфы не надлежащим образом выполняли функции отчетности, может быть объяснено отсутствием в таких учреждениях универсальных бухгалтерских стандартов, которые можно было бы принимать.

Кроме того, для подготовки всеобъемлющей бухгалтерской (финансовой) отчетности и ведения надлежащего бухгалтерского учета, повышения их единообразия, а также минимизации отличий в практике учета и отчетности вакфов, ученые придерживаются различных мнений. Например, некоторые из них предлагают применять систему бухгалтерского учета для коммерческих организаций, в то время как другие рекомендуют адаптировать систему бухгалтерского учета для некоммерческих организаций. Азми А.С. и Ханифа М.Н. [3,

с. 56] изучили две вакфные организации, чьи счета бухгалтерского учета проходят аудит и ежегодно публикуются для всеобщего доступа. Было установлено, что эти вакфные организации применяли системы бухгалтерского учета для коммерческих организаций. Исследование также показало, что их практика финансовой отчетности не противоречит положениям ААОIFI в соответствии с Шариатским стандартом для вакфов № 33 «Вакф» (SS 33). С другой стороны Хамдан Н. и др. [6] утверждают, что практика финансовой отчетности для коммерческих организаций не подходит для адаптации в мечетях, поскольку их природа напоминает некоммерческие организации.

FAS № 37, введенный в действие с 1 января 2022 года, содержит обширный перечень финансовой отчетности, которую должны составлять учреждения Вакфа, а именно:

- a. Отчет о финансовом положении на конец периода;
- b. Отчет о финансовой деятельности за период;
- c. Отчет о Галлахе за период;
- d. Отчет об изменениях в капитале вакфа за период;
- e. Отчет о движении денежных средств за период; и
- f. Примечания (Пояснения) к финансовой отчетности (параграф 26).

Из вышеприведенного перечня видно, что необычным среди форм отчетов предстает Отчет о Галлахе. Согласно упомянутому стандарту FAS № 37 он представляется аналогично Отчету о движении денежных средств ипоказывает реальную природу института вакфа, которая отражает степень достижения целей вакфа для благосостояния предполагаемых бенефициаров.

Но наряду с этим FAS №37 не принимает во внимание вопросы относительно коммерческой деятельности вакфных учреждений для поддержания своей деятельности. При этом коммерческая деятельность является основным источником доходов вакфов. Поэтому необходимость учета их операций очень глубока. Обычно некоммерческие компании обязаны составлять отчет о доходах при проведении любого коммерческого мероприятия, направленного на прибыль, чтобы обеспечить дополнительный доход для выполнения основных целей компании. К примеру, в ассоциациях помимо главной деятельности существует ресторан-бар с членами и другими людьми, где участники и прочие люди продают закуски, напитки и другую пищу. Поэтому отчеты о доходах должны составляться хотя бы по коммерческой деятельности вакфной организации.

Вакфные учреждения работают как благотворительные организации и одновременно занимаются коммерческой деятельностью. Хотя бухгалтерская (финансовая) отчетность и бухгалтерский учет вакфных учреждений могут стать более объемными, конструктивно, по нашему мнению, если отчет о доходах, отчет о финансовом положении, отчет об изменениях в капитале и отчет о движении денежных средств касаются коммерческой деятельности этих учреждений будут интегрированы в их бухгалтерскую (финансовую) отчетность, поскольку они являются гибридными организациями. Это необходимо для малых и средних вакфных учреждений, в том числе и в России.

Заключение

Бухгалтерский учет является одним из ключевых управленческих функций организаций, в числе которых учреждения вакф, который призван обеспечивать не только их устойчивость, но и способствовать эффективному достижению намеченных целей. В течение длительного времени отсутствие универсальных стандартов учета вакфов приводило к различиям в практике финансового учета и отчетности этих учреждений не только по всему миру, но и в одних и тех же странах, например, в Малайзии. Это в значительной степени сопровождалось слабой подотчетностью вакфных учреждений, что приводит к неэффективной работе и даже краху некоторых из них. Однако Совет ААОИФИ утвердил стандарт бухгалтерского учета для вакфных учреждений (FAS № 37) для принятия с 1 января 2022 года. Цель данного исследования – определить, следует ли классифицировать учреждения вакфов как некоммерческие, частные или смешанные организации с целью надлежащего предоставления содержания их бухгалтерской (финансовой) отчетности и ведения бухгалтерского учета. Анализ деятельности вакфных учреждений показал, что они являются гибридными организациями, несмотря на то, что созданы в первую очередь для религиозных целей и целей социально-экономического развития. Однако для того, чтобы продолжать свою деятельность, обычно им приходится осуществлять и коммерческую деятельность. В связи с этим логично ожидать, что в бухгалтерской (финансовой) отчетности и бухгалтерском учете вакфные учреждения должны отражать как вакфную, так и коммерческую деятельность. Однако FAS №37 ААОИФИ, который считается первым универсальным стандартом бухгалтерского учета для вакфных учреждений, в основном сосредоточен на вопросах учета и отчетности касаясь благотворительной деятельности. Другими словами, коммерческой деятельности, осуществляемой вакфными учреждениями, уделяется мало внимания или вообще не уделяется.

Предложения

Полученные результаты дают три основных предложения:

- 1) нужно разрабатывать руководства, правила;
- 2) нужно разрабатывать стандарты учета вакфов, которые будут обязывать и мотивировать вакфов надлежащим образом раскрывать в их бухгалтерском финансовом учете и бухгалтерской отчетности деятельность;
- 3) по нашему мнению, ААОИФИ предполагает возможность дополнить стандарт FAS №37 для включения в коммерческую деятельность вакфных организаций;
- 4) нужно повысить информированность и знание бухгалтерского и финансового учета о устойчивости учреждений вакфа среди потенциального и фактического донора. Это может быть достигнуто посредством сотрудничества соответствующих государственных учреждений, экспертов и ученых.

Литература

1. Abdullah, R., & Ismail, A.G. (2015). Taking stock on the waqf-based Islamic microfinance model. *International Journal of Social Economics*, 44(8), 1018-1031.

2. Ahmed, J. (2010). Documentary research method: new dimensions. *Indus Journal of Management and Social Science*, 4, 1-14.
3. Azmi, A. C., & Hanifa, M.H. (2015). The Sharia-compliance of financial reporting practices: a case study on waqf. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*, 6 (1),55-72, <http://dx.doi.org/10.1108/JIABR-10-2012-0069>.
4. Fontaine, C., Haarman, A., & Schmid, S. (2006). The stakeholder theory. Retrieved September 9, 2019, from <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Stakeholder-Theory-Fontaine-Haarman/fd7526ad023f2337cc01a123ead2d60191d1620c>
5. Habidin, N.F., Hussin, M.Y.M., Muhammad, F., Janudin, S.E., & Fuzi, N.M. (2017). Critical success factors, benefit, and auditing of waqf accounting. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 7(4), 1184-1189.<https://doi.org/10.6007/IJARBSS/v7-i4/2925>.
6. Hamdan, N., Ramli, A.M., Jalil, A., & Haris, A. (2013). Accounting for waqf institutions: a review on the adaptation of fund accounting in developing the Shariah-compliant financial reports for mosque. Paper presented at World Universities' Islamic Philanthropy Conference 2013 (WIPCON 2013), Organized by IKAZ and UITM, 4 & 5 December.
7. Harrison, J.S., Freeman, R.E., & Sa de Abreu, M.C. (2015). Theory as an ethical approach to effective management: applying the theory to multiple contexts. *Review of Business Management*, 17 (55), 858-869.
8. Ibrahim, D.B., & Ibrahim, H.B. (n.d.). Revitalization of Islamic trust institutions through corporate waqf. Retrieved July 10, 2019, from https://www.academia.edu/9186209/Revitalization_of_Islamic_Trust_Institutions_through_Corporate_Waqf.
9. Ihsan, H. and Adnan, M.A. (n.d.). Waqf accounting and the construction of accountability. Retrieved August 10, 2019, from https://www.academia.edu/504496/Waqf_Accounting_and_The_Construction_of_Accountability.
10. Ihsan, H., & Hameed, S.M.I. (2011). Waqf accounting, and management in Indonesian waqf institutions: the cases of two waqf foundations. *Humanomics*, 27 (4),252-269. <https://doi.org/10.1108/08288661111181305>.
11. Ihsan, H., Sulaiman, M., Alwi, N.M., & Adnan, M.A. (2017). A study of accountability practice in DompotDhuafaWaqf of Indonesia. *Journal of King Abdulaziz University: Islamic Economics*, 30 (2), 13-32.
12. Kahf, M. (2003). The role of waqf in improving the ummah welfare. Paper presented to the International Seminar on " Waqf as a private legal body" Organized by Islamic University of North Sumatra, Medan, Indonesia, January 6-7. Retrieved August 30, 2019 from monzer.kahf.com/papers/english/ROLE_OF_WAQF_IN_THE_WELF.
13. Kahf, M. (2012). Challenges and opportunities in harnessing waqf for the provision of social services. Retrieved May 18, 2018, from monzer.kahf.com/papers/english/WAQF_and_its_Socio-political_Aspects.pdf.
14. Kamaruddin, M.I.H., & Ramlia, N.M. (2015). Enhancing financial accountability of Islamic philanthropic organizations through financial disclosure. *Online Journal of Research in Islamic Studies*, 2 (1), 29-42.
15. Mahata, M. A., Jaaffara, M. Y., & Abdul Rasoola, M. S. (2015). Potential of micro-waqf as an inclusive strategy for development of a nation. *Procedia Economics and Finance*,31,294-302.[https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)01193-4](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)01193-4)
16. Mansor, N., Jamil, A., & Bahari, A. (2017). Integrated waqf reporting system. *International Journal of Accounting, Finance and Business (IJAFB)*, 2 (6), 155 – 166.
17. Masruki, R., Hussainey, K., & Aly, D. (2016). Expectations of stakeholders on the information disclosure from the Malaysian State Islamic Religious Councils (SIRCs) Reporting. *Global Review of Accounting and Finance*, 7 (2), 112-128.
18. Osman, A. Z. (2012). Accountability in managing waqf properties: the case of two State Religious Councils in Malaysia. Thesis submitted to the University of London for the degree of Doctor

- of Philosophy School of Management, Royal Holloway University of London. Retrieved August 18, 2019 from <https://ethos.bl.uk/OrderDetails.do?uin=uk.bl.ethos.553846>.
19. Salarzahi, H., Armesh, H., & Nikbin, D. (2010). Waqf as a Social Entrepreneurship Model in Islam. *International Journal of Business and Management*, 5 (7), 179-186.
20. Shulthoni, M., & Saad, N. M. (2018). Waqf fundraising management: a conceptual comparison between traditional and modern methods in the Waqf institutions. *Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies*, 8 (1), 57-86. <https://doi.org/10.18326/ijims.v8i1.57-86>
21. Talib, N. Y. A., Latiff, R. A., Aman, A., & Palil, M. R. (2018). An exploratory study of accounting and reporting practice for Waqf among State Islamic Religious Councils in Malaysia. *International Journal of Islamic Thought*, 13, 90- 105.
22. Umar, U. H. (2021). Adapting the Al Rajhi waqf model to mitigate the impact of COVID-19 on the ummah, in M. K. Hassan, A. Muneeza, & A.M. Sarea (Eds.), *COVID-19 and Islamic Social Finance*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003121718>.
23. Umar, U. H., & Kurawa, J. M. (2019). Business succession from Islamic an accounting perspective”, *ISRA International Journal of Islamic Finance*, 11 (2), 267-281. <https://doi.org/10.1108/IJIF-06-2018-0059>
24. Umar, U. H., Abu Bakar, M., Baita, A. J., Kademi, T. T., & Haron, M.H. (2021). Do academic and professional institutions promote the awareness and knowledge of Islamic banking and finance in Nigeria?. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*. <https://doi.org/10.1108/JIABR-05-2020-0171>
25. Yaacob, H., & Nahar, H.S.(2017). Investigating awqaf management, accounting and investment practices in Malaysia: the case of a State Religious Institution. *Global Journal of Al-Thaqafah*, 7 (1), 59-70.
26. Yaacob, H., Petra, S., Sumardi, W., & Nahar, H. S. (2012). Awqaf accounting and reporting for accountability: a case study of Awqaf S. *Proceedings of 19th International Business Research Conference*. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2175459> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2175459> .
27. Yalawae, A., & Tahir, I. M., (2008). The Role of Islamic institution in achieving equality and human development : waqf or edowment. Paper presented at the 5th annual conference of the HDCA, 10-13 September 2008, New Dehli, India. Retrieved August 10, 2019, from <https://hdca.org/publications/>.
28. Zarqa, M. A.(1994). Financing and investment of awqaf projects: a nontechnical introduction. *Islamic Economic Studies*, 1, 55-62.

6.11. Новые аспекты участия стран Центральной Азии в проекте «Один пояс, Один путь»

В результате российско-украинского конфликта США и западные страны ввели всеобъемлющие санкции против России. Государства Центральной Азии давно поддерживают тесные политические и экономические связи с Россией, поэтому они в большей степени ощутили на себе последствия российско-украинского конфликта. По данным Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), цены на товары первой необходимости, такие как продукты питания, одежда и газ, выросли, а инфляция в регионе достигла 16% [1]. Перед лицом проблем и неопределенности, вызванных российско-украинским конфликтом, пять стран Центральной Азии вынуждены гибко корректировать свои стратегии в условиях ряда изменений, чтобы расширить шансы на дальнейшее

развитие этих стран. Центральназиатские государства проводят многовекторную внешнюю политику, но не в пользу Запада или против России, а ради спасения своих стран от экономического краха и изоляции. За последний год все пять стран отмечают рост торговли с Россией [2], но в то же время ищут другие варианты повышения устойчивости экономики своих стран к рискам. Влияние России в Центральной Азии также постепенно снижается после визита госсекретаря США Энтони Блинкена в Узбекистан и Казахстан с 28 февраля по 3 марта этого года [3], где он встретился с министрами иностранных дел пяти стран Центральной Азии. Соединенные Штаты воспользовались «отвлекающим маневром» России, чтобы активно привлечь на свою сторону пять стран Центральной Азии. Центральназиатские государства хорошо осведомлены о различных действиях США в последние годы, и согласиться на сближение с ними равносильно тому, чтобы «заманить волков в дом». Поэтому с точки зрения геополитических, экономических и политических реалий главным приоритетом для этих стран является безопасность и стабильность региона в целом. Поэтому использование США для ослабления влияния России в Центральной Азии – не лучший выбор. В настоящее время, если пять центральназиатских стран хотят достичь своих стратегических целей, лучшим выбором становится Китай. Если центральназиатские государства хотят добиться экономического роста, они должны «сесть в скоростной поезд» китайского строительства проекта «Один пояс, один путь». В сфере борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности Центральной Азии также не обойтись без сотрудничества с Китаем. Углубление сотрудничества между пятью центральназиатскими странами и Китаем определяется их национальными интересами и не зависит от воли США.

1. Геополитические аспекты сотрудничества

Центральназиатский регион всегда был театром соперничества крупных держав, и геополитическая ситуация здесь достаточно сложная. В силу того, что пять стран Центральной Азии и Россия имеют особое историческое наследие и геополитические отношения, эти государства поддерживали тесные отношения с Россией. Однако начало российско-украинского конфликта не только подчеркивает высокую чувствительность России к изменению ситуации с безопасностью в соседних странах, но и усиливает значение пяти стран Центральной Азии как «геоосновы стабилизации статуса великой державы» для России, а также их важность для обеспечения безопасности России на южном направлении. В игре санкций и контрсанкций между Западом и Россией пять стран Центральной Азии имеют тенденцию к постепенному отдалению от России. В то же время пять центральназиатских стран расширяют свои отношения с Китаем, активно участвуя в строительстве проекта «Один пояс, один путь», и избегая ситуации, когда США смогут контролировать экономику Центральной Азии. В то же время Китай своими силами будет содействовать развитию пяти стран Центральной Азии, помогать российской стороне стабилизировать ситуацию на ее южных границах, а также избегать полного проникновения США в этот регион. Это не только не приведет к снижению влияния России в Центральной Азии, но и будет благом для Китая, России и Центральной Азии. Од-

нако для того, чтобы расширение влияния Китая в пяти центральноазиатских государствах не отразилось на китайско-российских отношениях, необходимо, чтобы Китай продолжал уважать интересы России в Центральной Азии.

2. Осмысление реализуемых мер и возможности их реализации

Пять стран Центральной Азии проявили большой прагматизм и использовали текущие экономические изменения в интересах своих стран, в том числе рост экспорта из Казахстана и Кыргызстана в Россию [4] и соглашение о сотрудничестве в газовой сфере Казахстана с Узбекистаном [5]. Страны Центральной Азии хотят разумно использовать текущую ситуацию, чтобы избежать вторичных санкций и извлечь как можно больше дивидендов из общего кризиса.

Китай со своей инициативой «Пояс и путь» предложил пяти странам Центральной Азии один из возможных вариантов плана развития. На самом деле Китай оказывает значительное влияние на Центральную Азию еще со времен династии Хань, когда создание Шелкового пути открыло огромные возможности для развития региона. Теперь, спустя тысячи лет, китайская инициатива «Один пояс – один путь» восстановила славу древнего Шелкового пути, вновь открыв перед Центральной Азией исторические возможности для развития. В 2015 году был официально опубликован документ «Продвижение Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21-го века: перспективы и действия» [6], где пять центральноазиатских государств стали фокусом будущего направления сотрудничества между Китаем и государствами евразийского региона. Китайская инициатива «Пояс и путь» направлена на интеграцию Центральной Азии в глобальную цепочку создания стоимости, промышленную цепочку системы разделения труда, которую необходимо продвигать через строительство инфраструктуры, не только открывая евразийский континент, но и формируя новую производственную сеть и потребительский рынок, чтобы евразийская экономика и даже глобальная экономика формировали новое пространство роста.

Прежде всего, ресурсная обеспеченность пяти стран Центральной Азии и текущая ситуация в китайской промышленности образуют благоприятное взаимодополнение, а китайское промышленное поле сотрудничества является обширным. Государства Центральной Азии богаты природными ресурсами, особенно минеральными, многие из которых в Китае в дефиците. Казахстан – одна из стран с наибольшим количеством природных ресурсов в мире, его запасы нефти составляют 13,84-16,58 млрд. тонн, что составляет 3,4-4,1% мировых запасов, он также является крупным экспортером продовольствия в мире. Узбекистан занимает четвертое место в мире по запасам золота и обладает 584 млн. т нефти [7]. Ежегодная добыча газа в Туркменистане составляет около 60 млрд. куб. м, при этом внутри страны ежегодно потребляется менее 20 млрд. куб. м, а все остальное экспортируется [8]. Кыргызстан занимает третье место в мире по добыче сурьмы и чрезвычайно богат водными и животноводческими ресурсами [9]. Запасы урана в Таджикистане составляют около 13-14% от общемировых [10]. По ресурсной обеспеченности на душу населения Китай уступает только

Соединенным Штатам Америки, поэтому богатые минеральные и сельскохозяйственные ресурсы пяти стран Центрально-Азиатского региона и Китая имеют глубокую ресурсную взаимодополняемость. Кроме того, в силу географического положения пять центральноазиатских стран находятся в глубине Евразийского континента и не имеют прямого выхода к морю. При этом Узбекистан является страной не имеющей выхода к морю. Поэтому, если страны Центральной Азии хотят активно интегрироваться в мировую экономику, они должны заимствовать опыт Китая.

Во-вторых, промышленные структуры пяти стран Центральной Азии и Китая дополняют друг друга. Центральноазиатские государства имеют типичную структуру промышленности, основанную на ресурсах. Китай в основном экспортирует промышленные товары и в Китае имеется полный спектр промышленных отраслей, поэтому у пяти стран Центральной Азии есть материальная база для промышленного сотрудничества с Китаем на основе международного разделения труда.

Наконец, в краткосрочной перспективе, поскольку Россия подвергается целому ряду санкций со стороны США и стран Запада, Центральная Азия может усилить свое сотрудничество с Китаем в сфере международных перевозок и стремиться к импортозамещению, что, в свою очередь, также увеличит возможности торгового и инвестиционного сотрудничества между пятью государствами Центральной Азии и Китаем. На сегодняшний день общий объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии превысил 70,2 млрд. долл. и привел к появлению в регионе 400 тыс. высококачественных рабочих мест [11], что в значительной степени способствует их экономическому развитию.

Основные итоги и выводы.

Во-первых, Китаю следует укреплять сотрудничество между инициативой «Пояс и путь» и Евразийским экономическим союзом, а также способствовать развитию тесных связей между Китаем, Россией и Центральной Азией, уделяя особое внимание укреплению сотрудничества в области энергетической и продовольственной безопасности.

Во-вторых, учитывать стремление государств Центральной Азии к независимому и диверсифицированному развитию. В нынешней ситуации недостаточной внутрорегиональной интеграции и сотрудничества между пятью странами. Для развития их в целом слабой промышленной базы активное участие пяти стран в строительстве «Пояса и пути» может не только обеспечить углубленную помощь Китая в региональной экономической интеграции Центральной Азии, но и постоянную поддержку индустриализации пяти центральноазиатских стран.

Основная концепция китайской инициативы «Один пояс и один путь» – «совместный бизнес, совместное строительство и совместное использование» [12], что, по сути, означает изменение привычного для Запада геоконкурентного мышления на геокооперативное и формирование новой геоцивилизации взаимовыгодного сотрудничества. Таким образом, сотрудничество между пятью странами Центральной Азии и Китаем имеет тесную взаимосвязь, прочную основу и широкие перспективы.

Литература

1. 《俄乌冲突下，中亚的选择》（Выбор Центральной Азии в условиях российско-украинского конфликта）URL:<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1761565927701964762&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.05.2023).
2. Товарооборот России и стран Центральной Азии вырос в 2022 году на 15% URL:<https://tass-ru.turbopages.org/turbo/tass.ru/s/ekonomika/17600953>
3. 《布林肯首访中亚意欲何为》（Каковы намерения Блинкена впервые посетить Центральную Азию?）URL : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1760210001834083267&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.05.2023).
4. “Газпром” подписал “дорожную карту” сотрудничества в газовой сфере с Узбекистаном URL:<https://www.interfax.ru/business/883016> (дата обращения: 07.06.2023).
5. “Газпром” подписал “дорожную карту” сотрудничества в газовой сфере с Узбекистаном URL:<https://www.interfax.ru/business/883016> (дата обращения: 07.06.2023).
6. 《<推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动>全文》（документ «Продвижение Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21-го века: перспективы и действия»）URL : http://www.china.org.cn/chinese/2015-09/15/content_36591064.htm?f=pad (дата обращения: 07.06.2023).
7. Природные ресурсы Узбекистана URL: <https://uzbekistanfaq.ru/poleznye-iskopaemye-uzbekistana> (дата обращения: 07.08.2023).
8. Туркмения хочет увеличить добычу газа на 60 млрд куб м в ближайшие годы URL: <https://www.moscowtimes.io/2023/08/04/turkmeniya-khochet-uvlichit-dobychu-gaza-na-60-mlrd-kub-m-v-blizhayshie-gody-a51111> (дата обращения: 07.08.2023).
9. 《吉尔吉斯斯坦经济正持续增长》（Экономика Кыргызстана продолжает расти）URL: <https://new.qq.com/rain/a/20230529A02A1400> (дата обращения: 07.08.2023).
10. 能源分配问题，对中亚各国来说是一个政治选题》（Вопрос распределения энергии является политическим вопросом для стран Центральной Азии）URL: <https://new.qq.com/rain/a/20200903A0LLOI00> (дата обращения: 07.08.2023).
11. 《2022 年中国与中亚五国双边贸易额达 702 亿美元同比增长 40%》（В 2022 году объем двусторонней торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии достиг 70,2 миллиарда долларов США, увеличившись на 40% в годовом исчислении）URL:<https://news.cctv.com/2023/02/17/ARTINB9p6huW92CQeJfOxCOD230217.shtml>(дата обращения: 08.08.2023).
12. 高质量共建“一带一路”》（Постройте “Пояс и путь” с высоким качеством）URL:<https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/283633.html> (дата обращения: 08.08.2023).

6.12. Евразийская интеграция в условиях нестабильности курса рубля к иностранным валютам

Система национальных счетов[1] (далее: СНС) – это согласованный на международном уровне стандартный набор рекомендаций по исчислению показателей экономической деятельности в соответствии с четкими правилами ведения счетов и учета на макроуровне, основанными на *принципах экономической теории*. СНС под руководством Межсекретариатской рабочей группы по национальным счетам (МСРГНС) [2], включившей в свой состав: Статистическое бюро Европейских сообществ (Евростат); Международный валютный фонд (МВФ); Организацию экономического сотрудничества и развития

(ОЭСР); Статистический отдел Организации Объединенных Наций (ООН); региональные комиссии Секретариата ООН и Всемирного банка.

СНС устанавливает правила ведения счетов, виды счетов, таблицы и их интеграцию. На этой основе в России разработан Классификатор институциональных единиц по секторам экономики [3] (далее: КИЕС), который обеспечивает институциональный подход при формировании макроэкономических показателей, и позволяет подходить к изучаемым процессам не с точки зрения самого процесса, а с точки зрения субъектов, их осуществляющих. КИЕС позволяет гармонизировать систему национальных счетов, *статистику государственных финансов и платежный баланс* с точки зрения однородности охвата институциональных единиц и трактовки отдельных показателей, на основе западной модели функционирования экономики.

Эти рекомендации сформулированы в форме системы концепций, определений правил ведения счетов, которые составляют согласованный на международном уровне стандарт исчисления таких показателей, как *валовой внутренний продукт (ВВП)* – наиболее часто используемый индикатор результатов экономической деятельности.

При составлении международных рейтингов экономической устойчивости и развитости экономических систем используемые показатели для соблюдения принципа соразмерности приводятся к единому измерителю – доллару США (далее: USD), что, по нашему мнению, не является правильным и закладывает ложные представления об экономике и уровню ВВП отдельных стран.

Для сглаживания политически спровоцированных колебаний валютного курса используем среднее значение соотношения рубля (далее: RUB) и USD, рассчитанное как среднее арифметическое на основе ежедневно публикуемых данных Центрального банка Российской Федерации. Исходя из данной информации, а также из статистической информации о размере ВВП России в текущих ценах, рассчитаем валютный размер исследуемого показателя и сравним его со статистической информацией Всемирного банка (табл. 6.15).

Таблица 6.15

Сравнительная таблица объема ВВП^о_{расч.}, полученного через «Среднее значение курса RUB/USD», и объема ВВП^о_{WorldBank}, за период 2005-2022гг.

Год	Объем ВВП России в млрд. RUB[4]	Среднее значение курса RUB/USD [5]	Объем ВВП ^о _{расч.} млрд.USD	Объем ВВП ^о _{WorldBank} млрд.USD [6]	Разница
2005	21 609,80	28,80	750,32	764,01	-13,69
2006	26 917,20	27,14	991,75	989,93	1,82
2007	33 247,50	25,55	1 300,91	1 299,71	1,20
2008	41 276,80	24,86	1 660,06	1 660,84	-0,77
2009	38 807,20	31,75	1 221,91	1 222,64	-0,72

Год	Объем ВВП России в млрд. RUB [4]	Среднее значение курса RUB/USD [5]	Объем ВВП ^о расч. млрд. USD	Объем ВВП ^о World Bank млрд. USD [6]	Разница
2010	46 308,50	30,37	1 524,70	1 524,91	-0,21
2011	55 967,20	29,38	1 904,37	2 045,92	-141,55
2012	68 103,40	31,09	2 190,12	2 208,29	-18,17
2013	72 985,70	31,88	2 288,98	2 292,47	-3,46
2014	79 030,00	38,59	2 047,45	2 059,24	-11,79
2015	83 087,40	61,25	1 356,35	1 363,48	-7,12
2016	85 616,10	66,71	1 283,33	1 276,78	6,55
2017	91 843,20	58,28	1 575,78	1 574,19	1,58
2018	103 861,70	62,91	1 650,82	1 657,33	-6,51
2019	109 608,30	64,61	1 696,42	1 693,11	3,31
2020	107 658,20	72,54	1 484,01	1 489,36	-5,35
2021	135 295,00	73,68	1 836,17	1 778,78	57,39
2022	151 455,60	69,28	2 186,09	2 212,65	26,56

Исходя из приведенных данных можно сделать вывод о несоответствии рассчитываемых величин официально представленным сведениям со стороны Всемирного банка. Однако, исходя из ключевого вопроса исследования стоит обратить внимание на расхождение в динамике изучаемого показателя в зависимости от применяемого валютного курса.

Аналогично проведем анализ (рис. 6.7) о соотношении RUB и валют, признанных в качестве резервных для международных расчётов [7]: USD; Евро (далее: EUR); фунт стерлингов (далее: GBP); швейцарский франк (далее: CHF); японская йена (далее: JPY); китайский юань (далее: CNY);

Приведённые данные позволяют сделать вывод о несоответствии показателей, характеризующих состояние экономики страны. Предоставляемые западными официальными источниками показатели, рассчитываются навязанной методикой расчета курсового колебания мировых валют. Западная методика расчета, ставит перед экономистами вопрос целесообразность использования в качестве валют международных расчетов те валюты, которые тесно связаны с недружественными странами запада.

В связи с этим для точной оценки применяется паритет покупательной способности, позволяющий соотнести валюты исходя из количества товаров или услуг, которые могут быть приобретены на конкретную расчетную единицу. Произведём расчеты ВВП на основе паритета покупательной способности (далее: ВВП^о ппс.), воспользовавшись индексом «Гигабайта». В данном расчете индекс «Гигабайта» используется для примера, в дальнейшем методика расчета может быть использована при расчете стоимости одного рубля, выраженная в единицах иностранной валюты дружественных стран (возможен расчет курса рубля и по отношению к стоимости «потребительской корзины природных ресурсов»).

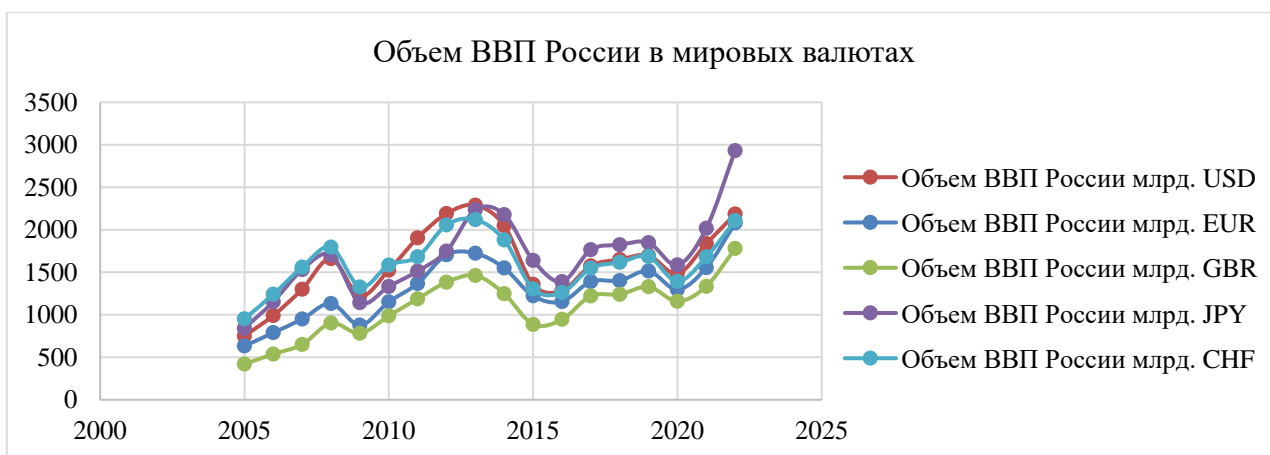
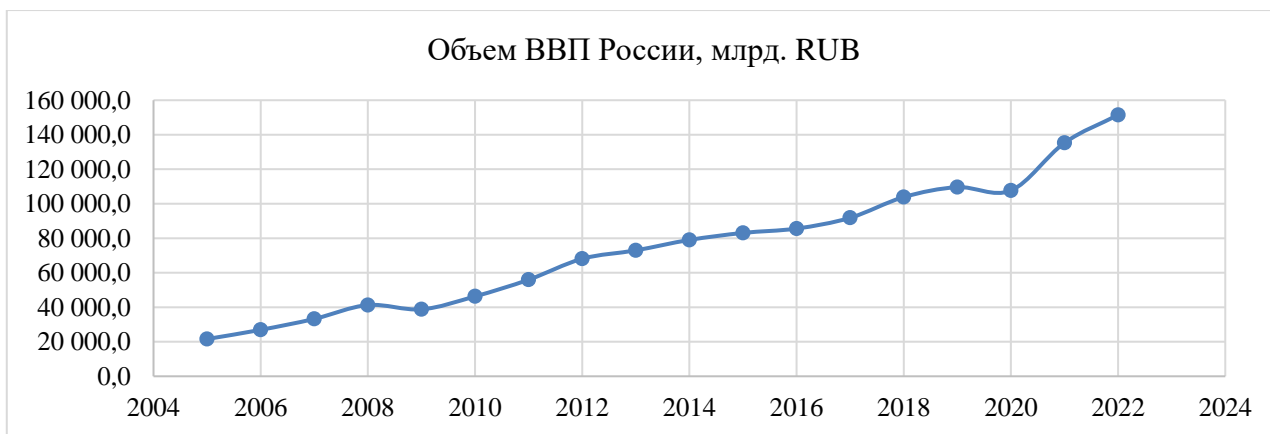

Рис. 6.7. Динамика объема ВВП^о_{расч.}, полученная на основе соотношения RUB и валют, признанных в качестве резервных для международных расчётов, за период 2005–2022 гг.

В отношении данных для Российской Федерации проведем исследование предлагаемых тарифных пакетов крупных операторов мобильной связи по состоянию на 30.09.2023. Следует отметить, что в текущих расчетах необходимо учитывать наличие «примешанных» показателей, присутствующих в тарифных пакетах, таких как: количество минут для совершения звонков, дополнительные опции и сервисы, количество сообщений и т.д. Расчетная величина получена

путем деления стоимости тарифного пакета на количество гигабайт предоставляемого интернета.

Аналогично поступаем в отношении американских, европейских, китайских и японских операторов мобильной связи (табл. 6.16).

Таблица 6.16

Расчетная стоимость 1 Гб мобильного интернета по данным о составе и средней цене пакета интернет-услуг по состоянию на 30.09.2023

Оператор ° /°Пакет услуг	1	2	3	4	5
Российская Федерация, RUB					
ООО «Тинькофф Мобайл» [8]	39,80	25,90	15,45	12,30	-
ПАО «Мегафон» [9]	17,14	15,00	12,00	18,57	-
ПАО «ВымпелКом» [10]	13,80	14,75	15,60	39,00	19,60
ООО «Сбербанк-Телеком» [11]	19,20	16,00	35,14	15,84	16,50
ПАО «МТС» [12]	105,80	54,50	26,50	21,16	-
ООО «Т2 РТК Холдинг» [13]	40,00	17,60	12,00	10,40	-
ВТБ Мобайл [14]	83,33	11,67	10,00	-	-
Среднее значение	29,65				
Соединенные Штаты Америки, USD					
AT&T [15]	11,67	2,67	1,00	-	-
T-Mobile US [16]	4,25	1,40	2,00	2,10	-
Verizon Communications [17]	5,00	1,84	1,02	1,64	-
Mint Mobile [18]	3,75	2,00	1,67	1,17	-
Cricket Wireless [19]	6,00	4,00	4,00	-	-
Среднее значение	3,35				
Европейский союз, EUR					
Vodafone [20]	1,00	1,07	1,05	1,11	1,08
Movistar [21]	0,87	1,88	1,00	0,75	0,57
Telekom [22]	1,98	1,99	1,00	3,99	-
A1 [23]	12,33	8,90	5,70	19,08	15,50
Orange France [24]	0,41	2,10	4,60	-	-
Среднее значение	3,80				
Китайская Народная Республика, CNY					
China Mobile [25]	120,93	84,65		-	-
China Telecom [26]	50,00	33,33	30,00	-	-
China Unicom [27]	55,28	34,55	27,64	-	-
Среднее значение	59,91				
Государство Япония, JPY					
NTT Docomo [28]	3465,00	1141,25	1133,00	966,43	-
Softbank [29]	1493,33	726,00	566,50	-	-
AU by KDDI [30]	1160,00	1112,50	-	-	-
GM Emobile [31]	1356,30	904,20	678,15	-	-
Среднее значение	1180,21				

В 2022 г. подобное исследование было проведено британским дистрибьютером кабельного широкополосного интернета. «Worldwide mobile data pricing 2022» [32] охватывает сведения о стоимости 1 Гб интернета для более чем 5000 тарифных планов в 233 странах мира. Согласно этим сведениям, стоимость исследуемого показателя в России составляет 0,48 USD, а в США – 5,62 USD. Таким образом, индекс Гигабайта равен 11,71.

Исходя из проведенного анализа, показателей доступности использования интернет-услуг населением можно сформулировать вывод о возможности включения этого показателя в расчетную сетку определения ВВП по паритету покупательной способности.

Вопросы достоверности принятой оценки уровня экономического благосостояния стран стали наиболее востребованными сферами исследования последних лет.

Аналогично, ошибочны и долларовые измерения капитализации стран. В 2008 г. ТОП 20 ведущих стран по капитализации практически целиком и полностью занимали недружественные страны [33]. Оценочная доля недружественных стран в 2008 г. составляла 96% [34]. К 2023 в ТОП «проникли» Индия (3,2 трлн), Саудовская Аравия (2,6 трлн) и Гонконг (1,5 трлн). Развивающиеся страны, которые ведут относительно независимую политику от западного мира стремительно растут и центр развития смещается из США и Европу в Азию. Капитализация рынка не является универсальным измерением развития экономики, а показывает глубину и емкость национальной финансовой системы. Однако, сведение всех показателей к единому долларовому эквиваленту не позволяет дать справедливую оценку измеряемым показателям.

Взамен использования ВВП в качестве всеобъемлющего показателя экономического и социального прогресса ряд экономистов разработали и применяют альтернативные методы.

- Гималайское королевство Бутан с 1972 г. оценивает валовое национальное счастье [35], концепция которого подразумевает одновременный прогресс и сохранение традиционных ценностей — семьи, культуры, природы и религии.

- С 1990 г. ООН запустил Индекс человеческого развития [36], который измеряет такие факторы, как образование, гендерное равенство и здоровье, а также уровень жизни, оцененный через ВНД (валовой национальный доход) на душу населения по паритету покупательной способности в долларах.

- В 2006 г. Китай создал новый индекс «зеленого ВВП» [37] — показателя национального экономического производства, учитывающего экологические факторы.

Таким образом, методика расчета ВВП, основанная на западных принципах экономической теории, а тем более установление курсов валют с ориентацией на долларовую систему нуждается в существенной доработке в условиях формирования многополярного мира.

Литература

1. System of National Accounts°/°United Nations [Электронный ресурс]°/°URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/97892110565943> (дата обращения 30.09.2023).
2. Intersecretariat Working Group on National Accounts (ISWGNA)°/°United Nations [Электронный ресурс]°/°URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/iswgna.asp> (дата обращения 30.09.2023).
3. Классификатор институциональных единиц по секторам экономики°/°Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]°/°URL: <https://classifikators.ru/kies#info> (дата обращения 30.09.2023).
4. Валовой внутренний продукт (в текущих ценах, млрд.руб.) 1995-2022°/°Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]°/°URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP-god-s-1995.xls> (дата обращения 30.09.2023)
5. Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно°/°Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]°/°URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.To=31.12.2022 (дата обращения 30.09.2023)
6. GDP (currentUS\$)°/°World Bank Group [Электронный ресурс]°/°URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (дата обращения 30.09.2023)
7. Динамика официального курса заданной валюты°/°Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]°/°URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения 30.09.2023)
8. Тарифы мобильного интернета Тинькофф [Электронный ресурс] URL: <https://www.tinkoff.ru/mobile-operator/> (дата обращения 30.09.2023)
9. Тарифы мобильного интернета Мегафон [Электронный ресурс] URL: <https://spb.shop.megafon.ru/connect/tariffs> (дата обращения 30.09.2023)
10. Тарифы мобильного интернета Билайн [Электронный ресурс] URL: <https://spb.beeline.ru/customers/products/mobile/tariffs> (дата обращения 30.09.2023)
11. Тарифы мобильного интернета Сбербанк-Телеком [Электронный ресурс] URL: <https://sbermobile.ru/tariffs/> (дата обращения 30.09.2023)
12. Тарифы мобильного интернета МТС [Электронный ресурс] URL: <https://spb.mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi/netarif>(дата обращения 30.09.2023)
13. Тарифы мобильного интернета Теле-2 [Электронный ресурс] URL: <https://spb.tele2.ru/pastroj-tariff>(дата обращения 30.09.2023)
14. Тарифы мобильного интернета ВТБ Мобайл [Электронный ресурс] URL: <https://vtbmobile.ru/#/> (дата обращения 30.09.2023)
15. Тарифы мобильного интернета АТ&Т [Электронный ресурс] URL: <https://www.attsa-vings.com/internet> (дата обращения 30.09.2023)
16. Тарифы мобильного интернета T-Mobile US [Электронный ресурс] URL: <https://www.t-mobile.com/cell-phone-plans> (дата обращения 30.09.2023)
17. Тарифы мобильного интернета Verizon Communications [Электронный ресурс] URL: <https://www.verizon.com/plans/unlimited/> (дата обращения 30.09.2023)
18. Тарифы мобильного интернета Mint Mobile [Электронный ресурс] URL: <https://www.mintmobile.com/plans/> (дата обращения 30.09.2023)
19. Тарифы мобильного интернета CricketWireless [Электронный ресурс] URL: <https://www.cricketwireless.com/support/plans-and-features/plans.html> (дата обращения 30.09.2023)
20. Тарифы мобильного интернета Vodafone [Электронный ресурс] URL: <https://myvodafone.ru/> (дата обращения 30.09.2023)
21. Тарифы мобильного интернета Movistar [Электронный ресурс] URL: <https://www.movistar.es/particulares/internet/fibra-1gb/> (дата обращения 30.09.2023)
22. Тарифы мобильного интернета Telekom [Электронный ресурс] URL: <https://www.telekom.si/en/offer/internet/prepaid-mobile-internet> (дата обращения 30.09.2023)

23. Тарифы мобильного интернета A1 [Электронный ресурс] URL:°<https://www.a1.net/internet/mobile-internet-tarife/net-cube-mit-vertrag> (дата обращения 30.09.2023)
24. Тарифы мобильного интернета Orange France [Электронный ресурс] URL:°<https://boutique.orange.fr/internet-mobile/pack-open-adsl> (дата обращения 30.09.2023)
25. Тарифы мобильного интернета China Mobile [Электронный ресурс] URL:°<https://www.china-mobile-phones.com/china-mobile-prepaid.html> (дата обращения 30.09.2023)
26. Тарифы мобильного интернета China Telecom [Электронный ресурс] URL:°<https://www.saporedicina.com/english/internet-in-china/> (дата обращения 30.09.2023)
27. Тарифы мобильного интернета China Unicom [Электронный ресурс] URL:°<https://www.mychinaunicom.com/> (дата обращения 30.09.2023)
28. Тарифы мобильного интернета NTT Docomo [Электронный ресурс] URL:°<https://www.docomo.ne.jp/english/charge/> (дата обращения 30.09.2023)
29. Тарифы мобильного интернета Softbank [Электронный ресурс] URL:°https://www.softbank.jp/en/mobile/price_plan/ (дата обращения 30.09.2023)
30. Тарифы мобильного интернета AU by KDDI [Электронный ресурс] URL:°<https://www.sakuramobile.jp/internet-japan/au-hikari/> (дата обращения 30.09.2023)
31. Тарифы мобильного интернета GM Emobile [Электронный ресурс] URL:°<https://www.gen-mobile.com/> (дата обращения 30.09.2023)
32. The cost of 1GB of mobile data in 233 countries [Электронныйресурс] URL:°<https://www.cable.co.uk/mobiles/worldwide-data-pricing/> (датаобращения 30.09.2023)
33. 48 недружественных стран России: полный список 2023 [Электронный ресурс] URL:°<https://www.puteshestvuy.com/nedruzhestvennyye-strany> (дата обращения 30.09.2023)
34. Капитализация публичных компаний [Электронный ресурс]°°URL:°https://t.me/spydell_finance/3064 (дата обращения 30.09.2023).
35. Gross National Happiness°°Gross National Happiness Commission [Электронныйресурс]°°URL: <https://gnh.today/> (датаобращения 30.09.2023)
36. Human Development Index°°United Nations [Электронныйресурс]°°URL: <https://world-populationreview.com/country-rankings/hdi-by-country>(датаобращения 30.09.2023)
37. Wang, Feng, Wang, Ruiqi, Wang, Junyao Measurement of China's green GDP and its dynamic variation based on industrial perspective // Environmental Science and Pollution Research, № 27 (2), дек.2020

ГЛАВА 7. ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

7.1. Цифровое экономическое пространство в формировании воспроизводства человеческого капитала

О важности человеческого капитала свидетельствует факт его изучения ведущими мировыми экономистами: одним из основоположников классической политической экономии Уильямом Петти, автором классической теории экономики о природе и причинах богатства народов Адамом Смитом, лауреатами Нобелевской премии по экономике Теодоре Шульце (1979 г.) и Гэри Беккере (1992 г.).

Учеными было установлено, что человеческий капитал является интенсивным производительным фактором экономического развития [1].

Рассмотрим ключевые результаты, полученные названными учеными в отношении человеческого капитала.

Уильям Петти (1623–1687 гг.), английский статистик и экономист, первый исследовал и ввел категорию **«живые действующие силы человека»** в своем труде **«Политическая арифметика»**. Он рассматривал упомянутую категорию как одну из составляющих национального богатства страны. При этом считал ее одновременно как важным фактором роста, так и составной частью.

Над своим трудом "Исследование о природе и причинах богатства народов", изданным в 1776 г., Адам Смит (1723–1790 гг.) в отшельничестве трудился девять лет. Этот титанический, академический труд принес его автору заслуженную славу отца экономической науки. В своем исследовании А. Смит пишет: «Можно сказать, что во все времена и во всех местах одинаковые количества труда имели всегда одинаковую стоимость для рабочего. При обычном состоянии своего здоровья, силы и способностей, при обычной степени искусства и ловкости он всегда должен пожертвовать той же самой долей своего досуга, своей свободы и спокойствия. Цена, которую он уплачивает, всегда остается неизменной, каково бы ни было количество товаров, которое он получает в обмен за свой труд» [2, с. 19].

Теодор Уильям Шульц (1902–1998 гг.), шотландский экономист, популяризировал развитие теории человеческого капитала в области инвестиций в образование. Свои выводы он базировал на исследовании послевоенных ФРГ и Японии, быстро восстановившихся после Второй мировой войны. Т. Шульц считал, что высокая скорость восстановления была связана со здоровым и образованным населением этих стран. Отменное здоровье сохранило инвестиции в образование, сделавшее здоровых людей более производительными. Одним из аспектов исследования было применение карточек на еду, использование которых в Британии, стране – победителе, продолжалось дольше, чем в побежденных ФРГ и Японии. Выводы, полученные Т. Шульцем в исследовании Теории

человеческого капитала, стали побудительным мотивом в 1980-х гг. активизации инвестирования в профессиональное и техническое образование со стороны Международных финансовых системных институтов Бреттон Вудса: МВФ и Всемирного банка. [3]

Американский экономист Гарри-Стэнли Беккер (1930–2014 гг.) применил экономические методы для анализа человеческого поведения. В своем труде «Человеческий капитал» (1990) он сравнил инвестиции компании в новые машины или оборудование с инвестициями человека в образование и обучение и установил, что последние аналогичны первым. Г.-С. Беккер считал, что необразованность – самый серьезный фактор, который сдерживает экономический рост [4].

В настоящее время существует большое количество определений дефиниции «человеческий капитал». В данном исследовании остановимся на определении Проекта развития человеческого капитала Всемирного банка.

Человеческий капитал – это знания, навыки и здоровье, в которые люди вкладывают средства и которые они аккумулируют в течение своей жизни, что позволяет им реализовывать свой потенциал в качестве полезных членов общества. [5].

Проект развития человеческого капитала является одной из глобальных инициатив Международного банка реконструкции и развития (МБРР), цель которой содействовать ускоренному осуществлению более масштабных и эффективных инвестиций в людей, что будет содействовать укреплению социальной справедливости и обеспечению экономического роста.

По состоянию на февраль 2022 г. 83 страны с различным уровнем дохода разработали при поддержке Группы Всемирного банка стратегические подходы, позволяющие этим странам радикальным образом улучшить результаты в области развития человеческого капитала.

Инвестиции в людей путем улучшения качества питания, медицинской помощи, обеспечения качественного образования, создания рабочих мест и обучения профессиональным навыкам способствуют развитию человеческого капитала, а это является ключевым условием для искоренения крайней бедности и построения более социально сплоченного общества. [5]

Существует ряд методов оценки человеческого капитала, причем современная оценка проводится на всех экономических уровнях, начиная от определения индивидуального человеческого капитала или человеческого капитала хозяйствующего субъекта на микроуровне, до оценивания человеческого капитала в мировом, глобальном масштабе на мегауровне.

Перечислим ниже основные методы оценки человеческого капитала:

- на основе инвестиций в его развитие;
- на основе подсчета затрат;
- метод определения первоначальных и восстановительных издержек на персонал;
- по капитализации будущих доходов;

- комбинированный метод Т. Витстейна;
- метод измерения индивидуальной стоимости работника;
- **индекс человеческого развития.**

Индекс человеческого развития (**ИЧР**) был разработан в 1990 году пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком. Метод основан на предложении измерения человеческого потенциала по достижениям в области здоровья и образования, которые поддаются измерению в большинстве стран на основе статистических показателей, влияют на качество жизни, демонстрируя его состояние, а не только по национальному доходу, которое довольно долго учитывалось до этого.

До 2018 г. ООН для проведения межстрановых оценок и Россия для межрегиональных оценок входящих в нее субъектов использовали данные, полученные методом **индекса человеческого развития. Оценка проводилась на основе числового значения универсального комбинированного сопоставимого показателя – индекса человеческого развития.**

Предпочтением определения международной метрики ИЧР для получения оценок человеческого капитала выступала возможность верификации ИЧР, поскольку его расчеты велись на основе реальных числовых показателей, публикуемых в официальных источниках.

С развитием научных исследований в области человеческого капитала и его влияния на экономическое развитие, были получены новые результаты, на основе которых Всемирный банк в 2018 г. предложил для межстранового сравнения более точный на этот период показатель – Индекс человеческого капитала (ИЧК).

Индекс человеческого капитала количественно оценивает значение здоровья и образования для производительности труда следующего поколения работников. Страны используют его, чтобы определить, какую долю дохода они теряют из-за дефицита человеческого капитала, а также насколько быстро они смогут превратить эти потери в достижения, если начнут действовать без промедления [5].

Индекс человеческого капитала состоит из пяти компонентов:

- вероятность дожития до 5-летнего возраста;
- ожидаемая продолжительность обучения до достижения 18 лет;
- результаты итоговых экзаменов (сопоставление учитывает индивидуальные особенности образовательных программ разных стран);
- доля 15-летних, доживающих до 60 лет;
- процент детей без задержек в развитии.

Рассмотрим Индекс человеческого капитала для стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), данные приведем в табл. 7.1.

Как видно из табл. 7.1, Индекс человеческого капитала среди государств – членов ЕАЭС, больше всего у Белоруссии – 0,70, а меньший у Армении – 0,58. Россия, с показателем межстранового сравнения 0,68, немногим отстает от Белоруссии. С небольшим перевесом в 3 единицы, Казахстан по ИЧК опережает Киргизию, 0,63 против 0,60.

Таблица 7.1

**Индекс человеческого капитала 2020 и его компоненты
для стран Евразийского экономического союза***

Страна	Компоненты ИЧК					ИЧК 2020
	вероятность дожития до 5-летнего возраста	ожидаемая продолжительность обучения до достижения 18 лет	результаты итоговых экзаменов	доля 15-летних, доживающих до 60 лет	процент детей без задержек в развитии	
1	2	3	4	5	6	
Государства — члены ЕАЭС						
Армения	99	11	443	89	91	0,58
Белоруссия	100	14	488	85	нет сопоставимых данных	0,70
Казахстан	99	14	416	84	92	0,63
Киргизия	98	13	420	85	88	0,60
Россия	99	14	498	80	нет сопоставимых данных	0,68
Государства – наблюдатели ЕАЭС						
Молдавия	98	12	439	84	94	0,58
Узбекистан	98	12	474	87	89	0,62
Куба	нет данных					
Зона свободной торговли ЕАЭС						
Вьетнам	98	13	519	87	76	0,69
Сингапур	100	14	575	95	нет сопоставимых данных	0,88
Сербия	99	13	457	89	94	0,68
Иран	99	12	432	93	нет сопоставимых данных	0,59
На стадии переговоров						
Египет	98	11	356	86	78	0,49
Израиль	100	14	481	95	нет сопоставимых данных	0,73
Индия	96	7	399	83	65	0,49
Китай	99	13	441	92	92	0,65
Монголия	98	13	435	80	91	0,61
Таиланд	99	12,7	427	87	89	0,61

* Составлено автором по материалам <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital>

Из трех государств – наблюдателей ЕАЭС, по Кубе данные в отчете Всемирного банка в 2020 г. не представлены. ИЧК Молдавии – 0,58 сопоставим с аналогичным у Армении, а Узбекистан с ИЧК 0,62 занимает промежуточное значение по таким показателям Казахстана и Киргизии.

В зоне свободной торговли ЕАЭС лидером по ИЧК является Сингапур – 0,88, а среди стран, находящихся на стадии переговоров – Израиль с индексом человеческого капитала – 0,73.

ИЧК измеряется в диапазоне от 0 до 1, где 1- максимальное значение, означающее, что родившийся сегодня ребенок сможет достичь полноценного здоровья (определяемого как отсутствие отставания в росте и достижение хотя бы 60-летнего возраста) и полностью реализовать свой потенциал в части получения формального образования (определяемый как получение к 18 годам образования в первоклассной школе после 14 лет учебы).

На основе Рейтинга стран мира по индексу человеческого капитала базируется классификация стран по категориям в зависимости от уровня ИЧК:

- Страны с очень высоким уровнем ИЧК (более 0.9).
- Страны с высоким уровнем ИЧК (от 0.8 до 0.9).
- Страны со средним уровнем ИЧК (от 0.5 до 0.8).
- Страны с низким уровнем ИЧК (менее 0.5). [6]

Согласно данной классификации государства – члены: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и государства – наблюдатели: Молдавия, Узбекистан Евразийского экономического союза относятся к странам со средним уровнем ИЧК.

Среди государств, входящих в зону свободной торговли ЕАЭС, выделяется Сингапур, имеющий высокий уровень ИЧК. Остальные страны в этом секторе: Вьетнам, Сербия, Иран входят в перечень стран со средним уровнем ИЧК.

В числе стран, находящихся на стадии переговоров, только Индия и Египет, с одинаковыми индексами 0,49, остаются с низким уровнем ИЧК, немногим, не дотягивая до раздела классификации стран со средним уровнем ИЧК, в который уверенно входят Израиль, Китай, Монголия, Таиланд.

Рассмотрев базовые понятия и оценки ИЧК, перейдем к изучению цифровой повестки ЕАЭС.

26 декабря 2016 г. главы государств – членов Евразийского экономического союза подписали Заявление о цифровой повестке ЕАЭС.

До 1 декабря 2017 года правительствам государств – членов ЕАЭС совместно с Евразийской экономической комиссией было дано поручение разработать и представить для рассмотрения Евразийским межправительственным советом Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года [7].

Однако, в России уже 1 декабря 2016 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем послании к Федеральному собранию предложил запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемую цифровую экономику [8, с. 539].

Что же составляет цифровую повестку ЕАЭС, подписанную главами государств – членов Евразийского экономического союза?

Цифровая повестка ЕАЭС – это круг актуальных для нее вопросов по цифровым преобразованиям в рамках:

- развития интеграции,
- укрепления единого экономического пространства,
- углубления сотрудничества государств – членов.

Целями цифровой повестки ЕАЭС являются:

- ускоренный переход экономик на новый технологический уклад;
  - качественный и устойчивый экономический рост;
  - создание благоприятной среды для развития инноваций;
  - формирование новых индустрий и рынков;
- актуализация механизмов интеграционного сотрудничества;
- повышение эффективности экономических процессов;
- повышение конкурентоспособности экономик государств – членов ЕАЭС.

Поставленные цифровой повесткой цели должны способствовать достижению следующих показателей – увеличению совокупного ВВП ЕАЭС к 2025 г. примерно на 11% от общего ожидаемого роста, что примерно вдвое больше, чем цифровое развитие государств – членов ЕАЭС без общей цифровой повестки [9]. Предполагается также рост экономического эффекта от цифровой политики ЕАЭС по мере претворения в жизнь прорывных проектов.

Достижение намеченных цифровой повесткой целей коррелируется с выводами исследователя Агеевой Н.Н., считающей, что эффективность создаваемых технологий определяется эффективностью логистики формирования конкурентоспособных структур в пространственно-экономических системах и может быть достигнута на основе проверенных временем экономических законов и современной практики управления [10, с. 221].

Однако, новые технологии не появляются сами по себе, их создают вполне реальные люди, живущие в определенном социальном контексте [11, с. 80].

Современный социальный контекст определяет развитие цифровой повестки Евразийского экономического союза в четырех проектах.

1) Экосистема цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза.

Цели проекта:

- отказ от бумажного сопровождения транспортно – логистических операций и полный переход к обмену данными;
- создание единых стандартов для транспортно – логистических сервисов;
- переход на сквозную интегрированную систему надзора, основанную на анализе данных, снимающую с перевозчиков большую долю административной нагрузки.

2) Унифицированная работа поиска «Работа без границ».

Цели проекта:

- расширение возможностей трудоустройства и поиска работы для граждан государств – членов Евразийского экономического союза.

- увеличение для работодателей государств – членов среды поиска персонала на свободные рабочие места и вакантные должности;
- внедрение современных и эффективных цифровых инструментов взаимодействия рынков труда государств – членов;
- содействие ускорению процессов свободного передвижения трудовых ресурсов в рамках Союза при развитии цифровой экономики.

3) *Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза.*

Цели проекта:

- цифровизация процессов формирования обязательных требований к продукции;
- разработка технических регламентов и перечней международных и региональных (межгосударственных) стандартов, необходимых для применения и исполнения требований технических регламентов Евразийского экономического союза, осуществление оценки соответствия, выработки предложений в программы по разработке (внесению изменений, пересмотру) таких стандартов;
- формирования единого перечня продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Евразийского экономического союза.

4) *Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий.*

Цели проекта:

- создание цифровой экосистемы для обеспечения взаимодействия хозяйствующих субъектов в целях промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий;
- вовлечение малых и средних предприятий в производственные цепочки крупных производителей;
- стимулирование инновационных процессов путем трансфера технологий;
- возможность продвижения продукции субъектов промышленности с использованием международных цифровых экосистем государств – членов и третьих стран. [12]

Достижению цифровой трансформации и реализации разработанных масштабных проектов ЕАЭС должны способствовать направления развития цифровой экономики, представленные на рис. 7.1.

Анализ цифровой повестки Евразийского экономического союза, его проектов и направлений реализации цифровой повестки, приводит к выводу, что на настоящее время вопросы человеческого капитала и его воспроизводства напрямую в ЕАЭС не рассматривались. Однако отдельные разработанные и реализуемые проекты, например, «Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза», могли бы стать, в том числе, основой для развития и воспроизводства человеческого капитала.

Цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация

- оцифровка физических активов;
- создание добавленной стоимости за счет цифровых моделей, сквозных процессов и полезных данных;
- развитие индустрии данных;
- развитие цифровых платформ и экосистем;
- создание среды для цифровых инноваций.

Цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов

- трансграничная электронная торговля, защита прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка;
- финтех-инновации, совместные механизмы рискованного, альтернативного и венчурного финансирования цифровых инноваций;
- цифровые навыки и повышение производительности труда, дистанционный найм и занятость.

Цифровая трансформация процессов управления и интеграционных процессов

- моделирование процессов и норм;
- механизмы проработки инициатив и реализации проектов;
- цифровая платформа ЕАЭС на основе Интегрированной информационной системы;
- межгосударственные сервисы;
- цифровые экосистемы.

Развитие цифровой экоструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов

- интероперабельность;
- сети последнего поколения;
- критическая цифровая инфраструктура;
- трансграничное пространство доверия;
- защищенность цифровых процессов и инфраструктуры.

Рис. 7.1. Современные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС

ИЧК используется странами во всем мире для определения доли дохода, которую они теряют из-за дефицита человеческого капитала, а также насколько быстро имеется возможность превратить эти потери в достижения, если начать действовать без промедления.

Резерв наращивания дохода за счет инвестирования в программы развития человеческого капитала в настоящее время среди стран – участниц Евразийского экономического союза составляет:

- Армении – 42 %;
- Белоруссии – 30 %;
- Казахстана – 37 %;
- Киргизии – 40 %;
- России – 32 %.

Имеющийся резерв стран – участниц ЕАЭС от формирования воспроизводства человеческого капитала более чем в три раза превосходит показатель увеличения ожидаемого совокупного ВВП ЕАЭС (11%), поставленный цифровой повесткой.

Более того, формирование воспроизводства человеческого капитала содействует руководителям государств в создании политической платформы, обладающей приоритетным потенциалом преобразовательных инвестиций в здравоохранение, образование и социальную защиту. При этом цифровое экономическое пространство, безусловно, может обеспечить более эффективную реализацию бизнес – процессов, повысить конкурентоспособность каждой отдельной экономики государств – членов ЕАЭС, а также укрепить единое экономическое пространство Евразийского экономического союза.

Литература

1. Губская Н.Н. Прорывные технологии в интересах долгосрочного социально-экономического развития Юга России // *Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН.* – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023 г.
2. Исследование о природе и причинах богатства народов Адам Смит
3. Лауреаты Нобелевской премии по экономике // РНБ URL: https://nlr.ru/lawcenter_rnb/RA1373/laureati-nob-premii (дата обращения: 06.08.2023 г.).
4. Современные экономические теории в трудах нобелиантов // Научная электронная библиотека URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=4232> (дата обращения: 06.08.2023 г.).
5. Проект развития человеческого капитала // Всемирный банк. МБРР. МАР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publiation/human-capital/brief/the-human-capital-project-frequently-asked-questions#2>.
6. Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития // Гуманитарный портал URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения: 30.08.2023г.).
7. О Цифровой повестке Евразийского экономического союза // Цифровая повестка ЕАЭС URL: <http://digital.eaeunion.org/extranet/about/> (дата обращения: 31.07.2023 г.).
8. Губская Н.Н., Агеева Э.Р. Тенденции развития инновационных технологий подготовки магистрантов в цифровой экономике / Н.Н. Губская, Э.Р. Агеева // *Инновационные технологии в науке и образовании. Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции. Редколлегия Ю.Ф. Лачуга [и др.].* – 2018. – С. 539-542.
9. Среднесрочный документ стратегического характера, определяющий цели, принципы, задачи, направления, механизмы сотрудничества государств-членов ЕАЭС по вопросам реализации цифровой повестки ЕАЭС // Основные направления реализации цифровой по-

вестки ЕАЭС до 2025 года URL: вдвое больше, чем цифровое развитие государств-членов ЕАЭС без общей цифровой повестки (дата обращения: 31.07.2023 г.).

10. Агеева Н.Н. Логистика формирования конкурентоспособных структур в пространственно-экономических системах // Научное обозрение. – 2015. – №11. – С. 219-224.

11. Губская Н.Н., Агеева Э.Р. Цифровые технологии: экономический трамплин или одна из программ развития / Н.Н. Губская, Э.Р. Агеева // Наука и общество – 2020. – С. 73-80.

12. Проекты // Цифровая повестка ЕАЭС URL: <http://digital.eaeunion.org/extranet/digitalproject/> (дата обращения: 15.08.2023 г.).

7.2. Евразийские университеты в системе формирования и развития человеческого потенциала современного студента

В современном мире непрерывно усиливающаяся динамика преобразования всех сфер жизнедеятельности человека определяет глобальные и локальные задачи развития мирового и национального хозяйства. Транслируемая человекоориентированность этого развития, характеризуемая с точки зрения двойственности определения человеческого потенциала как базового ресурса и результата деятельности одновременно, ведет к усилению его значимости в общем многообразии ценностей новой реальности. Трансформация мирохозяйственного порядка, системы взаимоотношений акторов, приоритетов развития отдельных государств, путей достижения поставленных субъектами хозяйствования задач требует действий высококвалифицированных специалистов новой формации, способных адаптироваться к изменению и росту запросов общества и его членов [1–3]. В связи с этим система формирования и развития человеческого потенциала студентов (ЧПС) университетов выходит на первый план при выборе направлений развития субъектов различного уровня как локально, так и во взаимодействии.

Принимая во внимания прогнозы перераспределения центров мирового экономического, технологического, предпринимательского лидерства, а также текущие национальные интересы, в данной работе акцентируем внимание на деятельности евразийских университетов. Целью данного исследования полагаем определение положения евразийских университетов в системе формирования и развития человеческого потенциала современных студентов. Предмет исследования – деятельность евразийских университетов в условиях новой реальности. Объект исследования – существующие особенности и перспективные направления деятельности современных евразийских университетов сквозь призму эффективного формирования и развития ЧПС.

Человеческий потенциал в общем смысле как базовая дефиниция трактуется с позиции совокупности качеств и способностей человека, обеспечивающих его жизнедеятельность [3]. ЧПС, в свою очередь, предполагает естественные возрастные, деятельностные, динамические ограничения. Система формирования и развития потенциала включает семью, инфраструктуру увлечений и развлечений, учебные заведения, организации-работодателей, прочие субъекты взаимодействия и собственно взаимодействие с его спецификой, а также окру-

жающую среду со всем многообразием внешних факторов, определяющих ее состояние и динамику. Мы же ведем речь о возможностях формирования и развития ЧПС в процессе обучения в университете по сравнению с потенциалом специалиста, осуществляющего трудовую деятельность в постобразовательный период. С учетом этого структурными элементами человеческого потенциала студентов могут быть названы качества, в числе которых особенно важны таланты и способности студентов; приобретенные ими знания и умения; накопленные информированность и квалификация; возможности развития талантов и способностей.

В отношении этих элементов университет играет разную роль, но все они в той или иной степени подвержены трансформации при его участии (даже врожденные таланты и способности могут быть выявлены лишь в процессе обучения в университете). Соответственно, в научной литературе исследуется человеческий потенциал, в том числе, студенческий, в общей трактовке [4]; ЧПС в системе высшего образования [5]; применительно к целям макроэкономического и микроэкономического развития [6]. Рассматриваются особенности формирования поликультурной личности студента [7], роль преподавателя в системе формирования будущего специалиста высокой квалификации [8]. Анализ показывает, что комплексно человеческий потенциал студентов не исследуется, однако структурные его приложения рассматриваются достаточно детально и представлены широко.

Современный университет высокого уровня как развитая самодостаточная экосистема, теоретически, включает структурные единицы, способные в полной мере обеспечить формирование и развитие ЧПС. Это, в первую очередь, касается элементных знаний и умений, информированности и квалификации. Специфический же характер способностей и талантов, их выявления и возможностей развития предполагает принятия во внимания внешних факторов. По сути, в данном случае целесообразно говорить о выборе потенциальных направлений приложения человеческого потенциала, сформированного и развитого в процессе обучения в университете.

Геополитические, экономические, технологические, социальные трансформации, непрерывно осуществляющиеся, начиная с 2020 года, устанавливают ориентиры, которым вынуждены следовать все страны мира вне зависимости от приоритетов национального развития. Одним из таких ориентиров может быть названо активное включение стран в деятельность коалиций, союзов, сообществ, формирующихся на основе общности интересов. Отмечается структурная перестройка означенных объединений, изменение количества участников, корректировка направлений деятельности. В числе ключевых названы Евразийский экономический союз, Евразийская ассоциация университетов [9-10].

Человеческий потенциал студентов университетов в условиях интеграции рассматривается как основа качественного человеческого капитала общества в целом, а в современных условиях ЧПС формируется с неперменной политико-

дипломатической составляющей в ключе интересов национального развития. Применительно к этому исключительную важность приобретает «мягкая сила» университетов.

В общем смысле под «мягкой силой» (Soft Power) понимается возможность достижения поставленных целей посредством завоевания симпатии субъектов взаимодействия. В концепции Д. Най категория формулируется как «способность влиять на других и добиваться национальных интересов посредством привлечения и убеждения» [11, с. 2–3] в противовес «жесткой силе» (HardPower), использующей принуждение [12, 13]. Д. Най говорит о том, что государства, обладая различными ресурсами, могут с различной степенью успешности их использовать при решении поставленных задач. Ресурсы – материальные и нематериальные средства, лежащие в основе властных отношений. С большой долей вероятности количественно и качественно большие ресурсы позволяют добиться большего успеха, однако это не гарантировано. Результат использования каждого ресурса зависит от контекста его использования. В первую очередь следует учитывать цель актора, с которым осуществляется или планируется взаимодействие [14].

В отношении международной коммуникации мягкой силой является деятельность, связанная с трансляцией привлекательности элементов национальной культуры, системы ценностей, родного языка, искусства и образования в той мере, в какой эти элементы станут желанными для импорта другими странами. В качестве базового способа реализации «мягкой силы» исследователи говорят о публичной дипломатии, задачей которой ставится формирование позитивного зарубежного общественного мнения в отношении конкретного государства [11, 13, 15–16].

Образование, в свою очередь, отображает систему ценностей отдельной страны и также рассматривается как ресурс при достижении поставленных целей [14, 17]. Человеческий потенциал студентов, обучающихся за рубежом, развивается в процессе получения новых знаний и навыков, включающих традиции и ценности, накопленный опыт. Выпускники университетов в качестве высококвалифицированных специалистов трудятся на благо своих государств, а университеты получают дополнительные инвестиции, дополняют репутационную составляющую своей страны и способствуют реализации ее проектов [18].

Отдельной задачей, значимость которой признается международным сообществом, позиционируется создание международных университетов, сети филиалов, сетевых образовательных и научных проектов. В качестве действенного примера может быть приведен опыт создания Институтов Конфуция Китаем в различных странах, в том числе, в России. Главная цель – распространение китайского языка, культуры и международных обменов, реализация аккредитованных образовательных программ [19]. Показательны и международные конкурсы, проводимые в г. Далянь с привлечением лучших студентов стран мира в очном и дистанционном форматах, в том числе, с перспективой получения образования в Китае. Конкурсные проекты демонстрируются, в том числе,

потенциальным инвесторам, создающим привлекательные условия для их реализации на территории Китая. Если политику Китая и азиатских стран в целом можно оценивать как строго национально ориентированную (это может быть связано с выраженными особенностями культуры, серьезным языковым барьером и т.п.), то европейские государства реализуют несколько другие проекты, в большинстве своем нацеленные на участие, а не на переориентацию студентов в системе экспорта образовательных услуг. Масштабным проектом является глобальная платформа Coursera, предлагающая курсы и программы, разработанные на базе более чем 275 ведущих университетов и компаний различных стран мира, включающие дипломные программы бакалавра и магистра. В итоге ставка делается не на вовлечение в процессе обучения, а на постобразовательный период, когда создаются условия, максимально привлекательные для работы и проживания уже подготовленного специалиста.

Для пространства, которое может считаться благоприятным по нескольким параметрам (русский язык, совместная история, традиции успешного взаимодействия, сходство политических систем), подчеркивается необходимость создания Евразийского университета. Речь ведется о воздействии мягкой силы посредством формирования уникального человеческого потенциала студентов подобных университетов. Так, говорится о создании специалистов разного профиля, в том числе, в области интеграции для стран Евразийского союза [16, 20]. Предполагается развитие дипломатии посредством наработки студентами необходимых компетенций, налаживание межнациональных связей, определение направлений и перспектив совместного развития.

Отчасти поставленные вопросы решаются в рамках создания объединенных евразийских университетов. Интересен опыт создания научно-образовательного правового консорциума "Европейско-Азиатский правовой университет". В составе нового объединения на данный момент находятся девять вузов из России, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Армении, Кыргызстана, Узбекистана [21]. При определении целей консорциума базовой называется интернационализация образования, необходимость которой обусловлена подготовкой специалистов для единого рынка труда ЕАЭС. Человеческий потенциал студентов развивается в рамках организации и проведения научно-практических мероприятий, деятельности в условиях русскоязычного пространства и возможности совершенствования языков вузов-партнеров.

Реализуются совместные образовательные программы, научные молодежные проекты. Взаимодействие осуществляется в форматах онлайн, офлайн, гибридном [22]. Руководство вузов – членов консорциума отмечает интерес к объединению университетов Индии, Монголии и Китая.

Однако, в отношении политики «мягкой силы» образования применительно к отдельным университетам справедлива проблема неравномерности интернационализации высшего образования (данное обстоятельство связывается с различным объемом финансирования университетов, в том числе, в различных странах). Это отражается на притоке иностранных студентов, имидже

вузов и, в итоге, на качестве, разнообразии и привлекательности предоставляемых образовательных услуг.

Исследователи отмечают существующие сложности в расширении участия ведущих университетов в образовательном процессе стран мира [16, 19, 23]. Добавим, что, если эти сложности касаются присутствия зарубежных университетов, например, в России, то экспорт отечественных образовательных услуг постепенно наращивается. В частности, можно привести пример переговоров о перспективе создания российского университета в Объединенных Арабских Эмиратах. Переговоры от 12 сентября 2023 года на уровне министров образования двух стран велись вокруг идеи налаживания связи образования и промышленности, и было высказано предположение, что, в первую очередь, в университете будут представлены программы технических вузов (в частности, МГТУ им. Баумана). Договоренность видится обоснованной с точки зрения позиции России, озвученной 11 сентября 2023 года на Восточном экономическом форуме заместителем министра науки и высшего образования РФ К. Могилевским. Отмечено, что российский подход прямо противоположен западному, предполагающему импорт наиболее талантливых молодых людей не из западных стран и увлечение их личными перспективами. Россия же делает ставку на то, чтобы обучить способных иностранцев, а затем дать им возможность реализовать накопленный потенциал у себя дома.

Значимым полагаем вопрос неэффективной реализации человеческого потенциала студентов, накапливаемого в рамках деятельности университетов по привлечению иностранных студентов. Прежде всего, отмечается отток наиболее перспективных студентов после освоения ими образовательных программ (студенты, обучающиеся за рубежом, остаются в других странах, ориентируясь на привлекательные условия труда и жизнедеятельности). Однако, не существует единого мнения по поводу влияния образовательной мобильности на формирование направлений реализации человеческого потенциала студентов при принятии решения о получении образования и после завершения ими образования. Так, Ломер С. говорит о том, что общность интересов транслируется с позиции положительного опыта студентов, который приобретается в процессе обучения и меняет политические взгляды. Студенты, ориентируясь на репутационную составляющую, выбирают университеты, занимающие ведущие строки в международных рейтингах. Далее выпускники британских вузов возвращаются домой, реализуют свой потенциал, сообразуясь с приоритетами Великобритании. Делается вывод об изначально лояльном настрое студентов по отношению к стране, в которой они собираются учиться [24]. Цель оставить выпускников в стране не является приоритетной, но человеческий потенциал студентов развивается в четко определенном ключе.

Далее, Савельчев Л.А. рассматривает восприятие немецкими студентами возможность обучаться в России и характеризует его как негативное. Причинами названы субъективные предпочтения, языковой барьер, недостаточная информация об образовательных программах, непривлекательные предложения

по финансированию обучения. Отдельно отмечаются различия в ценностях немцев и россиян [25]. В свою очередь, Гусевская Н.Ю. акцентирует внимание на ограниченности мобильности китайских абитуриентов по отношению к российским университетам, расположенным в Забайкальском крае. В числе причин названы удаленность региона от центра, недостаточная развитость инфраструктуры, климатические особенности, недостаточная привлекательность финансовых условий обучения [26, с. 55]. В данном случае речь идет об ограничении мобильности как таковой, но по разным причинам. Студенты европейских государств концентрируются преимущественно на параметрах образования, азиатских – на инфраструктуре.

Приведенные примеры базируются на локальной позиции – именно образовании, развивающем и формирующем человеческий потенциал студентов в достаточно узком смысле. На первый план выведены субъективные репутационные, финансовые и политические аспекты выбора. Как интересная нам альтернатива «мягкая сила» образования Турции, по мнению Эргашева А.С. и Гришина О.Е. [27, с. 322], нацеленная на воспитание поколения, которое будет находить решения как мировых, так и национальных проблем, полагаем, может считаться более действенной и подходящей евразийским государствам. Подобный подход рассматривается нами в разрезе всестороннего формирования и развития человеческого потенциала студентов. В качестве аргументов, с одной стороны, приведем привлекательность стипендиальных программ для студентов [28], недорогую по сравнению с европейскими государствами стоимость проживания, скидки и квоты на обучение. С другой стороны, внимание абитуриентов обращается на уникальность национальной культуры Турции, архитектуру, пейзажи. Наконец, предлагается значительное количество образовательных программ, связанных с возможностью организации бизнеса, в силу чего выпускники охотно остаются в стране, завершив обучение. В целом последовательно решается вопрос перехода к новой внешней политике со стратегической автономией и уверенностью в себе [27-29].

По поводу финансирования образования иностранных студентов в российской практике следует заметить, что соответствующие программы существуют и успешно реализуются. В качестве примера приведем Международную олимпиаду Open Doors. Иностранные граждане – студенты магистратуры и аспирантуры -, ставшие победителями и призерами олимпиады, получают возможность бесплатно обучаться в лучших российских университетах. Так, с 2017 года в состязании более 300 тысяч студентов из 197 стран мира, а право обучения получили около 4 тысяч человек [30]. Полагаем, в целом следует обратить внимание не на недостаточное количество образовательных программ для иностранцев, а на недостаточно качественное информирование потенциальных участников об этих программах.

Отдельного обсуждения заслуживает теория и практика дистанционного и сетевого взаимодействия в системе образования. В условиях новой реальности, сложившихся в результате пандемии коронавируса, разрыва мно-

голетних установившихся межгосударственных экономических, технологических, образовательных связей между субъектами партнерского взаимодействия различных уровней, развития информационных технологий дистанционный формат коммуникации, в ряде случаев, рассматривается в качестве единственно возможного. Это относится и к современной системе университетского образования.

Вопросы трансформации университетов в «цифровые» и формирования единой «технологической платформы» затрагивает Полторыхина С.В. [31]. В условиях цифровизации человеческий потенциал студентов развивается с учетом возможности продвижения по индивидуальной образовательной траектории; в процессе участия в деятельности вуза в формате «предпринимательского университета» и т.д. В числе проблем, препятствующих успешной трансформации, указаны существующий низкий уровень цифровых технологий и сервисов, значительные различия этого уровня в различных странах, стихийный характер диджитализации образовательной среды университетов, существенные затраты ресурсов, необходимых для осуществления качественной цифровизации [31, с. 279]. Аспектным решением проблемы, особенно в условиях новой реальности, обозначается приобретение суверенитета в сфере разработки отечественного программного обеспечения, совершенствование взаимосвязи между университетами и партнерами, потенциальными работодателями, инновационными предприятиями [32-33].

О сетевом взаимодействии, имеющем огромный потенциал, говорит Рябина А.М. [13, с. 231-233]. С одной стороны, затрагивается вопрос обеспечения эффективной коммуникации при организации и осуществлении научно-образовательного процесса. С другой – сетевое взаимодействие в рамках реализации партнерских проектов различного уровня для современного университета в большинстве случаев является необходимостью. Необходимость обуславливается формированием конкурентных позиций, таких, как получение и подтверждение статуса университета, обеспечение дополнительного финансирования, в том числе, грантового, привлечение зарубежных преподавателей и исследователей, студентов. В качестве успешных примеров реализации политики создания сетевых объединений в ЕАЭС названы Евразийский сетевой университет и Евразийский сетевой финансовый институт [20, с. 155].

Учащиеся и исследователи, обладающие наиболее качественным человеческим потенциалом и ориентированные на инициативное его развитие, особенно активно включаются в сетевое взаимодействие. Профессиональное общение с коллегами, в том числе, зарубежными, позволяет объективно оценивать собственный уровень квалификации и определять перспективы и направления дальнейшего развития. Это обстоятельство учитывается при оценке удовлетворенности работников трудом в академической сфере [34].

С позиции возможностей формирования и развития человеческого потенциала акцентируются отличия студентов и преподавателей европейских и азиатских вузов, касающиеся возможностей сетевого дистанционного взаимодей-

ствия. В частности, приводится однозначное мнение о дисбалансе лингвистических компетенций. Отмечается, что владение английским языком «воспринимается ... как базовый универсальный навык, отсутствие которого ставит под сомнение наличие у специалиста профессиональной квалификации» [13, с. 232]. Кроме этого, если европейская образовательная практика предполагает знание и использование студентами и преподавателями как минимум одного иностранного языка, а также наличие опыта академической мобильности, то, к сожалению, отечественная практика характеризуется низким уровнем межкультурной коммуникативной компетенции.

В отношении отмеченного дисбаланса следует сказать о стремлении университетов-партнеров преодолеть соответствующие препятствия. В настоящее время разрабатываются и реализуются специализированные языковые курсы и программы, ориентированные как на учащихся, так и на преподавательский состав. В частности, показателен опыт партнерской программы обучения китайскому языку Воронежского государственного технического университета и Ляонинского университета науки и технологии (Китай). Программа реализуется третий год и предполагает дистанционное обучение двух уровней сложности. При достижении успешного результата предусмотрена выдача сертификата HSK и возможность продолжить обучение в онлайн формате по программе и на платформе Ляонинского университета науки и технологии с доступом к материалам библиотеки университета [35].

Наконец, особенности человеческого потенциала студентов, обучающихся на евразийском пространстве, связаны со сложностями перехода государств к устойчивому развитию. С одной стороны, это специфика новой реальности, с другой – преимущественно сырьевой характер экономики [36]. Сложности связываются с экологической составляющей развития. Кроме этого, речь идет об устранении неравномерности регионального развития государств и их территориальных образований, создании благоприятного инвестиционного климата в условиях евразийской интеграции [37].

По данным Евразийской экономической комиссии за 2017-2021 гг., инвестиции в развитие зеленой экономики стран ЕАЭС составили более 6,8 млрд. долларов. Глобальной целью названо постепенное снижение выбросов парниковых газов и достижение углеродной нейтральности к 2050-2060 гг. [38]. Однако, отмечается недостаточность зеленого финансирования, подчеркивается необходимость подготовки специалистов в комплексе с разработкой и внедрением образовательных программ, связанных с достижением технологического суверенитета в ключе повестки ESG. Этому в полной мере может способствовать практика организации деятельности «зеленых» университетов. Так, Длмбетова Г.К. приводит пример эколого-географического образования на базе Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан [39]. Подчеркивается необходимость разработки экологического паспорта «зеленого» университета. Садовничий В.А. рассказывает об Открытом Экологическом Университете, действующем в МГУ в качестве «программы

бесплатного дополнительного образования с целью обеспечения возможности интересующихся студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников МГУ (а также других вузов и учреждений Москвы) получить современные знания в области экологии, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов» [40, с. 15]. Мероприятия Университета, проводимые с привлечением национальных и зарубежных партнеров, способствуют развитию человеческого потенциала студентов, «затачивая» его на потенциальное достижение целей долгосрочного общемирового развития и решение вопросов, актуальных для национальной экономики.

В итоге мы понимаем ценность «зеленого» университета с трех позиций. Это центр, осуществляющий экологизацию образовательного процесса (сокращение объёма выбросов углекислого газа, отдельный сбор отходов, экономия воды и электричества); образовательный экологически ориентированный просветительский центр (ведение просветительских программ, организация экологических мероприятий, исследования и публикации по экологии); наконец, собственно создание специалистов новой формации, учитывающих экологические факторы развития в своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Университеты в евразийском образовательном пространстве / Ред. кол.: В.А. Садовничий и др. – Москва: Издательство Московского университета; МАКС Пресс, 2017. – 392 с.
2. Евразийская ассоциация университетов [Электронный ресурс]. // URL: <https://eau.distant.msu.ru/about/> (дата обращения 8.09.2023).
3. Давыдова Т. Е. Человеческий потенциал в стратегии развития региона: методологические аспекты исследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № 4. – С. 69-74.
4. Никульшеева В. Ф. О соотношении понятий «человеческий капитал», «человеческий потенциал», «человеческий фактор», «человеческие ресурсы» // Посткризисный мир и модернизация современной науки: концепции, проблемы, решения: материалы VII Межд. научно-практ. конф., Ростов-на-Дону, 22 февраля 2021 года. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет (ИУБиП), «Издательство ВВМ», 2021. – С. 286–289.
5. Соколова О. Ф., Куликова М. И., Акопова Т. А. Высшее образование с точки зрения формирования человеческого потенциала // Проблемы патриотического воспитания студенческой молодежи России в условиях обострения глобальной политической ситуации: сб. научных тр. Всеросс. заочной научно-практ. конф., Ульяновск, 05–07.11.2020 г. – Ульяновск: Ульяновский гос. тех. ун-т, 2021. – С. 49–53.
6. Еремина И. В. Человеческий капитал как фактор обеспечения экономической и кадровой безопасности в организации // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 1(61). – С. 303–305. – DOI 10.51832/2223-7984_2021_1_303.
7. Комарова Э. П., Гураль С. К., Бакленева С. А. Подготовка поликультурной личности в контексте субъекто-центрированного подхода // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2022. – № 1. – С. 63–66.
8. Априщенко Л. И., Безверхая Л. Ф. Проблемы эффективности образования и усвоения знаний // Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы: сб. материалов Всеросс. научно-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 29 февраля 2020 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2020. – С. 38–42.
9. Сыдыков Е. Евразийский национальный: от созидания – к инновационному развитию // Ректор ВУЗа. – 2021. – № 9. – С. 8-10.

10. Сидорович А. В. Евразийская интеграция: новая роль университетов / А. В. Сидорович // Диалог: политика, право, экономика. – 2018. – № 1(8). – С. 83-90.
11. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. – 2004.
12. Nye J.S. *Get Smart: Combining Hard and Soft Power*. *Foreign Affairs*. – 2009. – Vol. 88. – Is. 4. – P. 160–163.
13. Рябина А. М. Технологии интернационализации высшего образования в современных условиях // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 94. – С. 225-246. – DOI 10.24412/2070-1381-2022-94-225-246.
14. Nye J.S. *Soft power: the evolution of a concept*. *Journal of Political Power*. – 2021. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.
15. Антонова Н. Л., Сущенко А. Д., Попова Н. Г. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 31–58. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-31-58.
16. Манукян А. Р. Роль образования в "мягкой силе" современного государства // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 3. – С. 133-137.
17. Wojciuk A., Michałek M., Stormowska M. *Education as a Source and Tool of Soft Power in International Relations*. *European Political Science*. – 2015. – Vol. 14. – Is. 3. – P. 298–317. DOI: 10.1057/eps.2015.25.
18. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред. И.А. Максимцева, Д.Ю. Миропольского, Л.С. Тарасевича. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
19. Трифонова Д. Д. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 80. – С. 140–144. DOI: 10.17223/19988613/80/16.
20. Черникова А. А. Образовательная миграция из стран евразийского экономического союза: социальные угрозы, перспективы, динамика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 2(58). – С. 149-157.
21. Швабауэр Н. В ЕАЭС создан научно-образовательный правовой консорциум / Российская газета. 12.06.2022. [Электронный ресурс]. // URL: <https://rg.ru/2022/06/12/reg-urfo/v-eaes-sozdan-nauchno-obrazovatelnyj-pravovoj-konsorcium.html> (дата обращения 16.09.2023).
22. Консорциум «Европейско-Азиатский правовой университет» [Электронный ресурс]. // URL: <https://ургюу.рф/science/mezhdunarodnaya-deyatelnost/konsortsium-evropeysko-aziatskiy-pravovoy-universitet.php> (дата обращения 16.09.2023).
23. Савельчев Л. А. Взаимообогащение или "утечка мозгов"? Анализ международной студенческой мобильности на примере России и Германии // Управленческое консультирование. – 2023. – № 7(175). – С. 121-141.
24. Lomer S. *Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis* // *Higher Education*. – 2017. – Vol. 74. – No. 4. – P. 581-598. – DOI 10.1007/s10734-016-0060-6.
25. Савельчев Л. А. О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета // Управленческое консультирование. – 2023. – № 5(173). – С. 129-145. – DOI 10.22394/1726-1139-2023-5-129-145.
26. Гусевская Н. Ю. К вопросу о продвижении российских образовательных услуг в КНР (на примере Забайкальского края) / Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: Материалы межд. научно-практ. конф. В 2-х частях, Чита, 16.09.2022 г. Ч. 2. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2022. – С. 54-57.
27. Эргашев А. С., Гришин О. Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 319-326. – DOI 10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326.
28. TürkiyeBursları. Сайт международной стипендиальной программы, финансируемой правительством Турции [Электронный ресурс]. // URL: <https://turkiyeburslari.gov.tr/> (дата обращения: 14.09.2023).
29. *Turkey's Asia Relations* / Ed. O. Anas. Springer Nature Switzerland AG 2022. Palgrave Macmillan Cham, 325 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-93515-3>

30. Международная олимпиада Open Doors [Электронный ресурс]. // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/announcements/72972/> (дата обращения 16.09.2023).
31. Полторыхина С. В. Развитие цифровых университетов и технологические платформы в контексте формирования инновационной инфраструктуры ЕАЭС // Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 28 января 2021 года. – Казань: Издательство "Познание", 2021. – С. 277-284.
32. Бурняшов Б.А. Российские облачные пакеты офисных приложений в учебном процессе вузов // Информатика и образование. – 2023. – 38(2). – С. 5-15.
33. Формирование конкурентных преимуществ экономики России и регионов в промышленности / О. А. Лукинова, С. В. Попова, В. М. Моисеева [и др.] // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2022. – Т. 84, № 2(92). – С. 345-356. – DOI 10.20914/2310-1202-2022-2-345-356.
34. Михалкина Е. В., Скачкова Л. С., Дюжиков С. А. Удовлетворенность трудом в академической сфере // TerraEconomicus. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 160-181.
35. Бесплатный онлайн-курс китайского языка для студентов и сотрудников ВГТУ [Электронный ресурс]. // URL: <https://cchgeu.ru/press/news/ad/besplatnyu-onlayn-kurs-kitayskogo-yazyka-dlya-studentov-i-sotrudnikov-vgtu/> (дата обращения 10.09.2023).
36. Comprehensive analysis of sustainable development of the countries of the Eurasian Economic Union / T. Selishcheva, S. Dyatlov, N. Sopina [et al.] // SHS web of conferences: The 21st International Scientific Conference Globalization and its Socio-Economic Consequences 2021, Zilina, Slovak Republic, 13–14.10. 2021. Vol. 129. – Zilina, Slovak Republic: EDP Sciences, 2021. – P. 09018. – DOI 10.1051/shsconf/202112909018.
37. Selishcheva, T. A. Economy of trans-border regions of Siberia and the Far East: Eurasian integration / T. A. Selishcheva, N. V. Sopina, E. S. Gavriilyuk // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS : CIEDR 2018, ВеликийНовгород, 12–13 декабря 2018 года / Future Academy. Vol. 59. – ВеликийНовгород: Published by the Future Academy, 2019. – P. 387-394. – DOI 10.15405 / epsbs.2019.04.43.
38. Ерохина Е. Зеленый курс стран ЕАЭС и ШОС нуждается в господдержке и участии университетов / Ведомости. Устойчивое развитие. 15.09.2023. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.vedomosti.ru/esg/green_finance/columns/2023/09/15/995393-zelenii-kurs-stran-eaes-i-shos-nuzhdaetsya-v-gospodderzhke (дата обращения 16.09.2023).
39. Длимбетова Г. К. Экологическое образование в вузах Казахстана на примере Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева // Устойчивое развитие стран Прикаспийского региона в условиях меняющегося мира: Сборник научных докладов по итогам межд. научно-практ. конф., Москва, 10 июля 2020 года. – М.: Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, 2020. – С. 13-18.
40. Экологические проблемы. Евразийское пространство / Ред. колл.: Садовничий В.А. и др. М.: Издательство Московского университета, 2014. – 624 с.

7.3. Совершенствование механизма формирования компенсационного пакета на основе практики стран евразийского региона

В современной глобальной экономике, как никогда в мире остро стоит много проблем, касающихся уровня, динамики, дифференциации оплаты труда работников. Параметры заработной платы не только определяют основные аспекты благосостояния семей, но они также тесно связаны с другими экономическими переменными. Вместе с тем, множество других экономических показателей представляют интерес широкой публике обывателей и научному сообще-

ству только в том случае, если они связаны с заработной платой. Наглядный пример этого – инфляция, а также рост цен и обесценивание реальной ценности доходов населения.

Современные проблемы оплаты труда представляют собой особую важность не только обычным гражданам, но и всему профессиональному научному экономическому сообществу. Например, в макроэкономике темпы роста оплаты труда населения являются одной из причин роста инфляции, а уровень роста заработной платы во многом влияет на платежеспособный спрос. Показатели оплаты труда относятся к числу важнейших характеристик поведения предприятий и влияют на оценку их конкурентоспособности. Различия в оплате труда напрямую определяют картину неравенства населения и влияют на распределительные отношения и перераспределение доходов в экономике, их закономерности и тенденции.

Отсутствие должного внимания со стороны экономистов к проблемам оплаты труда может быть объяснено еще и тем, что в российской экономике ранее не было критических санкций и ограничений как в период экономических кризисов, так и периоды роста.

Принимая во внимание указанные выше факты, рассматриваемые в статье проблемы скорее воспринимаются как социальные, а не экономические. К примеру, множество СМИ акцентирует внимание на взаимосвязь задержек в выплате заработной платы с бедностью и неравенством, в то время как обсуждения о различии в заработной плате часто основываются на вопросах социальной справедливости и социальной ответственности. Стоимость труда до настоящего времени почти не ограничивалась развитием производства продукции и оказанием услуг, тем самым никак не влияла на затраты и себестоимость продукции.

Напротив, благодаря большой гибкости, она позволяла погасить любые, включая крайне мощные удары, которые российская экономика испытывала в 1990-х гг. Таким образом, заработная плата рассматривается не как источник неразрешимых экономических проблем, а как инструмент для решения проблем в других сферах экономической системы. [11, с. 37–45].

Исследование заработной платы в разных странах длится уже десятилетия. В этой области было разработано множество теорий, предложены специальные методы анализа и накоплено большое количество знаний. Для оценки и анализа формирования цены на труд в экономике России требуется провести исследование в сравнительно-страновом контексте. Российский рынок труда обладает своими особенностями из-за специфики институциональной системы, что затрудняет выбор стран для сравнения. Поэтому мы старались анализировать Россию в параллели с несколькими другими странами, чтобы получить полную картину о функционировании российского рынка труда.

Обратимся к данным по Индексу Джини в странах Евразийского экономического союза за 2012–2020 гг. Этот показатель характеризует дифференциацию доходов населения и может колебаться от 0 до 1. Нулевое значение указывает на равномерное распределение доходов, а близость к единице свиде-

тельствует о высокой концентрации доходов в отдельных группах населения. Как следует из рис. 7.2, самый высокий уровень дифференциации доходов находится в Российской Федерации, и эта тенденция сохраняется уже длительное время.

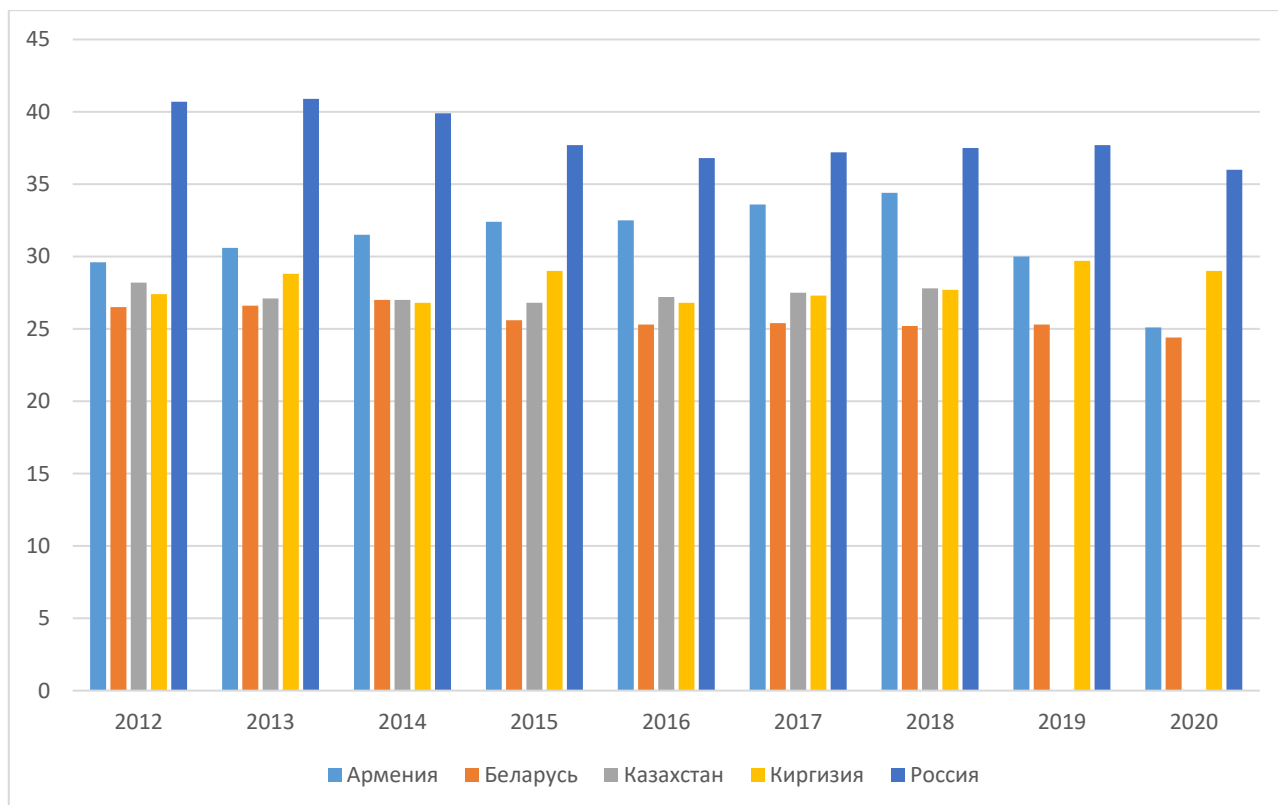

Рис 7.2. Динамика Индекса Джини (индекс концентрации доходов) за 2012–2020 гг.

Официальный сайт Всемирного Банка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?end=2022&start=1963&view=chart>

Причины высокой дифференциации доходов в России связаны с несколькими факторами. Во-первых, это избыточное социально-экономическое разделение регионов, неравномерность оплаты труда как в отраслях, так и на предприятиях, и неравенство между доходами, получаемыми от оплаты труда и ренты. Кроме того, существует значительное неравенство доходов внутри регионов страны.

В ходе исследования проблем заработной платы мы использовали современные методы анализа. Эконометрика позволяет не только анализировать модели с множеством переменных, но также учитывать эффекты самоотбора и влияние ненаблюдаемых факторов.

Таким образом, наши исследования позволяют получить более глубокое представление об особенностях российского рынка труда, используя современные методы анализа и статистические данные.

В своем исследовании мы также принимали в расчет следующие эконометрические показатели [13, с. 71–76].

Математическое ожидание $M(X)$ характеризует распределение значений или вероятностей случайной величины. Математическое ожидание выражается как величина средневзвешенных значений всех возможных идентификаторов и параметров случайной величины.

$$M(X) = \sum_{i=1}^n x_i p_i,$$

где x_i - случайная величина, имеющая определенные значения $x_1, x_2 \dots x_n$.

Дисперсия $D(X)$ – мера разброса случайной величины, то есть ее отклонение от математического ожидания.

$$D(X) = M(X^2) - (M(X))^2 \quad \text{или} \quad D(X) = \sum_{i=1}^n x_i^2 p_i - \left(\sum_{i=1}^n x_i p_i \right)^2$$

Чем меньше дисперсия заработной платы, тем богаче население живет, поскольку, чем больше разброс в величине заработной платы, тем выше дифференциация населения по уровню дохода.

Среднее квадратическое отклонение (S) характеризует рассеивание отдельных наблюдаемых значений вокруг средней арифметической.

$$S = \sqrt{D(X)},$$

где $D(X)$ – дисперсия случайной величины.

Среднее квадратическое отклонение более подробно, детальнее и объективно, чем дисперсия характеризует относительный разброс случайной величины от среднего значения величины.

Коэффициент вариации CV – отношение среднеквадратического отклонения случайной величины к ее ожидаемому значению. Коэффициент вариации используют для характеристики того, насколько средняя арифметическая хорошо представляет статистический ряд распределения. Этот показатель увязывает среднеквадратическое отклонение с ожидаемым (средним) значением, что позволяет обеспечить сопоставимость полученных результатов.

$$CV = \frac{S}{\bar{X}} * 100\%$$

где $\bar{X}$ - ожидаемое (среднее) значение случайной величины.

Чем больше коэффициент вариации, тем дифференциация доходов населения меньше. Чем меньше коэффициент вариации, тем дифференциация доходов населения больше. Если коэффициент вариации стремится к 100%, тем меньше разброс в заработной плате, тем меньше разница в доходах населения.

Статистические прогнозы по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в Российской Федерации представляют собой информацию о дисперсии, среднеквадратическом отклонении и коэффициенте вариации заработной платы. Дисперсия является мерой разброса значений заработной платы в различных регионах страны. Она показывает насколько значительными могут быть отклонения от среднего значения величины. Проанализировав исторические данные, можно отметить, что дисперсия величины заработной платы в России имеет тенденцию к снижению. Это может быть связано с реформами в системе оплаты труда и улучшением экономической ситуации в некоторых регионах. Следующий показатель, который мы использовали для анализа механизма формирования компенсационного пакета – среднеквадратическое отклонение. Оно позволяет оценить степень разброса данных относительно среднего значения. Сравнивая исторические, настоящие и прогнозные данные, прослеживается тенденция к снижению среднеквадратического отклонения заработной платы. Это свидетельствует о равномерном распределении оплаты труда в различных регионах России. Коэффициент вариации – это отношение среднеквадратического отклонения к среднему значению. Он позволяет сравнить уровень изменчивости данных между различными регионами. Анализируя полученные данные, необходимо отметить, что коэффициент вариации среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Российской Федерации также снижается. Это указывает на уменьшение различий в доходах между регионами и повышение социальной справедливости. Таким образом анализ и исследование показателей заработной платы свидетельствуют о положительных тенденциях в экономике Российской Федерации. Снижение дисперсии, среднеквадратического отклонения и коэффициента вариации указывает на более стабильное и равномерное распределение заработной платы между регионами страны. Это может быть результатом реформирования систем оплаты труда, внедрение новых инструментов формирования компенсационного пакета работников, экономического развития предприятий и сокращения разрыва в доходах [5].

Результаты проведенного анализа дисперсии заработной платы с 2000 по 2022 г. проливают свет на высокую степень изменчивости среднемесячных начислений по всей России. Например, в 2000 г. дисперсия составляла 584357,68, а к 2008 г. она возросла до 20586289,66. Отмечены также значительные изменения в 2009 г., но после пика мирового экономического кризиса, произошедшего в 2008–2009 гг., мы снова сталкиваемся с резким возрастанием дисперсии среднемесячного начисления. В 2014 г. значительное увели-

чение до 61314516,86. В 2022 г. этот показатель достиг 65338, что на 14,14% выше, чем в 2021 г.

Нами проводилось исследование среднеквадратического отклонения заработной платы в период с 2000 по 2022 г., которое детальнее и объективнее отражает экономические тенденции, чем дисперсия. Анализ показал, что график среднеквадратического отклонения практически точно повторяет график дисперсии. Однако значения дисперсии оказались слишком высокими, и разброс в заработной плате на несколько миллионов рублей естественно является невозможным. Поэтому для более объективного анализа разброса предпочтительно использовать среднеквадратическое отклонение. Таким образом, значения среднеквадратического отклонения, также как и дисперсии, увеличивались со временем. В 2018 г. оно составляло 4537, а в 2019 г. незначительно возросло до 4616, хотя такие изменения нельзя заметить на графике. С 2019 г. общая тенденция к увеличению показателя среднеквадратического отклонения продолжается, и в 2022 году он уже достиг значения 13111.

Рассмотрим динамику коэффициента вариации заработной платы по регионам в период с 2000 по 2022 г. Коэффициент вариации отражает уровень различия доходов населения. Чем больше его значение, тем меньше равномерность распределения доходов населения и наоборот. В начале XXI века наблюдался подъем экономики страны после трансформационных кризисов и восстановления после валютных и бюджетных кризисов. Именно в этот период отмечаются высокие значения коэффициента вариации, что свидетельствует о низкой дифференциации доходов населения. Дальнейшее развитие экономики страны было поддержано повышением стоимости нефти, газа и других сырьевых товаров, проведением структурных реформ и стабилизацией экономических и финансовых институтов. Однако, согласно графику, после 2018 г. наблюдается постепенное снижение коэффициентов вариации. Это указывает на увеличение равномерности распределения доходов в регионах. Несмотря на это, значения точек на графике значительно не отличаются друг от друга. Важно отметить, что коэффициент вариации является одним из индикаторов социально-экономической справедливости в обществе. Уменьшение его значения может свидетельствовать о снижении неравенства доходов, что в свою очередь может быть результатом реализации социальных программ и политики, направленной на сокращение разрыва между богатыми и бедными слоями населения. Также следует отметить, что анализ коэффициента вариации заработной платы по регионам может быть полезным инструментом для определения проблемных областей, где необходимо проводить дополнительные меры по сокращению неравенства и политике, направленную на обеспечение справедливости распределения доходов. Эта политика может включать в себя следующие мероприятия: создание новых рабочих мест, повышение уровня образования населения и его профессиональной подготовки, а также обеспечить доступ к социальным услугам и социальной инфраструктуре. В целом анализ динамики коэффициента вариации

ции заработной платы по регионам позволяет более глубоко понять процессы, происходящие в экономике и обществе. Он помогает выявить закономерности, тенденции и проблемы, а также определить направления для разработки и реализации социально-экономических программ и мер поддержки населения, а также политики, направленной на достижение более справедливого и устойчивого развития региона и страны в целом.

Коэффициент вариации заработной платы в России достиг минимума за последние годы, составив 25,5. Это означает, что разница в доходах между самыми высокооплачиваемыми и самыми низкооплачиваемыми работниками сократилась. Однако, согласно прогнозу Министерства экономического развития Российской Федерации, в ближайшие годы неравенство в доходах будет расти. Основными причинами роста неравенства в доходах в России являются:

1) Экономический кризис. Кризис 2020 года оказал негативное влияние на доходы населения, в результате чего увеличилась разница в заработной плате между высшим и средним классами.

2) Экономические санкции, введенные против России в 2022 г., по результатам экономических исследований, также способствуют росту неравенства доходов населения. Санкции приводят к снижению инвестиционной активности государства, росту безработицы, что в первую очередь затрагивает и влияет на низкооплачиваемые слои населения.

3) Демографические изменения, такие как старение населения и снижение рождаемости, также способствуют усилению неравенства. Взрослое население, как правило, имеет более низкие доходы, чем молодое население страны.

Согласно прогнозу Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2024-2026 годах коэффициент вариации заработной платы в России может составить 27,5-28,5. С экономической точки зрения это означает, что разница в доходах между самыми высокооплачиваемыми и самыми низкооплачиваемыми работниками будет продолжать расти. Полученные данные показывают, что неравенство в доходах в России начало расти в 2022 году, после введения очередного пакета экономических санкций стран Европейского союза, США и их союзников.

В проведенном исследовании мы использовали различные источники информации, включая регулярную статистику Росстата за 2012-2022 годы, данные, отчеты и прогнозы Министерства экономического развития России за 2019-2022 годы, а также новостные сводки, отражающие социально-экономическую ситуацию в России.

Коэффициент вариации (рис. 7.3) отражает уровень дифференциации доходов, причем более высокое значение указывает на меньшую дифференциацию, а более низкое – на большую. По проведенному анализу дисперсии заработной платы по регионам России с 2000 по 2022 годы видно значительное возрастание дифференциации доходов. Например, в 2000 году значение дисперсии составляло 584357,68, а в 2022 году – 65338, что на 14,14% выше, чем в 2021 г.

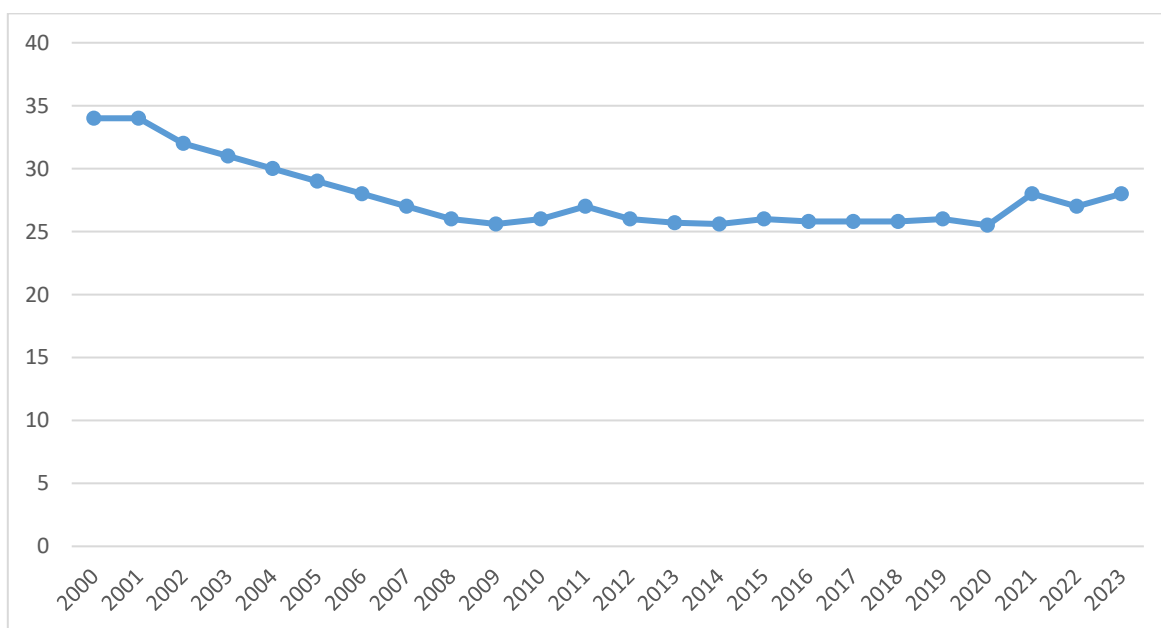

Рис. 7.3. Коэффициент вариации заработной платы по регионам в 2000–2023 гг.

Чем больше значение коэффициента вариации, тем менее равномерно распределение доходов населения. Аналогично, чем ниже коэффициент вариации, тем больше различий в доходах между людьми и домохозяйствами. Когда коэффициент вариации стремится к 100%, разброс в заработной плате становится меньше, что указывает на меньшее неравенство в доходах населения. Проанализируем статистические данные и рассмотрим значения дисперсии, стандартного отклонения и коэффициента вариации среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Российской Федерации. Изучим тенденцию изменения этих эконометрических показателей в России [5].

В результате анализа дисперсии заработной платы (рис. 7.4) по регионам с 2000 по 2022 годы можно увидеть явный тренд к увеличению разброса среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по всей России. Например, в 2000 г. дисперсия составляла 584357,68 руб., а в 2008 году она уже возросла до 20586289,66 руб. В 2009 г. значительных изменений в значениях дисперсии не зафиксировано. Однако после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. снова наблюдается резкий рост дисперсии среднемесячной номинальной начисленной заработной платы. В 2014 г. дисперсия достигла отметки 61 314 516,86 руб. В 2022 г. этот показатель составил 65 338 руб., что на 14,14% выше, чем в 2021 г.

На основе проведенного исследования стандартного отклонения заработной платы по регионам в период с 2000 по 2022 г. можно сказать, что график стандартного отклонения практически совпадает с графиком дисперсии. Впрочем, полученные значения этого показателя очень большие, и разброс в оплате труда на несколько порядков сотен рублей является нереалистичным. Поэтому для более объективного анализа разброса используется стандартное отклоне-

ние. Также можно отметить, что значения стандартного отклонения также возрастали: в 2008 г. оно составило 4537 руб., а в 2009 г. слегка увеличилось до 4616 руб., хотя визуально на графике это изменение не заметно. После 2009 г. наблюдается общий тренд к увеличению значения стандартного отклонения – в 2021 году оно составило уже 7830 руб.

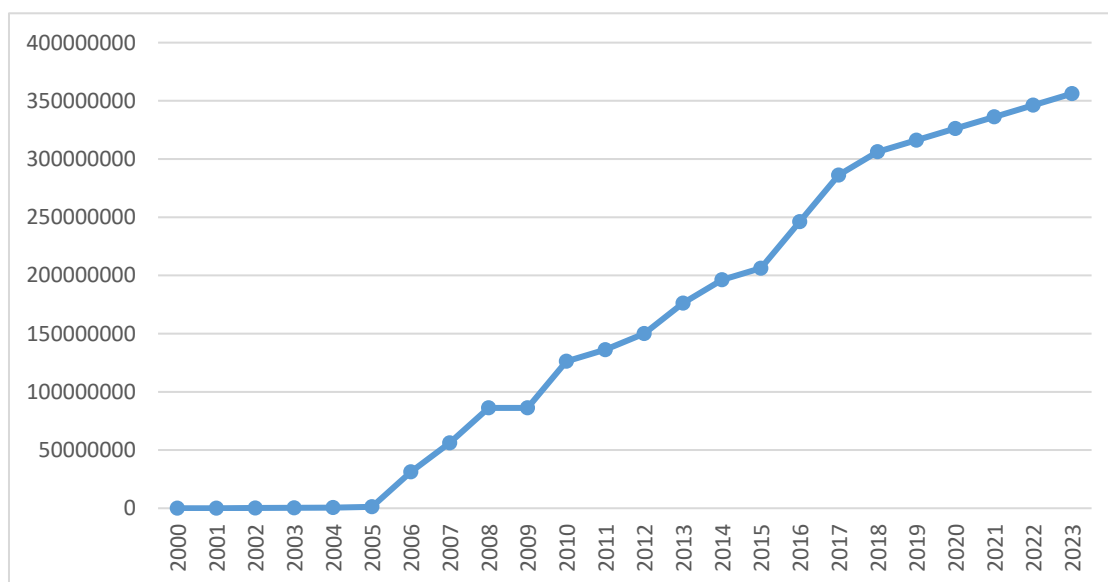

Рис. 7.4. Дисперсия заработной платы по регионам в 2000–2023 гг.

В последние годы экономика страны продолжала расти благодаря повышению цен на нефть, газ и другие сырьевые товары. Это способствовало росту инвестиций и увеличению потребительского спроса. Благодаря проведению структурных реформ и стабилизации финансовых и экономических институтов, доходы населения возрастали, а уровень бедности снижался. Однако, по данным представленных графиков, после 2018 г. наблюдается постепенное снижение коэффициентов вариации. Хотя их значения на графике не сильно различаются, а в 2020 г. было зафиксировано минимальное значение – коэффициент вариации составил 25,5. Это свидетельствует о том, что кризис сказался на доходах населения, приведя к увеличению разброса в заработной плате между высшим и средним классами. Если рассмотреть прогнозные значения на период с 2024 по 2026 г., то можно ожидать дальнейшее увеличение различий в доходах населения между регионами. Согласно отчету Министерства экономического развития Российской Федерации, прогнозируются следующие основные тенденции социально-экономического развития в 2024 г.: ухудшение внешне-экономических условий, включая снижение цен на нефть, продолжение экономических санкций со стороны Европейского союза и США, сокращение инвестиционной активности и отток капитала.

Снижение цен на нефть может сократить доходы от экспорта и оказать давление на бюджет. Продолжение введения и ужесточение экономических санкций также может негативно сказаться на внешней торговле и привести к

ограничениям в доступе к финансовым ресурсам. Сокращение инвестиционной активности и отток капитала могут означать ограничение возможностей для развития бизнеса и создания новых рабочих мест. Это может привести к ухудшению экономической ситуации в регионах и увеличению различий в доходах населения. Несмотря на положительные тенденции в прошлом, экономическое будущее страны может столкнуться с некоторыми вызовами. Однако важно принимать необходимые меры для смягчения негативных последствий и поиска новых возможностей для развития экономики страны и повышения уровня жизни населения.

Прогноз социально-экономического развития на период 2024–2026 гг. характеризует развитие российской экономики при сохраняющейся геополитической нестабильности, продолжении экономических санкций ЕС и США в отношении России, а также контрсанкций со стороны последней [2].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что с каждым годом доходы населения становятся все более дифференцированными. Проблема неравенства доходов тесно связана с вопросом бедности, сокращения числа высокооплачиваемых должностей и увеличения среднего класса. Кроме того, согласно данным о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников в различных субъектах Российской Федерации за период с 2000 по 2022 г., средняя заработная плата на Дальнем Востоке значительно превышает общенациональный показатель и составляет 74,04 тыс. руб. на 2022 г.. Эту тенденцию эксперты объясняют повышенной деловой активностью в этих регионах.

Исследование производительности труда и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы показало, что прямой пропорциональности между производительностью труда и заработной платой не наблюдается. В большинстве случаев производительность труда остается практически неизменной при росте заработной платы.

Очевидно, что сложная геополитическая ситуация повлияла на динамику производительности труда – сокращение рабочих мест, введение неполного рабочего дня, приостановка или закрытие предприятий.

Одной из ключевых экономических проблем, препятствующих достижению конкурентоспособности, является низкий уровень производительности в российской экономике. Уровень производительности является надежным показателем конкурентоспособности нашей национальной экономики и ее потенциала для роста. На данный момент, уровень производительности российских предприятий составляет всего лишь от 10 до 30% уровня хозяйствующих субъектов США [4]. Естественно, производительность труда зависит не только от развития технологий и оборудования, но и от эффективности бизнес-процессов, квалификации персонала, компетентности руководства, а также наличия сильного бренда, который способствует получению ценовой премии. Кроме того, важным фактором является доступность привлекательных рынков сбыта, масштаб операций, степень вертикальной интеграции, развитие аутсорсинга, каче-

ство конкурентной среды и доступ к передовым практикам в продвижении и продаже продуктов или услуг.

Большая часть населения России занята на предприятиях с низким уровнем заработной платы, как следствие, обусловленного низкой производительностью. Тем не менее, важно заметить, что преувеличение демографических проблем в контексте обеспечения экономики трудовыми ресурсами является неуместным. Предприятия должны перейти от политики сохранения рабочих мест на обусловленной экономической эффективности основе к политике повышения производительности труда. [8, с. 59–63].

Полученные в результате исследования выводы означают, что в будущем существует вероятность увеличения неравенства в заработной плате между различными регионами России. Ухудшение внешнеэкономических условий, экономические санкции и снижение инвестиционной активности могут оказать негативное влияние на экономику и доходы населения. В свою очередь, повышение уровня инфляции и сокращение реальной заработной платы могут сказаться на увеличении разрыва между высшим и средним классом. Таким образом, эконометрические показатели указывают на растущую дифференциацию доходов в России, и данная тенденция может сохраниться и в будущем.

Литература

1. "Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года" (разработан Минэкономразвития России)
2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (разработан Минэкономразвития России)
3. Iropen [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iropen.ru/kadry/zarplata-i-vyplaty/srednjaja-zarplata-v-rossii.html>
4. Консалтинговая компания Strategy Partners Group. Обзор «Производительность труда как ключевой фактор конкурентоспособности российской экономики», 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://strategy.ru/UserFiles/File/presentations/productivity_presentation_idrisov\(1\).pdf](http://strategy.ru/UserFiles/File/presentations/productivity_presentation_idrisov(1).pdf)
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
6. Официальный сайт Евростат (Eurostat) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/eurostat>
7. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под редакцией А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М: Культурная революция, 2014. С. 78-95
8. Данканич С.А. Неравенство доходов населения: виды и последствия // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3 (39). – С. 59-63.
9. Дифференциация доходов населения / Словарь по экономике и финансам. Глоссарий.ру.
10. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация: монография / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшников: Государственный университет – Высшая школа экономики. – М.: ГУ-ВШЭ. 2008. – 575с.
11. Еремеев, М.А. Возможности применения методов теории вероятности и математической статистики в исследовании уровня заработной платы // Социальные науки. – 2016. № 3(13). – С. 9 – 45.

7.4. Обзор использования трудового потенциала в сельском хозяйстве Китая: опыт и проблемы

Китай является крупнейшим по численности населения государством, а по территории занимает третье место в мире. Огромное население КНР оказывает нарастающее давление на решение многих экономических проблем, в том числе на проблему занятости.

Несмотря на политику «одна семья — один ребенок», численность населения КНР ежегодно возрастала (рис. 7.5).

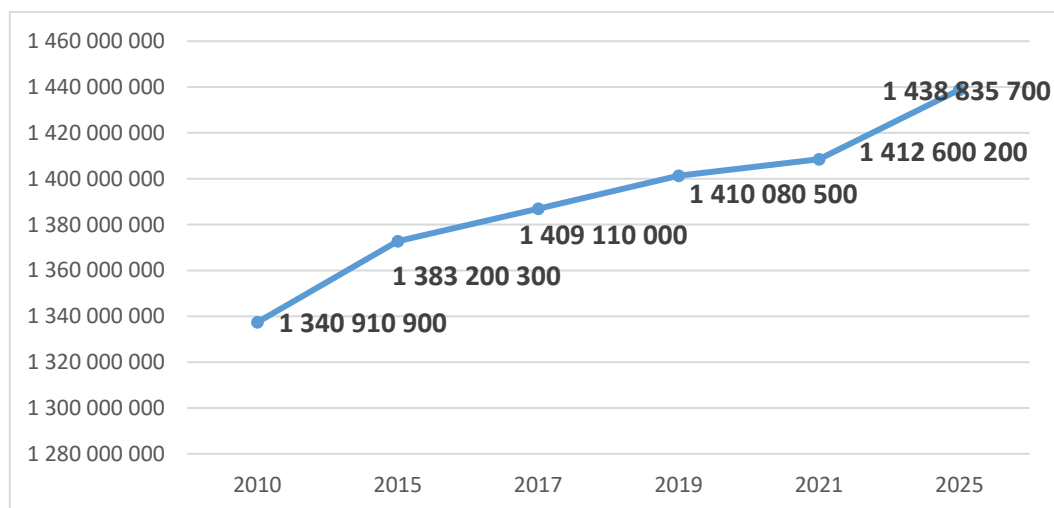

Рис. 7.5. Динамика численности населения Китая за 2010-2025 гг. (прогноз), в млрд. чел. [1]

Китай – страна с многочисленным крестьянским населением. Крестьянин одновременно и трудящийся, и мелкий собственник. В историческом аспекте для улучшения экономического положения крестьянства, ликвидации отсталости сельского хозяйства было решено заменить систему мелкой частной собственности собственностью общественной. Однако при этом недопустимо было применять какие-либо насильственные меры. В экономике можно использовать лишь метод постепенного перехода, поэтому необходимы были соответствующие промежуточные переходные звенья, таким звеном стала кооперация.

В пользу кооперации китайские ученые выдвинули следующие доводы.

Во-первых, с ее помощью крестьяне на основе добровольности и учета взаимной выгоды объединяют свой труд и без всякого принуждения, естественно переходят к обобществлению основных средств производства, улучшают собственное экономическое положение.

Во-вторых, кооперация дает возможность сконцентрировать рассредоточенные средства и при поддержке крупной промышленности создать новые обобщественные средства производства, заложить материальную базу общественной собственности. Одновременно это способствует полному развитию производительных сил, сдерживавшемуся прежними производственными отношениями.

В-третьих, кооперация может обеспечить постепенный перевод сельского хозяйства, этой базовой отрасли экономики, на плановые рельсы. Однако государственное плановое руководство не препятствовало самостоятельному хозяйствованию крестьян. Все это показывает, что кооперация оправдала себя как переходная экономическая форма хозяйствования в сельском хозяйстве.

Реализуя цели кооперирования, Китай прошел длительный путь поисков, которые продолжаются и сейчас. Его можно разделить на несколько периодов.

Во время второй мировой войны и после нее (до 1949 г.) действовали снабженческо-сбытовые кооперативы, бригады по обмену трудом и группы взаимопомощи. Их особенность состояла в том, что они не затрагивали частной собственности трудового народа, а объединение производительных сил осуществлялось только в некоторых областях и на стадии производства. В начале 50-х годов были созданы сельскохозяйственные производственные кооперативы низшей ступени. В них сохранялась частная собственность крестьян на землю и орудия, и на этой основе объединялись лишь трудовые усилия в рамках единого хозяйствования. Распределение прибыли производилось в соответствии с паевым взносом – количеством земли и рабочего скота, однако значительная часть прибыли распределялась по труду. За период продолжительностью более полугода такие формы хозяйствования были преобразованы в кооперативы высшего типа, которые очень быстро были превращены в народные коммуны.

В период «большого скачка» (1958–1960 гг.) были допущены некоторые ошибки:

- 1) происходило сплошное обобществление основных средств производства, ликвидировались домашние подсобные промыслы;
- 2) была введена система натурального обеспечения.

В период с 1966 по 1976 г. левые радикалы-маоисты, сторонники политики «большого скачка», поощряли различные формы политики, которая нанесла ущерб ряду районов. Однако такой политике было оказано сопротивление со стороны народных масс и руководящих кадров большинства районов, и это предотвратило еще большее повсеместное бедствие. Введенная в 1960 г. «трехступенчатая собственность с производственной бригадой в качестве основы», по сути, была формой кооператива высшего типа, аналогичного по структуре крупным коллективным хозяйствам КНР, но с чрезмерным упором на «трехступенчатую собственность» и соединение административных и хозяйственных функций. Главное достижение, связанное с введением такой формы кооперативной организации, – накопление средств, создание новых производительных сил, воспитание у кадров навыков хозяйствования. Под влиянием решений 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) реалистичные подходы к организации труда способствовали появлению ее более совершенной формы подряда. Подрядная система ответственности может оказать положительное влияние на кооперативную систему, если обеспечены следующие условия:

1. Сочетание централизованного и децентрализованного управления. При подрядной системе находящиеся в общественной собственности земля и

другие производственные объекты берутся на подряд крестьянскими дворами или мелкими группами на условиях, определяемых совместно кооперативом и подрядчиками. Те виды деятельности, которые невозможно осуществить силами одной семьи, одного двора или мелкой группы выполняются кооперативной организацией. Таким образом, в подрядной системе сочетаются централизация и рассредоточение производства, используются преимущества кооперативов высшего типа, а недостатки исправляются. Точно так же преодолевается ограниченность возможностей семейных хозяйств и сохраняются их преимущества. Одновременно выявляются преимущества обобществления, а также гибкость и мобильность плоды самостоятельности крестьян.

2. Сочетание специализированного производства и объединений. Одновременно за развитием товарного производства неизбежно происходит его специализация. Некоторые крестьянские дворы по роду занятий становятся специализированными или совмещающими несколько видов деятельности. С появлением общественного разделения труда возникают как производственные объединения, так и объединения до и после производственного обслуживания. Такие объединения могут отличаться высокой степенью обобществления, но могут не затрагивать права собственности, используя в качестве основы низовые трудовые объединения различных производителей, развиваться снизу вверх, вглубь и вширь, формировать многоуровневые объединения. Так складывается экономическая структура многообразных кооперативных хозяйств, а через них она объединяется с экономической системой всей страны.

3. Наличие системы распределения вознаграждения по конечным результатам. По мере развития и разделения труда в связи со специализацией кооперативного производства все острее встает вопрос о том, каким образом поддерживать равновесие между доходами производителей различных отраслей. В каждом хозяйстве должен быть воплощен принцип: «за больший труд – большее вознаграждение, за меньший труд меньшее вознаграждение». Кроме того, необходимо осуществлять общее планирование и всесторонний учет распределения результатов деятельности между государством, коллективом и личностью, что требует применения единого подхода к расчету степени развития производственных объектов. Вместе с тем на практике в каждой подрядной единице распределение осуществляется в соответствии с выполненной работой. Распределение по подряду, говоря на языке крестьян, означает «обеспечить государственное задание по продаже, оставить достаточно коллективу (общественные отчисления), остальное – себе». Сегодня уменьшились случаи направления людей на общие работы и применения системы начисления трудовых единиц, появились интерес к делу и ответственность, методы распределения стали простыми и удобными. В современной кооперативной деятельности это основная система распределения.

Далее представлены проблемы существовавшие в период развития кооперации в сельском хозяйстве. Региональные различия в развитии экономики, и для того чтобы осуществить всестороннюю техническую реконструкцию

сельского хозяйства, потребовалось длительное время. Наряду с такими общеэкономическими проблемами, как неравенство в развитии территорий и конфискация земель, китайский социум подвергается существенной социальной дифференциации, которая влияла на формирование дополнительных социальных противоречий и конфликтов. В Китае существовали острые социальные проблемы, которые были связаны с функционированием рынка труда в условиях внутренней трудовой миграции и вызывали высокую социальную напряженность. Основой для возникновения данных проблем является сохраняющаяся избыточность рабочей силы Китая на фоне замедления экономического роста и высокий реальный уровень безработицы. Сдерживающими факторами стали дефицит энергии, слабое развитие транспортной системы, избыточность рабочей силы. В Китае большую площадь занимают горы и пересеченная местность, к тому же агротехника и системы земледелия отличаются особой сложностью (получение двух и трех урожаев, междурядные и смешанные посадки и т.д.). С учетом всего комплекса неблагоприятных факторов приходится идти по пути интенсивного хозяйствования, ставить на первое место повышение производительности земли, полнее использовать потенциал тщательной ее обработки в малых хозяйствах. Однако с развитием механизации масштабы хозяйствования на земле расширились, а избыточная рабочая сила переместилась в не аграрные отрасли.

В КНР применяется подрядная система с вознаграждением по конечному результату, основанная на общественной собственности на землю и другие основные средства производства. Крестьяне, однако иногда покупают определенную часть средств производства, которые могут находиться в общественном пользовании и/или быть общественной собственностью, но использоваться частным образом. Они также могут быть в частной собственности и частном пользовании либо в частной собственности, но в общественном пользовании.

Хозяйственная реформа в китайской деревне проводится начиная с 1978 г. За это время повсеместно утвердился семейный подряд, основанный на системе вознаграждения по конечным результатам, усилилась жизнеспособность сельской экономики. В деревне сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка: в течение последних лет во всех основных отраслях сельского хозяйства: богатый урожай; ориентация на специализацию, модернизацию; позитивные сдвиги в производственной структуре и размещении сельскохозяйственной продукции; рост экономической эффективности; улучшение материальных и культурных условий жизни крестьян.

Главная проблема в сельском хозяйстве заключалась в том, что на пути к достижению товарности возникли следующие проблемы:

1) отдельные отрасли сельскохозяйственного производства развиваются не сбалансированно;

2) качество продукции сельскохозяйственных и подсобных промыслов невысоко, ассортимент узок, насыщение рынка и степень удовлетворения общественных потребностей недостаточны;

3) перерабатывающая промышленность, хранение и транспортировка не соответствуют требованиям развития товарного производства, соотношение цен на продукцию сельского хозяйства и животноводства нерационально;

4) развитие отдельных районов не сбалансировано;

5) в некоторых местах произвольно взвинчиваются цены.

Такие явления, как несбалансированность и нерациональность, появились в сельском хозяйстве в результате следующих изменений: сельскохозяйственное производство из натурального и полунатурального превращается в товарное, непрерывно улучшается жизнь крестьян от первоначального уровня благополучия («одеты и накормлены») к средней зажиточности («скромный достаток») и к элитарному образу жизни. Благодаря успешному проведению политического курса и внедрению достижений науки и техники темпы развития сельского хозяйства превышают первоначально намеченные.

Реформа государственных заготовок и закупок, освободившая цены на сельскохозяйственную продукцию, стала второй по важности после введения системы производственной ответственности в деревне. В связи с этим Госсовет изменил систему цен в Китае, что объясняется следующими причинами:

1. Наличие сравнительно больших товарных запасов зерна, хлопка, масличных и других сельскохозяйственных культур, появившихся в результате богатых урожаев в течение ряда лет, создало материальные условия для установления свободных цен. В 1998–1999 гг. вследствие дефляции цены на промышленные товары и продукты значительно снизились. Например, за 1 долл. США можно было купить более 1 кг мяса, 25 кг капусты. Однако дефляция способствовала снижению роста активности крестьян.

2. Переход на контрактную систему закупок зерна и хлопка дал возможность удовлетворить потребительский спрос и обеспечить базовые доходы крестьянам.

Второй этап реформы, который был призван освободить цены на сельскохозяйственную продукцию, расширить рыночное регулирование, улучшить структуру сельскохозяйственного производства, начался с экономически развитых приморских районов. Провинция Гуанду и другие районы уже накопили определенный опыт: 60–80% рабочей силы были переведены в промышленность, подсобные промыслы, сферу обслуживания; производительность труда, товарность, средние доходы росли быстрыми темпами; различия между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством уменьшались.

В связи с выше обозначенными проблемами было принято решение о переходе от экстенсивного пути развития в сельском хозяйстве к интенсивному и выработке комплексных мер по их преодолению. Основным направлением перехода избрана новая модель структуризации сельскохозяйственного производства – «нунъечаньехуа», которая предусматривает стимулирование подотраслевой специализации и кооперации. Специализация района устанавливается, исходя из особенностей местных ресурсов, условий и потребностей. Взаимоотношения между крестьянином и головным предприятием, обеспечивающим его

необходимыми ресурсами, кредитами и покупающим его продукцию по взаимовыгодной цене, строятся на договорной основе. Данная модель способствует разрешению противоречий между мелким производством крестьянского двора и современным эффективным сельскохозяйственным производством.

Экономические отношения все жестче диктуют условия подъема экономической эффективности сельского хозяйства. Одной из главных причин его низкой эффективности была и частично остается высокая себестоимость производства, что связано с преобладанием ручного труда и высокими ценами на основные материальные ресурсы, необходимые в сельском хозяйстве. Система производственной ответственности получила распространение во многих районах страны не только в сельском хозяйстве, но и в других сферах деятельности. Это свидетельствует о том, что она является чрезвычайно эффективной формой хозяйствования на современном этапе, раскрывающей преимущества экономического строя в Китае. Многообразная по формам подрядная система уже распространилась по всей стране. Необходимо позволить дворам, берущим на подряд земельные участки, а также специализированным подрядным дворам смело развивать производство, прилагать усилия для того, чтобы становиться зажиточными благодаря «собственному труду».

В течение многих лет государство, используя плановую систему и политику централизованных закупок и сбыта продукции земледелия и подсобных промыслов, превратило деревню в источник первоначального накопления капитала для индустриализации. Прибавочный продукт и разнообразные ресурсы из деревни перекачивались в город. Принудительно навязывая низкие закупочные цены на сельскохозяйственные продукты, государство обеспечивало себе возможность, снабжая продуктами питания рабочих и их семьи, осуществлять политику низкой заработной платы. Одновременно поставки промышленным предприятиям дешевого сырья позволили максимально снизить себестоимость промышленной продукции и тем самым извлекать максимальную прибыль. Естественно данные условия хозяйствования в сельском хозяйстве оказались не эффективными тем самым сельское хозяйство лишалось возможности путем саморазвития перейти от состояния, в котором оно находилось к более эффективному. В условиях развития экономики, это привело к перемещению работников в отрасли с более высокой производительностью труда в соответствии с более высокими доходами. При этом китайское правительство препятствовало миграции рабочей силы, а курс на преимущественное развитие тяжелой промышленности и капиталоемкого производства предопределял сравнительно низкую потребность городской промышленности в рабочей силе [2].

Повышение закупочных цен и изменение порядка закупки сельскохозяйственных продуктов (уменьшение объема закупок по фиксированным ценам и расширение, рыночной торговли), положившие начало сельской реформе, улучшили позиции деревни в отношениях с городом и уменьшили изъятие накоплений из сельского хозяйства в пользу города, Это способствовало значительному увеличению доходов сельского населения и ресурсов для развития

сельской экономики. С распространением семейного подряда крестьянский двор получил хозяйственную независимость, что стимулировало его эффективно использовать ресурсы. Существенно уменьшился административный контроль за деятельностью крестьян, что позволило им значительно более чутко воспринимать сигналы рынка, и вместе с тем ослабило путы, сковывавшие перемещение рабочей силы.

Наиболее распространен подход, при котором крестьянство подразделяется – преимущественно по характеру и содержанию труда – на восемь основных социальных слоев, каждый из которых характеризуется наличием особого источника дохода, а соответственно – и специфическими интересами.

1. Самый многочисленный (до 55–57% общей численности крестьянства) слой – работники сельского хозяйства. Эта отрасль (включающая растениеводство и животноводство) служит для них основной сферой приложения труда и главным источником доходов. В пределах данного слоя выделяют четыре группы – в основном по степени обеспеченности материальными ресурсами и уровню доходов: от зажиточных специализированных (крупных) подрядных дворов до бедняков, не способных себя прокормить и нуждающихся в социальном вспомоществовании,

2. Крестьяне-рабочие. Это крестьяне по социальной принадлежности и сельской прописке, постоянно занятые в промышленном производстве или в сфере услуг, которые и являются для них единственным или основным источником дохода. На долю данного слоя приходится 24% численности крестьян.

3. Наемные работники (около 4% численности крестьянства). Они работают по найму на индивидуального или частного хозяина, но сохраняют за собой в деревне достаточный для пропитания участок подрядной земли и другие средства производства.

4. Сельская интеллигенция (1,5–2%) включает в себя две группы: первая причисляется к кадровым работникам либо к рабочим и служащим и по своему статусу и социально-материальным благам не отличается от своих городских коллег, а вторая (народные учителя, сельские лекари, техники и др.) – относится к собственно крестьянам, лишенным соответствующих привилегий.

5. Индивидуальные работники, индивидуальные промышленники и торговцы (около 5%). Первые живут своим трудом, вторые имеют право нанимать до семи помощников.

6. Частные промышленники и торговцы (0,1-0,2%).

7. Управленческий персонал волостных и поселковых предприятий (3%).

8. Сельские управленцы (6%) – низовые кадровые работники на уровне волости (сян) и деревни (цунь).

Здесь выделяют четыре группы: по социальному статусу и сопутствующему казенному вознаграждению и довольствию.

Первая – освобожденные от не руководящих функций кадровые работники (например: руководители партийных, административных и хозяйственных органов волостей и поселков).

Вторая – полу освобожденные кадровые работники (руководящие работники более низкого ранга и персонал тех же органов).

Третья – кадровые работники, получающие от казны постоянную дотацию к заработной плате. Это секретари деревенских партийных организаций, председатели, заместители председателя и бухгалтеры деревенской администрации (народных комитетов) и иные руководящие работники на уровне деревни. Работая без отрыва от производства, они по своему социальному положению входят в состав сельскохозяйственного населения и числятся крестьянами, и за их семьями закрепляются участки подрядной земли.

Четвертая группа – кадровые работники, получающие целевую доплату. Это, например, руководители молодежных и женских организаций, командиры рот народного ополчения. Государственные дотации к заработной плате кадровых работников могут составлять половину годового дохода работников сельского хозяйства [3].

Анализ деятельности Федеральной службы занятости КНР показывает, что значительная часть населения используется в отраслях с большой долей живого труда, прежде всего в сельском хозяйстве, где занято около 80% экономически активного населения.

Китайской рынок труда как органическая часть рыночной экономики формируется в условиях, когда в течение длительного исторического периода было приостановлено регулирование рыночного механизма экономики. Наметилась достаточно четкая тенденция к уменьшению спроса на рабочую силу, интенсивность которого неодинакова в различных отраслях народного хозяйства. Самое большое сокращение наблюдалось в промышленности. При общем спаде спроса на рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве, несколько вырос спрос на нее в торговле и сфере обслуживания [4].

Тенденция к сегментации спроса создает реальную опасность ухудшения социально-экономического положения не только работающих женщин, но и молодежной группы населения (20–29) лет, не имеющей профессионального образования, а также лиц предпенсионного возраста. Обострилась проблема первичной занятости молодежи после окончания, как общеобразовательной школы, так и учебных заведений системы профессионального образования. В ближайшем будущем 45% выпускников общеобразовательных школ и учебных заведений системы профессионального образования столкнутся с проблемой трудоустройства, и будут искать работу на рынке труда. Если инфляционные процессы будут усиливаться и понизится уровень жизни, то определенная часть студенческой молодежи также будет вынуждена искать работу.

Сходный подход представлен сотрудником Института развития деревни Академии общественных наук, Китая Линь Хоучунем. В основном в этой работе фигурируют те же слои, хотя называются они иногда несколько иначе. Но есть и несколько более существенных отличий. Так, исчез слой «наемных работников» – чисто идеологическая категория. Далее названы четыре новых слоя: служители культов, бродяги, антисоциальные элементы и несовершенно-

летние крестьянские дети. И еще одна новация состоит в том, что выделяемые 12 слоев подразделяются на три категории. Это прежде всего категория «ведущих слоев» («чжудаоцзецэн»), которая включает один «материнский слой» («мути цзецэн»), куда входят «чистые аграрии», и четыре производных слоя, куда относятся соответственно, во-первых, «крестьяне-совместители», во-вторых, рабочие волостных и поселковых предприятий, в-третьих, крестьяне, работающие в городах, и, в-четвертых, «культурно-технические работники деревни» (т.е. сельская интеллигенция). Далее следует категория «руководящих слоев» («линдаоцзецэн») из двух составляющих – сельского административного руководства волостного уровня и хозяйственных руководителей волостных и поселковых предприятий. Наконец, третья категория – «примыкающие слои» («ифуцзецэн») в составе, во-первых, частных предпринимателей, во-вторых, индивидуальных работников и индивидуальных промышленников и торговцев и, в-третьих, всех прочих.

Линь подчеркивает, что границы между слоями достаточно подвижны, что их разделение не всегда очевидно. Так, «и рабочие, и крестьяне», «и торговцы, и крестьяне» представляют собой крестьян, по совместительству занятых в иных отраслях, но первых можно также отнести к слою «рабочих волостных и поселковых предприятий», а вторых – к слою «индивидуальных промышленников и торговцев». В слое «сельского административного руководства волостного уровня» полуосвобожденные и получающие постоянную дотацию или целевую дотацию кадровые работники, по существу, остаются работниками сельского хозяйства. Поэтому Линь не принимает количественных оценок различных слоев, считая, что они игнорируют их неоднозначность и взаимное переплетение.

Развернутая с конца 1980-х гг. сначала на села, а затем в городе экономическая реформа придала импульс переменам в обществе. В прошлом основные социальные группы – рабочие, крестьяне, кадровые работники были разделены посредством специфических систем прописки, занятости, зарплаты, медицинского обслуживания, социального обеспечения. Место, которое занимал в обществе отдельный человек, определялось не его личными усилиями, а политико-идеологическими установками, с одной стороны, и земляческими либо родственными связями – с другой. Продвижение кадрового работника по службе лишь частично определялось его успехами, главную роль играло «происхождение». Хотя сегодня все эти системы устранены не полностью, однако происходит развитие процессов, которые мало-помалу разрушают старые порядки. Уравнительность, как подчеркивают многие исследователи, имеет определенную объективную основу – неразвитость производительных сил, низкий общий уровень доходов, недостаточность накоплений.

Кроме того, система низкой заработной платы и относительно высоких социальных пособий позволяла государству после национализации практически всего народного хозяйства забирать в виде разного рода отчислений (налоговых и др.) подавляющую часть чистого дохода (относительно высокого из-за малой стоимости рабочей силы) и брать на себя заботу об удовлетворении всех основных по-

требностей каждого человека – от рождения до смерти (и даже посмертно, если иметь ввиду заботу о детях) – в пище, одежде, жилище, средствах передвижения, образовании, здравоохранении посредством предоставления соответствующих пособий и надбавок к зарплате. Государство строило жилье, школы, больницы, взимая мизерную квартплату и крайне низкую плату за обучение и практически полностью оплачивая из общественных фондов лечение, лекарства и пребывание в больнице. Пособия и надбавки нивелировали различия в зарплате, выравнивали уровень жизни, что считалось важнейшим завоеванием социализма.

В целом Китай вступив в международный интегральный процесс освободился от целого ряда сложных социальных проблем, таких как имущественной дифференциации, проблем занятости, безработицы. Преодолевая, их экономика Китая быстро развивается и потенциал его велик.

а) огромное население и самый большой в мире внутренний рынок. По прогнозам, в 2000–2050 гг. численность населения страны будет возрастать;

б) вхождение в международную систему рынка труда оптимизирует производственную структуру. Политика открытости привела к переходу рабочей силы из сельского хозяйства в обрабатывающие отрасли, а это даёт Китаю дополнительный ежегодный прирост ВВП.

с) интеграция в мировую экономику и многополюсная мировая политическая, и экономическая структура создают благоприятную возможность для Китая внедрения новой техники, технологий и управленческого опыта.

Всё вышеперечисленное позволило повысить политический и экономический статус Китая в мире.

Литература

1. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: Отдел народонаселения. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 25.08.2023).
2. Yao, Yang, In Search of Balance: Technological Development in China in Competitiveness, FDI and Technological Activity in East Asia, S. Lall and S. Urata, eds., Edward Elgar, Northampton (на кит. яз.), 2019. (на кит. яз.).
3. 40. Chinas external economic relations: [переводскитайского] / ed. By Liu Saila and Zhou Lin.–[Beijing]: Enrich professional publishing, 2017. – VIII, 389 p., (на кит. яз.).
4. Dahlman, C. J., D. Zhihua Zeng, and S. Wang (forthcoming 2018) Developing a System of Life Long Learning in China to Enhance Competitiveness, World Bank, Washington, D.C.

7.5. Стратегическое партнерство России и Китая в контексте подготовки кадров для легкой промышленности и технологического развития ее отраслей

В условиях современной глобализации и усиления конкуренции на мировом рынке, развитие легкой промышленности становится одним из важных факторов экономического роста и укрепления позиций нашего государства [1, 2, 3]. В этом контексте стратегическое партнерство между Россией и Китаем приобретает особую значимость, так как обе страны проявляют интерес к раз-

витию этого сектора и расширению своих экономических возможностей. В 2022 г. общий товарооборот между РФ и КНР по товарам легкой промышленности составил более 50 млрд долл. [4].

Темой настоящей статьи является подготовка кадров (воспроизводство человеческого капитала) в интересах легкой промышленности России в рамках стратегического партнерства России и Китая. Актуальность темы обусловлена следующими факторами:

- легкая промышленность является одной из ведущих отраслей экономики, способной обеспечить массовое производство товаров и создать рабочие места для большого количества людей, поэтому развитие этого сектора имеет стратегическое значение для России, особенно в условиях западных санкций и постепенного смещения экономического центра в мировом масштабе в сторону Азии;

- воспроизводство человеческого капитала является фундаментальной составляющей развития любой отрасли; компетентные и квалифицированные кадры играют ключевую роль в инновационном развитии и повышении конкурентоспособности предприятий, поэтому успешное воспроизводство человеческого капитала в легкой промышленности России становится приоритетной задачей для укрепления ее позиций на мировом рынке;

- стратегическое партнерство между Россией и Китаем представляет собой уникальную возможность для обмена опытом, передачи знаний и совместного развития. Китай является одним из лидеров в легкой промышленности, и его опыт может быть весьма полезен для развития этого сектора в России.

Цель данной статьи состоит в исследовании вопросов, связанных с подготовкой кадров для развития легкой промышленности в России в рамках стратегического партнерства с Китаем.

Воспроизводство человеческого капитала является ключевым аспектом развития легкой промышленности в России. Человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, навыков, опыта и квалификации работников, которые являются основным ресурсом для развития отрасли.

Основным документом, регламентирующим воспроизводство человеческого капитала в рамках российско-китайского стратегического партнерства является «Дорожная карта российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020-2025 годов» [5], принятая Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством науки и технологий КНР.

В документе уделяется внимание воспроизводству человеческого капитала и профессиональной подготовке с целью развития научно-технического сотрудничества между двумя странами. Подчеркивается важность обмена опытом и знаниями в области науки, технологий и инноваций между Россией и Китаем. Он призывает к разработке и реализации образовательных программ, стажировок и обменов между учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами и предприятиями двух стран.

Также в документе отмечается необходимость расширения сотрудничества в области профессиональной подготовки и повышения квалификации специалистов. Дорожная карта также обращает внимание на необходимость содействия молодым ученым и специалистам в получении образования и опыта работы в области науки и инноваций. Документ предполагает создание программ стажировок и обменов для молодых специалистов, а также поддержку их участия в совместных научных исследованиях и проектах.

Кроме этого, дорожная карта включает следующие пункты:

1. Российские и китайские научные организации и университеты могут сотрудничать в проведении совместных научных исследований. Это совместное финансирование проектов, обмен научными кадрами и оборудованием, а также совместная публикация научных статей.

2. Сотрудничество в области передовых технологий – обмен технологическими достижениями, совместная разработка новых технологий и продуктов, а также сотрудничество в области цифровизации, искусственного интеллекта, космических технологий и других перспективных областях.

3. Инновационное предпринимательство, включая обмен опытом и лучшими практиками, организацию стартап-форумов и мероприятий, совместных инновационных центров и технопарков.

4. Трансфер технологий между двумя странами – сотрудничество в области лицензирования, совместная разработка и коммерциализация технологий, а также создание совместных инновационных проектов.

5. Финансирование инноваций. Это может включать разработку совместных фондов для поддержки инновационных проектов, сотрудничество с инвестиционными фондами и банками, а также создание условий для привлечения инвестиций в инновационные проекты.

Рассмотрим основные образовательные программы, реализуемые в интересах легкой промышленности России в рамках российско-китайского стратегического партнерства.

1) Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне [6] – совместный проект МГУ имени М.В.Ломоносова и Пекинского политехнического института при содействии Муниципального народного правительства города Шэньчжэня предлагает программы обучения в области науки, технологий и инжиниринга. Целью университета является создание международного образовательного и научного центра, способствующего инновационному развитию и сотрудничеству между Россией и Китаем. Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне предлагает широкий спектр образовательных программ на бакалаврском, магистерском и иных уровнях. Программы обучения охватывают различные области, такие как информационные технологии, инженерия, материаловедение, бизнес и менеджмент.

Факультет наук о материалах университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне специализируется на подготовке специалистов для легкой промышленности. Студенты из России и Китая, обучающиеся на этом факультете, получают знания и

навыки, необходимые для работы в различных сферах легкой промышленности, таких как текстиль, мода, обувь, кожгалантерея и другие. В рамках образовательных программ факультета наук о материалах студенты изучают различные классы материалов, используемых в легкой промышленности, включая текстиль, кожу, искусственные материалы и другие. Они изучают свойства этих материалов, методы их обработки и производства, а также технологии, применяемые в легкой промышленности. Студенты также осваивают навыки проектирования и разработки материалов для легкой промышленности, анализа и контроля качества, исследований и разработок новых материалов. Они изучают методы тестирования и анализа свойств материалов, а также различные техники обработки и модификации материалов.

Важной частью обучения на факультете наук о материалах является практическая работа и опыт. Студенты имеют возможность работать с реальными материалами и оборудованием, участвовать в проектах и практиках на предприятиях легкой промышленности. Это помогает им приобретать практические навыки и опыт работы с материалами в реальных условиях производства. В результате обучения на факультете наук о материалах студенты готовятся к работе в различных областях легкой промышленности обеих стран. Они могут занимать должности в проектировании и разработке материалов, технологическом процессе производства, контроле качества, исследованиях и разработках новых материалов. Специалисты, подготовленные на факультете наук о материалах, востребованы в легкой промышленности и могут вносить значительный вклад в развитие этой отрасли.

2) Совместный проект Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (далее – ВСГУТУ) и Сычуаньского университета легкой промышленности о совместной подготовке кадров [7]. В частности, ВСГУТУ занимается подготовкой специалистов в области легкой промышленности, которая включает текстиль, моду, обувь, кожгалантерею и другие отрасли. Обучающиеся получают фундаментальные знания и практические навыки, необходимые для работы в легкой промышленности. Сычуаньский университет легкой промышленности является одним из ведущих университетов в Китае, специализирующимся на образовании и исследованиях в области легкой промышленности. Совместный проект с ВСГУТУ позволяет объединить усилия и опыт обоих университетов для обеспечения высококачественного образования и подготовки кадров для легкой промышленности.

В рамках совместного проекта студенты получают возможность изучать курсы, предоставляемые обоими университетами. Они могут принимать участие в обмене студентами, стажировках и практиках на предприятиях, проводить совместные научные исследования и проекты. Совместный проект способствует расширению горизонтов и повышению качества образования в области легкой промышленности. Он позволяет студентам получать более полное и глубокое образование, осваивать передовые технологии и методы, а также учиться у опытных преподавателей и специалистов обоих университетов.

3) Институт Конфуция в России разработал специальные программы обучения китайской живописи и каллиграфии для дизайнеров легкой промышленности.

Институт Конфуция – это организация, созданная для пропаганды китайского языка и культуры за рубежом [8]. Она сотрудничает с университетами и другими учебными заведениями в различных странах, включая Россию, для обучения китайскому языку и культуре.

Институт Конфуция имеет несколько специализированных программ, направленных исключительно на легкую промышленность. Эти программы включают следующие элементы:

1. Основы китайской живописи – изучение различных стилей, техник и традиций. Дизайнеры легкой промышленности изучают различные приемы и техники, используемые в китайской живописи, и применять их в своей работе, создавая уникальные и привлекательные дизайны;

2. Каллиграфия и дизайн – изучение основных китайских каллиграфических стилей и написания китайских символов. Дизайнеры развивают навыки создания красивых и элегантных каллиграфических элементов в своих дизайнах, добавляя им уникальность и эстетическую ценность;

3. Искусство и дизайн в контексте китайской культуры, истории и философии, связанных с живописью и каллиграфией. Это поможет дизайнерам легкой промышленности лучше понять контекст и символику китайского искусства, а также правила применения иероглифов в дизайне;

4. Творческие проекты и стажировки, где дизайнеры легкой промышленности применяют свои знания и навыки в практической работе. Это может включать создание дизайнов для текстиля, аксессуаров, украшений и другой продукции легкой промышленности;

5. Культурный обмен и сотрудничество с китайскими университетами и дизайнерскими организациями. Это позволит дизайнерам получить более глубокое понимание китайской культуры и традиций, а также установить связи с китайскими дизайнерами и компаниями.

4) Совместный проект инновационной технологической платформы «Текстильная и легкая промышленность» Казанского национального исследовательского технологического университета и Российско-Китайской палаты по содействию торговле машинно-технической и инновационной продукцией [9]. Проект направлен на подготовку российских и китайских специалистов по реверсивному инжинирингу в сфере текстильного оборудования.

Реверс-инженерия (reverseengineering) – это процесс обратного проектирования, который включает анализ и изучение существующих продуктов, систем или программного обеспечения для получения информации об их функциональности, структуре, процессах и технологиях. Целью реверс-инженерии является понимание работы и создание копии или модификации изучаемого объекта.

Подготовка специалистов по реверсивному инжинирингу для текстильного оборудования включает в себя:

1. Изучение процессов и технологий, применяемых в текстильной промышленности, различных типов оборудования, используемого в текстильном производстве, и их функций.

2. Техническое образование в области механики, электроники и автоматизации, принципы работы текстильного оборудования.

3. Приобретение навыков разборки и сборки различных типов текстильного оборудования, изучение структуры и функционирования оборудования, а также умение идентифицировать возможные проблемы и недостатки.

4. Приобретение аналитических навыков, чтобы анализировать и интерпретировать данные, полученные в процессе реверсивного инжиниринга. Это включает способность читать технические чертежи, схемы и спецификации, а также проводить анализ структуры и функций оборудования.

5. Получение базовых знаний электроники и программирования. Текстильное оборудование имеет электронные компоненты и управляется программным обеспечением, поэтому специалисты должны иметь базовые знания в области электроники и программирования, чтобы понимать работу электронных систем и иметь возможность производить реверсивный инжиниринг соответствующих компонентов.

Обучение специалистов по реверсивному инжинирингу для текстильного оборудования включают теоретические лекции, практические занятия с оборудованием, лабораторные работы и проекты, связанные с реверсивным инжинирингом конкретных систем и компонентов.

5) Совместный проект Дальневосточного федерального университета (далее – ДВФУ) и Министерства промышленности и информационных технологий Китая по подготовке специалистов по наноматериалам для производства средств защиты (бронезилетов). Проект реализуется на базе Центра российских исследований (Представительство ДВФУ в г. Пекине) [10], который был создан для развития и укрепления академических, культурных и научных связей между Россией и Китаем. Обучение проводится профессорско-преподавательским составом кафедры материаловедения и технологии материалов ДВФУ.

Для разработки и производства бронезилетов, использующих наноматериалы, необходимы специалисты с определенными знаниями и навыками. Это знания о различных типах материалов, их свойствах и методах обработки, навыки исследования и выбора подходящих наноматериалов для производства бронезилетов, а также оптимизации их структуры и свойств. Это специалисты, которые занимаются производством и обработкой наноматериалов. Они имеют знания о методах синтеза наноматериалов, их обработке и характеристике, чтобы обеспечить нужные свойства для бронезилетов. Кроме этого, специалисты отвечают за разработку дизайна и структуры бронезилетов с учетом свойств наноматериалов. Это специалисты, которые проводят испытания и анализируют свойства материалов и готовой продукции (бронезилетов). Они могут оценить прочность, устойчивость к ударам, энергопоглощающие свойства и другие

характеристики, чтобы гарантировать соответствие требованиям защиты. Кроме того, они отвечают за оценку безопасности и соответствия наноматериалов и бронежилетов стандартам и регулятивным требованиям. Они могут проводить анализ рисков, оценивать возможные воздействия на здоровье и окружающую среду, а также предлагать меры по минимизации этих рисков.

В целом, Россия и Китай активно сотрудничают в области образования и подготовки кадров для легкой промышленности. Это обмен студентами и преподавателями, создание совместных образовательных программ, проведение тренингов и семинаров, обучение новым технологиям и методам производства, повышение навыков управления и организации работы, а также развитие предпринимательских навыков. Стороны сотрудничают в области научно-исследовательской работы и разработок, связанных с легкой промышленностью. Это совместные проекты, обмен опытом и передовыми технологиями, а также создание инновационных центров и лабораторий. Такое сотрудничество способствует развитию новых продуктов, материалов и процессов, повышению конкурентоспособности отрасли.

В заключение можно сделать следующие выводы. Легкая промышленность является важной отраслью экономики нашей страны, так как создает рабочие места и способствует развитию малого и среднего бизнеса. Разработанный проект «Стратегии развития легкой промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года» [11], которая определяет основные направления развития отрасли и основные целевые показатели для предприятий и для отрасли в целом. В легкой промышленности работает 20 тысяч предприятий – это швейные, текстильные, коженно-обувные и меховые производства. На предприятиях легкой промышленности работает 292 тысячи человек, из которых 75% сосредоточено в ЦФО. Средняя заработная плата работников легкой промышленности значительно ниже (до 45% по разным подотраслям), чем среднемесячная заработная плата в целом по России [12, 13].

В связи с уходом с российского рынка ведущих иностранных компаний национальное производство начало увеличиваться – в 2022-2023 годах производство текстиля увеличилось на 43%, кожи, обуви и кожаных изделий – на 42%, одежды и других швейных изделий – на 20%. Однако легкая промышленность имеет низкие показатели не только по уровню средней заработной платы, но и по средней производительности труда, а также по медианному уровню производительности труда на одного работника при относительно высокой нагрузке работников. Для улучшения ситуации необходимо внедрение новых технологий, повышение квалификации работников, улучшение организации труда и производства, а также помощь со стороны государства.

В условиях экономических санкций против РФ стратегическое партнерство России и Китая имеет большее значение. Китай является основным торговым партнером России, правительствами обеих стран была принята «Дорожная карта по наращиванию российско-китайской торговли товарами и услугами до 200 млрд. долларов США к 2024 году» [14]. При этом Китай является мировым

лидером по объему производства товаров легкой промышленности, а общий товарооборот между Россией и Китаем по отрасли в 2022 г. составил около 50 млрд долл. В целом, стратегическое партнерство между Россией и Китаем в легкой промышленности направлено на развитие сотрудничества в области создания совместных производственных предприятий, обмен технологиями и опытом, создание кадрового потенциала, цифровизации, инноваций и борьбы с нелегальным оборотом товаров. Это позволяет обеим странам укрепить свои позиции на мировом рынке легкой промышленности и развивать отрасль в соответствии с современными требованиями и тенденциями. Кроме этого, Китай является одним из ведущих производителей оборудования для легкой промышленности, и его технологии и оборудование способствует модернизации и повышению эффективности производства в России.

В рамках российско-китайского стратегического партнерства значительное внимание уделяется воспроизводству человеческого капитала. Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством науки и технологий КНР была принята «Дорожная карта российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020-2025 годов» [5].

Существует ряд образовательных программ, реализуемых в интересах легкой промышленности России в рамках российско-китайского стратегического партнерства, которые были подробно описаны нами в настоящей работе.

Таким образом, воспроизводство человеческого капитала в интересах легкой промышленности России в рамках российско-китайского стратегического партнерства предусматривает следующее – обмен студентами и преподавателями, создание совместных образовательных программ, проведение тренингов и семинаров, обучение новым технологиям и методам производства, повышение навыков управления и организации работы, а также развитие предпринимательских навыков. Кроме этого, стороны сотрудничают в области научно-исследовательской работы и разработок, связанных с легкой промышленностью – это совместные проекты, обмен опытом и передовыми технологиями.

Вне всяких сомнений, углубление стратегического партнерства России и Китая в сфере образования и науки позволит получить синергетический эффект в контексте обеспечения технологического суверенитета и глобальной конкурентоспособности двух государств.

Литература

1. Горбашко Е. А. Влияние цифровизации экономики на обеспечение качества в текстильной отрасли / Е. А. Горбашко, С. А. Леонов, Е. Д. Малевская-Малевич // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2019. – № 2(380). – С. 17-22.
2. Горбашко Е. А. Современное состояние и перспективные тенденции текстильной отрасли легкой промышленности России / Е. А. Горбашко, С. А. Леонов, Е. Д. Малевская-Малевич // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2019. – № 1(379). – С. 23-28.
3. Леонов С. А. Совершенствование производственно-сбытовой деятельности предприятий швейной отрасли легкой промышленности: монография. – СПб.: СПбГУПТД, 2017. – 127 с.
4. Шабыкова М.А. Товарооборот РФ и КНР в период санкций в 2022 году // КиБ. – 2023. – №1. – С.87-97

5. Дорожная карта российско-китайского сотрудничества в области науки, технологий и инноваций на период 2020-2025 годов [Электронный ресурс]. // URL: https://minobrnauki.gov.ru/about/deps/dms/china/china_doc/ (дата обращения 21.07.2023)
6. Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне [Электронный ресурс]. // URL: <https://szmsubit.ru/> (дата обращения 24.07.2023)
7. Студенты ВСГУТУ проходят обучение в Сычуаньском университете в Китае [Электронный ресурс]. // URL: <https://esstu.ru/faculties/viewNews.htm?newsId=9255> (дата обращения 24.07.2023)
8. Институт Конфуция [Электронный ресурс]. // URL: <https://confucius.nstu.ru/pages/institut-konfucija> (дата обращения 24.07.2023)
9. Технологическая платформа «Текстильная и легкая промышленность» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.kstu.ru/article.jsp?id_e=38690 (дата обращения 24.07.2023)
10. Центр российских исследований (Представительство ДВФУ в г. Пекине) [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.dvfu.ru/international/center-for-russian-studies-representation-of-the-university-in-beijing-china/> (дата обращения 24.07.2023)
11. Стратегия развития легкой промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. // URL: <https://ivgpu.ru/images/docs/nauka/dokumenty/strategiya-gazvitiya-leg-prom.pdf> (дата обращения 21.07.2023).
12. Легкая промышленность России. Официальный сайт Легпрома [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.ruslegprom.ru/ob-otrasli/> (дата обращения 22.07.2023).
13. Справочная информация: «Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс по данным Росстата) [Электронный ресурс]. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения 23.07.2023).
14. Дорожная карта по наращиванию российско-китайской торговли товарами и услугами до 200 млрд. долларов США к 2024 году [Электронный ресурс]. // URL: https://economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_avelichat_tovarooborot_do_200_mlrd_dollarov_ssha_k_2024_godu.html (дата обращения 21.07.2023)

7.6. Факторы цифровой трансформации экосистемы воспроизводства человеческого капитала

В современной экономике все более актуальным становится поддержание высокого уровня компетенций и формирование у работника умения быстро адаптироваться к постоянным изменениям. Система высшего образования, выступает в качестве одного из ключевых участников процесса воспроизводства человеческого капитала, так как формирует у будущих трудовых ресурсов большую часть профессиональных навыков и компетенций, а экосистема помогает решить проблему актуальности полученных навыков за счет постоянного взаимодействия основных участников: государства, бизнеса и науки. В условиях цифровой трансформации происходит формирование сетей, платформ, информационных потоков и систем, поддерживающих высокий уровень компетенций. В результате современные вузы становятся ядром для формирующихся экосистем воспроизводства человеческого капитала, куда включаются различные участники, такие как представители работодателей, научные сотрудники, представители государственных органов и другие.

Тематика формирования социально-экономических экосистем стала упоминаться в исследованиях российских и зарубежных ученых только в последние годы. Однако теория человеческого капитала являлась и до сих пор является динамично развивающимся разделом экономической науки, исследованием проблемы повышения качества человеческого капитала ученые занимались еще в прошлом столетии. Несмотря на разнообразие определений и структурных элементов в понятии человеческий капитал, общепризнанным в мировой экономической науке считается вывод о том, что университеты и система высшего образования в целом являются основополагающей базой в формировании человеческого капитала, от качества которого зависит рост экономики. Данный тезис подтверждается многими публикациями, например, В.А. Морозов утверждает, что «увеличение потенциала экономики напрямую зависит от развития человеческого капитала и создания условий для самореализации» [1]. В докладе ВШЭ по теме «Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие» исследователи также говорят о том, что человеческий капитал влияет на рост экономики. Так, он создает и распространяет новые технологии и продукты; при этом носители самого высокого человеческого капитала, то есть таланты, быстрее внедряют технологии в реальный сектор, создавая спрос на инновации. Кроме того, таланты способны к более сложному труду, который необходим при создании высокотехнологичных продуктов и создает больше добавленной стоимости [2].

Несмотря на глубокую проработку данного научного направления, современные тренды, наметившиеся в экономике, вносят изменения в процессы, происходящие во всех системах, связанных с воспроизводством человеческого капитала, в том числе в высшем образовании. Университеты, как ядро экосистемы, на базе которой готовится будущий человеческий капитал, вынуждены также адаптироваться к воздействию постоянно меняющихся внешних факторов. Прежде всего таким фактором выступает цифровизация отдельных видов деятельности или цифровая трансформация масштабных процессов, таких как образовательный, научный, управленческий, административный, которые перестраивают всю деятельность коренным образом. Внедрение цифровых технологий и переход к сетевым взаимодействиям выступают трендами развития современных социально-экономических экосистем. Организации, участвующие в формировании компетенций у будущих трудовых ресурсов, должны уметь адаптироваться под новые правила и эффективно реализовывать свою деятельность в рамках этих условий.

В таблице 7.2 представлены факторы цифровой трансформации, которые можно объединить в подгруппы.

Рассмотрим детальнее приведенные в таблице факторы. Внедрение и распространение цифровых и инновационных технологий влияет на формирование экосистем, так как благоприятно воздействует на степень усвоения знаний обучающимися, позволяет увеличивать спектр возможностей и умений. Следует обратить особое внимание и на фактор развития цифровых навыков для рабочей силы, поскольку начинающие работники, которые приступают к реализации

профессиональной деятельности сразу после работы, должны постепенно и качественно вводиться в коллектив, чтобы в полной мере показать степень своих компетенций, помочь организации повысить результативность экономической деятельности. Таким образом, можно заключить, что знания, которые обучающиеся получают в вузах и которые базируются на использовании современных цифровых методов, оказывают сильное воздействие на прирост многочисленных экономических параметров, а также на национальную экономику государства.

Таблица 7.2

Факторы цифровой трансформации экосистем

Группа	Факторы цифровой трансформации
Развитие цифровых инструментов	Внедрение цифровых обучающих платформ
	Развитие онлайн-курсов и учебных программ
	Внедрение онлайн-симуляции и виртуальных лабораторий
Внедрение новых подходов к обучению	Геймификация
	Обучение на основе проектов
	Модель смешанного обучения
Сотрудничество	Инициативы по использованию открытых данных в образовании
	Использование социальных сетей для взаимодействия различных акторов
	Конференции и мероприятия онлайн
Политические факторы	Пропаганда политики цифровой трансформации
	Государственно-частное партнерство в области образовательных технологий
	Внедрение и распространение технологий в сфере образования

Источник: составлено автором.

Развитие цифровых инструментов – важный фактор развития экосистемы воспроизводства человеческого капитала, связанный с внедрением платформ цифрового обучения, разработкой онлайн-курсов и программ обучения, а также внедрением онлайн-симуляций и виртуальных лабораторий в образовании. Платформы цифрового обучения произвели революцию в образовании, предоставив универсальную и интерактивную среду для преподавания и обучения. Они представляют собой онлайн-программные приложения, которые предлагают широкий спектр образовательных ресурсов, инструментов и возможностей, среди которых основным является доступность. Платформы цифрового обучения делают образование доступным для глобальной аудитории, студенты могут получить доступ к учебным материалам из любого места при наличии подключения к Интернету, что открывает возможности для учащихся, у которых могут быть географические или физические ограничения.

Кроме того, платформы предлагают различные форматы контента, включая текст, видео, интерактивное моделирование, и такое разнообразие учитывает различные стили обучения и предпочтения. Инструмент облегчает взаимодействие между учениками и учителями посредством дискуссионных форумов, чатов, совместных проектов, что способствует повышению вовлеченности и понимания [3]. Технология адаптивного обучения может адаптировать контент к потребностям и темпу обучения отдельных учащихся, такая персонализация способствует повышению результатов обучения, так как каждый учащийся получает инструкции, соответствующие его текущему уровню навыков и скорости обучения. Цифровые платформы часто обеспечивают автоматизированную оценку и немедленную обратную связь, что может быть полезно как для студентов, так и для преподавателей, поскольку помогает отслеживать прогресс и определять области, где находятся точки роста. Такие платформы могут самостоятельно генерировать данные об успеваемости и вовлеченности учащихся, а преподаватели будут лишь использовать эти данные для принятия решений. В результате цифровое обучение часто может быть более рентабельным, чем традиционное образование, так как необходимости в физических классах, учебниках или других традиционных материалах, что может снизить финансовую нагрузку как на учебные заведения, так и на студентов [4].

Разработка онлайн-курсов и программ обучения является важной составляющей цифрового образования. Эти курсы требуют зачастую более тщательной разработки, чем обычные курсы, чтобы гарантировать достижение целей обучения. Разработчики курсов создают учебные материалы, задания и тесты, специально подходящие для онлайн-формата, интегрируя мультимедийные элементы, такие как видео лекции, интерактивные симуляции и анимацию, чтобы сделать процесс обучения более увлекательным и эффективным [5]. Системы управления обучением (LMS) — это платформы, которые облегчают создание, доставку и управление онлайн-курсами, они обеспечивают структурированное содержание курса, отслеживание успеваемости учащихся и облегчение общения. В онлайн-курсах используются различные методы оценки, включая викторины, экзамены, задания и коллегальную оценку. Эти оценки часто проводятся через LMS и могут быть предназначены для своевременной обратной связи с учащимися. Кроме того, такие курсы легче масштабировать, чем традиционные курсы в классе, следовательно образовательные учреждения могут охватить более широкую аудиторию и предложить более широкий выбор курсов. Онлайн-курсы обеспечивают гибкость как для студентов, так и для преподавателей, учащиеся часто могут выполнять курсовую работу в удобном для них темпе, а преподаватели могут управлять курсами удаленно. По завершении такие курсы предлагают сертификаты, которые могут быть полезны для профессионального развития и возможностей трудоустройства, что способствует повышению качества человеческого капитала.

Внедрение онлайн-симуляции и виртуальных лабораторий также существенно влияет на качество человеческого капитала, улучшая развитие навыков

различными способами, например, способствует приобретению новых навыков, кастомизации и персонализации, доступности образования и т.д. Онлайн-симуляции и виртуальные лаборатории предоставляют платформу для практического обучения, позволяя студентам приобретать и практиковать конкретные навыки в контролируемой цифровой среде. Этот практический опыт способствует развитию профессиональных навыков и компетенций, повышая возможности трудоустройства и производительность труда людей. В таких областях, как химия, биология и инженерия, работа с реальными лабораториями может быть опасной, а виртуальные лаборатории предлагают студентам безопасную среду для экспериментов и обучения. При этом доступ к онлайн-симуляциям и виртуальным лабораториям возможен удаленно, что позволяет людям из разных географических точек получать высококачественное образование. Такая доступность гарантирует, что больше людей, в том числе в отдаленных районах, имеют возможность развивать свои навыки и знания.

Таким образом, внедрение онлайн-симуляции и виртуальных лабораторий значительно повышает качество человеческого капитала. Это улучшает приобретение навыков, безопасность и доступность высококачественного образования. Это способствует критическому мышлению, решению проблем и адаптивности, которые имеют решающее значение для успеха на современном быстро развивающемся рынке труда.

Влияние таких факторов, как геймификация, проектное обучение и модели смешанного обучения, на экосистему воспроизводства человеческого капитала существенно. На фоне активного развития рынка EdTech произошло очень много технологических изменений, вузы теперь конкурируют за студентов не только между собой, но и с платформами, онлайн-играми. На передний план выходят интерактивные форматы обучения, «перевернутые классы», геймификация, проектирование новых междисциплинарных программ, прямой диалог со студентами, коммуникация как инструмент продвижения и развития вуза и наращивание научного потенциала. Эти стратегии и подходы оказывают влияние на то, как люди приобретают знания и навыки, в итоге формируя качество и готовность рабочей силы. Геймификация означает включение элементов и принципов игры в неигровые контексты, такие как образование. Ее влияние на экосистему воспроизводства человеческого капитала включает: вовлеченность и мотивацию, развитие навыков, адаптивность. Геймификация делает обучение более увлекательным и приятным, так как использует такие элементы, как задачи, награды и конкуренция, чтобы мотивировать учащихся. Игры часто требуют навыков решения проблем, критического мышления и принятия решений, и интегрируя геймификацию в образование, люди могут развивать эти важные навыки, подготавливая к сложным реальным задачам [6].

Проектное обучение – подход, при котором учащиеся участвуют в проектах, связанных с реальными проблемами или задачами, также влияет на процесс цифровизации экосистемы человеческого капитала. Оно поощряет практическое применение знаний и навыков, готовит людей к работе, предоставляя воз-

возможности работать над проектами, отражающими реальные сценарии. Часто включает в себя совместные проекты, оттачивающие навыки межличностного общения и общения. Эти навыки необходимы в командной рабочей среде. Обучение на основе проектов часто охватывают несколько дисциплин, способствуя междисциплинарному обучению [7]. В то же время необходимо обратить внимание на то, что многие учащиеся продуктивнее реализуют образовательную деятельность самостоятельно, но некоторым комфортнее в группе. Для удовлетворения приведенной потребности прибегают к формированию интерактивных групповых проектов. Для начала их разделяют на несколько подгрупп, что благоприятно влияет на мотивацию социального параметра обучения. Важно выделить, что проектное обучение – это составляющая методики Дьюи. Автор показал значимость практического опыта в процессе получения знаний. Базируясь на многочисленных проектах, студенты осуществляют деятельность в соответствии с поставленными задачами в группах, совершая аналитическую работу по конкретной тематике, которая, в свою очередь, может содержать различные определения из изучаемых дисциплин или сфер жизнедеятельности. При реализации проектной деятельности учащиеся получают опыт в отборе информации, взаимодействии в социальных сетях с целью проведения коммуникаций относительно аспектов осуществления проекта. В таких случаях педагог занимает роль партнера или куратора образовательного процесса [8].

Смешанное обучение сочетает в себе традиционное очное обучение с онлайн- или цифровыми ресурсами. Его влияние на экосистему человеческого капитала способствует гибкости, персонализации, доступу к ресурсам [9].

Все эти факторы повышают вовлеченность, мотивацию и развитие практических навыков. Влияние этих факторов в итоге приводит к появлению более подготовленной и разносторонней рабочей силы, готовой противостоять вызовам цифровой эпохи и эффективно вносить свой вклад в трудовые ресурсы и общество.

Всё чаще цифровизация способствует сотрудничеству между академическими кругами и промышленностью, и наоборот, стремление налаживания партнерских связей с бизнесом становится фактором, провоцирующим внедрение цифровых решений и платформ для совместных проектов. В партнерстве образовательных и промышленных учреждений есть перспективный вектор развития, обусловленный возможностью обмена знаниями и опытом, стимулирующими процесс создания новых современных технологий. Описываемый вид сотрудничества включает в себя исследовательские работы, разработку проектов, менторинг, консультирование, которые в дальнейшем реализуются в практические результаты. Несмотря на то, что перед образовательными и промышленными учреждениями зачастую стоят разные цели, они демонстрируют примеры продуктивного взаимодействия, притом каждый из участников экосистемы вносит свой вклад в развитие будущей рабочей силы. Сотрудники научно-образовательных учреждений часто способны отыскать проблему и предложить решение, а организации, предприниматели готовы инвестировать в коммерциа-

лизацию предложенных технологий. Подобные кейсы позволят сформировать результативное партнерство и поддерживают экосистему, формируемую с помощью различных цифровых инструментов.

В настоящее время все чаще возникают предложения по развитию у нас в стране междисциплинарных исследований. Приведем некоторые примеры. «Нам нужно находить площадки, на которых мы будем совместно общаться и понимать друг друга, потому что язык врача, язык инженера, язык айтишника – это своеобразные языки, и люди должны погрузиться в эту тематику, чтобы понимать друг друга и потом эффективно взаимодействовать, рождая что-то новое», – подчеркнул проректор по научно-исследовательской работе Сеченовского университета Д.В. Бутнару [10]. Все это свидетельствует о развитии специальных площадок, как онлайн, так и оффлайн для научных коммуникаций, что в свою очередь также формирует экосистему воспроизводства человеческого капитала и является фактором развития цифровизации этих процессов.

Цифровизация экосистемы воспроизводства человеческого капитала — это многогранный процесс, включающий в себя и такие факторы, как пропаганда политики цифровой трансформации, государственно-частное партнерство в образовательных технологиях, а также внедрение и распространение технологий в образовании. В совокупности эти факторы способствуют изменению способа приобретения людьми знаний и навыков, что в итоге влияет на качество и готовность рабочей силы.

Пропаганда цифровой трансформации в образовании часто начинается с разработки политических рамок на национальном и региональном уровнях. Эта политика определяет видение, цели и стратегии интеграции технологий в образование. Сторонники политики подчеркивают соответствие цифровой трансформации более широким экономическим целям, они утверждают, что технологически квалифицированная рабочая сила необходима для экономического роста и конкурентоспособности на мировом рынке.

Также политика цифровой трансформации требует значительных инвестиций в цифровую инфраструктуру, такую как высокоскоростной доступ в Интернет и технологические устройства для студентов и преподавателей. Эти инвестиции обеспечивают равный доступ к цифровым образовательным ресурсам.

Государственно-частное партнерство в сфере образовательных технологий – еще один важный фактор цифровой трансформации. Государственно-частное партнерство объединяет ресурсы и опыт обоих секторов, такое сотрудничество позволяет увеличить инвестиции в разработку и внедрение образовательных технологий. Частные технологические компании часто внедряют инновации в образовательные технологии, а партнерство облегчает масштабируемое внедрение этих инноваций в образовательных учреждениях [11].

Внедрение технологий в образование предполагает интеграцию цифровых инструментов и платформ в учебную программу, это может включать системы управления обучением, онлайн-ресурсы и интерактивное моделирова-

ние. Для обеспечения эффективного использования технологий вводятся программы цифровой грамотности, на которых учат студентов и преподавателей пользоваться цифровыми инструментами и критически оценивать онлайн-информацию.

Таким образом, процесс цифровой трансформации начинает все активнее проявляться в современной сетевой экономике, затрагивая многие ее элементы, в том числе способствует формированию экосистемы воспроизводства человеческого капитала. Благодаря цифровым образовательным платформам, аналитике данных, новым технологиям и совместной работе люди могут получить доступ к высококачественному образованию, приобрести необходимые навыки и подготовиться к требованиям будущего. Используя возможности технологий и инноваций, развивая экосистемный подход к образованию можно более глубоко раскрыть потенциал человека, способствовать обучению на протяжении всей жизни и социально-экономическому прогрессу в цифровую эпоху.

Литература

1. Морозов В. А. Человеческий капитал – основная государственная ценность // Креативная экономика. 2017. — № 2. — Том 11. — С. 213-222.
2. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тез. докл. / Бирюкова С. С. и др. ; под ред. Я. И. Кузьминова, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 63 с.
3. Майкова В.П. Особенности влияния цифровых технологий на образование / В.П. Майкова, В.А. Песочный, Д.И. Янгез // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2021. – № 4. – С. 71-78.
4. Соколова Е.В., Шатрова А.Я. Цифровые технологии в образовании: наукометрический анализ зарубежных и отечественных исследований / Е.В. Соколова, А.Я. Шатрова // Педагогика. Психология. Философия. – 2023. – №1 (29). – С. 48 – 55.
5. Хаперская А.В., Минин М.Г. Электронная обучающая платформа и педагогический мониторинг в условиях цифровой трансформации // Высшее образование в России. – 2021. – № 4. – С. 131-138.
6. Хаерова Э.И. Цифровой университетский бизнес-инкубатор / Э.И. Хаерова // National Science. – 2022. – №4. – С. 91 – 99.
7. Савичева Т.В. «Перевернутый класс» как модель обучения смешанное обучение в современном образовательном процессе: необходимость и возможности / Т.В. Савичева // ВВО. – 2021. – №3 (30). – С. 92 – 96.
8. Рычихина, Н.С. Проектное управление реструктуризацией социально-экономических систем / Н.С. Рычихина // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2018. – № 1(53). – С. 57-60.
9. Игнатенко И. И. Проектное обучение в формировании индивидуальной образовательной траектории / И.И. Игнатенко // Наука и школа. – 2023. – № 2. – С. 139–143.
10. Официальный сайт ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.sechenov.ru>. (дата обращения 15.09.2023).
11. Киянова, Л. Д. Возможности применения механизмов государственно-частного партнерства в сфере образования / Л. Д. Киянова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2020. – № 4(72). – С. 124-129.

7.7. Продовольственное обеспечение населения России и Казахстана: сравнительная оценка

Важной характеристикой экономического и социального развития какой-либо территории является сложившийся уровень продовольственного обеспечения, который рассматривается в качестве одного из факторов достижения социально-экономической стабильности. Последнюю можно трактовать как состояние человека (группы людей), при котором отсутствуют какие-либо угрозы и риски их жизнедеятельности. Одной из угроз, как ни странно это звучит в настоящее время, является нехватка продовольствия у индивидов, приводящая к недоеданию и неполноценному питанию. Нехватка может быть вызвана, во-первых, отсутствием необходимых продуктов питания в свободном доступе на рынке; во-вторых, отсутствием у людей финансовых возможностей для покупки пищевых продуктов. Голод и недоедание – явления асоциальные, неприемлемые в XXI веке для развитых стран. Тем не менее, эти явления распространены и сейчас.

В 1943–1945 гг. была создана The Food and Agriculture Organization (FAO) – Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. FAO – специализированное учреждение ООН, возглавляющее международные усилия по борьбе с голодом. По методологии FAO выделяется три категории нехватки продовольствия, создающей угрозу национальной продовольственной безопасности: голод, хроническое недоедание, несбалансированное питание. Голод – это «дискомфортное или болезненное физическое ощущение, вызываемое недостаточным потреблением калорий с пищей» [2]. Хроническое недоедание – ситуация, при которой «человек на регулярной основе перестает потреблять достаточное количество калорий для ведения нормального, активного и здорового образа жизни» [3, с. 17]. Несбалансированное питание – питание, не соответствующее рациональным (медицинским) нормам, принятым уполномоченным в государстве органом. Несбалансированное питание является причиной многих хронических неинфекционных заболеваний [4]. Нездоровые, нетрудоспособные граждане экономически невыгодны ни государству, ни работодателям. Поэтому полноценное продовольственное обеспечение населения – важный фактор социально-экономической стабильности.

Сейчас в мире более 800 млн людей голодают и недоедают [2]. Недоедающий человек рискует утратить свое физическое и ментальное здоровье, работоспособность, адекватное восприятие действительности; качество его жизни снижается. Голодный или полуголодный человек может быть способен на совершение правонарушений ради того, чтобы удовлетворить свои потребности в пище. Такой индивид в некоторой мере является угрозой стабильности социума. Примеров подобных ситуаций в истории немало. Поэтому социально ответственное и гуманное государство должно обеспечить полную доступность продовольствия для всего населения.

Россия и Казахстан – социально ответственные страны, в конституционном праве которых закреплена обязанность государства обеспечивать безопасность личности, общества и государства. Безопасность – основное условие социально-экономической стабильности. Условием достижения последней является нивелирование угроз и рисков, в том числе, в области продовольственного обеспечения. Если люди уверены, что им не грозят голод и недоедание, в обществе будет меньше недовольства и предпосылок социально-экономической дестабилизации.

Отдельные исследователи отмечают, что достижение социально-экономической стабильности должно стать приоритетной задачей государственного и муниципального управления [5, 6]. Особое место при этом занимает развитие агропродовольственных систем – институтов, призванных осуществлять продовольственное обеспечение населения.

Сложившийся уровень продовольственного обеспечения выражается через параметры доступности продовольствия для населения. Доктрина продовольственной безопасности РФ [7] выделяет доступность физическую (элементарное наличие основных продуктов питания в свободном доступе в конкретной местности) и экономическую (платежеспособная возможность граждан в данной местности приобретать основные продукты питания). Оценка доступности продовольствия основывается на рациональных нормах потребления продуктов питания [7, 8]. Полная доступность означает, что основные продукты питания, во-первых, имеются в продаже на рынках данной местности, во-вторых, люди располагают достаточной платежеспособностью для приобретения качественного продовольствия в нужном количестве, чтобы обеспечить полноценное питание всех членов домохозяйства.

Важными показателями продовольственного обеспечения являются калорийность питания и индекс рационального потребления ($I_{рп}$). Последний представляет собой отношение фактического душевого потребления продуктов питания к их рациональным нормам, рекомендованным Минздравом.

Согласно рекомендациям российского Института питания, суточная «энергетическая ценность рациона при нормальном весе должна соответствовать следующим показателям: для женщин – 1800-3500 ккал в сутки; для мужчин – 2100–4200 ккал в сутки» [10].

Среднестатистический житель, как России, так и Казахстана, соблюдает рекомендованную калорийность, однако питается не в полной мере рационально (табл. 7.3).

Так, население России в объеме, близком к рациональному, потребляет мясные продукты, незначительно переедает хлеб и растительное масло, значительно – сахар. Вместе с тем, россияне существенно недоедают молочные продукты, овощебахчевые и рыбу. Значительная часть российских территорий расположена в зоне экстремального климата и неразвитой транспортно-логистической инфраструктуры, чем значительно усложняется местное аграрное производство, и в целом, процесс обеспечения населения молочными и овощебах-

чевыми продуктами. Что касается рыбы, то эта продукция в существенных объемах направляется на экспорт; многим жителям России она недоступна либо физически, либо экономически.

Таблица 7.3

Калорийность и рациональность питания населения (2021 г.)

Страны	Суточная калорийность питания, ккал	Индекс рационального потребления продуктов питания						
		Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Овощи и бахчевые	Рыба	Сахар	Растительное масло	Хлеб и хлебные продукты
Российская Федерация	3363	1,07	0,74	0,74	0,75	4,88	1,13	1,19
Казахстан*	3331	1,05	0,74	1,48	0,10	6,13	2,64	1,02

Источник: расчеты автора по данным [9, 8]

* И_{рп} исчислен по российским нормам

Среднестатистический житель Казахстана мясные и хлебные продукты потребляет в рациональном объеме, значительно переедает сахар и растительное масло, недоедает молочные продукты и рыбу, однако этот недостаток компенсируется повышенным потреблением овощейбахчевых.

По мнению специалистов [11], несбалансированное питание существенно влияет на рост распространенности заболеваемости по многим классам болезней. Исследователи полагают, что «корректировка питания, увеличение доли овощей и фруктов в рационе питания, снижение жирной и соленой пищи может заметно продлить ожидаемую продолжительность жизни» [12]. Можно сказать, что умеренное переедание овощей и бахчевых полезно, в отличие от переедания хлебных продуктов, сахара и жиров.

Основные продукты должны быть доступны всем людям, это аксиома. Физическая доступность продовольствия предопределяется такими условиями, как собственное (местное) производство, возможности межрегионального обмена и импорта, уровень развития транспортно-логистической инфраструктуры. Таблица 7.4 содержит данные о среднедушевом производстве основных продуктов питания в рассматриваемых странах.

Россия сравнительно выше обеспечена мясом собственного производства, нежели Казахстан. В то же время в Казахстане самообеспеченность молоком, овощибахчевой продукцией и хлебом заметно выше, что соответственно влияет на параметры среднедушевого потребления.

Как отмечалось, важным фактором продовольственного обеспечения является транспортная доступность. Статистика свидетельствует, что Россия в

сравнительно большей мере обеспечена автомобильными дорогами, а Казахстан – железными дорогами (рис. 7.6).

Таблица 7.4

Среднедушевое производство основных продуктов питания (2021 г.)

Страны	Мясные ресурсы		Молоко		Овощи и бахчевые		Хлеб	
	кг	% к норме	кг	% к норме	кг	% к норме	кг	↑ раз к норме
Российская Федерация	77,9	106,7	222,2	69,0	92,7	66,2	834,0	8,6
Казахстан*	63,2	85,4	321,1	99,7	368,4	263,1	1057,9	10,9

Источник: расчеты автора по данным [9, 8]

*расчеты по российским нормам

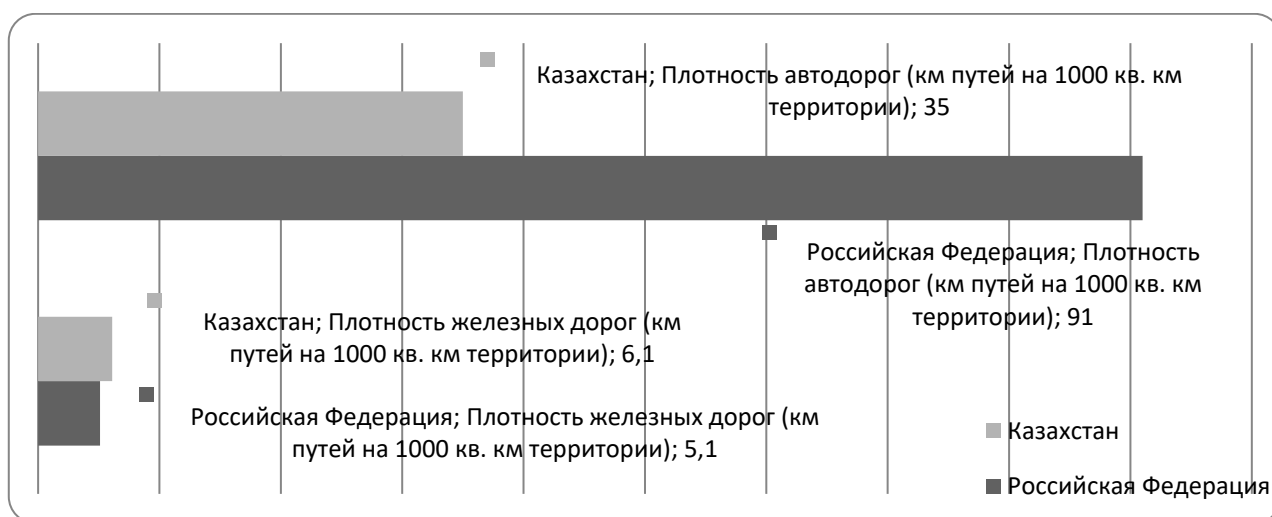

Рис. 7.6. Обеспеченность железными и автомобильными дорогами

Источник: составлено по данным [9]

Развитость дорожной сети значительно предопределяет возможности стабильного завоза продовольствия в населенные пункты. Поэтому важной задачей государства является достижение достаточной обеспеченности всех регионов страны транспортно-логистической инфраструктурой.

Параметры экономической доступности зависят от следующих условий: уровня среднедушевых денежных доходов населения, цен на продукты питания, уровня занятости и безработицы, наличия/отсутствия адресной господдержки малообеспеченным гражданам и др. [13].

Суровые природно-климатические условия многих регионов, как в России, так и в Казахстане, вкупе с низкой транспортной доступностью ограничивают продовольственное обеспечение населения и существенно определяют невысокое качество жизни.

Значимыми характеристиками, влияющими на экономическую доступность продовольствия, являются степень социально-экономического расслоения и уровень бедности населения (рис. 7.7).

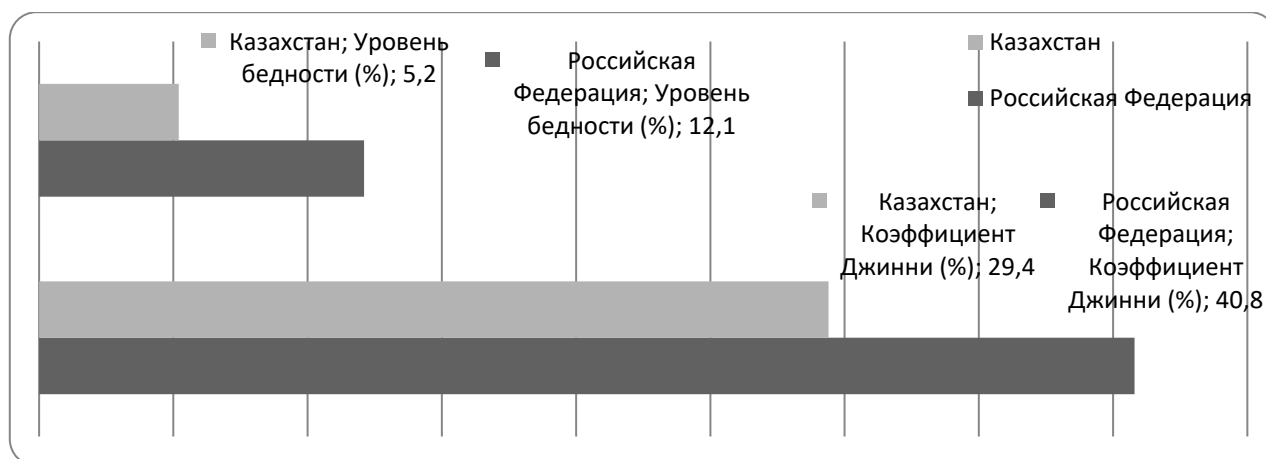

Рис. 7.7 Степень социально-экономического расслоения и уровень бедности населения (2021 г.)

Источник: составлено по данным [9]

В России за гранью бедности живут 12,1% населения (в отдельных регионах, например, Еврейской автономной области – 22,4% [14]). Это снижает экономическую доступность основных продуктов для значительной части населения. В Казахстане этот показатель существенно ниже, также ниже и уровень социально-экономического расслоения.

В статистике используется показатель «Индекс потребительской уверенности», характеризующий совокупные потребительские ожидания и намерения населения [9, с. 119]. Этот показатель отображает сбалансированную оценку населением изменения своего материального положения и общей экономической ситуации в стране. Его значение может варьировать в границах от –100 до +100. Отрицательное значение свидетельствует о преобладании негативных оценок населения, положительное – о преобладании позитивных оценок. В России в 2021 г. этот индекс составил –23,3 [9, с. 170]. Сведения по Казахстану статистически не приведены, сравнить не представляется возможным. Для сравнения можно привести данные ряда других стран: в Греции этот индекс равен –38,5, в Словении –25,6, в Великобритании – 22,6, в Финляндии +0,8, в Дании +1,2, в Швеции +2,5.

Совокупная оценка российским населением уверенности в своем материальном благополучии является относительно невысокой, что означает актуальность принятия соответствующих мер по укреплению социально-экономической стабильности в стране.

Выводы

1. Значимость полноценного продовольственного обеспечения населения для сохранения и укрепления социально-экономической стабильности несо-

мненна. Государство обязано создавать условия полной доступности основных продуктов питания для всех граждан, не допустить нехватки продовольствия.

2. Степень социальной стратификации и уровень бедности в России выше, чем в Казахстане, что соответственно влияет на параметры экономической доступности продовольствия для населения.

3. Автодорожная инфраструктура сравнительно лучше развита в России, железнодорожная – в Казахстане, и это во многом влияет на уровень физической доступности продовольствия.

4. Продовольственная самообеспеченность в России сравнительно ниже, чем в Казахстане, что соответственно влияет на параметры среднедушевого потребления продуктов питания населением. Жители Казахстана потребляют заметно больше овощебахчевой продукции, что с медицинской точки зрения благоприятно.

5. Уровень рационального потребления находится в прямой связи с уровнем благосостояния и уровнем физической доступности продовольствия.

6. Продовольственную проблему необходимо решать комплексно, принимая во внимание не только вопросы производства, ввоза-вывоза, логистики, транспорта, торговли, но также и проблемы бедности.

7. Необходимы государственное регулирование и поддержка развития агропродовольственных систем.

Литература

1. Интернет-библиотека Алексея Комарова. Электронный ресурс. URL: <https://ilibrary.ru/text/1029/p.1/index.html> (дата обращения: 11.06.2023)
2. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (FAO). Официальный сайт. Электронный ресурс. URL: <http://www.fao.org/hunger/ru/> (дата обращения: 27.08.2023)
3. Колесняк А.А. Продовольственное обеспечение населения регионов с континентальным климатом: теория и практика / А.А. Колесняк, Н.И. Пыжикова, Н.М. Полянская; под ред. Н.М. Полянской; Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2021. – 216 с.
4. Маматов А.У., Орозматов Т.Т., Сатыбалдиева А.Ш., Стамкулова А.Б., Жайлообаева Г.Б. Несбалансированное питание и его роль в развитии сердечнососудистых заболеваний // *The Scientific Heritage*. – 2021. – № 65-2 (65). – С. 55-64.
5. Черепанова М.И., Горбунова А.А., Сарыглар С.А. Социальное самочувствие населения, как индикатор безопасности и доверия в Алтайском крае // *Society and Security Insights*. – 2020. – Т. 3. – № 1. – С. 90-101.
6. Попов Е.А. Социальная безопасность населения в условиях глобализации и модернизации мирового устройства: отклик российского приграничья // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. – 2016. – № 8-2. – С. 182-190
7. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 21.01.2020 №20 (в действующей редакции). Электронный ресурс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.09.2023)
8. Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания: Приказ Минздрава России от 19.08.2016 г. № 614 (в действующей редакции). Электронный ресурс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.09.2023)

9. Россия и страны мира. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 400 с.
10. Здоровое питание. Электронный ресурс. URL: <https://growfood.pro/blog/pravilnoe-pitanie/ratsional-noe-pitanie-normy-printsipy-pravila/> (дата обращения: 13.09.2023)
11. Хисматуллин Д.Р., Чигвинцев В.М., Кирьянов Д.А. Анализ влияния потребления пищевых продуктов на возникновение заболеваемости на основании анкетных данных и медицинского осмотра жителей Пермского края и Иркутской области // Медицина труда и экология человека. – 2020. – № 2 (22). – С. 65-70
12. Чигвинцев В.М., Хисматуллин Д.Р., Кирьянов Д.А. Проведение комплексной оценки влияния структуры питания на показатели здоровья человека по данным федерального уровня // В сборнике: Анализ риска здоровью – 2020 совместно с международной встречей по окружающей среде и здоровью Rise-2020 и круглым столом по безопасности питания. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах. Под редакцией А.Ю. Поповой, Н.В. Зайцевой. – 2020. – С. 203-213.
13. Колесняк А. А., Полянская Н. М. Экономическая доступность продовольствия: региональный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 538–547. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-4-538-547>
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.

ГЛАВА 8. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА

8.1. Проблемы устойчивого развития стран Евразийского региона

Европейский Союз сегодня строит амбициозные планы по уменьшению зависимости от российского газа, с целью перехода на альтернативные источники энергоснабжения и ускоренную реализацию зеленой энергетической программы, но фактически происходит отклонение от зеленой энергетической инициативы и увеличению использования угольных электростанций. Также вновь начались обсуждения вопроса о применении атомной энергетики. Отказ от российских энергетических ресурсов приводит к расширенному использованию неэкологичных источников топлива, таких как уголь. Это может серьезно сказаться на достижении Целей устойчивого развития, связанных с обеспечением доступа к чистой энергии (ЦУР 7) и борьбой с изменением климата (ЦУР 13).

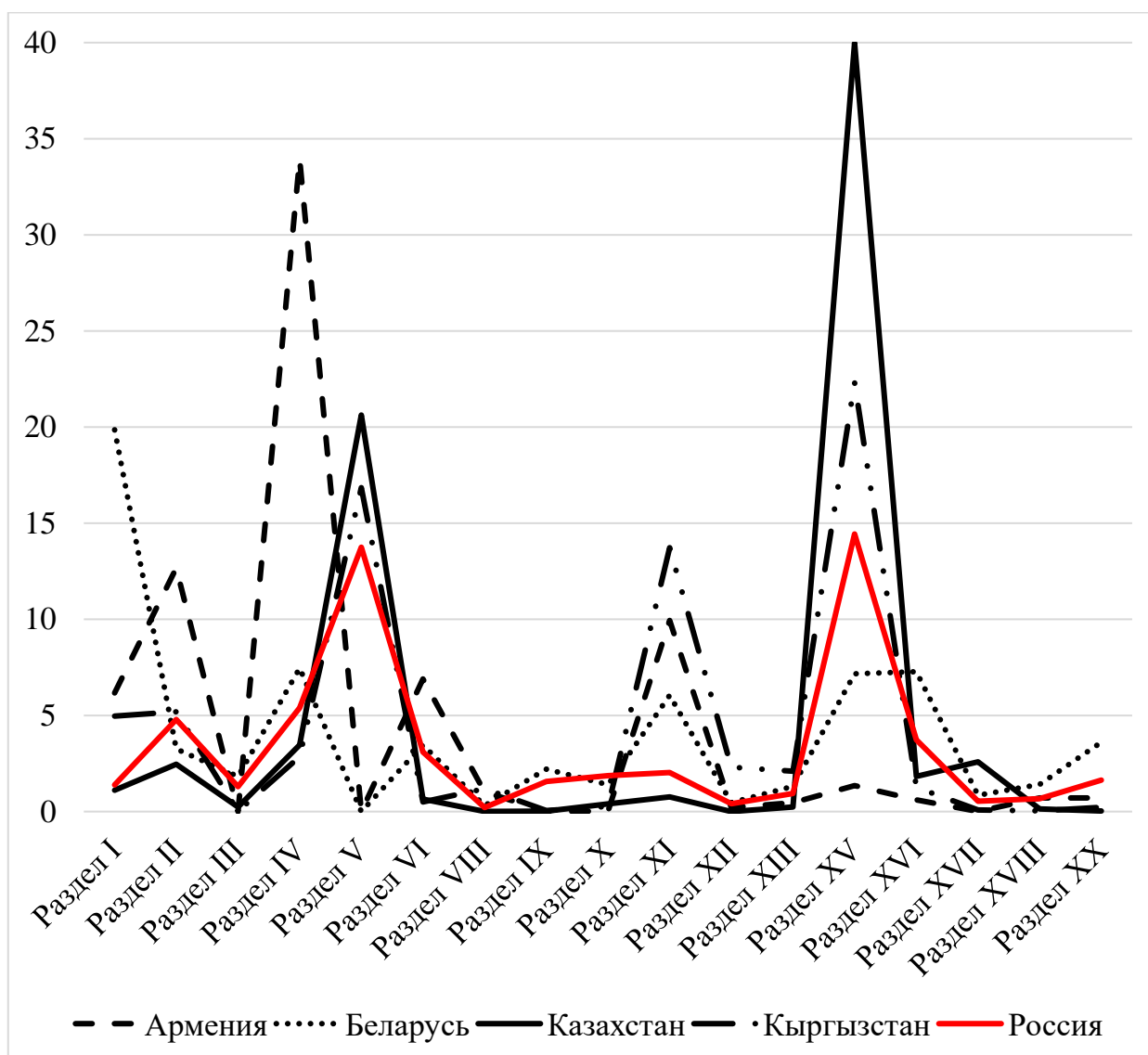
Важно отметить, что в мире имеются ресурсы и технологии, позволяющие производить продукты питания для 20 миллиардов человек, что в два раза больше, чем текущая численность населения планеты. Основной проблемой является справедливое распределение этих ресурсов, развитие более равноправных международных экономических отношений и контроль за инфляцией, вызванной политикой количественного смягчения со стороны стран-эмитентов резервных валют.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) занимает ведущие позиции в мировом рейтинге по различным показателям. Он является крупнейшим производителем нефти, вторым по добыче природного газа и производству минеральных удобрений, а также третьим по объемам производства пшеницы, картофеля и продукции животноводства.

С момента создания ЕАЭС был зафиксирован рост ВВП на 7,3% (суммарно \$2598,4 миллиарда), увеличение объемов сельского хозяйства на 26% (в сумме \$170 миллиардов) и рост промышленного производства на 16,9% (совокупно \$1639,2 миллиарда).

Происходит успешное развитие финансовой сферы в странах-членах Союза, в частности, на расширение использования национальных валют для взаимных расчетов во внешней торговле (на начало 2023 года их доля составила 89%) [5]. Кроме того, активно внедряются собственные платежные системы, и уже 80% банков из стран-членов ЕАЭС подключились к системе передачи финансовых сообщений.

Объем взаимной торговли в 2021 г. достиг исторического максимума за всю историю существования Евразийского экономического союза и составил 72,6 млрд долл. США. Это сравнимо с ростом на 31,9% по сравнению с 2020 г. и на 17,8% по сравнению с 2019 г. Прирост объемов экспорта в рамках взаимной торговли был отмечен во всех государствах – членах Союза (рис. 8.1, 8.2), при этом самые высокие темпы роста наблюдались в Кыргызстане (с ростом на 44,9%) и Казахстане (с ростом на 34,9%).

*Раздел I. Живые животные; продукты животного происхождения. Раздел II. Продукты растительного происхождения. Раздел III. Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения. Раздел IV. Готовые пищевые продукты; алкогольные и безалкогольные напитки и укус; табак и его заменители. Раздел V. Минеральные продукты и т. д.

Рис. 8.1. Структура взаимной торговли государств – членов ЕАЭС по разделам и группам ТН ВЭД ЕАЭС за январь 2022 г. (в процентах к итогу) [6]

Общий объем внешней торговли составил 844,2 млрд долл. США, что означает увеличение на 35,1% по сравнению с 2020 г. и превышение уровня до пандемического 2019 г. на 14,7%. Экспорт товаров в страны, не входящие в состав ЕАЭС, вырос на 44,1% за 2021 г., а импорт увеличился на 22,6%. Следует отметить, что наибольший вклад в рост экспорта в страны, не входящие в Союз, внесли Беларусь (с ростом на 47,8%) и Россия (с ростом на 47%).

Развитие экономического сотрудничества с евразийскими странами и сопряжение с *китайской интеграционной инициативой* является для России в настоящее время определяющей.

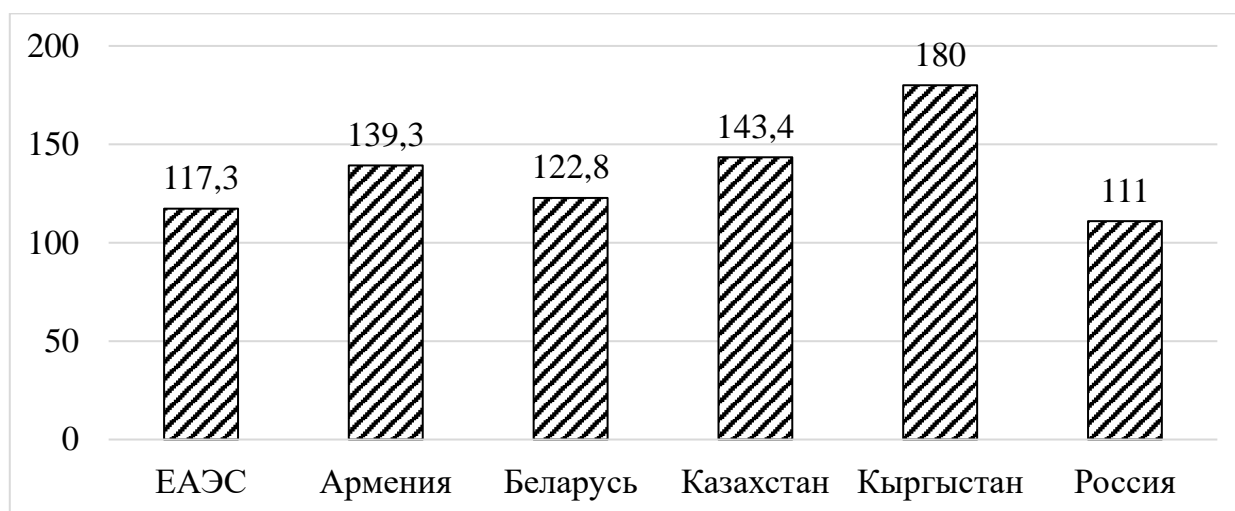

Рис. 8.2. Динамика взаимной торговли государств – членов ЕАЭС по разделам и группам ТН ВЭД ЕАЭС за январь 2022 года (в процентах к январю 2021 г.) [6]

Основной вызов заключается в необходимости углубления региональной взаимосвязи, которая становится основой для будущего международного экономического сотрудничества. Единственный способ достижения этой цели — это развитие современной инфраструктуры. Несмотря на то, что исторически большое внимание уделялось природным ресурсам и сырью как двигателям экономического роста, сегодня настоящую возможность для решения ключевых экономических задач предоставляет инициатива "Один пояс, один путь" (ОПОП), которая представляет собой средство борьбы с бедностью путем комплексного развития инфраструктуры [3].

И это связано с более значимым аспектом экономики, поскольку инфраструктура зависит от наличия реальной экономической базы, которая формируется через физическую экономику. Инициатива "Один пояс, один путь" (ОПОП) именно на это направлена. Более 150 стран добровольно присоединились к этой инициативе через меморандумы о взаимопонимании. Сотрудничество Китая с этими странами строится исключительно на добровольной основе. Пекин не пытается навязывать свои условия в отношении внутренней политики этих государств, фокусируясь вместо этого на развитии современной инфраструктуры, такой как транспортные системы, водоснабжение и электрификация. Таким образом, достигается борьба с бедностью и создается региональная взаимосвязь, что, является главной целью ОПОП. Именно такой подход может помочь преодолеть современные вызовы, перед которыми стоит мировая экономика.

Необходимо рассматривать западный подход с двух сторон. С одной стороны, исторически индустриализация на Западе была и остается в некоторой степени эффективной, так как Соединенные Штаты придерживаются концепции "американской системы политической экономии", разработанной Александром Гамильтоном, первым министром финансов США. Однако важно отметить, что эта система уже не является доминирующей в США и Западной Евро-

пе. С момента распада Бреттон-Вудской системы, западные страны перешли на систему плавающих валютных курсов, где экономическое развитие больше не является первоочередной задачей.

Поэтому неверно считать, что современные западные экономики нацелены на развитие инфраструктуры. Скорее, сегодняшние инициативы развития от США и ЕС скорее связаны с рефинансированием долга, чем с вложениями в инфраструктуру. Хотя есть надежда, что западные страны вернуться к более активной практике развития инфраструктуры, в настоящее время существующие соглашения с участием МВФ, Всемирного банка и долларовой системы используются в политических целях, которые могут препятствовать сотрудничеству и развитию, аналогичному тому, что осуществляет Китай.

Сегодня в результате дипломатических усилий Китая установлены дипломатические отношения между Саудовской Аравией и Ираном на основе понимания, как можно сотрудничать в интересах экономического развития. Это создает фундамент для будущего взаимодействия, и в дальнейшем приведет к развитию дружеских отношений.

Если рассмотреть карту мира, можно увидеть потенциал для установления взаимосвязей и именно здесь заключается суть инициативы. Идея создания Евразийского сухопутного моста впервые была высказана Институтом Шиллера, а позднее председатель КНР Си Цзиньпин развил подобную концепцию в рамках "Один пояс, один путь" (ОПОП), основываясь на создании транспортных коридоров и развитии современной инфраструктуры. Эти современные решения окупаются благодаря торговле, поставкам товаров и услуг, а также созданию инфраструктуры и средств производства, необходимых для модернизации и развития.

Подобный подход имеет свои корни, исторически восходящие к 1800-м годам, когда в США была предложена идея строительства трансконтинентальной железной дороги. Сначала понималось, что создание такого транспортного коридора способствует развитию отсталых регионов и континентальной части страны.

Подобный подход имеет под собой исторические корни, восходящие к 1800-м годам, когда в США была предложена идея строительства трансконтинентальной железной дороги. Сначала понималось, что создание такого транспортного коридора способствует развитию отсталых регионов и континентальной части страны. Подобная политика также проводилась С. Витте при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали. Несмотря на то, что эти инициативы не были полностью реализованы, сегодня мир, и особенно Россия и Китай, быстро движется в этом направлении.

Определение нового направления в глобальном развитии происходит в настоящее время в Азии, развивающихся странах Африки и Южной Америке. Перспективы развития региона Евразии, хотя и не совпадают полностью с инициативой "Один пояс, один путь" (ОПОП), безусловно, вписываются в нее. Кроме того, существует Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), ко-

торая также способствует развитию в Юго-Западной Азии. Суть в том, что эти регионы Евразии, вместе с Африкой и другими заинтересованными странами, играют ключевую роль в формировании новой глобальной перспективы. Пришло время для человечества преодолеть конфликты и начать решать вопросы, связанные с глобальным экономическим развитием. Что касается развития Евразии, то здесь важно избежать попадания в ловушку, где видятся в других странах только конкурентов, а не партнеров для сотрудничества [1].

США сегодня отказались от своей традиционной позитивной роли в области развития инфраструктуры и производства, вместо этого выбрав путь чистой спекуляции на финансовых рынках, рефинансирования долгов и валютных операций. Эти подходы не связаны с реальной экономикой. В то время как Китай и Россия явно следуют иному пути, что объясняет быстрое развитие и восстановление экономических показателей. Таким образом, признание профессором Глазьевым Китая как полезного образца для внутренних улучшений и развития в России отражает важную тенденцию. В свою очередь, Соединенные Штаты не предлагают ничего подобного.

Существует идея о "сообществе суверенных национальных государств". Она пришла на смену инициативе "Один пояс, один путь", которая была запущена в 2013 г. и отмечает свое десятилетие. Суть этой концепции в возможности распространить ценности уважения к национальному суверенитету по всему миру, так как каждая страна обладает уникальными ценностями и богатой историей, и поэтому важно уважать их наследие и находить пути для компромиссного решения общих проблем без ущемления интересов отдельных государств. Сегодня, предпринимаемые попытки решать такие общие проблемы без учета политических разногласий обречены на провал. При навязывании Западом своих ценностей другим странам, так называемого "порядка, основанного на правилах" не всем странам подходит. Поэтому для многих государств близка альтернатива создания "сообщества суверенных национальных государств", где страны уважают суверенитет друг друга, но работают над определенными общими принципами, которые могут быть частью глобальной перспективы развития.

Также следует отметить, что президент Китая Си Цзиньпин предложил новую инициативу "Глобальная цивилизационная инициатива", идея которой заключается в сочетании экономического развития с обменом накопленного опыта. Эта концепция может стать началом восстановления отношений Запада с азиатскими странами, а также Россией, но только сочетая в себе интересы экономического развития с культурным пониманием.

Развитие и углубление сотрудничества между Китаем и Россией является стратегическим решением обеих стран, которое совпадает с основными интересами народов. Это сотрудничество играет важную роль в обеспечении процветания и возрождения как Китая, так и России, его можно охарактеризовать как уникальное и не имеющее аналогов в мировой практике. Оно строится на принципах "отношений великих держав нового типа", которые соответствуют со-

временным международным реалиям [7]. В экономических отношениях между Россией и Китаем существует значительная взаимная зависимость и значительный потенциал для сотрудничества. Китай уже много лет подряд является главным торговым партнером России, в то время как Россия является для Китая ключевым источником импорта энергоресурсов, а также электромеханической и высокотехнологичной продукции. Помимо этого, Россия и Китай активно укрепляют свои позиции на мировой арене и расширяют свое влияние как на глобальном, так и на региональном уровне. Их геополитические интересы совпадают, что способствует взаимовыгодному сотрудничеству в различных сферах международных отношений.

Лидеры обеих стран выражают интерес к развитию торгово-экономических и бизнес-отношений в таких сферах, как энергетика, финансы и промышленность транспорта. Намечены основные направления и ориентиры для дальнейшего развития [10].

Налаживание торговых связей между Россией и Китаем способствует наращиванию объемов как экспорта, так и импорта (рис. 8.3).

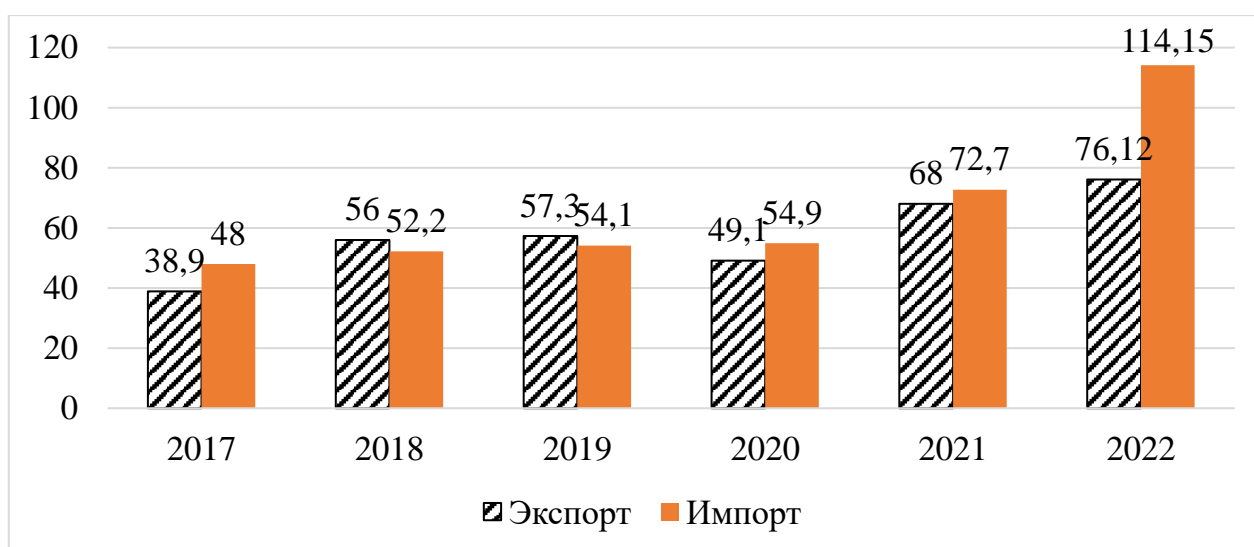

Рис. 8.3. Товарооборот между Россией и Китаем, млрд долларов
 Источник: составлено автором на основе данных ТАСС [9]

По итогам 2022 г. товарооборот между Россией и Китаем вырос на 29,3% и составил рекордные 190,271 млрд долл. В последнее время наблюдается увеличенный интерес к продукции, производимой в промышленном секторе Китая. По многим характеристикам, включая технологические, продукция из Китая не уступает продукции из западных стран.

Россия в основном поставляет энергоресурсы в Китай. Например, более 70% всего объема поставок в Китай приходится на нефть, трубопроводный газ, СПГ, уголь и мазут, которые поставляются из России. Кроме того, Китай также импортирует из России минеральные ресурсы, древесину, сельскохозяйственную продукцию и морепродукты. С другой стороны, Китай экспортирует в Рос-

сию бытовую электронику, экскаваторы, автомобили, микропроцессорные блоки, одежду, обувь и товары повседневного спроса.

В 2021 г. оборот торговли между Россией и Китаем вырос на 35,8% и достиг \$146,88 млрд. Президент России Владимир Путин и председатель Китая Си Цзиньпин поставили цель увеличить объем двусторонней торговли товарами и услугами между странами до \$200 млрд к 2024 г. Таким образом, объемы китайско-российской торговли демонстрируют устойчивый рост, торговый оборот двух стран достиг нового максимума.

Углубление сотрудничества приносит выгоду не только России, но и открывает для Китая новые перспективы.

Во-первых, в результате введения санкций на российском рынке появились свободные рыночные возможности, которые ранее были труднодоступны для Китая из-за высокой конкуренции и укрепленных партнерских связей между Россией и её западными партнёрами. В условиях усиливающегося экономического давления на российский рынок ожидается его сокращение, но он всё равно будет предоставлять новые возможности для китайских компаний.

Во-вторых, перераспределение экспорта российских товаров, включая сырьё, открывает перед Китаем возможность приобретения российских товаров по специальным ценам. Сотрудничество с Россией в этой сфере играет важную роль в диверсификации источников сырья для китайской экономики.

В-третьих, использование китайского юаня в качестве основной мировой валюты для международных транзакций будет способствовать укреплению позиции Китая как международного финансового центра, что будет полезно и для России.

Литература

1. Боркова Е.А. Конкурентоспособные региональные кластеры: международный опыт // В сборнике: Евразийский процесс и цифровая трансформация хозяйственных систем. сборник научных статей по итогам научно-исследовательской конференции профессорско-преподавательского состава факультета экономики и финансов СПбГЭУ. Под редакцией Т.А. Селищевой. 2019. С. 65-69.
2. Боркова Е.А., Иванова А.А., Зеленина Д.Д. Санкции против России и их влияние на глобальные экономические последствия // В сборнике: актуальные проблемы развития социально-экономических систем: теория и практика. Сборник научных статей 12-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2022. С. 68-71.
3. Весь мир теоретически может стать взаимосвязанным. 3 мая 2023. РСМД. [Электронный ресурс]. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/ves-mir-teoreticheski-mozhet-stat-vzaimosvyazannym/?sphrase_id=103057487 (дата обращения 01.08.2023).
4. Козлова А.А., Куклева В.С., Боркова Е.А. Влияние санкций на внутренний рынок России // В итогах: Кластерные инициативы в сторону прогрессивной структуры экономики и финансов. Сборник научных статей 8-й Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2022. С. 128-130.
5. Объем взаимной торговли между странами ЕАЭС за 2015–2022 годы вырос почти в два раза. Интерфакс. [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.interfax.ru/business/915062>. (дата обращения 09.07.2023).

6. Официальный сайт ЕЭК. Статистика внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс]. // URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/intra/2022_01.php (дата обращения 01.09.2023).
7. Россия и Китай: результаты сотрудничества и перспективы развития взаимоотношений. Росконгресс. Экспертное мнение. [Электронный ресурс]. // URL: [https://roscongress.org/materials/rossiya-i-kitay-rezultaty-sotrudnichestva-i-perspektivy-razvitiya-vzaimootnosheniy-/](https://roscongress.org/materials/rossiya-i-kitay-rezultaty-sotrudnichestva-i-perspektivy-razvitiya-vzaimootnosheniy/) (дата обращения 07.09.2023).
8. Сопилко Н.Ю., Кубасова Е.И., Мясникова О.Ю. Развитие интеграции Евразийского экономического союза для достижения целей устойчивого развития в контексте роста качества жизни населения // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 1. С. 115–125. DOI: 10.28995/2073–6304-2022-1-115-125.
9. Товарооборот России и Китая в 2022 году вырос на 29,3%. ТАСС [Электронный ресурс]. // URL: <https://tass.ru/ekonomika/16791461> (дата обращения 28.08.2023).
10. Цао, Ю. Аспекты внешнеполитических отношений между Россией и Китаем / Ю. Цао, Д. Чжан // Теории и проблемы политических исследований. — 2021. — Т. 10. — № 3–1. — С. 70–76.
11. Эксперты заявили о проблемах в достижении Целей устойчивого развития в ЕАЭС и в мире. Официальный сайт ЕЭК. [Электронный ресурс]. // URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eksperty-zayavili-o-problemakh-v-dostizhenii-tseley-ustoychivogo-razvitiya-v-eaes-i-v-mire/> (дата обращения 27.08.2023).

8.2. Особенности «зеленого» развития в Кыргызской Республике

Вопросам «зеленого» развития в Кыргызстане, в настоящее время, уделяется большое внимание ввиду его участия в ряде международных инициатив по поддержанию и реализации ЦУР. Формирование экологически ориентированной и низко углеродной экономики в современных условиях во многом зависит от институциональной среды, которая может создать благоприятные условия для экологической и экономической «зеленой» деятельности. На национальном уровне необходима разработка национальной экономической модели «зеленой» экономики с учетом внедрения показателей «зеленой» экономики и ее интеграции в систему образования, в фискальные институты и т.д.

Анализируя институциональную базу Кыргызской Республики в направлении обеспечения «зеленого» развития, следует отметить ее постепенное насыщение соответствующими нормативно-правовыми актами, способствующими внедрению «зеленых» инициатив на микро и макроуровнях в различных отраслях и секторах экономики. Заметим, что основы устойчивого развития экономики страны начали закладываться еще в «Программе по переходу Кыргызской Республики к устойчивому развитию на 2013-2017 годы» [8] (утверждена правительством 30.04.2013 г.), разработанной в следствии принятия Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы [4], в которой глава 5 посвящена охране окружающей среды для обеспечения устойчивого развития страны. Здесь же отмечается необходимость «формирования и последовательной реализации единой государственной политики в области экологической безопасности и охраны окружающей

среды, охватывающей все аспекты устойчивости экосистем» [4]. Однако отправным документом в формировании основ экологической политики является Концепция экологической безопасности Кыргызской Республики, утвержденная еще в 2007 г. Интересным является и тот факт, что в ноябре 2012 г. указом президента КР создан Национальный совет по устойчивому развитию [6], который является консультативным, совещательным и координирующим органом. «Целями создания Национального совета являются обеспечение принятия и реализации стратегического документа по устойчивому развитию Кыргызской Республики, координация усилий в данном направлении всех ветвей государственной власти» [6]. В 2020 г. создается Координационный совет по вопросам изменения климата, экологии и устойчивого развития, а в 2022 г. вносятся изменения в это постановление, где данный Совет обозначен как «Координационный совет по вопросам изменения климата, экологии и развития "зеленой" экономики» [5]. Также в 2021 г. СадырЖапаров подписал указ «О мерах по обеспечению экологической безопасности и климатической устойчивости Кыргызской Республики» [8]. Данный документ охватывает ряд вопросов, таких как: повышение эффективности управления отходами, сокращение неблагоприятного воздействия сточных вод на окружающую среду и обеспечение защиты ледников, обеспечение химической и радиационной безопасности, повышение плодородия земель, повышение эффективности деятельности природоохранной системы и международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. Были внесены соответствующие корректировки в действующие документы и разработаны такие документы, как Стратегия развития строительной отрасли Кыргызской Республики на 2020-2030 годы, Стратегия развития ТЭК до 2025 года; Концепция развития энергетики Кыргызской Республики на период до 2030 года, Программа Правительства КР по энергосбережению и планированию энергоэффективности на 2015-2017 годы; Программа Правительства КР по развитию туризма на 2019-2023 годы; Долгосрочная программа развития сельского хозяйства КР до 2040 года; Программа по устойчивому промышленному развитию Кыргызстана на 2017-2050 годы и др.

Наличие всего этого многообразия нормативно-правовой документации, создание межведомственных рабочих групп, советов и прочих структур способствует комплексной реализации Программы развития «зеленой» экономики в КР, однако присоединение к международным инициативам, членство в ЕАЭС и других организациях усложняет создание единой государственной эколого-экономической политики с целью обеспечения устойчивого развития республики [11]. Система экологического законодательства Кыргызской Республики на сегодняшний день составляет более 150 законов и подзаконных актов, ими регулируется широкий круг отношений, связанных с охраной и рациональным использованием окружающей природной среды. Ввиду данного обстоятельства заинтересованными сторонами был инициирован проект Экологического кодекса Кыргызской Республики, основной целью разработки которого является «комплексное правовое регулирование экологических отношений, согласование

экологического законодательства с гражданским, административным, природо-ресурсным и иным законодательством, гармонизация с нормами международного права в сфере охраны окружающей среды». Однако до сих пор принятия данного Кодекса не произошло. Сохраняются в действии Лесной кодекс, Водный кодекс, Земельный кодекс и ряд законов и подзаконных актов, регламентирующих вопросы рационального использования ресурсов и охраны окружающей среды, которые зачастую даже при внесении соответствующих изменений остаются не слаженными, дублирующими и идущими в разрез с наднациональными документами. Проведенный институциональный анализ свидетельствует о формировании достаточно насыщенной нормативно-правовой базы в области устойчивого развития и охраны окружающей среды, а также устойчивого использования природных ресурсов, но их многообразие, разрозненность и несовершенство не способствуют должной реализации объявленных президентом Кыргызской Республики С. Жапаровым задач по переходу к «зеленой» экономике. Считаем необходимым ускорить процесс обсуждения и принятия Экологического кодекса, что будет существенным шагом в направлении достижения устойчивого развития в республике.

Для продвижения ресурсосберегающих, мало- и безотходных технологий в природопользовании нужна единая межсекторальная, а также региональная политика. Несмотря на то, что в 2009 году была принята Концепция государственной региональной политики, где поставлена задача охраны окружающей среды, растительного и животного мира на территории страны, в отдельных планах социально-экономического развития (ПСЭР) районов, городов, айыльных аймаков области отсутствуют разделы по охране окружающей среды. Отраженные в ПСЭР мероприятия по реконструкции очистных сооружений водоканалов, обеспечению населения чистой питьевой водой, вывозу твердых бытовых отходов остаются на бумаге ввиду недостаточного финансирования.

Для роста использования ВИЭ требуются благоприятные, тщательно разработанные и эффективно реализуемые процедуры и нормативно-правовые условия. Требуется масштабная реформа нормативно-правовой базы в области энергетического сектора. Серьезная реформа ценообразования в сфере энергетики и совершенствование процедур, регулирующих использование ВИЭ, могут помочь создать благоприятную среду для внедрения ВИЭ. Необходимы понятные для всех единые «правила игры» [10].

В Кыргызской Республике один из самых низких в мире тарифов на электроэнергию. Тарифы на тепло и электричество гораздо ниже уровня реальных затрат на содержание сектора. Это способствует неэффективному использованию энергии, большому дефициту финансов на техническое обслуживание и новых инвестиций, что обуславливает низкую надежность и качество энергопоставок. Из-за низких тарифов и существенного покрытия страны электросетью, ВИЭ не могут конкурировать с повсеместно доступной более дешевой сетевой электроэнергией [9]. В последние несколько лет были запланированы серьезные реформы в сфере тарифной политики, но при этом отсутствовал системный

подход из-за опасений готовности населения платить новые тарифы. Стоит заметить и то, что тарифная политика в области электроэнергетики остается инструментом агитации депутатов на предвыборных компаниях, что также сохраняет препятствия для изменения ценовой политики на предприятиях электроэнергетики. Только в этом году были увеличены тарифы на электроэнергию.

Кроме того, широкому использованию ВИЭ мешает отсутствие налаженных процедур и правил реализации проектов. Не смотря на наличие законодательно утвержденного «зеленого» тарифа, реализации проектов ВИЭ препятствует несколько факторов, в том числе отсутствие четкого определения обязанностей различных ведомств, либо дублирование функций уполномоченных органов. Не упорядочено законодательство, регулирующее отвод земель и использование водных ресурсов. Устойчивая структура управления и четко определенные сферы ответственности каждого вовлеченного государственного органа могут укрепить доверие инвесторов, уменьшить препятствия для входа новых участников в сегмент возобновляемой энергетики и способствовать более эффективной реализации проектов. Публикация процедур на специальных платформах с информацией о регламенте с описанием необходимой документации, сроках и ответственных государственных структурах, обеспечило бы большую прозрачность для разработчиков проектов и инвесторов [2].

Политическая нестабильность, неструктурированный энергетический сектор и отсутствие прозрачности в его управлении, сформировали недоверие со стороны населения и чрезвычайно низкую осведомленность о кризисе в этой отрасли – 65% опрошенных домохозяйств считают, что тарифы на электричество слишком высоки. Поэтому реформы в сфере тарифной политики должны быть проработаны таким образом, чтоб обеспечить социальную устойчивость и свести к минимуму экономическое влияние на категории граждан с низкими доходами. Кроме того, должна проводиться информационно-просветительская компания, где будут раскрыты вопросы, связанные с субсидиями и финансовым состоянием энергетического сектора, для того чтобы уменьшить социальное и политическое сопротивление растущим тарифам.

В Кыргызской Республике эксплуатируется 18 электрических станций, включая 16 ГЭС и 2 теплоэлектроцентрали, расположенные в городах Бишкек (812 МВт) и Ош (50 МВт). Электрическая сеть включает линии электропередачи напряжением 0,4–500 кВ общей протяженностью 86 820 км. Безусловно в Кыргызстане есть потенциал для разработки гидроэлектроэнергии, однако в условиях климатических изменений, малого количества осадков, снижения уровня воды в реках и водохранилищах, он постепенно снижается и в дальнейшем ставится под большое сомнение. Только за последние 20 лет площадь ледников в КР сократилась на 30 %.

Ежегодно в Кыргызстане вырабатывается примерно 15 млрд квт/ч электричества. Однако степень общей изношенности оборудования ГЭС составляет порядка 80 %, а степень изношенности оборудования ТЭЦ составляет порядка 60 %. Почти все ГЭС, находящиеся в эксплуатации на сегодняшний день со-

ставляют наследие СССР, чем и объясняется высокая степень изношенности оборудования. Токтогульская ГЭС, вырабатывающая почти 30 % всей электроэнергии в Кыргызстане, проходит сейчас модернизацию и обновление оборудования, после чего ожидается, что ее мощность вырастет с 1200 МВт до 1440 МВт (на 20 %). В связи с огромнейшим износом оборудования (критическим считается 30 % уровень) требуется срочное его обновление. Также следует отметить и существенную изношенность оборудования энергокомпаний, которые обеспечивая транспортировку электроэнергии допускают существенные ее потери, поставляя ее до потребителя.

Также за последние 30 лет в Кыргызстане наметился устойчивый тренд на снижение выбросов CO₂. Выбросы углекислого газа за рассматриваемый период сократились на 52%, что было вызвано деиндустриализацией республики. Однако текущая ситуация в промышленном секторе свидетельствует о наращивании в нем объемов производства и существующую опасность о росте выбросов вредных веществ в атмосферу. Немаловажную роль в решении данных вопросов играет работа международной организации ЮНИДО, которая провела исследование и подготовила отчет для правительства КР об оценке экологической промышленности и торговле (GITA), в котором отразила неэффективное использование материалов в обрабатывающих отраслях и расточительные методы производства. По объему потребления электроэнергии на производство основных металлов и основных металлических изделий в обрабатывающей промышленности занимает третье место после производства резины, пластмасс, прочих неметаллических минеральных продуктов. Также значительные затраты энергии и выбросов CO₂ требует производство цемента. Потенциал повышения энергоэффективности технически составляет около 40%.

В результате предоставления данного отчета ОАО «Кыргызиндустрия» и ЮНИДО планируют продемонстрировать потенциальные выгоды хорошо разработанной и реализованной политики ресурсоэффективности путем осуществления демонстрационного проекта в Кыргызской Республике. Первоначальный план состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на компоненте энергоэффективности, для того чтобы можно было использовать потенциал энергоэффективности максимально в металлургической и цементной промышленности. Будет выбран один пилотный завод в каждой из обозначенных выше отраслей для проведения демонстрации ресурсоэффективности с помощью научно-обоснованной оценки оптимизации энергетических, материальных и водных систем, которая позволит получить убедительные возможности улучшение работы завода, управленческую поддержку в реализации проектов экономии без затрат и в финансировании инвестиционных проектов с низкими капитальными затратами (CAPEX). Результаты эксперимента будут представлены всем заинтересованным сторонам, что позволит сформировать Национальную политику в области повышения эффективности использования промышленных ресурсов, которая будет отображать набор конкретных действий на краткосрочную и долгосрочную перспективу, а также стратегию реализации для ключевых мини-

стерств, ведомств и отраслевых партнеров с целью повышения эффективности использования промышленных ресурсов.

Для привлечения инвесторов и расширения ESG-инвестирования президент Кыргызстана заявил о необходимости организации Зеленой финансовой корпорации, деятельность которой будет направлена на привлечение средств в страну для обеспечения устойчивого развития экономики. «Объем рынка ESG-финансирования в Кыргызстане составляет \$257 млн, объем выпуска ESG облигаций в 2021 году — \$188 млн.» [3]. Однако процесс «зеленого» финансирования в Кыргызстане осложнен отсутствием национальной таксономии «зеленых» проектов и ESG-отчетности компаний. Отметим и то, что помимо выделенных стратегических направлений в рамках реализации Программы развития «зеленой» экономики в КР (зеленая энергетика, устойчивый туризм, зеленое сельское хозяйство, зеленая промышленность, экологический транспорт, зеленые города, управление отходами), выделены «4 кросс-секторальных сквозных направления в поддержку реализации указанных направлений: устойчивое финансирование, фискальное стимулирование, устойчивые государственные закупки и повышение потенциала» [1]. В качестве еще одного инструмента по привлечению «зеленого» финансирования, в начале 2023 года С. Жапаровым была выдвинута инициатива по реструктуризации государственного внешнего долга Кыргызстана с использованием механизма его конверсии на проекты в сфере зеленой экономики. Все выше представленные инструменты находятся в разработке и планируются к внедрению в ближайшее время.

Таким образом, институциональный свидетельствует о несовершенстве нормативно-правовой базы в области реализации Программы по развитию «зеленой» экономики в КР и требует ее систематизации, пересмотра и формирования комплексной эколого-экономической политики через создание единой межсекторальной политики и ее согласование с местными органами власти на основе развития ПСЭР. Также необходимо ускорить процедуру подробного рассмотрения, доработки и принятия Экологического кодекса, объединяющего в себе ряд положений, разрозненных по различным подзаконным актам и приложениям.

Рассмотрение некоторых отраслевых аспектов внедрения принципов «зеленой» экономики приводит к пониманию не только о наличии нормативно-правовых барьеров во внедрении технологий ВИЭ, но и требует пересмотра фискальной политики, тарифной политики и других важных государственных инструментов, способствующих инвестиционной привлекательности энергетического и промышленного секторов экономики республики.

Литература

1. Зеленая Финансовая Корпорация станет важным зеленым игроком в банковской сфере (e-cis.info) // <https://e-cis.info/news/567/99043/?ysclid=lnfkk1bzh6704760179>
2. Бровка Н.А., Борбугулов М.У. Цифровизация экономики стран ЕАЭС: опасения и перспективы. Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 6. № 4. С. 14-20.

3. Зеленые, социальные, ответственные: ESG в Центральной Азии. Обзор №2 :: РБК (rbc.ru) // <https://trends.rbc.ru/trends/green/cmrm/633549fa9a7947646c491b19>
4. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 годы (Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 21 января 2013 года №11) (minjust.gov.kg) <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542?cl=ru-ru>
5. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 8 апреля 2022 года № 197 "О внесении изменений в постановление Правительства Кыргызской Республики "О Координационном совете по вопросам изменения климата, экологии и развития "зеленой" экономики" от 30 января 2020 года № 46" (minjust.gov.kg) <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159102?ysclid=lnfpmwyrhe488820563>
6. ПОЛОЖЕНИЕ о Национальном совете по устойчивому экономическому развитию Кыргызской Республики (Утверждено Указом Президента К Р от 24 ноября 2012 года № 251) (minjust.gov.kg) <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/94446?ysclid=lnfmxfhnic664393685>
7. Программа "По переходу Кыргызской Республики к устойчивому развитию на 2013-2017 годы" (Одобрена постановлением Правительства КР от 30 апреля 2013 года № 218" (minjust.gov.kg) <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/53067?ysclid=lnfm4wk032621594367>
8. Экологической безопасностью озаботился президент СадырЖапаров и подписал указ // https://24.kg/vlast/187143_ekologicheskoy_bezopasnostyu_ozabotilsya_prezident_sadyir_japarov_i_podpisal_ukaz_/
9. Assylbayev, A.B., Safronchuk, M.V., Niiazalieva, K.N., Brovko, N.A. Green Transformation and the Concept of Energy Efficiency in the Housing Sector Approaches to Global Sustainability, Markets, and Governance, 2023, Part F175, с. 567–577.
10. Bazarbaeva, R.S., Brovko, N.A., Safronchuk, M.V. Global challenges of the beginning of the digital age and a green perspective for the development of the kyrgyz republic's economy (Institutional and industrial aspects) Industry 4.0: Exploring the Consequences of Climate Change, 2021, с. 137–150.
11. Brovko, N., Borbugulov, M. Features of sustainable economic development in the Central Asian countries E3S Web of Conferences, 2021.

8.3. Анализ энергетики стран евразийского экономического союза с позиций экологической составляющей их устойчивого развития

В последние десятилетия развитие мировой цивилизации все в большей степени ориентируется на концепцию устойчивого развития, позволяющую обеспечить сбалансированное решение проблем социально-экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала, удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений людей. Цели устойчивого развития (ЦУР) все прочнее интегрируются в политику современных государств. В 2015 г. на саммите Организации объединенных наций в Нью-Йорке устойчивое развитие было возведено в ранг глобальной идеологии, которую разделяют все страны-члены ООН. Вместе с тем, большинство стран все еще находятся на пути к достижению поставленных целей, и на сегодняшний день одной из главных задач является анализ и обобщение существующих тенденций, а также выявление и распространение лучших практик в данном направлении.

Для оценки степени достижения 17 целей устойчивого развития (ЦУР) разными исследователями предпринимаются попытки разработать количествен-

ные индикаторы, отражающие экономические, социальные и экологические аспекты развития общества. На сегодняшний день одной из наиболее полных систем показателей, позволяющих сделать вывод об устойчивом развитии страны, является «Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1], утвержденная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/313 от 6 июля 2017 года.

В настоящем исследовании рассматривается устойчивое развитие группы стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий в себя Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Российскую Федерацию и играющий заметную роль в экономике стран Восточной Европы и Центральной Азии. Исходными материалами для исследования послужили данные, публикуемые ООН в ежегодных официальных Докладах о целях устойчивого развития за период с 2019 по 2023 г. [2–6].

Прежде всего, рассмотрим позиции, занимаемые странами ЕАЭС в глобальном рейтинге по достижению целей устойчивого развития, в котором в разные годы принимали участие от 162 до 166 стран мира. Условно разделив страны рейтинга на квартили (от 25% стран с наилучшими показателями до 25% стран с наихудшими показателями) можно отметить, что четыре из пяти стран занимают среднее положение (2 квартиль) за исключением Белоруссии, которая, несмотря на значительное снижение места в рейтинге в последние годы, тем не менее, сохраняет свои позиции в 1 квартиле.

Несмотря на то, что за исключением Белоруссии, рейтинг которой упал с 23 места в 2019 году до 34 места в 2023 году, всем странам удалось улучшить свои показатели (Армения поднялась с 75 места в 2019 г. до 56 места в 2023 г., Казахстан – с 77 места на 66-е, Киргизия – с 48 на 45-е, Россия – с 55-го на 49-е), можно заметить, что за анализируемый период позиции стран-участниц ЕАЭС характеризуются значительной колеблемостью, т.е. нельзя говорить ни об устойчивом улучшении, или, наоборот, ухудшении ситуации с достижением целей устойчивого развития за рассматриваемые пять лет. Это свидетельствует о том, что в странах ЕАЭС еще не сложилось в окончательном виде определенной системы действий, позволяющих получать стабильные результаты по улучшению ситуации в области устойчивого развития. В связи с этим целесообразно будет в анализе рассмотреть отдельные аспекты, связанные с обеспечением устойчивого развития и определить на этой основе возможности совершенствования этих процессов, в том числе и связанных с экологической составляющей устойчивого развития.

Рейтинговые позиции стран определяются на основе итогового рейтингового балла, который формируется на основе баллов, набранных странами по каждой из 17 ЦУР, а те, в свою очередь зависят от количественных значений индикаторов, отражающие экономические, социальные и экологические аспекты.

Для более детального понимания ситуации перейдем от позиций в рейтинге к рейтинговым баллам и сравним рейтинговые баллы стран ЕАЭС со сред-

ними баллами по группе стран Восточной Европы и Центральной Азии, к которой принадлежат все участники ЕАЭС, и по миру в целом. Прежде всего, отметим, что и в 2019, и в 2023 г. баллы, набранные странами – членами ЕАЭС, выше среднемирового уровня. В 2019 г. рейтинговые баллы стран ЕАЭС находились в диапазоне от 68,7 в Казахстане до 74,4 в Белоруссии при среднемировом показателе 66,0 баллов, а в 2023 г. от 71,6 (Казахстан) до 77,5 (Белоруссия) при среднемировом значении 66,7, что свидетельствует о наличии достаточного потенциала для улучшения ситуации с обеспечением устойчивого развития. Однако, при сравнении с группой стран Восточной Европы и Центральной Азии можно констатировать, что здесь ситуация несколько хуже: в 2019 г. рейтинговые баллы, набранные Арменией и Казахстаном, ниже среднегруппового (70,4). В то же время за рассмотренный промежуток времени всем странам удалось в той или иной степени улучшить свои позиции, в результате чего в 2023 г. показатели 4 стран – участниц ЕАЭС достаточно существенно превысили среднегрупповой уровень (71,8), а Казахстан с ним почти сравнялся. Это свидетельствует о том, что странами были приложены усилия к использованию накопленного потенциала, но еще не все возможности были использованы и каждая из проанализированных стран осуществила это в различной степени.

От анализа общей позиции перейдем к экологической составляющей рейтинга. К наиболее значимым в аспекте достижения экологического баланса можно отнести следующие ЦУР и мероприятия по их достижению [7]:

- *ЦУР 6: Чистая вода и санитария* (повышение качества воды за счет уменьшения загрязнения, ликвидации сброса отходов и сокращения выбросов опасных химических веществ и материалов; сокращение доли неочищенных сточных вод и увеличение масштабов их рециркуляции и безопасного повторного использования; охрана и восстановление связанных с водой экосистем);

- *ЦУР 7: Недорогостоящая и чистая энергия* (увеличение доли энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе; повышение энергоэффективности; инвестиции в энергетическую инфраструктуру и технологии экологически чистой энергетики);

- *ЦУР 11: Устойчивые города и населенные пункты* (уменьшение негативного экологического воздействия городов в пересчете на душу населения; уделение особого внимания качеству воздуха и удалению городских и других отходов);

- *ЦУР 12: Ответственное потребление и производство* (рациональное освоение и эффективное использование природных ресурсов; экологически рациональное использование химических веществ и всех отходов на протяжении всего их жизненного цикла; уменьшение объема отходов путем принятия мер по предотвращению их образования, их сокращению, переработке и повторному использованию);

- *ЦУР 13: Борьба с изменением климата* (повышение сопротивляемости и способности адаптироваться к опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям; разработка и включение мер реагирования на изменение климата в

политику, стратегии и планирование на национальном уровне; создание механизмов по укреплению возможностей планирования и управления, связанных с изменением климата);

- ЦУР 14: *Сохранение морских экосистем* (предотвращение и существенное сокращение любого загрязнения морской среды; рациональное использование и защита морских и прибрежных экосистем);

- ЦУР 15: *Сохранение экосистем суши* (сохранение, восстановление и рациональное использование наземных и внутренних пресноводных экосистем; внедрение методов рационального лесопользования, восстановление деградировавших лесов, расширение масштабов лесонасаждения и лесовосстановления; борьба с опустыниванием; сохранение горных экосистем; принятие мер по сдерживанию деградации природных сред обитания и утраты биологического разнообразия).

Согласно методике, принятой в Докладах о целях устойчивого развития, степень достижения ЦУР отражается в виде цветовых индикаторов с выделением четырех уровней:

- зеленый (З) – цель достигнута;
- желтый (Ж) – проблемы остаются;
- оранжевый (О) – существенные проблемы;
- красный (К) – проблемы системного характера.

Проанализируем уровень достижения перечисленных ЦУР в странах ЕАЭС в 2023 г. [6]. Предварительно отметим, что данные по ЦУР 14 по всем странам кроме России отсутствуют, поскольку они не имеют выхода к морю.

В *Армении* относительно благополучной является ситуация с ЦУР 7, 12 и 13 (желтый уровень), имеются существенные проблемы с достижением ЦУР 6 и 11 (оранжевый уровень), а наиболее критическая ситуация складывается по ЦУР 15 (красный уровень). *Белоруссия* попадает в красную зону по ЦУР 7 и 13 и в оранжевую – по ЦУР 11 и 12. В то же время она является лучшей среди стран ЕАЭС по ЦУР 6 (желтая зона) и ЦУР 15 (зеленый уровень, констатирующий достижение цели). В *Казахстане* наибольшие проблемы наблюдаются по ЦУР 7, 13 и 15 (красный уровень), а также по ЦУР 6 и 12 (оранжевый уровень), а степень достижения ЦУР 11 характеризуется желтым уровнем. С точки зрения экологического развития среди перечисленных лучшей среди рассматриваемых стран является *Киргизия*: четыре показателя в желтой зоне (ЦУР 7, 11, 12, 13), что свидетельствует о незначительных проблемах в данных областях, один показатель в оранжевой зоне (ЦУР 6) и один – в красной (ЦУР 15). Наиболее серьезные проблемы с экологическим развитием имеет Россия: показатели по ЦУР 7, 13, 14, 15 относятся к красной зоне, по ЦУР 6 и 12 – к оранжевой. И только по ЦУР 11 достигнут желтый уровень.

В целом можно констатировать, что уровень экологического развития стран-участниц ЕАЭС находится на низком уровне: Во всех странах по степени достижения большинства ЦУР присутствуют серьезные или даже системного характера проблемы, что учитывая роль экологической повестки в достижении

целей устойчивого развития и определяет невысокие рейтинговые позиции анализируемых стран. В этой связи отметим еще один интересный аспект интерпретации такого рода ситуации [8]: «Экономические и экологические цели устойчивого развития часто находятся в оппозиции друг к другу, по крайней мере, в контексте развивающихся экономик, которые характеризуются ресурсно-ориентированной структурой промышленности. Это необходимо учитывать при разработке политики экономического развития, чтобы гарантировать, что экономический рост не будет неблагоприятным для жителей страны в экологическом смысле».

Детальный анализ такой ситуации по всем ЦУР будет достаточно трудоемким, поэтому в рамках настоящего исследования мы ограничимся рассмотрением только ЦУР 7, мероприятия в составе которой традиционно вносят наиболее существенный вклад в обеспечение экологического баланса любой страны.

Помимо представленных выше уровней достижения целей дополним анализ оценкой трендов, используя для этого принятые в Докладах о целях устойчивого развития градации и обозначения:

↑ – на правильном пути или сохранение достижений;

↗ – умеренный рост;

→ – стагнация;

↓ – уменьшение.

Для оценки уровня достижения ЦУР 7 используются следующие первичные индикаторы:

- население, имеющее доступ к электроэнергии (%),
- население, имеющее доступ к чистым видам топлива и технологиям приготовления пищи (%),
- выбросы CO₂ от сжигания топлива на общую выработку электроэнергии (млн. т CO₂/ТВт·ч).

В последующий период, начиная с 2022 г. к ним добавился еще один индикатор: «доля возобновляемых источников энергии в общем конечном потреблении энергии (%)».

Результаты изучения динамики уровня достижения ЦУР7 и его составляющих представлены в табл. 8.1.

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что в течение 2019-2021 гг. ситуация с достижением указанной цели – ЦУР 7 была вполне благополучной: в Армении было констатировано ее достижение, а в остальных странах имелись незначительные проблемы, однако дальнейшее движение характеризовалось положительными трендами. Однако, начиная с 2022 г., произошло резкое ухудшение ситуации.

Используя данные, приведенные в табл. 8.1, проанализируем динамику индикаторов ЦУР 7 в разрезе каждого из них.

Единственный индикатор, по которому во всех странах ЕАЭС обеспечен 100-процентный уровень достижения, – обеспечение населения электрической энергией. Такая ситуация вполне объяснима: еще в 1920 г. В.И. Ленин впервые

заявил, что «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Реализация этого лозунга была осуществлена посредством внедрения плана ГОЭЛРО, предусматривавшего опережающее развитие энергетики и, как следствие, всей экономики страны [9, 10]. Это уникальный исторический опыт, когда в масштабах огромной страны было успешно спланирована и далее не менее успешно реализована программа электрификации, которая и до настоящего времени оказывает влияние на структуру энергетики стран постсоветского пространства. К 1931 г. – десятилетнему сроку программы ГОЭЛРО – были перевыполнены все плановые показатели по возведению объектов энергетики. Вместо запроектированных 1,75 млн кВт новых мощностей ввели в эксплуатацию 2,56 млн кВт. К концу пятнадцатилетнего срока реализации программы электрификации – к 1935 г. – советская энергетика вышла на уровень мировых стандартов и заняла третье (после США и Германии) место в мире. Эта политика продолжалась и в Советском Союзе, в который в свое время входили страны – участницы ЕАЭС.

Таблица 8.1

Уровень достижения ЦУР 7 «Доступная и чистая энергия» и ее составляющих в странах ЕАЭС в 2019–2023 гг.

Страна	2019			2020			2021			2022			2023		
	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд
<i>ЦУР 7 «Доступная и чистая энергия» (баллы)</i>															
Армения		3	↑		3	↑		3	↑		О	↗	74,4	Ж	→
Белоруссия		Ж	↗		Ж	↗		Ж	↗		К	↗	70,3	К	↗
Казахстан		Ж	↑		Ж	↗		Ж	↗		К	→	61,8	К	→
Киргизия		Ж	↑		Ж	↑		Ж	↑		Ж	↗	78,1	Ж	↗
Россия		Ж	↗		Ж	↗		Ж	↗		К	↗	64,4	К	→
<i>Население, имеющее доступ к электроэнергии (%)</i>															
Армения	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑
Белоруссия	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑
Казахстан	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑
Киргизия	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	99,9	3	↑	100	3	↑
Россия	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑	100	3	↑
<i>Население, имеющее доступ к чистым видам топлива и технологиям приготовления пищи (%)</i>															
Армения	96,9	3	↑	96,9	3	↑	96,9	3	↑	98,1	3	↑	98,1	3	↑
Белоруссия	98,2	3	↑	98,2	3	↑	98,2	3	↑	98,9	3	↑	99,6	3	↑
Казахстан	95,3	3	↑	95,3	3	↑	95,3	3	↑	97,6	3	↑	92,7	3	→
Киргизия	81,3	Ж	↑	81,3	Ж	↑	81,3	Ж	↑	76,7	Ж	→	76,6	Ж	→

Страна	2019			2020			2021			2022			2023		
	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд	Значение	Уровень	Тренд
Россия	98,3	З	↑	98,3	З	↑	98,3	З	↑	90,1	З	↑	86,3	З	→
<i>Выбросы CO₂ от сжигания топлива на общую выработку электроэнергии (млн. т CO₂/ТВт·ч)</i>															
Армения	0,6	З	↑	0,7	З	↑	0,7	З	↑	0,9	З	↑	0,8	З	→
Белоруссия	1,6	К	↗	1,7	К	↗	1,6	К	↗	1,6	К	↗	1,6	К	↗
Казахстан	2,2	К	↑	2,6	К	→	2,1	К	↗	2,7	К	→	2,7	К	→
Киргизия	0,8	З	↑	0,6	З	↑	0,7	З	↑	0,7	З	↑	0,7	З	↑
Россия	1,5	О	↗	1,5	О	↗	1,5	К	→	1,7	К	→	1,7	К	→
<i>Доля возобновляемых источников энергии в общем конечном потреблении энергии (%)</i>															
Армения	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8,8	К	→	10,3	О	↓
Белоруссия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,7	К	→	7,8	К	→
Казахстан	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1,5	К	↓	1,7	К	→
Киргизия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	29,7	З	↑	27,9	Ж	↑
Россия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2,6	К	→	3,2	К	→

Обеспечение доступа населения к чистым видам топлива и технологиям приготовления пищи также находится на достаточно высоком уровне во всех странах кроме Киргизии. Однако, следует отметить наметившуюся тенденцию к снижению данного показателя в России: в 2023 г. уровень обеспеченности чистыми видами топлива и технологиям приготовления пищи снизился до 86,3% по сравнению с 98,3% в 2021 г. Подобную тенденцию можно объяснить программой газификации России [11], реализуемой начиная с 2021 г. До недавнего времени значительная часть населенных пунктов в сельской местности не имела доступа к газовым коммуникациям, вследствие чего для обогрева жилья и приготовления пищи использовались другие источники энергии, в т.ч. электричество, которое в отличие от природного газа относится к «чистым» источникам энергии. Реализация программы газификации вносит положительный вклад в экономическую составляющую устойчивого развития, поскольку использование природного газа дешевле использования электрической энергии, что приводит к улучшению качества жизни граждан. Однако увеличение масштабов использования газа, как видим, негативно влияет на экологические показатели, увеличивая, в том числе, и число выбросов CO₂.

По показателю выбросов CO₂ благополучными странами являются только Армения и Киргизия. В остальных странах данный показатель находится на неудовлетворительном уровне, а тренды характеризуются стагнацией или незначительным улучшением. Для объяснения причин такого поведения необходимо об-

ратиться к структуре производства электроэнергии в этих странах (табл. 8.2). Источником информации являются энергетические профили стран, приведенные на информационно-аналитическом сайте «EES ЕАЭС. Мировая энергетика» [12].

Таблица 8.2

Производство электроэнергии в странах ЕАЭС по видам источников в 2020 г.

	Армения		Белоруссия		Казахстан		Киргизия		Россия	
	млн. кВт·ч	%	млн. кВт·ч	%	млн. кВт·ч	%	млн. кВт·ч	%	млн. кВт·ч	%
Всего	7839	100,0	38548	100,0	110890	100,0	15 404	100,0	1 089 668	100,0
ТЭС	3166	40,4	37441	97,1	98 711	89,0	1 425	9,3	655 849	60,2
ГЭС	1778	22,7	399	1,0	9 660	8,7	13 979	90,7	214 389	19,7
АЭС	2756	35,2	338	0,9	0	0,0	0	0,0	215 745	19,8
ВЭС	2	0,0	194	0,5	1 029	0,9	0	0,0	1 241	0,1
СЭС	136	1,7	176	0,5	1 490	1,3	0	0,0	2 022	0,2
ГеоТЭС	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	421	0,0

Высокие значения показателей выбросов CO₂ в Белоруссии, Казахстане и России объясняются тем, что в структуре производства электроэнергии этих стран преобладают тепловые станции, использующие органическое топливо. В Армении на ТЭС производится около 40% электроэнергии, а в Киргизии – меньше 10%, что и сказывается на значениях выбросов и итоговой оценке стран по данному индикатору.

Данные о структуре производства электроэнергии позволяют понять и результаты по следующему индикатору. Введение с 2021 г. при оценке степени достижения ЦУР 7 показателя «доля возобновляемых источников энергии в общем конечном потреблении энергии (%)» (см. табл. 8.1) значительно повлияло на итоговые оценки стран.

К возобновляемым источникам энергии из источников, приведенных в табл. 8.2, относят гидроэлектростанции, ветровые, солнечные и геотермальные электростанции. Доля таких источников в странах ЕАЭС составляет: в Армении – 24,4%, в Белоруссии – 2%, в Казахстане – 11%, в Киргизии – 90,7%, в России – 20%. Указанные значения в сильной степени коррелируют со значениями доли чистых источников в табл. 8.1, несмотря на то, что между ними существуют значительные различия, которые, впрочем, вполне объяснимы: в табл. 8.2 речь идет о структуре производства, а в табл. 8.1 – о структуре конечного потребления.

Проведенный анализ позволяет понять причины невысоких рейтингов стран ЕАЭС в отношении ЦУР 7 и их значительное ухудшение в 2022–2023 гг. Главной причиной этого является структура энергетических комплексов с преобладанием электростанций, использующих органическое топливо.

Очевидно, что одним из путей решения указанных проблем обеспечения экологического баланса исследованных стран в условиях ориентации на устой-

чивое развитие, является дальнейшая реструктуризация энергетики, однако следует отметить ряд моментов, которые необходимо принимать во внимание.

1. Ветровые, солнечные и геотермальные источники не могут обеспечить потребности отраслей экономики и населения в электроэнергии. Кроме того, им присущ еще ряд недостатков: так, например, СЭС зависят от климатических характеристик местности и требуют большой площади размещения, что ограничивает возможности их применения. К недостаткам ВЭС, в первую очередь, относят высокую стоимость, большой срок окупаемости, непостоянство и нерегулируемость ветрового потока. Кроме того, работа ВЭС характеризуется повышенным шумом и вибрацией, что оказывает негативное влияние на окружающую среду и здоровье населения. Таким образом, использование данных источников энергии может рассматриваться только как вспомогательное, но не как основное.

2. Использование гидроэлектростанций также в значительной степени зависит от особенностей географического положения страны. Как видно из проведенного анализа, их использование достаточно эффективно в горных районах (Армения, Киргизия), однако строительство ГЭС в регионах с более равнинным рельефом требует специальных подходов к проектированию и строительству. Существующие сегодня в России и странах постсоветского пространства ГЭС несмотря на значительную установленную мощность были построены еще при Советском Союзе и имеют большой срок эксплуатации, поэтому в настоящее время они используются, как правило, только в периоды пиковых нагрузок.

Как следствие, наиболее разумной альтернативой традиционной энергетике является атомная энергетика. Несмотря на то, что сторонники «зеленой повестки», негативно относятся к развитию атомных электростанций, что в последние годы привело к консервации многих атомных станций в Европе, атомная энергетика обладает рядом преимуществ [13, 14], в том числе и с точки зрения экологии:

- многократное сокращение выбросов углекислого газа по сравнению с использованием органического топлива и снижение парникового эффекта;

- возможность повторного использования отработанного топлива, что снижает количество образующихся отходов по сравнению с образованием золы и шлаков органического топлива. В настоящее время активно ведутся работы по разработке технологий замкнутого топливного цикла, что будет означать полное отсутствие отходов.

При этом атомная энергетика обладает рядом других преимуществ, способствующих достижению целей устойчивого развития: дешевизна получения энергии, экономия пространства и других природных ресурсов, снижение показателей травматизма на энергетических объектах и другие. И самый важный фактор – именно этот вид энергетике находится сейчас в «фокусе» НТП. А именно за счет НТП, благодаря которому создаются новые продукты и технологии, снижаются издержки, обеспечивается макроэкономическая стабильность

в современных условиях. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров, организации производства, в развитых странах приходится от 70% до 90% прироста ВВП. В целом, в мире стремительно осуществляется переход к экономике знаний, объем которых удваивается каждые 20 лет. Поэтому только опережающее освоение государствами ЕАЭС новых перспективных технологий позволит обеспечить высокие и устойчивые темпы устойчивого развития этих стран в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202019%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 18.08.2022)
2. SustainableDevelopmentReport 2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2019/> (дата обращения: 20.08.2022)
3. SustainableDevelopmentReport 2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2020/> (дата обращения: 20.08.2022)
4. SustainableDevelopmentReport 2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sdgindex.org/reports/sustainable-development-report-2021/> (дата обращения: 20.08.2022)
5. SustainableDevelopmentReport2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sustainable-development.report/reports/sustainable-development-report-2022/> (дата обращения: 20.08.2022)
6. SustainableDevelopmentReport 2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://dashboards.sdgindex.org/> (дата обращения: 20.08.2022)
7. 17 целей для преобразования нашего мира [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 18.08.2022)
8. Как устойчивое развитие территорий влияет на экологию [Электронный ресурс] // URL: <https://news.tsu.ru/news/kak-ustoychivoe-razvitiye-territoriy-vliyaet-na-ekologiyu/> (дата обращения: 25.08.2022)
9. Исторические документы о ГОЭЛРО // Коллекция Национальной электронной библиотеки [Электронный ресурс] // URL: <https://goelro100.rusneb.ru/> (дата обращения: 27.08.2022)
10. Дигилина О.Б., Верстин Н.А. Общее и специфическое в теплоснабжении постсоветских стран Центральной Азии // Экономика Центральной Азии. – 2022. – Том 6. – № 4. – doi: 10.18334/asia.6.4.116794 // URL: <https://1economic.ru/journals/asia> (дата обращения: 27.08.2022)
11. Программа газификации России ПАО «Газпром» 2021–2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazprommap.ru/program/> (дата обращения: 23.08.2022)
12. EES ЕАЭС. Мировая энергетика [Электронный ресурс] // URL: <https://www.eeseaec.org/> (дата обращения: 23.08.2022)
13. Преимущества атомной энергетики / Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» [Электронный ресурс] // URL: <https://rosatom.ru/about-nuclear-industry/preimushchestva-atomnoy-energetiki/> (дата обращения: 29.08.2022)
14. Наумова А.О., Некрасова Т.П. Атомная энергетика: преимущества и недостатки ее использования // Экономика и социум. – 2021. – №10 (89). – С. 930-933.

8.4. Анализ расходов на природоохранные мероприятия стран ЕАЭС

В странах Евразийского экономического союза большое внимание уделяется охране атмосферного воздуха, снижению величины выбросов в атмо-

сферу загрязняющих веществ стационарными источниками, а также оценке среднего эффекта воздействия введенного в действие природоохранного законодательства ЕАЭС [1] на величину названных выбросов в одной из стран Союза (России). Правовой аспект указанного законодательства подробно описывается в работе А. Захарина и К. Колесниковой [2], перспективы «зеленой экономики» Евразийского экономического союза представлены в работе Е. Винокурова и др. [3].

Актуальная экологическая повестка сделала обширную литературу, посвященную проблемам «зеленой» экономики, поистине необъятной. В своем исследовании мы проводили сравнение с подобными работами по Европейскому Союзу и Китаю, поскольку эти регионы в последние годы стали неформальными мировыми лидерами по реализации мер политики в области охраны окружающей среды. Китай был выбран в связи с тем, что обширная территория этой страны порождает значительные региональные различия как в отношении экономического развития, так и выбросов в атмосферу загрязняющих веществ. В статье А. Баррелла и др. [4] проанализирована эффективность расходов на охрану окружающей среды в 30 странах Евросоюза, включая межотраслевую эффективность. Выводы авторов этой статьи близки нашим – более высокие расходы на охрану окружающей среды не приводят к улучшению экологических результатов. В связи с этим представляет интерес исследование В. Ванга и др. [5], в котором приводятся убедительные доказательства существования взаимосвязи между расходами на охрану окружающей среды и финансовыми показателями компаний – фирмы с более высокими расходами на охрану окружающей среды имеют более высокую эффективность и производительность. Если выводы авторов названной статьи верны, то частные расходы на природоохранные мероприятия являются способом увеличения прибыли, не внося значимого вклада в улучшение экологии. Положительное «климатическое финансирование» также приводит к росту экономических показателей его участников [6], его влияние на снижение выбросов CO₂ по-прежнему является предметом дискуссий.

Утверждение о том, что «зеленые» инновации способствуют качественному экономическому развитию содержится и в работе П. Джао и др. [7] По нашему мнению, особый интерес в этом исследовании представляет анализ пространственной конвергенции провинций Китая в сфере «зеленых» инноваций, а также региональных различий в эффективности экологических инноваций. Сопоставляя результаты П. Джао и соавторов с выводами Л. Сю и др. [8], можно установить, что восток Китая выделяется среди других регионов более высокими выбросами CO₂ и более низкой эффективностью «зеленых» инноваций. Значительная неоднородность «зеленой» эффективности индустрии Китая подчеркивается и в статье Ц. Лана и др. [9], а также Ш. Сун и др. [Sun], приведенная в соответствующих статистических сборниках Союза [11; 12; 13]. Для определения среднего эффекта воздействия мы использовали данные о выбросах в атмосферу за 2016–2020 гг. в России в качестве опытной группы; кон-

трольная группа получена нами в результате прогноза выбросов в указанном периоде методом авторегрессионной интегрированной скользящей средней (ARIMA).

Мы построили регрессионные модели влияния экологических расходов на величину выбросов CO_2 для каждой из стран – участниц ЕАЭС. Нулевой гипотезой является отсутствие корреляции между величиной природоохранных расходов стран – участниц Евразийского экономического союза и объемами выбросов CO_2 . Для получения стандартизированных параметров моделей мы использовали имеющиеся статистические данные [12; 13]. Для вычисления 95% доверительных интервалов и Р-значений (p-value) использовалась аппроксимация распределением Уолда с использованием t-распределения.

Для оценки среднего эффекта воздействия (“average treatment effect”) введения новых регуляторных актов ЕАЭС на объем загрязняющих атмосферу выбросов мы использовали методология «разницы разниц» (“difference-in-differences”), основы которой были заложены О. Ашенфельтером и Д. Кардом [14], Д. Кардом и А. Крюгером [15], подробное описание которой содержится в работах Д. Ангриста и Й. Пешке [16], Д. Вулдриджа [17].

Ниже представлены полученные результаты для каждой из стран ЕАЭС и их интерпретация.

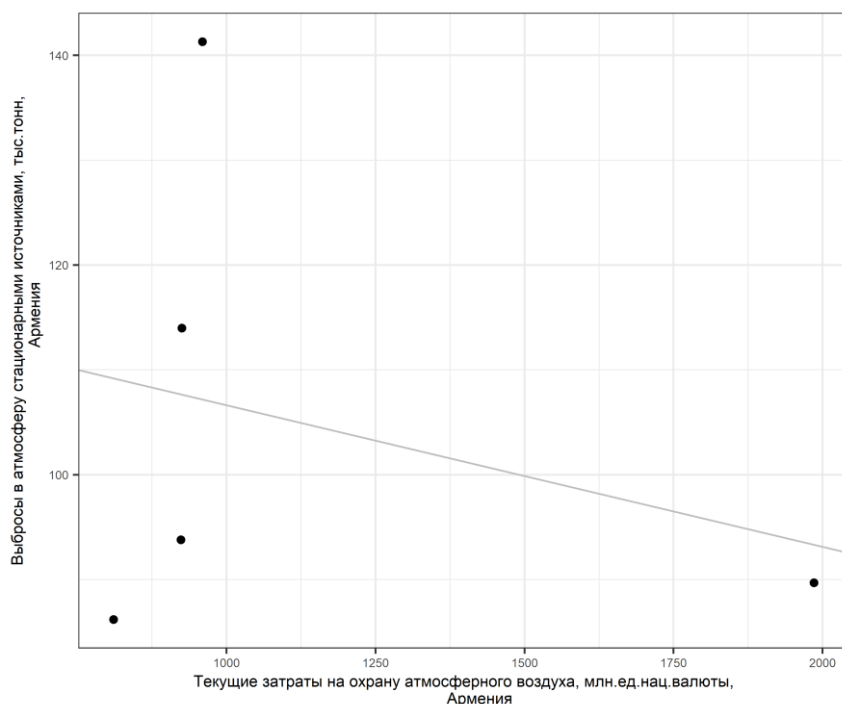

Рис. 8.4. Регрессионная модель влияния затрат на охрану атмосферного воздуха на выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, Армения

На рис. 8.4 приведена модель влияния природоохранных расходов на объем выбросов в Армении. Регрессионная модель, полученная из анализа, имеет следующий вид:

$$emiss_{arm} = 120.13822 - 0.01351 * air.env.cost_{arm} \quad (1)$$

где $emiss_{arm}$ – выбросы в атмосферу стационарными источниками,
 $air.env.cost_{arm}$ – текущие затраты на охрану атмосферного воздуха.

Рисунок 8.5 представляет регрессионную модель влияния экологических затрат на объем загрязняющих атмосферу выбросов в Беларуси. Полученное уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$emiss_{blr} = 415.92 + 0.2307 * air.env.cost_{blr} \quad (2)$$

где $emiss_{blr}$ – выбросы в атмосферу стационарными источниками,
 $air.env.cost_{blr}$ – текущие затраты на охрану атмосферного воздуха.

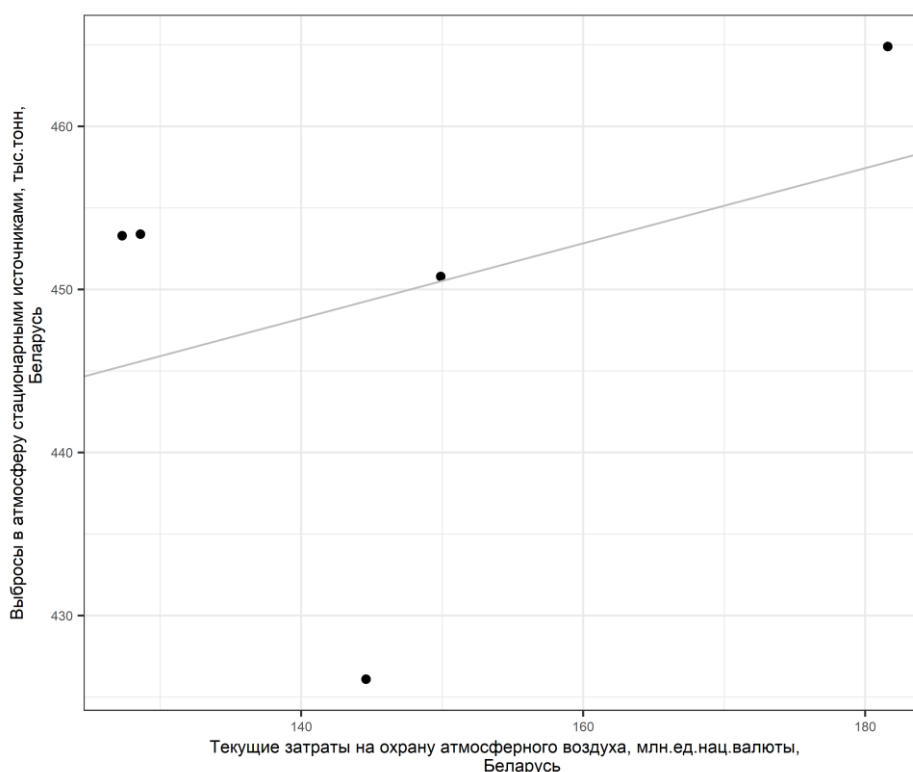

Рис. 8.5. Регрессионная модель влияния затрат на охрану атмосферного воздуха на выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, Беларусь

Регрессионная модель для Казахстана представлена на рис. 8.6; полученная из анализа, имеет следующий вид:

$$emiss_{kzh} = 2243 + 0.002789 * air.env.cost_{kzh} \quad (3)$$

где $emiss_{kzh}$ – выбросы в атмосферу стационарными источниками,
 $air.env.cost_{kzh}$ – текущие затраты на охрану атмосферного воздуха.

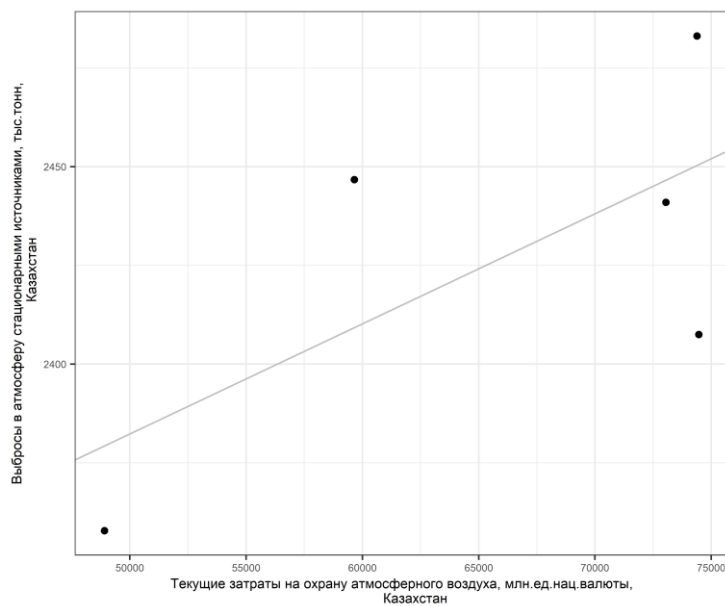

Рис. 8.6. 3 – Регрессионная модель влияния затрат на охрану атмосферного воздуха на выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, Казахстан

Регрессионная модель Киргизии, представленная на рис. 8.7, полученная из анализа, имеет следующий вид:

$$emiss_{kyr} = 50.810312 + 0.006124 * air.env.cost\_kyr \quad (4)$$

где $emiss_{kyr}$ – выбросы в атмосферу стационарными источниками, $air.env.cost\_kyr$ – текущие затраты на охрану атмосферного воздуха.

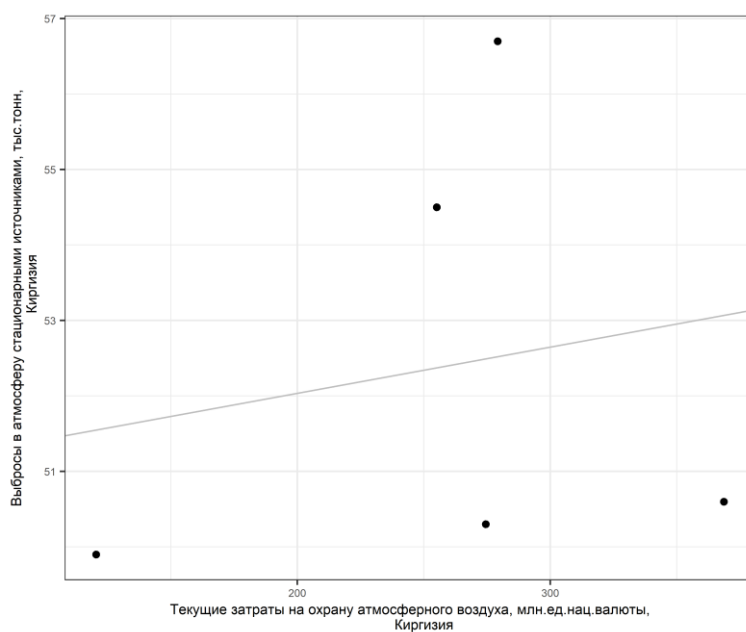

Рис. 8.7 Регрессионная модель влияния затрат на охрану атмосферного воздуха на выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, Киргизия

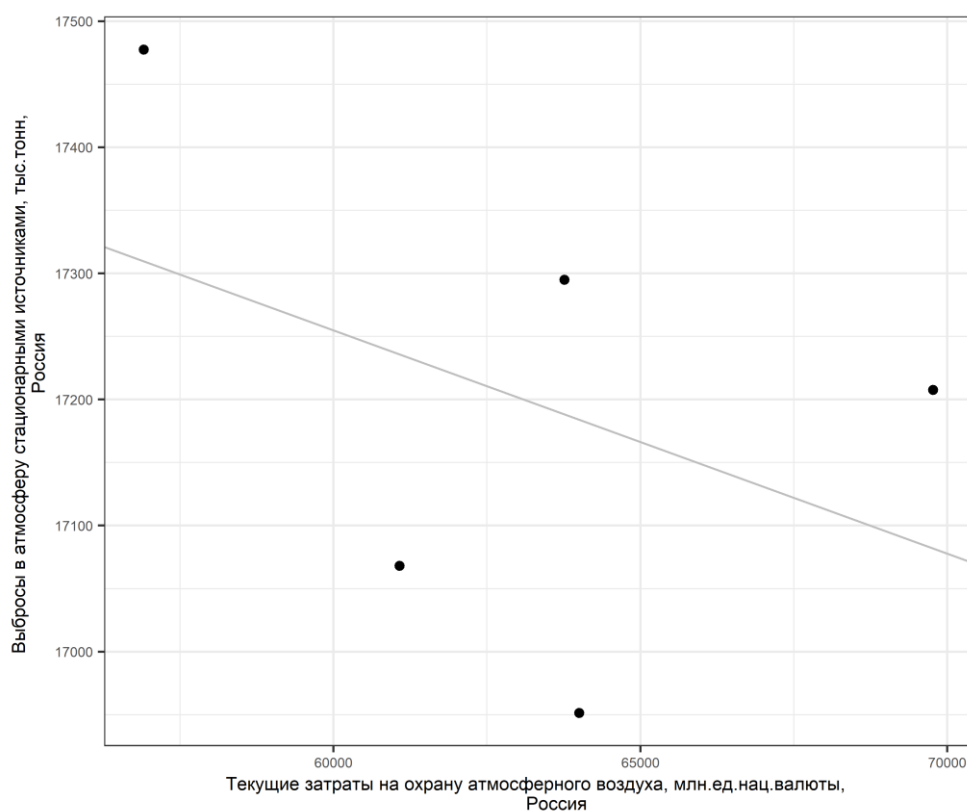

Рис. 8.8. Регрессионная модель влияния затрат на охрану атмосферного воздуха на выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, Россия

Мы представили полученную модель влияния природоохранных расходов в области охрану атмосферно воздуха на объем выбросов в России на рис. 8.8. В данной модели уравнение регрессии приобрело следующий вид:

$$emiss_{rus} = 18320 - 0.01772 * air.env.cost\_rus \quad (5)$$

где $emiss_{rus}$ – выбросы в атмосферу стационарными источниками,
 $air.env.cost\_rus$ – текущие затраты на охрану атмосферного воздуха.

Мы обобщили результаты статистического анализа в табл. 8.3.

Таблица 8.3

Результаты регрессионного анализа влияния затрат на природоохранные мероприятия на объем выбросов CO₂ в странах ЕАЭС

Страна	p-value	R ²	F-statistics
Армения	0.6407	0.08187	0.2675
Беларусь	0.5571	0.1263	0.4339
Казахстан	0.2096	0.2773	2.535
Киргизия	0.7718	0.03247	0.1007
Россия	0.4941	0.1673	0.6029

В целом, регрессионные модели показывают, что влияние природоохранных расходов на объем выбросов в атмосферу представляет собой сложную и неоднозначную зависимость. Коэффициенты перед переменными расходов на охрану атмосферного воздуха по страна либо не являются статистически значимыми, либо неопределенными. Лишь в двух странах (России и Армении) рост названных расходов привел к снижению выбросов в анализируемом периоде. Модели плохо объясняют изменчивость выбросов в атмосферу, что отражается в низких значениях коэффициента детерминации и скорректированного коэффициента детерминации. Значение F-статистики и p-value для моделей также указывают на низкую статистическую значимость моделей в целом. Таким образом, на основе данных регрессионного анализа можно сделать вывод о слабой связи между природоохранными расходами и объемами выбросов в атмосферу в рассматриваемых странах. Наконец, имеющиеся статистические данные слишком скудны, чтобы на их основе можно было проводить более точный анализ.

Мы также определили средний эффект воздействия введенного природоохранного законодательства Евразийского экономического союза на выбросы CO₂ в странах-участницах. Интерпретация полученных результатов такова (млн тонн CO₂ эквивалента в год):

1. Средний эффект воздействия (Average Treatment Effect, ATE): 179.0962. Этот показатель указывает на среднее изменение переменной, вызванное воздействием. Полученное значение ATE равно 179.0962, что может быть статистически значимым в данном контексте.

2. Ошибка стандартного отклонения для ATE: 990.7211. Это значение указывает на стандартное отклонение определения ATE. В данном случае, стандартное отклонение равно 990.7211, что говорит о том, что оценка ATE имеет большое неопределенность и может быть не очень точной.

В целом, полученный средний эффект воздействия имеет большую стандартную ошибку, и оценка эффекта воздействия близка к нулю. Это может указывать на то, что полученные результаты не являются статистически значимыми. Необходимо провести дополнительный анализ данных или увеличить выборку для получения более точных и значимых результатов. Однако имеющиеся статистические данные затрудняют выполнение подобного исследования.

Это подводит нас к вопросу о смене методологической парадигмы подобных исследований. С одной стороны, можно продолжить работу по калибровке моделей, однако мы убеждены, что это приведет к увеличению статей, в которых «так много регрессий и так мало мыслей» [18, р. xiv]. С другой – мы полагаем более продуктивным переход на методы, основанные на дизайне исследований вместо метода, основанного на моделях [19; 20, 21].

Для этого необходимо, прежде всего, произвести кластеризацию объекта исследования не по государственным и/или административно-территориальным границам, а по сопредельным пространствам, поскольку воздушные массы не подчиняются политическому разграничению и, следовательно, выбросы CO₂ на

территории одного государства неизбежно смешиваются с углеродной эмиссией соседей. Такая кластеризация делает возможным более корректно сформировать опытную и контрольную группы и провести исследование на основе квази-экспериментального метода. Помимо этого, следует определить скрытые переменные (например, в отношении побочных эффектов) и расширить временной горизонт анализа. По нашему мнению, переход к методологии на основе дизайна позволит получить более точные результаты и лучше понять влияние экологических расходов на величину выбросов CO₂.

Отметим, что в странах Европейского Союза, в котором действует более жесткое экологическое законодательство, также не зафиксировано значимого влияния природоохранных мероприятий на величину выбросов CO₂ [22] даже несмотря на рекордный рост ввода в эксплуатацию возобновляемых источников энергии [23]. Ископаемое топливо по-прежнему доминирует, и можно прогнозировать, что эта ситуация не изменится в ближайшем будущем [24]. Поэтому доминирующая сегодня ESG-риторика, добавляющая пасторальные мотивы в мечты Маркса, что каждый человек в будущем будет «утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике» [25, с. 31] не имеет под собой надлежащего научного основания, несмотря на все попытки защиты «зеленой» идеологии от коварных нападков со стороны реальности [26].

Кроме того, большинство исследований подтверждают положительную корреляцию между экономическим ростом и уровнем выбросов CO₂, причем с ростом экономики и производства уровень выбросов CO₂ возрастает быстрее, чем просто пропорционально. Это может быть связано с увеличением потребления ресурсов, повышением энергозатрат на производство и повышением уровня потребления в целом [27; 28; 29]. В то же время, опыт развивающихся стран показывает, что рост выбросов CO₂ приводит к росту числа соответствующих заболеваний и смертности, сокращая человеческий капитал и снижая, в конечном счете, экономическую активность и темпы экономического роста [30].

Тем не менее, внедрение эффективных политик в области энергетики и климата, поддержка развития и использования возобновляемых источников энергии, а также технологические инновации могут помочь в сокращении выбросов CO₂, минимизации воздействия на окружающую среду и поддержании устойчивого экономического роста.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 20.06.2023).
2. Захарин, А.Н., Колесникова, К.В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. №3, с. 135-142.
3. Винокуров, Е. (руководитель авторского коллектива), Альбрехт, К., Забоев, А., Ключкова, Е., Малахов, А., Перебоев, В. (2023) Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе.

- Евразийский регион в глобальной зеленой повестке. Доклады и рабочие документы 23/2. Алматы: Евразийский банк развития. – 83 с.
4. Barrell, A., Dobrzanski, P., Bobowski, S., Siuda, K., & Chmielowiec, S. (2021). Efficiency of environmental protection expenditures in EU countries. *Energies*, 14(24), 8443.
  5. Wang, W. K., Lu, W. M., & Wang, S. W. (2014). The impact of environmental expenditures on performance in the US chemical industry. *Journal of cleaner production*, 64, 447-456.
  6. Yang, J. (2023). Carbon Rights Trading – The Synergistic Impact of Climate Finance and Regional Economic Development on Regional Economy. *International Journal of Science and Engineering Applications*, Volume 12-Issue 05, 26 – 28, 2023, ISSN: 2319 – 7560. doi: 10.7753/IJSEA1205.1008.
  7. Zhao, P., Lu, Z., Kou, J., Du, J. (2023). Regional differences and convergence of green innovation efficiency in China, *Journal of Environmental Management*, Volume 325, Part A, 2023, 116618, ISSN 0301-4797, <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2022.116618>.
  8. Su, L., Wang, Y., Yu, F. (2023). Analysis of regional differences and spatial spillover effects of agricultural carbon emissions in China, *Heliyon*, Volume 9, Issue 6, 2023, e16752, ISSN 2405-8440, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e16752>.
  9. Lan, Q., Chen, H., Liang, Y., & Wu, J. (2023). Research on Regional Differences and Spatial Dynamic Evolution of Green Efficiency of China's Provincial Service Industry. *Frontiers in Business, Economics and Management*, 7(3), 119–131. <https://doi.org/10.54097/fbem.v7i3.5449>.
  10. Sun, X., Lian, W., Wang, B. et al. Regional differences and driving factors of carbon emission intensity in China's electricity generation sector. *EnvironSciPollut Res* 30, 68998–69023 (2023). <https://doi.org/10.1007/s11356-023-27232-6>.
  11. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2022. – 189 с.
  12. Окружающая среда. Статистика Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2022. – 58 с.
  13. Охрана окружающей среды в России. 2016: Стат. сб./Росстат. – М., 2016. – 95 с. ISBN 978-5-89476-422-1.
  14. Ashenfelter, O., and Card, D. (1985). Using the longitudinal structure of earnings to estimate the effect of training programs. *Review of Economics and Statistics* 67, 648-660.
  15. Card, D. and Krueger, A.B. (1994). Minimum wages and employment: A case study of the fast-food industry in New Jersey and Pennsylvania. *American Economic Review* 84, 772-793.
  16. Angrist, J.D., and Pischke, J.-S. (2009). *Mostly Harmless Econometrics. An Empiricist's Companion*. Princeton University Press. ISBN 978-0-691-12034-8. 373 p.
  17. Wooldridge, J.M. (2009). "Difference-in-differences estimation," *Quantile*, No.6, pp. 25-47.
  18. Mairesse, J. (2003). In Memoriam: Zvi Griliches. *Econometric Reviews*, 22(1), xi-xv. doi:10.1081/etc-120017978.
  19. Card, D. (2022). "Design-Based Research in Empirical Microeconomics". *American Economic Review*, 112(6): 1773-81. doi: 10.1257/aer.112.6.1773.
  20. Buelens, B., Boonstra, H.J., van den Brakel, J., and Daas, P. (2012). Shifting paradigms in official statistics: from design-based to model-based to algorithmic inference. *Centraal Bureau Voor de Statistiek. Discussion paper (201218)*. Statistics Netherlands, The Hague/Heerlen, 2012. – 22 p.
  21. Dunning, T. (2010). Design-Based Inference: Beyond the Pitfalls of Regression Analysis? In: *Rethinking the social inquiry. Diverse tools, shared standards*. H.E. Brady, D. Collier (Eds.). Rowman & Littlefield Publishers, Inc., pp. 273-311.
  22. Flagship Report: State of EU progress to climate neutrality. An indicator-based assessment across 13 building blocks for a climate neutral future. (2023). The European Climate Neutrality Observatory (ENCO).
  23. *Statistical Review of World Energy*. (2023). 72nd Edition. The Energy Institute (EI), from <https://www.energyinst.org/statistical-review>.

24. Epstein, A. (2022). Fossil future. Why global human flourishing requires more oil, coal and natural gas – not less. New York, Portfolio / Penguin. ISBN 9780593420416.
25. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1988). Немецкая идеология. – М.: Политиздат. – 574 с.
26. Thom, F. (1987). La langue de bois. Paris: Julliard. – 225 p.
27. Sofien, T., and Omri, A. (2016). Literature survey on the relationships between energy variables, environment and economic growth. Published in: Renewable and Sustainable Energy Reviews, Vol. 69, (September 2016): pp. 1129-1146.
28. Abbas, S.J., Hussain, M.M., Salman, M., Shahid, S., and Iqbal, A. (2022). Economic Growth, Energy Consumption and Environment Relationship: A Panel Data Analysis of South Asian Countries, <https://doi.org/10.5281/zenodo.7540419>.
29. Magazzino, C., Mele, M., Drago, C. et al. The trilemma among CO2 emissions, energy use, and economic growth in Russia. Sci Rep 13, 10225 (2023), <https://doi.org/10.1038/s41598-023-37251-5>.
30. Behrer, A.P., Choudhary, R., and Sharma, D. (2023). Air Pollution Reduces Economic Activity: Evidence from India, No 10515, Policy Research Working Paper Series, The World Bank, <https://EconPapers.repec.org/RePEc:wbk:wbrwps:10515>.

8.5. Эффективность рыночной и плановой экономики при обращении с опасными отходами (на примере стран ЕАЭС)

Высокий уровень образования опасных отходов и низкая доля их повторного использования в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) обуславливают особое внимание к проводимой ими экологической политике. В наиболее общем виде, с точки зрения экономической теории, организация деятельности по сбору отходов и их переработке возможна в рамках двух экономических систем: рыночной и плановой (командной). Первая предполагает доминирование частной собственности и свободную конкуренцию, вторая – государственную собственность, распорядительный порядок управления и т.д. На практике рыночные механизмы часто сочетаются с плановыми, при этом разные государства, стремясь обеспечить устойчивое развитие территорий, отдают большее или меньшее предпочтение рынку и командно-распределительным инструментам. И наблюдается расхождение в динамике и текущем уровне как возникновения, так и рециклинга опасных отходов. Соответственно, актуальной задачей становится изучение институциональной среды различных стран для установления наилучших подходов и практик при обращении с опасными отходами.

Целью данной работы является определение эффективности рыночных и плановых механизмов регулирования в области опасных отходов. В качестве объекта выступили отходы, возникающие в странах ЕАЭС, в качестве предмета – регулирующие их институты.

Исследование основано на статистических данных Евразийской экономической комиссии и национальных статистических служб государств ЕАЭС, для их анализа были использованы эконометрические методы. Также осуществлён контент-анализ информационно-аналитических материалов, нормативный и позитивный анализ институциональной среды в сфере обращения с отходами, в том числе действующей нормативно-правовой базы.

Ранее проведённые исследования под руководством Дмитрия Юрьевича Миропольского показали, что плановая система при прочих равных условиях в большей степени подходит для специализации на пионерной, не базовой продукции, а также при большой ресурсоёмкости пионерной продукции [1]. Это, в первую очередь, связано с необходимостью перераспределения избыточных ресурсов из сектора, где производятся базовые товары, в сектор пионерных [2]. Вторичное сырьё и изготовленную из него продукцию, как и деятельность по их логистике, можно считать пионерной в тех странах, где в настоящее время принципы циркулярной экономики не получили распространения.

При этом стоит помнить, что эффективность плановой экономики существенно ограничивается наличием оппортунистических интересов у регулятора. И хотя создание институтов регулирования иногда сопровождается меньшими транзакционными издержками по сравнению с рынком, дальнейшее функционирование данных институтов может негативно влиять на уровень доходов регулируемых субъектов [3].

Теоретической значимостью и научной новизной этой работы является оценка эффективности рыночной и плановой экономики с учётом особенностей транзакций, связанных с опасными отходами. Практическую ценность имеют выработанный дифференцированный подход к управлению опасными отходами и отмеченные основные направления совершенствования соответствующей политики в странах ЕАЭС.

В Армении, Кыргызстане и России выделяют пять классов опасности отходов, в Беларуси – четыре (малоопасные и практически неопасные объединены в один, четвёртый класс). В Казахстане учёт отходов осуществляется по уровням опасности, предусмотренным требованиями Базельской конвенции: красный, янтарный и зелёный. В связи с этим, хотя, например, в Российской Федерации в качестве опасных отходов иногда рассматривают относящиеся к I-IV классам, в данном исследовании мы будем говорить об отходах I-III классов. В целом, безусловно, можно отметить, что различие классификаторов отходов в странах ЕАЭС существенно осложняет регулирование их обращением.

В ЕАЭС наиболее высокий относительный уровень образования опасных отходов в Казахстане и Кыргызстане: первый имеет максимальную величину возникающих опасных отходов на душу населения [4], второй – наибольший объём опасных отходов на единицу ВВП (см. табл. 1). В то же время, подчеркнём, что с 2017 по 2021 г. именно в Казахстане и Кыргызстане произошло снижение уровня образования опасных отходов как в абсолютной величине, так и относительно численности населения (рассчитано на основании [4]) и ВВП (табл. 8.4). В трёх остальных странах объём отходов вырос (рассчитано на основании [4]).

Наиболее высокий уровень использования опасных отходов в Беларуси и Армении, чуть ниже – в России (см. табл. 8.4), хотя данные по Российской Федерации показывают, что рециклинг опасных отходов составляет малую долю их утилизации: в 2021 году – 12,83%, в 2022 – 9,82% (рассчитано на основании

[6]). В разы меньше используется отходов в Казахстане, практически нет утилизации в Кыргызстане – и это те страны, в которых, как отмечалось выше, сейчас самый большой объём возникающих опасных отходов. При этом данные государства отличает и наличие не роста, а сокращения доли используемых отходов (также за 2019–2021 гг. сократился относительный уровень утилизации опасных отходов в России). В то же время, Кыргызстан является единственной страной ЕАЭС, где более половины отходов исследуемой категории обезвреживается (см. табл. 1) (преобладает сжигание отходов [7]). Не получило распространение обезвреживание в Беларуси и Казахстане (см. табл. 8.4). В целом, в Казахстане отсутствует эффективная система управления опасными отходами.

Таблица 8.4

Обращение с опасными отходами в странах ЕАЭС

Год	Армения	Беларусь ¹	Казахстан	Кыргызстан ²	Россия
Образование на единицу ВВП, кг на тысячу международных долларов					
2017	0,06	9,61	282,90	402,97	4,55
2021	0,12	10,96	84,84	350,41	6,20
Доля использованных, процент					
2017 ³	67,90	62,83	150,37 ⁴	0,27	73,94
2021	72,81	73,72	11,70	0,15	66,11
Доля обезвреженных, процент					
2017 ³	27,16	3,01	0,23	39,80	15,37
2021	24,27	0,92	0,93	56,56	17,80

¹ – только отходы производства.

² – в отношении использования и обезвреживания включая переданные отходы другим предприятиям.

³ – по России 2019 год.

⁴ – использование и ранее образовавшихся отходов.

Источник: рассчитано автором на основании [4; 5].

В странах ЕАЭС обращение с опасными отходами регулируется международными и национальными институтами. Говоря о первых, международных, можно отметить, что все члены ЕАЭС являются сторонами Базельской конвенции 1989 года о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, Стокгольмской конвенции 2001 года о прекращении (ограничении) производства и использования стойких органических загрязнителей, Роттердамской конвенции 1998 года о предоставлении экспортерами в страны-импортёры сведений о наличии опасных химических веществ, пестицидов и возможности импортёров отказа от ввоза продукции, содержащей их (в отношении последней исключение – Беларусь: находится в стадии присоединения [8]).

Для таможенной территории ЕАЭС установлен перечень опасных отходов, ввоз которых запрещён, для ряда других отходов действует разрешительный порядок: юридические лица и индивидуальные предприниматели должны получить лицензию или заключение (разрешительный документ) в уполномоченном органе члена ЕАЭС; вид документа зависит от целей и условий использования отходов. При этом ввоз отходов для их обезвреживания и захоронения, а также трансграничное перемещение их гражданами для личного пользования запрещён [9, приложение 7].

В то же время, на практике установленные нормы иногда нарушаются, и отходы ввозятся без необходимых разрешительных документов (например, при импорте изношенных шин заявляется, что они будут применены по прямому назначению, соответственно, их нельзя считать отходами) [10]. Также стоит отметить, что существует расхождение отдельных норм ЕАЭС и входящих в него государств. Например, на таможенной территории ЕАЭС действует разрешительный порядок ввоза отходов и обрезков резины (относятся к коду 4004 00 000 0 по ТН ВЭД ЕАЭС) [9, раздел 2.3], а в Россию их ввоз запрещён [11, приложение 2].

Кроме того, в ЕАЭС действует Технический регламент «Об ограничении применения опасных веществ в изделиях электротехники и радиоэлектроники» (ТР ЕАЭС 037/2016); принят, однако пока не вступил в силу Технический регламент «О безопасности химической продукции» (ТР ЕАЭС 041/2017), предусматривающий, в частности, обязательства по замене опасных химических веществ на те, что имеют более низкий класс опасности, требования к маркировке, в том числе предупредительной, и паспорту безопасности продукции.

На национальном уровне политика, проводимая в сфере обращения с отходами, в странах ЕАЭС существенно различается (табл. 8.5). В первую очередь, стоит говорить о времени начала «мусорных» реформ, приоритетности соответствующих проблем для органов власти и используемых инструментах регулирования. При этом интересно, что отличия по указанным критериям в некоторых случаях по-разному проявляются в отношении отходов различного класса опасности. Так, например, в Ереване, столице Армении, мэрия по запросу уже направляла машину для вывоза практически неопасных отходов (макулатуры, пластика и стекла) и лишь планировала организовать сбор батареек и аккумуляторов. В российских городах первоочерёдное внимание было уделено приёму опасных отходов. Существует определённая дифференциация подходов по классу опасности отходов и внутри страны. Так, в России установление административных запретов в отношении опасных отходов предшествовало аналогичным по неопасным, при этом вначале были введены институты контроля за твердыми коммунальными отходами, затем – I и II класса опасности.

Таблица 8.5

Характеристики сферы обращения с отходами по странам ЕАЭС

Страна	Внимание органов власти	Инструменты регулирования	Особенности теневого бизнеса
Армения	Формирующееся; доминирующая роль волонтеров, международных программ, проектов и организаций	Недостаточность и непроработанность регулирующих институтов при текущем доминировании административных запретов	Связан с отсутствием отлаженной системы отдельного сбора, низким уровнем жизни граждан и их возможностью заработать, сортируя отходы на полигонах
Беларусь	Очень высокое	Сочетание административных запретов и значительного рыночного стимулирования	Существует в связи со спросом на отходы для их рентабельной, но неэкологичной утилизации
Казахстан	Высокое	Доминируют административные ограничения, однако зачастую им не хватает комплексного подхода	В первую очередь, нелегальные трансграничное перемещение отходов и захоронение вторичного сырья
Кыргызстан	Среднее; проведение мероприятий во многом зависит от средств международных финансовых организаций	Недостаточность и непроработанность регулирующих институтов при текущем доминировании административных запретов; рыночное стимулирование отсутствует	Значительная доля вследствие бюрократических сложностей и значительных расходов при легальной деятельности; наблюдается выбор вторичного сырья из контейнеров
Россия	Высокое	Сочетание административных запретов и рыночного стимулирования; организационно-распорядительная «монополизация» рынка	Ранее значительная доля, была существенно снижена в ходе проведения «мусорной» реформы

Источник: составлено автором по действующим законам и данным официальных интернет-порталов органов власти стран ЕАЭС, сведениям Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и информационно-аналитического издания «Ритм Евразии».

Стоит также отметить, что проводимая политика в сфере обращения с отходами не всегда являлась продуманной и эффективной. В частности, с 1 января 2022 г. в Армении был введен запрет на использование полиэтиленовых пакетов толщиной до 50 микрон (в России, например, где экологическая культура и инфраструктура более развиты, подобная норма пока отсутствует). И новый закон

стал своеобразной институциональной ловушкой: граждане продолжили выкидывать мусор в более толстых, хоть и более дорогих пакетах. При этом очевидно, что при большей толщине пакета для его производства требуется и больше материала.

В Казахстане введение запрещающих норм на захоронение отдельных видов отходов не подкреплялось комплексной политикой по их реализации. Правовые нормы не были согласованы: компании, осуществляющие вывоз отходов, получили дополнительные обязательства, но граждан и юридических лиц не обязали осуществлять раздельный сбор отходов. Из-за неразвитости инфраструктуры [12] и слабых экономических стимулов, в том числе существующей структуры тарифов (доля переработки ниже развитых стран в 3 раза, захоронения – выше в 2 раза, сбора – более, чем в 1,5 раза – рассчитано на основании [13]), мусоросортировочные комплексы вынуждены работать со смешанными и с прессованными отходами, а сам запрет на захоронение нередко нарушается.

В качестве одной из стимулирующих мер можно рассматривать концепцию расширенной ответственности производителей, поскольку она направлена не только на нивелирование экологического ущерба окружающей среде, но и способствуют сокращению уровня образующихся отходов для экономии собственных средств.

В Беларуси существующая концепция предполагает необходимость производителей и импортёров товаров и упаковки либо самостоятельно осуществлять сбор образующихся от их использования отходов, либо заплатить установленный сбор ГУ «Оператор вторичных материальных ресурсов», созданному для организации раздельного сбора и переработки вторичного сырья. В Казахстане производители должны утилизировать отходы от продукции или заключить договор и перечислить утилизационный платёж оператору расширенных обязательств, в качестве которого сегодня выступает АО «Жасыл Даму». В свою очередь, оператор расширенных обязательств заключает договора с компаниями, собирающими и перерабатывающими отходы. В России администрирование утилизационного сбора (для транспорта) и экологического (товары и упаковка), уплачиваемого в отсутствие самостоятельной утилизации отходов, осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор). При этом в начале 2019 года в Российской Федерации была создана ППК «Российский экологический оператор», функциями которой стали обеспечение соблюдения законодательных норм в сфере обращения с отходами, в том числе контроль за устанавливаемыми тарифами, привлечение инвестиций, координационная, информационная и техническая поддержка реализуемых проектов. В частности, через данную организацию будет финансироваться строительство инфраструктуры за счёт бюджетных средств. При этом Российский экологический оператор может получать финансовые ресурсы и за счёт эмиссии облигаций.

Таким образом, можно отметить, что в Беларуси, Казахстане и России специально образованы крупные игроки рынка отходов, которые контролируют

и координируют переработку вторичных ресурсов, при этом отличием Российской Федерации являются двухступенчатая система формирования финансовой базы данного координатора, а также создание региональных «монополистов» по сбору твёрдых коммунальных отходов и «монополиста» в секторе опасных отходов – ФГУП «Федеральный экологический оператор».

В Кыргызстане введение расширенной ответственности производителей предусмотрено Планом мероприятий кабинета министров по реализации Национальной программы развития Кыргызской Республики до 2026 года, утверждённым в декабре 2021 года; в Армении – Соглашением о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Европейским Союзом и Арменией, вступившим в силу 1 марта 2021 г.

Используемые механизмы реализации расширенной ответственности производителей приводят к ряду положительных изменений, однако не свободны от серьёзных недостатков. В частности, в Казахстане деятельность оператора расширенных обязательств, с одной стороны, позволила увеличить сбор и переработку некоторых видов отходов, появились новые перерабатывающие предприятия (например, вышесказанное справедливо в отношении автомобильных шин).

При этом необходимость аккумуляции и распределения средств для развития сферы обращения с отходами через уполномоченный институт увеличивает трансакционные издержки отрасли. В ряде случаев растёт и коррупция, а прозрачность не повышается. Так, крупнейшая казахстанская компания по переработке шин и резиносодержащих отходов, ТОО «ЭкоШина», заявляла, что под угрозой штрафа её обязали вывозить шины с Восточного Казахстана – для компании это не являлось рентабельным. В целом, отметим, что в Казахстане изначально оператором расширенных обязательств выступало ТОО «Оператор РОП», созданное в конце 2015 года постановлением Правительства Республики Казахстан, а в начале 2022 года его полномочия были прекращены, в отношении генерального директора начато расследование по факту крупного хищения. При этом в качестве общественных экономических потерь можно рассматривать не только нецелевое расходование средств, но и дезорганизацию рынка на момент инициации расследования в связи с приостановкой работы приложения EcoQoldau для получения компенсаторных выплат участников рынка; сейчас ведётся работа по установлению новых правил субсидирования, в отсутствие которых выплаты не производятся. И некоторые компании прекратили приём вторичного сырья, сократили своих сотрудников. В то же время, новый оператор, АО «Жасыл Даму», является не частной, а государственной компанией, что повышает контроль над его деятельностью.

Для большей эффективности концепции расширенной ответственности производителей возможна передача функции сбора экологических (утилизационных) платежей некоммерческим организациям (бизнес-ассоциациям и союзам) по отдельным направлениям деятельности, что, в частности, наблюдается в развитых странах. В то же время указанная схема представляется более предпо-

читательной лишь при решении инфраструктурных и социо-культурных проблем утилизации отходов.

Также ряд отходов необходимо освободить от экологических сборов и централизованного администрирования. Например, 1 июня 2021 г. в Казахстане был ведён утилизационный сбор для кабеля, однако его переработка рентабельна, не утилизируемый кабель отсутствовал, и появление сбора лишь повысило цену на продукцию. В России установление федерального оператора по обращению с отходами I-II классов опасности с 1 марта 2022 г. существенно снизило собираемость и, соответственно, переработку отработанных свинцово-кислотных аккумуляторов. Это, а также новые санкционные ограничения в 2022 году привели к существенной нехватке свинца, и для его экспорта за пределы таможенной территории ЕАЭС был определен особый разрешительный порядок.

В целом, обзор законодательства и используемых практик в сфере обращения с отходами показывает, что в Беларуси многие из них можно признать наиболее эффективными. В то же время, нельзя говорить об абсолютном превосходстве во всех аспектах. Так, например, в Беларуси, как и в Армении, нерегламентирована ликвидация прошлого вреда окружающей среде [14]. В Кыргызстане установлена лишь обязанность государства при приватизации объектов нивелировать экологический ущерб, возникший до 1992 года, в иных случаях это должен сделать владелец объекта [15, статья 54]. В России выявление накопленного вреда окружающей среды является диспозитивной нормой: его вправе осуществлять региональные и муниципальные органы власти [16, статья 80.1], в Казахстане – это императивная норма: подобная обязанность закреплена за местными исполнительными органами районов и городов [17, статья 143]. Подчеркнём, что подход, принятый в Кыргызстане, во многом соответствует используемому в иных странах [14]. В то же время, с учётом важности ликвидации накопленного вреда, императивность выявления и нивелирования ущерба, предусмотренная в Казахстане, выглядит наиболее предпочтительной.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время большинство стран ЕАЭС имеет недостаточно проработанную законодательную базу в области обращения с отходами, в том числе опасными, неразвитую инфраструктуру их сбора и переработки. При этом низкая экологическая культура граждан существенно осложняет проведение «мусорных» реформ.

Наилучшие текущие показатели по использованию и обезвреживанию опасных отходов характерны для Армении, Беларуси и России, однако во всех этих странах наблюдается рост уровня их возникновения, а доля рециклинга небольшая. При этом интересно, что в Армении крайне неэффективное управление неопасными отходами, а Беларусь и Россия характеризуются наибольшим вниманием к проблемам отходов со стороны органов власти и наиболее проработанной экологической политикой, предполагающей использование административных запретов в сочетании со стимулирующими инструментами. Сниже-

ние объёма образования отходов наблюдается в Казахстане и Кыргызстане, но в данных странах не развито использование отходов. Во многом, это можно объяснить недостаточностью экономических стимулов: без них вводимые административные ограничения порождают дополнительные транзакционные издержки. Также немаловажную роль играет и оторванность самих запретов от реальности (например, в Кыргызстане было введено обязательство по утилизации определённой категории опасных отходов – медицинских – без наличия мощностей для этого). В целом, в государствах ЕАЭС недостаточное регулирование обращения с опасными отходами или же введение запретов без стимулов для сборщиков и переработчиков сырья приводит к росту теневого рынка.

При этом для этих стран характерна общая тенденция по созданию крупных игроков рынка («монополизации» определённой деятельности), и наибольшее число видов транзакций, которые затронуты данным процессом, в России. Это повышает управляемость опасными отходами, но лишь для экономически нерентабельных, и также происходит легальный и нелегальный рост транзакционных издержек (последний, в первую очередь, из-за оппортунизма и коррупции). Отметим, что оппортунистическое поведение в большей степени характерно для организаций с частным, а не государственным капиталом, однако при развитых экологических культуре и инфраструктуре эффективна деятельность и бизнес-ассоциаций (союзов).

Таким образом, на примере стран ЕАЭС показано, что для построения эффективного обращения с опасными отходами требуется сочетание механизмов рыночной и плановой экономики: это позволит оптимизировать транзакционные издержки, избежать неуправляемого мусора и роста теневого сектора, особенно с учётом многообразия и разнородности отходов, в частности, по рентабельности утилизации. При этом, принимая во внимание высокую важность контроля за возникновением и утилизацией опасных отходов, ключевой особенностью при выборе между механизмами рынка и плана является необходимость обязательной ориентации не только на текущие показатели в отношении конкретного вида отходов, но и на их устойчивость при изменении среды. Очевидно, что плановая экономика, хотя и финансово менее эффективна для высокодоходных отходов, обеспечивает контроль за их обращением и, соответственно, в большей степени соответствует требованиям экологической безопасности.

В качестве наиболее перспективных направлений улучшения обращения с опасными отходами на территории ЕАЭС стоит выделить унификацию используемых классификаторов отходов как для последующего согласования ряда противоречащих норм, так и для организации совместной переработки некоторых из видов отходов, что целесообразно, например, с учётом имеющегося опыта госкорпорации «Росатом». И нельзя не подчеркнуть, что интенсивность экономических связей на таможенной территории ЕАЭС требует координации применяемых опасных веществ для наличия возможности у одних стран собирать и перерабатывать отходы от продукции других. Также стоит уделить внимание совершенствованию нормативно-правовой базы (в частности, введению, по

аналогии с Казахстаном, императивных норм по ликвидации накопленного вреда; установлению дополнительных стимулов для развития инфраструктуры сбора и переработки отходов, в том числе и на уровне ЕАЭС – сейчас они практически отсутствуют). Не последнюю роль будут играть и мероприятия по повышению экологической культуры граждан.

Исследование выполнено в рамках государственного задания КарНЦ РАН «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Литература

1. Влияние характеристик реального сектора на формирование противоположных типов хозяйственных систем / под ред. Д.Ю. Миропольского. – СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2022. – 353 с.
2. Миропольский Д.Ю. Очерки теории продукта: потенциальные формы капитала и плана эпохи до разделения труда. – СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2015. – 278 с.
3. Каргинова В.В. Преодоление конфликтов интересов экономических субъектов: роль трансакционных издержек: дис. ... канд. экон. наук 08.00.01 / В.В. Каргинова. – Петрозаводск, 2014. – 197 с.
4. Окружающая среда. Статистика Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2022. – 58 с. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.eurasian-commission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Environment_statistics.pdf (дата обращения 02.06.2023).
5. World Development Indicators / DataBank [Electronic resource]. // URL: <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (date of access 02.06.2023).
6. Информация об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления / Росприроднадзор [Электронный ресурс]. // URL: <https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/> (дата обращения 02.06.2023).
7. Treatment of hazardous waste / Our World in Data [Electronic resource]. // URL: <https://ourworldindata.org/grapher/treatment-of-hazardous-waste?tab=table> (date of access 02.06.2023).
8. Цель 12: Ответственное потребление и производство / Портал данных – Европейская экономическая комиссия ООН [Электронный ресурс]. // URL: https://w3.unecsc.org/PXWeb/2015/pxweb/en/STAT/STAT__92-SDG__01-sdgover/012_ru_sdGoal12_r.px/ (дата обращения 02.06.2023).
9. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. №30 «О мерах нетарифного регулирования».
10. Воротынцева Т.М. Проблемы таможенного контроля за перемещением опасных отходов через таможенную границу Евразийского экономического союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 29. № 3. – С. 537-553. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-537-553>.
11. Правила трансграничного перемещения отходов, утверждённые Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2003 г. №442.
12. Кадырханова Ж.М. Экологические последствия в результате экономического развития восточного Казахстана // Global Challenges – Scientific Solutions. – Varna: Eurasian Center of Innovative Development «DARA», 2020. – pp. 312-318.
13. Иванилова А. Казахстан задыхается в миллиардах тонн отходов / Московский Комсомолец в Казахстане [Электронный ресурс]. // URL: <https://mk-kz.kz/social/2019/06/05/kazakhstan-zadykhaetsya-v-milliardakh-tonn-otkhodov.html> (дата обращения 02.06.2023).

14. Навасардова Э.С., Захарин А.Н. Правовая регламентация обращения с отходами в странах Евразийского экономического союза // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 3. – С. 106-112. DOI: <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2021.3.14>.
15. Закон Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. №53 «Об охране окружающей среды», принятый Законодательным собранием ЖогоркуКенеша Кыргызской Республики 13 мая 1999 г.
16. Федеральный закон от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», принятый Государственной Думой 20 декабря 2001 г.
17. Кодекс Республики Казахстан №400-VI «Экологический кодекс Республики Казахстан», принятый Парламентом Республики Казахстан 2 января 2021 г.

8.6. О роли ESG принципов в развитии российской экономики

В условиях Евразийской интеграции, когда страны совместно решают вопросы экономического развития, экологические проблемы становятся все более актуальными. Это выражается в том, что компании, которые не уделяют должного внимания экологическим вопросам, могут стать объектом критики со стороны государств и общества. В связи с этим, важно, чтобы компании, работающие в рамках Евразийской интеграции, соблюдали высокие стандарты экологической ответственности. ESG принципы (Environmental, Social, and Governance) возникли в ответ на растущую общественную и инвестиционную озабоченность по вопросам устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса. Первые упоминания о концепции ESG появились в 2004 г. в докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Корпоративная социальная ответственность: ключевые принципы и рекомендации». В этом докладе было предложено рассматривать корпоративную социальную ответственность (КСО) как комплексный подход, включающий в себя не только экономические аспекты, но и социальные и экологические. В следующие годы концепция ESG стала все более популярной среди инвесторов, которые начали активно использовать ее для оценки инвестиционного потенциала компаний. В 2006 г. принципы ESG были включены в стандарты Global Reporting Initiative (GRI), который стал одним из наиболее распространенных инструментов для отчетности компаний о своей социальной ответственности.

В 2015 г. ООН приняла 17 Целей устойчивого развития, которые стали новым этапом в развитии концепции ESG. Цели устойчивого развития включают в себя такие аспекты, как борьба с бедностью, защита окружающей среды и обеспечение устойчивого экономического роста. Сегодня принципы ESG стали неотъемлемой частью инвестиционного процесса и используются многими инвесторами для оценки рисков и возможностей компаний. Кроме того, все больше компаний начинают интегрировать ESG-факторы в свою стратегию и бизнес-процессы, чтобы улучшить свою репутацию и обеспечить устойчивый рост.

Актуальность ESG принципов в российской экономике связана с несколькими факторами. Во-первых, устойчивость бизнеса, так как компании, которые уделяют внимание ESG принципам, могут лучше управлять рисками и быть бо-

лее устойчивыми в долгосрочной перспективе. Во-вторых, потребительский спрос, ведь потребители становятся все более осознанными и предпочитают покупать товары и услуги от компаний, которые следуют ESG принципам. Немаловажным фактором является государственное регулирование, так как правительства всего мира вводят законы и нормативы, которые требуют от компаний соблюдения ESG принципов. Следующий немаловажный фактор – инвестирование, в процессе которого инвесторы все больше ориентируются на ESG принципы при выборе компаний для инвестирования. Наконец, социальная ответственность, в соответствии с которой компании должны не только создавать прибыль, но и быть социально ответственными и заботиться о окружающей среде и обществе. Все эти факторы делают ESG принципы необходимыми и актуальными для современных компаний, которые хотят быть успешными в долгосрочной перспективе.

Следует отметить, что ESG принципы были разработаны в результате растущей общественной и инвестиционной озабоченности по вопросам устойчивого развития и социальной ответственности бизнеса. Они не были созданы одним конкретным человеком или организацией, а развивались в течение многих лет благодаря усилиям различных стейкхолдеров, включая инвесторов, правительства, неправительственные организации и бизнес-сообщество. Отметим, что ESG принципы в России начали внедряться в основном благодаря усилиям инвесторов и некоторых правительственных организаций. Например, в 2014 г. Российская Федерация присоединилась к Принципам ответственного инвестирования ООН (PRI), которые включают в себя ESG-критерии. Также некоторые российские компании начали активно внедрять ESG-подходы в свою деятельность, осознавая их важность для устойчивого развития и привлечения инвестиций. По мнению Захматова Д.Ю. «...В России не только обсуждаются, но выполняются практические шаги по направлению к ESG-трансформации. На повестке дня стоят проблемы с окружающей средой, изменением климата, социального и экономического неравенства. Отечественные инициативы призваны сфокусироваться на актуальных для нашей страны вопросах – это стратегическое планирование, инвестиционные вопросы и развитие российских регионов в контексте ESG-вызовов» [9].

Что касается нормативно-правового оформления, то на данный момент в законодательстве России нет прямых ссылок на ESG-принципы. Исследователи отмечают, что «За последние несколько лет в российском правовом пространстве появились нормативно-правовые акты, которые непосредственно характеризуют адаптацию «зеленых» проектов в отечественном реальном секторе» [11].

Однако некоторые законы и нормативные акты содержат элементы, которые могут быть интерпретированы как соответствующие ESG-критериям. Например, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» устанавливает требования к охране природы и рациональному использованию природных ресурсов. Стратегия низкоуглеродного развития была утверждена в России в

2020 году и предусматривает снижение выбросов парниковых газов на 30% к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года. Она также включает в себя меры по развитию возобновляемой энергетики, повышению энергоэффективности, развитию транспортной инфраструктуры и другие меры [13]. Федеральный закон от 02.07.2021 г. №296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» устанавливает механизмы регулирования выбросов парниковых газов в России. Закон предусматривает обязательства для предприятий и организаций по снижению выбросов парниковых газов, а также установление системы торговли квотами на выбросы парниковых газов. В рамках этой системы предприятия, которые снижают свои выбросы ниже установленных лимитов, могут продавать свои квоты на выбросы другим предприятиям, которые не могут снизить свои выбросы до установленных лимитов. Кроме того, закон устанавливает механизмы мониторинга и контроля за выбросами парниковых газов в России [15]. Таким образом, «...последние изменения федерального экологического законодательства РФ, связанные с «декарбонизацией», снижением «углеродного следа» и достижением «углеродной нейтральности» к 2060 г., в ближайшем будущем в той или иной степени затронут практически все хозяйствующие субъекты, не только непосредственно или косвенно связанные с добычей, переработкой, использованием, транспортировкой и транзитом углеводородного сырья или иных энергоресурсов, но частично и предприятия малого и среднего бизнеса...» [2].

Несмотря на то, что в России действуют нормативные акты, регулирующие социальную ответственность бизнеса, в том числе в сфере трудовых отношений и защиты прав потребителей, необходимо отметить потребность для российской экономики в создании регуляторных нормативов. Государство для стимулирования внедрения компаниями ESG принципов должны создавать законы и нормативы, которые требуют от компаний их соблюдения. Это может стимулировать компании внедрять эти принципы, чтобы избежать штрафов и других негативных последствий. Как отмечают Тлакадугова А.А., Гребеник В.В. «...на данном этапе существует множество факторов, оказывающих позитивное влияние на развитие такого нового инструмента для нашей экономики, как ESG. При этом в рамках каждого государства, в силу его исторических особенностей, менталитета и других специфических факторов развития, рычаги влияния различаются» [14].

Высшие учебные заведения могут внедрять учебные курсы, направленные на обучение студентов ESG принципам и практикам, чтобы они могли стать будущими лидерами в этой области. Это может помочь создать кадровую базу для компаний, которые хотят внедрить ESG практики. Помимо этого образовательные учреждения могут проводить исследования и разработки в области ESG, чтобы создавать новые знания и решения для компаний. Это может помочь компаниям стать более инновационными и устойчивыми. Также высшие учебные заведения могут сотрудничать с компаниями, чтобы помочь им внедрить ESG практики. Это может включать консультации, тренинги и другие формы под-

держки. Следует отметить, что вузы в России все больше обращают внимание на ESG-принципы и интегрируют их в свои учебные программы. Также в России существуют некоммерческие организации, занимающиеся продвижением ESG-принципов, которые проводят обучающие программы для бизнеса и учебных заведений.

Несмотря на то, что ESG-принципы схожи с корпоративной социальной ответственностью, эти понятия имеют как схожие, так и отличные черты. ESG-принципы – это комплексный подход к оценке и управлению рисками, связанными с экологической, социальной и управленческой деятельностью компании. Корпоративная социальная ответственность – это обязательства, которые компания берет на себя перед своими заинтересованными сторонами (акционерами, клиентами, сотрудниками, обществом в целом) в отношении экологической и социальной ответственности. ESG-принципы и КСО тесно связаны между собой, поскольку интеграция ESG-факторов в бизнес-стратегию компании может улучшить ее социальную и экологическую производительность, а также повысить ее репутацию и финансовую устойчивость. Компании, которые принимают на себя социальную ответственность, также обычно учитывают ESG-факторы при принятии решений, чтобы минимизировать свои негативные воздействия на окружающую среду и общество.

Схожесть заключается в том, что ESG принципы включают в себя экологические, социальные и управленческие факторы, которые влияют на деятельность компании и ее взаимодействие с окружающей средой и обществом. Корпоративная социальная ответственность также включает в себя социальные и экологические аспекты, но она более узко фокусируется на ответственности компании перед обществом и ее вкладе в благотворительность и социальную поддержку. ESG принципы шире и более комплексны, они охватывают не только социальную ответственность, но и экологическую и управленческую составляющие.

Анализ внедрения ESG-принципов в условиях Евразийской интеграции позволил выделить несколько групп проблем. Одной из основных проблем внедрения ESG-принципов в условиях Евразийской интеграции является несоответствие законодательства разных стран: каждая страна имеет свои правила и требования в области экологии, социальной ответственности и управления. Это может привести к тому, что компании, работающие в разных странах, сталкиваются с противоречивыми требованиями и не могут соблюдать все ESG-принципы одновременно.

В качестве следующей проблемы можно указать недостаток информации и прозрачности: компании часто не раскрывают достаточно информации о своей деятельности в области экологии, социальной ответственности и управления. Это затрудняет оценку соответствия компаний ESG-принципам и принятие решений о сотрудничестве с ними.

Третьей проблемой внедрения ESG-принципов в условиях Евразийской интеграции является недостаток мотивации: некоторые компании не видят пря-

мой выгоды от соблюдения ESG-принципов и не готовы тратить ресурсы на их внедрение. Это может привести к тому, что компании будут продолжать свою деятельность, не соблюдая требования ESG-принципов, что негативно скажется на экологии, социальной сфере и управлении.

Четвертой проблемой внедрения ESG-принципов в условиях Евразийской интеграции является недостаток стандартов и сертификации. В настоящее время существует множество различных стандартов и сертификаций, которые оценивают соответствие компаний ESG-принципам. Однако, отсутствие единого стандарта и сертификации затрудняет оценку соответствия компаний ESG-принципам и сравнение их деятельности.

Что касается российской экономики, то внедрение ESG-принципов имеет важное значение для развития устойчивой экономики, однако также существует ряд проблем, которые затрудняют их реализацию в российском контексте. Данные проблемы можно проанализировать в зависимости от их глубины следующим образом.

Во-первых, одной из главных проблем является недостаток информации и прозрачности: для успешного применения ESG-принципов необходимо иметь доступ к достоверным и своевременным данным о деятельности компаний в отношении окружающей среды, социальных вопросов и корпоративного управления. Можно констатировать, что в России существуют определенные трудности в получении такой информации, а также недостаток стандартов и методологий оценки ESG-показателей, что ограничивает возможности оценки и сравнения потенциальных инвестиций.

Во-вторых, российская экономика характеризуется определенными особенностями институциональной и правовой среды, например, неполное соблюдение законодательства и низкий уровень государственного регулирования могут осложнить процесс внедрения ESG-практик. Необходимо разработать и внедрить эффективные механизмы контроля и стимулирования соблюдения ESG-стандартов, а также совершенствовать законодательство в этой области.

Третья проблема связана с отсутствием осознания и понимания ESG-принципов со стороны компаний и инвесторов. Внедрение новых подходов требует обучения и информирования всех заинтересованных сторон относительно значимости и выгоды принятия ESG-практик. В России необходимо проводить активную работу по повышению осведомленности о значимости устойчивости деятельности компаний и развитию инвестиций, учитывающих ESG-факторы.

Во всем мире трендом становится инвестирование на основе ESG-принципов. ESG-критерии позволяют инвесторам учитывать факторы окружающей среды, социальной ответственности и управления при принятии решений о финансировании и инвестировании. В свете растущего интереса к устойчивости и социальной ответственности бизнеса, ESG-инвестирование представляет собой важный инструмент для создания устойчивой экономики. В российской экономике ESG-инвестирование также становится все более актуальным. Хотя

на протяжении долгого времени вопросы экологии и корпоративной социальной ответственности не получали должного внимания у государства и бизнеса, сейчас происходит изменение этой ситуации. Компании, осознавая важность ESG норм, начинают внедрять соответствующие практики и стремиться к лучшим результатам в области устойчивости и социально ответственного бизнеса.

Следует отметить, что одной из проблем, с которой сталкиваются российские инвесторы и компании, является недоступность достоверной информации по ESG-критериям. В отсутствие стандартизированных отчетов и методологий оценки, сложно проводить сравнение и анализ разных компаний в контексте ESG. Это ограничивает возможности инвестиций на основе ESG-принципов и усложняет оценку рисков и потенциала компаний.

Российское законодательство также играет важную роль в развитии ESG-инвестирования. Наличие эффективных норм и законов, регулирующих область устойчивости и социальной ответственности, способствует созданию благоприятной среды для развития ESG-инвестиций. В последние годы Россия внедрила некоторые законодательные меры и регулятивные требования, стимулирующие компании соблюдать ESG-нормативы. Однако необходимо совершенствовать законодательство, чтобы создать более прозрачную и стабильную среду для ESG-инвестиций.

Важно отметить, что российский бизнес в целом проявляет растущий интерес к ESG-инвестированию. Он осознает, что устойчивость и социальная ответственность являются ключевыми факторами для привлечения инвестиций, повышения конкурентоспособности и снижения рисков. Многие компании пересматривают свою стратегию и бизнес-модели, чтобы внедрить практики, соответствующие ESG-принципам, а также активно докладывают о своих ESG-достижениях и результатах, что дает инвесторам больше информации о их деятельности.

Будущее ESG-инвестирования в российской экономике связано с дальнейшим развитием правовой и институциональной среды, стандартизацией отчетности и повышением доступности информации для инвесторов. Кроме того, необходимо продолжать обучение и информирование всех заинтересованных сторон о пользе и важности ESG-инвестиций. Это гарантирует, что процессы устойчивого развития и социальной ответственности компаний в российской экономике будут продолжаться и укрепляться со временем. Для решения вышеуказанных проблем необходимо осуществлять совместные усилия государства, бизнеса и общественности.

Таким образом, ESG принципы играют важную роль в развитии экономики страны, они позволяют не только достигать экономических целей, но и обеспечивать устойчивое развитие, учитывая интересы всех заинтересованных сторон. ESG-принципы являются важным инструментом корпоративной ответственности в условиях Евразийской интеграции. Компании, работающие в рамках Евразийской интеграции, должны соблюдать высокие стандарты экологиче-

ской, социальной и управленческой ответственности, чтобы успешно работать в новых рыночных условиях и получать выгоды от сотрудничества между странами. Применение ESG принципов может стать ключевым фактором в повышении конкурентоспособности и укреплении позиций на мировом рынке.

Литература

1. Абрамов Н.М., Рудакова О.Ю. Вектор устойчивого развития Евразийского экономического союза: ретроспектива и перспектива // Экономика. Профессия. Бизнес. 2023. № 1. С. 5-13.
2. Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 5 (93). – С. 46-58
3. Акматова Б.Н., Осмонбаева З.Ж. Социально-экономические аспекты зеленой экономики для устойчивого развития в странах Евразийского экономического союза // Вестник Исык-Кульского университета. – 2022. – № 51. – С. 171-178.
4. Батаева Б.С., Лю С. Корпоративная прозрачность и ESG-отчетность китайских публичных акционерных компаний // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 7 (250). – С. 7-18.
5. Беляева И.Ю., Данилова О.В. Трансформация корпоративной собственности в процессе развития корпоративных отношений в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 3 (59). – С. 7-22.
6. Гиржова А.Е., Пищалина Н.И., Чернышова К.С. Достижение целей устойчивого развития в рамках Евразийского экономического союза // Ученые записки Тамбовского отделения РАСМУ. 2022. № 27. С. 10-19.
7. Доцатов А.А. Перспективы реализации повестки в области устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе // Научные записки молодых исследователей. – 2023. – Т. 11. № 1. – С. 5-12.
8. Загорев О.Т. Устойчивое развитие как цивилизация разума и евразийский проект // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 3 (34). С. 5-11.
9. Захматов Д.Ю. Международные практики поддержки ESG принципов устойчивого развития // Инновационное развитие экономики. – 2022. – № 3-4 (69-70). – С. 108-120.
10. Капранова Л.Д., Полищук О.А. ESG повестка в России: актуальность и перспективы развития // Самоуправление. – 2023. – № 1 (134). – С. 64-68.
11. Рязанцева О.П. ESG-принципы при реализации зеленых проектов в национальной экономике // Наука в жизни человека. – 2022. – № 2. – С. 25-37.
12. Сопилко Н.Ю., Кубасова Е.И., Мясникова О.Ю. Развитие интеграции Евразийского экономического союза для достижения целей устойчивого развития в контексте роста качества жизни населения // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – № 1. – С. 115-125.
13. Стратегия низкоуглеродного развития и позиция России к 26 сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго // Министерство экономического развития Российской Федерации.
14. Тлакадугова А. А. Анализ основных драйверов интеграции ESG-принципов в систему корпоративного управления Российской Федерации // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. № 4.
15. Федеральный закон от 02.07.2021 г. №296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» с пакетом подзаконных актов // СПС КонсультантПлюс.
16. Юдина Т.Н. Евразийская интеграция: новые источники устойчивого развития // Социальная политика и социология. – 2022. – Т. 21. № 1 (142). – С. 6.

8.7. Экологическая эффективность или экологический неокOLONиализм? страны запада и государства – члены ЕАЭС

После распада Советского Союза усилилась сырьевая ориентация экономик бывших союзных республик, ныне стран – членов Евразийского экономического союза, понизился их уровень сложности и диверсификации. Следствием этого явилось повышение антропогенной нагрузки на окружающую среду, снижение экологической эффективности и устойчивости развития их экономик. Экологические проблемы стран Союза также усугубились кризисным состоянием их экономик и недофинансированием охраны окружающей среды. В Договоре «О Евразийском экономическом союзе» (2014 г.) нет специального раздела о международно-правовом регулировании экологического сотрудничества между странами-участницами. Экологические отношения между этими странами регулируются «Соглашением о взаимодействии в сфере экологии и охраны окружающей среды стран – членов СНГ» (2013 г.) и двусторонними договорами об охране окружающей среды между странами – членами Союза и зарубежными странами. Функционирует Межгосударственный экологический совет государств – участников СНГ. Между странами – членами ЕАЭС и зарубежными странами заключены двусторонние соглашения, но пока нет единого экологического законодательства, что также снижает экологическую эффективность в каждой из стран. Перед государствами Евразийского экономического союза стоит задача инновационной модернизации структуры их экономик, но при этом необходимо достижение баланса между экономическим развитием и сохранением окружающей среды [1]. Для этого необходимо в рамках Союза сформировать единое законодательство в природоохранной сфере.

Цель исследования – выявить существующую взаимосвязь между сложностью структуры экономик, инновационной активностью стран – членов ЕАЭС и уровнем их экологической эффективности.

Экономическая сложность и уровень инновационности экономик стран – членов ЕАЭС

Страны Евразийского экономического союза имеют сырьевые экспортно-ориентированные экономики, которые дают большую нагрузку на окружающую среду, характеризуются невысоким и постоянно понижающимся уровнем сложности экономической структуры, одним из показателей которой является индекс экономической сложности (Economic Complexity Index (ECI), рассчитываемый Гарвардской школой экономического роста с 1995 г. Индекс ECI рассчитывается на основании учета разнообразия и сложности экспортной корзины страны, которая базируется на самой конкурентоспособной продукции. Кроме того, данный индекс учитывает не только количество экспортируемой продукции страной, но и число стран, экспортирующих подобные товары.

В табл. 8.6 представлен рейтинг и абсолютные значения индекса экономической сложности стран ЕАЭС в сравнении со странами-лидерами индекса

ЕСІ: Японией, Швейцарией, Германией. Для сравнения также взяты страны, дающие наибольший выброс двуокси углерода (СО₂): Китай, США и Индия.

Таблица 8.6

Рейтинг стран – членов ЕАЭС и стран мира по индексу экономической сложности структуры экономики (Economic Complexity Index (ЕСІ) в 1995–2020 гг. [2]

Страны	1995 (129 стран)		2010 (133 страны)		2020 (133 страны)		Изменение места за 1995-2020
	Место	ЕСІ	Место	ЕСІ	Место	ЕСІ	
Страны – лидеры рейтинга ЕСІ							
Япония	1	2,76	1	2,44	1	2,27	-
Швейцария	4	2,27	2	2,14	2	2,14	+2
Германия	2	2,42	3	2,12	3	1,96	- 1
Страны с наибольшим объемом выбросов СО ₂							
Китай	46	0,32	24	1,05	17	1,30	+ 29
США	9	1,8	12	1,56	12	1,47	-3
Индия	60	0,01	54	0,16	46	0,42	+14
Страны – члены ЕАЭС							
Армения	67	- 0,18	65	- 0,02	77	- 0,24	-10
Беларусь	34	0,49	27	0,96	31	0,83	+3
Казахстан	58	0,05	112	- 0,90	81	- 0,33	- 23
Кыргызстан	42	0,36	79	- 0,38	54	0,16	-12
Россия	51	0,22	55	0,16	51	0,20	-

Как видно из табл. 8.6, с 1995 г. Япония, Швейцария и Германия имели достаточно высокие места по индексу экономической сложности (ЕСІ), а в 2020 г. они заняли в рейтинге первые три места. Что касается экономик стран, дающих наибольший выброс СО₂, то две из них повысили свои рейтинги по данному индексу: Китай – с 46-го по 17-е место (+29 позиций), Индия – с 60-го по 46-е место (+14 позиций), т.е. структуры их экономик стали более сложными, и они стали производить более сложную и дифференцированную продукцию. США опустились с 9-го до 12-е место в рейтинге, но имеют более высокий уровень сложности экономики, чем Китай и Индия. Что касается стран-членов ЕАЭС, то с 1995 по 2020 г. у Армении, Казахстана и Кыргызстана понизился рейтинг по индексу сложности экономики (ее дифференциации) на 10, 23 и 12 позиций соответственно; у Беларуси рейтинг по рассматриваемому индексу повысился на 3 позиции (с 34-го до 31-го места), у России остался на том же невысоком 51-м из 133 месте. В целом, в 2020 г. страны Союза имели достаточно низкие позиции в рейтинге индекса экономической сложности (за исключе-

нием Баларуси), что свидетельствует о невысокой дифференциации структуры их экономик. Низкая сложность структуры экономик стран-членов ЕАЭС ведет к повышенной нагрузке на окружающую среду, к ухудшению экологической ситуации в этих странах, росту углеродного следа от функционирования национального производства [3].

Невысокий уровень дифференциации экономик у стран Евразийского экономического союза можно объяснить произошедшей деиндустриализацией их экономик в постсоветский период [4], низким уровнем их инновационной активности, одним из показателей которой является глобальный индекс инноваций (The Global Innovation Index (ГИИ)). Для сравнения со странами – членами ЕАЭС снова взяты страны-лидеры индекса экономической сложности (ЕСИ): Япония, Швейцария, Германия и страны с наибольшим объемом выбросов CO₂: Китай, США, Индия (табл. 8.7).

Таблица 8.7

Глобальный индекс инноваций (The Global Innovation Index (ГИИ)) стран – членов ЕАЭС и стран мира в 2012–2022 гг. [5], [6]

Страны	2012 (141 страна)		2022 (132 страны)		Изменение за 2012-2022
	Место	ГИИ	Место	ГИИ	
Швейцария, Германия, Япония					
Швейцария	1	68,2	1	64,4	-
Германия	15	56,2	8	57,2	+7
Япония	25	51,7	13	53,6	+12
Страны с наибольшим объемом выбросов CO ₂					
США	10	57,7	2	61,8	+8
Китай	34	45,5	11	55,3	+23
Индия	64	35,7	40	36,6	+24
Страны-члены ЕАЭС					
Армения	69	34,5	80	26,6	-11
Беларусь	78	32,9	77	27,5	+1
Казахстан	83	31,9	83	24,7	-
Кыргызстан	109	26,4	94	21,1	+15
Россия	51	37,9	47	34,3	+4

Япония, Швейцария и Германия, являющиеся мировыми лидерами по индексу экономической сложности (ЕСИ), в 2022 г. занимали достаточно высокие места в рейтинге глобального индекса инноваций ГИИ и сам индекс по абсолютной величине у них был в 2-3 раза выше, чем у стран – членов ЕАЭС: Швейцария (1-е место, индекс ГИИ = 64,4), Германия (8-е место, индекс ГИИ=57,2), Япония (13-е место, индекс ГИИ= 53,6). Для сравнения: страны Союза имели невысокие позиции в рейтинге глобального индекса инноваций: Армения – 80-е место, индекс ГИИ=26,6; Беларусь – 77-е место, индекс ГИИ=27,5; Казахстан –

83-е место, индекс ГИ=24,7; Кыргызстан – 84-е место, индекс ГИ=21,1; Россия – 47-е место, индекс ГИ=34,3 (см. табл. 8.7).

Отметим, что среди стран, экономики которых дают основные выбросы CO₂, за 2012–2022 гг. резко вырос рейтинг по индексу ГИ у Индии: с 64-го по 40-е место (+24); он выше, чем у РФ. Китай за 10 лет повысил свой рейтинг по глобальному индексу инноваций на 23 позиции, а по абсолютной величине индекс ГИ (55,3) приблизился к странам, имеющим высокую диверсификацию структуры экономики: Швейцарии, Германии, Японии. США улучшили свой рейтинг на 8 позиций, заняли 2-е место и повысили сам индекс ГИ (61,8) по абсолютной величине (см. табл. 8.7).

Очень важно выяснить, как влияет на экологию уровень сложности (диверсификации) структуры экономики и степень ее инновационного развития, и существует ли на это однозначный ответ.

Экологическая эффективность экономик стран – членов ЕАЭС

Оценка экологической эффективности развития стран Евразийского экономического союза в сравнении со странами-лидерами индекса экономической сложности структуры экономики (ЕСИ), а также в сравнении с государствами, дающими максимальные выбросы CO₂, может быть проанализирована с помощью ряда международных показателей, одним из которых является индекс экологической эффективности (The Environmental Performance Index, (EPI) (табл. 8.8). Он разрабатывается Центром экологической политики и права Йельского университета, учитывает 16 показателей, объединенных в 2 группы: 1) снижение нагрузки экологической среды на здоровье человека; 2) обеспечение разумного использования экосистем и природных ресурсов.

Как видно из табл. 8.8, у Швейцарии, Германии и Японии, являющихся лидерами индекса экономической сложности (ЕСИ) и занимающих высокие места в рейтинге индекса глобальной инновационной активности (см. табл. 8.6, 8.7), за 2010–2022 гг. были более высокие позиции в рейтинге по индексу экологической эффективности, а по абсолютной величине их индексы EPI были примерно в 1,5–1,9 раза выше, чем у стран – членов ЕАЭС. За тот же период понизился рейтинг у Беларуси (с 53-го на 55-е место), Казахстана (с 92-го на 93-е место), Кыргызстана (с 79-го на 126-е место) и России (с 69-го на 112-е место) из 180 обследованных стран. С 2010 по 2022 г. рейтинг по индексу EPI среди стран ЕАЭС вырос только у Армении (+20 позиций), что можно объяснить низкой базой для сравнения после произошедшей сильной деиндустриализации экономики этой страны после 1992 г. Страны Союза имеют очень слабые позиции по следующим показателям, включаемым в индекс EPI: *выбросы парниковых газов, управление отходами, климатическая политика, жизнеспособность экосистемы, скорость роста CO₂* и некоторым другим. Это свидетельствует об экологических проблемах, о неблагоприятном влиянии экологической среды на здоровье человека и о понижении эффективности разумного использования экосистем и природных ресурсов в результате экономической деятельности [7].

Таблица 8.8

Рейтинг стран – членов ЕАЭС и стран мира по индексу экологической эффективности (The Environmental Performance Index (EPI), 2010–2022 гг. (в баллах: от «0» до «100»)) [8]

Страны	2010 (163 страны)		2022 (180 стран)		Изменение ранга 2022–2010
	место	EPI	место	EPI	
Швейцария, Германия, Япония					
Швейцария	2	89,1	5	72,7	-3
Германия	17	73,2	13	62,4	+4
Япония	20	72,5	25	57,2	-5
Страны с наибольшим объемом выбросов CO ₂					
США	61	63,5	43	51,4	+18
Китай	121	49,0	160	28,4	-39
Индия	123	48,3	180	18,9	- 57
Страны-члены ЕАЭС					
Армения	76	60,4	56	48,3	+20
Беларусь	53	65,4	55	48,5	-2
Казахстан	92	57,3	93	40,90	-1
Кыргызстан	79	59,7	126	35,7	-47
Россия	69	61,2	112	37,5	-53

У США за 2010-2022 гг. рейтинг по индексу экологической эффективности (EPI) вырос на 18 позиций. Китай за эти годы опустился на 39 позиций: со 121-го места на 160-е; абсолютная величина самого индекса у него уменьшилась с 49 до 28,4 балла, что позволяет сделать вывод об усиливающихся проблемах в экологии в результате осуществления экономической деятельности [11]. Экологические проблемы Китая влияют на экологию трансграничных с Китаем государств, в том числе стран-членов ЕАЭС [9],[10]. Индия опустилась в рейтинге экологической эффективности на 57 позиций, а по абсолютной величине индекс EPI снизился за 12 лет в 2,5 раза, что позволяет сделать вывод об ухудшении ситуации с экологией в этой стране.

Можно также оценить экологический аспект устойчивого развития стран по индексу устойчивого экономического развития (Sustainable Economic Development Assessment (SEDA)), который рассчитывается BostonConsultingGroup (BCG) ежегодно по 152 странам. Индекс SEDA учитывает 10 показателей, которые сгруппированы в 3 категории: *экономика, инвестиции, устойчивое развитие*. Индекс оценивается в целом в баллах от «0» до «100» по каждому из 10 показателей в отдельности. В таблице 8.9 приведен рейтинг стран мира по индексу SEDA, где для нас представляет интерес его динамика с 2010 по 2020 г. и такой важный показатель из категории «устойчивое развитие», как «окружающая среда».

Таблица 8.9

Индекс устойчивого экономического развития
(Sustainable Economic Development Assessment (SEDA) стран– членов ЕАЭС
и стран мира, 2010–2020 гг. (в баллах: от «0» до «100») [11]

Страны	2010 (152 страны)			2020 (152 страны)			Измене- ние ранга SEDA 2020- 2010
	Рей- тинг	SEDA	Окруж. среда	Рей- тинг	SEDA	Окруж. среда	
Швейцария, Германия, Япония							
Швейцария	2	85,7	56,6	1	87,0	62,1	+1
Германия	11	80,5	63,8	11	81,2	65,6	-
Япония	18	75,5	51,6	17	76,6	45,5	+1
Страны с наибольшим объемом выбросов CO ₂							
США	17	74,8	53,6	16	76,9	57,0	+1
Китай	76	46,3	8,6	58	52,7	13,6	+18
Индия	106	32,6	12,7	101	36,9	10,4	+5
Страны-члены ЕАЭС							
Армения	64	49,9	54,1	59	52,6	38,6	+5
Беларусь	48	56,6	46,5	47	58,4	33,1	+1
Казахстан	54	53,8	35,8	54	56,1	9,9	0
Кыргызстан	91	41,8	45,6	85	42,5	15,6	+6
Россия	57	53,0	49,8	53	56,4	31,6	+4

Как видно из таблицы 8.9, высоко диверсифицированные экономики Швейцарии, Германии и Японии с 2010 по 2020 г. улучшили свои позиции в рейтинге индекса SEDA (Швейцария и Япония) или остались на том же месте (Германия), а также повысили по абсолютной величине индекс SEDA, который более чем в 2 раза превышает показатели стран-членов Евразийского экономического союза. Один из 10 составных показателей индекса SEDA – «окружающая среда» – за 2010–2020 гг. по всем трем странам с высокой сложностью структуры экономики возрос, что свидетельствует об улучшении в них экологической ситуации. То есть рост сложности (уровня дифференциации) экономики в Швейцарии, Германии и Японии (см. табл.8.6) не входит в противоречие с окружающей средой (см. табл. 8.9).

США с 2010 по 2020 г. с 17-го места в рейтинге SEDA поднялись на 16-е, показатель «окружающая среда» у них повысился с 53,6 до 57 баллов.

Что касается Китая, как трансграничного государства стран – членов ЕАЭС, то в 2010 г. он занимал в рейтинге SEDA 76-е, а в 2020 г. – 58-е место, но при этом у Китая очень маленький вклад в индекс SEDA показателя «окружающая среда» – 13,6 балла из 100, что свидетельствует о существующих эколо-

гических проблемах в этой стране, которые влияют на экологическую обстановку в трансграничных регионах стран – членов ЕАЭС [15]. Индия поднялась в рейтинге с 2010 по 2020 г. на 4 позиции, но вклад в индекс SEDA показателя «окружающая среда» у этой страны уменьшился с 12,7 до 10,4 балла, т.е. экологические проблемы за 10 лет усугубились (см. табл. 8.9).

Страны Евразийского экономического союза повысили свои позиции в рейтинге индекса устойчивого экономического развития с 2010 по 2020 г.; абсолютные значения индекса устойчивого экономического развития SEDA также возросли. Вместе с тем, баллы по такому показателю индекса устойчивого экономического развития, как «окружающая среда», у всех стран ЕАЭС за 2010–2020 гг. значительно понизились, особенно резко у Казахстана (с 35,8 до 9,9 балла) и Кыргызстана (с 45,6 до 15,6 балла) (см. табл. 8.9). Это свидетельствует о нарастающих экологических проблемах в этих странах.

Все страны – члены ЕАЭС ратифицировали Парижское соглашение, согласно которому каждая страна устанавливает «определяемый на национальном уровне вклад» (ОНУВ) в снижение выбросов парниковых газов [12].

В таблице 8.10 представлены данные об уровне выбросов в атмосферу двуокиси углерода в странах – членах ЕАЭС в сравнении со странами-лидерами по индексу сложности структуры экономики (ЕСІ): Швейцарией, Германией и Японией, а также – с Китаем, США и Индией, дающими наибольший объем выбросов CO₂.

Как видно из таблицы 8.10, выбросы CO₂ в странах, занимавших первые три места по уровню сложности экономики: Япония, Германия, Швейцария (см. табл. 8.6), с 2000 по 2021 г. сократили выбросы двуокиси углерода в среднем на 20 п.п. Страны – члены ЕАЭС за тот же период резко нарастили выбросы и все вместе в 2021 г. произвели 5,9% от общемирового показателя выбросов CO₂; при этом доля России составляла 5,13% от общемировых выбросов этого парникового газа (4-е место в мире) и эта доля постоянно растет (см. табл. 8.10). Экономики России и Казахстана являются наиболее углеродоемкими и в 2021 году производили 96,6% всех выбросов CO₂ стран Союза. Экологические проблемы наносят ежегодно России ущерб, достигающий 15% ВВП, а по уровню энергоэффективности российская экономика в 2–3 раза отстает от передовых стран мира.

Больше всего выбросов CO₂ в 2021 г. было у Китая, доля которого в совокупных выбросах планеты составила 32,93%, они выросли за 2000–2021 гг. более чем в 3 раза. Второе место принадлежит США, чья доля составила 12,55% от общемировых выбросов, но за 2000–2021 гг. эта страна на 24 п.п. снизила этот показатель. Третье место по выбросам двуокиси углерода в 2021 году занимала Индия: в рассматриваемом периоде они выросли в 2,7 раза и составили 7,0% от общемировых (см. табл. 8.10). Казахская и российская экономики являются одними из самых энергорасточительных в мире. Это свидетельствует о том, что модель экспортно-сырьевой направленности экономик ЕАЭС, имеющих низкую экономическую сложность (дифференциацию структуры экономи-

ки) и невысокую инновационную активность, порождает серьезные экологические проблемы. Выходом из этой ситуации может быть только проведение экономической модернизации на новой технологической основе с учетом требований модели «зеленого» развития и повышение эффективности согласованной экологической политики [14].

Таблица 8.10

Выбросы в атмосферу двуокиси углерода (CO₂) в странах – членах ЕАЭС и мира в 2000 и 2021 г. [13]

Страны	2000 (млн.т)	2021		Изменение 2021-2000 (+%)
		(млн. т)	в % от мировых выбросов CO ₂	
Швейцария, Германия, Япония				
ЕС	3577,21	2774,93	7,3	- 22,4
Швейцария	44,93	35,07	0,09	-21,9
Германия	878,41	665,88	0,03	-24,2
Япония	1252,93	1084,69	2,87	-13,4
Страны с наибольшим объемом выбросов CO ₂				
Китай	3703,34	12466,32	32,93	+236,6
США	6004,36	4572,08	12,55	- 24
Индия	994,86	2648,78	7,0	+166,3
Страны – члены ЕАЭС				
Армения	3,66	6,77	0,02	+ 85,0
Беларусь	56,92	58,36	0,15	+2,5
Казахстан	131,42	211,21	0,56	+60,7
Кыргызстан	4,87	10,78	0,03	+121,4
Россия	1673,22	1942,54	5,13	+16,1
Итого по ЕАЭС	1870,09	2229,66	5,89	+19,2

Экологическая кривая Кузнецца и экологическая эффективность

Возникает вопрос: почему экономики таких стран, как Китай и США, имеющие достаточно высокую сложность структуры экономики (17-е и 12-е место в рейтинге 2020 года, соответственно) и высокий глобальный индекс инноваций (12-е и 2-е место в 2022 г., соответственно) занимают по выбросу двуокиси углерода 1-е и 2-е место в мире? Заметим, что экономика Индии, имеющая сложность структуры экономики и глобальный индекс инноваций чуть выше, чем у российской экономики, дает больше, чем Россия, выбросов двуокиси углерода.

Нам представляется, что это частично можно объяснить с помощью экологической кривой Кузнецца (ЭКК), которая так названа по аналогии с гипотезой

С. Кузнец о взаимосвязи между экономическим ростом и уровнем неравенства доходов. Смысл ЭКК заключается в том, что, когда экономический рост начинается в стране с невысокого уровня сложности экономики и низкой инновационности, приоритет в экономике отдается природоэксплуатирующим отраслям: добыче нефти, газа, угля и других природных ресурсов; лесному и сельскому хозяйству. Эти отрасли ведут к истощению природных ресурсов и повышению загрязнения окружающей среды. Вместе с тем, по мере проведения модернизации экономики, развития высокотехнологичных отраслей увеличивается ВВП на душу населения, растет благосостояние граждан страны, повышаются их требования к экологическому качеству жизни, что заставляет правительство страны выделять больше средств на охрану окружающей среды и контролировать ее состояние, стимулируя бизнес на «зеленое» развитие. В результате снижается негативное воздействие производственной деятельности на окружающую среду; возникает эффект декаплинга, когда экономика растет, а антропогенное воздействие на экологию остается на том же уровне или снижается [18]. В таком случае происходит переход от точки перелома «А» экологической кривой Кузнец вправо (рис. 8.8).

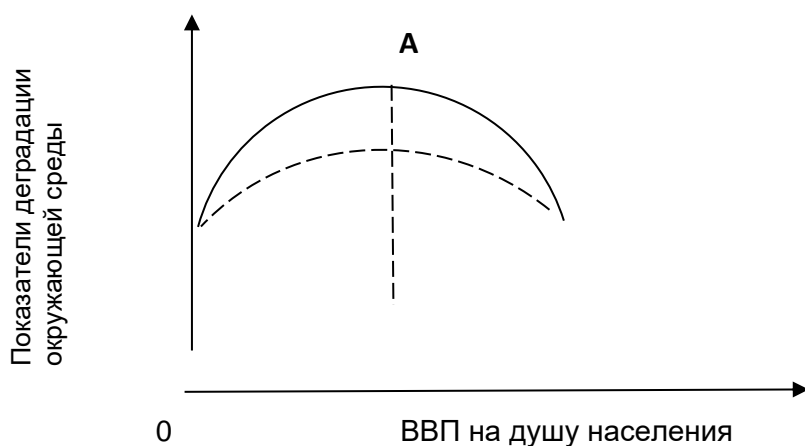

Рис. 8.8. Экологическая кривая Кузнец

Поскольку страны – члены ЕАЭС имеют экспортоориентированные ресурсные экономики, высокую энергозатратность и ресурсоемкость, то, естественно, при экономическом росте показатели экологической эффективности у них снижаются. Эти страны находятся на экологической кривой Кузнец далеко слева от точки «А», и им предстоит инновационная модернизация с учетом соблюдения экологических требований.

Что касается Китая и Индии, которые постоянно повышают уровень диверсификации своих экономик и инновационность, то их экономики также находятся на восходящем участке ЭКК, далеко слева от точки перелома «А». Это можно объяснить невысоким уровнем ВВП на душу населения вследствие большой его численности (находятся в, так называемой, «ловушке среднего дохода»).

Для стран – членов ЕАЭС, Индии и Китая приоритетным в перспективе является модернизация экономики и наращивание ВВП на душу населения, позволяющие выйти из «ловушки среднего дохода», и, как результат, резкое понижение уровня деградации окружающей среды (пунктирная линия на ЭКК на рис. 8.8).

США, имеющие большой уровень сложности структуры экономики и инновационной активности, высокий уровень ВВП на душу населения, по мере экономического роста снижают уровень выбросов CO₂ (см. табл. 8.10) и улучшают свои показатели экологической эффективности (см. табл. 8.8, 8.9), т.е. на экологической кривой Кузнецца они находятся справа от точки перелома «А».

Швейцария, Германия и Япония, страны – лидеры индекса экономической сложности (ЕСI), имеющие высоко диверсифицированную экономику и уровень инновационной активности (см. табл. 8.6, 8.7), показывают достаточно высокую экологическую эффективность, и в них наблюдается эффект декаплинга, т.е. при экономическом росте происходит снижение выбросов CO₂ и улучшение экологии (см. табл. 8.8, 8.9, 8.10). На экологической кривой Кузнецца они находятся на нисходящем отрезке пунктирной линии, показывающей более низкий уровень деградации окружающей среды, справа от точки перелома «А» (см. рис. 8.8).

Экологический неокOLONиализм стран «золотого миллиарда»

Что касается рассматриваемых в данной статье развитых стран: Швейцарии, Германии, Японии и США, то улучшение их экологической ситуации (нахождение на понижающемся участке ЭКК) можно также объяснить их неравноценным обменом с другими, менее развитыми в экономическом и политическом отношении государствами. Страны, так называемого, «золотого миллиарда» используют 80% всех ресурсов планеты, поглощая непропорционально высокую долю ее экологического потенциала и имеют большой *экологический дефицит*, который определяется как превышение экологического следа от хозяйственной деятельности населения над биоемкостью занимаемой страной территории. Эти страны импортируют биоемкость других стран мира через торговлю, перенос экологически грязных производств и отходов в развивающиеся страны, выкачивание природных ресурсов из них. Так, по данным независимой канадской организации Footprint Data Foundation (FoDaFo), в 2021 г. дефицит биоемкости в Японии составлял 570%, Швейцарии – 250%, Германии – 190%, США – 110%. Это является своеобразным *экологическим неокOLONиализмом*, сущность которого можно определить как чрезмерное потребление высокоразвитыми странами экономических ресурсов планеты и поглощение ими биоемкости менее развитых стран мира вследствие неравноценного обмена. Для сравнения: Российская Федерация, откуда долгое время выкачиваются дешевые ресурсы западными странами, является страной *с резервом биоемкости* 26%. В Казахстане также наблюдается резерв биоемкости в размере 1% [15]. Кроме того, по расчетам глобальной консалтинговой компании TheBostonConsulting-Group (BCG), в 2021 г. поглощающая способность российских лесов недооценена в 3 раза, т.е. российские резервы биоемкости гораздо выше [16].

Китай и Индия, несмотря на достаточно большие территории, в силу большой численности населения и низкой экологической эффективности также имеют дефицит биоёмкости: 340% и 200%, соответственно. Дефицит биоёмкости наблюдается и в трех странах-членах ЕАЭС: в Армении – 170%, в Беларуси – 35%, в Кыргызстане – 28% [19] в силу энергозатратного производства, недостатка использования экологически чистых технологий и наличия большого удельного веса природоэксплуатирующих отраслей в экономике.

В мире усиливается экологизация международных экономических отношений, в которых должны быть учтены экологические интересы соседствующих государств. Для стран – членов ЕАЭС очень важны вопросы охраны окружающей среды, поскольку конечной целью евразийской экономической интеграции является повышение качества жизни населения этих государств, а для этого необходимо повышение экологической интеграции. При разработке экономических проектов с использованием разделяемых евразийскими странами ресурсов должны быть учтены экологические интересы каждого государства. Экологическое регулирование в рамках ЕАЭС возможно при заключении многостороннего договора между странами, в основании которого должна лежать концепция устойчивого развития и переход к высокотехнологичной, эколого-ориентированной экономике. Углубление экономической интеграции между этими странами на основе использования технологий четвертой промышленной революции может оказать большое влияние на улучшение экологической ситуации в них и трансграничных странах.

Литература

1. Селищева Т.А., Дятлов С.А., Селищев А.С. Формирование модели устойчивого развития Евразийского экономического союза. Монография. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – 385 с.
2. Atlas of Economic Complexity. URL: <https://atlas.cid.harvard.edu/rankings> (дата обращения: 20.08.2023).
3. Селищева Т.А. Проблемы устойчивого развития экономики в странах Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. – 2018. – № 2 (66). – С. 15-21.
4. Селищева Т.А., Структуры экономик стран-членов ЕАЭС и инвестиционные возможности их модернизации // Проблемы современной экономики. – 2022. – №3. – С. 6 – 12.
5. The Global Innovation Index 2022. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-section1-en-gii-2022-at-a-glance-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 8.08.2023).
6. The Global Innovation Index 2012. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2012.pdf (дата обращения: 8.08.2023).
7. Selishcheva, T.A., Nuyanzin, V.M., Iljina, O.P., Gavrilyuk, E.S., Gorodkova, S.A. The environmental aspect of the Eurasian integration of trans-border regions of Siberia and the Far East E3S Web of Conferences, 2020, 161, 01012.
8. Environmental Performance Index. 2022. EPI Results. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (дата обращения: 2.08.2022).
9. Selishcheva T., Dyatlov S., Sopina N., Ilyina O., Trunin V. Comprehensive analysis of sustainable development of the countries of the Eurasian Economic Union. В сборнике: SHS WEB OF CONFERENCES. The 21st International Scientific Conference Globalization and its Socio-Economic Consequences 2021. 2021. С. 09018.

10. Selishcheva T., Dronov R., Ananyev A., Nuyanzin V. Sustainable Development of the Russian cross-border regions in Eurasian Integration. International Business Information Management Association (IBIMA). Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference (IBIMA). Editor Khalid S. Soliman. 2019. – С. 9937-9946.
11. Sustainable Economic Development Assessment (SEDA). URL: <https://www.bcg.com/industries/public-sector/sustainable-economic-development-assessment> (дата обращения: 23.08.2023).
12. Selishcheva, T.A., Nuyanzin, V.M., Iljina, O.P., Gavrilyuk, E.S., Gorodkova, S.A. The environmental aspect of the Eurasian integration of trans-border regions of Siberia and the Far East. E3S Web of Conferences, 2020, 161, 01012.
13. EDGAR – Emissions Database for Global Atmospheric Research. CO2 emissions of all world countries. EUR 31182 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2022, doi:10.2760/730164 ,JRC130363. URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2022#how_to_cite (дата обращения: 2.08.2023).
14. Кан Е.Н., Селищева Т.А. Гуманизация экономического роста: сущность, направления, механизм регулирования. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 160 с.
15. Global Footprint Network. Advancing the Science of Sustainability <https://www.footprintnetwork.org/our-work/ecological-footprint/> (дата обращения: 10.08.2023).
16. Отечественный лес способен поглощать втрое больше. Аналитики Boston Consulting Group оценили перспективы России на рынке углеродной нейтральности. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/11/18/6194d68d9a79473d8700aae3> (дата обращения: 10.08.2023).

8.8. Влияние пандемии COVID-19 на достижение целей устойчивого развития в Евразийском экономическом союзе

Несмотря на нестабильность современных геополитических условий тема устойчивого мирового развития остается в числе ведущих трендов международной деятельности, приобретая решающее значение для обеспечения будущего человечества. Идеи устойчивого развития становились частью глобальной повестки посредством ряда международных законодательных инициатив, форумов, конференций. В качестве примера можно назвать Всемирную комиссию по окружающей среде и развитию (1983), Конференцию ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992), Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002), Конференцию ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (Рио-де-Жанейро, 2012), Парижское соглашение (2015), Куньмин-Монреальскую глобальную рамочную программу сохранения биоразнообразия (2021–2022) и др. В сентябре 2015 г. 193 страны – члены ООН (включая страны ЕАЭС) приняли резолюцию 70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», которая включала 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) и 169 задач, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех [1]. ЦУР представляют собой универсальную дорожную карту развития международного сообщества на период до 2030 г., направленную на достижение социальной интеграции, защиту окружающей среды и стимулирование экономического роста. Они задают рамки международной, государственной национальной и региональной политики, являются этическим императивом, так

как основаны на всеобщей Декларации прав человека, отмечающей свое 75-летие в этом году. ЦУР включают в себя возможности для всех заинтересованных сторон: международных сообществ, национальных правительств, бизнеса и гражданского общества, внести свой вклад в более устойчивый мир [2].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), стал первым региональным интеграционным объединением, подготовившим региональный доклад о показателях достижения ЦУР, который был представлен на Политическом форуме высокого уровня по УР Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) в 2017 г. Все пять стран Союза являются участниками Парижского соглашения по климату. Добровольные национальные обзоры (ДНО) о выполнении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. в ООН не сегодняшней день представили все страны ЕАЭС, а республики Беларусь и Казахстан уже опубликовали вторые ДНО о реализации ЦУР. Заметим, что Европейский Союз (ЕС) представил свой первый региональный ДНО только в июле 2023 г. В движении общества к устойчивому развитию ООН в рамках «Десятилетия действий» призвала к всеобщим и равным усилиям по ускорению достижения ЦУР чтобы достичь целей к намеченному сроку 2030 г., не оставив никого позади [3]. Эпидемия COVID-19, прервала это постоянное и поступательное движение.

Цель исследования: проанализировать влияние пандемии COVID-19 на реализацию глобальных ЦУР, для выявления особенностей их достижения в ЕАЭС. Автором были поставлены следующие задачи: выявить влияние пандемии COVID-19 на социально-экономические условия деятельности в мире и странах ЕАЭС, на ее последствия для реализации ЦУР мире и в ЕАЭС, выделить влияние интеграционных процессов на достижение ЦУР в ЕАЭС. Исследование основано на обзоре научной литературы по данной тематике, статистическом анализе достижения ЦУР в развитых странах мира и в ЕАЭС за пандемийный период 2019–2022 гг.

Масштабы социально-экономических последствий сделали пандемию COVID-19 одной из самых серьезных глобальных катастроф для международного сообщества в этом столетии. Вспышка COVID-19 затронула все три аспекта устойчивости: экономическую, экологическую и социальную. Вследствие введенных странами пандемийных ограничений, она нанесла непоправимый ущерб интеграционным процессам, привела к уменьшению экономической деятельности во всем мире, сокращению масштабов внешней торговли, негативно повлияла на производственный сектор, транспорт, туризм, что в свою очередь, вызвало резкое падение глобального спроса и цен на энергоресурсы, обострение мировой конкуренции. В 2020 г. потребление первичной энергии упало на 4,5% (самое большое снижение с 1945 г.). Наступила эпоха беспрецедентной экономической неопределенности. Последствия пандемии COVID-19 привели к снижению темпов роста ВВП и дефициту бюджетов государств. В 2020 г. мировой реальный ВВП упал на 3% [4]; совокупный объем заимствований подскочил на 28 процентных пунктов, составив 256% ВВП, совокупный долг в мире в целом составил 256 % ВВП [5, с.17]

В 2021 г. начался восстановительный рост, мировая экономика выросла на 6,0%, что существенно превысило допандемийный уровень [4], но за время пандемии выросло неравенство как внутри стран, так и между странами, увеличился разрыв между странами с развитой экономикой (СРЭ) и развивающимися странами. В 2020 г. в крайнюю нищету были ввергнуто дополнительно 95 млн. людей свыше прогнозов, сделанных до COVID-19. [5, с.13]. Число безработных в мире в 2022 г. по оценке МОТ составило 207 млн. чел., что превышает показатель 2019 г. примерно на 21 млн.чел. [6, с.1].

Пандемия не могла не сказаться на темпах достижения ЦУР, прогресс которых уже был очень медленным в последние годы и крайне неравномерным как внутри, так и между стран. В 2022 г. он почти остановился. Общий индекс ЦУР с 2015 по 2019 г. изменился незначительно: с 64 до 66%, а в 2022 г. он оказался меньше 67%. Как отмечено экспертами ООН — это слишком медленно, чтобы достичь целей к 2030 г. [7, р. 4]. Пандемия свела на нет прирост инвестиций, который шел последние пять лет, для достижения ЦУР. Общая сумма объявленных инвестиций в новые проекты сократилась на 33%, а международное проектное финансирование упало на 36%. Компании также снизили инвестиции, как и масштабы корпоративной социальной ответственности. В 2020 г. приток международных частных инвестиций в развивающиеся страны в секторах, важных для достижения ЦУР, сократился на треть вследствие пандемии [8]. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в своем выступлении на форуме Экономического и Социального совета ООН (ЭКОСОС) отметил, что объем средств, которых не хватает фонду ЦУР, с начала пандемии ковида вырос на \$2,5 трлн и достиг \$4,2 трлн. Он призвал страны Большой двадцатки согласиться выделять ежегодно 500 млрд долл. на содействие выполнению ЦУР [3]. По оценкам МВФ, с настоящего времени до 2025 г. странам с низкими доходами потребуется примерно 200 млрд. долл. США для борьбы с пандемией и еще 250 млрд. долл. США для того, чтобы вернуться на путь сближения с развитыми странами, по которому они шли до кризиса [5, с. 14].

Впрочем, можно отметить и некоторые положительные последствия пандемии: временно уменьшилось воздействие общества на окружающую среду из-за сокращения производства, логистики, туризма; произошло развитие технологий в сфере здравоохранения, цифровизации в образовании и государственном управлении, бизнесе, продвижение глобального сотрудничества для поиска лечения и вакцин; усилилась концентрация внимания правительств, бизнеса на создании рабочих мест, социальной защите и социальном диалоге и пр. [см. подробнее 9]. Производство возобновляемой энергии (ВИЭ) продолжило расти, например, солнечная энергетика в пандемийный период зафиксировала самый большой рост за всю историю. К 2022 г. ВИЭ достигли нового рекорда — почти 600 млрд долл. США, несмотря на затраты и давление в цепочке поставок [10]. Углеродоемкость энергетического баланса упала на 1,8%, что также является одним из самых больших падений в послевоенной истории. Глобальные выбросы CO₂, связанные с энергетикой на первом этапе пандемии

в 2020 г. сократились на 6,3%, до самого низкого уровня с 2011 г. [11], но увеличились в 2021 и 2022 г. (на 6% и 2,5% соответственно), что, к сожалению, с избытком компенсировало их снижение [12].

Ни одна из стран мира пока не достигла всех 17 ЦУР, ближе всего к их достижению находятся страны с высоким уровнем дохода, которым была оказана более эффективная помощь и которые имели более высокие показатели вакцинации. Например, по состоянию на апрель 2022 г. в развивающихся странах с низким доходом было полностью вакцинировано только 7% населения по сравнению с 73% в странах с развитой экономикой. Аналогичные расхождения наблюдаются и в отношении доступа к другим средствам защиты [5, с. 10]. Развитым странам также проще выполнить задачи, связанные с обеспечением высоких социально-экономических результатов и базового доступа к инфраструктуре, включая, ЦУР-3, ЦУР-9 (индустриализация, инновации и инфраструктура), ЦУР-11 (устойчивые города), ЦУР-13 (борьба с изменением климата), ЦУР-16 (правосудие, эффективные институты). Но и в развитых странах произошло ухудшение в прогрессе по достижению ЦУР: в ЦУР-1 (Ликвидация бедности) и ЦУР-8 (Экономический рост и достойный труд) [9, р. 1396]. В следующий пандемийный период (2020–2021) резко ухудшились позиции по ЦУР-3 (Хорошее здоровье и благополучие) и ЦУР-11 (устойчивые города). Также снизился общий показатель индекса ЦУР за 2021 г. по сравнению с предыдущим годом, вследствие роста уровня бедности и безработицы после вспышки COVID-19. Пандемия подчеркнула уязвимость и в развитых странах систем здравоохранения, растущее неравенство в доходах, в доступе к услугам медицины, образования и их качестве. Гендерный разрыв в оплате труда сохраняются и там, среди различных групп населения (ЦУР-5, ЦУР-10) [9, р. 1397-98]. Экспертами международного сообщества отмечается необходимость серьезных усилий всех стран для ускорения прогресса к смягчению последствий изменения климата и защите биоразнообразия (ЦУР 12–15), так как ранее достигнутый успех в ЦУР-13 (борьба с изменением климата) и ЦУР-14 (сохранение морских экосистем), явно недостаточен для достижения этих целей к 2030 г. [13, 14, 15, с. 9].

Пандемия COVID-19 оказала негативное воздействие и на страны ЕАЭС [16]. Выявляя ее влияние на достижение ЦУР в интеграционном союзе, можно выделить как сильные так и слабые стороны в достижении ЦУР в ЕАЭС в пандемийные годы. Так, в 2020–2021 гг. во всех странах ЕАЭС доля населения, живущего за международной чертой бедности, составила 0,0%¹⁸, за исключением Армении (в 2019 – 1,1%, 2020 – 0,4%). Уровень бедности в соответствии с национальными методологиями государств – членов ЕАЭС в 2021 г. по сравнению с 2019 г. снизился в Беларуси (с 5 до 4,1%) и России (с 12,3% до 11%), но увеличился в Армении (26,4–27%), Казахстане (4,3–5,2%) и Кыргызстане (20,1–33,3%) [17, с. 27, 29]. Доля расходов на образование, здравоохранение и соци-

---

¹⁸Процент населения, живущего менее чем на 1,90 долл. США в день в международных ценах 2011 г.

альную защиту (в процентах к государственным расходам) в 2019-2020 гг. выросла в Армении (42,8%-47%) и Казахстане (47,4–50%). Во всех странах ЕАЭС в 2021 по сравнению с 2019 выросли реальные денежные доходы населения, реальная заработная плата (за исключением Кыргызстана) [17, с. 33–35]. Коэффициент фондов (по 10-процентным группам населения) снизился во всех странах в 2020 г (5,7 Беларусь; 14,9 Россия), но коэффициент Джини вырос 2019-21гг. также во всех странах, за исключением Армении и России [17, с. 142–143].

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по сравнению с 2019 г. сократилась во всех странах союза, кроме Кыргызстана и составила мужчин от 65,5 лет в России до 67,86 лет в Кыргызстане; женщин – от 74 лет в Казахстане до 77,4 лет в Армении. Численность получающих среднее профессиональное образование составила на 2021 г. 4, 165 млн чел. и увеличилась во всех странах, кроме Беларуси, получающих высшее образование – 5,267 млн чел. и выросла в Казахстане и Кыргызстане, но уменьшилась в Армении, Беларуси и России. Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии во всех странах ЕАЭС (кроме Кыргызстана (70,8%)) составляет 100%. Инвестиции в основной капитал (в национальной валюте) в энергетический сектор выросли во всех странах кроме Казахстана. Выбросы парниковых газов в 2020 г. сократились во всех странах ЕАЭС, но при этом и снизились текущие расходы на охрану атмосферного воздуха и изменение климата во всех странах за исключением Беларуси (в долл.) [17, с. 161].

У каждой страны – участника ЕАЭС свои динамика, темпы и тенденции достижения ЦУР в соответствии с конкретными принимаемыми антиковидными мерами, национальной политикой и стратегией развития. Как показывает авторский анализ на основе базы данных созданной ООН организации Сеть решений в области устойчивого развития (SDSN), в Армении в пандемийный период по сравнению со значениями 2019 г. наблюдается существенный прогресс по выполнению ЦУР-17 (Глобальное партнерство), ЦУР-10 (Снижение неравенства), ЦУР-9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура), ЦУР-5 (Гендерное равенство) и ЦУР-1 (Ликвидация нищеты). Заметны также позитивные изменения по ЦУР-8 (Экономический рост и достойный труд; спад в 2020 г.), и ЦУР-2 (Ликвидация голода). Произошло ухудшение позиции по ЦУР-4 (Качественное образование; рост 2020 г.), ЦУР-16 (Правосудие, эффективные институты; рост в 2020 г.) ЦУР-11 (Устойчивые города). Фактически не меняется динамика на всем пандемийном периоде, ЦУР-3 (Хорошее здоровье и благополучие), ЦУР-6 (Чистая вода и санитария), ЦУР-7 (Доступная и чистая энергия), ЦУР-12 (Рациональное потребление и производство), ЦУР-13 (Изменение климата) и ЦУР-15 (Сохранение экосистем суши, биоразнообразия). Также в Армении мы наблюдаем рост по сравнению со значениями 2019 г. общего индекса ЦУР (SDG Index) за весь рассматриваемый период (рис. 8.9, а).

В Беларусь за рассматриваемый период происходит существенный прогресс по выполнению ЦУР-17 (Глобальное партнерство), ЦУР-9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура), ЦУР-2 (Ликвидация голода), ЦУР-11

(Устойчивые города), ЦУР-13 (Изменение климата) и ЦУР-15 (Сохранение экосистем суши, биоразнообразия). Фактически не меняется динамика на всем активном пандемийном периоде, ЦУР-10 (Снижение неравенства), ЦУР-3 (Хорошее здоровье и благополучие), ЦУР-6 (Чистая вода и санитария), ЦУР-7 (Доступная и чистая энергия), ЦУР-5 (Гендерное равенство) и ЦУР-1 (Ликвидация нищеты). Произошло ухудшение позиции по ЦУР-4 (Качественное образование; рост 2020 г.), ЦУР-16 (Правосудие, эффективные институты; рост в 2020 г.), ЦУР-8 (Экономический рост и достойный труд), и ЦУР-12 (Рациональное потребление и производство), а также спад общего индекса ЦУР за весь рассматриваемый период, с незначительным ростом в 2021 г. (рис. 8.9, б).

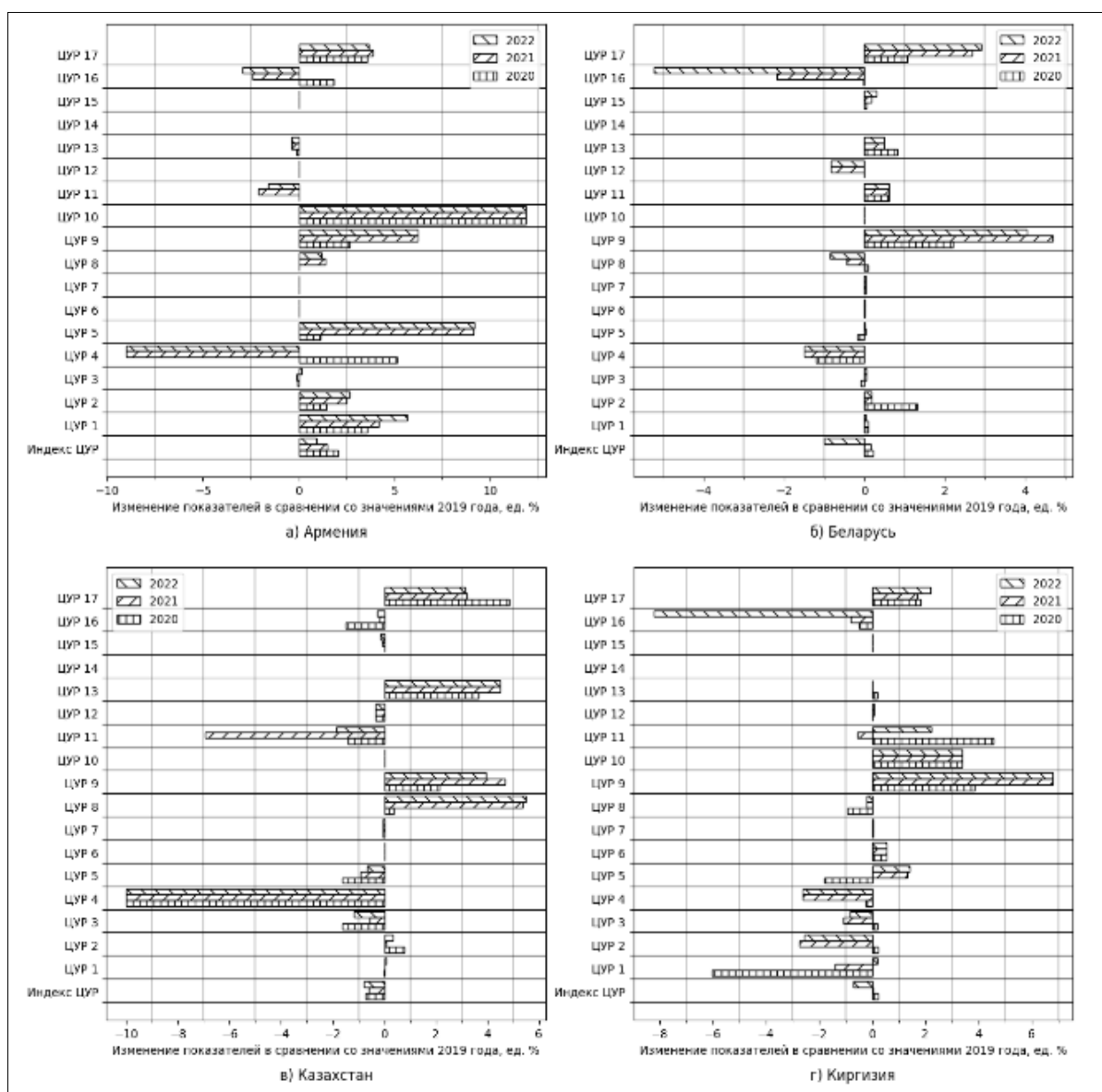

Рис.8.9. Изменение показателей ЦУР (SDG) и общего индекса ЦУР ((SDG Index) в а) Армении, б) Беларусь, в) Казахстане и г) Киргизстане за 2020-2022 гг. в сравнении со значениями 2019 г., в %.

Составлено автором. Источник: [18]

В Казахстане за рассматриваемый период наблюдается существенный рост достижений по ЦУР-8 (Экономический рост и достойный труд), ЦУР-9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура), ЦУР-13 (Изменение климата), ЦУР-17 (Глобальное партнерство), ЦУР-2 (Ликвидация голода). Фактически не меняется динамика на всем пандемийном периоде, ЦУР-10 (Снижение неравенства), ЦУР-6 (Чистая вода и санитария), ЦУР-7 (Доступная и чистая энергия), и ЦУР-1 (Ликвидация нищеты) ЦУР-15 (Сохранение экосистем суши, биоразнообразия). Произошло ухудшение позиции по ЦУР-4 (Качественное образование), ЦУР-11 (Устойчивые города), ЦУР-16 (Правосудие, эффективные институты), ЦУР 5 (Гендерное равенство), ЦУР-3 (Хорошее здоровье и благополучие) и ЦУР-12 (Рациональное потребление и производство), а также спад общего индекса ЦУР (рис. 8.9, в).

В Кыргызстане за анализируемый период произошел существенный прогресс по выполнению ЦУР-9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура), ЦУР-10 (Снижение неравенства), ЦУР – 17 (Глобальное партнерство), ЦУР-11 (Устойчивые города; спад 2021), ЦУР 5 (Гендерное равенство; спад 2020 г.), ЦУР-6 (Чистая вода и санитария), а также ухудшение позиции по ЦУР-16 (Правосудие, эффективные институты), ЦУР-1 (Ликвидация нищеты), ЦУР-2 (Ликвидация голода), ЦУР-3 (Хорошее здоровье и благополучие), ЦУР-4 (Качественное образование) и ЦУР-8 (Экономический рост и достойный труд) и снижение общего индекса ЦУР. Фактически не меняется динамика на всем пандемийном периоде ЦУР-7 (Доступная и чистая энергия), ЦУР-12 (Рациональное потребление и производство), ЦУР-13 (Изменение климата), и ЦУР-15 (Сохранение экосистем суши, биоразнообразия) (рис. 8.9, г).

В России за анализируемый период наблюдается существенный прогресс по выполнению ЦУР-8 (Экономический рост и достойный труд; спад в 2020 г.), ЦУР-9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура) ЦУР-10 (Снижение неравенства) и ЦУР-17 (Глобальное партнерство). Заметны также позитивные изменения по ЦУР-5 (Гендерное равенство), ЦУР-3 (Хорошее здоровье и благополучие) и ЦУР-2 (Ликвидация голода). Произошло ухудшение позиции по ЦУР-7 (Доступная и чистая энергия), ЦУР-11 (Устойчивые города; рост в 2020–2021 гг.), ЦУР-13 (Изменение климата; рост в 2020 г.) и ЦУР-16 (Правосудие, эффективные институты; рост в 2020–2021 гг.). Фактически не меняется динамика на всем активном пандемийном периоде ЦУР-1 (Ликвидация нищеты), ЦУР-4 (Качественное образование), ЦУР-6 (Чистая вода и санитария), ЦУ-12 (Рациональное потребление и производство), ЦУР-14 (Сохранение морских экосистем) и ЦУР-15 (Сохранение экосистем суши, биоразнообразия). Также в РФ отмечается прирост общего индекса ЦУР (рис. 8.10, а).

Министр по интеграции и макроэкономике ЕЭК Сергей Глазьев, выступая на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию под эгидой ЭКОСОС в июле 2023 г., отметил значительный региональный потенциал

для выполнения ЦУР и прогресс по ряду показателей, обусловленный сильной институциональной системой и нормативно-правовой базой ЕАЭС [19].

Экономическая интеграция в рамках ЕАЭС может способствовать достижению ЦУР. 149 из 514 целей и задач ЦУР покрываются интеграционной повесткой ЕАЭС. Наблюдается общий прогресс стран ЕАЭС в достижении ЦУР-2, ЦУР-9, ЦУР-17, а также ЦУР – 1, ЦУР-6, ЦУР-7 и ЦУР-10 (см. рис 8.9, 8.10).

По ряду показателей наблюдается ухудшение ЦУР-12, ЦУР-16 и ЦУР-4, вследствие введенных пандемийных ограничений законотворческих процессов, публичных дебатов, собраний, ухудшения качества образования (дистанционный доступ к услугам и его ограничения, возможное появление «детей локдауна», рост функциональной безграмотности и т.п.).

Лучший показатель общего индекса ЦУР среди стран ЕАЭС у Беларуси, которая сейчас занимает 34 место из 193 стран, набрав 77,5 баллов, далее Кыргызстан – 45 (74,4), Россия – 49 (73,8), Армения – 56 (73,3) и Казахстан – 66 (71,6). Если в пандемийный период в странах союза (кроме Казахстана и Кыргызстана) наблюдалась положительная динамика общего индекса, то общая тенденция его изменения негативна (см. рис. 8.10, б). Необходимо отметить, что максимальные значения общего индекса ЦУР в мире в странах ОЭСР, в частности, на текущий момент первые места занимают Финляндия (86,8), Швеция (86), Дания (85,7). Общая тенденция изменений индекса в развитых странах за последние годы стабильна, это значит, что при текущей траектории мир вряд ли достигнет ЦУР к 2030 г. [7].

Таким образом, существует взаимосвязь интеграционных усилий на региональном уровне и эффективности достижения ЦУР. Экономическая интеграция в рамках Союза может служить дополнительным фактором, способствующим достижению ЦУР. В пандемийный период происходило укрепление связей между государствами – членами Союза, в частности при реализации крупных интеграционных инициатив в области наиболее социально значимых сфер. К примеру, для борьбы с пандемией были оперативно разработаны ряд документов по обеспечению стран ЕАЭС стратегически важными лекарственными препаратами и фармацевтическими субстанциями (включая совместное производство вакцин), Евразийским фондом стабилизации и развития реализованы финансовые стабилизационные механизмы, Евразийским банком развития выполнены совместные программы технического содействия и проектной деятельности. Шло формирование единого рынка электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, рынка финансовых расчетов в национальных валютах, новых логистических и транспортных путей, норм и правил использования экспортного потенциала азиатских стран для достижения ЦУР путем развития международного сотрудничества. Несмотря на то, что интеграция стран ЕАЭС на климатическом направлении находится на начальном этапе, в рамках «Евразийской зеленой повестки» в настоящее время продолжается разработка планов по декарбонизации экономик (например, проект промышленной кооперации «Евразийский электробус»), концепции союза по внедрению принципов «зеленой» экономики.

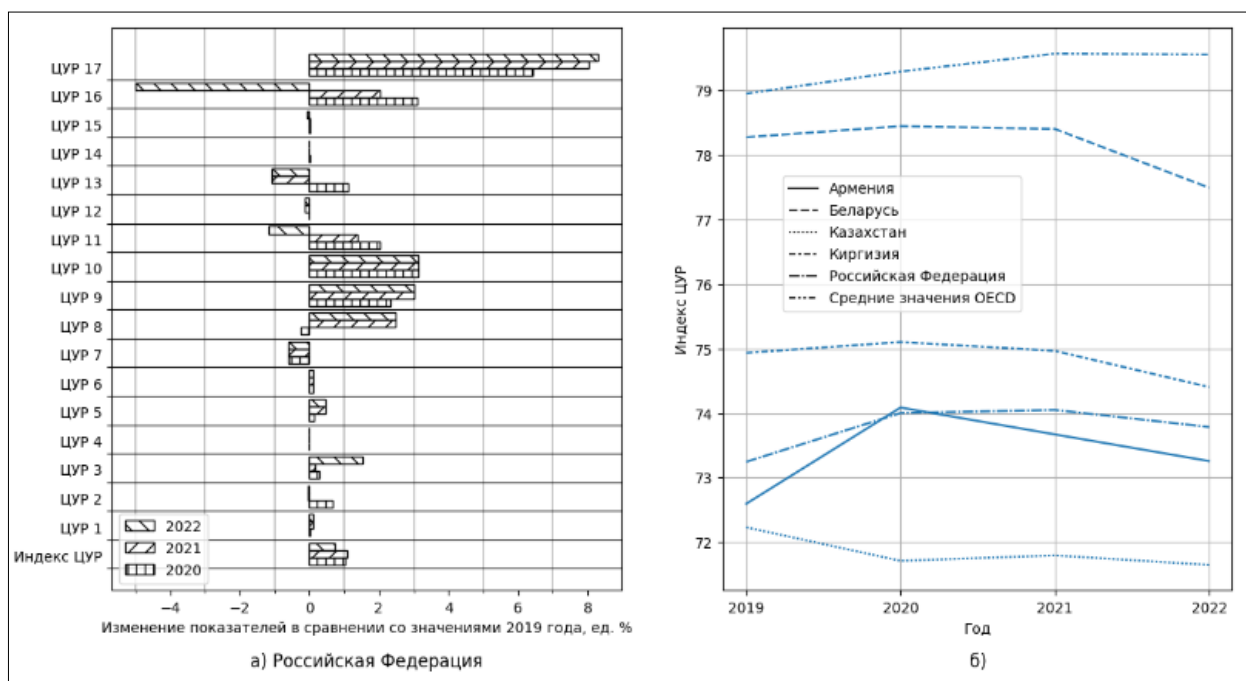

Рис. 8.10. Изменений показателей ЦУР (SDG) и общего индекса ЦУР (SDG Index): а) России за 2020–2022 гг. в сравнении со значениями 2019 г., в %; б) Динамика общего индекса ЦУР (SDG Index) за 2019–2022 гг. в странах ОЭСР и ЕАЭС

Составлено автором. Источник: [18]

Системная последовательная работа, позволяющая использовать интеграционный потенциал стран ЕАЭС по достижению ЦУР, требует выработку и принятие общих стандартов и подходов, координации на всех уровнях объединения: глобальном, региональном, национальном, при активном участии государственного, частного, гражданского секторов. Несмотря на нестабильность геополитической ситуации, это будет способствовать превращению экономической интеграции евразийского региона в дополнительный фактор развития, позволяющий достичь интегральные глобальные цели экономического благополучия, социальной справедливости и экологической устойчивости.

Литература

1. Резолюция генеральной ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 / оон[электронный ресурс]. // url: documents-dds-ny.un.org
2. Kostoska o., kocarev l. A novel ict framework for sustainable development goals // sustainability. – 2019. – №11. – с. 1- 31.
3. Цели в области устойчивого развития /оон[электронный ресурс]. // url: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/>; <https://news.un.org/ru/story/> (дата обращения 20.08.2023).
4. Перспективы мировой экономики / всемирный банк [электронный ресурс]. // url: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>
5. Создание лучшего будущего. Годовой отчет мвф за 2021 г. / мвф [электронный ресурс]. // url: <https://www.imf.org> (дата обращения 20.08.2023).

6. Перспективы занятости и социальной защиты в мире. Тенденции 2023 / МОТ [электронный ресурс]. // url: https://www.ilo.org/moscow/news/wcms_834471/lang--ru/index.htm (дата обращения 20.08.2023).
7. Sachs, j.[et al.]. Implementing the sdg stimulus. Sustainable development report 2023. – paris: sdsn, dublin: dublin university press, 2023.
8. Sdg investment. Trend monitor 2021. / unctad [электронный ресурс]. // url: [diaemisc2021d3_en_2.pdf](https://unctad.org/diaemisc2021d3_en_2.pdf) (unctad.org) (дата обращения: 20.08.2023).
9. Spiridonova n. Socio-economic consequences of covid-19 for the national economy in the context of sustainable development.// the 22th international scientific conference globalization and its socio-economic consequences. 2022.– zilina, slovakia: university of zilina, 2022. – p. 1394-1402.
10. Critical minerals market review 2023 / iea [электронный ресурс]. // url: <https://www.iea.org/reports/critical-minerals-market-review-2023> (дата обращения 20.08.2023).
11. Statistical review of world energy 2020 | 69th edition. / bp global [электронный ресурс]. // url: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения 20.08.2023).
12. Данные о мировой энергетике и климате – ежегодник 2023. [электронный ресурс]. // url: <https://energystats.enerdata.net/> (дата обращения 20.08.2023).
13. Sachs, j.[et al.]. The decade of action for the sustainable development goals: sustainable development report 2021.- cambridge: cambridge university press, 2021
14. Sachs j. [et al.]. Sustainable development report 2020: the sustainable development goals and covid-19 includes the sdg index and dashboards. – cambridge university press, 2021
15. Global sustainable development report. Unedited version. 2023 [электронный ресурс].url:<https://sdgs.un.org/sites/default/files/2023-06/advance%20unedited%20gsdr%2014june2023.pdf> (дата обращения 20.08.2023).
16. Селищева т.а. влияние пандемии covid-19 на экономику стран-членов Евразийского экономического союза и перспективы ее восстановления // известия санкт-петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 3(129). – с. 36–42.
17. Достижение целей в области устойчивого развития в регионе евразийского экономического союза. Статистический сборник / евразийская экономическая комиссия. – м., 2022. – 186 с
18. База данных sdgindex [электронный ресурс].url:<https://dashboards.sdgindex.org/downloads>

ГЛАВА 9. БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВАЯ, ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ И ВАЛЮТНАЯ ПОЛИТИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ

9.1. Финансирование предприятий оборонно-промышленного комплекса при помощи бессрочных облигаций: теоретические и практические аспекты

Актуальность направления исследования непосредственно связана с текущими вызовами, стоящими перед Россией в современной ситуации. Складывающаяся геополитическая обстановка делает чрезвычайно важной задачу наращивания долгосрочного финансирования предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Данная задача требует активного использования новых инструментов финансирования, помимо традиционного банковского кредитования на рыночных принципах, которое оказывается недостаточным для бесперебойного обеспечения оборонных предприятий финансовыми ресурсами. В настоящей статье речь пойдет об эмиссии облигаций предприятиями – участниками оборонного сектора России, в частности будет рассмотрена разновидность облигаций без определенного срока погашения («бессрочные» или «вечные» облигации).

Для подготовки статьи использованы работы, характеризующие сущность бессрочных облигаций, их особенности в современных российских условиях, выполненные Мишиным [1], Лозовым [2], Бакшеевым [3], сравнение облигаций с банковским кредитованием как источников средств финансирования, проведенное Кричевцом [4], общий обзор бессрочных облигаций как инвестиционного инструмента портала Investopedia [5].

В качестве источников информации использованы информация Банка России, нормативно-правовые документы РФ, требования и условия для облигаций российских эмитентов ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС» (Московская биржа) и ПАО «СПБ Биржа» (Санкт-Петербургская биржа), информация о котировках корпоративных облигаций агентства «СмартЛаб», методологии рейтинговых агентств «АКРА», «Эксперт-РА», «Национальные кредитные рейтинги» и «Национальное рейтинговое агентство».

Вечные облигации как инструмент привлечения финансирования

В июне 2021 г. вице-премьер Правительства РФ Юрий Борисов озвучил в интервью, что предприятия российского оборонно-промышленного комплекса заинтересованы в эмиссии вечных облигаций (без указания конкретных компаний) [6]. И хотя до текущего момента это предложение так и не было реализовано, оно, тем не менее, может представлять определенный интерес в аспекте финансирования отечественного ОПК. Рассмотрим эту идею более подробно.

Вечные (бессрочные) облигации представляют собой инструмент привлечения долгового финансирования в виде долговых ценных бумаг без

определенного срока погашения номинальной стоимости. То есть такой вид облигаций не имеет никакого срока погашения (является бессрчным), при этом инвестор получает регулярные купонные выплаты в предусмотренном размере. Как указывается в [5], бессрчные облигации работают схожим образом с привилегированными акциями, по которым выплачиваются дивиденды. Как владельцы таких акций получают платежи по дивидендам весь период владения, так и держатели бессрчных облигаций будут получать проценты по ним в течение всего срока, когда ценные бумаги находятся у них. При этом на практике в условиях выпуска таких облигаций зачастую предусматривается право эмитента на выкуп ценных бумаг по номинальной стоимости через некоторый промежуток времени (например, 5 или 10 лет) [7]. Впервые подобные облигации появились в Британской империи в середине XVIII века [8]. В России первый пример бессрчных облигаций относят к 1883 году, когда были выпущены государственные бумаги без срока погашения (впоследствии конвертированные в т. н. «золотые» облигации) [9]. Согласно [5], облигации без определенного срока гашения пользуются особым спросом как инструмент привлечения денежных средств во время экономических кризисов.

В современной России первоначально эмиссия бессрчных долговых ценных бумаг допускалась исключительно для кредитных организаций. Первопроходцем здесь стал банк «ВТБ», выпустивший вечные облигации в 2012 году. Начиная с 2018 г. эмиссия вечных облигаций разрешена и для нефинансовых организаций [10]. На текущий момент этой возможностью воспользовались ОАО «РЖД» и ПАО «Газпром». Так, в настоящее время в России обращаются следующие выпуски вечных облигаций нефинансовых предприятий (табл. 9.1):

Таблица 9.1

Бессрчные облигации нефинансовых организаций в обращении в России*

Эмитент	Наименование	Дата выпуска	Доходность, % годовых	Размер купона, % годовых
АО «РЖД»	РЖД 1Б-01	26.06.2020	12,6	6,55
	РЖД 1Б-02	31.07.2020	15,3	7,30
	РЖД 1Б-03	30.09.2020	10,0	11,36
	РЖД 1Б-04	22.10.2020	10,1	11,40
	РЖД 1Б-05	30.11.2020	1,4	12,09
	РЖД 1Б-06	03.12.2020	11,6	11,39
	РЖД 1Б-07	10.12.2020	0,0	11,99
ПАО «Газпром»	ГазпромК 2	25.06.2021	11,2	8,45
	ГазпромК 3	28.09.2021	10,8	8,60

* Источник: составлено автором на основе [11].

Как следует из таблицы 9.1, размещения выпусков бессрочных облигаций указанными юридическими лицами производились в 2020–2021 гг. Текущая доходность данных ценных бумаг варьирует от 0,0 до 15,3%.

Вечные облигации в контексте российского законодательства

Согласно [12], эмитент вечных облигаций должен соответствовать ряду требований:

- срок осуществления хозяйственной деятельности – не менее пяти лет;
- отсутствие в течение пяти последних лет случаев существенного нарушения исполнений обязательств по облигациям. При этом к существенным нарушениям относятся просрочка платежа по процентам либо номинальной стоимости облигации на срок более 10 рабочих дней (либо меньший срок, если такой срок предусмотрен в условиях выпуска облигаций), просрочка исполнения обязательств по выкупу облигаций сроком свыше 10 рабочих дней, если такие обязательства предусмотрены, утрата либо существенное ухудшение обеспечения по облигациям;

- организации присвоен кредитный рейтинг, соответствующий наивысшему рейтинговому уровню по национальной шкале для Российской Федерации.

Первые два требования в целом понятны и каких-то трудностей для организаций оборонно-промышленного комплекса не представляют. Рассмотрим более подробно третье требование.

Согласно пресс-релизу Банка России [13], наивысший рейтинговый уровень у рейтинговых агентств, включенных на данный момент в реестр кредитных рейтинговых агентств, соответствует следующим значениям (табл. 9.2):

Таблица 9.2

Наивысшие кредитные рейтинги аккредитованных Банком России рейтинговых агентств**

Кредитный уровень / Рейтинговое агентство	АКРА (АО)	АО «Эксперт РА»	ООО «НКР»	ООО «НРА»
Наивысший / максимальный уровень кредитоспособности / финансовой надежности / финансовой устойчивости	AA (RU)	ruAAA	AAA.ru	AAA ru

** Источники: [13].

На данный момент среди компаний, обладающих наивысшим рейтингом в указанных агентствах, предприятий оборонно-промышленного комплекса нет, за исключением государственных корпораций ГК «Роскосмос», ГК «Росатом», ГК «Ростех» (в агентстве АО «АКРА», ГК «Роскосмос» также обладает наивысшим рейтингом и по шкале агентства АО «Эксперт РА»).

Детальное исследование методологии данных рейтинговых агентств применительно к предприятиям оборонно-промышленного комплекса не входит в

задачи данного исследования. Однако следует отметить, что для предприятия ОПК получение наивысшего рейтинга в целом маловероятно, принимая во внимание специфику данной отрасли. Так, ряд стандартных факторов из рейтинговых моделей для компаний ОПК не может быть оценен наивысшим образом (для примера взяты факторы из методологии агентства «АКРА», но и у остальных агентств методики оценки похожи):

- финансовая прозрачность. Как правило, под прозрачностью здесь понимается качество раскрытия информации, в том числе составление отчетности по МСФО. Компании, не составляющие отчетность по МСФО, не могут получить по этому критерию хорошую оценку;

- географическая диверсификация. По этому параметру важное значение имеет наличие экспортных контрактов, что также в текущих условиях может быть затруднено¹⁹. С долей экспорта менее 20% данный фактор будет оценен на среднем уровне;

- качественная оценка долговой нагрузки. Данный критерий учитывает диверсификацию кредиторов. Однако в России не так много кредитных организаций, которые кредитуют предприятия ОПК (по экспертным оценкам 70% кредитного портфеля ОПК приходится на опорный банк в соответствии с Федеральным законом №275-ФЗ [14] – ПАО «Промсвязьбанк»), поэтому маловероятно получение по этому критерию оценки выше среднего уровня;

- зависимость от субподряда и комплектующих. Здесь также маловероятно получение высокой оценки, поскольку в рамках гособоронзаказа (ГОЗ) предусматривается кооперация предприятий для производства продукции / выполнения работ, редко головной исполнитель ГОЗ осуществляет свои работы автономно, без соисполнителей либо субподрядчиков.

При этом следует учитывать, что максимальная оценка количественных факторов оценки соответствует крайне устойчивому финансовому положению и свойственна скорее только крупнейшим компаниям страны. Поэтому интегральная рейтинговая оценка оборонного предприятия окажется на уровне, не соответствующем наивысшему кредитному рейтингу.

К иным особенностям вечных облигаций следует отнести то, что они, в соответствии с [12], должны обладать номиналом не меньше 5 млн рублей и что распространение таких облигаций должно осуществляться среди квалифицированных инвесторов²⁰. Регистрация эмиссии вечных облигаций осуществляется в Банке России.

---

¹⁹ Кроме того, у автора нет данных, принимается ли в рамках данного фактора наличие контрактов с АО «Рособоронэкспорт» в рамках военно-технического сотрудничества (ВТС), поскольку прямых экспортных контрактов предприятия ОПК, как правило, не заключают.

²⁰ Понятие квалифицированного инвестора раскрывается также в [12]. К ним относятся, в частности, профессиональные участники рынка ценных бумаг, кредитные организации, акционерные инвестиционные фонды, страховые организации и т.п. Физическое лицо может быть признано квалифицированным инвестором в случае, если оно соответствует ряду критериев в части образования, опыта работы с финансовыми инструментами, имущества и др.

Также существуют дополнительные требования у ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС» (Московская биржа) и ПАО «СПБ Биржа» (Санкт-Петербургская биржа) для включения облигаций в котировальный список. Так, у обеих бирж действует требование о размере номинальной стоимости одной облигации для включения выпуска в список первого или второго котировального уровня: номинал не должен превышать 50 000 рублей или 1 000 денежных единиц, если номинал облигации выражен в иностранной валюте. Это условие прямо противоречит положениям [12] в части минимального номинала бессрочной облигации, приведенным выше. Таким образом, бессрочные облигации могут быть отнесены только в котировальный список третьего уровня, предназначенный для квалифицированных инвесторов. В отношении котировального списка третьего уровня каких-то специфических требований нет, за исключением обязательств эмитента по раскрытию информации. При этом в перечень информации входит бухгалтерская отчетность с приложением аудиторского заключения за два последних года. Важно отметить, что раскрытие бухгалтерской и финансовой информации по компаниям ОПК, с нашей точки зрения, сейчас нецелесообразно по очевидным соображениям: финансовые данные дают пусть и косвенную, но информацию по объемам выпуска продукции, величине заключенных контрактов, производственных мощностях, планируемых будущих показателях и прочем, что может предоставить нежелательные данные в руки противников Российской Федерации.

Преимущества и недостатки бессрочных облигаций

Рассмотрим преимущества и недостатки подобного вида финансирования для предприятий ОПК. Основным преимуществом для компании, как это следует даже из названия данного финансового инструмента, является бессрочность, то есть отсутствие погашения номинальной стоимости ценной бумаги. По сути, это позволяет приравнять вечные облигации к собственному капиталу предприятия, в то время как банковские кредиты, как правило, должны постоянно рефинансироваться, что, с одной стороны, сопряжено с временными затратами (сбор документов на кредитование, подготовка и подписание договоров и документов на одобрение сделки), с другой – с пересмотром процентной ставки по кредиту. Данное свойство вечных облигаций дает возможность использовать этот источник для финансирования длительных инвестиционных проектов, модернизации и технического перевооружения производства, научно-исследовательской деятельности и т.п. цели, которые не могут быть профинансированы за счет банковского кредитования. Согласно [2, с. 33] бессрочные облигации позволяют заемщику реализовывать «широкомасштабные и долгосрочные инвестиционные проекты с целью получения синергетического эффекта от взаимодействия инновационной и инвестиционной политик, проводимых государством и рационального использования как частных, так и государственных инвестиций». Данные облигации не могут быть предъявлены к досрочному погашению одним или несколькими кредиторами, ставя под угрозу финансовую устойчивость компании. Кроме того, согласно [7], при размещении вечных

облигаций, как правило, предусматривается период, по истечении которого эмитент имеет право досрочного выкупа облигаций (право реализуется в виде опциона колл, то есть эмитент может обратиться за досрочным выкупом, и в этом случае держатель облигаций обязан их продать). То есть при использовании аналогичного механизма при эмиссии вечных облигаций предприятиями ОПК, компания-эмитент сможет самостоятельно регулировать реализацию права на досрочное погашение и прогнозировать свои денежные потоки.

Еще одним преимуществом бессрочных облигаций, связанным с особенностями действующего законодательства, является то, что их размещение не требует составления и регистрации проспекта ценных бумаг²¹.

В [4, с. 86] приводятся следующие преимущества облигационного финансирования по сравнению с банковским кредитованием (применимые и для бессрочных облигаций):

- размер заимствований. При банковском кредитовании размер ссуды ограничен нормативами Банка России по риску на одного заемщика²², в то время как облигационное финансирование предполагает широкий круг заимодавцев, юридических и физических лиц; следовательно, и максимальный размер заимствования может быть больше;

- отсутствие ограничений по целевому использованию. В кредитных договорах с банками целевое использование кредитных средств четко зафиксировано (есть кредитные продукты с довольно широкими целями – например, пополнение оборотных средств, но и в этом случае предусматриваются определенные ограничения по использованию кредита), в то время как средства, привлеченные по облигационному займу, заемщик имеет право использовать по своему усмотрению;

- положительный информационный эффект в случае стабильного обслуживания компанией облигационного займа, повышение ее репутации на финансовом рынке.

В свою очередь, к недостаткам бессрочных облигаций следует отнести следующее:

- необходимость получения наивысшего кредитного рейтинга по национальной шкале Российской Федерации, что для предприятия ОПК является затруднительным;

- обязательное раскрытие информации в соответствии с требованиями биржи для включения облигаций в котировальный список;

---

²¹ В соответствии с подпунктом 1) пункта 1 статьи 22 [12] составление и регистрация проспекта не требуется, если ценные бумаги размещаются исключительно среди квалифицированных инвесторов. Размещение вечных облигаций среди квалифицированных инвесторов прямо регламентировано данным законом (см. выше).

²² Норматив максимального размера риска на одного заемщика или группу связанных заемщиков (Н6), Норматив максимального размера крупных кредитных рисков (Н7), Норматив максимального размера риска на связанное с банком лицо (группу связанных с банком лиц) (Н25).

- расходы, связанные с эмиссией ценных бумаг. По оценке самих представителей оборонно-промышленного комплекса дополнительные расходы на выпуск облигаций могут составлять до 5% суммы эмиссии [15]. Величина комиссий, связанных с получением финансирования в кредитной организации, существенно меньше;

- обязательная регистрация выпуска облигаций без срока погашения в Банке России, в то время как обычные выпуски могут регистрироваться и у регистраторов;

- ограничение круга покупателей бессрочных облигаций исключительно квалифицированными инвесторами, минимальная номинальная стоимость одной облигации в размере 5 млн рублей;

- повышенная купонная доходность бессрочных облигаций по сравнению с обыкновенными долговыми бумагами [7], то есть более высокая процентная нагрузка, чем при эмиссии срочных облигаций.

Предлагаемые изменения

Таким образом, при всей привлекательности идеи эмиссии вечных облигаций предприятиями ОПК для финансирования своих инвестиционных программ и программ модернизации производства существуют определенные недостатки и ограничения их применения, связанные как с особенностями российского законодательства в области ценных бумаг, так и со спецификой оборонно-промышленного комплекса в целом. В связи с этим для возможности внедрения эмиссии бессрочных облигаций как инструментов финансирования предприятий ОПК автором предлагаются следующие изменения в [12], правила включения ценных бумаг в котировальный список Московской биржи [16] и Санкт-Петербургской биржи [17], а также в методологию рейтинговых агентств:

1. Предоставить возможность приобретения вечных облигаций, эмитированных предприятиями оборонно-промышленного комплекса, неквалифицированным инвесторам, снизить минимальную номинальную стоимость таких облигаций до 50 000 рублей.

2. Заменить в [12] требование о наивысшем кредитном рейтинге для эмитентов облигаций без определенного срока погашения на обязательный кредитный рейтинг не ниже третьей ступени²³, если эмитент является предприятием ОПК и входит в интегрированные структуры ОПК, принадлежащие государству (например, ГК «Ростех», АО «ОСК» и др.), либо облигаций без определенного срока погашения, обеспеченных государственными гарантиями Российской Федерации. Цель указанных мер – с одной стороны, сделать эмиссию бессрочных облигаций возможной для предприятий ОПК, с другой – позволить более широкому кругу инвесторов их приобретать, учитывая, что бессрочные облигации ОПК в текущих условиях, с нашей точки зрения, следует рассматри-

---

²³Для агентства «Акра» – не ниже А (RU), А- (RU), «Эксперт-РА» – не ниже ruA, ruA-, «НРА» – А [ru], А- [ru], «НКР» – А.ru, А-.ru.

вать не столько как способ зарабатывания денег инвестором, сколько как инструмент аккумуляции свободных денежных средств как юридических, так и физических лиц оборонно-промышленным комплексом. Альтернативным вариантом является внесение изменений в методологии рейтинговых агентств, которые бы позволили наиболее успешным предприятиям ОПК получить наивысший кредитный рейтинг (например, добавление положительного коэффициента за отрасль, исключение фактора наличия/отсутствия отчетности по МСФО для компаний ОПК. не оценивать положение на рынке исходя из доли экспорта и т.п.). Однако поскольку рейтинговые агентства являются независимыми от государства и не имеют какой-то мотивации в увеличении финансирования ОПК, более предпочтительным является первый вариант.

3. Исключить из требований для включения в котировальный список обязательство публичного раскрытия финансовой информации для предприятий ОПК. Раскрытие данных возможно в частном порядке для инвесторов при условии подписания соглашения о конфиденциальности. Данная мера предлагается в связи с тем, что в текущей ситуации раскрытие каких-либо показателей деятельности оборонных предприятий очевидно нецелесообразно.

При этом стоит отметить, что даже при применении перечисленных мер бессрочные облигации будут более дорогими для предприятий ОПК, нежели банковские кредиты (к приведенной выше доходности по облигациям ПАО «Газпром» и АО «РЖД» необходимо добавить надбавку за риск для менее крупных компаний). Вызывает вопрос и привлекательность данных вложений в глазах инвесторов, как физических, так и юридических лиц, поскольку предприятия-эмитенты могут не быть на слуху для широкого круга лиц, ограниченное раскрытие информации может вызывать опасения и т.д. В этой связи развитие вечных облигаций должно идти параллельно с внедрением иных инструментов для решения обозначенной задачи привлечения дополнительного финансирования в оборонно-промышленный сектор, например, централизованных оборонных облигаций, эмитированных государством²⁴, так как государство способно привлечь необходимые средства под более низкий процент и профинансировать проекты ОПК с помощью бюджетных субсидий.

Таким образом, бессрочные облигации представляют собой долговые обязательства без определенного срока погашения, т.е. предполагающие вечную выплату купона, но без осуществления погашения номинальной стоимости. В современной России подобный вид облигаций появился с 2012 г., при этом нефинансовым организациям разрешено эмитировать такие ценные бумаги с 2018 г. В настоящее время на рынке обращаются вечные облигации, эмитированные АО «РЖД» и ПАО «Газпром». К преимуществам бессрочных облигаций для эмитентов следует отнести отсутствие погашений номинала, что позволяет приравнять эти обязательства к собственному капиталу эмитента, превышение суммы привлечения над банковским кредитованием, отсутствие ограничений по целевому использованию. К недостаткам – более высокому доход-

---

²⁴ Более подробно см. [18].

ность по сравнению с обычными долговыми ценными бумагами, величину расходов на эмиссию (до 5% от суммы размещения).

В соответствии с [12] существуют определенные требования как к эмитентам бессрочных облигаций, так и к самим облигациям. Так, эмитент бессрочных облигаций должен вести деятельность не менее пяти лет, не иметь нарушений в обслуживании облигационных обязательств и обладать наивысшим кредитным рейтингом. Номинальная стоимость одной бессрочной облигации должна составлять не менее 5 млн рублей, их реализация возможна только среди квалифицированных инвесторов. В свою очередь существуют дополнительные требования для включения ценных бумаг в котировальные списки, предполагающие, в частности, раскрытие финансовой информации.

Исходя из действующих методологий рейтинговых агентств, предприятиям ОПК сложно получить наивысший кредитный рейтинг в связи со спецификой отрасли, отражающейся на таких факторах, как финансовая прозрачность, географическая диверсификация, диверсификация долговой нагрузки, зависимость от субподряда. В свою очередь указанные правила эмиссии бессрочных облигаций (требования по минимальной сумме, возможность реализации исключительно среди квалифицированных инвесторов) ограничивают возможный круг покупателей и исключают из него физических лиц. В связи с этим предлагается внести ряд изменений в законодательство о ценных бумагах и биржевые правила включения ценных бумаг в котировальный список (в части минимального кредитного рейтинга, круга покупателей вечных облигаций, обязательства эмитента по раскрытию информации). Вместе с тем, более высокая доходность вечных облигаций и риск низкого спроса на долговые бумаги закрытых предприятий ОПК делают необходимым параллельное внедрение и иных инструментов финансирования, например, целевых государственных облигаций, которые могли бы быть эмитированы для финансирования приоритетных инвестиционных проектов в сфере оборонной промышленности и модернизации оборонных компаний.

Литература

1. Мишин А.А. Cocosbond как новый инвестиционный инструмент // Вестник науки. – 2019. – №6 (15).
2. Лозовой Е.В. Новые пути инвестиционного финансирования инфраструктурных проектов в России // ViaScientiarum- Дорога знаний. – 2020. – №3.
3. Бакшеев С.В. Новые финансовые инструменты как драйверы антикризисной экономической политики России // ViaScientiarum – Дорога знаний. – 2021. – №2.
4. Кричевец Е.А., Федосюк М.Ю. Сравнительный анализ банковского и облигационного кредитования предприятий в Российской Федерации. // Наука без границ. – 2021. – №2 (54).
5. L. Smith. An overview of perpetual bonds. [Электронный ресурс]. // URL: <http://investopedia.com/articles/investing/082313/perpetual-bonds-overview.asp> (дата обращения: 23.06.2023).
6. ИА «Финмаркет». Предприятия ОПК задумываются о выпуске «вечных» облигаций – вице-премьер Борисов. [Электронный ресурс]. // URL:<http://www.finmarket.ru/news/5494843> (дата обращения: 23.06.2023).
7. Рушайло П. Премия за вечность. // Деньги. – 2020. [Электронный ресурс]. // URL:<https://www.kommersant.ru/doc/4583586> (дата обращения: 23.06.2023).

8. Consol (bond). [Электронный ресурс]. // URL:[https://en.wikipedia.org/wiki/Consol_\(bond\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Consol_(bond)) (дата обращения: 23.06.2023).
9. Государственные облигации в России. [Электронный ресурс]. // URL:<https://fingram-history.oc3.ru/contents/gosudarstvennyye-obligatsii-v-rossii> (дата обращения: 23.06.2023).
10. Федеральный закон от 27.12.2018 №514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования осуществления эмиссии ценных бумаг».
11. Котировки корпоративных облигаций, Московская биржа. [Электронный ресурс]. // URL:http://smart-lab.ru/q/bonds/order_by_mat_date/desc/page7/ (дата обращения: 23.06.2023).
12. Федеральный закон от 22.04.1996 №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».
13. Банк России. Информация о сопоставлении рейтинговых шкал российских кредитных рейтинговых агентств. Пресс-релиз от 30.12.2021. [Электронный ресурс]. // URL:https://cbr.ru/press/pr/?file=30122021_101000PR2021-12-30T10_03_38.htm(дата обращения: 23.06.2023).
14. Федеральный закон от 29.12.2012 №275-ФЗ «О государственном оборонном заказе».
15. Сидоркина А. Предприятия ОПК дистанцировались от биржи // Коммерсант. – 2021.
16. Требования для облигаций российских эмитентов ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС». [Электронный ресурс]. // URL:<https://www.moex.com/a2588>(дата обращения: 23.06.2023).
17. Условия для включения облигаций российских эмитентов ПАО «СПБ Биржа». [Электронный ресурс]. // URL:<https://spbexchange.ru/ru/listing/securities-access/requirements/requirements2.aspx>(дата обращения: 23.06.2023).
18. Бродский Г.М. Государственные займы населения как источник финансирования оборонно-промышленного комплекса: советский опыт и возможность использования в современных условиях // Экономическая безопасность. – 2023. – Том 6. – №2.

9.2. Финансализация глобальной экономики: евразийский аспект

Под воздействием геоэкономических подвижек наблюдаются изменения в процессах финансиализации и глобализации хозяйства. В этой связи необходимо определить проблемные области, связанные с будущим этих процессов. Следует также обозначить вызовы для теории и практики регулирования финансового сектора на макро- и микроэкономическом уровне в связи с замедлением общего процесса глобализации, усиления действия тенденций к деглобализации и формирования структурной и фрагментарной глобализации и роли в этом процесс финансиализации отдельных субглобальных структур.

При анализе изменений авторы исходили из следующих гипотез: объем финансовой экономики по отношению к реальной экономике в одних странах гипертрофирован, а в других наблюдается отставание в проникновении финансов в хозяйство; финансиализация и глобализация в последние годы потеряли свою динамику и ищут пути будущего развития; продвижение в позитивном направлении потребует некоторых важных реформ всей финансовой системы на микро- и макроэкономическом уровне, в частности возможно фрагментировать процесс финансиализации, например, в региональном плане; евразийский вариант развития открывает перспективы для перехода к новому этапу финансиализации и глобализации, способного повысить финансовую устойчивость как на региональном, так и глобальном уровне.

Методологические основы, используемые для подтверждения рабочих гипотез, состояние исследования проблемы

Финансиализация мировой экономики – сравнительно новое в теории понятие. Как категория финансиализация представлена в литературе, с одной стороны, как самостоятельное явление, а с другой – как явление, связанное с процессом глобализации [1]. Его определяют по-разному, иногда как процесс, предполагающий возрастание значения финансов, финансовых мотивов, финансовых рынков, финансовых субъектов и финансовых институтов в экономике, что приводит к изменению поведения экономических субъектов в тесной связи с процессами глобализации, которые являются относительно автономными [2].

В других случаях его представляют как процесс, в котором финансовые рынки, финансовые институты и финансовая элита получают сильное влияние на экономическую политику и экономические результаты [3].

Нередко финансиализацию связывают с глобализацией в связи с либерализацией движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы и инноваций и, тем самым, с распространением данного процесса в международной сфере [4]. В этой связи важным аспектом финансиализации и глобализации, по нашему мнению, является её воздействие на природу и экстерриториальные возможные эффекты действия отдельных государств [5].

Кроме того, финансиализацию рассматривают как особый этап эволюции хозяйства или сводят к процессу перераспределения, которым владеют современные бумажные деньги и управляют глобальные банки. Так, процесс создания новых денег в глобальной банковской системе [6] чрезвычайно стимулирует финансиализацию, поскольку гипертрофированное обращение бумажных денег почти полностью отделено от основ реальной экономики и приносит прибыль. В таком контексте деятельность, связанную с финансиализацией, определяют как чисто распределительную (т. е. обеспечивающую только распределение и перераспределение богатства в обществе без увеличения его совокупного объема). Тем самым возрастает разрыв между финансовым и реальным секторами хозяйства.

В целом процесс финансиализации имеет специфику развития в глобальном, страноведческом и региональном плане. В евразийском пространстве на него оказывают влияние интеграционные финансовые процессы, переход торговых отношений между странами к расчетам в местных валютах и формирование единого евразийского финансового рынка [7].

Структурные изменения в функционировании рынка свидетельствуют о растущем значении финансового сектора, который в условиях финансиализации заменяет традиционный производственный процесс. Финансовый сектор экономики больше не является инструментом более эффективного функционирования реальной экономики, его деятельность за последние десятилетия непропорционально возросла [8].

Глобализация – это сложный, многоуровневый и разнообразный процесс, который происходит как минимум в четырех основных взаимосвязанных сфе-

рах: технической, экономической, социальной и политической [9]. Его наиболее заметной составляющей является территориальная реструктуризация экономической деятельности, связывающая производства и рынки разных стран через товарные, финансовые и информационные потоки во взаимозависимую сеть собственности и управления транснациональных корпораций на глобальном уровне. Существует также новая международная финансовая система, почти полностью отделенная от реальной экономики с доминирующим положением виртуальных финансовых операций и спекуляций – так называемая экономика казино [10].

Гиперглобализация конца прошлого века позволила динамично расти финансиализации, которая затем выступала ее обратным мультипликатором. В финансовом мире уже давно развивается процесс экономической глобализации, за которым следуют энергетические, информационные и торговые потоки, а также глобализация в сегменте рынка труда. Под влиянием глобализации происходит усиление процесса финансиализации, актуализируются проблемы, связанные с безопасностью и устойчивостью финансового сектора [11]. В настоящее время наблюдаются попытки решить данные проблемы за счет создания многополярных валютных и финансовых объединений и взаимодействия равноправных валютных и финансовых рынков.

В социально-политической сфере глобализация и финансиализация сопровождаются рядом негативных явлений в виде поляризации общества и углубления неравенства доходов, вымыванием среднего класса, крайней концентрацией власти в руках корпораций, потерей индивидуальной власти, рост религии или рост радикализма, а также поляризацией и фрагментацией масштабов и глубиной финансового проникновения.

В политической сфере будущая способность национальных государств осуществлять контроль над корпорациями в качестве регулятора последней инстанции становится основной проблемой, когда корпорации становятся почти равноценными партнерами государств. Небольшие шансы национальных государств в этом отношении требуют усиления транснациональной политической интеграции и межгосударственной координации нормативной базы развития. Такая координация является важным инструментом, устраняющим наихудшие негативные последствия финансиализации экономики, о чем свидетельствует относительно эффективный способ регулирования мирового финансового сектора после кризиса 2008 года в форме соглашений о капитале Базель III, применение которых в значительной степени ограничило международные переводы кредитов. и спекулятивный капитал.

Глобальный финансовый кризис стал следствием, но также и фактором обратной связи в углублении финансиализации. Но поиск результатов этого в условиях гипертрофированной финансиализации открывает новые проблемы. Одно из них является угроза высокой инфляции, порожденная нынешней денежно-кредитной политикой центральных банков, выбранной в качестве ответа на кризис в большинстве развитых стран мира. В рамках мягкой денежно-

кредитной политики они выпускали огромные объемы бумажных денег с целью стимулирования экономического роста или устранения потерь капитала, вызванных лопанием пузырей на финансовых рынках. Это было сделано в основном за счет количественного смягчения, нетрадиционных операций денежно-кредитной политики или интервенций на валютных рынках, которые вызвали валютные войны. Как следствие, большое количество бумажных денег циркулирует в мировой экономике, перемещаясь в реальную экономику с целью спекуляций, а также на счета банков, откуда они постепенно выпускаются в экономику. Это приводит к так называемой таргетированной инфляции, а также запускает экономический рост в развитых странах, сопровождающийся медленно растущей инфляцией. Проблемой остается возможность обеспечения долгосрочной устойчивости такого, по сути, неестественного экономического роста, за счет использования нетрадиционных инструментов денежно-кредитной политики центрального банка.

Таргетированная инфляция в любой момент может выйти из-под контроля, результатом чего может стать долгосрочная тенденция ее неконтролируемого роста. Отсутствие возможности использовать «новые» деньги в реальной экономике вновь приводит к возникновению различных ценовых пузырей в сфере спекулятивных активов, торгуемых на финансовых рынках, или цен на недвижимость. Однако традиционные инструменты денежно-кредитной политики, которые попытаются регулировать эту тенденцию (рост процентных ставок центральных банков), приведут к увеличению доли и объема необслуживаемых кредитов для обеих групп активов. Это создает несколько форм угроз, которые допускают системный финансовый кризис не только на национальном, но и на глобальном уровне.

Однако высокий и постоянно растущий уровень долга в результате кредитной экспансии наблюдается не только в домашнем и корпоративном секторах, но и в финансовой сфере. Нивелирование финансовых кризисов, а также спадов, вызванных пандемией 2020–2022 гг. за счет средств госбюджета в связи с ростом задолженности ряда крупных экономик, это, по сути, была всего лишь реструктуризация долга (или его частичная амортизация). В таких условиях никакие материальные меры для преодоления последствий кризиса в реальной экономике не разрабатывались. Мягкая фискальная и монетарная политика, используемая для успокоения финансовых рынков, увеличивала объемы денег, направляемых на финансовые рынки, меняя процентные ставки или сроки погашения, а также спекуляции, но не привела к существенному сокращению задолженности ряда государств, скорее наоборот.

Перспективы дальнейшего развития финансовализации экономики и её влияние на функционирование финансовых рынков

В настоящее время финансовализация, как и глобализация оказалась на определенном распутье и находится в состоянии ожидания принятия решения о дальнейшем направлении развития. Поскольку оба процесса имеют некоторые общие характеристики, в том числе многослойность и противоречия между от-

дельными его компонентами, возможен поиск их дальнейшего направления в разрешении взаимоотношений между их слоями. К ним, в частности, относится соотношение внутренней (внутренней) и внешней (международной) финансовализации отдельных экономик, поскольку оно также имеет существенное (возможно, до сих пор доминирующее) измерение внутри национальных экономик, что отличается от процесса глобализации. Это также взаимосвязь между техническими, экономическими и социальными аспектами, соотношение глубины и широты финансовализации, а также взаимосвязь между реальной экономикой и автономией финансовой экономики. Эти отношения и развитие их взаимоотношений определяют дальнейшую направленность процесса.

Внутренняя структура финансовализации позволяет сделать вывод о том, что нельзя ожидать какого-то линейного развития. Конфликт противоречивых тенденций, которые принесут отчасти некоторые положительные выгоды, но и отрицательные элементы для развития мировой экономики. На эти тенденции снова будут влиять две группы факторов: объективное развитие социальных процессов заданное, в частности, направлением глобального экономического и прежде всего технического развития, и субъективные влияния, т. е. вмешательства субъектов политической сферы, пытающихся изменить эти процессы в соответствии с интересами различных групп.

Возможно, одним из важнейших объективных факторов станет фрагментация глобализации [12]. В настоящее время процесс глобализации находится на перепутье. Особенности евразийского развития могут стать отправной точкой для изменения направлений в сторону фрагментации глобализации и финансовализации соответствующего фрагмента.

Геополитические подвижки могут значительно ускорить процессы протекционизма и перевести их на новый уровень. Решить проблему роста тенденций, направленных за автономность развития и протекционизм можно посредством фрагментарной глобализации, образцом которой может выступать евразийский тип развития.

При этом возможны варианты на региональной основе, во-первых, в форме как это происходило внутри старых регионов (ЕС, Северная Америка) с сопровождением экспансии в регионы с новыми центрами экономического развития в Азии, Латинской Америке и Африке. Во-вторых, в новых регионах, например, евразийском, который переживает подъем индустриализации и перестройки экономической структуры.

Кроме того, более радикальные изменения, вызванные этим новым этапом финансовализации и глобализации, могут спровоцировать еще более фундаментальные изменения в модели социально-экономического развития, такие как переход к совместной экономике и инклюзивному росту, основанному на альтернативных путях экономического и социального развития. При этом важным становится изменение характера и формы распределения результатов хозяйственной деятельности. Новые формы возможны в результате перехода на условия устойчивого развития, гармонизации природы с человеком и экономи-

ческим ростом, гарантированного безусловного дохода, продвижения принципов справедливой торговли в практику международной торговли и т. д.

Изменения могут привлечь внимание к реформированию экономики. международной валютной и глобальной финансовой системы, децентрализации систем инфраструктуры распределения энергии, сокращение объема глобальных цепочек добавленной стоимости, возвращение к продовольственной самообеспеченности на региональном уровне и т. д. Однако можно ожидать, что реализация этих альтернатив будет медленной и длительной. Высокие темпы роста, ориентированные на эволюционные изменения существующей системы или выполняющие задачу выхода из глубоких структурных кризисов, вероятно уходят в прошлое. Им на смену приходит развитие, ориентированное на гармоничное соединение человека с природой и в таком союзе эффективное использование имеющихся ресурсов и переход к системе функционирующей в новом режиме экономик отдельных стран, регионов и межрегиональных образований.

Процессы цифровизации и перехода на инструменты устойчивого развития и их последствия

Влияние цифровизации на глобализацию и финансиализацию будет иметь важное значение для дальнейшего направления их развития. Динамика цифровизации приведет к расширению инноваций в финансовом секторе, а также к внедрению принципиально новых бизнес-моделей (таких как цифровизация, робототехника, искусственный интеллект, интернет-вещей, высокочастотная биржевая торговля, автоматизированное портфельное управление и т. д.). Текущие стратегические технологические инновации в этом секторе, связанные с цифровизацией, которые во многом будут определять его дальнейшее функционирование на глобальном уровне, можно, в частности, рассматривать как увеличение систем так называемых платежей в реальном времени, распределенных систем взаимодействий, интеграции финтех- и телекоммуникационных корпораций в финансовую систему. В этом же направлении действует интеллектуальный анализ больших данных, которым располагают финансовые учреждения, и т. д. Однако эти тенденции не только приведут к развитию финансовой системы, но и потенциально могут разрушить существующие модели ведения финансового бизнеса.

Другие последствия включают ожидаемое снижение доходности различных финансовых инструментов, что повлияет на направленность потоков капитала в сфере финансовых инвестиций. Факторы, которые привели к высокой доходности финансовых инвестиций за последние тридцать лет, ослабли и даже поменялись местами, что может привести к изменению поведения инвесторов и снижению интереса к этому виду инвестиций. К тому же появление финансовых инструментов, определяющих зеленое и устойчивое развитие также способно изменить содержание процесса финансиализации и переориентировать его с преимущественной связи с традиционными и грязными производствами и технологиями на новые и чистые направления развития.

Возможно одним из важнейших объективных факторов станет фрагментация глобализации. В настоящее время процесс глобализации находится на

перепутье. Особенности евразийского развития могут стать отправной точкой для изменения направлений в сторону фрагментации глобализации и финансиализации соответствующего фрагмента.

Возможны также и другие варианты развития, а именно продолжение предыдущих тенденций глобализации вслед за предыдущей стадией так называемой гиперглобализации, которую можно определить как глобализацию 3.0 и ее дальнейшее развитие в следующую отличную от предыдущей стадии глобализации 4.0. Такой подход может соответствовать разработанной классификацией индустриализации на 3.0 и 4.0.

Возможным вариантом станет противоположный процесс, на который указывают нынешние тенденции, называемые деглобализацией.

В любом случае дальнейшее развитие глобализации, деглобализации и фрагментарной глобализации нельзя считать линейным, реальность текущего развития показывает некоторые его возможные варианты, которым в некоторой степени способствуют глобальные события – усиление протекционизма, ведущее в определенной степени замкнутости экономик и обращении на решение внутренних проблем.

Альтернативой может стать продолжение модифицированной формы глобализации. Она может возникнуть на основе создания новой многополярной не только региональной, но и разбросанной в разных регионах, но объединенных едиными интересами структуры мировой экономики (с динамичным БРИКС). В таких структурах полюса будут развиваться в сторону интенсивной взаимосвязи, а также формирования общих интересов и повышения значимости через объединение силы, которая может стать важным фактором будущего развития.

Будущее развитие финансиализации в евразийском пространстве во многом зависит от выбора налогово-бюджетной политики в странах, которые очевидно требуют серьезных изменений и где также можно ожидать противоречивые тенденции. В связи с этим необходимо перейти от ряда типичных для многих стран развития модели финансового развития. Во-первых, следует заменить неустойчивую модель государственных финансов, основанных на росте задолженности, типичной для развития государственных финансов большинства стран с развитой экономикой.

Во-вторых, следует разработать комплекс мероприятия, обеспечивающих повышенную устойчивость государственных финансов. В-третьих, необходимо усиление банковского сектора, отделив финансовый сектор от государственных финансов и создав их автономию в случае провалов рынка или системных кризисов в результате макропруденциальных подходов в регулировании и надзоре, что способно привести к снижению объемов торговли различными суверенными долговыми инструментами. С точки зрения других политических мер, которые можно ожидать в будущем, можно предпринять усилия по сдерживанию чрезмерной финансиализации в сочетании с модификациями фискальной и монетарной политики штатов и центральных органов власти.

Итак, структура финансиализации и её связь с глобализацией позволяет сделать вывод о том, что нельзя ожидать линейного развития данных процессов. Формируются условия для многовариантного взаимодействия и развития этих процессов, среди которых евразийская интеграция, сопровождаемая финансиализацией станет достаточно заметным и со временем более определяющим фактором развития. Конфликты противоречивых тенденций, которые способны принести как положительные выгоды, так и отрицательные элементы для дальнейшего развития. На эти тенденции будут влиять две группы факторов: объективные, определяемые развитием социальных, экономических и природно-климатических процессов, направлением финансиализации и перехода к финансированию чистых технологий и производств, и субъективные влияния, т.е. вмешательство субъектов политической сферы, пытающихся изменить (как ускорить, так и замедлить) эти процессы в соответствии с интересами различных групп влияния.

Рассматривая будущее финансиализации в контексте евразийской интеграции, можно ожидать дальнейшее более относительно независимое развитие финансовой и экономической сфер в результате процесса их глобализации. В основе этого будут находиться различные факторы, среди которых определяющими являются не только уникальная природная ресурсная база, которая обеспечивает инклюзивный тип развития, а также географическая определенность и масштабность территории, требующие особого инфраструктурного обеспечения, но и общие интересы и задачи по сохранению природы и естественного потенциала для последующих поколений.

Невозможно решение проблемы финансовой гипертрофии в глобальной экономике техническими и технологическими инновациями. Ее решение потребует более фундаментальных социально-экономических реформ всей финансовой системы в направлении многополярности с учетом многосторонних интересов, а также региональных и других новых форм кооперации. Проведенный обзор будущих перспектив финансиализации показывает существование ряда открытых вопросов, требующих теоретической доработки и, в частности, последующего внедрения в экономическую и политическую практику, связанную с регулированием финансового сектора.

1) наметился переход от господства макроэкономического регулирования к разработке и активизации новых инструментов микроэкономического регулирования финансового сектора, позволяющих воспользоваться положительными преимуществами инноваций, связанных с ускорением цифровизации и преодолением глобализации 4.0, одновременно ограничивая возможность возникновения непредсказуемого системного кризиса нового типа;

2) ограничение гипертрофии сектора финансового посредничества и его автономии от реальной экономики с целью возвращения его к основному назначению – обслуживанию и мобилизации финансовых ресурсов путем отвлечения от спекулятивных мотивов и целей в пользу материального решения проблем. необходимые структурные проблемы экономики на национальном и глобальном уровне;

3) поиск альтернативных вариантов денежно-кредитной политики и инструментов, демонстрирующих более эффективные результаты чем традиционные возможности, которые оказались неэффективными в посткризисный период, путем восстановления устойчивого развития и адекватной реструктуризации экономик;

4) решение проблемы международной асимметрии, во-первых, валютной системы, основанной на доминировании некоторых бумажных национальных или международных валют, во-вторых, финансовой системы с традиционными центрами силы, ведущих к высасыванию финансовых ресурсов и подчинения ими большинства. В связи с этим возросла необходимость разработки стратегии и ее трансформации в соответствии с новыми ожидаемыми путями глобализации и финансиализации, связанными с ней. В связи с этим возрастают задачи, которые стоят перед евразийским развитием.

Литература

1. Ключников И.К., Ключников О.И. Финансиализация. Глава 27. Финансовая экономика: Учебник. Т.2. – М.: Проспект. 2022. –С. 375–397.
2. Epstein G. Financialization, rentier interests, and central bank policy, Department of Economics and PERI, University of Massachusetts, Amherst, MA, June 2002.
3. Palley I.T. Financialization: What It Is and Why It Matters, Working Paper No. 525, The Levy Economics Institute and Economics for Democratic and Open Societies, Washington, D.C. December 2007.
4. Stockhammer E. Financialization and the global economy. Political Economy Research Institute Working Paper. 2010 Nov;242(40):1-7.
5. Ключников И.К. Воздействие финансов на природу в контексте становления "зеленых" финансов / И.К. Ключников, О.И. Ключников, И.А. Никонова // Ученые записки Международного банковского института. – 2022. – № 3(41). – С. 115-132. – EDN RSQBSX.
6. Jilek, J.: (2013) Finance v globální ekonomice I: Peníze a platební styk. Grada, Praha.
7. Ключников И.К., Молчанова О.А., Ключников О.И. Евразийский финансовый рынок: от энтропии к порядку //Проблемы современной экономики. – 2018, № 3 (67). С. 171-177. ВАК - <https://elibrary.ru/item.asp?id=35741548>
8. van Riet A. European financial law and the state-finance nexus: Sovereign privileges or market discipline for safe public debt?. Finance and Society. 2023 May 6;9(2):39-57. <https://doi.org/10.2218/finsoc.8799>
9. Fan, D. (2023). Theories of Globalization and Deglobalization. In: Managing Globalized, Deglobalized and Reglobalized Supply Chains. Springer, Cham. 11-34. https://doi.org/10.1007/978-3-031-42418-2_2
10. Costello, N., Michie, J., & Milne, S. (1989). Beyond the casino economy: planning for the 1990s. VersoBooks.
11. Ключников О.И. Современные особенности финансовой стабильности и финансовой безопасности / О. И. Ключников // Ученые записки Международного банковского института. – 2016. – № 18. – С. 29-39. – EDN XXIPAZ.
12. Lundestad G. Why does globalization encourage fragmentation?. International politics. 2004 Jun 1;41:265-76.<https://doi.org/10.1057/palgrave.ip.8800077>
13. Garcia-Saltos TG, Pyina A, Kangur A, Kunaratskul T, Rodriguez S, Ruta M, Schulze T, Soderberg G, Trevino JP. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. IMF, 2023.

9.3. Влияние прозрачности денежно-кредитной политики центрального банка на степень сдерживания инфляционных ожиданий у цели по инфляции в странах ЕАЭС

Прозрачность деятельности центрального банка и, особенно, прозрачность его денежно-кредитной политики имеют непосредственное влияние на инфляционные ожидания населения и предприятий. Эта взаимосвязь явилась причиной повышенного внимания ученых-экономистов и самих регуляторов к категории прозрачности и стремления к повышению ее уровня. Взаимосвязь прозрачности и инфляционных ожиданий была рассмотрена в исследованиях многих зарубежных (Е. Нолан и Э. Шалинг, О. Иссинг, Л. Махадева, Г. Штерн, М. Фрай, Х. Кроу и И. Мид, А. Цукерман, К. Круйзен и С. Эйффингер, П. Барановский и соавторы), российских (С. Моисеев, Д. Тычинский, О.В. Рожнова, А. Лолейт, Н. Савяк, А. Саркисянц) и белорусских (Т. Майборода, Н. Мирончик, А. Левенков) ученых. О причинно-следственной связи между прозрачностью денежно-кредитной политики центрального банка и инфляционными ожиданиями также утверждалось в предыдущих публикациях автора [1, 2].

В данном исследовании ставится цель исследовать зависимость между прозрачностью денежно-кредитной политики центрального банка и разрывом между инфляционными ожиданиями населения и целью по инфляции, устанавливаемой центральными банками стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), путем проведения регрессионного анализа. Величину разрыва инфляционных ожиданий и цели по инфляции, устанавливаемой центральным банком, предлагается использовать для оценки уровня управляемости инфляционных ожиданий. Очевидно, что, чем меньше указанный разрыв, тем большего эффекта сдерживания инфляционных ожиданий у цели по инфляции достигает регулятор, воздействуя на них с помощью прозрачной денежно-кредитной политики.

Следует отметить, что регрессионный анализ влияния прозрачности на различные финансовые показатели проводился отдельными учеными, которые применяли различные способы для нахождения фактора-признака – прозрачности денежно-кредитной политики. Еще в 2006 г. А. Киа и Х. Патрон [3] установили взаимосвязь между прозрачностью денежно-кредитной политики со ставками на финансовых рынках и предложили рыночный индекс прозрачности. Проявления прозрачности как факторного признака использовались в виде «дней событий» – дней заседаний Федерального комитета по операциям на открытом рынке Федеральной резервной системы США и дней между заседаниями, в которые была изменена целевая ставка. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что большая прозрачность денежно-кредитной политики приводит к большей стабильности и снижению риска на финансовых рынках.

А. Насзоди и соавторы исследовали [4] влияние прозрачности денежно-кредитной политики и отдельных ее составляющих на волатильность

и точность прогнозов профессиональных аналитиков по ряду экономических показателей (краткосрочные процентные ставки, доходность государственных облигаций, индекс потребительских цен, темп роста реального валового внутреннего продукта, рост потребления и цена на нефть). Исследование основывалось на данных по 26 странам за период с октября 1989 г. по декабрь 2009 г., результатом которого явился вывод о том, что более высокая степень транспарентности способствует меньшей волатильности и большей точности прогнозов, особенно по краткосрочным процентным ставкам на денежном рынке. Меньшая зависимость наблюдалась между повышением транспарентности и уменьшением волатильности прогнозов по долгосрочным процентным ставкам и уровню инфляции, а влияние на прогнозы по реальным переменным признана лишь косвенной.

В работе Ю. Городниченко и соавторов [5] исследовалось, какая информация регуляторов оказывает наиболее устойчивое воздействие на ожидания населения. За причинный фактор бралась информация по процентным ставкам, прошлом, текущем и прогнозном уровне инфляции, ставки по долгосрочным кредитам и т.п., а зависимыми переменными были ожидания населения о динамике данных показателей. Авторы пришли к выводу, что на инфляционные ожидания домохозяйств влияет полученная ими информация как об уровне инфляции, так и об уровне процентных ставок.

Исследование В. Абрамова и соавторов [6], основанное на предположении о многомерности денежно-кредитной политики (первый ее тип – регулярная, вызванная изменениями в текущих ставках, второй – «коммуникация и информация, которой Банк России делится с инвесторами и широкой публикой» [6]), показало, что роль коммуникационного шока для процентных ставок невелика, однако более значима для валютного и фондового рынков. Авторы установили взаимосвязь между коммуникацией и информацией Банка России и ценами российских активов, а также динамикой обменного курса рубля.

Дж. Бенчимола и С. Казинник с помощью интеллектуального анализа текста изучили [7], в какой степени коммуникация центрального банка способствует управлению ожиданиями по процентным ставкам и пониманию предстоящих сюрпризов денежно-кредитной политики. Их исследование показало, что «основанные на словаре показатели настроений в объявлениях регуляторов о процентных ставках улучшают краткосрочную предсказуемость процентной ставки» [7, с. 1]. Кроме того, авторы утверждают, что повышение прозрачности центральных банков оказывает существенное влияние на инфляцию и ожидания экономических агентов.

Таким образом, приведенные исследования указывают на важность и значимость транспарентности денежно-кредитной политики центрального банка, ее влияния на эффективность денежно-кредитной политики, состоящей в достижении стабилизации, уменьшения волатильности прогнозов и ожиданий аудитории по различным финансовым показателям, а также рискованности на финансовых рынках. Однако до сих пор в литературе не упоминается об уста-

новлении корреляционной зависимости данной категории и показателя стабилизации инфляционных ожиданий у цели по инфляции, т.е. их разрыва, который отражает успешность регулятора в управлении прогнозами экономических агентов.

За признак-фактор в данном исследовании берется значение прозрачности центральных банков стран-участниц ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России), измеренная согласно методике Эйффингера–Гераатс. Поскольку для проведения регрессионного анализа требуются данные месячной или квартальной периодичности, сначала мы собираем информацию из всех источников, в которых, как нам известно, была когда-либо оценена прозрачность каждого центрального банка ЕАЭС. Прежде всего это работа Н. Динсера и Б. Эйхенгринга [8], в которой с 1998 по 2010 г. была измерена прозрачность более чем 120 регуляторов. Также мы воспользовались данными из работ Ж. Голодовой и Ю. Рачинской [9] (по Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан), А. Левенкова [10] (по Республике Беларусь). Кроме того, за последний период используются результаты авторского анализа, опубликованные в [11].

Далее, предполагая, что прозрачность увеличивалась равномерно из года в год, и учитывая ее значения, определенные в литературе за различные периоды, составляем таблицу динамики прозрачности по каждому анализируемому центральному банку за 2010–2022 гг. (табл. 9.3).

Таблица 9.3

Прозрачность центральных банков (ЦБ) стран ЕАЭС согласно методике Эйффингера–Гераатс (2010–2022 гг.)*

ЦБ / год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ЦБ Республики Армения	8.5	8.8	9.1	9.4	9.7	10	10.3	10.6	10.9	11.2	11.5	12	12.5
Нац. банк Республики Беларусь	5	4.5	4	3.5	3	4	5	6	7	8	9	10	10.5
Нац. банк Казахстана	6	6	6	6	6	6.5	7	8	9	10	11	12	12.5
Нац. банк Кыргызской Республики	5.5	5.5	6	6.5	7	7.5	8	8.5	9	9.4	9.8	10.2	10.5
Банк России	3	4	4.5	5	5.5	6	7	8	9	10	11	12	12.5

*Источник: разработка автора на основе [8-11].

Таким образом, периодичность данных индекса прозрачности является ежегодной, в то время как данные по инфляционным ожиданиям составляются с ежемесячной (в России) или ежеквартальной (в остальных странах ЕАЭС) периодичностью. Аналогично А. Насзоди и соавторам [4] мы согласовываем частоты данных для проведения регрессионного анализа: преобразуем данные о прозрачности в ежемесячные или ежеквартальные, присваивая годовое значение каждому из двенадцати месяцев или каждому из четырех кварталов в соответствующем году.

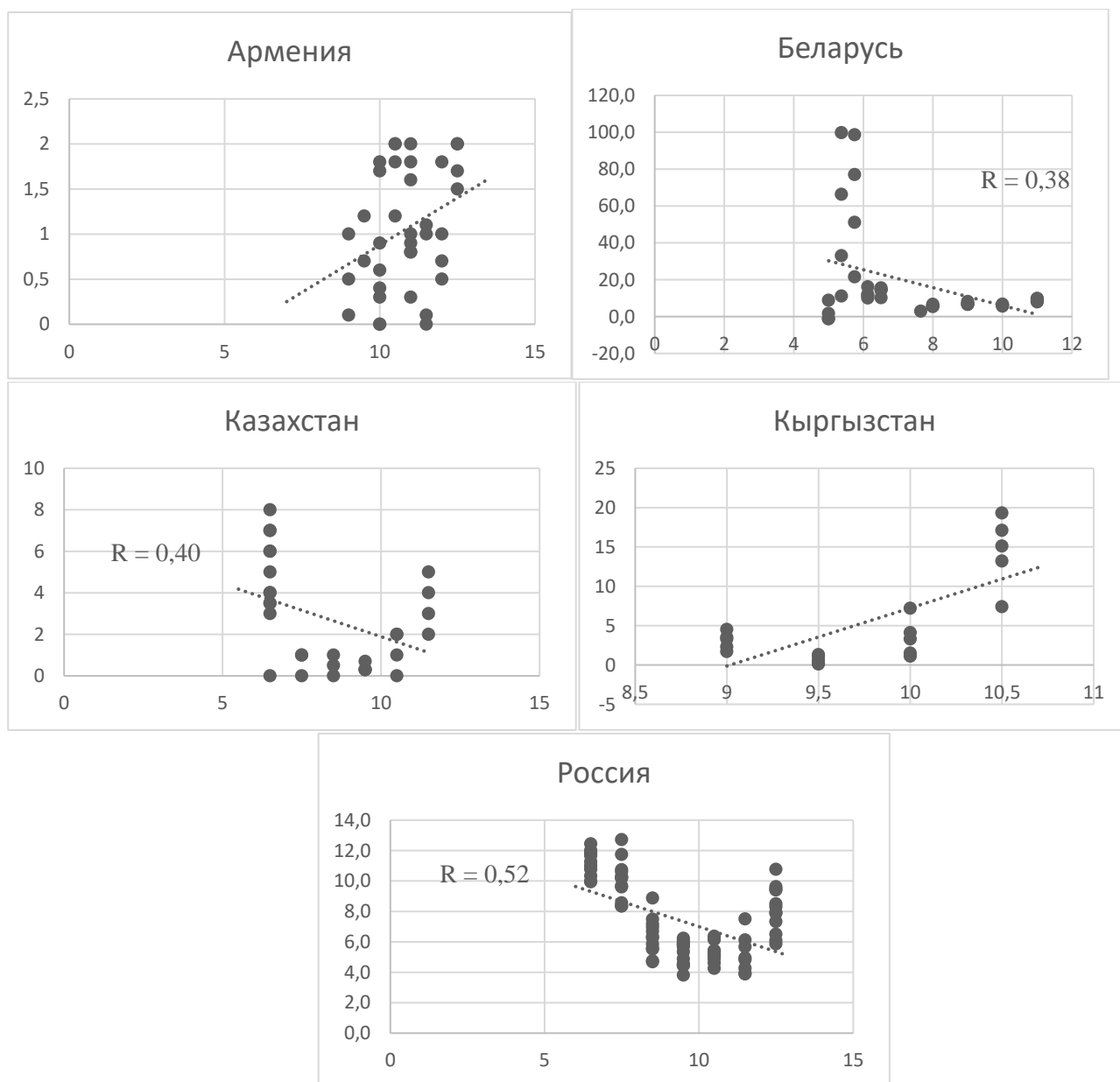

Рис. 9.1. Корреляционная зависимость разрыва инфляционных ожиданий и цели по инфляции от прозрачности ДКП в странах ЕАЭС**

** Источник: разработка автора на основе таблицы 1 и данных, размещенных на официальных сайтах центральных банков стран ЕАЭС.

Разрыв инфляционных ожиданий и цели по инфляции, информация по которым размещена на официальных сайтах исследуемых центральных банков, находим как модуль их разности. Чтобы не исказить результаты анализа, но и не уменьшать и так небольшой объем выборки данных для исследования, для нахождения искомого разрыва в тот период времени, когда регуляторы еще не провозглашали цель по инфляции, ее значением будем считать первое заявленное каждым центробанком. Таким образом, для проведения регрессионного анализа по России присутствует самый большой объем выборки из всех исследуемых регуляторов – 105 периодов, по Армении и Беларуси – 37, по Казахстану – 30, по Кыргызстану – 20 периодов. После обработки данных в *Microsoft Excel* получаем результаты зависимости разрыва инфляционных ожиданий и установленной цели по инфляции от транспарентности денежно-кредитной политики центральных банков стран ЕАЭС, отраженные в графиках на рис.1.

Можно наблюдать, что в рамках построенных моделей ожидаемая обратная линейная корреляционная зависимость присутствует лишь в Беларуси, Казахстане и России, причем в первом и втором случаях она умеренная (по шкале Чеддока коэффициент корреляции R равен 0,38 и 0,40 соответственно), а в третьем заметная – $R = 0,52$. В Армении и Кыргызстане присутствует прямая корреляционная зависимость, причем в первом случае корреляционное поле очень рассеяно, т.е. зависимости как таковой не наблюдается. В данных странах дополнительное раскрытие информации регуляторами данных стран приводит к увеличению инфляционных ожиданий по сравнению с целью. Также данный результат может объясняться недостаточной выборкой для проведения исследования (особенно в Киргизии).

Наибольшая корреляционная зависимость разрыва инфляционных ожиданий и цели по инфляции от транспарентности денежно-кредитной политики по региону ЕАЭС наблюдается в Российской Федерации. По результатам анализа, обратная линейная корреляционная зависимость описывается формулой линейной регрессии:

$$y = 13,592 - 0,659x,$$

где y – разрыв между инфляционными ожиданиями и целью по инфляции; x – транспарентность денежно-кредитной политики центрального банка, измеренная по методике Эйффингера-Гераатс.

Таким образом, при увеличении транспарентности на 1 балл, инфляционные ожидания приближаются к установленной центральным банком цели по инфляции на 66 базисных пункта.

Результаты анализа также показали, что не наблюдается зависимости искомого разрыва от уровня раскрытия информации – транспарентности, вычисленной с помощью индекса Эйффингера-Гераатс. Согласно данной методике, транспарентность денежно-кредитной политики Центрального банка Республики Армения (объем раскрываемой им информации) оценивается в 12,5 баллов – так же высоко, как в России и Казахстане, а влияние ее на якорение инфляционных ожиданий различно в данных государствах.

Автором ранее утверждалось [1, 12], что под транспарентностью деятельности центрального банка необходимо понимать не только раскрытие информации о центральном банке и его функционировании, но и ее общепонятность и доступность (досягаемость), а также предлагалась методика оценки транспарентности денежно-кредитной политики центрального банка с помощью эффективного индекса транспарентности, учитывающего, кроме объема предоставляемой информации, степень ее понятности для аудитории регулятора.

Таблица 9.4

Значение эффективного индекса транспарентности центральных банков стран ЕАЭС***

Компонент эффективного индекса транспарентности		Центральный банк Республики Армения	Национальный банк Республики Беларусь	Национальный банк Казахстана	Национальный банк Кыргызской Республики	Банк России	Среднее по региону
Раскрытие информации по формуле Эйффингера-Гераатс	баллы	12,5	10,5	12,5	10,5	12,5	11,7
	%	83	70	83	70	83	77
Сложность информации по адаптированной формуле Мацковского, баллы		13,8	13,4	13,2	13,4	12,5	13,3
Общепонятность по авторской методике определения аудитории центрального банка в зависимости от ее уровня образования, %		44	53	78	31	70	55
Итого, % (% раскрытия информации * % общепонятности информации)		37	37	65	22	58	43

***Источник: разработка автора, [11].

Для комплексной оценки степени прозрачности центрального банка и ее влияния на эффективную коммуникацию с экономическими субъектами по методике эффективного индекса транспарентности, за основу берутся индекс транспарентности Эйффингера–Гераатс и значение оценки общепонятности информации по адаптированной формуле читаемости М.Мацковского и методике определения аудитории центрального банка в зависимости от ее уровня образования. После вычисления эффективного индекса транспарентности в табл. 9.4 получается показатель, отражающий реальную транспарентность денежно-кредитной политики центрального банка. В процентном соотношении он

показывает, в каком объеме регулятор предоставляет доступную информацию о денежно-кредитной политике широкой аудитории.

Скорректировав результаты раскрытия информации на ее читаемость, можем наблюдать, что самым транспарентным по региону ЕАЭС является Национальный банк Казахстана (65%), но даже он использует свой ресурс прозрачности лишь на две трети от возможного. Банк России и Центральный банк Республики Армения, имея аналогичный уровень предоставляемой информации (83%), но более низкий уровень ее понятности (70 и 44% соответственно), прозрачны для своей аудитории на 58 и 37% соответственно. Причем у регулятора Армении значение эффективного индекса транспарентности оказалось таким же, как у Национального банка Республики Беларусь (37%) за счет более доступных данных последнего. А центробанк Кыргызстана, имея аналогичную степень раскрытия информации с регулятором Беларуси (70%), прозрачен для общества лишь на 22% из-за низкого уровня ее доступности (31%). Средний эффективный индекс транспарентности, учитывающий не только количество предоставляемой информации центральными банками, но и ее качественную сторону (общепонятность), равен 43%.

Полученные результаты анализа по авторским методикам общепонятности информации и эффективного индекса транспарентности помогают объяснить результаты регрессионного анализа влияния транспарентности на разрыв между инфляционными ожиданиями и целью по инфляции. При низком уровне общепонятности информации центрального банка для его аудитории (как в Армении и Кыргызстане), он не может заякорить ожидания около цели по инфляции, даже несмотря на большой объем ее раскрытия. В таком случае общественность может воспринимать сигналы регулятора как информационный шум, лишь снижающий доверие к регулятору, посылаемой им информации и проводимой монетарной политике. Более высокая степень доступности информации для широкой аудитории, присутствующая, например, у Банка России, напротив, позволяет более эффективно управлять инфляционными ожиданиями, лучше закрепляя их у провозглашаемой цели по инфляции.

Итак, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Проанализированные исследования в области влияния транспарентности денежно-кредитной политики центрального банка на инфляционные ожидания и различные финансовые показатели указывают на существование зависимости между ними и важности транспарентности для эффективности деятельности регулятора.

2. Регрессионный анализ показал, что ожидаемая обратная линейная корреляционная зависимость разрыва инфляционных ожиданий и цели по инфляции от транспарентности денежно-кредитной политики (методика Эйффингера-Гераатс) прослеживается у регуляторов России (заметная), Казахстана и Беларуси (умеренная). У центральных банков Армении и Кыргызстана она отсутствует.

3. Согласно регрессионной модели, построенной на данных по Российской Федерации, при увеличении прозрачности денежно-кредитной политики на 1 балл, инфляционные ожидания приближаются к установленной центральным банком цели по инфляции на 66 базисных пункта.

4. Не наблюдается зависимости разрыва инфляционных ожиданий и цели по инфляции от уровня раскрытия информации (индекс Эйффингера-Гераатс) по оценкам различных регуляторов.

5. Обратная корреляционная зависимость разрыва инфляционных ожиданий и цели по инфляции от прозрачности денежно-кредитной политики более заметна в странах, где ниже сложность предоставляемой центральным банком информации. В государствах с более высоким ее уровнем обратная зависимость слабее или становится прямой – общественность воспринимает сигналы регулятора как информационный шум.

6. При намерении более эффективно влиять на инфляционные ожидания населения, закреплять их у цели по инфляции, центральным банкам стран ЕАЭС необходимо повышать свою прозрачность не только в сфере раскрытия информации, но и в области ее общепонятности, уменьшая сложность ее восприятия для широкой аудитории.

Литература

1. Стрижевич, А.С. Прозрачность центрального банка: эффективный подход к измерению в современных условиях / А.С.Стрижевич // Банковский вестник. – 2021.- №8(697) август.- С. 41-51.
2. Стрижевич, А.С. Инфляционные ожидания как предмет управления / А.С.Стрижевич // Вестн. Бел. гос. эк. ун-та. – 2017.- №3 (122).- С. 64-71.
3. Kia, Market-Based Monetary Policy Transparency Index, Risk and Volatility – The Case of the United States [Electronic resource] / A. Kia, H. Patron – Mode of access: <https://carleton.ca/economics/wp-content/uploads/cep04-07.pdf>. – Date of access: 18.03.2023.
4. Which Aspects of Central Bank Transparency Matter? [Electronic resource] / A. Naszodi [et al.] //A Comprehensive Analysis of the Effect of Transparency on Survey Forecasts.– Mode of access: <https://www.ijcb.org/journal/ijcb16q4a4.pdf>. – Date of access: 18.03.2023.
5. Gorodnichenko Y., Pham T. и Talavera O. The Voice of Monetary Policy, March 2021 [Electronic resource]. – Mode of access https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dpno=15932#– Date of access: 12.02.2023.
6. Абрамов В., Тишин А., Стырин К. Денежно-кредитная политика и кривая доходности/ Серия докладов об экономических исследованиях, № 95 В, июнь 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/statichml/file/138519/wp_95.pdf–Дата доступа: 17.05.2023.
7. Benchimol J., Kazinnik S., Saadon Y. Communication and Transparency Through Central Bank Texts: Preprint presented at ASSA/AEA Annual Conference, 2020 [Electronic resource]. – Mode of access:<https://www.semanticscholar.org/paper/>

Communication-and-Transparency-through-Central-Bank-Benchimol-Kazinnik/a14ed91584264f7772d0bae5096bcd81f5275ddb– Date of access: 12.02.2023.

8. Dincer N. Central Bank Transparency and Independence: Updates and New Measures [Electronic resource] / N. Dincer, B. Eichengreen.– Mode of access: <https://www.ijcb.org/journal/ijcb14q1a6.pdf>– Date of access: 23.05.2023.

9. Голодова, Ж.Г. Центральные банки стран Таможенного союза: оценка и направления повышения прозрачности / Ж.Г. Голодова, Ю.С. Рачинская // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 40(277). – С. 2–11.

10. Левенков, А. Коммуникационная политика центрального банка в контексте перехода к инфляционному таргетированию [Электронный ресурс] / А. Левенков // Банкаўскі вестнік. 2018. – № 6/659. – С. 3–10./ Режим доступа: <https://www.nbrb.by/bv/articles/10520.pdf>.– Дата доступа: 29.05.2023.

11. Стрижевич, А.С. Эффективный индекс транспарентности денежно-кредитной политики: применение к регуляторам стран ЕАЭС / А.С. Стрижевич // Вестник Института экономики НАН Беларуси: сб. науч. тр. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – 2022. – Вып. 5. – С. 131–146.

12. Стрижевич, А.С. Количественная оценка прозрачности центральных банков / А.С. Стрижевич // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А.Дятлова, д-ра экон. наук, проф. Д.Ю.Миропольского, д-ра экон. наук, проф. Т.А.Селищевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. – С. 608-615.

9.4. Рынок проектного финансирования евразийских стран: анализ, тенденции развития в условиях глобализации

На сегодняшний день одним из ключевых направлений развития глобальной экономики является достижение Целей устойчивого развития (ЦУР). Однако, главным препятствием для реализации установленных целей, является дефицит финансовых ресурсов, который составляет колоссальную сумму \$4,3 трлн. в год [1]. По оценкам анализа, проведенного до пандемии, развивающимся странам не хватает около 2,5 трлн долл. США, чтобы сохранить свои амбиции по достижению ЦУР [2]. Отсутствие соответствующей инфраструктуры препятствует устойчивому и эффективному росту, особенно в развивающихся странах. Несмотря на низкий уровень финансирования, стимул для инвестиций высок и в глобальном мире возрастает спрос на финансовый капитал с минимальными уровнями риска. Этот дефицит финансирования и положительное влияние инфраструктуры на экономический рост [3] частично объясняют масштабные инфраструктурные инициативы, разработанные Китаем (Инициатива «Пояс и путь» – *BRI*) с 2013 г. и Большой семеркой в 2022 г. С 2013 г. Китай ежегодно инвестирует в экономику от 40 до 60 млрд долл. США. Страны «Большой семерки» обязались собрать 600 миллиардов долларов США, предна-

значенных для инфраструктурных проектов в развивающихся странах. Инфраструктура может быть экономической (например, транспортные объекты, такие как автомагистрали, водоснабжение, такое как канализационные сети, энерго-снабжение, такое как электростанции). Она также может быть социальной (связанной с человеческим капиталом, например, больницы, жилье для пожилых людей, школы и тюрьмы). Инфраструктура имеет ряд общих ключевых характеристик: низкая эластичность спроса, квазимонопольный статус, ориентация на общественные услуги и/или высокий уровень регулирования, длительный срок службы и стабильность денежных потоков [4]. Эти характеристики приводят к увеличению рисков экспроприации и оппортунистического поведения со стороны монопольного покупателя или монополистического поставщика. Они требуют особых способов финансирования инфраструктуры – если она не полностью финансируется государственным предприятием. Проектное финансирование является приемлемой структурой финансирования для таких случаев. Международное проектное финансирование (*IPF*) подразумевает, что хотя бы один спонсор в сделке проектного финансирования является иностранным резидентом. Если этому спонсору принадлежит не менее 10% акционерного капитала проекта, то *IPF* является *FDI-IPF*.

С точки зрения развития, *IPF* важно, поскольку оно оказывает положительное влияние на экономический рост в наименее развитых странах (НРС) [5]. Этот вид финансирования финансирует проекты в странах, которые сталкиваются с острыми бюджетными ограничениями, и поддерживает строительство базовой инфраструктуры в этих странах. Хотя на долю *IPF* приходится примерно треть всех сделок проектного финансирования, на него приходится 45% проектов проектного финансирования в странах с низким уровнем дохода, и поэтому оно является важнейшим фактором развития. *IPF* все чаще используется для финансирования инфраструктуры и различных секторов: с 2012 по 2021 г. количество проектов увеличилось на 68%, а общая стоимость проектов – на 15%. Важно отметить, что в рамках *IPF* произошел резкий сдвиг в секторах, осуществляющих такое финансирование. В 2010 г. на горнодобывающую, нефтегазовую и нефтехимическую отрасли приходился 21% всех проектов *IPF*, а в 2020 г. – только 12%. И наоборот, что является положительным моментом для устойчивого развития, *IPF* способствовало росту сектора возобновляемой энергетики. В 2010 г. на проекты *IPF* в области возобновляемых источников энергии приходился 31% всех объявленных сделок, а в 2021 г. – 54% всех сделок. Изменение сектора также привело к тому, что через *IPF* финансируются менее дорогостоящие проекты [6].

С течением времени региональная и отраслевая структуры глобального рынка проектного финансирования менялись, что можно проследить через оценку ретроспективы развития данного сектора финансовой системы. Рассмотрим последние 17 лет становления и масштабирования глобального рынка проектного финансирования для выявления специфики, особенностей и трендов.

Первый период развития проектного финансирования, с 2006 по 2010 г., характеризуется последствиями финансового кризиса 2008 года, сопровождав-

шегося глубоким сокращением объема синдицированных банковских кредитов и одновременным увеличением доли кредитов проектного финансирования в общем объеме синдицированного кредитования. Второй период, с 2011 по 2016 г., демонстрирует устойчивое восстановление глобального синдицированного кредитования и проектного финансирования, что стабилизирует его вес в общем объеме. За исключением 2016 г., тенденция всегда положительная, и рынок вернулся на докризисный уровень.

Третий период с 2016 г. по настоящее время характеризуется стремительным изменением отраслевой структуры финансирования проектов, особенности в области базовой инфраструктуры развивающихся экономик мира.

Интересно отметить, что на протяжении всего периода проектное финансирование составляло значительную долю мирового рынка синдицированных кредитов – от 5 до 6%. Более того, пиковые значения, достигнутые в 2008–2010 гг., в точности соответствуют тому времени, когда рынок синдицированных кредитов наиболее сильно пострадал от последствий дефолта банка *Lehman*. Соотношение между объемом кредитов проектного финансирования и глобальными синдицированными кредитами выросло с 4,72% в 2006 г. до поразительных 9,02% в 2010 г., демонстрируя устойчивость инфраструктурного кредитования даже в периоды сильного финансового стресса.

Глобальный объем проектного финансирования в 2007 г. достиг нового исторического рекорда: было заключено 656 сделок на общую сумму 273,3 млрд долл. США, что на 20% больше по объему и на 67 сделок по количеству по сравнению с 2006 г. Рост в 2007 г. был умеренным по сравнению с 27% в 2006 г. и среднегодовой пятилетний показатель 29% (рис. 9.1) [8].

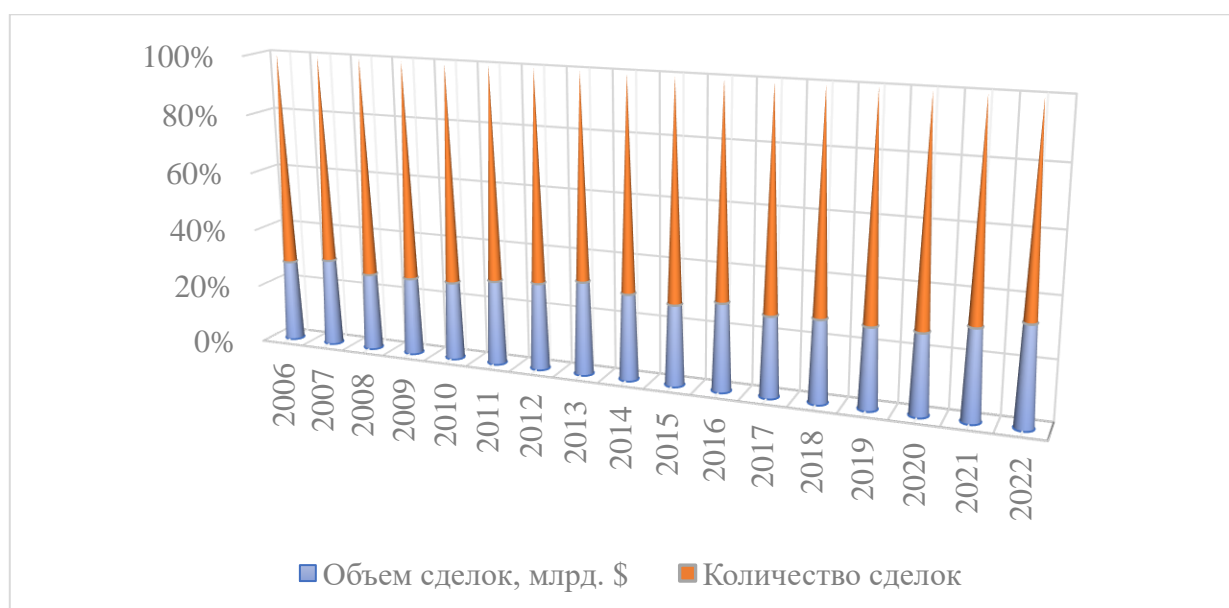

Рис. 9.1. Динамика показателей глобального рынка проектного финансирования по объему и количеству сделок за период 2006–2022 гг. [7, 8]

Рынок проектного финансирования увеличился на 13% до 315,0 млрд долл. США в 2008 г. по сравнению с 278,4 млрд долл. США, привлеченных в 2007 г. Однако к концу года объем сократился: в 4 квартале 2008 г. падение по сравнению с \$70,3 млрд долл., привлеченных в 4 квартале 2007 г. Завершенный в июне 2008 г. российский проект второй фазы проекта «Сахалин-2» стоимостью 20 млрд долл. США по разработке Пильтун-Астохского нефтяного месторождения и Лунского газового месторождения на острове Сахалин стал в 2008 г. крупнейшим из когда-либо зарегистрированных проектов. В 2009 г. стабильный рост объемов и сделок проектного финансирования обернулся спадом по причине финансового кризиса, который приобрел международный масштаб к концу года. Объем глобального проектного финансирования достиг 292,5 млрд долл. в 2009 г. Несмотря на то, что объем упал на 9% по сравнению с 320,9 млрд долл. Крупнейшей сделкой, закрытой в 2009 г., был проект СПГ в Папуа-Новой Гвинее стоимостью 18,0 млрд долл. В 2010 г. произошло общее улучшение состояния рынка проектного финансирования по сравнению с падением в 2009 г. Проектное финансирование восстанавливается, хотя и медленно; банковское кредитование остается на низком уровне по сравнению с докризисными годами. Большинство региональных рынков показали хорошие результаты с точки зрения общей стоимости проектов. Объемы продаж в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Северной Америке и на Ближнем Востоке выросли. В 2010 г. рынки Северной Америки и Азии привлекли самый высокий уровень инвестиций в проектное финансирование за предшествующие пять лет. Количество сделок также вернулось к воспринимаемому «нормальному» уровню после спада в 2009 г., хотя оно все еще не так высоко, как в 2007 и 2008 г.

Толчок в 2010 г. обернулся фазой спада, как заключаемых сделок, так и формируемых объемов проектного финансирования на глобальном рынке. Основная причина заключается в том, что региональные рынки развитых стран смогли более быстро восстановиться после глобального финансового кризиса, нежели страны развивающегося типа. Многие страны сталкивались с серьезными структурными экономическими проблемами, преодолеть которые смогли лишь спустя несколько лет. Некоторые страны не смогли перестроить свою экономику и провести реальные реформы по созданию политических и институциональных основ для содействия созданию новой и модернизации существующей инфраструктуры. Скорость создания инфраструктуры также была ограничена проблемами финансирования. Таким образом, все эти факторы влияли на скорость и масштабы строительства, модернизации и, в конечном итоге, доступности инфраструктуры для населения. Исследование мирового рынка инфраструктуры в 2012 г., показывает ухудшение уровня инвестиций в проектное финансирование во всех регионах, поскольку активность снизилась на всех основных рынках проектного финансирования. Фокус и приоритеты также были смещены с сектора инфраструктуры, поскольку страны продолжали оживлять свою экономику. Региональные показатели различались: в Европе было зарегистрировано самое резкое падение активности по сделкам за последние

семь лет, негативное влияние продолжающегося экономического спада привело к истощению капитальных вложений в инфраструктуру. Институциональные инвесторы сосредоточились на многомиллиардных сделках по энергетической инфраструктуре в Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эти два региона привлекли наибольшее количество глобальных капитальных вложений в инфраструктуру проектного финансирования. 2012 г. был трудным для проектного финансирования; перспективы глобальной инфраструктуры значительно ухудшились, так как глобальная стоимость и количество сделок упали ниже минимумов 2009 г., портфели активных проектов были истощены, а высокий уровень долга и плохое восстановление экономики в Европе сокращали рынки. В 2012 г. секторы нефти и газа, транспорта и возобновляемых источников энергии лидировали, несмотря на затишье в активности и падение капитальных вложений. Одним из основных изменений по сравнению с прошлым годом является то, что инвестиции в проектное финансирование в области возобновляемых источников энергии впервые превысили общий капитал, вложенный в традиционные проекты по производству электроэнергии. 2013 г. стал годом заметного восстановления на мировых рынках инфраструктуры, поскольку увеличились как стоимость сделок, так и их количество. Отчеты показывают, что общий объем инвестиций в глобальную инфраструктуру достиг 280 миллиардов долларов США, что на 51% больше, чем в предыдущем году. В общей сложности было завершено финансовое закрытие 548 сделок, что на 30% больше. Проведенное исследование ситуации в проектном финансировании евроазиатских стран с 2006 по 2022 г. позволило отметить, что этап с 2013 г. является третьим восстановительным периодом в динамике проектного финансирования, который продлился недолго, вплоть до 2016 года. По итогам 2015 года объем проектного финансирования превысил 340 млрд долл. США, а количество сделок составило 913, однако эти значения не превысили показатели 2010 г. Далее мы наблюдаем резкий спад как количества проведенных транзакций (-19%), так и сумм заключенных сделок (-10%) в 2016 г.

Можно сделать вывод о том, что динамика проектного финансирования имеет волнообразный характер развития, что сопряжено со спецификой данного инструмента финансирования инвестиционных процессов.

С другой стороны, важно отметить нестабильность финансовых потоков в проектном финансировании, так как заключаемые контракты имеют долгосрочный период реализации, а транши разбиты на несколько периодов, что вызывает определенную нелинейную динамику данных (см. рис. 9.1). Также немаловажными факторами являются: запрос на строительство инфраструктуры в различных регионах мира, фазы экономических циклов национальных экономик, изменение законодательства и др.

Показатели 2016 г. являются наименьшими в проектном финансировании глобального финансового рынка за последние годы. Объем кредитования проектного финансирования снизился на 15% по сравнению с предыдущим годом, а объем инвестиций в акционерный капитал остался примерно на том же

уровне – 43 млрд долл. США. Однако, в течение года средняя сумма долга на сделки увеличилась, а среднее соотношение долга и собственного капитала в сделках проектного финансирования в 4 квартале 2016 г. составило примерно в соотношении 80:20. В итоге, изменения в структуре финансирования определили долгосрочный вектор прогрессивного развития и масштабирования данного финансового инструмента. После кризисного 2016 г. глобальное проектное финансирование оживилось в 2017 г., при этом общая стоимость сделок выросла по сравнению с прошлым годом. Рефинансирование и сделки слияний и поглощений (далее *M&A*) составляют все более значительную часть рынка, а активность в области новых проектов остается низкой. Далее, изменения в структуре глобального проектного финансирования продолжились в 2018 году, что выразилось в наращивании проектов в области возобновляемых источников энергии. Возобновляемая энергетика провела успешный год, лидируя как по количеству сделок проектного финансирования, закрытых в 2018 г., так и по их стоимости. Всего до финансового закрытия было заключено 511 сделок на сумму 94,5 млрд долл. США. Пять крупнейших сделок – общей стоимостью 11,3 млрд долл. – в Европе, а две крупнейшие были связаны с первичным финансированием оффшорного ветра в Великобритании: 950 МВт *MorayEast* и 860 МВт *TritonKnoll*. Тремя другими крупнейшими сделками ПФ в сфере возобновляемой энергетики были рефинансирование оффшорного ветропарка *Galloper* мощностью 353 МВт и *Dudgeon* мощностью 402 МВт в английском Северном море, а также *Merkur* мощностью 369 МВт у побережья Германии. Вторым наиболее активным глобальным сектором ПФ был транспорт с общей стоимостью \$78 млрд. Крупнейшей сделкой 2018 года стала *HSR* Джакарта-Бандунг в Индонезии стоимостью \$6 млрд. За ней следует нефтегазовая отрасль, на которую пришлось 61,8 млрд долл. США. Ведущей сделкой стал дополнительный объект СПГ «Корпус-Кристи» в Техасе стоимостью 6,1 млрд. долларов США. Что касается кредитной активности, то здесь лидирует первичное финансирование – 169 миллиардов долларов США, а еще 94,3 млрд долл. США пришлось на рефинансирование. Банковское кредитование лидировало в глобальных сделках ПФ с объемом \$187,6 млрд, в то время как на облигации пришлось всего \$34,4 млрд., а кредиты *DFI* составили \$39,3 млрд. Инвестиции в акционерный капитал проектов составили 25,7 млрд долл. Как и весь ландшафт финансирования инфраструктуры, финансирование инфраструктурных проектов в 2019 г. пережило подъем. Общая стоимость сделок составила 348,4 млрд долл. США – самый высокий полугодовой результат за последние два с половиной года, закрепив годовой объем сделок на уровне, практически идентичном показателям 2018 г. Данный результат отмечен на фоне того, что объем сделок в 2019 г. оставался стабильным по сравнению с предыдущим календарным годом, что говорит о том, что инвесторы и кредиторы стали более уверенными в доведении дорогостоящих проектов до финансового завершения. Хотя коммерческое кредитование оставалось предпочтительным способом финансирования инфраструктурных проектов, инвесторы все больше полагались на облигации, объем

которых на конец года составил 47 млрд долл. США. Финансирование инфраструктурных проектов, подверглось испытанию кризисом *Covid-19* в 2020 г. Данные свидетельствуют о том, что после периода наблюдения и снижения рисков, вызванных пандемией *Covid-19* в первом и большей части второго квартала, многие проекты достигли финансового закрытия в последние месяцы. В четвертом квартале 2020 г. ряд дорогостоящих сделок достиг финансового закрытия, поскольку участники рынка сообщили о необходимости учитывать разнообразные риски, задержки и сложную координацию многонациональных сделок в связи с пандемией.

Однако, прежде всего, в 2020 г. ряд сверхкрупных проектов в области возобновляемой энергетики достиг финансового завершения, особенно в секторе морской ветроэнергетики. Портфель проектов *DoggerBank* в Великобритании, который после полного ввода в эксплуатацию станет крупнейшим в мире морским ветропарком, достиг финансового закрытия первых двух фаз в ноябре. Сделка имела сложную структурированную задолженность, предоставленную примерно 30 кредиторами и поддержанную экспортными кредитными агентствами. Стремление к возобновляемым источникам энергии также является маркером роста экологического сознания. В 2020 г. оно включилось в основное финансирование инфраструктуры в виде зеленых облигаций и критериев *ESG*, применяемых как к корпоративному, так и к проектному финансированию. Помимо безопасности, данные свидетельствуют о том, что облигации были также своего рода перспективным заявлением, когда компании брали на себя обязательства по развитию возобновляемой энергетики. После стрессового 2020 г., глобальный рынок проектного финансирования продемонстрировал рекордные показатели роста. Объем мобилизованных финансовых ресурсов на реализацию проектов в 2021 г. увеличился на 97,1 млрд долл. США, что на 22,3% выше показателя 2020 г. При этом количество сделок выросло сравнительно ниже среднегодовых темпов прироста за весь анализируемый период, составив на конец года более 1200 транзакций. На протяжении всего 2021 г. мировая инфраструктурная активность развивалась на волне рефинансирования, сделок *M&A* и облигаций, поскольку компании обращались к рынкам капитала, перераспределению портфелей и рефинансированию. Финансирование инфраструктуры оставалось стабильным в течение 2022 г., несмотря на геополитические вызовы и шоки, которые потрясли рынки. Политическая неопределенность на развитых рынках, включая Великобританию, где за год сменилось 3 премьер-министра, также стало фактором рисков для участников рынка проектного финансирования. Статистические данные показывают, что в 2022 г. объем глобального проектного финансирования составил почти \$600,9 млрд, что превышает показатель 2021 г. в \$531,6 млрд и является самым высоким показателем с 2018 г. Однако объем финансирования инфраструктуры составил \$971,3 млрд, что на 19% меньше показателя 2021 г. (\$1,16 трлн) и является самым низким показателем с 2019 г. Также произошло небольшое снижение (на 7%) количества сделок по проектному и инфраструктурному финансированию

в течение года до 3376 с 3645 в 2021 г. При этом, если рассматривать исключительно сделки проектного финансирования, то спад составил всего 1,1%.

Таким образом, за последние десятилетия, несмотря на периоды спада объемов проектного финансирования и количества заключаемых сделок, среднегодовые темпы прироста данной отрасли финансирования составили 6,9% по привлекаемым суммам и 5,8% по количеству совершаемых транзакций. Глобальный объем проектного финансирования вырос с 2006 по 2022 г. практически в 3 раза, а количество сделок в 2,5 раза. Анализ показал, что объем проектного финансирования в евразийских странах и количество сделок коррелируют, однако при сокращении ежегодных транзакций, объем финансирования не всегда сокращается, и наоборот.

График, изображенный на рис. 9.2, ярко демонстрирует отсутствие прямой связи между ценой и количеством сделок проектного финансирования на протяжении всего периода. Исключение составляет резкий рост, как сделок, так и цены с 2020 г. по 2022 г. При увеличении количества совершаемых транзакций по проектному финансированию в периоды 2007–2010 гг. и 2016–2020 гг. не происходит аналогичного роста объемов привлекаемых ресурсов.

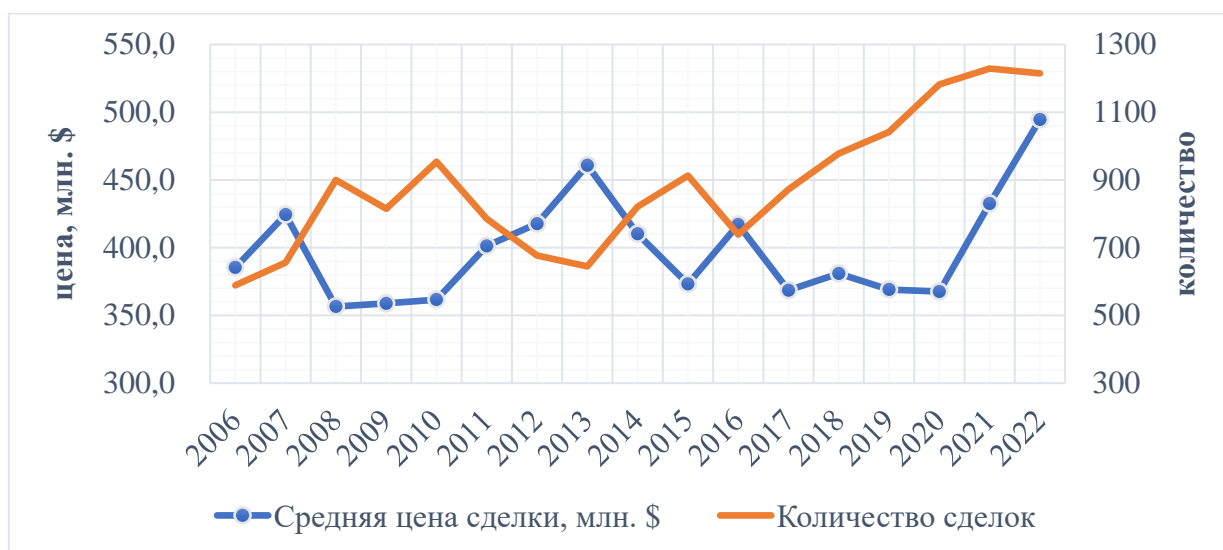

Рис. 9.2. Динамика средней стоимости и количества сделок глобального проектного финансирования за период 2006-2022 гг. [9, 10]

В итоге, можно сделать вывод о том, что при анализе тенденций развития проектного финансирования целесообразно учитывать непосредственно объемы финансирования, а также среднюю стоимость проектов, нежели количество сделок. Проведенные ранее исследования [10, 11] позволяют сделать вывод о том, что проектное финансирование значительно выросло во всех регионах мира за последние десятилетия. Хотя каждый регион имеет свои уникальные характеристики и доминирующих игроков, проекты в области инфраструктуры и возобновляемых источников энергии продемонстрировали наибольший рост во всех регионах. Преимущества проектного финансирования, такие как, финан-

сирование с ограниченным правом регресса, распределение рисков и гибкость, сделали его привлекательным вариантом, как для инвесторов, так и для заемщиков. Нефтегазовый сектор был основным получателем проектного финансирования, за ним следуют инфраструктура, возобновляемые источники энергии и горнодобывающая промышленность. Рост проектного финансирования не был равномерно распределен по регионам: Азиатско-Тихоокеанский регион и Америка лидируют по объему сделок, в то время как Европа, Ближний Восток и Африка демонстрируют более медленный рост. Однако потенциал проектного финансирования для стимулирования развития и экономического роста на развивающихся рынках значителен.

Растущее внимание к устойчивому развитию и изменению климата также создало новые возможности для проектного финансирования в таких областях, как возобновляемые источники энергии и зеленая инфраструктура. По мере перехода мира к низкоуглеродной экономике проектное финансирование будет играть решающую роль в финансировании и обеспечении необходимых инвестиций.

В целом развитие проектного финансирования в различных секторах мировой экономики было положительным, и потенциал его дальнейшего роста остается значительным. В связи с растущим спросом на инфраструктуру и устойчивое развитие проектное финансирование имеет хорошие возможности для того, чтобы продолжать играть ключевую роль в финансировании крупных проектов в мировом масштабе.

Литература

1. UNCTAD (2022). World Investment Report 2022: International Tax Reforms and Sustainable Investment (New York and Geneva: United Nations).[Электронный ресурс]. // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2022_en.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
2. UNCTAD (2020). World Investment Report 2020: International Production beyond the Pandemic (New York and Geneva: United Nations).[Электронный ресурс]. // URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2020>(дата обращения: 12.09.2023).
3. Ramey, Valerie A. (2020). "The macroeconomic consequences of infrastructure investment", Working Paper, №27625, July (Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research).[Электронный ресурс]. // URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27625/w27625.pdf(дата обращения: 12.09.2023).
4. Weber, Barbara, Mirjam Staub-Bisang and Hans Wilhelm Alfen (2016). Infrastructure as an Asset Class: Investment Strategy, Sustainability, Project Finance and PPP (Cornwall: John Wiley & Sons).[Электронный ресурс]. // URL: <https://www.wiley.com/en-us/Infrastructure+as+an+Asset+Class:+Investment+Strategy,+Sustainability,+Project+Finance+and+PPP,+2nd+Edition-p-9781119226543>(дата обращения: 12.09.2023).
5. La Cour, Lisbeth, and Jennifer Müller (2014). "Growth and project finance in the least developed countries", International Journal of Economic Sciences and Applied Research,7(2), pp. 77–103.[Электронный ресурс]. // URL: <https://econpapers.repec.org/article/teijournal/>(дата обращения: 12.09.2023).
6. Steffen, Bjarne (2018). "The importance of project finance for renewable energy projects", Energy Economics,69, pp. 280–294.[Электронный ресурс]. // URL: https://econpapers.repec.org/article/eeeeneeco/v_3a69_3ay_3a2018_3ai_3ac_3ap_3a280-294.htm(дата обращения: 12.09.2023).

7. IJGlobal League Tables. IJ Global: official website. – 2023. – [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.ijglobal.com/> (дата обращения: 02.09.2023).
8. Хаханаев У.С-Э. Оценка российской и зарубежной практики формирования системы проектного финансирования / У.С-Э. Хаханаев, З.К.Тавбулатова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2023. – №2(80). – С. 186-190. – DOI 10.34771/UZCEPU.2023.80.2.034. [Электронный ресурс]. // URL: <https://uz.kipru-rc.ru:9443> (дата обращения: 12.09.2023).
9. IJGlobal League Tables. IJ Global: official website. – 2023. [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.ijglobal.com/league-tables> (дата обращения: 06.09.2023).
10. Хаханаев У.С-Э. Оценка российской и зарубежной практики формирования системы проектного финансирования / У.С-Э. Хаханаев, З.К.Тавбулатова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2023. – № 2(80). – С. 186-190. – DOI 10.34771/UZCEPU.2023.80.2.034.
11. Хаханаев У. С-Э. Специфика и особенности российского рынка проектного финансирования: структурно-отраслевые и организационно-финансовые аспекты. / У. С-Э. Хаханаев, З.К. Тавбулатова // Ученые записки МБИ. №44, 2023). – С.117-133.

9.5. Управление государственным долгом: правовая реальность в условиях рестрикций

Рассматривая вопросы управления государственным долгом РФ в условиях введения экономических санкций со стороны западных государств, следует акцентировать внимание на таком его виде, как внешний, поскольку его функционирование тесно связано с международными отношениями, что подтверждается анализом мирового опыта управления государственным долгом, свидетельствующем о том, что его механизм является эффективным при решении ряда направлений: экономических, финансовых, технических, информационных [1; 2; 3], а в последнее время и политических, что особенно видно на примере международных экономических отношений с участием Российской Федерации. В последние годы размер государственного внешнего долга не является критичным, как в случае с США, но тем не менее вызывает ряд определенных дискуссий экономического и юридического характера, обусловленных внешнеполитическими обстоятельствами. В связи с этим, представляется целесообразным проанализировать правовую природу управления данным видом долга, а также введение экономических санкций со стороны западных государств.

Сложность происходящих процессов обусловлена тем, что иностранные государства и международные финансовые институты помимо проблем экономического характера, создают технические проблемы, препятствующие развитию нормальных экономических отношений, в том числе и выполнению финансовых обязательств, что соответственно негативно сказывается на экономической репутации государства.

Обращаясь к финансовым показателям РФ, видим, что на 2023 год объем внешнего долга РФ составляет 57,6 млрд долл., в структуре которого большая часть представлена еврооблигационными займами (63,0%) [4]. Обращаясь к

установленному верхнему пределу внешнего долга РФ на 2023 год видим размер 70,7 млрд долл., на 2024 год – 66,6 млрд долл.²⁵

Во время введения санкционных мер в период с 2014-2019 гг. размер внешней задолженности РФ сократился в 1,5 раза, что объясняется финансовыми ограничениями для российских заемщиков на международном долговом рынке [5, с.34; 6, с.51; 7, с.37]. С 2016 г. РФ вернулась на международный рынок облигаций и начала привлекать дополнительные денежные средства посредством размещения российских еврооблигаций, поскольку по мнению экспертов, были достаточно благоприятные условия по срокам и стоимости внешних заимствований [8, с.136-137]. В связи с чем был превышен лимит государственных внешних заимствований на 80% [5, с.35-36]. Несмотря на сложившуюся благоприятную обстановку, связанную с возвращением РФ на международный долговой рынок, в 2022 году ситуация для России осложняется в связи с началом ведения специальной военной операции и введения экономических санкций. В рамках вопросов управления и обслуживания долговых обязательств по внешнему долгу, возникла проблема, связанная с фиксацией суверенного дефолта РФ, именно по еврооблигациям в связи с невозможностью осуществления расчетов в иностранной валюте. Изначально был предусмотрен для РФ льготный период по выплате просроченных платежей по данным облигациям²⁶. Однако, суверенный дефолт не так легко легитимно зафиксировать, мало того, что для это должны быть экономические причины, свидетельствующие о значительном росте внешних заимствований, кроме них еще необходимы и юридические основания, выраженные в том, что кредиторы должны обратиться в суд с истребованием выплат от должника [9, с. 12-13]. А уже государство, обладая суверенитетом, принимает решение об удовлетворении данного иска и осуществления соответствующих выплат, поскольку принудительно взыскать данные средства не представляется возможным, если только не использовать в этом случае активы государства, находящиеся за его пределами.

Россия не согласилась с фиксацией суверенного дефолта, поскольку органы исполнительной власти РФ предприняли все усилия для выполнения финансовых обязательств перед внешними кредиторами, так как денежные средства были перечислены, но в последующем заблокированы международной расчетно-клиринговой системой *Euroclear*. В связи с этим, Минфина России отметил, что внешние инвесторы не получили соответствующие выплаты в силу действия (или бездействия) третьих лиц, поэтому у них возникает право об-

---

²⁵ См.: О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов: федеральный закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ// Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 50 (часть I). – Ст. 8397. О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ// Собрание законодательства РФ. – 2022. №50 (Часть I-III). – Ст. 8760.

²⁶ Имеется ввиду два выпуска еврооблигаций в долларах со сроком погашения в 2026 году и в евро в 2036 году.

ращения в международные инстанции с претензиями о получении выплат [10]. Тем не менее, следует помнить о том, что базовыми условиями любого кредитования, включая и уровень публично-правовых образований, являются законность, возвратность, возмездность, срочность и др. [11, с. 12-123; 12, с. 36-38], соответственно РФ, как добросовестный заемщик понимает, что необходимо выполнять данные условия, следовательно, предусматривает варианты по выплатам своим кредиторам. Кроме того, бюджетное законодательство закрепляет, что управление государственным долгом предусматривает помимо прочего своевременное и полное исполнение собственных долговых обязательств, минимизацию расходов, связанную с их обслуживанием, исключая их неисполнение [13, ст. 101].

Тем не менее, международное сообщество обозначило свою позицию относительно дефолта России, с учетом оценок международных рейтинговых агентств, подтвердивших суверенный дефолт в качестве технического. Как правило, когда речь идет о техническом дефолте, связанном с политическими и экономическими обстоятельствами, то страны, где он фиксируется, не признают его. Примером являются Греция, Украина, Пуэрто-Рико и пр., в которых по разным причинам осуществлялась фиксация технического дефолта с последующей реструктуризацией долга [14, с. 50-51]. По мнению ряда авторов, в последние годы, многие государства, не только развивающиеся, но и с достаточно развитой экономикой будут сталкиваться с угрозой дефолта. Причем, для большинства стран (Мексика, Перу, Никарагуа и др.) они становятся продолжающимися. В связи с этим, международное сообщество вырабатывает различные правила, позволяющие предупредить наступление дефолта. В частности, в 2012 году ООН были разработаны «Принципы поощрения ответственной практики суверенного кредитования и заимствования», предусматривающие ответственность как кредиторов, так и суверенных заемщиков, акцентируя внимание на эффективном управлении долговыми обязательствами, а также недопустимости необоснованных заимствований [15].

Кроме того, международной практикой долговых отношений и управлением долговыми обязательствами был определен ряд критериев, позволяющих предположить наличие угрозы суверенного дефолта и его последствий. К таковым относятся следующие:

- соотношение размера внешнего долга к размеру годового внутреннего валового продукта (ВВП);
- размер внешнего долга к объему годового экспорта;
- размер погашаемого и обслуживаемого государственного долга к объему годового экспорта;
- размер обслуживаемого государственного долга к объему годового экспорта;
- объем ВВП на душу населения;
- размер государственного внешнего долга на душу населения;
- соотношение объема официальных международных резервов страны к объему ВВП;

➤ соотношение размера государственного внешнего долга к объему денежной массы [16, с. 73; 17, с. 97; 18, с. 9].

Соответственно, чем выше был подобный критерий, тем ниже была возможность страны по обслуживанию и управлению собственных долговых обязательств, а значит и увеличивалась вероятность суверенного дефолта.

Для стран ЕС был выбран критерий соотношения размера внешнего долга к размеру годового внутреннего валового продукта, который был закреплен в 1992 г. в Маастрихтском договоре, по которому данный показатель был установлен в рамках 60%, что означает определенный риск для финансовой безопасности государства. Когда возник вопрос о создании Европейского экономического и валютного союза и принятия стран в него, данный показатель был нарушен в 11 государствах – членах данного Союза. Соответственно такая экономическая ситуация свидетельствовала об определенных экономических сложностях и угрозах наступления дефолта, что в последующем и было продемонстрировано Грецией из-за невозможности погашения долговых обязательств. Несмотря на то, что государственный долг Греции удалось реструктуризировать, ситуация в иных странах ЕС тоже оставалась не совсем экономически благополучной в связи с ростом государственного долга увеличением процентного соотношения долга к ВВП. Со временем наметилась тенденция к увеличению установленного лимита в 60% в 2-3 раза [19, с. 35; 20, с. 110-111], что наблюдается и по настоящее время. По мнению некоторых специалистов, наметилась тенденция к смещению рисков суверенного дефолта от развивающихся стран к развитым. За последние годы обозначилось несколько лидеров в этой сфере: США, Япония и страны ЕС. Однако, несмотря на большой размер государственного долга и постоянное его увеличение, считается, что технический дефолт для Америки исключается, поскольку она имеет возможность эмиссионного финансирования собственных обязательств [21, с. 65].

Несмотря на несогласие РФ с фиксацией технического дефолта, Россия предпринимает меры, направленные на погашение долговых обязательств и на привлечение иностранных инвесторов в российскую экономику. В связи с этим было принято решение об открытии иностранным инвесторам счетов, которые будут вестись в рублях. Кроме того, предусмотрено осуществление индексации денежных средств, зачисленных на открытые счета, с учетом курса иностранной валюты, формирующемся на внутреннем валютном рынке. Все операции держателям еврооблигаций РФ осуществляет центральный депозитарий, который производит причитающиеся платежи, открывает счета держателям облигаций, формирует реестр указанных держателей. Осуществление данных операций будет свидетельствовать о выполнении РФ своих обязательств перед держателями еврооблигаций, если они исполнены в рублях и эквивалентны сумме данных обязательств в иностранной валюте²⁷.

---

²⁷ О временном порядке исполнения перед резидентами и иностранными кредиторами государственных долговых обязательств Российской Федерации, выраженных в государственных

Несмотря на тот факт, что в связи со сложившимися экономическими и геополитическими условиями в последние годы происходит уменьшение количества нерезидентов среди держателей российских облигаций, это не означает, что РФ не должна выполнять обязательства перед ними (табл. 9.5). Подобная тенденция наметилась с 2020 г., а до этого была противоположная ситуация, связанная с увеличением доли таких лиц. Таким образом, период положительной динамики и позволил РФ выпустить и разместить достаточно большое количество еврооблигаций, сложности погашения с которыми возникают в настоящее время, но и предпринимаются меры для их разрешения с целью сохранения статуса РФ как добросовестного кредитора.

Таблица 9.5

Инвестиции нерезидентов в объеме выпусков облигаций федерального займа²⁸

Дата	Номинальный объем облигаций, принадлежащих нерезидентам, млрд руб.	Объем рынка облигаций, млрд руб.	Доля нерезидентов на рынке облигаций, %
2023	1978	17 883	11,1/9,5 ²⁹
2022	3082	15 494	19,9
2021	3191	13 669	23,3
2020	2870	8 905	32,2

Поскольку ситуация на международной арене для РФ, остается сложной, то в настоящее время актуальной является проблема обсуждения введения международных санкций в отношении деятельности РФ в любых сферах. Необходимо разобраться насколько уместно использование именно термина «санкции», поскольку по мнению ряда ученых санкции не следует рассматривать как давление на государство, они являются способом воздействия на государство, совершившее правонарушение, то есть используется общеправовая характеристика санкций [22]. В теории права подобной позиции придерживался С.С. Алексеев, указывая, что санкции являются достаточно объемной категорией, которая включает в себя всю систему средств правового принуждения, исходящую от государства в целях поддержания правопорядка [23, с. 377]. Поскольку речь идет о международных отношениях, связанных с управлением государством собственными долговыми обязательствами, следует рассмотреть, насколько уместно использование термина «санкции». В настоящее время РФ, имея обязанность по выплате кредиторам денежных средств, не имеет возмож-

ценных бумагах, номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте: Указ Президента РФ от 22.06.2022 № 394 // Собрание законодательства РФ. 2022. №26. Ст. 4461.

²⁸ Банк России: доля инвестиций нерезидентов в объеме выпусков облигаций федерального займа [Электронный ресурс]. // URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/debt/table_ofz.xlsx (дата обращения 28.04.2023).

²⁹ Показатель на апрель месяц 2023 года.

ность осуществить данную обязанность из-за так называемых санкций, введенных западными странами. Исходя из вышесказанного и общепринятого в теории права, санкции должны вводиться в случае нарушения государством каких-либо правил в целях пресечения или профилактики правонарушения.

В теории международного права присутствуют различные подходы к пониманию санкций в международных отношениях. По мнению одних специалистов также отмечается связь санкций и юридической ответственности. По мнению *J.L. Kunz* санкции – это реакция на правонарушение [24, с. 324-325]. Солидарна с его мнением Т.М. Негматова, считающая санкции мерами охраны международного правопорядка [25, с. 99]. В.Л. Толстых определяет санкции в качестве совокупности мер, принимаемых на основании решений международных организаций [26, с. 214]. В.О. Страчко акцентирует внимание на том, что санкции применяются за нарушение государством международных соглашений [27, с. 173].

С точки зрения иных исследователей, следует разграничивать ответственность и санкции. В частности, Г.И. Курдюкова рассматривает санкции как принудительные действия, осуществляемые международными организациями и государствами в качестве двусторонних и односторонних мер [28, с.103]. В связи с этим подходом, Н.К. Семенова, Е.А. Марченкова, И.В. Грачева считают, что санкции представляют собой ответные принудительные меры субъектов международных отношений [22]. Подобная дискуссия существует из-за отсутствия определения содержания термина «санкции» в международных документах. Попытки определиться с сущностью данного термина предпринимались неоднократно, но безуспешно. Одна из них была в 2001 г., когда в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН *A/RES/56/83* об ответственности государств за международно-противоправные деяния допускается возможность любого государства принять правомерные меры против другого государства для обеспечения прекращения нарушения [29]. Несмотря на то, что в тексте не идет речь о санкциях, но анализ сущности данных мер, схож с содержанием санкций, хотя по мнению некоторых специалистов целесообразнее использовать термин «односторонние ограничительные меры», а не понятие «санкции» [22]. В связи с таким подходом, данные меры рассматриваются в качестве одного из вида санкций – рестрикций как синонима односторонних мер. По мнению специалистов, изучающих рестрикции, для них характерны следующие признаки:

- применяются одним государством в отношении другого;
- имеют финансово-экономический характер;
- являются персонифицированными, то есть направлены против отдельных физических или юридических лиц или отрасли народного хозяйства;
- нацелены на защиту интересов одного государства посредством принуждения другого к изменению его национальной политики;
- представляют собой внешнюю политику ряда государств [30, с. 62; 31, с. 175].

Исходя из вышеобозначенного, можно утверждать, что применительно к РФ в целом, и в частности в отношениях, связанных с государственным

долгом, используются именно рестрикции, поскольку РФ ничего не нарушает, а пытается выполнить свои обязанности перед кредиторами. Применение рестрикций не требует одобрения международного сообщества, потому как вид или форма рестрикции определяются государством самостоятельно. Тем не менее, следует иметь в виду, что рестрикции, так же, как и санкции оказывают давление на какое-либо государство. В данном случае важно понимать целесообразность их использования, направлены ли они на защиту государства или представляют собой угрозу для ухудшения межгосударственного и международного сотрудничества.

Литература

1. Ситников Р.И. Мировой опыт управления внешним долгом и его использование Россией: дисс ... канд. эконом. наук. – Москва, 2006. – 217 с.
2. Намитулина А.З., Бурякова А.О., Прокофьев М.Н., Сенчакова П.Д. Оценка долговой устойчивости России и зарубежных государств //Муниципальная академия. – 2018. – № 2. – С. 51-56.
3. Чувахина Л.Г., Коновалов В.В. Цели и методы управления государственным долгом в условиях финансовой нестабильности // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2012. – № 3 (41). – С. 245-249.
4. Государственный долг Российской Федерации.[Электронный ресурс]. //URL: <https://www.budget.gov.ru/Бюджет/Государственный-долг>(дата обращения: 25.04.2023).
5. Балюк И.А. Влияние внешних санкций на долговую политику России// Экономика. Налоги. Право. – 2020. – №4. – С. 29-43.
6. Oxenstierna S., Olsson P. The economic sanctions against Russia. Impact and prospects of success. FOI, September 2015.[Электронныйресурс]. //URL: https://www.academia.edu/15298128/The_economic_sanctions_against_Russia._Impact_and_prospects_of_success(датаобращения: 25.04.2023).
7. Moret E., Biersteker T., Giumelli F. et al. The new deterrent? International sanctions against Russia over the Ukraine crisis. Impacts, costs and further action. Published online by the programme for the study of international governance (psig) at the graduate institute of international and development studies, Geneva. 12 October 2016. [Электронный ресурс]. // URL:https://www.researchgate.net/publication/309482506_International_Sanctions_against_Russia_over_Ukraine(дата обращения: 25.04.2023).
8. Звонова Е.А. Особенности взаимодействия российского и европейского финансов рынков // Экономика. Налоги. Право. – 2019.- Т. 12.- № 3.- С. 134-143.
9. Цареградская Ю.К. Суверенный дефолт: теория и практика правоприменения//Финансовое право. – 2022. – № 11. – С. 11-14.
10. Что значат сообщения о дефолте России по внешнему долгу. [Электронный ресурс]. // URL:<https://www.rbc.ru/economics/27/06/2022/62b99cda9a794728c2056cf9?ysclid=17svz7szbk755483170>(дата обращения 25.04.2023).
11. Цареградская Ю.К. Государственный долг России в системе финансового права: монография. – М., 2019. – 188с.
12. Цареградская Ю.К. Принципы государственного долга: теоретико-правовые подходы//Юридическое образование и наука. – 2015. – №4. – С.35-39.
13. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 1998. – № 31. Ст. 3823.
14. Балацкий Е.В. «Технический» метод оценки вероятности суверенных дефолтов // Мир новой экономики. – 2016. – №3. – С.48-61.

15. Principles of encouragement of responsible practice of sovereign crediting and borrowing [Principyupooshrenijaotvetstvennojpraktikisuverennogokreditovanijaizaimstvovanija]. United-Nations, UNCTAD. [Электронный ресурс]. //URL:http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gdsddf2012misc1_ru.pdf(дата обращения 18.06.2023).
16. Ясин Е., Гавриленков Е. О проблеме урегулирования внешнего долга России // Вопросы экономики. – № 5. – 1999. – С.71-77.
17. Саркисянц А. Россия в системе мирового долга // Вопросы экономики. – 1999. – № 5. – С.94-108.
18. Илларионов А. Бремя государства // Вопросы экономики. – 1996. – № 9. – С. 4-27.
19. European Economic Forecast. Spring 2015, Statistical Annex, Real convergence in the euro area: evidence, theory and policy implications, ECB Economic Bulletin, 2015, Issue 5 — Article. [Электронныйресурс]. //URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/eu/forecasts/2015_spring_forecast_en.htm(дата обращения: 19.06.2023).
20. ЗвоноваЕ.А. Современные проблемы государственных долгов и суверенных дефолтов в странах Евросоюза // Финансы: теория и практика. – 2016. – №4. – С.105-117.
21. Волков Р.Г. Государственный долг в мировой экономике: новые уровни риска // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – №14 (248). – С.59-68.
22. Семенова Н.К. Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве / Н.К. Семенова, Е.А. Марченкова, И.В. Грачева // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — №8 (122). — [Электронный ресурс]. //URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.91>(дата обращения: 24.04.2023).
23. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права / С.С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 396 с.
24. Kunz J.L. Sanctions in International Law. The American Journal of International Law. – 1960. – № 54(2). – P. 324–347.
25. НегматоваТ.М. Классификация международных санкций и критерии их легитимности / Т.М. Негматова // Вестник Таджикского национального университета. – 2018. – № 5. – С. 99 -108.
26. Толстых В.Л. Курс международного права / В.Л. Толстых. – Москва: Проспект, 2018. – 734 с.
27. Страчко В.О. Санкции и их виды в международном праве / В.О. Страчко, К.А. Метельская // Идеи правового государства в юридической доктрине и конституционной практике Беларуси: история и современность: материалы международной научно-теоретической конференции студентов, магистрантов, аспирантов (Минск, 27—28 ноября 2014 г.). – Минск: Экоперспектива, 2014. – С. 173-174.
28. Курдюков Г.И. Соотношение ответственности и санкций в международном праве: доктринальные подходы / Г.И. Курдюков, М.В. Кешнер // Журнал российского права. – 2014. – № 9(213). – С. 103-115.
29. Резолюция Генеральной ассамблеи ООН A/RES/56/83 об ответственности государств за международно-противоправные деяния. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941379?section=text>(дата обращения 21.04.2023)
30. Крицкий К.В. Односторонние ограничительные меры в контексте международно-правового принуждения / К.В. Крицкий // Российский юридический журнал. – 2017. – № 4(115). – С. 62-73.
31. Рыбинцева Е. А. Понятие односторонних ограничительных мер в современном международном праве / Е. А. Рыбинцева // Государство и право во времени и пространстве: сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года. – Минск: БГЭУ, 2022. – С. 175-177.

ГЛАВА 10. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ, КИТАЯ И ЕВРАЗИЙСКИХ СТРАН

10.1. Состояние основных рынков обмена промышленными товарами Российской Федерации и Китайской Народной Республики

Актуальность исследования состоит в том, что для Российской Федерации торгово-экономическое взаимодействие с Китайской Народной Республикой как страной Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет не только провести диверсификацию внешней торговой политики, но и ускорить промышленно-экономическое развитие РФ, в том числе Сибирского и Дальневосточного макрорегионов, осуществить приток населения. Площадь этих макрорегионов занимает 66,07% от всей территории РФ, а доля населения от общей численности в 1989 г. составляла 19,7%, в 2010 г. 17,69%, а в 2021 г. 17,16% [1]. Совершенно очевидно, что происходит постепенный отток населения, несмотря на реализацию таких программ как «Дальневосточный гектар» [2], «Арктический гектар» [3] и «По оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [4]. На наш взгляд, увеличение объемов поставок экспортно-импортных грузов, например, по железной дороге в этих макрорегионах становится необходимым условием расширения и модернизации Транссибирской Байкало-Амурской магистралей, а, следовательно и развития инфраструктуры, строительства новых поселений и привлечения трудовых ресурсов и населения в целом.

Цель промышленно-экономического взаимодействия РФ с КНР как с крупнейшей и быстро развивающейся страной – достичь высокого уровня инвестиционных и торгово-экономических связей, которые отвечают взаимным интересам и потенциалам экономического развития обеих стран [5]. В последнее время произошли изменения, которые существенно повлияли на устремленность РФ к Западному сотрудничеству, к западной культуре и западным ценностям. Однако, по мнению некоторых исследователей, существенным фактором, препятствующим более тесному налаживанию экономических связей, является несоответствие российского менталитета, модели развития менталитету азиатской цивилизации, позиции Китая как центрального государства во всем мире, отличающегося древнейшей цивилизацией и достижениями, которыми пользуются во всех цивилизованных странах, в том числе и на Западе.

Доля Китайской Народной Республики как основного экспортера всех товаров для всех стран сократилась в 2022 г. с 15 до 14,4%. Однако при этом страна резко увеличила экспорт автомобилей собственного производства и запасных частей к ним. За весь год такой прирост составил 30% по сравнению с 2021 г и достиг 121 млрд долл. США [6]. Несмотря на то, что Китай занимает пятое место в мире по экспорту этих видов товаров (после стран Европейского союза, США, Японии и Мексики) разрыв между тремя последними странами по объе-

му поставок постоянно сокращается и Китай в перспективе претендует на второе место. Основное изменение в структуре мировой торговли заключается в том, что в 2022 г. по сравнению с 2021 г. снизилась доля промышленных товаров с 69 до 63% и соответственно возросла доля поставок топлива и сырьевых ресурсов с 17 % в 2017 г. до 21% в 2022 г. На динамику международной торговли большое влияние оказал такой фактор, как рост цен на сырьевые ресурсы.

В настоящее время к самым популярным категориям промышленных товаров относятся автомобили и запасные части к ним, офисное и телекоммуникационное оборудование, продукция химической промышленности.

Большое влияние на сотрудничество РФ с Китайской Народной Республикой оказывает рынок легковых коммерческих автомобилей [7]. Несмотря на потенциальный спрос в РФ на этот вид транспорта, рост продаж не был обеспечен в летние месяцы этого года даже удорожание техники из-за ослабления курса рубля и роста, так называемого, утильсбора. Вполне закономерно, что хозяйствующие субъекты как малого и среднего бизнеса, так и крупные компании не нацелены на возобновление автомобильного парка в условиях кризиса. Однако на этом рынке заметно уменьшилось предложение, поскольку остались автомобили марки «Газель», выпускаемые на автомобильном заводе в Нижнем Новгороде, и новой китайской линейки Sollers.

Так, например, 63% продаж и первое место занимают «Газели», спрос на которые вырос на 60%. На втором месте автомобили Ульяновского автозавода, количество продаж которых выросло на 29%. На третьем месте находятся автомобили Sollers, разработанные на базе китайского JAC.

По мнению аналитиков, низкий спрос на этот тип автомобилей отражает ситуацию, в которой клиентурные рынки не получили адекватной замены ушедших с этого рынка машин. По сравнению с июлем 2022 г. рост спроса на легковые коммерческие автомобили в июле этого года оказался на 46,3% ниже, и на 6,4% меньше, чем в июне. В то же время происходит в последний месяц увеличение спроса на легковые автомобили составило 16,1%, а грузовых – 2,5%. Такой рост потребности в грузовых автомобилях, а именно, в тягачах и самосвалах, объясняется соответствующим увеличением объемов грузовых перевозок. Однако остается эффект отложенного реального спроса, поскольку производители такого типа автомобилей из Китая не увеличивают свои поставки в РФ, поскольку у покупателей таких автомобилей в самом Китае другие требования, отличающиеся от российских. Следовательно, проблема возникает в необходимости унификации и стандартизации автомобилей, производимых в нашей стране и в Китайской Народной Республике.

Следующий рынок – это легковые автомобили. До сих пор не решена проблема, которая состоит в принадлежности производимых автомобилей по уровню локализации к российской автомобильной промышленности по таким признакам как: доля производственных процессов, осуществляемых на территории РФ; объем использования местных комплектующих изделий и сырья. Возникновению этой проблемы способствовало решение главы российского

государства о закупке для государственных чиновников федерального, макрорегионального и регионального уровней управления только отечественных легковых автомобилей. Так, например, если китайские автомобили HAVAL, производимые в Тульской области, по этим признакам будут считаться российскими, то у этих внедорожников большая линейка моделей и потенциальный спрос. В июле 2023 г. на территории РФ было продано 46,9 тыс. автомобилей, что почти в три раза больше, чем год назад также в июле, из них 41,57% – это китайские автомобили марки CHERY (22,81%) и GEELY (18,76%). Кстати, автомобиль «Москвич-3», который рекламируется как отечественная марка – это копия китайского кроссовера JAC JS4.

Таким образом, уход западных автопроизводителей создал возможности для переориентации дилеров с соответствующих брендов на китайские. Немного меньше половины продаж на российском рынке легковых автомобилей в настоящее время уже занимают две китайские модели. Еще в 2021 г. был открыт в Москве первый шоурум CHERY и брендов Exeed, которые позиционировались как наиболее перспективные автомобили в определенной рыночной нише. В настоящее время доходность от продажи автомобилей китайских брендов на российском рынке стабилизировалась, появились стабильные обороты. Считается, что непосредственно китайским компаниям достаточно легко прийти на российский рынок. Считается, что необходим период в два или три года, чтобы производители могли определиться с тем, какие модели автомобилей из Китая будут с высокой степенью вероятности производиться на территории РФ. В том числе и автомобили по существующим проектам. Знание ситуации важно для существующих предприятий-производителей комплектующих частей для автомобилей, поскольку производство можно переориентировать на выпуск своей продукции, необходимой для китайских автомобилей. Так, например, к такой продукции относятся пластиковые, металлические детали и сиденья, которые поставлялись крупнейшим компаниям и производились в автокластерах Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Калуги и Набережных Челнов. Но после начала кризиса производители комплектующих простаивали. В настоящее время покупка предприятий производителей автокомпонентов, которые ранее были востребованы и, по краткосрочным прогнозам, будут востребованы рынком автопроизводителей, привлекательны для инвесторов. Такая привлекательность объясняется продажей этих хозяйствующих субъектов и отдельных производств в их составе с дисконтом. И при сохранении имеющегося персонала (кадров), который успешно освоил производственные процессы, вполне реально возобновить выпуск востребованных авторынков комплектующих.

Даже, если инвесторам не удастся их загрузить полностью изготовлением того же или аналогичного товара, то есть сохранить имевшиеся заказы, то все равно такое приобретение считается выгодным, поскольку приобретается готовая площадка с развитой инфраструктурой, транспортным сообщением, которые можно достаточно быстро переоборудовать под выпуск другой продукции.

Так, на покупку активов корейского производителя легковых автомобилей HYUNDAI в Санкт-Петербурге претендует калининградская автомобильная компания «Автотор Холдинг», которая готова в кратчайшие сроки перезапустить выпуск автомобилей на площадке Санкт-Петербурга. Для осуществления такой программы деятельности калининградский автопроизводитель планирует проведение модернизации завода с целью – локализовать производство двигателей внутреннего сгорания нового поколения и гибридных автомобилей. Инвестиционная программа автомобильной компании «Автотор Холдинг» будет увеличена до 70 млрд рублей, из которых 10 млрд рублей уже вложены в развитие производства на площадке в Санкт-Петербурге. В 2023 г. автохолдинг освоил вместо ранее выпускавшихся немецких и южнокорейских марок производство автомобилей китайских марок Kaiyi, BAIC и SWM.

Ещё один рынок – это рынок товаров лесной промышленности. Так, в первом полугодии 2023 года производство почти всех видов продукции этой отрасли сократилось из-за потери западных экспортных рынков [8]. Выпуск пиломатериалов и фанеры снизился на 9,1% и 16,4%, соответственно и достиг 14 и 1,58 млн куб. метров, соответственно. древесноволокнистых плит (ДВП) на 15,7% до 309 млн условных кв. м. Максимально сокращение на 44,6%, достигнув 646 тыс. тонн, наблюдалось в сегменте продаж топливных пеллет. Практически стабильным остался спрос на древесностружечные плиты (ДСП), который даже увеличился на 0,3%. Производство целлюлозы, бумаги и картона также сократилось на 3,5% и 4,6%, и составило 4,3 и 4,9 млн т, соответственно. Изготовление ящиков и коробок из гофрированной бумаги, несмотря на рост в 2022 г. на 8,4%, в 2023 г. уже замедлилось на 3,3% и составило 3,9 млрд кв. м. Таким образом, у производителей всех видов такой продукции могли быть внедрены только две стратегии, первая – осуществить наращивание поставок в целевые сегменты уже освоенных российских клиентурных рынков или вторая – переориентировать экспортные поставки. Так, первая стратегия является классической стратегией выживания и ее применение одной из крупнейших компаний Segezha Group, привело к тому, что поставки бумаги увеличились в два раза, продажи фанеры в три раза, и, в результате, произошло перенасыщение внутреннего российского рынка этими товарами и резкому снижению и цен, по прогнозам, до конца 2023 г. С середины 2022 г. цены на пиломатериалы, производимые в РФ, уменьшились на 40–50% в пересчете на доллары США. Ожидается, что объемы лесозаготовки снизятся к концу 2023 г. на 15% и составят 165 млн куб. м. по сравнению с 195 млн куб. м. в 2022 г. Однако при сохранении курса рубля выше 85 рублей за 1 доллар США, объемы лесозаготовок могут быть более высокими и составить от 175 до 185 млн куб. м. В этом случае снижение составит от 5,1 до 10,26%. Для производства фанеры уменьшение объемов выпуска составит 5%, а выпуск целлюлозы сохранится на уровне прошлого 2022 г.

Применение второй стратегии позволило медленно наращивать поставки в три страны, наиболее крупные покупатели- Китайская Народная Республика,

Республики Казахстан и Узбекистан. Из них, наиболее крупным и платежеспособным рынком сбыта российских товаров является Китайская Народная Республика. Основными факторами, способствующими наращиванию экспортных поставок, считаются более рациональное построение транспортно-логистических маршрутов, увеличение объемов государственных транспортных субсидий, ослабление курса рубля.

К отрицательно влияющим на объемы экспортных поставок можно отнести: отсутствие достаточного количества крупных грузоперевозчиков, обеспечивающих перевозки от портов Северо-Западного региона до портов Дальнего Востока; необходимость государственной поддержки при заключении межправительственных соглашений; недостаточность инфраструктурных финансовых решений для международных расчетов; необходимость инвестирования в модернизацию мощностей; необходимость запрета импорта определенного вида продукции, например, на беленую целлюлозу и фанеру. По критериям, установленным в 2021 г. Правительством РФ в программе развития лесного комплекса до 2030 г., к окончанию реализации этой программы объем заготовки леса за 9 лет, как в среднесрочной перспективе, должен увеличиться на 30%, производство пиломатериалов на 38,7–55,5% по сравнению с 2019 г. Причем, спрос на внутрироссийском рынке на пиломатериалы по прогнозам должен составить всего 24,7 млн куб. м из 62–69,5 млн куб. м, что составит 35,5–40% от общего объема предложения. Выпуск товарной целлюлозы также должен увеличиться до 5,7 млн т, что, в принципе, соответствует проектной мощности шести крупных новых целлюлозно-бумажных комбинатов. Однако в 2023 г. отмечается текущий спад объемов выпуска товарной целлюлозы существующими целлюлозно-бумажными комбинатами, поскольку на внешнем рынке снизился спрос на эту российскую продукцию, которую в существенных объемах не закупает Китай. Основными факторами такого снижения спроса является низкое качество товарной целлюлозы. Следовательно, к основным целям развития отрасли следует отнести необходимость модернизации существующих производств, а также запрет импорта такой продукции как беленая целлюлоза, из которой делается флаф-целлюлоза, востребованная и на внутреннем рынке. Так, например, введена Министерством экономического развития Российской Федерации защитная импортная пошлина для поставок фанеры, равная 50%. В настоящее время самым значительным сегментом клиентурных рынков покупателей целлюлозно-бумажной продукции, занимающем более 50%, является спрос на тарные картоны. В 2022 г. было произведено более 5 млн т этого товара, из них на внутренний спрос приходилось 4 млн т, а оставшийся 1 млн т необходимо было предложить внешнему рынку. Наиболее очевидным, обладающим соответствующим спросом и позволяющим переориентировать экспорт из РФ, являлся рынок Китайской Народной Республики, но на территории самого Китая выпуск тарных картонов из макулатуры превышает спрос на этот товар несмотря на то, что темпы ежегодного приращения объемов спроса составляют примерно 5 млн тонн или 10%. Следовательно, потенциальные экспортные постав-

ки из РФ могут быть осуществлены в перспективе. Однако, кроме этого положительного фактора, есть и отрицательные, к которым относятся следующие: единовременный рост поставок тарного картона со всех комбинатов РФ приведет к переизбытку общего предложения этого товара на китайском рынке и, следовательно, к снижению цен; китайские покупатели стали более требовательно относиться к качеству товара, как целлюлозных, так и макулатурных сортов, поэтому к некоторым российским производителям даже предъявлялись рекламации от китайских производителей гофры. Поэтому можно сделать вывод о необходимости изменить модель бизнеса предприятий целлюлозно-бумажной промышленности в РФ с целью – избежать перепроизводства товаров как для внутреннего, так и для внешнего рынков, но не снизить экономические показатели деятельности. Наличие достаточных объемов поставляемого на целлюлозно-бумажные комбинаты сырья не позволяет решить проблему перепроизводства товара и поэтому, с начала 2022 г. цены на гофропродукцию в России стагнировались. Для цели увеличения экспорта необходимо, на наш взгляд, вместо стратегии выживания, то есть маркетинговой сбытовой стратегии более полного проникновения на старые рынки покупателей со старым товаром, применить стратегию разработки и производства новых товаров для этих же рынков, то есть маркетинговую товарную стратегию. Внедрение такой стратегии вполне возможно по причине наличия в РФ избыточных объемов сырья. Следовательно, потенциально существует положительный фактор увеличения поставок на внутренний – российский и внешний – китайский рынки. Отрицательный фактор – это качество продукции, не отвечающее требованиям конкурентоспособности на внешнем рынке. Изготовление и продажа новой продукции с лучшими потребительскими характеристиками (балансом цены, качества, свойств) обеспечит производителям гарантии сбыта и дополнительную прибыль в новых рыночных нишах, таких, как например, индивидуальная, персонализированная, нестандартная упаковка. По прогнозам, формирование и занятие новых рыночных ниш новыми продуктами комбинатов целлюлозно-бумажной промышленности позволит дополнительно продавать в год более 2 млн тонн бумаги и картона, но уже другого качества, свойств и цены. Однако реализацию этого оптимистического сценария необходимо обеспечить внедрением таких факторов как: новые или модернизированные оборудование и технологии, и, соответственно, инвестиции.

В 2022 г. объем инвестиций в развитие лесопромышленного комплекса Российской Федерации вырос на 17% и составил 150 млрд руб. Почти половина всех инвестиционных вложений осуществлена в модернизацию и расширение производства бумаги и бумажных изделий. На рост инвестиционной активности положительное влияние оказывает выкуп активов зарубежных компаний, например, компания Mondi намерена продать свой крупнейший актив «Монди Сыктывкарский ЛПК» [9].

До 8% мирового рынка займет, по программе развития лесного комплекса до 2030 г., производство и продажа пеллет, объем которых с 1,9 млн т увеличит-

ся до 2,8–5,2 млн т. Единственный зарубежный рынок, который обладает соответствующими объемами закупки пеллет, является Китайская Народная Республика. Однако поставки в эту страну данного вида товара, являющегося топливом, запрещены по мировым требованиям охраны окружающей среды. Это, во-первых, а, во-вторых, нецелесообразны из-за дорогостоящей перевозки. Поэтому производители постепенно переходят к решению об изменении экспортно-ориентированной политики в этой отрасли.

По оценкам специалистов из «Рослесинфорга», в общем отрицательная динамика экспорта пиломатериалов сокращается, поскольку поставки за рубеж в первом полугодии 2023 года превысили 10 млн куб. м, из них доля рынка Китайской Народной Республики в общем объеме экспорта впервые превысили 60% [10]. Поэтому переориентация грузов на Восток потребовала изменить логику поставок, успешному применению новых маршрутов препятствуют такие отрицательные факторы как : сложности с объёмами и сроками грузовых перевозок по Восточному полигону, под которым понимаются восточные участки Транссибирской магистрали и Байкало-Амурская магистраль, поскольку увеличивается нагрузка из-за перевозки круглой древесины к местам обработки и дальнейшей отправки на экспорт в Китайскую Народную Республику; особенности процедуры приемки груза китайской стороной, которые увеличивают сроки доставки грузов непосредственно к покупателям. Устранению этих факторов и решению проблем может способствовать расширение провозной способности Восточного полигона и переход на такой способ перевозки как контейнеризация грузов лесоперерабатывающей промышленности, прежде всего фанеры, пиломатериалов и шпона, что позволяет уменьшить сроки отправки этих грузов на 10%.

Важное значение для российско-китайских торгово-промышленных отношений имеет динамика развития рынка природного газа. Ожидается, что спрос на российский природный газ восстановится по своим объемам в 2023 г. на прежний уровень, поскольку спрос на него в 2022 г. был значительно уменьшен. Потребление в 2023 г. увеличится, по прогнозам, на 5,5–7% до 385-390 млрд куб. м за счет таких факторов, как рост поставок трубопроводного газа из РФ и увеличения объемов внутренней добычи в самом Китае. Поставки сжиженного природного газа рассматриваются в КНР как балансирующие, то есть вынужденные для покрытия дефицита природного трубопроводного газа [11]. Основными покупателями природного газа, влияющими на объемы спроса являются такие клиентурные рынки и их сегменты в городах: во-первых, хозяйствующие субъекты коммерческого промышленного производства, транспорт и системы отопления; во-вторых, энергетика, в том числе газовые тепло-электростанции, домашние хозяйства в жаркий летний период. Стратегические цели развития национальной экономики КНР направлены на наращивание поставок по долгосрочным контрактам, в том числе поставки российского природного газа на северо-восток страны по трубопроводу «Сила Сибири». В 2022 г. экспорт российского газа в Китайскую Народную Республику по этому трубопроводу увеличился на 54%.

Также предусмотрен импорт спотового сжиженного природного газа с целью поддержания стабильности цен. Так, в 2022 г. китайские компании заключили долгосрочные контракты на покупку такого газа в объеме 17 млн т в год. Однако отрицательным фактором является негибкое ценообразование, заложенное в долгосрочных контрактах, поэтому поставки сжиженного природного газа из РФ в 2022 году снизились на 19,5 % до 87,6 млрд куб. м при росте его цены на 25 %. По мнению экспертов, в 2023 году поставки сжиженного природного газа, произведенного на полуострове Ямал, и доставляемого по Северному морскому пути из России в Китай могут вырасти, поскольку по климатическим условиям не было необходимости ледокольной проводки танкеров.

Литература

1. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года / Информационный портал «Кремлин» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5919> (дата обращения 16.08.2023).
2. Программа «Дальневосточный гектар» / Информационный портал «Дальневосточный портал» [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--80aafecbc4alewcm0birg3gydl.xn--p1ai/> (дата обращения 16.08.2023).
3. Гектар Арктики / Министерство имущественных отношений Мурманской области [Электронный ресурс] // URL: https://property.gov-murman.ru/activities/arctic_hectare/?ysclid=llsic7cszn819064790 (дата обращения 16.08.2023).
4. По оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289) / Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // URL: https://property.gov-murman.ru/activities/arctic_hectare/?ysclid=llsic7cszn819064790 (дата обращения 16.08.2023).
5. Объем внешней торговли КНР по итогам 2022 года вырос на 4,4 процента / Информационный портал «Агентство экономической информации Прайм» [Электронный ресурс] // URL: https://1prime.ru/state_regulation/20230113/839460749.html?ysclid=llsfjyt8yg432062483 (дата обращения 17.08.2023).
6. Регионы России Социально-экономические показатели. 2022. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения 18.08.2023).
7. Что Китай значит для экономики России / Интернет-портал медиахолдинга РБК [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/03/2023/64145bfb9a79477ef586365c?ysclid=ll094rffp4h433322662> (дата обращения 19.08.2023).
8. Экспорт российского леса в свободном падении. Эксперты рассчитывают на Китай, но и там склады забиты / Информационный портал «Фонيانка.ру» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fontanka.ru/2023/05/27/72344393/?ysclid=llsgl1m9vr442657849> (дата обращения 20.08.2023).
9. Mondi рассчитывает продать "Монди Сыктывкарский ЛПК" в течение 12 месяцев / Информационный портал «Интерфакс» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fontanka.ru/2023/05/27/72344393/?ysclid=llsgl1m9vr442657849> (дата обращения 20.08.2023).
10. Лес наращивает поставки в Китай Информационный портал «Рослесинфорг» [Электронный ресурс] // URL: <https://roslesinfor.ru/news/all/9457/?ysclid=llsh5z5er6991846103> (дата обращения 18.08.2023).
11. Китай возвращается к газу / Информационный портал «Коммерсантъ» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6124885?ysclid=llshdaqnl6289203866> (дата обращения 18.08.2023).

10.2. Промышленно-технологическое сотрудничество евразийских стран: перспективы роста

Евразийское пространство представляет собой потенциал раскрытия индустриального превосходства благодаря общему рынку сбыта высокотехнологичной продукции, связанной развитой производственно-логистической инфраструктуре, наличию богатой минерально-сырьевой базы, возобновляемому человеческому капиталу. Несмотря на конкурентные преимущества формата евразийского партнерства сложились объективные условия, преодоление которых должно сформировать промышленно-технологический пласт, функционирующий по принципам единого интеллектуального центра с территориальным разветвлением.

В настоящее время научное сообщество предлагает инструменты ESG-трансформации, которыми важно своевременно воспользоваться с учетом комплекса внутренних и внешних потребностей национальных промышленных комплексов. Вопросы изменения климата предполагается решать благодаря разработанным в странах-партнерах стратегиям достижения углеродной нейтральности. Социальные аспекты наращивания человеческого капитала ложатся в основу развития науки и технологической политики на уровне государственных структур, учреждений образования. Корпоративное управление также претерпевает деформацию за счет экологизации бизнес-процессов.

Для того, чтобы раскрыть сущность и перспективы промышленно-технологического сотрудничества, целесообразно изучать модели ESG-трансформации системы технологического менеджмента [1]. В качестве наглядного примера рассмотрим казахстанскую промышленную компанию АО Национальная компания «КазМунайГаз», которая специализируется на разведке и добыче углеводородов, транспортировке, переработке и предоставлении сервисных услуг.

Технологические параметры экологической ответственности АО Национальная компания «КазМунайГаз»:

– отрицательная динамика водозабора: 2022 г. – 83,7 млн м³; 2021 г. – 84,3 млн м³; 2020 г. – 85,8 млн м³;

– рост прямых выбросов CO₂: 2022 г. – 7,6 млн т; 2021 г. – 6,9 млн т; 2020 г. – 8,7 млн т;

– снижение уровня утилизации попутного нефтяного газа: 2022 г. – 98,8%; 2021 г. – 98%; 2020 г. – 98%;

– положительная динамика утилизации исторических отходов: 2022 г. – 693,7 тыс. т; 2021 г. – 540,5 тыс. т; 2020 г. – 558,4 тыс. т;

– прогрессивное энергосбережение и энергоэффективность: 2022 г. – 2057 тыс. ГДж, 2021 г. – 340 тыс. ГДж, 2020 год – 874 тыс. ГДж;

– снижение объема разливов нефти: 2022 г. – 290 т; 2021 г. – 330 т; 2020 г. – 288 т [2].

Индикаторы социальной ответственности:

- рост объемов социальной поддержки работников: 2022 г. – 24 млрд тенге; 2021 г. – 22 млрд тенге; 2020 г. – 21 млрд тенге;
- колебания коэффициентов LTIR / FAR среди работников: 2022 г. – 0,36 / 1,00; 2021 г. – 0,31 / 2,93; 2020 г. – 0,25 / 0;
- стабильная текучесть работников: 2022 г. – 6%; 2021 г. – 6%; 2020 г. – 6%;
- устойчивое соотношение мужчины / женщины в трудовом коллективе: 2022 г. – 82% / 18%; 2021 г. – 82% / 18%; 2020 г. – 81% / 19%;
- увеличение среднегодового количества академических часов на одного работника: 2022 г. – 22; 2021 г. – 17; 2020 г. – 16 [2].

Ключевые показатели управления:

- снижение ESG риск-рейтинга: 2022 г. – 28,4; 2021 г. – 28,4; 2020 г. – 34,5;
- увеличение налоговых и других обязательных платежей в бюджет: 2022 г. – 1176 млрд тенге; 2021 год – 787 млрд. тенге; 2020 год – 548 млрд. тенге;
- увеличение прибыли: 2022 г. – 1317 млрд тенге; 2021 г. – 1287 млрд тенге; 2020 г. – 172 млрд тенге;
- стабилизация объема закупок: 2022 г. – 1700 млрд тенге; 2021 г. – 1216 млрд тенге; 2020 г. – 1826 млрд тенге;
- рост доли местного содержания в закупках: 2022 г. – 82%; 2021 г. – 78%; 2020 г. – 82% [2].

Как показывает практика, крупные компании стремятся улучшать достигнутые показатели и интегрировать цели ESG в систему стратегических и среднесрочных показателей благодаря промышленно-технологическому сотрудничеству (рис. 10.1).

В качестве перспектив роста промышленно-технологического сотрудничества евразийских стран можно обозначить реализацию совместных проектов, которые могут быть направлены на решение проблем технологической интеграции экологически чистых производств, экологического брендинга, как факторов интенсивности ESG-трансформации, а также продвижение потоков экологически чистой продукции на внешние и внутренний рынки. Можно констатировать факт, что крупные индустриальные регионы Казахстана, становятся трансграничными цифровыми хабами социально-экономических, научно-исследовательских потоков. В новых условиях важно наращивать технологический потенциал с помощью усиления зон активности собственников компаний, ВУЗов, органов власти местного уровня. Несмотря на вновь возникающие проблемы на мировом финансовом рынке, дисбаланс сырьевых и товарных потоков, модернизация технологической базы и научного комплекса подразумевает непрерывный обмен продвинутыми технологиями, инновационными знаниями. В частности, между казахстанскими учеными и Федеральным государственным бюджетным учреждением науки Омским научным центром Сибирского отделения

Российской академии наук (ОНЦ СО РАН) подписано соглашение о сотрудничестве в вопросах разработки индикаторов социально-экологического развития и чувствительности потребителей к защите окружающей среды, включая «зеленую» сертификацию экспортной продукции. Научные изыскания в данном направлении будут способствовать становлению экосистемы и научной школы нового типа, объединяющей в себе три фундаментальных принципа: устойчивое развитие, «зелёная» экономика и технологическая интеграция.

Рис. 10.1. Механизмы промышленно-технологического сотрудничества (составлен автором)

Изучая и систематизируя научные подходы в области активизации научно-промышленного развития, можно классифицировать уровни технологической интеграции экологически чистых производств (табл. 10.1).

Можно сделать вывод о том, подходы к промышленно-технологическому сотрудничеству на уровне стран ЕАЭС должны опираться на новые знания о стратегиях экологического брендинга, технологическую интеграцию экологически чистых производств, включая «зеленую» логистику, «зелёные» корпоративные стратегии. Это позволит преодолеть барьеры на пути к процветанию экономики наших стран.

Таблица 10.1

**Критерии типовой классификации уровней технологической интеграции
экологически чистых производств**

Подход	Критерии типовой классификации	Авторы научных исследований
<i>Уровень инвестиционной привлекательности экологически чистых производств и других сфер</i>		
Инструментализация инвестиционной привлекательности региона	Унификация программ оптимизации технологических инноваций, «зеленого» инвестирования в ресурсосберегающие технологии, ранжирование в рамках двухуровневой системы «владелец – совладелец» процесса управления инвестиционной привлекательностью	Давиденко Л.М., Канавец С.А. [3, с. 28]
Инвестиционная привлекательность на основе сочетания потенциала (объективные возможности страны) и инвестиционного риска (условия деятельности инвестора)	Взаимосвязь факторов при принятии положительного решения по инвестированию: инвестиционный климат – инвестиционный имидж – инвестиционная привлекательность региона – инвестиционный риск [5]. Медиарейтинг инвестиционной привлекательности регионов [6]	Semenova Yu.E. [4], Нешатаева Т.В., Гришук В.А. [5], Ващенко Т.В. [6]
Формирование государственной инвестиционной политики	Алгоритм для инвестора от представления бизнес-идеи до ее реализации	Абдуллаев А.М. [7]
Инвестиции в экономику как эффективность экономической безопасности	Структурная взаимосвязь между инвестициями и экономической динамикой (связь экономического роста с притоком инвестиций в реальную экономику)	Акрамова О.К. [8]
Государственная поддержка инвестиционной привлекательности региона	Экспертиза проектов, национальные программы государственной поддержки отраслей экономики	Цехомский Н.В. [9]
Организационно-экономический механизм стимулирования притока капитала	Инструменты формирования межбюджетных трансферов, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере ресурсосбережения, удовлетворение потребностей населения	Гутько Е.Ю. [10]
<i>Уровень соответствия экологическим параметрам «зеленых» технологий</i>		
«Зеленое» проектирование транспортных маршрутов	Управление цепями поставок в транспортно-логистических системах	Miller M., Davidenko L. [11]
«Зелёные» процедуры патентной защиты совместных технологий национальных и зарубежных компаний	Практика открытых лицензий, сопровождающих взаимное использование «зеленых» технологий	Негуляев Г.А. [12]

Продолжение табл. 10.1

Подход	Критерии типовой классификации	Авторы научных исследований
Цифровизация объектов ВИЭ / ИИ для ветроэнергетических установок	Радикальное улучшение мониторинга состояния ветроустановок (точная настройка, автоматизация и эксплуатация оборудования ветроэлектростанций)	Левченко С.А., Орлов А.В., Дуранте С., Плюта С.В. [13]
Мониторинг государственных инвестиций и расходов от введения экологических налогов	Сочетание благосостояния людей, социального равенства, снижения экологических рисков и «экологического следа» промышленности, совершенствование нормативно-правовой базы в области охраны окружающей среды	Мантаева Э.И., Голденова В.С., Слободчикова И.В. [14]
«Зеленое» финансирование циркулярной экономики	Сокращение технологических выбросов (парниковых газов) путем совершенствования технологии производства, используя вторичные ресурсы и замыкая технологические циклы	Скобелев Д.О., Федосеев С.В. [15]
«Зеленые» методы в управлении кадрами для реализации корпоративной стратегии устойчивого развития	Внедрение программы подбора персонала на основе экологических критериев («зеленое» обучение персонала, включение экологических пунктов в должностные инструкции)	Шайеган Ш., Базркар А., Ядегари Р. [16]
Поддержка инновационных предприятий и стартапов, занимающихся «зелеными» разработками	Комплексный подход к поддержке организаций и ведения бизнеса с заботой о человеке и окружающей природе	Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. [17]
Внедрение концепции ESG во времена высокого спроса на экологичность строительных объектов	Комплекс инновационных и проектных мероприятий строительства и эксплуатации зданий и сооружений	Карова А.У., Савенко К.А., Михеев Г.В. [18]
<i>Уровень развития эcobрендинга товаров и услуг</i>		
Механизмы продвижения эcobрендинга путем трансформации рынка трудовых ресурсов, которые должны придать импульс увеличению доходов населения, возможности выбора более ценных экологически чистых продуктов и услуг	Внедрение «умных технологий», цифровизация систем управления на уровне компаний, наращивание стоимости человеческого капитала	Davidenko L.M., Beisembina A.N., Kunyazova S.K., Karimbergenova M.K., Sherimova N.M., Kuniyazova A.Z h. [19]
Раскрытие потенциала молодёжного технологического предпринимательства в	Экологическая деятельность и внедрение принципов экологичного производства	Петрова О.А., Прудников А.Ю. [20]

Подход	Критерии типовой классификации	Авторы научных исследований
области производства и реализации экологической одежды		
Демонстрация экологических практик широкой аудитории	Становление и развитие экологической культуры в социуме	Валькова Е.М., Коршунова Ю.М. [21]

Литература

1. Отчет об устойчивом развитии Eurasian Resources Group (ERG) [Электронный ресурс]. // URL: [https://www.erg.kz/files/ERG%20SDR%202022%20\(RUS\).pdf](https://www.erg.kz/files/ERG%20SDR%202022%20(RUS).pdf) (дата обращения 10.10.2023 г.).
2. Отчет об устойчивом развитии АО Национальная компания «КазМунайГаз» [Электронный ресурс]. // URL: https://www.kmg.kz/upload/iblock/637/7xc3c1111d0zzuzrmpmlzd0byw6esnmf/KMG_RU_29.08.23_Spread.pdf. (дата обращения 10.10.2023 г.).
3. Давиденко Л.М., Канавец С.А. Инвестиционная привлекательность региона: управленческие аспекты // Вестник Торайгыров университета. Экономическая серия / ТорайгыровуниверситетініңХабаршысы, Экономикалық серия. – 2023. – № 3. – С. 27-37. – <https://doi.org/10.48081/HCQ9407>.
4. Semenova Yu.E. Theoretical aspects of investment attractiveness: content of the concept, factors and methods of evaluation // *Technoeconomics*. – 2022. – Volume 1. № 3 (3). – С. 65-75. – DOI: 10.57809/2022.3.3.6.
5. Нешатаева Т.В., Грищук В.А. Понятие инвестиционной привлекательности региона и его место в системе инвестиционных категорий // *Общество, экономика, управление*. – 2022. – Том 7. № 1. – С. 48-54. – DOI: 10.47475/2618-9852-2022-17107.
6. Ващенко Т.В. Анализ медиарейтинга инвестиционной привлекательности регионов как инструмента принятия эффективных инвестиционных решений // *Финансовая жизнь*. – 2022. – №1. – С. 75-79.
7. Абдуллаев А.М. Совершенствование государственной инвестиционной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2022. – Том 3. № 1 (121). – С. 53-61. – DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.01.03.008.
8. Акрамова О.К. Обеспечение инвестиционной безопасности как автономный фактор повышения инвестиционной привлекательности // *Информатика. Экономика. Управление*. – 2022. – Том 1. №2. – С. 208-216. – DOI: 10.47813/2782-5280-2022-1-2-0208-0216.
9. Цехомский Н.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. – 2022. – № 1 (51). – С. 5-9.
10. Гутько Е.Ю. Инвестиционная привлекательность территорий и ее роль в разработке инвестиционной стратегии их развития // *Инновационное развитие экономики*. – 2022. – №5 (71). – С. 82-86. – DOI: 10.51832/222379842022582.
11. Miller M., Davidenko L. Economic and Information Support of Technological Integration with the use of «Green» Traffic Flows // *Transportation Research Procedia: XII International Conference on Transport Infrastructure: Territory Development and Sustainability (TITDS-XII)*. Edited by Igor Kovalev, Andrey Khomenko. – 2022. – Volume 61. – Pp. 715-718. – DOI: /10.1016/j.trpro.2022.01.112.
12. Негуляев Г.А. О практике ведомства по интеллектуальной собственности КНР по стимулированию изобретательства в области зеленых технологий // *Вестник ФИПС*. – 2023. – Том 2. №2. – С. 44-54.

13. Левченко С.А., Орлов А.В., Дуранте С., Плюта С.В. Прорывная зеленая энергоэффективная технология искусственного интеллекта для управления ветряными электростанциями // *Modern Science*. – 2022. – № 10. – С. 32-41.
14. Мантаева Э.И., Голденова В.С., Слободчикова И.В. «Зеленые» технологии как фактор устойчивого развития национальной экономики // *Научные труды вольного экономического общества России*. – 2021. – Том 230. № 4. – С. 423-430. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-423-430.
15. Скобелев Д.О., Федосеев С.В. Применение справочников по наилучшим доступным технологиям для дофинансовой оценки проектов зеленого финансирования // *Вестник евразийской науки*. – 2021. – Том 13. № 2. – С. 34.
16. Шайеган Ш., Базркар А., Ядегари Р. Новые технологии и «зеленые» методы кадрового менеджмента для достижения устойчивых производственных показателей // *Форсайт*. – 2023. – Том 17. № 2. – С. 95-105. – DOI: 10.17323/2500-2597.2023.2.95.105.
17. Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Роль стартапов в развитии «зеленых» технологий // *Наука и искусство управления / Вестник института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета*. – 2022. – № 4. – С. 22-33. – DOI: 10.28995/2782-2222-2022-4-22-33.
18. Карова А.У., Савенко К.А., Михеев Г.В. Технологии зеленого строительства // *Техника и технологии строительства*. – 2022. – №2 (30). – С. 15-20.
19. Davidenko L.M., Beisembina A.N., Kunyazova S.K., Karimbergenova M.K., Sherimova N.M., Kuniyazova A.Zh. Developing technology and promoting eco-branding by increasing the value of human capital // *Научный журнал «Вестник НАН РК» / The Bulletin of the academy of sciences of the Republic of Kazakhstan*. – 2023. – 404(4). – С. 404-418. – DOI: //doi.org/10.32014/2023.2518-1467.559.
20. Петрова О.А., Прудников А.Ю. Экобрендинг как инструмент продвижения в сфере индустрии моды и производства одежды // *Перевод, реклама и PR в современной коммуникации*. – 2022. – Том 1. – С. 130-133.
21. Валькова Е.М., Коршунова Ю.М. Брендинг экологии или экобрендинг: почему он так важен и как его грамотно использовать? // *Трибуна ученого*. – 2022. – № 1. – С. 163-168.

10.3. Технологический прорыв и инновационная динамика сотрудничества России, Китая и Евразийских стран

В современной литературе по термину «технологический прорыв» существует несколько точек зрения, которые можно свести к двум. Согласно одной точки зрения, эксперты считают, что прорывные инновации играют решающую роль в процессе «созидательного разрушения», который характеризует долгосрочную динамику технологической эволюции [1, с. 543]. Под «созидательным разрушением» авторы подразумевают инновации и технологии, которые разрушают старые рынки и в тоже время создают новые рынки. Другие же авторы, наоборот, считают, что «технологический прорыв» — это непрерывные или постепенные инновации, когда результатом инновационного процесса является улучшение существующей технологии [2, с. 110]. Многочисленные исследования показывают, что «технологический прорыв» и мировая инновационная динамика в значительной степени связаны с сотрудничеством страны с другими странами. С учетом многочисленных исследований на эту тему цель статьи за-

ключается в проведении сценарного анализа для оценки воздействия мировой инновационной динамики сотрудничества Китая и Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС) на глобальную экономику. Методология исследования базируется на использовании глобального индекса инноваций и международном сравнении доли НИОКР в ВВП среди стран-участниц. Также используется метод сценарного анализа, который предполагает создание различных сценариев сотрудничества между Китаем и ЕАЭС с учетом различных уровней интеграции и областей сотрудничества. Предметом исследования выступает мировая инновационная динамика, объектом исследования являются страны ЕАЭС и Китай.

Мировая инновационная динамика и ключевые области совместного развития инноваций Китая и ЕАЭС. В промежуток с 2012 по 2022 г. самые серьезные изменения в глобальном индексе инноваций показали такие страны как: США, Республика Корея, Китай, Кыргызская Республика, Индия, Индонезия, Иран, Япония. (рис. 10.2).

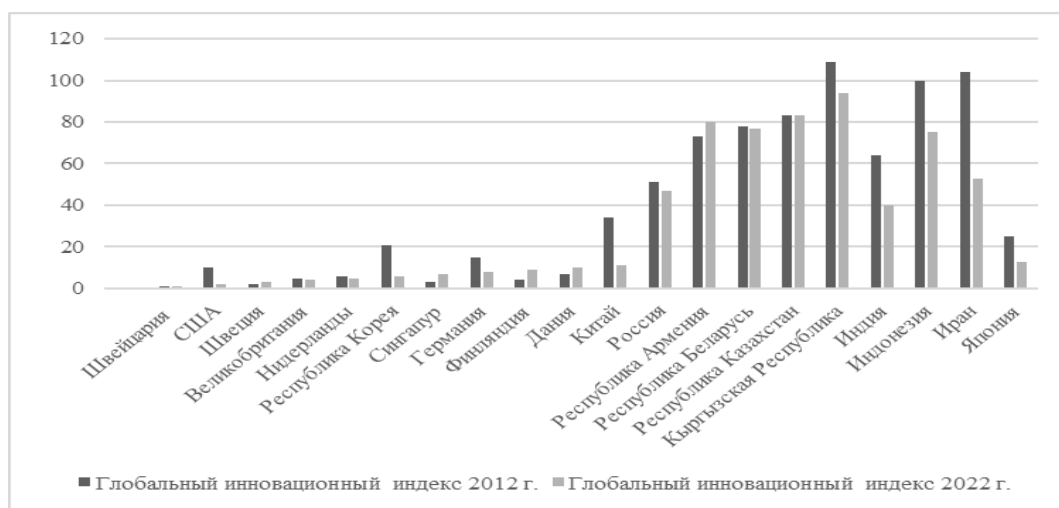

Рис. 10.2. Глобальный Индекс Инноваций 2012 и 2022 г. [3]

Из рис. 10.2 следует, что Республика Армения показала самый сильный регресс в глобальном рейтинге, переместилась с 73-го на 80-е место, и такое изменение можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, в стране существует недостаточно привлекательная инвестиционная среда, что сдерживает поток инвестиций. Во-вторых, бизнес-инновации развиваются слабо, и отсутствует эффективное взаимодействие между университетами и сектором научно-исследовательской деятельности. Эти факторы вместе сказались на позиции страны в рейтинге инноваций [4]. Иран, напротив, продемонстрировал значительный скачок в мировом рейтинге экономического развития с 104-го места в 2012 г. до 53-го места к 2022 г. Этот рост можно объяснить активной политикой правительства, направленной на развитие сектора информационных технологий (ИТ). Например, в Иране существует практика, при которой запрещено подавать в суд на стартапы, что способствует их развитию и стимулирует инновации. Тем

не менее, несмотря на этот важный технологический прорыв, Иран все равно находится на значительном расстоянии от достижений Китая.

Чтобы понять, что является движущей силой глобального роста китайских компаний, стоит признать, что Китай теперь имеет в своем распоряжении ресурс, которого нет ни у одной другой страны: огромное население, которое пережило беспрецедентные изменения и, как следствие, развило удивительную склонность к принятию и адаптации инноваций со скоростью и масштабом, не имеющими себе равных нигде на Земле [5]. Именно этот аспект инновационной экосистемы Китая — сотни миллионов гиперадаптивных потребителей — делает Китай сегодня таким глобально конкурентоспособным [6]. Об инновациях нужно судить по желанию людей их использовать и тут у Китая нет конкурентов, зато есть союзники в виде Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), в который входит: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Россия, которые также стремятся улучшить свое положение в глобальной инновационном рейтинге в том числе благодаря инвестиционной поддержке Китая.

Теоретический анализ литературы позволил сделать вывод, что общим в историях развития инноваций этих стран является то, что промышленная революция была важным этапом развития, которая поспособствовала технологическому прогрессу и экономическому росту. Еще одним важным сходством является то, что в современное время наблюдается активное развитие искусственного интеллекта, энергетики, экологических инноваций. Отличительной чертой инновационного развития Китая от стран ЕАЭС является то, что китайские ученые хорошо преуспели в так называемых «адаптивных инновациях» – концепции «взятия существующего продукта, услуги, процесса и модификация их до нужд потребителей Китая». В последние же годы многие эксперты склоняются к тому, что Китай вышел за рамки «адаптивных инноваций», но с этим согласны далеко не все, например есть точка зрения, что только демократия может способствовать инновациям и творчеству в целом [7].

В середине 2022 г. фактически большинство крупных экономик мира вступило в фазу рецессии [8]. Тем не менее мировая инновационная динамика продолжает развиваться и усиливаться среди ряда стран, включая Южную Корею, Тайвань, Японию, Германию и Китай. Рост доли НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в Валовом Внутреннем Продукте (ВВП) с 2012 г. по 2022 г. свидетельствует о стремлении стран укрепить свои позиции в мировом экономическом и технологическом ландшафте, а также о национальной стратегии по стимулированию инноваций и научных достижений (рис. 10.3).

Из рис. 10.3 следует, что Китай демонстрирует значительный рост доли расходов на НИОКР в ВВП страны, этот рост отражает амбиции Китая стать мировым лидером в области инноваций. На сегодняшний день китайское правительство активнососредоточено на развитии следующих областей: искусственный интеллект, квантовые технологии, технологии блокчейна, электромо-

били и зеленые технологии, биотехнологии, современная транспортная инфраструктура и исследования космоса. Отличительной чертой китайских инвестиций является то, что венчурный капитал и фонды в Китае поступают в основном из источников, связанных с правительством, что подталкивает некоторые области к развитию быстрее, чем другие [11]. Примечательно то, что Россия, Иран и Индия также увеличили свои инвестиции в НИОКР по сравнению с 2012 г., эти изменения могут указывать на потенциал для дальнейшего развития и увеличения инновационной активности [12, с. 818]. Инновационный потенциал Китая и России имеет отличия: разный масштаб инвестиций в инновации, объемы производства и экспорта Россия значительно отстает от Китая, что тормозит масштабирование инноваций в том числе.

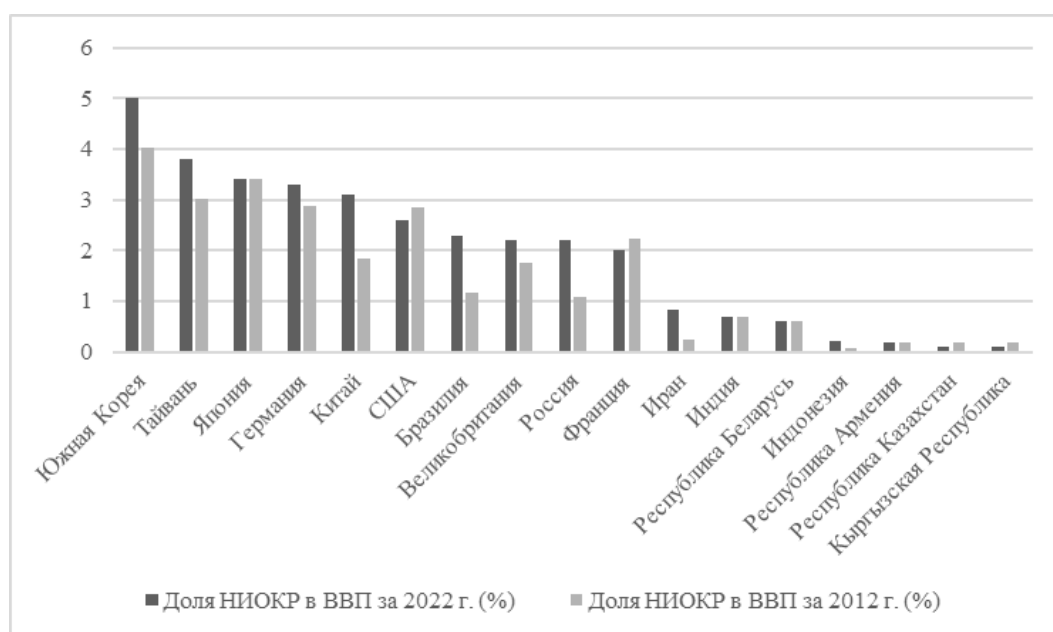

Рис. 10.3. Международные сравнения доли НИОКР в ВВП по странам, % [10]

Напротив, Республика Армения, Республика Казахстан и Кыргызская Республика, Республика Беларусь с 2012 г. не увеличили долю НИОКР в ВВП стран. Данная стагнация связана с периодом спада и восстановления экономического роста после пандемии 2019 г.

Таким образом, объем финансирования НИОКР в государствах-членах по-прежнему остается ниже, чем в передовых экономиках, в особенности – в отношении частных инвестиций в исследования и разработки. Отличительной особенностью от Китая является то, что больше половины полных затрат на НИОКР приходится на импортную составляющую. В Армении, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане доля импортных НИОКР в полном объеме затрат на НИОКР составляет от 74 до 94%, в России – 50% [13].

Несомненно, инновационный потенциал зависит от сотрудничества страны с другими странами в вопросе инноваций и привлечения инвестиций. Так, последние 40 лет китайское правительство рассматривало в первую очередь

США как партнера в развитии инновационного потенциала страны и чуть меньше рассматривала европейские страны. Россия же долгие годы не рассматривалась ни правительством Китая, ни корпоративным и даже научным секторами страны как значимый и перспективный партнер. В России был неразвит сектор высоких технологий, на который китайское правительство делало упор долгие годы, конечно, до 2018 г. у стран были совместные проекты в ядерной сфере, авиа- гражданском строении, но они оставались на уровне начальных разработок [14]. Сближение в инновационном партнерстве двух стран началась с 2018 г., во-первых, когда между Китаем и США началось технологическое противостояние, во-вторых, именно в это время начался всплеск развития инноваций в России (рис. 10.4).

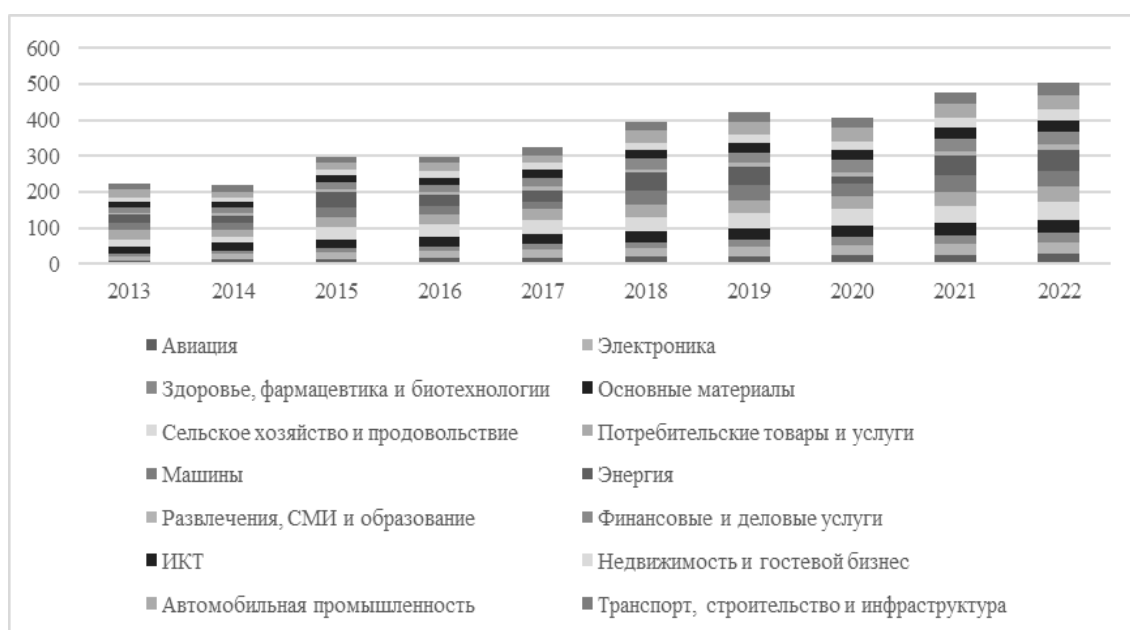

Рис. 10.4. Прямые инвестиции между Китаем и Россией по отраслям, млрд долл. [14]

С 2013 по 2022 г. между странами наблюдается рост инвестиций в энергетику, информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), а также в автомобильную промышленность. В 2022 г. лидером по привлечению ПИИ между странами стала отрасль энергетики. На сегодняшний день инновационное сотрудничество между Китаем и Россией набирает обороты в связи с санкциями, наложенными на Россию и уходом ведущих инновационных европейских и американских компаний из России.

Наиболее интегрированной с Россией в инновационной сфере является Беларусь, далее следуют Кыргызстан, Армения, Казахстан. Ключевые отрасли развития между странами сосредоточены в сфере: инженерии, информационных технологиях, энергетике и транспорте (военном, космическом, морском). ЕАЭС проявляет интерес к разнообразным аспектам инновационной составляющей в конечном спросе (табл. 10.2).

Таблица 10.2

Структура инновационной составляющей в конечном спросе государств – членов ЕАЭС за 2022 г., % [15]

Страна	Доля инновационной составляющей в стоимости конечного спроса, в %	Структура инновационной составляющей в конечном спросе, в %				
		Отечественные инновации	Из других государств – членов ЕАЭС	в т.ч. из России	Из остального мира	Всего
Республика Армения	2,4	77,5	11,4	11,2	11,1	100
Республика Беларусь	4,2	68,9	17,4	17,3	13,6	100
Республика Казахстан	7,7	64,3	3,2	3,1	32,6	100
Кыргызская Республика	2,3	67,2	16,9	13,7	15,9	100
Российская Федерация	7,5	83,3	0,4	83,3	16,3	100

Из табл. 10.2 следует, что для большинства стран значительная часть инновационной составляющей поставляется из других государств-членов ЕАЭС, включая Россию. Также стоит отметить, что доля инновационной составляющей из остального мира варьируется. Например, Казахстан имеет высокую долю инноваций из остального мира (32,6%), что может указывать на ее мировую инновационную интеграцию.

Основные направления китайской инвестиционной экспансии в ЕАЭС являются Казахстан, Кыргызстан. По данным Евразийский банк развития (ЕАБР) Китай инвестировал в страны Содружество Независимых Государств (в которые в том числе входят страны ЕАЭС) уже с 2012 по 2022 г. 67,5 млрд долл., а страны СНГ инвестировали в Китай всего 0,8 млрд долл. [16]. Неравномерность в инвестициях между Китаем и странами ЕАЭС в том числе отражает разные уровни инновационного развития и ресурсов.

В целом инновационный потенциал между Китаем и ЕАЭС сопряжен с инициативой «Один Пояс, Один путь» (BRI), BRI создает возможности для совместных проектов и инновационных инициатив. Так Казахстан играет важную роль как транзитное государство, обеспечивая транспортную связь между Китаем и Россией. Это включает в себя железнодорожные маршруты, автодороги и инфраструктуру портов, в которых применяются новые инновационные технологии и блокчейн. Китай с ЕАЭС также развивает цифровые технологии для оптимизации процессов по инициативе BRI, применяю интегрированные датчики для отслеживания грузов, создают цифровые платформы для торговли с целью облегчить торговлю между Китаем и ЕАЭС. Помимо этого, между

странами существуют экологические стартапы, которые разрабатывают схему утилизации отходов в рамках проекта BRI.

Китай с Арменией и Беларусью имеет меньше совместных инновационных проектов, например самый известный совместный проект Беларуси и Китая — это индустриальный парк «Великий камень», который фактически, представляет собой современный международный эко-город с акцентом на высокотехнологичные и конкурентоспособные инновационные производства с высоким экспортным потенциалом. А с Арменией Китай в большей степени связывают энергетические проекты такие как реконструкция и ремонт тепловых станций в Армении или строительства завода солнечных батарей.

Отсюда следует, что Китай активно вкладывает средства в развитие технологий в инфраструктуру, включая транспортные маршруты и цифровые платформы и т.д. Но хочется отметить, что инновационное развитие и сотрудничество между странами находится на данный момент на разных уровнях и возможно этот разрыв в ближайшем будущем будет еще больше.

Результаты сценарного исследования. Для оценки влияния мировой инновационной динамики на глобальную экономику и роли сотрудничества между Китаем и ЕАЭС из рис. 1, были рассмотрены изменения в их позициях в глобальном инновационном индексе за период с 2012 по 2022 гг.:

1. В 2012 г. Китай находился на 34-м месте, а в 2022 г. поднялся на 11-ю позицию. Это свидетельствует о значительном улучшении инновационного потенциала страны за это время;

2. Россия также продемонстрировала небольшое улучшение, с 51-й позиции в 2012 г. до 47-й в 2022 г.;

3. В случае Армении наблюдается понижение в рейтинге инноваций, с 73-й позиции в 2012 г. до 80-й в 2022 г. Это может потребовать дополнительных усилий для стимулирования инноваций;

4. Республика Беларусь оставалась на относительно стабильном уровне, с 78-й позиции в 2012 г. до 77-й в 2022 г.;

5. Казахстан также сохранил позицию на 83-й строчке как в 2012 г., так и в 2022 г.;

6. Кыргызская Республика улучшила свой рейтинг, перейдя с 109-й позиции в 2012 г. на 94-ю в 2022 г.;

В целом, можно отметить положительную тенденцию по развитию инновационного потенциала ЕАЭС и Китая, что свидетельствует о их стремлении к совершенствованию инновационного потенциала.

Исходя из этих данных, можно сказать, что Китай и ЕАЭС демонстрируют рост инновационной активности, но им еще предстоит наверстать разрыв с лидирующими странами, такими как Швейцария, США, Германия. Сотрудничество между ЕАЭС и Китаем может способствовать обмену знаниями и опытом, что может усилить их инновационный потенциал и влияние на глобальную экономику.

В исследовании был применен, сценарный анализ для оценки как инновационное сотрудничество Китая и ЕАЭС скажется на мировой инновационной динамике.

Сценарий 1: рост инновационной активности. В этом сценарии предполагается, что Китай и ЕАЭС продолжают улучшать свои инновационные показатели и усиливают сотрудничество друг с другом.

Потенциальные последствия:

— увеличение глобальной конкурентоспособности. Совместные усилия могут сделать это сотрудничество более конкурентоспособными на мировой арене;

— рост глобальных инвестиций. Улучшение инновационного климата может привлечь больше инвестиций в эти регионы;

— создание новых технологических решений. Сотрудничество может способствовать разработке новых технологических решений, которые будут востребованы на рынке;

— увеличение рабочих мест. Рост инноваций может содействовать созданию новых рабочих мест и улучшению уровня жизни в странах.

Сценарий 2: замедление инновационной активности. В этом сценарии предполагается, что Китай и ЕАЭС сталкиваются с трудностями в улучшении своих инновационных показателей, а сотрудничество друг с другом остается ограниченным.

Потенциальные последствия:

— упущенные возможности. Страны могут упустить возможность укрепить свою позицию в мировой экономике;

— экономические трудности. Замедление инновационной активности может привести к экономическим трудностям и недостаточному созданию новых рабочих мест;

— риск отставания. Если Китай и ЕАЭС не смогут конкурировать на инновационном уровне, они рискуют оставаться в тени более развитых стран;

— ограниченная привлекательность для инвесторов. Замедление инновационного развития может сделать эти страны менее привлекательными для инвесторов.

В конечном итоге, успешное сотрудничество и рост инноваций могут сделать Китай и ЕАЭС более влиятельными игроками в глобальной экономике, в то время как замедление инновационной активности может создать дополнительные вызовы для их развития. С учетом того, что Китай, ЕАЭС (в полном составе) являются ведущими экономиками мира, стоит сделать вывод, что развития/стагнация технологического потенциала этих стран приведет к последствиям для всей мировой экономики и два этих разных сценария описали процессы, которые могут происходить со странами, если они не будут сотрудничать друг с другом.

На основании проведенного анализа, можно сделать следующие основные выводы:

1. Промышленная революция играла важную роль в развитии как Китая, так и стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС), способствуя технологическому прогрессу и экономическому росту.

2. Глобальный индекс инноваций свидетельствует о том, что Китай продемонстрировал более сильное увеличение инновационной активности по сравнению с странами ЕАЭС. Среди стран ЕАЭС, Россия выделяется как инновационный лидер и ключевой инвестиционный партнер для Китая и стран ЕАЭС.

3. Сравнение доли затрат на Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в ВВП разных стран подчеркивает амбиции Китая стать мировым лидером в области инноваций, в то время как страны ЕАЭС вложили значительно меньше в эту область.

4. Важным различием между Китаем и странами ЕАЭС является масштаб инвестиций в инновации. Объемы производства и экспорта инноваций стран ЕАЭС значительно отстают от Китая, и большая часть инноваций в этих странах финансируется государством.

5. На данный момент инновационное развитие и уровень сотрудничества между странами имеют разные уровни, и существует вероятность углубления этого разрыва в будущем. Проект "Один пояс, один путь" (BRI) выделяется как ключевая инициатива, объединяющая все исследуемые страны и способствующая инновациям в логистике, транспорте и других областях.

6. Сценарный анализ подчеркивает, что будущее развитие Китая и стран ЕАЭС может зависеть от выбранных сценариев, и они могут либо укрепить свои позиции в мировой экономике, либо столкнуться с вызовами развития.

Литература

1. Ahuja G., Lampert C.M. Entrepreneurship in the large corporation: a longitudinal study of how established firms create breakthrough inventions *Strateg. Manag. J.*, 22 (2001), p. 543.
2. Garcia R., Calantone R. A critical look at technological innovation typology and innovativeness terminology: a literature review *J. Prod. Innov. Manag.*, 19 (2002), p. 110.
3. Global Innovation Index 2022/2012. [Electronic resource] // URL.: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 18.08.2023).
4. Даллакян С.А. Инновационное развитие и конкурентоспособность экономики Республики Армения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15-2. [Electronic resource] // URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-razvitie-i-konkurentosposobnost-ekonomiki-respubliki-armeniya> (дата обращения: 11.09.2023).
5. Dychtwald Z. China's New Innovation Advantage. 2021. [Electronic resource] // URL.: <https://hbr.org/2021/05/chinas-new-innovation-advantage> (дата обращения: 18.08.2023).
6. Kroeber R. A. China's Economy. What Everyone Needs to Know. p. 454.
7. Hannas C. W., Tatlow D. K. China's Quest for Foreign Technology Beyond Espionage. 2021.
8. ЕЭК Макроэкономический доклад 2022. [Electronic resource] // URL.: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b59/Analytical_report_2022.pdf (дата обращения: 08.09.2023).
9. Cheema R. 15 Most Advanced Countries in Europe. 2022. [Electronic resource] // URL.: <https://finance.yahoo.com/news/15-most-advanced-countries-europe-225911408.html> (дата обращения: 20.08.2023).
10. OECD Data. [Electronic resource] // URL.: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 28.08.2023).
11. What makes China's innovation ecosystem unique? [Electronic resource] // URL.: <https://www.weforum.org/agenda/2023/06/why-china-innovation-ecosystem-is-unique-amnc-23> (дата обращения: 21.08.2023).

12. Lee, S.M.; Olson, D.L.; Trimi, S. Co-innovation: Convergenomics, Collaboration, and Co-creation for Organizational Values. *Manag. Decis.* 2012, 50, 817–831.
13. ЕЭК Макроэкономический доклад 2022. [Electronicresource] // URL.: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b59/Analytical_report_2022.pdf (дата обращения: 08.09.2023).
14. Данилин И. Диалог России и Китая в сфере инновационных технологий. 2022. [Electronic resource] // URL.: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dialog-rossii-i-kitaya-v-sfere-innovatsionnykh-tekhnologiy/>(датаобращения: 28.08.2023).
15. ЕЭК Макроэкономический доклад 2022. https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b59/Analytical_report_2022.pdf(дата обращения: 28.08.2023).
16. База данных МВИ ЕАБР 2022. [Electronicresource] // URL.: <https://eabr.org/press/releases/monitoring-eabr-obem-pryamykh-inostrannykh-investitsiy-stran-sng-s-kitaem-iranom-i-arabskimi-gosudar/>(дата обращения: 08.09.2023).

10.4. Российский рынок венчурного капитала

Последние годы характеризуются стремительными тенденциями к росту нестабильности и неустойчивости как национальных экономик стран, так и всего мирового хозяйства. В 2022 г. российский финансовый рынок столкнулся с серьезными вызовами, такими как структурные проблемы экономики, геополитическая напряженность, существенное замедление роста рынка, санкционное давление и ограничения доступа к внешним финансовым рынкам. Это подчеркнуло давно существующие проблемы в индустрии венчурного капитала, включая необходимость существенных регуляторных изменений в отрасли, переориентации фокуса инвестирования с зарубежных "fastmoney" проектов на местный технологический бизнес, а также стимулирование роста числа инвесторов поздних стадий и стратегов. Все это требует серьезных усилий со стороны инвесторов и регуляторов, чтобы обеспечить стабильность и устойчивость рынка венчурного капитала в будущем.

Для достижения поставленной цели исследуем ситуацию на рынке венчурного капитала в России и мировом масштабе; выявим причины, препятствующие его развитию; сформулируем конкретные рекомендации и предложения по наиболее важным направлениям развития этой сферы.

Венчур, или венчурный бизнес, – это инвестиционные вложения в высокорисковый бизнес по созданию инноваций. Чаще всего к высокорисковым вложениям относятся вложения денег в стартапы на ранней стадии разработки. Общеизвестно, что не все проекты в равной степени приносят доход и прибыль, поэтому венчурные инвесторы осуществляют одновременные вложения в несколько проектов. С английского языка слово *venture* переводится как «авантюра».

Венчурное инвестирование связано с финансированием инновационных идей на стадии стартапа. Инновация – это процесс создания и внедрения новых идей, продуктов, услуг или технологий, которые могут привести к улучшению производительности факторов, увеличению прибыли и росту конкурентоспо-

способности организации. Она может также включать в себя изменения в процессах, организационных структурах или культуре компании, которые приводят к повышению эффективности и улучшению работы организации. Инновации могут возникать как в результате внутренних исследований и разработок, так и в результате внешних факторов, таких как изменение потребностей рынка, усиление конкуренции и появления новых технологий. Цель инновации – улучшение качества жизни и решение социальных проблем, а также повышение эффективности хозяйственной деятельности и рост прибыли.

Понятие «инновация» часто связывается с инвестированием, так как целью инноваций является создание новых продуктов или услуг, обладающих значительной новизной и потенциальной коммерческой успешностью. При этом учитывается и высокая степень риска, вследствие чего инновации требуют специфического подхода к инвестированию. Как правило, венчурное инвестирование осуществляется в долгосрочном периоде, который охватывает 5-10 лет. Вложения направляются в высокотехнологичные проекты, результат внедрения пока еще точно не определен. Чаще всего происходит вложение частного капитала в обмен на долю в компании. При этом венчурные инвесторы становятся активными участниками жизни компании, помогая ей в развитии, поиске новых партнеров и клиентов, а также в решении других вопросов, связанных с бизнес-процессами.

Примеры успешных компаний, получивших венчурное финансирование, говорят о важной роли такого вида инвестирования в успешном продвижении инноваций. Именно благодаря венчурному капиталу такие компании, как Intel, Alibaba, Microsoft, WhatsApp, Google, Facebook, Apple, Яндекс, Mail.Ru, смогли привлечь стартовый и последующий капиталы для разработки новых продуктов и технологий, расширения бизнеса и выхода на новые рынки. Таким образом, венчурное инвестирование является важным фактором успешного развития инноваций и экономики в целом.

Изучение состояния венчурного рынка в России показало, что данная отрасль достаточно молода. Отдельный сегмент рынка венчурных инвестиций появился в России только в 1995 г. после создания первых фондов при поддержке Европейского банка реконструкции и развития. Таким образом, на данный момент венчурный рынок в России существует немногим более двадцати пяти лет. На момент 1997 г. на рынке было представлено около 30 венчурных фондов, а также фондов прямого инвестирования, в которых участвовали иностранные инвесторы.

Российский рынок венчурных инвестиций в 2022 г. оказался в ситуации кризиса. Именно этот год стал временем неустойчивости системы венчурного инвестирования. По причине введенных ограничений многие крупные игроки покинули рынок, в результате чего число сделок и объем инвестиций упали в два раза, чеки сделок тоже значительно снизились. В связи с этим в настоящее время происходит перестройка российского венчурного рынка.

После рекордного 2021 г., когда рынок был на пике своей активности и показывал высокие оценки, оптимистические ожидания роста и наличие не-

ограниченной ликвидности на глобальных ранках, 2022 г. стал периодом значительного сокращения объемов IPO, SPAC, M&A и венчурных инвестиций в мире. Это связано со многими факторами, включая корректировку ожиданий роста технологических компаний, инфляцию, повышение ставок. Эти тенденции существенно повлияли на мировую экономику, и Россия не осталась в стороне от этих изменений.

Уход крупных игроков с рынка, санкционное давление и нестабильность экономики привели к драматическому падению российского венчурного рынка. В 2022 г. российский венчурный рынок пережил существенный спад. По данным статистики, в 2018 г. объем венчурных сделок составлял \$766 млн и количество сделок составляло соответственно 292 сделки, в 2019 г. – \$746 млн (214 сделки), в 2020 г. – \$789 млн (247 сделки), в 2021 г. – уже \$2665 млн (рост в 4 раза) (290 сделок), в 3 квартале 2022 г. – \$1090 млн (спад в 2,5 раза) (103 сделки) [5].

Объем венчурных инвестиций в российские стартапы достиг исторического минимума за последние семь лет. Всего в 2022 г. было зафиксировано 137 сделок, что на 55% меньше, чем в 2021 году. Объем венчурных инвестиций сократился на 68% до \$819 млн. Если не учитывать крупную инвестицию в размере \$400 млн в компанию Miro, покинувшую российский рынок после февральских событий, падение рынка составило 83% [12].

В 2022 году медианный размер сделки оставался на уровне 2021 года, составляя \$0,7 млн, тогда как средний размер сделки уменьшился до \$3,0 млн (в 2,8 раза). Прогноз Dsight для 2023 года указывает на возможность проведения 130-150 сделок на сумму около \$400 млн, без учета крупных сделок и IPO [3]. Наблюдается снижение иностранных инвестиций в 4,5 раза: \$638 млн в 2021 г., \$138 млн. в 2022 г. [2].

Одновременно с этим лидирующие позиции принадлежали частным фондам, их вклад в 2021 г. составлял \$1300 млн, в 2022 г. снизившись до значения в \$158 млн. (спад в 8,2 раза). На третьем месте находятся корпорации и корпоративные фонды с объемом инвестиций в \$424 млн в 2021 г. и \$15 млн в 2022 г. (спад в 28 раз). Четвертое место занимают государственные фонды и корпорации со значением объема венчурных инвестиций в \$87 млн в 2021 г. и \$76 млн в 2022 г. (спад всего 1,1 раза). Это самая положительная динамика по лидирующим четырем позициям, показывающая, что государственное финансирование является более стабильным и устойчивым, а также менее реагирующим на изменение рыночной конъюнктуры.

Значительное снижение активности инвестиций от ангелов – один из ярких трендов отечественного рынка венчурного капитала в 2022 году [2]. Однако государство продолжает выступать надежным источником финансирования венчурных проектов, вложив в российские проекты \$76 млн в 2022 году, что немного ниже уровня предыдущего года. Государственные фонды, такие как Moscow Seed Fund, VEB Ventures и ФРИИ, также остаются довольно активными с точки зрения количества профинансированных компаний [2].

Объем инвестиций в зрелые проекты также уменьшился по сравнению с самыми ранними стадиями, что связано с падением оценок, разделением бизнеса на российский и международный рынки, а также с ростом издержек. Кроме того, многие зрелые компании до сих пор не достигли прибыльности, что затрудняет поиск инвесторов. По данным статистики, падение рынка на поздних стадиях составило 127 млн \$ (91%), что привело к снижению объема сделок до четырех (на 80%).

В 2022 году наибольший объем инвестиций был привлечен сегментом корпоративного ПО (Business Software), который получил \$53 млн в рамках 17 сделок. Основная часть этого объема была привлечена в первом полугодии года. На втором и третьем местах по объему инвестиций находятся сегменты Transport & Logistics (\$44 млн) и E-Commerce (\$41 млн) соответственно. В свою очередь, FinTech опустился на десятое место, получив всего \$10 млн в инвестициях, хотя количество сделок в этом сегменте входит в тройку лидеров.[6].

В 2023 г. ожидается увеличение потребности в импортозамещении в областях, находящихся под санкционным давлением, таких как ПО, медицинское оборудование, промышленные и строительные технологии, логистика, кибербезопасность. В связи с этим, государственные инвесторы могут проявить увеличенный интерес к таким проектам.

Мировой рынок венчурного капитала уже неоднократно проходил через фазы подъема и стагнации, связанные с экономическими и геополитическими проблемами. В настоящее время он находится в фазе активного роста. Согласно исследованиям компании CB Insights, 2021 год стал самым успешным годом для мирового венчурного рынка. В первом квартале 2022 г. объем мировых венчурных инвестиций достиг \$144,8 млрд, что превышает все показатели, кроме четырех рекордных кварталов подряд, наблюдавшихся в 2021 г. [4].

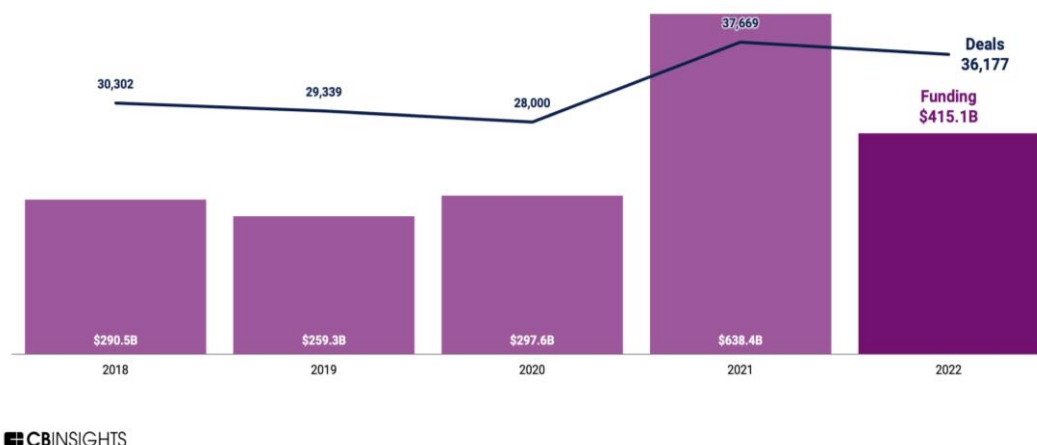

Рис. 10.3. Динамика объема и количества венчурных сделок в мире [4]

Отчет KPMG Private Enterprise, опубликованный ежеквартально, предоставляет анализ ключевых сделок и тенденций в области венчурного инвестирования в различных юрисдикциях по всему миру. Несмотря на то, что

общий объем инвестиций по-прежнему остается высоким, количество сделок венчурного инвестирования существенно снизилось с IV квартала 2021 г. (10 775 сделок) до I квартала 2022 г. (9349 сделок), поскольку экономические и геополитические факторы в совокупности создали атмосферу неопределенности на рынке [9].

Неспокойная ситуация между Россией и Украиной, рост инфляции и процентных ставок, турбулентность на мировых рынках капитала, проблемы с цепочками поставок и рост числа случаев заболевания COVID-19 в ряде юрисдикций, скорее всего, стали причиной замедления активности в заключении сделок, поскольку венчурные инвесторы проявляют большую осторожность и уделяют больше внимания комплексной юридической проверке. В первом квартале 2022 г., венчурные инвестиции снизились во многих регионах мира. Объем в Северной и Южной Америке уменьшился с 103,3 млрд долл. в IV квартале 2021 г. до 77,6 млрд долл. в I квартале 2022 г., а объем в Азии – с 55,2 млрд долл. до 32,6 млрд долл. Только в Европе тенденция к снижению не продолжилась, и объем инвестиций немного увеличился с 31,5 млрд долл. в IV квартале 2021 г. до 31,7 млрд долл. в I квартале 2022 г.

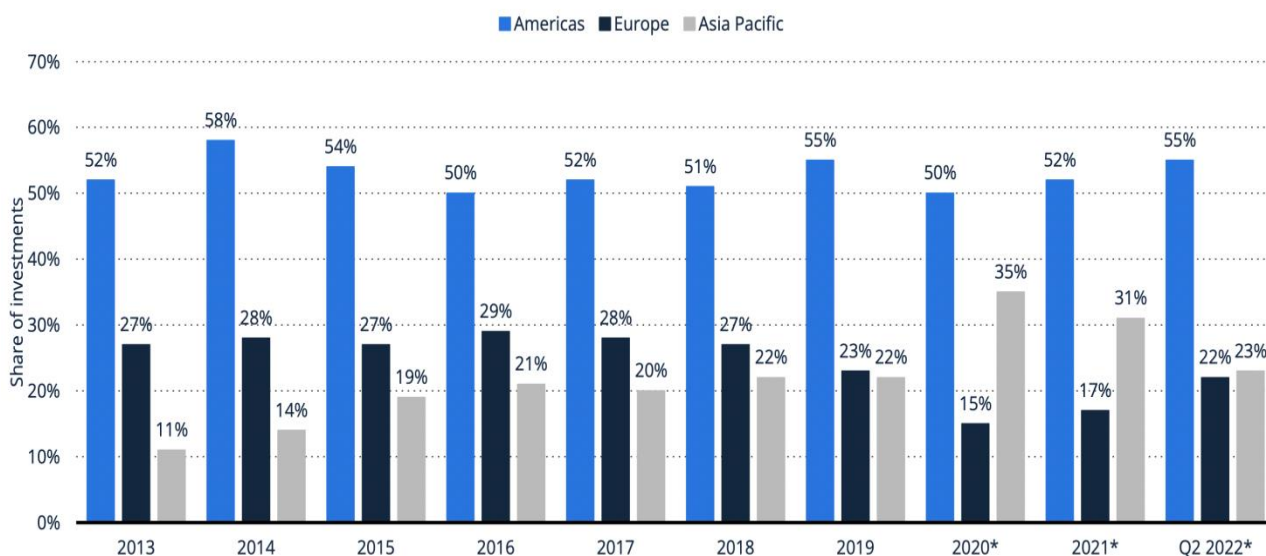

Рис. 10.4. Распределение венчурных инвестиций за период с 2013 г. по 2 квартал 2022 г., по континентам, % [1]

В первом квартале 2022 г. отмечается снижение стоимости выхода из бизнеса более чем на 60% по сравнению с предыдущим кварталом. За этот период было проведено всего 684 сделки на общую сумму 122,3 млрд долл. США, что существенно меньше, чем в 4-м квартале 2021 г., когда было совершено 941 сделка на общую сумму 344,2 млрд долл. США.

Объем венчурных инвестиций также снизился по сравнению с предыдущим годом: с максимального значения в 191,9 млрд долларов на 10 775 сделок в 4-м квартале 2021 года до 144,8 млрд долл. на 9349 сделок в 1-м квартале 2022 г.

Сокращение объема инвестиций затронуло все регионы, включая Северную и Южную Америки, где объем венчурных инвестиций уменьшился с 103,3 млрд долларов и 4 628 сделок в 4-м квартале 2021 года до 77,6 млрд долларов и 4 138 сделок в 1-м квартале 2022 г. На долю США пришлось 70,7 млрд долларов инвестиций в Северной и Южной Америках в 1-м квартале 2022 года, что меньше, чем в 4-м квартале 2021 года, когда этот показатель составлял 95,4 млрд долл. [7].

В первом квартале 2022 г. наблюдалось снижение объема венчурных инвестиций в Азии с \$55,2 млрд по 3 139 сделкам в 4 квартале 2021 г. до \$32,6 млрд по 2 712 сделкам в 1 квартале 2022 г.

В то же время, в Европе зафиксирован небольшой рост венчурных инвестиций, объем которых составил \$31,7 млрд по 2219 сделкам по сравнению с \$31,5 млрд по 2705 сделкам в четвертом квартале 2021 года. Однако глобальное первое венчурное финансирование в первом квартале 2022 г. было незначительным, составив всего \$12,6 млрд.

Инвестиции, связанные с CVC, выросли в Европе, составив \$14,4 млрд в I квартале 2022 года по сравнению с \$12,5 млрд в IV квартале 2021 г. Тем не менее, инвестиции участников CVC в Северной и Южной Америке снизились с \$43,7 млрд до \$30,8 млрд, а инвестиции CVC в Азии также снизились – с \$33,3 млрд до \$18,2 млрд за квартал (рис. 10.5).

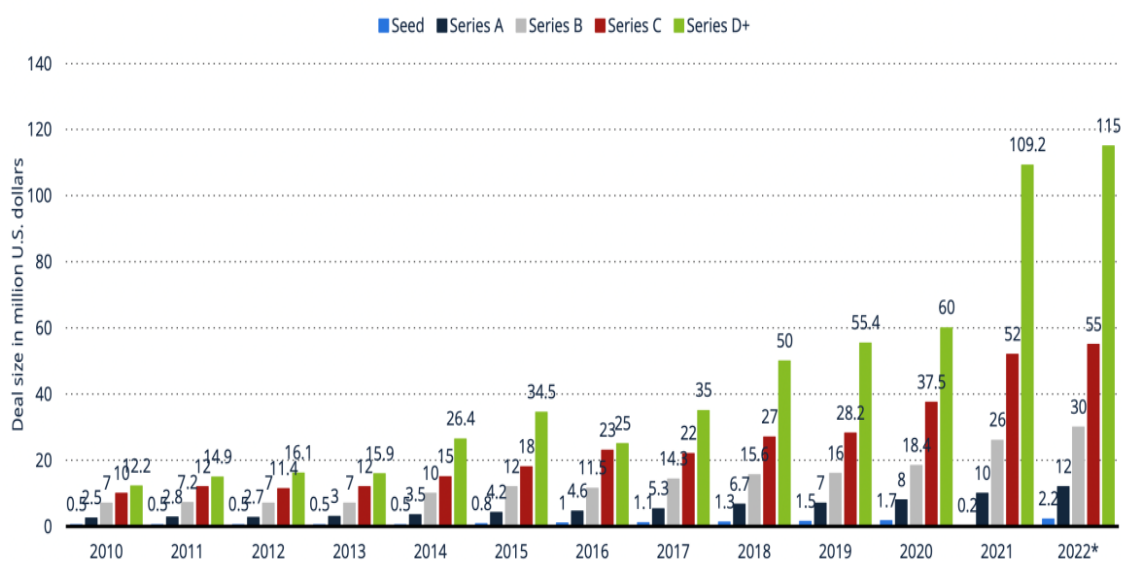

Рис. 10.5. Распределение объема венчурных инвестиций по стадиям, по всему миру с 2010 по 2 кв. 2022 года, млн. долл. [1].

Несмотря на сложную обстановку на рынке венчурных инвестиций, аналитики ожидают, что объем инвестиций в 2023 году останется стабильным, благодаря значительным объемам доступных средств. Однако, венчурные инвесторы, вероятно, будут продолжать проявлять осторожность и предпочтение отдавать проверенным стартапам на поздних стадиях развития. Это может вызвать

беспокойство у стартапов, находящихся на ранних стадиях ищущих первое финансирование.

На мировом рынке венчурного капитала последнее время наблюдается замедление роста объемов инвестиций, особенно в Азии, в то время как в Европе и США наблюдается некоторый рост. В России ситуация на рынке венчурного капитала также несколько осложнена: объем инвестиций отечественных венчурных фондов за последние годы значительно снизился.

Рынок венчурного капитала в России и мировом контексте сталкивается с несколькими проблемами, мешающими его развитию:

Недостаточная инфраструктура для поддержки стартапов. Несмотря на усилия правительства России по созданию благоприятной среды для стартапов, инфраструктура все еще находится в зачаточном состоянии. Недостаток квалифицированных специалистов, экспертов и консультантов, а также нехватка инкубаторов и акселераторов для поддержки стартапов на ранних стадиях развития – одни из главных проблем.

Ограниченный доступ к финансированию. Многие инвесторы в России не заинтересованы в венчурных инвестициях из-за высокого рискованного профиля и нестабильности экономической ситуации в стране. Банки также не склонны выдавать кредиты стартапам из-за недостаточной обеспеченности, в результате чего перспективные проекты не получают необходимого финансирования.

Недостаточная государственная поддержка. В России отсутствует значительная государственная поддержка венчурного капитала, что оказывает негативное влияние на развитие отрасли. В то же время, в США и Китае правительство активно предоставляет финансовую и инфраструктурную поддержку для стартапов, что способствует их успешному развитию.

Нестабильность экономической и политической ситуации. В мировом контексте нестабильность экономической и политической ситуации в различных странах также оказывает негативное влияние на рынок венчурного капитала, создавая неопределенность и риск для инвесторов.

Ограниченный доступ к рынкам для выхода на IPO или продажу компаний. Ограниченный доступ к публичным рынкам становится серьезной проблемой для развития рынка венчурного капитала в России. В то же время, для многих компаний выход на IPO не является приоритетной целью, так как они сталкиваются со сложностями в управлении и нехваткой инвестиций, что затрудняет их развитие и рост. Необходимо разработать новые механизмы и инструменты для привлечения инвестиций и создания более благоприятного климата для развития стартапов.

По итогам аналитического исследования можно выделить ряд мер по развитию венчурного инвестирования в Российской Федерации.

Для поддержки роста рынка венчурного капитала в России правительство может применять различные методы стимулирования, такие как налоговые льготы и другие формы финансовой поддержки, в частности, посредством создания специальных фондов и дополнительных инструментов для привлечения инвестиций в стартапы.

Для привлечения инвестиций необходимо предоставлять стартапам широкий набор возможностей для презентации своих идей и бизнес-планов, в частности, используя площадки различных международных форумов, конференций и т.д.

Целесообразно расширять систему венчурного капитала и венчурного инвестирования посредством создания инкубаторов, технопарков, привлекая к этому процессу университеты, НИИ и других участников рынка.

Развитие международных связей, для чего необходимо создание благоприятного инвестиционного климата в России. Отечественные венчурные фонды могут участвовать в международных инвестиционных проектах, что позволит российским венчурным фондам получить доступ к новым рынкам, технологиям и опыту, а также увеличить шансы на успешное закрытие инвестиционных сделок.

Для того, чтобы стартапы могли эффективно конкурировать на рынке, необходимо не только обеспечивать доступ к современным технологиям, но и создавать сопутствующую инфраструктуру, поскольку важно не только создавать инновационные парки, лаборатории и центры разработки, но и поддерживать их работу и обновление технологического оборудования.

Современный российский рынок венчурного инвестирования является динамично развивающейся сферой экономики. За последние несколько лет в России были созданы и успешно функционируют многие венчурные фонды, а также инкубаторы и акселераторы стартапов. Российский рынок венчурного капитала имеет потенциал для поступательного и эффективного развития, для чего необходим механизм привлечения капитала и создания благоприятной среды для инновационных компаний.

В результате проведенного анализа состояния рынка венчурного капитала в Российской Федерации за период 2017-2022 гг. были выявлены ключевые направления развития в данной сфере, выделены особенности использования венчурного капитала, а также проблемы, которые затрудняют его развитие, и пути их решения.

Литература

1. Venture capital worldwide – statistics & facts // Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/topics/4724/venture-capital-worldwide/#topicOverview> (дата обращения: 24.03.2023).
2. Венчурная Евразия: Итоги 2022 // Dsight. [Электронный ресурс]. URL: <https://dsight.ru/?ysclid=lgax91ngt1592226234> (дата обращения: 08.04.2023).
3. База данных Dsight. [Электронный ресурс]. URL: <https://dsight.ru/?ysclid=lgax91ngt1592226234> (дата обращения: 24.03.2023).
4. State of Venture 2022 Report // CB Insights. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbinsights.com/research/report/venture-trends-2022/> (дата обращения: 08.04.2023).
5. VentureGuide // Агентство инновации Москвы & Dsight. [Электронный ресурс]. URL: <https://ventureguide.innoagency.ru> (дата обращения: 24.03.2023).
6. Startups in Russia – statistics & facts // Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/topics/7574/startups-in-russia/> (дата обращения: 08.04.2023).

7. Venture capital in North America – statistics & facts // Statista. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/topics/2565/venture-capital-in-north-america/> (дата обращения: 08.04.2023).
8. Финансовый рынок как фактор экономического роста: [монография] / [Байдукова Н.В., Гудовская Л.В., Достов В.Л. и др.]; под ред. С.Ю.Яновой, Н.П. Радковской; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. экон. ун-т, Каф. банков, фин. рынков и страхования. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. [Электронный ресурс]. URL: ЭБ ОРАС.UNECON.RU (дата обращения: 01.04.2023).
9. Venture Pulse Q2 2022. Global analysis of venture funding July 20, 2022 // KPMG Private Enterprise // [Электронный ресурс]. URL: <https://rshb-intech.ru/content/analitika/venture-pulse-q2-2022-hQiCvнT6bMhlQNcSO9iFV.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Энциклопедия рынка // RB.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/deals/?ysclid=lf59s1epvj259113692&period=90> (дата обращения: 08.04.2023)
11. Воспитать новых разработчиков и помочь российскому венчурному бизнесу: представители ИТ-бизнеса о планах на 2023 год // RB.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://rb.ru/opinion/2023-IT-advice/?utm_source=telegram&utm_medium=social-&utm_campaign=post (дата обращения: 08.04.2023).
12. Объем сделок в 2022 году — в 3,5 раза меньше, чем в 2021-м: венчурные итоги // RB.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/analytics/venture-results-2022/?ysclid=lf57i51hi94387982> (дата обращения: 08.04.2023).
13. Паштова Л.Г. Ретроспективный анализ российского венчурного рынка // Экономический анализ: теория и практика. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 482 – 503. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24891/ea.22.3.482> (дата обращения: 08.04.2023).
14. Езангина И.А., Маловичко А.Е. Рынок венчурного инвестирования в условиях пандемии: реалии времени и перспективы будущего. Финансы: теория и практика. –2021 – 25(5) –С.92-116 (дата обращения: 08.04.2023).
15. Review 104(5): pp. 394–399.
16. Толмасов Р.С. Инфраструктура информационной экономики: современное состояние и прогноз развития // МНИЖ. – 2022. – №2-3 (116). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infrastruktura-informatsionnoy-ekonomiki-sovremennoe-sostoyanie-i-prognoz-razvitiya> (дата обращения: 03.10.2023).
17. TheGlobalAIIndex. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tortoise-media.com/intelligence/global-ai/#data> (дата обращения 25.08.2023).
18. El-Bermawy A. M. Government AI Readiness Index 2022 // Hikama. – 2023. – №. 6.
19. Федотов В.А. Влияние фактора конкурентоспособности на процесс трансформации структуры национальной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 248–260.
20. Евразийская политическая экономия: учебник / под ред.И. А. Максимцева, Д. Ю. Миропольского, Л. С. Тарасевича. – СПб. :Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 767 с.
21. Международная стандартная отраслевая классификация всех видов экономической деятельности (МСОК). [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/classifications/Econ/Download/In%20Text/ISIC_Rev_4_publication_Russian.pdf (дата обращения 29.08.2029).

10.5. Идеи евразийства: этапы развития и поиск смыслов

Тема евразийства стала сегодня более чем актуальной в свете разворачивающихся в мире тенденций и противостояний, обнажения интересов и обостре-

ния отношений между отдельными странами и их группами. В разные годы степень интереса к евразийству была различной. Сейчас Россия в очередной раз пытается прояснить свою сущность, своё место в мире, свои интересы, возможности и своё предназначение. Осознание исторической предопределенности и правильности выбранного пути крайне важно, так как в противном случае силы будут тратиться впустую, не достигая положительного результата.

В соответствии с этим появляются все новые исследования и высказываются оценки евразийского направления мысли, попытки перечитать, уточнить позиции и адекватно понять произведения основоположников – что именно они хотели до нас донести, примерить их представления к современному этапу развития. Среди российских авторов-исследователей и евразийства постсоветского периода можно назвать таких как Соболев А.В., С.С. Хоружий, Е.Г. Кривошеева, Губбыева З.О., Половинкин С.М., Игнатова С.В., Новикова Л.И., Вилента И.В., И.Б. Орлова, Степанов Н.Ю., А.Т. Горяев, Самохин А.В., Орлик И.И., Щупленков О.В., Сбитнев С.В., Чванов М.А. и другие.

На сегодняшний день евразийство можно рассматривать в узком и широком смысле.

В широком смысле на разных исторических этапах идеи евразийской направленности периодически актуализируются, когда возникают масштабные проблемные ситуации, заставляющие изменить ракурс мышления, задуматься о глобальных смыслах, требующие определения или пересмотра, переоценки путей развития страны, отношений с соседними странами в рамках евразийского мира. Так, И.Б. Орлова в конце 90-х годов XX в. обращала внимание, что идеи евразийства появлялись и как бы вновь возрождались несколько раз: впервые – в 70-х годах XIX в. в трудах Н.Я. Данилевского (например, труд «Россия и Европа», опубликованный в 1869-1871 гг.) и К.Н. Леонтьева («Византизм и славянство», 1875 г.); затем возникло классическое евразийство в 1920-е гг. среди российских эмигрантов в Западной Европе и, наконец, в постсоветский период проявилось в лице Н. Назарбаева и других интеллектуалов на территории стран бывшего СССР. [1, с. 120]. Следует добавить, что во второй половине XX в. можно выделить «советское евразийство». Применительно к постсоветскому этапу развития евразийского направления возник термин «неоевразийство».

Евразийство в узком смысле – классическое евразийство – возникло как идейное течение после революции 1917 г. в эмигрантской среде в странах Западной Европы в ходе ожесточенных споров о дальнейшей судьбе России. Оно развивалось, эволюционировало, прирастало сторонниками и пыталось перейти в плоскость политической борьбы.

Истоки евразийства отчасти восходят своими корнями к идеям славянофилов. От панславистов, выражавших интересы представителей различных славянских народов, они отличались тем, что в процессах объединения славянского мира славянофилы видели ведущую роль именно России. Исследователь О.В. Щупленков замечает, что евразийское мировоззрение было идейным наследником славянофилов, но, вместе с тем, приводит высказывание одного из

основоположников евразийства П.Н. Савицкого, работавшего в 1920-х гг. в эмиграции, согласно которому, хоть оба направления и лежат в общей сфере, их взаимоотношение не может быть сведено к простому преемству [2, с. 53].

Отличие и уникальность евразийства определяется сплавом заключенных в нём учений: не только византизма славянофилов, но и восточничества в смысле признания единства истории и культуры русского и восточных народов, а также оригинального политико-экономического учения. В России классического евразийства по сути не было, если не считать неудачную попытку сознательного привнесения этих идей из Европы, где они возникли и развивались, на территорию СССР, которая в конечном счете была нейтрализована усилиями советских органов.

Собственно классическое евразийское миропонимание было выработано представителями русской эмиграции, выехавшими из революционной России и разбросанными по европейским городам и странам в 1920-е гг. Будучи специалистами в различных областях знания (история, география, экономика, геополитика, филология, лингвистика, культурология, музыковедение, литературоведение, философия, богословие и др.), каждый со своих позиций, а также, объединяя усилия, они пытались осознать судьбу России, смысл современных им процессов и глубинных исторических закономерностей развития. Схожесть идей ряда авторов с самого начала 20-х годов позволяет говорить о возникновении евразийского движения, хотя организационно оно ещё никак не было оформлено. Позднее в результате взаимодействия интересантов этого направления возник даже высший орган движения – Совет евразийства. В 1926 г. на 1 съезде Совета евразийцев был избран ещё один руководящий орган – политическое бюро. Отдельно состоялся съезд евразийской организации Парижа [2, с. 56-57]. Список организационных моментов можно было бы продолжить.

Первоначальным программным изданием следует считать книгу князя Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество» [3], вышедшую в 1920 г. в Софии и вызвавшую горячие дискуссии. Далее появились труды ряда авторов, издававшиеся в Праге, Париже и Берлине. Со временем обмен взглядами стал происходить в форме конференций в названных выше столицах и в Софии, издавались сборники трудов. В одном из них в 1922 г. была опубликована также программная по характеру статья П.Н. Савицкого «Степи и оседлость» [4]. На протяжении 1922–1929 гг. издавался сборник «Евразийский временник». В Париже в 1926 г. начинает выходить газета «Евразия», с 1927 г. действует «Евразийский семинар». Таким образом, в ряде европейских стран евразийство стало вполне заметным явлением. Позднее этот период назовут классическим евразийством. Его представителями были: кн. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, Н.Н. Алексеев, В.Н. Иванов, В.Н. Ильин, Л.П. Карсавин, В.П. Никитин, Б.Н. Ширяев, кн. Д. Святополк-Мирский и др. [5]

Первоначально основоположники евразийства не примыкали ни к какому политическому движению. Они приняли свершившуюся революцию как необ-

ратимый факт и развивали свое мировоззрение в плоскости духовного творчества, подчёркивая примат культуры и считая, что спасением России будет развитие её творческого потенциала на религиозной основе [2, с. 54].

По мере расширения евразийского движения и роста его влияния внутри него происходило размежевание: часть его представителей становились на сторону какой-либо политической позиции (консервативной либо пробольшеви́стской), а остальные по-прежнему не связывали свою деятельность с достижением политических целей (последние в итоге остались в меньшинстве). Некоторые взяли на себя миссию борьбы с советским строем. Так, в середине 1920-х гг. Савицкий П.Н. попытался создать политическую организацию для подпольной работы на территории России и даже посещал страну. Однако, с самого начала эта деятельность сопровождалась повышенным вниманием со стороны советских органов с целью ее нейтрализации и потерпела крах.

Во второй половине 1920-х гг. центр активности евразийского движения в значительной мере был связан с Парижем. Там был организован и действовал с 1927 г. «Евразийский семинар», а также издавалась газета «Евразия», обнаружившая в итоге пробольшеви́стскую направленность. Некоторые источники указывают на активную роль в этом процессе политически ориентированного Л.П. Карсавина. Напротив, работавшие в это время в Праге П.Н. Савицкий и Н.Н. Алексеев все более демонстрировали консервативные позиции.

Окончательный раскол движения произошел в конце 20-х годов. В декабре 1928 г. Н.С. Трубецкой составил письмо в редакцию газеты «Евразия», в котором констатировал факт раскола и невозможность восстановления внутреннего единства евразийского направления, в связи с чем заявил о выходе из газеты и из евразийской организации. И только в Праге в 1930-е гг. сохранялась группа ученых, не ориентированных на политические цели.

В 1990-е гг., когда в России возродился интерес к евразийству, такие исследователи как Е.Г. Кривошеева [6, с. 23] и А.Т. Горяев [7, с. 26–30] изучали соответствующие материалы и предложили свои периодизации развития классического евразийства. Если сопоставить и обобщить их варианты, то можно назвать периоды 1921–1924 гг. – когда происходило оформление комплекса основных идеологических установок и идей; 1925–1927 гг. – период расцвета и наибольшей активности в публицистической и организационной деятельности; а с 1928 г. – раскол, распад на отдельные группировки и закат евразийства.

Тем не менее, осталось научное наследие, которое и сегодня представляет интерес. Классическое евразийство по-прежнему остается яркой страницей истории русской послереволюционной эмиграции, претендующей на дальнейшее развитие его идей. Эти идеи не укладываются ни в рамки исключительно экономических, ни философских, ни этнографических знаний.

Евразийство предстает как цельное мировоззрение, междисциплинарное и много-векторное направление мысли на основе комплексного и цивилизационного подходов, придающее колоссальное значение исходным и неизменным

в своей основе геофизическим факторам развития общества, а вслед за ними и развившимся в этих условиях этническим, культурным и иным составляющим. Сами евразийцы называли свое учение системой. Они создали концепцию геополитического, историко-культурного и этнографического единства России-Евразии, которая, согласно их убеждению, представляет собой особый геопрородный и социокультурный мир. Иногда в качестве отличительной черты евразийства называют изоляционизм. [2, с. 51]

Один из основателей евразийского учения П.Н. Савицкий в своей статье «Степи и оседлость» констатировал положительную роль татаро-монгольского нашествия в том смысле, что оно придало России свойство организовываться в военном плане, совершенствовать государственное устройство, тем самым достигая устойчивости и становиться могущественной [4, с. 315-316]. Московское государство, как известно, развилось на основе прежних княжеств Северо-Восточной Руси после преодоления монголо-татарского ига, которое, несмотря на свою жестокость, не уничтожило русскую культуру. С тех пор Московское государство укрепилось и на протяжении нескольких веков стало прирастать в сторону Азии, вбирая срединные и азиатские территории, и выступило объединителем евразийского мира. Савицкий назвал это прирастание «органическим расширением в Азии» [8, с. 406], то есть, надо понимать, естественно направленным и жизненно необходимым в данных условиях, формирующим целое. Сохранив свою культуру, Московское государство в дальнейшем оказалось способным принять и культурно-политическое наследие других народов.

Отмечая, что русский народ – это особый этнический тип, сближающийся как с азиатским, так и с европейским, П.Н. Савицкий указывал, что культура России – ни европейская и ни одна из азиатских (чем также подчеркивал, что существует некоторое количество азиатских культур). Она – культура России – евразийская, срединная, но не являющаяся механической суммой соседних. При этом он отмечал первенствующую роль великороссов в происходящих процессах объединения.

Термин «Евразия» был впервые применен Гумбольдтом, обозначившим таким образом всю территорию Старого Света: Европу и Азию. В русский язык этот термин был введен географом В.И. Ламанским (1833-1914). Савицкий же рассматривал Евразию (евразийский мир) как третью составляющую Старого Света – наряду с Европой и Азией, и понимал её (что очень важно!) как соразмерную им. [8, с. 410-411].

По Савицкому, Евразия – это особая часть света, нечто замкнутое и «типичное целое» с точки зрения климата и других географических условий [8, с. 410]. В этом он был солидарен с Н.С. Трубецким, который также рассматривал евразийский мир как географическое, хозяйственное и этническое целое, замкнутое и законченное, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Трубецким подчеркивалось, что именно природный фактор предопределяет для евразийских народов необходимость консолидироваться и

в совместной работе друг с другом создавать свои национальные культуры. [9, с. 282-285].

Савицкий считал, что из окружающих соседских культур, с которыми связана культура Евразии, азиатские культуры ей ближе. По его мнению, сами евразийцы отличают свой мир как совершенно особый в смысле его географической предопределенности, истории развития, языка, хозяйства и др. [8, с. 410-411].

Г.В. Вернадский, со своей стороны, видел в качестве главного фактора формирования Российской империи именно географическую среду. Он придавал большое значение влиянию на развитие хозяйства окружающих условий леса и степи. Ему принадлежит монографический труд «Начертание русской истории», изданный в 1927 г. в Праге, в котором он многократно в разном контексте указывает на воздействие леса и степи, используя при этом термин «месторазвитие» [10].

Ряд положений Вернадского также вошли в основу концепции евразийцев. Среди них утверждение, что не существует «европейской» и «азиатской» России. Россия едина. Она евразийская, точнее – «Россия-Евразия». Согласно евразийцам, она представляет собой особый мир в плане географической и природной среды, разностороннего единства народов, истории развития социума и культуры.

Важным и по сей день является вопрос о том, как трактовать неизменное поступательное расширение Московского государства, а затем Российской империи на восток? Вернадский подчеркивал, что оно отлично от того, что называют «империализмом». Это движение продиктовано, предопределено «неустранимой внутренней логикой месторазвития», которая в значительной степени предполагает не только приспособление, адаптацию к окружающей среде, но и её творческое хозяйственное преобразование, обустройство этой среды как своего месторазвития [10, с. 23, 281].

Сначала евразийцы были далеки от выражения каких-либо политических интересов, в частности не разделяли реваншистские настроения белой эмиграции, хотя им должны были быть близки призывы к возрождению единой и неделимой России. Они, пытаясь сохранить объективный и реалистичный взгляд, старались мыслить долговременными категориями и первостепенное значение придавали сохранению «евразийской общности». С этих позиций вполне логичными и закономерными представлялись такие исторические этапы организации и преобразования протяженных евразийских территорий как период империи Чингисхана, затем укрепление Московского государства и, наконец, развитие Российской империи. Далее в этом ряду закономерно воспринималось и образование СССР – как преемственной формы евразийского единства.

Особое внимание обращалось на границы евразийского пространства и придавалось значение их сохранению и воспроизведению во времени. Так, Савицкий считал, что пределы выделяемой им Евразии неслучайно соответствуют очертаниям Русской империи [8, с. 410], что это сложилось естественным образом в процессе исторического развития и приспособления к

природно-географическим условиям. В 1926 г. он указывал на факт их воспроизведения (пусть и с некоторыми отклонениями) после прохождения страны сквозь ряд тяжелых революционных и военных потрясений, ибо в целом границы СССР соответствовали географическим очертаниям прежней Российской империи [11, с. 408].

Н.С. Трубецкой в своей работе «Наследие Чингисхана» (Берлин, 1925) с удовлетворением писал, что во внешнеполитических вопросах СССР не применяет подобно европейцам империалистический вариант в отношении других народов, а также не следует славянофильским и панславистским идеям, которые далеки от истины. Во внутренней же политике Россия правильно отказалась от русификаторства, которое также чуждо ей по её исторической природе. [9, с. 500] Он подчеркивал, что Россия впервые правильно поступает в отношении стран Азии, признав себя их естественной союзницей и, тем самым, относится к Востоку в соответствии со своей евразийской сущностью [12, с.12].

П.Н. Савицкий, со своей стороны, также констатировал сохранение в Советской России евразийских тенденций, прежде всего, применительно к национальной лингвистической политике, в рамках которой была предоставлена свобода развития всех представленных языков Евразии [11, с. 412-413].

Восприятие евразийцами советского строя было неоднозначным. Это был проблемный вопрос. Они проявили себя одновременно и противниками и, в некотором роде, союзниками советской России ввиду своего неприятия западной демократии и попыток европеизации в отношении России.

Выше было сказано, что русская революция была признана евразийцами в смысле свершившегося факта. Интересно, что в определенном контексте он был даже положительно истолкован. Так, Г.В. Флоровский писал, что можно по-разному относиться к программе большевиков, но одобрительно оценил интуитивную направленность их действий: «...они поняли, что нужно ломать и созидать наново» [13, с. 14-25].

Отношение евразийцев к западному миру было различным: от призывов замкнуться в своей культуре, отвернуться от Европы, до признания возможности сближения с ней. По сути, те и другие подчеркивали отличие русского мира от европейских стран по ряду параметров. Если Савицкий указывал, что у России и европейских государств разнокачественная изначальная основа: там национально-государственное, а у нас – культурно-материковое единство, то Трубецкой явно выступал против европеизации, подчеркивал отличие европейского образа мышления от русского (они свойственны разным психологическим типам людей). Трубецкой писал, что в будущем задачей России является осознание своей подлинной природы. Как результат – необходимо «созидание самостоятельной и самодовлеющей русско-евразийской культуры на основаниях, совершенно отличных от духовных основ европейской цивилизации» [9, с. 282–285]. Он настаивал, что условием сближения с Европой может быть лишь обретение Россией собственной духовной и материальной независимости (чтобы не оказаться европейской провинцией).

По мнению Савицкого, русская революция покончила с Россией как частью Европы и обнаружила присущую ей природу особого мира. Но реализовать ее в действительности – это дело будущего времени, которое соответствует цели евразийцев [11, с. 412-413].

Евразийцами была также высказана мысль о возможности для евразийского пространства третьего пути [12, с.10], третьего варианта развития вне правого или левого направления [2, с. 51]. И хоть подробных рекомендаций они не разрабатывали, можно констатировать, что тем самым они попытались приподняться над лево- или право-ориентированными взглядами и высказать идеи, которые представлялись им гораздо важнее сиюминутных политических решений.

Ясно, что в СССР никто из политических деятелей не брал за основу евразийские идеи. Совпадение отдельных черт действительности с представлениями евразийцев не было целенаправленным, а если и происходило, то некоторым естественным образом. Евразийцы же извне констатировали, что идея евразийства, как писал П.Н. Савицкий в 1933 г., «живет в СССР, но только не осознает в нём своего существования» [11, с. 411].

Присутствие неосознанного евразийства в России проявлялось во многих аспектах внутреннего строительства, в национальной политике и, в частности, в отношении к вопросу автономизации. Евразийцы считали несбыточным стремление большевиков к коммунистическому интернационализму. Более реалистичным и естественным им представлялся принцип «обще-евразийского национализма». Они предполагали в ходе дальнейшего развития изменение роли русского народа, так как он станет лишь одним из населяющих территорию государства, и все равноправные народы будут принимать участие в управлении ею. Отмечалось, что это изменение будет представлять ряд проблем для русского национального самосознания. Но для единства территории государства важно наличие «единого субстрата» государственности, то есть совокупности населяющих страну народов, как особой многонациональной нации [12, с. 11]. Эту нацию Н.С. Трубецкой называл евразийской, а соответствующую территорию – Евразией. Он считал, что она должна обладать своим обще-евразийским национализмом. Её национализм – это евразийство [9, с. 500]. Его сторонники также воспринимали это как необходимый принцип национальной политики.

В советский период высказывалось мнение, что заслугой евразийцев является определение «многонационального государства». Хотелось бы присоединиться к более поздним оценкам философа А.С. Панарина, который отмечал утопизм и наивность возлагаемых евразийцами надежд на перспективы, открываемые в случае осуществления процесса автономизации на территории России, который, по их представлению, должен был привести в дальнейшем к слиянию народов в единую семью. [14, с. 175].

В действительности в советской России разрабатывалась своя концепция многонационального государственного устройства. Руководство страны обсуждало два варианта, противоположных один другому. Согласно одному проекту,

планировалось принять в состав РСФСР национальные республики на правах автономии. Этот вариант был близок к прежнему административному устройству Российской империи и поддержан И.В. Сталиным, С.М. Кировым, С. Орджоникидзе и др. Получалось, что сторонники автономизации являлись, своего рода, «неосознанными евразийцами», откуда и пошло это название. Другой проект был выдвинут В.И. Лениным и предполагал федерацию на основе взаимного договора равноправных республик, так как первый вариант проекта, по его мнению, ущемлял права отдельных национальностей.

В итоге очередным пленумом ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г. была принята Резолюция о заключении договора и объединении независимых советских республик (в том числе и РСФСР) в рамках СССР с правом для каждой из них свободного выхода из состава этого объединения. Евразийцами этот факт стал рассматриваться как серьезная опасность для российской государственности.

Более того, тем самым был создан прецедент для народов, которые ранее не стремились ни к автономии, ни к самоопределению. Ситуацию, создавшуюся в результате проводимой Советами национальной политики, довольно конкретно и резко охарактеризовал в конце 90-х годов XX в. Н.Н. Алексеев, назвав действия коммунистов миной замедленного действия в отношении проповедуемого ими интернационализма [15, с. 366]. Кроме того, недостаточно обоснованная фиксация границ между вновь устроенными республиками также приводила к проблемам в их отношениях. На фоне изложенных выше обстоятельств забывается, что крайне важное значение евразийцы придавали вопросам культурной автономии в рамках отдельных административных образований. В дальнейшем в середине и во второй половине XX в. идеи, подобные евразийству, естественным образом стали возникать и на российской почве: сначала в СССР, а затем и в новой России. В СССР появилось «советское евразийство», а в постсоветский период – «неоевразийство».

Можно сказать, что интуитивное неосознанное присутствие потребности в евразийском характере мышления стало постепенно осознаваться наиболее передовыми мыслителями. Отдельные ученые внутри страны осмысленно задавались вопросами, касающимися связанности евразийского пространства. К таковым можно отнести Л.Н. Гумилёва, который несколько десятилетий, начиная с 30-х годов, профессионально занимался проблемами исторического развития: изучал языки, исторические материалы, участвовал в археологических экспедициях. Его неординарные работы и выводы оказались для многих специалистов в области географии, истории, этнографии неожиданными и приводили к острым дискуссиям. Судьба сложилась так, что он подвергался неоднократному многолетнему преследованию со стороны властей и даже заключению в лагерях. Только в 1956 г. он был реабилитирован. Венцом его творчества стала пассионарная теория этногенеза, по-новому объяснявшая глубинные причины исторического процесса. Соответствующие публикации выходили с 1967 г. Среди прочего он обратил также внимание на факты периодического увлажнения территории центральной Евразии и их влияние на историю кочевников. В целом

его идеи были близки к евразийскому пониманию происходящего. А сам себя он называл последним евразийцем. Считал, что истоки евразийства восходят к славянофилам, а евразийская точка зрения о двух началах России – славянском и тюркском, обоснована и плодотворна не только в отношении изучения прошлого, но и при рассмотрении современных проблем [16]. От евразийства он воспринял экологический детерминизм и идею «исторических циклов».

И.И. Орлик, публикуя результаты своего исследования эволюции евразийства, пишет, что в трудах Л.Н. Гумилева, и в его переписке с Г.В. Вернадским присутствуют, с одной стороны, новый для этого направления этнографический подход, проявившийся в трансформации классического евразийства в теорию этногенеза, а с другой стороны, продолжение поиска причин очевидной пространственной преемственности государств на евразийской территории, включая СССР (несмотря на изменение характера государственного устройства). Гумилёв, как и Трубецкой, считал, что «национальным субстратом» такого проходящего сквозь времена государства, может быть только многонародная нация – совокупность проживающих здесь народов, которую он назвал «суперэтносом» (то есть, системой этносов). И.И. Орлик отмечает, что их представление перекликается также с формулой брежневского периода «новая историческая общность – советский народ» [12, с.13].

При этом, оценки Гумилева по поводу роли русского этноса в значительной степени совпадают с позицией Савицкого о первенствующей роли великороссов в объединительном процессе. По Гумилёву, именно русский этнос несет в себе цивилизационное наследие всего евразийского пространства.

Если опираться на представления Л.Н. Гумилева, становится ясно, что четкие границы бывших советских республик зачастую были неестественными, в царской России таковых не было. (В этом смысле любопытны бывали рассказы очевидцев об осуществлении фиксации таких границ в первые годы Советской власти при одновременном изменении в документах национальной принадлежности части населения.) Закономерно, что Гумилёв предвидел непрочность отколовшихся и пустившихся в самостоятельное независимое существование вновь образованных стран после распада СССР. По Гумилёву, только познание народами России смысла своего единства позволит им эволюционировать и перейти в новое качество – создать межнациональный союз народов, который будет способствовать развитию их национальной жизни [17, с. 292–300.].

Другим отечественным автором, определившим свою позицию по указанному кругу вопросов, явился писатель Д.М. Балашов. Как и Гумилёв, он высказал убеждение, что Россия представляет собой страну именно евроазиатскую. И поэтому попытки следовать европейскому пути и логике развития являются для России ошибочными [18, с. 196]. Балашов в духе евразийцев подчеркивал, что россияне не лучше и не хуже народов Запада, они другие [19].

Появились со временем также исследования и критика советского евразийства. Оценки советского евразийства встречаются в отечественной ли-

тературе. Так, в начале 1990-х гг. изучал этот вопрос и высказывал своё мнение Б. Парамонов. Сравнивая классическое и более позднее советское евразийство, он характеризовал последнее как культурно-политическую концепцию. В качестве же их отличия он называет смену прежней культурологической концепции указанием на природные факторы, определившие традиционные характеристики бытия русского народа [18, с.196-197]

Период неоевразийства, видимо, стоит отсчитывать с 80-х годов, когда в качестве идейной платформы могли использоваться работы Гумилёва. Тогда возникли попытки возродить и дополнить идеи евразийства. Повышение интереса сопровождалось дискуссиями, публикациями в журналах, конференциями, проявлением внимания к философской стороне взглядов, исследованиями и защитой диссертаций. Однако, по замечанию И.И. Орлика, никто из авторов не поднялся до уровня прежних мыслителей. Наиболее глубокие работы, по его мнению, принадлежат философу А.С. Панарину. Закономерным следует считать также переход изысканий в практическую плоскость.

Среди неоевразийцев специалисты называют Э. Багратова, А.Г. Дугина, Б. Ерасова, В.В. Кожина, В.В. Малявина, В.Я. Пащенко, Г.Д. Чеснокова и др. Представители неоевразийства различаются по своим политическим убеждениям. В результате их взгляды противоречивы, но при этом многих объединяет антизападная позиция. В ответ на появление новых обстоятельств и вызовов в духе евразийства рассматриваются не только отношения «Запада» и «Востока», но также «Севера» и «Юга»; вовлекаются в сферу изучения и анализа биологические и этнические факторы развития.

Для постсоветского периода крайне важна позиция руководства нашей страны и стран Ближнего зарубежья для поддержания и развития широкого спектра взаимных связей между нашими странами, что отвечало бы идеям классиков евразийства. Солидный вклад в развитие теории и практики евразийского направления внес в своё время президент Казахстана Н.А. Назарбаев. Ему принадлежат инициативы, касающиеся Содружества независимых государств, разработка вопросов и обоснование необходимости разносторонней интеграции стран евразийского пространства при ведущей роли России.

И.И. Орлик обращает внимание на характер и постепенное положительное изменение отношения официальной власти к идеям евразийства в России. Сначала они искажались или замалчивались. Так, Б.Н. Ельцин в своё время пренебрежительно отнесся к объединительным инициативам Н.А. Назарбаева [12]. И только в октябре 2000 г. в выступлении Президента РФ В.В. Путина в Астане прозвучало признание важности и своевременности обращения к идеям евразийской направленности.

Не менее важными остаются и проблемы единства и связанности внутри российского пространства, а также вопросы межнациональных отношений. Примером положительной здоровой идеологии является позиция активного деятеля в области культуры М.А. Чванова, награжденного в 2000 году Патриархом Алексием II орденом Преподобного Сергия Радонежского. Он трактует евразийство не

как теорию, а как геополитическую реальность и обращает внимание, что Россия не только соединяет собой и в себе Европу и Азию, но и изначально раздираема Европой и Азией, что составляет ее трагедию и болезнь, проявляющуюся в споре западников и славянофилов. По замечанию Чванова, побеждают, западники, но не потому, что их позиция «истиннее», а ввиду того, что она поддерживается извне мощными силами, которые используют для достижения своих целей самые низменные чувства, а также циничные и безнравственные методы [20].

Согласно комментариям А.И. Селиванова – директора Аналитического центра Института повышения квалификации государственных служащих Российской академии государственной службы при Президенте РФ, доктора философских наук, «...на бытовом уровне никаких межнациональных трений практически не ощущается. Проблемы начинаются тогда, когда национальная карта разыгрывается политиками – для завоевания или удержания власти» [21]. Истинность и естественность насущной потребности объединения евразийских народов выражена в следующем его высказывании: «...вне решения единых экономических задач отдельные регионы России, так же как и отдельные регионы бывшего СССР, не способны решить задачи ни на геополитическом, ни на геоэкономическом уровне. Их права начинают ущемлять другие субъекты. Например, теперь всем понятно, что более выгодно быть под эгидой России, чем оказаться под влиянием США» [21].

Согласно утверждению Чванова, евразийство – это единственная идеология, у которой есть будущее, и только с ним у России есть будущее. В России нет ни национальной власти, ни национальной идеологии, но есть ... духовные силы – Православие и Ислам, которые продолжают удерживать нравственный дух народа [22].

В современном варианте евразийцы пропагандируют свои идеи прежде всего в многонациональных регионах России, ибо в процессе дальнейшего развития они считают необходимым опираться на гармонию этносов [23]. Важно не замалчивать, знакомить с накопленным опытом новое поколение, чтобы оно дорожило наработками своих предшественников, перепроверяло их справедливость и опиралось на них в своей деятельности.

Литература

1. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. Монография. – М.: Норма, 1998. – 275 с.
2. Щупленков О.В. Проблемы периодизации евразийства // «Белые пятна» российской и мировой истории, 2012, №1. – С. 51-65. – URL.: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-history-2012-1/4-shchuplenkov.pdf> (дата обращения 08.09.2023).
3. Трубецкой Н.С. Европа и человечество [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Trub/_EvrChel_01.php (дата обращения 04.05.2023).
4. Савицкий П.Н. Степи и оседлость / На путях: Утверждение евразийства. – Москва-Берлин, 1922. – С. 315-356.

5. Вехи евразийства. Классическое евразийство (обзор) // Евразийское Обозрение. – №5 – 12.03.2003. – URL.: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1054> (дата обращения 27.09.2023).
6. Кривошеева Е.Г. Пореволюционное эмигрантское течение евразийство (1921-1932 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 30 с.
7. Горяев А.Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии. – М.: Российский ун-т дружбы народов, 2001. – 160 с.
8. Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. – М., 2007.
9. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 1999.
10. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб., 2000.
11. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997.
12. Орлик И.И. Евразийская идея: возникновение и эволюция// Идеи и политика в истории. – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-ideya-vozniknovenie-i-evolyutsiya/viewer> (дата обращения 20.09.2023).
13. Флоровский Г.В. Утверждение евразийцев // На путях. – Кн. 2. – Москва-Берлин, 1992. – 86 с.
14. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. – М., 1999.
15. Алексеев Н.И. Русский народ и государство. – М., 1998.
16. Гумилев Л. Человечность превыше всего // Известия. 23 июня 1989.
17. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М., 1992.
18. Парамонов Б. Советское евразийство // «Звезда». – 1992. – № 4.
19. Балашов Д. И нужна любовь. – Новгород, 1989. Спец. выпуск.
20. Чванов М.А. Евразийство России – судьба Русского народа // Портал «Евразия». – URL.: <http://evrazia.org/text/35> (дата обращения 14.09.2023).
21. Суверенные тенденции являются худшими для Башкирии // Портал «Евразия». 1 сентября 2010. – URL.: <http://evrazia.org/text/17> (дата обращения 10.09.2023).
22. Чванов М.А. Евразийство – единственная идеология, за которой будущее// Портал «Евразия». – URL.: <http://evrazia.org/text/21> (дата обращения 10.09.2023).
23. Азиопа или Евразия? Вот в чем вопрос... // Портал «Евразия». – URL.: <http://evrazia.org/text/19> (дата обращения 15.09.2023).

10.6. Реализация экспортного потенциала масложирового подкомплекса АПК Сибири на основе создания совместных предприятий с иностранными инвестициями

Масложировой подкомплекс АПК представляет собой интегрированную систему технологически и экономически связанных отраслей и подотраслей народного хозяйства, общей целью которых является производство, переработка и реализация масложировой продукции в целях обеспечения продовольственной безопасности страны и сырьем смежных отраслей АПК.

Развитие масложировой промышленности в РФ позволило масличным стать востребованной культурой. Масложировой подкомплекс АПК РФ обеспечивает продукцией внутренний рынок и стабильно высокий спрос на масложировую продукцию на внешних рынках позволяет сельскохозяйственным това-

ропроизводителям иметь гарантированный рынок сбыта. В текущих условиях масличные являются высокомаржинальными культурами и их высокая экономическая эффективность формируется под влиянием ряда факторов.

Масложировая отрасль является ключевой в структуре АПК, а продукция масложирового подкомплекса одним из крупнейших сегментов агроэкспорта РФ. Доля масложировой отрасли в объеме экспортной выручки продукции АПК в последние годы динамично увеличивалась и к настоящему времени уступает только зерновой. Самообеспеченность масложировой продукции в РФ в 2021 году составила 211%, что создает резервы для дальнейшего наращивания экспортных поставок и соответственно экспортного потенциала страны. В период с 2018-2022 гг. масложировая отрасль РФ демонстрирует устойчивый и самый большой совокупный среднегодовой темп роста экспорта (+30%). Последнее вызвано ежегодно наблюдаемым растущим спросом на масложировую продукцию на мировых продовольственных рынках. В структуре мирового экспорта масложировой продукции стабильная пятерка лидеров продаж: масло подсолнечное, масло соевое, масло рапсовое, майонез, жмыхи.

Ключевыми предпосылками развития экспорта продукции масложирового подкомплекса АПК РФ являются стабильный спрос на сырье, активный потребительский спрос на готовую масложировую продукцию со сбалансированным жирнокислотным составом, приоритетность и поддержка подотрасли и сопряженные с этим положительные ценовые тренды внутреннего и внешнего рынков, развитие животноводства и растущие мощности по переработке масличных культур в РФ.

Базу для развития масложирового подкомплекса РФ создают высокие урожаи масличных культур в регионах РФ, в том числе в регионах Сибири (Сибирского федерального округа (СФО)). С 2016 по 2021 гг. валовый сбор масличных культур регионов СФО увеличился в три раза, основной масличной товарной культурой является яровая рапс. В СФО имеются значительные резервы по дальнейшему увеличению посевных площадей масличных культур. Помимо ресурсного потенциала, одним из конкурентных преимуществ масложирового подкомплекса АПК СФО является открытость макрорегиона по фитосанитарным требованиям для доступа на рынок Китая – крупнейшего импортера масложировой продукции.

На мировом продовольственном рынке востребованы все растительные масла и шроты, различные жиры и продукты глубокой переработки, соответственно у всех продуктов переработки масличных культур высокий экспортный потенциал [1]. Среди направлений использования продукции масложирового подкомплекса АПК пищевое, кормовое, техническое и прочее назначение.

Доминирующая товарная позиция среди масложировой продукции СФО реализуемой на экспорт – это масличное сырье, в частности семена рапса и льна. В 2022 г. экспорт за рубеж семян рапса организациями и предприятиями АПК СФО занял второе место (после Северо-Западного федерального округа). Более половины объемов данной продукции (55%) приходится на организации

Новосибирской области. Основными регионами Сибири, производящими зерновые и масличные и экспортирующими их, являются Алтайский и Красноярский края, Омская и Новосибирская области. В результате, СФО обеспечивает 35% всего экспорта семян рапса из РФ и 31% экспорта масличного льна.

По данным ФТС, за анализируемый период с 2019 г. по 2021 г. экспорт масложировой продукции СФО увеличился на 90 млн долл. США в стоимостном объеме и сократился на 115 тыс. тонн в физическом и в 2021 году составил 346,9 млн долл. США и 459 тыс. тонн соответственно (табл. 10.5).

Таблица 10.5

Динамика экспорта масложировой продукции* СФО 2019–2021 гг.,
млн долл. США

Субъект СФО	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2021 г. к 2019 г. млн долл
	млн долл	%	млн долл	%	млн долл	%	
Алтайский край	115,8	45,1	153,3	36,5	130,7	37,7	14,9
Красноярский край	13,2	5,1	31,3	7,5	4,9	1,4	-8,4
Иркутская область	16,7	6,5	22,4	5,3	15,1	4,4	-1,6
Кемеровская область	3,4	1,3	14,8	3,5	4,1	1,2	0,7
Новосибирская область	38,2	14,9	91,9	21,9	81,9	23,6	43,7
Омская область	66,7	26,0	85,9	20,4	96,6	27,8	29,9
Томская область	2,5	1,0	18,4	4,4	9,7	2,8	7,2
Республика Алтай	0,2	0,1	0,8	0,2	3,2	0,9	3,0
Республика Хакасия	0,0		1,4	0,3	0,7	0,2	0,7
Республика Тыва	0,0	0,0					0,0
ИТОГО:	256,9	100	420,2	100	346,9	100	90,0

*ТН ВЭД (1201, 1204-1207, 1507, 1512, 1514, 1517, 2304)

Среди регионов лидеров СФО, которые вносили существенный вклад в объем экспортной выручки от реализации масложировой продукции Алтайский край, Новосибирская и Омская области.

Товарная номенклатура масложировой продукции регионов СФО за анализируемый период включала масличные культуры и продукты их переработки. Основные экспортные направления поставок масложировой продукции регионов СФО – это страны Азии, СНГ, отдельные Европейские страны. Одной из доминирующих стран экспортных поставок масложировой продукции из Сибири является Китай (в 2019 г. – 69,4%, в 2020 г. – 83%, 2021 г. – 63% от общего объема экспортной выручки).

Анализ стабильности спроса показал, что масложировая продукция регионов СФО на внешних рынках не имеет устойчивого спроса и большинство анализируемых ТН ВЭД входят в категорию товаров с изменчивым объемом продаж. При этом динамика мирового импорта масличных культур, продуктов их переработки и масложировой продукции за анализируемый период демонстрировала стабильность объемов импортных поставок. Ситуацию в СФО можно объяснить нереализуемой региональными сельскохозяйственными товаропроизводителями стратегии охвата внешних рынков и как следствие отсутствие долгосрочных контрактов с зарубежными партнерами на реализацию масложировой продукции [2].

В долгосрочной перспективе СФО потребуются совершенствование структуры агроэкспорта, заменяя экспорт сырьевых сельскохозяйственных товаров продукцией перерабатывающей промышленности с высокой добавленной стоимостью, и стимулирование развития производства и экспорта продукции, в которой округ имеет конкурентные преимущества [3-5].

Перспективными направлениями для развития масложирового подкомплекса АПК Сибирского макрорегиона являются организация переработки и глубокой переработки масличных культур на основе использования современных технологий безотходного производства с целью создания продукции с высокой добавленной стоимостью для насыщения внутреннего рынка и увеличения потребления масложировой продукции, а также наращивания экспортных поставок на целевые рынки.

Создание специального кластера совместных предприятий с иностранными инвестициями могут стать решением обозначенной стратегической задачи.

Для дальнейшего стимулирования и повышения качественных показателей экспорта продукции масложирового подкомплекса АПК в регионах Сибири в рамках кластерного подхода необходимо осуществить отбор наиболее перспективных предприятий для выхода на крупнейшие целевые мировые продовольственные рынки. Совокупность таких предприятий должны сформировать ядро кластера, иметь специализацию в кластере и представлять собой интегрированную совокупность конкурентоспособных предприятий масложирового подкомплекса АПК субъектов СФО, сосредоточенных на территории округа и объединенных современными логистическими решениями и цифровыми технологиями в управлении цепями поставок, которые позволят нейтрализовать территориальную удаленность между предприятиями и субъектами СФО, а также занять макрорегиону лидирующие позиции в агроэкспорте страны. На текущий момент СФО занимает четверть территории страны, включает десять субъектов РФ, но при этом обеспечивает всего около 5% общероссийского экспорта продукции АПК РФ [6].

Для обретения международного статуса кластера особое значение имеет создание структуры бренда кластера и системы интегрированных маркетинговых коммуникаций, формирование соответствующего идентичности бренда экспортного портфеля масложировой продукции регионов Сибири для целевых рынков.

Отдельным и обязательным условием создания экспортно-ориентированного кластера является вовлечение иностранных компаний в развитие кластера в соответствии с действующими соглашениями о торгово-экономическом сотрудничестве с союзными государствами и дружественными странами.

Функционирование экспортно-ориентированного кластера ориентировано исключительно на обеспечение более высокой степени сотрудничества и уровня заинтересованности отечественных предприятий масложирового подкомплекса АПК СФО на внешнем рынке. Для организации начальных этапов осуществления экспортной деятельности предприятиями АПК: разовые торговые сделки, создание экспортно-импортных служб, открытие торговых представительств уже создана необходимая институциональная инфраструктура поддержки экспорта в рамках уже реализуемых национального и федеральных проектов («Международная кооперация и экспорт», «Экспорт продукции АПК»).

Совместные предприятия представляют собой форму стратегического партнерства в экономике, создаваемые в целях практической реализации масштабных проектов общегосударственной значимости в ключевых отраслях экономики [7, 8]. К таким проектам можно отнести подотрасли глубокой переработки зерновых и масличных культур. Данные подотрасли являются новыми направлениями развития российского АПК и к их отличительным особенностям можно отнести капиталоемкость и высокотехнологичность [9]. До 2024 г. в рамках реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК» предусмотрено всего шесть экспортоориентированных проектов по развитию масложировой отрасли, реализация которых планируются в СФО. При этом на территории округа не запланировано ни одного проекта по глубокой переработке масличных культур. Особенности проектов в масложировой отрасли определяются длительным сроком их реализации и оценивается в среднем в 5,2 года и стоимостью 4,8 млрд руб на один проект [9].

Преимуществом совместных предприятий является значительное влияние на экономику регионов, в которых они создаются для реализации совместных проектов, способствуя притоку инвестиций, улучшению социально-экономической обстановки в регионах, а также инновационному развитию отраслей экономики [7].

Единичные примеры в отдельных сферах российской экономики доказывают преимущества развития совместных предприятий в российской экономике как с точки зрения государственного бюджета, так и социально-экономического развития страны [10]. Вместе с тем подобные примеры стратегических партнерств в сферах АПК не получили широкого распространения. При этом среди реализуемых проектов в сфере АПК РФ можно наблюдать существенные иностранные вложения в проекты по производству продуктов питания, которые оцениваются от 10-50 млрд руб (табл. 10.6).

Крупнейшие инвестиционные проекты России
с участием иностранного капитала (фрагмент, сфера АПК) [10]

№	Проект	Отрасль	Иностранные инвесторы/соинвесторы	Инвестиции, млрд. рублей
1.	Строительство молочных комплексов с общим поголовьем КРС в 50 тыс. голов	АПК	«ЭкоНива»	50
2.	Создание кластера по производству продуктов питания	АПК	Unilever	12,5
3.	Строительство завода солевых снеков	АПК	PepsiCo	12
4.	Строительство завода по производству кормов для домашних животных	АПК	Nestle	10

Среди инвесторов часто присутствуют крупнейшие транснациональные компании (ТНК) ведущих экономик мира. Данное обстоятельство можно объяснить сложившейся культурой и стремлением зарубежных компаний вкладывать средства в конкурентоспособные производства и устоявшиеся центры инвестиций – кластеры.

В регионах СФО в публичных источниках информации все чаще появляются сведения об инициативах и планах отдельных сельскохозяйственных товаропроизводителей субъектов СФО сотрудничества с зарубежными инвесторами и реализации ими проектов развития масложировой отрасли, в частности с партнерами из Китая.

Для дальнейшего развития масложирового подкомплекса АПК Сибири в рамках экспортно-ориентированной модели особое внимание должно уделяться совместным предприятиям как перспективной и наивысшей форме стратегического партнерства. Создание совместных предприятий предполагает соединение иностранных и отечественных инвестиций [11]. Совместное предпринимательство является реальным направлением созидательного взаимодействия потенциалов различных стран мира [11]. В частности, для субъектов масложирового подкомплекса АПК СФО интерес представляют совместные Сибирско-китайские предприятия. Выбор Китая как стратегического партнера обусловлен следующими причинами.

Во-первых, у России с Китаем дружественные отношения и страна является крупнейшим импортером масложировой продукции.

Во-вторых, Россия для Китая целевой рынок сбыта машин и оборудования, особенно в условиях замещения западных технологий, учитывая, что экс-

портоориентированные проекты по глубокой переработке продукции требуют современных технологичных решений и оборудования.

Во-третьих, СФО уже имеет каналы сбыта и положительную динамику продаж масложировой продукции в Китай, а также инициативы по созданию совместных предприятий с иностранными инвестициями из Китая.

В целях обеспечения устойчивости и масштабирования поставок сибирской масложировой продукции с добавленной стоимостью высокого технологического передела требуется объединение усилий сельскохозяйственных товаропроизводителей Сибири и инвесторов из Китая.

Создание совместных предприятий с иностранными инвестициями партнеров зарубежных стран и кластера экспортноориентированных конкурентоспособных предприятий масложирового подкомплекса АПК Сибири предполагает достижение задач:

- создание центра инвестиций и инноваций в АПК, что соответствует культуре предпринимательства в крупнейших экономиках мира для организации международного сотрудничества;

- выпуск масложировой продукции для удовлетворения потребностей внутреннего рынка с учетом наличия устойчивого спроса на эту продукцию за рубежом;

- привлечение в экономику макрорегиона современных технологий и оборудования для осуществления переработки и глубокой переработки масличных культур, что особенно актуально в современных геополитических условиях и снятия зависимости РФ от технологий Запада;

- увеличение объемов экспорта на основе выпуска конкурентоспособной масложировой продукции и повышение ее узнаваемости на мировом продовольственном рынке;

- создание современных производств высококачественной масложировой продукции, соответствующей международным стандартам качества;

- сокращение импорта масложировой продукции в пользу продукции отечественного производства и формирование новой культуры потребления продукции со сбалансированным жирнокислотным составом;

- привлечение иностранных капиталовложений и получение доступа к дополнительным материальным и финансовым ресурсам, преференциям и льготам;

- повышение квалификации кадров в области технологии, организации и управления.

Условиями достижения обозначенных целей являются:

- участники совместных предприятий нацелены на долгосрочное сотрудничество;

- сотрудничество предполагает значительные финансовые инвестиции в проект со стороны обеих участников совместных предприятий;

- создана отдельная организационная структура и центр управления кластером, осуществляющий стратегическое планирование и определение долгосрочных целей его развития;

– тесное взаимодействия участников совместных предприятий осуществляется в соответствии со стратегиями взаимодействия и конкретными формами сотрудничества в рамках кластера и объединения юридических лиц;

– сфера детальности участников кластера законодательно регулируется и стимулируется для достижения стратегических целей и задач.

Практическая ценность создания кластера заключается в привлечении инвестиций в производства масложирового подкомплекса АПК, формирование добавленной стоимости масложировой продукции, наращивание конкурентного преимущества и реализация экспортного потенциала АПК регионов Сибири. В перспективе в зависимости от экспортного интереса потребуются привлечение не только китайских инвестиций, но и инвестиций из Индии, а также других азиатских стран, например, Юго-Восточной Азии.

Таким образом, совместные предприятия с иностранными инвестициями представляют собой «окно возможностей» для реализации экспортного потенциала масложирового подкомплекса АПК Сибири и выступают инструментом ликвидации сырьевой ориентации агроэкспорта.

Литература

1. Чепелева К. В. Цифровые технологии для оценки земельного потенциала и развития масличного производства Сибири // Наука, технологии, общество: экологический инжиниринг в интересах устойчивого развития территорий: сборник научных трудов III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Красноярск: Общественное учреждение «Красноярский краевой Дом науки и техники Российского союза научных и инженерных общественных объединений», 2022. – С. 528-535.
2. Шелковников С.А., Овсянко Л.А., Чепелева К.В. Экономическая эффективность и перспективы развития масличного производства в Красноярском крае // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2023. – № 1. – С. 16-25.
3. Лубкова Э. М., Ермолаева Г. С., Зубова А. В. Инновации и инвестиции в АПК: проблемы и перспективы // 65 лет ДонГТИ. Наука и практика. Актуальные вопросы и инновации: сборник тезисов докладов юбилейной международной научно-технической конференции. – Алчевск: Донбасский государственный технический институт, 2022. – С. 67-68.
4. Самохвалова А. А. Концепция управления АПК региона на инновационной основе // Промышленная политика и безопасность. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 79-92.
5. Рудой Е.В., Петухова М.С., Лаврищев И.Е. Улучшение качества питания жителей Сибири путем производства биологизированных функциональных продуктов // Достижения науки и техники АПК. – 2022. – Т. 36, № 11. – С. 86-90.
6. Шелковников С.А., Чепелева К.В. Возможности и перспективы Сибирского федерального округа в международной торговле продукцией АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2022. – № 4. – С. 22-30.
7. Кузнецов И.А. Развитие форм стратегического партнерства: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2015.
8. Колесняк, А. А. Некоторые итоги продовольственной стратегии России, Китая и Японии / А. А. Колесняк, Н. М. Полянская // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 5. – С. 62-79.
9. Развитие инвестиционного потенциала экспорта продукции АПК России (2021 г.) / Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России [Электронный ресурс]. // URL: <https://regions.aemcx.ru> (дата обращения 10.09.2023).
10. Кисин С. ТОП-25 крупнейших инвестиционных проектов России с участием иностранного капитала // Вестник экономики Евразийского союза. – 2021. – № 1. – С. 34-35.
11. Внешнеэкономическая деятельность: учебник / под ред. Е. Ф. Прокушева. – М.: Юрайт, 2023. – 479 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Диденко Николай Иванович – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: didenko.nikolay@mail.ru

Скрипнюк Джамиля Фатыховна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: djamilyas@mail.ru

Киккас Ксения Николаевна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
E-mail: hekikkas@gmail.com

Дятлов Сергей Алексеевич – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: oetdsa@yandex.ru

Миропольский Дмитрий Юрьевич – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: miropolskiy1959@mail.ru

Миэринь Лариса Алесандровна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: mierin.l@unecop.ru

Нинциева Галина Васильевна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: nincieva@yandex.ru

Поддубная Олеся Николаевна – к.ф.-м. н., доцент,
Белорусский государственный экономический университет
E-mail: poddubnaia.o@bseu.by

Пшеничникова Светлана Николаевна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: sveta_nikolaevna@list.ru

Федотов Владимир Александрович – Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
E-mail: fedotov.vladimir@yahoo.com

Хайкин Марк Михайлович – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский горный университет
E-mail: marcmix.spb@gmail.com

Якшибаева Гульнара Вахитовна – к.э.н., доцент,
Уфимский университет науки и технологий
E-mail: Gulnara270271@yandex.ru

Борщ Людмила Михайловна – д.э.н., профессор,
Институт экономики и управления, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского»
E-mail: l-borsh49@mail.ru

Джалал Мир Абдул Каюм – д.э.н., профессор,
Институт экономики и управления, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского».
E-mail: akjallal@mail.ru

Герасимова Светлана Васильевна – д.э.н., профессор,
Физико-технический институт, Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского
E-mail: svetlana-gerasimova-68@mail.ru

Камышова Анна Борисовна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
e-mail: kamyshova76@mail.ru

Лякин Александр Николаевич – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: a.lyakin@spbu.ru

Макаров Анатолий Николаевич – д.э.н., профессор,
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия
E-mail: makarovfksu@yandex.ru

Сопина Наталья Владимировна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Email: nsopina@mail.ru

Харламов Андрей Викторович – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: Kharlamov_2000@list.ru

Дробот Елена Валерьевна – к.э.н.,
Первое экономическое издательство
E-mail: elenadrobot@mail.ru

Дерзаева Гузель Габделхаковна – к.э.н., доцент,
Казанский федеральный университет
E-mail: guzelchan@mail.ru

Лю Пэн – Южный федеральный университет
E-mail: 1586980769@qq.com

Плотников Владимир Александрович – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Фейгин Григорий Феликсович – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-Mail: fgrig@list.ru

Белокрылов Кирилл Анатольевич – к.э.н., доцент,
Южный федеральный университет
E-mail: kbelokrylov@yandex.ru

Орлова Динара Рустемовна – д.э.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: DROrlova@fa.ru

Охрименко Сергей Антонович – д.э.н., профессор,
Молдавская экономическая академия
E-mail: osa@ase.md

Черней Валериу Андрей – Молдавская экономическая академия
E-mail: valeriu.cernei@bsd.md

Трофимов Евгений Александрович – д.э.н., профессор,
Байкальский государственный университет
E-mail: TrofimovEA2014@yandex.ru

Белокрылова Ольга Спиридоновна – д.э.н., профессор,
Южный федеральный университет
E-mail: belokrylova@mail.ru

Мин Хуа Го – Южный федеральный университет
E-mail: 1003437497@qq.com

Гарипов Айнур Фаннурович – Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: garipovv@gmail.com

Ивановская Анна Валериевна – к.э.н., доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: anna_ivanovski@mail.ru

Дмитриев Антон Леонидович – к.э.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: dmitr7171@mail.ru

Ильясов Анатолий Анатольевич – ст. преподаватель,
Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
E-mail: anatoliy_ilyasov@mail.ru

Ююкина Татьяна Игоревна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.
E-mail: uu2003@mail.ru

Василенко Наталья Валерьевна – д.э.н., профессор,
Международный банковский институт имени Анатолия Собчака
E-mail: nvasilenko@mail.ru

Верстина Наталья Григорьевна – д.э.н., профессор,
Московский государственный строительный университет.
E-mail: verstina@mail.ru

Искандаров Далер Зарифович – преподаватель,
Московский государственный строительный университет
E-mail: iskandarovdaler@gmail.com

Горелько Алеся Валерьевна – ст. преподаватель,
Институт бизнеса Белорусского государственного университета
E-mail: alexis_carrie@mail.ru

Даваасурэн Авирмэд – д.э.н., профессор,
Институт международных исследований Монгольской академии наук

Слепнева Людмила Романовна – д.э.н., профессор,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Найданова Эржена Батожаргаловна – к.э.н., доцент,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Иванова Анна Юрьевна – Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: annaivanovane@mail.ru

Винокуров Степан Степанович – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: stepan_vinokurov@mail.ru

Махновский Дмитрий Евгеньевич – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: dmahnovskiy-62@mail.ru

Медынская Ирина Вильевна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: irinamedyn@mail.ru

Ожигина Вера Владимировна – к.э.н., доцент,
Белорусский государственный экономический университет
E-mail: vera@ozhigina.com

Харисова Фирдаус Ильясовна – д.э.н., профессор,
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
E-mail: firdavsun@mail.ru

Исхакова Гулия Махмутовна – ст. преподаватель,
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет
E-mail: gulia1201@yandex.ru

Чжан Ваньтин – к.э.н., доцент,
Исследовательский Центр «ОПОП» и «ЕАЭС» при Северо-Западном университете
E-mail: jaysee_chang@163.com

Ван Цзюньтао – Высшая школа международных отношений гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: juntao2013@yandex.ru

Шкварок Владимир Михайлович – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: shkvarok@mail.ru

Соболева Владислава Олеговна – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: vladislava_soboleva@vk.com

Губская Наталья Николаевна – к.э.н., доцент,
Московский университет имени С.Ю. Витте
E-mail: miria43495@gmail.com

Ниязбекова Шакизада Утеулиевна – к.э.н., доцент,
Московский университет имени С.Ю. Витте
E-mail: shakizada.niyazbekova@gmail.com

Давыдова Татьяна Евгеньевна – к.э.н., доцент,
Воронежский государственный технический университет
E-mail: tedav@rambler.ru

Еремеев Максим Александрович – к.э.н., доцент,
ООО «Центр профессионального менеджмента «Академия бизнеса»
E-mail: maxon2005@yandex.ru

Кудрова Надежда Анатольевна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии.
E-mail: kudrova-n@list.ru

Кузьминых Юлия Валерьевна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии.
E-mail: july_lta@rambler.ru

Леонов Сергей Андреевич – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
E-mail: sergey-leonov@mail.ru

Литвинова Наталья Александровна – Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: hinode-nata@mail.ru

Полянская Наталья Михайловна – к.э.н., доцент,
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
E-mail: natali_mz@mail.ru

Боркова Елена Аркадьевна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: e.borkova@mail.ru

Бровко Наталья Анатольевна – д.э.н., профессор
Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента
Б.Н. Ельцина.
E-mail: nbrovko@list.ru

Борисенко Наталья Алексеевна – к.э.н., доцент,
Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента
Б.Н. Ельцина.
E-mail: natali7785@mail.ru

Верстин Николай Александрович – Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
E-mail: verstinnick@gmail.com

Цуверкалова Ольга Феликсовна – д.э.н., доцент,
Волгодонский инженерно-технический институт – филиал НИЯУ МИФИ
E-mail: oftsuverkalova@mephi.ru

Дубовик Майя Валериановна – д.э.н., профессор,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: mvdubovik@list.ru

Дмитриев Сергей Геннадьевич – к.э.н., научный сотрудник,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: sergey.g.dmitrieff@gmail.com

Каргинова-Губинова Валентина Владимировна – к.э.н., доцент,
Институт экономики Карельского научного центра РАН
E-mail: vkarginowa@yandex.ru

Мантаева Эльза Ивановна – д.э.н., профессор,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
E-mail: mantaeva08@yandex.ru

Голденова Виктория Сергеевна – к.э.н., доцент,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
E-mail: goldenova-vs@yandex.ru

Слободчикова Инна Валентиновна – к.э.н., доцент,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
E-mail: slobodchikova-iv@yandex.ru

Селищева Тамара Алексеевна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: selishcheva@list.ru

Спиридонова Наталья Валерьевна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

Бродский Григорий Михайлович – ПАО «Промсвязьбанк»
E-mail: grigorybrodsky@gmail.com

Ключников Игорь Константинович – д.э.н., профессор,
Международный банковский институт им. А. Собчака
E-mail: igorkl@list.ru

Ключников Олег Игоревич – к.э.н., доцент,
Международный банковский институт им. А. Собчака
E-mail: okey003@mail.ru

Молчанова Ольга Александровна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: oamolchanova@list.ru

Стрижевич Александра Сергеевна – Белорусский государственный экономический университет
E-mail: astrizhevich@list.ru

Тавбулатова Зулай Кариевна – д.э.н., доцент,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
E-mail: eva_didi@inbox.ru

Хаханаев Умар Сайд-Эмиевич – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
E-mail: desperade@mail.ru

Цареградская Юлия Константиновна – д.э.н., профессор,
Московский государственный институт (университет) международных отношений (Одинцовский филиал)
E-mail: ukmsal@mail.ru

Бабкина Людмила Николаевна – д.э.н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова
E-mail: lnbabkina_6@mail.ru

Скотаренко Оксана Вячеславовна – д.э.н., профессор,
Мурманский арктический университет, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва.
E-mail: ksen-13@mail.ru

Давиденко Людмила Михайловна – к.э.н., доцент,
Торайгыров университет
E-mail: davidenkolm@rambler.ru

Лэй Гао – Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: gaolej@yandex.ru

Пшеничников Роман Сергеевич – Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: psh.rom@yandex.ru

Шувалова Ксения Ильинична – Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Чепелева Кристина Викторовна – к.э.н., доцент,
Красноярский государственный аграрный университет
E-mail: kristychepeleva@mail.ru

Родионова Татьяна Николаевна – к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: pechura@bk.ru

Левкович Анна Павловна – к.э.н., доцент,
Белорусский государственный экономический университет
E-mail: anna.levkovich@mail.ru

Научное издание

**ГОСУДАРСТВО И РЫНОК:
ЕВРАЗИЙСКАЯ ДОМИНАНТА РАЗВИТИЯ
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА**

Коллективная монография

Под редакцией

*доктора экономических наук, профессора С.А. Дятлова
доктора экономических наук, профессора Д.Ю. Миропольского
доктора экономических наук, профессора Т.А. Селищевой*

Верстка Л.А. Солдатовой

Подписано в печать 15.12.2023. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 39,75. Тираж 500 экз. Заказ 1101.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ